

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМА XIII. 1885 г.

Сентябрь, 1885 г.

	стр.
I. КЪ ИСТОРИИ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССИИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ ПРОЕКТА НОВАГО УЛОЖЕНИЯ. Дмитрия Багалъя	1
II. ДАРЬ ПЯТЬДЕСЯТНИЦЫ И НАШИ ПЕРВОУЧИТЕЛИ. (Посвящено памяти И. И. Костомарова, сказано въ торжественномъ собраний славянского общества 13 мая 1885 г.). Ор. Миллера	31
III. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОEVОДА КИЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653.—(Историко-биографический очеркъ)	51
IV. МАЛОУРУССКАЯ ПОХОРОННАЯ ПРИЧЕТЬ И МНОЧЕСКОЕ ЕЯ ЗНАЧЕНИЕ. С. Брайловскаго	73
V. СТАРОСВѢТСКИЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-тъ годовъ XIX ст.). (<i>Продолженіе</i>). И. Левицкаго	85
VI. ДВѢ ЗАЛИСКИ СЕНатора Е. О. ФОНЪ-БРАДКЕ, СОСТАВЛЕННЫЯ ПО ОБРЕВИЗОВАНИИ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВЪ 1850—1851 ГГ.	128
VII. ГРАМОТА ПАТРІАРХА АДРІАНА КІЕВСКОМУ МИТРОПОЛІТУ ВАРЛААМУ ЯСИНСКОМУ. (По жалобѣ кіевскаго войта и мѣщанъ на незаконныя вѣкотория распоряженія митрополита).	139
VIII. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 47. С.-Петербургъ. 1885 г.— <i>И. Каманина</i> .—б) А. Барбашевъ. Витошъ и его политика до грюнвальденской битвы (1410 года). Спб. 1885 г.— <i>И. Каманина</i> .—в) И. А. Кулишъ. Байза, князь Вишневецкій, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. С.-Петербургъ. 1885 г. <i>А. Степовица</i>	145
IX. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Остатки братства и цеховъ въ Полтавщинѣ.— <i>К. Василенка</i> .—б) Стефанъ Яворскій въ двойной роли хва-	

лятеля и обличителя Мазепы.—Сообщ. <i>В. Науменко</i> .—в) Шуточные стихи начала прошлого века.—Сообщ. <i>В. Науменко</i> .—г) По поводу возстановления киево-межигорского монастыря, не сколько свидѣній къ его истории.— <i>Ал. Андрієвська</i> .—д) Брошенный изъ-за угла камень.— <i>П. Кулиша</i> .—е) Пѣсня на князя Доминика Заславского.—Сообщ. <i>И. С.</i> —ж) Изъ народныхъ рассказовъ о величияхъ и пятницѣ).—з) Народная пѣсня о Шевченкѣ.—Сообщ. <i>Мих. Васильевъ</i> .	159
Х. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728 — 1753 г.) (Продолженіе)	193 — 208

Октябрь, 1885 г.

Объявление объ изданіи журнала «Киевская Старина» на 1886 г.	
I. КОЛІЧНІ СУДЫ ВЪ ЛЬВОВЕРЕЖНОЙ УКРАЇНѦ. Александры Е.	108
II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?) — 1653 г.—(Историко-біографіческий очеркъ). (<i>Продолженіе</i>)	204
III. ДВЪ СТАРЫЯ УКРАИНСКІЯ НІСНИ II по ПОВОДУ ІХЪ. Бориса Познанскаго	220
IV. ИВАНЪ ПОДКОВА. Исторический разсказ.—(Переводъ съпольскаго)	243
V. НЕСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВЪ КЪ ИСТОРИИ ГАЙДАМАЧИНЫ. А. Скальковскаго	277
VI. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Александръ Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Ки. I — IV. Спб. 1881 — 1884 г.— <i>И. Каманина</i> .—б) А. А. Матвеевъ. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россії. Одесса. 1884 года.— <i>И. Каманина</i> .—в) Разсказы изъ русской истории XVIII в. по архивнымъ документамъ. А. Барсукова. Спб. 1885 г.— <i>К. Цыбульська</i> .—г) Александръ Андріевскій.—Исторические материалы изъ архива киевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 9-й. Киевъ. 1885 г.— <i>К. І.</i>	319
VII. ИЗВѦСТИЯ И ЗАМѦТКИ: а) Исторические материалы архива полтавской казенной палаты.— <i>Л. Падалки</i> .—б) Любопытныя рукописи одновъ частной библіотеки.—Сообщ. <i>А. А. Синигцкій</i> .—в) Двадцатипятилѣтіе Херсонскихъ Епархиальныхъ Вѣдомостей.— <i>В. Истrebова</i> .—г) Изъ народныхъ преданий о запорожцахъ.— <i>Л. П. Погорукко</i> .—Изъ народныхъ рассказовъ въ Новороссії.—д) Письмо Августа II, короля польскаго, къ Семену Палю.—Сообщ. <i>Сконо</i> .—е) Воспрещеніе гетмановъ Скоропадскими сборовъ на «разлѣць».—ж) Изъ письма въ редакцію (Пещера въ лебединскомъ лѣсу и остатки старинной	

III

СТР

живописи въ лебединскомъ монастырѣ). — <i>Мих. Васильева.</i> — 3) Какъ разсудилъ пашъ староста Каневскій. — <i>Б. И.</i>	333
VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) (<i>Продолжение</i>).	209—224

Ноябрь, 1885 г.

Объявленіе объ изданіи журнала «*Киевская Старина*», на 1886 г.

I. СТАРѢЙШІЯ РУССКІЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ. П. Кузьмичевскаго.	371
II. АДАМЪ КІОЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.— (Историко-біографіческій очеркѣ). (<i>Продолженіе</i>). И. Новицкаго . . .	408
III. АВТОБІОГРАФІЯ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА, ПИСАННАЯ ДЛЯ «НАРОДНОГО ЧТЕНИЯ».	431
IV. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЇНІ 1863 Г. Б. Познанскаго.	436
V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮНКИ И МАТУШКИ. (Новѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). (<i>Оконченіе</i>). И. Левицкаго	466
VI. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Л. В. Ильяшевичъ. Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства. Харьковъ. 1885 г.— <i>И. Каманина.</i> — б) Великорусскій и малорусскій языки. Изъ членій дра Карла Абеля въ оксфордскомъ университѣтѣ по сравнительной лексикографії. Перевѣсь съ англійскаго Рудольфъ Длапецъ. Лейпцигъ и Берлинъ. 1885 г.— <i>Н. Дашиевича</i> —в) Изслѣдованіе о кладахъ волынской губерніи. Житомиръ. 1885 г.— <i>Н. Голубовскаго</i>	520
VII. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ народныхъ преданій о Гетманщинѣ, Запорожжѣ и Черноморѣ. — Сообщ. <i>Порфирий Мартынович</i> . — б) Письмо къ другу отъ офицера, находящагося въ Киевѣ. — Сообщ. <i>В. Н. Ястребовъ</i> . — в) Старинныя орудія наказанія и исправленія. — Сообщ. <i>Ио Новицкаго</i> . — г) Два слова о пашѣ Каневскомъ. <i>Его же.</i> — д) Запрещеніе купальскихъ огней. — <i>П. Е.</i> — е) Вольная литературовъя упражненія въ южно-русскіхъ судахъ XVII ст.— Сообщ. <i>П. Шеболдаевъ</i> . — ж) Годичное собрание общества пр. Нестора и отчетъ о его дѣятельности за 1884—85 г.—з) Всенародное купанье вѣдьмъ въ озерѣ и судебная отъ того волокита.— <i>К. Цыбульская</i>	535
VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.). (<i>Продолжение</i>).	225—240
ОБЪЯВЛЕШІЯ.	

Декабрь, 1885 г.

Объявленіе объ изданіи журнала «Кіевская Старина» на 1886 г.	
I. ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНИИ ВЪ УКРАИНѢ 1863 Г. <i>(Окончаніе).</i> Бориса Познанскаго	571
II. АДАМЪ КІСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.—(Историко-біографіческий очеркъ). <i>(Окончаніе).</i> Ив. Новицкаго	612
III. ЕВРОНЕЙСКІЙ БАНТИЗМЪ — РОДОНАЧАЛЬНИКЪ МАЛОРУССКОЙ ШТУВДЫ	638
IV. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. <i>(Окончаніе).</i> Н. М.	651
V. НОВЪСТЬ ОБЪ ОСАДѢ Г. МИХАЙЛОВА ГЕТМАНОМЪ САГАЙДАЧ- НЫМЪ ВЪ 1618 Г.	684
VI. ДВА ПИСЬМА ИСТОРИКА Н. А. МАРКЕВИЧА О СВОЕМЪ РОДОНА- ЧАЛЬНИКЪ МАРКЪ АВРАМОВИЧЪ. Сооб. Петръ Дорошенко	689
VII. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Малоруссія літературныя новинки 1885 года.— W.—б) Къ исторії полемики между московскими и малорусскими учеными въ концѣ XVII ст., И. Шляпкина (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1885 г., октябрь).—П. С.—в) Историческое значеніе базиліанскаго ордена въ Галиції и его настоящія отношенія.—Ф. И.—г) Холмскій народный календарь на 1886 годъ. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства. Кіевъ. 1885 г.—И. Каманина. 699	
VIII. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мазепа-князь и его шляхетскій и кня- жескій гербы.—Князя А. В. Дабижи.—б) Эпизодъ изъ жизни Т. Г. Шевченка.—С—ка.—в) Въ запорожскомъ захолустії.—В. Ястrebова.—г) Знагарство, шептавье и заговоры.—И. Иванова.—д) Горо- дничий и св. Пятница.—Н. Бакая.—е) Мицкевичъ въ малорусскихъ передѣлкахъ и переводахъ.—И. Новицкаго.—ж) Французъ-путешествен- никъ на Українѣ.—В. Г—ка.—з) Іосифъ Григорьевичъ Михневичъ. <i>(Некрологъ).</i> —и) Гайдамацкая пѣсня.—В. Ястrebова	715
IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) <i>(Продолженіе).</i> 241—256	
АЛФАВІТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.	
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XIII.

СЕНТЯВРЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Норчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

КЪ ИСТОРИИ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССИИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ ПРОЭКТА НОВАГО УЛОЖЕНИЯ.

Въ исторії внутренняго развитія нашего государства 1767-й годъ отмѣченъ одною изъ самыхъ смѣлыхъ по времени и широко задуманныхъ правительстvenныхъ мѣръ,—созывомъ со всѣхъ концовъ Имперіи выборныхъ депутатовъ, для составленія проекта Нового Уложенія, которое соотвѣтствовало бы потребностямъ гражданскаго строя разнороднаго населенія государства. Какъ известно, мысль о созывѣ депутатовъ и Новомъ Уложеніи принадлежитъ самой императрицѣ Екатеринѣ II. Сборнымъ пунктомъ для депутатовъ первоначально назначена была Москва. Всѣ губерніи, уѣзды и города, всѣ правительственные учрежденія и мѣста, всѣ сословія должны были присыпать сюда своихъ депутатовъ; депутаты призывались отъ дворянства и духовенства, отъ купечества и мѣщанъ, отъ однодворцевъ, отъ податныхъ солдатъ и служилыхъ людей, отъ государственныхъ черносотенныхъ и ясачныхъ крестьянъ, казацкихъ войскъ и всѣхъ некочующихъ племенъ и народовъ. Всѣ депутаты должны были представить наказы, т. е. записки объ общественныхъ нуждахъ и желательныхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ. Депутатамъ усвоилось высокое значеніе, имъ присвоены были некоторые особыя права: они освобождались на всю жизнь отъ смертной казни и тѣлеснаго наказанія; ихъ имѣнія могли быть конфискованы только за долги; за преступленія противъ ихъ личности и собственности полагалось двойное наказаніе; сверхъ того они получали особые звания; имъ давалось также определенное

жалованье. Самое избрание въ депутаты обставлено было иѣкото-рою торжественностью, названо «обрядомъ» и велось по особой ин-струкціи, которая, вмѣстѣ съ высочайшимъ манифестомъ о созывѣ депутатовъ, была отправлена во всѣ 20 тогдашнихъ губерній. Для сбора депутатовъ въ Москву назначенъ былъ полугодичный срокъ со дня обнародованія манифеста (14 декабря 1766 г.). 30-го іюля слѣдующаго года засѣданія комиссіи, образованной изъ депутатовъ, открылись въ Москвѣ; императрица вручила ей свой собствен-ный наказъ, обрядъ управления дѣйствіями комиссіи и генераль прокурорскій наказъ; комиссія избрала для себя маршала и под-раздѣлилась на иѣсколько частныхъ комиссій, дѣятельность кото-рыхъ заключалась въ разборкѣ и обсужденіи депутатскихъ нака-зовъ и проекта законовъ по всѣмъ отраслямъ государственного благоустройства. 18 февраля 1768 года комиссія была переведена въ Петербургъ и засѣданія ея продолжались съ прежнимъ харак-теромъ до 18 декабря 1768 года, когда, по случаю турецкой войны, большое собраніе было распущено и остались только ча-стные комиссіи.

Какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ комиссія велаproto-колы или дневныя записки своимъ засѣданіямъ, о правильности коихъ заботилась сама императрица. Теперь эти протоколы изданы императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ¹⁾, а вмѣстѣ съ ними начали издаваться и самые депутатскіе наказы²⁾, которые вообще имѣютъ едва-ли не большее значеніе, чѣмъ самыя дневныя записки, такъ какъ въ нихъ и въ разясненіяхъ къ нимъ разбро-сана такая масса фактическихъ данныхъ, по которымъ историкъ можетъ воспроизвести теперь картину тогданией жизни со всѣми мѣстными ея особенностями. Къ сожалѣнію доселѣ издана лишь незначительная часть этихъ наказовъ, и сохранились-ли они всѣ въ цѣлости и какъ скоро могутъ быть изданы, намъ неизвѣстно. Тѣмъ болѣе для меня побужденій къ изданіямъ уже материаламъ

¹⁾ Въ IV, VIII, XIV, XXXII и XXXVI томахъ его «Сборника»; первые три тома изданы подъ редакціей Полѣнова, остальные—проф. Сергеевича.

²⁾ Систематическое изданіе вѣдь начато съ XLIII тома, где помѣщены наказы, даанные присутственнымъ жѣстакамъ; но и въ прежняхъ томахъ они помѣщались въ приложеніяхъ.

присоединить нѣсколько новыхъ, заимствуемыхъ мною изъ двухъ большихъ дѣлъ харьковскаго губернскаго правленія. Материалы эти рисуютъ намъ какъ самые выборы въ комиссію, какъ они происходили въ губерніи слободско-украинской, недавно передъ тѣмъ образованной изъ Слободской Украины, или слободскихъ полковъ, такъ и дальнишую роль выбранныхъ здѣсь депутатовъ. Тутъ мы видимъ губернію въ сословіяхъ и лицахъ, видимъ, кто и каковы были избиратели, какъ собирались они по группамъ и мѣстамъ, какихъ качествъ депутатовъ и кого именно избирали, какими волновались заботами, какія дѣлали заявленія и какъ эти заявленія проводились и поддерживались выборными въ самой комиссіи. Все это имѣеть, какъ мяѣ кажется, не только мѣстный, но и общиій историческій интересъ. Начнемъ съ открытія выборовъ.

Покойный Полѣновъ, одинъ изъ редакторовъ по изданію материаловъ екатерининской комиссіи, рассказалъ намъ исторію депутатскихъ выборовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, замѣчаетъ: «въ другихъ городахъ, и можно сказать почти цвсемѣстно, выборы происходили такимъ-же образомъ, какъ и въ столицахъ»¹⁾). Относительно общаго порядка это совершенно вѣрно: вездѣ выборы проходили по одной и той-же инструкціи; но провинція въ примѣненіи инструкції даетъ много характерныхъ и въ бытовомъ отношеніи интересныхъ подробностей. Такъ было и въ новообразованной слободско-украинской губерніи. Вотъ какъ начались и производились здѣсь выборы.

Въ то памятное время харьковскимъ губернаторомъ былъ Щербининъ. На его имя присланы и отъ него разсыпались экземпляры высочайшаго манифеста о комиссіи для составленія проекта Нового Уложенія. Отдельными учрежденіями въ Харьковѣ были тогда Коллегіумъ, Вотчинная Контора и Духовное Правленіе; они первые и получили манифестъ. Губернія дѣлилась тогда на 5 провинцій, а каждая провинція на известное число комиссарствъ; въ каждую провинцію было отправлено по 150 экземпляровъ манифеста и «обряда», выборовъ, а въ харьковскія комиссарства по 50. Разсылка производилась съ парочными, посредствомъ эстафетъ. Начальники провинцій, по тогдашнему

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. IV, стр. 23.

названием «правящие воеводскую должность», разсыпали манифестъ комиссарамъ, комиссары по мѣстечкамъ. Въ три слѣдующіе затѣмъ воскресные дни манифестъ читанъ быть въ церквяхъ и ратушахъ; дворянамъ дѣлалась особая честь, каждому изъ нихъ давалось по одному печатному экземпляру. По общему отъ губернатора ваказу жители мѣстечекъ должны были прислать своихъ повѣренныхъ въ комиссарства для выбора уѣздныхъ повѣренныхъ къ 15 марта, уѣзжные повѣренные явиться въ провинціальные города для выбора провинціального депутата къ 18 марта, дворяне и земельные собственники, не положенные въ окладъ, стѣбжаться въ провинціальные города къ 18 марта, а жители города Харькова и остальныхъ четырехъ провинціальныхъ городовъ приступить къ выборамъ 26 марта. Въ Харьковѣ выборы производились подъ непосредственнымъ наблюдениемъ самого Цербипина, въ провинціяхъ подъ наблюдениемъ «правящихъ воеводскую должность», а въ комиссарствахъ подъ наблюдениемъ комиссаровъ. Заготовлялись списки избирателей, баллотировочные ящики, шары и т. п. Все населеніе пришло въ необычное движеніе; выборы не касались лишь «подданныхъ», т. е. владѣльческихъ и монастырскихъ крестьянъ. Дворяне и жители городовъ *непосредственно* выбирали изъ своей среды депутатовъ, войсковые обыватели предварительно должны были выбрать повѣренныхъ, которые уже изъ своей среды выбирали депутата. Права послѣднихъ были такимъ образомъ ограничены по сравненію съ дворянами и горожанами, и сдѣлано это было, по всей вѣроятности, для того, чтобы каждое изъ этихъ сословий выставило по равному числу депутатовъ: дворяне 5, горожане 5 и войсковые обыватели тоже 5, всего 15.

Приступили къ составленію списковъ избирателей, въ томъ числѣ и дворянъ; но тутъ на первыхъ-же порахъ встрѣтилось неожиданное недоумѣніе. Дворянъ въ точномъ смыслѣ этого слова въ слободско-украинской губерніи изъ природныхъ жителей не оказалось; были только владѣльцы населенныхъ и не населенныхъ мѣстностей, выходившіе изъ рядовъ полковой и сотенной старшини. Но наплось не мало пришлыхъ людей, которыхъ нельзя было не признать настоящими дворянами; то были въ большей части великокорусскіе и вностранные, военные и гражданскіе чины, владѣвшіе крупною поземельною собственностью на территоріи слободско-украинской гу-

бергіи, вмѣстѣ съ подданными и значительнымъ количествомъ настоящихъ крѣпостныхъ крестьянъ, большою частью переведенныхъ изъ сѣверныхъ губерній. Возникшес недоумѣніе разрѣшено, кажется, въ томъ смыслѣ, что обѣ означенныи группы землевладѣльцевъ соединились для выборовъ, но въ протоколахъ и на подписахъ каждая шла подъ своимъ точнымъ названіемъ. Крупнейшиими по-мѣщиками-дворянами оказались слѣдующіе: *въ харьковской провинціи*—графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ, имѣвшій 1,206 душъ крестьянъ, полковникъ Матвій-Куликівскій 878, маорша Шидловская 1,325, княгиня Кантемирова 643, дѣйствительная статская советница Сивчинская 2,131, отставной секунд-маіоръ Щербанинъ 1,858; *въ сумской*—отставной полковникъ Степанъ Кондратьевъ 5,958, отставной секунд-маіоръ Анисенковъ (по женѣ Кондратьевой) 5,071, отставной ротмистръ Савичъ 709, отставной сотникъ Василій Савичъ 1,631, бунчуковый товарищъ Иванъ Лизогубъ 708, поручикъ сумскаго гусарскаго полка Куколь-Исноопольскій 622, полковникъ графъ фонъ-Волькенштейнъ 652, бунчуковый товарищъ Василій Полуботокъ 1,523, князь Голицынъ 4,514, духовникъ ея величества Дубянскій 1,792, князь Шаховской 797; *въ ахтырской*—вдова маорша Анна Надаржинская 1,315, полковникъ гусарскаго ахтырскаго полка Подгорчаки 642, вдова поручица Осипова 791, подпоручикъ преображенскаго полка Коновницынъ 905, отставной премьер-маіоръ Абаза 809; *въ изюмской*—маіоръ Зарудневъ 854, поручикъ Данилевскій 622, Осипъ Сошаальскій съ братьями 605, Краснокутская 1,283, Екатерина Шидловская, вдова маюра, 747, Настасія Захаржевская, вдова полковника, 2,614; *въ острогожской*—бригадиръ Степанъ Тевяшовъ 2,657, полковникъ Тевяшовъ 4,256, судья Федоръ Татарчуковъ 961, капитанъ Александръ Ерошевскій 847. Значительная часть этихъ крупныхъ владѣльцевъ и часть мелкихъ уклонилась отъ выборовъ; тѣмъ не менѣе количество съѣхавшихъ было все таки значительно. Въ Харьковъ прїѣхало 52 человѣка, не явилось 35 человѣкъ, послѣдніе заявили, что полагаются при выборахъ во всемъ на своихъ товарищѣй.

Въ числѣ ихъ нужно отмѣтить такихъ важныхъ владѣльцевъ, какъ графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ, графъ, генерал-аишефъ Девиерт, госпожа Дунинова, княгиня Софья Кантемирова, полковой обозный Иванъ Ковалевскій и иѣкоторые другие. Изъ числа при-

бывшихъ 52 человѣкъ троє въ самомъ началѣ неизвѣстно куда улизнули; изъ нихъ сотникъ Годуховичъ и подпрапорный Красновутскій вовсе не были разысканы, а подпрапорный Чернякъ, хотя и былъ разысканъ, по оказался пьянымъ, при началѣ выборовъ училъ замѣшательство и потому изъ собранія былъ выведенъ. Всѣ три изъ списковъ исключены. Оставшися затѣмъ приступили къ выбору изъ своей среды предводителя, и выборъ палъ на бывшаго харьковскаго полковника Матвія Куликовскаго. Вотъ что гласить объ этомъ дворянскій протоколъ. «По силѣ манифеста ея императорскаго величества отъ 14 декабря 1766 года, коимъ самодержавною ея властью повелѣно намъ нижеподписавшимся избрать въ комиссію о сочиненіи проекта Нового Уложения депутата и прислать его въ столицу ея императорскаго величества въ сенатъ, мы помѣщики-дворяне и старшины прежней козацкой службы и старшинскія дѣти, имѣющіе во владѣніи своеемъ недвижимыя имѣнія въ харьковскомъ уѣздѣ, по присланному при томъ манифестѣ *«обряду»*, въ знакъ нашего всеподданнѣшаго послушанія, прежде всего выбрали предводителемъ дворянства, для лучшаго между собой порядка, изъ своихъ собратій, нами признаннаго по чистой совѣсти способнымъ къ сей должности, отъ арміи подполковника, бывшаго слободскімъ козацкимъ полковникомъ, Матвія Прокофьевича Куликовскаго, давая ему власть на два года на случай какихъ-либо новелѣній, которая верховная власть можетъ дать нашему обществу». Приступивъ въ слѣдь за этимъ къ выбору депутата, собраніе избрало въ это званіе того-же Куликовскаго, а на мѣсто его предводителемъ былъ избранъ секундъ-маіоръ Дунинъ. Въ сумской провинції предводителемъ выбранъ отставной секундъ-маіоръ Александръ Анненковъ, а депутатомъ отставной поручикъ Андрей Кондратьевъ, въ ахтырской предводителемъ отставной полковникъ Александръ Ериловъ, депутатомъ товарищъ правящаго воеводскую должность полковой обозный Василій Боярскій; въ изюмской предводителемъ отставной секундъ-маіоръ Федоръ Кириловъ, депутатомъ отставной секундъ-маіоръ Иванъ Зарудневъ; въ острогожской предводителемъ бригадиръ Степанъ Ивановичъ Тевяшовъ, депутатомъ полковникъ Степанъ Ивановичъ Тевяшовъ. Такимъ образомъ въ числѣ выбранныхъ оказалось четверо бывшихъ козацкихъ старшинъ и одинъ офицеръ регулярныхъ войскъ.

Одновременно почти происходили городские выборы. По спискамъ полиціи, въ Харьковѣ владѣвшихъ домами и занимавшихся торговлей, промысломъ и ремеслами жителей было 200; но на выборы явилась ровно половина, т. е. 100 человѣкъ; въ числѣ ихъ значительный процентъ составляютъ отставные сотники и подпрапорные расформированныхъ слободскихъ полковъ. Собравшимся предстояло выбрать городскаго голову для наблюденія за порядкомъ въ собраний и депутата. Головою бытъ избранъ отставной сотникъ Павель Гуковскій, а депутатомъ отставной-же сотникъ Илья Ивановичъ Черкесъ. Городскіе выборы шли безъ всякихъ затрудненій, даже безъ такого казуса, какой имѣлъ мѣсто на дворянскихъ выборахъ; но не такъ благополучно окончилось составленіе депутатскаго наказа. Когда наказъ былъ написанъ и подписанъ, нѣсколько горожанъ (пять отставныхъ сотниковъ, трое отставныхъ подпрапорныхъ и нѣкоторые другие) подали губернатору Щербинину жалобу, въ которой заявляя, что наказъ, данный городскому депутату отставному сотнику Ильѣ Черкесу, они подписали подъ давленіемъ большинства «подлыхъ и безразсудныхъ» людей, которые внесли туда вовсе неподходящіе пункты, просятъ, чтобы онъ самъ разсмотрѣлъ этотъ наказъ и возвратилъ его для исправленія. Щербининъ возвратилъ наказъ съ приказаниемъ головѣ исключить изъ него нѣкоторые пункты, неприличные и вредные для губерніи, и въ другой наказъ уже не включать партикулярныхъ дѣлъ, которыя могутъ быть рѣшены судебными мѣстами.

Въ Сумахъ бытъ избранъ депутатомъ войсковой обыватель Степанъ Переクリстовъ, въ Ахтыркѣ отставной капитенармусъ Иванъ Дзюба, въ Изюмѣ казенный обыватель Иванъ Веприцкой, въ Острогожскѣ сотникъ Дмитрій Синельниковъ. Такимъ образомъ представителями ремесленниковъ, купцовъ и промышленниковъ оказались 2 сотника, одинъ капитенармусъ и двое войсковыхъ обывателей, т. е. бывшихъ слободскихъ казаковъ, и ни одного настоящаго мѣщанина. Объясняется это отчасти естественною склонностію отдавать въ выборахъ предпочтеніе людямъ выше другихъ стоящимъ, такъ что въ Петербургѣ и Москвѣ выбирали въ это время исключительно знатныхъ персонъ¹⁾), отчасти отсутствиемъ въ городахъ бывшей

¹⁾ Авсѣнко, Малороссія въ 1767 году, стр. 12—24.

Слободской Украины старожилаго мѣщанства, такъ какъ они недавно еще были полковыми городами и въ нихъ преобладающую группу населенія составляли козаки, теперь войсковые обыватели; торговлею занималась и бывшая козачая старшина, ремесленники-же были большею частію изъ людей пришлыхъ.

Классъ войсковыхъ обывателей, т. е. прежніе выборные козаки, ихъ дѣти, родственники, свойственники, подиомощники и подсусѣдки, представлялъ собою самую многочисленную группу населенія губерніи; во и онъ долженъ быть дать изъ своей среды только 5 депутатовъ. Это были по большей части жители мѣстечекъ и выбирали они не депутатовъ, а только повѣренныхъ, которыхъ отсылали въ комиссарства, где происходили новые выборы повѣренныхъ и только изъ ихъ среды уже въ провинциальныхъ городахъ выбирали уѣздныхъ депутатовъ. Выборы повѣренныхъ въ мѣстечкахъ и слободахъ и депутатовъ въ комиссарствахъ прошли вообще совершенно спокойно, за исключениемъ простодушнаго заявленія обывателей слободы Межиричъ, въ которомъ мѣстныя власти на первыхъ порахъ готовы были устроить чуть не открытый бунтъ. Дѣло происходило такимъ образомъ.

Манифестъ, «обрядъ» и инструкція о выборахъ, по полученіи ихъ въ Межиричъ, были читаны здѣсь, какъ и нездѣ, три раза въ мѣстной церкви; войсковыхъ обывателей собралось до 400 человѣкъ. Все шло чинно, въ порядкѣ, выбрали и повѣренного—Демьяна Крамарева; но когда дошло до полномочій повѣренному, составленія наказа, заявленія общественныхъ нуждъ, то произошло нѣчто неожиданное: всѣ бывшие въ сборѣ, исключая самого незначительнаго числа, говорили одно, чтобы была у нихъ по прежнему козачья служба, а новоположенный окладъ былъ отмененъ, одинъ-же изъ обывателей, Яковъ Гринченко, громко сказалъ: «кто сей новый окладъ положить, тотъ чтобы пропалъ на вѣки!» Таковъ былъ наказъ обывателей ихъ повѣренному и никакого другаго составлять они не хотѣли! Не трудно понять, какъ межирицкіе обыватели додумались до такого заявленія. Такъ недавно они были еще козаками, несли почетную военную службу, жили вольно, управлялись и судились сами, не знали никакихъ податей и сборовъ, и вдругъ конецъ всему и подушный окладъ, отъ которого не освобождались и вновь рождающіяся дѣти. Манифестъ призываѣтъ къ откровенному заявленію общественныхъ нуждъ; но какая другая могла сравниться съ этою?!

Такъ конечно разсуждали межирицкіе обыватели подъ вліяніемъ недавно произведенной радикальной перемѣны въ ихъ быту; имъ казалось, что стоитъ восстановить ихъ прежній козачій строй и все общественныя ихъ непорядки, если они и были, устраниются сами собой. Начальствовавшій въ собраніи мѣстный комиссаръ, сотникъ Селеховскій собрание закрылъ, Гринченка взять подъ караулъ и о случившемся донесъ правящему воеводскую должностъ Лосеву, а тотъ въ свою очередь посыпалъ доности губернатору Щербинину. Губернаторъ отдалъ приказъ объяснить межирицкимъ обывателямъ, что наказъ относится только къ ихъ общественнымъ неустройствамъ, что козачья служба уничтожена, а вмѣсто нея учреждены гусарскіе полки, по высочайшему повелѣнію, «для лучшей государственной пользы», что окладъ для нихъ положенъ и долженъ оставаться въ своей силѣ, что всѣ нынѣшнія просьбы о возстановленіи козачьей службы останутся втунѣ, подобно тому, какъ оставлены безъ результата и прежнія, подававшіяся до конфirmaціи и признанныя безразсудными и прихотливыми, и что вносить теперь въ наказъ просьбу о возвращеніи козачьей службы значить дѣйствовать вопреки указу ея императорскаго величества. Высочайшій манифестъ, писать въ заключеніе губернаторъ, повелѣваетъ производить выборы «порядочно, съ учтивостью, тихостью, молчаніемъ», и приказалъ поименованныхъ въ донесеніи Лосева 15 межирицкихъ обывателей взять подъ караулъ и строго слѣдоватъ, по чьему наущенію они дозволили себѣ такое противодѣйствіе властямъ, а Гринченка заковать въ ручныя и ножныя кандалы и допросить особенно тщательно. Лосевъ, сдавъ свою должностъ прокурору Романову (за отсутствіемъ воеводскаго товарища), съ воинскою командою немедленно отправился на усмирение бунтовщиковъ. На дорогѣ онъ получилъ новое извѣстіе отъ того-же комиссара Селеховскаго, что межирицкіе обыватели, собравшись въ количествѣ 30 человѣкъ, явились въ комиссарскоеправленіе и съ крикомъ требовали освобожденія Гринченка. Это побудило Лосева прихватить еще болѣе военной команды и посыпшій своимъ прибытиемъ въ Межиричъ. Изъ первыхъ распросовъ Лосевъ заключилъ, что главнымъ виновникомъ случившагося былъ самъ комиссаръ Селеховскій. Онъ первый внушилъ межиричанъ мысль просить, чтобы имъ дозволили по прежнему ввозить въ сумскую провинцію крымскую соль и не облагали дѣтей ихъ до

7 лѣтнаго возраста подушнымъ окладомъ. Слыша это отъ своего комиссара, обыватели пошли дальше и стали толковать о томъ, чтобы по прежнему была козачья служба «Я, заявляетъ Лосевъ, въ своемъ донесеніи губернатору, растолковалъ имъ, что подушный окладъ клонится къ ихней же пользѣ и тѣмъ усмирилъ волненіе, комиссара же удалилъ отъ должности». Тѣмъ не менѣе Лосевъ остался съ командою въ Межиричѣ и продолжалъ слѣдствіе. Главный обвиняемый Гринченко объяснялся, что приписываемыя ему слова онъ сказалъ сильяна; другіе заявили, что положеннаго на нихъ оклада они платить не въ состояніи, такъ какъ это положено больше, чѣмъ слѣдуетъ по ихъ имуществу; приходившиѣ требовать освобожденія Гринченка показали, что они дѣйствительно приходили просить объ освобожденіи Гринченка изъ-подъ караула, но когда имъ въ этомъ отказали, то они мирно разошлись по домамъ. Сдѣлавъ лично допросъ обвиняемымъ, Лосевъ отправилъ ихъ для дальнѣйшаго дослѣдованія и решения въ сумскую провинціальную канцелярію.

Передопрошенные здѣсь подсудимые дали болѣе обстоятельный, но въ сущности тѣ-же показанія. Гринченко показалъ, что всѣ единогласно выражали желаніе о возстановленіи козачьей службы, а было-ли при этомъ подстрекательство съ чьей либо стороны, онъ не знаетъ, что его лично никто не подстрекалъ и что о томъ, почему не давали наказа повѣренному, онъ также неизвѣстенъ, а приписываемыя ему слова говорилъ не по чьему либо наущенію, а по простотѣ своей, озлобившись, что на него положили при раскладкѣ гораздо больше податей, чѣмъ это слѣдовало по его имуществу; притомъ слова эти относились къ раскладчикамъ, а не къ кому либо другому. Другой подсудимый, Романъ Ильченко объяснялъ, что когда обыватели заявили Селеховскому о возстановленіи козачьей службы, то онъ, замѣтивъ, что это невозможно, совѣтовать просить объ освобожденіи дѣтей до 7 лѣтнаго возраста изъ подушнаго оклада, о свободѣ винокуренія и о позволеніи по прежнему ввозить въ сумскую провинцію крымскую соль. По словамъ Ильченка, обыватели послѣ этого сказали: «пустъ-же нашъ повѣренный ѣдетъ въ Сумы и говорится съ другими повѣренными; на чьемъ они порѣшать, на то и мы согласимся», и повѣренный дѣйствительно побѣжалъ въ Сумы, но на дорогѣ встрѣтилъ двухъ межирицкихъ писарей, которые ему сообщили, что въ Сумахъ пока

еще никого несть, и потому возвратился назадъ. Самъ повѣренный Крамаревъ подтвердилъ это, но прибавилъ, что когда онъ вернулся въ слободу, то обыватели съ шумомъ требовали возвращенія казачини. Комиссарь Селеховскій оправдывался, что не онъ впулнилъ обывателей просить объ уничтоженіи подушнаго оклада съ дѣтей и о ввозѣ по прежнему крымской соли, а наоборотъ они первые ему высказали это. Остальные показывали разво: одни признавались въ томъ, что требовали возвращенія казачьей службы, другие запирались.

На основаніи этихъ данныхъ сумская провинціальная канцелярія мнѣніемъ положила: въ виду простоты обвиняемыхъ и того обстоятельства, что возмущеніе ихъ не имѣло дальнѣйшихъ вредныхъ дѣйствій, ограничиться наказаніемъ 22 обвиняемыхъ плетьми, въ присутствіи всѣхъ жителей Межирича, такому-же наказанію подвергнуть и Якова Гринченка, а Селеховскому, уже отрѣшенному отъ должности, учинить еще «репримантъ» въ канцеляріи, и наконецъ со всѣхъ обвиненныхъ взыскать 3 р. 84 к. за прогоны гусарамъ, развозившимъ доносенія и приказы по этому дѣлу. Рѣшеніе это основывалось на 1-мъ и 18-мъ пунктахъ Соборнаго Уложения, трактующихъ объ умыслѣ на государево здоровье и скопѣ и заговорѣ на Государя, и на другихъ позднѣйшихъ указахъ, чѣмъ объясняется и строгость приговора¹⁾.

Но когда это мнѣніе было представлено на благоусмотрѣніе губернской канцеляріи, то эта послѣдняя съ нимъ не согласилась. Она нашла, что несомнѣнныя улики были только противъ двухъ обвиняемыхъ—Гринченка и Вечѣрка, остальные-же дѣйствовали по своей простотѣ и потому рѣшила: засчитать послѣднимъ въ наказаніе время пребыванія ихъ подъ карауломъ, взыскавъ кромѣ того съ каждого по 50 коп. штрафныхъ денегъ, Гринченка наказать плетьми, Вечѣрку высѣчь ботожемъ и съ нихъ-же взыскать и прогонные деньги, а Селеховскаго вовсе не подвергать наказанію и сверхъ того возвратить ему прежнюю должность.—Такъ окончилось дѣло, возникшее по поводу выборовъ повѣреннаго въ Межиричѣ и

¹⁾ Такимъ образомъ, въ Слободской Украинѣ, дѣйствующимъ законодательнымъ цвятникомъ было Соборное Уложение и послѣдующія статьи въ противоположность Малороссіи, гдѣ дѣйствовалъ Литовскій Статутъ.

получившес совершенно незаслуженно громкое имя «возмущенія обывателей слободы Межиричъ при выборѣ депутата».

Въ немъ случайно проглянула реакція противъ новыхъ именій жизни слобожанъ, которая въ теченіи предшествовавшихъ 4-хъ лѣтъ быстро слѣдовали одно за другимъ. Еще въ 1763 году реформировались слободскіе полки сенаторъ князь Шаховскій, теперь реформу до-полнялъ лейбъ гвардії секундъ-маіоръ Евдокій Щербининъ. На этотъ разъ реформа состояла въ окончательномъ упраздненіи прежней козачьей службы и козачьяго самоуправленія и замѣнилъ прежняго военнаго строя населенія общимъ гражданскимъ. Козацкіе слободскіе полки, числомъ пять, были уничтожены, вмѣсто ихъ учреждены регулярные гусарскіе полки, а на содержаніе послѣднихъ установленъ подушный окладъ съ бывшихъ козаковъ, обращенныхъ теперь въ податное состояніе, съ именемъ войсковыхъ обывателей: 95 коп. положено было взимать съ тѣхъ изъ нихъ, которыеользовались правомъ винокуренія, 85 съ непользующихся этимъ правомъ, и по 70 коп. съ владѣльческихъ подданныхъ, иначе посполитыхъ крестьянъ. Хотя раскладка нового налога производилась самими-же обществами бывшихъ козаковъ; но съ одной стороны не легко было платить деньги за то, что отбывали они доселъ самой службой, съ другой и справедливость соблюдалась не всегда, и окладъ невольно вызывалъ ропотъ и недовольство. Впрочемъ и помимо того не могло безслѣдно отойти въ вѣчность такое учрежденіе, которое имѣло за собою продолжительную традицію, которое проникало собою всю народную жизнь, опредѣляло собою всѣ общественные отношенія. Новые порядки, вводимые по приказу, не могли не вызывать глухаго раздраженія въ народной массѣ; защитники старины выходили, какъ свидѣтельствуетъ манифестъ императрицы Екатерины II, изъ среды прежняго правящаго класса; въ межирицкомъ дѣлѣ реакція исходить, какъ мы видимъ, изъ среды прежняго рядового козачества.

Но обратимся къ разсказу о выборахъ въ другихъ мѣстахъ слободско-украинской губерніи. Повсюду они совершались вполнѣ спокойно, безъ малѣйшихъ затрудненій. Въ харьковской провинціи депутатомъ быть избранъ козацкій обыватель ольшанскаго комиссарства *Прокопъ Гукъ*, въ ахтырской войсковой обыватель слободы Богодуховой *Михаилъ Бондаревъ*, въ сумской казеннаго обыватель суджапскаго комиссарскаго села *Уланкова Федоръ Иконнѣброгъ*, въ

изюмской казенныи обыватель слободы Купянки Семенъ Нопадичевъ, въ острогожской обыватель меловатскаго комиссарства слободы Калачей Иванъ Водарской. Съ депутатомъ харьковской провинціи вышелъ такой казузъ, что пришлось выбирать нового депутата. Темная народная масса по своему понимала объявленную комиссию и выбираемыхъ въ нее депутатовъ: до иониманія общественныхъ, тѣмъ болѣе государственныхъ интересовъ ей было далеко, но у каждого войскового обывателя были свои наболѣвшія мѣста, свои нужды, свои дѣлишки и ему казалось, что все можетъ устроить депутатъ, которого нарочно требуютъ въ столицу къ самой царицѣ. Въ вѣкоторое самомнѣніе вдался и самъ депутатъ харьковской провинціи, Прокопъ Гукъ. Вскорѣ поспѣлъ выборъ на него послѣдовала жалоба со стороны ольшанскоаго сотника Ковалевскаго, что онъ производить смуту, мѣшаю полюбовному размежеванію между казенными обывателями и владѣльцами. Сотникъ прямо высказывалъ желаніе, чтобы Гукъ былъ отстрапенъ отъ депутатскаго званія, ибо онъ «какъ мужикъ угрюмый и продерзкій, можетъ и въ комиссіи изблевать какого-либо мукицкаго яду». Гукъ, какъ видно, былъ себѣ на умѣ и пожелалъ воспользоваться выгодами своего положенія, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ былъ убѣжденъ, что, какъ депутатъ, онъ многое, если не все, можетъ сдѣлать. Пріѣхалъ онъ въ мѣстечко Золочевъ и взялъ съ жителей спаго себѣ на поѣздку въ Москву 5 рублей, другое 5 рублей истребовалъ съ жителей села Удь, а повѣренными, выбранными для межеванія земель, объявилъ, чтобы они не дѣлали развода до его возвращенія изъ Москвы. Когда, по доносу объ этомъ, ольшанскоому комиссару приказали было произвести строгое слѣдствіе, Гукъ относительно послѣдняго обстоятельства отозвался лишь запамятованіемъ, что же касается денегъ, то въ полученіи ихъ и не думать запираться, объяснивъ лишь, что отнюдь не вымогать ихъ, а только говорить, что «ежели кто дастъ ему, въ томъ нужды нѣть». Но слова Гука, на такое его обращеніе откликнулись жители многихъ селъ и слободъ, и кромѣ м. Золочева и села Удь, онъ получалъ съ села Лопаки 2 рубля, съ села Деркачей 4 рубля, съ села Позовой 1 рубль, съ мѣстечка Мерефы 5 рублей, съ села Островерховки 1 рубль 20 коп., съ села Тараповки 3 рубля, съ мѣстечка Соколова 1 рубль 50 коп., съ села Хорошево 2 рубля, съ села Безшпи-

довки 3 рубля, съ села Хотомли 10 рублей, съ мѣстечка Салтова 3 рубля, съ села Волчье 4 рубля, съ мѣстечка Перекопи 3 рубля, съ мѣстечка Валокъ 4 рубла, съ села Очульцовъ 3 рубля, съ села Люботина 2 рубля, съ Песочного 1 рубль, съ села Сипалицковки 1 рубль, съ села Гавриловки 1 рубль 50 коп., съ села Пересячнаго 2 рубля. Всего такимъ образомъ было собрано имъ 66 рублей 20 коп., что на наши деньги равняется по крайней мѣрѣ 300 руб. Все это Гукъ трактовалъ на слѣдствіи, какъ «добровольныя приношенія»; но приносители показали, что требуя денегъ, Гукъ говорилъ: «*а если не дадутъ ему денегъ, то дѣло ихъ спасыметъ*». Недавній депутатъ былъ отрѣшены отъ депутатскаго званія и наказанъ плетью при комиссарскомъ правленіи; деньги отъ него были отобраны, а на его мѣсто выбрали нового депутата *Тимофея Капиноса*.

Такъ окончились выборы депутатовъ. Всѣхъ ихъ, какъ мы видимъ, было 15 человѣкъ: 7 старшинъ и дворянъ и 8 казенныхъ обывателей. Выбраннымъ депутатамъ вручены были: 1) прошенія объ общественныхъ нуждахъ и недостаткахъ, 2) наказы депутатамъ, съ прописаніемъ того-же прошенія и 3) уполномочія. На дорогу городскіе и обывательскіе депутаты получили прогоновъ на 2 лошади (на каждого по 1 деньгѣ на версту); помимо того всѣмъ депутатамъ назначено было еще опредѣленное жалованье.

Послѣднемъ теперь за харьковскими депутатами въ Москву и посмотримъ, какую роль они играли тамъ. Начнемъ съ депутатъ-дворянъ.

Шляхетскіе депутаты принимали участіе въ обсужденіи общихъ вопросовъ, но главное вниманіе ихъ было обращено на мѣстные вопросы, слишкомъ тѣсно связанные впрочемъ съ этими послѣдними. Изъ 5 дворянскихъ депутатовъ активное участіе въ комиссіи принимали четыре, о пятомъ-же, депутатѣ острогожской провинціи, ничего не сообщаютъ протоколы. Дѣятельнѣе всѣхъ оказался ахтырскій депутатъ Боярский, и это, можетъ быть, потому, что онъ по должности своей (полковаго обознаго) хорошо былъ знакомъ съ мѣстными дѣлами. Инымъ, представляется депутатъ изюмской провинціи, отставной секундъ-маіоръ Зарудневъ: ему принадлежитъ только мнѣніе по поводу проекта о правахъ благородныхъ. Нако-

нецъ Кондратьевъ представилъ довольно обширную записку, касающуюся исключительно мѣстнаго вопроса о правѣ козацкихъ старшинъ владѣть крѣпостными. Записка Кондратьева была вызвана докладомъ депутата отъ козаковъ хоперской крѣпости Андрея Алейникова, который высказался въ пользу запрещенія купцамъ, приказнымъ и козацкимъ старшинамъ имѣть крѣпостныхъ; по его мнѣнію, слѣдовало-бы даже у старшинъ слободскихъ полковъ отнять и тѣхъ крестьянъ, коими они владѣли и отписать ихъ на ея императорское величество¹⁾. «На все это, говорить Кондратьевъ, я могъ-бы отвѣтить однимъ возраженіемъ, что депутатъ Алейниковъ говоритъ о томъ, чего уже нѣтъ; но для того, чтобы почтенное собраніе само удостовѣрилось, какъ депутатъ Алейниковъ мало знаетъ наши мѣстныя обстоятельства, я представлю, въ какомъ состояніи раньше была слободская губернія, какія и за что даны ей были права и преимущества, наконецъ какія учреждѣнія теперь перемѣнены и какая отъ нихъ польза, какъ относительно всего государства, такъ въ особенности относительно самого малороссийскаго края».

«Не прошло еще и двухъ стотѣй, какъ та страна, гдѣ нынѣ слободская губернія, была необитаемой и дикой пустыней; прилегая къ татарскимъ степямъ, причиняла она большее беспокойство великороссийскимъ границамъ, ибо кочевые татары, пробираясь чрезъ эти леса пе охраняемыя пустыни, производили безпрепятственно свои набѣги внутрь Россіи. Блаженной памяти царь Алексій Михайловичъ, обративъ заботы на заселеніе своей обширной державы, воспользовался представившимся ему случаемъ и призвалъ изъ заднѣпровскихъ, разоренныхъ подъ владѣніемъпольскими малороссийскими городовъ, вольныхъ людей, давъ имъ позволеніе производить занятіе земель и угодій по собственному ихъ усмотрѣнію. Остававшіеся въ тѣхъ разоренныхъ мѣстахъ жители, видя таковыя монаршія щедроты и усердствую Россійской имперіи, вышли изъ-за Днѣпра и населили эту колонію на самыхъ татарскихъ бородахъ и перелазахъ. Государь сей, по необыкновенной обшир-

¹⁾ Въ посѣщеніи, отвѣчая Кондратьеву, Алейниковъ болѣе подробнѣ изложилъ свои во многихъ отвѣщеніяхъ замѣчательныя мысли.—См. Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VIII, стр. 369—375.

ности тѣхъ пустыхъ степей, не положилъ никакого предѣла влѣдѣніямъ этихъ новыхъ поселеній. Поэтому всякий занялъ столько земли и угодій, сколько онъ, по своему разсужденію, находилъ нужнымъ. Такъ народъ этотъ, поселившись слободами и соединивши гражданское устройство съ военнымъ, получилъ название слободскихъ полковъ и вмѣсто жалованья получилъ, сверхъ безграницаго владѣнія землею, свободу торговать всѣмъ беспошлино и беззборочно. Получивъ столь великія щедроты, слободскіе полки служили россійской державѣ какъ вѣрные подданные, безъ малѣшаго пополновенія. Въ доказательство сего я могъ бы привести множество грамотъ, но достаточно будетъ указать на жалованную грамоту императрицы Елизаветы Петровны, данную въ 1743 году. Указомъ-же 1735 года старшинамъ у козаковъ и козакамъ у старшинъ продажа и залогъ земель со взятиемъ указныхъ поспѣнъ навсегда были дозволены. Нынѣ славнодержавствующая наша монархія, простирая попеченіе свое на всѣ части врученнай ей отъ Бога имперіи, всемилостивѣйше восхотѣла привести и эти полки въ состояніе возможнаго совершенства, сдѣлавъ ихъ, по примѣру прочихъ своихъ славныхъ войскъ, регулярными. Между другими попеченіями о пользѣ селеній, она установила, чтобы каждый отпрыскъ свой удѣль или замку зналъ, козакамъ-же, которые, продавая свои участки, занимали новые (что цѣкоторые дѣлали по нѣсколько разъ и такимъ образомъ не обрабатывали земли, а торговали ею), такую торговлю запретить, а оставшееся свободно землею удовлетворять новоприбывшихъ или многосемейныхъ козаковъ, а также безземельныхъ бывшихъ старшинъ. Для приведенія всего этого въ дѣйствіе учредить особый вотчинный департаментъ».

Изъ всего вышесказанного слѣдуетъ, что мнѣніе депутата Аленикова не согласуется ни съ прежними, ни съ новѣйшими постановленіями, на основаніи которыхъ замочная земля утверждены по размежеванію за ихъ владѣльцами въ вѣчное владѣніе. Что-жъ касается того, что будто-бы въ прежнія времена полковники бывшихъ козацкихъ полковъ, употребляя во зло свою власть, населяли на жалованныхъ козачьихъ земляхъ слободы вольными малороссиянами, то это едва-ли вѣроятно, потому что по всѣмъ жалованнымъ грамотамъ дозволено было дѣлать замки во-первыхъ половинкамъ и старшинамъ, а потому уже ихъ потомкамъ; слѣ-

довательно, начальники ихъ, имѣя первое право занимать угодья, заняли столько, сколько имѣло потребно; впослѣдствіи же нѣкоторыя земли пожалованы были имѣ за вѣрныя и отличныя ихъ службы особыми, выданными имѣ жалованными грамотами. Приобрѣтенные по этимъ грамотамъ и по заемкамъ земли были утверждены за ними указомъ 1734 года. Покупка же старшинами крѣпостныхъ людей есть право, которое они, какъ природное шляхетство, имѣютъ по всемъ государственнымъ установленіямъ, да и по указамъ 1728 года покупка недвижимыхъ имѣній малороссіянамъ въ Великой Россіи, а великороссіянамъ въ Малой дозволена*¹⁾).

Эта записка чрезвычайно любопытна во многихъ отношеніяхъ. Въ ней изложена довольно отчетливо вся исторія происхожденія поземельной собственности въ Слободской Украинѣ и въ основаніи своемъ эта исторія согласуется съ известными намъ фактами. Несомнѣнно, что большинство поземельныхъ участковъ въ Слободской Украинѣ *заимочного происхожденія* и что крупицы латифундіи возникли въ большинствѣ случаевъ путемъ такихъ-же заемокъ, какъ и мелкие участки; по правы были, конечно, и тѣ, которые утверждали, что въ очень многихъ случаяхъ дѣйствовалъ здѣсь простой захватъ; имѣли основаніе жаловаться также и войсковые обыватели, окружная земли которыхъ занимались старшиною и составили фондъ крупной поземельной собственности въ край; но болѣе всего виновать былъ принципъ, легчай въ основу первоначальныхъ земельныхъ распорядковъ—принципъ *свободной заемки*, не могшій поставить никакой преграды возраставшему земельному неравенству и наоборотъ предшій даже рука объ руку съ увеличивавшееся все болѣе и болѣе сословиою рознью.

Интересно, что вся аргументація Кондратьева направлена иѣсколько не по адресу его оппонента. Тотъ, какъ мы знаемъ, говорилъ исключительно о правѣ старшинъ владѣть крѣпостными людьми; Кондратьевъ-же обѣ этому не говоритъ почти ничего, ограничившись заявлениемъ, что это есть ихъ право, какъ благородного шляхетства. Но дѣло въ томъ, что дворянское достоинство бывшей старшины находилось еще, такъ сказать, подъ сомнѣніемъ: оно было

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VIII, стр. 296—299.

окончательно утверждено только жалованною грамотою Екатерины 1785 года. Ничего не возражаетъ также Кондратьевъ еще на одинъ важный доводъ Алейникова,—что полковники и старшины, населивъ на козацкихъ земляхъ слободы и хутора, причиняютъ народу болѣшое отлагощеніе.

Въ защиту той-же шляхетской поземельной собственности выступилъ и ахтырскій депутатъ Боярскій, возражая на мнѣніе ахтырскаго городскаго депутата Дзюбы. Бѣгство, постоянные переходы козаковъ въ слободскихъ полкахъ происходили, по его мнѣнію, не отъ притѣсненія старшинъ, а изъ нежеланія нести службу ея императорскаго величества. «Уклоняясь отъ государственныхъ парадовъ, козаки, продавши или опустошивши свои земли, походили въ подданство на слободы къ помѣщикамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они подговорили другихъ оставшихся и прельцали ихъ рассказами о несметныхъ и десятилетнихъ льготахъ, лѣсныхъ и другихъ, еще не обжитыхъ угодьяхъ, хуторахъ, мельницахъ, свободномъ винокуреніи и торговлѣ. Много было слѣдствій объ этихъ козацкихъ переходахъ, но старшина не была признана въ нихъ виновною». — «Уже въ мое время, продолжалъ далѣе Боярскій, въ царствование блаженной памяти государыни Елизаветы Петровны, тоже обвинена была въ этомъ слободская полковая старшина нѣкоторыми недоброжелательными людьми, такъ что была даже учреждена слѣдственная комисія; но и тогда предсѣдательствовавшій въ ней генераль-майоръ Багреевъ не винилъ за старшиною вины. И нынѣ учрежденная комисія также не признала старшинъ виновными въ разореніи слободскихъ козаковъ, а усмотрѣла только нѣкоторые канцелярскіе непорядки». — «На этомъ, говорилъ Боярскій, я оканчиваю защиту слободской старшины; обращу только въ заключеніе вниманіе на непостоянство этого народа, который, оставилъ козачину и поселившись у помѣщиковъ, не оставляетъ своей привычки и по прежнему странствуетъ отъ одного владѣльца къ другому, уходя изъ подданства не только многими семьями, но и цѣлыми деревнями, такъ что для удержавія его нужно употреблять цѣлые команда. Но кроме этихъ лицъ есть много совершенно иныхъ; они съ начала поселенія живутъ на одномъ мѣстѣ, а многіе изъ нихъ и жизнь свою потеряли въ сраженіяхъ; потомки ихъ являются или штабъ и оберъ-офицерами и стар-

шинами, или-же простыми мѣщанами и гражданами со своими домами и выслуженными помѣстями; и вотъ отъ сихъ-ли отобрать или (о сожалѣнія великаго!) и отъ церковныхъ служителей, а отдать бѣглецамъ?! О голось проразливый! Я на это долженъ быть-бы отвѣтить господину депутату Дзюбину молчаніемъ, но къ возраженію меня обязываетъ наказъ». И ораторъ, приводя изъ него 9-й пунктъ межевой инструкціи для слободской губерніи, которымъ отъ всѣхъ требовалось укрѣпленія земельныхъ правъ крестьянскими документами, доказываетъ, что онъ не можетъ быть примѣняемъ къ бывшей полковой старшинѣ, такъ какъ она издавна покупала и продавала земли по частнѣмъ письмамъ, которые лишь съ 1734 года стали записываться въ крестьянскія книги, между тѣмъ какъ эти частные записи могли и вовсе не получаться, или теряться за отлучкою и смертью продавцовъ, вслѣдствіе пожаровъ и по незначительности земельныхъ участковъ. Ораторъ признаетъ, что многие изъ бывшихъ старшинъ владѣютъ безъ крестьянскими участками, состоящими въ войсковыхъ округахъ, и тѣмъ не менѣе настаиваетъ на томъ, что необходимо оставить за ними и эти участки, дабы ихъ не присвоили себѣ, подъ видомъ общественныхъ, войсковые обыватели¹⁾.

Въ поясненіе этой рѣчи нужно прежде всего сказать, что на территории слободскихъ полковъ, кроме частной земельной собственности, принадлежавшей старшинѣ и простымъ козакамъ ся, были обширныя пространства земель общественныхъ, что теперь, съ изведеніемъ козаковъ въ податное состояніе, земли эти отмежевывались отъ земель частныхъ для распределенія ихъ между войсковыми обывателями и обложенія налогомъ и что въ интересахъ послѣднихъ было сохранить возможно большее количество общины земли; съ другой стороны старшина издавна захватывала какъ общественные, такъ и частные земли рядовыхъ козаковъ, присвоивая ихъ и уступкѣ или продажѣ за самую ничтожную цѣну и на это раздавались постоянныя жалобы во всей Слободской Украинѣ, какъ и въ гетманщинѣ. Теперь бывшей старшинѣ и бывшему козачеству пришло свести окончательно земельные счеты,

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXII, № 10, стр. 371—373.

ибо всѣ участки, на которые не было крѣпостей и которые не могли быть признаны личною собственностью, подлежали безвозвратной отмежевкѣ къ общественнымъ землямъ такъ названныхъ теперь войсковыхъ обывателей. Вотъ почему дворянские депутаты выбираются теперь изъ силь, чтобы оставить за бывшюю старшиною и тѣ земли, на которыхъ она не имѣла никакихъ документовъ и которая пріобрѣла между прочимъ путемъ захвата и подневольной уступки за ничтожную цѣну. Депутатъ Боярскій, такъ патетически отстаивавшій земельныя права дворянства, въ большей части недавнѣй полковой старшины, въ точности только исполнить данный ему наказъ отъ той-же старшины. Рѣчь его, по характеру своему, должна быть названа софистической. Въ самомъ дѣлѣ, неужели постоянные переходы козаковъ и послолитыхъ можно объяснить исключительно только привычкою ихъ къ странствованію и бродижничеству? Патетическія фразы о томъ, будто требованіемъ крѣпостныхъ документовъ хотятъ отнять земли у заслуженныхъ оснѣдлыхъ воиновъ и почетныхъ гражданъ и мѣщанъ и отдать ихъ «бѣглецамъ», т. е. переходившимъ съ мѣста на мѣсто козакамъ и послолитымъ, ослабляются тѣмъ, что притязаніе на эти земли изъявляли также оснѣдлые войсковые обыватели, владѣвшіе землями новоучрежденныхъ военныхъ округовъ, жившіе своими домами и заботившіеся о построеніи деревень и надѣленіи ихъ землей; притомъ эти постѣдніе заявляли свои права на земли, лежавшія въ чертѣ ихъ давнѣй замкѣ и посавниѣ теперь такимъ или инымъ путемъ во власть отдельныхъ лицъ изъ старшинского сословія. Совсѣмъ не правъ также Боярскій, когда заявляетъ, что комиссія, назначенная для изслѣдованія обидъ, наносимыхъ старшиной рядовымъ козакамъ, вполнѣ оправдывала ихъ¹⁾). Вообще-же заявленія въ комиссіи просбы и домогательства харьковскихъ дворянскихъ депутатовъ по мѣстнымъ вопросамъ не возышаются надъ чисто сословными ихъ интересами, которые очень часто расходятся съ интересами другихъ слоевъ общества. Въ такомъ-же духѣ составлены были, конечно, и ихъ наказы. Въ этомъ убѣждаетъ васъ наказъ ахтырскихъ дворянъ. Они просятъ о льготной покупкѣ соли, объ освобожденіи отъ починки мостовъ и гатей по проѣзжимъ трактамъ, о разрѣшніи продажи вина

¹⁾ См., напримѣръ, Полное Собрание законовъ, томъ XVII, № 12,356.

въ Великороссії, обѣ облегченіи постійной повинности, о запрещеніи поддавнымъ переходить съ мѣста на мѣсто безъ владѣльческихъ отпускныхъ билетовъ, обѣ утвержденіи за владѣльцами, не имѣющими крѣпостей, ихъ земель, обѣ ассигнованіи прибавочной казен-ной суммы на содержаніе шляхетскихъ дѣтей въ харьковскомъ коллегіумѣ и внесеніи всего этого въ законы. Въ ряду этихъ пе-тицій выдаются въ особенности домогательства прикрѣпленія «под-данныхъ» къ землѣ, о чмъ давно хлопотали харьковскіе дворяне, и закрѣпленія за дворянами и такихъ земель, на которыхъ они не имѣли крѣпостныхъ документовъ.

Посмотримъ теперь, какую роль играли харьковскіе дворянскіе депутаты въ комиссіи при обсужденіи общихъ вопросовъ. Но иныѣ высказывали свои мнѣнія Боярскій, Кулаковскій и Заруднєвъ. Одинъ изъ этихъ общихъ вопросовъ—о дворянскомъ достоинствѣ—имѣлъ прямое отношеніе къ мѣстнымъ интересамъ слободско-украинского дворянства. По этому-то вопросу Боярскій и представилъ особую записку, въ видѣ примѣчанія на 36 статью II-й главы проекта о разборѣ государственныхъ родовъ. Въ этой статьѣ говорилось от-дельно о благородныхъ и чиновныхъ людяхъ, причемъ вторые не признаются дворянами. «Съ самаго начала существованія слобод-скихъ полковъ, говоритъ Боярскій, многіе изъ переселенцевъ были пожалованы за вѣрную и радѣтельную службу генералами, брига-дирами, стольниками, полковниками и другими чинами, а также награждены деревнями и землями; иные, служа въ драгунскомъ ты-сячномъ полку, дослужились до штабъ и оберъ офицерскихъ чиновъ; теперь, по учрежденіи гусарскихъ полковъ, многіе опять получили такіе-же чины. Кроме того многіе изъ великорусскихъ помѣщиковъ и иностранныхъ офицеровъ поженились на женахъ, дочеряхъ и внучкахъ этихъ лицъ, взявъ въ приданое деньги и другія владѣ-нія. Всѣ эти лица и съ самаго начала поселенія судились и су-дятся великороссійскими правами и земли свои, земельными и куп-леніями, продавали, закладывали, въ приданое или дѣтямъ въ наслѣд-ство отдавали, также точно, какъ и великорусские дворяне. Спраши-вается, чѣмъ-же будуть признаны всѣ эти лица—дворянами, чинов-никами или офицерами? Въ указѣ блаженной памяти великаго государя Петра I отъ 24 января 1722 г. написано: «выеджившіеся въ обертъ офицеры суть дворяне, и дѣти, родившіяся отъ нихъ,

дворяне». Въ наказѣ ея императорскаго величества говорится: «военное искусство есть самый древнійшій способъ, коимъ достигали до дворянскаго достоинства». На этомъ основаніи всѣ, дослужившіеся до оберъ офицерскихъ чиновъ, въ томъ числѣ и потомки бывшихъ старшинъ, должны быть записаны въ дворянѣ¹⁾.

Такого же мнѣнія былъ очевидно и Куликовскій, согласившійся съ подобнымъ мнѣніемъ депутата терскаго войска Никиты Миронова. Въ такомъ-же смыслѣ высказался и депутатъ изюмской пропинціи Зарудневъ, съ тою только разницей, что въ своей аргументации онъ пользовался общими соображеніями и не прибегалъ къ примѣрамъ изъ жизни слободско-украинскаго дворянства. Памѣнивъ объ указахъ Феодора и Петра Алексѣевичей, дававшихъ дворянство за всякую службу, Зарудневъ вслѣдъ за тѣмъ перешелъ къ опроверженію тѣхъ четырехъ возраженій, которыя высказывались въ собраніи противъ дарованія дворянскихъ правъ лицамъ, выслужившимся въ военной или гражданской службѣ. Вотъ его главныя положенія: 1) «государь Цетръ не имѣть нужды въ военныхъ людяхъ, а жаловать дворянствомъ, въ качествѣ самодержавнаго монарха, по своей милости; 2) правда, что само дворянство охотно теперь вступаетъ на службу, но полезно тѣмъ не менѣе жаловать дворянскимъ достоинствомъ иностранцевъ и другихъ вольныхъ людей, такъ какъ дворяне по хозяйственнымъ своимъ обязанностямъ привуждены скоро выходить въ отставку; 3) военная служба въ арміи и во флотѣ очень тяжела, такъ что полученное такимъ образомъ дворянство пріобрѣтается не легко; штатская служба также необходима, полезна и не легка; 4) жалование и чины не замѣняютъ дворянскаго достоинства, ибо они даются до тѣхъ поръ, пока кто въ состояніи служить, а па потомство не распространяются. Только благодаря пожалованію дворянства, прежнія нестройныя ополченія замѣнились петровской гвардіей, сухопутной арміей и артиллеріей»²⁾. Вопросъ о томъ, кого признавать дворянами, быть самымъ существеннымъ пунктомъ въ преніяхъ комиссіи и вызвалъ оживленій обмѣнъ мнѣній. Неродовитое дворянство естественно стояло за такіе

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXVI. III, № 31, стр. 328—329.

²⁾ Ibid., стр. 183—186.

мнѣнія, какія выражалъ Боярскій, Заруднѣвъ и много другихъ депутатовъ. Во главѣ противнаго лагеря стоялъ знаменитый депутатъ ярославскаго дворянства, князь Іщербаковъ, который проводилъ, такъ сказать, идею родового дворянства и желалъ по возможности затруднить доступъ къ нему разнымъ служилымъ разочинцамъ.

Кромѣ этого жгучаго вопроса дворянскіе депутаты слободско-украинской губерніи высказывали устно и письменно свои мнѣнія по вопросамъ о словесномъ судѣ¹⁾ и векселяхъ²⁾, а известный уже депутатъ Боярскій выступилъ съ заявлениемъ объ уничтоженіи пытки³⁾, основываясь въ этомъ случаѣ на словахъ самой императрицы, которая въ своемъ наказѣ говорить, что пытка есть вѣрное средство осудить невиннаго, не обладающаго крѣпкимъ сложеніемъ, и оправдать виновнаго.

Изъ городскихъ депутатовъ слободской губерніи дѣятельную роль въ комиссіи для составленія проекта новаго уложенія играли два депутата: харьковскій, сотникъ Черкесъ и ахтырскій, капитенармусъ Дзюбинъ или Дзюба. Но представителемъ собственно городскихъ или, вѣриѣ сказать, купеческихъ интересовъ явился только сотникъ Черкесъ. Онъ былъ греческой націи и по всемъ признакамъ велъ обширную торговлю. Въ одномъ изъ засѣданій комиссіи депутатъ отъ коммерцъ-коллегіи Межениновъ предложилъ, чтобы заграничные товары доставлялись въ Россію исключительно только черезъ Балтийское море, при посредствѣ петербургскаго порта, такъ какъ теперь при провозѣ ихъ изъ Данцига, Кенигсберга и Бреславля черезъ Польшу берется очень много пошлины, которая значительно возвышаютъ цѣну товаровъ⁴⁾. Противъ этого-то мнѣнія выступилъ со своими возраженіями Черкесъ. Горячо и съ знаніемъ дѣла онъ доказывалъ необходимость сохраненія прежнихъ торговыхъ путей чрезъ Польшу и Крымъ въ Киевъ, заявляя, что привозимыми въ этотъ городъ въ большомъ количествѣ товарами довольствуется вся Украина и требуя только, чтобы путь изъ Крыма шелъ не чрезъ кремен-

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXII, приложение № 2, стр. 363—354.

²⁾ Ibid., т. VIII, стр. 234 и 235.

³⁾ Ibid., т. XXXII, стр. 65.

⁴⁾ Ibid., т. VIII, стр. 50.

чугскую и переволочную таможни, а прямо ногайскою степью на одну изъ крѣпостей украинской линіи. Согласно съ первою половиною міїнія Черкеса высказались и депутаты: отъ города Нѣжина Костевичъ, отъ Киева Гудима и отъ екатеринославской провинціи Бѣльченко, а къ ихъ міїнію присоединились почти всѣ малороссийскіе депутаты. Костевичъ заявилъ, что запрещеніе вести тorgъ чрезъ пограничныя малороссийскія таможни убьетъ мелкую торговлю малороссийскихъ городовъ, между тѣмъ какъ пошлина на малороссийскихъ таможняхъ весьма умѣренна и берется не съ цѣнами товаровъ, а съ возовъ, привозъ-же на малороссийскія таможни товары происходить изъ многихъ европейскихъ и азіатскихъ земель. Но проектъ новаго направлениія крымскаго пути встрѣтилъ всеобщія возраженія. Дебаты Бѣльченка съ Черкесомъ выяснили, что первому не хотѣлось, чтобы новый путь отходилъ далѣко отъ Нѣжина, а второму хотѣлось направить оный въ слободскіе полки¹⁾). Каждый своялъ за свое. Не удивительно, что запорожскіе депутаты, Головатый и Скопа, отстаивали прежнее направлениѣ крымскаго пути чрезъ Сѣчь, резонно возражая Черкесу, что никто не можетъ заставить ходить купцовъ на Кременчугъ и Переяловочную, если они найдутъ этотъ путь неудобнымъ²⁾). Заявленіями Черкеса собственно и исчерпывается сфера чисто городскихъ вопросовъ слободской губерніи и только косвенное отношеніе сюда имѣть рѣчь бахмутскаго депутата Селиванова, возстававшаго противъ предложенія бѣлгородскаго депутата, чтобы живущимъ въ бѣлгородской губерніи малороссиянамъ, однодворцамъ и другимъ лицамъ, была дозволена торговля безъ записки ихъ въ купеческое званіе, въ виду ихъ безземельности и того, что мелкая торговля является для нихъ единственнымъ средствомъ пропитанія³⁾). Селивановъ выяснилъ, что изъ такомъ дозволеніи вовсе неизъ надобности, такъ какъ бѣлгородскіе малороссияне имѣютъ собственные дома, нерѣдко мыловаренные и кожевенные заводы, и ведутъ общую торговлю, хотя и называютъ себя подданными разныхъ знатныхъ особъ⁴⁾).

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VII, стр. 76.

²⁾ Ibid., стр. 87—88.

³⁾ Ibid., стр. 88—89.

⁴⁾ Ibid., стр. 183—186.

⁵⁾ Ibid., 210—211.

Что касается заявлений другого городского депутата Дзюбы, то они касались исключительно положения въ губерніи войсковыхъ обывателей, т. е. бывшихъ слободскихъ козаковъ, которые являлись преобладающей группой населения не только въ малыхъ, но и въ большихъ городахъ. Въ трехъ рѣчахъ Дзюба рѣзко высказался totъ антагонизмъ, который издавна существовалъ между простымъ козачествомъ и выдѣлившимъ изъ его рядовъ старшиною; теперь онъ напечь исходъ для себя въ преніяхъ комиссіи. Какъ дворянскіе депутаты требовали, чтобы за бывшей полковою старшиною заврѣнлены были земли, въ болыпей части захваченные ею изъ общихъ и частныхъ козацкихъ земель, винили козаковъ въ бродяжничествѣ и домогались воспрещенія живущимъ на дворянскихъ земляхъ козакамъ и послолитымъ свободного перехода съ мѣста на мѣсто, такъ Дзюба, становясь на защиту бывшихъ козаковъ, нынѣ войсковыхъ обывателей, обвиняетъ бывшую старшину въ присвоеніи земель козаковъ и обращеніи въ самихъ въ положеніе «подданныхъ». «Бѣгство козаковъ и послолитыхъ, говорить Дзюба, происходило и происходитъ отъ нестерпимыхъ обидъ и прятѣній старшины, которая захватывала жалованія козачьи земли, мельницы, сѣипые покосы, роиц и другія угодья, притѣняетъ ихъ неуказными работами, большими поборами и напрасными побоями. На козачихъ жалованій земляхъ старшина и церковники устроили слободы, хутора и населили ихъ вольными козаками и послолитыми, съ которыми обращаются, какъ съ купленными крестьянами. Посему я предлагаю какъ старые, такъ и вновь населенные, въ противность жалованіямъ грамогамъ и указамъ, слободы и хутора отнять у старшины и церковниковъ и причислить къ владѣніямъ обществъ войсковыхъ обывателей, отъ чего въ службѣ ихъ произойдетъ прирощеніе, а между ними наступитъ типина и спокойствіе»¹⁾). Въ другой разъ Дзюба говорилъ подробнѣ о монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ въ ахтырской провинціи, доказывать, что они приобрѣты и заселены такими-же путями, какъ и старшинскія земли, по дозволенію старшинъ,²⁾ и требовать, чтобы всѣ они возвращены были прежнимъ ихъ владѣль-

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXII, стр. 370—371.

²⁾ Ibid., т. XXXVI, стр. 77.

цамъ, или просто бѣднымъ людямъ. Наконецъ въ послѣдней своей рѣчи тотъ-же депутатъ, настаивая еще съ большою силой на отнятіи у старшинъ неправильно приобрѣтенныхъ ею земель, заявилъ, что справедливость требуетъ, чтобы тѣ изъ сыновей бывшей старшины, которые не пожелають вступить въ службу, были положены въ подушный окладъ¹⁾.

Проекты Дзюбы были крайне радикальны и не могли имѣть практическаго значенія. Дзюба мечталъ возвратомъ большей части крупной поземельной собственности прежнимъ мелкимъ ея владельцамъ возстановить древнее право на эти земли бывшихъ козацкихъ громадъ и разрубить такимъ путемъ тотъ гордіевъузъ, который тщетно пытались развязать бывшія прежде того разнаго рода комисії, въ одной изъ которыхъ въ качествѣ обвиняемыхъ должна была предстать едва не вся полковая старшина цоголовно. У всѣхъ въ памяти было грандиозное слѣдствіе о мастиностяхъ ахтырскаго полковника Переокрестова, ссылка его и обращеніе въ казну громаднѣйшихъ его приобрѣтений.

Войсковыя и козачія земли захватывала не одна полковая старшина, но и приливавшіе въ Слободскую Украину великороссійскіе и иностраннѣе, военные и гражданскіе чины. Крупная поземельная собственность дѣлала быстрые успѣхи, стѣсняла все болѣе и болѣе мелкую козачью. Но кромѣ экономического неравенства, бывшее рядовое козачество стѣснялось и неравенствомъ соціальнымъ, ибо для выдѣленія изъ среды его старшинскихъ дѣтей, кромѣ множества не нужныхъ должностей, была изобрѣтена новая должность подпрапорныхъ, соотвѣтствовавшая званію значковыхъ товарищей въ гетманщинѣ, а такими путями не только старшины, но и ихъ дѣти, переходили въ разрядъ дворянства.

Предложеніе Дзюбы хотѣло какъ-бы повернуть исторію назадъ; бывшее рядовое козачество устами его и другихъ депутатовъ стремилось исправить развившееся экономическое сословное неравенство; но было уже поздно. Радикальный проектъ Дзюбы встрѣтилъ сочувствие только среди однодворческихъ депутатовъ, которые высказали пожеланія, мало чѣмъ отъ него различавшіяся. Такъ, депутатъ єївской провинціи Петръ Гридинъ предлагалъ возвратить однодворцамъ

¹⁾) Ibid., приложение № 2, стр. 167—169.

тѣ земли, которые были пріобрѣты у нихъ вопреки запретительнымъ указамъ, а владельцамъ ихъ отвести вмѣсто того дачи изъ пустопорожнихъ государственныхъ земель¹). Депутатъ хоперской крѣпости Алейниковъ предлагать, какъ мы уже знаемъ, отнять у старшинъ слободской губерніи ихъ подданныхъ и крестьянъ, и запретить пріобрѣтать ихъ на будущее время. Но, кромѣ этихъ группъ, заявленія Дзюбы не могли встрѣтить сочувствія ни въ общественныхъ, ни тѣмъ болѣе въ правительственныхъ сферахъ; если одна часть дворянства (родовитая) и готова была противиться дарованію козацкой старинѣ полныхъ дворянскихъ правъ, за то другая, достигшая его въ военной или гражданской службѣ, была вполнѣ на ея сторонѣ.

Перейдемъ наконецъ къ обывательскимъ депутатамъ. Изъ нихъ выдвинулось только двое: харьковскій Капиность и сумскій Никифоровъ. Они представили два проекта—о положеніи и правахъ воинскихъ обывателей и о слѣдственномъ судѣ.

Капиность, возражая на заявленіе дворянскаго депутата Боярского, что козаки переходили не отъ притѣсненій старшины, а съ цѣлью укрывательства отъ воинной службы, говорить, что такое заявленіе вызвано желаніемъ оправдать своихъ собратій и укрѣпить такимъ путемъ земли, незаконно пріобрѣтены ими, ибо указы воспрещали старшинамъ покупать у подвластныхъ лицъ грунты, а они и сами совершали такія покупки и давали разрешеніе на это другимъ. «Въ виду сего, заключать Капиность, и я, въ согласіи съ депутатомъ Дзюбинскимъ, признаю полезнымъ прислить эти земли къ обществамъ воинскихъ обывателей²).

Въ такомъ-же смыслѣ, но еще болѣе определенно высказался и Никифоровъ. Повторивъ известную исторію поселенія слободскихъ полковъ и пожалованія въ общую и личную собственность козаковъ никакимъ не занятыхъ земель для отбыванія воинной службы, онъ персходитъ къ захватамъ и говорить, что «многіе изомѣнцы, живущіе въ сумскомъ полку, покупкою и разными прописками пріобрѣли себѣ козачьи земли, а самихъ козаковъ обра-

¹) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXVI, приложение № 1, стр. 163—166.

²) Ibid., т. XXXII, № 1, 14, стр. 381.

тили въ своихъ подданныхъ». Въ подтверждение послѣдняго Никифоръ ^{об} указывалъ на случай въ мѣстечкѣ Пекѣ, обыватели которого только по указу 1741 года, согласно ихъ жалобѣ, были опять причислены къ козакамъ, по решению сената, прибавляя, что и въ настоящее время некоторые владельцы покупаютъ козачьи груяты и обращаютъ себѣ въ подданство козаковъ. Для устраненія указанного зла Никифоровъ предлагалъ:

1) «Дабы впредь ни подъ какимъ видомъ въ сумской провинціи государственныхъ войсковыхъ слободъ въ подданство помѣщиковъ не обращать и обывательскихъ земель не покупать.

2) Исключить изъ подданства тѣхъ козаковъ и подномоцниковъ, которые живутъ и нынѣ на собственныхъ своихъ земляхъ, причислить ихъ къ обществамъ обывателей и обложить такимъ окладомъ, какой платятъ другіе, годныхъ-же братъ въ гусары; такой-же окладъ положить на дѣтей разночинцевъ, пользующихся правами, равными съ правами войсковыхъ обывателей.

3) Войсковымъ обывателямъ дозволять во всей слободской украинской губерніи продавать и закладывать другъ другу собственные свои замочныя и купленныя земли по старинному обыкновенію¹⁾.

Другая записка Никифорова касается вопроса о винокуреніи и продажѣ вина. «Въ двухъ, говорить онъ, уѣздахъ сумской провинціи, суджанскомъ и миропольскомъ, свободное винокуреніе, продажа вина и соли запрещены съ 1753 г. и съ того-же времени учреждены питейные дома и казенная продажа соли. Питейный сборъ теперь отданъ на откупъ орловскимъ купцамъ, которые заботятся не о казенномъ интересѣ, а о собственномъ обогащении; эти откупщики держать у себя по 30 и болѣе цѣловальниковъ, которые причиняютъ разныя обиды обывателямъ. Между тѣмъ въ слободѣ Юнаковѣ, принадлежащей князю Голицыну, подданные его малороссіане пользуются и свободнымъ винокуреніемъ и продажею вина и соли, въ явный ущербъ свободнымъ обывателямъ. Мало того: упомянутые откупщики оставляютъ жителей пазванныхъ уѣздовъ, когда они по необходимости поѣдутъ въ эту

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXII, приложение № 70, стр. 527—531.

слободу для продажи хлѣба, задерживаются подъ предлогомъ розыска контрабанднаго вина и забираются все то, что при нихъ находяться, нападаютъ на обывательскіе дома будто-бы для обыска вина и тѣмъ причиняютъ несносные обиды». Въ виду сказанного Никифоровъ просилъ отъ имени своихъ избирателей, чтобы на будущее время всѣмъ обывателямъ, уплатившимъ 95 коп. оклада, была подтверждена свобода курить вино зимою и лѣтомъ, при чёмъ опь цифрами доказывалъ выгодность такого устаповленія для казны.

Послѣднимъ вопросомъ, выдвинутымъ харьковскимъ обывательскимъ депутатомъ Калиносомъ, былъ вопросъ о словесномъ судѣ. Капиосъ предлагалъ производить разбирательство въ гражданскихъ дѣлахъ на сумму до 50 рублей словесно, съ записываніемъ решеній въ журналъ не позже двухъ-недѣльнаго срока, письменный-же судъ давать только тѣмъ, которые будутъ недовольны решениемъ словеснаго; но если недовольный окажется виновнымъ и при письменномъ разбирательствѣ, то съ него брать двойную судебную пошлину¹⁾.

И такъ два представителя отъ войсковыхъ или, какъ теперь они стали называться, казенныхъ слободъ слободско-украинской губерніи энергически отстаивали свои насущные интересы. Въ особенности Никифоровъ обставлялъ свои *desiderata* серьезными данными. Сходясь въ основныхъ положеніяхъ съ Дзюбою, опь былъ практичеъ его; всѣ его предложения были удобоисполнимы и, какъ кажется, дѣйствительно могли принести существенную пользу войсковымъ обывателямъ, прекративъ или по крайней мѣре значительно ограничивъ на будущее время то обезземеленіе слободскихъ казаковъ, которое стало замѣтиться еще въ самомъ началѣ XVIII вѣка. Предоставление льготъ по части свободнаго куренія и продажи вина и соли, конечно, отзывается исключительностью; но оно является совершенно естественнымъ для того времени, когда многое основывалось на частныхъ привилегіяхъ и изыятіяхъ. Вопросъ въ этомъ случаѣ шелъ о такой привилегіи, которая являлась чрезвычайно важной и почти необходимой въ хозяйственномъ быту. Вся та масса хлѣба, которая въ Малороссіи

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VIII, стр. 140.

оставалась отъ потреблениія, пла исключительно на винокуреніе и только въ такомъ видѣ имѣла сбыть на торговыхъ рынкахъ. Правда, это винокуреніе имѣло свои певыгодныя стороны, между прочимъ уменьшепіе лѣсовъ; но и система казеннаго кабака и казенной соли имѣла еще болѣе невыгодъ и открывала широкій путь злоупотребленіямъ.

Мысль Капиноса объ учрежденіи словесныхъ судовъ заслуживаетъ также вниманія. Тогдашніе письменные суды съ ихъ безконечнымъ бумажнымъ производствомъ, съ замысловатымъ крючкотворствомъ домороценныхъ ходатаевъ по дѣламъ, дѣйствительно должны были возбудить противъ себя неудовольствіе у всѣхъ тѣхъ, кому выпадало несчастіе имѣть съ ними дѣло. А кому не приходилось судиться въ тотъ вѣкъ, когда существовавшіе законы оказывались недостаточными для огражденія личности и собственности! Словесный судъ, если-бы не оказался «милостивымъ» или даже «правымъ», то былъ-бы по крайней мѣрѣ «скорымъ».

Вотъ все, что мы могли собрать о выборахъ слободско-украинскихъ депутатовъ въ Екатерининскую комиссию для составленія проекта Нового Уложения и тѣхъ имѣніяхъ и желаніяхъ, какія они высказали тамъ какъ по общимъ, такъ и мѣстнымъ вопросамъ. Со временемъ мы надѣемся въ такомъ-же порядке и видѣ изложить имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи материалы о выборахъ и дѣятельности въ той-же комиссіи малороссійскихъ и запорожскихъ депутатовъ. Быть можетъ, пали свѣдѣнія и соображенія не лишними окажутся для будущаго историка Екатерининской комиссіи и онъ воспользуется ими для своего цѣльного и болѣе виднаго труда.

Дмитрій Багалѣй.

ДАРЬ ПЯТЬДЕСЯТНИЦЫ И НАШИ ПЕРВОУЧИТЕЛИ.

(Посвящено памяти Н. И. Костомарова, сказано в торжественном собрании славянского общества 13 мая 1885 г.).

Давно-ли отпраздновали мы тысячелѣтнюю годовщину кончины св. Меѳодія, и вотъ мы уже опять собирались, какъ и каждогодно, праздновать память великихъ братьевъ—на этотъ разъ иѣсколько позже обыкновеннаго, всѣдѣствіе совпаденія дня 11-го мая съ предшествующею празднику Пятъдесятницы помивальнойю субботою. Когда мы торжествовали 6-е апрѣля, церковь оглашалась радостными звуками пасхальныхъ пѣсень. Нынѣшиес паше торжество многозначимательно совпадаетъ съ «великимъ, какъ выражается церковь, и спасительнымъ днемъ, Пятъдесятницы праздникомъ». Минѣ певольно припомнится проповѣдь, уже не мало лѣтъ тому назадъ произнесенная въ томъ-же Исаакіевскомъ соборѣ, гдѣ молились мы, по обыкновенію, и сегодня, нашимъ чокойнымъ почетнымъ членомъ преосвященнымъ Хрисанфомъ. День 11-го мая приходился тогда между Вознесеніемъ и Пятъдесятницей, и проповѣдникъ заранѣе указывалъ своимъ слушателямъ на ту церковную пѣснь, которую предстояло имъ вскорѣ услышать и которую мы уже слышали и вчера и сегодня: «*ида списедг языки с.ия, раздѣляше языки Вышній, ида же огненніи языки раздаша, въ соединеніе вся призыва;— и согласно словимъ Всесвятоаго Духа*». Проповѣдникъ налагалъ на то, что какъ раздѣленіе языковъ во времена языческаго нечестія привело человѣчество въ окончательному разъединенію, такъ тоже

самое множество языковъ, когда на всѣхъ этихъ языкахъ одинаково раздалось великое слово христіанскаго братства, послужило напротивъ того къ соединенію всѣхъ. Позже, изъ того, что зашло мнѣ въ память сердца отъ слова исконнаго проповѣданка, стала слагаться въ моесть воображеніи такая икона св. первоучителей: Кирилль и Меѳодій съ очами, устремленными въ вѣсъ, а передъ ними---надъ ними, въ видѣніи, то, что совершилось тогда, въ десятый день по Вознесенію Господа и о чёмъ такъ обстоятельно говорится во вчерашнемъ и сегодняшнемъ Апостолѣ. Да будетъ позволено мнѣ напомнить и здѣсь его существенные черты, приведя ихъ на томъ-же кирилло-меѳодіевскомъ языкѣ, который остается столь доступнымъ всѣмъ намъ, если мы не чужды церковнаго просвѣщенія:

«И сиа скончавашася дніе пятыдесятницы, бѹша оси Апостоли единодушно вкупъ...»

«И явишася имъ раздѣлени языцы, яко огнени: спде же на единомъ коемъждо ихъ, и исполнишаася вси Духъ Свѧта, и начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даяше имъ прощающасти...»

«Бывшу же гласу сему, снیدеся народъ и смятеся, яко же съышаху единъ кїаждо ихъ своимъ языкамъ глаголющиихъ ихъ. Дивляхуся же вси и чудахуся, глаголюще другъ ко другу: не се ли вси сїи суть глаголющіи Галилеане; и како мы съышимъ кїаждо свой языкъ нашъ, въ немъ же родихомся... съышимо глаголющиихъ ихъ нашими языками величія Божія...»

«Ініи же ругающаися глаголаху, яко віномъ исполнени суть...»

Изъ того перечня сподобившихся св. дара народовъ, который приводится тутъ-же въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, совершенно ясно, что это не были только народы, пользующіеся или когда-то пользовавшіеся политическимъ могуществомъ, т. е. народы великие, а собравшіеся со всѣхъ концовъ міра, всякаго рода народы. И хотя многіе изъ ихъ представителей поняли-бы, конечно, проповѣдь апостольскую и въ томъ случаѣ, если-бы она раздалась только на государственномъ языке—римскомъ да на языкахъ двухъ разнородныхъ культурныхъ народовъ—грековъ и евреевъ, но Духъ святой проглаголалъ устами апостоловъ на всіхъ языкахъ, такъ что не многіе только, но и всі безъ исключенія присутствующіе поняли все, и даже тотъ, кому былъ доступенъ тотъ или другой изъ первенствующихъ языковъ, могъ съ радостнымъ изумленіемъ замѣтить:

«Какъ это каждый изъ насть слышить свое родное—тотъ языкъ, въ которомъ родился?» Но богодохновенный повѣствователь замѣчаетъ при этомъ, что иѣкоторые напротивъ того стали глумиться, объясняя совершившееся чудо не чѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ опьяненія. Тутъ сказалась, конечно, та превозносящаяся пизменность житейскихъ возврѣній, для которой и самое содержаніе проповѣди евангельской есть только *юродство* или *буйство*. Не мало и въ наше просвѣщеніе время такихъ политическихъ умниковъ, которыхъ, если они захотятъ быть послѣдовательными, придется признать какою-то (это они концептуютъ, а не мы) сентиментальностью заботливость Верховной Премудрости о томъ, чтобы никто не былъ лишенъ отрады услышать благую вѣсть именно на томъ языкѣ, въ которомъ онъ родился, чтобы вѣсть эта могла такимъ образомъ проникнуть въ самую глубь его сердца, войти, такъ сказать, въ его плоть и кровь. И вотъ потому-то, что новое, дотолѣ неслыханное стало сразу для всѣхъ родныхъ и давно знакомыхъ, сразу-же, по свидѣтельству св. повѣствователя, и крестилось тогда три тысячи—крестились конечно такъ, что всѣ они въ самомъ дѣлѣ могли сказать: «елицы во Христа крестихомся, во Христа и облечехомся». Поэтому-то и оказалось возможнымъ то, о чёмъ говорится далѣе въ Дѣяніяхъ апостольскихъ:

«Вси же въровавшии баху вкупъ и имаху вся обща. И стяжанія и имънія продаяху и раздаляху вскъмъ, ею же аще кто требование (Дѣянія ап., II, 44 и 45).

«Елици бо господie сѣломъ или доноебмъ баху, продаже приношаху цѣны продаемыхъ и полагаху при ноихъ апостолъ, даящеся же коемуждо, ею же аще кто требование (IV, 34 и 35).

Если же старая запаска житейская все-же сказывалась въ иѣкоторыхъ и вносила разладъ въ новый жизненный строй, то достаточно было одного обличительного слова, только одного слова—чтобы сразу опять пробудить въ возрожденномъ человѣкѣ его внутренняго судію и довести этого грознаго судію до убийственнаго самосуда.

«Мужъ же нѣкій, Ананіа именемъ, съ Сапфирою жену свою, продаде село и утаи отъ цѣны... Рече же Петръ: «сущее тебѣ не твоє ми бѣ, и проданое не въ твоей ми власти бяше... Не чело-

въкомъ соглаг еси, по Богу. Слышаю же Анания словесе сія, падъ издие: и бысть страхъ велики на всыхъ слышащихъ сія» (V, 1—5).

Дѣло именно въ томъ, что во власти каждого было отдавать, или не отдавать, что тутъ и въ поминѣ не было никакого принудительного чалога, такъ что всякая утайка была утайка у своей же совѣсти, т. е. у того, кто въ ней пребываетъ и про кого не даромъ сказаны были и, позабытыя на минуту, опять возставали въ чуткомъ сознаніи первыхъ христіанъ предостерегающія слова: «стратно впастъ въ руки Бога живаго!» Но сохраненіе въ христіанскомъ обществѣ такой чуткости сознанія съ ея карающимъ самосудомъ обуславливалось именно тѣмъ, чтобы какъ тѣ первые, такъ и новые христіане сами просили крещенія подъ продолжающимся наитіемъ все той-же, становящейся всѣмъ родною, зачадающей прямо въ душу, общедоступной проповѣди. Если-бы христіанство продолжало распространяться только этамъ апостольскимъ способомъ, то въ его спасительные мрежи попадать-бы изъ окружающего міра только отборный ловъ; изъ него образовались-бы дѣйствительно незыблемые устои новаго града Божія. На бѣду, послѣ разрушения стараго Іерусалима, продолжалъ еще существовать старый Римъ, не даромъ-же и прозванный вѣчнымъ городомъ. Присвоивъ себѣ, вслѣдъ за другими правами, и верховное право указами назначать богоў, императоры римскіе, хотя и превращавшіеся, подобно Новуходоносору, въ звѣря, не только сохранили, но и передали это право своимъ, уже переставшимъ преслѣдовать христіанъ преемникамъ. Изъ гонителей, въ силу разныхъ причинъ, имъ захотѣлось наконецъ обратиться, такъ сказать, въ августѣйшихъ меценатовъ христіанства, а затѣмъ уже вѣра Христова была объявлена ими государственнымъ исповѣданіемъ. Съ этихъ-то порь явилась возможность креститься не ради Бога, а ради кесаря,—и вслѣдствіе этого крестившіеся во Христа стали наконецъ столь-же мало въ Него облекаться, какъ и приглашавшіе ихъ къ тому императоры. Для такихъ уже неоказывалось ни малѣйшей надобности въ проникающей прямо въ душу, общедоступной, да даже и ни въ какой проповѣди, такъ какъ дѣло было вовсе не въ усвоеніи себѣ христіанства, а только въ прочтениі въ слухъ излюбленнаго государями символа вѣры. Вотъ тутъ-то безпрепятственно всплыло на верхъ и старое дѣление человѣчества на избранныхъ и на варваровъ, та-

кое-же наслѣдіе міра классического, какъ и то обогатвореніе кесаря, которымъ этотъ міръ завершился. Если-же среди *варваровъ* были только два народа—греки и римляне, то и среди всего множества языковъ были только два настоящихъ языка,—языкъ греческий и языкъ латинскій. Но государство, признавшее вѣру Христову своею указпою вѣрою, не могло не признать языка и того народа, среди котораго родился Христосъ; и вотъ къ двумъ культурнымъ языкамъ языческой древности присоединился еще языкъ ветхо-завѣтнаго избраннаго народа—еврейскій. Мимо-христіанскимъ оправданіемъ такого сближенія въ преимуществахъ послужила надпись на крестѣ Господнемъ, хотя она сдѣлана тѣмъ игемономъ римскимъ, которому евреи предали Христа. Отсюда та, упоминаемая въ житіяхъ нашихъ первоучителей, трезычная, какъ они ее называли, ересь, иначе ересь Платниковъ, или же распространившееся въ римско-христіанскомъ мірѣ ученіе о томъ, будто-бы слово Божіе можетъ быть произношено только на трехъ языкахъ—римскомъ, греческомъ и еврейскомъ. Изъ того, что святыми братьями это ученіе справедливо представлялось ересью и что самыхъ ярыхъ ея представителей они встрѣтили на латинскомъ западѣ, многие заключаютъ, что эта ересь только тамъ и была и что христіанскій востокъ оставался ей совершенно непричастнымъ. Другіе смотрять на это несколько иначе и считаютъ трезычную ересь не только съ особенною силою распространившуюся на западѣ, но отчасти заходившю и на востокъ. Такъ и въ различныхъ статьяхъ, вызванныхъ Меѳодіевскимъ праздникомъ, сказались эти двѣ различные точки зренія. Въ некоторыхъ изъ нихъ къ числу отъявленныхъ противниковъ трезычной ереси относится знаменитый патріархъ Фотій—на томъ основаніи, что онъ однажды писалъ: «Франки заслуживаютъ порицанія, когда говорятъ, что молиться можно лишь на трехъ языкахъ». Но тутъ-же какъ будто ради сильнѣйшаго еще доказательства, что Фотій смотрѣлъ на дѣло совершенно также, какъ наши первоучители, приводится и то, что онъ нѣроятно подсказалъ императору Михаилу III замѣчательныя слова о славянахъ, сохранившиеся въ его посланіи къ Ростиславу велико-моравскому: «да и вы причтетеся отъ величайшихъ языцыхъ, иже славятъ Бога своимъ языкамъ». Если-же это дѣйствительно слова не Михаила III, даже не Варды, а Фотія, говорится тутъ далѣе, то мы должны признать его какъ-бы Симеономъ

Богопріимцемъ славянской или греко-славянской идеи (Варш. Мес. Сборн., статья А. С. Будиловича, стр. 37). Думается, что *Бого-пріимцемъ* идеи можно назвать только представители идеи въ самомъ дѣлѣ Божественной. Едва-ли такова та идея, которая высказана въ посланіи Михаила III, а именно, что славяне, услышавъ слово Божіе на своемъ языкѣ, чрезъ это получать право на сопричисленіе ихъ къ великимъ народамъ. Вѣдь не даромъ-же паннонскія житія приписываютъ эти слова императору византійскому, а не нашимъ первоучителямъ. Для нихъ, оправившихся, какъ видно изъ тѣхъ-же житій, на апостола Павла, въ императорскомъ взглѣдѣ могло заключаться не что иное, какъ также ересь, только разширенная въ пользу еще одного народа,—ересь *четырехъ-язычная*. Вглядъ Михаила III, хотя-бы внушенный и самимъ Фотіемъ, заключаетъ въ себѣ чисто государственное начало, признаніе права державнаго Рима надѣлять, если пожелаетъ, своими преимуществами и иѣкоторые изъ подвластныхъ ему народовъ. Наши-же первоучители дѣйствовали въ чисто церковномъ духѣ—въ томъ духѣ, который сказался въ словахъ великаго Апостола языковъ:

«Не лжите другъ на друга, совлекиши ветхаго человека съ дѣяньями его и облекиши въ новаго... идѣ же пытъ ии смигъ, ии іудей... варваръ и скиоз, рабъ и свободъ, но всяческая и во всыхъ Христосъ». (Колосс. III, 9—11).

Но хотя-бы слова Михаила III, сказанныя совершенно не въ этомъ духѣ, и не были ему внушены Фотіемъ, то этотъ послѣдній въ дѣлѣ обращенія болгаръ, въ которомъ ему несомнѣнно привадлежить первенствующее положеніе, не высказалъ-же особенной заботливости о проновѣди имъ па ихъ языкѣ и славянское богослуженіе усталовилось у нихъ уже усердіемъ учениковъ свв. Кирилла и Меѳодія. Не даромъ въ паннонскихъ житіяхъ о Фотіи и говорится только вскользь, и совершенно бездоказательнымъ греколюбіемъ отличается также упомянутая выше статья, когда ставить нашихъ первоучителей въ полнейшую зависимость отъ мнимаго Фотіевскаго почина. Но тотъ-же избытокъ грекопоклонническаго учердія зашель тутъ и еще далѣе. Насъ увѣряютъ, будто первоучители наши и патріархъ Фотій «были люди не только одного круга и образования, но и сродныхъ настроений, характеровъ, міросозерцаній... люди крѣпкой и упругой воли, которая не оставляется ни передъ

какими трудностями и препятствиями, кроме нравственного долга...» (Варн. Меод. Сборн., ст. Будиловича, стр. 35) ¹⁾.

Что наши первоучители, при всей своей настойчивости въ достижениі своихъ цѣлей, никогда однако-же не дѣйствовали противъ совѣсти, не вступали въ сдѣлки съ міромъ, это не подлежитъ сомнѣнію, но что прямо противоположно поступалъ иногда Фотій, обѣ этомъ говорить не одинъ, на примѣръ, Герленрѣтеръ, про кого-раго можно сказать, что онъ иновѣрецъ и иностранецъ, но и такие добросовѣстные русскіе ученые, какъ Ивановъ и Надеждинъ. Даже у П. А. Лавровскаго, при всемъ его пристрастіи къ Фотію, онъ является далеко не безупречнымъ по своему характеру. Всего-же откровеніе высказался о немъ никогда не кривившій душой и не утаивавшій никакой правды Хомяковъ.

«Тяжела, говорить онъ, была борьба для патріарха, избраннаго безъ сомнѣнія противозаконно и обезчещеннаго союзомъ съ развратомъ и мерзостями византійскаго двора...» «Человѣкъ бездушный и презрительный не менѣе самихъ папъ во всемъ, что касалось до его личнаго властолюбія, великій и правый во всемъ, что касалось до общихъ законовъ церкви», — вотъ безпристрастный выводъ Хомякова о Фотіи (Соч. Хомякова, IV, 634—35).

Въ желаніи окружить знаменитаго патріарха сіяніемъ, будто-бы подобающимъ ему па равнѣ съ нашими первоучителями, низводимыми въ положеніе какъ будто-бы только исполнителей его плановъ, обнаруживается такое подобострастіе относительно грековъ, которое право стоитъ подобострастія передъ западомъ. Но въ другой юбилейной статьѣ культу эллинизма западъ и еще далѣе. «Кирилль и Меодій греки наивѣро менѣе удобны и симпатичны католикамъ, чѣмъ Кирилль и Меодій славяне», говорится тутъ. «Для васъ же этомъ знаменательномъ фактѣ греческаго происхожденія славянскихъ апостоловъ заключается весь смыслъ ихъ великаго подвига на пользу славянства. Чтобъ... облаготворить одинаково всѣ племена славянскія, надо было прежде всего стать выше всякихъ узко-племенныхъ стремленій и задачъ, всякихъ... чувствъ мѣстнаго патріотизма... Люди вполнѣ удовлетворяющіе... этимъ условіямъ могли оказаться только у ближайшихъ высоко-культурныхъ православныхъ

¹⁾ Въ подлиннике безъ курсива.

сосѣдъ ставяиъ на югъ, у образованныхъ грековъ и болѣе ни у кого!» (Варн. Моеод. Сборн., статья К. Я. Грота, стр. 4, 7—8).

Такими людьми однако-же оказались въ свое время апостолы совершиенно, разумѣется, независимо отъ своей еврейской народности, а единственно въ силу того, что были учениками Христа и приняли въ видѣніи огненныхъ языковъ св. Духа. Такими оставались и ближайшіе имъ послѣдователи, отцы первыхъ вѣковъ церкви, по происхожденію принадлежавшіе прямо даже къ варварскимъ народамъ. Но вѣдь они-то, эти отцы, какъ справедливо напоминалъ покойный Терновскій, на самомъ дѣлѣ и становились вдохновенійшими провозвѣстниками той и правды Христовой, съ которой долго боролась именно въ лицѣ греко-римлянъ унаследованная ими отъ классической старины житейская мудрость. Она такъ и не уступила вѣолѣтъ, какъ въ Римѣ, такъ и въ Византіи, «буйству» слова Христова и «пьянству» благодати св. Духа,—что справедливо и поставлено было на видъ въ нѣкоторыхъ юбилейныхъ статьяхъ совершиенно иного винища, появившихся въ одномъ изъ нашихъ духовныхъ журналовъ.

«Не одни только латиняне, сказано тутъ, а также и греки держались трезвѣчной ерсси; въ этомъ случаѣ они совсѣмъ не отличались тою терпимостью, какую обнаруживала церковь въ древнѣйшія времена своего существованія. Уже въ VI столѣтіи существовали на этотъ счетъ нѣкоторыя ограниченія; греческій языкъ признавался господствующимъ языкомъ богослуженія, а другіе языки допускались лишь въ частныхъ службахъ. Въ палестинской лаврѣ св. Саввы, въ которой, при разнородности обитателей, должна была сильно ощущаться потребность богослуженія на разныхъ языкахъ, признавался языкъ литургіи языкъ греческій, а другіе языки, какъ армянскій, допускались только въ частныхъ исалмонѣніяхъ и чтеніи евангелія. Ко времени дѣятельности Кирилла и Моеодія монополія греческаго языка, какъ языка богослужебнаго, на востокѣ усилилась, что очевидно сильно затрудняло проповѣденіе дѣла первоучителей». («Странникъ», апрѣль, стр. 605).

Къ тому-же, какъ известно, приходилъ въ своей исторіи право-славныхъ церквей и проф. Голубинскій, научнымъ образомъ обосновавшій то, что давно уже сказывалось въ дальнозоркомъ чутью Погодина. Да вѣдь правду сказать, достаточно и одного черноризца

Храбра съ его нелишенными славянского лукаваго простодушия «отвѣтами о письменахъ», т. е. письменахъ славяпскихъ, чтобы въ тѣхъ горделивыхъ умникахъ, отъ которыхъ отстаивалъ онъ эти письмена уже въ Х-мъ вѣкѣ, разглядѣть прямыхъ предковъ того пресловутаго фанаріотства, которое означеновало и еще означало себя ревнивымъ истребленіемъ всего славянскаго. Но къ этимъ предкамъ фанаріотовъ вовсе не принадлежали, по выражению того-же духовнаго журнала, «два мужа... отстравившихъ отъ исключительного служенія единой греческой церкви, сохранившихъ до конца известную независимость: одинъ проникнутый духомъ любви Христовой ко всему миру, ко всѣмъ племенамъ и языкамъ, любившій и знающій самыя языки языковъ, миссіонеръ универсальний въ самыхъ своихъ задаткахъ (Кириллъ), другой—сама мудрость жизни, мужъ, суровыми подвигами аскетизма выработавшій въ себѣ особую силу характера ... мужъ дѣла твердаго, выносливаго (Меѳодій)... Какая богатая школа практики и какая высокая школа къ выработкѣ терпимости!... Требовалось не обращеніе въ христианство, не прививка его первыхъ началь... требовалось вѣчно большее—утвержденіе вѣры, приспособленіе ея къ особенностямъ національной жизни, какъ желало того славицество («Странникъ», стр. 665).

Въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству паннонскихъ житій, послы отъ славянскихъ князей говорили въ Цареградѣ, что есть у нихъ проповѣдники латинскіе и проповѣдники греческіе, но ни тѣхъ, ни другихъ они не понимаютъ. Имъ нужно было того-же, что дано было въ день Пятидесятницы всѣмъ и что вызвало въ каждомъ радостное недоумѣніе: «како мы слышимъ кіаждо свой языкъ нашъ, въ немъ-же родихомся». Вотъ на это-то и были давно готовы отклинувшись напи святые братья.

Вы видите здѣсь, говорится въ томъ-же духовномъ журнале, тотъ-же вѣковѣчный вопросъ, чѣдѣ въ христианствѣ общаго и народнаго, и тотъ-же отвѣтъ, что во Христѣ Іасусѣ *и есть еллинъ, и иудей... и варваръ, и скіюгъ, и рабъ, и свободъ...* Великіе просвѣтители славянскихъ племенъ были величайшими проповѣдниками вселенскости, по это не была механическая вселенскость... а именно идея братства народовъ *въ свободѣ единаго христианства*, въ свободномъ союзѣ *церкви*,—братьства, которое и дается подвигомъ

и трудомъ народовъ, въ твердомъ началь духовной самостоятельности и въ свѣтѣ единой истины» («Странникъ», 673—674) ¹⁾.

О той-же великой идеѣ единства въ разнообразіи должны были намъ напомнить и похоропы, которые такъ скоро послѣдовали за свѣтлымъ праздникомъ 6-го апрѣля. Почти въ одинъ день со святымъ Меѳодіемъ—7-го числа—не стало Н. И. Костомарова. Утромъ 6-го ему еще напомнили о томъ, какой это праздникъ, и лучъ сознанья еще промелькнулъ у него на лицѣ. Дѣло въ томъ, что съ именами нашихъ первоучителей связывалось и самое начало по-прича того человѣка, который умиралъ во время великаго всеславянскаго праздника. Мы можемъ теперь свободно вспоминать объ

¹⁾ Пріятно замѣтить, что въ томъ же Варшавскомъ Меѳодіевскомъ Сборникѣ, гдѣ помѣщены статьи А. С. Будиловича и К. Я. Грота, оказывается и статья О. Ф. Загеля, также бывшаго слушателемъ В. И. Ламанскаго и моимъ, статья, гдѣ встрѣчаемся мы со взглядами, чуждыми всякаго подобострастія передъ Византію, «Общевѣрѣтно, говорится тутъ, стремленіе Карла Великаго и его преемниковъ подчинить себѣ сосѣдніи славяне; раскоространеніе христіанства давало только подходящій предлогъ къ завоевательнымъ войнамъ, а духовенство въ новообращенныхъ славянскихъ земляхъ дѣлалось надеждою опорою поземного владычества. Но и Византія въ этомъ отношении немногимъ уступала Франкамъ. Стоять только вспоминать нежеланіе константинопольскаго патріарха дать новокрещеныхъ болгарамъ епископа... политику греческаго духовенства послѣ завоеванія Болгаріи между 1018 и 1186 гг. (подробности, приблизлю отъ себя, можно найти у проф. Гоудбинскаго), чтобы прийти къ убѣжденію, что и въ Византіи распространеніе христіанства считалось только средствомъ къ поглощенію славянъ. Если Византія дѣйствовала менѣе послѣдовательно въ усиленіи, то причина заключается... въ сравнительной слабости, а не въ отсутствіи желанія. Такимъ образомъ на славянский міръ, раздробленный и извѣршившися въ самомъ себѣ, настунали съ запада и юга двѣ грозныя организованныя силы, глубоко убѣжденыя въ своеѣ умственности превосходствѣ и полныя презрѣнія и пенависти ко всей славянской расѣ... Въ этотъ критический для славянства моментъ и начинаяется дѣятельность болунскаго братства. Прекрасно образованые и ироничные любовью ко всему человѣчеству, они стояли неизмѣримо выше всего духовенства какъ западной, такъ и восточной имперій. Между тѣмъ, какъ главы будущихъ обѣихъ церквей уже начипали свои пренепрѣдолимые изъ за догматическихъ тонкостей, между тѣмъ какъ властолюбіе и корыстолюбіе разжигали между ими непависть, Кириллъ и Меѳодій, далекіе отъ всевозможныхъ постороннихъ цѣлей, несли христіанску проповѣдь къ арабамъ, хазарамъ, славянамъ. Имъ не замѣчалось подготовлившееся распаденіе церквей; они доказали свою жизнью, что ихъ идеаломъ было единство христіанства». (Варшавский Меѳодіевский Сборникъ, статья г. Загеля, стр. 3—6).

этомъ роковомъ началѣ его почища, потому что нѣсколько лѣтъ спустя наступила совершенно иная пора, та великая историческая пора Александра II, послѣ которой, что-бы тамъ ни было, не можетъ уже повториться то, что было съ Костомаревымъ. Да, что-бы ни было, а уже не бывать такому сожженню по приговору ученаго трибунала, какому подверглась первая магистерская диссертациѣ Костомарова—диссертациѣ обѣ уніи, въ которой тогда предосудительныи, вѣроятно, показался даже прибралиный къ ней эпиграфъ:

О Боже мій несконченыи!
Дивитися горе,
Що тепера на симъ свѣти
Вира виру боре.
О Боже мій несконченыи!
Що ся теперъ стало?
Усе вира, усе вира,
А милости мало ¹⁾).

На томъ-же началѣ широкой терпимости основывалось и общество, нѣсколько позже задуманное Костомаровымъ и отчасти уже существовавшее въ Кіевѣ, общество, ставшее для него окончательно роковымъ, потому что въ тѣ невозможныя болѣе времена предосудительною могла показаться и печать Костомарова, которую принялъ за печать общества, такъ какъ на ней значилось: «и уразумѣбетъ истину и истина свободитъ вы» (Іоанна VIII, 32). Вотъ съ этимъ-то обществомъ и связаны были имена нашихъ первоучителей, цѣлью-же общества было достиженіе славянской взаимности. Самъ чокойный историкъ считъ возможнымъ еще при жизни сообщить о немъ свѣдѣнія въ «Кіевской Старинѣ» 1883 г. и сообщить ихъ настолько подробно, что въ неизданныхъ запискахъ его, хранящихся у вдовы Николая Нвановича, сказано почти тоже самое. Въ обществѣ этомъ, по словамъ Костомарова, вообще отвергалось іезуитское правило обѣ освященіи средствъ цѣлями. Далѣ-же, какъ онъ выражается, desiderata общества заключались вотъ въ чемъ:

¹⁾ Подробности этого дѣла можно найти въ автобіографической запислѣ И. И. Костомарова, напечатанной въ якской книжкѣ «Русской Мысли» на 1885 годъ (стр. 205 и слѣд.).

- 1) Освобождение славянских народностей изъ подъ власти иноназемниковъ.
- 2) Организование ихъ въ самобытныя политическія общества съ удержаніемъ федеративной ихъ связи между собою.
- 3) Уничтоженіе всякаго рабства въ славянскихъ обществахъ, подъ какимъ-бы видомъ оно ни скрывалось.
- 4) Упраздненіе сословныхъ привилегій и преимуществъ, всегда наносящихъ ущербъ тѣмъ, которые ими пользуются.
- 5) Религіозная свобода и вѣротерпимость.
- 6) При полной свободѣ всякаго вѣроученія употребленіе единаго славянскаго языка въ публичныхъ богослуженіяхъ всѣхъ существующихъ церквей (нужно-ли пояснять по поводу этого пункта, что единый славянскій языкъ въ богослуженіи—этотъ камень преткновенія, столь наглядно выкасаній на венгерскомъ празднике—неизбѣжно ведеть, какъ это и понимаютъ въ Римѣ, къ единству вѣроисповѣданія).
- 7) Полная свобода мысли, научнаго воспитанія и печатнаго слова.
- 8) Преподаваніе всѣхъ славянскихъ парѣй и ихъ литературы въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ народностей.

«Этими собственными, добавить покойный историкъ, и ограничились тогдашняя наши *desiderata*. Нѣкоторые изъ нихъ были приведены въ исполненіе, другія замѣчены и частію совершины императоромъ Александромъ II »¹⁾.

Когда тамъ на югѣ, въ столѣтомъ Кіевѣ, о старой славѣ котораго, какъ блестящемъ прологѣ къ русской исторія, такъ сочувственно говорилъ въ одной изъ самыхъ первыхъ своихъ статей Ю. О. Самаринъ, когда тамъ, въ чозже такъ названной Малороссіи или Украинѣ, начертаны были эти пункты всеславянскаго кирилло-меѳодіевскаго братства, тогда въ другомъ, гораздо позднѣйшемъ историческомъ средоточии Руси, въ Москвѣ все болѣе и болѣе обрисовывалась школа такъ называемыхъ славянофиловъ и вела, такъ сказать, съ высоты Кремля, насколько это тогда оказывалось возможнымъ, войну съ такъ называемыми западниками. Если-бы тогдашняя Костомаровская программа не была изъята изъ употреб-

¹⁾ «Кіевская Старина» 1883 г., февраль, стр. 226—227.

лепія, а дошла до Москвы въ своемъ подлинномъ видѣ, не должны ли-бы были, чтобы быть послѣдовательными, согласиться съ нею тогдашніе, т. е. первоначальные папи славянофилы,—я разумѣю Кирѣевскихъ, Хомякова, Константина Аксакова и Юрія Самарина? Думаю, что смѣю можно отвѣтить: « да ». Но согласятся-ли съ нею славянофили теперешніе?—Будемъ надѣяться¹⁾).

¹⁾ Особыя подробности о тогдашнемъ славянскомъ обществѣ можно найти въ автобиографической запискѣ, продиктованной Н. И. Костомаровыи И. А. Вѣлозерской. « Приѣхали мы въ Кіевъ на 1-й день Рождества (1845 г.); тутъ-то впервые явилась мысль о созданіи общества, которое-бы имѣло цѣлью распространеніе идей славянской взаимности и будущей федераціи славянскихъ народовъ, на основанії полной свободы и автономіи народностей.

Однимъ изъ основныхъ правилъ общества было вербовать въ члены людей подготовленныхъ, а идеи распространять, гдѣ можно.

Въ январѣ 1846 года я началъ читать лекіи по русской истории въ кіевскомъ университетѣ и, во своей увлекающейся натурѣ, не знавшей золотой середины, предался имъ всею душой. Полною жизнью жилъ я въ то время. Идеи основаннаго мною общества поглощали меня до фанатизма. Я распространялъ ихъ, гдѣ могъ: съ каюеты между студентами, въ частныхъ разговорахъ между профессорами университета и даже въ духовной академіи. Идеи общества быстро попали въ ходъ. Однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ распространителей чуь бытъ Ильинчиковъ, пѣвшій сильное вліяніе на молодежь какъ своимъ умѣніемъ обращаться съ нимъ, такъ и своею честною личностью.

Въ 1846 году приѣхала матушка, и я поселился съ нею на Крещатикѣ. Къ этому-же времени относится мое знакомство съ Т. Шевченкою, которое совершилось необыкновенно быстро. На другой-же день мы говорили другъ другу « ты ». Когда я сообщилъ Шевченку о существованіи общества, онъ тотчасъ изъявилъ готовность пристать къ нему; но отнесся къ его идеямъ съ большими задорожь и крайнею нетерпимостью, что послужило поводомъ ко многимъ спорамъ между мною и Шевченкомъ.

Въ концѣ года приѣзжалъ въ Кіевъ Савичъ (брать профессора с.-петербургскаго университета)... и я завербовалъ его въ общество... Онъ измѣнилъ имена своего путешествія и вѣсто Наріжа рѣшилъѣхать въ славянскія земли для распространенія идей общества (члены его съѣздались въ Кіевъ на зиму и постоянно собирались то у того, то у другого). 28 декабря 1846 года было роковымъ днёмъ... Собралась мы на квартиру Гулака... Шевченко и я горячились, мечтали о томъ, какъ разрастается общество; Шевченко... выражался не совсѣмъ цenzурно о существующемъ порядкѣ...» (тутъ-то и подслушали и донесли) (стр. 212).

О томъ, что ожидало Костомарова въ Петербургѣ, при допросахъ въ бывшемъ III отдѣленіи, мы узнаемъ, между прочимъ, слѣдующее изъ той же его записи:

Костомаровская программа вполнѣ выражала идею единства въ разнообразіи. Только соблюдая ту свободу жизни, которая и оказывается въ разнообразіи, единство будетъ оставаться тою чисто духовною, ненасильственную связью, какую и можетъ лишь допускать красногольная въ настоящемъ славянофильствѣ «правда внутренняя». Со смертью основныхъ, первоначальныхъ славянофиловъ, постигшими ихъ какъ разъ передъ наступлениемъ столъ желанного ими для освобождения крестьянъ, мало по малу въ ихъ ученихъ о «правдѣ внутренней» стали пропикать кое какія позаимствованія у «правды вѣшней», со свойственнымъ ей принудительнымъ началомъ единства, уже не щадящаго жизненныхъ разновидностей. Вотъ съ этойто порою совпало окончательное развитіе возобновившейся съ новымъ царствованіемъ литературной дѣятельности Костомарова. Оставаясь вполнѣ вѣрнымъ себѣ, онъ, со своими южнорусскими единомышленниками, не то чтобы «давалъ, какъ оно кажется г. Кояловичу, большее значеніе славянскому единству, чѣмъ русскому»¹⁾, а понималъ это русское единство точно такъ-же, какъ и славянское, т. е. подъ условиемъ сохраненія всѣхъ входящихъ въ него разновидностей. При томъ подмѣнѣ внутренняго единства вѣшнимъ, который былъ неизбѣжнымъ слѣдствиемъ постороннихъ подмѣсей къ учению умершихъ славянофиловъ, недоразумѣнія между тѣми, кто считалъ себя ихъ преемниками, и бывшими основателями киевскаго кирилло-меѳодиевскаго общества все болѣе и болѣе обнаруживались. Вотъ эти-то недоразумѣнія и приводили южныхъ славяно-любцевъ къ осо-

«Орловъ подалъ мнѣ руку и сказалъ: очень радъ познакомиться съ вами, г. профессоръ! Мы имѣемъ обѣ васъ отличные отзывы, но къ сожалѣнію, у васъ нашли вещь очень преступную; намъ сообщено содержаніе: вы толкуете о соединеніи славянскихъ народовъ противъ деспотизма! Вѣдь, за это эшафетъ! Это не вы!... вы должны выдать намъ мерзавцевъ!...

— Не можете-ли вы изложить письменно, сказали далѣе Костомарову, что знаете о скрытыхъ цѣляхъ этого общества и вообще что знаете о славянѣ?

Меня отвезли назадъ и я написать цѣлую диссертацию о славянахъ, цитировалъ Шафарика и другихъ славянскихъ ученыхъ. Диссертацию эту отослали къ Дубельту, и онъ вскорѣ позвалъ меня къ себѣ.

— Зачѣмъ вы написали это? — спросилъ Дубельтъ. — Это годится для ученыхъ, а не для васъ. Это, мой добрый другъ, все поззія, а васъ надобно отправить въ крѣпость на всю жизнь». (Русская Мысль 1885 г., май, стр. 212 и слѣд.).

¹⁾ Кояловичъ, Исторія Русскаго Самосознанія.

баго рода сдѣлкамъ съ такъ называемыми западниками, хотя послѣдніе по прежнему видѣли для насть мало проку отъ общенія съ этимъ, будто какимъ-то особымъ, а въ сущности только отсталымъ славянскимъ міромъ. Но то и были именно только *сдѣлки*, и одному изъ главныхъ участниковъ того журнальчаго стана, къ которому по волѣ судебъ примикуль покойный Николай Ивановичъ, еще недавно пришлось, трактуя со своихъ культурныхъ высотъ о такомъ чудакѣ, какъ К. Аксаковъ, почти совсѣмъ обойти знаменитую рѣчь о немъ Костомарова. И въ самомъ дѣлѣ, въ этой рѣчи сказалось во многомъ такое согласіе съ только что склоненіемъ тогда знаменитымъ славянофиломъ, что г. Пыпину волей неволей приходилось скрывать эту невольную, но очевидную ересь своего сотрудника. Припомнимъ хоть слѣдующія слова этой рѣчи:

«Петровская реформа оторвала государственную сторону нашего национального быта отъ народной, привлекла къ первой, въ противорѣчіе съ послѣднею, образованность, поставила стѣну между классами народа и одну большую половину съ старою жизнью его отбросила за предѣлы развитія и исторіи, другую-же повела къ подражанію иноземцамъ...»

«Русская мысль и съ нею русская наука... хотѣла было обратиться къ покинутой, отвергнутой, презрѣнной старой народности, когда западные учителя позволили ей уважать то, что сдѣлалось достояніемъ черни, да не давалась ей эта народность, какъ отвергнутая Татьяна Онѣгину, когда презрѣвшіи деревенскую девушку, опѣ началь на нее глядѣть иными глазами, колѣ скоро другіе стали уважать въ ней знатную барыню» (Рѣчь о К. Аксаковѣ).

По вѣдь и позже Костомаровъ высказывалъ многое, вовсе не подходившее къ направленію того органа, въ которомъ онъ всего больше участвовалъ. Вспомнимъ хоть слѣдующее:

«Какъ въ глубокой древности древлянскіе послы говорили Ольгѣ, что ихъ послала земля, таѣ въ смутное время московского государства... московскіе послы подъ Смоленскомъ говорили полякамъ, что ихъ послала земля съ своимъ приговоромъ и они сами могутъ быть только слѣпыми исполнителями ея воли... Не смотря на самодержавную власть царей, они сами все еще иногда питали уваженіе къ землѣ, собирали земскія думы и желали знать мысль и волю земли, которой управляли. Только съ преобразованіемъ Россіи на

западный образецъ забылось значеніе земли, подъ вліяніемъ новой бюрократіи, не имѣвшейъ съ землей ничего общаго по роду происхожденія» («Начало единодержавія», —статья помѣщенная въ Вѣстникѣ Европы 1870 г., №№ XI и XII¹⁾).

Если такой убѣжденный западникъ, какъ Бѣлинскій, почему-то хорошо отзывался о Костомаровскомъ «Саввѣ Чаломъ», то онъ уже совершенно иначе отнесся къ нему потомъ. После сожженія первой диссертациіи Костомарова ученымъ трибуналомъ за вольнодумство, вторая его диссертациія подверглась со стороны знаменитаго критика глумленію—за выборъ такого нестоющаго просвѣщенаго виманія предмета, какъ народная словесность²⁾.

Вполнѣ послѣдовательный въ своемъ увлечениіи западомъ Бѣлинскій, года два спустя, т. е. въ 1845 г. приводилъ слова Савельева Ростиславича: «когда настанетъ судъ исторіи, тевтоискій міръ отдастъ славянамъ все, что взято», и затѣмъ съ увѣренностью отвѣ-

¹⁾ Многимъ изъ минувшихъ единомышленниковъ, конечно, не очень понравится и то, что только что напечатано въ автобиографической запискѣ Костомарова:

«Въ Ровно я сталъ неизрѣзанно относиться къ полякамъ помѣщиковъ и къ жидахъ: бесѣдую постоянно съ народомъ, я пѣть много слушаю убѣдиться, какъ страшно бѣденъ и забыть народъ на Волыни. Но выѣзжъ отсюда, русскіе помѣщики, по сравненію съ польскими, казались мнѣ почти гуманными людьми, и самый народъ, по жѣрѣ приближенія къ Великороссіи, казался мнѣ болѣе живымъ и крѣпкимъ» (Русская Мысль 1885 г., май, стр. 209).

²⁾ Въ своей автобиографической запискѣ самъ Николай Ивановичъ воспоминаетъ: «Бѣлинскій писалъ, что народная пѣсни—такой предметъ, который можетъ занимать людей, которымъ нечѣмъ заняться или которые неспособны заняться чѣмъ либо другимъ, и съ презрѣніемъ отзывался о диссертациіи, называя ее потокомъ словъ» (Русская Мысль, май, стр. 206). Но замѣчательно также и отношение тогдашняго ученаго міра не только къ первой, но и къ этой второй диссертациіи Костомарова. Нѣкоторые изъ профессоровъ не хотѣли признавать ее, приносящую очъ, такъ какъ самый предметъ диссертациіи казался страннѣмъ, неученіемъ. Профессоръ филологіи Протоненовъ до конца остался при этомъ мнѣніи и даже Артемовскій-Гулакъ, хорошо знавшій по малорусски, долго спорялъ и на кону согласился. За меня особенно заступился преподаватель всеобщей исторіи Лукинъ, безспорно одинъ изъ лучшихъ и достойнѣйшихъ русскихъ профессоровъ того времени. Онъ говорилъ, что въ моей диссертациіи проводится настоящій взглядъ на исторію, что для исторіи всего дороже народный голосъ, выраженіе народнаго чувства и мыслей. Слова Лукина многимъ показались дикими! «Хороша исторія!— говорили они.—Кому нужно знать, какъ чувствуетъ народокъ или дѣвка?».

чаль на это: «что именно взято и кѣмъ, желательно-бы знать. Но кажется этого и самъ порицатель не вѣдаетъ» (Бѣл. IX, 437). Еще позже, въ 1847 г., въ отвѣтъ на замѣчаніе Ю. Ф. Сзарина, что и на западѣ люди безпристрастные начинаютъ обращать сочувственное вниманіе на славянскій мірь, Бѣлинскій замѣтилъ:

«Если Сапдъ избрала предметомъ своего сочиненія гуситскую войну, это могло произойти безъ всякаго отношенія къ важности или неважности славянскаго вопроса, а напротивъ именно оттого, что гуситская война—событіе чисто европейское, западное, католическое, славянскаго тутъ—только национальное происхожденіе дѣйствователей да безплодный для нихъ исходъ героической впрочемъ борьбы. Когда дѣю борьбы взяло на себя германское племя, реформа восторжествовала надъ католицизмомъ», (Бѣл. XI, 360).

При всей своей гуманности Бѣлинскій такимъ образомъ отказывался понять, не смотря на то, что знаменитая западная писательница клала это прямо въ ротъ, все великое общественное значеніе безплодной гуситской борьбы, а равно и совершенное перерожденіе ея съ тѣхъ поръ, какъ плодопосно взялось за борьбу германское племя; точно также, при той-же своей гуманности, онъ не хотѣлъ понять глубоко соціального смысла упрековъ Луи-Бланы Вольтеру за его презрѣніе къ народу и съ ужасомъ восклицать по поводу ихъ: «святители! да это Шевыревъ»¹⁾.

Между тѣмъ, тамъ на «хочлацкомъ» югѣ, такъ докторально осмысливомъ со своимъ гепакомъ и жупаномъ, тѣмъ-же Бѣлинскимъ, Шевченко пишетъ въ 1845 г. свою, къ несчастью не дошедшую до лась поэму «Янъ Гусъ» и спабжаетъ ее сохранившимся, къ счастью, посвященіемъ «славному Шафарику». Тутъ тотъ-же самый тевтонскій мірь, который является у Бѣлинского въ качествѣ какой-то оклеветанной неніинности, рисуется уже въ иломъ совершенно видѣ, а этому бесполезному славянскому миру съ его, какъ казалось Бѣлинскому, геронческими неудачниками гуситами, творческимъ воображеніемъ украинскаго поэта предвозвѣщается то чудо воскресенія мертвыхъ, о которомъ такъ вызывающе поэтически каждогодно гла-

¹⁾ Замѣчательно, что въ той-же своей автобиографической запискѣ Костомаровъ, слушавшій Шевырева въ Москвѣ, называетъ его лучшимъ тогда изъ профессоровъ московскаго университета.

сить намъ пророчество Іезекіеля, за чудной заутреней великой субботы. Позволю себѣ привести основные черты изъ этого посланія Шафарику. Оно должно быть понятно намъ всѣмъ и въ подлинномъ языкѣ Шевченка малорусскомъ съ нѣкоторою примѣсью языка церковно-славянскаго, т. е. Кирилло-Меѳодіевскаго:

Запахлы у сусида
 Нову добру хату
 Сусидэ эли.—Нагрился
 Та и полягли снати
 И забули теплый поціль
 По полю розвіять...
 А на давнимъ пожарыци
 Искра братства тлила--
 Дотливала, дожидала
 Рукъ твердыхъ та смилыхъ...
 И дождалась.—Прозривъ еси ¹⁾
 Въ поцели глубоко
 Огонь добрый, смилымъ сердцемъ,
 Смилымъ орлимъ окомъ
 И засвітивъ, любомудре,
 Світочъ правды, воли
 И славянъ симью велыку
 Во тми и неволи
 Переличивъ до одного—
 Переличивъ трупы
 А не славянъ. И ставъ еси
 На велыхъ купахъ,
 На розпутти всеесвітнemu
 Іезекілемъ!—
 И, о дыво! трупы встали,
 И братъ зъ братомъ обнялися
 И проговорили
 Слово тихой любови
 На вики и вики,

¹⁾ Прозрѣть еси—обращеніе къ Шафарику.

И потекли въ одно море
 Славянскіи рики.
 Слава тоби, любомудре,
 Чеху славянине,
 Що не давъ ты потонути
 Въ немецкій пучинѣ
 Нашій правде!...

· · · · ·
 Привитай-же въ свой слави
 И мою убогу лепту—думу немудрую
 Про чеха святого...
 Про славнаго Гуса;
 Прійми, отче,—а я пишкомъ
 Богу помолося,
 Щобъ уси славяне стали
 Добрими братами
 И сынами сонца правды
 И еретыками—
 Оттакими, якъ Констанцій
 Еретыкъ великий!—
 Миръ мірови подарують
 И славу во вики.

Шевченко не даромъ назваъ Гуса *еретикомъ*. Онъ дѣйствительно еретикъ передъ тѣмъ западнымъ міромъ, которому поклонялся Бѣлинскій. Но такимъ его признавалъ у насъ не только латинствующій Крижаничъ, такимъ считали его и думавшие быть совершенно въ сторонѣ отъ Рима старинные русскіе люди, въ сознаніе которыхъ однако невозможнымъ образомъ проникалъ тотъ-же Римъ черезъ близкую къ намъ византійскую, т. е. восточную *Rимскую имперію*. Гусъ, этотъ представитель вѣроисповѣднаго права *народа*, такой-же еретикъ передъ всѣмъ вообще греко-римскимъ міромъ, какъ и наши первоучители, представители вѣроисповѣднаго права *народовъ*. Въ сущности та борьба, которая ведется не со вчерашнаго дня яко-бы на вѣроисповѣдно-христіанской почвѣ между западомъ и востокомъ, есть не что иное, какъ борьба междоусобная, а такая борьба всегда отличается особенною непримиримостью. Наши первоучители съ одной, Гусъ съ другой стороны стоятъ

между этими, ведущими междуусобную брань, западомъ и востокомъ, одинаково наслѣдовавшими, хотя и въ различныхъ видахъ слишкомъ многое отъ греко-римского дохристіанского государства. Наши первоучители и Гусъ находятся между ними, т. е. одинаково въ сторонѣ отъ обоихъ, потому что пребываютъ на чисто-христіанской бесприимѣсной почвѣ, принадлежать церкви, какъ любиль говорить Хомяковъ, просто церкви, подъ которой разумѣлось у него вселенское православіе. Конецъ междуусобной войны положится только тогда, когда обѣ стороны перейдутъ наконецъ на эту, отъ нихъ независимую, въ самомъ дѣлѣ церковную почву. Тогда-то окажется наконецъ «едино стадо и единъ пастырь», — пастырь не въ видѣ ни міродержавнаго пана, ни міродержавнаго кесаря, а въ прямомъ и подлинномъ смыслѣ зовущаго всѣхъ въ единеніе Духа Божія. Вотъ что представлялось въ духовномъ видѣніи и вдохновленному мыслителю славянофилу, когда, становясь и вдохновеннымъ пѣвцомъ, онъ взывалъ:

О братія! пльнъ тяжелый духа,
Ностыдный пльпъ мы разорвемъ,
Всей силой нравственнаго слуха
Призывъ нашъ внутренний поймемъ!
Духъ братства, кроткій, величавый,
Духъ мира снова воскресимъ,
И скажемъ свѣту слово славы
Еще не слыханное имъ! ¹⁾).

Ор. Миллеръ.

¹⁾ Стихи К. С. Аксакова.

АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ.

1580 (?)—1653 г.

(Историко-біографіческій очеркъ).

I.

Адамъ Григорьевичъ изъ Брусилова Кисель Низкиницкій происходилъ изъ небогатаго дворянскаго рода съверо-западной Волыни, гдѣ ему принадлежало во владимирскомъ повѣтѣ имѣніе Низкиничи съ селищами Коневичами и Подгайцами¹). Онъ былъ первымъ и единственнымъ представителемъ фамиліи, достигшимъ сенаторскаго званія и взятельного положенія въ Рѣчи Посполитой. Це имѣя выдающіхся знатностью предковъ за время принадлежности края Литвѣ и Польшѣ, тѣмъ болѣе кичился Адамъ Григорьевичъ предками болѣе древними, хотя и не засвидѣтельствованными докumentально,—русскими боярами кіевскаго великокняжескаго періода. При каждомъ удобномъ и даже почти неудобномъ случаѣ поминалъ онъ своего родоначальника, кіевскаго «воеводу» Святолода или Свентолича, утверждая, что «потомки его покорились Болеславу лишь послѣ того, какъ родоначальникъ ихъ, которому поручена была защита Кіева, наль въ самыхъ вратахъ города»,²), и возводя такимъ

¹) Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. 6, стр. 635.

²) Nie pierwey posteritas Boleslao cessit, aż pierwey in porta ipsa, powierzony sobie majać Kiiów, przodek poległ.—Памятники, изданные кіевскою

образомъ начало своего рода ко времени нашествія па Киевъ короля Болеслава Храбраго въ качествѣ союзника Святочлкова противъ Ярослава, въ 1018 году. Современники этому вѣрили или по крайней мѣрѣ подавали видѣть, что вѣрять, ибо въ ту эпоху всѣхъ одинаково обуревала страсть возводить начало своихъ родовъ ко временамъ самой отдаленцой древности. Происхожденіе Киселей отъ Святолда признавалось даже официально, и въ королевской грамотѣ 5 февраля 1646 г., которую возводится Адамъ Григорьевичъ въ званіе кіевскаго капитяна, говорится объ «именитомъ и стародревнемъ родѣ Свентолдичей-Киселей, ведущемъ начало отъ русской иннажеской фамиліи и подчинившемся польскому государству еще при королѣ Болеславѣ Храбромъ»¹). Быть можетъ, существовало на самомъ дѣлѣ и передавалось въ родѣ Киселей какое-либо преданіе о переселеніи ихъ предковъ въ польскіе предѣлы въ это далекое время, когда Болеславъ, уходя предъ Ярославомъ изъ Киева, «възма имѣніе и бояры Ярославлѣ и сестры его... и людій множество веде съ собою»²), такъ что еще четверть вѣка спустя, когда женился въ 1043 г. на сестрѣ Ярослава король Казимиръ, то «вдастъ за вѣно людій 8 сотъ, еже бѣ половина Болеславъ, побѣдивъ Ярослава»³). Въ прибавочномъ прозвищѣ Свентолдича не отказывали Адаму Григорьевичу даже столь скучные на всякие титулы и величанія московскіе бояре въ своей съ пять перепискѣ⁴). Переяло это прозвище и связанное съ нимъ преданіе въ малороссійскія хроники XVII вѣка, гдѣ встрѣчаемъ такія, напримѣръ, выраженія, какъ: «Адамъ Кисель, славнаго рода Святолда, бывшаго въ лѣто 1128 (sic) русскаго гетмана, фамиліантъ»⁵). Вошло оно и въ польскія геральдическія сочиненія тѣхъ-же временъ; такъ, Іїссецкій

комісію, т. I, отд. 3, № 7. Русскій переводъ этого мѣста въ Памятникахъ совершилъ неправильнъ, также какъ и текстъ въ изданіи Гельцеля, Jakuba Michałowskiego Księga pamiętnicza, стр. 29: «posteritas Bolesława».

¹) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 402.

²) Лаврентьевская лѣтопись подъ 1018 годомъ; Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. V, стр. 132.

³) Тамъ-же подъ 1043 г.; Полное собраніе, т. V, стр. 138.

⁴) Акты южной и западной Россіи, т. III, №№ 124, 128 (письма путьевъ-ского воеводы князя Долгорукаго); № 160 (отъ бояръ изъ Москвы).

⁵) Краткое описание Малороссіи (Лѣтоп. Самовидца по изданію 1878 г.), стр. 237.

говорить, что «кіевскій староста Кисель погибъ во время осады поляками этого города, когда онъ былъ подчиненъ еще русскимъ князьямъ. Позже, когда завоевали русскій край короли польскіе, Кисели всегда выступали въ качествѣ вѣрныхъ защитниковъ этого (т. е. польского) отечества». Любопытна у Нѣсецкаго легенда о происхожденіи самого имени Киселей и началѣ ихъ герба, который пожалованъ имъ, по легенду, «самодержцемъ русскимъ Влади- міромъ, около 1040 (sic) года, военачальнику Свентолдичу за удач- ную военную хитрость. Печенѣги, приступивъ къ Кіеву, не могли взять его тѣсной осадой и стремительнымъ нападеніемъ, ибо упорно и мужественно защищать его вѣрный военачальникъ Свентолдичъ. Видя, что города взять невозможно открытої силой, непріятель за- думалъ прииудить его къ сдачѣ голодомъ и для этого заступилъ всѣ пути, откуда только могли ожидать жители подвоза припасовъ. Свентолдичъ, понявъ намѣренія печенѣговъ, велѣлъ вырыть двѣ ямы, наполнить одну мукою, другую водой, и заквасить изъ этой муки тѣсто; когда напекли изъ него хлѣба, онъ велѣлъ метать его въ непріятельскій лагерь. Пораженные этимъ печенѣги, видя, что не могутъ побѣдить кіевлянъ ни силой, ни голодомъ, отчаялись въ усіхъ и отступили отъ города. За такую находчивость Владимиръ далъ Свентолдичу гербъ, а Киселемъ прозванъ онъ отъ квашенія (*kiszenia*) хлѣба»¹⁾). Не трудно узнать въ этой легенды искаженнное преданіе начальной русской лѣтописи объ осадѣ печенѣгами Бѣл- города въ 997 году; искаженіе крайне неудачно, ибо для печенія хлѣба, чтобы метать его къ врагамъ, не было никакой надобности заквашивать его въ нарочно для этого вырытыхъ ямахъ. По лѣтопис- ной-же редакціи, эта подробность получаетъ опредѣленный смыслъ, и весь разсказъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ имени Киселей. Когда истощались уже у осажденныхъ сѣстыре припасы, научилъ ихъ одинъ «старецъ» (т. е. почетный старикъ, одинъ изъ старѣ- шинъ города) вырыть два колодца; въ одинъ поставили кадь съ «цѣпью» (жидкимъ сырьемъ тѣстомъ), а въ другой съ медовой сытою, дали печенѣгамъ «талей» (заложниковъ), пригласили ихъ десять человѣкъ въ городъ и здѣсь говорили имъ: «Что можете створити намъ? Имѣемъ бо кормлю отъ землѣ: аще ли не вѣруете,

¹⁾ Korona Polska, т. II (по изданію 1738 г.), стр. 519.

да узрите своима очима». Затѣмъ при нихъ черпали изъ колодцевъ цѣжь и сыту, варили кисель, угостили имъ приглашенныхъ, отослали еще черезъ пихъ «корчагу цѣжи и сыты» печенійскимъ князьямъ, которые тоже варили и ёли кисель. Это убѣдило ихъ въ безплодности осады Бѣлгорода, отъ котораго они и отступили¹⁾). Весьма вѣроятно, что именно этотъ лѣтописный разсказъ послужилъ первымъ поводомъ пріурочить происхожденіе фамилії Киселей къ данному случаю и во временахъ великаго князя Владимира, впослѣдствіи же непосредственный поводъ пріуроченія былъ забытъ и осталась только традиція о началѣ ихъ рода изъ кіевскаго княжества X—XI столѣтія.

Въ литовскомъ періодѣ пайболѣе раннєе упоминаніе о Киселяхъ, отрывочное и недостаточно опредѣленное, относится къ первой трети XV вѣка: въ указанной грамотѣ 1646 г. упоминается Кисель Александръ, находившійся въ войскѣ короля Ягеллы и павший въ сраженіи его съ великимъ княземъ литовскимъ Свидригайломъ; Нѣсецкій къ этому добавляетъ, что мать Александра была урожденная княжна Четвертинская и что сыну его, имя котораго неизвѣстно, за отцовскія заслуги пожалованы королемъ имѣнія Низкиничи и Дорогиничи.

Свести представителей рода Киселей въ родословную таблицу представляется возможнымъ только съ конца XV—начала XVI ст., когда встрѣчаются о нихъ болѣе многочисленныя упоминанія, по большей части уже документальная. Въ помѣщаемой таблицѣ мы ограничиваемся поколѣніемъ, жившимъ и дѣйствовавшимъ одновременно съ Адамомъ Григорьевичемъ, т. е. не заходимъ далѣе его сверстниковъ; Костомаровъ говоритъ, правда, объ участіи въ событіяхъ того времени и племянника его (безъ имени), но это не подтверждается современными документами, а упоминаемые историкомъ «Богдана Хмельницкаго» факты относятся въ нихъ къ брату Адама Николаю. Почти всѣ приводимыя здѣсь лица упоминаются у Нѣсецкаго, съ поясненіемъ ихъ генеалогическихъ отношеній, поэтому на него въ каждомъ отдельномъ случаѣ не ссылаемся, указывая только упоминанія другихъ источниковъ. Итакъ

¹⁾ Полное собрание лѣтописей, т. I, стр. 55; т. V, стр. 123.

1. Никита (Кисель); известенъ только по имепованію сыпа его Никитичемъ. По принадлежавшимъ его сыну имѣніямъ, происходилъ въ прямой линіи отъ упомянутаго выше Александра и, судя по хронологическимъ даннымъ, приходился ему внукомъ, а можетъ быть и непосредственно сыномъ.	1
2. Тихно, земянинъ волынскій; дворянинъ королевскій при Жигимонтѣ I; упоминается въ волынской метрикѣ подъ 1528 г. (Нѣседкій); жена — на Гулевичевѣ, вторая-же жена его Мышинка, т. е. изъ фамиліи Мышка; въ 1545 году владѣльца Низкиничами и Дорогиничами и домомъ во Владимірѣ').	1
3. Димитрій, убитъ въ сраженіи съ татарами подъ Сокалемъ, т. е. въ 1519 году ²⁾).	2
4. Петръ, городничій витебскій	2
5. Гнѣвонь, полковникъ въ государствованіе Жигимонта I; въ 1545 году бытъ наиболѣе крупнымъ изъ совладѣльцевъ имѣній Хрынова и Чернева; убитъ въ сраженіи съ москвитянами подъ Оршей, т. е. въ 1568 году ³⁾ ; жена его Тризнянка (т. е. изъ фамиліи Тризна).	2
6. Янъ	4
7. Илья	4
8. Николай, Кисель-Дорогиницкій (? такъ у Нѣсекаго), владѣлецъ имѣнія Гуци, земскій витебскій писарь, въ 1647 году депутатъ сеймовыи и избранъ бытъ въ назначен-	

³⁾ Памятники, т. IV, отл. 2, стр. 24, 41, 113, 147.

²⁾ Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 402.

³, Тать-же и Памятникъ, т. IV, отд. 2, стр. 17. Около того-же времени, въ 1552 году, упоминается еще Кисель Александъръ, въ киевскомъ воеводствѣ; ему принадлежала часть пѣхнія Норинскаго, доля въ городѣ Оврутѣ, а другой въ замкѣ, также и двѣ замковыя городни. Несколько позже, во время присяги на люблинскую унію 1569 года, во владимирскомъ новѣтѣ жаль Кисель Андрей, з братанича (т. е. сыновья брата) его, Григорій и Тамохъ, проживали при матери въ Литвѣ. Но послѣднему указанию, ихъ можно принимать за сыновей Петра, въ такомъ случаѣ Андрей—четвертый сынъ Тихна. Родово-же положеніе Александра совершенно неясно. Архивъ юго-западной Россіи, ч. IV, т. 1, стр. 36, 37, 41, 49; Жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волынѣ, т. I, стр. 21, 25.

ную сеймомъ коммисію для разграниченія округовъ веліжскаго, усвятскаго и невельскаго ¹⁾); впослѣдствіи подсудокъ земли витебской, наконецъ подкоморій дерптскій; былъ въ штѣну на Москвѣ, будучи взятъ при сдачѣ Витебска осенью 1654 года; женатъ былъ на Грудзинской.	4
9. Маріанна	4
10. Анна, въ первомъ бракѣ за Витебскимъ земскимъ писаремъ Гуркомъ, во второмъ за Громадскимъ	4
11. Григорій, подстолій владимірскій; отличался въ московскихъ войнахъ (Нѣсцкій). Самое раннєе документальное упоминаніе о немъ, по тяжѣбному дѣлу съ владѣльцами сосѣдняго села Дегтева,—въ 1577 году. При Стефанѣ Баторіѣ былъ полнымъ писаремъ (т. е. секретаремъ штаба); тяжело раненъ въ сраженіи подъ Улой. Въ 1581 году жилъ уже на родинѣ: на завѣданіи князя Курбскаго въ числѣ свидѣтелей подписался «Григорій Кисель Низкиницкій». Безъ всякаго еще титула подписался онъ на другомъ документѣ, въ 1588 году. Съ 1593 же и до 1613 года встрѣчаемъ его неизмѣнно въ изборной должности земскаго владимирскаго подсудка. Кромѣ Низкиничъ, другія его имѣнія не упоминаются, равно какъ не попадалось намъ упоминаній о немъ позже 1613 года ²⁾ . Женатъ былъ, по Нѣсцкому, который ошибочно принимаетъ двухъ Киселей этого имени, на Федорѣ Иванницкой.	5
12. Янъ, отъ котораго идутъ Кисели-Дорогиницкіе. Въ 1594 году подписалъ въ качествѣ свидѣтеля листъ Кирилла Терлецкаго на имѣніе луцкаго епископства Водирады во владимирскомъ повѣтѣ, обѣ отдачѣ его въ аренду Станиславу Кандыбѣ ³⁾	5

¹⁾ *Volumina legum*, по изданію 1860 г., т. IV, стр. 60, § 64.

²⁾ Жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волынѣ, т. I, стр. 200; Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. 1, стр. 91, 373, 468; ч. I, т. 6, стр. 320, 325, 328, 391, 413; ч. III, т. 1, стр. 44, 47, 51, 402; ч. VI, т. 1, стр. 198.

³⁾ Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. 1, стр. 431.—Этотъ самый документъ подписалъ также Александръ Кисель-Дорогиницкій, но родового отношенія его къ предыдущему опредѣлить невозможно, если не признать его за одно лицо съ упоминаемымъ ниже (№ 23) сыномъ Яна, которому въ такомъ случаѣ въ

13. Адамъ-Францишекъ, первый изъ рода принялъ унію и построилъ базиліанскій монастырь въ Витебскѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, где былъ убитъ вышедшими изъ терпѣнія православными известный ихъ преслѣдователь Іоасафъ Кунцевичъ, недавно канонизованный, въ качествѣ мученика, папою Піемъ IX. Въ сеймовой конституції 1690 года, подтверждающей эту «недавнюю» фундацію, названъ однимъ только именемъ Адама ¹⁾	8
14. Петръ	8
15. Михаиль	8
16. Самуиль, хорунжій витебскій	8
17. Адамъ, которому и посвящена настоящая статья	11
18. Николай, хорунжій новгородскій. Въ 1626 г., въ хоругви брата своего Адама, участвовалъ въ сраженіи противъ шведовъ и былъ тяжело раненъ пулею въ голову. Вероятно, принималъ непосредственное участіе въ усмирении козацкаго восстанія Шавлюка подъ Боровицею: по крайней мѣрѣ, данный козаками 24 декабря 1637 г. присяжный листъ о покорности, явленъ 20 февраля 1638 года для внесенія въ актовыя книги Николаемъ Григорьевичемъ, уже въ приведенномъ выше званіи. Былъ посломъ на сеймахъ въ 1638, 1641, 1645, 1648 годахъ, а въ 1650 году избранъ маршалкомъ на сеймикѣ черниговскаго воеводства. Въ 1638 и 1641 году его избирали въ сеймовую комиссию по разграничению воеводствъ кіевскаго съ черниговскимъ, въ 1646 г. по опредѣленію границъ съ московскимъ государствомъ и для ревизіи пріобрѣтенныхъ отъ Москвы по поляновскому договору имѣний. Въ 1649 г. былъ посланъ комиссаромъ къ козакамъ и былъ съ братомъ въ Переяславѣ у Хмельницкаго; во время збаражской осады	

1647 году, во время московского посольства, слѣдуетъ дать не менѣе 74 лѣтъ, ибо для подписи документа онъ долженъ быть уже совершеннолѣтнимъ.

¹⁾ Volumina legum, изданіе 1860 года, т. V, стр. 401, § 26. При этомъ освобождены отъ всѣхъ повинностей въ пользу войска находившіяся въ его владѣніи деревни: Жеребцая, Пурзы и Яшкевичи, зъ озеромъ и рч. Селявицей, принадлежащія къ королевскимъ имѣніямъ и уступленныя Киселемъ новому кляштору.

начальствовалъ собственной хоругвью и участвовалъ въ неудачномъ парламентерствѣ Задвилыховскаго къ Хмельницкому. Въ 1650 году получилъ, по уступкѣ отъ брата (т. е. съ вѣдома и согласія короля), старство черкасское. Тогда-же ъздилъ единолично въ Чигирицъ для переговоровъ съ Хмельницкимъ. Въ 1651 году, при осадѣ козаковъ въ Винницѣ, былъ убитъ во время штурма, а по другимъ, болѣе точнымъ, извѣстіямъ, попалъ со своею хоругвью на устроенные парочно Богуцомъ проруби па р. Богу, гдѣ и утонулъ. Костомаровъ ошибочно распредѣляетъ относящіеся къ этому лицу факты между двумя лицами, считая новгородѣвверскаго хорунжаго племянникомъ Адама, брата-же его почему-то именуетъ Юремъ¹⁾.

19. Пётръ	11
20. Матвій; слѣдуетъ сице добавити:	12
21. Навла и	12
22. Гавріла, убитыхъ въ 1636 году, въ сраженіи со шведами подъ Гнѣвомъ (Möwe), гдѣ они были въ хоругви Адама Григорьевича ²⁾	12
23. Александъръ, подстолій черниговскій; посолъ на сеймѣ въ 1637 году, избранъ депутатомъ въ радомскій трибуналъ; въ 1647 году снова членъ сейма, избранъ комиссаромъ по проведению границъ съ московскимъ государствомъ; участвовалъ въ посланствѣ Адама на Москву ³⁾ .	

Этими сверстниками Адама воеводы закончимъ его родословіе, добавляя лишь еще одну геральдическую подробность. Гербъ Киселей, изображенный на изданномъ въ іюльской книжкѣ «Кievskой

¹⁾ Борданъ Хмельницкій, см. въ указателѣ при III томѣ; Памятники, т. I, отд. 3, стр. 234, 312, 314, 316, 320, 328; т. II, отд. 3, стр. 50, 56; Архивъ юго-западной Россія, ч. II, т. 1, стр. 284, 315; ч. III, т. 1, стр. 367; Jak. Michałowskiego Księga, стр. 259, 272, 451, 811, 815; Лѣтопись Грабянки, стр. 70. Vol. leg., т. III, стр. 449, § 42; т. IV, стр. 16, § 61; 45, § 5 и 6; Twardowski, Woyna domowa, стр. 68; «Кievская Старина», 1882 годъ, февраль, стр. 377 (Днѣвникъ Освѣція).

²⁾ Архивъ юго-западной Россія, ч. III, т. 1, стр. 403.

³⁾ Vol. leg., т. III, стр. 434, § 4; Акты южной и западной Россіи, т. III, № 120, стр. 116.

Старинъ портретъ, совершенно сходень съ описаніями его у древнихъ геральдиковъ по рисунку, но не по краскамъ. Окольскій, а за пимъ и Нѣсецкій, говорятъ, что шатерь въ гербѣ не «зеленый въ желтомъ полѣ», какъ изображено на портретѣ, а пестрый, бѣлый съ червымъ, поле-же красное; на верху шатра не крестъ, а золотой шаръ; надъ щитомъ «темный шаръ съ золотыми обручами» — это обычный геральдический плземъ.

II.

Годъ рождения Адама Григорьевича съ точностью намъ неизвѣстенъ; судя же по тому, что въ 1648 г. онъ жаловался на свою старость, а также по участію его въ первомъ походѣ королевича Владислава на московское государство и въ южной арміи Жолкевскаго подъ Бушей, т. е. въ 1617 г., рожденіе его слѣдовало-бы отнести къ послѣднему десятилѣтію XVI вѣка¹⁾). Но по упомянанію самого-же Киселя въ письмѣ отъ 31 (21) мая 1648 г. къ примасу Андрею Лубенскому о томъ, что свою примирительную политику относительно козаковъ онъ позанимствовалъ отъ Жолкевскаго, можно заключать, что онъ служилъ подъ начальствомъ послѣдняго въ Українѣ еще до шведской и потомъ московской войны, такъ какъ съ этой поры утихаютъ козацкіе беспорядки,—т. е. въ послѣдніе годы XVI ст. Въ такомъ случаѣ рожденіе его придется отодвинуть къ семидесятымъ годамъ того-же вѣка, не позже во всякомъ случаѣ 1580 г. Ссылка Киселя на авторитетъ Жолкевскаго²⁾ очень важна, и мы должны будемъ ниже воспользоваться ею подробнѣе.

Послѣ неудачи подъ Бушей, Кисель сочувствовалъ Жолкевскому подъ Орынинъ (1619 г.) и къ гибельной для Жолкевскаго Цецорѣ (1620 г.) Потомъ онъ участвовать въ хотинскомъ походѣ (1621 г.) и продолжать служить подъ начальствомъ гетмановъ великихъ Ходкевича и Конецпольскаго, спачала, какъ человѣкъ небогатый, «худоахолокъ», служилъ только «почтомъ», т. е. съ

¹⁾ Памятники киевской коллегіи, т. I, отдѣлъ 3, № 7; Архивъ юго-запад. Россіи, ч. III, т. I, стр. 404; Буша нынѣ Яруга, хѣстечко могилевскаго уѣзда подольской губерніи, вадъ Днѣстромъ.

²⁾ Michał. Księga, стр. 30; Памятники, т. I, отд. 3, № 7.

нѣсколькими товарищами (росчет). Но шесть лѣтъ спустя, въ не-счастной битвѣ противъ Густава-Адольфа, подъ Гнѣвомъ, онъ уже начальникъ хоругви, въ которой служать его родичи; изъ нихъ, какъ упомянуто, раненъ его родной братъ и убито два двоюродныхъ. Объ этомъ вспоминаетъ черезъ двадцать лѣтъ король Владиславъ, говоря, что самъ онъ былъ очевидцемъ мужественнаго поведенія Адама въ бою¹⁾.

Не знаемъ, когда именно умеръ Григорій Гнѣвошевичъ; но именно смерть его, по всей вѣроятности, вызвала Адама домой, въ Низкиничи, для получения наследственного имѣнія и приведенія въ порядокъ дѣлъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ его въ 1631 г. и при томъ безъ всякаго титула, простымъ земяниномъ²⁾. Да и нѣкстати было ему отправляться хотя-бы ко двору фанатического католика Жигимонта III, отъ которого ему, какъ православному, трудно было ожидать какихъ либо милостей. Но король умеръ 30 апраля 1632 г., едва успѣши передать только-что вернувшемуся изъ-за границы старшему сыну Владиславу свою наследственную, хотя и фиктивную, шведскую корону. Кисель поспѣшилъ къ знавшему его королевичу, известному религиозной терпимостью. Съ 27 іюня начался «конвокаціонный» сеймъ, задача которого состояла въ разсмотрѣніи недостатковъ минувшаго правленія, причемъ неокончателльныя сеймовыя решения передавались на предварительное разсмотрѣніе мѣстныхъ сеймиковъ, а утвержденіи могли быть только на «элекційномъ» сеймѣ, назначенному на 27 сентября. Самый выборъ короля долженъ быть окончиться не позже, какъ черезъ шесть недѣль, т. е. до 9 декабря. О пѣкоторыхъ обстоятельствахъ этихъ сеймовъ необходимо упомянуть здѣсь подробнѣе, такъ какъ ими опредѣлилась будущая карьера Адама Григорьевича.

На конвокаціи заявлены были самые настоятельныя требованія равноправности со стороны уѣсненныхъ при покойномъ королѣ исповѣданій; диссиденты разныхъ сектъ заключили на этотъ разъ политический союзъ между собою, а затѣмъ и съ православными. Требованія послѣднихъ совпадали съ требованіями явившихся на тотъ-же сеймъ козацкихъ пословъ; послѣдніе, кромѣ

¹⁾ См. примѣчаніе 1 и 2 на стр. 58.

²⁾ Ариалъ юго-западной Россіи, ч. I, т. 6, стр. 635.

заступничества за православіе, просили такоже о возстановленіи ихъ правъ, недавно (1625 г.) ограниченныхъ договоромъ куруковскімъ или на Медвѣжьихъ Лозахъ. Маю того: они даже домогались, какъ люди рыцарскаго званія, допущенія ихъ къ участію въ избранії короля, что было, конечно, отвергнуто шляхтою съ негодованіемъ. Относительно расширенія правъ даны неопределенный обѣщанія подъ условіемъ вѣрной службы, тоже сказано и о греческой религії. Почти столь-же малаго успѣха добились и защитники интересовъ православія изъ числа членовъ самого сейма: имъ и разновѣрцамъ обѣщано было новое разсмотрѣніе вопроса на засѣданіи сеймѣ; временно-же, до избранія короля и до сейма коронаціоннаго, пріостановлено было дѣйствіе стѣснительныхъ распоряженій прошлаго царствованія какъ противъ «разновѣрцевъ», такъ и противъ православныхъ, особенно противъ ихъ высшей іерархіи, возстановленной безъ участія и вопреки волѣ правительства и католического большинства; обѣщано было даже возвращеніе имъ епископскихъ каѳедръ, занятыхъ униатами, равно многихъ монастырей и церквей, даже учрежденіе новыхъ епархій въ Бѣлой Руси. И все же, хотя постановленія конвокационнаго сейма не имѣли, какъ сказано, никакой окончательной силы, католические прелаты, подписывая эдиктъ каптуровый, т. е. установление порядка управлениія во время безкоролевья, добавляли къ подпись оговорку, что они соглашаются на все изложенное «безъ нарушенія цѣлости правъ римско-католической церкви»¹⁾). По другому извѣстію, духовные сановники, въ видѣ уступки, рѣшились изменить формулу: «безъ нарушенія правъ моей епархіи»²⁾). Останавливаемся на этомъ эпизодѣ въ виду его высокой важности для дальнѣйшихъ событий. Здѣсь впервые козачество, корпорація сословная, выступаетъ на генеральную защиту интересовъ не сословныхъ вовсе, а общенародныхъ, выступаетъ не одно, какъ это было въ 1625 г., а въ союзе съ православною частью дворянства. На этой почвѣ,—хотя только на этой,—

¹⁾ Z zastrzezeniem całości praw Rzymsko-katolickiego kościoła. — Pisarski, по изданію Бартомевича въ польскомъ переводе, стр. 363. У Костомарова (по рукописи), Монографії т. IX, стр. 97, въ латинской формулѣ вѣтъ слова Romanae, но именно оно возбудило позже протестъ.

²⁾ Костомаровъ, также, стр. 99: salvis juribus diocesiae meac.

оно необходило сблизжалось съ православнымъ русскимъ дворянствомъ, по совпаденію требованій, что и не замедлило выразиться на ближайшемъ сеймѣ, а еще больше впослѣдствіи.

На засіданій сеймѣ козаки выслали снова пословъ, съ заявленіемъ тѣхъ-же требованій о восстановленіи прежніхъ правъ (въ сущности никогда не упроченныхъ положительнымъ закономъ), съ письмомъ къ королевичу Владиславу, въ которомъ они предлагаютъ поддерживать его кандидатуру всѣми силами, и съ повтореніемъ просьбы о восстановленіи правъ церкви православной, нарушенныхъ унію. Имъ отвѣтили слова совершенно неожиданно, съ выговоромъ за неумѣстныя для шляхты выраженія и за «необычность» данной имъ отъ козачества інструкціи вообще.

Но послѣдній пунктъ козацкихъ просьбъ энергично поднялся и въ самомъ сеймѣ. Особенно выдѣлились здѣсь, какъ искусные защитники интересовъ православія, Вороничъ, Древинскій (известный съ этой стороны и раньше, волынскій чашникъ, Лаврентій) и *Adamъ Ігорьевичъ Кисель*, избранный теперь въ число «кантуровыхъ» судей, т. е. на время безкоролевья. Онъ переносилъ вопросъ съ почвы церковной на чисто политическую, доказывалъ, что декретами Жигимонта III противъ православныхъ 1627—1630 гг. нарушаются свобода и равноправность православныхъ шляхтичей (*chodzi tu nie o wiare, ale o miarę*), ясно этимъ опредѣляя характеръ своихъ возврѣній. При несомнѣнной своей набожности и преданности исповѣданію предковъ, онъ поворачивалъ вопросъ такъ слишкомъ круто въ видахъ парламентской тактики, употребляя современное выраженіе. Но въ то же самое время ясно обрисовывается передъ нами гордый сознаніемъ своей принадлежности къ господствующему въ Рѣчи Посполитой сословію представитель олигархіи, своего рода *civis Romanus* новаго времени, которому сословная и политическая его прерогативы дороги если не въ большей, то въ одинаковой мѣрѣ, какъ и унаследованная отъ предковъ вѣра... Другой изъ защитниковъ православія на этомъ сеймѣ, Древинскій, съ которымъ конечно Кисель имѣлъ предварительная совѣщанія о распределеніи ролей, какъ это бываетъ между членами одной партіи во всякомъ законодательномъ собраніи, ставилъ въ свою очередь вопросъ вѣнѣ обсужденія по существу, а на почву политическую. Кисель говорилъ, что дѣло сейма не богословское, волынскій-же

чалинікъ доказывалъ, что оно и не юридическое, ибо права греческаго исповѣданія въ Рѣчи Посполитой основаны не на какихъ либо королевскихъ грамотахъ, а просто на ея древности. Въ этомъ его поддержалъ глава диссидентовъ Криштофъ Радзивиль, и рѣшено было предоставить дѣло третейскому суду «короля шведскаго» (*in partibus*), т. е. королевича Владислава, котораго и просили объ этомъ депутаты православныхъ и униатовъ, безъ участія католиковъ, ибо *формально* споръ имѣлъ только между двумя первыми исповѣданіями. Владиславъ составилъ особую комиссію изъ двухъ сенаторовъ и четырехъ пословъ, по его личному выбору, и призначалъ необходимымъ, согласно заключенію комиссіи, утвердить окончательно данная православнымъ фактически на конвокациіи временные уступки. Такимъ оборотомъ сеймъ былъ поставленъ въ невозможность отказать въ утвержденіи, и по выборѣ Владислава въ короли онъ могъ дать въ пользу православныхъ дипломъ не отъ себя только лично, въ качествѣ короля, а на основаніи сеймового постановленія, т. е. имѣющей силу закона государственного. Дипломомъ этимъ узаконялась православная іерархія, въ 1620 г. возстановленная, но такъ, что ея представителей покойный король не только не признавалъ; а всѣльѣ предавать суду; возвращались отъ униатовъ захваченные ими епархіи на Волини и въ Червоной Руси, равно какъ многие монастыри съ ихъ имѣліями и церкви; разрѣшилось учредить пѣсколько епархій вновь: все это подъ главенствомъ кіевскаго митрополита, посвящаемаго патріархомъ константинопольскимъ и отъ него зависимаго¹⁾.

Обратимъ теперь внимание на связь иѣкоторыхъ историческихъ событий, оказавшихъ непосредственное влияніе на судьбы лица, которому посвященъ настоящій очеркъ.

Король Владиславъ IV не былъ ни ослѣпленнымъ фанатикомъ, подобно своему отцу, ни столь недальновиднымъ политикомъ, чтобы не видѣть, что разнузданная олигархія пілахты раньше или позже способна привести къ гибели его государство. На первыхъ-же пострадахъ, когда канцлеръ литовскій Альбрехтъ Радзивиль, фанатиче-

¹⁾ Весь ходъ этого дѣла на сеймахъ 1632 г. изложенъ у современника Пясецкаго, стр. 355—383, подробнѣе же у Костомарова, по рукописямъ Императорской публичной библіотеки, Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 94—112 (изданіе 1884 года).

скій католикъ (тогда какъ его родственникъ, Криштофъ, польный літовскій гетманъ, былъ ревностнымъ кальвіністомъ), отказалъ приложить печать къ диплому православнымъ, король прогрозилъ при первой-же вакансіи назначить канцлеромъ «еретика», и наущанные прелаты сами поспѣшили склонить Радзивилла на уступку. Естественно, поэтому, было ему искать себѣ вѣрныхъ слугъ между некатоликами. Что касается взглядовъ его на піляхетское полновластіе, то онъ ихъ тщательно скрывалъ; известно однако, что задуманная имъ подъ конецъ царствованія война противъ турокъ имѣла заднею мыслію увеличеніе постоянной арміи, съ цѣлью «приборкать» шляхту.

Такимъ образомъ, дѣйствуя въ пользу православныхъ, король не поступалъ противъ совѣсти. Но была тутъ и другая сторона, чисто политическая. Утверждалась іерархія, возстановленная Сагайдачнымъ, вождемъ козацкимъ, удовлетворялись тѣмъ самыми и новыя ходатайства козаковъ по дѣламъ греческой церкви. Владиславу близко знакомо было козачество, приходившее къ нему на помощь подъ Москву въ 1618 г., въ числѣ 20 тысячъ, а три года спустя, однимъ козакамъ онъ обязанъ быть своимъ спасеніемъ во время хотинского похода 1621 года. Теперь онъ снова нуждался въ козакахъ, ихъ нужно было прilаскать, и послы ихъ возвратились съ сейма съ самой милостивой грамотой короля, а что имъ было обѣщано на словахъ гораздо больше сдѣланного,—видно уже изъ опасенія повѣрить это бумагѣ, но въ грамотѣ упомянуто: «*Послы ваши подробнѣе скажутъ обо всемъ*»¹⁾.

Въ то-же время, рядомъ съ козаками, греческую церковь защищало на сеймѣ и многочисленное еще тогда православное дворянство. Особенно энергичнымъ и искуснымъ защитникомъ, рядомъ съ престарѣлымъ уже Древинскимъ, выступаетъ Адамъ Кисель. Естественно ожидать, что именно въ немъ будетъ искать законоправнаго союзника православное козачество, что онъ въ свою очередь будетъ пользоваться у козаковъ авторитетомъ и вліяніемъ. Вотъ это-то обстоятельство и оказываетъ въ немъ королю человѣка, который можетъ оказаться очень полезнымъ. Притомъ-же, это *homo novus*, не своеобразный магнатъ, а рядовой шляхтичъ изъ небога-

¹⁾ Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 109—110.

тыхъ; что ни получить онъ въ будущемъ, куда ни выдвинется,— всѣмъ будетъ обязанъ лично королю, и нечего опасаться, что примкнетъ онъ, поднявшись выше, въ магнатской оппозиціи противъ короля: хоть-бы онъ даже и захотѣлъ, они его не примутъ, ибо онъ во-первыхъ высокочека, а во-вторыхъ схизматикъ.

Такая цѣль неизбѣжныхъ послѣдствій извѣстного уже намъ ряда фактовъ должна была предвачертать будущую дорогу Адама Григорьевича, опредѣлить въ общихъ чертахъ всю его судьбу.

Мы не рѣшились-бы, конечно, изложить всѣхъ этихъ соображеній, если-бы они основывались только на видимой ихъ логической послѣдовательности: это было-бы безплоднымъ гаданіемъ о томъ, что могло-бы случиться, если-бы... Но мы основали ихъ на разсмотрѣніи касающихся нашего предмета фактovъ за все послѣдующее двадцатилѣтіе, до самой смерти Киселя, и избрали такую предположительную форму изложенія лишь для того, чтобы яснѣе указать роковую связь этого послѣдующаго съ предыдущимъ, хранившимъ въ скрытомъ видѣ его ростки, которымъ оно, какъ все и всегда на свѣтѣ, заранѣе было въ общемъ уже опредѣлено...

III.

Послѣ коронаціи Владислава IV, въ началѣ 1633 г., Адамъ Григорьевичъ остался при его дворѣ, въ качествѣ «дворянина королевскаго»: такъ назывались тѣ изъ придворныхъ, которые не занимали особыхъ, определенныхъ должностей,—ибо здѣсь были тѣ-же чины, что и коронные, государственные, напримѣръ маршалъ падворный, подскарбій падворный. «Дворянъ», по ихъ обязанностямъ, можно до извѣстной степени сопоставить со свитскими офицерами или даже флигель-адъютантами нашего времени; на нихъ возлагались самыя разнообразныя порученія, ихъ посылали всюду, гдѣ требовалось присутствіе довѣренаго отъ короля и тѣмъ самымъ авторитетнаго лица. Адаму Григорьевичу на первый-же разъ пришлось выполнить порученіе сколько серьезное, столько-же и щекотливое: ему поручено было отобрать отъ униатскаго епископа Почаповскаго и передать православному луцкому епископу Александру (Анастасію) Чузинѣ, согласно новому диплому, жидичинскую архимандрію съ ея богатымъ монастыремъ, имѣніями

Тернками и Теремнимъ, и церковью Богородицы на предмѣсты въ Луцкѣ¹⁾.

Но вслѣдъ затѣмъ ему предстояло дѣло гораздо большей важности какъ въ чисто-политическомъ отношеніи, такъ равно и для него лично.

Московское государство до высшей степени тяготилось деулинскимъ перемирнымъ договоромъ 1618 г., заключить который оно вынуждено было крайнимъ ущадкомъ силъ, оставивъ за Польшею захваченные ею земли сѣверскую, черниговскую, а главное— первостепенную пограничную крѣпость Смоленскъ. Необходимость отдохновенія и устройства внутреннихъ дѣлъ заставляла Москву свято соблюдать невавистный договоръ: она, подобно Россіи нашихъ временъ, по извѣстному выраженію покойнаго канцлера кн. А. М. Горчакова, «не будировала, но собиралась съ силами». Срокъ деулинского перемирія, заключеннаго на четырнадцать съ половиною лѣтъ, истекалъ въ юнѣ 1633 г. Но смерть Сигизмунда III представилась московскому правительству удобнымъ случаемъ нарушить его раныше, и оно послѣдило воспользоваться эпохой безкоролевья, надѣясь встрѣтить слабый отпоръ. Была снаряжена большая рать подъ начальствомъ того-же самаго боярина Михайла Борисовича Шеина, который сдалъ Смоленскъ въ 1611 г. и которому представлялась такимъ образомъ возможность загладить давнишнюю неудачу. Шеинъ энергически повелъ осаду и Смоленскъ, не смотря на мужественную оборону коменданта Станислава Водзкаго, близокъ быть къ паденію.

Королю Владиславу IV приходилось собирать войско и спѣшить на выручку осажденнымъ. Немедленно по окончаніи коронаціонаго сейма, какъ только король возвратился изъ Кракова въ Варшаву, сдѣланы были распоряженія о сборѣ войска къ Ориѣ и заготовкѣ военныхъ припасовъ. Стягивая вѣтъ наличныя силы на помощь близкому къ паденію Смоленску, королю необходимо было изыскать особыя средства для защиты земли сѣверской. Охрана границъ отъ стороны Путівля возложена была на Киселя. Отира-

¹⁾ Архивъ юго-западной Россіи, ч. VI, т. I. Жидачинъ, на р. Стырѣ, недалеко отъ Луцка къ сѣверу. У Костомарова (Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 99) архимандрія ошибочно названа Жидичевской.

вившись въ Запорожье, онъ успѣлъ собрать двадцать тысячъ козаковъ, заставилъ москвитянъ снять осаду Чернигова и затѣмъ, соединившись съ ополченіями брацлавскаго воеводы Лукаша Жолкевскаго, старосты калушскаго и Переяславскаго и владѣльца нѣсколькихъ нынѣшнихъ уѣздовъ полтавской губернії, князя Іеремія Вишневецкаго, вмѣстѣ съ ними вторгнулся въ предѣлы московскаго государства. Задача этихъ войскъ состояла преимущественно въ томъ, чтобы препятствовать сбору въ порубежныхъ мѣстностяхъ новыхъ ополченій противъ главной арміи Владислава, которая наступала къ Смоленску, куда и успѣла прибыть во время, такъ что осаждающи должны были отступить и перейти въ оборонительное положеніе. Отряды Вишневецкаго, Жолкевскаго и приведенные Киселемъ козаки также дѣйствовали вполнѣ успѣшно. Они опустошили огнемъ и мечемъ путинськія, брянскія, сѣверскія, рильскія, курскія, кромскія, карачевскія и болховскія волости московскаго государства¹⁾.

Война эта, какъ известно, окончилась чрезвычайно успѣшно для Владислава и несчастливо для москвитянъ, въ особенности для Шеина лично. Отбитый отъ города, онъ окопался на приднѣпровскихъ возвышеностяхъ, сохранившихъ доныпѣ имя Шеинова кургана, осажденъ былъ здѣсь поляками, и въ концѣ концовъ вся русская рать сдалась 4 февраля 1634 года на капитулaciю. Войскамъ данъ свободный пропускъ, но поляки забрали знамена, болѣе ста двадцати орудій и порохъ, запасы котораго были такъ велики, что еще во время осады города царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1654 году оставалось его 77 бочечковъ, да взято гетманомъ Радзивиломъ 80 центнеровъ и разстрѣляно на «виваты» не мало²⁾. Шеинъ былъ обвиненъ на Москвѣ въ измѣнѣ и осужденъ на смерть. Результатомъ его несчастнаго похода былъ договоръ «вѣчнаго докончанья», на рѣчкѣ Поляновкѣ, по которому Москва закрѣпляла за Польшей черниговскую, сѣверскую и смоленскую земли, даже со сдачею не взятыхъ еще городовъ, какъ Дорогобужа, Бѣлаго

¹⁾ Всѣ эти подробности изъ грамоты королевской, самаго же Владислава, 1646 года. Архивъ юго-западной Руссіи, ч. III, т. 1, стр. 403—404.

²⁾ Собрание актовъ, изданіе виленской археографической комиссіи (1858 г.), стр. 51, 102.

и др., самые титулы «киязя смоленского, черниговского» исключены у царя, а присвоены королю во всѣхъ дѣловыхъ бумагахъ съ московской стороны. Владиславъ-же съ своей стороны уступилъ Москвѣ одинъ звукъ пустой,—онъ отрекся отъ титула «нареченаго царя московскаго»¹). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что своими успѣхами Владиславъ въ весьма значительной степени обязанъ былъ диверсіямъ со стороны сѣверского пограничья, въ томъ числѣ Киселю съ его козаками.

И онъ это понялъ, и оцѣнилъ всю важность содѣйствія ему тѣхъ-же силъ въ будущемъ, если представится въ нихъ надобность. Адаму Григорьевичу пожалованъ былъ на ленномъ правѣ городъ Кобыцъ и Козарградъ въ новообразованномъ черниговскомъ воеводствѣ, здѣсь-же дано ему багатое старство Носовское, и скоро мы видимъ его въ должностяхъ черниговскаго подкоморія, а главноe—ему была поручена ближайшая административная власть надъ козачествомъ, въ непосредственной зависимости отъ великаго короннаго гетмана, которымъ былъ тогда краковскій капитянъ Станиславъ Конецпольскій²). Дѣятельность Киселя въ качествѣ главнаго комиссара надъ козаками заслужила впослѣдствіи благодарность короля. Но напрасно Костомаровъ полагалъ³), будто здѣсь Кисель «выступилъ посредникомъ между козаками и правительствомъ», будто онъ, въ августѣ 1631 г., явился на «вальную» (всесобицую) козацкую раду на рѣкѣ Русавѣ потому только, что узнать о ея характерѣ, т. е. о допущеніи не однихъ реестровыхъ, но и поспольства, явился по собственному почину, въ качествѣ посторонняго мediatora.

¹⁾ Gołębiowski, Panowanie Władysława Jagieły, стр 11—13, 58—63; Piasecki, Kronika, стр. 390—393, 396—401: Памятная книжка смоленской губерніи на 1864—1865 годъ; Moraczewski, Strożytnosci Polskie, т. II, стр. 471—473. Одна изъ послѣдніихъ грамотъ Владислава съ титуломъ московскаго царя, данная подъ Смоленскомъ въ 1634 г., относится къ Кіеву: подтверждение правъ шевскаго цеха на купленный имъ дворъ. Сохранилась въ подлиннике; русскій переводъ напечатанъ нами въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1870 года, № 57.

²⁾ Королевская грамота 1646 г., Архивъ юго-западной Россіи, отд. III, т. I, стр. 404. Кобыца теперь мѣстечко Козары козелецкаго, а Носовка мѣстечко кѣжинскаго уѣзда.

³⁾ Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 124—126.

Нисколько. Кисель присутствовалъ здѣсь въ самой недвусмысленной роли,—онъ былъ прямымъ представителемъ *правительства*. Кроме нѣсколько разъ уже цитированной грамоты 1646 года, имѣмъ о томъ свидѣтельство болѣе близкое. Годъ спустя, когда возставшіе подъ главенствомъ Павлюка козаки вынуждены были смириться, то въ присягѣ своей подъ Боровицею они должны были выразить раскаяніе въ убийствѣ своихъ старшинъ, «данныхъ имъ, властію его королевской милости, отъ комиссаровъ: подкоморія черниговскаго Адама изъ Бруслова Киселя, старосты посовскаго, и полковника королевскаго, сына брацлавскаго воеводы, Станислава изъ Потока Потоцкаго». Далѣе въ той-же присягѣ козаки говорятъ, что они уже обращались къ польному коронному гетману черезъ тѣхъ-же лицъ, «господъ комиссаровъ, которые предъ тѣмъ войско (т. е. козацкое) въ порядокъ устроили и старшинъ намъ назначили»¹⁾.

Мы настаиваемъ на этомъ, повидимому, мелочномъ фактѣ потому, что онъ представляется важнымъ съ нашей, біографической, точки зрѣнія: такой или иной характеръ участія лица въ известныхъ событияхъ, т. е. частный или официальный, несомнѣнно долженъ быть принятъ во вниманіе при оцѣнкѣ этихъ дѣйствій съ ихъ нравственной стороны. Подробнѣе мы коснемся этого вопроса въ концѣ статьи, здѣсь-же отмѣтимъ только, что такое различіе, въ отношеніи къ Киселю, очень хорошо сознавали современные ему козаки. Они, въ виду соприкосновенія известныхъ точекъ во взглядахъ обѣихъ сторонъ, относились къ нему съ известнымъ сочувствіемъ и довѣріемъ, во всякомъ случаѣ совершенно иначе, чѣмъ къ тѣмъ, кто былъ имъ принципіально враждебенъ по всѣмъ пунктамъ. Король впослѣдствіи ставилъ Киселю въ заслугу, что во время козацкаго возстанія 1637 года онъ успѣшилъ собрать нѣсколько сотъ человѣкъ войска, присоединился во главѣ этого отряда къ польному гетману Николаю Потоцкому и содѣствовалъ ему въ подавленіи мятежа. Козаки, конечно, заслугою этого считать не могли; но не считали они такого образа дѣйствій Киселя и винюю, не ставили ему этого лыка въ строку: на ихъ взглядѣ, въ данномъ случаѣ, по выражению незнакомой имъ поговорки, каждая изъ сторонъ faisait son mѣtier. Этимъ и объясняется, что

¹⁾ Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. I, стр. 368—369.

послѣ пораженія подъ Кумейками и Боровицею, они продолжали защищаться до послѣдней крайности и рѣшились выдать Павлука съ четырьмя другими предводителями лишь послѣ того, какъ Кисель поручился имъ, что король помилуетъ выданныхъ плѣнниковъ¹). Очевидно, Кисель пользовался у нихъ болѣшимъ авторитетомъ, хотя и стоялъ въ рядахъ противниковъ.

Знать это хорошо онъ самъ, посыпая козакамъ свое письмо при гетманскомъ универсалѣ, обѣщающемъ прощеніе всей ихъ массѣ, если они покорятся и станутъ просить милости. Разсчитывалъ Адамъ и на то, что слово заступничества съ его стороны будетъ имѣть вѣсъ и передъ королемъ. Не принялъ онъ только въ разсчетъ одного: что самъ король въ Польшѣ того времени былъ не болѣе какъ марionеткой, игрушкою въ рукахъ всесильной шляхты. На собравшемся въ февралѣ 1638 года сеймѣ послы проявили крайнее ожесточеніе противъ козаковъ, требовали совершенно уничтожить ихъ силою, а Павлука, въ виду присвоенія имъ какъ-бы самостоятельной царственной власти надъ всей Украиной, порѣшили увѣнчать раскаленной желѣзной короной, давъ ему въ руки раскаленный-же скіпетръ. Напрасно было горячее заступничество за нихъ со стороны Киселя. «Они сдались добровольно, говорилъ онъ: я поручился, что Рѣчи Посполитая даруетъ имъ жизни; иначе они-бы защищались до послѣдней возможности. Если теперь, не смотря на мое поручительство, ихъ казнятъ, то это подорветъ вѣру въ слово не только поручителя, но и довѣрителя, то-есть Рѣчи Посполитой». Протестъ его не былъ уваженъ, и только король отмѣнилъ приготовленный Павлуку съ товарищами варварскій и въ то-же время буфонскій способъ казни, вместо котораго имъ отрубили въ Варшавѣ головы и потомъ взоткнули ихъ на колъя²).

Такъ подрывала сама шляхта предъ козаками авторитетъ единственного замѣтнаго лица изъ своей среды, которое могло имъ пользоваться! Послѣдствія нарушенія обѣщаній отъ имени правительства, данныхъ однимъ изъ признанныхъ его представителей,

¹⁾ Kronika Pawla Piaseckiego, стр. 418. Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 146.

²⁾ Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 155 (по рукописи Императорской научной библиотеки).

не замедлил обнаружиться въ томъ иначе необъяснимомъ фактѣ, что вслѣдь за только что полученнымъ тяжелымъ урокомъ, вслѣдь за жестокими казнами въ лѣвобережной Украинѣ, которыми Николай Потоцкій думалъ затращать населеніе и сдѣлать его безмоловно покорнымъ, немедленно-же вспыхнуто новое народное возстаніе въ еще болѣе грозныхъ размѣрахъ. Связь этихъ двухъ фактовъ такъ рѣзко бросалась въ глаза, что ее тогда-же отмѣтилъ Пясецкій въ нѣсколькихъ лаконическихъ фразахъ. Историкъ этотъ, польскъ и католической бискупъ, съ полуоткрытымъ горыкомъ ироніей говорить о дѣятельности сейма 1638 года. Разсказавъ о возбужденіи жителей Гданска противъ сеймового постановленія о взиманіи и здѣсь пошлины съ товаровъ, подобно иностраннымъ цортамъ, и о возникшей по этому поводу ожесточенной полемикѣ на письма и въ печати, намекнувъ далѣе о подкупахъ по этому дѣлу, Пясецкій продолжаетъ: «этому дѣлу никогда не пришлось бы испытать недостатка въ защитникахъ; но не нашлось никого, кто бы вступилъ за козаковъ, вождь которыхъ Павлюкъ съ товарищами своего плѣна напрасно ссылался на поручительство за его жизнь, данное черниговскимъ подкомориемъ Адамомъ Киселемъ, и сложилъ во время этого сейма голову на плахѣ. Отняты всѣ вольности, наданныя обществу польскихъ козаковъ, и мѣстечко Терехтемировъ, а гетманамъ предложено снова отправиться противъ нихъ, перевести со свѣта тѣхъ, которые-бы вздумали сопротивляться приговору сейма, и тогда устроить милиciю на новый ладъ. По этому-то козаки въ этомъ старательнѣе позаботились о своей безопасности». Передавъ затѣмъ очень скжато ходъ возстанія Гуни, Остранина и Скидана, историкъ передаетъ, что козаки, осажденные надъ рѣкой Старцемъ, долго не хотѣли вступать ни въ какіе переговоры, *всѣльствiе не-сдержаннаю обѣщанiя Павлюку* (данного Киселемъ) и не соглашались выдать никого изъ своихъ предводителей. Когда- же, наконецъ, имъ поручился самъ гетманъ, что на предстоящемъ сеймѣ имъ будутъ возвращены прежнія вольности, они также согласились до той поры соблюдать во всемъ предписанный имъ Рѣчью Посполитою порядокъ, т. е. куруковскій договоръ. «Но и этихъ обѣщаній имъ не сдержали: ибо когда они, обезспеченные завѣршениемъ въ свободномъ пропускѣ, оставили свой укрѣпленный лагерь и стали расходиться небольшими отрядами по домамъ, королевское войско избило

большую часть ихъ, а права ихъ и привилегіи погрязли печально въ неопределенныхъ сеймовыхъ препирательствахъ»¹⁾.

По словамъ все той-же грамоты 1646 г., Кисель, постъ козацкихъ возстаній, «посѣтивъ Запорожье и извѣдавъ всѣ козацкіе способы, предложилъ средства къ удержанію этого войска въ добромъ порядкѣ, которыя привели къ благопріятнымъ послѣдствіямъ». Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что поляки посылали на Запорожье, въ промежуткѣ двухъ возстаній, т. е. въ февраль 1638 г., полковника Мелецкаго, въ качествѣ комиссара, съ двумя полками реестровыхъ козаковъ, чтобы выгнать и вывести оттуда всѣхъ бѣглецовъ и оставаться тамъ для сторожи. Ноходить его кончился неудачею, а по его удаленіи здѣсь избранъ былъ въ старшие Остранинъ. Сопутствовалъ-ли ему, теперь уже безъ званія комиссара, Адамъ Григорьевичъ, или же онъ посѣтилъ Запорожье осенью того-же года, вслѣдь за усмиреніемъ Остранинова бунта,— во всякомъ случаѣ приведенное мѣсто грамоты указываетъ прямо на него, какъ на инициатора тѣхъ стѣснительныхъ мѣръ въ отношеніи козачества, какія были введены у нихъ во время рады на Масловомъ-Ставѣ²⁾). Въ этомъ убѣждаетъ и самый характеръ принятыхъ мѣръ: главною изъ нихъ, кромѣ перевода главнаго мѣста управленія козачествомъ, а следовательно и артиллеріи, изъ лежащаго надъ Днѣпромъ Терехтемирова, откуда легко было увозить ее по водѣ въ датѣ лежацій Корсунь, было назначеніе козакамъ главнаго начальника и полковниковъ исключительно изъ шляхтичей, а именно такую мѣру предлагалъ Кисель и раньше того³⁾.

(Продолженіе с.мъдуется).

¹⁾ Kronika Piaseckiego, стр. 422—423: «Przywileje ich na wãtpliwych obradach sejmów nedznie uwisły».

²⁾ Теперьнее село Масловка въ каневскомъ уѣздѣ, около мѣстечка Козина и р. Руссавы.

³⁾ Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 131, 177.

МАЙОРУССКАЯ ПОХОРОННАЯ ПРИЧЕТЬ И МИФИЧЕСКОЕ ЕЯ ЗНАЧЕНИЕ.

Похоронные притчанія вводять нась въ область такъ называемыхъ мифовъ биологическихъ, т. е. знакомятъ съ первобытными воззрѣніями на жизнь и смерть. Къ сожалѣнію, этотъ родъ пародныхъ произведеній не обращалъ до сихъ поръ на себя должнаго вниманія: не только ученые въ своихъ излѣдованіяхъ слегка касались ихъ, даже собиратели не давали имъ много места въ своихъ сборникахъ среди другихъ произведеній народнаго творчества¹). Только въ 1872 г. великорусская похоронная причеть, благодаря трудамъ Е. В. Барсова и содѣйствію общества любителей российской словесности, явилась на свѣтъ въполномъ своемъ видѣ и тотчасъ-же обратила на себя вниманіе. Г. Баталинъ на страницахъ Филологическихъ замѣтокъ прямо заявилъ, что «Причтанья» г. Барсова восполнили собою весьма значительный пробѣлъ, существовавшій до тѣхъ поръ въ сборникахъ памятниковъ народнаго творчества²). Не смотря на это заявленіе, притчанія не привлекли на

¹) Изъ сборниковъ, въ которыхъ помещено вѣсколько образцовъ похоронной причети, можно назвать сборники Рыбакова и Шейна; кроме того вѣсколько плачей можно найти въ «Описании одонецкой губерніи» г. Дашкова.—Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1841 г. № 12.—Что касается ученыхъ, то въ своихъ изслѣдованіяхъ упоминаютъ о похоронной причети гг. О. Миллеръ, Бусласевъ и др. Объ этомъ подробно сказано у г. Барсова.—«Причтанья сѣверного края» т. I, введеніе.

²) См. Филологическая Записка 1873 г. т. II, ст. «Народное творчество».

себя особеннаго вниманія и не вызвали попытокъ излѣдоватъ представляемый ими материалъ. Предположивъ произвести излѣдованіе похоронной причети въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и посвятить особую статью великорусской похоронной причети ¹⁾), я въ предла- гаемой вниманію читателей статьѣ намѣренъ остановиться исключи- чительно на причети малорусской, какъ ближайшѣй сестрѣ причети великорусской.

Если великорусская похоронная причеть наша, хотя и поздно, своего настоящаго собирателя, то этого отнюдь нельзя сказать о причети малорусской: до сихъ поръ мы не имѣемъ по этой части ничего, подобнаго сборнику г. Барсова; есть только нѣсколько образцовъ малорусской причети въ сборникахъ г. Метлинскаго ²⁾ и у г. Терещенка ³⁾). Нельзя не пожалѣть, что г. Чубинскій, имѣвшій возможность собирать малорусскую причеть въ полномъ видѣ, не обратилъ на нее должнаго вниманія. Довольно подробно записавъ различныя повѣрья и обряды, связанные съ смертью, онъ далъ мало образцовъ похоронной причети, руководствуясь, вѣроятно, высказаннымъ имъ соображеніемъ обѣ однообразіи ея ⁴⁾). Такое заключеніе обѣ однообразіи малорусского «голосиння» надѣ умершими слишкомъ поспѣшно и составлено по первому впечатлѣнію. Правда, въ каждомъ «голосиннѣ» дѣйствительно выражается неутешная скорбь по умершему и нежеланіе жить безъ него на бѣломъ свѣту. Но, во-первыхъ, не изъ однихъ-же только подобныхъ изліяній состоитъ малорусская похоронная причеть; во-вторыхъ, не эти изліянія составляютъ главное значеніе произведеній этого рода. Вотъ это-то главное въ содержаніи малорусской причети и просмотрѣлъ г. Чубинскій, чего, конечно ему въ вину никакъ нельзя ставить, потому что для этого нужна слишкомъ специальная подготовка. Дѣло въ томъ, что среди указанного г. Чубинскимъ однообразія изліяній въ мало-

¹⁾ См. Русский Филологический Вѣстникъ, т. XIII, стр. 227—231.

²⁾ Народныя южно-руssкія пѣсни, стр. 292—293.

³⁾ Быть русскаго народа, ч. III, стр. 87 и др.

⁴⁾ См. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ. Юго-западный отдѣль. Материалъ Чубинскаго, т. IV, стр. 697—713. Вотъ его подлинныя слова: обычай «голосиння» надѣ умершими принять во всѣхъ вѣдностяхъ Малороссіи и вездѣ отличается своимъ однообразіемъ. Ibid., стр. 705.

русской причети тамъ и сямъ попадаются *выраженія*, на основаніи которыхъ можно прослѣдить вѣрованія, ведущія свое начало изъ глубокой старины. Эти-то, такъ сказать, оазисы миѳологическихъ вѣрованій, встрѣчающіеся въ марорусскомъ «голосинні», и составляютъ одну изъ важныхъ сторонъ его; они-то и были неполны въ представленныхъ до сихъ поръ образцахъ малорусской похоронной причети. Послѣднее обстоятельство, между прочимъ, побудило меня, несмотря на замѣчаніе г. Чубинскаго объ однобразіи, заняться собирашеніемъ малорусской похоронной причети съ тѣмъ, чтобы со временемъ (если тому побылагопріятствуютъ обстоятельства) издать ее, какъ существенное дополненіе великорусскихъ причитаній¹⁾.

Пользуясь отчасти собраннымъ мною самимъ матеріаломъ, отчасти матеріаломъ, даваемымъ другими собирателями, я постараюсь въ настоящей статьѣ указать оставшіеся въ малорусскомъ «голосинні» слѣды вѣрованій, составляющихъ достояніе общеславянское и восходящихъ ко временамъ отдаленнѣйшимъ.

Ни одно изъ явлений міра физического, доступныхъ наблюдению первобытного человѣка, не производило на него такого глубокаго впечатлѣнія, какъ смерть. Причина этого, по всей вѣроятности, заключается въ той таинственности, которою окружены переходъ отъ жизни къ смерти. Въ самомъ дѣлѣ, что доступно было въ этомъ великому послѣднемъ актѣ жизненной драмы младенческому уму первобытного человѣка?—Одинъ бездыханный трупъ доступенъ былъ仅有имъ чувствамъ его, обо всемъ-же остальному онъ могъ только гадать.

Всматриваясь въ явленіе смерти ища разрѣшенія его, человѣкъ прежде всего долженъ быть остановиться на самомъ актѣ смерти. Его прежде всего поражала рѣзкая перемѣна, происходившая въ организмѣ человѣка: вместо полнаго тепла и жизненной силы организма передъ нимъ лежать холодный и неподвижный трупъ покойника. Нужно было подыскать какое либо объясненіе этой первой загадки смерти.

Живя тѣсною жизнью съ природой, понимая ее по аналогіи съ своимъ собственнымъ существованіемъ, человѣкъ естественно,

¹⁾ См. Русский Филологический Вѣстникъ, т. ХII, стр. 179 и слѣд.

для разъясненія своихъ недоразумѣній, долженъ быть обратиться къ этой вѣшней природѣ. Наблюдая въ ней перемѣны дня и ночи и временъ года, онъ не могъ не замѣтить аналогіи между смертью и зимою съ одной стороны, между жизнью и лѣтомъ съ другой. Какъ лѣтомъ, при свѣтѣ и теплотѣ солнца, вся природа полна жизни и дѣятельности, такъ и тѣло человѣка оживляется внутреннею силою, отнемъ, заключеннымъ внутри его; наоборотъ, какъ зимою вмѣстѣ съ исчезновеніемъ солнечной теплоты и свѣта умирала вся природа, такъ и тѣло человѣка съ исчезновеніемъ внутренняго огня лишилось дѣятельности, цѣпенѣло. Отсюда естественнымъ путемъ возникло возврѣніе, по которому жизнь отождествлялась съ свѣтомъ и солнцемъ, а смерть съ мракомъ и холодомъ¹). Слѣды этого возврѣнія, общаго славянамъ и индоевропейцамъ, находимъ и въ малорусской похоронной причети. Мать, оплакивая преждевременную смерть дочери, причитаетъ:

Зашло мое сонечко красное,²) т. е. жизнь дочери закатилась, подобно тому, какъ закатывается ежедневно солнце и вся природа погружается въ мракъ.

Съ другой стороны актъ смерти напоминалъ человѣку актъ сна. Отсюда переходъ къ возврѣнію, что смерть есть сонъ. Подобное возврѣніе было естественнымъ слѣдствіемъ болѣе раннаго, вышеупомянутаго, возврѣнія, по которому смерть отождествлялась съ мракомъ³). Въ самомъ дѣлѣ, если смерть отождествлялась съ мракомъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ она должна была отождествляться и съ сномъ, въ который погружаетъ всю природу зимній мракъ. Указанія на такое отождествленіе смерти со сномъ, встрѣчающееся въ мифологіяхъ и другихъ народовъ⁴), видимъ мы въ слѣдующихъ выраженіяхъ, съ которыми иногда обращаются къ умершимъ:

¹) См. Аѳанасьевъ, Поэтическій возврѣнія славянъ на природу, т. I, стр. 182; Потебня, О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ, стр. 32.

²) Терещенко, Быть русскаго народа, ч. III, стр. 90; Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 70.

³) Аѳанасьевъ, Поэтическое возврѣніе, т. III, стр. 36—37; Потебня, О миѳическомъ значеніи нѣк. обр., стр. 34, 294—295.

⁴) См. Аѳанасьевъ, ibid., т. III, стр. 36; Шеппиагъ, Миѳы славянскаго язычества, стр. 31.

Встань, моя матинко! встань, моя ридненська¹⁾.

Такъ объясняль себѣ первобытный человѣкъ актъ смерти. Но человѣческий разумъ въ явленіи смерти долженъ быть открыть и другую сторону, болѣе внутреннюю. Помимо акта смерти нужно было еще объяснить таинственную силу, производящую самъ этотъ актъ; объяснить же себѣ эту силу младенченское сознаніе народа могло не иначе, какъ представивъ ее себѣ въ какомъ либо видимомъ образѣ. Изъ такихъ видимыхъ образовъ смерти малорусская похоронная причеть сохранила лишь указаніе на образъ смерти птицы. Вотъ нѣсколько выражений изъ малорусскихъ плачей, представляющихъ, по моему мнѣнію, слѣды первобытнаго воззрѣнія на смерть:

«Коли буде зозуля кувати, я буду еи питати: чи не бачила моеи ненъки ридненько? Скажи ій, зозуленъко, якъ мни тошно, якъ мни гирко безъ ненъки жити²⁾».

На порози стояла,
Зозуленъка кувала,
А я жъ про своего братика
Въ ней питала:
—Чи не бачила мого братика и проч.³⁾.

Да соловеечки будуть щебетати, а я буду прислухатись, чи не до мене йде моя вирная дружина на пораду⁴⁾.

Будутъ штапками тамъ (т. е. на томъ свѣтѣ) литьать, а мы будемо читать: чи не бачили нашии матуси дорогоп?⁵⁾

Во всѣхъ приведенныхъ здѣсь мѣстахъ изъ малорусскихъ причинаний птицамъ приписывается способность приносить вѣсти съ того свѣта. Такая способность тѣсно связана съ вѣрою въ вѣщи птицъ вообще, такъ распространеною у различныхъ народовъ и представляющею остатокъ глубокой старины⁶⁾. Птицамъ приписывается спо-

¹⁾ Метлинскій, стр. 293; Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 701; Терещенко, Бытъ русского народа, ч. III, стр. 93).

²⁾ Метлинскій, стр. 293.

³⁾ Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 703.

⁴⁾ Русский Филологический Вѣстникъ, т. XII, стр. 183, № 1.

⁵⁾ Ibid., стр. 184, № 2.

⁶⁾ См. Аполлоньевъ, т. I, стр. 508; Шердля, Начало релагій и слѣды монотеизма въ язычествѣ, Православное обозрѣніе. 1884 годъ, октябрь, стр. 294 — 295.

собность предсказывать смерть и приносить вѣсти съ того свѣта потому, что самая смерть представляется въ образѣ птицы. Вотъ почему я и считаю приведенные выше выраженія малорусской причети за указанія на образъ смерти-птицы. Что касается другаго, болѣе поздняго образа смерти—антропоморфического, то въ извѣстныхъ мнѣ образцахъ малорусскихъ плачей пѣть указаній на него; но что у малороссовъ этотъ образъ существуетъ, доказываетъ I т. Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи, гдѣ мы находимъ различные антропоморфические образы смерти: она представляется то тощею женщиной-старухой, то женой въ бѣлой рубахѣ, съ распущенными волосами, то человѣческимъ скелетомъ, съ косою въ рукахъ¹⁾.

Умирая человѣкъ теряетъ внутреннюю силу, которая оживляла его. Эта сила называется *душою*. Народъ не могъ оставить безъ вниманія и эту вторую часть человѣческаго существа, имѣющу такое важное для него значеніе. Онъ долженъ былъ высказать свое возврѣніе и на нее.

Извѣстно, что у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ существуетъ представленіе души въ образѣ вѣтра, на что указываютъ самыя названія души, сохранившіяся въ языкахъ этихъ народовъ²⁾). Помимо вѣтра душа представлялась еще въ образѣ дыма или пара, облака, огня звѣзды и пр. Изъ этихъ многочисленныхъ образовъ души малорусское «голосинна» не знаетъ ни одного; есть только весьма незначительные слѣды возврѣнія, по которому она сближалась съ звѣздою, огнемъ и т. п. Объ этихъ слѣдахъ я скажу ниже, когда поведу рѣчь о возврѣніи на мѣсто загробнаго міра; а теперь упомяну еще объ одномъ вѣрованіи, весьма распространенномъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и встрѣчающемся въ малорусской причети, вѣрованіи, по которому душа по смерти человѣка можетъ принять на себя образы различныхъ животныхъ. Изъ всѣхъ имѣющихся у меня подъ руками образцовъ

¹⁾ Ibid., стр. 217—219.

²⁾ Сравн. сл. душа, лат. *anima*, *spiritus*, *spirare* (дуть и дышать), *anima*, *animus*, гр. *ψυχή* (вѣтеръ и душа), *πνεῦμα* и *πνέω*, *φυγὴ* (=душа) и *φύγειν* (—дуть), санскр. *âma* (душа) и *ânila* (—вѣтеръ) образованы *V* ан. Такая-же тѣсная связь между понятіями души и вѣтра существуетъ и у народовъ не-индоевропейскихъ. Такъ кит. *ki* означаетъ и дуновеніе я душу, еврейское *nefesh* и *ruchach*—вѣтеръ и душу и пр. (См. Шерцеръ, Ibid., стр. 275).

малорусскихъ причитаній я нашелъ указаніе на подобнаго рода вѣрованіе только въ одномъ плачѣ дочери по матери. Плачъ этотъ записанъ въ г. Нѣжинѣ черниговской губерніи.

Дочь спрашивается мать-покойницу, когда она къ ней въ гости пріѣдетъ и какъ:

Да коли ты до мене въ гости прибудешъ, да чи ты итти-
мешъ, чи летитымешъ, чи плеститимешъ? Уточкою плеститимешъ,
буду ряску розгоняти, зозулю будешъ летиты, сады буду росхи-
ляти, дорогою итимешъ, буду дориженьку промитаты, буду и
воритички одчиняты¹⁾).

Позволю себѣ сопоставить съ этимъ слѣдующія мѣста изъ
плачей великорусскихъ:

Покажись-приди, надежная головушка,
Хоть съ-подъ кустышка приди да сѣрымъ заюшкомъ,
Изъ подъ камышка явись да горносталюшкомъ...
Хоть съ погоста прилети да черной галочкой,
Перелетной покажись да малой пташечкой...
Хоть съ чиста поля явись яснымъ соколомъ,
Со темныхъ лѣсовъ явись сизымъ голубемъ,
Хоть съ глубокихъ озеръ сѣрой утушкой²⁾).

Способность оборачиваться, т. е. принимать всевозможные
образы, пѣкоторыми изслѣдователями народныхъ произведений (Афанасьевъ)
считалась исключительнымъ свойствомъ мертвцевовъ, что
едва-ли вѣрно³⁾. Оборачиванье-же въ частности въ утку и зозулю⁴⁾
разбираемой причети можно объяснить миѳическими выраженіемъ
вообще въ образѣ птицы-вѣтра⁵⁾). Тутъ такимъ образомъ мы встрѣ-
чаемся съ воззрѣніемъ, по которому душа переходитъ въ вѣтеръ.

¹⁾ Записано въ Цѣжинѣ ученицей гимназисткой Кл. Широжниковой.

²⁾ Барсовъ, Причтанія, т. I, стр. 19, 19—21; 65, 29—21; 171, 71—74

³⁾ См. О. Шиллера, Опытъ исторического обозрѣнія русской словесности,
ч. I, стр. 94, примѣчаніе 2.

⁴⁾ О символическомъ значеніи этихъ птицъ въ малорусской поэзіи см. Объ
историческомъ значеніи русского народного права, Н. И. Костомарова, стр. 67 и
84 и друг.

⁵⁾ Въ отдельные вѣка язычества молніямъ придавался миѳический образъ
червя, гусеницы, а вѣтрамъ птицы». Афанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія. Сл. ы
иц., т. III, стр. 214 и др.

и носится вмѣстѣ съ нимъ, т. е. съ возрѣніемъ, сопѣтствующимъ вѣтрамъ Ведъ-Марутамъ, въ которыхъ толкователи Ведъ видятъ души усопшихъ¹⁾.

Одухотоворя всю природу, перенося на нее свои психические процессы (антропопатизмъ) и даже формы своей жизни (антропоморфизмъ), первобытный человѣкъ долженъ быть надѣлить жизнью и бездыханный трупъ. Въ самомъ дѣлѣ, если все окружающее человѣка жило своею жизнью, то отчего-бы также не жить своюю особою жизнью и трупу покойника? Сильно развитой у первобытного человѣка инстинктъ жизни не мирился съ мыслью о конечномъ уничтоженіи послѣ смерти, и вотъ явилось возрѣніе, что со смертью жизнь земная не прекращается, но только принимаетъ новыя формы.

На существованіе подобнаго возрѣнія указываютъ погребальные обряды какъ древнихъ народовъ, такъ и современныхъ дикарей.

Что касается малорусской причети въ частности, то и она сохранила слѣды подобнаго вѣрованія. Прежде всего самое название гроба, куда полагаютъ трупъ умершаго, въ малорусскомъ языке весьма характерно. Такъ въ причитаньяхъ гробъ называется *гатой*²⁾, иногда съ присоединеніемъ эпитетовъ *смутна* и *не весела*:

Охъ, моя дочечко! Та чого-жъ це ты таку хату забажала,
смутну та не веселу³⁾. Замѣчательна просьба, съ которой обращаются къ сосѣдямъ и дальнимъ родственникамъ, приглашая ихъ сдѣлать гробъ и вырыть могилу для умершаго. Поздоровавшись, обыкновенно говорятъ: «Прийтій, будьте ласкави, до нась, та поможете построить моему батькови (чи тамъ матери) нову хату; не скотивъ у старії житъ. Другое не менѣе характерное название гроба—*домовина*.

Изъ указаннаго ясно, что смерть считалась только переходомъ къ новой жизни, или, говоря языкомъ причети, переходомъ въ *нову хату*. Подобнаго рода возрѣніемъ, очевидно, руководствовались при постройкѣ гробовъ въ древнее время: эти гробы, какъ показали раскопки кургановъ, имѣли видъ домика или шатра, смотря по тому, принадлежать ли курганъ осѣдлому племени, или кочевому⁴⁾.

¹⁾ Ор. Миллеръ, Опытъ .., стр. 94.

²⁾ Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 706.

³⁾ Русскій Филологический Вѣстникъ, т. XII, стр. 186, № 1.

⁴⁾ Шейковскій, Бытъ податянъ, вып. 2, стр. 5.

Если покойникъ переходилъ только въ новый домъ и начинать только новую жизнь, то надо было позаботиться, чтобы эта жизнь была спокойна, чтобы въ новомъ домѣ не было ни въ чёмъ недостатка. Отсюда возникло обыкновеніе полагать въ гробъ вмѣстѣ съ умершимъ различные предметы. Изъ имѣющихъ подъ руками данныхъ мы узнаемъ, что въ Малороссіи въ гробъ кладутъ *деными*, чтобы окунуть мѣсто¹⁾, *мадону*²⁾ и *макъ*, если умершая—старуха, имѣющая внуковъ, «щобъ було чимъ на тимъ свити онуковъ обсыпать, якъ прийдутъ ѿсти просыть»³⁾). Кроме того сюда нужно присоединить *поминки*⁴⁾ и причитанья, съ которыми обращаются въ могилѣ: чи чуete вы, мій батеньку и моя матусенько? Чи вамъ тамъ лучше, чи намъ тутечки?⁵⁾

Тоже вѣрованіе сказывается и въ слѣдующихъ вопросахъ, съ которыми обращаются къ умершимъ: допю моя, голубонько! да куды-жъ ты одѣ мене одряжаешъся?⁶⁾ или: куды-жъ це ты йдешъ, мене покидаешъ?⁷⁾ Особенно это ясно выражено въ слѣдующихъ словахъ плача матери по дочери: иди, мое дитятко, *въ далеку дорогу* и пр.⁸⁾). Ясно, что трупъ существа близкаго оплакивали; по плачу этотъ былъ не надъ окончательно погибшимъ, а только надъ *отправившимся въ далекій путь*.

Если живые старались устроить какъ можно покойнѣе жизнь умершихъ въ новомъ жилищѣ, то и умершіе съ своей стороны должны были отвѣтчать имъ выраженіемъ благодарности и расположения. Развѣ живые ходятъ къ покойнику на могилу съ различными приношеніями⁹⁾, то и онъ долженъ явиться въ гости къ кимъ. Отсюда съ одной стороны вопросы, которые задаются покойнику почти въ каждомъ плачѣ: изъ якои стороны и коли памъ тебе въ

¹⁾ Труды этнографическо-статистической экспедиції, т. IV, стр. 702 и 710.

²⁾ Въ борзенскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи, сообщилъ ученикъ И. Лекоть.

³⁾ Труды этнографическо-статистической экспедиції, т. IV, стр. 703.

⁴⁾ Труды, т. IV, стр. 710; Терещенко, Быть русскаго народа, ч. III, стр. 119—126.

⁵⁾ Терещенко, *ibid.*, ч. V, стр. 30.

⁶⁾ Записано въ Нѣжинѣ ученицей Кл. Пирожницовой.

⁷⁾ Русский Филологический Вѣстникъ, т. XII, 183, № 3.

⁸⁾ Русский Филологический Вѣстникъ, *ibid.*, стр. 186, № 3.

⁹⁾ См. Радуницы у Терещенка, т. V, стр. 27 и др.

гости ждати? *) или: скажи-жь меня теперь, коли-жь ты до мене въ гости прыйдешъ? колы-жь мыни столы застиляти да коли-жь мыни тебе ждати? *), съ другой—вѣра въ возможность передавать поклонъ ранніе умершимъ покойникамъ и надежда получать отъ нихъ вѣсточки. Такъ мать, обращаясь къ сыну-покойнику, говорить: понеси-жь ты наши поклоны дядови й баби *). Впрочемъ, должно замѣтить, что надежда на получение вѣсточекъ отъ умершихъ родственниковъ часто подрывается въ малорусской причети скептицизмомъ. Вы часто встречаемся съ такими или подобными имъ выражениями: видимъ не идуть, письма не пилютъ й словесспо не переказываютъ *).

Достаточно, какъ кажется, подкрѣпивъ фактами, взятыми изъ малорусскихъ причитаний, высказанную выше мысль о существованіи въ нихъ вѣры въ продолженіе жизни и за гробомъ, перейду къ возрѣнию на мѣсто, где будетъ происходить эта новая жизнь.

Задаться вопросомъ, где помѣщается новая обитель усопшихъ, и такъ или иначе разрешить его необходимо нужно было народу, разъ опѣ вѣрилъ, что жизнь происходитъ (хоть и въ иныхъ формахъ) и за гробомъ.

Малорусскія причитанья даютъ различные отвѣты на вопросъ о локализаціи нового жилища отпѣденыхъ въ вечность предковъ. Такъ мать, оплакивая свою безвременно скончавшуюся дочь—невѣсту, причитаетъ: Богъ тебя взялъ, да будетъ Его святая воля! Молись у Него за меня грѣшную!.. Ты уже не здѣсь, а тамъ. тамъ микуешь со святыми *).

Изъ этихъ словъ плача мы узнаемъ, что загробный міръ помѣщается у Бога. Подобное разсужденіе вопроса о локализації загробного міра надо считать якініємъ позднѣйшаго, христіанскаго времени. Древнѣйшаго же возрѣнія, бывшаго нѣкогда на мѣстѣ только что указаннаго, мы, къ сожалѣнію, не находимъ въ извѣстныхъ до сихъ поръ образцахъ южно-руссскихъ причитаний. Это древнѣйшее

*) Метлинскій, южно-русскій народъ. вѣчи. стр. 293.

*) Русский Филологический Вѣстникъ, т. XII, стр. 183, № 1, 184. № 1, 185, № 2, 186, № 2 и 187.

*) Русский Филологический Вѣстникъ, т. XII, стр. 185, № 2.

*) Ibid., стр. 183, № 3, 185, № 3.

*) Терещенко, бытъ русскаго народа, ч. III, стр. 90.

возрѣніе состояло въ томъ, что умершіе отправляются въ область великаго неба, въ сообщество солнца и звѣздъ. Предполагать такое именно древнѣйшее возрѣніе малорусской причети на мѣстопребываніе умершихъ даетъ миѣ право великорусская похоронная причеть, родная сестра причети малорусской, въ которой находимъ рядомъ стоящими оба возрѣнія—и древнѣйшее, въ малорусской причети отсутствующее, и позднѣйшее¹).

Предполагая вѣкогда существовавшимъ въ малорусской причети подобное возрѣніе на страну умершихъ, я и сказалъ выше, что въ разбираемыхъ причитаньяхъ сохранились указания на вѣрованіе, считающее душу звѣздою и огнемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если малорусская похоронная причеть подставила указанное возрѣніе на страну мертвыхъ на мѣсто древнѣйшаго, сказывающагося хоть въ следующихъ словахъ плача великорусского:

Пріубрался свѣтъ—надежная головушка
Къ красну солнышку на приберегушку,
Къ свѣту мѣсяцу на придрокушку²),

то отчего-же не предположить, что въ ней было и возрѣніе на душу, соответствующее указанному только что возрѣнію на міръ загробный. Вѣдь отправленіе души въ область краснаго солнца и свѣтлаго мѣсяца объясняется только возврѣніемъ на ея существо. Признаніе въ дунѣ силы свѣта и теплоты, представленіе ея огнемъ, звѣздою—все это неизбѣжно вело къ тому, чтобы мѣстомъ жилища душъ считать небо, воздушную сферу, гдѣ движутся небесныя стада—облака, гонимыя вѣтромъ и освѣщаемыя блескомъ молний и небеснымъ огнемъ³). Таково объясненіе древнѣйшаго возрѣнія на страну мертвыхъ.

Что касается возврѣнія позднѣйшаго, смынившаго это древнѣйшее, то ясно, что оно возникло тогда, когда источникомъ свѣта стала считаться Богъ, а область небеснаго моря Его царствомъ⁴.

¹) См. мою ст. въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстнике, т. XIII, стр. 255, 256.

²) Барсовъ, Пritchitaniya, т. I, стр. 33, 35, и др.

³) Аникиевъ, Поэтическое возрѣніе ставяще на природу, т. I, стр. 62; т. III, стр. 192, 206, 208.

⁴) Такое рѣшеніе вопроса о локализаціи загробнаго міра могло сложиться у народа и подъ влияниемъ пѣкоторыхъ апокрифическихъ сочиненій, гдѣ есть указанія на пребываніе душъ у Господа. Такъ въ «Павловомъ видѣніи» душу правед-

Съ другой стороны загробный міръ помѣщается на землѣ, въ въ могилѣ, куда опускается гробъ. Жена, представляя себѣ бѣдствія, ждаущія ее самую и ея дѣтей послѣ смерти мужа, высказываетъ желаніе удалиться изъ этого міра вмѣстѣ съ покойникомъ и просить его взять ее съ собою:

Ой пріими-жъ мене до себе
У сырную землю! ¹⁾

Еще яснѣе высказывается то-же возврѣніе въ словахъ дочери, озывающей матерь. Спроси же мать—покойницу: куды-жъ ты йдешъ,—дочь какъ-бы въ отвѣтъ продолжаетъ: яма глубока... Туды витеръ не заве, сонце не пригрѣ ²⁾). Тутъ мы, такимъ образомъ, встрѣчаемся съ возврѣніемъ, но которому душа пребываетъ вмѣстѣ съ тѣломъ въ устроенной для нея *домогинѣ*. Подобное возврѣніе не менѣе древне, чѣмъ и то, по которому душа отправляется въ подземный міръ ³⁾.

Въ заключеніе замѣчу, что малорусская причеть и вообще преданія малорусского народа не даютъ намъ никакихъ указаний на тотъ образъ загробнаго міра, который-бы напомнилъ намъ образъ, рисуемый первобытнымъ человѣкомъ ⁴⁾). Записанныя г. Чубинскимъ возврѣнія малорусского народа на рай и адъ ⁵⁾ кратки и носятъ на себѣ слѣды влиянія возврѣній христіанскихъ.

Этимъ я и заканчиваю настоящую статью, посвященную изслѣдованию малорусской похоронной причети. Сдѣланное обозрѣніе предлагаемаго сю матеріала должно привести насъ къ тому заключенію, что главныя, основныя возврѣнія малорусского народа на смерть и жизнь вшоли соотвѣтствуютъ подобнымъ-же возврѣніямъ не только всѣхъ славянскихъ народовъ, но и нѣкоторыхъ народовъ индоевропейскихъ.

Азовъ,
1885 г., іюля 12.

С. Брайловскій.

яика ангель возносить на небо. Въ вопросахъ Иоанна Богослова о живыхъ и мертвыхъ лежатъ такой попросъ: «како идеть душа праведника? Чадо, не слыша-ли Давида глаголяща: душа ихъ во благахъ водворится Господеви, и сѣмя ихъ наслѣдуетъ землю? Чадо, не поспѣшиши, душа праведника идетъ къ Господу (Памятники старинной русской литературы, вып. III, стр. 115, 130).

¹⁾ Труды этнографическо-статистической экспедиція, т. IV, стр. 704.

²⁾ Русский Филологический Вѣстникъ, т. ХІІ, стр. № 2.

³⁾ См. Котляревскаго, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, стр. 178.

⁴⁾ См. Тейлоръ, Докторицкий бытъ человѣчества, 1868 г., стр. 491.

⁵⁾ Труды этнографическо-статистической экспедиція, т. I, стр. 195.

СТАРОСВѢТСКИЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(*Новьсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.*).

(ПРОДОЛЖЕНИЕ¹⁾).

VIII.

Взвинченные траги-комическимъ приключениемъ съ Олесею толки и пересуды мало по малу затихали, а даље и совсѣмъ были забыты, какъ забыты постѣдовавшій затѣмъ турецкій походъ, и голодный 30-й годъ, и комичное па взглядъ народный польское восстаніе. Строгія мѣры, принятая потомъ противъ польскихъ пановъ, пробудили на время въ украинскомъ населеніи и духовенствѣ неясныи надежды на ослабленіе польского гнѣта, но этимъ надеждамъ суждено было осуществиться еще весьма нескоро. Протекло немало лѣтъ, пока духовенству блеснуль первый лучъ надежды на улучшеніе его привиженного и бѣднаго положенія. Семья Моссаковскихъ увеличивалась съ году на годъ, исключительно почти дочерьми, и заставляла не разъ о. Харитона и Олисю задуматься надъ судьбою подростающихъ дѣтей, когда въ собственное хозяйство и натуральная помочь прихожанъ, п ихъ гроповыя приношенія едва давали возможность сводить концы съ концами, при всей простотѣ ихъ жизни и незатѣливой обстановкѣ. Какъ ни ничтожна была тогда потребность въ образованіи женской половины духовенства, но и о. Харитонъ попималъ, что нельзя ограничиться однимъ обученіемъ церковно-славянской грамотѣ и что надо-бы дать дочерямъ какую-то *здукацію*, какъ говорило вокругъ самое мелкое шляхетство. Въ чёмъ

¹⁾ См. «Киевская Старина» 1885 г., августовск. кн., стр. 631—681.

могла состоять эта эдукація, этого онъ и самъ не постигалъ, но только смутно соображалъ и на примѣрахъ видѣлъ, что есть разница между тѣми дочерьми священниковъ, которыхъ отцы отдаютъ въ науку разныемъ шляхтикамъ и тѣми, что ростуть на волѣ, какъ его Онися, и что за эдукованныхъ половень охотище сватаются богословы—семинаристы. Въ этомъ заключалась смутная его надежда пристроить дочерей, когда придутъ въ возрастъ; но всѣ мечты его на этотъ счетъ разлетались къ праху, когда онъ оглядывался на свое бѣдное хозяйство. Вдругъ, въ самомъ начатѣ 40-хъ годовъ, прошелъ глухой слухъ, что священникамъ хотятъ начинать жалованье. Слухъ то возобновлялся, то затихалъ и даже совсѣмъ предавался забвению. Старшей дочери Моссаковскаго минутъ трипадцатый годъ, а она еще и азбуки не знала. Будь, что будетъ, думалъ о. Харитонъ, а надо хоть самому учить, и онъ усадилъ свою Настуню за грамотку, т. е. церковно-славянскій букварь. Наука шла медленно, какъ всякое неосмысленное дѣло, и составляла истинную пытку для рѣзвой Настуни. Разъ какъ-то сидѣла она надъ грамоткою и твердила: *тма, мна, здо, тлю, тыю, нюю, тлю,* *тля*, въ то время, когда мать, перегнувшись до половины въ глубокій сундукъ, съ ожесточенiemъ переворачивала тамъ суви полотна.

— И що воне, тату, оце *тлю, тля?* спрашивала дочь сидѣвшаго подлѣ нея отца.—Таке смишне...

— Эге, це бачъ ие при нась чисано, отвѣчать о. Харитонъ. А отъ якъ нась вчили, то все було приказують: *тыю, нюю, тлю,* *тля*—иззивъ вонкъ жидивське теля. Такъ се бачъ отъ противъ чого воне написано!

Настуня ничего, копечно, не могла понять изъ предложеннаго объясненія, но самое сопоставленіе и напоминаніе о томъ, какъ волкъ сѣль теленка у жида, очень ее размѣшило, и она громко захохотала; засмѣялся и о. Харитонъ, довольный своимъ объясненіемъ того, «противъ чого воне тамъ написано».

— И чого то вы регочитесь, глухо отозвалась изъ сундука Онисія Степановна.

— А якъ же, мамо, не сміятысь? коли воне таке смишне, отвѣчала дочь, продолжая хохотать.

— Що-жъ тамъ такие смишне? спросила мать, высунувшись изъ сундука, и повернулась къ дочери.

— А якъ же, мамо, отвѣчала Настуся. Още я читаю *тлю, тля*, а тато примовляють; иззивъ вовкъ жидивське теля.

— Ахъ! нема твоему татови чого робыти, то выдумує, замѣтила на это Онисія Степановна, сама едва удерживаясь отъ смѣху, и обратясь къ мужу, прибавила:

— Нема въ тебе роботы, то иншовъ-бы па тикъ, та подивився-бъ, чи вже намолотили хочъ на насиня.

— Якъ нема роботы! съ живостію возразилъ о. Харитонъ. А це-жъ хиба не робота? Отъ сижу та ироказую.

— Та ка-зна-ющъ росказуешь, добавила полушутія Онисія Степановна.

— Якъ ка-зна-ющъ? оправдывалася о. Харитонъ. А же-жъ и нась такъ учили. Па те воно наука.

Така вже тамъ и наука. Мучилася и я колись надъ тою граматкою та часловцемъ, а выросла, то за роботою та числьнями геть чисто забула. Отъ якъ-бы завдати нашу Настю до якои позахватки, хоть-бы до сеи Шемилінської, що въ Богуслави, то інша ричь. Навчила-бъ шити и вишивать, ще й танцювати, и якъ до людей обертатись и зъ ними обходитись. Добре, кажуть, учить. Прыйме якого стовбура, отъ хочъ-бы зъ Ісаїкъ о. Прокона, а побуде вона въ пеп рицъ, чи два, зовсімъ інакше виглядає: вміє вийти до світлиці, до гостей привітатись и до ихъ що промовити. А то що тамъ те *зде, тлю?*

— То іправда, Онисія Степановна, але на це треба гропей, а де ихъ въ Бога взяти?

— Аже-жъ кажуть, буде якесь тамъ жалування.

— Вже третій рікъ говорять, а до сего часу нема. Мабуть и не буде.

— А мени здаєся, що скоро вже буде, бо отъ жидъ въ Богуслави набивався мени зъ своїмъ товаромъ. Визьмить, каже, наборъ, а якъ дадутъ вамъ жалування, то тоді oddасте. Нині, каже, батюшки вже й квитки намъ подавали, то не треба буде имъ хлонотатись за тимъ жалуваннямъ, сами у благочинного поберемо.

— Э, що тамъ жиды росказують! Імъ абы гропи. Не буде жалування, то й такъ мусить oddати ти, що квитки подавали. Жиды це добре знають.

— Та вони все знають: де що зробиця, або хто вмре, чи хто аку парафію зайнявъ, чи кого въ монастырь засадили, то все по-передъ усихъ знають и всемъ росказують.

— Та то правда, але тутъ не така справа. Де столиця, а де якій Гершко, або Якиль зъ своею крамницею.

— Отъ-же побачишъ, коли не моя правда буде. Не дурно-жъ паны и люди вже говорять, що теперъ попы забагатіють.

— Та то имъ жиды набрехали, а вони й вирятъ.

— Нехай жиды, а все таки моя правда буде. Ось побачишъ.

— Та вже-жъ побачимо, якъ хто живий того діждє.

— Це ты такъ, якъ той каже: пе буду диваця, нехай козирця.

Такъ пренірались между собою Описія Степановпа и о. Харитонъ, не разъ, порознь и вмѣстѣ, мечтавши о томъ, какой переворотъ въ ихъ жизни должно произнести давно ожидаемое назначеніе жалованья. На этотъ разъ ихъ мечты одинаково разогрѣвало желаніе отдать дочь въ науку въ Богуславъ, но тесерь Описія Степановна говорила прямо, какъ думала и соображала, а о. Харитонъ наоборотъ казался не вѣрючимъ своему близкому счастью и старался разувѣрить и свою жену. Вдругъ на дворѣ залаяли собаки, потомъ что-то затопало въ сїняхъ, и въ свѣтлицу вошелъ длинногій пономарь изъ с. Шандри, обносившій курсорію по благочинію. Поклонившись почтительно хозяевамъ, онъ молча выпулъ изъ бывшей у него въ рукахъ тряпицы, своего рода портфеля, какую-то, отчасти затасканную, въ четверо сложенную бумагу и съ радостною улыбкой направился подъ благословеніе къ о. Харитону.

— А що це буде? Що доброго вы памъ принесли? привѣтливо спросилъ пономаря о. Харитонъ, принимая изъ рукъ его бумагу.

— Та вже таке добре, що лучшого николи не було и не буде, сказаль, весело осклабляясь, пономарь.

— Ой-же! Що-жъ воно таке? Чи не жалування, може? тревожно спросилъ о. Харитонъ, раскрывая дрожащими руками бумагу.

— Такъ воно и есть, отвѣчать пономарь, обносившій радостную вѣсть по благочинію и раздѣлившій уже свою и общую радость не съ однимъ изъ батюшкъ и своихъ собратій.

— Описіе Степановно! чи чуete? воскликнула изумлений о. Харитонъ.

— А я тоби казала? А чія правда, а чія правда? А бачъ, а бачъ! заговорила Описія, схватившись со стула и дрожа отъ радости.

— Хвалити Господа милосердного, діждались мы Его святой ласки! продолжалъ благоѣствникъ пономарь, чутъ не въ десятый

разъ въ одной и той-же формѣ выражавшій обуявшую его и всѣхъ радость.

— А що? А бачъ? А я тоби казала..., перебивала его Опися, подбѣгая къ мужу и щупая бумагу, какъ бы желая самымъ при-
косновенiemъ удостовѣриться въ томъ, что ся и общія мечты и ожи-
данія наконецъ сбылись.

— Та постій! прерываль ее о. Харитонъ; дай прочитаю. Може
вono ще й не зовсимъ такъ.

— Де вже вono не такъ, тараторила Опися. Казала тоби, що коли
вже жиды, та и люди...

— Та ще й якъ! перебилъ ее въ свою очередь пономарь. Більшъ
лісь за два роки разомъ...

— Якъ-то? вскрикнула Опися. Це-бъ то...

— Та постій, кажу тоби. Дай прочитаю! прерваль опять о. Харитонъ.

— Та такъ, батюшечка, одь того часу, якъ вono призначено те
жалування, говориль досконально знавшій дѣло пономарь.

— Ал-жъ бо почкайте, нехай я на свои очи увирюсь; тутъ ма-
бути все написано, возразилъ ему о. Харитонъ, уже давно развер-
нувшій консисторскій указъ.

И онъ сталъ слово за словомъ, строку за строкой вычи-
тывать длиннѣйший указъ, заключенный въ одинъ многосложный
періодъ, съ неизбѣжнымъ подъ конецъ: *Приказъ*. Но мѣръ чтенія
румянецъ широко разливался по щекамъ о. Харитона, лицо его
принимало опредѣленный радостный видъ, онъ во-очію убѣжался,
что предъ пимъ не сонъ, а чистая дѣйствительность. Въ указѣ ясно
было сказано, что жалованье назначается со дня воснослѣдованія о
семъ высочайшаго повелѣнія, между тѣмъ какъ именно около двухъ
літь прошло въ собираниіи всѣхъ нужныхъ свѣдѣній въ расписанії
приходовъ по классамъ, въ составленії штатовъ, правильнѣй
вычетовъ въ пенсионный капиталъ и проч. и проч. О. Харитонъ про-
смотрѣлъ приложенные къ указу печатные штаты епархіи и убѣ-
дался, что его приходъ положенъ въ 5-му классу, что жалованья
ему 120 руб. въ годъ. Онъ умственно прикинуль, сколько причтется
ему за прежнее время, и сообразивъ, что на ассигнаціи это дасть
около 1,000 р., въ неописанномъ восторгѣ и умиленіи воскликнулъ:

— Слава тоби, Господи! Слава тоби! Отъ це-жъ не будемо мы
важе билые паньской ласки благати, не будемо й людямъ пастыряться,

по церковици, протягши руку, ходити та промовляти: «номилуй мя Боже, по велици, дай, Грицьку, мирку пшевыци!» Не будемо на лубянихъ возахъ, та въ мутузяниихъ шлеяхъ їздити. Скидайте теперь, Онисіє Степановно, намітку та плахту! Вберу я васъ, якъ паву, посажу на дзиглику, та й буду дивитись на васъ... И дочку оддамо до пенсіі въ Богуславъ.

— Та ты лишь придивись, коли воно тамъ те жалування буде! Можетъ ще який рикъ ми не, поки дадуть, остановила Онисія разба-
тазировавшагося мужа.

— Ба ни, теперь, поспішилъ сказати все знателій попомарь, а о. Харитонъ, заглянувъ въ курсорію, т. е. циркуляръ благочинного, вычиталъ тамъ и день, въ который назначалось прибуття всімъ за полученіемъ жаловання, и окопчательно увіривши во всімъ, сказаль же:

— Давайте-жъ намъ теперь, Онисію, доброго могорича! и ласкою попросить доброго вѣстника присѣсть.

Онисія не замедлила принести водки и закуски. Вышли по одной, по другой, благословили царя, синодъ, митрополита, поми-
нали всіхъ, кого только знали. Онисія, взявъ первую чарку, перекрестилась большимъ крестомъ и, обращаясь къ іконѣ Господа Все-
держителя, произнесла съ умиленіемъ:

— Господи, Господи! припомни оце цареви нащому, его жиночки и дитячамъ, чого тильки воны въ Тебе проситимуть.

— Дай Господи, дай Господи! повторяли, умиленно вздыхая, о. Харитонъ и гость.

— Отъ це вже третій день хожу, та пригадую соби, якъ то воно въ цсалтыри читаєця: *благовистити день отъ дне спасеніе Бога нашого*, сказаль попомарь, винувая на прощање.

— Истинно такъ. Се отъ самого Бога спасеніе наше! воскликнула въ заключеніе о. Харитонъ, благословляя и отпуская съ миромъ попомара-благовѣстника.

Скоро наступить срокъ полученія первого жаловання. Къ Балабухъ съѣхались священики, дьячки и попомари со всіхъ числив-
шихся въ его благочинії 18 церквей. Огромный дворъ Балабухи перенолинился пріїзжими и представляль собою родъ ярмарки, или точнѣй выставки самыхъ разновалиберныхъ бричекъ, вилотъ до бегу-
славскаго возка, пабитыхъ сѣномъ или соломою, съ продыраннимъ

иногда кузовомъ, съ проломаннымъ передкомъ, въ дышило и въ оглобли, убогой, въ болышеи части веревчатой упряжи, разномастныхъ и самого различнаго роста лошадей съ цѣльимъ табуномъ стригуновъ и сосуновъ. Въ общемъ это была выставка убожества, простоты и даже просто неряшства. Промежъ бричекъ и лошадей торчали неуклюжія фигуры дьячковъ, ценоумарей, церковныхъ стражей и просто хлопцерь, отъ рала взятыхъ въ погонычи. Слышался говоръ людской, стукъ лошадиныхъ копытъ, ржаніе кобыль и ихъ зонять. Батюшки входили и выходили, изъ раскрытыхъ оконъ благочинническаго дома слышался веселый разговоръ, иногда дружный хохотъ. Собравшіеся батюшки обмѣнивались чувствами всѣмъ общей радости, смѣялись надъ прежнею своею бѣдою, толковали о томъ, кто что спрavitъ на полученные деньги, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали наступленія раздачи жалованья. А Балабуха въ особой комнатѣ возился съ записями и кучками серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ, разложеныхъ на огромномъ столѣ. Наконецъ опѣ показался въ гейтлицѣ и громко произнесъ:

— А що-жъ, панотци! Гроши готови, але чопереду годилося-бы намъ до церкви ийти та благодарственный молебенъ соборомъ одправить.

— Добре, добре! До церкви ходимъ, загудѣло все собраїс.

И скоро всѣ съѣхавшіеся пестрой гурьбой направились въ церковь. Молились усердно, горячо и громко воспѣли, какъ иѣси цబѣдную, *Тебѣ Бога хвалимъ* и многолѣтіе государю императору Николаю Павловичу и всему царствующему дому, всероссійскому синоду, кievскому митрополиту и всему православному духовенству.

Когда молившаяся компания направилась изъ церкви въ домъ благочиннаго, жды густой толпой провожали ее до двора. Имъ хорошо известно было, что значитъ это необычное собраїе духовенства, иные и просто заинтересованы были въ немъ и приставали по пути къ своимъ должникамъ, но получали подчасъ не совсѣмъ лестный отказъ.

Наступила наконецъ раздача жалованья. Балабуха предварительно заявилъ, что приплатіе всей суммы изъ казначейства не обошлось безъ подарка казначею и другимъ чинамъ за труды имъ, и тѣмъ тонко намекнувъ, что и ему отъ получателей слѣдуетъ

также что либо за трудъ, не говоря уже о покрытии общаго расхода въ казначействѣ.

— А що-жъ? Треба було дати, отозвался о. Прокопъ. Се-бъ-то, якъ нишечя десь: не обратиши, каже, устенъ вола молотяца. То то вже зъ кожного зъ нась по часточце.

— Та й ще прикинемо, отець благочинный; бо, якъ кажуть, вмієшь брати, то вмій-же й давати, сказалъ о. Мелхиседекъ.

— Такъ, такъ! заговорили другіе батюшки, а за ними и честное дяковство и пономарство.

Балабуха, поблагодаривъ собраніе, удалился въ свою комнату, усѣлся за большімъ столомъ и сталъ звать причты по классамъ приходовъ. Входившіе расписывались въ книгѣ, получали каждый свою часть изъ готовыхъ кучекъ впередъ сосчитанныхъ денегъ и откладывали тутъ-же въ пользу благочиннаго—священники по два, по три рубля, а причетники по полтинѣ. иные и по рублю. Священникамъ отсчитывалось жалованье серебряными рублями, а причетникамъ исключительно почти мѣдными гривнами и пятаками, такъ какъ казначей всучилъ Балабухѣ чуть не цѣлый возъ мѣди. Получившіе выходили, на мѣсто ихъ входили другіе. Батюшки привасли длинные, грубаго холста, «кашиуки», дьячки и пономари забирали гривны и пятаки въ полы кафтановъ и даже торбы отъ овса. Въ свѣтлицѣ пересчитывались деньги, звенѣли мѣдь и серебро. На лицахъ считавшихъ мѣнялись то глубокая сосредоточенность, то неописанная радость.

Раздача кончилась. Балабуха съ удовольствиемъ замѣтилъ порядочную кучку рублей и мѣдяковъ, оставленныхъ въ пользу его, и тѣмъ охотнѣе пригласилъ своихъ сослужителей раздѣлить хлѣбъ-солъ, а дьячкамъ и пономарямъ выслать въ кухню двѣ бутылки водки.

— Що-жъ намъ зъ цѣго? съ недовольствомъ замѣтилъ одинъ изъ послѣднихъ. Нема чимъ и горла гараздъ промочить. Ходимъ лишь въ Галилею, це-бъ то до жидивъ, та по своему запьемъ могорычъ.

И толпа убогихъ доселѣ, а теперъ внезапно разбогатѣвшихъ по своему причетниковъ хлынула на дворъ, пряча деньги, куда кто могъ, и разбрелась группами по живописнымъ забѣдамъ, а батюшки остались запивать свою радость у благочиннаго. Одно смущало ихъ радостныя чувства: вмѣстѣ съ назначенiemъ жалованья, изданъ синодальный указъ, которымъ требы раздѣлялись на обязательныя и

необязательны, и за исполнение первых предписывалось не требовать платы от прихожанъ. Это въ сотый разъ выдвинуло вопросъ о неравномѣрномъ назначеніи жалованья, т. е. гдѣ больше приходъ, тамъ и жалованье было больше, и наоборотъ въ приходахъ меньшихъ и меныше назначалось жалованье.

— Треба намъ, началь Балабуха, сей указъ строго сполнять, щобъ не было одѣ людей наруги та скаргъ.

— Добре сполнять тому, въ кого парофія сылна, замѣтилъ о. Петръ. Тому и за необязателни накидаютъ стильки, що й до дому не донесе.

— Не по правди таки зроблено зъ цымъ жалуваниемъ, поддержаль его о. Прокопъ. Я це й давно казавъ: въ кого й такъ багато, то тому ишѣ билише...

— А же бачите, черезъ що то билише, прерваль о. Прокона благочинный. Въ кого билиша парофія, въ того билише тихъ, бачте, обязателнихъ требъ, то винъ повиненъ билише трудитись безъ платы, черезъ те ёму и жаловання билише.

Вопросъ о неравномѣр жаловань разрѣшился теперь, «въ сходство указа», аподиктически. О. Тихонъ попробовалъ коснуться другой стороны дѣла. Онъ говорилъ:

— То-то-же заказано требуватъ за ти обязателни требы; иу, а якъ чоловиць самъ дае, то хто-же не визьме? Даремне, здається мени, то пишуть та приказують; бо хто-же схоче, щобъ я ёму даремне хреститъ, винчавъ, або ховавъ? Якъ я за кого помолюсь, то то есть моя молитва, а хто мени па молитвы дасть, то то есть ёго жертвъ. Якъ-же могла быти тая жертва?..

— Розумне слово, замѣтилъ кто-то.

О. Мелхиседекъ пробовалъ возражать, указывая на то, что пе вездѣ одинаково прихожане настроены въ этомъ дѣлѣ, предлагать даже въ замѣнѣ бесплатного исполненія обязательныхъ требъ возвысить плату за необязательны; но о. Харитонъ, болѣе всѣхъ дорожившій добрыми отношеніями къ прихожанамъ, кратко замѣтилъ:

— Коли оце намъ полегчало, то треба, щобъ и людямъ легче стало.

Всѣ согласились съ о. Харитономъ; кто-то сказалъ какъ-бы про себя: «якось воно тамъ буде». Балабуха пригласилъ гостей къ столу. За обѣдомъ развеселившіеся батюшки много подпучивали другъ надъ другомъ по поводу расходовъ, какие кому предстоять:

одинъ соѣтсовалъ соѣду купить самоваръ, вмѣсто мѣднаго чайника, другой—продать гончарамъ старую лѣнивую кобилу для безопаснагой перевозки горшковъ и въ замѣнь купить лошадей у послесора, тотъ—закрыть полученными въ додачу пятаками пробитый кузовъ брички, этотъ—пожертвовать постремки отъ шлей для колокольни и т. д. Всѣ веселились, ибо каждый видѣлъ теперь возможность, какъ говорится, «полатать старыя свои дары». Одинъ Балабуха смутно соображалъ, что ему едва хватить жалованья расплатиться съ жидами.

— А вамъ-бы, о. Харитонъ, варто буlobъ проминять свою оби-чайку, та купить у якого пана каляску, сказаль, обращаясь къ нему, о. Мелхиседекъ, намекая на крайне непривѣтливую и ста-рую его бричку.

— А що вы думаете, не куплю? отвѣчалъ подкураженный о. Харитонъ. Отъ колибъ меня тильки окажю знать, то й куплю, та ще до васъ тесю каляску и въ гости прииду.

Всѣ размѣялись отъ такой рѣшиимости черезъ чуръ скромнаго и крайне простоватаго о. Харитона.

Обѣдъ кончился. Батюшки разбрелись по лавкамъ покупать гостилицы женамъ и дѣтамъ, неся полныя карманы денегъ. Жиды встрѣчали ихъ низкими поклонами и таили за полы, каждый въ свою ляжку. О. Харитонъ рѣшилъ набрать для своей Описи на платье такой-же матеріи, какую замѣтилъ на платьѣ благочинной, но плохо разглядѣвъ ее и вообще не зная въ этомъ толку, купилъ, что подсунула плутоватая жида. Довольный однако своей по-купкой, о. Харитонъ пустился изъ города домой, постоянно оду-нивая свои карманы. На дорогѣ догоняетъ его Башковскій, бывшій уже теперь управляющимъ имѣніемъ графа Заземблы, лежавшимъ на пути въ Чайки. Башковскій, какъ старый знакомый, съ обыч-ною своею привѣтливостію, пригласить къ себѣ о. Харитона на медь. Послѣдний не догадывался, что хитрый панъ такъ лѣтиво запраниваетъ его къ себѣ не спроста, и охотно согласился; у Баш-ковскаго-же, при видѣ о. Харитона, возврацавшагося съ двухго-довымъ жалованьемъ, дѣйствительно блеснула мысль спустить ему свой старый, совсѣмъ негодный къ употребленію экипажъ. Подъ вліяніемъ этой мысли онъ пригласилъ даже о. Харитона пересѣсть въ его нетычанку, а ногоничу велѣть слѣдоватъ за ними. О. Ха-

ритонъ чувствовалъ себя удобно и легко и не скрылъ этого отъ Баньковскаго. Баньковскій обрадовался и провѣръ искусно рѣчъ:

— Або вамъ це соромъ їздити на тому вози, та ще й матушку свою вовити? Вы теперъ багати, маєте, за що справити и не таку, якъ оце моя, наточанку.

— Якъ ін въ Бога справити? смущено отвѣчалъ о. Харитонъ. Де тихъ майстризъ шукати?

— То готову купити, подзадоривалъ Баньковскій. Я-бъ на вашимъ мисти не то наточанку, каляску купивъ-бы. Нехай-бы сусиды завидували.

— А де-жъ памъ тси каляски шукати? возразилъ о. Харитонъ. Якъ-бы яка оказя, та ще по близу, то може й купивъ-бы.

— Ничого й шукати; купити у мене. Въ мене есть добра каляска; звичайно не нова, але колись дужо копитовала. Зъ Кракова спроважена. Теперъ дешево отдавъ-бы. Далебукъ, купити! Заидете, побачите и якъ въ цини зайдемось, заразъ и отдамъ. Пересяряжете свои кони, сядете, якъ грапъ, вкотите въ свій дверъ. то матушка и не влизнае васъ.

— Примідмо, побачимо, отвѣчалъ першштельно о. Харитонъ.

Скоро между тѣмъ они очутились во дворѣ Баньковскаго. Тутъ только, высаживаясь изъ нетычанки, о. Харитонъ почувствовалъ, что у него порядкомъ шумить въ головѣ послѣ благочинническаго обѣда. А Баньковскій, якъ только вошли въ комнаты, припялся усердно угощать о. Харитона. Выпили старки, угостились палиюкай, закончили старымъ медомъ. О. Харитонъ совсѣмъ осовѣль. Баньковскій только этого и ждалъ, и тотъ чась предложилъ смотрѣть екіпажъ.

Екіпажъ стоялъ въ сараї, и среди низенькихъ бричекъ и саней возвышался, какъ гора. На высокихъ загнутыхъ рессорахъ и огромныхъ колесахъ высоко поднимался запыленный кузовъ съ неимовѣрно высокимъ верхомъ. Широкія крылья круто загибались и спускались чуть не до самой земли. Приступки были откидныя, въ нескользко ступенекъ, и доходили также почти до земли. Чтобы взглянуть на козлы, надо было порядочно поднять голову вверхъ.

При первомъ взглядѣ на такую машину, о. Харитонъ нѣсколько смущился.

— Це можно спрауди, подуматъ онъ, сею каласкою налякати Ониксю, выхавши въ дверь. Подумала-бъ, що архиерей прихавъ.

— А, то ладный повозъ! хвалилъ свое добро Баньковскій. Спробуй, ксендже, яки-то подушки, яки пружины!

Отецъ Харитонъ полѣзъ въ экипажъ и съ непривычки такъ нырнулъ въ подушки, что только пыль поднялась столбомъ.

— А мягко сидити, неуваче на перини, та ще щось трошки пібы гойдае, промолвилъ съ высоты о. Харитонъ.

— Э, якъ поидете, тоди загойдае! подадоривъ Баньковскій. То такъ, якъ на крылахъ, якъ на гойдалыци.

У о. Харитона разгорѣлись глаза; его въ особности прельщала высота экипажа и мягкое сидѣнне. О прочности, легкости онъ не разсуждалъ; не то было въ его головѣ. О. Харитонъ вспомнилъ ъдку шутку Мелхиседека и свое, публично сдѣланное, заявленіе, и рѣшился купить коляску.

— А щобъ вы за неи взяли? спросить онъ Баньковскаго.

— Не дорого, не дорого, тотъ отвѣчалъ. Для пана ксіенда за двѣстѣ злотыхъ, то значить тридцать рублей.

— Э, не варто! визмить двадцять пять, коли хотите.

— Буде мало, сказаль было Баньковскій; но сообразивъ, что все равно придется отдать жидамъ въ ломъ за безцѣнокъ, замялся какъ-бы въ нерѣшительности.

— Та берить, повторилъ о. Харитонъ; добри гроши даю.

— Мало буде, повторилъ въ свою очередь Баньковскій, а глаза его говорили, что онъ только ломается.

— Та берить, громко сказалъ о. Харитонъ и съ высоты своего сидѣння протянулъ руку къ Баньковскому.

— Ну, то такъ тилько для ксіенда, бо я такъ пана ксіенда шаю, закончилъ Баньковскій и, трепля по рукѣ о. Харитона, добавилъ:

— То еще для папа дамъ и хомонти зе виисткимъ, тилько папъ додастъ мнѣ за то три рубли.

О. Харитонъ безъ труда согласился на это. Ударили еще разъ по рукамъ и пошли запивать моторичъ.

Между тѣмъ Баньковскій велѣлъ очистить экипажъ и упряжь, перепрочь лошадей о. Харитона и подъѣхать къ крыльцу. Когда о. Харитонъ, распрощавшись, выпелъ на крыльце, то снова какъ-бы задумался надъ своею покупкою: экипажъ казался ему цѣльнымъ куре-

немъ, погоничъ торчалъ какъ-бы на выпкѣ, упряжь обвисла на маленькихъ лопадкахъ и сами онѣ напоминали не то овцѣ, не то собакѣ. Съ помощью Баньковскаго овъ изобразился на высокое, теперь открытое сидѣніе и утонулъ въ подушкахъ; подростокъ погорличъ съ высоты козелья едва досталь лопадей кончикомъ батога; лошадки понатужились, и громоздкій экипажъ, колыхаясь съ боку на бокъ, дребезжа и звеня, покатился по мягкой дорогѣ. Повѣвалъ легкій вѣтерокъ и освѣжалъ уставшаго и подшившаго о. Харитона. Онъ отглянулся вокругъ себя и невольно почувствовалъ въ себѣ какую-то важность, достоинство, превосходство—предъ кѣмъ и чѣмъ, нѣ томъ самъ онъ не могъ дать себѣ отчета.

— Нехай завидуютъ! думалъ про себя о. Харитонъ; а тымъ часомъ налякаю добрѣ мою паниматку, и обратясь къ погоничу, громко сказалъ: а ты гляди меня, якъ вѣдемо въ дверь, жени коней пидъ самисенскій ганокъ.

— Ой, батюшко, коли не всижу на цихъ косяхъ! Здастся, отъ-отъ упаду, отвѣчатель погоничъ съ своей вынки.

— Держись, якъ хочешь, та мерщій поганай, бо вечиръ близъко.

Солнце закатывалось за гору. Онисія Степановна сидѣла съ дочерьми и все высматривала, не єдетъ-ли мужъ. Вдругъ съ горки на плотину быстро скатился экипажъ и повернуль прямо ко двору.

— Що це воно такое завертає въ нашъ дверь? промолвила Онисія Степановна: повозъ павельскій, а въ ёму сидить яйісь батюшка.

Погоничъ разогналъ лошадокъ и вѣстѣлъ въ ворота, но, не привыкши вѣзжать длиннымъ экипажемъ, зацѣпилъ заднимъ колесомъ за столбъ, ось подломилась, экипажъ грохнуль и застрялъ въ воротахъ, а погоничъ на переднихъ колесахъ подкатилъ къ крыльцу, повисши, какъ ракъ, на высокомъ козелѣ. О. Харитонъ баражтался въ упавшемъ на бокъ кузовѣ, застегнутомъ фартухомъ.

— Бытъ ёго сила Божа! Що це за диво? вскрикнула Онисія, но увидѣвъ у воротъ своего мужа, силившагося вылѣзть и стать на ноги, бросилась къ нему на помощь.

— Що це за визъ и де ванъ взялся? спрашивала Онисія, держа мужа подъ руку и помогая ему высвободиться.

— Отъ це лихо несподиване! воскликнулъ о. Харитонъ, разгибая спину и растопыривъ руки. Тай бисова ёго дитина одей хлопецъ!

Тай хитрый-же той проклятый Баньковской! Отъ тоби ѹ казяся! Отъ тоби двадцать пять карбованцев!

— Схаменись! Що ты верзепъ? Якій Баньковський? Яки карбованцы? Может ты гроши згубивъ, борони Боже? смыла вопросами Онися.

— Якъ-бы згубивъ, то не такъ жалко було-бъ.

— Охъ, мени лихо! Щожъ я буду чипити, що буду казати? продолжалъ о. Харитонъ.

— Яке лихо? Та ты роскажи мени, що де за каясна и де ты ін взялъ. Розкажи, пе мучъ мене, кричала Онися.

— Нехай ужъ вамъ хлонець роскаже, а мене вже хочь быйте, хочь лайте, вичого вамъ не скажу.

По требованню матушки, хлонець, какъ зналъ, рассказывалъ исторію пріобрѣтення екіпажа, а о. Харитонъ все голосиль:

— И на чорта я до того брехуна заіхахъ! И якій мене нечистий до его занись!

— Здуриивъ я старисть, зовсімъ здуриивъ, поучала его Онися, выслушавъ разсказъ хлоща. И де въ тебе той розумъ дився? Хто-жъ теперъ зведе й полагодить оцю машину? И на чорта вона памъ здалась! Двадцять пять карбованцевъ, та за упряжъ три, то то мало не сто рубливъ на ногави, якъ-то кажуть, гроши!

Вошли въ комнату. Онися продолжала пушити мужа и сожалѣть о напрасно потерянныхъ деньгахъ.

О. Харитонъ сидѣль молча и уже не рѣшался поднести женѣ гостинець.

— А дежъ решта грошей? спросила наконецъ Онися. Дай сюды до рукъ, и высипавъ на столь изъ переданного ей мужемъ длиннаго «кашинука» серебряные рубли, принялася считать и складывать ихъ въ кучки.

— Щось мало, замѣтила она, окончивъ счетъ. Не всі гроши. Мабуть пропивъ въ Богуслави.

— Борони Боже! На моторичъ письмо всіго золотий, та благочинному давъ за труды два карбованца, та купивъ самоваръ, та трохи сахару й чаю, та іще купивъ вамъ, Онисіє Степановне, гостинця: набравъ вамъ на плаття такои самої матерії, якъ у благочинної.

При этихъ словахъ грозна доселъ Онисія Степановна немного смягчилася и нѣсколько ласковымъ голосомъ спросила:

— А дежь ти закуки? Может де погубивъ?

— Тамъ, дупло, десь въ задку. Ось я пиду та принесу.

— Ой, дать-бы тоби по задку, шутливо проговорила Опися и попла съ мужемъ разыскивать закуки въ торчавиемъ у воротъ кузовъ коляски.

Вернувшись въ домъ; зажгли свѣтку. Опися кинулась къ матеріи, развернула ее и распустила на русь до самого полу. О. Харитонъ съ сладенькой улыбкой поднесъ свѣтку къ матеріи.

— Чи це воно на лице, чи мабуть на выворить? спрашивала Опися, присматриваясь къ матеріи.

Матерія была блѣдно-пепельного цвѣта съ мелкими блѣдно-желтыми цвѣточками, на легкомъ фонѣ которыхъ темными пятнами выдѣлялись причудливаго узора темно-зеленые листья, напомнившіе привычленные морозомъ листья тыквы. Опися перевернула матерію на другую сторону и удостовѣрилась, что тамъ было лицо, а здѣсь изнанка, взглянула еще разъ и со смѣхомъ отбросила на столъ.

— Та й набравъ-же ты доброго дива! воскликнула она.—Щось старе, або иолинне. Мабуть жідівка вкрывалась цею матерію зъ пивъ-року. А узоръ зовсімъ наче хто на чирини насыпашъ высиповоть, та притрусишъ гнилымъ листямъ.

— Ей-же Богу, Описіе, таку саму сукню посить благочинна и наветь багати богуславськи жідівки, взволніла о. Харитонъ.

— То це ты мене прыривняєшъ до жідівокъ та до своеи поганой благочинної? вскрикнула Опися.—Геть, бери іи, самъ поси, або благочинни подаруй. Стану я убиратись икоюсь рябою куркою.

— Коли-жъ така теперь мода, робко отозвался о. Харитонъ.

— Добра мода! Вже й ты щось зпаслишъ въ тихъ модахъ. Шокинъ вже! Щайду, та сама одрезу та переминю на щось иначе, сказала Опися и прибавила тутъ-же: ешь тоби жалування! Пропало, що й радяв.

Уже на утро работники сложили кой-какъ разломанную коляску и втащили въ сарай, гдѣ она сужала пріютомъ для несущихся куръ, пока захожіе изъ Богуслава жідівки, скупавшіе всякос старье по деревнямъ, не купили се въ ломъ за третью цѣны. Баньковскому впрочемъ не прошла даромъ продѣлка его съ о. Харитономъ, и Опися Степановна глубоко была убѣждена въ томъ, что его самъ Богъ покаралъ за причиненную имъ обиду. Дѣло было такъ.

Баньковский, хотя носил громкое титло жондзы, на самомъ дѣлѣ былъ не выше эконома въ большихъ имѣніяхъ. У графа Засімбло имѣніе было небольшое; самъ онъ былъ скуч и самъ смотрѣлъ за всѣмъ. Но онъ часто выѣзжалъ, и Баньковский въ его отсутствіе спускаль по лѣнногу папское добро жидкамъ и деньги бралъ въ свою пользу. Какъ разъ въ эту пору, пользуясь отсутствіемъ помѣщика, Баньковский тайкомъ запродаля въ одно мѣстечко знакомому еврею пѣсколько четвертей помѣщичьей пшеницы и самъ отправлялъ ее на пяты возахъ чрезъ Ольшаницу за Рось. Но лишь только онъ проѣхалъ Ольшаницу, какъ на встрѣчу ему жидъ съ извѣстіемъ, что графъ невзначай возвращается домой по той-же дорогѣ и находится уже въ сосѣдней деревнѣ. Баньковский повернулъ назадъ. Онъ могъ ускакать, но куда было дѣвать возы съ пшеницей? Графъ могъ ихъ пастигнуть и тогда все открылось бы. Что дѣлать? Куда дѣваться? Баньковский бросился къ о. Харитону.

— Ой, ксениже, рятуйте! крикнулъ онъ, влетая въ комнату къ о. Харитону.

— Пѣо тамъ таке? Може обламались въ дорози? спросилъ о. Харитонъ.

— Та де тамъ обламався! Тутъ таке дило, що може й самъ пропаду, якъ не поратуете мене.

И Баньковский, горя отъ стыда, чистосердечно сознался въ своей продѣлкѣ о. Харитону и просилъ выручить его изъ бѣды.

— А чимъ-же я вамъ помогу? спросилъ о. Харитонъ.

— Тамъ, бачте, стоять возы за вашимъ дворомъ. Чи не можна у васъ переховати пшеницию на якій часъ?

— Душою радъ-бы зробить це для васть; але якъ хто выявить, то й мени лихо буде.

— Ать, хто тамъ выявить!

— А той самый жидъ, що вамъ сказавъ, то й грапови скаже. Вы не знаете тихъ жидивъ. А якъ самъ грапъ набижить, та знайде у мене, що тоди буде?

— Змилуйтесь, голубчику, порятуйте мене! воскликъ Баньковский, хватая за руки о. Харитона. Куды хочте, диньте ту пшеницию.

— Хиба въ дзвиницу, сказалъ о. Харитонъ, скалившись падъ Баньковскимъ и выгораживая, хотя и неумѣло, себя.

— Истинно въ дзвиницу! вскрикнулъ отъ радости Баньковскій. Тамъ и самъ грапъ не посыпѣ шукати. Тильки якъ найскорише, бо отъ-отъ грапъ паскочить.

О. Харитонъ схватилъ ключи, чтобы вмѣстѣ съ Баньковскимъ идти къ колоколнѣ, гдѣ расположились возы, какъ вдругъ предъ ними появилась Описія Степановна, изволнованная сколько нахальствомъ Баньковскаго, столько-же и податливостю своего мужа.

— Якъ-то! заговорила она гневно, и возвысивъ голосъ.—Щобъ у насъ переховувалась крадена ишеница, та ще въ дзвиницѣ? Я того не позволю.

О. Харитонъ руки опустилъ, Баньковскій сталъ красный, какъ ракъ.

— Описіе Степановпо! началь онъ, немного оправившись. Яка-жъ то крадена ишеница? То такъ, напродажъ, звычайно, павська. Але-жъ то тильки черезъ ничъ, завтра заберу.

— А вы думаете, я ничего не чула? Чула все.

— Але-жъ моя кохана, моя злата, моя дорога, змилуйтесь!

— Яка я вамъ кохана? Есть у васъ коханка, отрѣзала грубо Описія, намекая Баньковскому на Олесю. А злата та дорога, то може ваша коляска, що пиддурили нею моего человека. Подивиця па неї, оттамъ въ козовни потрощена стопть, а коли не важко на козахъ, то й заберить зъ собою, та гроши вернить. Стыдно такъ напамъ робити, людей пиддурювати!

Баньковскій понялъ, что ему нечего ждать услуги отъ разг҃иванной матушки, онъ не могъ также снести и сыпавшихся на него обличеній и рѣшилъ посыпшить къ возамъ, чтобы не потерять дорогое времіе.

— А, якъ сіє паки на мніе такъ гніска, то южъ трудна рада, сказать онъ, чтобы скрыть свой стыдъ, и прибавивъ: бувайте здорови! побѣжалъ къ возамъ.

— А тоби чортъ-ма стыда й сорома пускати до себе съ краденымъ, та ще въ дзвиницу! пакинулась Описія на о. Харитона по уходѣ Баньковскаго.

— Коли-жъ чоловикъ бидкаеця, просить; якъ-же єму не помогти?

— Бидкаеця... Злодій, ляхъ нечестивый, та ѹ тебе пиддуривъ, гроши занапастивъ, засыпала Описія словами, какъ горохомъ. Баба ты изакемва! Ты-бъ, здаеця, й за жида душу отдавъ-бы.

О. Харитонъ рѣшился молчать, боясь возражать женѣ, и въ тоже время не чувствуя за собою вины, такъ какъ онъ просто хотѣлъ помочь человѣку въ бѣдѣ, а о томъ, что довело его до этой бѣды, не разсуждалъ. Иначе настроена была Ониша: помимо всякихъ одесеній за укрывательство, ей и просто хотѣлось косвенно выдать Баньковскаго и тѣмъ отомстить ему за потерянныя на покупку коляски деньги. И дѣйствительно, Баньковскій тутъ-же попался. Не успѣлъ онъ повернуть возы отъ колокольни, какъ налетѣлъ графъ. Баньковскій придумалъ было какое-то объясненіе, но подводчики своими отвѣтами на распросы графа, болѣе по своей простотѣ, чѣмъ по злобѣ на Баньковскаго, выдали его. Графъ понялъ, въ чемъ штука, безцеремонно выбранилъ Баньковскаго и прогналъ его отъ себя. Ониша торжествовала.

— Отъ ёго Богъ за насъ покараетъ, отъ ёму по ти правди говорила она: не цидурюй, пе обманюй и крадь!

Прошло иѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, въ обстановкѣ окружнаго да и всего духовенства совершилась значительная перемѣна. Батюшки и матушки, заполучивъ деньги, какія и во снѣ имъ не снились, принялись «латать свои дыры», производить тѣ или другія улучшенія въ своемъ домашнемъ быту: кто настилать полы, кто дѣлать пристройку къ дому, кто покупать нетычанку или иного названія бричку, на рессорахъ и безъ рессоръ, съ будкой и безъ будки; иные запасались къ зимѣ савями на подѣзахъ, мѣняли упряжь, прикупали и вымѣнивали съ прислатой лошадей, пили шерстяныя, винные и шелковые рясы, собачки или волччьи шубы, бросали треухи изъ черныхъ или сивыхъ баранковъ и такія-же, высохія, съ плисовымъ дномъ и «нятакомъ» на немъ, шапки и пили новыя изъ темно-коричневаго шлоча на подклейкѣ, па манеръ камілавокъ, оставляли въ небреженіи старыя, съ костяными, перѣдко рѣзной работы, пабалдинниками, предпочитая имъ новыя, укороченные, московской продукціи, съ наперстниками анилине и даже чисто серебрянными. Самыя закоренѣлые въ старинѣ матушки снимали и прятали въ сундуки свои памитки и плахты, каноты и пизофроки, памиста и дукачи, а дочери ихъ горсесты и стрички, и обзаводились ситцевыми и шерстяными сподницами и платьями, головными платками — «матеръянными» и шелковыми, а иные чепцами, преданными потомъ забвенію. Покупалась и обновлялась мебель и столовая по-

суда, выносились «ослоны» и «скрины» и замыкались стульями и диванами, уменьшалось число иконъ и увеличивалось число картинъ. Много было шуму и толковъ, насмѣшекъ и пересудъ по поводу начавшейся теперь перемѣщы; державшияся старины осуждали тѣхъ, которые стремились къ новизнѣ, пока сами не сходили на тотъ-же путь, теперь облегченный назначениемъ жалованья. Даже Оисія Стешановна сѣздила въ Богуславъ, перемѣтила купленную о. Харитономъ матерію и сшила себѣ платье у жідка «по журналу» и «за мысомъ», а о. Харитонъ сѣздила въ Кіевъ на контракты и купила кетычанку на заднихъ реесорахъ, да лично для себя крѣпкую сукномъ баранью шубу. Всѣ сибѣли удовлетворить свои близайшія, неотложныя надобности, не думая о будущемъ, и лишь немногіе догадались и свезли оставшіяся крохи въ единственное тогда кредитное учрежденіе—кіевскую контору государственного банка.

Осчастливленные жалованьемъ батюшки и матушки понемногу улучшили свой бытъ и совершенствовались въ видѣніи стороны, не думая о томъ, что теряли они, отдаляясь отъ старины и приближаясь къ новизнѣ. Что сдѣлано или приобрѣто, даже сѣдѣно, или выпито однажды, то незамѣтно входило въ привычку и вкусъ. Потребности умножались, возрастали, привычки крѣпли, а средства оставались тѣ же и первоначальный запасъ ихъ давно истощился. Прихожане, зная и часто толкуя о жалованьї, умѣряли свое усердіе по части приношеній. Многіе изъ батюшекъ подъ разными предлогами давно прибѣгли къ возвышенію платы за требы, но это возбуждало противъ нихъ прихожанъ; вслѣдствіе громко говорили о томъ въ домахъ, корчмахъ и на ярмаркахъ. Одинъ о. Харитонъ держалъ давнишній привыкъ: что дадутъ, за все спасибо; но и онъ чувствовалъ, что и жалованья и доходовъ уже не хватаетъ. Оисія чѣмъ-нибудь приставала къ нему: пакинъ та пакинъ на требахъ, искъ по явившихъ селянъ. О. Харитонъ только рукой махалъ. Оисія рѣшилась сама приняться за это дѣло.

Однажды пришли два прихожанина «единиться за вѣчанія». После обычныхъ переговоровъ, кто и на комъ женится, пѣтъ-ли между женихомъ и невѣстой родства и въ какой день свадьба, когда рѣчи окончили о платѣ и о. Харитонъ безусловно согласился на предложенный рубль за новобрачіе, Оисія прервала отца жениха на полусловѣ:

— И що бо то вы даете такъ мало? Накиньте ще другого карбованца. Хиба не варто? Такій гарный у васъ парубокъ.

Мужикъ вскинуль на матушку удивленными глазами и спокойно проговорилъ:

— Даemo, якъ и колись давали.

— Э, колись и гроши були не ти. Тенерь, Господи, якъ все дорого стало: тенерь и наймить дорогшій, и кинь, и виль, и визъ дорогшій, и хлібъ, и одежа, и все, до чого не кинься.

— Коли-жъ, матушечко, и па весилля треба грошей, та ще не абы якихъ. Тенерь и горилка дорогша, и музыки дорогши, и хустки, й поясы, и кисынки, все-все, говорилъ мужикъ, какъ-бы передразнивая матушку.

Онися не осталась въ долгу. Чѣмъ болѣе старѣлась она, тѣмъ больше говорила. Казалось, что съ лѣтами у нея языкъ выросталъ и становился все длиннѣе и подвижнѣе.

И Господи! затараторила она: що то значить накинути карбованца дзя такого господаря, якъ вы. Вы и въ дорогу ходите, и пидь фуру стаєте, и коло хозяйства добре дбаєте. Вамъ тоничого, а памъ той карбованецъ въ великий пригоди стане. Гроши кругля, такъ и котяться. Ей Богу, не зоглядися, якъ и роскотяться. Тенерь не пастачишъся тихъ грошей, такъ и котяться, такъ и котяться, и хто ёго зпае, куды вони диваются. Прикиньте таки карбованцы!

Мужикъ помялся и попросилъ батюшку благословить морочичъ.

Что дальше, то меньше стѣснялась Онися въ переговорахъ съ прихожанами относительно требъ, а потомъ и самаго о. Харитона пріучила надбавлять гдѣ гривну, гдѣ пятакъ. Надбавленное однажды входило въ обычай, становилось правиломъ; громада потольковала и стала платить, но отношениіе ея къ священику стали колебаться.

Вырабатывался между тѣмъ проектъ обезщеченія духовенства не однимъ жалованьемъ. На прихожанъ возложена обязанность строить новыя помѣщенія для прічтовъ, гдѣ они были негоды, или оплачивать ихъ готовые дома, если они признавались годними, ремонтировать тѣ и другіе и сверхъ того обрабатывать часть ихъ полевой земли. Послѣднее совсѣмъ взбудоражило крестьянъ и если прежде они въ тихомолку говорили: «пипъ зъ живого и зъ мертвого деръ, та ще й жалування бере», то теперъ громко вопіяли: «робили

панщину память, а теперь ще й попамъ». При первомъ нарядѣ къ о. Харитону на работу, его прихожане пришли въ полное недоумѣніе.

— Чи се нась за спасеніе души памъ пригнали до васъ, чи таки справди на панщину? спрашивали они батюшку.

— По правди сказать, я и самъ не разберу, отвѣчалъ о. Харитонъ.

Спустя годъ или два постѣ того по селамъ промель слухъ, что паницина въ пользу помѣщиковъ будетъ уменьшена. Народъ заволновался и ждалъ этого, какъ манны небесной, какъ великой милости отъ Бога. Скоро какъ-то и въ Ольщаницу прибыла комиссія изъ предводителя дворянства, исправника и благочинного. Согнали людей въ церковь и прочли высочайшій указъ о введеніи такъ называемыхъ инвентарныхъ правилъ, которыми опредѣлялась и значительно уменьшалась «паницина», а одинъ печатный списокъ этихъ правилъ, съ подробнымъ обозначеніемъ, въ какомъ возрастѣ крестьяне обоего пола признавались годными къ работѣ, кто и сколько дней въ недѣлю долженъ отбывать паницину, какую и въ какой мѣрѣ долженъ исполнять работу, и чего не долженъ ни давать, ни работать, тутъ-же всенародно врученъ былъ о. Харитону, съ обязательствомъ ежевоскресенья прочитывать и объяснять «правила» въ церкви, а равно читать и вообще по требованію прихожанъ. Вездѣ постѣдовало тоже.—Батюшки читали и объясняли; паны, видя уменьшеніе рабочихъ рукъ и дней, придумали жаловаться, что «попы бунтуютъ крестьянъ». Вышло запрещеніе объяснять «правила», а читать приказано лишь по требованію крестьянъ и только тѣ статьи, относительно которыхъ они будутъ недоумѣвать, не вдаваясь однако ни въ какія объясненія и толкованія. Пришло воскресенье. Прихожане о. Харитона ждали, что вотъ батюшка ихъ выйдетъ «на отпуть» и еще разъ прочтетъ имъ «правила»; но чтенія не постѣдовало. Крестьяне пошутикали между собою и выйдя изъ церкви, остановились на паперти. Выходить о. Харитонъ; они почтительно поклонились ему, обступили его кругомъ и спрашивали:

— А що-то, батюшечко, правила памъ сёгодни не вычитывали?

— Бо заказано що недили читати, смущенно отвѣчалъ о. Харитонъ.

— Якъ-то, прощайтесь, заказано! Але при нась вамъ ти указы отдано, при нась казали, щобъ вы нась що недили прочитували и тлумачили.

— Та же-жь такъ було, а теперь иначе: паписано—тоди тильки вамъ читати, якъ вы того схочете и тильки то, шо вы будете потребувати.

— Гм... дивно! сказали иѣкоторые изъ крестьянъ и всѣ разошлись.

Насталь великий постъ; асауамъ обѣзвали цо селу, чтобы есѣ сносили обычную дань пашу яйцами. Крестьяне къ о. Харитону за разъясненіемъ; тотъ вѣдѣть собраться въ церковь и вскорѣ сеамъ явился.

— Чого потрибуете? Пѣо вамъ читати?

— Прочитайте намъ, батюшко, за яйца!

О. Харитонъ взялъ «правила», долго въ нихъ рылся и наконецъ громко прочель: «всѣ косвенные поборы и налоги отмѣняются».

Мужики вынутили глаза и въ недоумѣніи переглянулись.

— Та вы бо намъ, батюшечко, прочитайте за яйца.

— Та же-жь я вамъ още заразъ прочитавъ.

— Коли-жъ мы ничего не зрозумили. Скажите намъ, будьте ласкави, чи повинни мы давати яйца панови, чи ни?

— Ничего вамъ не можу казати, бо запрѣщено памъ. Отъ що належици, я вамъ прочитавъ, а бишигъ ничего не скажу.

О. Харитонъ самъ не догадался-бы прочесть именно этотъ параграфъ, но его наставилъ случайно бывшій у него священникъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи, болѣе его развитый и достаточно знавшій русскую грамоту.

Прихожане о. Харитона глубоко вѣрили его правдивости и честности, ничего не сказали, пожали только плечами и съ тѣмъ разошлись.

Настало лѣто. Панъ потребувалъ обычную дань ягодами, грибами, потомъ орѣхами. Мужики спокія къ батюшкамъ, но опять прочеть имъ тольк-же параграфъ. Мужики уже и не добивались объясненій, зная по рассказамъ на ярмаркахъ, что иѣкоторые изъ батюшкъ посплатились уже за объясненія. Въ Кіевѣ царилъ тогда грозный Бибиковъ; во и его обомнилъ панъ съ помонію уѣздной поліції, замѣщиаемой исключительно почти полками. Но доясну постѣдней одинъ священникъ, обвиненный въ произведеніи не существовавшаго бунта, въ одни сутки доставленъ быть къ Бибикову на тройѣ съ жандармами и по его настоянию лишилъ прихода. Это наизло страхъ на всѣхъ батюшкъ и они рѣшились жалѣть. Достигалось, правда, и панамъ отъ тог-же Бибикова за пиненіа,—одного изъ нихъ

онъ вызвать въ Киевъ, заставилъ выучить наизусть и несколько печатныхъ листовъ убѣйственного текста инвентарныхъ иправиль и только проэкзаменовавши лично, отпустилъ домой,—но злоупотребленія ихъ по выполненію инвентарныхъ правиль открывались рѣдко, благодаря застутиличству и укрывательству закупленной полиціи. Дѣйствуя за одно съ нею, помѣщики-поляки въ большинствѣ старались паразитировать дѣйствіе инвентарныхъ правиль и оставить нацицу на прежнемъ положеніи. Были между ними и такие фанатики-патріоты, которые гадались мыслю возбудить народъ противъ властей, вызвать его на волненія и тѣмъ доказать, что народъ грубъ, испокоренъ, бунтливъ, злоупотребляетъ дарованіемъ ему милостію и что въ концѣ концевъ инвентари необходимо отмѣнить. Тѣ и другіе, съ помощью своихъ агентовъ, старались увеличить если не число рабочихъ дней, то самую работу, стали необыкновенно взыскательны и придиличивы, были и мучили нещадно за вину и безъ вины, стѣсняли крестьянъ въ выпасахъ скота, уменьшали количество нахатныхъ полей, или мѣняли лучшія на худшія, близкія на отдаленія, сгоняли крестьянъ въ села съ хуторовъ, садовъ, пасекъ, отнимали левады, сѣнокосы, вскіе льготные ключки, запрещали ловлю рыбы, стѣсняли даже въ водопояхъ. При малѣйшемъ возраженіи или ослушаніи обзывали крестьянъ бунтовщиками, выставляли ихъ такими предъ властями, передавали болѣе предерзыхъ въ руки полиціи, въ колодкахъ и кандалахъ, или накликали полицію и цѣлья коммисіи и войска на мѣста якимаго возмущенія, навлекали страшнаго наказанія и совершиное почти разореніе. Народъ почувствовалъ, что никогда ему не было такъ тѣжело, какъ послѣ введенія инвентарей, а пани и всякая мелкая шляхта сознательно и бессознательно твердила музыкамъ, что все стало透过 инвентари, что пока не было инвентарей, и панамъ и людямъ было лучше. Отсюда стѣдовало, что виноватъ тотъ, кто ввелъ инвентари, т. е. правительство. Народъ извѣрился въ напахъ, теперь перестать ѿбрѣть и чиновникамъ, посылаемыхъ для его вразумленія и успокоенія. Волченіе росло и мѣстами прорвалось, приведя народъ къ новой бѣдѣ.

Въ Ольшаницѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, во все время жатвы, выгоняли на нацицу ежедневно вѣхъ—старого и малаго, мужской полъ и женскій. Помѣщики не въ мѣру увеличивали на этотъ годъ заработка: панскій хлѣбъ сжинался и свозился, крестьян-

скій пропадать на корю. Крестьяне возроптали; они собрались къ пану гурьбою и просили, «щобъ було по левентарю», т. е. чтобы, отработавъ ему указанное въ инвентаряхъ число дней, они могли въ остальные работать для себя. Панъ усмотрѣлъ въ этомъ ослушавшемъ и пригрозилъ розгами и плетьми, а нѣкоторыхъ для примѣра тутъ-же высѣкъ. Крестьяне на другой день совсѣмъ не явились къ пану на работу, а попали на свои нивы. Произошли легкія схватки, а больше перебранка между бѣдущими на поле людьми и эквономомъ и «сипаками», гнавшими ихъ на панскій земль. Помѣщикъ послалъ гонца къ становому, что у него въ имѣніи открытый бунтъ. Становой донесъ исправнику, исправникъ губернатору, и чрезъ нѣсколько дней въ Ольшаницу вступила рота солдатъ въ сопровожденіи исправника и другихъ полицейскихъ чиновъ. Собрали крестьянъ и, объявивъ ихъ бунтовщиками, потребовали безпрекословного повиновенія помѣщику. Тѣ стали оправдываться, возражать, ихъ обвинили въ упорствѣ и требовали выдачи зачинщиковъ. Всѣ думали и дѣйствовали одинаково и никто никого выдавать не могъ. Розыски, увѣщанія затянулись, а между тѣмъ куры, гуси, поросыта, бараны и даже телки массами забирались въ прокормленіе солдатъ, а сѣно и сесть для лошадей начальства. Уже самъ помѣщикъ указалъ на старосту и его двухъ братьевъ, какъ на главныхъ бунтовщиковъ. Ихъ хотѣли арестовать, но они скрылись. Попали розыски, угрозы всѣхъ пересѣчъ и десятаго въ солдаты сдать.

Розыски продолжались, какъ однажды вечеромъ о. Харитонъ, разговаривая съ Описей, услыхалъ чуть замѣтный стукъ въ окно, а оглянувшись назадъ, увидать въ окнѣ мертвенно-блѣдное лицо старости.

— Выйти, паноче, сюды, та толь, щобъ никто зъ наймитивъ не бачивъ, проговорилъ чуть слышно староста подъ окномъ.

О. Харитонъ вышелъ за уголъ своего дома и нашелъ тамъ старосту и его братьевъ, дрожащихъ отъ страха.

— Рятуйте, напоченьку! просили они, кланиясь до земли. Переходите часъ де небудь, бо настъ шукаютъ скризы, хотять бити та на Сибирь заслати.

— Боже мій! Дежъ я васъ сколоваю? А якъ почнуть трусити и въ мой осели? прошепталъ о. Харитонъ.

Мнимые бунтовщики повесили головы. Но тут выбежала Онеся и узнавь, въ чём дѣло, торопливо заговорила:

— Ховайтесь въ дзвиницю; въ дзвиници не посыплют трусики. Йдти мерещій черезъ садокъ; ты, паноче неси ключи, а я достану хлеба та воды.

Черезъ нѣсколько мињутъ староста съ братьями сидѣли въ коморкѣ колокольни; матушка принесла харчи, а о. Харитонъ зачерпъ коморку и колокольню па замокъ и тихонъко съ Онесею вернулись черезъ садъ въ свой домъ.

Полицейские и солдаты єбѣгали все село, искали по хатамъ, по коморамъ, хлѣвамъ и огородамъ, въ погребахъ и на вышкахъ; но староста Онопріенко и два его брата будто въ воду ушли. Порѣшивъ, что они бѣжали изъ села, сѣхавшая комиссія учинила жестокую расправу съ ольшанициною громадою за крайнее ся упорство и укрывательство главныхъ зачинщиковъ мнимаго бунта. Согнали народъ на выгонъ, окружили цѣпью солдатъ и началась безпощадная порка. Сначала сѣкли по указанию помѣщика выдающихся слушниковъ, потомъ били десятаго и наконецъ объявили, что такъ поступлено будетъ со всякимъ, кто не выйдетъ на панцину и окажеть ослушаніе помѣщику. Хаты и господарство старосты и его братьевъ подверглись разоренію, семейства ихъ перешли къ сосѣдямъ. Комиссія удалилась, а солдаты еще нѣсколько дней оставались въ Ольшаницѣ для успокоенія жителей, какъ объявила комиссія.

Всю ночь и весь день просидѣли братья Онопріенки въ колокольнѣ. Въ слѣдующую ночь о. Харитонъ принесъ имъ запасъ продовольствія и нѣсколько денегъ и посовѣтывалъ бѣжать изъ села куда либо далеко, въ виду грозившей имъ великой бѣды. Братья залились горькими слезами.

— Тикайте, наставлялъ ихъ батюшка: тикайте на сахаринъ, ставайте на роботу та приносите ипколи гроши жинкамъ. Приходьте просто до мене въ глупую начь; застукайте въ викно, я до васъ выйду и зроблю, що тильки скажетс, а тымъ часомъ тикайте, бо завтра завадить васъ туды, де козамъ рога правлять.

Братья упали къ ногамъ его; онъ благословлялъ ихъ и утѣшалъ и вывелъ чрезъ свой и сосѣдніе сады въ поле.

Три зажиточные хозяева, добрые отцы семействъ, степенные, уважаемые люди пошли по свѣту бурлаками. И не одинъ разъ въ году, въ темную ночь, кто-то тихонько стучался къ батюшкѣ въ окно, и каждый разъ мягкосердый пань-отецъ выходилъ на стукъ, долго шептался, что либо брать отъ приведшаго или ему давалъ, иногда-жъ провожалъ въ коморку колокольни на два-три дня. То приходили беззазанные бурлаки, братья Онопріенки, подъ покровомъ батюшки видѣвшіеся съ своими семьями и поддерживающіе ихъ существованіе.

Время шло, Моссаковскіе старѣлись, дочери ихъ подростали и увеличивали расходы родителей. Взяли они отъ польки учительницы старшую дочь и отвезли въ Богуславъ двухъ другихъ, а за тѣми слѣдовала еще цѣлый рядъ Цалажекъ и Горинионъ. Пастухня прошла нехитрую науку, выучилась пополамъ съ грѣхомъ по польски и немногого по русски, отчасти вышивать и вязать, порадочно танцевать, а главное—дѣлать книжечки и даже строить глазки. Не смотря на то, она внесла незамѣтно рѣзкую перемѣну въ протой домашній складъ жизни, начавъ съ того, что вопреки старосвѣтскому обычая выходила смѣло къ гостямъ и садилась рядомъ съ ними.

Съ выростаниемъ дочерей росли и заботы Описія Степановича. Пуще прежняго налегла она на хозяйство, чтобы восполнить чувствовавшійся съ каждымъ годомъ недостатокъ средствъ: сама щадила къ рабочимъ на поле, стояла надъ ихъ шеей и отпускала ихъ домой лишь по заходѣ солнца. Слугамъ у нея просто житья не стало: она будила ихъ чуть не съ первыми изѣухами, грызлась съ ними цѣлый день, заваливала роботой, а женскую прислугу морила до полночи и за полночь. Наймиты и особливо наймички отказывались служить у матушки.

Разъ какъ-то напяллась къ Описью Степановичу сильная, работящая дѣвка изъ Богуслава, Маруся. Она успѣвала за двоихъ; но, какъ говорить пословица: «хто добре вѣзѣ, того й ногоняютъ», то и Марусю матушка вздумала цогонять и ногоняла до тѣхъ поръ, пока та не бросила ее въ самую горячую пору, не дослуживши году.

Спустя иѣсколько дней Опись попадобилось побѣхать въ Богуславъ на базарь. Тутъ случайно она узнала отъ людей, что ся Маруся находится на службѣ у Балабухи. Опися возелеѣла отъ злости; для нея не могло быть сомнѣнія въ томъ, что

Маруся ушла отъ нея не сама по себѣ, но по подговору благочинной; она чувствовала ирритъю всю невозможность найти въ рабочую пору паймичку, равно и обйтись безъ нея въ сложномъ хозяйствѣ, которое, съ уходомъ Маруси, поню, какъ мельничное колесо, лишившееся одного зуба. Ничего не думая и не соображая, движимая однимъ лишь гнѣвомъ и желаніемъ во что-бы не стало отобрать Марусю, Онися бѣгомъ почти пустилась къ Балабухамъ, влетѣла къ нимъ съ азартомъ и щѣсть не совсѣмъ любезныхъ привѣтствій приступила къ объясненію.

— Не годиться, госпоже благочинно, одмогляти у людей наймички! говорила, между прочимъ, Онися. Теперь живи, треба хапати хлѣбъ на поли, треба комусь зарити и спекти дома, и коровы подонти, и овецъ доглядѣть, и кабанивъ нагодувати, и до череды одигнати. Въ мене великое господарство и великій скрутъ. Я не вмію до пивдня снати, а зъ пивдня по свитязи похожати...

Олеся отпеслась къ своей противницѣ совершенно спокойно, даже насмѣшиливо; это еще болѣе раздражило ее и она продолжала вычитывать, какъ по книгѣ:

— Въ мене симъя, въ мене дочки; мені не можна обйтись безъ паймичкъ. Отъ взяла Настуню жъ цевсій, теперь Горлинку и Налазю одвезла. Дочки ростуть; треба для ихъ дбати, треба напрясти и пошити, та щѣ-бъ було-бъ зъ чого. Отъ выбрали коноши, чась уже и ленъ брати... Що я безъ паймички робитиму? Отъ й сегодня сама й коровы доила, сама й пекла й варила...

Олеся только засмѣялась, выслушавъ всю эту дребедень. Онися не выдержала и прямо брякнула:

— Въ кого въ двори нема й поросяты, а въ хати нема й кѣшки, тому тильки смішки.

Олеся стала среди комнаты и выпучила на Онисю глаза.

— Чи вы прыхали въ гости, чи лаятись зъ нами? спросила она ее.

— Не лаятись, а по свою паймичку прыхала, сказала Онися.

— А коли такъ, то берить іи себи, вона мени не дуже потрабна, отвѣчала Олеся.

— Якъ вона схоче, то цехай ёде зъ вами, добавилъ Балабуха, поднимаясь со стуза, и отворивъ дверь въ кухню, кликнулъ Марусю.

Вошла Маруся. Онися приступила къ ней съ докоромъ и рѣшительнымъ требованіемъ возвратиться къ ней на службу. Та от-

въчала ей рѣзкимъ и грубымъ отказомъ и стремительно вышла за дверь. Пристыженная и раздраженная Опися, бросивъ хозяевъ, побѣжала за Марусею въ кухню, накинувшись на нее съ бранью, приступала съ кулаками, грозила становымъ.

— Хочъ мене въ тюрму ведить, а я не пиду до васъ служити, отвѣчала рѣшительно Маруся.

— А коли сама не пидешъ, то тебе приведутъ до мене, крикнула Опися, и съ этими словами выхрѣмъ устремилась изъ кухни на крыльце, чтобы бѣжать къ становому.

— Прощайте, отець благочинный! сказала она Балабухѣ, стоявшему въ растворенной изъ свѣтлицы двери. Спасиби вамъ за вашу послугу. Я одѣ васъ сего не сходивалась. Це мабуть вы одбили въ мене паймичку за колишинас гарбузы...

Балабуха, а за нимъ Олеся съ изумлениемъ смотрѣли на избѣшившуюся Описю. Она, сдва кивнувъ имъ головою, стремглавъ полетѣла со двора прямо въ становую квартиру. Становой только посмѣялся надъ простодушною матушкою, и Опися съ скрежещущими зубами побѣхала домой. Только подъѣзжая къ Ольшаницѣ, она, прия не много въ себя, подумала было, не хватила-ли она черезъ край; но врожденная ей дикая гордость и старые счеты съ Балабухами не позволили ей сознать свою ошибку.

Молча вошла Опися въ комнату, возвратившись домой, и какъ ни допытывался у нея о. Харитонъ о причинѣ ея огорченія и разстройства, не сказала ему ни слова: ей было одинаково и стыдно и досадно за свою горячность и за свою неудачу.

На другой день, не успѣли пообѣдать, какъ явился отъ благочиннаго посланецъ съ письмомъ. Для о. Харитона это было полною неожиданностію, такъ какъ съ благочиннымъ у него не было никогда частной переписки. Не безъ волненія онъ распечаталъ письмо и сдва могъ дочитать оное до конца. Балабуха сдержанно, но тѣмъ не менѣе сильно выговаривая о. Харитону за вчерашнюю выходку его жены, коротко изобразилъ произведенную ею бурную сцену, привель наиболѣе оскорбительныя ея фразы и въ заключеніе просять передать Описіѣ Степановиѣ, чтобы она впредь избавила его отъ своихъ посыпеній и не являлась къ нему въ домъ.

Пока о. Харитонъ разбиралъ письмо, Опися, зацѣпивъ большой мотокъ пряжи за ручку двери и столбикъ кровати, быстро

наматывала нитки на клубокъ. По посланцу она знала, отъ кого письмо, догадывалась и о томъ, по какому поводу оно прислано. Густая краска выступила на ея лицѣ, когда о. Харитонъ распечатывалъ письмо, но скоро она овладѣла собой и спокойно продолжала свою работу.

— Охъ, Боже мій! Ой, що-жъ це вы зробили! вскричалъ о. Харитонъ, дочитавъ письмо.

— А те зробила, що треба було, отвѣчала Онесія спокойно и твердо. Прочитала добру молитву и благочинии и благочинному.

— Ой, що-жъ вы тамъ робили, що казали? спрашивалъ о. Харитонъ, желая удостовѣриться, такъ-ли оно было, какъ писать благочинный.

— Що казала? Вылайла на вен боки, та й доихала, коротко отвѣчала Онесія. Нехай не одмовляють въ мене наймички.

— А бодай-же васть Богъ любивъ! Що-жъ мы теперъ будемъ робити?

— Що робили, те й робитимемъ. Тильки-бъ и лиха, що зъ благочиннимъ полаялась.

— Ой, бодай-же васть курка вбръкинула. И треба було вамъ ѿхати та лягтись!

— Не за тимъ я їздila, щобъ лягтись. Пойхала на торгъ; люди сказали, що Маруся въ Балабухи; я пишla та й вылайла.

— Ой, бодай-же вамъ жаба на ногу настоптала, або миши васть перезлякала! Наробили лиха; буде-жъ теперъ памъ.

— Не мели ка-зна-чого языкомъ, бо я ще й тебе вылаю. Боюсь я дуже твого благочинного.

— Охъ, не кажить сего, Онесіє Степановпо! Вы не знаете, якъ винъ разгнивався. Пиш, щобъ и нога вальпа въ єго доми не була.

— Отъ-то мени завгорити! Стапу я їздити до єго поганої гусарської коханки.

— Добре вамъ такъ казати, а мени хоть зъ парофії итикай. До-пече винъ мене на тихъ книгахъ та отчетахъ.

— А коли ты такъ его бопинься, то однили ему визъ горицкivъ, якъ колись, то й пересердиця.

— Э, пя, вже горицами тутъ не одбудемо. Треба буле вамъ са-мимъ поихати та переирохати.

— А бодай винъ не диждавъ, щобъ я єго перепрошувала. Нехай Олеська прииде та мене відъ перспросить.

Переговорить свою супругу о. Харитону еще ни разу не удавалось, переубедить ее тѣмъ болѣе. Такъ было и на этотъ разъ. Но его опасенія не были плодомъ минутно навѣяннаго страха, или послѣдствіемъ его трусливаго характера. Онъ инстинктивно чувствовать и только не могъ выяснить ни себѣ, ни другимъ всю непрочность своего положенія. Время шло, образованіе въ духовенствѣ росло и брало верхъ надъ простотою прежняго времени. Съ каждымъ годомъ увеличивалось число молодыхъ священниковъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи. Обычай выбора священниковъ громадами давно утратилъ свое значеніе; епархиальное начальство назначало ихъ по своему усмотрѣнію. Штаты 1842 г. захватили священниковъ па приходахъ, какъ ихъ прежде распредѣлила судьба по выборамъ и другимъ взяніямъ, при чемъ нерѣдко простой, пигдѣ не учившійся, или изъ низшихъ классовъ вышедший священникъ занималъ большой приходъ и получалъ высшій окладъ жалованья и наоборотъ на меньшихъ приходахъ и окладахъ умѣстились молодые священники изъ окончившихъ богословскій курсъ. Епархиальное начальство, прекративъ производство во священники изъ неокончившихъ, раздавало приходы по успѣхамъ и заслугамъ, а при случай и прежнихъ неучившихся священниковъ переводило съ большихъ приходовъ на меньшіе. Подобный случай былъ недавно въ Богуславскомъ благочиніи и навсегда страхъ на о. Харитона. Теперь, послѣ грубой выходки Ониси противъ Балабухъ, этотъ страхъ долженъ быть еще болѣе усиливаться. Стоило благочинному дать о. Харитону плохую отмѣтку въ кляровыхъ вѣдомостяхъ, и тогда пиши пропало.

— Треба йхати до благочинного на поклинъ, сказалъ послѣ недѣльного раздумья о. Харитонъ своей Онисѣ: бо якъ напиш, якои вы поведенці, то буде вамъ.

— А яке ему дило до моен поведенці? сердито вскрикнула Онисія: отъ нехай напиш, якои поведенці его Олеся! Оце буде добрѣ.

И вже, про свою жинку не напиш, а про васъ напиш. Отъ прыедуть, визьмутъ васъ та й посадять въ лебединській монастырь на місяцъ, або на два. Будете черныцямъ грубы тошити та воду посити.

— Ать, дурний! Ка-зна-ющ меле. Того ще зъ роду ис бувало, щобъ попадь сажали въ монастырь, а якъ тебе посадять, то по ти правди буде, щобъ ты не бувъ такій плохій; бо тоби, якъ тому собаци, хоть на хвистъ наступи, то ты все мовчатимешъ.

Прошла недѣля, пронесся слухъ о смерти богуславскаго протоіеряя, а спустя дѣй недѣли Балабуха назначень на его мѣсто. Какъ засыпалъ объ этомъ о. Харитонъ, то чутъ не обомѣль.

— Отъ теперь мы прошли! кричалъ онъ, бѣгая по комнатаѣ. Ой моя лиха година та нещаслива! Треба ѹхати та перепросити Балабуху, иоки само лихо не ирихало въ двирь.—И о. Харитонъ велѣлъ запречь лошадей и покатить въ Богуславъ.

Балабуха прінялъ его холодно и пѣсколько гордо. Не помогло ни поздравленіе съ протопопствомъ, ни униженное извиненіе за приступокъ Описію Степановиу. Балабуха даѣтъ почувствовать о. Харитону, что онъ слишкомъ распустилъ свою жену, намекнувъ и о томъ, что самъ онъ держитъ себя слишкомъ просто съ своими прихожанами и бражничаетъ съ ними, что принимаетъ съ требами чужихъ прихожанъ и что въ метрическихъ книгахъ и другихъ записяхъ у него такой непорядокъ, что не мѣшало бы къ нему прислать столоначальника для исправленій и разъясненій.

О. Харитонъ вышелъ отъ Балабухи, какъ привѣтленный. Въ подтвержденіе какъ-бы сказалиаго Балабухою, встрѣтившій о. Харитона у воротъ протоіеряя столоначальника духовнаго правленія шепнулъ ему, что собирается къ нему въ гости. О. Харитонъ поспѣшилъ домой и сообщилаѣ все женѣ. Она ся только теперь почувствовала, что дала маху, особливо при извѣстіи, что столоначальникъ єдетъ къ нимъ въ гости.

— Знаю я, яци то гости, говорила она: теперь одчинай комору ѹ скрыни, души курей та гусей. И понисъ мене чортъ до теи Олеси!

— Ой, не одбудемо ёго курми та гусми: доведенця вамъ, Описіе Степановио, карбованцы доставати съ скрыни, добавилъ о. Харитонъ.

Осенью, только что собрали хлѣбъ съ полей, пріѣхалъ въ Ольянницу новоизначеный протоіерей ревизовать церковь. Онъ былъ очень строгъ, придидался ко всему, дѣлалъ замѣчанія и выговоры за все—за пыль, усмотрѣнную на жертвенникѣ и сосудахъ, за прорванныя ризы, за обтрепанное старое кропило, за оставленный сторожемъ въ алтарѣ вѣнчикъ. За все это досталось о. Харитону, и не мало своихъ карбованцевъ доложилъ онъ къ тѣмъ, что, по обычаю, давалъ староста за осмотръ церкви. Она ся и не показывалась на глаза Балабухѣ; угощалъ его самъ о. Харитонъ. Только что протопопъ сѣхалъ со двора, какъ въ дворъ ввалился

столоначальникъ Крискентъ Харлампіевичъ Млинковскій съ четырьмя дочерьми. За нетычанкою, на которой возсѣдалъ Млинковскій съ семействомъ, стѣдовалъ простой возъ, перепозненный до верху мѣшками.

О. Харитонъ стоялъ на крыльцѣ и, замѣтивъ вѣзжавшаго гостя, подумалъ про себя:

— Ну, цей мене и объесть, и обипье, и обдерес.—Онъ зналъ, что этотъ недавно переведенный откуда-то за взятки столоначальникъ имѣть обыкновеніе объѣзжать батюшечъ своего уѣзда и собирать съ нихъ дань всякою живностью и зерномъ.

— Добры-день, отче Харитоне! кричать ему издали веселый Млинковскій такимъ хриплымъ голосомъ, какъ будто онъ имѣть изъ пустой бочки.

— Доброго здоровья, Крискентъ Харлампіевичъ! Просимо до господы, отзвался къ нему придавленнымъ голосомъ о. Харитонъ.

Млинковскій проворно соскочилъ съ подкатившей къ крыльцу нетычанки, снялъ съ себя шинель силяго сукна, встряхнулъ ее на воздухѣ и снова надѣлъ, отряхнувъ рукой черные густые бакенбарды и сталъ въ засосъ цѣловаться съ хозяиномъ. За нимъ спрыгнули его дочки и начали также отряхать свои мантони и платья.

— Выпряжи, хлонче, конч, та дай имъ сына, та засмѣнь вивса, та вапій, а потімъ рушай на нитъ до дому,—говорилъ столоначальникъ привезшему его паймиту соѣдняго священника. А ты, старосто, знеси мишки въ оту комору, та ѿди себи до дому. О. Харитонъ! одчинить старости комору, нехай позносить мишки, а вы вже, будьте ласкави, одвезете въ Богуславъ до моенъ господы своими волами.

— Добре, добре! отзвался о. Харитонъ и побѣжалъ въ комнату за ключами отъ коморы.

Млинковскій распоряжался въ чужомъ дворѣ, какъ у себя дома. Пріучила его къ этому нужда и господствовавший тогда всюду взглядъ на кормленіе отъ службы. Получать онъ жалованья сто рублей въ годъ, а въ семѣ у него было семь дочерей и два сына. Чтобы прокормливать такую огромную семью при столь ничтожномъ жалованії, надо было имѣть особую изобрѣтательность и на недостатокъ оной не могъ пожаловаться Млинковскій. Сначала онъ самъ объѣзжалъ свою епархію, и самымъ дешевымъ способомъ: выѣзжалъ на напятахъ лошадяхъ въ ближайшее село, тутъ выпрашивать у

батюшки провизію, потомъ батюшка отвозилъ его и провизію къ другому сосѣднему батюшку, а тотъ, надѣливъ его, чѣмъ могъ, препропождалъ дальше. Когда возвѣсь провизію перенолязся, и онавшій въ очередь батюшка долженъ былъ все собранное отослать прямо въ Богуславъ, а Млинковскій продолжалъ обѣздѣть, пока паконецъ самъ не вѣзжалъ съ послѣдними мышками въ свой собственный дворъ. Теперь у него дочери повыростали; дома въ продовольствіи было большою расходъ и онъ придумалъ, подъ предлогомъ, чтобы дѣти дома не скучали, поразвѣстить ихъ на зиму къ батюшкамъ, особенно къ старымъ, у которыхъ метрики и отчеты были не совсѣмъ исправны. Приняты были при этомъ въ соображеніе и личные отношения священниковъ къ протоіерею. Млинковскій зналъ, что Онися вооружила противъ себя протопопіушу, и задумалъ спихнуть ей на прокормленіе хотя бы двухъ дочекъ, а если найдется мѣсто, то и всѣхъ четырехъ.

Нока паны отряхались и оправились, о. Харитонъ отперъ комору и выдалъ пріѣзжему хлопцу овса, а отъ сосѣдняго старосты принять провизію, при чёмъ Млинковскій, какъ-бы желая помочь хозяину, самъ вышелъ въ комору и посчиталъ свои мышки съ мукой, крупою и зерновымъ хлѣбомъ, да мимоходомъ окинувшись глазомъ запасы о. Харитона.

— Теперь хоть и до господы та й по чарци, сказать въ заключеніе Млинковскій.

О. Харитонъ попросилъ гостей въ комнаты.

Млинковскій, войдя въ свѣтлицу, вторично трижды облобызаль о. Харитона. Въ его лицѣ отражалось природное добродушие, въ характерѣ было не мало веселости, въ манерахъ своего рода мягкости, которая дѣлала не столь чувствительными производимые имъ поборы. Широкая лысина на его головѣ свѣтилась, какъ полный мѣсяцъ. По краямъ лысины спускались густыя космы темныхъ волосъ. Въ густыхъ черныхъ бакенбардахъ лишь кое-гдѣ серебренными нитями блестѣла сѣдина. Смуглое, красноватое лицо, гладко выбритый синеватый подбородокъ и значительно выдавшийся кадыкъ — все лоснилось, какъ-бы смазано было оливой. Толстый, нѣсколько вздернутый, носъ фиолетового цвѣта напоминалъ красно-синюю бульбу, облитую масломъ. Исходило лицо, мускулистая шея, съ выдающимися жилами, костлявые руки, оброслія вокругъ волосами,

все показывало, что Млинковский много претерпѣть въ своей жизни нужды, голода и холода и что имѣстъ съ тѣмъ изъ недолгій свой вѣкъ онъ осушилъ не одну бочку сивухи.

Четыре дочери Млинковскаго, красивыя брюнетки, усѣлись рядомъ на стульяхъ. Млинковский, сказавъ слова два въ видѣ привѣтствія, еще разъ поздоровался и поцѣловался съ о. Харитономъ, какъ-бы бывшъ близкій его пріятель или родственникъ.

— А дѣ-жъ ваши дочки? Нехай лишь выходять до моихъ папашъ, начать гость. Та чи не можна-бъ, папоче, по чарци. Въ города въ цей часъ уже пьютъ чай. Чи въ васъ пакъ е самоваръ, чи ще й доси не спромоглись?

— Е ѿ самоваръ и по чарци заразъ буде, отвѣчалъ о. Харитонъ, удивляясь нѣсколько поспѣшности столовачальника.

— А пока по чарци, звелить, паноче, запрягти волы, та одвести мои мишки завидна до Богуслава, сказала Млинковская.

— Добре, добре! заразъ, говорилъ о. Харитонъ, недоумѣвая, за что прежде схватиться: идти-ли звать своихъ дочерей, или велѣть воловъ запрягать.

Между тѣмъ Настуня и Налазя успѣли уже принарядиться и вышли въ свѣтлицу. Они поцѣловались съ паниами, усѣлись рядомъ съ ними, сложили руки и мозчали, искоса оглядывая городскихъ барышень. Скоро вышла Онисія Степановна и поздоровалась съ гостями, а всѣдѣ за ней появилась наймичка съ водкой и закуской.

— Иросю-жъ теперь по чарци, сказала о. Харитонъ, поднимаясь со стула и обращаясь къ Млинковскому. Но тотъ, замѣтивъ, что на столѣ подала одна лишь водка, какимъ-то болѣзnenнымъ голосомъ заговорилъ:

— Ой, коли-бъ вы знали, отче Харитоне, пославъ оце мене докторъ на села, на свиже повитря, та заборонивъ горилку пити...

— То може наливочки, вышнивочки або терниновки, промозвила Онисія сладкимъ голоскомъ, какъ-бы пропикившись состраданіемъ къ болѣзнующему гостю.

— Не можна, пани матко, ни вышнивки, ни дернинки, а тизки хиба сливьянки. Сливьянка, каже докторъ, па груди пользуе.

— То що-жъ? Можно ѹ сливьянки, сказала Онисія, не понимая еще, въ чемъ дѣло.

О, поздоровъ Боже васъ! у васъ въ садку сливъ, якъ хмелю. Кажить лишень пляшечку-другу сливянки принести, говорилъ Млинковскій, болѣе твердымъ голосомъ, какъ-бы уже облегчивъ грудь сливянкою.

— Вижи Настуню, сказала Онися старшой своей дочери, та иаточи сливьянки.

— Та берить здорову яндолу, або макитру, добавилъ Млинковскій. Коли вже личитись, то треба добре личитись.

— У насъ въ городи, ипродолжаль онъ, въ цей часъ уже чай пьютъ. Мабуть в у васъ уже самоваръ буде швидко.

— А не забаромъ буде, отвѣчала Онися и только теперь шинуза на ухо младшій дочери, чтобы распорядилася поставить самоваръ.

— Ись-то воно не однаково у людей ведеться, говориль тотъ-же Млинковскій по поводу самовара, стараясь обезпечить себя и на дальнѣйшее время. Отъ у васъ на селахъ самоваръ ставлять тильки для гостей, а въ насъ въ городи чай пьютъ рано й вечиръ: встанемо въ ранци, повмываемось, повдягаемось, Богу помолимось, та заразъ и за чай. Вже, будьте ласкави, пани-матко, кажить завтра раненько поставить самоваръ, бо такій, бачите, у насъ звычай.

— А чомъ-же? отвѣчала Онися: поставимо самоваръ и завтра.

— А вже мабуть волы запряжени? обратился Млинковскій къ о. Харитону, памекая на отправку провизії иъ Богуславъ.

— Вже й минки посладани, сказалъ о. Харитонъ, глянувъ въ окно.

Млинковскій вышелъ на крыльце; о. Харитонъ поспѣдоваль за нимъ и оба дали наказъ погоничу, отправляемому съ провизією, куда доставить ее. Между тѣмъ и другой погоничъ, доставившій Млинковскаго съ дочерьми, накормивъ лошадей, выѣзжалъ со двора. Увидѣвъ его въ окно, Онися чуть въ обморокъ не впала: очевидно стало для нея, что Млинковскій расположаетъ пробѣтъ у нея не малый часъ.

Гость и хозяинъ возвратились въ комнату. О. Харитонъ, которому самому хотѣлось уже выдѣтъ, взявши за графинъ, обратился къ гостю съ вопросомъ:

— То, кажете, не можно вамъ цеен?

— Не можна, паноче, не можна. Хиба одну.

— Та що-жъ вамъ таке?

— Груди болять.

— А чимъ-же вы личитесь?

— Сливьянкою, паноче! кажу вамъ, сливьянкою. Сливьянка въсъ вынользус, казавъ докторъ. Отъ я й поихавъ по батюшкахъ та й личус; де знайду сливянку, то й личусь. Добре, що у въсъ е сливянка, та мабуть здорове барило.

— Е, хвалити Господа! говорилъ простодушный о. Харитонъ, а Онисю все передернуло отъ этого разговора.

Подали чай. Млинковскій выпилъ рюмку водки, затянувшись грахнить пробкой и попросить вынести его совсѣмъ, чтобы не было соблазна болѣзнующему человѣку. Подали между тѣмъ сливянку. Млинковскій палиль полный стаканъ и вытянувшись до дна, потомъ вазиль вновь и поставилъ стаканъ предъ собою.

— Чо це въ въсъ, паноче, тильки два хатини, якъ два клитки? спросилъ онъ, постѣ минутнаго размысленія, и потянулся къ сестрѣ съ сивѣлицей компатѣ.

— Е ще й третя, отвѣчала о. Харитонъ. Недавно перегородивъ сини пополамъ и зробивъ кімнатку для дочекъ. Млинковскій будто изъ любопытства прошелъ въ эту третью комнату, а осматривая ее и разставленныя въ ней кроватки, соображалъ, сколькихъ изъ своихъ дочерей онъ можетъ оставить батюшкѣ на прокормленіе. Вышло по его соображенію, что можно оставить только двухъ, потому что остальными двумъ не было бы гдѣ спать.

— Та й добра-жъ у въсъ сливянка! началъ вновь Млинковскій, возвратясь къ оставленному на столѣ стакану. Така добра, що я мабуть не швидко вырвусь зъ вашои хаты.

— Пыйте на здоровъяко та очунюйте, тихо промолвилъ о. Харитонъ.

— Козибъ була зпала таке лахо, була-бъ накидала полыню въ барило, подумала Онися: выдуздити ѿцей цыганъ усе барило.

— А коли вы обидаєтесь? спросилъ Млинковскій у Ониси какъ-бы не взначай.

— Та вже-жъ не противъ ночи, а въ ранци, звычайно по сильски, сказала Онися.

— По сильски, якъ на двори сывитае. А въ часъ въ городи тоди ще сплять, а обидають ажъ о пивъ-дни, а въ ранци тильки чай пьютъ та сидають, пояснялъ Млинковскій, дѣлая соотвѣтственные

намеки относительно распорядка жизни оставляемыхъ дочерей; мы звукли спати довго, а обидати въ вашъ полудень.

Пани пересвакомились и завели веселый разговоръ, бренчали на гитарѣ, а потомъ пустились танцевать. Млинковскій пропустилъ въ эту вечеръ въ свою утробу добрую «макитру» сливянки.

— Ну та й добра въ васъ сливянка! говорилъ онъ, чмокая губами.

— Чи хочъ трохи вамъ полегшало, Крикенть Харампіевичъ? спросилъ о. Харитонъ.

— Ого, ще й якъ полегшало! Такъ пеначе хто помасавъ медомъ по грудяхъ, та цо животи.

— Чи не можна, пани-матко, обратилъ онъ къ хозяинѣ, пачотити ще макитру на начь? Въ мене, бачите, въ почі якось въ грудяхъ закладає та й смага въ роти стає.

— То може водыци ногожон на начь вамъ поставить? лукаво спросила Онися.

— Отъ-же й воду докторъ заборонивъ: вода, каже, животови не пользуе,— нашелся что сказать Млинковскій.

Послѣ ужина Онися должна была идти въ погребъ и наточить опять «макитру» сливянки. Млинковскій лѣчился такимъ способомъ до полночи, потомъ день и другой. Онися догадалась развести наливку водою. Млинковскій попробовалъ и вытаращилъ на матушку глаза. Та поняла, что значить этотъ взглядъ и, немного замявшись, сказала:

Ця мабуть слабиш. То, бачите, бувъ первакъ, трохи булозосталось, а це вже въ друге недавно наливали, такъ ще, знати, не пастоялась.

— Нехай-же частоються, слегка улыбнувшись, сказъ Млинковскій, а вы, паноче, оцезитъ мене до о. Прокона.

О. Харитонъ вышелъ распорядиться отправкою гостя и заготовленiemъ для него провизіи, а возвратясь, счель нужнымъ на счетъ послѣдней вступить съ столонаачальникомъ въ нѣкоторое объясненіе, такъ какъ слышалъ раніше о его разборчивомъ вкусѣ.

— Отъ то-жъ, Крикенть Харампіевичъ, прошу принятии одъ мене де-ющъ въ нашего хозяйства; дома тамъ вено може здастися вамъ.

— Спасыби вамъ, спасыби, съ живостию произнесъ Млинковскій и прибавилъ какъ-бы про себя:

— Що здастся, а що може и не здастся. Чимъ тамъ васть Богъ наградивъ?

— Мишокъ житнѣго боронина, та мишокъ пшеничнаго звѣлиза набрати вамъ, съ пѣкоторою робостю сказалъ о. Харитонъ; прыжить, будьте ласкави.

— За житню спасыби, а пшеничию висьму. Моя жинка не любить житнѣго хліба, таъ само слабіє, якъ и я. Одначе може свини звидѣть. Звелитъ кни тути на визъ мишкивъ зо два, або зо три, сказалъ Млинковскій.

— Добре, покладемо. Та будьте ласкави, не прогнивайтесь за мои книги, тихо проговорилъ о. Харитонъ.

— Тамъ щось ви напутали, паноче, въ перній части о родившихся... Гмъ... Така плутаница... Розбирать я, розбирать, та насыту ладу давъ. Здається, у васъ уродилася картофля. Звелитъ кни тути на визъ мишкивъ зо два, або зо три. Моя жинка страхъ ясъ любить печену картофлю зъ масломъ. Отъ-же у васъ и масло повинно бути, сказалъ Млинковскій.

— Про це вже треба матушки спитати, съ пѣкоторою стыдливостю замѣтиль о. Харитонъ.—Не знаю, чи зибрали тамъ масла, а кабанчика не давно кололи.

— Та й сало згодиться, подхватиль Млинковскій; сало часомъ ще лучше. Не любить, правда, моя жинка того сала; ну, та вже нехай для неї буде масло, а для мене таки сало.

О. Харитонъ вищель въ спальню і шептался съ Ониксю. Онися сердито огрызалась, но должна была согласиться на счетъ масла и сала.

Млинковскій между тѣмъ какъ будто что-то припомнивалъ и когда воротился о. Харитонъ, заговорилъ вновь:

— Та й одчоты ваши по плутани. Господя, скільки я голову по-поламавъ, поки до дила дійшовъ! Чи вродило пакъ у васъ просо, або гречка? Моя жинка розвела курей, качою та индиківъ, и самъ я, знаете, одъ хороби личусь курми та индиками. Киньте зъ мишокъ проса, або гречки!

— Ипросо не вродило, отвѣчаль о. Харитонъ, а гречка вдалась добра.

— Отъ и добре! воскликнуль Млинковскій и добавилъ словами пѣсни: «нема-жъ мени пи словечка, нехай буде гречка».—Знелить-же, паноче, продолжалъ онъ, заирятти волы та выщелить мое

добро до Шандры,— я й самъ заразъ туды иду, а ци дви дочки мои, добавилъ Млинковскій, указывая ца старшихъ дочерей и обращаясь къ Онисіѣ Степановиѣ, нехай трохи у васъ посидѣть. И имъ буде веселіше и вашимъ дочкамъ не такъ може скучно. Отъ воююй буде гараздъ; я, бачте, визъ ихъ у гости до отца Мелхиседека, та думаю, нехай трохи повеселяться у васъ.

Онисія Степановна не знала, что и говорить, и только глаза вынучила па Млинковскаго.

— Прощайте, бувайте здорови! Завезете моихъ дочекъ, коли вана ласка, до отца Мелхиседека, та кланяйтесь ёму одь мене низенько, низенько, сказала Млинковскій, трижды цѣлуюясь съ о. Харитономъ.

Усѣвшись въ истычанкѣ о. Харитона съ двумя младшими дочерьми, Млинковскій, усердно кисая головою и размахивая партузомъ, направился въ дальниѣйший обѣздъ. За нимъ потянулся со двора воловій возъ, наполненный мѣшками подаренной Моссаковскими провизії.

Оставшись у Моссаковскихъ дочери Млинковскаго не сколько не стѣснялись своимъ въ цѣлкоторомъ родѣ постороннимъ положеніемъ въ чужомъ, незнакомомъ имъ домѣ. Они прониклись уже взглядами отца и смотрѣли на священниковъ, какъ на поднальныхъ ихъ батюшкѣ, и если отецъ на ихъ глазахъ вызывалъ цѣлые возы педобострастно предлагаемой провизії, то они не считали не натуральнымъ гостить по цѣлымъ мѣсяцамъ въ домахъ тѣхъ-же священниковъ и потреблять ихъ провизію, считая это уже мелочью по сравненію съ тѣмъ, что доставлялось цѣлыми козами ихъ родителю. Сообразно этому, они держали себя у Моссаковскихъ, требуя себѣ всякихъ удобствъ, какъ должно. Онисія Степановна, стиснувъ зубы, волей-неволей должна была уступить имъ кровать, а сама сидѣла въ кухнѣ на печи. Пробовала она, какъ-бы случайно забывши, не ставить самовара то утромъ, то въ вечеру; но напы-гости не безцеремонно напоминали ейъ этомъ и чуть-чуть не приказывали. Одна паймичка должна была совсѣмъ оставить хозяйственную работу и все время мыть и гладить да служить гостямъ. Дочери о. Харитона все гуляли съ гостями и совсѣмъ отбились отъ работы. Ежедневно на обѣды и ужины потреблялись куры, утки и гуси и число ихъ быстро уменьшалось. Занасъ сахару и чаю вышелъ весь,

сколько его было дома. Онисія Степановна свезла въ Богуславъ на ярмарокъ цѣлый возъ муки и привезла домой голову сахару и фунтъ чаю; но сахаръ какъ-бы таялъ, чай разсыпался.

— Візьми, напоче, та одвеси цихъ цыганокъ до Мелхиседека, бо вони памъ уха обвідять, говорила Онисія Степановна мужу.

— Не смію, Онісія Степанівно. Млинковскій буде мстити и підбивати противъ меле протонона, отвѣтиль о. Харитонъ.

— Коли ты не смієшь, то я сама ихъ вытурлю зъ хаты.

— Їзге, вытурлить, та таки стережиця, юбъ нась не вытурили зъ парадкії, замѣтиль на это о. Харитонъ.

Какъ разъ въ это время глуповатый Прокопъ, ваймить Балабухи, совсѣмъ обезумѣль, сошелъ со двора и сталъ скитаться по селамъ, поселяясь у священниковъ. Придетъ къ одному батюшкѣ, поживеть съ недѣлю и идетъ дальше, или бродить по полямъ и лѣсамъ безъ шапки, прикрывъ голову мѣшкомъ. Забрехъ Прокопъ въ Ольпиницу, къ о. Харитону, воителъ въ кухню и пойдѣть прямо на печь, какъ у себя дома.

— А чого це ты, Проконе, прыйшовъ до нась? спрашивавъ его Онісія Степановна.

— Чувъ, що въ насть велика ничъ та й прыйшовъ погрітись, отозвался Прокопъ съ печи.

— А що-же ты дурво въ нась хлібъ пістимешъ, чи що? спросила матушка.

— Я дурно хліба нигде не ймъ: я стану у насть за наймита, отвѣтиль Прокопъ.

— Отъ и добре, подумала Онісія; може одробить меня за мою Марусю. Вставай-же та йди на тикъ молотить, та зароби соби на обіть, сказала Онісія.

— Ось нагріюсь, то й піду, отклинулся съ печи Прокопъ.

Наймичка подняла Прокона на смѣхъ. Сбѣжалась въ кухню панички и смотрѣли на полуумнаго Прокона, какъ на диво. Прокопъ нагрѣлся, елѣвъ съ печи, взялъ со стола кусокъ хліба и попіель на гумно. Тамъ молотили пішеницу рабочіе о. Харитона; они дали ему въ руки цѣнь, положили цѣлую кучу сноповъ и предоставили молотить отдельно отъ нихъ. Прокопъ замахаць цѣномъ, какъ машинна, быстро переворачивая снопы, отбрасываль солому, сгребаль зерно, вообще работалъ такъ, что другое

рабочіе глядѣли на него съ удивленіемъ. Но прошло съ часъ времени и онъ вдругъ опустилъ цѣпь, оперся на него и сталъ неподвижно, выпучивъ глаза къ верху. Рабочіе окликали его, шутили надъ нимъ, толкали подъ бока,—Прокопъ все стоялъ и глядѣль вверхъ. Спустя полчаса онъ очнулся и снова замахалъ цѣпомъ и молотиль, пока не кончилъ отложенныхъ для него споновъ. Матушка полюбопытствовала посмотреть его работу и осталась вполнѣ довольна. Она разсчитала, что Прокопъ работникъ хороший, платы не возьмется и предоставила ему жить у нея въ домѣ, сколько захочетъ.

Живеть Прокопъ у о. Харитона недѣлю, живеть другую, и работаетъ какъ волъ. Случится, иной разъ онъ куда-то уйдетъ на день, на два, но возвращается опять и лѣзть прямо на печь. Но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе странностей стала обнаруживать Прокопъ. Разъ схватилъ онъ косу и давай косить сухой бурьянъ и крапиву въ огородѣ. Смотрѣть на него всѣ съ удивленіемъ и смыются, а онъ все глушить крапиву и бурьянъ.

— На що ты, Проколе, косиши крапиву? спрашивали его барышни.

— Ото добри въ вѣсъ наймиты! Лито минуло, а иони й доси травы не выкосили, сказалъ въ отвѣтъ Прокопъ, и барышни покатались со смѣху.

Въ другой разъ Прокопъ пошелъ къ пруду, согнать въ кучу всѣхъ гусей, какія были на водѣ и прятанѣ во дворѣ, прихвативъ по дорогѣ съ десятокъ чужихъ также свиней.

— Ото добри тутъ паймички! И доси гусей не позагапиши въ хливъ, кричалъ Прокопъ.

Всѣ хотели до упаду.

Увидаль онъ какъ-то сквозь отворенную въ комнатку барышень дверь, что у нихъ на колочкахъ много юпокъ и платьевъ, и задумалъ ихъ вымыть: веталь почюю, когда всѣ спали крѣпкимъ сномъ, собралъ все, что висѣло на колочкахъ, втопталъ въ дѣжку и налилъ водою, потомъ выбрать изъ ночовъ сушившуюся въ нихъ крупинчатую муку, насыпалъ въ дѣжку поверхъ платья, вообразя, что это зола, и пригнестилъ сверху каменными, а самъ полѣзъ на печь спать. На утро проснулись барышни, хватились юпокъ, платьевъ, а ихъ неѣть. Подняли искъ и крикъ, думали, что воръ забрался къ нимъ. Они ся бросилась въ кухню и съ ужасомъ увидѣла, что и ся крупинчатую муку кто-то забралъ. Принялись пекать и не-

скоро панихи въ съняхъ въ дѣжкѣ и платье и муку... Нетрудно было догадаться, что то была робота Прокона. Кинулись къ нему, а онъ только смотрѣть.

— Та цѣ-жъ я хотивъ вамъ попрощи то позолити ваши спидички, говорилъ Проконъ.

— А бодай тебе золила лиха година! крикнула Опися. Геть зъ моего двора, щобъ твого й духу тутъ не было. Йди себи къ нечестому, та ще й заразъ!

— Куды-жъ я пиду, коли въ мене своєї домы нема, завопилъ Проконъ.

— Йди до своеи протопопши та й не приходь биле до насть.

— Эте, йди до протопопши, коли протопопша таихъ само проганяе, якъ и вы. Каже, що я дурный, щоничого не роблю и тильки хзібъ дурно ймъ. А поки бувъ разумный, то й пе проганяла, одговаривался Проконъ.

— На тоби твою свиту, та заразъ геть зъ моєї хаты, кричала Опися.

— Якъ-бы було куды йти, то й пніловъ-бы. А то куды я пиду? Батька нема, матери нема. Була въ мене колись мати та на стежки втикла, а мене покинула...

Проконъ сѣлъ на лавку и неожиданно заплакать, какъ дитя, утирая слезы кулакомъ. Прислуга и барышни смигались, рыдала Прокона усиливалась. Оня поднялъ наковець голову вверхъ и страшно застонала, какъ-бы его кто душилъ, а глазами уперся въ потолокъ. Уже и слезы перестали литься, а Проконъ стональ и вздрагивалъ, какъ-бы ему совсѣмъ конецъ пришелъ. Сміхъ прекратился; всѣ бывшіе въ кухнѣ прониклись страхомъ и сожалѣніемъ, у іныхъ навернулись слезы, а Проконъ все стональ и рыдалъ. Вдругъ онъ какъ-бы очнулся и заговорилъ дикимъ, страшнымъ голосомъ: мати втикла, мене покинула. Мати мене жалувала, гостинци мени носила, а теперь никто мене не жалує, шматка хліба не дає. Чужи люди скрізь: я имъ роблю, а вони мене лають, ще й съ хаты проганяють. Куды я пиду, де подніусь? Ой, Боже мій! Ой, ой, ой! страшно вскрикнулъ Проконъ и упалъ на землю, какъ мертвый. Служанки охали и крестились.

Черезъ минуту Проконъ поднялся, взялъ свиту, накинувъ мъшокъ на голову и побрель въ Богуславъ.

Позбавившись Ирокопа, Опися рѣшилась выпроводить отъ себя и дочерей столовачальника. Она ограничила ихъ во всемъ, перевела на свой обыкновенный столь, высказывала имъ прямо свое неудовольствіе на ихъ продолжительное пребываніе, въ разговорѣ съ мужемъ обзывала ихъ «злыднами» и такъ, чтобы и这儿 было слышно, а когда увидѣла, что ничто подобное не действуетъ на безцеремонныхъ барышень, то и прямо предложила имъ перѣѣхать къ о. Мелхиседеку, какъ говорилъ и самъ ихъ отецъ.

Какъ ни отговаривались и какъ ни вертѣлись барышни, однако на концѣ концовъ пришлось, собирать свои платьица и перекочевывать въ другой заѣзжій для нихъ дворъ, къ о. Мелхиседеку.

— Ой, Описie Степановно! говорилъ о. Харитонъ, когда барышни выѣхали за ворота. Коли-бъ часомъ съ того не вышло чого. Расслодимо мы собы ворогивъ.

— Э, ихъ и такъ до ста-биса! Разъ родила матери, разъ и пропадати, сказала Опися Степановна.

И. Левицкій.

(Продолженіе с.тьдуемъ).

ДВІ ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Е. О. ФОНЬ-БРАДКЕ, СОСТАВЛЕННІЯ ПО ОБРЕВІЗОВАНІЇ ХЕРСОНСКОЇ ГУБЕРНІЇ ВЪ 1850—1851 ГР.

Въ 1850-1851 гг. бытъ посланъ для обревізованія херсонской губернії сенаторъ Егоръ Федоровичъ фонъ Брадке, бывшій до этого пощечителемъ кіевскаго учебнаго округа, а впослѣдствії занимавшій тотъ-же постъ въ Дерптѣ. Прибывши въ Херсонъ, сенаторъ, кромѣ устныхъ распросовъ, разослать своихъ чиновниковъ ревизовать дѣла въ слѣдующихъ учрежденіяхъ: въ канцеляріи губернатора, въ губернскомъ правленіи, въ херсонской городской думѣ, въ приказѣ общественнаго призрѣнія, въ коммісії народнаго продовольствія, въ губернскомъ осененію комитетѣ, во врачебной управѣ, въ казеппой палатѣ, въ палатѣ государственныхъ имуществъ, въ цопечительномъ комитетѣ о капиталѣ сельской промышленности, въ комитетѣ о конно-заводствѣ, въ строительной и дорожной коммісії, въ губернской почтовой конторѣ, въ палатахъ гражданскаго и уголовнаго суда, въ совѣтномъ судѣ, въ присутственныхъ мѣстахъ уѣздовъ херсонскаго, одесскаго, тираспольскаго, аяньевскаго, александровскаго, бобринецкаго и въ городскихъ управленіяхъ гг. Григоріополя, Дубосаръ и Очакова.

Къ сожалѣнію, у меня не имѣется хотя-бы черновыхъ отъ докладовъ чиновниковъ сенатору; понади только ко мнѣ въ руки двѣ черновыхъ отъ всенодданийшихъ записокъ самого сенатора, которыя являются слѣдствіемъ ревізіи и, такъ сказать, краткимъ очеркомъ ея результатовъ, составленнымъ для общаго ознакомленія центральной власти съ мѣстными условіями осмотрѣнной сенаторомъ губернії. Предоставляю читателю судить о цѣнности предла-

гаемыхъ его вниманию записокъ, скажу только, что помѣщаемыя записки Е. О. фонь-Брадке не лишены значенія какъ для исторіи херсонской губерніи, такъ и для характеристики этого разумнаго савовника, который много потрудился на пользу просвѣщенія въ качествѣ первого попечителя кіевскаго учебнаго округа. Не все то, что было предложено сенаторомъ, какъ необходимыя для благосостоянія губерніи мѣры, было приведено въ исполненіе. Можно пожалѣть о краѣ, не воспользовавшемся проектированными разумными мѣрами, но это не уменьшаетъ цѣнности ихъ и заслугъ лица ихъ предложившаго.

Кромѣ этого значенія, записки интересны въ другомъ отношеніи: многое, что въ нихъ проектировано, ждетъ еще и теперь своей очереди и могло бы быть примѣчено съ пользою для края.

I.

Соображенія по сельско-хозяйственной промышленности херсонской губерніи.

Херсонская губернія по черноземной почвѣ своей, имѣющей въ некоторыхъ мѣстахъ болѣе двухъ аршинъ глубины, должна-бы принадлежать къ плодороднѣйшимъ губерніямъ Россіи; но недостатокъ дождей, жгучее солнце и сухіе южные вѣтры, не встрѣчающіе никакого препятствія въ безлѣсныхъ ся степныхъ пространствахъ, часто уничтожаютъ всѣ надежды селенина и производятъ совершенные неурожаи.

Впрочемъ, при огромномъ пространствѣ занимаемомъ губерніею, неудобства эти не относятся въ равной мѣрѣ ко всемъ ея уѣзdamъ: уѣзы александровскій и въ большей части бобринецкій и ананьевскій, находясь на сѣверѣ губерніи, менѣе оныхъ подвержены, тираспольскій уже болѣе отъ нихъ страдаетъ, но одесскій и херсонскій уѣзы, особенно послѣдній, въ которыхъ грунты при меньшемъ слоѣ черной земли переходитъ болѣе къ хрящеватому и пестаному, наиболѣе чувствуютъ силу южныхъ вѣтровъ и палящихъ солнечныхъ лучей и рѣдкій годъ пользуются хорошимъ урожаємъ хлѣбовъ и травы, такъ что въ южной части херсонскаго уѣзда даже скотоводство (кромѣ овцеводства) начало дѣлаться затруднительнымъ.

Замѣчательно, что сельское населеніе херсонской губерніи съ самаго начала зодворенія въ семь краѣ угадало выгоды жѣстности; оно густо поселилось въ уѣздахъ сѣверныхъ, рѣдѣеть по мѣрѣ приближенія къ югу, а самый югъ губернія своимъ населеніемъ единственно обязанъ хѣрамъ правительственнымъ и близости къ Чорному морю, судоходнымъ рѣкамъ и къ одесскому порту, привлекающему легкотю и выгодностю заработковъ.

Когда въ царствованіе императрицы Екатерины правительство приняло первыя мѣры къ населенію вновь пріобрѣтеннаго края, дотолѣ почти исключительно находившагося подъ кочевьемъ разныхъ племенъ, то первые пришельцы пользовались полной свободой въ безконечныхъ стенахъ и не имѣли надобности заводить какое либо правильное хозяйство; дѣственная почва, въ полной своей первобытной силѣ, давала имъ неслыханные урожаи; а когда разрабатываемые участки начинали уменьшать урожайность свою, то они бросали ихъ на десятки лѣтъ и безпрепятственно находили новые цѣлины, приносившія имъ тѣ-же выгоды. Такимъ образомъ, произошло дикое хозяйство, которое сдѣлалось обычнымъ для новыхъ жителей и, по огромности степей, даже при увеличеніи заселенія, не требовало измѣненія. Сей дикий способъ хозяйства и по настоящее время продолжается во всѣхъ помѣщичьихъ и казенныхъ селеніяхъ херсонской губерніи и хотя въ уѣздахъ сѣверныхъ, особенно александровскомъ и сѣверной части бобринецкаго, уже жѣстами начинаетъ встрѣчаться стѣненіе въ землѣ и почва, слишкомъ часто обрабатываемая, начинаетъ отказывать въ произведеніи хорошихъ урожаевъ, но еще не дошло до той необходимости, которая могла бы заставить жителей отстать отъ укоренившихся временемъ обычаевъ и даже дворянское сословіе начинаетъ въ сѣверныхъ уѣздахъ лишь помышлять о необходимыхъ измѣненіяхъ, но доселѣ еще не приступало ни къ какимъ дѣствительнымъ мѣропріятіямъ. Колонисты, находясь подъ одинимъ общимъ управлениемъ съ менонитами, поселенными въ таврической и екатеринославской губерніяхъ и получая отъ начальства своего свѣдѣнія о предпринятыхъ послѣдніи улучшеніяхъ, твердой ихъ хозяйственной системѣ и благопріятныхъ отъ того материальныхъ выгодахъ, убѣждаются въ необходимости учрежденія правильного хозяйства и сдѣлали къ тому нѣкоторые шаги.

Собственно-же положительная система полеводства учреждена единственно въ округахъ военнаго поселенія, для которыхъ еще въ 1829 г. утверждено въ императорскимъ величествомъ положеніе о раздѣленіи земель на участки и производствѣ общественныхъ и поселянскихъ посѣвовъ и покосовъ, коимъ опредѣляются какъ посѣдовательность посѣвовъ и отдыха земель, такъ и обязанность каждого поселенца въ отношеніи къ обработкѣ общественныхъ полей, для продовольствія людей и лошадей кавалерийскихъ полковъ, въ сихъ округахъ расположенныхъ.

Сей краткий очеркъ настоящаго положенія херсонской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи я считаю долгомъ представить на высочайшее благоусмотрѣніе, предварительно разсмотрѣнія тѣхъ жѣрь, которые могли бы оказаться полезными для края, важнаго по своему положенію, своей плодородной почвѣ и значительности своего плоскостнаго содержанія, но въ которомъ въ постѣднее время часто повторялись общіе и мѣстные неурожаи, и такимъ образомъ, вмѣсто пользы, которую край сей долженъ былъ приносить государству своими запасами хлѣба и своимъ скотоводствомъ, начали оказываться затрудненія въ продовольствіи даже самыx жителей онаго, а скотоводство изъ года въ годъ приходитъ въ болѣшій упадокъ. Обстоятельства сіи тѣмъ болѣе существенны, что они въ равной мѣрѣ относятся къ съсѣднимъ губерніямъ: екатеринославской и таврической, а отчасти и къ области бессарабской, къ константинополскому уѣзду полтавской и балтскому уѣзду подольской губерніи.

Главнѣйшее условіе для благосостоянія сихъ губерній есть разведеніе лѣсовъ, коими доставится тѣнь отъ налиющихъ солнечныхъ лучей и защита отъ гибельного дѣйствія южныхъ вѣтровъ,—дѣйствіе дождей будетъ продолжительнѣе и самые дожди будутъ повторяться чаще: ибо изысканіями и опытами доказано, что лѣса притягиваютъ дожды.

Увеличеніе количества воды для ближайшаго удовлетворенія людей и скота конечно важно для здѣшняго края, но въ томъ размѣрѣ, въ которомъ она уже имѣется, дальнѣйшее о семъ начечевіе относится болѣе къ частнымъ выгодамъ владѣльцевъ: лѣсъ-же составляетъ общую потребность я при此刻ии увеличивающемся съ вѣкотораго времени

бездождів, безъ благовременныхъ мѣръ къ разведенію лѣсовъ, благо-
состояніе всего края подвергается основательнымъ опасеніямъ.

Около 20-ти лѣтъ тому назадъ разведеніе лѣсовъ на стечи счи-
талось здѣсь дѣломъ невозможнымъ, всѣ опыты не удавались, солнце
все сожигало; но одесскій ботаническій садъ въ маломъ размѣрѣ, мен-
нониты таврической губерніи въ большемъ довели до убѣжденія, что
главное условіе успѣха есть глубокая посадка и прегражденіе окрестъ
оной всякаго произрастенія. Разными путями оба достигли до одной
цѣли, а меннониты, понимая важность лѣсовъ для своего благосостоянія,
приступили къ сему мѣрамъ твердыми и рѣшительными. Успѣхъ уви-
чалъ дѣло: разведенныхъ ими рощей уже пѣшкомъ обойти нельзя и
посадки у нихъ всегда удаются; можно утверждительно сказать, что
произращенія ими лѣсныя рощи, даже въ нынѣшихъ незначитель-
ныхъ размѣрахъ, принадлежатъ къ причинамъ того, что у нихъ не
бываетъ совершенныхъ неурожаевъ. Министерство государственныхъ
имуществъ, призвавъ за сѣѣланными меннонитами насажденіями вопросъ
о возможности разведенія лѣсовъ въ степяхъ новороссійскаго края
окончательно рѣшеніемъ, сдѣлало въ 1848, 1849 и 1850 годахъ
въ херсонской губерніи лѣсныхъ насажденій на пространствѣ 100 де-
сятинъ; въ округахъ военнаго поселенія также производятся ежегодныя
посадки; нѣмецкіе колонисты во всѣхъ селеніяхъ заводятъ лѣсныя
плантациіи на возвышеніяхъ; нѣкоторые частные люди въ малыхъ раз-
мѣрахъ послѣдовали сему примѣру; по собствено дворянство, владѣющее
несравненно болѣшимъ пространствомъ земель, къ сему еще не при-
ступало, за малыми развѣ, до меня не дошедшими, изыятіями; а по-
тому дѣло это въ видахъ государственной пользы требуетъ повсюду
усилія, а въ дворянскихъ имѣніяхъ твердаго начала и постояннаго
производства.

Другое обстоятельство, въ которомъ ежегодно оказывается болѣе
необходимости, для уироченія благосостоянія края, есть переходъ отъ
существующаго нынѣ дикаго хозяйства къ правильному учрежденію
полеводства. Уѣзды херсонскій и одесскій, по изобилію земли, еще
могутъ на довольно долгое время выдержать безъ значительного не-
удобства распашку на захѣтъ земель; но въ прочихъ уѣздахъ хер-
сонской губерніи населеніе уже въ большей или меньшей мѣрѣ дошло

до той степени, что безотчетное обесъменение полей должно привести ихъ къ конечному истощенію и сдѣлать впослѣдствіи неурожайность уже общимъ достояніемъ плодородившіхъ частей губерніи. Привычка къ старому дѣдовскому обычаю и здѣсь беретъ верхъ надъ очевидностью и примѣръ огромныхъ материальныхъ выгодъ, извлекаемыхъ женоюитами отъ правильного полеводства, и сильное убѣжденіе, доставляемое близъ лежащими военными поселеніями, не производить никакого вліянія на безотчетный предубѣжденія прочихъ обывателей. Здѣсь, какъ и почти во всѣхъ другихъ случаяхъ, государственное благо только можетъ истекать изъ направления, указываемаго силью правительства.

Разматривая сельско-хозяйственный бытъ края, невозможно упустить изъ виду сословіе поселянское. Государственные крестьяне получили твердое устройство, они развиваются на указанномъ имъ пути и нѣдоно падать, что, при представлении имъ участія въ собственномъ управлѣніи, они постепенно пріучатся отчетливо стремиться къ дѣйствительному благосостоянію на незыблемыхъ основаніяхъ. Колонисты не нуждаются въ особыхъ правительственныхъ мѣрахъ, существующія для нихъ постановленія вполнѣ соотвѣтствуютъ ихъ быту и даютъ способы къ полному развитію ихъ благосостоянія. Крѣпостное населеніе, состояло въ херсонской губерніи изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ и въ значительномъ числѣ изъ людей, долго ведшихъ бродяжническую жизнь и указами 1827 и 1828 годовъ прикрѣпленныхъ къ тѣмъ имѣніямъ, въ которыхъ они имѣли послѣднее свое пребываніе, въ настоящее время не требуетъ новыхъ мѣропріятій и нуждается только въ неукоснительномъ исполненіи существующихъ постановленій. Только одно изъ относящихся къ нимъ обстоятельствъ требуетъ разъясненія и дополнительного постановленія. 965-ю ст. IX т. Свода Законовъ опредѣляется крѣпостнымъ крестьянамъ работать на своихъ помѣщиковыхъ по три дня въ недѣлю, но о праздничныхъ и неспособныхъ къ работѣ ненастныхъ дняхъ въ законѣ не ясно упомянуто, что и даетъ основаніе некоторымъ владельцамъ сіи для не принимать въ расчетъ и требовать безусловно назначенныхъ закономъ дней въ дѣйствительную работу. Таковая возлагаемая на крѣпостныхъ крестьянъ тягость, по-

давшага въ херсонской губерніи поводъ къ жалобамъ и ропоту, по моему мнѣнію подлежала бы отмѣта.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, я осмѣливаюсь всеподданнейшее повергнуть на высочайшее благоусмотрѣніе слѣдующія предположенія:

Относительно разведенія лѣсовъ:

1) Дать возможное усиленіе разведенію лѣсовъ въ казенныхъ селеніяхъ, употребляя на сей предметъ сверхъ суммъ, вообще по сметѣ министерства на лѣсоразведеніе назначаемыхъ, проценты съ особо имѣющагося капитала сельской промышленности, составляющаго пынѣ по херсонской губерніи 150,000 р. серебр., и проценты съ отдѣльного крестьянскаго капитала въ числѣ 23 т. рублей, сколько оныхъ будетъ оставаться отъ прочихъ лежащихъ на нихъ расходовъ.

2) Изъ сихъ-же процентовъ назначать въ опредѣленномъ количествѣ премія для тѣхъ казенныхъ крестьянъ, которые собственнымъ распоряженіемъ сдѣлаютъ лѣсные насажденія.

3) Побудить колонистовъ къ усиленію своихъ лѣсныхъ насажденій, въ опредѣленныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ размѣрахъ.

4) Вмѣнить въ обязанность помѣщикамъ и владѣльцамъ земель дѣлать въ своихъ имѣніяхъ посадки лѣсовъ, полагая по количеству владѣемыхъ ими десятинъ, ежегодно на каждыя 10,000 десятинъ по полу值得一инѣ, что, по числу состоящихъ въ херсонской губерніи $3\frac{1}{2}$ миллиновъ десятинъ помѣщичьихъ земель, составить ежегодно 175 десятинъ.

5) Капиталъ сельской промышленности назначать въ ссуду, единственно на предметъ лѣсоразведенія, съ опредѣленіемъ на оной банковаго 4-го или даже 3-го процента, но съ выдачею сей ссуды только тѣмъ землевладѣльцамъ, которые, сверхъ предполагаемой въ предѣду-щемъ пункте обязательной посадки, пожелають сдѣлать въ опредѣленномъ размѣрѣ особыя лѣсонасажденія.

Относительно введенія правильнаго полеводства:

1) Учредить правильное полеводство во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ херсонской губерніи, при чмъ принимать въ соображеніе высочайшее утвержденіе въ 1829 году положеніе для округовъ военнаго

поселеніл, которое, по опыту многихъ лѣтъ, доставляетъ иѣкоторое ручательство въ правильномъ примѣненіи его къ жѣстостямъ края.

2) Возложить на попечительный комитетъ обѣ иностраныхъ поселенцахъ, поощрять колонистовъ ко введенію правильного полеводства, съ принятіемъ въ соображеніе, какъ означенаго положенія 1829 года, такъ и хозяйственнаго устройства меннонитовъ въ таврической губерніи, увеличавшаго до высшей степени ихъ благосостояніе, причемъ вмѣнить въ обязанность комитету производить въ малыхъ разыѣрахъ опыты удобренія полей, оказавшаго у меннонитовъ совершенно удовлетворительныхъ послѣствій.

3) Поставить въ извѣстность дворянство и ноземельныхъ владѣльцевъ херсонской губерніи о видахъ правительства къ упроченію ихъ благосостоянія, посредствомъ охраненія земель ихъ отъ совершиеннаго истощенія, а выедшихъ въ имѣніяхъ своихъ правильное полеводство удостоивать поощрительныхъ наградъ; обществу сельскаго хозяйства южнаго края поручить припять сей предметъ въ число главнейшихъ предлежащихъ ему обязанностей.

Относительно работъ крестьянъ въ пользу ихъ владѣльцевъ:

Въ дополненіе къ 965-й ст. IX т. свод. закон. о сост. постановить правиломъ, что 1) вмѣсто опредѣленіиъ закономъ праздничныхъ дней помѣщики не имѣютъ права требовать отъ своихъ крестьянъ замѣни работы, и 2) ежели въ день барщины будетъ пепастъ, то барщина должна зачитываться крестьянину выполненною, хотя бы дѣйствительно, по невозможности производства работы, оказалось необходимую отмѣнить.

Къ сему имѣю счастіе присоединить, что я подагаю-бы полезныи напечатать въ достаточномъ числѣ экземпляровъ, для бездепежной разсылки во всѣ селенія государственныхъ крестьянъ и колонистовъ и ко всѣмъ предводителямъ дворянства новороссійскаго края и бессарабской области, для руководства ихъ:

Извлеченіе изъ положенія о раздѣленіи земель на участки и производствѣ общественныхъ и поселенскихъ посѣловъ и покосовъ въ округахъ военнаго поселенія кавалеріи, въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ, составленного въ 1829 году.

Изложениe объ устройствѣ полеводства у меннонитовъ, поселеныхъ въ мелитопольскомъ уѣздѣ таврической губерніи.

Инструкцію для посадки лѣсовъ, составленную меннонитами таврической губерніи мелитопольского уѣзда.

II.

Соображенія по торговлѣ г. Херсона.

Г. Херсонъ, по расположению своему при рѣкѣ Днѣпрѣ, имѣеть въ отношеніи къ торговлѣ выгоды, общія всѣмъ городамъ, лежащимъ при судоходныхъ рѣкахъ, но положеніе его получаетъ особую важность отъ того, что до Херсона р. Днѣпръ допускаетъ сплавъ на плотахъ и баркахъ, а начиная отъ него уже способна къ морскому судоходству: при томъ верховья Днѣпра и впадающихъ въ него сплавныхъ рѣкъ пролегаютъ чрезъ губерніи, какъ напримѣръ, минскую, изобилующія строевымъ и дровянымъ лѣсомъ, который, кромѣ незначительного мѣстнаго употребленія, не имѣть сбыта. Таковое удобство мѣстности еще съ тридцатыхъ годовъ начало привлекать иногородное купечество, и какъ оно, такъ и херсонскіе купцы уже нынѣ понимаютъ предлежащія имъ выгоды, что между прочимъ доказывается и тѣмъ, что присягнувший на вѣрноподданство изъ жителей Франціи купецъ Готронъ въ 1851 году употребилъ значительный капиталъ на устройство въ Херсонѣ лѣсопильного парового завода.

Взглядъ на сравнительное положеніе лѣсной торговли въ Херсонѣ показываетъ следующее увеличеніе сплава къ херсонской пристани:

Въ 1842 году байдаковъ и барокъ	86	на сумму	298,538
плотовъ . . .	124	„ „	83,890
Въ 1850 году байдаковъ и барокъ	264	„ „	794,846
плотовъ . . .	354	„ „	187,371

Слѣдовательно, какъ сплавъ, такъ и цѣнность продуктовъ, увеличились почти въ три раза.

Съ 1838 года кунцами Поповыми и Горютой изъ Херсона были отправляемы разновременно корабли съ лѣсными издѣліями въ г. Тулонъ и г. Марсель и предпріятіе это доставляло имъ выгода Смерть Попова, при неизвѣстнѣи въ Херсонѣ другихъ предпріимчивыхъ купцовъ,

остановила развитіе этой новой отрасли торговли; но однаждъ доказано, что въ южной Франціи лѣсныхъ издѣлія пачи принимаются охотно и что торговля эта можетъ доставить значительныя выгоды.

Причины, деселъ препятствующія возвышенію лѣсной промышленности г. Херсона до той значительности, которая указана ей мѣсто-положеніемъ города, состоять:

1) Въ новости края, по которому еще ни одна отрасль промышленности не получила надлежащаго развитія, въ недостаткѣ капиталовъ, а еще болѣе въ совершиенной необразованности купеческаго сословія.

2) Въ препятствіяхъ мѣстныхъ, какъ то: Днѣпровскихъ порогахъ гирлахъ, находящихся въ Днѣпровскомъ лиманѣ

и 3) Въ нѣкоторыхъ стѣсненіяхъ торговли, произшедшихъ частію отъ малаго вниманія мѣстного начальства къ выгодамъ края, частію отъ недоразумѣній самого купечества и избранныхъ имъ городскихъ управлений.

Первая изъ сихъ причинъ могла бы быть устраниена привлечениемъ капиталовъ и болѣе образованныхъ лицъ купеческаго сословія, къ чему содѣствовало бы дарование г. Херсову нѣкоторыхъ льготъ, другимъ городамъ Российской имперіи при подобныхъ обстоятельствахъ представлennыхъ.

Къ устраниенію препятствій, происходящихъ отъ Днѣпровскихъ пороговъ, уже съ давняго времени принимаются мѣры Главнымъ Управлениемъ Путей сообщенія, по распоряженію коего нынѣ составляется и проектъ къ сдѣлкѣ гирль судоходными. Успѣшныя дѣйствія по симъ двумъ предметамъ могли бы наиболѣе содѣствовать къ возвышенію торговли г. Херсона и къ выгоднѣйшему сбыту лѣсныхъ произведеній, нынѣ не приносящихъ государству никакой пользы.

Въ отклоненіе стѣсненій мѣстныхъ, я, по истребованию нужныхъ соображеній, сообщилъ миѣніе мое Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Ежели, при усиленіи предполагаемыхъ мѣръ, лѣсная торговля г. Херсона займетъ принадлежащее ей мѣсто, то, по неудобству доставленія испещици въ Одессу изъ нѣкоторыхъ мѣстъ херсонской и скатеринско-славянской губерній, большая часть земле-владѣльцевъ обратится къ херсонскому порту, чѣмъ цѣнность перевозки уменьшится и отклонится неудобство нерѣправы чрезъ р. Бугъ, которая весьма затрудняетъ

транспорты съ хлѣбомъ, слѣдующіе въ Одесу изъ уѣздовъ александрийскаго, бобрикенскаго и херсонскаго.

Прочіе за тѣмъ предметы торговли г. Херсона, какъ то: жалѣзо, чугунъ, канаты, смола, леоть и другіе принадлежать къ внутреннему потребленію и едва-ли могутъ быть обращены въ торговлю заграничную.

Но къ важнимъ предметамъ заграничной торговли припадаютъ шерсть, которая съ учрежденіемъ въ Херсопѣ шерстомоекъ иныхъ продается одесскимъ купцамъ на сумму до 200 т. руб. сер. и при упроченіи судоходства и возвышеніи промышленнаго духа херсонскихъ капиталистовъ, минуя Одесу, можетъ сдѣлаться предметомъ прямыхъ сношеній херсонскаго купечества съ иностранными государствами. Шерстомойки эти весьма полезны городу, доставляя въ течеіи лѣтнихъ мѣсяцевъ выгодную работу бѣднѣйшему сословію здѣшнихъ жителей, а землевладѣльцамъ сбыть такого произведенія, которое, особенно въ уѣздахъ херсонскомъ и южной части бобрикенскаго, при частыхъ неурожаяхъ хлѣба обеспечиваетъ имъ вѣриный доходъ.

ГРАМОТА ПАТРІАРХА АДРІАНА КІЕВСКОМУ МИТРОПОЛІТУ ВАРЛААМУ ЯСИНСКОМУ.

(*По жалобе кіевського воїти и міщанъ на незаконныя никоторыя распоряженія митрополита.*)

Предлагаемый документ имеетъ весьма важную историческую цену изъ отношенийъ, какія указаны будутъ ниже; по онъ написанъ такимъ тяжелымъ и темнымъ языкомъ, какой рѣдко встрѣчается и въ документахъ XVII в. Считаемъ поэтому необходимымъ, прежде приведенія текста документа, передать вкратцѣ его содержание, чтобыяснѣ было и самое его значеніе.

Кіевскій воїтъ Іоаннъ Быковскій съ міщанами заносатъ на своего владыку жалобу въ Москву къ патріарху Адріану. Жалуются они, что владыка ихъ захватываетъ къ своей кафедрѣ и монастырямъ земли и угодья, принадлежащиа городу, что назначаетъ священиковъ къ церквамъ помимо воли и избранія прихожанъ, что приказаць жить въ церковныхъ, приложнай построеныхъ, школахъ студентамъ подвѣдоственной ему академіи, а они ведутъ себя такъ, что и житъ кіевскимъ міщанамъ отъ нихъ нѣть, и суда на нихъ нигдѣ нельзя найти, чтонаконецъ отлучаетъ отъ церкви кіевскихъ міщанъ за малыя вины, по оговорамъ, и что отлученіе постигаетъ ихъ не рѣдко во время отсутствія ихъ по торговымъ и другимъ дѣламъ. Патріаргъ по всемъ этимъ пунктахъ власть кіевской владыки внушеніе, стояющее вполѣ желавшю члобитчиковъ, и самую грамоту велѣть передать въ магістратъ для общаго вѣданія и руководства градуциа поколѣніемъ, а себѣ оставить съ ней лишь кошю.

Въ исторіи кіевской іерархіи митрополитъ Варлаамъ Ясипскій извѣстенъ энергическимъ отстаиваніемъ своихъ кафедральныхъ, а равно и монастырскихъ имѣній, захваченныхъ магістратомъ въ прежнее время. Отъ этого и весь сырь борь загорѣлся, тѣмъ болѣе, что по правамъ того времени поземельные своры рѣдко обходились безъ кровавыхъ схватокъ между агентами и прислужниками одной и другой стороны. Еще недавно кіевскіе митрополиты были самостоя-

ятельными, состоя лишь въ nominalной зависимости отъ константиопольского патріарха, и тогда магистрату судиться съ имъ было трудно. Но уже предместьникъ Варлаама, Гедеонъ Четвертинскій призналъ надъ собою власть московскаго патріарха, и вотъ теперь киевскій магистратъ сиѣшь воспользоваться правомъ ближайшей апелляціи къ суду патріарха и успѣваетъ въ томъ, какъ видимъ, вполнѣ.

Для насъ важно въ данномъ случаѣ не только признаніе патріархомъ права прихожанъ на выборъ священниковъ, но и косвенное упоминаніе о томъ, что такой порядокъ сохранялся еще въ концѣ XVII ст. въ самой Москвѣ. Важно и это официальное указаніе на тѣ непорядки въ киевской академіи, о которыхъ мы знаемъ изъ частныхъ источниковъ. Относительно земельныхъ споровъ между киевскимъ владыкой и магистратомъ патріархъ лишь ссылается на данную по этому предмету особую царскую грамоту и рекомендуетъ митрополиту держаться въ предѣлагъ указанного. Что касается анасматствованія частныхъ лицъ «за малая вины», то оно было тогда и послѣ въ большомъ ходу и вызывалось массою нравственныхъ проступковъ въ брачной жизни, бывшихъ послѣдствиемъ продолжительныхъ стулочекъ мужей — въ мѣщанствѣ по торговымъ, а въ козачествѣ по воинскимъ дѣламъ. Очень можетъ быть впрочемъ, что въ Киевѣ въ то время анасматствованіе усилилось во время разгорѣвшейся борьбы между духовенствомъ и городскими обществами изъ-за земельныхъ владѣній. Патріархъ указываетъ митрополиту, что отлученію подлежать преступники противъ вѣры, а не противъ нравственности.

Помѣщенная грамота любопытна ваконецъ какъ образчикъ первыхъ, еще не опредѣлившихъ отпорошній всероссийского патріарха и недавно подчиненнаго ему, съ особыми преимуществами, киевскаго митрополита.

Приводимъ текстъ грамоты по современному списку, хранящемуся въ библиотекѣ киево-софійскаго собора.

Адріантъ, милостію Божію, архієпископъ царствующаго града Москвы и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ о Святѣмъ Духѣ сыну и сослужителю нашей мѣрности, преосвященному Варлааму, митрополиту киевскому, галицкому и

Малая Россіи архипастырское благословеніе.

Всеблагій Богъ Творецъ нашъ и Спаситель Іисусъ Христосъ, въ миръ или въ тишину покоя человѣки вся воля и наставляя, миръ евой людемъ подаваше. Его-же и намъ, служителемъ Его, повелѣши быти и подавати христіанскому народу. Да яко-же (рече) азъ сотворихъ, Господь и Учитель, и вы творите. И все доброе въ людехъ мирныхъ союзомъ содержится въ любви Іисусовой. Къ сему-же должны

въ благоразуміи сильнія немощи немощныхъ апостоловымъ учительствомъ носити.

Сего ради и твоє преосвященство вѣсть всяко богоумдрыми твоими учени, словесы и дѣлы, въ примирившемъ нась Христѣ Иисусѣ, по Богу Отцу небесному, Боговрученныя тебѣ въ спасеніе люди руководствити, миръ имъ Иисусъ Христовъ подавая. Вѣдаши бо, по Апостолу, яко строитель благодати Божія и подражатель о Господѣ вѣренъ, смирити и смирятися, учити Духомъ и кротостю, да, яко дѣти, подсудственный въ Дусѣ святѣмъ замъ повинуются. И отцы и пастыри чадъ да не раздражаютъ: но въ любви Господни купно въ горнюю жизнь заповѣданъ тещи носишаются. Еже творите и сотворите.

О чесомъ и наша мѣрность по премногу, повсюду таковая слышавше, радуемся. Обаче многащи аще виною, аще истину слушаются въ людехъ разглаголства и разгласіе во временѣ и чинѣ, яко есть грѣхъ и не къ смерти, но и о томъ скорбъ бываетъ и, должно цепчяся, да будетъ.

Въ таковое убо непищемъ, а не къ велиму оскорблению преосвященству твоему, разглаголство, — твоєя пастыи кіевской граждане, войти Іоанъ Быковскій, со всѣмъ мѣщанскими урядомъ, якобы учиниша и донесона нашей мѣрности, яко имъ, войту и всему уряду жительствующему отъ православныхъ монарховъ, благочестивѣшихъ наихъ великихъ государей, царей всероссійскаго самодержавства и нынѣ отъ богохранимаго великаго государя нашего, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, вселїи Великія и Малыя, и Вѣлкыя Россіи самодержавца, и многихъ государствъ и земель повелителя и обладателя, даны жалованная грамоты въ состояніе ихъ кіевскихъ гражданъ, како имъ жити, и на какой земли, и чѣмъ владѣти, и хранити по опредѣленію свой ихъ чинъ, имѣніе и порядокъ, яко и всюду повелѣніемъ самодержцевъ и великихъ начальниковъ, письменнымъ указомъ, коему чину что дѣлати, и содержати грады и веши и угодія во преждѣтіе, состоятъ; аще-ли кому что въ времдненіе и обиду отнятіемъ каковыхъ вещей и стяжаній, движимыхъ и недвижимыхъ, содѣть кто, тогда гражданскими правительствы и богоумдрыми царскаго пресвѣтлаго величества указами и грамматами, кому что належитъ, безъ гибѣза и безъ всякаго разгласія оправдаются, мирствуютъ, своими кождый доложствуя. И таковыя ихъ

грамматы отъ царскаго пресиѣтлаго величества, благочестивѣйшихъ на-
иныхъ царей дания, свидѣтельствомъ извѣстніемъ изъ малороссійскаго
приказа нашейъ мѣрности объявлены. Тѣмъ же и наша мѣрность по
грамматамъ жалованіемъ, и кому что дано, и укрѣплено, таажде суж-
димъ и содержати праведнѣ опредѣлена везимъ, да всяки чинъ ду-
ховный имирскій нѣкимъ ии отъ кого не обидѣлся бы, и по указанному
пишеменному предѣлу своимъ да владѣеть, пазираеть и управляетъ: яко
царскія грамматы комуждо, ради распределеннаго стяженія, ладошася.

Да овнѣ кіевскіе жѣщане извѣстна намъ, что прежде де сего
при митрополитахъ кіевскихъ и при твоему уже бытіи бысть таковый
обычай у нихъ, егда къ церкви которой во градѣ надобенъ парохіаль-
ный священникъ, и тогда они прихожане и *всіи ихъ урядники по*
любви, чтобы онъ быль отецъ ии и жертвоноситель, избираютъ
обще и о посвященіи во іерейство вачь архіереемъ блють челомъ, и
еще я при насть отъ прихожанъ таковое члебитіе творится, еже бы
въ томъ у нихъ парохіамъ ролтанія и ради нелюбве въ духовности
отлученія инуду не было. А нынѣ отъ тебе къ нихъ бываютъ при-
сланы къ приходскимъ ихъ церквамъ священники сильно, не по ихъ
избранію, и зѣло де имъ то во оскорблениѣ бываетъ, яко не созыдаются
въ Божій любви.

Также доносиша нашейъ мѣрности, яко при храмѣхъ Господнихъ, ихъ
приходскихъ, живутъ поющіи и малыхъ дѣтей учащи дѣяки, а хра-
мины ихъ строятъ прихожане, и съ тѣми де церковными дѣяками въ
тѣхъ храминахъ великии ты жити студентомъ, пришельцемъ изъ пол-
ескихъ городовъ въмѣстѣ, которыхъ хотятъ учитися въ школѣ мудрост-
ныхъ наукъ языкомъ латинскімъ. И они де студенты, живучи нестой-
кою, многая сотворяютъ бѣдства и безчинства странамъ, а тѣхъ дѣя-
ковъ и малыхъ дѣтей, учащихся славенскаго нашего языка письменъ,
бываютъ и бранять, и мѣщанъ, идущихъ къ церкви на пѣние въ пощахъ,
бываютъ и увѣчаютъ, и бесчестятъ женъ и дѣтей. И, ради ихъ студен-
товъ плутовства и досадительныхъ обидъ къ церковникамъ, иногда и
въ церквахъ пѣнія не бываетъ, а управы де па нихъ сыскати иѣгдѣ.
Да оия же де студенты, многочисленно собрався, въ пощахъ ходя по
жѣщанскихъ дворахъ, крадуть дровъ, зашасъ и всякия вещи, и отъ

того де ихъ великая обада и разореніе чинится, а уять ихъ отъ того нѣкому.

И ты, въ Духъ Святѣйъ Сыне и сослужителю нашея мѣрности, о благостоятельномъ и любительномъ между людей мирѣ потицся, и научи евангельскимъ долгомъ оныя во упокоеніи, безъ роптанія и безъ обиды жити благочестию и смиренномудро. И о присылкѣ къ церквамъ ихъ священниковъ смотри лучшаго людемъ, чтобы было вѣзьмъ безъ стоны и ненависти, и благовременнѣй, и къ проженію людекому во имѧ Господни снизходи. По Апостолу, малодушныя должно утѣшати. И студентомъ, когда они творять пакости людемъ, въ церковныхъ жилищахъ не вели жити, зане могутъ до быти при школахъ во особныхъ домѣхъ, и у мѣщанъ стояти, гдѣ кому придастя, а которыя будуть студенты своеолять, и обиды и воровство чинить, о томъ ю управление указъ въ грамматѣ царскаго пресвѣтлаго величества, имъ нынѣ данной, написано. Въ лучинство же и твоє преосвященство, еже-бы и ученіе было мудростное полезно, и дѣланіе всякому спасително, и не во укореніи, о семъ прирадѣй: да и число учениковъ множится, и слава Господня мудростными науками, и боговидными зрителствы, и проповѣдью вѣры православныя, въ церковномъ нашемъ благочестіи, на зрищи земнокружія повсюду да сіяеть. Отъ чесого здравіе много-лѣтное и благодепственное, и спасеніе доброхвалио, и царствія небеснаго наслѣдователио, писаніемъ святымъ и всѣхъ благомудрствующихъ, извѣстно бываетъ. Сего наша мѣрность твоему преосвященству и всѣмъ людемъ желающе, непрестанно Господа Бога молимъ и благословеніе наше глаголюще, миръ всѣмъ благодущие подаемъ, аминь.

Еще-же они иѣщане извѣстіша намъ, яко по кѣкоемъ олаголаніи, и по малыхъ винахъ, отъ васъ клятва инымъ наносится. И они-де зѣло таковыхъ преценій клятвенныхъ страшны, что ъздятъ непрестанно по градамъ и по странамъ ради дѣлъ и промысловъ своихъ и чтобы въ такомъ препеніи безвѣстно на нихъ или безвинно кому подъ клятвою не умереть и вѣчно не отищется Творца Господа. И наша мѣрность вѣмы, яко твоє архіерейство безъ яричи сего не сотвориши; ибо, жестокое сіе слово для чего и на кого воздагается, извѣстенъ сей, что токмо развратникомъ святныя вѣры и противникомъ церкви, во иныхъ же всицехъ и дѣлахъ иначе наказуется во исправленіе, да и въ сей-

комуждо, аще не по велій нуждѣ, спобоилиши благоразсудиѣ. Тѣмъ-же твое иреосвященство наси Христово стадо любовю твою, въ снабдѣніе всякаго благокрасованія и нозы христіанскія, и безпредѣльно никому-же вели творити что. По семъ умудрившій тя Господь, и мудрствующаго о воли Его святой день и пощъ, и промышляющаго добрая и благоразумная предъ Богомъ и человѣки, умудрить въ спасеніе и благохваленіе всегда. Сю-же наша мѣрности граммату иреписавъ, оставилъ-бы еси списокъ въ твоемъ приказѣ, а подлинную отдашь войту Иоанну Быковскому и вѣнь кіевскимъ урядникомъ и жителемъ въ судебную ихъ мѣщанску избу, впредъ ради будущихъ начальниковъ тамо совершенного отъ насть оновленія и известія, и имъ благословенія нашего нынѣ, и въ предъ будущимъ жителемъ, въ крѣость-же и утвержденіе благостояннаго и невреднаго всѣмъ житія.

Писася въ царствующемъ градѣ Москвѣ, міроозданія 7207-го лѣта, Рождества-же во плоти Іисуса Христова 1699-го, Індіктіона 7-го, мѣсяца апріллія 26-го днѣ.

Библіографія.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 47.

С.-Петербургъ. 1885 г.

47-й томъ «Сборника», редакція котораго принадлежитъ г. Н. Дубровину, заключаетъ въ себѣ два отдѣла: въ первомъ помещена переписка Я. И. Булгакова (бывшаго русскимъ посломъ сначала въ Константинополь, съ 1778 по 1790 г., а потомъ въ Варшавѣ до 1792 г.) съ графомъ А. А. Безбородко и того-же Булгакова донесенія императрицѣ Екатеринѣ II о положеніи дѣлъ въ Турціи и Польшѣ, а во второмъ—расскіи государыни и донесенія ей генераловъ М. В. Каховскаго и М. И. Кречетникова по дѣламъ Польши въ 1792 году. Наиболѣе важный въ научномъ отношеніи и любопытный для читателя отдѣлъ книги это—первый; главное содержаніе въ немъ составляютъ официальные донесенія и частныя письма Булгакова, въ которыхъ онъ сообщаетъ о тѣхъ серьезныхъ препятствіяхъ, какія ему приходилось преодолѣвать при разрѣшеніи вопроса о присоединеніи Крыма и Кубани къ Россіи. Читая дипломатическую переписку этого сравнительно недавняго времени, невольно приходится обратить вниманіе на то, какъ скоро измѣняются интересы и положенія государствъ, какъ скоро политические друзья становятся врагами. Изъ бумагъ Булгакова мы видимъ въ данномъ случаѣ то отношеніе, въ какое поставили себя европейскіе дворы, узнавъ о намѣреніи императрицы разширить предѣлы Россіи на юго-востокѣ и занять побережье Чернаго моря. Сама потерпѣвшая Турція относилась къ этому пассивно: султанъ боялся войны, чтобы съ ней не потерять и престола, а государственные сановники заботились болѣе о сохраненіи накопленныхъ богатствъ и увеличеніи ихъ, нежели о сохраненіи достоинства своего повелителя и народа; всѣ-же вмѣстѣ боялись бунтовъ

и измѣни. Что касается до европейскихъ пословъ, то Булгаковъ наиболѣшую поддержку находилъ въ англійскомъ и австрійскомъ. Австрія заключила тогда союзъ съ Россіей, а посолъ Англіи добровольно и усердно хлопоталъ въ пользу мирнаго улаженія крымскаго дѣла: интересы ея не затрагивались тогда присоединенiemъ полуострова къ русскимъ владѣніямъ. Англійскій посолъ не только защищалъ интересы Россіи въ Крыму, но и горячо настаивалъ на совершенномъ изгнаніи турокъ изъ Европы. Франція, напротивъ, готова была побуждать Турцію къ войнѣ и оказать ей материальную поддержку; съ этой цѣлью она чуть было не заключила союза съ Пруссіей, и только готовность Россіи къ войнѣ да внутреннія неурядици въ самой Франції напаинуѣ революціи заставили ее противъ желанія удерживать и Турцію отъ войны, которая могла причинить ей еще болѣйшія потери. Когда вскорѣ послы присоединенія Крыма возникли новые замѣшательства въ Закавказье, Франція обѣщала Турціи поддержку, требуя для себя только права сосредоточивать войска на островѣ Кандіи; но послы другихъ державъ остановили султана, убѣдивъ его, что если онъ разъ допустить высадку войскъ въ Кандіи, то долженъ будетъ навсегда оставить островъ въ рукахъ Франціи, который недавно и занять, но только уже англичанами, а не французами. Дѣятельно и долго интриговалъ противъ Россіи прусскій посланикъ, но, при полномъ нейтралитетѣ другихъ державъ, роль его выходила иѣсколько смѣшиної, какъ это рѣзко бросается въ глаза въ письмахъ Булгакова. Вносясь вѣтви, когда французско-prusская интриги одержали верхъ и Турція объявила войну, русскій посолъ былъ посаненъ въ Семибашенный замокъ, въ которомъ и просидѣлъ болѣе 800 дней. Вынужденный оттуда, онъ чрезъ Триестъ возвратился въ Москву, а потомъ получилъ назначеніе въ Варшаву. Булгаковъ былъ человѣкъ глубоко образованный, умныи и наблюдательныи, и всѣ его письма и донесенія изъ Константиноополя въ высшей степени интересны то по художественному изложению ихъ, то по остроухой и мѣткой характеристики лицъ и событий. Особенно любопытна сдѣланная имъ въ письмѣ къ графу А. А. Безбородко отъ 1 ноября 1781 года характеристика всѣхъ европейскихъ пословъ въ Константиноополь: «французскій, говорить онъ, сибенитится, голландскій ему угоднастъ, венеціанскій сбирается учиться грамотѣ, англійскій хвастаетъ, вѣнскій вишетъ, неаполитанскій церемонится, прусскій шутить, шведскій скучаетъ, а датскій молчитъ. Я чуть было и о себѣ не написалъ».

Въ письмахъ своихъ И. И. Булгаковъ рѣзко нападаетъ также и на безобразія русскихъ «саврасовъ безъ юзы» за границей. «Напиши переселенцы», говорить онъ, «за правило себѣ взяли никому не новин-

ваться. Лучшее ихъ дѣло, прѣѣхавъ сюда (письмо написано въ Константино-полѣ), нахальствовать, быть всѣхъ, кто понается, даже таможенныхъ надзирателей, и ничего никогда не платить».

Вообще, чрезвычайно любопытная переписка Булгакова, хотя и не объясняетъ затрагиваемыхъ имъ фактовъ во всей полнотѣ, но все таки даетъ возможность уразумѣть интересы и цѣли политики нашей и со-сѣднихъ государствъ, и именно съ этой стороны его переписка представляетъ вполнѣйший и существеннѣйший материалъ для политической исторіи нашей въ то время.

Во 2-ю часть 47 го тома «Сборника» вошли реєкрипты Екатерины II и донесенія ей генераловъ Кречетникова и Каховскаго о занятіи русскими войсками въ 1792 году пынѣшнаго юго-западнаго края Россіи и собственно Польши для поддержанія партии, недовольной и протестовавшей противъ конституціи 3 мая. Материалы этой части открываются указами государыни Кречетникову и Каховскому, въ которыхъ точно и подробно опредѣляется программа дѣятельности каждого изъ нихъ. Занятіе польскихъ областей Екатерина въ своемъ указѣ называетъ «ударомъ, который поляки приготовили собственному своему отечеству и который, посредствомъ насилія и коварства, въ 3-й день мая минувшаго 1791 года, съ полнымъ усѣхомъ совершили, испровергнувъ весь прежній въ ономъ порядкѣ, превративъ республиканское правленіе въ монархическое, врестолъ избрательный въ наследственній и власти законно-установленія въ ничтожество и тѣмъ самымъ разрушивъ до основаній всѣ связи, на которыхъ покоялась тишина и безопасность сосѣдей польского государства». Исполненіе указа вызвало дополненія генераловъ о постепенномъ занятіи ими польской территоріи, согласно начертанію Екатериной плану, о кровавыхъ столкновеніяхъ русскихъ войскъ съ польскими отрядами, открытии въ занимаемыхъ воеводствахъ конфедераций и начонецъ о засѣданіяхъ сейма. Въ заключеніе приведены указы Екатерины съ изложеніемъ тѣхъ мѣръ, которые должны были принять генералъ Кречетниковъ въ мѣстности, присоединенной къ Россіи по второму раздѣлу Польши и обнимавшей часть Литвы и юго-западнаго края. Послѣдній былъ разделенъ на губерніи: Изяславскую и Брацлавскую, а другія части бывшаго киевскаго воеводства отдельны къ Черниговской и Екатеринославской губерніямъ.

Этотъ отдѣлъ «Сборника» не имѣетъ особаго значенія для политической исторіи, или исторіи гражданственности и внутренняго быта, и сохранять цѣлую, какъ материалъ для чисто-военной исторіи; но и для послѣдней значеніе его умалывается отсутствиемъ плановъ и картъ тѣхъ мѣстностей, где происходили столкновенія, между тѣмъ о планахъ

и картахъ часто упоминается въ донесенияхъ. Указанные документы не имѣютъ также интереса новизны; они хотя и появляются въ первый разъ (въ перепечаткѣ помѣщены только одинъ документъ, это—плакаты генерала Кречетникова отъ 14 июня 1792 года), но содержаніе ихъ было раньше пересказано уже Н. И. Костомаровыми въ его сочиненіи «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» (стр. 478 и слѣд.); здѣсь же они отмѣчены въ перечинѣ источниковъ подъ № 18 и 19.

Къ польскимъ дѣлаамъ слѣдуетъ отнести и письма И. И. Булгакова изъ Варшавы, начиная съ 1-го октября 1791 года. Эти письма помѣщены въ первомъ отдѣлѣ «Сборника», но по содержанію относятся ко второму; въ нихъ авторъ, со свойственной емуѣ вѣрѣостью и живостью, рисуетъ темными красками положеніе дѣлъ въ Польшѣ. Но Булгаковъ не долго пробылъ въ Варшавѣ и въ концѣ 1792 года былъ замѣненъ Я. Е. Сиверсомъ; въ то же время и на мѣсто Каховскаго былъ назначенъ баронъ Игельстромъ. Г. Иловайскій въ своемъ изданіи «Гродненскій сеймъ 1792 года» говоритъ, что находящіеся у него подъ рукою неизданные материалы показываютъ, что императрица была недоволена ихъ образомъ дѣйствій въ Польшѣ.

И. Жаманинъ.

А. Варбашевъ. Витовтъ и его политика до тринадцатицѣнной битвы (1410 г.). Спб. 1885 г.

Исторія Литвы, имѣюща тѣсную связь съ исторіей южной Руси, хотя и вызываетъ къ себѣ всѣдѣстіе этого полное вниманіе со стороны русскихъ историковъ, но не въ такой степени, въ какой можно было бы его ожидать, суди по важности предмета. Кромѣ отмѣченныхъ нами въ свое время работы по этой исторіи проф. В. В. Антоновича и вызванныхъ ими иѣсколькихъ статей проф. Н. И. Дашиевича по культурной и политической исторіи западной Россіи, можно найти не болѣе десятка разновременно появлявшихся въ этой области изслѣдованій. Къ числу ихъ принадлежитъ и названное нами выше сочиненіе г. Варбашева.

Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе тѣмъ временемъ, на какомъ остановился В. В. Антоновичъ, т. е. 1377 г., когда умеръ великий князь Ольгердъ. Своему изслѣдованію г. Варбашевъ предпосыпаетъ общія замѣчанія о важности избранной имъ эпохи и оценку источниковъ, послужившихъ материаломъ для его монографіи. Въ первой главѣ ея, авторъ, сказавъ сначала о господствѣ въ Литвѣ русской цивилизации, вѣры и языка, дѣлаетъ потомъ общий очеркъ могущества

Витовта, даетъ его характеристику и указываетъ на значеніе въ исторіи Литвы его и грюнвальденской битвы, не касаясь предшествовавшаго времени и тѣхъ полныхъ ума и энергіи литовскихъ князей, которые подготовили почву для развитія могущества и широкихъ замысловъ Витовта. Исторія этого послѣдняго начинается собственно со второй главы, обнимающей время съ 1377 по 1386 годъ, т. е. отъ смерти Ольгерда до брака Ягелла съ Ядвигой и первого соединенія Литвы съ Польшей. Здѣсь излагается бѣгство лишенаго наслѣдства Витовта къ рыцарямъ, послѣ убийства Ягелломъ его отца, принятие имъ католичества, набѣги его въ союзѣ съ орденомъ на Литву и примиреніе съ Ягелломъ, передъ отправленіемъ того въ Польшу. Предметомъ третьей главы служить борьба Витовта съ Ягелломъ, при содѣйствіи крестоносцевъ, продолжавшаяся до тѣхъ поръ, пока Витовтъ не получилъ великокняжескаго титула и соединенныхъ съ нимъ правъ на занятіе отцовскаго удѣла и управление всей литовско-русской областью. Этой цѣли своей Витовтъ достигъ въ 1392 году, которымъ завершается настоящая глава и начинается четвертая. Обнимаемое послѣднею время съ 1392 по 1399 годъ Витовтъ провелъ частью въ борьбѣ за политическую независимость Литвы и Руси отъ Польши, частью въ попыткахъ распространить свою власть и влияніе на княжества восточной Руси и самую Москву. Эти послѣднія попытки привели его къ необходимости искать себѣ покорнаго союзника въ средѣ татарскихъ хановъ, боровшихся за престолъ; одного изъ такихъ претендентовъ онъ взялъ подъ свое покровительство и выступилъ за него противъ действительного хана Золотой Орды. Побѣженный татарами въ 1399 году на рекѣ Ворсклѣ, Витовтъ вынужденъ былъ умыртвить свои честолюбивыя стремленія и обратить все вниманіе на свои отношенія къ Польшѣ, где въ томъ же году умерла королева Ядвига и положеніе Ягелла болѣе или менѣе кодебалось; однако-же Витовтъ, послѣ панесенного ему пораженія татарами, не могъ уже воспользоваться благопріятными обстоятельствами для утвержденія своей независимости и въ свою очередь вынужденъ былъ къ уступкамъ, при заключеніи нового союза съ Польшей, подтвержденаго имъ присягой въ 1401 году. Въ этотъ періодъ Витовтъ снова обращается къ разширенію предѣловъ своего государства и своего влиянія на востокѣ; въ то-же время у него возникаютъ пререканія съ Орденомъ, оканчивающіяся въ 1410 году битвой между Таненбергомъ и Грюнвальденомъ, которая окончательно сломила силу крестоносцевъ. Изложеніе этихъ событий составляетъ пятую и послѣднюю главу сочиненія г. Барбашева, плятья котораго мы передали вкратцѣ.

Почему авторъ остановилъ свое изслѣдованіе на 1410 годъ, рѣшилъ трудно. Начавъ разъ говорить о политикѣ Витовта, сдѣдовало-бы вести дѣло до конца, такъ какъ политика этого князя въ послѣдніе годы его жизни обусловливается совершенно предшествовавшими событиями; но г. Барбашевъ не обнаруживаетъ въ настоящей своей книгѣ даже намѣренія когда инбудь возвратиться къ своему предмету вноскѣ-ствіи. Что касается до выполненія авторомъ наложенного нами плана, то, при самыхъ скромныхъ требованіяхъ, оно далеко не соответствуетъ важности затронутаго вопроса. Хотя авторъ и ознакомился почти со всѣми главными русскими и иностраннными трудами по исторіи Литвы вообще и исторіи Витовта въ частности и извлѣкъ изъ изданій до сихъ поръ памятниковъ всѣ болѣе или менѣе важные факты, но расположилъ ихъ не по внутреннему содержанію и не соответственно своей задачѣ, а просто хронологически; въ результатѣ получилась масса всякихъ событій, читателъ которыхъ, трудно составить себѣ ясное и опредѣленное понятіе какъ о характерѣ самого Витовта, такъ и о его политикѣ. Читатель, не знакомый раньше съ дѣятельностью Витовта, сдѣлилъ пойметъ отчетливо изъ сочиненія г. Барбашева, чего хотѣть и къ чему стремился герой разсказа. Личность этого величайшаго изъ государей своего времени совершиенно заслоняется искусно распложенной громадой всякихъ историческихъ данныхъ о немъ, постоянными отступлѣніями автора отъ главнаго предмета разсказа и введеніемъ подробностей о второстепенныхъ лицахъ Витовтова времени. Авторъ въ предисловіи говоритъ, что главная цѣль его изслѣдованія «разъяснить, сколько возможно, хотя некоторые изъ массы темныхъ и запутанныхъ, весьма важныхъ вопросовъ въ исторіи Литвы XIV и XV в. и возстановить факты какъ можно ближе къ дѣятельности». Поэтому будто-бы его трудъ имѣть характеръ критическій. Но подобного характера мы не можемъ придать труду г. Барбашева, потому что дѣлѣ, три выноски въ текстѣ, да столько-же приложенийѣ въ концѣ книги, въ которыхъ авторъ высказываетъ свое собственное сужденіе о томъ или другомъ, часто второстепенному фактѣ, не измѣняютъ сдѣланного нами раньше определенія сочиненія г. Барбашева: оно заключасть въ себѣ простой пересказъ лѣтописныхъ и актовыхъ данныхъ, но они переданы неоднѣдѣлительно и совершиенно не выработаннымъ языкомъ. Въ книгѣ г. Барбашева часто встречаются рѣзкіе переходы изъ вложенній отъ одного предмета къ другому, безъ всякаго объясненія и видимой необходимости, много неудачныхъ выражений и даже иѣсколько такихъ мѣстъ, гдѣ нельзя понять точный смыслъ выражения. Мы не доказаемъ для доказательства справедливости нашего отзыва выписку изъ книги

г. Барбашева: на это потребовалось бы много времени и х'яста, а между т'мъ указаний на некоторые промахи не исправлять работы, которую уже если исправлять, то отъ первой до послѣдней строки. Авторъ сдѣлать одно—сказать все факты, касающіеся Витовта, во единомъ представивъ, такъ сказать, черновую работу; за ней должна была слѣдоватъ такая группировка и объясненіе собранного матеріала, которая сама собой характеризовала бы точно и ясно и личность Витовта и его политику—группировка, подъ которой мы разумѣемъ не только дипломатическія отношенія правителя, но и его дѣятельности по внутреннему управлению страной, чего вовсе не касается въ своемъ сочиненіи г. Барбашевъ.

И. Каманинъ.

Н. А. Кулиш. «Байда, князь Вишневецкий», драма въ 5-ти дѣйстіяхъ. С.-Петербургъ. 1885 г.

Содержаніе настоящей драмы взято изъ жизни и дѣятельности князя Дмитрія Вишневецкаго (изъ Вишневца, на Волыни), извѣстнаго изъ народной южно-русской націи подъ именемъ Байды, а также Гаини, Альдамбера, представителя ѡбвой козацкой массы XVI столѣтія. Послѣднай извѣстностій почти только изъ народныхъ писаний, между т'мъ о князѣ Вишневецкомъ мы имѣемъ и нѣсколько достовѣрныхъ историческихъ данныхъ, въ извѣстной мѣрѣ сходящихся и съ писаними данными. Уже по одной этой причинѣ главнымъ лицомъ и по замыслу и по исполненію является въ пьесѣ г. Кулина именемъ Байда, т. е. Дмитрія князь Вишневецкій. О томъ, насколько Байда въ предложеніе драмы согласуется съ историческимъ княземъ Дмитріемъ Вишневецкимъ, скажемъ послѣ, теперь же приведемъ краткое содержаніе пьесы, чтобы читателю удобнѣе было слѣдить за дальнѣйшимъ разборомъ ея.

Драма открывается прологомъ, въ которомъ обнаруживается основной замыселъ автора на героя пьесы, какъ на рыцаря—носителя высшей правды, который потому-то и выведенъ на театральную подмостку, что, говоря словами драмы,

«Бореччи народно Гинноокруну,
Луховиу зброе бесь устанку посимъ,
Ні се на ландейшю арену
Свою борбу за правду переносимъ».

Въ первомъ дѣйствіи, происходящемъ въ Вишневцѣ, являются следующія сцены: первая, въ которой происходит столкновеніе между

княгиней Вишневецкой и ея сыномъ Байдой, которому по сердцу не двоюродная сестра его Катруся, выбранная для него въ невѣсты матерью, а Ганжка Острожская. Въ концѣ концовъ Байда рѣшительно отказывается отъ Катруси и возвращается ей обручальное кольцо. Затѣмъ Байда принимаетъ пословъ: русскаго отъ царя Иоанна Грознаго и турецкаго, изъ которыхъ каждый старается склонить его на свою сторону. Въ слѣдующей сценѣ Байда узнаетъ о поруганіи и обезчещеніи его милой, Острожской книжны, Сангушкомъ, съ соизволеніемъ ея дядя, и рѣшается отомстить имъ за это съ помощью козацкой черни, пирующей въ кабакѣ у Насти Горовой.

Во второмъ дѣйствіи представленъ этотъ киръ, на которомъ ярко обнаруживается вражда зажиточныхъ козаковъ, или «дукъ» и «четыгъ», т. е. бобылей. Ганжа Андыберъ является представителемъ и покровителемъ этихъ послѣдникъ и позволяетъ имъ по своему расправиться съ «дуками». Входить Байда, и Андыберъ наружно смиряется передъ нимъ. Но изъ слѣдующей сцены обнаруживается, что онъ измѣнилъ Байдѣ въ самую горячую минуту подъ Острогомъ.

Третье дѣйствіе переносить насъ въ садъ надъ Босфоромъ въ Турции, куда Байда бѣжалъ, вслѣдствіе измѣны Ганжи. Съ Байдой находится и неразлучный, вѣрный слуга и другъ его Тульчинскій, тайно любящій Катруся. Является книжница Вишневецкая и сообщаетъ сыну обо всемъ, что случилось на Украинѣ въ его отсутствіе: о ссорѣ князя Василія Острожскаго съ Андыберомъ, о бѣгствѣ послѣднаго на вишневецкія стени и разграбленіи имъ Настина кабака, о нападеніи на Украину татаръ, страшно ее разорившихъ и угнавшихъ въ плѣнъ массу женщинъ, въ числѣ которыхъ была и Катруся. Къ счастью она попала въ руки султанши, которая и возвращаетъ ей свободу, написавши Байдѣ, чтобы онъ отдалъ ее Тульчинскому. Байду зовутъ на военный совѣтъ къ Падишаху, испуганному нападеніемъ на Царьградъ козаковъ. Байда измѣняетъ туркамъ и упливаетъ съ козаками, при чёмъ спасаетъ жизнь своего врага Ганжи Андыбера, предводительствовавшаго козацкой силой и отрѣзанаго турками отъ своихъ. Тѣмъ не менѣе ненависть Андыбера къ Байдѣ, какъ представителю, по его мнѣнію, козаковъ-дукъ и защитнику господскихъ порядковъ, производящихъ неравенство между козаками, до того велика, что онъ, забывши, чѣмъ обижанъ Байдѣ, вооружилъ противъ него козацкую чернь. Наружень судъ надъ Байдовъ, его винять въ томъ, что онъ допустилъ совершиться страшному преступленію въ глазахъ козаковъ,—помѣстилъ въ Сѣчи, на Хортицѣ, женившись: свою мать въ Катруся. По просьбѣ Байды, судъ разрѣшаетъ ему оправдываться «Божіимъ судомъ», т. е. поединкомъ съ козакомъ — не-

тягою. Выйти противъ него вызывается Аидыберъ, но поединокъ не состоялся: ему помѣшало нападеніе на Україну турецко-татарской силы.

Шітое дѣйствіе снова происходитъ въ Вишневецѣ. Ярмарка. Между козаками, толпящимися вокругъ кобзаря, показывается безрукій Ганжа Аидыберъ, возвратившійся изъ татарскаго плена и съ начала не узнайный козаками. Рассказъ Аидыбера о томъ, какъ онъ, старая жаждою козацкой воли, самъ себѣ отрубилъ руку, которой было прикованъ къ жернову, приводить козаковъ въ восторгъ, и они просятъ кобзаря сложить думу про Аидыбера, про его ненависть къ дукамъ, про геройское освобожденіе изъ плена. Въ слѣдующей сценѣ Тульчинскій сообщаетъ княгинѣ Вишневецкой страшную вѣсть о возвращеніи Аидыбера изъ плена, о томъ, какъ къ нему пристала вся казацкая чернь и какъ онъ грозитъ истребленіемъ всѣхъ «сріблянниковъ», т. е. зажиточныхъ козаковъ и князей Острожскихъ, Вишневецкихъ, Сангуинекъ, Радивиловъ. Вѣсть эта тѣмъ ужаснѣе, что па Українѣ отсутствуетъ Байда, служащій у царя Ивана Грознаго. Въ слѣдующей сценѣ является возвратившійся изъ Великой Руси Байда, весь сѣдой, якобы отъ тяжкихъ условій службы грозному царю и его землѣ, гдѣ, по словамъ Байды «порibaється все, що встae за правду». Изъ словъ Байды обнаруживается также, что онъ жалѣетъ богатую и обширную Московскую Русь, заѣденную неправдою, но помочь ей было не въ его силахъ. Изъ всѣхъ своихъ исканій правды онъ пришелъ къ тому выводу, что ее можно найти лишь въ своей собственной «взбросной хатѣ», и что такую хату онъ можетъ себѣ устроить лишь за Днѣпромъ, въ Молдавії. Проще сказать, Байда задумать завоевать себѣ молдавскій престолъ съ помощью козаковъ и самого Аидыбера, которого онъ думаетъ одолѣть довѣріемъ и забвениемъ прошлаго. Но Аидыберъ не таковъ: онъ остался до конца вѣренъ себѣ, своей стѣйной и страстной ненависти къ «сріблянникамъ» и предасть Байду въ руки турокъ... Предъ походомъ Байды ироніческое обрученіе Самуся Тульчинскаго и Катруси. Послѣдняя сцена 5-го дѣйствія переноситъ насъ въ «судную свѣтлицу» надъ желѣзными крючьями, въ Царьградѣ. Между плѣнными оказывается и самъ Аидыберъ, не смотря на его услугу туркамъ. Онъ сначала отказывается отъ принятія магометанства и готовъ безъ страха принять смерть; но, узнавши, что и Байда, также отказавшійся отъ принятія магометанства, будетъ зацѣпленъ за желѣзный крюкъ, готовъ даже измѣнить свое рѣшеніе и «потурчиться», лишь бы изладиться зрѣлицемъ мученій испаністскаго ему Байды. Сами турки дивятся такой лютой испаністи... Шлеся оканчивается пѣснею неволиниковъ: «Роди тоби, князю Байдо, байдувати, сватай мою дочку та йди

царювати» и проч.; это пѣніе «переходить варіаціями у високий національний гимнъ».

Теперь обратимся къ болѣе близкому и подробному разсмотрѣнію пьесы какъ со стороны языка, такъ и со стороны содержанія, въ связи съ общими воззрѣніями автора на украинскую исторію.

Знай направлѣніе и образъ мыслей пазваннаго писателя въ постѣнное время, рѣзкій поворотъ въ его воззрѣніяхъ на казачество и весь ходъ и смыслъ украинской исторіи, я, признаюсь, принялся за чтеніе нонменованной выше драмы не безъ некотораго предубѣжденія и долженъ сознаться, что оно и постѣнѣ прочтенія книжки исколѣко не разсѣялось. Это главное; но я начну съ мелочей.—Прежде всего въ драмѣ възражаетъ крайняя напыщенность и дѣланість рѣшительно невозможнаго ни въ чьихъ устахъ языка; она просто бѣть въ глаза даже непредубѣдѣннаго читателя. Силонъ и рядомъ вы натыкаетесь на такія слова, которыхъ ни въ какомъ словарѣ не отыщете и конечно неожиданно встрѣтить въ малорусской книжкѣ. Таковы, напримѣръ, *индикгентъ*, *можналадство*, *почезумти*, *турриканъ*, *вругущати*, *пицакъ*, *шовъ*, *данизный*, *карбазъ*, *опіръ*, *мальюнь*, *прави*, *вре*, *верени*, *хлоню*, *педалинъ*, *энарлдде*, *бахматъ* и т. д. Конечно, по течению рѣчи можно, хотя и не всегда, добиться смысла этихъ и множества другихъ подобныхъ словъ, можно догадаться, напримѣръ, что *пасовище* происходит отъ того-же корня, что и *пасу*, что *чешка* можетъ означать судебную *човѣстку*, что *майдабура* — слово почти равнозначущее съ *майдамакой* и проч.; тѣмъ не менѣе необходимость употребленія такихъ странныхъ словъ отъ этого исколѣко не становится убѣдительнѣе.

Напыщенность языка дѣйствующихъ лицъ, особенно самого Байды, стоитъ въ тѣсной связи съ воззрѣніями автора на его героя и вообще на историческія отношенія того времени. Такъ приторно-величественный тонъ рѣчей Байды является результатомъ взгляда автора на него, какъ на носителя высшей христіанской идѣи, страдальца за правду, человека, далеко опередившаго свой вѣкъ въ своихъ политическихъ и общественныхъ взглядахъ и стремлѣніяхъ. «Ты, говорить Байда Тульчинскому, въ сердci заспѣть бельведерски струны, гучни й дзвинки, якъ Зенкови веруны» (стр. 75). Въ свою очередь и Тульчинский (сначала «чура», т. е. слуга Байды, а постѣ его кобратиць) тоже изъясняется вѣдь стать Байдѣ и такъ-же переносять свою рѣчь классическими и мифологическими выраженіями. Въ одномъ, напримѣръ, случаѣ опять говорить Байдѣ такъ:

Давно вже я вбачаю,

Шо ты сужній, хмурый, месть Дуги чорна,

Зитхаенъ стиха, мовъ той бурый кратеръ
Передъ розливомъ поломъ та лавы!..
Не смигъ тоби я зъ думкою видкрытись
И змалюавъ кгеоргіку (!) въ пустыни...

Изъ вѣтъ разговоръ Тульчинскаго съ Байдою:

Тульчинскій: Великій царь сей турчинъ любомудрый
И правды винъ жаде сердемъ щирымъ;
Та е на світа Геркулесь великий,
Що правою воює всі языки.
Убивъ надъ Волгою странного змія,
А другого надъ Каспіемъ глибокимъ.
Его імянъ козакъ, мовъ талисманомъ,
За горами сягнувъ до Океана.

Байдо: Ты про московскаго царя говоришъ...
Такъ, се потужный розумъ, серце праве!
Одно, одно...

Тульчинскій: Що винъ изъ Византії
Нересадивъ сліпихъ вождивъ до себе?
Дарма. Во темна чернь, се «ридъ лукавый»,
А ницаки—се «ридъ прелюбодійный»:
Одъ Бога правды вицымъ сердемъ блудить,
Перелюбки зъ «отцемъ олжі» ищчие.
Шоки що, мусить дика дича слухать
Свонкъ сліпихъ пророківъ Валаамівъ.
Ясь просвітиця правою науки,
Не дасци хижакамъ у хижі руки (стр. 75).

Но основательное знаніе классической мифологии обнаруживаются не только Байда и Тульчинскій, а и турецкій сераскиръ и визиръ. Вотъ, напр., слова сераскира (148 стр.):

Нынажесь боєть зъ украинскимъ левомъ:
Оборонявъсъ, икъ Бріарей сторукій,
И вергавъ смерть, немовъ ява машина...

Нашыщенная рѣчь визиря невольно смыслить читателя. Вотъ что читаемъ на стр. 146:

Такъ, воини—игралище Фортуны,
А пации—се фили по-нідъ витромъ...
Куды же не ихъ таємничя доля,
Предвидчного недовидома воли?
Чого встакуть, кинзять та й засинаютъ,
И про свое враніе не намъштаютъ?

Вре боемъ хуртовинне Руське Море
 И напирае на Стамбуль потужный,
 Немовъ, ёму на соромъ и на горе,
 Воскресь Олегъ той вицій, харалужний...

Кажется, и приведенныхъ выписокъ достаточно, чтобы видѣть напыщенность языка драмы, фантастичность историческихъ представлений г. Кулиша. Историческія изображенія въ его драмѣ до того преувеличены и просто раздуты, что даже то зерно истины, которое тамъ имѣется, именно глухая и разрушительная борьба неимущихъ козаковъ съ вельможами, владѣтельными князьями и вышедшими изъ среды ихъ козаками, какъ Байда, даже, повторяю, этотъ фактъ дѣлается почти неизвѣснавимъ въ историческихъ изображеніяхъ г. Кулиша и затемняется массою разныхъ произвольныхъ и чисто фантастическихъ дѣйствій, стремлений и возврѣній, обнаруживаемыхъ дѣйствующими лицами. Я уже не говорю о томъ, совсѣмъ небываломъ величиі, въ какомъ представленьи авторомъ Байда въ своемъ мѣстоустроѣваніи — Вишневецѣ на Волыни. Изображеніе Дмитрия князя Вишневецкаго въ видѣ какого-то могучаго владыки, въ которомъ заискиваютъ властитель московской Руси и султанъ турецкій, слабо вѣжается съ исторической дѣйствительностью. Желающихъ провѣрить наши слова отсылаемъ къ драмѣ г. Кулиша. Тамъ, на стр. 18—30, они найдутъ: и составаніе московскаго посла съ турецкимъ и величавую полу-фантастическую обстановку, окружающую князя Дмитрия, и напыщенные рѣчи, приправленные всевѣдами «Букѣфалами», «Ганибалами» и пр. Изъ исторіи между тѣмъ извѣстно намъ совсѣмъ иное: князь Дмитрий, построивши укрѣпленіе на островѣ Хортицѣ (1556 г.), обращается съ просьбой о защитѣ отъ татаръ и турокъ къ русскому царю Ивану IV Грозному, отъ которого и получаетъ «спасную грамоту» и жалованье; въ 1558 г. онъ совсѣмъ оставляетъ Литву и служитъ Юанну IV, изаждя полученнымъ отъ него городомъ Бѣлевымъ три года, посмѣ чопить возвращается въ Литву и въ 1563 г. погибаетъ въ Молдавіи, куда онъ отиравлялся добывать корону съ 4-хъ мысчными войсками; пошавъ въ руки турокъ, онъ замученъ былъ ими въ Константиноце¹⁾.

Изъ такихъ-то фактовъ жизни и дѣятельности Байды, князя Вишневецкаго, да изъ извѣстной народной пѣсни о смерти его въ Константиноце¹⁾ и умудрился г. Кулинъ составить свою фантастическую пьесу, полную самыхъ странныхъ и исторически невозможныхъ изобра-

¹⁾ См. напр., 3-й вып. «Сборника украинскихъ пѣсень» г. Лисенка, стр. 7.

женій, возврѣній въ родѣ рѣчи московскаго посла, который, говоря о величіи Иоанна IV, выражается такимъ образомъ (стр. 22):

« Великъ нашъ царь: одной полой покрылъ онъ
Ливонію со моремъ со Балтійскимъ,
Другою — всю Сибирь со Окіномъ » ...

Идеи и взгляды, высказываемые Байдою и Тульчинскимъ, не соответствуютъ якъ времени. Укажемъ для примѣра на следующія слова Байды по поводу появленія козаковъ у стѣнъ Царыграда:

Все, что робили мы й робити будемъ —
Нищо передъ великимъ силь моментомъ.
Теперь-бы можно, братте, намъ подняти
Усихъ невольниковъ и всю голоту
Болгарську, Кирецьку, Македонську, Сербську
Та й ослати столицу бесурменську» .

На что одинъ изъ сподвижниковъ отвѣчаетъ ему:

« Тогда-бъ мы тиинъ Олега звеселили,
И щить его на брами ионовили» .

Еще покойный М. А. Максимовичъ называлъ представлениія г. Кулиша обѣ Українѣ «болѣе идеалическими, чѣмъ историческими¹⁾), и это замѣчаніе оправдываетъ г. Кулишъ и новою своею драмою. На вымысли построены все 3-е дѣйствіе и часть четвертаго. Совершенно произвольно также заставляетъ авторъ Байду пѣть известную пѣсню: « Гомонъ, гомонъ по дуброви » (См. Сборникъ г. Лисенка, вып. II, стр. 16), пѣсню болѣе позднаго происхожденія. Пѣсни: « Ой гукъ мати », по содержанію касающуюся отношений русскихъ къ полякамъ (см. Сборникъ пѣсень Гулака-Артемовскаго, № 39), авторъ пресловойно заставляетъ козаковъ пѣть послѣ побѣды надъ турками, при чемъ слова « вражихъ ляховъ » замѣнены словами « бесурменецавъ » ...

Какъ драма, пьеса г. Кулиша мало удобна для сцены, въ ней дѣйствіе весьма часто меняетъ свое мѣсто (при 5 дѣйствіяхъ до 20 сценъ, при чёмъ 11 разъ должна происходить перемѣна декорацій); иныхъ сцены черезчуръ коротки, напримѣръ, 6-я втораго дѣйствія, имѣющая особую декорацію: всего 2 листика печатныхъ! Масса разговоровъ, мало содѣйствующихъ движению дѣйствія, дѣлаетъ пьесу несолько валой и, пожалуй, скучной, помимо всего прочаго, о чёмъ говорилось выше.

Что касается дѣйствующихъ лицъ, то изъ нихъ болѣе другихъ отчетливо изображенъ Ганжа Аидыберъ и пожалуй Байда и Тульчинский; Иягава Вишневецкая и ея племянница Катерина — слишкомъ ужъ

¹⁾ Полное собрание сочиненій, т. I, стр. 275.

шаблонныи и блѣдныи: первая со своей несокрушимой материинской любовью, вторая со своей голубиною пріотостью и безжизненностью... Иль сколько рѣзче очерчена Пастя Горовая, стесная пивкарка, съумѣвшая прибрать посыпавшихъ се козаковъ въ руки, но въ концѣ концовъ до полусмерти избитая Аандыберомъ... Весьма недурны и, на мой взглядъ, правдивы сцены, изображающія отношенія между козаками «дуками» и «нетягами»; тутъ довольно наглядно представлена та рознь и глухая вражда, которая, какъ известно, готова была ежеминутно воспламениться и проявиться между этими двумя классами козаковъ, постоянно являвшимися и существовавшими при благопріятныхъ условіяхъ, на зло народному малорусскому идеалу нолнаго равенства въ населеніи. Иль козаковъ «нетягъ» ярче другихъ обрисованъ «турецкій святый». Это типичнѣйший представитель казака «нетяги», столь несклоннаго къ упорному стяжанію и хозяйствичанью, человѣкъ, для котораго гузьба и воля дороже всего на свѣтѣ. Остальные лица ничѣмъ незамѣчательны, и мы не будемъ останавливаться ни на нихъ, ни на другихъ отдельныхъ сценахъ.

Совѣтуемъ однако читателямъ ознакомиться съ разобранными нами произведеніемъ; оно интересно уже по столь извѣстному въ нашей литературѣ имени сочинителя и попытай его воспроизвести въ исторической драмѣ тѣ взгляды, которые отчасти извѣстны по его «Исторіи возсоединенія Руси». Какъ мы слышали, это не единственная его попытка, и мы можемъ вскорѣ ждать цѣлый почти рядъ произведеній въ томъ-же родѣ. Поживемъ, увидимъ.

А. Степовичъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературный, этнографический и исторический).

ОСТАТКИ БРАТЬЕСТЬ И ЦЕХОВЪ ВЪ ПОЛТАВЩИНѢ.

Маркинь кинь, та не Марко на пимъ;
Маркова зброя, та не Маркова мова.

Этюю народною поговоркою, записанною мною въ м. Нехворони, константинопольского уѣзда, полтавской губерніи, считаю наиболѣе соответственнымъ предмету начать мои замѣтки объ остаткахъ братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ. Историкъ старѣйшаго изъ всѣхъ братствъ, свято-успенскаго львовскаго, Діописій Зубрицкій закончилъ поучительную лѣтопись онаго такими словами: «стоитъ и ионыпѣ этой вѣковой дубъ и кое-когда даетъ отъ себя зеленые побѣги». Къ тѣмъ меншимъ и позднейшимъ братствамъ, которыя въ XVII и XVIII столѣтіяхъ густою сѣтью покрывали всю правобережную и лѣвобережную Украину, нельзя примѣнить и этого скромнаго отзыва. Говоря объ нихъ въ современномъ ихъ видѣ и положеніи, можно только повторить вышеизведенную народную поговорку:

Маркинь кинь, та не Марко на пимъ;
Маркова зброя, та не Маркова мова.

Осталась форма, а богатое ся содержаніе исчезло; уцѣлѣли обычаи, а смыслъ, духъ ихъ затерялся или затемнился и самая память о прежней жизни братствъ утрачена въ живущихъ поколѣніяхъ.

Судьба этого выдающагося явленія въ исторіи южной Россіи интересовала меня давно и я съ любопытствомъ следилъ за остат-

ками братствъ въ киевскомъ Полѣсьѣ; но обстоятельства моей жизни въ службы мѣшали правильному и послѣдовательному наблюденію, а тѣмъ болѣе записыванію наблюдавшаго. Съ пѣкотораго времени мнѣ пришлось перекочевать въ Полтавщину и не одинъ годъ колесить по ней во всевозможныхъ направленіяхъ. Я сталъ и здѣсь присматриваться къ интересовавшему меня всегда предмету, записывать видѣнное и слышанное, и плодомъ этого являются настоящія мои замѣтки объ остаткахъ братствъ въ Полтавщинѣ. Я не буду касаться въ нихъ ни исторіи, ни значенія братствъ въ минувшей жизни южно-русскаго народа, а передамъ только то, что приходилось мнѣ видѣть или слышать объ этомъ въ разныхъ пунктахъ Полтавщины, не обобщая фактовъ, не дѣлая изъ нихъ какихъ либо выводовъ.

Начну съ Золотоноши.

Здѣсь, повидимому, всего менѣе живыхъ сѣдовъ названнаго учрежденія; въ устахъ старожиловъ сохранились самыя смутныя о немъ преданія и разсказы. Но мы случайно пришлисъ здѣсь наткнуться на письменный памятникъ одного изъ древнѣйшихъ братствъ Полтавщины и чуть не настоящую его лѣтоисчисль. Въ золотоношской ремесленной управѣ сохранилась записная книга существовавшаго въ Золотоношѣ болѣе 200 лѣтъ братства и, благодаря любезности ремесленного головы, я имѣлъ возможность разсмотрѣть ее и сдѣлать изъ нея необходимыя выписки. Книга эта, въ кожаномъ переплѣтѣ, заключаетъ въ себѣ 115 полулистовъ сърой писчей бумаги и лишь незначительная часть ихъ остались чистыми, всѣ же остальные покрыты записями различныхъ почерковъ и годовъ, начиная съ 1724 г. и кончая 1852 г. Книга заведена въ 1724 г., но записи въ ней начаты съ 1700 г. и за первыя 25 лѣтъ сдѣланы одною рукою,—по всей вѣроятности внесены сюда изъ прежнихъ отрывочныхъ замѣтокъ и даже по памяти. Поводомъ къ заведенію книги послужили начавшіеся въ братствѣ непорядки и ущущенія. 1 января 1724 г. на общей сходкѣ, обсуждая положеніе своихъ дѣлъ, братчики усмотрѣли, что записи, а равно сборы и расходы велись непорядочно и на многихъ членахъ была недоимка, а потому рѣшили завести эту книгу на вѣчныя времена, а чтобы всѣмъ было известно, съ какого времени, на какихъ основаніяхъ и съ какими цѣлями и правилами существуетъ братство, вписали въ книгу текстъ подлинной Фундаціи, данной въ 1624 года золотоношскимъ цехамъ властіемъ.

дѣльцемъ Золотонопии (котораго фамиліи въ книгѣ, къ сожалѣнію, невозможно разобрать) на учрежденіе ими братства и замѣнившей, повидимому, уставъ его. Приводимъ этотъ любопытный документъ, какъ онъ записанъ въ книгѣ, т. е. безъ заглавія, въ которомъ обыкновенно выписывается весь титулъ того, отъ кого исходить документъ, на этотъ разъ отъ владѣльца и старости Золотонопии.

«Чиню вѣдомо ти мій листомъ, кому-бѣ о томъ вѣдать надлежало, теперъ и напотомъ будучими людямъ, ижъ въ року, теперъ идущому, тысяча шестьсотъ двадцать седмомъ, мѣсяца іюля девятнадцатого дnia, подданные мои золотоноскіе, ремесла шевскаго, кравецкаго и кулийскаго, жадали мене о тое, жебынъ имъ, якъ по иннихъ мѣстахъ межи ремесниками, порядокъ учинилъ, то есть цехъ и братство мати. Цо-жъ я видячи за речь слушиную и церкви божественной потребную, позволиль и эъ ласки мои даю, же имъ возмо будетъ въ каждый рокъ два канона меду, т. е. першій канонъ мають медъ снити, кадей двѣ меду, ко дню свята урочистаго Козмы и Деміана предъ запустами въ осенны, передъ Филипповыми, другій канонъ, также кадей двѣ меду, на веснѣ, на Воскресеніе Господне. Зъ которыхъ то каноновъ вышъ номененіи цехмистры съ братію своею сѣчи ставить въ храмѣхъ Божественныхъ въ мѣстѣ Золотонопии, въ церкви Успенія Пресвятой Богородицы и въ церкви св. отца Николы, въ каждый рокъ повыши будуть, и въ томъ имъ такъ я самъ, яко и архидаръ мой и иніи иѣхто зъ челяди моей замковой, жадной привиды и перешкоды чинить не маю и не мають. Такъ тежъ имъ позволяю и эъ ласки яоси даю, еслибы въ ремеслахъ ихъ одѣ кого-бы колвекъ эъ нихъ шкода яка стала тому, кто-бы имъ роботу далъ, а было-бы неслучно зробленко, албо вѣрадено што колвекъ зъ роботы, любо тежъ який вандровый ремесникъ которого колвекъ ремесла еслибы хотѣлъ потай ремесло робить, безъ вѣдомости и позволенія братерскаго, таковыхъ всѣхъ выступныхъ цехмистръ, любъ на сходке братерской, любъ тежъ взявши трохъ братовъ, товарищовъ своихъ, мѣстѣ судить и ведлугъ простунику ихъ карать. Такъ тежъ который братъ, пришедши на сходку, мѣль-бы безчинновать и въ речь непотребную удаватися и речь брату своему перерывать, цехмистра съ братію зневажать, такого-го каждого въ пѣберъ или въ колоду всадить, и шесть гротей маеть до скрыньки

дать. Зась сходиу мають себѣ въ двохъ неделяхъ меть и каждый до скрынки по полгрона маєть давать. И за вшелякіе речи поточные, що еко будуть судить, цехмистръ съ братію, ведлугъ порядку ремесницкого, якъ и по иныхъ мѣстахъ и братствахъ заховуетъ, до скрынки братерской мають давать. За речь злодѣйскую, любъ кривавую, цехмистры съ братію своею на пана повинни будуть отдавати. И еслибы цехмистры съ братію своею въ речь злодѣйскую и кривавую ремесники попадыхъ, на которыхъ-бы мнѣ пануна (?) принадала, меля-бы затаить и мне не ознаймить, то таковыи цехмистръ и зъ братію своею вини конь три заплатити мають. Хто-бы тежъ зъ стороны, любъ ремесникъ, любъ не ремесникъ, зъ якими колвекъ фантами, будь зъ обовью, до маєтности моей на роботу або на продажу пріѣдетъ, цехмистрови мається обвѣстить и доходъ ему, якъ и по иныхъ мѣстахъ идетъ, отдать маєть. А если-бы скотѣль фанты, албо обови продавать, маєть цехмистра поеднати. Рѣзники, которые въ маєтности моей рѣзью ся бавлють, если кто скуря яловичую, овечую, козовую, конскую, любъ и десятокъ скуръ збереть, на сторону не маєть продавать, не ознаймивши цехмистрови и братіи, а кгдѣ цехмистръ любъ изъ братіи который до третьего дня не купити, по трехъ днехъ обвѣстивши цехмистрови, же нѣхто не купиль, волно и на сторону продать. А если-бы рѣзникъ ио реченныи на сторону скуря продалъ безъ вѣдомости цехмистра и братіи, таковыи вини заплатить конь три. Зась хто изъ стороны пріѣдетъ до маєтности моей скуръ скуповувать и мѣщанинъ мой ему-бы продаль, теди цехмистру албо брату волно гроши, за що выторгованъ, одложить, а скуру до себе взять. Роботу замковую цехмистръ межи братію своею раздавать маєть, що едно потреба будетъ, повиненъ будетъ зробить. А я ихъ одъ подводъ вшелякихъ и одъ повинностей мѣскихъ и одъ шарварковъ вшелякихъ вызволяю и до мѣскихъ подачокъ ихъ волнии чию на потомные часы и лѣта. Тилько ихъ одъ набору королевскому, одъ кгвалтовное речи ку оборонѣ мѣской не вызволяю. Што я вышъ помененный мѣщанамъ и ремесникамъ ремесль шевскогого, кравецкого и кузнечскаго мѣста золотоносскаго даю имъ сей мой до цеху братерскаго листъ, для порядку братства ихъ, подъ печатию мою и подпись руки моей власной.—Писанъ въ Золотонишѣ, року Божого 1627, мѣсяца іюля 19 днѧ ruka własnaia».

Итакъ братство образовалось изъ цеховъ, хотя цехи, какъ и самое братство, могли существовать и существовали вѣроятно и раньше 1627 г. и только теперь получили разрѣшительный патентъ отъ владѣльца Золотоноши, чего требовало *jus dominium*. Слитіе цеховъ въ братство представляетъ обыкновенное явленіе въ то время въ городахъ и мѣстечкахъ всей южной Россіи. Оно облегчало учрежденіе братства изъ готовыхъ ассоціацій, члены которыхъ связаны были жизненными материальными интересами, усиливало его средства, возвышало и освящало его цѣль служеніемъ церкви и дѣлами христіанской благотворительности. Совѣтъ братства состоитъ здѣсь, какъ и везде, изъ цехмистра, старшаго брата и ключника, источники доходовъ разнообразнѣе, чѣмъ въ обыкновенныхъ братствахъ. Вступалъ ученикъ въ обученіе мастерству какого либо цеха,—онъ вносилъ при этомъ въ братскую скрипку *вступное*, выходилъ изъ ученика и—платилъ *вызовълокъ*, становился подмастеремъ или младшимъ майстромъ,—платилъ часть братскаго взноса, а когда открывалъ самъ мастерскую, долженъ былъ уплатить весь *вписъ*, какъ самостоятельный членъ. Собранія братчиковъ происходили каждыя двѣ недѣли и при этомъ каждый вносила по полгроша. Вызывали экстренные и праздничныя собранія, и тогда братчики давали по желанію. Плата за свѣчи при похороненіи и сунко или покрывало надъ гробомъ, равно штрафы съ цеховыхъ за разныя вины или также въ братскую кассу, и всѣ деньги шли на содержаніе и украшеніе церкви и на помощь бѣднымъ. Вступленіе въ ученики и въ мастера производилось посредствомъ изустнаго заявленія предъ братствомъ и сопровождалось *могоричемъ*. Условиться о вступленіи въ ученикѣ или въ мастера называлось *поединокъ цехъ*, возобновить званіе цехового и вмѣстѣ братчика называлось *поновить цехъ*. Братскіе взносы дѣлались въ четвертой и половинной части, въ полномъ видѣ на всю жизнь и на вѣчныя времена. Всѣми такими записями заполнена братская книга 1700—1852 г. Записи идутъ не регулярно и иногда за предыдущіе годы позже послѣдующихъ, записывались преимущественно *поединокъ* братства и приходъ, а расходъ изрѣдка, исключительно почти на потребности церкви, изъ чего заключить должно, что мелкие расходы велись безъ записи, или для нихъ существовала особая книга, которая не сохранилась. Къ концу прошлаго столѣтія въ братство вступаютъ захожіе ремесленники изъ великороссийскаго

сиявъ. Впослѣдствіи понятія о братствѣ такъ затмнились, что въ 1847 г. въ цехъ, а слѣд. и въ братство записались 10 жидаевъ и изъ нихъ 4 ишгороднихъ. Послѣдняя запись 1852 г. принадлежитъ также еврею — Давиду Лейбину Волынскому, послѣ чего братство, какъ видно, прекратило свое существованіе.

Нѣсколько иначе устроился и существуетъ до настоящаго времени гончарный цехъ въ м. Холмѣцѣ, миргородскаго уѣзда. О времени основанія цеха не нашлось письменныхъ свѣдѣній, тѣлько не менѣе гончарство существуетъ тамъ, какъ говорятъ, «зъ дядивъ, зъ прадидивъ». Установился традиціонный обычай, строго соблюдаемый, что поступивший въ цехъ не долженъ ни убивать животныхъ, ни снимать кожу съ налихъ, иначе его «вытрутъ зъ бумаги», т. е. вычеркнутъ изъ списковъ¹⁾. Цехъ имѣеть крестъ съ изображеніемъ Распятаго Христа и св. Николая (патрона), и этотъ крестъ и цеховая скрынька находятся всегда въ домѣ цехмистра. Скрынька запирается двумя замками, а ключи хранятся у цехмистра и ключника. Гончары имѣютъ въ приходской церкви куть съ образомъ св. Николая, нѣсколько хоругвей, и содержать въ церкви 4 стоянки (бодылія свѣти), которые ежегодно возобновляются къ праздникамъ Рождества, Воскресенія Христова, Троицы и Покрова. На каждый ставникъ падетъ 9—10 фунтовъ воска, а «огарки» остаются для зажиганія при погребеніи и т. п.

Общія собранія цеха бываютъ во время рождественскихъ и свѣтлыхъ праздниковъ въ домѣ цехмистра. Обыкновенно обсуждаются вопросы о пожертвованіяхъ въ церковь деньгами или вещами въ видѣ хоругвей, рязъ, кіотовъ и т. п., при чемъ приводится въ извѣстность наличность кассы и иногда дѣлается раскладка съ каждого хозяина по мѣрѣ надобности. Для взысканія налога избираются особые сборщики, которые вносятъ собранную сумму цехмистру и ключнику.

Въ теперіе года бываютъ экстренные сходки для принятія новыхъ членовъ, или когда случится воровство глины у кого либо изъ гончарей и обнаружится виновный. Въ такихъ случаяхъ цехмистеръ собираетъ не менѣе 6—7 человѣкъ стариковъ и събира производить

¹⁾ Такой-же обычай существуетъ еще и теперь во всѣхъ цезахъ въ заштатномъ городѣ Глыбекѣ.

разборъ дѣла, а во время общихъ собраний решаются всѣ съобща. Виновный подвергается денежному штрафу въ скрыньку 1—2 руб. Между тѣмъ рассказывали мы: «було колысь робили такъ, що хто пропионатитця, то постановлять на каминцу, т. е. мелкие острые каминки, щобъ не вадився красти чужой глины». Это наказаніе уничтожено въ 60-хъ годахъ, когда стала известенъ манифестъ объ отменѣ тѣлесныхъ наказаний по суду.

Цехъ издавна владѣетъ на правъ собственности участкомъ около 8 десятины гористой вознаграждены съ залежами гончарной глины. Участокъ этотъ при генеральномъ межеваніи показанъ за гончарнымъ цехомъ хомутецкаго и поповскаго обществъ, съ присоединеніемъ купленной цехомъ 1 десятины пахатной земли, прилегающей къ глинищамъ. Среди глинищъ есть большой деревянный крестъ, выкрашенный масляною краской, съ небольшою оградой. Прибывающіе для добыванія глины обыкновенно творить мозитву, обращаясь къ кресту, и въ глинищахъ никогда не позволяется естественныхъ отравленій. Освященіе глинищъ происходит чрезъ каждые два года, съ молебствиемъ и водосвятіемъ при крестномъ ходѣ. Въ тотъ день на глинищахъ устраивается закуска, при чёмъ изъ цеховыхъ суммъ уплачиваются священнику 3—5 руб. и покупается ведра 3 водки, а съѣстные припасы собираются натурой и даются «по усердію». На глинищахъ закуска бываетъ на-екоро: «абы перекусили рабочи, що несутъ процесію (хоругви)», а виршуютъ у цехмистра и вообще по домамъ.

На праздникъ приходятся гончары изъ м. Поповки, которые съобща съ хомутецкими гончарами пользуются глинищами безплатно, если приписались въ цехъ. Вновь поступающій за записку въ цехъ уплачиваетъ единовременно 1 руб. 50 коп. въ скрыньку и угощаетъ братчиковъ по состоянию. Оставшиеся сиротами и изучавшими гончарство подъ руководствомъ хозяевъ являются къ цехмистру, и если хозяинъ засвидѣтельствуетъ объ успѣшиомъ окончания ученія, способностяхъ и хорошихъ наведеніяхъ ученика, то его принимаютъ въ цехъ, а онъ за «вызвѣлку» (освобожденіе отъ ученія и вступленіе въ число самостоятельныхъ мастеровъ) вносится въ цехъ 15 к. Прекратившіе занятіе сыновья и внуки гончарей, если обращаются къ ремеслу предковъ, «новляютъ» цехъ, т. е. вновь записываются и при этомъ уплачиваютъ

по 1 р. Въ числѣ хомутецкихъ обывателей есть нѣсколько десятковъ хозяевъ, не занимающихся гончарствомъ, но приписавшихъ къ цеху такъ сказать для счета; тѣмъ не менѣе традиціонный обычай обязателъ одинаково для всѣхъ братчиковъ.

Братскихъ учрежденій въ родѣ «шпитала» (богадѣльни) на памяти старожиловъ не существовало; но существуетъ старый обычай, по которому если умираетъ братчикъ или кто-либо въ семье, и по бѣдности не въ состояніи нанять людей для копанія ямы и устройства гроба, то обращаются къ цехмистру и тогда по распоряженію послѣд资料 назначается на работу до 10 человѣкъ. Каждый обязанъ являться безъотговорочно по первому требованію, или вмѣсто себя поставить рабочаго. Къ состоятельнымъ людямъ собираются на погребеніе до 50 человѣкъ и забираютъ изъ церкви «всю процессію» (хоругви, ставники и значки), а для бѣдняковъ доставляются отъ цеха косилки, крестъ и «недогарокъ ставника». За работу и труды при погребеніи—плата не въ обычай, но пользуются болѣе или менѣе обильнымъ угоженіемъ и «подарками» въ видѣ платковъ и «рушниковъ» или «хустокъ».

У пыпѣнья цехмистра хранятся приходо-расходныя книги и имяные списки гончарей съ 1836 г. Я имѣлъ возможность обозрѣть эти книги, но написать лишь записи расходовъ на ставники къ праздничкамъ, на сооруженіе кіотовъ и другія церковныя потребности, а также на водку при освященіи глинищъ. Тѣмъ не менѣе, по словамъ старожиловъ, при перестройкѣ церкви и возобновленіи иконостаса, пожертвовано цеховыхъ суммъ до 2,000 р., которые «ще предки заслужили». Эта сумма была раздана братчикамъ взаймы безъ всякихъ письменныхъ обязательствъ и долгъ записывается лишь въ приходо-расходную книгу. Теперь осталось въ долгу всего съ небольшимъ 30 р. Взыманіе процента въ прямомъ смыслѣ не въ обычай, но каждый заемщикъ приносить въ видѣ добровольнаго «пожертвованія» 10—15 % въ годъ.

Упомяну еще о церковномъ братстве въ с. *Панскому* (золотоношского уѣзда). Послѣ пожара церкви, братство устроилось (независимо церковно-приходскаго попечительства) главнымъ образомъ съ благочестивыми цѣлями—для содѣйствія церкви. Назначены ежегодные обязательные взносы отъ каждого братчика по менѣе 1 р. Для усиленія средствъ братство варитъ и продаетъ яель въ храмовой праздникъ

(8 ноября). Дѣлами завѣдываетъ «старший братъ», избираемый ежегодно. Въ августѣ мѣсяцѣ старшій братъ, при участіі еще двухъ или трехъ, закупаетъ пудовь до 20 сѣраго меда и выжимаетъ воекъ. Предъ праздникомъ очищенный медъ перепариваютъ съ водой, къ нему прибавляютъ мяты для запаха и разливаютъ въ бочку и боченки. Этотъ медъ распродаютъ въ день праздника по мелочамъ, а желающимъ отпускаютъ въ долгъ по нѣсколько кварты. Выручка отъ меда поступаетъ въ братскую кассу. Составился капиталъ болѣе 200 р. и братчики разобрали оный безъ всякихъ документовъ; между тѣмъ уплата даже по частямъ происходить весьма неохотно, такъ что братство едва не распалось, тѣмъ болѣе, что за бывшимъ старшимъ братчикомъ осталось въ долгъ до 50 р. Съ избраниемъ нового старшаго братчика уже на второй годъ дѣло начинаетъ поправляться, и, наученные опытомъ, братчики порѣшили брать съ своихъ должниковъ векселя па данныхя въ ссуду деньги¹⁾.

Есть еще зачатки *братства черноморскихъ матросовъ* въ занятномъ городѣ Глинскѣ. Оттуда набирается матросовъ въ послѣднее время до 100 человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ рассказывали мнѣ, что, при благопріятной навигациѣ, многіе возвращаются домой съ порядочными заработками, но за эти успѣхи прожиться (а иные прокутить) настолько, что весной не имѣютъ средствъ двинуться въ путь и прибѣгаютъ къ займамъ па самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Это навело ихъ на мысль устроить братство для взаимономощи, съ ежегоднымъ обязательнымъ взносомъ по 5 р. отъ каждого братчика. Такимъ образомъ скопился капиталъ въ нѣсколько сотъ рублей, который разобрали въ ссуду нуждающіеся, безъ письменныхъ обязательствъ, по отъ уплаты иные отказываются, нѣкоторые же умерли и взять нечего. Дѣло также чуть не рухнуло, но все таки удержанлось. Нѣкоторые матросы обстоятельно бесѣдовали со мной и очень интересовались изысканіемъ способовъ къ укрѣпленію и разногрѣнію предпріятія, высказавъ намѣреніе, по окончаніи навигациї настоящаго года, воздѣйствовать на усиленіе взносовъ, тѣмъ болѣе, что на первыхъ порахъ по возвращеніи съ моря,

¹⁾ Въ таюжъ-же родѣ существуетъ братство и въ с. Мельникѣ (золотошискаго уѣзда).

для каждого не будетъ стыдно отложить хоть десятокъ рублей. Многіе изъ матросовъ отличаются и развязностью и толковостію, такъ, что дѣло могло бы значительно подвинуться, если-бы нашелся сочувствующій руководитель.

Молодецкіе или парубоцкіе братства существуютъ еще почти повсемѣстно, хотя дѣятельность ихъ ограничивается, главнымъ образомъ, содержаниемъ одного или иѣсколькоихъ ставниковъ. Навримъ-рѣ въ м. Хомутцѣ молодецкія братства существуютъ особо въ каждомъ приходѣ и избираютъ атамановъ отдельно. Въ одномъ приходѣ парубки имѣютъ въ церкви свою икону—Спасителя и звѣзду и держать З ставника. Отаманъ во время великаго поста дѣлаетъ раскладку на парубковъ «по состоянію» для сооруженія ставника, хоругви и т. п. Начинаяющій ходить на улицу парубокъ покупаетъ водку и угощаетъ братчиковъ, а также дѣлаетъ взносъ въ пользу братской кассы. Въ с. Панскому (золотоношского уѣзда) «молодецкое братство» варитъ медъ къ рождественскимъ и воскресенскимъ праздникамъ, имѣть въ церкви 6 ставниковъ, которые зажигаются на литургіи при чтеніи «Апостола», при чёмъ парубки становятся съ ставниками въ два ряда отъ царскихъ вратъ и ставники горятъ до тѣхъ поръ, пока на клиросѣ пропоютъ «И вѣхъ и вся». Ежегодно, по решенію братчиковъ, собираются со всѣхъ деньги на сооруженіе ставниковъ, хоругвей и т. п., въ дополненіе къ выручкѣ отъ меда. Во время рождественскихъ праздниковъ всѣ парубки собираются на первый день къ атаману, который угощаетъ ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ парубки преподносятъ ему подарокъ въ видѣ жалковаго платка или хорошаго пояса. Съ того-же дня и почти цѣлую недѣлю продолжается «колядка». Раздѣлившись на иѣсколько групъ, парубки ходить колядовать по домамъ своихъ товарищей, «хозяйскихъ» сыновей, болѣе или менѣе состоятельныхъ, собирая пожертвованія съѣстными припасами и деньги. Передъ праздниками парубки напинаютъ себѣ просторную хату, варятъ таѣ медъ и почти все время праздниковъ проводятъ тамъ-же, ичѣи обѣдѣ столь изъ собранныхъ припасовъ, но конечно добавляютъ еще разныхъ овощей, запивая горбакой и медочкомъ. Мнѣ говорили, что сыновья даже не особенно зажиточныхъ хозяевъ праздники обходятся рублей въ пять. Вѣдь они составляютъ особую козынку и несутъ болѣе скромные

затраты. Отправляясь колядовать, испрашиваютъ отъ священника благословеніе и берутъ у него церковный «воздушекъ», который кладутъ на столъ при входѣ въ избѣ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напримѣръ Хоролъ и Прилукихъ, парубки ходятъ колядовать со звѣздою болѣе или менѣе крупныхъ размѣровъ, врашающеюся и освѣщеною изнутри. Такая звѣзда называется «вертепомъ», но мнѣ приходилось слышать лишь самые неизпечительные отрывки изъ изгубленаго «вертепа», текстъ котораго напечатанъ въ «Киевской Старинѣ» за 1882 г. Въ молодецкомъ обществѣ с. Панскаго та особенность, что парубки рѣдко расшибаются колядки, но большею частію сидятъ въ иникѣ и ноютъ мірекія иѣсни. Атаманъ обязательно присутствуетъ при нихъ и старается уладить возникающія нерѣдко между ними скоры и непріятности. Но прежнія патріархальныя отношенія все болѣе и болѣе теряютъ силу, и тѣжбы переходятъ въ волостной судъ или къ мировымъ судьямъ¹⁾.

На остатки бывшихъ нѣкогда многочисленныхъ церковныхъ братствъ указываетъ не превратившійся еще обычай *медоваренія*. Этотъ обычай держится теперь, сколько мнѣ удалось узнать, почти во всѣхъ селахъ на днѣпровскомъ побережїи золотонішскаго уѣзда и въ нѣкоторыхъ селахъ Переяславскаго уѣзда. Въ городахъ Полтавщины медовареніе давно вывелоось, такъ что напримѣръ въ Золотонішѣ уже и старожилы не помнятъ, да и по цеховой книжѣ съ 1730 г. не упоминается ни единимъ словомъ. Вообще по разсказамъ въ разныхъ мѣстахъ можно вывести заключеніе, что старинное медовареніе къ храмовымъ праздникамъ встрѣтило затрудненія и противодѣйствіе послѣ введенія откушовъ и потомъ акциза.

Въ упомянутыхъ мѣстахъ не вывелись также *общественные обѣды* въ храмовые праздники, какъ напоминалось существовавшихъ нѣкогда братствъ. Обыкновенно устраиваемые обѣды заѣждываютъ такъ называемые «братьчики», избираемые обществами. Они заботятся о пріес-

¹⁾ Въ церкви с. Панскаго насчитываютъ до 20 хоругвей и значковъ,ооруженныхъ молодецкимъ братствомъ, и кроме того нерѣдко тамошніе «молодчики» жертвуютъ хоругви въ церкви селеній. Въ Хомутинѣ, Рѣшетиловкѣ, Опошпѣ и многихъ другихъ мѣстахъ такъ же въ каждой церкви есть лѣсколька парубецкихъ хоругвей, которая носить собирательное имя «цель», а изъ нѣкоторыхъ мѣстахъ «процессія».

каніи стряпухъ, собираютъ пожертвованія продовольственными припасами и покупаютъ нѣсколько ведеръ водки. Трапеза устраивается, смотря по времени года, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ на «цивнтарѣ» (погостѣ) или въ колокольнѣ, въ другихъ—занимаютъ для столовыхъ избу церковнаго старосты и пѣсколько сосѣднихъ. Во многихъ мѣстахъ еще храмовые праздники продолжаются два-три дни и не дешево обходятся каждому хозяину. Въ прежнее время «храмы» праздновались особенно широко, напримѣръ въ сс. Зубанахъ и Радаловкѣ, хорольскаго уѣзда. Туда наѣзжали и находили цѣлые толпы крестьянъ изъ сосѣднихъ селений миргородскаго и кобелякскаго уѣзда, а къ «панькамъ» и «полуцанкамъ» съѣзжались родственники и пріятели, и ныровали чуть ли цѣлую недѣлю въ домъ то одного, то другаго общаго знакомаго. «Судови панычи» изъ Хорола, Миргорода и Кобелякъ также исправно «храмовали», и потомъ долго рассказывались анекдоты или этюды храмовыхъ пиршествъ, событий и приключений.

Современные ремесленные цехи въ городахъ существуютъ по правиламъ установленнымъ въ Сводѣ законовъ. Обрывки стародавнихъ обычаевъ встречаются въ томъ-же традиціонномъ религіозномъ оттѣнкѣ, въ видѣ «ставниковъ», пожертвованія хоругвей и значковъ. Впрочемъ каждый цехъ имѣеть обыкновенно свою хоругвь, погребальныя носилки, а иногда и сукно для прикрытия гроба. До учрежденія общихъ ремесленныхъ управъ, при смерти кого либо изъ цеховыхъ даннаго цеха, управный старшина (по прежнему цехмистерь) чрезъ «молодчихъ» (братьчиковъ, исполнявшихъ обязанности разсыльныхъ) собиралъ потребное число ремесленниковъ своего цеха и наряжалъ для копанія ямы и т. п. Теперь ремесленный голова назначаетъ въ нарядъ отъ каждого цеха потребное число людей. Непринадлежащіе къ числу ремесленниковъ, просто сказать, торгаются съ старшиной за нарядъ рабочихъ для носилокъ, хоругвей, и т. п. Въ нѣкоторыхъ городахъ (например, въ Прилукахъ) миѣ недавно приходилось видѣть оригинальное погребальное шествіе: гробу покойнаго предшествуетъ нѣсколько такъ называемыхъ «поклоновъ» (имѣющихъ нѣкоторое подобіе полукруглой крышки гроба), возложенныхъ на носилки и покрытыхъ сукномъ того или другаго цвета съ украшеніями изъ крестовъ, бахромы, кистей и т. п. Такіе «поклоны» есть въ каждомъ цеху въ Прилукахъ, а въ Золотоношѣ

вывелись изъ употребленія около 15 лѣтъ, по настоянію одного изъ «батюшекъ». Май не пришлось узнать ничего относительно происхожденія этого обычая, но въ книгѣ золотописского цеха записано въ 1826 г. сооруженіе «иоклита». Въ средѣ прилуцкаго купечества и мѣщанства предиесеніе нѣсколькихъ «поклотовъ» и масцы цеховыхъ хоругвей считается торжественнымъ похороннымъ обрядомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обходится въ нѣсколько десятковъ рублей. Въ Полтавѣ въ присутствіи обицей ремесленной управы хранятся хоругви каждого цеха и нарадные жезлы цеховыхъ старшинъ и головы, съ тѣмъ различиемъ, что жезлы головы выше другихъ и имѣть сверху посеребренный губернскій гербъ; на немъ наѣшены серебренные снуруки съ кистями, а на серебренномъ щитѣ изображена съ одной стороны цеховая эмблема (на плотнично-столярномъ: топоръ, циркуль и пила, на бондарскомъ—боченокъ и т. д.), а на оборотѣ означено название цеха. Въ дни торжественные головы и старшины становятся въ церкви съ своими жезлами (въ обыкновенныхъ костюмахъ), а носители церковныхъ хоругвей облекаются въ чесарки, на манеръ козачьихъ, обшитыя вокругъ, какъ и черные суконные пояса, серебреннымъ галуномъ, а также имѣютъ черные смушевыя высокія шапки съ краснымъ остроконечнымъ верхомъ, загибающимся на бокъ. Въ Прилукахъ хоругви хранятся также въ ремесленной управѣ, но при шествіи въ церковь въ торжественныхъ случаяхъ несутъ только одинъ жезлъ съ металлическимъ уѣзднымъ гербомъ, а цеховые съ хоругвями одѣваются въ обычный костюмъ. Въ настоящее время въ Полтавѣ не наряжаютъ ремесленниковъ для похоронъ, а желающіе торгуются съ ремесленною управой, и иօслѣдняя панимаєтъ соотвѣтственное количество рабочихъ. Вообще современные цехи имѣютъ, можно сказать, исключительно фискальный характеръ, и братское единеніе поддерживается въ нихъ лишь по традиціи и носить ремпіозный характеръ въ слабой степени, такъ какъ въ средѣ ремесленниковъ значительный, иногда преобладающий процентъ составляютъ евреи, въ особенности въ Кременчугѣ, Переяславѣ, Ромнахъ и Полтавѣ.

Н. Василенко.

СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ ВЪ ДВОЙНОЙ РОЛИ ХВАЛИТЕЛЯ И ОБЛИЧИТЕЛЯ МАЗЕНЫ.

Извѣстный южно-русскій ученый начала XVIII вѣка, митрополитъ Стефанъ Яворскій, мѣсто-блеститель патріашаго престола по смерти патріарха Адріана, занимая иѣкоторое время первостепенное мѣсто въ россійской іерархіи, съ высоты церковной каѳедры не разъ восхвалять добродѣтели Мазены, воспѣвать ему похвалы и въ стихотвореніяхъ, которыхъ были тогда въ большой модѣ. То и другое можно найти въ собраніи его сочиненій. Но когда Мазена измѣнилъ, Яворскому пришлось не только самолично предавать того-же Мазену анаемъ въ московскомъ успенскомъ соборѣ, но и прежнимъ стихотворнымъ способомъ выразить осужденіе ему. Яворскому принадлежать стихи: *In vituperium Mazerae*, помѣщенные въ исполной и не совсѣмъ исправной редакціи въ юльской книжкѣ «Кievskoy Stariiny» за 1883 г., въ замѣткѣ подъ заглавіемъ: «Современные стихи на измѣну Мазены». Авторъ этой замѣтки приписываетъ ихъ неизвѣстному современномуку, старающемуся выразить чувства Россіи по поводу измѣны Мазены. Хотя текстъ стиховъ заимствованъ имъ изъ рукописнаго сборника, хранящагося въ синодальной библіотекѣ подъ № 5; но помѣщеніе въ сборникѣ стихотворенія въ ряду памятикоў Яворскому ввело автора названной замѣтки въ заблужденіе и заставило его принести стихи неизвѣстному лицу, когда авторомъ ихъ былъ самъ Яворскій. Въ этомъ, кажется, доселѣ не было заявлено никакихъ сомнѣній, и покойный профессоръ Ф. А. Терновскій въ своемъ изслѣдованіи о Стефанѣ Яворскому приписываетъ ихъ прямо ему (Труды кіев. дух. акад. 1864 г., № 1, 3 и 6). Приводя начало этого стихотворенія, онъ говоритъ: «конечно, въ тоже время, т. е. послѣ проклиничія Мазены въ успенскомъ соборѣ 12 ноября 1708 г., Стефанъ написалъ стихи на измѣну Мазены отъ лица всей Россіи»¹⁾), и дѣлаетъ ссылку на стр. 299—302 III-го тома проповѣдей м. Стефана.

Подтверждение тому я нахожу въ рукописномъ сборникѣ изъ библіотеки покойнаго М. А. Максимовича, принадлежавшемъ Варлааму Лящевскому, какъ видно изъ надписи на поляхъ

¹⁾ Труды кіевской духовной академіи 1874 г., картъ, стр. 269.

рукописи: «ex libris Barlaami Laszczewski». Въ этомъ сборнике, содержащемъ главнымъ образомъ сочиненія Іоанфана Прокоповича, помѣщены и иѣкоторыя другія мелкія сочиненія, среди которыхъ находится: «Emblemata quaedam et symbola pro axornando monumento p. m. illustris: et reverendis. Patris Barlaawi Iasinski, D. G. Archicpiscopi Kiiovensis, Halicensis etc. etc. ab illustris. et reverendis. in X—to Patre D. G. Metropolita Rezanensi et Muromensi, Stephano Javorskij elaborata», и всегда за этими *emblemata et symbola* помѣщено: «eiusdem authoris carmina sclavorica in vituperium Mazerae». Кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что Варзаамъ Ященевскій, которому принадлежала эта рукопись, зналъ, кто былъ авторъ означеннаго стихотворенія.

Самый текстъ стиховъ, находящійся въ рукописи синодальной библиотеки и напечатанный въ «Кievskoy Starinѣ», далеко не полонъ, а въ иѣкоторыхъ мѣстахъ искаженъ до отсутствія смысла. Судя по заявлению автора замѣтки П. Л., что стихи написаны съ поправками на оборотъ листа съ другими стихами, поднесенными Стефану Яворскому, можно предположить, что это черновой набросокъ Яворского, дополненный и обработанный имъ впослѣдствіи.

Будетъ не лишне, кажется мнѣ, воспроизвести извѣстное уже стихотвореніе въ полномъ его видѣ по списку, въ точности кото-
рого нельзя сомнѣваться.

Измія мя, Боже,—воність Россія—
Отъ ядовита и лукава змѣя,
Его-же ждана адскія замлени,
Вывна вожда Іванки Мазепы.

Ахъ, тяжку горесть терплю, мати бѣдна,
Утробу мою снѣдастъ ехидна!
Кто мя дастъ слези, яко-же Рахилѣ,
Да плачу горко въ своемъ смутномъ дѣлѣ?
Се вторій грѣхъ, исполни смертна яда,
Мазепа лютій уби моя чада.
Унодобися Россія Давиду,
Иже отъ сына терпите обиду.

Авессаломъ сынъ бысть неблагодарній,
 Подобенъ ему Мазепа коварлій.
 Азъ возлюбихъ тя, яко мати сина,
 Откуду убо такова измѣна?
 Къ нему бысть моя материя любы,
 Тойжде изостри на мя люты зѣбы.
 Азъ сотворихъ и съ вѣломожи свѣдѣти,
 Тойжде смертная сплете на мя сѣти.
 Азъ, яко чадо, носихъ во утробѣ,
 Тойжде хощеть мя видѣти во гробѣ.
 Азъ напоихъ я отъ камене меда,
 Тойжде нагубна исполнитъ мя вреда,
 Толику на мя изринулъ есть злобу,
 Лютѣ снѣдающъ матерю утробу.
 Азъ, любяще мати выше мѣри,
 Чаяхъ отъ него спасенія вѣрѣ.
 Тойже бысть на мя бритва изощренна,
 Отъ него-же есмь лютѣ уязвленна.
 Како прелестихъся и не позахъ лиса,
 Ангела выдомъ, прелестію бѣса!
 Мнѣхъ, яко агнецъ, по волкъ ядовитій,
 Овчено лестно кожею покритій,
 Сладкій языкъ, по мерзкій дѣлы,
 Утай на мя пагубніе стрѣлы.
 Сахаръ во устахъ и сладкіе слова,
 Въ сердцу жаль, въ рукахъ погибель готова.
 О лицемѣре, о сатанинъ сыне,
 Терниемъ острымъ красящійся крине!
 Како простерти дерзнути еси длані,
 Лютыми матерь уязвляя раны.
 Аще-бы врагъ ми попосилъ сугубо,
 Терпѣла-бы казни его любо;
 Но отъ своего чада прелюбима—
 О колъ матери язва нестерпима!
 За моя хлѣбы, за моя трапезы

Горкія, враже, даєши ми слезы.
 Что моя вина, что сотворихъ худо,
 Чесо ради гонили мя, Іюдо?
 Горе прокляту тебѣ лицем'ру,
 Како смыль еси изжїнти вѣру,
 Юже подъ крестомъ и Евангеліемъ
 Утвердиъ еси твоимъ лобизаніемъ!
 Горе ти, горе злобы исполненіу,
 Подобенъ еси гробу поваленну,
 Где очесомъ явлеся красенъ,
 Внутрь ядовитымъ червіемъ ужасенъ.
 Горе ти, горе второму Каллу,
 Горе ти, горе погибелну сину.
 Проліяль еси звѣрски кровъ премногу,
 Яже немолчно гласить на тя къ Богу.
 Божіе храмы быша днесь вертепы
 Отъ Свѣйскаго лва и волка Мазепи.

Сообщ. В. Науменко.

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ НАЧАЛА ПРОШЛЫХ ВѢКА.

Хотя русская литература 1-й половины прошлаго столѣтія можетъ быть охарактеризована по преимуществу назаваціемъ «дѣловой», имѣвшей ближайшее отнosiеніе къ вопросамъ впѣшней и внутренней политики, но въ тоже время она не могла вполнѣ отрѣшиться отъ тѣхъ проявленій человѣческаго духа, которыя, помимо всякихъ искусственныхъ пріемовъ, просятся наружу, какъ отголосокъ обыденной обстановки жизни съ ея печальми и радостями. Этого рода литературныя произведенія едва-ли имѣютъ меныше значение для характеристики эпохи и литературного направлениія въ тотъ или другой періодъ, чѣмъ тѣ громозвучныя оды, панегирики и пр., которые захватили почти все содержаніе литературы 1-я половины прошлаго столѣтія. Въ ряду этихъ произведеній не послѣднее мѣсто должно принадлежать тѣмъ шуточнымъ стихотвореніямъ, которыхъ являлись изъ подъ пера писателей, какъ пародія на хвалебную лирику, и представляли изъ себя начатки того сати-

рическаго направлениа, которое широкой рѣкой потекло во второй половинѣ 18-го вѣка. Слишкомъ немного известно такихъ стихотвореній, но это никакъ не значитъ, чтобы ихъ въ действительности было мало: они, какъ произведенія, не имѣвши особенной цены въ глазахъ современниковъ, промелькнули, можетъ быть, только въ изустномъ пересказѣ, да иногда случайно попадали въ рукописный сборникъ, составленный какимъ-нибудь библіоманомъ своего времени.

Въ томъ-же рукописномъ сборнике Варлаама Ляцевскаго, изъ котораго мню приведены выше напечатанные стихи на измѣну Мазепы, я встрѣтилъ одно шуточное стихотвореніе, которое, весьма вероятно, принадлежитъ перу Феофана Прокоповича. Такое предположеніе является не невѣроятнымъ, такъ какъ изъ подъ пера Феофана вышло не мало сатирическихъ стиховъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій. А между тѣмъ стихи эти въ указанномъ сборнике помѣщены среди сочиненій Феофана; предъ ними «Emblemata et symbola» authore Theophane Prokorp., а за ними панегирикъ Иоанну Криштофу его-же. Не имѣя возможности опредѣлить, по какому именно поводу, составлены были эти стихи, я ограничусь тѣмъ, что приведу ихъ цѣликомъ, а для интересующихся даже и мелкими литературными фактами прибавлю, между прочимъ, что на поляхъ этого стихотворенія рукою некоего М. А. Максимовича, которому принадлежала эта рукопись, написано, что стихи сочинены въ 1735 году.

ОТЪ ИЛІИ ИНТЕНДАНТА.

Честній отецъ Герасимъ,
Чемъ мы тебе украсимъ
За хлѣбецъ твой питеиній,
Обиходецъ келейній?
Кто піетъ его, тотъ ціяніеть,
Да и рукою машеть;
А я хотъ отвѣдаю,
Что дѣлать не вѣдаю.
Хвалить тебе вси явно,
Хотя не весма славно;
Благодаренъ-же и я,
Вѣрній твой другъ Илія.

ОТЪ НЕЙМАНА ЖИДА.

Береть мене за сіе пітейцо оскома,
 А то есть честній промыслъ отца эконома.
 Люблю: сладко, пріятно,
 Въ ротъ течеть невозвратно.
 Когда бъ прадѣди нали такого достали,
 Въ пустыни на Мойссея вѣкъ бы не ронгали,
 Но взявшись за боки,
 Всѣ-бъ поднялись вскоки.
 Горко было бѣднимъ имъ, а намъ сладко пынѣ.
 Хвалять тебе, батюшка, въ Карповской пустынѣ,
 Хвалить самъ архіерей,
 Колыма наче азъ еврей!

ОТЪ УЧИТЕЛЕЙ.

Солодъ твой, о экономъ, кажется садъ Ноевъ,
 И сей бо дастъ надой лучше всѣхъ напоевъ.
 Но тамъ отецъ насыщеннъ, а сынъ подпалъ гнѣву,
 А твоему цорокъ тотъ не прилежить пиву.
 И честенъ ты за сіе, не боишься срама,
 Не какъ онъ обруганій отъ мерзкаго Хама.

ОТЪ КОЗАКА.

Вѣжитъ прочно жажда, бѣжитъ и нечалній голодъ,
 Гдѣ твой, отче экономъ, находится солодъ.
 Да и чудо онъ творить дивнымъ своимъ вкусомъ,
 Пьянь я, хоть и омочусь однимъ только усомъ.

ОТЪ МАЛЫХЪ ДѢТЕЙ.

Гдѣ ты, о бородушка,
 Заручилъ солодушка,
 Какова здѣсь не было?
 Такъ то пріятенье зѣло.
 Гдѣсь ты ездилъ далеко,
 Гдѣ птичіе молоко:
 Но неже слово слово (sic)
 Такъ сладко и здорово.

ОТЪ НОВГОРОДСКИХЪ ДВОРЯНЪ.

За честь твоего солоду
 Лобизнемъ твою бороду,
 Батюшка нашъ кормитель.
 Никто не можетъ сказать
 Въ якой стала благодати
 Твоя намъ добротель.
 Когда трудовъ твоихъ пиво,
 Что имѣется за диво,
 Пригожно разсуждаемъ,
 Новгородскія шалиги,
 Которую пьють яриги,
 Весма ужъ забываемъ.
 Да то чудо весма странно,
 Что хотя и непрестанно
 Пивце то изъ бочки лѣтса
 И течеть по вся недѣли,
 А намъ еще и доселъ
 Дивно какъ не пропадетъ.

Сообщ. В. Науменко.

ПО ПОВОДУ ВОВСТАНОВЛЕНИЯ КІЕВО-МЕЖИГОРСКАГО МОНАСТЫРЯ, НѢСКОЛЬКО СВѢДѢНИЙ КЪ ЕГО ИСТОРИИ.

Люди, дорожащіе памятниками родной старины, не могутъ, конечно, не порадоваться возвстановленію такой дорогой сердцу южно-русского народа святыни, какъ кіево-межигорскій монастырь, почти сто лѣтъ остававшійся въ запустѣніи и теперь возобновляемый благочестивою ревностью кіевскаго митрополита Платона.

Прекрасный уголокъ земли, богатый воспоминаніями своего славнаго прошлаго, претерпѣлъ было въ теченіи минувшаго столѣтія печальное подвореніе «мерзости на мѣстѣ святѣ», — неудачную попытку превратить мѣсто «спасенія душъ» въ промышленное заведеніе—фаянсовую фабрику съ крестьянскими рабочими.

Тихая обитель, пріютившаяся въ этомъ живописномъ уголкѣ, на правомъ берегу Днѣпра, между горъ, священныхъ для южно-

русского народа, привлекала когда-то къ себѣ благочестивые по-мыслы людей, лучшіе годы своей беспокойной жизни проводившихъ на окраинахъ русской земли, въ далекихъ степяхъ Запорожья, въ неустанныхъ военныхъ подвигахъ, въ постоянной «борьбѣ» за родную землю. Здѣсь, въ межигорскомъ монастырѣ, запорожцы искали «спасенія души», сюда стремились они «на проповѣ», на «послушаніе», здѣсь многие изъ нихъ находили и вѣчное упокоеніе, отсюда они получали своихъ духовныхъ наставителей, проповѣдниковъ и учителей и сюда несли свои пожитки на поминъ души. Не могла на такомъ мѣстѣ утвердиться фабрика: видно, и надмогильные камни вошли противъ нея. Прошло уже больше 20 лѣтъ, какъ прекратилась дѣятельность фабрики и безобразный «шумъ колесъ я умолкнулъ...» Исторія беретъ свое, и вотъ на нашихъ глазахъ Межигорье вновь готовится стать «тихою обителью». Не сомнѣваемся, что благостивая и трудящаяся братія, подъ руководствомъ энергичнаго игумена, умѣлого хозяина и просвѣщенаго человѣка, сумѣеть оцѣнить значеніе исторической народной святыни и не замедлить возстановить ее въ надлежащемъ видѣ.

Въ виду-то готовящагося возстановленія межигорского монастыря слѣдовало-бы подумать и о составленіи по возможности полнаго сказанія о его прошлыхъ судьбахъ. Существующія сказанія далеко не отличаются такою полною, да есть въ нихъ, конечно, и фактическія неточности: одну изъ нихъ я и имѣю въ виду указать въ настоящей замѣткѣ. Вообще и проблемы и неточности въ этомъ случаѣ весьма естественны, такъ какъ для возстановленія исторіи межигорского монастыря нѣтъ самаго существеннаго материала— монастырскаго архива: онъ сгорѣлъ до тла, «такъ что ни единой бумажки не осталось», во время пожара 1764 года, совершенно опустошившаго Межигорье.

Мнѣ удалось найти въ архивномъ хламѣ кievскаго губернскаго правленія нѣсколько дѣлъ, относящихся къ межигорской старинѣ ¹⁾, и вотъ главнымъ образомъ одно изъ нихъ даетъ возможность документально исправить ошибку, вошедшую въ печатныя сказанія относительно одного изъ архимандритовъ этой обители.

¹⁾ Дѣла эти, числомъ II, войдутъ въ приготовляемый мною 9-й выпускъ «Историческихъ материаловъ изъ архива кievскаго губернскаго правленія».

Въ числѣ архимандритовъ межигорскаго монастыря, управлявшихъ имъ съ 1732 г., показаясь, между прочимъ, у М. А. Максимовича¹⁾ архимандритъ *Никандр*, какъ игуменствовавшій съ 1753 г., а у Е. Крыжановскаго²⁾—*Никаноръ*; Н. Закревскій³⁾), признавая послѣднєе показаніе ошибочнымъ, называетъ тоже *Никанора*, какъ предшественника Гедеона Слонимскаго, причемъ говорить: «когда въ чмъ кончилось игуменство архимандрита Никандра—неизвѣстно». Всѣ три автора называютъ этого архимандрита предшественникомъ Гедеона Слонимскаго, игуменствовавшаго якобы съ 1762 года. Имѣющеся у меня въ рукахъ дѣло 1769 г. «Объ оставшемся послѣ межигорскаго монастыря архимандрита *Никанора* имѣніи» даетъ возможность точно установить какъ имя предшественника Гедеона, такъ и время и обстоятельства его кончины.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1768 года намѣстникъ межигорскій іеромонахъ Іессей доносилъ въ коллегію экономіи о «нечаянной того монастыря архимандриту *Никанору* отъ разбитія лошадьми смерти» и препроводилъ при этомъ опись имѣнію, оставшемуся послѣ покойнаго, и списокъ родственниковъ, которымъ должно было поступить это имѣніе по наслѣдству. Когда именно, т. е. какого числа умеръ архимандритъ—изъ дѣла этого не видно, но такъ какъ опись имущества его составлена 7-го февраля, то можно думать, что и смерть его послѣдовала въ первыхъ числахъ февраля.

И М. А. Максимовичъ, и Н. Закревскій, основываясь на одномъ и томъ-же источникѣ, на «Историческомъ извѣстіи о межигорскомъ монастырѣ», изданномъ въ 1830-мъ году, упоминаютъ впрочемъ и Никанора, говоря, что онъ былъ назначенъ въ 1776 году на мѣсто Иларіона Кондратюка, но «на пути де въ Межигорье убить былъ иснуганными лошадьми». Надо думать, что этого другаго Никанора вовсе не было, что этотъ фактъ смерти «на шуті», известный уже автору «Исторического извѣстія», относится именно къ тому Никанору, который ошибочно названъ Никандромъ и который быть, дѣйствительно, предшественникомъ Гедеона.

¹⁾ Собрание сочинений М. А. Максимовича т. II, стр. 281—283.

²⁾ «Кіево-межигорскій монастырь» въ «Кіевскому Епархіальному Вѣдомостику» 1863 г., № 23 и 24.

³⁾ Описание Киева Н. Закревскаго, т. II, стр. 491—494.

Имеется у меня и другое дѣло, которое подтверждаетъ, что въ межигорскомъ монастырѣ игуменствовалъ предъ Гедеономъ не Никандръ, а Никаноръ, къ которому и надо отнести все то, что разказываютъ М. А. Максимовичъ и Н. Закревскій о Никандрѣ: это—дѣло киевской губернскай канцеляріи 1759 года «по челобитью киево-межигорскаго монастыря архимандрита Никанора съ братиєю о выдачѣ въ тотъ монастырь съ представленныхъ на с. Евменкѣ и на принадлежащія къ нему угодья крѣпостей выписи».

Зная годъ смерти архимандрита Никанора, можемъ теперь съ уверенностью сказать, что архимандрит Гедеонъ не могъ игуменствовать съ 1762 года, следовательно не при немъ былъ и пожаръ 1764 года, о которомъ Н. Закревскій сообщаетъ на основаніи документовъ архива св. синода, и не ему принадлежитъ возобновленіе монастырскихъ построекъ: Гедеонъ могъ быть назначенъ игуменомъ не раньше февраля мѣсяца 1768 года, когда скончался Никаноръ.

О личности архимандрита Никанора весьма немногія свѣдѣнія можно извлечь изъ выше названнаго мною материала.

Отставая хозяйственныя интересы своего монастыря, этотъ архимандрит заключилъ въ 1757 году двѣ сдѣлки съ монастыремъ киево-михайловскимъ: по одной покончилъ давнее спорное дѣло и учинилъ раздѣлъ боровъ и лѣсовъ между селами Евменко и Боденьками, на которые одинаково претендовали оба монастыря; по другой—условился съ тѣмъ-же монастыремъ съобща отстаивать эти боры и лѣса отъ притязаній монастыря братскаго. Въ 1759 г. эти сдѣлки, вмѣстѣ съ другими монастырскими крѣпостями, представлены были въ киевскую губернскую канцелярію для святія съ нихъ копій и выдачи выписей «для объявленія въ полковомъ черниговскомъ судѣ и впередъ ежели гдѣ въ прочихъ судебныхъ мѣстахъ случай когда востребуетъ»: подлинныхъ документовъ не хотѣть по всякимъ такимъ случаамъ выпускать изъ своего архива предусмотрительный архимандритъ, опасаясь, чтобы «какимъ случаемъ попортиться и потеряться не могли».

Архимандритъ Никаноръ, по всей вѣроятности, былъ родомъ изъ гадяцкаго полка, гдѣ проживала и родная сестра его Ульяна, дѣти которой наследовали и оставшееся послѣ него имѣніе. Всѣхъ этихъ дѣтей, племянниковъ и племянницъ архимандрита, было пять. Одинъ племянникъ и двѣ племянницы были «мужичого званія» и

жили въ гадяцкомъ полку, но троє дѣтей ихъ, т. е. внуковъ архимандрита, жили въ Кіевѣ и «содержаны были всѣмъ нужнымъ въ ученію отъ покойнаго архимандрита»: двое изъ нихъ учились въ кіевской духовной академіи, а одинъ находился «въ обученіи руко-дѣльного спесарскаго мастерства». Племянница Нелагія была замужемъ за священникомъ фроловскаго монастыря Филиппомъ, а племянникъ Алексѣй Гладкій былъ «намѣстникомъ» (священникомъ) въ м. Гоголевѣ кіевскаго полка. Этотъ гоголевскій намѣстникъ и явился съ довѣреностями всѣхъ прочихъ родственниковъ за получениемъ оставшихся послѣ архимандрита вещей, которыхъ и были выданы ему уже при архимандритѣ Гедеонѣ. Нѣкоторые изъ вещей, значившихся въ описи, былидержаны въ монастырѣ, такъ какъ, по объясненію архимандрита Гедеона, представленному въ губернскую канцелярію, составляли не личную собственность покойнаго архимандрита, а монастырскую, занесены же были въ опись братію «по незнанію того, ошибочно, и за отлучкою знающихъ о томъ довольно іеромонаховъ въ Сѣчь запорожскую». Удержаны были въ монастырѣ: 1) раса камлотная черная зъ лиштвами материальными вишневыми и ковдра вибоячатая подъ полотномъ на бавелиѣ, потому что справлены были на счетъ монастырской казны и въ книгѣ шафарской записаны; 2) одѣвало медвѣжье, покрытое зелеными сукномъ, взятое было архимандритомъ Никаноромъ въ свою келію изъ монастырской конюшни; 3) «чайникъ одинъ и горщикъ одинъ красной мѣди» дѣланы въ монастырѣ котляромъ Натерму-Фіемъ изъ монастырской мѣди; 4) Библія кіевской печати, подаренная пещерскимъ типографомъ Самуиломъ Рубчановскимъ въ монастырь, а архимандритомъ взятая въ келію только «для прочету»; 5) часы столовые съ звонкомъ, подаренные «не собственно персонѣ одного архимандрита», а вообще для архимандритскихъ келій бывшимъ кошевымъ атаманомъ Алексѣемъ Бѣльскимъ; часы эти и исправлялись на счетъ казны монастырской; 6) полурясокъ лисій покрыть китайкою: о немъ іеромонахъ Дорофеи заявилъ, что де въ минувшемъ 1767 году архимандритъ Никаноръ, «будучи въ его келіи, при отходѣ, безъ всякого его дара, самъ по власти своей, на себе взялъ его шубу лисиую, покритую черною китайкою, зъ оною отишоль въ свой покой, и хотя тогда было то ему, Дорофею, съ обидою, но яко тогда былъ онъ (архимандритъ Никаноръ)

первая власть въ монастырѣ, и такъ отдачи того требовать не смѣть, которую архимандритъ Никаноръ, за отлучкою его, Дорофея, въ Сѣчь запорожскую, и перенесъ себѣ на полуяреокъ».

Судя по составленной описи, собственное имущество архимандрита Никанора не отличалось сколько нибудь значительнымъ богатствомъ. Три шубы—лисья, пещовая и тхорона, кожухъ крымскихъ рудыхъ смушковъ, два полураска, двѣ рясы и четыре кафтана—вотъ и вся одежда, бѣлья весьма немногого, посуды сколько нибудь цѣнной и совсѣмъ почти нѣтъ, по крайней мѣрѣ серебряная вещь названа одна—«пакаль въ пуделку маліованномъ».

Денегъ въ описи находимъ: «червонцою поединковыхъ 15 и имперіаль въ 10 рублей единъ».

Кияги—исключительно богослужебныя, числомъ 9.

Во время игуменства архимандрита Никанора, но въ его отсутствіе изъ монастыря, въ 1764 году въ іюнь мѣсяцѣ въ межигорскій монастырь присланъ бытъ изъ Петербургъ по высочайшему повелѣнію «малороссіянецъ Антонъ Любимскій», съ тѣмъ, чтобы онъ, «по усмотрѣнному въ немъ поврежденію ума», содержался въ монастырѣ подъ присмотромъ неотлучно, при чёмъ на одежду ему вѣльно выдавать изъ малороссійского скарбу по 50 рублей въ годъ. Этотъ загадочный «малороссіянецъ», не смотря на поврежденіе своего ума, 3 сентября того-же 1764 г. умудрился бѣжать изъ монастыря и послѣ тщательныхъ поисковъ нигдѣ не былъ розысканъ.

Время игуменства архимандрита Никанора представляеть особыній интересъ, между прочимъ, потому, что именно въ это время тотъ безшокойный элементъ, изъ котораго формировались гайдамацкія шайки, нерѣдко находилъ себѣ приютъ въ Межигорыи, что и заставляло заподозрѣвать самъ монастырь въ укрывательствѣ гайдамакъ. На сколько архимандритъ Никаноръ обнаруживалъ въ этомъ отношеніи «слабое смотрѣніе»—трудно сказать; но, по всей вѣроятности, именно нѣкоторая слабость этого смотрѣнія породила тѣ «непорядки», которые, уже при архимандритѣ Гедеонѣ, обличали єромонахъ Савва въ 1769 году¹⁾.

Ал. Андріевский.

¹⁾ См. въ 6 мѣс. выпускѣ «Історическихъ материаловъ», стр. 30—41. Сущность донеса Саввы и заключается именно въ укрывательствѣ лицъ, разыскиваемыхъ властями.

ВРОШЕННЫЙ ИЗЪ-ЗА УГЛА КАМЕНЬ.

Нѣкто, подпісавшійся буквою N, напечаталъ въ юньской книжкѣ «Кievской Старинѣ» статейку, подъ заглавіемъ: «Случай изъ жизни Н. И. Костомарова».

Въ этой статейкѣ г-нъ N опровергаетъ мой разскaзъ о встрѣчѣ съ Костомаровыи въ Императорской Публичной Библіотекѣ по выходѣ въ свѣтъ 1-го тома «Історія Возсоедиенія Руси», приводя изустный разскaзъ самого Костомарова. По его словамъ, Костомаровъ назвалъ себя сыномъ человѣческимъ, а меня предающимъ его лобзателемъ, и этимъ будто-бы даль мнѣ знать, что прочель уже 1-й томъ «Історія Возсоедиенія Руси».

Не было надобности Костомарову давать мнѣ объ этомъ знать, такъ какъ онъ раньше, вежели кто либо въ столицѣ, имѣлъ въ рукахъ мою книгу, которую нынѣшній обладатель его библіотеки и пайдетъ въ ней съ мою подпісью.

Костомаровъ бытъ выше такого пониманія литературныхъ отношеній, какое, вѣроятно, судя по себѣ, воображаетъ г-нъ N. Дружескій поцѣлуй его дѣйствительно бытъ для меня неожиданностю. Это можетъ засвидѣтельствовать мое письмо къ нему о нашей встрѣчѣ. Если-же оно не сохранилось въ бумагахъ покойнаго историка, то сошлия на поименованія въ моихъ воспоминаніяхъ семейства, въ которыхъ я бываль, въ Москвѣ, съ Костомаровыи и къ которымъ Костомаровъ никогда безъ меня неѣздилъ. Они знаютъ меня больше, чѣмъ г-нъ N. Пускай онъ спросить у нихъ: способенъ ли я прѣѣхать дружески, въ условленные дни, къ обѣду съ человѣкомъ, который бы назвалъ меня предателемъ?

Наконецъ, «случай изъ жизни Н. И. Костомарова», скѣпленный г-мъ N изъ двухъ описанныхъ мною сценъ свиданія, рѣзко противорѣчитъ изображенію Костомарова по отношенію къ его критикамъ, представленному весьма вѣрно г-мъ Беренштамомъ въ той же юньской книжкѣ «Кievской Старинѣ».

П. Кулишъ.

ПѢСНЯ НА КНЯЗЯ ДОМИНИКА ЗАСЛАВСКАГО.

Въ свое время Владиславъ IV, король польскій, готовился къ войнѣ съ турками: онъ нанялъ значительное число охотниковъ за границею и расположилъ къ войнѣ умы любившихъ его малороссійскихъ козаковъ, которые были собраны и готовы по первому его распоряженію двинуться на турокъ. Но польскій сеймъ и противодѣйствовавшіе волѣ короля магнаты рѣшительно противились намѣреніямъ Владислава и между тѣмъ вели кровавую брань противъ козаковъ подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго, обзываю послѣдняго бунтовщикомъ, хотя онъ былъ истинно преданъ королю Владиславу.

Нѣкоторые подвиги козаковъ за время этой борьбы были увѣдо-
вѣчены, какъ извѣстно, въ народныхъ пѣсняхъ. Одной изъ побѣд-
ныхъ козацкихъ пѣсень является ниже помѣщенная. Она составлена,
вѣроятно, послѣ несчастной для поляковъ битвы подъ Пилипциами
23 сентября 1648 г., когда они бѣжали, можно сказать, безъ вы-
стрѣла отъ Хмельницкаго. Пѣсня эта сохранилась въ рукописи,
въ Сѣнявской библіотекѣ, въ Галиціи, за № 379. Извѣстныйполь-
скій ученый Вацлавъ Александръ Мацѣевскій, во время своихъ
занятій въ Сѣнявѣ въ августѣ 1845 г., нашелъ ее среди другихъ
бумагъ и списалъ. Эта копія попала въ мое распоряженіе въ числѣ
другихъ рукописей Мацѣевскаго. Вотъ самый текстъ пѣсни:

Доминикъ съ коникомъ лежить,
Козакъ до вѣго бижить,
Лежати тоби, князю, не воѣвати,
Не будешь бити козаки, мои браты,
Рой, не будешь, наниче, безъ серца и головы!
Вернися до дому съ лахи, коли здоровый.
Познайте суды Бога святого, ляхове;
Дѣ слава ваша, достатки и гетьманове?
Козакъ убогій теперъ бижить воѣвати:
Покиньте своловлю, а мійте назъ за браты.
Теперь буде гораздъ, пойдемо на поганы,
Выѣбемо усихъ, що тилько есть бисурианы.

Сообщ. Н. С.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ О ВЕЛЕТНЯХЪ И ПЯТНИЦѢ¹⁾.

Велетни то були високи, високи люди, отъ якъ дерева. Якъ пиде, важуть, выбачайте, про себе, то... зверне верхъ дуба та й... Якъ теперъ люди хазяинують, такъ и тоди велетни хазяинували.

Разъ їде велетень, дивитъця, лизе що-сь по полю, а то були таки люди, якъ теперъ мы, орали соби—шисть воливъ, два погоничи и оратай, чи що тамъ. Велетень взявъ ихъ всіхъ на долоню, та й приносє до батька.

- Шо воно, важе, тату, таке?
- Де ты ёго взявъ? пита батько.
- Оттамъ на поля.
- Однеси, важе, сину, ёго туды, де ты взявъ, а тоди прыйди, то я тоби роскажу.

Той пишовъ, положивъ, де ихъ взявъ, и питаєця батька.

— Отто, важе батько, якъ мы цомрено, то таки люди будуть писля нась; нашихъ плугивъ не здолють, та пороблять свои тай будуть орати.

Оттаки люди маленьки и поставали теперъ, закончила рассказчица, и живутъ соби слава Богу и доси; а посли нась ще менчи будуть.

Одна дивка сидить підъ пятницею та пряде, та пряде. Коли чуе, щось подхode підъ вікно.

- А ты, дивко, прядешь?
- Пряду, важе.

А вона (пятница) якъ кине у вікно цілый пучокъ веретенъ, та й каже:

— На-жъ, важе, ци веретена, щобъ ты уси до свиту запряла; а коли не запрядешъ, важе, то не будешъ у съвiti житъ.

Та й лишила соби.—Дивка злякалася:

Що-жъ мени въ съвiti Божому робити теперъ? дума соби, бо хочъ якъ інвидко пряди, а бильше двохъ, або трохъ починиковъ не напрядешъ.

¹⁾ Записано въ с. Лебединѣ, кіевской губерніи, чагаринскаго уѣзда, отъ Хири Юхименковой.

А та, може, штуку зъ двадцать шпурнула веретенъ.—Що тутъ робить? Взяла вона та мерщій на одно веретено нитку, на друге нитку, на трете... абы швидче, абы швидче. Намотала вси до одного, взяла тай выкинула за викно, тай зачинилася.

Коли це, трехи перегодя, приходе пятница підь викно знову.

— А, каже, догадалась, каже, зрозумила, каже, що зробить: счастья маешь. Десь вывчилася добре, а то не жила-бъ у съвити, знала-бъ ты якъ присти підь пятницю.

А та дивка такъ ниць и впала.

НАРОДНАЯ ПІСНЯ О ШЕВЧЕНКѦ¹⁾.

Уродився тай Шевченко,
 Уродився тай удався,
 Тильки дурный его розумъ,
 Що въ салдаты записався.
 — «Не самъ же я записався,
 Записала мене мати,
 Записала мене мати
 Щей маленькимъ у салдаты» .
 —Ой повезли Шевченка
 Тисною улицею,
 Назадъ руки завязали
 Та билою сырьцею.
 Ой привезли Шевченка
 До нового трактиру,
 Тамъ Шевченка розибрали,
 Якъ мати народила;
 Посадили на креселку,
 Чорни кудри обстригали,
 Чорни кудри обстригали,
 А Шевченко умливае.
 «Розвивайся, суховерхій дубе,
 Бо на тебе морозъ буде,
 Роздивайся, та Шевченку,

¹⁾) Записана отъ бывшаго кантониста въ с. Лебединѣ, киевской губернії, чигиринскаго уѣзда.

Бо на тебе пріомъ буде!
Ой не плачъ ты, Шевченко,
Тай не плачъ, не журися,
Бери деньги бумажніи
Медъ-вина напыйся».
— Ой, ударився Шевченко
Та объ полы руками:
«Деньги мои бумажныи
Пропавъ же и зъ вами»!

Сообщ. Мих. Васильевъ.

6. Отъ Василия Матвеенка, Ломоносового зятя, шинкаря . . . ровского, за 2 стапа горѣлки привято 4 р. 80 к., а передъ симъ у него-жъ отобраль староста Федоръ за одинъ станъ 2 р. 40 к.

7. Отправленъ Грицко до Глухова для отіскання теки зъ крѣпостми и другихъ паперовъ и книгъ; и чрезъ него-жъ писано къ Василку, до г. Скоропадскаго и до Андрея Липия; на дорогу дано ему 15 к., а на паперь 50 к.

8. Рало стоящымъ въ деревняхъ нашихъ компанѣйцамъ, 24 человѣкамъ, дано па 24 порціи ихъ компанѣйскихъ, а именно 19 р. 20 к. Послѣ обѣда ездили я до Гузовки для осмотру тамъ ново-построеній церкви Покрова Пресвятой Богородицы и тамъ-же былъ у вдовы Ивановой Сулиминой ²⁰⁹⁾). Въ той поездцѣ Иванъ Григоровичъ згубилъ шаблю.

9. Были у пасть въ Перегонѣ значковые товарищи Леонтій Сорока и Семенъ Круковскій, комисаръ полковый, да писарь сотенный погарскій Туровъ. Шинкарка погарская Ганна за шинковый долгъ отдала 3 р. 50 к., а еще на ней осталось давнаго долгу 1 р., да сего-жъ числа вновь взяла станъ горѣлки. Компанѣецъ, присланый зъ Глухова зъ указомъ, отправленъ зъ роспискою о приемѣ указу, чрезъ которого послано писмо и до Савіцкого, писаря отставнаго лубенскаго, сторони дѣла правнаго своднаго и о сочиненіи проектовъ, да до повѣренного Іліі Квитницкаго, тако-жъ и до старости товкачовскаго о домовыхъ дѣлахъ, для пересылки зъ Глухова въ Перегонь.

10. Оный компанѣецъ отехалъ, которому дани 10 к. на дорогу. Навель гузовскій, вчора пріехавшій, чтобы его принять на старство, отехалъ и ему-же дани 60 к. Лукирка тако-жъ отехала, которой велѣли дать зъ Случка четвѣтку жита. Чернѣцъ чолинскіе запретили дрова возить изъ шупци для того, что намѣстникъ ихъ Варлаамъ Уманецъ умеръ.

11. Ради того запреценія посыланъ староста къ городничему въ Олешевку, по возвратился зъ пѣчимъ. За покраденное сѣно ваше свдоколція забрали евдоколскаго сѣна возовъ зъ 10 и отвезли въ футоръ. Грицко возвратился зъ Глухова и привезъ писма

²⁰⁹⁾ Говорить о вдовѣ одного изъ сыновей генеральшаго корунжаго Ивана Сулимы. О жалобахъ этой вдовы на Ханенка см. Сулимовский архивъ, стр. 107.

ко мнѣ и отъ Павла Скорупцы къ отцу его и къ Федору Шираю, которые къ нему при моемъ писмѣ отосланы въ Гриневъ.

12. Сего-жъ числа писалъ къ келарю Свѣнскому, за памѣстника въ монастырѣ чолинскомъ управляющему, чтобы позволено по прежнему возить дрова на обиходъ нашъ домовый.

13. Ивана Ханенка слѣпого жена Стефанида, Василия Солонины дочь, умерла.

14. Наняли у сагутевцовъ до окончавія зимої дороги возить дрова на десяти подводахъ зъ яхъ пущи за 8 гривенъ.

15. Отправленъ Стефанъ Каврайскій въ Глуховъ зъ 12 подводами для того, чтобы оными подводами навозить тамъ дровъ, люду и забрать оттолѣ хлѣбъ, имѣючійся въ Кочергахъ; ему-жъ дано на пиво и прочіе пужды 2 р.

16. Отправлены подводы въ Курковичи для забрания оттолѣ шулъ, бруса и тину и для разобранія тамъ болшой свѣтлицы.

17. Получено писмо о сѣнѣ у Косика забранномъ отъ сотника погарского Соболевскаго.

18. Переехали на почъ зъ Перегону въ Городище.

19. Исповѣдались и по милости Божіей причащались Святыхъ Тайнъ въ церкви городской, а по обѣдѣ вѣхалъ я къ Стародубу на ярмарокъ и почовалъ въ Левенцѣ у Федора Корецкаго.

20. Рано прибылъ въ Стародубъ и слушалъ обѣдни въ церкви Рождества Богородицы, а обѣдалъ въ своемъ домѣ зъ швадромъ Федоромъ Корецкимъ, зъ которымъ и по ярмарку ходили довольно. Вечеромъ былъ у мене зъ женою своею швадеръ Александръ Корецкій.

21. Рано у мене были полковая старшина, потомъ ходили по ярмарку, а передъ обѣдомъ пріездили ко мнѣ въ домъ обозного енералного Якова Лизогуба синъ, женившійся въ Смоленску на шляхтанцѣ Рачинской Татіанѣ, Глії Лизогубѣ, просилъ къ себѣ на вечеринку, почему и былъ я у него въ домѣ судіи полкового стародубовскаго Рубца на оной вечеринцѣ, гдѣ засталъ полковника Максимовича зъ старшиною полковою и другихъ мужеска и женска полу знатныхъ персонъ, и забавлялись даже до 12 часа.

22. Званы обѣдать къ полковнику Максимовичу, а передъ обѣдомъ былъ я у графа Ивана Ивановича Владиславича и у Григорія

Скорупцы; потомъ обѣдали у полковника и довольно пили, а отъ него пошли къ Андрею Миклашевскому и тамъ пили, также игуменъ въ домъ пріехалъ, и за мною вслѣдъ и Андрей Миклашевскій зъ зятемъ своимъ Чарнолускимъ пріездили.

23. У войта стародубовскаго Коменка за пеньку надлежащіе всѣ сполна денги отобраны и за вино, передъ симъ для насъ купленное имъ, расплаты 38 р. учинена; такожъ за разные покупки, на ярмарку справованные, расплатившись *in summa* 109 р. и простясь зъ полковникомъ Максимовичемъ и капитаномъ Ланкомъ и женою его, отехалъ зъ Стародуба и прибылъ въ Перегонъ въ 10 часу передъ полуночью.

24. Иванъ Гамалія, пивагерь изъ женою и дѣтми, прибылъ рапо къ вамъ въ Перегонъ и отобѣдавъ, поехалъ на Глуховъ въ свои украинскія деревни²¹⁰⁾.

25. Прибыли подводы зъ Товкачовки зъ піпеницею и просомъ. Писали писма до полковника полтавскаго Кочубея, до Скоропадскаго, до Федора Чуйкевича, до сына Василя зъ яѣкоторою посылкою и до Іосифа племѣнника.

26) Противъ сего числа въ 6 часу по полуночи, родился миѣ синъ и нареченъ по числу 24-му сего-жъ мѣсяца Иванъ и окрещенъ марта 3; воспріемщиками были²¹¹⁾... Зъ писмами вчора писанными и зъ яѣкоторою посылкою отправленъ въ Глуховъ Леонъ Булаховъ. Компанійцамъ па другой мѣсяцъ отданъ фуражъ и такъ уже всѣ зимніе мѣсяци очищены.

27. Писали писма зъ посылкою родинного хлѣба къ полковнику Максимовичу, къ Григорію Скорупѣ и къ Федору Корецкому, а къ прочимъ безъ писемъ таковыи-же хлѣбъ посланъ чрезъ Грицка и чрезъ Каврайскаго, который сего числа прибылъ зъ Глухова зъ разными писмами, такожъ и компаніеъ зъ указомъ изъ канцеляріи енералной въ дѣлѣ Соколовскаго. Отправлены товкачовскіе люде обратно въ дома свои, чрезъ которыхъ посланы три куфи горѣлки, зъ Василіовки взятые, а въ оныхъ въ одной становъ 8, другой 7½, въ третей 7, да при нихъ-же отпущены и воли паші 8 тамошніе,

²¹⁰⁾ Иванъ Михайловичъ Гамалія, жившій с. Великихъ Пескахъ, лохвицкаго уѣзда.

²¹¹⁾ См. ниже 3 марта.

и о томъ такожъ и о прочемъ писано къ тамошнему старостѣ. Сдѣланъ контрактъ зъ маляремъ стародубовскимъ Василиемъ Григорьевымъ, который имѣеть дѣлать до избы столовой въ Городищѣ шпалеры, и опому уговореній цены дано половину, то есть 10 р., такожъ полусмакъ жита и полусмакъ конопель, а прочее должно быть отдано по отдѣлки тихъ шпалеровъ; онъ-же имѣеть и коло оконъ звнутри малювать своимъ коштомъ. Сего-жъ числа рощотъ и расплатка ученица зъ комисаромъ сотеннымъ погарскимъ Зеленскимъ въ порціяхъ и раціяхъ за всѣ шесть зимніе мѣсяцѣ, 1742 г. октобрія зъ 15, 1743 г. апрѣля по 16 число, и взята у него квитанція.

28. Позичены деньги Истру Троносенку до весеннаго Николая, а Кондрату Алексіенку до осеннаго и въ томъ взяты у нихъ обѣкти. Въ винникомъ Гришаномъ за работу его въ винницѣ па Василію росплатка ученица по щоту и дано ему денегъ 1 р. 35 к.

Мартъ.

1. Писаны письма въ Глуховъ къ г. Скоропадскому, къ Федору Чуйкевичу, до Матвія Холодовича, до сина и до Іосифа, такожъ допопшеніе въ войсковую спералную канцелярію противъ указу о поездѣ до Глухова, присланного чрезъ компанійца, чрезъ котораго оно и тѣ писма отправлены. Уговорена жена дяка курковскаго Наталія дѣлать два килимы до новыхъ пашнихъ свѣтлицъ и дано ей на харчъ полчетверти проса, полторы четверти жита, да за цѣфты до прежде здѣланнаго килима велѣли ей заплатить 24 к. шинкарю курковскому. Староста отправленъ въ Лотоки; подводами-же повезено вчора туда-же жита осмачокъ 8 для продажи Федору Пригарѣ, да ему-же приказано дать четвертку жита женѣ..., который сталъ у насъ въ Городищѣ рѣбѣть горѣлку въ винницѣ, и для отдачи той-же женѣ 20 к.

2. Надвечери прибыли къ намъ въ Перегонъ Федоръ самъ, а Александръ Корецкіе зъ женою и зъ вими посы Алексій Хелкідоцкій.

3. Рало ионпрѣздали въ домъ нашъ перегонскій Григоріевъ Скоруппіна, Анастасія Шираевна, потомъ и мужъ еи, да Григорій Гамалія холопецкій зъ женою, сотникъ погарскій Соболевскій зъ женою и прочіе, а на остатокъ и вдовствующая Григоріева Гамаліна зъ Борщева, въ которыхъ присутствіи синъ нашъ Іванъ окрещенъ, а воспріемниками были Федоръ Корецкій и Анастасія Гри-

горіева Скорупина; потомъ начали обѣдать, а между обѣдомъ пріехала бунчучная енералная Галецкая и другіе погарци, которые долго позабавившись въ ночь и повечерявши, розехались.

4. Сего числа отобѣдавши у насъ бунчучная, Скорупна зъ женою и Корецкій, розехались по домамъ, и я занемогъ на катарь и кашель.

5. Привезено зъ Стародуба отъ Карла котляра новые три трубы, въ которыхъ вѣсу 16 фунтовъ.

7. Федору Корецкому сынъ родился и названъ Василіемъ; онъ-же крещенъ 13 для сего мѣсяца.

6, 7, 8, 9 и 10 продолжалась болѣзнь моя зъ немалымъ кашлемъ, чего для никуда зъ дому не бывалъ.

11. Прибылъ жолдакъ зъ указомъ изъ Глухова, чтобъ мы туда ехать для дѣла зъ Соколовскимъ, но на оный указъ учленено отъ мене отвѣтиое донощеніе.

12. Зъ онымъ доношеніемъ тотъ жолдакъ отехалъ, а староста нашъ прибылъ зъ Лотоковъ и привезъ десять за медъ доцравленыхъ 3 р., да провіантовыхъ 5 р. 80 к.

13. Отправленъ Грицко въ Глуховъ 14 для пріготовленя тамъ меду и вина, которому дано 8 р. 10 к., и чрезъ него-жъ писаль до Івана Гамаліи, до Федора Ширая, до Линія, до Федора Чуйкевича, до Василя сипа и до Іосифа ілемѣнника, и посланъ туда-жъ дзигарокъ Александра Корецкого.

14. Отправлень Стефанъ Каврайскій въ Курковичи и въ Симіоновку за солодомъ на пиво и за проптими нуждами, чрезъ котораго посланы 2 писма: 1, до Семена Иванова Пустоты, 2, до дозорцы Ропскаго дворецкого, чтобъ позволено подрядить въ Карпови- чахъ сто вонъ драпъ.

15. Получиль писма зъ Глухова чрезъ атамана компанійскаго полку чосниковаго Василия Соколовскаго, уволеннаго уже отъ службы компанійской, за которымъ писано отъ мене до есаула іхъ полковаго Семена Іосифова, чтобъ его заслуженное все сполна было ему отдано.

16. Отправлень староста перегонскій въ Стародубъ для варепя пива и за другими домашними потребами, которому между проптими велѣль въ Случку отобрать 2 р. 73 к. денегъ и держать въ росходъ въ Стародубъ на юто надобно.

17. Винниевъ заплату учинилъ за 20 становъ на Василювцѣ и за 15 въ Городищѣ виробленыхъ куриломъ и дано ему за все 2 р. 10 к., да новому виннику, на Василювцѣ работаючому, Ивану Столярову за 10 становъ 60 копѣекъ. Писалъ къ Іосифу племѣннику въ Глуховъ о разсиченю меду и о пивѣ въ людѣ, и оное писмо отправлено чрезъ Чаусы въ Новгородокъ при писмѣ къ атаману новгородскому для отсылки въ Глуховъ. Привезено зъ Глухова три осмачки солоду, купленного въ Симіоновцѣ. Рахованъ Іосифъ Ноздра въ хлѣбѣ имѣючомся на его рукахъ, которого еще на немъ довелось, зъ скопщиною 1741 и 1742 годовъ, 70 осмачокъ, одна четвертка и четверушка жита, осмачокъ-же 30 зъ четверткою имѣть теперь отдать, а на 40 осмачокъ дать облѣкгъ, что имѣеть отдать сего году въ септевріи мѣсяци.

18. Писалъ въ Глуховъ до г. Скоропадскаго за Вовдею Васильюю Сластіонискою, а до Іосифа племѣнника обѣ ней-же и о меду и пивѣ, якъ и вчора, да до сотника шептаковскаго Манковскаго о казаку кистерскомъ Мартину Самсонову, которому пози-чены и 3 р. денегъ до Тройци, и взялъ у него-жъ облѣкгъ.

19. Получилъ писма зъ Глухова чрезъ Скрипова, служителя Іава Гамалию юдиновскаго; да у мене-же, зъ Глухова ъдучи, быль прикажчикъ села, почеповскаго уѣзду, Лизогубовки, Симоновъ. Противъ сего числа почю превеликая пришла вода на греблю нашу городисскую и сего дня весь день великая вода безперерывно на всѣ ставы ишла. Кравецъ изъ Стародуба присланъ и покроилъ кунтушъ зеленый канавацовый, а туда отправленъ Василь за разными по-требами.

20. Ничего не случилось.

21. Принимаю лѣкарство. Староста возвратилъ зъ Стародуба, ибѣтого тамъ не спрavitши.

22. Приездилъ жолдакъ Семенъ Галушка зъ указомъ, чтобы я ѿхалъ въ Глуховъ, чрезъ которого отписалъ, что ехать за болѣзвію не могу, и того-жъ жолдака отправивъ, заплатилъ ему прогонныхъ денегъ 1 р. и на дорогу даны 40 к. Войти возвратилъся отъ возки бервеня, за которое на заплату дано ему денегъ 1 р. 90 к. Иванъ Ханенко слѣпый, обозного полкового кіевскаго Федора Ханенка синъ, а мой братъ, прибылъ къ намъ, которого жена Ивана Ханенка слѣпого, Стефанида Солониновна умре сего году февраля 13.

23. За Дмитра Шебеду, господаря нашего василевского, подданному волости ролской, жителю будницкому Василю Кручину заплатили мы долгъ его 1 р. 70 к., а передъ симъ ему-же Шебедѣ дано 1 р. 50 к.

24. Зварено пиво въ Погарѣ въ солоду семіоновскаго и привезено двѣ бочки и бочку квасу и поставлено въ лодовиѣ въ дворѣ перегонскомъ.

25. Привезенъ и медь разсичепный въ Погарѣ. Отправлень кравецъ Никифоръ и мамка Гапка, которымъ дано—кравцю 60 к., мамцѣ 40 к. Посланъ поездъ по Василка въ Глуховъ 4 конѣ и проче и дано на дорогу для коней 15 к.; да посланы-же писма до г. Скоропадскаго, до Василка и до Іосифа. Kavrajski castigatur.

26. Сего числа ввечеру жестокая припала была миѣ коліка и продолжалась до полуночи, чего для въ церкви на всенощной быть не могъ. Проехаъ днемъ Федоръ Ширай въ Глухова чрезъ Гринювку, а почю прибыль въ Городища судія полковый Павелъ Скоруппа.

27. Въ сей день Вѣханія Господня по отправленной службѣ Божіей въ Городицѣ обѣдалъ у мене Павелъ Скоруппа, а потомъ отехалъ до Гринева. Надвечери женщина въ Городища, Ничипора Семенцова жена, припѣть въ дворъ мой іерегонскій, галасовала и за то по чести наказана.

28. Отправлены писма въ Мглинъ до сотника Лисаневича стороны базисъ, чтобы припомнить Максиму Турковскому и оштушкахъ, такожъ обѣ отсылки писма моего до Василя Гудовича зъ писомъ къ нему-же отъ Федора Чуйкевича, где и. стороны желѣза къ нему Гудовичу писано. Дано квитанція Никону Вербіцкому, который былъ командиромъ надъ 24 компанійцами полку старого чесниковскаго, стоявшими въ моихъ деревняхъ, что отъ нихъ жадной обиды напимъ людямъ не показано.

29. Взять обѣдъ у Осиша Ноздры на 40 осмачокъ жита, должного памъ отъ него, что имѣеть оное отдать сего году въ сентябріи мѣсяцѣ, а теперь еще надлежитъ у него отобрать 25% осмачки.

30. Сыпъ Василь и племянникъ Іосифъ пріѣхали зъ Глухова.

31. Сего числа въ четвертокъ, по благости Божіей, удостоился исповѣдь имѣти и причащатися Святымъ Тайнамъ.

Априль.

1. Виннику лотоковскому Гришку за 21 станъ горбъки ви-
робленной заплачено 1 р. 26 к.; въ томъ числѣ зачтено 20 к. тѣ,
что чрезъ старосту для жены его было дано. Мамкою быть сиву
нашему Иану приговорена Федоска Товкачиха и дано для си дѣтей
корову, такожъ пшона и четвртку жита, а еще давать ей въ годъ
3 р. и четвртку жита.

2. Чубенокъ купибръ и Гришко стелмахъ отпущены въ Стадорубъ, которыми за работу дано Чубенку 40, а стелмаху 20 к.,
и на тому-же Гришку стелмаху депегъ пашихъ 70 к. имѣется.
Зъ Лотоковъ войть Федоръ Фурсовъ принесъ оробокъ 16 и глу-
шаковъ (глухарей) 2.

3. Въ сей Свѣтлаго Воскресенія Господня праздникъ синъ мой
Василь и другіе малые дѣти причащались въ церкви городецкой.
Вечеромъ прїезжала къ памъ Евдокія Бороздянка, Григоріева Гама-
ліна, поздравляющи зъ праздникомъ, и звала къ себѣ въ Борщевъ
къ завтрему. Въ вечеру-же привезъ ко мнѣ изъ енералной канце-
ларіи два указы полку стародубовскаго чесникового компаньецъ
Яковъ Юрьевичъ 1) по челобитю Соколовскаго о прибытии моемъ
до Глухова на 12 число сего апріля, 2) по комиссіи переводу и
своду книгъ правныхъ.

4. Въ пріемъ тихъ указовъ и что по онымъ исполненіе учи-
нено будетъ, дава тому-же компаньецу расписка и оный отправ-
ленъ. Мы рано отехали въ Борщевъ и тамъ, выслушавши обѣдни
и по отправленной процессіи, кушали обѣдъ у Григоріиной Гама-
ліной, а потомъ прибыли въ Перегонъ, где приходили къ намъ
деревенъ нашихъ войти и мужики зъ праздничнымъ поздравленіемъ.

5) Писаль писма въ Козелецъ 1) до госпожи Розумовской,
2) до дядка Федора Ханенка, 3) до обозного полкового Алексія
Подвисоцкого, 4) до отца брата, 5) до Янушкевича въ Чернѣговѣ,
6(до старости товкачовскаго Паленского и зъ оными отправленъ
племянникъ Іосифъ, которому на свободный пропускъ и пампортъ
данъ. Поцы и причетники церковные, такожъ козаки городецкие
были у насъ зъ праздничнымъ поздравленіемъ. Сего числа господарь,
на футорѣ Василіовцѣ бывшій, Дмитро Шебеда зъ женою и дѣтми,
ушолъ, раковью горбъки выпивши и пчолы пододравши, да и вин-
ника зъ собою увель.

6. Племянникъ Іосифъ, зъ помянутыми писмами отправленный до Козелца, отехаль зъ приданннымъ ему козакомъ зъ Лукина, которому даны на дорогу конь и 50 копѣекъ.

7. Привезла Федориха дячиха зъ Курковичъ килимъ новый, за который за роботу и цветы заплачено ей 1 р. 10 к.

8. Писаны писма о брату Івану Ханенку до отца его, а моему дядкѣ, чтобы ему опредѣлилъ селце Бобрикъ, до обозного Подвисоцкого и асаула Шума, до войта зъ громадою села Бобрика и до Мандрики сотника Кобицкого о дворѣ его жиломъ.

9. Братъ Іванъ Ханепко отехаль къ своему дому, которому даны 6 р., медвѣдя и оланча старая. Сего-жъ числа даны 3 р. старостѣ перегонскому за службу его сегоходную, а передъ симъ за него-жъ перенялись мы Федору Пригарѣ, дяку лотоковскому, 3 р. Въ ввечеру ушолъ Каврайскій невѣдомо для чого.

10. Оставлены въ домѣ громадскихъ денегъ курковскихъ и лотоковскихъ 23 р. для громадскихъ-же расплатокъ. Заплачено виннику городецкому за 12 становъ виробленныхъ въ тамошней винницѣ. Посланъ Іванъ зъ Кизенкомъ и Халимонепкомъ въ Кистеръ свѣдѣтельствовать тамошнаго козака Мартина Самсонова, которому обѣщали визычить 50 р., а уже дали 25 р. Василковѣ, сину нашему, продавилась болячка и много матеріи вишло.

11. Рано віехалъ зъ дому перегонского и попасовать противъ Ковпинки, а потомъ въ 4 часу по полудни прибыть въ Новгородокъ, где былъ у мене сотникъ зъ урядомъ, а потомъ и намѣстникъ зъ монастыря, отецъ Авксентій.

12. Были у мене Стефанъ жолдакъ мурошикъ и Тарасъ цегельникъ, зъ которыми чиненъ о ихъ работѣ роцотъ, а по роцотѣ постановили ехать имъ обояимъ на роботу въ Городище сего февраля 20 дня, о чемъ и къ женѣ писать чрезъ отправленного туда-жъ пильара, которому въ задатокъ и даны 40 к. Зъ Гойскою подрядились на 15 четвертей ватны по 20 к. и данъ ей въ задатокъ 1 р. При віездѣ моемъ зъ Новгородка былъ у мене сотникъ, я же верхи заездилъ въ монастырь и видѣлся зъ архимандритомъ Барнавою; потомъ отехавъ перевозился чрезъ Десну болѣе двухъ часовъ и зъ Пироговки отправилъ писмо къ атаману воронежскому Кирилу Слабѣю, включивъ писмо-жъ до Федора Чуйкевича, чтобы оное отправилъ въ Грузкую. Таже при немаломъ дождѣ принужденъ остано-

вится въ Богдановцѣ попасовать коней; а потомъ на силу доехаъ въ нѣсколько часовъ ночи до Гамалѣевскаго монастыря и тутъ на конюшенномъ дворѣ почовалъ.

13. Рано видѣлся зъ отцемъ архимандритомъ Софрониемъ Мігалевичемъ и у него чай пить; потомъ ходили зъ нимъ въ церковь и разговоръ имѣли о спорныхъ зъ Товкачовою ихъ маєтностей Дѣвицѣ грунтахъ и разграничениѣ тихъ грунтовъ чрезъ Ивана Даровскаго, господаря гетмана Скоропадскаго, чиненое видѣть и читаль, въ которомъ ничего о княжихъ ланахъ не упоминается; оттолѣ же въ въ 8 часу по полуночи вѣхавши, прибылъ въ Глуховъ въ 1 часу по полудни, въ домъ свой Бѣлополовской.—Theodorovicz avestatut. Вечеромъ былъ у г. Скоропадскаго и Валкевича и уже почю отъ нихъ пріехалъ.

14. Рано былъ у енерала и имѣлъ разговоръ о дѣлѣ Соколовскаго, где видѣлся и зъ отцемъ ігуменомъ гзуховскимъ Никифоромъ Грибовскимъ, который мнѣ сказовалъ, какъ оный Соколовскій публично въ канцеляріи мене безчестилъ въ суботу вербную; былъ-же я и въ генералной канцеляріи, где видѣлся зъ полковникомъ Тютчевымъ, судію Лисенкомъ, писаремъ Безбородкомъ, сотникомъ глуховскимъ Туряискимъ и Матвѣемъ Холодовичемъ; потомъ пріехалъ въ домъ, обѣдалъ зъ канцеляристомъ Закровецкимъ и Илью Квитницкимъ, и весь день въ домѣ былъ безотлучно.

15. Поутру ездилъ къ брегадиру Іллину и полковнику Тютчеву, потомъ былъ и у подполковника Лодижинскаго. Послѣ обѣда писаль къ старостѣ товкачовскому Шленскому противъ его писма о пріготовленіи въ дорогу кримскую, о бывшомъ сторожу Алексѣ и о протчемъ, и посланы чрезъ подводчика товкачовскаго и чрезъ Прокопа Дмитрѣнка пятеро коней нашихъ, 3 буланыхъ, да панюшки и куцій; писаль-же и о висилкѣ слода Качановскаго. Вечеромъ былъ у г. Скоропадскаго и у Алексія Федоровича Семенова.

16. Былъ въ городѣ рано и слушаль обѣди въ церкви св. Анастасіи. Обѣдалъ со мною інформаторъ Юндансъ, а надвечери былъ Квитницкій.

17. Посидалъ зъ писмомъ до Якова Марковича сторони тесли Иашки и отвѣтъ получилъ, такожъ прислали опъ табакерку мою, которую я посыпалъ къ нему въ Москву. Обѣдалъ у мене Стефанъ

Савіцкій, писарь старый полковый лубенскій, а посль того былъ у мене-жъ судія енералный г. Лисенко.

18. При писмѣ отъ войта нѣжинскаго Петра Стеріевича Тар-
ватиота прислали Романъ Яненко глуховскій двѣ барилци вина
блѣлого и судацкаго. Сей день весь былъ въ домѣ, какъ ради сла-
бости моей, въ свою ночь приключившійся чрезъ колотье въ правомъ
боку, яко и для прежестокой непогоды и студеной слоти во всѣ
дни, а найначе сее ночи и сего дня безперерывно продолжавшейся.
Въ вечеру поздно пріехалъ ко мнѣ Федоръ Чуйкевичъ и у мене-жъ
ночовалъ.

19. Оный-же Федоръ Чуйкевичъ и Ілія Квитницкій со мною
обѣдали, а по обѣдѣ приходилъ ко мнѣ поручикъ Евдокимъ Алек-
сіевъ Кишинскій, отправляющійся въ полкъ стародубовскій для завѣ-
довавшія описными и свободными маєтностями, зъ тѣмъ обявленіемъ,
что и въ деревняхъ въ Куроѣ и Чубаревѣ и въ Лотокахъ, для
описи мужиковъ и грунтовъ, онъ быть имѣеть. Я сегодня прани-
маль species, одѣ доктора Бока присланное.

20. Опый-же поручикъ Кишинскій рано у мене былъ и разго-
воровалъ о томъ-же дѣлѣ. Писалъ писма къ женѣ о нѣкоторыхъ
домовыхъ дѣлахъ и что дѣлать—меморіаль посланъ, тако-жъ до
сина Василя о поѣздкѣ его къ Глухову, и включены тѣ писма къ
сотнику для отсылки одтоль до Перегону.

21. Оны писма отправлены въ Новгородокъ козакомъ глухов-
скимъ. Сего числа рано прибылъ швагерь мой Иванъ Гамалій и
сталъ квартерою въ моемъ домѣ.

22. Взяты у сидѣлца въ коморахъ (лавкахъ) нашихъ Ермолая
Васильева перчатки за 80 к. и чаю полфунта за 40 к.

23. Отъ прошедшаго 17 числа первой разъ віехалъ зъ двора
и былъ у генерала, а обѣдали въ домѣ; посль-же обѣда были у
обозного енералного г. Лизогуба. Антоній музыкантъ прибылъ въ
Глуховъ. Ивану Андріевичу Гамалію подарили я книгу печатныхъ
указовъ імператора Петра 1-го, съ 1714 по 1722 годъ состоявшихся.

24. Пріехалъ зъ дому Стефанъ Каврайскій отъ жены зъ
писмомъ.

25. Ради воспоминанія коронації ея імператорскаго величе-
ства было, послѣ службы Божій и казана (проповѣди), отцемъ Ники-
форомъ Грибовскимъ, ігуменомъ монастыря Петроцавловскаго глу-

ховскаго говореннаго, соборное молебствіе зъ пушечною палбою, а потомъ быль банкетъ въ домѣ генералскомъ, но на ономъ генералъ не присутствовалъ за болѣзнью. 25 сего-жъ числа веселье было дочерѣ покойного отца Мойсея Богаевскаго зъ пѣвчымъ государевымъ Гавриломъ Головнею.

26. Отецъ архимандритъ гамаліевскій Софроній Мигалевичъ посыпалъ мене въ домѣ моемъ и вручилъ мнѣ копію розграниченья между ихъ мастиностями—Великою и Малою Дѣвицами и селомъ Товкачовою, въ полку прилуцкомъ 1715 году октобрія 14 дня чиненнаго гетмана Скоропадскаго господаремъ Іваномъ Даровскимъ. Сего-жъ числа отправленъ обратно Каврайскій въ домъ къ женѣ зъ письмомъ и чрезъ него послалъ по-троху чаю доброго и худшаго зеленого и шоты костяніе.

27. Постѣ поздня зъ дождемъ быль весма великий градъ, больше голубиного яйца, и сего-жъ дня даже до вечера просидѣль у мене Данило Карпѣка, да и докторъ Бокъ мене-жъ болнаго посыпалъ, а ввечеру прислалъ лѣкарства спеціесь и пігулки.

28. Онѣ пігулки и спеціесь принималъ я и весь день изъ избы викуда не выходилъ, а у Івана Гамалії Іванъ медведовскій Бороздна обѣдалъ и долго забавлялся. На лой и сталь до млина кочерезкого даны 10 к.

29. Присыпалъ капцеляристъ изъ суда енералнаго, чтобъ мнѣ явится въ судъ по дѣлу Соколовскаго, Андрей Мефедовскій, и посыпалъ мене-жъ інформаторъ Юндансъ и Федоръ Чуйкевичъ. Подали челобитные 2 па Соколовскаго и на членовъ, по его дѣлу въ судѣ засѣдающыхъ, и опы вручены Руновскому, писару полтавскому, для докладу самому енералу.

30. Посыпалъ мене знову докторъ Бокъ. Принята еще часть огорода мѣщанина глуховскаго Почепця, за которую землю и за прежнюю поступили ему платить въ годъ 1 р 50 к. Молодому Троцкому позичена кулбака молодецкая.

М а і ї.

1. Сидѣлцу въ пашихъ коморахъ, Ермолаю Василіеву тулянину даны за рукою мою двѣ карты: 1) о коморахъ, чтобъ за онѣ мимо насъ жадного платежа не давано; 2) что у него-жъ Ермоля, зъ первыхъ чисъ генваря сего году забрано сахаромъ, чаемъ и

перчатками на 3 р. 25 к. Племянникъ Іосифъ прибыль и зъ нимъ Качановскій, которое и о томъ доносили, что конь булавый, названный пѣвень, не доведенъ до Товкачовки, здохъ на дорогѣ. Обѣдали у насъ Данило Карпѣка, Стефанъ Савіцкій и Іосифъ Гамалія, а Іванъ Андріевичъ Гамалія¹¹²⁾ были зъ протчими на крестинахъ у полковника и комманданта глуховского Делятура.

2. Отправлены двѣ письма въ домъ: 1) до жены, 2) до сына Василя о скоромъ прибытии его оттоле сюда до Глухова.

3. Слушаны мои члобитны передъ енераломъ, а въ судѣ опредѣленіе якоесъ учипено о сочиненіи екстракта. Принимаю я знову проносные иѣгули. Писаль къ брату отцу Івану въ Козелецъ и до старости товкачовскаго о разныхъ тамошнаго господарства дѣлахъ.

4. Качановскій зъ Иваномъ Григоровичемъ отехали къ Товкачовицѣ, а оттоле имѣеть Григоровичъ отехать до Лохвицѣ, куда на свободный пропускъ зъ оборотомъ пашпорть, а что тамъ въ Лохвицѣ и Луцѣ справовать имѣеть, меморіаль ему-же отъ мене даны. Г. Скоропадскій посѣщалъ мене и софѣтувалъ побывать у генерала.

5. Рапо быль я у генерала и говорилъ сторони моихъ члобитенъ, потомъ быль въ комиссіи переводу и своду книгъ правныхъ. Вечеромъ быль у г. Скоропадскаго. Быль у мене обозный полковой чернѣговскій Молявка.

6. Ездилъ въ комиссію своду и просидѣль тамъ до поздни и предъ обѣдомъ быль у насъ подполковникъ Федоровичъ Алексій Семеновъ. Пріехали зъ Луки Гаврило Емченко и Остапъ Запорожецъ зъ писмами и подали вѣдомость, сколько хлѣба приходнаго зъ млина лучанскаго на лице имѣется.

7. Писалъ писма къ сотнику лохвицкому о дѣлѣ Остапа Никитенка зъ Коповою, до попа лучанскаго Федора Андріева о лѣсѣ и о томъ-же и о де-чомъ другомъ до Івана Григоровича. Послѣ поздня прибыль зъ Перегону синъ Василь и привезъ денегъ 18 р. Рапо были у мене обозный Алексій Подвисоцкій и асауль Шумъ полковой кіевскій.

8. Писаль къ женѣ о домовыхъ дѣлахъ и отправилъ Леска въ домъ, чрезъ которого и де-которая посуда и полотенъ 3 штуки,

¹¹²⁾ См. Примѣчаніе.

такожъ коляска и два возки, отправлены. Послѣ обѣда были у мене г.г. енералные подскарбій Скоропадскій, писарь Безбородко и старій канцеляристъ Холодовичъ; потомъ ко мнѣ-же пріездили полковникъ прилуцкій Григорій Галаганъ.

9. Былъ у мене рано Семенъ Чуйкевичъ. Обѣдали у насъ Іванъ Бороздна медведовскій и Стефанъ Савіцкій, а по обѣдѣ ездили въ борокъ, а отоль были у насъ Демянъ Рубецъ и писарь суда енералного Іванъ Пиковецъ. 9 числа пришла въ Клепаль¹¹⁾ вѣдомость, что Івану Андріевичу Гамалії дочь Елена родилась, которая крещена сего мѣсяца 15 числа. Воспріемнаками были я зъ воеводшою путивльскою, Авастасіею Александровною, Андрея Михайловича Леонтіева женою, да Іосифъ Гамалія зъ тещею Івана Гамалії, Маріею Зиповіевною Неплюевою¹²⁾.

10. Полковникъ лубенскій, вчора прибывшій до Глухова, первый разъ былъ въ коммісіи книгъ правныхъ, а надвечери и я ему въ квартирѣ его визиту отдалъ.

11. Подскарбій енералій г. Скоропадскій отехалъ до Григоровки¹³⁾ для свиданія зъ генераломъ-маюромъ Кейзерлингомъ и для раздѣлки о пожиткахъ, оставшихъ по дочерѣ его, бывшой за генераломъ-маюромъ Лавреномъ. Отправленъ въ домъ при писмѣ къ женѣ пріезжившій ко мнѣ, просачійся на старство, Лаврентій Козачинскій. Іванъ Андріевичъ Гамалія отехалъ до Клепаль, отпущеній до 24 числа сего маля, а вечеромъ былъ у мене полковникъ лубенскій г. Апостоль.

12. Въ сей день Вознесенія Господня послѣ службы Божой были у генерала, потомъ обѣдали у мене Петръ Ласкевичъ и Стефанъ Савіцкій, а послѣ обѣда ездили съ нимъ-же до подскарбія г. Постелникова.

13. Мѣщанину глуховскому Івану Мандзенку за 15 локотъ штофу для жены и за 5 локотъ сукна для Грицка Дмитренка, передъ симъ взятые, заплатилъ и отдалъ сипу его 21 р. Писмо до жены, которое отправилъ былъ чрезъ Лаврентія Козачинского, по-

¹¹⁾ Путівльскаго уѣзда; Клепалы Ив. А. Гамалія получиль въ приданое за первую женуо Марью Аненковою.

¹²⁾ По первому мужу Аненковою.

¹³⁾ Конотопскаго уѣзда.

слаль сего числа въ Новгородокъ чрезъ ундеръ-офицера гвардійцу Глуховскаго при писмѣ до сотника новгородскаго для отправы оттолѣ до Перегону.

14. На присланномъ отъ Гамаліи поездѣ отехалъ зъ Глухова и не доехавъ до села Холопкова, ось подъ коляскою зломалась, зачимъ принуждены медлить нѣсколькою времени, а потомъ проехавъ село Вязонку, за Клевеню понасали; оттолѣ-же проехавъ мимо Путівль и перевезлись чрезъ Сеймъ, прибыли до Клепалъ подъ чась вечери, где засталъ и тещу Ивана Гамаліи Марію Зиновіевну Неплюеву и Іосифа Гамалію.

15. Въ 12-мъ часу прибыли туда-жъ воевода путівльскій Андрей Михайловичъ Леонтіевъ и жена его Анастасія Александровна, такожъ помѣщикъ, недалеко отъ Клепалъ мешкаючій, Вощи-нинъ зъ женою своею Уланою Василіевпою, и крестили новорожденную дочь г. Гамаліи Елену, которая воспріемниками были: я зъ воеводою, а Іосифъ Гамалія зъ Неплюевою; потомъ обѣдали и довольно гулязі. Кума моя воеводша дарила мене хусткою и кошелкомъ, а я си стіонжкою золотою, у г. Гамаліной взятою. Оные-же гостѣ того-жъ дні и розехались.

16. Послѣ обѣда и я отехалъ зъ Клепалъ въ 3-мъ часу полуодни и проехавъ Вязонку, почоваль въ Дубровѣ.

17. Прибылъ въ Глуховъ въ 8-мъ часу пополуночи и просидѣли долго въ коммісіи; потомъ отехалъ зъ полковникомъ лубен-скимъ, у него обѣдалъ, а поездъ и. Яна Гамаліи отпущенъ обратно. Послѣ полдня были у мене архимандритъ гамаліевскій отецъ Софровій Мигалевичъ, ігуменъ рихловскій Мнемонъ Бороздна и сотникъ мглинскій Василь Лисаневичъ. Г. Скоропадскій возвратилъся изъ Григоровки.

18. Писалъ къ Ивану Гамаліи и къ воеводѣ путівльскому Леонтиеву, благодарствуючи за компанію, имѣючуюсь въ Клепалахъ. Надвечери былъ я у г. Скоропадскаго и у полковника лубенскаго.

19. Писалъ къ женѣ о прибытіи си до Глухова, чрезъ козаковъ мглинскихъ.

20. Отдана штука полотна парусного наметнику для прішиваня полъ до намету, зъ такого-жъ полотна дѣланного. Канцеляристъ Богинскій обявлялъ мнѣ, что велѣно чelобитную обратно отдать мнѣ, поданную отъ мене 29-го апріля.

21. Были на кушаню у писаря судового Ивана Цаковца, ради именинъ жены его Елены, и довольно гуляли, где имѣть разговоръ изъ бригадиромъ и изъ полковникомъ Тютчевымъ, однакоожъ въ домъ пріехали заврѣменно.

22. Въ сей день святыя Пятидесятницы израша были зъ поздравленіемъ у генерала на министерскомъ дворѣ, потомъ заездили къ брегадиру. Обѣдни и другого лабоженства слушали въ церкви святыхъ Анастасій, а послѣ обѣдни и весь день пробавили у писаря енералного Безбородка, ради крестинъ дочери его, новорожденной Александры, которой восирѣмниками были ассесоръ Яковъ Ивановичъ Денисовъ и подполковиця Семёнова.

23. Обѣдни слушали у церкви святого Іліи, а послѣ процессіи были у сотника глуховскаго Турянскаго зъ маюромъ Туровымъ и капитаномъ Шараповымъ и прочими на водкѣ; потомъ обѣдали у мене писарь полтавскій Руновскій и старый лубенскій Савіцкій, и весь день пробылъ въ домѣ.

24. Получилъ писма зъ дому: первое, чрезъ Павла Скорупу, который и обѣдалъ у мене; другое чрезъ Павла Булахова, зъ присыпкою барила оцту, сома цѣлого и двохъ книгъ и щотки, и его-же Булахова отпустилъ зъ отвѣтнымъ письмомъ. Сего числа ввечеру бѣжалъ кухарь Яковъ Варшаковскій и свесь сѣрую свиту, кожухъ, шапку, поясъ, двѣ пары кошуль и три ножи кухарскіе, да у господинъ Ганны своровалъ рубашку.

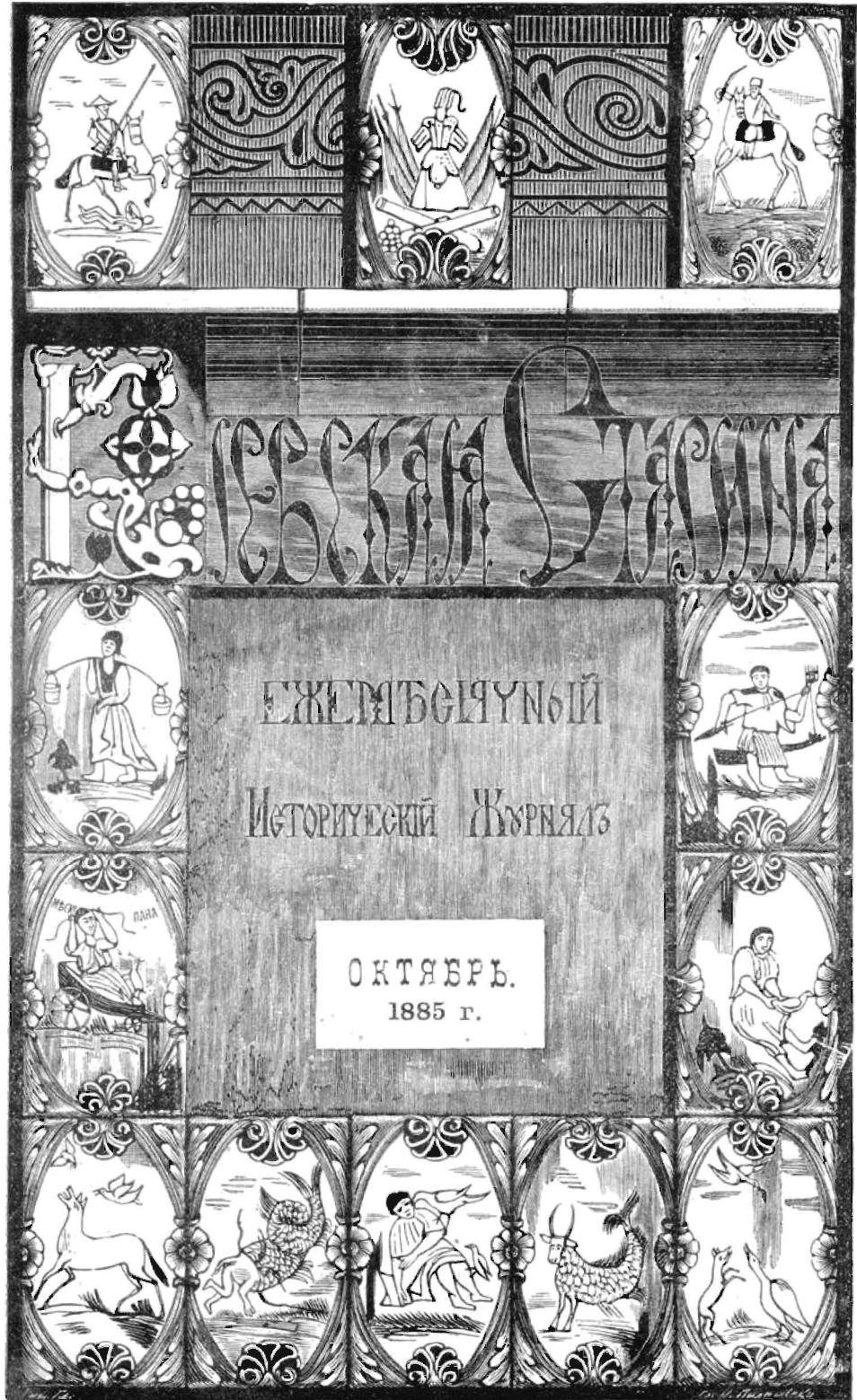
25. Наметнику для покупки тесемъ до поль къ памету данъ 1 р. Возвратилъся Дмитро чоповичъ юдиновскій зъ Москви, посланный туда отъ Ивана Гамалія за справкою Клепаль и другихъ деревенъ. Вечеромъ быть у обозного енералного г. Лизогуба и на дворѣ купленномъ швагра Ивана Гамалія.

26. Прибылъ Иванъ Гамалія въ Глуховъ и сталъ на своеимъ купленномъ дворѣ. Надвечера были у мене г. подскарбій енерал-ный Скоропадскій и полковникъ лубенскій Апостолъ.

27. Ничего не случилось.

28. Цередъ обѣдомъ пріехала жена.

29. Кушали у насъ обѣдъ г. Гамалія, молодой Скоропадскій, Далони Покорскій, Павель Скорупца, Стефанъ Савіцкій, сотникъ мглинскій Лисаневичъ и весь день забавлялись; потомъ прибыла

Кіевъ.

Въ типографії Г. Т. Корчака Новицкаго

«Компания „Маріверс“

СОДЕРЖАНИЕ.

Октябрь, 1885 г.

	СТР.
Объявление об издании журнала «Киевская Старина» на 1886 г.	
I. КОННЫЕ СУДЫ ВЪ ЛЬВОВЕРЕЖНОЙ УКРАИНѦ. Александры Е.	189
II. АДАНЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.—(Историко-биографический очерк). (<i>Продолжение</i>)	204
III. ДВѢ СТАРЫЯ УКРАИНСКІЯ ПѢСНИ ПО ПОВОДУ ИХЪ. Бориса Познанскаго	220
IV. ИВАНЪ ПОДКОВА. Исторический рассказ.— (Переводъ съ польского).	243
V. НЕСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВЪ КЪ ИСТОРИИ ГАЙДАМАЧИНЫ. А. Синальковскаго	277
VI. БИБЛIOГРАФІЯ: а) Александръ Барсуковъ. Родъ Шереметевыыхъ. Кн. I—IV. Спб. 1881—1884 г.— <i>П. Каманина</i> .—б) А. А. Матвеевъ. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи. Одесса. 1884 года.— <i>И. Каманина</i> —в) Рассказы изъ русской истории XVIII в. по архивнымъ документамъ. А. Барсукова. Спб. 1885 г.— <i>К. Цибульскии</i> .—г) Александръ Андріенскій.— Исторические материалы изъ архива киевского губернского правленія. Выпускъ 9-й. Киевъ. 1885 г.— <i>К. Л.</i>	319
VII. ИЗВЕСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Исторические материалы архива полтавской казенной палаты.— <i>Л. Дадалки</i> .—б) Любопытная рукопись одной частной библиотеки.—Сообщ. <i>А. А. Синицкой</i> .—в) Двадцатипятилѣтие Херсонскихъ Епархиальныхъ Вѣдомостей.— <i>В. Ястребова</i> .—г) Изъ народныхъ преданий о запорожцахъ.— <i>Я. П. Новицкаю</i> .—Изъ народныхъ разсказовъ въ Новороссії.—д) Письмо Августа II, короля польскаго, къ Семену Пазію.—Сообщ. <i>С-ко</i> .—е) Воспрещеніе гетманомъ Скоропадскимъ сборовъ на «галечь».—ж) Изъ письма въ редакцію (Цепера въ лебединскомъ лѣсу и остатки старинной живописи въ лебединскомъ монастырѣ).— <i>Мих. Васильеви</i> .—з) Какъ разсудили папъ староста Каневскій.— <i>Б. П.</i>	333
X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) (<i>Продолжение</i>).	200—224

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1885 года продолжается. Цѣна съ приложеніями въ пересылку 10 руб.—Адресъ: въ редакцію „Киевской Старинѣ“, Ніевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

КИЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XIII.

ОКТЯВРЬ.

1885 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицнаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

о бъ изданіи журнала

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

— НА —

1886 г. (у годъ издалихъ) 1886 г.

Журналъ «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытю, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будетъ выходить и въ слѣдующемъ 1886-мъ году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 и болѣе листовъ, подъ тою-же редакціею и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Годовое изданіе журнала составитъ три большихъ тома, каждый по четыре книжки и около 800 страницъ, съ общимъ для всѣхъ указателемъ въ концѣ года.

Редакція располагаетъ запасомъ материаловъ и статей, вполнѣ достаточнымъ для продолженія изданія въ прежнемъ составѣ и характерѣ. Принятое обычаємъ coinage главнѣйшихъ изъ нихъ будуть сделано въ слѣдующей книжкѣ.

Условія подписанія прежнія: подписанная цѣна годовому изданію въ 12 книжекъ 10 руб., съ пересыпкою во всѣ города россійской имперіи и доставкою на домъ въ Кіевъ, при получении изъ конторы редакціи 8 руб. 50 коп.. при выпискѣ за гравію 11 руб. Полугодичная или по четвертямъ года подписка не принимается. Раз-

срочка въ уплатѣ подписаныхъ денегъ допускается лишь по полу-
годіямъ, или по предварительному соглашенню съ редакціею, въ виду
нерѣдкихъ случаевъ недоплаты.

Гр. подписчиковъ нынѣшняго года, недоплатившихъ, или вовсе
не внесшихъ подписанной платы, редакція покоряѣше просить послѣ-
шить высылкою слѣдующихъ отъ нихъ денегъ, для заключенія сче-
тovъ по изданію нынѣшняго года.

Гр. новымъ подписчикамъ, желающимъ имѣть полные экземп-
ляры журнала за всѣ пять лѣтъ, дѣлается уступка 25% съ общей
за всѣ годы подпиской цѣны, выплачивающимъ за 4 года одно-
временно 20%, за три 15% и за два 10%.

*Адресъ: Въ редакцію «Кievskoj Stariны», Kievъ, Трех-
святительская улица, д. № 8. Тамъ-же и контора редакціи.*

Редакторъ-издатель *θ Лебединцевъ.*

КОПНЫЕ СУДЫ ВЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНѢ.

Немного выше Новгорода-Северского, въ Десну впадаетъ, съ лѣвой стороны, въ незначительномъ разстояніи одна отъ другой; исколко рѣчекъ: Знобовка, Свига съ притокомъ Бычихой, Иютка. Теперь уже почти пѣть лѣсеть въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ у насъ пойдетъ рѣчь; но свойства почвы указываютъ, что тутъ были нѣкогда боры. Въ актахъ XVI вѣка упоминаются ивотскіе бортники; еще въ началѣ прошлаго столѣтія бортиме урожаны играли видную роль въ хозяйствѣ теперенией очкинскай волости.

Село Хильчицы очкинскай волости (новгородской сотни, стародубскаго полка)—тотъ пунктъ, где совершился кровавый эпизодъ, описание котораго служить исходнымъ пунктомъ нашихъ замѣчаній и соображеній о копныхъ судахъ. Время, къ которому относятся эпизодъ,—1722 годъ, а наказнымъ гетманомъ въ то время былъ полковникъ черниговскій Полуботокъ.

Въ одно зимнєе утро, въ Филипповъ посты, подъ Хильчицами происходила такая сцена. Толпа народа двигалась отъ Хильчицъ по направлению къ соседнему бору. Кроме разнаго случайного люда, толпа эта состояла изъ почтенныхъ вотчинниковъ Хильчицъ, Очкова, Кренидовки, Мефедовки, Олтаря, Зноби, Кривоносовки, Глазова—однимъ словомъ, большаго района, захватившаго не только теперению очкинскую, но и часть протопоповской и жижевской волостей. Всѣ эти вотчинники съ атаманами, вѣтами, цанскими старостами, собирались въ Хильчицы для самовольнаго отправленія правосудія, и теперь конвоировали осужденнаго ими преступника

къ мѣсту казни; священникъ далъ преступнику предсмертную исповѣдь, сама пани Кутневская не побрезгала прѣхать на интересное зрѣлище. Преступникъ былъ «бортный злодій» Савка Розгоненко, сынъ одного хильчанскаго жителя, подданнаго пана Жоравки. Савку везли къ мѣсту казни на саняхъ, которыми управлять его собственникъ Якимъ Подоляка, хильчинскій подеусѣдокъ. Самозванные суды и въ то-же время налачи далеко не имѣли вида безстрастныхъ исполнителей правосудія. Озлобленіе къ преступнику простидалось до того, что, не смотря на всѣ его мольбы, никто не дадъ осужденному глотка воды. Его привезли къ соснѣ, которая должна была служить орудіемъ казни. Соучастникъ Подоляка долженъ былъ надѣтъ на шею осужденному петлю и тянуть его на сосну; «якъ оторвешься, то тебе повѣсимъ», говорили подневольному пазачу. Иные совѣтывали повѣсить обоихъ на одной веревкѣ черезъ вѣтку, и который перетяпеть, того и казнить. Конечно, это была только педагогическая угроза для Подоляки, такъ какъ настоящимъ преступникомъ въ глазахъ всѣхъ былъ лишь Савка Розгоненко. Тащить осужденного на сосну принялись многіе, въ томъ числѣ и хильчинскій дѣякъ. Трупъ былъ оставленъ на деревѣ. Когда съ Савкой уже было покончено, разложили подъ той-же сосной Подоляку и били его батогами.

Разумѣется, до уряда скоро скоро дошла вѣсть объ этомъ актѣ крестьянскаго самосуда, и началось дѣло. Слѣдствіе выяснило такія обстоятельства:

Савка Розгоненко былъ однимъ изъ тѣхъ отицемецевъ, которые, перескочивши разъ черезъ преграду, какую ставить каждое общество своимъ членамъ, въ видѣ принятыхъ нормъ нравственности и права, затѣмъ уже неудержимо, какъ по наклонной плоскости, двигаются въ этомъ направлениі. Началъ онъ съ выдиранія ичелъ; затѣмъ, когда пришлое потерпѣть правоученіе въ видѣ побоевъ отъ людей, которые заподозрѣли его, онъ сталъ мстить за себой: поджигатель хлѣбъ, строенія, рубилъ бортныя деревья. Но его противопубличная дѣятельность сосредоточивалась главнымъ образомъ на выдираніи ичелъ изъ бортей. Не задолго до описаннаго нами рокового финала, онъ подобралъ себѣ товарища Якима Подоляку, чрезъ котораго и раскрылось все. Познакомились они на молотьбѣ у Савкинаго батька. Разъ Савка повелъ Подоляку показать якобы

какую-то находку и привелъ его въ лозу на болото. Тамъ онъ показалъ ему полведра сотоваго меда и началъ его угощать: «мой то медъ, я самъ его промыслилъ», говорилъ Савка, когда Подоляка выражалъ ему свои сомнѣнія. Когда тотъ нашелся, Савка сказалъ: «ужъ ты отъ мене не откараскаешься». Черезъ нѣсколько дней Савка пришелъ за Подолякой, приглашая его идти вмѣстѣ на промыселъ. Упорство Подоляки Савка сейчасъ-же побѣдилъ такимъ аргументомъ: «якъ ты не пойдешь? бѣзъ еси со мною медъ». Когда смеркалось, они отправились: въ томъ-же мѣстѣ, на болотѣ въ лозѣ достали спрятанное ведро и лазиво, пришли съ ними къ сосѣдѣ, выкрасали огня и выдрали ичель; тамъ-же въ лозѣ и спрятали добычу. Съ этого дня они втеченіи нѣсколькихъ недѣль постоянно ходили на промыселъ: медъ ёли сами, одно ведро продали. А между тѣмъ люди узпали, что у нихъ въ лѣсу не ладно; пошелъ слухъ да счетъ того, что Савка Розгоненко съ Подолякой часто не бываютъ въ полночь дома. Однимъ словомъ, «люди узяли обыкъ», т. е. принялись за предварительное слѣдствіе. Оба заподозрѣнныя рѣшились по-добру по-здорову убраться отъ обыска изъ села и уѣхали въ Кульбаки къ дядѣкѣ Подолякину, гдѣ Подоляка и думалъ остаться на житѣе. Черезъ недѣлю ночью они оба пріѣхали въ Хильчики, чтобы еще выдрать ичель и захватить жену Подоляки и ея имѣніе съ собою въ Кульбаки. Но тутъ-то они и испугались. Увидали и допесли атаману Полудѣ, что Подоляка пріѣхалъ и хочетъ ночью увезти свою жену. Это обстоятельство возбудило въ атаманѣ пѣкоторое сомнѣніе: тотъ велѣлъ привести Подоляку и стать его спрашивать, зачѣмъ онъ пріѣхалъ за женою ночью, когда онъ человѣкъ «незачепный» и могъ-бы сдѣлать это днемъ. Подоляка объяснилъ, что на нихъ съ Савкой Розгоненкомъ «пословица пала, бо пчолъ багато подрано». Сомнѣніе атамана обратилось въ опредѣленное подозрѣніе. Онъ сейчасъ-же ночью позвалъ войта, старосту и еще нѣсколькихъ человѣкъ изъ хильчанскихъ хозяевъ. Послали за Савкой, который, по словамъ Подоляки, остановился съ конемъ на одномъ гумнѣ; но ни коня, ни Савки уже тамъ не оказалось. Подоляку задержали, какъ «нечестивого» человѣка. На утро во дворъ атамана собирались всѣ козаки и мужики хильчанскіе донаропливать Подоляку. Пока шелъ допросъ, пришелъ одинъ изъ хильчанскихъ домохозяевъ и принесъ ужинъ:

«отъ, панове, откинена сіенъ ноchi моя ужныця, що украдена була о Покровъ», Когда осмотрѣли ужныцю, она оказалась замазанной медомъ; тогда всѣ собравшіеся вотчинники сказали: «пойдемъ, кто має пчолы близъко, оглядимъ, чи нема кому шкоды». Пошли. Въ самомъ дѣлѣ, двое хозяевъ нашли своихъ пчелъ выкраденными той-же ноchi, такъ какъ пчелы были еще живыя. О результатѣ осмотра сейчасъ-же было сообщено на атаманскій дворъ. «Знать то Савка Розгоненко пакости чинить, какъ и прежде чинивалъ», сказали люди, и рѣшились по шляхамъ разыскивать Савку. Ноκа они совѣтывались, подошелъ человѣкъ изъ Глазова и говорилъ: «чи нема у васъ шкоды якои? Мы поймали въ селѣ своемъ Глазовъ злодія зъ конемъ и саними и зъ медомъ...» Оказалось, что глазовские люди его задержали и связали, и передали войту. Услыхавъ все это, хильчане рѣшились послать нѣсколькихъ домохозяевъ въ Глазовъ удостовѣриться, не ихт-ли это злодій. Въ самомъ дѣлѣ, это оказался Савка Розгоненко. Его привезли въ Хильчики въ атаманскій домъ. Собравшися тамъ люди сейчасъ-же послали за старостой пана Журавки, въ подданствѣ у которого бытъ Савка. Вмѣстѣ съ старостой пришли къ такому рѣшенію, что атаманъ долженъ послать въ разныя окрестныя села, въ Очкінъ, Крепидовку, Медедовку, Олтарь, Знобу, чтобы вотчинники этихъ сель на завтрашній день собрались въ Хильчики. Въ Кривоносовку не посыпали, такъ какъ староста пана Кутневскаго, кривоносовскаго владѣльца, самъ пріѣхалъ, просыпавъ, что пойманъ злодій, отъ которого пострадали и пчелы пана Кутневскаго. Вскорѣ поспѣхъ старости принесъ и еще одинъ житель Кривоносовки, и тогда староста пана Кутневскаго принялъся допрашивать Савку, пѣть-ли у него товарищѣ, и велѣлъ бить его батогами. Савка показать, что у него есть товарищъ Иванъ Малиненко, съ которымъ онъ и выкрадъ пчелы у пана Кутневскаго. Привели Малиненка и забили его въ колодки. Затѣмъ снова стали допрашивать Савку батогами, нравду-ли онъ показалъ на Малиненка. Подъ батогами Савка сказалъ, что онъ наговорилъ на Малиненка «по злости»: Малиненка пустили, а Савку опять стали бить шлями, допытываясь его полнаго сознанія. Привели Подоляку, который рассказалъ все, что зналъ; тогда, наконецъ, и Савка сознался во всѣхъ своихъ преступленіяхъ. Въ то время, какъ избитый злодій уже сидѣлъ на землѣ, пріѣхалъ Михай

Антіохъ. Одинъ изъ присутствующихъ сказалъ ему: «се той злодій, що и твой, пане Михей, чоломъ выкralъ и дерево зрубать». Тогда Михей, вставши съ санокъ, тоже ударилъ Савку нѣсколько разъ. «Що съ симъ злодіемъ будемъ чинити? много онъ людамъ подбѣять шкоды»... спросили опять у Михея. Михей отвѣчатель: «якъ збереться купа, повишати обохъ безъ суда, безъ права; я когдась уже такого судиль на Ивоти Ганжуля и велѣть повѣсити, да и проналъ за собаку, бо боржницкого злодія не ведуть на право мисное, але сами вотчини судятъ»¹⁾). После того всѣ разошлись по домамъ. На другой день собрались приглашенные вотчинники изъ окрестныхъ сель и составили купу на атаманскомъ дворѣ. Староста пана Журавки сказалъ купѣ: «що панове будемъ чинити? Повѣсити его, буде намъ всѣмъ недобре, выбьемъ его еще кіями да пустимъ, нехай опъ самъ спинетъ безъ нашего грѣха». На это отозвался Иванъ Лизень, одинъ изъ пострадавшихъ: «подобно и ты, пань староста, такъ хочешь, якъ Квѣтковскій староста, право намъ стерти, который, узвивши его Савку у дворъ до себе за злодейство, право намъ стеръ и отпустилъ его. Конечно уже треба его повѣсити». Всѣ ухватились за это слово. Но староста продолжалъ: «Що се ви хотите діяти? вже радытесь его вѣшати? Чи не будете сему отрекатися напотимъ?» Всѣ отвѣчали: «не будемъ, воля Божія». «Ну, сказалъ староста, когда не будете отрекаться, запишитесь по имени». Всѣ согласились, и еще сильнѣ начали требовать казни преступника. Подрѣзъ изъ Звоби говориль: «повѣсьте злодія, и я, коли що буде, рубля прикину; и другіе по рублю прикладными обѣщались бытъ за смерть обвѣшанного». А Аврамъ, олтарскій войтъ, говориль: «повѣсьте его, уже що буде вамъ, тое и намъ». Хильчанскій-же атаманъ все уговаривалъ пустить преступника на покаяніе. Но на это сказалъ олтарскій войтъ: «коли сего злодія пустите, такъ платите намъ селомъ шкоды, бо и въ нась двое выкрадено чоло». И еще иные кричали на хильчанскаго атамана: «Когда ты за злодѣемъ тягнешь, такъ ты и самъ злодій, плати намъ заразъ 100 злотыхъ, бо и въ моего зятя комора теперь выкрадена». При этомъ былъ и братъ пана Кутневскаго, но не насту-

¹⁾ Приводимъ кстати, что Львовский Статутъ (вторая его редакція 1529 года) давалъ право «коївъ» казнить вора, вейманнаго на кражѣ съ поличнымъ.

паль на згодбя, а только говорилъ, что къ нему приходилъ Савка меду продавать, съ такимъ договоромъ, чтобы о покупкѣ знали только они двое, и торговался на рубли да на талеры битіе, но тотъ отказался отъ покупки. Хотя большинство вотчинниковъ стояло на томъ, чтобы повѣстить преступника, но все-таки иные не рѣшались взять за себя это дѣло, и по окончаніи совѣщенія хотѣли разойтись по домамъ. Тогда староста пана Кутцевскаго крикнулъ: «стойте, не йдите со двора», затворилъ ворота и всѣхъ понуждалъ непремѣнно повѣстить Савку. Наконецъ позвали поца, и иослѣ исповѣди повезли преступника на мѣсто казни.

По разсмотрѣніи этого дѣла судъ нашелъ виновными въ самовольной расправѣ тридцать девять человѣкъ, «приводцевъ», тѣхъ, которые обѣщались вложить по рублю за смерть Савки. Троихъ изъ нихъ, какъ главныхъ зачинщиковъ, присудили къ «гарматному вязенію», т. е. сидѣнью на пушкѣ на цѣпи, при чемъ они-же должны были снять повѣшенаго съ сосны, похоронить своимъ коштомъ и справить по немъ надлежаще сорокоусты. Остальнымъ дано было по пѣскольку десятковъ ударовъ кіями.

Изложенное нами дѣло «о завѣшеннемъ человѣку Савцѣ Розгоненку на соснѣ, подъ селомъ Хильчиками, за покражу почты зъ бортей» взято изъ архива бывшей малороссійской коллегіи, хранящагося при харьковскомъ университетѣ. Каждый читатель, знакомый съ южно-русской исторіей, видѣтъ, что здѣсь идетъ рѣчь о томъ интересномъ историко-бытовомъ явленіи, которое профессоръ Иванишевъ представилъ вниманию ученаго міра подъ именемъ копныхъ судовъ. Изслѣдованіе Иванишева констатировало существованіе этого учрежденія въ правобережной Украинѣ. Но существовало-ли оно и на остальномъ протяженіи, занимаемомъ малорусскимъ племенемъ? Въ частности, имѣло-ли оно мѣсто въ Украинѣ лѣвобережной? Это, сколько намъ известно, пока не ставилось наукой даже и въ видѣ простаго вопроса. А между тѣмъ поставить такой вопросъ, въ особенности-же рѣшить его утвердительно, значило-бы отнять у рассматриваемаго явленія случайный характеръ, следовательно придать ему тотъ болѣе широкій и глубокій смыслъ, какой находится въ связи того или другаго явленія со всей національной исторіей. Правда, въ изданыхъ уже историческихъ материалахъ есть кой-какія указанія на то, что копные суды были и въ лѣвобереж-

ной Українѣ. Такъ въ Запискахъ черниговскаго статистического комитета, въ статьѣ г. Лазаревскаго (ки. 2-я, стр. 91): «Черты быта и нравовъ XVII—XVIII в., есть одинъ актъ, въ которомъ упоминается «куна», собиравшаяся по поводу залома въ житѣ. Но здѣсь слово купа употреблено въ смыслѣ сельской громады, т. е. въ значеніи съуженіемъ, производномъ, такъ что упомянутый актъ могъ-бы служить лишь косвеннымъ доказательствомъ того, что копны суды не были чуждѣ и лѣвобережной Українѣ. За болѣе прямое доказательство можетъ быть сочтѣнъ актъ, приводимый въ извлечениѣ у архіеп. Филарета въ его историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи (ки. 7-я, стр. 77): здѣсь воевода стародубскій,—въ согласіи съ тѣмъ, что мы находимъ въ актахъ правобережной Україны—велитъ «собрать мужовъ и купу учинить». Но мы все-каки не видимъ ни состава купы, ни другихъ подробностей, которыхъ могли-бы дать намъ непреложную увѣренность, что мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ-же самыми явленіемъ. И только документъ, подробно изложенный нами выше, вполнѣ убѣждаетъ насъ, что копные суды имѣли мѣсто и въ лѣвобережной Українѣ, имѣли мѣсто даже и въ относительно позднее время, какимъ является начало XVIII вѣка.

Разумѣется, читатель, знакомый съ трудомъ Иванющева, замѣтилъ, что приведенный нами актъ имѣть то важное отличие отъ актовъ Иванющева, что послѣдніе констатируютъ существованіе копнаго суда, какъ учрежденія легальнаго, признаннаго закономъ, въ видѣ Литовскаго Статута, учрежденія, рѣпенія котораго вносятся въ урядовыя книги и т. п., между тѣмъ, какъ копній судъ папшего акта является преслѣдуемымъ и караемымъ, какъ беззаконіе. Различіе важное, но не для нашей цѣли. По этому поводу надо сказать, что, во-первыхъ, копные суды и въ лѣвобережной Українѣ находили себѣ признаніе со стороны офиціальной московской власти, какъ это видно изъ акта приводимаго у арх. Филарета (воевода стародубскаго велитъ «собрать мужовъ и купу учинить»). Вѣроятно въ XVII в. купа, или копа, настолько коренилась въ нравахъ южно-русскаго народа и потому являлась въ извѣстныхъ случаяхъ настолько необходимою, что если она даже и не имѣла легальнаго положенія въ признанной московскою властью системѣ судебно-административныхъ учрежденій, то все-таки завоевывала себѣ известная права. Впрочемъ, можетъ быть, копные суды и признавались

въ тѣхъ предѣлахъ, какіе отводились имъ Литовскимъ Статутомъ, а подвергались преслѣдованію лишь превышенія имъ своихъ прерогативъ. Тотъ фактъ, что копны суды держались, несмотря на непризнаніе ихъ офиціальной властью и даже преслѣдованіе, доказываетъ особенную живучесть этого учрежденія, зависѣвшую, конечно, отъ того, что оно не было учрежденіемъ привитымъ или заимствованнымъ путемъ польскихъ законодательныхъ вліяній, какъ склонны были думать нѣкоторые.

Но, можетъ быть, требуется доказать, что въ приведенномъ актѣ мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ тѣмъ-же самыми копными судомъ, который признавался Литовскимъ Статутомъ и признавался въ западномъ и юго-западномъ русскомъ краѣ. Доказательства на лицо. Судное собраніе называется и въ нашемъ актѣ купой, или копой. Это не собраніе сельской громады, не великорусскій деревенскій судъ стариковъ: это судное собраніе относительно большаго района, обнимающаго части трехъ теперешнихъ волостей—пѣсколько большихъ поселеній. Вѣчевой принципъ личнаго участія, а не представительства, характеризующій собою копный судъ, соблюдается и здѣсь: на судъ сзываются вотчиинники, козаки и мужики, т. е. главы самостоятельныхъ хозяйствъ.

Но копное право, сведенное Иванішевымъ по актамъ коцпыхъ судовъ, допускало и представительство: съ одной стороны, въ видѣ такъ называемыхъ «стороннихъ людей» по одному, по два человѣка изъ трехъ селений сосѣдняго копнаго округа, съ другой стороны, въ болѣе позднее время представительство помѣщичьей власти за своихъ крестьянъ. То-же мы видимъ и здѣсь. Отъ села Кривопосовки является панскій староста, который однако не приступаетъ къ допросу преступника, пока не является на кону еще одинъ кривопосовскій житель. По акту, приведенному Филаретомъ, копные суды и пазываются также, какъ и въ актахъ Иванішева (и въ актахъ виленской археографической комиссіи т. VI), судьями.

Та круговая отвѣтственность, которая связывала жителей копнаго округа, выражается и въ нашемъ актѣ: припомнимъ слова олтарьскаго войта: «коли сего злодѣя пустите, такъ платите намъ селомъ икоды» и т. д. Крайне интересны въ этомъ смыслѣ слова Подрѣза знобовскаго: «повѣсьте злодѣя, и я, коли що буде, рубля прикину», равно обѣщавіе другихъ сложиться по рублю за смерть злого

дѣя. Самый судебный процессъ, сколько можно прослѣдить его по нашему акту, по существу тотъ-же самый, съ какимъ мы знакомы по изслѣдованію Иванашева, хотя здѣсь эта сторона затмняется нѣсколько предварительнымъ вмѣшательствомъ сельской власти, въ лицѣ атамана. Не смотря на это, ясно и изъ вашего акта, что судебный процессъ слѣдуетъ тому-же началу частнаго права. Еще до вмѣшательства атамана, пострадавшии вотчинники сами «узяли обыскъ», т. е. сдѣлали предварительное разслѣдованіе; затѣмъ всѣми дѣйствіями копы по отношенію къ судебному процессу руководили они-же. Сами дѣлали словесный допросъ подсудимаго, подвергали его судебнѣй пыткѣ (въ видѣ битья батогами), паконецъ сами собственноручно и казнили. Наконецъ необходимо указать и на то, что самый объектъ преступленія по нашему акту есть тотъ традиціонный объектъ, который и Литовскимъ Статутомъ поручается копнымъ судамъ, и на практикѣ, сколько можно судить по сохранившимся актамъ, часто давать поводъ къ копнымъ судебнѣмъ собраніямъ.

Надѣемся, вышеуказанного болѣе чѣмъ достаточно для доказательства того положенія, что мы гдѣ нашемъ актѣ имѣемъ дѣло съ копнымъ судомъ, и что, слѣдовательно, копные суды существовали и въ лѣвобережной Украинѣ не только въ польской, болѣе древній, періодъ ея исторіи, но и въ позднѣйшій московской, даже несмотря на неизрѣваніе ихъ закономъ.

Иванашевъ въ своей извѣстной работѣ далъ самый основательный и добросовѣстный анализъ копнаго суда, какой только можно было дать по имѣвшимся у него материаламъ. Но онъ не свѣтъ типическихъ чертъ такъ хорошо разложеннаго имъ явленія; мало того, онъ самъ неумышленно затмнилъ результаты своего анализа, увлекшись неудачной мыслью отождествить копу съ сельской общиной. Извѣстно, что его работа даже и называется: «О древніихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россії». Между тѣмъ, ни о какихъ сельскихъ общинахъ, ни о чёмъ, кроме копныхъ судебнѣхъ собраній, у него пѣтъ и помину. Конечно, если употреблять слово «община» для обозначенія всякой территоріальной связи, какого-бы происхожденія и характера эта связь ни была, то копа, разумѣется, можетъ быть сочтена представительницей такой связи. Но во всякомъ случаѣ выраженіе «сельская община»

имѣть смыслъ настолько определенный, что пользоваться имъ такъ, какъ пользуется Иванишевъ, болѣе, чѣмъ неудобно.

Въ чѣмъ-же заключается сущность рассматриваемаго нами явленія?—Попробуемъ свести, по возможности сжато, все, что намъ представляется въ немъ типического. Будемъ пользоваться для этого актами Иванишева, напечатанными въ архивѣ юго-западной Россіи, нашимъ актомъ и актами виленской археографической комиссіи.

На всемъ протяженіи, занятомъ малорусскимъ племенемъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ ближе русскихъ его предѣлахъ, въ XVI и XVII вв. мы видимъ какія-то территоріальныя организаціи, довольно большихъ размѣровъ, захватывавшія въ свой районъ по нѣсколько большихъ населенныхъ мѣстъ, т. е. размѣръ ихъ долженъ быть приблизительно соотвѣтствовать размѣру теперешней волости. Мы не имѣемъ свѣдѣній ни о какихъ другихъ функцияхъ организаціи, кромѣ судебнѣй, и потому можемъ назвать эти союзы судебными округами, хотя съ словомъ округъ мы привыкли соединять предоставление обѣ искусственномъ подраздѣленіи, а здѣсь имѣемъ дѣло съ организаціями выросшими естественно. Не даромъ-же они и назывались сосѣдствами. Но, употребляя слово «судебный», необходимо оговориться: здѣсь слово «судебный» должно имѣть болѣе широкій и даже нѣсколько иной смыслъ, чѣмъ это принято. Дѣло въ томъ, что если связь членовъ этихъ союзовъ не была искусственна, то она вмѣстѣ съ тѣмъ не была и только виѣнной. Она держалась на нравственныхъ основаніяхъ, на общемъ сознаніи этой связи; юридическимъ выраженіемъ этой нравственной связи была круговая порука и отвѣтственность. Связанные этой круговой порукой, всѣ члены союза обязывались блюсти за тишиной и безопасностью внутренней территоріи, предупреждала и затѣмъ судя и наказывала преступленія, нарушающія общественный миръ. Цѣлый округъ по отношенію къ другимъ округамъ и отдельныя части его по отношенію къ цѣлому союзу обязаны были выдавать преступниковъ, представлять ихъ на судъ, вознаграждать пострадавшаго и т. д. Все это отправленіе скорѣе полицейско-административнаго характера, если вообще къ понятіямъ и учрежденіямъ иного, такъ сказать, архаическаго строя, приложимы юридическія нормы, выработанныя при совсѣмъ иныхъ условіяхъ. Собственно судебнія функции этого союза, какъ отчасти видно и

изъ изложенного нами подробно акта, а также и изъ излѣдованія Иванющева, замѣчались въ слѣдующемъ. Если на территоріи копнаго округа совершалось преступленіе, *a преступникъ имѣвъ вовсе неизвестенъ*, или если фактъ связи его съ констатируемымъ преступлениемъ требовалъ доказательствъ, обиженный имѣть право созвать вѣче, кону, громаду. Всѣ полноправные члены копнаго округа, т. е. домохозяева, обязаны были отозваться на призывъ и явиться на копонице. Копное собраніе было чрезвычайно сильнымъ орудіемъ разслѣдованія. Не только въ тѣ времена, когда организація судебныхъ отправлений по необходимости была чрезвычайно элементарна, но даже теперь едва-ли правосудіе располагастъ болѣе сильнымъ въ известныхъ, конечно, предѣлахъ орудіемъ къ раскрытию истинъ. Прежде всего отношение членовъ копы къ дѣлу не было лишь формальнымъ, а внутреннимъ отправлениемъ правосудія, не юридическимъ обязательствомъ, но и нравственною обязанностью. Понятно, какую силу давало копѣ, какъ орудію судебнаго разслѣдованія, это ея отношение къ дѣлу. Но этого мало. Каждый членъ копы былъ въ то-же время представителемъ совѣсти всего своего дома, членовъ семьи и прочихъ домочадцевъ. Такимъ образомъ, всѣ жители копнаго округа поголовно участвовали въ раскрытии преступленія, совершенного на ихъ территорії. При тогдашнихъ-же условіяхъ жизни, и теперь еще отчасти сохранившихся въ селахъ, когда каждый необходимо зналъ каждого со всѣми его обстоятельствами, сохраненіе тайны дѣлалось вещью тоже невозможной, осуществимой лишь при совершеннѣ исключительныхъ условіяхъ. Прибавьте къ этому всю силу виѣшней наблюдательности, которую обнаруживаютъ люди, стоящіе близко къ природѣ, что въ связи съ опытностью и совершеннымъ знаніемъ мѣстности и мѣстныхъ условій, дѣлало копу незамѣтною въ искусствѣ отыскывать преступленіе «по знакамъ», «гнать слѣдъ» и т. п. Не мудрено потому, что государство (польское), естественно тяготѣя къ отнятію у копы ея старыхъ правъ, все-таки дорожило ею со стороны этой ея, такъ сказать, слѣдователской функции, на столько дорожило, что даже искусственно устраивало копы, гдѣ ониѣ были уничтожены жизненнымъ процессомъ.

Но въ описываемое нами время копа была еще цѣльнымъ судебнымъ органомъ, хотя и съ ограниченнымъ кругомъ вѣдѣнія.

Мало того: она носила на себѣ явные и несомнѣнныя слѣды того болѣе ранняго своего состоянія, когда она была не судебнымъ органомъ только, а какимъ-то инымъ учрежденіемъ, болѣе широкимъ и полнымъ. Этой-то сторонамъ дѣла мы и хотимъ коснуться ближе. Впрочемъ, здѣсь необходимо предупредить читателя, что наша замѣтка уже выходитъ изъ исторической области въ тѣсномъ смыслѣ этого слова въ ту область, куда до сихъ поръ можно сказать еще не заглядывали настоящіе историки, но куда они обязательно должны были бы обращаться за разясненіемъ генезиса бытовыхъ формъ. Степень ихъ вниманія къ этой области, разумѣется, должна обязательно обусловливаться тѣмъ, насколько они вообще будутъ придавать значеніе изученію формъ общественной жизни по сравненію съ политическими событиями. Область, о которой идетъ у насъ рѣчь,—сравнительная этнографія, или этнологія, въ связи съ юридической археологіей.

Новѣйшія этнологические изысканія, по отношенію къ происхожденію правовыхъ формъ и учрежденій, привели къ такимъ выводамъ. Государство, съ его свободнымъ отъ кровныхъ узъ характеромъ, съ его публичнымъ уголовнымъ правомъ, индивидуальной собственностью, личной ответственностью за долгъ и преступленіе—есть продуктъ относительно поздняго времени, исторического периода въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Этому времени предпоставили многіе вѣка такого общественнаго состоянія, когда люди сплачивались не въ государства, а въ относительно простые и небольшіе союзы для взаимной защиты и поддержкіи общественного мира. Подобный союзъ въ его чистомъ видѣ удовлетворялъ всѣмъ несложнымъ потребностямъ тогдашняго человѣка: общій языкъ и культу—его нравственнымъ потребностямъ, общій трудъ и собственность—потребностямъ материальнymъ. Съ правовой точки зрѣнія союзы эти характеризовались такими чертами (кромѣ упомянутой выше общности): взаимной ответственностью за жизнь и собственность, изъ которой вытекало обязательство правовой мести за каждого члена.

Основы, сдерживавшія такой союзъ, были двоякаго рода: въ болѣе ранній периодъ—кровное родство, позже—территориальная связь, общая осѣдлость. Мы взяли самыя рѣзкія черты организаций того и другого типа, т. е. типа государственного въ противупо-

ложность съ болѣе первобытными организаціями для мира и защиты. Но жизнь, разумѣется, какъ и всегда, слишкомъ уклонялась отъ той простоты, которую мы допускаемъ въ нашихъ опредѣленіяхъ. Сложность явленія часто затушевывала рѣзкость его основныхъ чертъ; организаціи одного типа незамѣтно переходили въ организаціи другого типа, или, что еще для насъ важнѣе, входили одинъ въ другія. Такимъ образомъ союзы для мира и взаимной защиты, какъ случалось часто, не распадались подъ давленіемъ слагающагося государства, а входили въ него или цѣликомъ, или видоизмѣненныя подъ его вліяніемъ.

Входя въ государство, союзы для общественного мира и взаимной защиты дѣлаются уже историческимъ явленіемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Юридическая археологія указываетъ во множествѣ ихъ слѣды, и остатки ихъ въ состояніи переживанія держатся въ жизни народныхъ массъ еще и до сихъ поръ. Разумѣется, они не могли удержаться въ цѣльномъ видѣ. Исторический процессъ развитія государственной жизни уничтожилъ большинство ихъ функций, подхвативъ одну какую-нибудь изъ нихъ и въ лучшемъ случаѣ оставивъ иѣкоторые слѣды, по которымъ научное изслѣдованіе можетъ возстановить генезисъ формы. Къ остаткамъ такихъ союзовъ принадлежать, прежде всего, большия здружныя семьи, затѣмъ братства, цехи и гильдіи, даѣше разные виды поселенской общины. Славянская юридическая археологія указываетъ на вервь (древне-русскую и юго-славянскую по Польскому Статуту), чешскія организаціи спорѣбной гуки... и т. д. Сюда-же несомнѣнно относится и копа.

Что копа была иѣкогда цѣльной организаціей, союзомъ для общественного мира и взаимной защиты, косвеннымъ доказательствомъ этого можетъ служить тотъ этимологический фактъ, что это самое слово *knora* у литовцевъ обозначало родовую общину¹⁾), и въ связи съ нимъ то соображеніе, что члены русской копы назывались сусѣдями (*vicinae*, тѣмъ терминомъ, которымъ и въ сѣверной Россіи и на западѣ назывались члены территоріальныхъ союзовъ). Но вѣрѣе, конечно, тѣ прямыя доказательства, которыхъ можно

¹⁾ Мацѣвский Hist. prawod. slow. IV, 138.

извлечь изъ анализа самой организаціи этого учрежденія. Собственно говоря, эти доказательства приведены уже выше, стоитъ только свести ихъ здѣсь. Мы знаемъ, что копа обязана была заботиться о мирѣ и безопасности въ предѣлахъ своей территории; въ извѣстномъ, указанномъ выше, смыслѣ она еще сохранила отвѣтственность за преступленія своихъ членовъ. Чрезвычайно важнымъ выраженіемъ взаимной связи и отвѣтственности, имѣющемъ близкое родственное отношеніе къ древне-русской и древне-германской *вири*, *головщинѣ*, болгарской и хорватской *вражбѣ*, сербской *кренинѣ* служить тѣ денежные взносы, которые дѣлали члены копъ и на которые есть указанія въ актахъ. Припомнимъ слова Нодрѣза злобовскаго изъ нашего акта: «пovѣсьте злодія, и я, коли що буде, рубля прикину», и то, что другое тоже обѣщались сложиться по рублю (на это-же есть указаніе и въ Актахъ виленской археографической комиссіи). Слова эти такъ и просятся на сопоставленіе съ извѣстнымъ темпымъ выраженіемъ «Русской Правды», вызывавшимъ такъ много толкованій: «аще кто вложится въ дикую виру»... Очевидно, члены копы несли другъ за друга и материальную отвѣтственность, хотя за недостаткомъ данныхъ и невозможно выяснить ея размѣръ и ближайшій характеръ.

Мы сказали, что могли, о предметѣ столь важномъ и совершенно почти ускользающемъ отъ вниманія нашихъ историковъ. Съ нашими средствами мы и не имѣли возможности выяснить явленіе въ настоящей его полнотѣ. Впрочемъ, смысль думать, что и тѣмъ, что сказано нами относительно занимающаго насъ и несомнѣнно интереснаго вопроса, кое-что достигнуто. Прежде всего установленъ фактъ существованія копныхъ судовъ и въ лѣвобережной Украинѣ, и не только въ польскій, но и въ московскій періодъ ея исторіи. Затѣмъ намѣченъ генезисъ этого явленія, указывающій, что мы имѣемъ дѣло не съ какой-нибудь случайно возникшей формой, а съ однимъ изъ многочисленныхъ проявленій общаго процесса разложения, подъ давленіемъ государства, тѣхъ архаическихъ организацій, которыя обнимали собою всю догосударственную общественную жизнь. Правда, мы не имѣли возможности памѣтить даже главный-шія стадіи или моменты въ процессѣ этого разложения; по по аналогіи съ дальнѣйшимъ, съ тѣмъ, какъ вліяло государство на превращеніе копнаго суда изъ уголовнаго судебнаго органа съ широ-

жими прерогативами въ специальный органъ полицейского разслѣдования—процессъ указанный и Иванющевымъ—по аналогіи съ дальнѣйшимъ, говоримъ мы, можно представить себѣ и болѣе ранній ходъ этого процесса.

Въ заключеніе считаемъ пужнымъ указать еще разъ на то важное значеніе, какое имѣеть для внутренней исторіи, для исторіи быта, самый тѣсный союзъ съ этнографіей, которая дѣлаетъ такие большиe успѣхи на Западѣ и такъ слабо привыкается къ нашей русской наукѣ.

Александра Е.

АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ.

1580 (?)—1653 г.

(Историко - біографіческий очеркъ).

(Продолженіе¹⁾).

IV.

Отъ времени сейма 1638 г., когда такъ позорно поступило было съ Киселемъ и подорвашъ бытъ авторитетъ его передъ козаками, какъ лица правительствааго, прекращаются и его официальнаясть ими союзенія, вплоть до восстания Хмельницкаго. Что касается отноженій частныхъ, они въ большей или меньшей степени зависѣли отъ общаго положенія и крестьянства и козачества въ краѣ. Повсюду въ это время крестьянское населеніе было подавлено и безгласно, осѣдлое козачество ограничено незначительнымъ числомъ, точно обозначенной территоріей, населеніемъ исключительно на коронныхъ земляхъ; въ населеніи жило недовольство, глухая оппозиція, и одни только запорожцы, появляясь временами то тамъ, то здѣсь въ Украинѣ, не прочь были слегка побезчинствовать въ имѣніи любого пана, лишь онъ быть имъ въ данную минуту по силамъ. Такъ было, конечно, и въ имѣніяхъ Киселя; жалуется онъ напр. въ 1645 г. передъ судомъ,

¹⁾ См. «Киевская Старина» 1885 г., сентябрек. кн., стр. 51—72.

что запорожцы въ имѣніяхъ его Носовкѣ, Кобыжчѣ, Козарахѣ «...подданныхъ на каждый день бывать, деспектуютъ, меды, пива, горилки куповати собѣ, также рыбы, у своихъ шипкарокъ, которые зѣ Залорожа припровадили, примушають»¹⁾

Общественная дѣятельность Адама Григорьевича въ десятилѣтіе 1638—1648 г. получила новое направление, которое въ общемъ можно назвать дипломатическимъ, хотя собственно таковымъ оно становится лишь къ концу этого періода.

Еще въ 1638 г., состоя посоль на сеймѣ, Кисель былъ выбранъ въ комиссию по разграничению воеводствъ киевскаго и черниговскаго. Въ той-же комиссіи участвовалъ онъ и въ 1641 г., но уже въ качествѣ сенатора, въ званіи канцелярии черниговскаго, и какъ на сеймѣ онъ былъ избранъ волынскимъ воеводствомъ въ посты, т. е. членомъ сената въ моментъ выбора еще не былъ, то слѣдуетъ думать, что канцелярию онъ получилъ въ половинѣ 1641 г. Въ промежуткѣ 1641—1645 гг., по словамъ грамоты слѣдующаго года, Кисельоказалъ услуги по усиленію веденію дѣла въ комиссіи для установления «вѣчныхъ» границъ съ государствомъ московскимъ²⁾, съ которымъ въ ближайшемъ будущемъ предстояло ему свести знакомство непосредственное и побывать на Москвѣ.

Дѣло въ томъ, что въ это время у короля Владислава IV возникаетъ мысль о союзѣ христіанскихъ державъ противъ мусульманъ, объ изгнаніи турокъ изъ Европы, уничтоженіи татарской орды. Мысль эта возникла, быть можетъ, въ его умѣ еще до избрания его въ короля, подъ влияніемъ пораженія поляковъ подъ Цецорой и собственнаго, годъ спустя, бѣгства отъ турокъ изъ подъ Хотина; но въ 1645 г., съ прѣѣздомъ въ Польшу венеціанскаго послы Тиеполо, давно знакомаго Владиславу, обнаружилась на столько, что о замыслахъ короля противъ мусульманъ посыпались слухи даже въ Украинѣ³⁾.

Предпринимая что либо противъ турокъ, а тѣмъ болѣе противъ ближайшихъ сосѣдей татаръ, необходимо было позаботиться

¹⁾ Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 393.

²⁾ Niesiecki, т. II, стр. 520; Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 404; Volum. leg. (1860), т. III, стр. 449, § 42; т. IV, стр. 16, § 61; стр. 99, 96.

³⁾ Богданъ Хмельницкій (4-е изданіе), т. I, стр. 202.

предварительно о безопасности Польши съ прочихъ сторонъ. Особенно важно было обезпечить себя отъ долголѣтнаго непріятеля, московскаго государства, недавно униженаго дважды и потому естественно враждебнаго до высшей степени; польское «вѣчное дружичанье» соблюдалось, положимъ, свято, по трудно было на него положиться, какъ показалъ примѣръ послѣдняго безкоролевья. Необходимо было возобновить дружескія сношения съ Москвою, по возможности закрѣпить ихъ, а если окажется возможнымъ, то заключить настуцательный или хотя оборонительный союзъ противъ неизѣрныхъ, вабѣги которыхъ были опустошительны для обоихъ государствъ одинаково.

Нужно было подыскать способнаго человѣка для переговоровъ съ Москвою; и выборъ короля и его совѣтниковъ долженъ быть сразу остановиться на Кисель. Кисель бытъ человѣкъ русскій и православный, а это обеспечивало ему хороший пріемъ; онъ долго прожилъ на чограницы, въ комиссіяхъ о проведеніи границъ ознакомился съ ними подробно, зналъ причины, цоводы и сущность порубежныхъ споровъ, наконецъ, по старой памяти, могъ сохранять извѣстное вліяніе на казачество вообще и въ частности на Запорожье, безъ дѣятельнаго участія котораго немыслимо было никакое предприятіе противъ татаръ и которое правительству необходимо было теперь успокоить и задобрить, въ виду чувствовавшейся всѣмъ затаенной его враждебности.

Въ концѣ 1645 г. король вызвалъ Адама Григорьевича къ себѣ. Ближайшая цѣль вызова была, какъ оказывается, тогда уже известна высшему кіевскому духовенству, а вскорѣ стала известна и на Москву по такому случаю. Посыпалъ въ ту зиму митрополитъ кіевскій Петръ Могила посланцовъ на Москву, съ игуменомъ печерскимъ Иринархомъ во главѣ, просить царской милости на монастыри¹⁾.

¹⁾ Петръ Могила посыпалъ Иринарха не съ пустыми руками; послѣдній представилъ въ даръ царю между прочимъ: «муро источающе отъ главъ преподобныхъ святыхъ отецъ патицъ печерскыи чудотворцовъ, Расиятіе евтарное, коня арапскаго подъ сѣдло его царского величества, шесть возниковъ на упрягъ и руской клесинцы, два ковра: единъ шелкомъ въ златомъ тканъ, другой на червленицы шить золотомъ, мелкую серебренную изолочену, вѣсомъ 2 фунта 42 золотника, и сосуды хрустальные, стекляные, различного мастерства, дѣломъ сотворенные. Кроме того игуменомъ отъ лавры поднесены «Треедъ цвѣтная въ лицахъ» и «Акаонты въ лицахъ», а боярина Предремпирскій презентовалъ царю копя гиѣлдого арапскаго».

На Москвѣ, какъ извѣстно, было въ обычай распрашиватъ, ради вѣстей, каждого пріѣзжаго изъ-за рубежа; спрашивали о новостяхъ и присланнаго Могилою пещерскаго игумена Иринарха, а онъ показалъ, что слышалъ отъ митрополита: «рѣшено де отправить посломъ въ Москву Адама Киселя, для того, чтобы великому государю московскому съ литовскимъ королемъ соединиться на Крымъ, и о томъ у литовскаго будетъ соймъ болѣй на шесть недѣль, пынѣ вскорѣ въ великомъ посты. Присылали къ польскому королю изъ окрестныхъ государствъ короли, чтобы велѣть Нѣбрѣ отпереть; объ этомъ и о Запорожскихъ Черкасахъ договорено будетъ на соймѣ. Слышно, что нѣметцкіе короли согласились уже между собою противъ турокъ, а другъ съ другомъ не воевать имъ шесть лѣтъ, напа приглашаетъ къ тому-же союзу и литовскаго. На соймѣ-же будетъ докончанье и о спорныхъ порубежныхъ дѣлахъ съ Москвою; король хочетъ, чтобы литовскіе люди ни въ чемъ съ великимъ государемъ расколы не чинили; а чинить расколу въ межевомъ дѣлѣ одинъ Вишневецкій, изъ-за своихъ имѣній, которыя отъ него отходять къ Московскому государству; потому и поѣхалъ къ королю, тому четвертая недѣля (допросъ происходилъ 2 марта), хлопотать, чтобы ему взамѣнъ пожаловали имѣнія въ другихъ мѣстахъ. А Адамъ Кисель поѣхалъ къ королю съ Вишневецкимъ».

Вѣсти Иринарха были вѣрны относительно какъ поводовъ, такъ и цѣли посольства Киселя; но самое посольство его осуществилось только черезъ годъ. Сеймъ собрался лишь поздней осенью, и королевскіе планы потерпѣли на немъ полную неудачу: вся шляхта возстала противъ войны, противъ морскаго козацкаго похода, стѣдовательно и противъ какого-бы то ни было облегченія козачества; дѣло о посольствѣ Киселя, принятное сеймомъ только въ декабрѣ, было мотивировано не столько настоящими его цѣлями, сколько второстепенною,—необходимостью уладить спорный дѣлъ о пограничныхъ земляхъ; однимъ и тѣмъ-же сеймовымъ постановленіемъ сейма онъ назначается и посломъ, и комиссаромъ по упомянутому предмету¹⁾.

Предназначеная Кисели въ послы по весьма важнымъ дѣламъ и знаа пречистильность московскаго правительства относительно сана прибывающихъ къ нему посланниковъ, король воспользовался первой

¹⁾ Volum. legum., т. IV, стр. 45, § 6.

представившійся вакансієй, чтобы повысить Адама Григорьевича, давъ ему званіе каштеляна кіевскаго¹⁾). Въ тѣхъ-же, очевидно, соображеніяхъ, грамота 5 февраля 1646 г., возводящая его въ это званіе, столь пространно излагаетъ заслуги предковъ Адама и его самого, такъ что, благодаря ей, сохранились для нась нѣкоторыес біографические факты, по другамъ источникамъ неизвѣстные.

О самомъ посольствѣ Киселя въ Москву, времени его пребыванія здѣсь, ходѣ переговоровъ и даже ихъ результатахъ свидѣтельствъ, современныхъ самимъ событиямъ, совсѣмъ нѣтъ; но свѣдѣнія этого рода получаются изъ переписки непосредственно слѣдующаго времени, конца 1647 и началы 1648 годовъ.

Съ Киселемъ, человѣкомъ русскимъ и православнымъ, хорошо владѣвшимъ, какъ видно изъ его писемъ, русскою письменною рѣчью того времени и книжно-церковною, московскимъ боярамъ не трудно было разговаривать и говориться, а потому и принято было посольство очень хорошо, какъ можно заключить изъ письма Киселя къ сѣвскому воеводамъ²⁾). Съ своей стороны, Кисель старался быть любезнымъ и, въ чёмъ можно, усердливымъ по отношенію къ Москвѣ. Такъ еще въ смутное время поляками увезены были изъ Москвы мощи кого-то изъ русскихъ князей и содержавшая ихъ мраморная гробница (или только надгробіе) съ надписью золотомъ; мощи были впослѣдствіи возвращены, но «камень мармуровый» оставался въ Варшавѣ. Кисель взялся выхлопотать возвращеніе этого камня, и онъ былъ отосланъ черезъ его посредство изъ Варшавы въ Москву кружнымъ путемъ черезъ Кіевъ, черезъ имѣніе Киселя Кобылицу, а оттуда черезъ Путівль³⁾.

¹⁾ Каштеляни раздѣлялись на мечтій и болыжій; востѣднія пріурочены были къ главнымъ городамъ воеводствъ; независимо того, всѣ каштеляны, какъ и воеводы, искли определенія яѣста въ сенатъ сообразно старшинству учрежденія ихъ должностей; чинъ воеводства черниговскаго, учрежденного только въ 1634 г., считались одинаки пѣзъ младшимъ.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, т. III, стр. 107.

³⁾ Что мощи припадлежали одному изъ князей (не Дяптрію-ли Углицкому?), заключаешь изъ словъ Киселя въ письмѣ къ боярамъ: «Мощи честные..., въ свою отчину перенесенные, отеческими гробомъ пресвѣтлыи великихъ царей и господаровъ древнихъ сокрушилися». Въ письмѣ его-же къ путівльскому воеводѣ Юрию Долгорукому читаемъ: «Камень зъ написанъ, вѣплекапль же мещеть, зъ Бартасы

Московское правительство обнаруживало относительно Киселя почти небывалую любезность и предупредительность. Писалась, напримѣръ, съ вскимъ воеводамъ государева грамота по такому пустячному поводу: «Какъ шолъ съ Москвы Адамъ Кисель, и въ Болховѣ у него Адама съ стану утекъ соболь съ чепью съ сереброною, а у брата его Александра Киселя гончая собака»,---вѣроятно изъ числа царскихъ подарковъ. Воеводамъ предписывалось, ссыкая пропажу, доставить ее Киселю и о томъ къ государю отписать. И воеводы «малого звѣрка соболя, погибшего подъ Болховыми», поймали и доставили Киселю, а Кисель «государской милости добрѣ обращался», усматривая въ этомъ маломъ «зракъ и образъ» благодати-же и незреченией милости его царскаго пресвѣтлаго величества¹).

Ноощренный ласковымъ пріемомъ въ Москвѣ, Адамъ Григорьевичъ не забыть и своихъ личныхъ интересовъ. Пользуясь пограничнымъ положеніемъ своихъ лѣсовъ, особенно козерградскихъ и болѣе сѣверныхъ, задесенскихъ, для отпускной торговли²), онъ задумалъ выпросить себѣ позволеніе на выѣлку поташа въ цетронутыхъ еще промышленностью «дикихъ черныхъ лѣсахъ» за рубежемъ, въ трубчевскомъ уѣздѣ нынѣшней орловской губерніи, съ удобнымъ сплавомъ по Деснѣ, да въ лѣсахъ недрыгайловскихъ (лебединского уѣзда, харьковской губерніи, на самой границѣ полтавской). И дѣйствительно ему было пожаловано право устроить въ первомъ мѣстѣ три буды, т. е. поташныхъ завода, и во второмъ мѣстѣ двѣ, съ той только убавкой противъ его просьбы, что право это дано ему не на семь лѣтъ, какъ онъ хотѣлъ, а всего на пять. Уже по возвращеніи его изъ Москвы въ Украину, ему прислали сюда форму записи, какую онъ долженъ былъ дать отъ себя боярамъ въ соблюде-

до столицы принесеннымъ», а въ письмѣ къ сѣвскимъ воеводамъ: «камень мармуровый, золотомъ писанный, о немъ же было его царскаго пресвѣтлаго величества желаніе, чтобы быть отданнѣй, да и сія крайняя первыхъ раздоровъ не зоставала-бы паменики, егда вѣчный союзъ братства-дружбы есть закрѣпленный». Акты южной и западной Россіи, т. III, №№ 99, 111, 114, 135, 136, 143, 145, 146.

¹) Архивъ южной и западной Россіи, т. III, №№ 109, 120.

²) Здѣсь, по видимому, принадлежала Киселю *Мена*, нынѣ мѣстечко остерманского уѣзда, такъ какъ сюда, между прочимъ, онъ просилъ московскихъ бояръ высылать ему письма.—Архивъ южной и западной Россіи, т. III, № 178, стр. 75.

ній уловій пользованія, а уловія эти заключались въ обереженіи бортныхъ или годныхъ на борти деревьевъ, нецользованію никакими другими земельными угодьями и рыбными ловлями, въ сохраненіи неприкосновенными межъ, концовъ и граничныхъ деревьевъ (границъ, со знаками). Оговаривалось также, что Кисель устроенныхъ имъ за рубежемъ будь не долженъ называть своими «и иѣчѣмъ въ королевскаго величества сторону не притягивать», и сверхъ того онъ давалъ отъ себя обязательство, которое въ устахъ «великаго и полномочнаго посла», пограничнаго чиновника и землевладѣльца, по отношенію къ соседнему иноzemному монарху не можетъ не казаться нѣсколько страннымъ: «И я за его государскую милость до конца дней моихъ работами всеида буду его царскаго величества достоянью». Пожалованное право служило, по записи, только лично Адаму Григорьевичу, но отнюдь не его наследникамъ. Впрочемъ, частью своего права Кисель поступилъ обратно еще раньше его окончательного оформления. Дѣло въ томъ, что недрыгайловскіе лѣса принадлежали къ числу тѣхъ именно земель, которыя, по договору о разграничепіи, отходили къ Москвѣ изъ владѣнія Польши и изъ собственности князя Ереміи Вишневецкаго: устроить здѣсь гуты съ дозвolenіемъ московскаго государя значило возбудить противъ себя вражду могущественнаго, гордаго и неудержимаго въ самоволіи украинскаго магната, оспаривавшаго здѣсь каждую пядь земли отъ Москвы¹⁾). Кисель спохватился па счетъ этого, уже вернувшись въ Украину, и писалъ отсюда въ Москву: «волю одстуپити двохъ недрыгайловскихъ будь, а четвертую имѣти въ трубецкихъ лѣсахъ,—есть тому причина; аще ли же пе будетъ на то царскаго произволенія, я на томъ престану, ито мнѣ даде щедротная ласка его царскаго пресвѣтлого величества; недрыгайловскихъ же одступаю». Въ другой разъ онъ выражается определеннѣе, почему онъ не хочетъ имѣть будь въ недрыгайловскомъ лѣсу: «Зъ братомъ не всегда миръ брату, азъ же безъ порока да пребуду». Кромѣ опасенія задраться съ непосильнымъ Вишневецкимъ, у Киселя была еще и другая причина, чтобы просить разрѣшенія устроить 4-ю гуту не въ недрыгайловскихъ, а въ трубечскихъ лѣсахъ: во время тайныхъ переговоровъ Киселя съ боярами на Москвѣ, они предлагали уступить

¹⁾) Тамъ-же, № 96, 105, 106, 108, 110, 115, 152, 158.

Польшѣ Трубецкы и Городища, взамѣнъ за Дорогобужъ, который представлялъ для московскаго государства гораздо большую цѣну, какъ выдвинутый аванпостъ въ сторону Смоленска, отстояющій отъ него не далѣе 100—120 верстъ. Кисель обѣщалъ тайно же доложить объ этомъ королю и хлопотать въ смыслѣ желаній московскаго правительства, разсчитывая, конечно, что если эта замѣна состоится, то ему, опираясь на пожалованіе царя Алексія Михайловича, легко будетъ закрѣпить за собою трубецкія буды съ ихъ обширными «дикими лѣсами» въ полную или хоть лепную собственность. Потому-то онъ, представляя вопросъ о четвертой будѣ на милостивое произволеніе царскаго величества, запись, какой отъ него требовали, написать все-таки не на три, а на четыре буды. Въ Москвѣ тоже были не безъ разсчета: отказъ отъ недрыгайловскихъ лѣсовъ принялъ, а прибавить въ отмѣну не захотѣли, потребовали отъ Киселя другой записи, въ размѣрѣ первоначального пожалованія въ трубецкомъ уѣздѣ¹⁾). Не пришлося, впрочемъ, Адаму воспользоваться и этимъ: отрицала отъ него московское пожалованіе нахлынувшая вслѣдъ затѣмъ волна козацкаго возстанія, затопившая и черниговскія его маstности, нанесшая много ущерба и волынскимъ...

Справедливость требуетъ сказать, что личные интересы Киселя въ его посольствѣ выступали такъ сказать мимоходомъ и отнюдь не мѣшили ему въ переговорахъ о дѣлахъ государственныхъ. Въ одномъ только пункте, притомъ едва-ли не въ самомъ важномъ, ему не удалось выполнить желаній короля и его близайшихъ довѣренныхъ лицъ: Москва и слушать не хотѣла о *наступательномъ союзѣ* противъ мусульманъ; всѣ-же прочіе пункты переговоровъ, какъ-то: хроническіе споры о царскомъ и королевскомъ титулахъ, опредѣленіе границы обоихъ государствъ и удовлетвореніе порубежныхъ претензій той и другой стороны, обмѣнъ пограничныхъ властей вѣстями, особенно о движеніяхъ татаръ, и наконецъ заключеніе противъ нихъ оборонительнаго союза приведены Киселемъ къ результату вполнѣ почти благопріятному, хотя и не всѣмъ имъ суждено было осуществиться на самомъ дѣлѣ.

Титулы изстари составляли предметъ нескончаемыхъ споровъ между Польшею и Москвою, особенно со стороны послѣдней, видѣв-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. Ш, № 143, 146, 159, 161, 167, 170, 173.

шай кровную обиду не только въ пропускѣ или искаженія хотя одного слова въ титулѣ царя, но также и въ добавкѣ всякаго слова въ титулѣ королевскій, не имѣй оно даже никакого определеннаго значенія въ смыслѣ претензіи на извѣстное право. Конечно, подобныхъ ошибокъ тщательно старались избѣгать въ перепискѣ собственно дипломатической, которую вѣдали люди специальные; но уберечься отъ нихъ въ взаимныхъ сношеніяхъ порубежныхъ властей обоихъ государствъ было почти невозможно, особенно при посланіи на пограничнѣ поляковъ или хотя и русскихъ, по ополяченныхъ до забвенія своего языка. Кисель объяснялся однажды по этому поводу передъ московскими боярами вполнѣ основательно: «не всѣмъ даль Господь разумѣти все, иные письма русского не знать, дячка вземши одѣцеркви, покеливаєтъ писати; самъ писаное грамоты не прочтеть, какъ исправити маєтъ грамоту приступну? И сіе люди стыдислованные въ грамотехъ милостей вашихъ зъ приступками: ей Богу моему, что ни едень зъ нихъ русского писема не знаетъ». Въ виду постоянныхъ неспрятностей изъ-за титуловъ, не разъ уже пытались установить для пограничныхъ сношений возможно краткія ихъ формулы, которыми-бы никто не затруднялся. И въ этотъ разъ, согласно договору Киселя, раньше еще возвращенія его изъ Москвы, король издалъ універсалъ къ властямъ и жителямъ при московскомъ рубежѣ, которымъ настрого предписывалъ держаться условленной формулы, весьма нехитрой и нетрудной. Но въ Польшѣ отъ предписанія до точнаго исполненія было слишкомъ далеко; каждый староста, державца, частный владѣлецъ или его арендаторъ и даже управляющій считалъ какъ-бы своимъ правомъ и даже будто шляхетской обязанностью оставлять королевскіе приказы безъ вниманія и не исполнять ихъ, хотя-бы это могло нанести ущербъ интересамъ государства. Проински въ титулахъ не прекратились и послѣ принятия упрощенной формулы, а Москва, возставая противъ нихъ для виду, на самомъ дѣлѣ врядъ-ли была-бы довольна совершеннымъ имъ прекращеніемъ. Пользуясь прописками, можно было оставлять безъ удовлетворенія и даже безъ всякаго разсмотрѣнія по существу многія основательныя жалобы зарубежныхъ сосѣдей, и такихъ примѣровъ въ сношенияхъ Москвы и Польши находимъ не мало. Напишетъ, напримѣръ, коронный хорунжій Александръ Конецпольскій объ ограбленіи гадячскихъ купцовъ княземъ Никитою Ивановичемъ

Одоевскимъ возлѣ Бѣлгорода; но на письмѣ его, вмѣсто резолюціи, помѣчено только: «взять къ прописнымъ листамъ»; жалуется «вице-администраторъ» королевскихъ украинныхъ имѣній, черниговскій подстолій Гульчевскій, объ убийствѣ москвитянами двѣнадцати королевскихъ крестьянъ, прилагая ихъ именной списокъ, а вмѣсто отвѣта по существу читаемъ: «государь указать и бояре приговорили: велѣть писать къ Адаму Киселю про всѣ тѣ прописные листы, которые объявились послѣ договору и послѣ королевской грамоты, которые королевские грамоты противъ договору розосланы, а тѣ всѣ прописные листы описать, князя Еремѣя Бешневетскаго и иныхъ». Но была и другая, болѣе важная цѣль, для которой московскіе политики ловили всякую проціску въ титулѣ и ставили ее въ счетъ. Съ помощью прописныхъ листовъ всегда можно было возбудить, выражаясь по пынѣпнему, конфликтъ съ Польшею и по произволу довести дѣло до разрыва; известно, что Москва и приѣгла къ этому средству въ недалекомъ будущемъ, въ 1654 году. Люди болѣе опытные въ дипломатіи и предусмотрительные по отношенію къ политикѣ Москвы, въ томъ числѣ и Кисель, ясно понимали весь вредъ для поляковъ отъ допускаемыхъ ими прописокъ въ царскихъ титулахъ, сознавали могущую возникнуть отсюда серьезную опасность, и поэтому-то Адамъ Григорьевичъ предлагалъ на обсужденіе московскихъ бояръ очень дѣйствительную мѣру противъ описокъ, которыхъ ихъ, повидимому, такъ огорчали. Опѣ находитъ нужнымъ назначить отъ обоихъ государствъ по одному или по два постоянныхъ пограничныхъ комиссара, рекомендуя представить имъ исключительное право взаимныхъ сношеній, всѣмъ-же прочимъ лицамъ запретить обращаться непосредственно къ зарубежнымъ властямъ, а дозволить имъ дѣйствовать только чрезъ комиссара своего государства. Наступившія события помѣшили не только осуществленію, но даже и обсужденію предложения Киселя; такъ оно и забылось безслѣдно¹⁾.

Не осуществилось и проведение въ натурѣ точной границы между обоими государствами, равно какъ и обмѣны земель нѣкоторыхъ владѣльцевъ, хотя по тому и другому дѣлу достигнуто

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. III, №№ 95, 96, 87, 101, 113, 160, 162 170.

было Киселемъ полное соглашениe. Вопрoсъ объ уступкѣ Трубчевска въ обмѣнъ за Дорогобужъ былъ поставленъ совершено независимо отъ условленнаго разграничениa, и о немъ, какъ мы уже упоминали, долженъ быть предложенъ Кисель королю въ секретномъ собраніи сенаторовъ. Кисель всѣль оживленную переписку съ воеводами сѣв-скими и пущицкими о высылкѣ уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ на межи и для осмотра предстоящихъ къ обмѣну имѣній. Въ свою очередь, воеводы и московскіе бояре писали къ Адаму по межевымъ дѣламъ и разнаго рода пограничнымъ столкновеніямъ, видя въ немъ не только послана, но и пограничнаго комиссара. Впрочемъ къ Киселю и послѣ того, какъ окончилась его миссія заключенiemъ договора, изъ Москвы продолжали относиться и по дѣламъ, не входившимъ въ область дѣйствій пограничной комиссіи, напр. о «процисныхъ листахъ», и это явственно свидѣтельствуетъ о довѣріи и нѣкоторомъ вліяніи, какія успѣхъ пріобрѣсть Кисель у московскихъ государственныхъ мужей. Къ нему, второму только лицу въ киевскомъ воеводствѣ, обращаются изъ московского государства помимо старшихъ его по званію сосѣднихъ воеводъ киевскаго и черниговскаго, какъ будто миссія его не закончилась съ отъездомъ изъ Москвы, какъ будто оно все еще сохраняетъ права «великаго и полномочнаго послана». Понятно, что такое отношение къ Киселю иноzemнаго правительства не могло не отражаться и въ его политическомъ отечествѣ¹⁾.

Особенною живостью отличались пограничныя сношениa Киселя съ московскими воеводами по сообщенію взаимно разнаго рода вѣстей, преимущественно о движеніяхъ татаръ. Обязательство этого рода вполнѣ въ условія заключеннаго Киселемъ договора, и въ выполненіи его равно были заинтересованы обѣ стороны, одинаково терпѣвшія отъ набѣговъ крымцевъ, ногайцевъ и другихъ ордъ. Ближе другихъ, какъ видно, сонсѣлся Кисель съ пущицкимъ воеводою, княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ. Въ генварѣ

¹⁾ Акты о порубежныхъ столкновеніяхъ очень многочисленны; они составляютъ болѣе половины документовъ III тома Архива южной и западной Россіи, между №№ 95 и 200. -- Сношениa собственно съ Киселемъ и отсылка къ нему разнаго рода дѣлъ там же, №№ 96, 107, 111, 113, 114, 119, 130, 143, — 146, 149, 161, 162, 167, 183, 195, 196.

1648 г. онъ пишеть ему, что по извѣстіямъ изъ Крыма, съ тамошними татарами воевали ногайцы и съ обѣихъ сторонъ «междуусобною бранею многіе пропали», что потомъ они помирились и тайно согласились между собою идти съобща на Польшу, что хотя султанъ, по силѣ существующихъ договоровъ, и не долженъ быть позволить татарамъ нарушить миръ, но что въ виду извѣстнаго самовольства татаръ король приказалъ коронному войску выступить въ пограничныя мѣстности, пригласивъ присоединиться къ нимъ и мѣстныхъ разныхъ пановъ съ ихъ ополченіями, а потому и въ силу заключеннаго договора, въ случаѣ нападенія татаръ, московское войско должно съ своей стороны оказать помощь польскому. Кисель предупреждалъ также о хитромъ намѣреніи хана послать въ Москву съ изъявленіемъ будто-бы своей дружбы и совѣтовать не довѣрять ему, извѣщать, что султанъ запретилъ крымцамъ нападать на Польшу, косвенно намекать на нарушение Москвою договора чрезъ посылку царемъ хану «казы», замѣчая, что это возбудило неудовольствіе сенаторовъ и что ему Киселю приходится успокаивать ихъ тѣмъ, что нынѣшняя посылка была отнущена ранѣе заключенія договора и потому не служить нарушеніемъ опаго. Долгорукій именемъ царя обѣщаѣтъ двинуть московскую рать до Днѣпра. Кисель благодарить за готовность къ помоици, увѣдомлять, что татары отступили домой, а потому и польскія войска пановъ тоже расходятся, квартцное-же войско располагается въ черкасскихъ козацкихъ городахъ, где козаки «одного пулковника своего чигиринского здрадили». Это была первая вѣсть изъ Польши въ Москву о враждебныхъ замыслахъ Богдана Хмельницкаго, который здѣсь еще и не названъ по имени. Обѣ отходѣ орды на крымскую сторону Кисель почти одновременно извѣщаетъ и сѣвскаго воеводу. Замятню Федоровича Леонтьева, благодаря притомъ его за сообщеніе вѣсти о движенії въ Крымъ калмыковъ. Причину наружнаго миролюбія татаръ онъ указываетъ какъ въ готовности собравшагося противъ нихъ польского войска, такъ и главнымъ образомъ въ союзѣ Польши съ Москвою: «сходство братское и соединеніе великихъ пресвѣтыхъ господарей нашихъ страшно есть не точю крымскому хану, но и турскому султану». Въ мартѣ онъ снова пишеть боярамъ, что имѣть порученіе дѣйствовать противъ татаръ совмѣстно съ великимъ гетманомъ и что хотя въ

этомъ помѣнила ему болѣзнь, но что теперь онъ долженъ съ тѣмъ же гетманомъ разсѣдовати причины бѣгства вѣкоторыхъ козаковъ изъ Запорожье и поступать сообразно поведенію крымцевъ. Важно здѣсь такое предупрежденіе: «ханъ прислать къ намъ договариваться о дружбѣ; если онъ дружится и съ вами, то дружба его прямая; если-же съ одними пами, лесть есть». Очевидно, Кисель ожидалъ отъ Москвы полной взаимности, и на этотъ разъ не напрасно: еще до получения его письма, бояре изъѣздили, со словъ вышедшаго изъ орды полонянина, что ханъ уже обѣщалъ запорожцамъ помочь противъ Польши, «отдать приказъ коней кормить. А въ криму голодъ болѣйшой, чернь татарская рада войти, безъ нея нынѣшняго лѣта никакъ имть не пробыть». Эти обоюдныя увѣдомленія о татарахъ продолжаются и во все то время, когда они присоединились уже къ Хмельницкому; съ польской стороны повторяются при этомъ просьбы о помощи, въ томъ числѣ и отъ кн. Іереміи, а воеводы, согласно царскому указу, такую помощь обѣщаютъ: еще 4 июня, т. е. постѣ корсунской битвы, пишетъ Киселю въ этомъ смыслѣ Болховскій воевода⁴⁾.

Въ этой перепискѣ обѣ стороны постоянно ссылаются на заключенный Киселемъ союзный договоръ, такъ какъ выполненіе его вызвало вѣкоторыя недоразумѣнія на первыхъ-же порахъ. Выше мы упоминали, что вслѣдъ за договоромъ въ Крымъ послана была царская казна, или такъ называемый «упоминокъ», представлявшій въ сущности ежегодную дань, которую досѣль одинаково платила хану Москва, какъ и Цольша, и выплату которой обѣ стороны взаимно обязывались теперь прекратить. Поляки, узнавъ о посылкѣ хану царемъ «упоминка», сочли это нарушениемъ договора; бояре возражали, что казна была уже отпущена прежде подписанія договора. Такъ усмоконивать сенаторовъ и Кисель. Но на Москвѣ сообразили, что прекратить теперь платежи хану, въ силу обязательства передъ Польшей, значитъ стѣснить себя въ будущемъ, а потому стали пріискивать возможность болѣе выгоднаго толкованія самого договора. Возможность эта и нашлась въ одной букви. Въ условіи значилось, что «нынѣ обой великие государи наши, чтобы

⁴⁾ Переписка о договорѣ и ссылки на него. Там же, №№ 99, 107, 133, 134, 136, 146, 166, 182, 194; Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 206.

крымской ордѣ отъ насъ никакая причина не была, (согласились) по давнему обычаю съ ними поступить», т. е. однажды, прежде чѣмъ договоръ войдетъ въ силу, уплатить «упоминокъ». Кисель только-вали, что здѣсь надо разумѣть только *нынѣ*, а не всегда, бояре-же вѣсто поступить «читали» поступать... Собственно говоря, условіе о прекращеніи «упоминокъ» хану было для короля Владислава и другихъ сторонниковъ войны съ невѣрными самымъ важнымъ пунктомъ договора. Оно должно было вызвать столкновеніе Крыма съ Москвою и превратить такимъ образомъ оборонительный по формѣ союзъ въ наступательный. Съ польской стороны платежъ дали прекращеніе еще съ 1645 г., и впослѣдствіи ханъ выставлялъ это обстоятельство главною причиной своего союза съ козаками; но въ Москвѣ, какъ видно, во время поняли эту ловушку. Москва хотѣла сохранить за собою, несмотря на трактать, полную свободу дѣйствій, чтобы воспользоваться потомъ обстоятельствами въ свою только пользу, какъ оно въ концѣ концовъ и случилось¹⁾.

Вскорѣ успѣхи козаковъ и всеобщее восстаніе на Украинѣ заставили Киселя бѣжать отсюда, и съ той поры прекращаются его сношенія съ Москвою. Сношенія эти въ дипломатическомъ смыслѣ носятъ чрезвычайно оригинальный и даже странный характеръ. Хотя и сепаратъ, но изъ второстепенныхъ, Кисель пишетъ прямо къ думнымъ боярамъ, какъ бы въ качествѣ ministra иностранныхъ дѣлъ, а эти гордые и еще болѣе чваные бояре тоже обращаются не къ сенаторской радѣ непосредственно, а все черезъ того же Одама. Понятно, это должно было поднять его авторитетъ и у себя дома, король долженъ былъ признать и оцѣнить его услуги, хотя едва-ли довѣрять ему вполнѣ свои планы относительно турецкой войны и расширенія для этого правъ козачества, не говоря уже о возможномъ усиленіи собственной власти на счетъ шляхты: въ этомъ пунктѣ Адамъ Григорьевичъ могъ-бы оказаться самымъ рѣшительнымъ противникомъ короля.

Наградою посольскихъ трудовъ Киселя было возведеніе его въ достопримѣтное воеводы брацлавскаго, въ концѣ февраля 1648 г.—

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. III, № 107, 111, 112, 117, 122, 124, 128, 133, 135, 136, 143, 146, 149, 161, 166, 167, 172, 181, 184, 187, 194.

съ этимъ титуломъ онъ пишется 16 марта, а 23 февраля подписанъ еще киевскимъ капитяномъ. Повышеніе было сдѣлано довольно значительнымъ скачкомъ: сначала предполагалось дать ему визнаніе по рангу воеводство черниговское, а въ Брацлавъ назначить отсюда Калиновскаго, но король былъ недоволенъ тестемъ послѣдняго, канцлеромъ Оссолинскимъ. На такое назначеніе указывается самъ Кисель въ письмѣ къ сѣвскому воеводѣ: «азъ же одѣ господаря моего первѣе черниговскимъ, потомъ-же болинимъ браславскимъ воеводствомъ ножалованъ». При извѣстномъ уже отчасти намъ личномъ характерѣ Адама Григорьевича, повышеніе въ званіи и почетѣ прямыхъ сношеній съ московскимъ правительствомъ неизбѣжно отразились усиленіемъ его шляхетской гордости, гонора. Долго не получая отвѣтovъ на разныя свои письма, онъ писалъ, будучи еще каштеляномъ, тому-же Леонтьеву: «честь моя и достояніе сенаторское терпить умаленіе, егда на грамоту мою доселя отвѣту не маю». Ставъ же воеводою, онъ начинаетъ учить вѣжливости и этикету самихъ московскихъ бояръ. Раньше онъ обращался къ нимъ по ихъ обычаю, т. е. къ одному лицу: ты, а къ нѣсколькимъ: вы; «тыкали» и они его. Но теперь Кисель находитъ это обиднымъ; начиная величать бояръ, согласно давно уже установленному въ Польшѣ и западной Руси обыкновенію, «милостями», онъ требуетъ того-же и въ отношеніи къ себѣ¹⁾.

Такое же чванство и хвастливость проявляются и въ иѣкоторыхъ письмахъ Киселя по поводу начинавшагося въ то время восстания Хмельницкаго. Выше указано нами сообщенное имъ на Москву первое извѣстіе (23 февраля) объ измѣнѣ чигиринскихъ казаковъ своему полковнику, безъ упоминанія имени Хмельницкаго. 17 марта Кисель пишетъ въ Сѣвскъ болѣе подробно, что часть «казаковъ, черкасцовъ (т. е. реестровыхъ), тысяча или немногимъ больше, сѣѣжали на Запорожье, а старшимъ у нихъ простой холопъ, нарицастся Хмельницкій; намѣрены они поднять и донскихъ казаковъ, выйти въ море». Это было нарушеніемъ мира съ турецкимъ султаномъ, и потому, писалъ Кисель, «коронный гетманъ, и я съ нимъ, будемъ промышлять о томъ ворѣ». Кисель проситъ: «если Хмельницкій сѣѣжить съ Запорожья на Донъ, то тамъ бы его не принимать, ни щадить, ни на море пустить». Недѣлей позже онъ пишетъ, что ему

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. III, стр. 170.

поручено «досмотриться, чесо ради бысть се», т. е. уходъ козаковъ за Пороги. Въ апрѣль сообщаєтъ, что реестровые козаки берутся сами изловить па Запорожьи «своеволного черкасца», и на томъ крестъ цѣловали. Здѣсь снова повторена просьба, если бы этотъ черкасецъ, т. е. Хмельницкій, появился на Дону и сталъ подбивать тамошнихъ козаковъ къ морскому походу, то схватить его, такъ какъ это будто бы входить въ условія союзного договора. Ссылка Киселя на договоръ въ этомъ случаѣ неправильна, ибо въ немъ прямо сказано, что хотя-бы даже донскіе или черкасскіе козаки учинили своевольно задоръ туркамъ, то это условій союза не касается. Особенно же любопытно письмо Киселя къ боярамъ отъ 24 апрѣля, въ которомъ онъ благодаритъ за сообщеніе вѣстей о пребываніи въ Крыму козаковъ и обѣщанной имъ оттуда помощи. «Но, говорить онъ, давайтъ вамъ знать, что никогда холопская рука, особенно измѣнническая, не въ состояніи подвигаться противъ своихъ господъ; и этотъ холопъ, черкасскій измѣнникъ, (Хмельницкій) если не сбѣжитъ на дяхъ со своею дружиною въ Крымъ, то поплатится головой: полемъ и Днѣпромъ попли на него войска. Если даже стануть помогать козакамъ поганцы,— Богъ съ нами и никто-же на ны; все мы готовы, сенаторы и войска наши, при королевскомъ войскѣ, дастъ Богъ, будемъ привѣтствовать поганскіе головы острыми польскими саблями!»

Увы, прошло едва двѣнадцать дней, какъ разгромленъ Хмельницкимъ передовой отрядъ польскихъ войскъ на Жолтихъ Бодахъ, а еще черезъ десять дней разбита подъ Корсунемъ и вся польская армія, съ илѣніемъ гетмановъ. При нихъ однако сенатора-Киселя не было, какъ не встрѣчаемъ его и раньше ни разу въ войскахъ съ самаго 1637 года. Меньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ хвастливаго письма о Хмельницкомъ, Кисель обращается къ нему-же съ дружелюбнымъ письмомъ, именуя его «издавна милымъ пріятелемъ». И далѣе онъ выступаетъ почти исключительно въ качествѣ дипломата; вирочемъ, лѣта его и подагра не дозволяли ему уже участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ¹⁾.

(Окончаніе съдуется).

¹⁾ Намятники кіевской комиссіи, т. I, стр. 141; Архивъ южной и западной Россіи, т. III, №№ 137, 146, 163, 167, 170, 172, 177, 195—198; Michałowski Księga, стр. 20—24, 46.

ДВЪ СТАРЫЯ УКРАИНСКІЯ ПѢСНІ И ПО ПОВОДУ ИХЪ.

Изслѣдователями малорусской народности почему-то установлено мнѣніе, что въ правобережной Украинѣ окончательно затерялась въ народѣ память объ историческихъ событіяхъ, нѣтъ у него ни думъ, ни пѣсень, ни даже сказаний о временахъ козачества. На самомъ дѣлѣ на правомъ берегу Днѣпра не встрѣчается кобзарей, распѣвающихъ старины думы, а только лирники, поющіе канты религіозно-правственного содержанія. Но утверждать, что украинцы правобережные вполнѣ отрѣшились отъ прославленія героевъ своего края, отъ внесенія въ народно-устную исторію именъ и событій, почему-либо знаменательныхъ въ жизни народа, нельзя. Это было-бы раппозидающе отрицанію народного творчества. Нѣтъ, народъ украинскій никогда не переставалъ жить духовно, по своему созерцать совершающеся въ памъ самому и вокругъ него, относиться съ осужденіемъ или съ почитаніемъ къ тому или другому лицу, являющемуся въ его мнѣніи героемъ, мученикомъ, поборникомъ правды или угнетателемъ народа, попирающимъ лѣбезные имъ идеалы. Это нужно сказать вообще про малороссовъ—безразлично право или лѣвобережныхъ. Но дѣло вотъ въ чёмъ.

Лѣвобережная Малороссія, какъ извѣстно, заселилась выходцами съ праваго берега Днѣпра. Это переселеніе совершилось почти пол-головнымъ выселеніемъ во времена руинъ. Съ переселеніемъ перемѣли и вся устная исторія народа того периода исторической жизни его. Съ этимъ и остался почти до нашего времени лѣвобережный украинецъ. По присоединеніи Малороссіи къ московскому царству лѣвобережный украинскій народъ началъ все болѣе и болѣе отстраняться

оть политico-исторической жизни края, все меныше и меныше стаъ участвовать въ ней, а между тѣмъ простой народъ и есть хранитель историческихъ устныхъ преданій. Исторія лѣвобережной Малороссіи послѣ Брюховецкаго представляеть памъ цѣлый рядъ интригантскихъ продѣлокъ взаимоожиравшіяся старшины и почти никакихъ народныхъ движений, запечатленныхъ симпатіями массы или стремлениемъ къ одицетворенію ею своихъ идеаловъ. Простой народъ, въ чаяніи пришествія царства правды оть своего идеала «бывшаго царя», сторонился оть всякаго доброхотнаго участія въ сварахъ грызущейся старшинѣ, интригующей, вѣчно проникновящей «на Москву» и постепенно подводилъ подъ режимъ сначала московскаго, а постѣ и россійскаго строя, пока наконецъ по волѣ Екатерины II не быть закрѣпощенъ этой-же старшинѣ, раньше еще захватившей изъ своихъ лапы земли и угодья. Сбылось, что писалъ Котошихинъ въ своихъ запискахъ (гл. VII, стр. 92) о прѣѣзжавшихъ въ Москву изъ Малороссіи членитчикахъ: «и имъ даютъ на то (ботчины, мельницы, луга) жалованіе грамоты, а на церковное строеніе деньги и церковное одѣяніе, да имъ-же идетъ кормъ и питье и дается жалованье, смотри по человѣку; а даетъ имъ жалованье и поденій кормъ для того, что еще они учинались въ подданствѣ виовѣ, и тѣмъ бы къ вѣчному подданству постояннѣе приманить, а какъ въ подданствѣ позастарѣютъ, и имъ такой чести и жалованья убудетъ». Забытой душѣ б. козака осталось только воспоминаніе прошедшаго, минувшей славы. И вотъ у него—лѣвобережца и повторялись изъ рода въ родъ пѣсни, думы и сказаніи обѣ этомъ горько-славномъ прошедшемъ, пока и оно не вытерлось изъ памяти народной.

Не то было на правомъ берегу Днѣпра. Уцѣльвшіе «недобитки» времена руины, пополнявшись возвращающимися на старыя пепелища поселниками, еще долго должны были субъективно участвовать въ политico-соціальной исторіи своего края, переживать разгромы ордынскіе, смуты и борьбу съ претендующими на обладаніе краемъ поляками. Для правобережной Украины еще не скоро насталъ исторический моментъ устраниенія массы оть политическихъ движений, еще долго пульсировало въ ней стремлениѣ отстануть свой идеаль, выраженный въ словахъ: «Здай ляше! но Слѹчь наше», пока наконецъ и ее, эту бурную, испокорную Украину, не прида-

вела мощная рука россійской власти. На Украинѣ руина смигналась Шацівщиною, Паліївщина перешла въ Гайдамаччину, и только памятью всѣхъ болѣе Коліївщиною закончились проявленія политической жизни правобережной Украины. Всѣ эти события цѣлыми наслойками укладывались въ памяти варода, субъективно переживавшаго ихъ и, разумѣется, отдавшагося въ своемъ поэтическомъ творчествѣ воспѣванію дѣяній и героевъ этого времени. Т. Гр. Шевченко, истый сынъ правобережной Украины, лучше всего имъ воспѣтаго воспѣль гайдамакъ, этихъ послѣднихъ рыцарей народной борѣбы за свои идеалы. Украинецъ такъ и остался лицемъ къ лицу со своимъ историческимъ врагомъ паномъ-ляхомъ, которому окончательно отдала его въ кабалу крѣпостничества россійская сильная власть. Но присоединеніи юго-западнаго края къ россійской имперіи, въ видахъ дипломатической надобности, все польское въ томъ краѣ было задобрено укрѣпленіемъ за панами вотчинной власти надъ подданными; эта панская власть окрѣпila подъ покровительствомъ имперской власти, край былъ разнаѣвашъ между вельможами польскими и даже «подавшими въ случай» русскими. Народъ получилъ только нестѣясность вѣроисповѣданія. И такъ было до 1848 года, когда галицкія события подсказали нашимъ администраторамъ возможность и способъ противупоставленія полонизму въ краѣ силы народной массы, задабриваемой инвентарными правилами. А затѣмъ уже дошла Украина до славнаго 1861 года, когда народъ былъ освобожденъ отъ крѣпостной зависимости, и наконецъ до 1863 года, когда онъ, подавивъ польское восстание, заслужилъ полный протекторатъ правительства въ дѣлѣ земельнаго развода съ панами.

Переживъ столько историческихъ событий и стоя и теперь лицемъ къ лицу со своимъ прежнимъ врагомъ ляхомъ, правобережный украинецъ остался и по сю пору политico-националистомъ, между тѣмъ какъ его братъ лѣвобережный малороссъ, устраниенный отъ всякой политики, забывшій чуть це миеническій для него въ настоящее время образъ ляха, всецѣло поглотился устроеніемъ своего домашне-семейнаго быта, сдѣлался, если такъ можно выразиться, не рискуя дать поводъ къ какой либо двусмыслиности, только социалистомъ; у лѣвобережнаго малоросса только и могли сохраниться думы о временахъ козачества временъ Хмельницкаго и болѣе рачиихъ, потому что эта традиція не заглушилась въ немъ

новими волновавшими его en masse рѣзкими историческими фактами. Все-же пережитое правобережнымъ украинцемъ составляло именно тѣ наслоненія, которые придавливали собою память о совершившемся раньше того. Эти наслоненія сдѣлали цѣлый кавардахъ въ народной традиції. Намъ не разъ приходилось выслушивать рассказы, въ конкѣ единовременно фигурировали Гонта и Хмельницкій, Екатерина «царыца» и Палій, Богданъ Хмельницкій и также Екатерина съ Шотемкінимъ.

На правомъ берегу Днѣпра нельзя найти полныхъ варіантовъ старинныхъ думъ (да и на лѣвомъ берегу со смертію послѣднихъ кобзарей они, кажется, изчезли);¹ но въ 60-хъ годахъ встрѣчались пѣсни и разсказы про Палія, про Швачку, про Мороза, Желѣзняка, про Савчу Чалаго и еще про многихъ, потерявшихъ свое имя, — *вычарокъ* гайдамацкаго цикла. Кроме того попадаются пѣсни запорожскія, старыя и дунайской Сѣчи, пѣсни бурлацкія, чумацкія и рекрутскія, пѣсни о панахъ, о панщинѣ, о военномъ поселеніи — однимъ словомъ обо всемъ томъ, что переживалъ народъ на Украинѣ. Мы уже не говоримъ о пѣсняхъ обрядовыхъ, колядкахъ, веснянкахъ, истривочныхъ, купальныхъ, въ которыхъ, кстати сказать, много еще сохранилось старо-языческаго и древне-русскаго.

Формы поэтическихъ сказаний и пѣсней правобережной Украины отличны отъ склада старинныхъ думъ, но несомнѣнно въ тѣхъ и другихъ много общаго; иногда повторяются цѣлые отрывки прежнихъ думъ со вставкою только иныхъ имёнъ и при томъ въ новомъ музыкальномъ изложеніи. Это все продолженіе творчества одного и того-же народа, только при новосложившейся его исторіи.

По есть и важные недостатки въ историческихъ пѣсняхъ правобережной Украины — это извращеніе, иногда совершенное исчезновеніе собственныхъ имёнъ, смѣшеніе эпохъ и частная географическая неточности. Въ старинныхъ думахъ тоже встрѣчается этотъ недостатокъ, хотя гораздо въ меньшей степени; при томъ-же въ думахъ, при цѣльности дошедшихъ до насъ варіантовъ, недостатки эти легко исправить. Не то совсѣмъ выходитъ съ тѣми обрывками историческихъ пѣсень и съ той амальгамой наслоненій, какія встречаются въ пѣсняхъ Украины.

«Царыца», понимай Екатерина II, призываетъ въ «столицу» запорожцевъ и изъ нихъ посыпаетъ Хмельницкаго и Палія усмирять

Польшу. Въ Переяславѣ совершается воззваніе народа къ этой борьбѣ, молебствуютъ и затѣмъ идуть съ Гонтою братъ Умань, гдѣ основываютъ Сѣчь, которую разоряетъ «Нотбіка» съ гетманомъ Браницемъ, послѣ чего «проклятый» Мазепа уходитъ «житы пидъ турка» за Дунай...

Цѣлый кавардахъ.

Панъ староста Каневскій «у Кмыеви» на рыночку убываетъ дѣвушису.

«Ой у мисти *Ирынубаси*» вмѣсто «*при рубасії*», т. е. во время сѣчи, сабельной схватки.

Или: «Ой кинь пидо ямою, сидло пидъ зорёю» — вмѣсто пидъ джурюю.

Или въ словахъ: «Ой отдали коня та Соколовському,

«А Яснівському зброю»

выводить пѣсня какихъ-то Соколовскаго и Ясновскаго, когда между тѣмъ это ничто иное, какъ «кона сокола» и «яспенську зброю».

Эта путаница понятій, промѣнѣвшихъ на слоеній массы впечатлѣній у народа, проявившаго первно столько потрясавшихъ его событий, произошла еще и отъ того, что историческая преданія въ какой-бы то ни было формѣ не одобрялись и даже подавлялись на Украинѣ поляками, не утратившими своей панской силы надъ украинцемъ и послѣ окончательного присоединенія юго-западнаго края къ имперіи... Понятно, что крѣпостной украинецъ не могъ открыто во всеуслышаніе воспѣвать героеvъ борьбы его съ ляхами, т. е. не далекими предками его пановъ-помѣщиковъ.

Приводимъ слышанный нами такой разсказъ:

Г. Умань въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія быть однимъ изъ болѣе видныхъ центровъ мѣстной шляхетско-польской жизни. Шинный дворъ богатаго магната Феликса (Szczesny) Потоцкаго, нѣсколько урочищъ земарокъ, имѣвшихъ большое значеніе для возникшихъ тогда торговыхъ отношеній южнаго взморья, Одессы, съ плодородными Подолією и Украиною, наконецъ знаменитая въ то время базиліанская коллегія, служившая мѣстомъ воспитанія шляхетской молодежи — все это въ совокупности придавало большое значеніе воздвигнувшейся послѣ гайдамацкаго погрома Уmani. Всегда тамъ было много пановъ и всѣ они такъ или иначе жались ко двору Потоцкаго, какъ одного изъ видѣвшихъ въ то время представителей недавно прекращенной самостоятельности

польской въ томъ краѣ. Послѣдняго короля польскаго Станислава-Августа Понятовскаго уже не было въ живыхъ. Магнаты были еще только болѣе или менѣе сильными, смотря по требованію дипломатіи, столшами польщины въ краѣ. Устарѣвшій поэтъ Трембецкій, утратившій въ умершемъ король сильнаго мецената, проживалъ въ то время при дворѣ Потоцкаго. День св. аностола Петра и Павла былъ особенно торжественнымъ днемъ въ г. Умані. Въ этотъ день обыкновенно совершался торжественный публичный актъ въ базиліанской коллегіи, чѣмъ, разумѣется, визывался большой съѣздъ шляхты за учашеюся молодежью и также ради урочной въ тотъ день ярмарки. Послѣ акта все, что могло изъ съѣхавшейся шляхты, бывало въ гостяхъ во дворцѣ Потоцкаго и въ его заново отѣланномъ, въ честь жены Софії, роскошномъ саду Софіевкѣ, что нынѣ Царицынъ садъ.

Въ одинъ изъ такихъ ст҃ѣзовъ, въ большомъ собраніи высокородныхъ гостей пана Потоцкаго, Трембецкій вздумалъ прочесть новосочиненную имъ въ честь своего мецената хозяина поэму, въ коей описывались прелести Софіевки и доблести ея владѣльца и творца. Самое чтеніе происходило въ одной изъ роскошныхъ бесѣдокъ-колониадъ сада. Разумѣется, всѣ присутствующіе подобострастно, съ одобряющими минами, слушали декламацію листца поэта. Самъ восхваляемый въ пышныхъ выраженіяхъ соленизантъ цышился, вслушиваясь въ цитаты его, можетъ быть, и неизвѣстныхъ и мало цѣнныхъ имъ самимъ доблестей, таяль отъ удовольствія. Кончили наконецъ поэтъ, тишина собранія, не успѣвшаго еще выскажать своего одобренія, доказывала степень восхищенія слушателей. И вдругъ въ этой тишинѣ изъ ближайшей клумбы цвѣтовъ раздается зачудившая ибсия погибающаго цвѣты садовника-украинца:

«Ой ты Потоцкій, воеводзкій сыну!
Запронастыѣ Польшу и всю Україну.
Думка въ тебе була, щобъ королемъ стать—
Ниновъ-же ты до царыци милости прохатъ».

Представьте себе физіономію гостей-шляхты, которой такъ рѣзко припомнить простой *жюнг* общеизвѣстную привычность рода Потоцкихъ къ раздѣлу Позши! Представьте себѣ положеніе высоко парижнаго поэта и наконецъ и самого превознесеннаго чуть не до небесъ, за одну минуту передъ тѣмъ, пана Потоц-

каго! «Хлопа» сейчасъ-же схватили, по онъ отвѣчалъ, что пѣтая имъ пісня общеизвѣстна,—тѣмъ заканчивался слышанный нами разсказъ.

Изъ этого окончанія разсказа явствуетъ, что и тогда *схватывали* за пісню, за провозглашеніе неправящагося, по что народное творчество жило въ политической жизни края и не омнило совершающихся событій. Но какъ не схватывали, какъ не давили живое слово народного творчества, а оно все таки сохранилось въ народѣ и по наше время, какъ тлѣющая искра въ золѣ, какъ сохранились въ стрѣхахъ украинскихъ хатъ, загатахъ и ошаникахъ козацкіе давніе *спыси*, добытые изъ-подъ спуда въ 1863 году. Когда по ходу событій въ 1861 году для украинца ляхъ-пагъ пересталъ быть подавляющею его симпатіи и идеалы грозою, тогда стали изъ-подъ спуда народной памяти выдѣбываться на свѣтъ Божій старинныя пісни и сказанія. Но на нихъ, какъ на запрятаныхъ *спысахъ* ржавчина, видна была сила подавленія въ теченіи долгаго времени историческихъ преданій народа. Сплошь и рядомъ эти добытыя пісни, сохранивъ всю поэзію и красу народного творчества, оказывались потерявшими свою опредѣленность, точность передаваемаго факта. Такъ древнія монеты со стертыми надписями представляютъ собою цѣну металла, иногда приблизительно эпоху ихъ генезиса, національное происхожденіе, но не даютъ возможности болѣе точной детерминаціи ихъ.

Я жилъ въ это время добыванія изъ-подъ спуда старыхъ пісень и преданій въ средѣ народа и по мѣрѣ силъ записывать эти цѣнности народной поэзії. Помню, съ какою осмотрительностію пѣли и возстановляли въ своей памяти украинцы историческія свои пісни въ первые послѣ 1861 года. Нужно было внушить къ себѣ довѣріе, нужно было стать вполнѣ безоласнымъ въ глазахъ украинца, чтобы удостоиться послушать эти пісни. Исковерканные, не полные, затертые въ памяти отрывки, но все таки это были историческія пісни.

Цереноась памятью въ то недалекое прошлое моей жизни, я живо припоминаю эти сеансы, гдѣ съ одной стороны меня возбуждало чувство любопытства, а съ другой пѣвцамъ не давали развернуться подозрительность и недовѣріе ко мнѣ. Обыкновенно, особенно поначалу, это бывало въ концѣ какой либо «бесѣды», какогонибудь урочнаго гулянья, по случаю свадьбы, заговинъ и т. д., и разу-

м'єтса подъ вліяніемъ охм'яленія..., когда уже изчерпывался репертуаръ обыкновенныхъ, извѣстныхъ въ то время всѣмъ любовныхъ, чумацкихъ или иныхъ бытовыхъ пѣсень.

— Отъ-бы ще якои проспиватъ... отзывається кто нибудь изъ собесѣдствующихъ.

— Якои? спрашивають другіе.

— Та оцієи—якъ бо ін?!.. «Ой ще не свить, ой ще не свить»... таємь ныначе. Тильки ії не выведемъ...

— А ну, а ну! Починайте! накидываемся на предложившаго. Ну те-жъ-бо, ну-жт!..

— Гмъ! хто ёго знає... Це така, що... и упрашиваемый мотаетъ събеседникою на грудь головою и какъ-то лукаво, особенно какъ-то улыбаясь чуть не однімъ усомъ, испытующе поглядываетъ вокругъ сбѧ, какъ-бы спрашивая взоромъ другихъ.

— Ни! Нехай другимъ часомъ, часто обриваль упрашиваемый и на этомъ стоять упорно.

И дѣйствительно, другимъ часомъ и иногда въ той-же бесѣдѣ, при дальнѣйшей выпивкѣ, удавалось совершенно неожиданно услышать замѣтную пѣсню. Іѣвецъ какъ-то особенно дерзко взглядывалъ на собесѣдниковъ и съ какою-то рѣшимостю, бравурствомъ, пѣть затѣянную раньше пѣсню. Вставки и поправки и наконецъ постепенно захватывающее всѣхъ собесѣдниковъ участіе въ іѣній доказывали, что іѣтое только мнѣ одному изъ присутствующихъ было по сю пору познѣвестно.

Своевременно пѣсни эти записывались мною и отдавались известнымъ мнѣ собирателямъ. Нѣкоторые пѣсни вошли въ напечатанные сборники, но двухъ изъ записанныхъ мною тогда пѣсень я не встрѣчалъ въ печати и потому, пользуясь еще пока собственою памятью и памятью моихъ дочерей, я эти пѣсни здѣсь записываю. Самый напѣвъ ихъ, по моей просьбѣ, положенъ на ноты хорошимъ музыкантамъ и особенно способнымъ записывателемъ мотивокъ, чуть не подъ диктовку, Андреемъ Ивановичемъ Краснокутскимъ, коему здѣсь-же приношу мою признательную благодарность.

Вотъ первая изъ этихъ пѣсень:

Ой на биду, на горе козакъ уродився:

Въ чистямъ поля, край дороги ляникамъ знадобився.

У недиленъку, вранци, тай славонъка стала--

Взяли ляшки сиромаху, тай забили въ кайданы.
 Та на руки кайданы, а на ноги дыбыци—
 Хотять ляпки сиромаху зо съвита згубити.
 Та на руки кайданы, на ноги дыбыци,
 Тай вкинули сиромаху въ темную теницу.
 Приизжаете жовніръ, ставъ ёго пытати:
 —Чы с ишь тебе, сиромаха, отець, ридна мати?
 —Ой великий лугъ батько, а Сичъ моя мати.
 Доведетьца сиромаси въ неволи погибати.
 —Та вы мини не напы, а я вамъ не хлонецъ!
 —Догадайтесь, сыни вражи, що я запорожецъ.
 Та збиралися люде, молоди молодаци...
 «Визволь, Боже, сиромаху зъ темною темници!»
 Приленула Галя зъ черными бровами,
 Обвиняла козаченка, тай поцілувала.
 Приленула друга—ся вже не такая:
 Ся обвнала козаченка, тай плакати стала.
 «Ой та йзвъ же я сласно, ходивъ я прекрасно...
 «Доведетьца козакови погибнуть на прасно.
 «Ой та йзвъ же я сласно, та ще йсти буду...
 «Таки ляшкамъ, кражимъ сына, поки живъ, не забуду.

Слыпано въ Дударяхъ, Черницахъ и въ Холоронѣ канев. уѣзда.

Не швидко

Oй на би - ду й на - го ре ко закъ у - - - - -
 див - ся въ чыс - тимъ по ли край до - - - - -
 гы та ляш - камъ зна - - - - до бився.

Записавъ эту пѣсню, я позволю себѣ коментировать єё, или, лучше сказать, записать то, какъ я ее понимаю, какое впечатлѣніе она произвела на меня при непосредственномъ прянії ея отъ піара. Начертаніемъ программы коментированія записанныхъ

миною п'єсень я спимаю съ собя отвѣтственность въ недостаточности научной подготовки моей къ разработкѣ народной поэзіи. Я описываю здѣсь мои личныя впечатлѣнія, а потому и допускаю разныя licentiae poeticæ, коимъ я самъ поддавался во время слушанія пѣсни.

Возмахиваю крыльями фантазіи и коментирую.

Гдѣ это «въ чистомъ полѣ», «край» какой «дороги» и кто этотъ *сиромаха*, что *знадобився ляшкамъ?* Засѣли ляшки въ какой нибудь придорожной корчмѣ, пагрянули туда, узнавъ, что тамъ гуляетъ этотъ молодецъ-забулдыга, *сиромаха*, своего рода абрекъ того времени, и поймали его. Видно, не добромъ дать оиъ знать себя ляшамъ, а теперь и *знадобивши имъ*, т. е. пошатъ въ засаду, захвачены внезапно.

Никто не могъ мнѣ назвать его, опредѣленно отвѣтить на мои распросы. «Такій-то уже бувъ себи», «такъ себи якійсь сердега». «маю ихъ отъ такихъ тоди тутъ вениталось»—все это были отвѣты, ничего не говорящіе.

Но разъ мнѣ пришлось услышать что-то болѣе опредѣленное, хотя все-таки мало объяснявшее.

Свадьба въ самомъ развалѣ. Всѣ гости на дворѣ, поразмѣстились на *присбахах*, около вынесенного нарочито изъ хаты стола съ *ослонами*, и такъ по просту на землѣ, *по-пайдѣ тыномъ*. Вотъ-вотъ возвратятся *молоди* отъ тенци и тогда будуть снять звать въ хату, усаживать за *столъ* и починуть здоровувати. Музиканты ушли съ *молодыми*. Я затесался въ кружокъ *молодиць*; подвыпивши и обнявшись съ ними, униваюсь мелодію *женоцької* пѣсни:

«Доки тебе не любила, гула, якъ голубка.

Гула, гула та голубонька—полепула въ поле!..

А летячи говорила—горе-жъ мени, горе!..

«Горе-жъ мени, горе! Несчастная доле!

«Утопила головонько въ безоднєе море!..

Засумовала пѣсня, и мы слушающе и поюще цоники охмѣлѣвшиими головами и замокли, какъ-бы вслушиваясь въ заунывную, вытянутую *скумом Пасажкою* поту...

«Ой на биду на горе козакъ хродився...

отозвался теноръ Петровичъ въ близкомъ къ намъ кружкѣ сидящихъ около стола мужчинъ. Выпнутавши изъ объятій молоди-

дыць, я устремился къ группѣ новыхъ пѣвцовъ, умостился съ ними и сталъ подтгиватъ.

Къ нашей группѣ подошла чуть не столѣтнія бабка жениха, стара Козачка (семью эту звали Козаченки) и вткнулась своимъ блѣднымъ, обрамленнымъ *наміжкою* и *нилбориціями* лицемъ въ кучу головъ съ раскраснѣвшимися, напряженными отъ пѣнія физіономіями. Старуха все прислушивалась, какъ-бы что-то вспоминала и наконецъ прошамкала:

— О! Це про Мамая,—про Мамая... и сейчасъ-же ушла, какъ-бы устранила себя отъ участія въ пѣнії.

Сколько я не допытывался у *бабусеньки*, сколько не допрашивалъ ее и въ тотъ день и послѣ—ничего таихъ таки и не допытался.

«Мамай?! Оде усе таки про Мамая... Колысь то було, давно. Теперь мало хто знає... Було, уси знали цю писню... гмъ... Мамай, одно слово Мамай»... Вотъ тѣ отвѣты, какими подчиваля меня бабуся, вирочемъ мало уже говорившая вообще. Разумѣла-ли она подъ этимъ словомъ «Мамай» имѧ собственное, или это было паричательное для обозначенія ватажка гайдамака, какъ вотъ напримеръ «Воронежскіе Мамай», означающіе вообще татарь, ногайцевъ, кочующій степной людъ—не знаю. А потому и фантазирую.

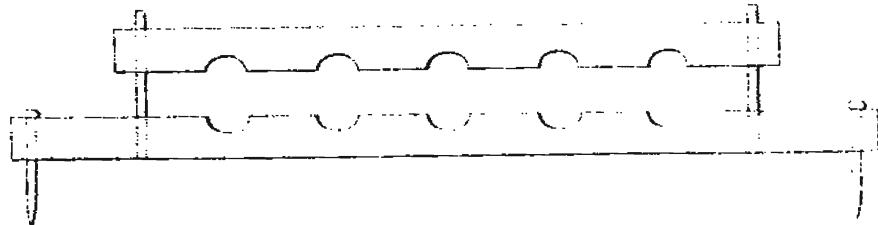
Мѣстечко старостинское среди заселяющейся на старыхъ *селмахъ* Украины. Въ центрѣ крестьянского населенія, въ срединѣ густой зелени садовъ и левадъ, изъ-за которой проглядываютъ кое-гдѣ весело соломенные крыши *чепурныхъ, билесникіхъ жатъ*, какъ струнъ на живомъ тѣлѣ, грязнымъ пятномъ размѣстился базаръ съ высокими, странной архитектуры, жиловскими домами—*зальзами*, съ большою корчмою-ратушей на площади, съ мелкими лавченками ятками. Замокъ старостинскій на крутомъ берегу какой нибудь Роси, Расавы, Гнилаго Тисича или Тясминна. Возобновленные валы и полисады кругомъ замка, *мури* и *костѣль*, башня надъ подъемнымъ мостомъ, а въ башни окна, задѣланыя жестьюю рѣшеткою, хоромы пана старости, старыя тополи, съ сухими, обожженными при послѣднемъ нападѣ гайдамакомъ вѣтвями, тюрьма подземная (темная темница), надворная хоругвь козаковъ, гайдуки и пахолки.

Недиленъка свята. Разряженные поселяне стягиваются къ старенькой деревянной, кой-гдѣ полатанной новою шелѣвкою, трехглавой

церковцѣ, куда ихъ сзываєтъ лязгъ небольшаго колокола чуть-ли не на уніатское богослуженіе. Съ окрестностей тожекой-кто пришелъ побазарувань. Суетная «жидова» забыгала по-между возовъ, часуетилась, заторговала послѣ шабаша. Базарь оживляется, кто до церкви, кто въ ямки, а есть и такие, що и до корчмы.

И вотъ въ эту недиленьку, въ ранцу, среди этой базарной толпы прозеяла молва (славонка *стала*), что ляхи поймали сиромаху, какого-то неопределеннаго публикою, и забили, т. е. заковали въ кайданы на рукахъ и дыбы на ногахъ, и вкинули въ темную темницу, т. е. въ подземную тюрьму¹), результатомъ какого заключенія будетъ гибель этого сиромахи—хояжъ ляшки сиромаху за съюзта зубити. Но кто онъ, этотъ пойманный сиромаха, публика еще не знаетъ, ей только известенъ фактъ поимки. Но вотъ приезжаетъ къ узнику *жовниръ* (не гайдукъ, не козакъ надворной хоругви, а *жовниръ*, по польски żołnierz), какъ-то отличающійся отъ обычныхъ вооруженныхъ людей замка, и стала его *питати*, т. е. спрашивать. Очевидно, это какойнибудь чиновникъ польскій, административный или судебній, дѣлаетъ опросъ или допросъ заключенного. Чублика жадно ловить отвѣтъ узника. Пойманный сиромаха

¹⁾ Наши потоки вѣроятно не сумѣютъ себѣ представить этого орудія ареста—дыбы, дыбычи. Это двѣ толстые колоды, деревянныя, съ висѣками для ногъ, оббитыя на глухо деревянными гвоздями. Эти колодки-дыбы такъ еще недавно надѣвали, за недостаткомъ квадаловъ, на рекрутъ, при чемъ обыкновенно надѣвали одну колодку на двухъ человѣкъ, прихватывая каждого за одну ногу. Я помню и другой видъ этого инструмента: также большія двѣ колоды со многими проймами, по одна колода неподвижно прикрѣплялась къ землѣ,

а другая надѣвалась на стержни и потомъ заклинавалась. Разбушевавшаяся пьяница обыкновенно забивали одною ногою ту одну колоду, пока проспится. Инструментъ этотъ назывался *тусакъ* и употреблялся селянами и послѣ 1861 г.

бравириуетъ передъ толпою и въ тоже время старается устранить себы отъ мѣстной, польской расправы; онъ, вѣроятно, знаетъ, что если назовется запорожцемъ, его не будутъ судить польскія власти, а отосплютъ въ Кіевъ, къ Коню или сдадуть коменданту крѣости си, Елизаветы. Но, видно, во мнѣнії толпы эта бравада не спасеть обреченаго, и толпа выражаетъ это свое мнѣніе, что вѣдь все-таки доседется добру молодцу *въ неволи погибти*, т. е. не избѣгнуть ему тяжкаго заключенія. Намекнувъ иносказательно на свое происхожденіе, пойманный вслѣдъ затѣмъ категорически объясняетъ, кто онъ, и какъ-бы заявляетъ отводъ о неподсудности.—Что-жъ еще вы меня не поняли, что-ли? какъ-бы говорить онъ: «*та вы мени не паны, а я вамъ не хлопецъ*», т. е. я не подчиненный вамъ, знать васъ не хочу, *догадайтесь, сыны оражи, що я запорожецъ*. Вотъ только изъ этого послѣдняго категорического объясненія публика узнаетъ, кто этотъ сиромаха, видѣть въ немъ симпатичный ей типъ лыцаря, сироты бездомною, отданного цѣликомъ борбѣ съ нелюбимыми ляхами. Эта симпатія, сочувствіе къ сиромахѣ выражается словами івсни:

Збиралися люде, молоди молодиці...

«Визволъ, Боже, сиромаху зъ темнои темницы!»

Особенно *молодыма* *молодыцямъ* люба эта удалая фигура сиромахи запорожца: это не тотъ *погибла* свой мужъ, мужикъ гречко-сій, анатично подставлявшій свою *погиблю* подъ панскій кулакъ, смѣренно запрягшійся оять иослъ Палівицкимъ въ ярмо панской власти; иѣть, не такоѣть этотъ *лыцарь сиромаха*, дерзкій, здоровый, съ чубомъ-оселедцемъ съ конскій хвостъ, съ этими *довгими, начищуюки* *дат, усами*. Да, не у одной изъ *молодыцъ* *молодыцъ*, затреветало сердце при видѣ этого молодца. Но вотъ, сквозь толпу протискивается *пригинувшая Гали* *зъ черными бровями* и смильо при всѣхъ обнимаетъ его и цѣлуетъ. Вѣдь за неї летить заоздавшая другал, изволнованная, испуганная, сконфуженная... Эта не съумѣла выразить свою любовь поцѣлуемъ, а только успѣла кинуться на шею добру молодцу и, скрушившая тревогой, женскою стыдли-

востію, первная, страстная, илачетъ въ груди у своего милаго, рыдаеть истерически—*ся вже не такая* (смѣлая, бойкая).

Ся обигла козаченька, тай плачами стаia,
кратко говоритьъ пѣсня.—Такъ моему воображенію представляется эта картина. Но очень можетъ быть, что здесь изображена сцена того, практиковавшагося на Украинѣ въ поэзій времена ея заселенія, обычая, по которому преступникъ, осужденный на смерть, получалъ свободу и жизнь, если въ минуту казни являлась свободная женщина, желавшая повѣнчаться съ пимъ, и въ знакъ того давала ему поцѣлуй. Если хотите, заключительныя слова пѣсни, въ коихъ высказывается надежда еще жити такъ *сласно*, какъ и прежде, оправдываютъ послѣднее предположеніе. Пѣсня оканчивается все-таки выражениемъ непримириности героя пѣсни къ ненавистнымъ ляхамъ:

Таки ляхамъ, вражимъ сынамъ, поки живъ, не забуду.

Обстоятельства занесли меня съ Україны на по-Донщину. На этомъ новомъ мѣстѣ жизнь моя сложилась такъ, что я стоять въ непосредственнаго сближенія съ пародомъ, и мои этнографическія занятія сами собою прекратились, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой они велись на Українѣ. Это произошло отчасти и отъ того, что мнѣ пришлось жить въ велико-русскомъ селѣ, чуждомъ для меня по народности, мало понятномъ въ его бытовомъ строѣ и потому мало меня занимавшемъ. Въ 1869 году мнѣ пришлось перевезти къ себѣ моихъ дочерей, 3 и 6 лѣтъ, остававшихся до той поры въ одномъ селѣ на Українѣ, въ той народной средѣ, кой я обязанъ настоящими моими воспоминаніями. Дочери мои, между прочими приобрѣтенными ими въ селѣ знаніями, за три года нашеї разлуки и вихъ жизни въ селѣ, научились пѣть украинскія пѣсни чисто по народному и вывезли изъ Україны порядочный репертуаръ пѣсень, между коими были и незнакомыя мнѣ до той поры. При этомъ нужно знать, что въ селахъ, какъ и везде въ мірѣ, публика тоже подвержена измѣнчивости вкусовъ и симпатій, что и въ селѣ дѣйствуютъ законы моды: какая либодь новая пѣсня вдругъ ни съ того, ни съ этого входитъ въ моду, *принадае до смаку деревенской публикѣ* и долгое время преимущественно, до прискучиванія, иоется вѣми и вездѣ. Случайно запесенный въ село чужой человѣкъ, часто даже прохожій бурлака, кутивши въ придорожной корчмѣ, кто либодь болѣе

воспріимчивъй изъ своихъ, на сторонѣ научившійся пѣть въ самую точку вкуса публики, приносить новую пѣсню и пѣсня эта поется всѣми. Вставляютъ припомянутыя части, варьируютъ, выводятъ её на всѣ лады и она становится своею, замѣняетъ въ сельскомъ репертуарѣ прежнюю какую либо пѣсню, пока въ свою очередь не уступить олиць какойнибудь новой. Вѣдьствие этого, такъ сказать, моди-чанья села, выходитъ то, что записавшій известныя пѣсни въ сель черезъ некоторый промежутокъ времени можетъ уже и не найти въ томъ-же селѣ этихъ пѣсень, а услышать новые, до той поры имъ не слыханныя.

Проживая въ русскомъ селѣ, гдѣ нельзя было услышать и одного слова по малорусски, я съ великимъ наслажденiemъ прослу-шивалъ пѣсни моихъ дѣвочекъ, пѣтыя вѣжными дѣтскими голосами, по съ замѣчательною точностию народной украинской интонаціи. Занесенный внословѣствомъ на черноморское побережье Кавказа, я не разъ, выбившись на лодкѣ на широкую гладь моря, любуясь вос-хитительнымъ видомъ уступовъ горъ то зеленыхъ, то синѣющихъ, то блѣдѣющихъ снѣговыми вершинами, упивался звуками пѣтыхъ моими дочками заунимвныхъ пѣсень далекой родины.

Между этими пѣснями была одна, которую я и прежде слы-
халъ на Украинѣ; она записана мною, кому-то отдана, но по сю
пору не встрѣчалась мнѣ въ знакомыхъ сборникахъ, хотя ее
можно-бы отнести къ пѣснямъ историческимъ. Это пѣсня про
Бондаривну, жертву псукротимой страстности пана старости ка-
невского, Николая Потоцкаго, называемаго иногда просто банитомъ
(banita по польски, съ латинскаго значить изгнанникъ). Этимъ
послѣднимъ названiemъ обозначалось то, что человѣкъ этотъ быъ
запечь покровительства законовъ. Всякій коронный чиновникъ
обязанъ быть такого человѣка при первой возможности арестовать
и безо всякаго суда казнить, а убить безнаказанно могъ всякий,
кому вздумается. На старостѣ каневскомъ тяготѣло около 150
уголовныхъ приговоровъ по различнымъ дѣламъ и по каждому
изъ нихъ онъ, какъ не являвшійся въ судъ, уклоняющійся отъ
закона, былъ приговариваемъ къ баниції (banitia), т. е. лишенню
покровительства закона. Но панъ сей, всегда окруженный воору-
женною, преданною ему дружиной легко вербуемыхъ въ то смутное
время головорѣзовъ, былъ недосягаемъ для безсильной польской

судебно-исполнительной и административной власти, особенно въ такомъ далекомъ уголѣ королевства, какимъ была поднѣпровская Украина.

На Украинѣ можно было въ недавнее время услыхать много разсказовъ про самодурства этого шального магната. Нѣкоторыя изъ этихъ разсказовъ записаны уже и напечатаны (Голка Сторожевскаго, Стихотворенія Осташевскаго). Народъ-же въ его творчествѣ поэтическомъ увѣковѣчилъ память этого самодура-изверга въ пѣснѣ о Бандаривнѣ. Въ пѣснѣ этой разсказывается общеизвѣстный на Украинѣ фактъ убийства паномъ старостою крестьянской дѣвишки Бандаривны.

Николай Потоцкій жилъ на Украинѣ, вужно полагать, въ срединѣ прошлаго столѣтія, къ концу первой и въ началѣ второй половины его. Послѣ неудавшійся попытки Цалія и Самуся колонизировать и занять для присоединенія къ московскому царству опустошенную Украину, что было въ первыхъ годахъ прошлаго столѣтія, на Украинѣ опять водворилось беззначаціе, опять начали ее терзать разные претенденты на обладаніе ею, пока наконецъ въ 1713 году по прутскому договору она не была отдана онаго Польши. Опять начипастся новая колонизація или, лучше сказать, оккупациія Украины поляками, при чемъ, разумѣется, шляхта не съ разу вселяется въ край, а исподволь подвигается съ Волыни и Шельссія. Скорому поселенію шляхты на Украинѣ мѣшала опасность столкновенія съ возникшимъ въ то время гайдамачествомъ. Запорожская Січъ разорена была передъ тѣмъ Петромъ Великимъ, главный, такъ сказать, легализированный пріютъ бѣглыхъ и недовольныхъ перепесенъ былъ на турецко-татарскую территорію въ Алепкии, и вотъ все это недовольное, буйное, все непримирающееся съ польскими порядками ютится по степнымъ балкамъ запорожской степи, по опустѣлымъ селницамъ южной Украины, по камышамъ Выси и Синюхи и въ Черномъ лѣсу, на водораздѣльномъ между бассейнами днѣпровыхъ и бугскихъ рѣкъ кряжу. Отсюда дерзкими загонами эти малюткенты, павбистные подъ именемъ гайдамакъ, дѣлаютъ грозные набѣги на селившуюся на Украинѣ шляхту и долго не даютъ ей устроиться на новыхъ мѣстахъ.

Панъ Николай Потоцкій бытъ однимъ изъ этихъ вселяющихся на Украинѣ колонизаторовъ. Волынскій магнатъ знатнаго рода,

онъ получаетъ титулъ каневскаго старосты и отправляется лично устраивать этотъ далекій отъ Волыни край. То, что онъ явился уже въ Каневицну не первый, или то, что ближайшая къ Каневицнѣ Украина была уже до извѣстной степени заселена и имѣла возможно-устроенный видъ, доказывается уже тѣмъ количествомъ уголовныхъ приговоровъ, какое тяготѣло надъ этимъ самодуромъ. Значить въ томъ краѣ уже было кого обижать изъ такихъ, за кого заступался законъ (хлопъ былъ вѣдь закона), значить бывшіи уже въ краѣ хотъ какія нибудь юрисдикціи, въ которыхъ постановлялись приговоры. А такъ какъ для всего этого нужно было время и такъ какъ въ 1760 году мы встрѣчаемъ Николая Потоцкаго кающимся грѣшникомъ, строющими церкви въ Почаевѣ¹⁾); то мы и опредѣляемъ время жизни его на Украинѣ концемъ первой и началомъ второй половины прошлаго столѣтія.

Забивши въ этотъ далекій уголокъ края, Николай Потоцкій, во-натурѣ, какъ видно изъ разсказовъ, страстный и чудаковатый самодуръ, предается полному произволу, разнужданному разгулу, недосыпаемый закономъ, не стѣсняемый мнѣніемъ людей далекаго отъ него его круга. Тутъ онъ все-властенъ, тутъ онъ безъ толку благодѣтельствуетъ, но напріму обижаетъ, тутъ онъ въ минуты не-воздержнаго гибва и убиваетъ людей. Вѣдь онъ одѣвается въ козацкое платье, широкіе шаровары и отращиваетъ запорожскій оселедецъ²⁾ и вообще дѣлаетъ, что дѣлали до него и посль него многие польскіе наим—козакофильствуетъ. Въ посльдніемъ, т. е. въ козакофильствѣ это тогъ-же Тимко Надура, Михаилъ Чайковскій, Богданъ Залескій, Гощинскій и иные мелкіе козаколюбцы нашей эпохи—это все тоже, только при иной обстановкѣ, въ иной исторической рамкѣ. Онъ заставляетъ новыя села, привлекая поселянъ различными льготами, помошью при обзаведеніи хозяйства, тѣшится этими своими селами, пьеть, гулять въ нихъ, снаиваетъ громады и въ тоже время неравнодушнѣ къ карымъ очамъ и чернымъ бровямъ своихъ поселянокъ. Имя одной изъ его амантоў Прыськи увѣждаивается въ названіи одного новозаселеннаго села—Прыщики.

¹⁾ См. «Киевская Старина», июнь 1884 г., ст. «Почаевская успенская лавра, князь И. С. Голицынъ».

²⁾ Ibid.

Въ память пьяныхъ оргій съ этою Приською (чуть-ли это не та самая воспѣтая Бондаривна), цѣлою фразою наименовываются нѣсколько сель: Николаевка, Потокъ, Ши, Прыцки, Нивци ¹⁾), что означаетъ: Николай Потоцкій пьеть съ Приською пиво (*Nikolaj Potocki pije z Pryska piwko*).

Въ разсказахъ, какіе миѣ приходилось о немъ слышать, п. каневскій староста не вызываетъ абсолютной ненависти народа. Нѣтъ, что-то похожее на отношенія народа къ личности извѣстныхъ разбойниковъ сквозило въ слышанныхъ мною разсказахъ объ этомъ самодурѣ. За нимъ, какъ за популярнымъ эксцентрикомъ, признавалась какъ-бы извѣстная доля права кого-то высѣчь, самымъ оригинальнымъ образомъ кого-то разсудить въ спорѣ между собою, потѣшиться надъ «жидовою» и наконецъ даже причинить кому-то самую смерть при неумѣренной жалости или при вспышкѣ невоз-держаго гнѣва. Съ нимъ устраиваются состязанія въ находчивости, въ перехитриваніи его придиrokъ, причемъ онъ сплошь и рядомъ бываетъ побиваемъ ловкостю какого нибудь незначительного, маленькаго человѣка, къ нему идутъ судиться въ трудно-разрѣшаемыхъ случаяхъ спора, къ его наконецъ личности пріурочиваются различнѣйшія курьезныя приключенія, на самомъ дѣлѣ случавшіяся вовсе не съ нимъ, а съ другими лицами. Вообще это популярная историческая личность этотъ п. староста каневскій среди заселявшихся вновь Украины.

Мы позволяемъ себѣ очертить эту оригиналную личность, по тѣмъ впечатлѣніямъ, какія остались у насъ отъ всего читаннаго и слышаннаго о немъ, слѣдующимъ образомъ.

Не дюжинный по природѣ, съ нравственнымъ складомъ, отличнымъ отъ склада людей его круга, не ужившись на Волыни въмагнатско-шляхетской средѣ, Николай Потоцкій уходитъ въ далекій, не заселенный виолиѣ еще край и здѣсь создаетъ себѣ особое положеніе полновластнаго взадыки, устраиваетъ своего рода *statum in statu*, гдѣ его воля, его желаніе—законъ и правило жизни. Не достаточно подготовленный для поддержанія въ себѣ и въ окружающемъ его мірѣ безусловно нравственнаго режима, онъ тѣмъ не менѣе соотвѣтствуетъ потребности нужнаго въ этомъ краѣ во

¹⁾ Села каневскаго уѣзда.

тому времени сильного устроителя, преданного своему дѣлу. Здѣсь обуеваетъ его козакоманія, онъ сходится съ приходящими къ нему посельниками, помогаетъ этимъ посельникамъ, любить ихъ, заслуживаетъ популярность, гуляетъ, пьетъ съ ними, влюбляется въ Приську Бондариву преимущественно предъ другими временными козаками, воловодится съ нею до тѣхъ поръ, пока наконецъ въ минуту вспышки не застрѣливаетъ ее, а затѣмъ плачетъ, убивается по ней, тоску и угрызенія совѣсти заливаетъ все больше и больше виномъ, сразу послѣ этого-же процесса видѣть отшатнувшимся отъ себя любимый имъ, хотя-бы изъ эротизма, народъ, увидавшій и въ этомъ популярномъ человѣкѣ жестокаго пана-ляха, становится мрачнымъ пьяницею, ипохондрикомъ, пустившимся во вся тѣжкая. Мрачный, вѣчно пьяный, съ осунувшимися чертами лица, съ отвисшему нижнею губою, онъ въ послѣднее время жизни его на Украинѣ только неистовствовалъ. Пріѣзжая въ какое нибудь село, онъ сейчасъ-же устраивалъ съ соблюденіемъ всей обрядности «веселля». Намѣченную дѣвушку вѣнчали съ нимъ (священники это дѣлали, будучи угрожаемы пистолетомъ), устраивалась всеобщая похойка, и молодыхъ по чину, какъ слѣдуетъ, укладывали спать, при чёмъ молодой п. староста былъ обыкновенно пьянъ. По утру на другой день молодоженъ жаловался своимъ приближеннымъ на неудобство быть женатымъ, требовалъ развода и разводъ этотъ устраивался очень просто: клевреты схватывали молоду въ мѣшокъ и толили въ ближайшей рѣчкѣ. И этакія звѣрскія продѣлки практиковались не разъ, пока наконецъ этотъ сумасшедшій извергъ какими-то судьбами не пошелъ въ почаевскую лавру каяться.

Бѣдная Украина! чего ты только не вытерпѣла отъ разнаго рода властныхъ самодуровъ?!

Народъ въ пѣснѣ воспѣлъ случай убийства Бондаривы; причемъ, разумѣется, память ея украсилъ цвѣтами поэзіи и окружилъ ее вѣнкомъ своихъ симпатій. По словамъ пѣсни, п. Каневской, откуда-то явившійся (де не взялъся), встрѣчаетъ Бондариву водящею передъ въ хороводѣ. Онъ привѣтствуетъ ее снятіемъ шапки, обнимаетъ, целуетъ и, напомниая о прежнихъ любовныхъ отношеніяхъ, спрашиваетъ, любить-ли она его и теперь, какъ и прежде. На это гордая красавица, очевидно никогда не любившая старосту, отвѣчаетъ дерзкою насмѣшкою, называетъ его псомъ. «Якъ козака тебѣ,

пане, такъ теперъ кохаю,—де побачу межъ панами, за тса тебе маю». Нужно знать, что ругательство песъ, собака, сука, сучка, у народа имѣть особое значеніе; этими словами обозначается при-
сущность ругаемому невоздержности въ половыхъ инстинктахъ, рас-
пущенность половая у женщинъ и ловеласничество, настойчивое
достиженіе ласкъ любви у мужчинъ. «Такий уже собака, такий
песъ... говорить про мужчинъ этого пошиба; вона усе ривно, шо
отъ сучка—про женщинъ. Такимъ образомъ обозваніе Бондарив-
кою и старосты писомъ въ пѣснѣ имѣть особое значеніе, указы-
ваетъ намъ на ловеласничество въ характерѣ его, причемъ видно,
что этой Бондаривкою субъективно приходилось испытывать нахаль-
ство п. Каневскаго. Это было, такъ сказать, послѣднимъ отвѣтомъ
на заискиванія ловеласа и притомъ отвѣтомъ вполнѣ оправдывае-
мымъ какъ поведеніемъ его, такъ и сложившимся о немъ мнѣніемъ
публики: ції вирни слова. Брошенная публично въ глаза укоризна
была такъ правдива, что п. старостѣ нечего было сказать, и онъ
озабоченный, сконфуженный, съ угрозой какъ-бы прощается съ Бон-
даривкою. Опытные, знаящіе неукротимость п. старосты люди предо-
стерегаютъ Бондаривку, совѣтуютъ ей уходить. Ова слѣдуетъ этому
совѣту, кроется въ толпѣ уходящихъ людей, уже достигла какого-то
моста, но высокая, стройная ея фигура выдаетъ ее преслѣдователямъ,
которые схватываютъ ее, ведутъ къ ново-выстроенному дому п. ста-
росты, гдѣ заставляютъ ее пѣти пѣсню. Можетъ быть, эта Бонда-
ривна при своей красотѣ, обратившей вниманіе п. старосты, была
одарена и хорошимъ голосомъ, пльнявшимъ его въ числѣ прочихъ
качествъ. Или можетъ быть эта писенька былъ плачь, тужиниля
осиленной дѣвушки, знаящей, что не добро ее ждетъ. Такъ или
иначе, во бѣшеный панъ стрѣляетъ въ нее подъ правое ухо. Сразу
прервалась пѣсня, нѣма стала Бондаривна, оглохла, она уже ничего
не услышитъ, ни вопля старого Бондара, прибѣжавшаго къ ней,
лежащей на сырой землѣ, и ударившаго объ полы руками,
ни погребальной музыки, ни причитыванія самаго старосты, про-
зывающаго слезы и искренно жалѣющаго молодой роскошной (пыш-
най, пригожой), какъ полная вишня и червоная роза, красы ея.
Кровь, рѣкою текущая (*криавая ричка*) и образовавшая кровавую
дорожку (*криавая стежка*) несчастной жертвѣ панской разнудздан-
ности, какъ-бы воняетъ къ слушателю этой пѣсни, взывая о чувствѣ

жалости, о достойной мести и осуждениі этого сумазброднаго убійцы.

Вотъ она, эта самая пѣсня въ ея жалобномъ, какъ-бы погребальномъ народномъ напѣвѣ, такъ удачно, съ чисто народнею интонаціею переданная мнѣ моими дочерьми и обязательно положенныя на ноты г. Краснокутскимъ.

Не измѣдко и жалобно

А въ Кы и-ви на ры-иоч-ку вся
челядь гу-ля-ла Ой тамъ на-ша Бон-
да-ри-вна на не-редь вы-бо-жала.

А въ Кыеви на рыночку вся челядь гуляла,
Отъ тамъ наша Бондаривна передъ вывозала.
Де не взялся панъ Канивській и, шапочку заявши,
Обнявъ нашу Бондаривну, обнявъ, поціувавъ.
«Чи кохаешьъ, Бондаривно, якъ перше кохала,
Якъ перше до намету було прихожала?»
— «Якъ кохала тебе, пане, такъ теперъ кохую:
Де побачу межъ панами, за пса тебе маю».
— Якъ почувъ же панъ Канивській ціи вирни слова...
«Процай, процай, Бондаривно: оставайся здоровова!»
Якъ почули ціи слова старенькіи люде—
«Тикай, тикай Бондаривно, лиxo тоби буде!»
Якъ побигла Бондаривна, тай стала втикати;
А за нею два ляшеньки ії доганяти.
Якъ догнали Бондаривну на дубовимъ мосту...
«Шкода, шкода Бондаривно: высокого росту!»
Якъ привели Бондаривну до нової осельки,
Заставили Бондаривну спивати писеньки.
Молодая Бондаривна писеньки спиває,
А из-заду панъ Канивській ружье заряжає.

Якъ ударить Бондаривну пидъ правее ухо,
 Стала наша Бондаривна нійма и оглухла.
 Прибигає старий Бондарь—вдарився объ нозы...
 Лежить наша Бондаривна тай на земли доли.
 Ой лежала Бондаривна и часть и годину,
 Цоки звеливъ панъ Канівський зробить домовину.
 А въ нашои Бондаривны въ подысъкахъ мережка...
 Куды несли Бондаривну—кривавая стежка.
 А въ нашои Бондаривны червоная стричка—
 Куды несли Бондаривну—кривавая ричка.
 Ой и звеливъ панъ Канівський музыци заграти,
 Та якъ стали Бондаривну въ церкву провожати,
 Молодая музыченка у скрипочку грае,
 А из-заду панъ Канівський очи вытирае.
 «Молодая Бондаривна, якажъ бо ты пышна?!

«Якъ у лiti у садочку червоная вышня!
 «Молодая Бондаривна, якажъ ты пригожа?!

«Якъ у лiti у садочку червоная рожа!..

(Слышана въ Дударяхъ каневского уѣзда)

Но въ слышанномъ мною народномъ разскажъ объ этомъ со-
 бытіи дѣло вышло иначе.

Само собою разумѣется, что это все не могло случиться въ
 Кіевѣ, гдѣ панъ староста Каневский не могъ такъ своевольничать.
 По слышанному нами разскazu дѣло это было въ Потокѣ, мѣстечкѣ
 каневского нынѣ уѣзда. Панъ Потоцкій имѣть обычай разѣзжать
 по своимъ маєтностямъ и каждое посѣщеніе его знаменовалось по-
 вальными пьянствомъ и всеобщимъ кутежемъ. Играла музыка, ста-
 вилось угощеніе всѣмъ, и молодежь пѣла и пласала, звессяла пана.
 Панъ Потоцкій построилъ новый домъ въ Потокѣ и по этому
 слушаю шло сугубое пьянство. Якъ уже, бувало, дуже опьяніе, то
 вже до нѣо никого не допускають, такъ уже було ѹ приказано:
 никто не попадаїся на очи. Заразъ бувало закрывають наметъ и
 становлять козака, щобъ никого не допускавъ до нѣо, а то винъ
 пьянаго бувавъ не самовитый. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ.
 Пьянаго пана старосту уложили въ новомъ домѣ и поставили на
 сторожъ козака, чтобы никого не впускати въ домъ. «Ну, а люде,
 звычайно, пютъ, пульяютъ сами. Ну, и челядъ гуліє. Бондаривна

была въ числѣ гуляющихъ; была-ли она дѣвушка или покрытка, неизѣйтно; скорѣе послѣднєе. Ей вздумалось пойти къ царю старостѣ. Козакъ не посмѣвъ зупинить (очевидно она была вхожа къ старостѣ), та тильки що увійшла въ двери, а винъ скопивъ рушиною та торохъ въ неи. Народъ такъ и шарахнулся, хто куды; де той и хмилъ подився. Винъ (т. е. староста) самъ іи хоронивъ, поминавъ хорошее, убивався за нею. Таке-то!

Таке-то! скажемъ и мы, вторя разсказчику.

Борисъ Познанскій.

23 августа 1885 года,

г. Павловскъ.

ИВАНЪ ПОДКОВА¹⁾.

Исторический рассказъ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

I.

Въ началѣ царствованія Стефана Баторія Баръ поднялся до значенія первоклассной крѣпости, особенно съ того момента, когда южная граница выдвинулась въ глубь степей. Сарницкій, писавшій въ концѣ XVI-го вѣка, утверждаетъ, что барская крѣпостца построена при самомъ входѣ въ Татарію—*in ipso aditu Scyphiae excitata*. Въ то время считали ее уже опаснымъ форпостомъ, въ которомъ могутъ держаться только отважнѣйшии воины.

Къ югу отъ сказаннаго форпоста простирались пустынныя и печальныя степи, «пристанице дикаго звѣря», переходившія къ востоку въ дикія поля, а къ западу достигавшія береговъ Днѣстра. Чуть-ли не у самого города разстилалась пустыня, которая сообразно времени года принимала соотвѣтствующій характеръ. Зимою сибѣйныя мятежи бѣшено бушевали на ея равнинахъ, и неистовый

¹⁾ Польская историческая литература богата произведеніями, сюжеты которыхъ заимствуются непосредственно изъ истории южной Руси,—того ея периода, когда южная Русь находилась въ политическомъ единству съ Польшею. Кромѣ несомнѣнныхъ научныхъ достоинствъ и иногда высоко-художественнаго изложенія, произведения этого рода представляютъ для насъ и тотъ еще существенный интересъ, что даютъ намъ свѣдѣнія, почерпнутыя изъ источниковъ намъ недоступныхъ. Въ ряду польскихъ писателей нашего времени, посвящающихъ труды свои собы-

вѣтеръ, разбиваясь о городскія стѣны, производилъ гулъ, похожій на удары тарана, весной разстилался цѣтистый коверъ, а надъ нимъ носились и щебетали разныя птицы, и воздухъ былъ полонъ звуковъ, пѣсень и аромата. Но уже въ юнѣ, когда травы выростали въ ростъ человѣка, надо было удвоить бдительность, потому что изъ подъ Вѣлгорода или Очакова поднимался лукавый татаринъ и, скрываясь въ высокихъ бурьянахъ, пробирался по куяльницкой балкѣ кучманскимъ шляхомъ, который приводилъ его къ самому Бару. Поэтому часто приходилось жечь траву, чтобы избѣжать засады.

Въ это время степь представляла грозный и величественный видъ: днемъ клубы дыма поднимались надъ нею, а въ темную ночь миллионы огненныхъ языковъ летали въ воздухѣ, и горячая волна, подгоняемая вѣтромъ, плывя по равнинѣ, обнимала цѣлыи горизонтъ.

Испуганный народъ выбѣгалъ изъ лѣсныхъ дебрей, танувшихся въ окрестностяхъ Бара, и сторожить днемъ и ночью на опушкахъ лѣса, пока пожаръ не отодвигался отъ него, устремляясь къ берегамъ Чернаго моря. Выжженная равнина представляла картину полного опустошенія, прикрывшись, какъ трауромъ, чернымъ покровомъ.

тіѧмъ и лицамъ южно-русской исторіи, выдаются по своей талантливости, эрудиціи, тщательному подбору и художественной обработкѣ историческаго матеріала, докторъ А. Кубаля и докторъ И. Ролле, пишущій подъ псевдонімомъ доктора Автонія и извѣстный нашимъ читателямъ по библіографическимъ отзываамъ о его трудахъ. Предлагаемый здѣсь разсказъ принадлежитъ перу послѣдняго и изданъ имъ въ 1880 г. въ Львовѣ вмѣстѣ съ двумя другими разсказами. Мы предлагаемъ этотъ разсказъ вниманию нашихъ читателей какъ потому, что онъ касается пайбалье темнаго и южнаго козачества времени, такъ и потому еще, что онъ не печатался въ Россіи даже въпольскомъ текстѣ, а тѣмъ болѣе не являлся въ переводѣ на русскій языкъ и едва-ли кому либо, кроме записныхъ историковъ, извѣстенъ. Въ разсказѣ почтеннаго автора Подкова является далеко не въ такихъ яркихъ краскахъ, какъ въ пѣсняхъ народныхъ и козацкихъ лѣтописяхъ,—здѣсь роль его по видимому даже болѣе пассивная; но, помимо точки зреїнія автора, винею тому конечно недостатокъ точныхъ историческихъ данныхъ. Къ сказанному авторомъ можно прибавить развѣ, что, по мнѣнію Пясецкаго, одинъ изъ мотивовъ казанъ Подковы было разореніе имъ Козлова (Евпаторіи), а Папроцкій, современникъ Подковы, разсказываетъ, что Подкова отбылъ у татарь Оедора Букія.

Стараясь держаться въ переводѣ возможно ближе подлинника, въ тоже время я опустилъ ссылки автора на источники, сдѣлавъ кой-гдѣ отъ себя подстрочными примѣчанія и та旣-же привѣль письмо Филиппа Тальдуци, изданное въ 1852 г. Шездецкимъ вмѣстѣ съ письмами Анибала изъ Кауп.—Переводч.

Однакожь, если въ окрестностяхъ перепадали дожди, снова покрывалась она буйной зеленью, среди которой разрастались буряны—родъ будяковъ, названныхъ простымъ народомъ *перекати-поле* (*Ergodium campestre*) изъ семейства зонтичныхъ. Наеживились, скромные метельчатые кустики выглядятъ довольно мило, но осенью, когда сѣверные вѣтры разгуляются въ степи, растеніе, подрѣзанное ихъ силой, склоняется на бокъ и съ скоростю птицы улетаетъ на югъ. Въ XV-мъ вѣкѣ татары уже занимались собираиемъ этихъ будяковъ, которые въ безлѣсныхъ мѣстахъ замѣняли имъ дрова. Непривычный видъ представляется степь во время передвиженія увядшаго растенія: небо часмурное, свинцовое, тяжелое; буря воетъ протяжно и уныло, и цѣлая равнина какъ-бы движется съ непріятнымъ шелестомъ, который производятъ катящіеся сухіе будяки. Заблудившійся путешественникъ испытываетъ непріятное чувство среди вихря крутящагося перекати-поля: конь пятится, жмется, преодолѣвая препятствія, и усталый останавливается, какъ вкопанный; беспокойство овладѣваетъ имъ до такой степени, что надо усилия воли человѣка, чтобы преодолѣть испугъ животнаго...

Вотъ въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ 1576 г. стража барскаго замка, выправленная въ степь на развѣдки, замѣтила большие десятка всадниковъ, медленно приближавшихся къ стѣнамъ города.

Кто эти путники?—угадать было трудно. Сѣрыя свитки, козацкая бараны кучмы, отличный лопади, блестящее вооруженіе—тоже лягушки ружья, и бердыши, и пики, и даже свѣсившіеся у плечъ щиты, словомъ гости невиданные и совсѣмъ неожиданные въ той сторонѣ. Правда, съ недѣлю тому назадъ панъ староста выслалъ на развѣдки съ десятокъ черемисовъ, но тѣ совсѣмъ иначе были одѣты, и по формѣ ихъ одѣжды мѣстные жители сейчасъ узнали бы ихъ. А въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ такъ часто заглядывали сюда непрошеные гости изъ Перекопа и другихъ татарскихъ кочевьевъ, что невольно поднималась тревога при видѣ этой маленькой кучки людей... А ну, если это авангардъ «чамбула» (загона)?

Между тѣмъ всадники смѣло съ знаками мира приблизились къ городскимъ воротамъ, и начальникъ отряда потребовалъ немедленного свиданія съ мѣстнымъ старостой.

Въ то время должность эту занималъ Николай изъ Шилявитовъ Бучачскій, иначе называемый Творовскимъ, истый охранитель гра-

ницъ Рѣчи Посполитой, жившій здѣсь больше, нежели въ родовомъ своемъ Бучачѣ; даже жена его, изъ дому Радзивилловъ, съ дѣтьми пересиживала въ пограничномъ городѣ; должно быть здѣсь было безопаснѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

Пришелецъ, введенный къ старостѣ, назвалъ себя Иваномъ Волошиномъ, роднымъ братомъ недавно замученного господаря Ивона, а потому имѣющимъ несомнѣнныя права на волошскій престолъ, и просилъ помочь. Въ доказательство своихъ правъ представилъ онъ письма молдавскихъ бояръ съ ихъ печатями. Въ письмѣ къ пограничному старостѣ Рѣчи Посполитой заключалась просьба, чтобы онъ не отказалъ претенденту въ военномъ отрядѣ только до Днѣстра, а на противуположномъ берегу они уже сами будуть ожидать новаго властелина. Такого-же содержанія было и другое письмо къ кн. Константину Острожскому.

Бучацкій попалъ въ очень неловкое и хлонотливое положеніе. Сначала онъ отдалъвался отъ гостя ни къ чему не обязывающими любезностями, а въ концѣ, однако, попросилъ оставить крѣпость сейчасъ-же, если хочетъ избѣжать нешрѣятностей, потому что Порта легко можетъ узнать о его пребываніи на границѣ, и тогда онъ не ручается за послѣдствія, но все-таки обѣщалъ увѣдомить обо всемъ короля и склонить его на сторону претендента.

Иванъ послушалъ благаго совѣта и двинулся въ окрестности Брацлава.

Дѣйствительно, не очень счастливое время выбралъ онъ для осуществленія своихъ плановъ. Стефанъ Баторій старался елико возможно скорѣе и миролюбивѣ покончить счеты съ востокомъ. Варвары вѣльись ему въ бока, изъ года въ годъ опустошая пограничныя провинціи. Едва успокоилась Украина послѣ набѣга 1573 г., какъ новый чамбуль наводнилъ южную провинцію, да такъ былъ ужасенъ и столько крови стоилъ памъ, что русскіе, подольскіе и волынскіе послы явились на сеймъ въ траурѣ, такъ засѣдали и въ парадѣ. Народъ до сихъ порь поетъ печальнную думу объ этомъ чогромѣ... Кулишъ приводитъ отрывокъ изъ пѣсни о гетманѣ Ружинскомъ, получившей содержаніе изъ этой эпохи. Отрывокъ этотъ слѣдующій:

«Ой Богдане, Богдане, запорожскій гетьмане!
Ой чого жъ ты ходишъ въ чернинъ оксамити?

Гей булы въ мене гости татарове;
 Одну ничку очували,
 Стару пеньку зарубали,
 А миленьку соби взяли...

Но и послѣ этого нападенія набѣги татарь не прекращались. Малые отряды хищниковъ вторгались очень часто въ Польшу, не обращая вниманія на бдительность пограничной стражи. Король, занятый подъ Данцигомъ, готовясь къ войнѣ съ Москвой, внимательно слѣдилъ за югомъ. Онъ отправлялъ посломъ въ Цареградъ Яна Семинскаго, галицкаго каштеляна, снабдивъ его значительною суммою и поручая ему выхлопотать у падишаха приказъ, который сдержалъ бы крымскихъ и бѣлгородскихъ хищниковъ.

Посоль оттагивалъ отъѣздъ; король настаивалъ на своемъ.

«Желаемъ, писалъ онъ ему, чтобы ты въхалъ, какъ можно скорѣе, не взирая ни на какія обстоятельства... Вторично напоминаемъ и весьма желаемъ, чтобы твоя вѣрность выѣхалъ поскорѣе въ дорогу. Мы и такъ уже замедлили... исполни, не мѣшкая, то, о чёмъ многократно пишемъ».

Приведенные слова Баторія говорять о его энергіи, настойчивости. Но каштелянъ, забравъ вѣрительные грамоты и деньги на путешествие, спокойно ожидалъ въ родномъ Рымановѣ на Руси, пока не пройдетъ буря послѣдняго чамбула.

И какъ въ самомъ дѣлѣ было ему вѣхать? Хищники бросились подъ Дубно, ища будто-бы кіевскаго воеводу (кн. Константина Острожскаго) и Шаха, наказнаго атамана, который недавно застуپилъ дорогу и изрядно потрепалъ ихъ. Самъ Магометъ-Гирей, султанъ, сынъ крымскаго хана, участникъ похода, въ письмѣ, писанномъ изъ Ташлыка къ волошскому воеводѣ и перехваченномъ барскими козаками, яркими красками описываетъ свои подвиги. «Мы были подъ сорока замками, а не могли найти его; потомъ расположились подъ Дубномъ и приказали искать его по селамъ... Нѣть уже больше земли ихъ, какъ это мы видѣли теперь своими глазами». Говоря другими словами, нигдѣ не встрѣтили они сопротивленія. И Магометъ-Гирей, и младшій братъ его Доршъ-Гирей смѣло могли хвалиться небывалыми успѣхами. «Вторглись они, т. е. татары, писалъ въ то самое время князь Збаражскій коронному вице-канцлеру, между Кіевомъ и Бѣлою-Церковью и добрались до Дубна,

Ровно, Луцка и Перемышля, разорили кременецкое старство, имѣнія киевского воеводы кн. Вишневецкаго и Збаражскихъ. При множествѣ людей шли смытые: людей, стада, скотъ, имущество, которыхъ не могли взять съ собой, жгли съ домами и гумнами; почти разорили землю, ничего не оставивши».

Набѣгъ удался, и орда ожидала на степяхъ, не удастся ли ей повторить его. И время для этого было вполнѣ подходящее. Прекрасный май облекъ украинскую землю въ пышные одежды невыразимой прелести. Въ этомъ году (1577) весна была удивительно теплая; погода стояла прекрасная. Уже въ половинѣ февраля плуги сновали по полямъ, а послѣ дождливаго апрѣля заселенѣли нивы, покрыты восхитительнымъ ковромъ озимыхъ посѣвовъ; зацвѣли луга, деревья пріодѣлись въ снежные букеты, предсказывая обильный урожай. Пограничнымъ жителямъ улыбалась осенняя прибыль, но людскія надежды не всегда осуществляются.

Такъ и теперь хищные сосѣди привели въ страшное беспокойство бѣдный народъ. Уже въ первыхъ числахъ мая слуги барскаго замка, высланные на разведки, несли вѣсть, что Альби-Гирей, султанъ царевичъ, залегъ между Очаковомъ и Бѣлгородомъ съ силами въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ, а Сигаза и Бокай остановились съ десятитысачнымъ таборомъ на бѣлгородскихъ поляхъ. Бусурмане собирались сдѣлать нападеніе на Барь, Липковъ, Каменицу, а спустя нецѣлыхъ три недѣли остановились кошомъ подъ Сатановомъ и Олескомъ, очертивши окружность въ 120 съ лишнимъ верстъ. Бучацкій виупталъ предусмотрительность и предупреждалъ обо всемъ своихъ товарищѣ—пограничныхъ старостъ; послалъ также реляцію къ подольскому воеводѣ Николаю Мелецкому, но предусмотрительность ни къ чему не привела, потому что не было войска, почти все оно двинулось за королемъ.

Передъ нами списокъ военныхъ отрядовъ, собранныхъ съ украинскихъ земель. Было четырнадцать коругвей въ 1,500 лошадей, а именно: коругвь намѣстника Януша Збаражскаго, брацлавскаго воеводы; Николая Бучацкаго, барскаго старосты; Александра Вишневецкаго, черкасскаго старосты; Владка, каменецкаго старосты, Крупскаго, воеводича бѣльскаго; Николая Яловецкаго, хмѣльницкаго старосты; Герберта, перемышльскаго старосты; Претвича, Трембовецкаго старосты; Даниловича; Андрея и Якова Струсей;

Ланскоронскаго, скальского старости и ротмистра Яворовскаго. Число небольшое, но достаточное для обузданія варваровъ.

Это рядъ именъ пограничныхъ рыцарей—мастеровъ военного ремесла, опытныхъ и знающихъ шляхи, какъ свой собственный домъ, потому что, вѣроятно, они больше проводили времени въ полѣ, нежели подъ своей кровлей. Хитрый татаринъ хорошо зналъ, что на пограничной межѣ не застанетъ главныхъ ея охранителей, а потому позволялъ себѣ безнаказано «плюндровать» земли Рѣчи Посполитой.

Какъ мы уже сказали, исколъ лѣниво собирался въ Турцію; онъ могъ легко оправдываться той безурядицей, которая господствовала кругомъ. И въ Рымановѣ не совсѣмъ безопасно оставаться, но все-же веселый, чѣмъ въ татарскихъ рукахъ. Все это, однакожъ, несказанно раздражало короля-рыцаря, и шляхта роптала, желая дать почувствовать ему, что онъ не защищаетъ землю, вѣренную его отечѣвѣ. А тутъ еще, къ довершенію бѣдъ, поднялъ голову и волошский господарь. Изъ перехваченныхъ писемъ его стало извѣстно, что онъ у татаръ и уже не разъ просилъ султана, чтобы разрѣшилъ ему вторгнуться въ Польшу; одновременно онъ слалъ суплики къ подольскому воеводѣ, каменецкому старостѣ, обѣ обуздали подданныхъ его королевской милости, т. е. козаковъ. Когда дѣло дошло до Стефана Баторія, послѣдній выслалъ сейчасъ-же напоминаніе каменецкому старостѣ Владку, только что прибывшему изъ подъ Данцига.

Въ универсаль къ другимъ старостамъ король приводить списокъ обидъ, нанесенныхъ украинцами волошскому воеводѣ: «жгутъ сму села, забираютъ скотъ, людей и гонятъ въ нашу землю, грабятъ купцовъ; и наконецъ достойные люди, говорить далѣе, даютъ лошадей этимъ злоумышленникамъ и посылаютъ ихъ въ его земли; дальше уже онъ не знаетъ, что и дѣлать!... А въ владѣніяхъ господаря бывать турокъ, и этимъ подрываютъ его кредитъ у султана*.

Король приглашалъ къ порядку, напоминалъ строгія предостереженія закона и одновременно, какъ знаемъ, отправилъ посольство въ Порту, чтобы она удержала своеволіе татаръ. Порта отвѣтила ему, что набѣги татаръ ни больше, ни меныше, какъ отплата за

насилія и пожары, производимые козаками въ предѣлахъ его султанской милости.

И такъ вся вина упала на козаковъ; отсюда поднялась буря на нихъ во всей Рѣчи Посполитой. Читатель, согласится, что Иванъ Подкова не такъ скоро могъ осуществить свои планы относительно волошескаго престола, если общественное мнѣніе въ Польшѣ дышало негодованіемъ противъ козаковъ.

II.

Даже теперь исторія не съумѣть рѣшить, какъ и когда на Днѣпровскихъ островахъ основалась дружина козацкихъ молодцевъ. Изслѣдователи прошли до сихъ поръ не соглашаются не только о времени рожденія, но даже объ имени, которое братство получило при крещеніи. Эта община представляла удивительную смѣсь разбойничихъ инстинктовъ съ благородными рыцарскими стремлѣніями, страсть къ грабежу и готовность служенія свободѣ. Не будемъ добиваться разъясненія этого темнаго вопроса, иначе намъ пришлосьбы тронуть цѣлый арсеналъ противорѣчивыхъ мнѣній, борющихся въ умѣ самого безиристрастного изслѣдователя: разбойники и хищники, защитники вѣры и наемники варваровъ, словомъ: добродѣтель и преступленіе.

А однакожъ трудно разстаться съ традиціями первой молодовти... Думы Залесскаго, пѣсни Падуры, повѣсти Чайковскаго такъ идеализировали козачество, что, несмотря на увѣренность, что это не больше, какъ фикція, душа съ сожалѣніемъ возвращается къ ней и оторваться не можетъ,—столько поэзіи, столько прелести въ тѣхъ козацкихъ судьбахъ!

Рядомъ съ поэтами и историками польскіе симпатичнѣе относятся къ козакамъ, описывая эпоху, предшествующую Хмельницкому. Напроцкій восторгается рыцарствомъ степныхъ юнаковъ; какъ другъ Зборовскихъ, онъ смотрѣтъ, видно, глазами Самуила, который самъ гетманствовалъ надъ козаками-молодцами. Бѣльскій добросовѣстно передаетъ факты, черпая ихъ чуть-ли не изъ первыхъ рукъ, но часто вырывается у него слово, дышащее горячей симпатіей къ козачеству... Любинскій выразительно и сильно описываетъ стычки и грабежи; Гейденштейнъ складно и плавно, тацитовскимъ стилемъ,

рассказываетъ событія, какъ были, но почему или они по тому, а не другому пути—объ этомъ ни слова. Окольскій слишкомъ много страдалъ, чтобы удержаться на высотѣ безпристрастія. Подъ топоромъ толпы, поднявшейся на Низу, опь видѣлъ гибель товарищѣй ордена и самого ордена на Руси, и то въ то время, когда стоялъ во главѣ его.

За то противоположный лагерь взвалилъ на плечи разнузданнаго Запорожья религіозную миссію. Это мнѣніе поддерживали цемногочисленные русскіе лѣтописцы, какъ Грабянка, Самовидецъ, Величко и позднѣйшіе: Ригельманъ, Конисскій и Маркевичъ. И однакожъ находимъ неоднократныя доказательства, что козаки грабили какъ польскихъ своихъ земляковъ, такъ и людей одной съ ними религіи, даже охота же бросались на послѣднихъ, можетъ быть, потому, что менѣе встрѣчали сопротивленія.

Гдѣ лежитъ правда? Развѣ будущее найдетъ ее! Въ настоящемъ очеркѣ мы можемъ остановиться только на нѣкоторыхъ чертахъ, которые нужны намъ для характеристики почвы и обстановки, при какихъ выросъ герой нашей разсказа.

Еще острова за днѣпровскими порогами стояли пустынней, когда имя козаковъ пріобрѣло нелестную славу. Славянскій міръ заимствовалъ его у татаръ; козаками называли отважныхъ молодцовъ, хищниковъ, проводниковъ, если хотите, знающихъ хорошо степные дороги въ пустыняхъ, которая отдѣляли логовица варваровъ отъ поселеній славянъ. Въ половинѣ XV вѣка и даже раньше встрѣчаемъ съ одной стороны козаковъ рязанскихъ, путинскихъ, смоленскихъ, а съ другой—азовскихъ, бѣлгородскихъ, крымскихъ, заволжскихъ, по образцу которыхъ образовались уже черкасскіе, брацлавскіе, барскіе, державціе стражу въ форпостахъ на рубежѣ Рѣчи-Посполитой.

Въ послѣдствіи, подражая татарамъ, козаки дѣлали набѣги на сосѣднія государства. Въ царствованіе Сигизмунда Старого козаки смоленскіе вторглись въ Литву; черкасскіе и хмельницкіе гнались въ далекія стени или на бобровые гоны, или для ловли рыбы, а, можетъ быть, въ надеждѣ урвать что-нибудь изъ значительныхъ татарскихъ стадъ въ пустыни. Созданіе собственности слабо было у нихъ развито, а счастливый грабежъ одобрялся рукоплесканіями. Разбойничій походъ называли въ Украйнѣ козакованіемъ, хожде-

ніемъ въ козаки, исканіемъ «козацкаго хлѣба», или, какъ Претвичъ называетъ, «залеганіемъ въ поле». Одинъ, другой походы, увѣнчаные успѣхомъ, находили усердныхъ подражателей. Читая исторію, мы видимъ, что первый Прецлавъ Ланскоронскій далъ толчекъ этимъ загонамъ (1516 г.). Во главѣ хорошо организованаго отряда онъ пустился къ Черному морю, разорилъ Бѣлгородъ, лежащій надъ Днѣстровъмъ, и—съ тѣхъ поръ, заключаетъ Гваньинъ, начинаются у настъ козаки.

Еще раньше XV-го вѣка организуется колонизация молодцевъ на Низу. Извѣстно, что уже въ 1499 г. являются козаки, какъ торговцы, на кіевскомъ рынке. Разгулу, разврату, пьянству ихъ пѣть предѣловъ. Обычай «баламумить женщинъ» сталъ обще-распространенъ до такой степени, что взыскиваемыя за это пени составляли значительный доходъ митрополита и мѣстнаго воеводы¹).

Въ началѣ XVI-го вѣка низовые козаки имѣютъ уже определенную организацію: у нихъ есть и урядники, и атаманы, которыхъ не только русскіе, но и наши исторіографы возвышаютъ до званія гетмановъ и перечисляютъ ихъ въ династическомъ порядкѣ.

Со временемъ Низъ береть перевѣсь надъ другими козацкими дружинами и освобождается отъ путь, обязывающихъ къуваженію закона въ то время, когда черкасскіе, брацлавскіе и барскіе товѣрица переходятъ въ напскія или замковыя милиціи.

Надо признаться, что польское правительство того времени не думало серьезно о козакахъ. Для цивилизованного двора, представляющаго власть, дикія окраины казались таинственной, дикой и неизвѣстной землей. Иногда, по рѣдко проникали въ столицу глухія извѣстія о козакахъ, о ихъ удивительныхъ, преисполненныхъ чудеснаго приключеніяхъ, напоминающихъ фантастическія повѣсти. Бой не уставалъ на цѣлой юго-восточной пограничной линіи; люди гибли безъ ронота; а тамъ вверху ле звали даже, какъ стоять

¹) Только слишкомъ незначительную часть этого дохода давали козаки. Купиши, цитируя какого-то не указаннаго имъ автора, говорить: «привычка дѣлать непочестныя рѣчи съ бѣлыми головами вскоренилась тогда (1499 г.) въ Кіевѣ до такой степени, что вся за это составляла одну изъ главныхъ статей дохода митрополита и воеводы». Но пени за непочестныя рѣчи съ такъ называемыемъ гостей, которыми въ то время были турки, татары въ арміи, превышала взысканіе съ христіанъ въ двѣнадцать разъ — Вѣстникъ Европы, 1874 г., мартъ, стр. 23.

дѣла, увеличивается или уменьшается граница государства. Только жалобы дивана и татарскихъ хановъ, доходившія къ королю, хоть на минуту обращали вниманіе нашихъ дипломатовъ въ эту сторону. Масса жалобъ бусурманъ доказывала только, что тамъ на окраинахъ Рѣчи Посполитой какая-то толпа даетъ себѣ чувствовать татарамъ. Сигизмундъ Старый хотѣлъ упорядочить ее; Стефанъ Баторій не признавалъ ее подъ своей властью: «это, говорятъ онъ туркамъ, горсть разнплеменныхъ людей, ни отъ кого независимыхъ, безъ опредѣленныхъ законовъ и жительства».

И однакожъ эта горсточка безпрестанно повторяла: «мы тутъ!»—и это свое существованіе обозначала кровавымъ слѣдомъ на шеяхъ татаръ: жгла ихъ улусы, разоряла новопостроенные города, задавала страху столицъ могущественныхъ падишаховъ, а на Волоцкій хозайничала, какъ у себя дома, даже лучше, потому что своего дома не имѣла... И всегда громко признавала свою зависимость отъ его милости короля и Рѣчи Посполитой, ставя свои ставки на польскихъ границахъ. Однакѣ мы отреклись отъ незаконнаго и непослушного ребенка—и отреклись, право, несправедливо.

Въ отношеніи козаковъ грѣшили преубраженіемъ, а заслуживали они большаго вниманія. Какой закалъ быть въ этой вооруженной кучкѣ людей! Они относились равнодушно къ холоду и голоду, нечеловѣческий трудъ не падалъ на нихъ силь, лишь бы осталась свобода да жизнь не въ ярмѣ, а всѣ неудобства забывались, ничего не значили, были какъ-бы необходимымъ условіемъ жизни—хлѣбомъ насущнымъ. Русскіе современные энтузиасти умалчиваютъ о пищетѣ чизовыхъ козаковъ, пускавшихся въ далекіе походы по безлюднымъ степямъ. Удалось предпріятіе, попадало кое-что въ мешку—козакъ сейчасъ-же все спускалъ; онъ по природѣ былъ расточителенъ, такъ какъ жизнь безъ завтрашняго дня представляла особенную прелесть для тогдашняго времени. Пришелъ завтрашний день,—голодный, вѣрно, безъ жалобъ переносилъ его. Польскіе историки гораздо больше говорятъ о козацкой выносливости. Папроцкій, вспоминая о подвигахъ Самуила Зборовскаго на Низу, прибавляетъ съ сочувствіемъ, что онъ частоѣтъ жалуди, чтобы не умереть съ голоду, а однажды, вместо того, чтобы идти въ Сороки, повернувшись въ Саврань только потому, что думалъ получить достаточно живности изъ Брацлава; тамъ голодъ донялъ ихъ до того, что рога,

какие нашли, олены копыта, что по нѣсколько лѣтъ лежали, а также кости, какія могли найти, все это было; однакожъ Богъ принялъ его благополучно въ отечество.

Гербовый Папроцкійставилъ эти хлопоты разбалованному польскому паничу въ большую заслугу, бросая ее въ глаза польскому обществу и какъ-бы желая сказать: «смотрите, какого человѣка погубилъ тиранъ Замойскій, посягающій на нашу свободу!». Папроцкій поднималъ козачество до значенія формальной военной школы. «Много, говоритъ онъ, честныхъ бѣдняковъѣздитъ туда для упражненія въ рыцарскомъ дѣлѣ; и паничей русскихъ, подольскихъ не мало заѣзжаетъ, потому что хорошо могутъ изучить и боевой порядокъ, и рыцарское дѣло между козаками».

Если вверху отдаивалисьничѣмъ «отъ козацкаго вопроса», то въ средѣ тѣхъ, что ближе стояли къ низовымъ козакамъ, постоянно думали о надлежащемъ устройствѣ ихъ. Евстаѳій Дашковичъ совѣтовалъ королю (1533 г.) устроить изъ нихъ охранную пограничную дружину; 20,000 коней, по его мнѣнію, достаточно было для обузданія набѣговъ орды, и за все это онъ просвѣтъ только хлѣба и одежки. А между тѣмъ мы предпочитали платить татарамъ гарачъ, превышающій 15,000 червонныхъ златыхъ, будто-бы за готовность ихъ идти на помоиць по первому зову Рѣчи Посполитой, но помоиць отъ нихъ почти никогда не имѣли! Хорошо понимали это современники, какъ доказываетъ восклицаніе Старовольскаго: «это жалованье (*jurgelt*), которое платили хану на сабли или кожухи, не что иное, какъ только прикрытое красивымъ титуломъ поддяльство, въ силу которого требуютъ теперь отъ насъ опредѣленнаго чипши».

Государственные чины не послушали Дашковича, и, можетъ быть, имѣли основаніе, потому что онъ персходилъ на сторону Москвы и былъ человѣкъ пепадежный. Но спустя десять лѣтъ съ лишнимъ Яковъ Претвичъ,—слава и украшеніе границъ, выступилъ на краковскомъ сеймѣ въ защиту козаковъ. Дѣйствительно, рѣчь его служитъ поучительнымъ материаломъ для исторіи. Претвичъ изображаетъ печальное состояніе Украины въ моментъ прѣѣзда его на Подолье: «цстыни были тутъ везде вокругъ укрѣпленій и тянулись даже ко Львову, Люблину и Переяславлю; коронная охрана находилась только въ Барѣ и Синявѣ, слѣдовательно громадное пространство границы было открыто. Татары въ продолженіи сутокъ

пробѣгали до 30 миль, далеко оставляя за собой пограничную стражу и, забралиши въ ясырь множество людей, съ такой-же быстротой убѣгали въ степь, пока въ Украинѣ успѣвали оглянуться».

«Теперь же, прибавлять пограничный рыцарь, совсѣмъ иначе: наши форпосты выдвинуты на 20 миль въ глубь степей и стоять близко одинъ отъ другаго, чтобы взаимно помогать другъ другу. Пограничные воеводы сформировали небольшіе отряды въ 200—300 человѣкъ, которые занимались козакованіемъ, т. е. или въ засаду, подъ кровомъ ночи совершили свои переходы, а днемъ пересиживали въ балкахъ, густо заросшихъ травой. Какъ-то татарскіе набѣги стали рѣже, а колонизація быстро подвигалась, потому что народъ въ минуту приближающагося чамбула легко могъ укрыться въ крѣпостцахъ». Однако, не смотря на заслуги Претвича, Сигизмундъ-Августъ перевелъ его на трембовецкое старство (1552 г.) въ угодженіе крымскому хану, а барскіе козаки, такъ прекрасно организованные, вошли въ составъ мѣстной милиціи, причемъ число ихъ вмѣсто того, чтобы увеличить, уменьшили.

Кромѣ этихъ проектовъ объ организаціи козачества было еще много другихъ, цѣлью которыхъ была защита восточныхъ границъ. Наскучили-бы мы читателю, выписывая всѣ существовавшіе проекты. Каждый шляхтичъ считалъ своею обязанностію сказать что-нибудь относительно этого, а потому покончимъ на передачѣ содерянія одного проекта, творцемъ которого былъ юристъ житель, о. Іосифъ Верещинскій, кіевскій епископъ. Проектъ его носить неясное название *Publikі* и составленъ былъ величнмъ настыремъ для братьевъ—шляхты въ 1594 г., слѣдовательно въ такое время, когда на юго-восточной границѣ серьезно думали создать известный *modus vivendi*. Авторъ начинаетъ свой проектъ предостереженіями шляхтъ объ опасности.

«Украину, восклицаетъ онъ, которая длиннѣе и шире всей вмѣстѣ взятой Великой и Малой Польши, трусливо и подло потерять по одной только небрежности или отдать на растерзаніе варварамъ. Какъ-же помочь бѣдѣ? Основать въ этой Украинѣ рыцарскія школы, а за Днѣстромъ крестоносцевъ по образцу мальтійскаго ордена для лучшей защиты государства отъ всевозможныхъ опасностей». А такъ какъ для приведенія въ исполненіе проекта нужны средства, то о. Верещинскій предлагаетъ разныя подати, прежде

всего десятину, а если не хватитъ ее, то мыто и чоповое. « А гдѣбы, прибавляется, даже и этого чопового не дали на школы изъ боазни, что некѣмъ будетъ наполнить адъ, такъ какъ, по св. писапію, птиухи и пропойцы не попадутъ въ царствіе небесное, то наконецъ, совѣтуемъ взять «кварту»¹⁾ съ украинскихъ старостъ, только по со-вѣсти, а то нѣкоторые ихъ милости даютъ чуть-ли не десятую часть».

Школа эта должна состоять изъ 2,000 гусаровъ и 3,000 ко-заковъ и въ пей надо поддерживать строгій порядокъ, а во главѣ ея поставить гетмана.

Натурально, проектъ не вошелъ въ жизнь и остался лишь доказательствомъ, что только единичныя лица чувствовали потребность привести въ порядокъ лограничныя отношенія, по государственнымъ сословіямъ были заняты другимъ и принимали такія заявленія равнодушно. Зачѣмъ за Днѣпромъ крестоносцы по образцу маль-тийскихъ рыцарей, когда на Низу создалось братство, правда, не религіозное, но солидарное и при умѣломъ обращеніи съ нимъ послушное и говорчивое?

Никому мы не жалѣли свободы, слѣдовательно здѣсь дѣло шло не о стѣсненіи ея и не о порабощеніи, а о томъ, чтобы направить отважное своеоліе на путь обязанности...

Религіознымъ имѣніямъ не было тутъ мѣста, потому что ко-заки смотрѣли индифферентно на эти вопросы. Въ Сѣчи и нигдѣ въ окружности ея на 100 миль и больше не было церкви. Наконецъ Польша Сигизмунда и Баторія отличались такой вѣротерпимостью, какую теперь можно встрѣтить развѣ только въ Соединенныхъ Штатахъ^{2).}

Единственную вину противъ козаковъ въ исходѣ третьей чет-верти XVI-го вѣка видѣли въ ихъ набѣгахъ на перекопскую и бѣлогородскую орды. Наши политики утверждали, что эти набѣги вызывали желаніе отомстки у нашихъ соѣдей, отсюда столь частные

¹⁾ Кварта-- четвертая часть доходовъ съ королевскихъ имѣній, пожертвова-ванныхъ Станиславомъ Августомъ на военные надобности Рѣчи Посполитой.

²⁾ Положеніе автора о вѣротерпимости и свободѣ вѣрао, по линіи относи-тельно шляхты. Дѣдичи и державцы отнюдь не были равнодушны къ побѣгамъ ихъ подданныхъ на Запорожье, а что касается индифферентности козаковъ въ дѣлѣ вѣры, то она противорѣчить всей ихъ исторіи. Если тогда въ Сѣчи не было церкви, то вину тому было неустройство самой Сѣчи и т. ск. кочевая ея жизни.

чамбулы. Близорукіе политики! Извѣстно, однако, что главнымъ источникомъ доходовъ варваровъ былъ вашъ народъ. Красивыя женщины, взятые на польскихъ равнинахъ, продавались въ стамбульскіе гаремы чуть-ли не на вѣсъ золота, а мужчины, какъ невольники, работали на галерахъ Средиземного моря, на берегахъ сѣверной Африки, въ Аравіи, даже въ Персіи. Послѣ каждого изѣга корабли заходили въ Крымъ съ оружиемъ, платьемъ, западьми и отплывали наполненные до бортовъ ясыромъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ значительная колонія турецкихъ купцовъ растянула свои шатры подъ Бѣзгородомъ. Они, по обыкновенію, снабжали татарскихъ грабителей провіантъ и амуниціей, составляли планы походовъ, принимали на себя всѣ ихъ тяжести съ условіемъ, чтобы половина добычи была имъ. Тутъ вы могли встрѣтить шпіоновъ и проводниковъ, знающихъ почти всѣ тропинки Легистана, тутъ попадались даже уполномоченные надзиратели цареградскихъ купцовъ, следившіе за справедливымъ дѣлженіемъ живой недоимки, а въ этой статьѣ самое главное мѣсто занималъ украинскій крестьянинъ, попавшій въ татарскія руки.

А потому, спрашиваемъ,бросили-ли-бы татары свое разбойничье ремесло, если-бъ козаки перестали нападать на ихъ улусы и разорять ихъ юрты? Никогда!.. Обезпечиль-ли-бы нась отъ набѣговъ орды платимый ей гарачъ? Никогда!.. А это по той простой причинѣ, что одинъ счастливый чамбуль приносилъ имъ въ нѣсколько разъ больше выгоды. Взваливать-же всю вину на козаковъ было и несправедливо, и неполитично.

И однакожъ вся шляхта повторяла съ неудовольствіемъ вѣсти объ «украинскомъ своеволіи», требуя уничтоженія козачества. Баторій слалъ противъ него универсаль за универсаломъ къ пограничнымъ старостамъ и кievскому воеводѣ. «Приказали мы, пишетъ король въ одномъ изъ нихъ, ясневельможному Константину Константиновичу князю Острожскому, чтобы онъ исполнялъ договоръ, заключенный имъ съ перекопскимъ царемъ, двинулся на Днѣптръ и прогналъ оттуда низовыхъ лотриковъ, а попавшихся въ руки казнилъ смертью». Но русскій князь остался дома... Правда, что «надо было, какъ пишетъ Гартошевичъ, выти изъ этого неопределеннаго положенія, обозначить права короны и указать

права и обязанности военного братства, возросшаго до политического значения по беспечности Рѣчи Посполитой».

Поздно! Сеймъ въ 1589 г. учредилъ «порядокъ для пизовыхъ козаковъ и Украіны», а спустя три года запорожскій атаманъ Косинскій заронилъ уже искру восстания.

Невольно переходимъ мы за предѣлы эпохи, которая служить фономъ для теперешняго разсказа. Въ эту эпоху Низъ растетъ, мужаетъ и принимаетъ на себя миссію возводить претендентовъ на непривлекательный молдавскій престолъ. И въ этомъ запорожцы подражаютъ польскимъ королямъ; здѣсь первый выступаетъ Дмитрій Вишневецкій, русинъ изъ рода ополченныхъ князей, хотя самъ совсѣмъ равнодушный къ новой матери, и сюда этого русскаго приглашаетъ полякъ Ляскій, котораго молдавскія и реформатскія затѣи довели до банкротства. Испуганный разореніемъ, Ляскій пригласилъ козацкаго атамана; искатель приключений и отважный князь сейчасъ-же является. Почему не попробовать счастья? Не удалось, и авантюристъ поплатился головой¹⁾), но это не отбило охоты къ подражанію. Наступаетъ цѣлый рядъ претендентовъ сейчасъ-же послѣ него, и то въ какихъ-нибудь вѣсколько лѣтъ. Запорожье сдѣлалось разсадникомъ самозванцевъ.

III.

Одною изъ симпатичнѣйшихъ фигуръ между самозванцами былъ Иванъ Волошинъ, прозванный Серпягой или Подковой. Первое имя дали ему современные правительственные корреспонденціи, второе народъ, третіе-же нашъ историкъ Бѣльскій, который наиболѣе писалъ о немъ, и еще не такъ давно былъ единственнымъ источникомъ для событий того времени. Пользовались имъ русскіе яѣтописцы и исторіографы, а Боболинскій, изданный Иванішевымъ,

¹⁾ Кстати, ни одинъ русскій историкъ не описалъ подробностей смерти народного героя Байды, а у Павроцкаго, современника его, даже ровесника, хорошо знакомаго съ событиями того времени, вотъ какъ рассказало о ней: «володи взяли Иасенцкаго измѣнѣй вѣтѣть съ Вишневецкимъ и отправили въ Турцию; тамъ замучили ихъ ужасной смертью. Въ Цареградѣ надъ морскимъ заливомъ, идущимъ къ Галатѣ, были поставлены двѣ висѣлицы одна надъ другой; въ нижней были укреплены два растопыренные крюка (на подобіе виль), а на верхней только гайка,

цѣликомъ переписать нашего автора. Ригельманъ въ своей исторіи поднимаетъ Подкову до званія гетмана и назначаетъ ему восьмое мѣсто въ ряду гетмановъ. Что гетманомъ онъ не былъ—это ис-
сомнѣюще¹); сомнѣваемся даже, былъ ли атаманомъ въ Сѣчи, потому
что въ это время дружинами козаковъ предводительствовали Шахъ
(у народа Захъ) и Арковскій, оба такъ часто упоминаемые въ
универсалахъ Баторія.

Но познакомимся ближе съ претендентомъ на молдавскую
корону. Нѣкоторые писатели доказываютъ, что молдаване назвали
Ивана Подковаромъ, потому что онъ занимался кузничнымъ реме-
сломъ передъ выходомъ изъ историческое поприще. По рожденію онъ
былъ русинъ, волошиномъ же названъ оттого, что жилъ въ Молдавіи
и оттуда переселился въ Подолію. Подкова могъ быть даже роднымъ
братьемъ господаря Иони; съ нимъ онъ пошелъ за Днѣстръ и оста-
вался при немъ впродолженіи его кратковременного правленія. Когда
это царствование кончилось, ему нечего было оставаться, а потому
онъ задумалъ начать новую жизнь въ свободной и больше обезпечи-
вающей человѣческія отношенія Рѣчи-Посполитой. Во время выѣзда
сторонники убитаго господаря снабдили его вѣрительными письмами
и пограничными папамъ съ просьбой такого содержанія: «помогите
добраться ему только въ Молдавію, а остальное мы беремъ на себя». И
имѣли они основаніе такъ писать, зная образъ мыслей нашихъ
«мажновладцевъ». Развѣ не ихъ хоругви вели двухъ Лопушняновъ
Александра и Богданка? Помогали тѣмъ, почему не могли помочь
теперь Ивану Подковѣ? Въ началѣ мы упоминали о прїездѣ его
въ Баръ; но здѣсь онъ попалъ на Бучацкаго, человѣка прежде

къ которой была привязана веревка. При помощи веревки подняли Пясецкаго
и быстро спустили съ высшей высѣлицы на низшую; онъ, издая, закрылся реб-
ромъ за крюкъ, залился кровью и скоро умеръ, потому что поворотился
головой внизъ. Послѣ него тоже сдѣлали съ Вишневецкимъ, но тотъ закры-
лся ребромъ и повернулся глазами вверхъ, а потому жилъ еще три дня,
пока вѣтъръ не застрѣлилъ его изъ лука, такъ какъ Вишневецкій проклиналъ
Магомета и его вѣру». — Чапроцкій, «Гербы», стр. 557—548.

¹) Говоря это, авторъ, конечно, понимаетъ слово гетманъ въ его позднѣй-
шемъ, а не первоначальномъ смыслѣ, когда онъ былъ лишь начальникомъ отряда
въ походѣ, какъ въ Запорожіи XVIII ст. всякий такой начальникъ носилъ назва-
ніе полковника.

всего рыцарскихъ правиль, который не игралъ въ политику,— попалъ притомъ въ такое время, когда желѣзная рука Баторія давала себя чувствовать уже на далекихъ окраинахъ. Король слалъ строгія приказанія старостамъ, предписывалъ сохраненіе порядка, рекомендоваль бдительность. Потому-то Бучадскій такъ легко отдавался отъ претендента пустыми обѣщаніями, не решаясь что-либо начать безъ воли короля. Хорошо еще, что позволилъ ему оставить крѣпость!

Иванъ двинулся въ Брацлавщину. Тамъ легче могъ онъ снести съ запорожцами, которые собирались здѣсь обыкновенно на зимнія квартиры; наконецъ тутъ ожидалъ его преданный ему душой и тѣломъ молдаванинъ—землякъ Чапа.

Много лѣтъ тому назадъ, Чапа, выгнанный переворотами, бывшими насущнымъ хлѣбомъ въ его родной землѣ, очутился на украинскихъ стенахъ и какъ былъ онъ человѣкъ мирный, то забросилъ военное ремесло, женился на русинкѣ и поселился въ брацлавской волости. Хозяйство его шло не дурно, состояніе имѣль порядочное: большія стада гуляли въ полѣ, денегъ было довольно въ сундукахъ; дѣти воспитывались уже по-русски; гостепріимству научился у сосѣдей. При всемъ томъ Чапа хотя пустылъ корни въ новой землѣ, обезпечивающей ему миръ и счастье, но не забылъ старого отечества и не разорвалъ съ нимъ связей.

Какимъ путемъ Подкова попалъ къ Чапѣ, сказать не съумѣю, но разъ усѣвшись подъ его кровлей, могъ жить спокойно и безопасно. Старого волошина ослѣпили доводы, представленные претендентомъ, и письма бояръ, занимающихъ самое высокое положеніе въ Молдавіи. Кажется, не обошлось тутъ и безъ романа. У Чапы была красавица дочка; дѣвушкѣ понравился пришелецъ. Хотя одѣть онъ былъ очень скромно и окружены бѣдной свитой, однакожъ что-нибудь да значило, если родитель окружалъ его такимъ почетомъ, а таинственный видъ и вѣшность авантюриста были въ его пользу. Иванъ былъ высокаго роста, широкоплечий, неимощной силы, потому что ломаль подковы, какъ лепешки, кроме того пріятный въ обращеніи, кроткій; рѣчъ его съ женщинами скромная, изысканная, и вообще онъ былъ деликатенъ и вѣжливъ... Дѣвушка увлеклась, но увлеченіе перешло скоро въ страхъ, когда она узнала, что избранникъ ея сердца есть прямой владѣлецъ волошской короны, если не *de facto*, то *de jure*.

Это открытие, не смотря на некоторый страхъ, еще больше восплеменило ея чувство. Старикъ Чапа подстерегъ привязанность дочери и очень обрадовался, зная, что Подкова отвѣчаетъ ей тѣмъ-же... Но почему не стать-бы ей «домницею?» Но какъ добыть корону? Немировъ во всякой быка былъ настоящимъ козакскимъ городомъ и лежать въ межѣ; въ Немировѣ есть пріятели, а потому слѣдуетъ посовѣтоваться съ ними.

—Сказано—сдѣлано.

Въ Немировѣ Чапа встрѣтилъ шляхтича, который тоже искалъ Подкову, тоже жаждалъ помочь ему, чтобы при благопріятно сложившихся обстоятельствахъ добиться положенія или по крайней мѣрѣ выгоднаго и покойнаго куска хлѣба.

Это былъ царь Станиславъ Коныцкій, шляхтичъ собственнаго герба, во всякомъ случаѣ лицо историческое и притомъ интересное; происходилъ онъ изъ другаго конца Рѣчи Посполитой, изъ Помераніи; отсюда перекочевалъ на Подолію и поселился на волошской границѣ; служилъ во всевозможныхъ хоругвяхъ, но все какъ-то не удачно; съ Вишневецкимъ и Ивоней разорялъ Волощину; съ козаками былъ свой человѣкъ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ забрался первый разъ на Низъ и съ тѣхъ поръ каждый разъ, какъ на границѣ утихало и не было работы, возвращался на Запорожье. На Хортицѣ онъ обращался въ рѣчнаго или сухопутнаго запорожца, занимался рыболовствомъ съ такимъ-же удовольствиемъ, какъ сниманиемъ татарскихъ головъ или грабежемъ откормленныхъ стадъ на бѣлгородскихъ пастбищахъ. И въ илѣнь очень часто попадалъ, но всегда счастливо вывертывался изъ него; родной языкъ почти забылъ, за то по русски говорилъ, какъ будто родился надъ Днѣпромъ; и по молдавски зналъ, и по турецки могъ не дурно разговариться; крова собственнаго не имѣлъ, все его имущество—добрый конь, не много оружія и копѣйка всегда въ запасѣ, потому что деньги и тогда много могли сдѣлать. Только что вернулся Коныцкій въ Баръ на зимнія квартиры изъ какого-то таинственного похода и привезъ нѣсколько новинокъ старостѣ о татарахъ, какъ послѣдній въ благодарность намекнулъ ему о Подковѣ.

Коныцкому того только и надо.

— Гдѣ? какъ? спрашивалъ заинтересованный.

— Ни съ чѣмъ поѣхалъ въ Брацлавщицу, отвѣтилъ Бучакій.

Спустя нѣсколько дній павъ Станиславъ Коныцкій шныраль уже по Немирову и съ осторожностю развѣдывалъ о Подковѣ; встрѣтился съ Чапой и скоро съ пимъ поладилъ. Съ этимъ-же волохомъ отправился онъ въ деревню къ Подковѣ, радуясь, какъ разсказывается Бѣльскій, его счастью и обѣщая помочь ему по мѣрѣ возможности, за что Подкова очень благодарила его и просилъ доказать на дѣлѣ свои обѣданія, въ свою очередь обѣщая хорошо вознаградить его, если Господь поможетъ возвратиться въ отечество, куда призываютъ его на престолъ подданные.

Недолго продолжались совѣщанія въ домѣ Чапы: подвижный шляхтич сейчасъ вошелъ въ условія съ Шахомъ. Атаманъ вымовилъ тогда въ Немировѣ и бѣдовалъ, не зная, что ему дальше дѣлать съ собой, потому что ничего не было слышно о походахъ въ татарскія земли, а между тѣмъ королевское око зорко слѣдило и рука ослабляла энергію. Планъ Коныцкаго очень заинтересовалъ и обрадовалъ Шаха.

Коныцкій разбрасывалъ тогда не мало денегъ между молодцами, козачество весело гуляло, а мѣщане перепептывались, что будетъ какая-то робота. Коныцкій потиралъ руки отъ удовольствія, разсчитывая, сколько онъ получитъ барышей на затраченный капиталъ. Предиріятіе, правда, было рискованное, при неудачѣ можно было и шею сломать... Но уже такая природа пограничныхъ людей, такой ужъ тамъ царилъ обычай! На стенахъ рядомъ съ пограничнымъ столбомъ бѣлѣли груды костей предшественниковъ, которые здѣсь поскользнулись; послѣдователи ступали равнодушно по костямъ, даже не думая о томъ, что ихъ можетъ постигнуть такая-же участь. «Смерти бояться не слѣдуетъ, говаривали козаки, ея не избѣжишь». А окозачившаяся шляхта повторяла обыкновенно это мнѣніе и шла на проломъ впередъ. Шахъ только что стала дѣлать карьеру, такъ какъ еще недавно выбрали его атаманомъ; онъ хотѣлъ зарекомендовать себя съ хорошей стороны и привелъ съ собою 330 козаковъ. Чапа тоже собралъ небольшую кучку людей въ Брацлавщинѣ, и походъ быстро готовился. Весь отрядъ состоялъ наиболѣе изъ 500 человѣкъ. Съ такой горсткой людей завладѣть Волощиной—сущее безуміе. Передъ тѣмъ самъ Подкова такъ думалъ; онъ собирался только развѣдать, желая въ другое время попытать счастья. Походъ начался въ концѣ 1576 г. и въ

началѣ 1577 г. Глубокій сиѣгъ лежалъ на стенахъ; въ жизненныхъ припасахъ былъ недостатокъ, но храбрость города беретъ. По льду Днѣпра и Прута добрались козаки въ Волощину. Какое пространство страны они заняли, обѣ этомъ молчать лѣтописцы; но скоро козаціе раззѣзы наткнулись на сильные отряды, которые собирали волошскій господарь Петръ Хромой для приема непрошенныхъ гостей. Подкова отступилъ, довольствуясь грабежемъ, а козаки по своему въ концѣ концевъ опустошили побережья Прута, и пока волохи оглянулись, напастники были уже дома.

Претендентъ зажилъ опять у Чапы, снова глядѣть въ ясныя очи его дочки, а Копыцій во главѣ 60-ти вооруженныхъ человѣкъ занималъ почетный караулъ при будущемъ князѣ и собирая козаковъ на квартиры въ Немировъ, хотя городъ принадлежалъ брацлавскому воеводѣ Янушу Збаражскому и управлялся особымъ намѣстникомъ, назначеннымъ владѣльцемъ. Уже изъ этого видно, что князь смотрѣлъ снисходительно на свое волія запорожцевъ. Недавно жаловалась на него Порта королю, что прачетъ у себя козаковъ, которые дѣлаютъ ей большой вредъ. Но не одинъ Збаражскій потакалъ ихъ шалостямъ, по его слѣдамъ шли и другие цограницы старости. Бучадкій свободно пустилъ Ивана, Владекъ Каменецкій молчалъ, какъ будто ничего не знать о походѣ. Оборскій, коронный стражникъ, который имѣлъ резиденцію въ Зиньковѣ, даже аплодировалъ; ему-ли стать на дорогѣ смѣлому набѣзу на враговъ Рѣчи Посполитой? ему, который, какъ поэтически выражается Нѣседкій, «имѣлъ частыя и удачныя битвы съ невѣрными и часто онъ отъ нихъ и они отъ него въ торкышиовыхъ бинтахъ за столь садились».

И все прошло-бы даромъ, если бы испуганный и обеспокоенный волошскій господарь не поднялъ большаго шуму. Онъ послалъ чауша съ вѣстью къ галицкому канцеляру, который все-таки еще не двигался изъ Рыманова, что козаки набѣжаютъ на его землю и, если король не удержить ихъ, то нечего ожидать мира съ турецкимъ султаномъ. Семинскій приготовилъ реляцію королю, донося о препятствіяхъ, мѣшающихъ его послѣству, а такъ какъ опасность надо было поскорѣе устраниТЬ, то одновременно извѣстилъ обо всемъ подольского воеводу. Мелецкій, какъ оберегатель границъ и коронный гетманъ, уже не могъ принять дѣло равнодушно; онъ

выслалъ тогда Яна Боболецкаго, ротмистра, во главѣ хоругви съ приказаниемъ унять авантюриста.

Бѣльскій такъ разсказываетъ исторію этого похода: «Боболецкій, разсчитывая найти Подкова въ Немировѣ, двинулся прямо туда и засталъ его тамъ, но Подкова своевременно остерегся и выѣхалъ изъ города, имѣя при себѣ пятьдесятъ пѣшихъ съ ружьями. Пріѣхавши въ одинъ бродъ, въ который забрель по брюхо коню, онъ выстроилъ спереди себя стрѣлковъ. Когда Боболецкій подѣхалъ къ этому броду и увидѣлъ построившихъ людей въ хорошемъ, но неудобномъ дѣлѣ нападенія мѣстѣ, то повернулся назадъ. Подкова тоже побѣжалъ за нимъ въ Немировъ. Боболецкій требовалъ у немировскаго намѣстника выдачи Подковы. Намѣстникъ отвѣчалъ ему: «я тебѣ выдать не могу, но и не запрещаю, возьми его, если можешь».

Отвѣтъ наивный, не правда-ли? Бѣльскій, кажется, вѣрить всему, но вѣрить этому такъ трудно! Боболецкій, ротмистръ на Подольи, человѣкъ испытанный, во главѣ трехъ хоругвей, по крайней мѣрѣ 150 человѣкъ, хорошо конечно вооруженныхъ, привычныхъ къ способамъ войны на границѣ, отступаетъ передъ пятидесятью ружьями и ихъ предводителемъ, стоящими въ ручье, образовавшемся вслѣдствіе весеннихъ разливовъ. Встрѣча кончилась ничѣмъ; обѣ воюющія стороны спокойно возвращаются въ городъ и бокъ о бокъ стоять на квартире, вѣрно, въ наиболѣшемъ согласіи; королевское войско и козаки, можетъ быть, пьютъ подъ одной кровлей. Какъ-же этому поверить?

Настоящая комедія! Так же повималъ ее и Стефанъ Баторій, такъ какъ, увѣдомленный обо всемъ, послать строгіе выговоры пограничнымъ старостамъ, при чѣмъ самый суровый достался князю Збражскому. Король понялъ, что пограничные паны имѣютъ свою собственную политику, а онъ хотѣлъ безусловнаго послушанія, и въ упомянутомъ письмѣ приказывалъ, чтобы брацлавскій воевода немедленно поймалъ Ивана Волошина и отдалъ его въ руки шляхетнаго Валентія Маковецкаго, коморника.

Приказаніе свое король оканчиваетъ слѣдующей непривычной и многозначительной угрозой: «если какъ нибудь иначе сдѣлаешь, чего мы о вашей вѣрности, какъ о напечь сенаторѣ, не хотѣли-бы думать, то какъ нибудь это не пройдетъ тебѣ, и ты

будешь имѣть достаточно хлопотъ отъ Рѣчи Посполитой... Мы при-
нуждены будемъ приказать инститору (прокурору) поступить съ
вашей вѣрностью, какъ съ нарушителемъ мира и спокойствія на
границѣ». Приказъ, подписанный въ Мальбургѣ 5-го ноября, дошелъ,
вероятно, на границу въ декабрѣ, именно въ то время, когда Под-
кова достигъ временного успѣха во вторичный свой походъ.

IV.

Претендентъ, окруженный небольшимъ отрядомъ, весной дви-
нулся къ Днѣстру. Теперь онъ не держался уже польской грани-
цы, боясь, чтобы не задержали его, утонуть въ зеленыхъ степяхъ
съ всегда вѣрнымъ ему Чапой и предпримчивымъ Копыцкимъ. Шахъ
во главѣ 600 молодцовъ ожидалъ Подкову на главномъ пляху,
проторенному, какъ говорятъ Бѣльскій, и привѣтствовалъ его здѣсь
пѣснями и музыкой. Радостно затрубили трубы, весело отклину-
лись имъ литавры. Козаки выглядѣли по праздничному, въ боевомъ
строѣ, на превосходныхъ лошадяхъ, въ праздничныхъ жупанахъ,
въ барабанныхъ разноцвѣтныхъ кучмахъ, вооруженные самопалами,
саблями, азебардами и кошками. Надо было произвести впечатлѣніе
на волошскую черпь и напугать турокъ, которые не очень охотно
сражались съ молодцами. Пословицы, сохранившіяся до настоящаго
времени, отчетливо отпечатлѣваютъ ту боязнь османовъ, какую они
чувствовали при встрѣчѣ съ запорожцами. Одна изъ нихъ, напри-
мѣръ, выражается такъ: «у насъ (на Запорожье) де кракъ (кусты),
тамъ козакъ, а де байракъ, тамъ и сто козакивъ». Другія, не менѣе
характерныя слова, вложены въ уста падишаха¹⁾, который однажды
выразился такъ: «когда кто-нибудь изъ соѣдніихъ государствъ объ-
явить мнѣ войну, я сплю спокойно, но когда козаки ведутъ ее со
мною, тогда долженъ безпрестанно прислушиваться однимъ ухомъ».

Атаманъ помнилъ это и не молчаливо, но съ пѣсней на устахъ
входить въ Сороки. Черпь сейчасъ объявила его господаремъ; ей
было все равно: всякий господарь съ Божьей-ли, зянской или турец-
кой воли на то и княжилъ, чтобы обирать крестьянина. Вѣковой
опытъ выработалъ это твердое убѣжденіе въ волошскомъ царевичѣ

¹⁾ Амурадъ III.

(въ родѣ нашихъ крестьянъ), а потому онъ уступалъ съ дороги, если могъ, прятался въ свой хуторъ, стояцій гдѣ-нибудь въ сторонѣ или занимался въ пастухи, и вель жизнь уединенную, на безлюдьї, гахваченный-же нечаянно, дѣлать все, что ему приказывали, думая только объ одвомъ, какъ-бы ускользнуть въ степь хоть съ одной душой, даже лишившись имущества. Возгласы и одобренія толпы немногого значили, оставался на дорогѣ еще кто-то, кого надо было одолѣть, т. е. господарь съ горстью своихъ сторонниковъ и затяжныяз турецкими войсками. Но первыя встрѣчи великолѣпно удались: на равнинѣ подъ Яссами заступила дорогу козакамъ Петъръ Хромой, а впереди его шла турецкая артиллерія, хотя небольшая, но все-же грозная. Долго обѣ стороны смотрѣли другъ другу въ глаза, наконецъ у мусульманскихъ пушкарей не стало терпѣнія, и они открыли огонь. Нѣсколько моментовъ дымъ покрывалъ поле битвы, но вотъ онъ разсѣялся и... о чудо! непріятельской лагерь какъ будто пропалъ, какъ будто весь полегъ. Волошская конница скачетъ, чтобы убѣдиться въ тріумфѣ, скачетъ отважно и слѣпно— и попадаетъ въ засаду. Козаки употребили хитрость: убѣдившись, что турецкія пули, кроме треску, не дѣлаютъ вреда, они принали къ землѣ, какъ мертвые, а когда непріятель приблизился, то командѣ поднялись, какъ одинъ человѣкъ, и ударили въ сабли и пики. Триста турокъ пало, а остальные въ бѣгствѣ искали спасенія. Теперь уже безъ сопротивленія побѣдители вошли въ Яссы, и городскія власти привѣтствовали ихъ. Подкова объявленъ господаремъ и принялъ название Ивана Воды. Шахъ назначенъ главнымъ предводителемъ всѣхъ военныхъ силъ, Чапа маршаломъ, а скромный Копыцкій буркулабомъ Хотина, т. е. губернаторомъ и комендантомъ крѣпости. Во всякомъ случаѣ тутъ безопаснѣе, Днѣстръ близко, а за Днѣстровъ Рѣчъ Посполитая. Наконецъ и традиція была симпатична, потому что немного лѣтъ тому назадъ здѣсь были буркулабами и Яскій, и Порайчикъ Доброколовскій. Счастливый организаторъ похода отправился въ новую резиденцію; предшественникъ уступалъ ему дорогу безъ протеста, т. е. просто убѣжалъ въ полькіе предѣлы и нашелъ гостепріимное убѣжище въ Коломыѣ, у Якова Струя.

Подкова началъ княжить съ 23-го ноября 1577 г.; княжилъ едва-ли два мѣсяца и, какъ человѣкъ спокойный и добрый, не отрубилъ ни одной головы, какъ это обыкновенно дѣлали его пред-

шественники. Удивляться имъ не слѣдуетъ, господари учились у турокъ; вступленіе на престоль не имѣло прелести, если ступени трона не были забрызганы кровью противника. Оттого короткое и спокойное господарство Ивана не оставило слѣдовъ въ исторіи; въ ряду правящихъ господарей выглядѣть онъ, какъ-бы чоловѣкъ не той эпохи, но заблудившійся и не съ Запорожья, а изъ цивилизованной страны. Скромный украинскій подковарь началъ свое правленіе актомъ милосердія; онъ приказалъ освободить всѣхъ узниковъ, «которые коликуть были тамъ на скуѣ», т. е. предназначены въ продажу. Внѣстѣствіемъ онъ послалъ къ султану, уведомляя его о своемъ избраніи и прося о хоругви. Это было актъ подчиненности и ленной зависимости; хоругвь съ полумѣсяцемъ, развѣвающаяся надъ господарскимъ дворцомъ, означала верховную власть Порты. Посланный однако не достигъ Цареграда: въ доро гѣ былъ пойманъ и задержанъ.

И только знаемъ объ Иванѣ Водѣ, какъ волошкомъ господарь.

И о дочери Чапы никакого извѣстія. Можетъ бытъ она не имѣла времени собраться изъ глухой брацлавской деревушки въ резиденцію къ своему возлюбленному въ королѣ.

Лишенній престола Петръ не призналъ себя побѣжденнымъ. Онъ обратился прежде всего къ надишау съ жалобой и прошбой о помощи, но получилъ не очень утѣшительный отвѣтъ.

— «Я тебя, отвѣчалъ султанъ, считаю своимъ подданнымъ и дамъ я тебѣ господарство, чтобы ты служилъ мнѣ, гдѣ я тебѣ прикажу! И такъ приказываю тебѣ, чтобы ты выигралъ тамъ этого лотрика, а если этого не сдѣласъ, я возьму твою голову, и на твоє мѣсто пошлю другаго».

Условіе довольно тяжелое, но въ молдавской исторіи обыкновенное. Несчастный Петръ употребилъ всѣ средства, на посыпданію копѣйку собралъ войско и вступилъ въ новую борьбу съ Подковой. Употребилъ онъ забавную стратегическую хитрость, въ которой главную роль играло стадо скота; но именно оно, вместо помощи, было причиной фатальной катастрофы. Детрапезований господарь приказалъ гнать передъ своимъ войскомъ стадо воловъ, желая смять и разбрѣти ряды Подковы. Но волы взбѣсились, испугавшись стрѣльбы, и вместо того, чтобы броситься на ряды непріятеля, повернули назадъ и бросились на свою армію. Войско Петра, разби-

тое собственнымъ рогатымъ авангардомъ, разбѣжалось, оставивши довольно убитыхъ. Боболинскій утверждаетъ, что въ это время на полѣ битвы было 8,000 человѣкъ, но, вѣроятно, эта цифра увеличена по крайней мѣрѣ въ восемь разъ, чего не считаемъ даже нужнымъ доказывать читателю.

Петръ, однако, и теперь не потерялъ головы. Онъ отправился въ Семиградъ, откуда скоро обѣщали ему и помошь. Иванъ, увѣдомленный обѣ этомъ, рѣшился ретироваться съ честью. Но куда двинуться? На Запорожье трудно, потому что страшно было пускаться въ путь зимою по безлюднымъ, покрытымъ снѣгомъ степямъ, слѣдовательно надо было спасаться въ Брацлавщину; тутъ онъ пользовался всеобщею любовью, тутъ легко могли простить ему набѣгъ на Молдавію.

Подкова двинулся въ Немировъ. Козаки обѣщали не оставить его; отъ мѣщанъ онъ ждалъ снисходительной встречи, потому что везъ съ собой большое богатство, и кромѣ того изъ Ясъ забралъ всѣ артиллерійскіе снаряды съ 14-ю цатью пушками. Въ концѣ января Подкова вышелъ изъ столицы.

А бѣдный Копыцкій, назначенный буркулабомъ? Слѣдовало и его извѣстить о намѣреніи удаляющагося господаря. Въ самомъ дѣлѣ, съ десятокъ козаковъ пробѣжали въ Хотинъ, и какъ разъ во время, потому что организаторъ похода чуть не поплатился жизнью за свою карьеру. Бывшій буркулабъ, узнавши обѣ ожидающей помощи изъ Семиграда, воспомоществуемый Струсемъ, взялъ пітуромъ крѣпость, арестовалъ Копыцкаго и рѣшилъ отправить въ подарокъ Петру Хромому. Шляхтичъ, ни откуда не ожидавшій помощи, должно быть очень обрадовался, увидѣвшіи на дорогѣ моладцевъ, которые въ одну секунду разогнали волошскій конвой, ворвались въ городъ, изрубили буркулаба, ограбили лавки и съ освобожденіемъ Копыцкимъ потянули въ Подолію. Копыцкій сердечно поблагодарилъ козаковъ и отправился искать счастья въ другомъ мѣстѣ. Въ Немировѣ онъ не остался, зная, что тамъ нечего ожидать ему добра.

Брацлавскій воевода очень встревожился, когда донесли ему, что Иванъ Волошинъ, разыскиваемый коморниками, перемѣтель гравацу Рѣчи Посполитой, во главѣ значительного отряда, съ значительнымъ числомъ пушекъ. Онъ далъ знать Мелецкому, и долго

они совѣтовались, какъ лучше поступить имъ. Это касалось ихъ обоихъ, такъ какъ Баторій подозрѣвалъ ихъ въ сочувствіи этому походу, и потому оба они были въ нѣкоторомъ сомнѣніи, какъ поступить имъ. Козаки, хотя своеольные и непослушные, все-же были сыновья одной матери, подданные Рѣчи Посполитой; для того-же, чтобы поймать «господарчика», надо было пролить братнюю кровь. Стали тогда пробовать, не удастся-ли какъ либуть убѣждѣніемъ успокоить бурю.

Съ этою цѣлью Збаражскій самъ пріѣхалъ въ Немировъ, расположился во дворцѣ, запросилъ къ себѣ Шаха съ старшиной и представилъ имъ все дѣло въ настоящемъ свѣтѣ, объясняя, въ какое самъ попалъ затруднительное положеніе. Атаманъ понялъ аргументацію и просилъ совѣта.

— Пусть Подкова ѣдетъ въ Варшаву, отвѣтилъ князь, король уважаетъ храбрыхъ людей, можетъ быть и ему простить.

Аргументъ этотъ убѣдилъ запорожца¹⁾). Не надо было, наконецъ, уговаривать Подкову; ех-господарь легко принялъ предложеніе. Прощаясь съ козаками, онъ благодарили ихъ за помощь, а пушкі раздалилъ: двѣнадцать далъ воеводѣ, а двѣ гетману; гетманъ подарилъ ихъ коменданту, и уже въ списѣ XVII вѣка мы нашли среди «крѣпостныхъ гарматъ и амуницій» замѣтку о пушкахъ Серпаги.

Подкова въ свите князя побѣхалъ сейчасъ на Русь къ Мелецкому. Можетъ быть, одна дочка Чапы, ломая свои бѣлые руки, прощалась съ возлюбленнымъ, не покидая надежды на будущее величіе и счастье,—не предчувствовала она печального конца, который сулила судьба молодому герою. Въ ея дѣвичьей головѣ гостила другая тревога: идетъ далеко въ столицу, а тамъ столько красавицъ-лашекъ... Вѣренъ-ли будетъ козакъ?

Подкова пустился къ Вислѣ, свободный, даже съ нѣкоторыми почестями. Съ нимъ было нѣсколько вѣрныхъ козаковъ; онъ пользовался такими симпатіями пограничной шляхты, что она не дала его

¹⁾ По свидѣтельству Гейденштейна (ч. I, стр. 286), Подкову выпрашивали въ Варшаву не Мелецкій, по каменецкій канцелянѣ Николай Синявскій, и это намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ Мелецкій, самъ когда-то вводившій въ Молдавію Богданка, не могъ не сочувствовать продолжателю его предпріятія Подковѣ.

въ обиду. Прибылъ онъ въ Варшаву къ концу сейма, который со-брался въ февралѣ 1578 г. Баторій принялъ его по своему сурово, какъ хищника и мятежника, приказалъ сейчасть арестовать его, на-ложить на ноги оковы и держать подъ строгимъ карауломъ. Былъ-ли это соотвѣтствующій шагъ, вызванный необходимостью или край-ностью? Нѣтъ. Иванъ Волошинъ не былъ исключительнымъ примѣ-ромъ своеволія: онъ былъ звеномъ длинной цѣпи, тянувшейся въ продолженіи десяти съ лишкомъ лѣтъ; онъ протянулъ руку за го-сподарской короной, какъ протягивали передъ нимъ Гераклидъ, два Лопушняна, постѣ нихъ Могили—отецъ и сынъ, и всегда дѣлали это при помощи подданныхъ Рѣчи Посполитой. Долженъ-ли Подкова одинъ отвѣтить за всѣхъ? Печальная судьба досталась ему въ удѣль. Великій король не зналъ мѣстныхъ отношеній, голова его была полна проектами о сильной и сконцентрированной власти, а тутъ какой-нибудь пляхтичъ на границахъ игралъ въ удѣльнаго князя, и было еще большое одолженіе съ его стороны, если онъ доносилъ верховной власти о сдѣланномъ поступкѣ, не желаю санкціи и полномочія. А сколько у насъ «панять» и это обходили!

Баторій допускалъ, что козацкіе набѣги въ Молдавію могутъ имѣть дурное послѣдствіе, что Польша будетъ имѣть соединенъ кого нибудь другаго, а не христіанина. Однако можно было уже и тогда убѣдиться, что религіозныя мяѣпія тутъ были ни при чемъ. Господари греческаго вѣроисповѣданія также хорошо угождали Турціи, также пизко вляялись ей, также принимали участіе въ набѣгахъ на Рѣчу Посполитую, какъ какой нибудь Балаклей, или Чапчаклей, или другой невѣрный.

Боболинскій утверждаетъ, что предположено было казнить виновнаго господарчика въ Варшавѣ, но король не хотѣлъ дѣлать непріятнаго собравшейся на сеймъ шляхтѣ. Не сдѣлали-ли этого, прибавляетъ Саликовскій, по просьbamъ за него рыцарскаго сосло-вія? Всически Подкову привезли въ Львовъ.

V.

Обстоятельства сложились для него несчастливо. Баторій, можетъ быть, помиловалъ бы Подкову, по крайней мѣрѣ онъ колебался съ своимъ суровымъ приговоромъ и видимо склонялся къ

смягчению онаго; но въ то время дали ему знать, что новый претендентъ Александръ, какъ братъ Ивана, вторгнулся въ Молдавію, а когда онъ погибъ, сейчасъ выступилъ названный сынъ его Петръ. Это разсердило короля, и уже въ іюнѣ онъ писалъ къ запорожскимъ молодцамъ и ихъ старшинѣ, винувши имъ опомниться: «мы очень удивляемся, винувши онъ, что уже третиимъ походомъ въ Молдавію рѣшаешься нарушить миръ молдавской земли и его милости турецкаго султана съ короной, которая заключила перемиріе на сеймѣ съ согласія всѣхъ чиновъ Рѣчи Посполитой... Напоминаемъ вамъ, чтобы вы бросили эти походы въ Молдавію и вернулись назадъ; если сдѣлаете это, пріймемъ васъ съ лаской и благодарностью. Но если будете упорствовать въ своемъ намѣреніи и не захотите отказаться отъ него, будемъ принуждены признать васъ врагами короны»...

Одновременно чаушъ турецкаго султана Мурадъ-хана привезъ письмо, написанное въ половинѣ іюля 1578 г., интересное во многихъ отношеніяхъ: «пусть вамъ будетъ извѣстство, пишеть въ пемъ падишахъ послѣ титуловъ и поздравленій, когда получите это благословенное царское письмо, что намъ доносили, какъ дѣло до подлинно извѣстнос, что козаки павостники и главныи образомъ «голота» изъ польскихъ крѣпостей по Дунаю (?), границы нашего благословенаго царства, живущая въ городахъ Манкерманъ (Акерманъ), Черкескерманъ (Черкасы), Кан-евѣ (Каневъ) и Брацлавъ недавно сдѣлали набѣги на молдавскую провинцію и нанесли ей большой вредъ. Извѣстно намъ также, что ванъ гетманъ, по имени Никола (Николай Мелецкій), схватилъ зачинщика вышеупомянутой головы въ тотъ моментъ, когда она уходила уже въ свои убѣжища. Пусть ведутъ его къ королю, сказаль онъ, а однакожъ допустить его возвратиться домой. Тотъ-же гетманъ поймалъ и задержалъ также всѣхъ соучастниковъ вышеупомянутаго преступника, самъ-же сейчасъ возвратился къ вамъ. Мы уже написали было и хотѣли послать соответствующее наше царское письмо, требуя, чтобы вы отдали намъ или живаго злодѣя, или его голову. Въ это время силистрійскій Давуръ, образецъ и украшеніе нашихъ великихъ правителей, слава котораго пусть всегда гремитъ, присыластъ намъ въ великую Порту виѣтъ съ письмомъ вѣсть великаго воеводы, что опять появился какой-то голышъ, называющій себя братомъ

перваго мятежника, вторгнулся въ молдавскую землю во главѣ двухтысячной польской пѣхоты и козаковъ, далъ битву, занялъ базаръ близъ Ясъ и цѣлый городъ держитъ въ осадѣ... Когда получите это, счастлившее васъ, наше царское письмо, старайтесь доставить намъ, безъ потери времени и какъ можно скорѣе, живаго бунтовщика, который убѣжалъ къ вамъ и теперь въ вашихъ рукахъ, или его голову, а, если можете, отправляйтесь съ войскомъ въ крѣпости, въ которыхъ теперь находятся задорные люди, и умилите ихъ, главное, бросьте всѣ свои дѣла и, если имѣете достаточно силы, поспѣшите въ поле и примѣрио накажите дерзкихъ за набѣги. Но если вамъ угрожаетъ нападеніе враговъ, или мѣшаютъ другія наши дѣла, или наконецъ самолично не можете выступить и собственными силами наказать тѣхъ хищниковъ, то извѣстите насъ, а мы сейчасъ выпшлемъ несметныя тысячи нашего войска для усмирѣнія злыхъ».

Письмо оканчивается угрозой, что если король не исполнить хотя одного изъ этихъ желаній, «то тогда поколеблется существующій между ними миръ въ своихъ основаніяхъ и народѣ, и города пострадаютъ».

Слишкомъ мы преувеличивали силы Порты, а король жаждалъ какой угодно цѣнной удержать съ нею хорошия отношенія! И такъ голова Подковы упала на львовскомъ рынке въ присутствіи турецкаго посланника въ 1577 г.¹⁾.

¹⁾ Вотъ письмо о казни личнаго свидѣтеля этого события, итальянца Филиппа Тальдуци, не чуждое, кажется, прикрасъ и вымысла, особенно въ предсмертной рѣчи, но тѣмъ не менѣе весьма интересное.

«Его милость король, выѣзжая изъ Варшавы, приказалъ отвести бывшаго молдавскаго господаря Подкову въ Раву, въ землю казовецкую, и держать его тамъ подъ строгимъ карауломъ. Потомъ распорядился перенести его въ Львовъ, куда прибыль чаущъ съ цѣлью домогаться головы Подковы, какъ о томъ публично говорили. Съ той-же цѣлью явился также посолъ волошскаго господаря, предложившій въ подарокъ королю 50 воловъ, четыре бочки мускателя (вива), даѣ малыхъ бочекъ соленыгъ лимоновъ и превосходную лошадь.

Въ понедѣльникъ 16-го юна его милость король выѣхалъ рано изъ города, будто бы на охоту. Предъ отѣѣденіемъ онъ далъ приказъ вооружить всѣхъ горожанъ, а гайдукамъ своей стражи затворить городскія ворота; но предъ тѣмъ еще приказалъ чаущу для личной его безопасности, а отчасти для устраниенія подозрѣній того, что должно было случиться, такъ какъ немного подозрительныхъ казался на-

Что миръ не купленъ этимъ—извѣстно, а что смерть Ивана Воды была первымъ шагомъ къ братней распрѣ—тоже извѣстно. Съ тѣхъ поръ оставшаяся, едва замѣтная борозда размывалась съ теченіемъ времени потокомъ крови, разлитой обѣими сторонами въ неизходимую пропасть...

Даже высохшій польскій лѣтописецъ вынѣсъ какъ-бы эпитафию *ex-gосподарю* этими лаконическими, но много говорящими словами: «этого Подкова всѣ люди жалѣли».

Вѣрные казаки взяли тѣло казненаго и повезли его на далекую Украину. Передъ смертью Подкона просилъ похоронить его на родной землѣ...

И въ самомъ дѣлѣ былъ необычайный поѣздъ!

Ильвъ вооруженныхъ людей, прибывшихъ частью для привѣтствія короля, частью, можетъ быть потому, что слышали о пребываніи Подковы въ Львовѣ.

По отѣзгѣ короля и по принятіи всѣхъ мѣръ предосторожности около 14-го часа (перваго по полуночи, считая отъ захода солнца) былъ приведенъ на площадь несчастный князь (*Il misero Principe*), но не съ связанными руками, по особой милости, дарованной ему. По прочтеніи смертнаго приговора, барабанный бой и неописанный шумъ раздавался на рынке. Проткнувшись раза два по мѣсту казни, поглаживая бороду и посматривая на народъ безъ боязни смерти, Подкова просилъ его утихнуть, и по вдовореніи спокойствія, обратился къ нему съ слѣдующей рѣчью: «Господа поляки! я иду на казнь и не знаю за что, такъ какъ не вѣдаю за собой никакой вины, заслуживающей такого конца. Знаю только одно, что я всегда сражался храбро, по рыцарски, противъ враговъ христіанскаго имени и всегда думалъ о пользѣ и выгодѣ края; моей постоянной мыслью было стоять стѣной и крѣпостью противъ невѣрныхъ, удерживать ихъ въ границахъ и не дозволять имъ переправляться черезъ Дувай, но я не могъ привести въ исполненіе своего задушевнаго желанія, Богъ вѣдаетъ, по какой причинѣ, преимущественно же по винѣ того, которому довѣрился и пришелъ сюда. Надѣюсь однако на Бога, что онъ накажетъ взмѣнника—иса за мою невинную кровь. Знаю только одно, что я долженъ умереть отъ руки этого (показывая на палача), потому что такъ приказать поганый несъ турокъ вашему королю, своему слугѣ, а вашъ король ему. Наконецъ, моя смерть не имѣть значенія; но помните, что пройдетъ не много времени и вы не избѣжите моей участіи, и по волѣ этого поганаго иса будутъ отправлены въ Цареградъ ваши имущество, ваши головы и головы вашихъ королей». Далѣе, помолчавши съ минуту и оборотивши къ бывшимъ съ нимъ своимъ восьми казакамъ, онъ сказалъ: «носятъ моей смерти прощу васъ, не дѣлайте ничего дуриаго моихъ слугаиъ и товарищамъ, такимъ-же честныиъ, какъ я, и хорошо послуживши мъ Рѣчи Посполитой, а потому не только не слѣдуетъ обижать ихъ,

Изъ міра цивілізації въ глуху степъ горсточка храбрецовъ конвоировала скромный деревянный гробъ...

Народъ выходилъ, смотрѣть и, печально вздыхая, приставали къ кортежу безъ священника, безъ свѣчей и хоругвей.

И невольно у толпы рождался вопросъ, зачѣмъ везутъ кости на дикія поля, когда ихъ столько уже бѣгаетъ на неопсвященій землѣ! Тогда товарищи-молодцы рассказывали толпѣ печальную исторію—судьбу господаря козака и трагическую бесславную смерть его...

Рассказы разносилась по степямъ, повторялись въ немногочисленныхъ селахъ, въ частныхъ хуторахъ, въ полѣ при кострѣ, въ густой травѣ при засадахъ и, передѣланые пародной фантазіей, просуществовали до настоящаго времени, не заключая въ себѣ ничего, кромѣ названія. Такъ черезъ три столѣтія крестьянинъ разсказываетъ ученому собирателю преданій, что въ каневскомъ лѣсу,

но падо даже наградить по степени заслуги». Затѣмъ прибавилъ: «еще вѣсЬ обѣ одномъ прошу; не дозволяйте прикасаться къ моему тѣлу этому лишеному чести человѣку (указывая на палача) не только при моей жизни, но и послѣ смерти, и разрѣшите сдѣлать мнѣ эту послѣднюю услугу моимъ людямъ, которые я остались здѣсь съ этой цѣлью».

Послѣ этого онъ занючалъ, а въ народѣ былъ слышенъ плачъ; плакали главнымъ образомъ воины, пришедши сюда ради него, но не пѣвшіе возможности подать ему помощь, въ виду склоннаго къ подготовлению сопротивленія. Одинъ изъ козаковъ подошелъ къ Подковѣ съ большими кубкомъ вина (кѣкоторые говорятъ, что онъ самъ попросилъ обѣ этомъ); довольно того, что, взявши кубокъ, выпилъ залпомъ и, повернувшись къ подавшему вино, сказалъ по мѣстному обычая, что пить за его и товарищій здоровье. Затѣмъ опять прошелся раза два и подошелъ къ плачу. Замѣтивши приготовленный пучекъ солны, на которой долженъ былъ преклонить колѣни, онъ воскликнулъ: «Бѣ же, мой, неужели я недостоинъ преклонить колѣни на что-лѣбо лучшее!» И, повернувшись къ своимъ людямъ, прибавилъ: «вѣдите, возьмите между моими вещами оставшійся коверъ!»

Когда подстали коверъ, онъ ловко преклонилъ колѣни и, поклонившись, крестясь русскимъ крестомъ (такъ какъ былъ православнаго вѣроисповѣданія), закрылъ глаза, ожидая смертнаго удара: по палачъ медлилъ. Тогда Подкова обернулся къ нему, говоря: «что ты дѣлаешь?

Палачъ отвѣтствѣлъ ему:

- «Господинъ, надо поправить платье, чтобы оно не мѣшало».
- «Очень хорошо», сказали Подкова.

Поправивши платье и поручая себя Богу, онъ съ большой твердостью принялъ смертный ударъ. Кто-то изъ присутствующихъ (вѣрно, нарочно назначеп-

недалеко отъ города, убиты два атамана—Грицко Кобзарь и Подковы, что обоихъ тамъ похоронили и отсюда название мѣста «Кобзарова могила». Народъ, какъ-бы желаяувѣковѣчить имена своихъ героевъ, дороги, по которымъ они ходили, крестилъ ихъ именами: въ самомъ дѣлѣ близъ названной мѣстности пролегаетъ «Серпягинъ шляхъ». Простонародіе считаетъ его зловѣщимъ и употребляетъ проклятие: «чтобъ ты пошелъ дорогой Серпяги!» Намекъ на печальный конецъ Ивана.

Тридцать лѣтъ назадъ сему Изопольскому выискали иѣсколько пѣсенъ, которая распѣвались по Днѣпру; въ этихъ пѣсняхъ воспѣвались подвиги Подковы. Какъ образецъ, приводимъ здѣсь краткое вступленіе одной изъ нихъ, подправленной иѣсколько са-мимъ собирателемъ:

Подувъ витеръ изъ города, изъ Львова, запушили вербы,
Заплакали козаченки: ой, Боже-жъ нашъ милосердый!
Ой, у Львови дзвоны дзвонять и попы спивають;
Лежить трупъ козацкій, єму похоронъ справляютъ.
Ой тамъ у городи, та въ Каневи, зъ жалю дуже плачутъ,
Высыпають надъ Серпягою могилу, земли не настачутъ...¹⁾.

ный для этого) поднять голову и три раза показать ее народу въ доказательство. что справедливость удовлетворена.

Въ тотъ моментъ въ народѣ были слышны такой плачъ и ропотъ, что не будь приваты заранѣе мѣры, можно было опасаться беспорядковъ. Это событие произвело самое непрѣятное впечатлѣніе на народъ и много повредило королю въ глазахъ его подданныхъ, хотя потому все забылось, и время все стерло.

Люди Подковы, взявши его тѣло и пришивши къ нему голову, вложили въ зеленый ящикъ (гробъ), который, говорять, самъ Подкова приказалъ приготовить; затѣмъ занесли его въ ближайшую русскую церковь, и больше ничего не слышно обѣ этомъ^{2).}

¹⁾ Въ «Запорожской Старинѣ» Срезневскаго, изд. въ Харьковѣ 1833—1838 г., въ 1-й части, на стр. 33, приводится сходная отчасти съ этой пѣсни, называющаяся такъ:

Ой у городи у Львови запушили вербы...

Тамъ-же, на стр. 34, приводится пѣсня о Подковѣ-же: «Охъ и сыла, сыла сылу подолила» и далѣе: «За рячкою, за быстрою, бѣтица турокъ зъ моздавою». Въ Сборникѣ Мордовцева на стр. 183—185 и въ 1-й части «Запорожской Старинѣ» Срезневскаго на стр. 123 приведены думы о Серпягѣ. Но и пѣсни и думы при первомъ чтеніи ихъ разять ухо сильною подправкою, если не совершеннаю

О соучастникахъ Подковы ничего не встрѣчаемъ въ исторіи. Одинъ Шахъ, запорожскій атаманъ, еще игралъ роль въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и Ригельманъ назначаетъ ему десятое мѣсто въ ряду гетмановъ. Дружина Ивана разбрѣжалась во всѣ стороны; нѣкоторые изъ козаковъ зашибли въ этой авантюре ко-пѣйку, а народъ цомаленъку выманивалъ ее и припрѣтывалъ.

Что народъ забиралъ привезенные изъ Молдавіи богатства, доказываютъ жалобы, записанные въ луцкихъ книгахъ подъ 1579 г.

Только всего и сохранилось въ преданіяхъ и исторіи объ Иванѣ Волошинѣ.

поддѣлкою. Ни тѣхъ, ни другихъ мы не находимъ въ позднѣйшемъ солидномъ Сборникѣ «Историческая пѣсня малорусскаго народа съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова», изд. въ Кіевѣ въ 1874—1875 гг.

Нѣсколько документовъ къ истории гайдамачинь.

А мы того коника у твого пана купили,
Въ зелени дуброви гропи поличили,
Въ холодви криницы иогоричъ запили,
Пидъ гниду колоду пана пидкотили.

Гайдамацкая пѣсня съ 1760-хъ годовъ.

О причинахъ появления гайдамакъ на юго-западѣ Россіи, ихъ удалыхъ набѣздахъ, грабежахъ и разбояхъ, жестокомъ мщеніи всему, что носило имя пана-ляха, борьбѣ съ правительствомъ и конечномъ сходѣ со сцены, было писано очень много. Въ свое время и мы въ небольшой, давно забытой, а быть можетъ и мало кому знакомой книгѣ, подъ заглавиемъ «*Наїзды гайдамакъ на западную Україну въ XVIII стол.*» (Одесса, 8—1845, 230 стр.), предложили какъ свое обѣ нихъ мнѣніе, такъ и документы въ разъясненіе этого загадочнаго и во всякомъ случаѣ мрачнаго явленія въ жизни нашего народа, подкѣрпляя и пополняя напѣ разсказъ сочиненіями и преданіями потерпѣвшей стороны, т. е. поляковъ и евреевъ. Нынѣ мы хотимъ пополнить рядъ приведенныхъ въ названной книгѣ, въ извлеченіи и сокращеніи, подлинныхъ документовъ, касающихся гайдамакъ, новыми, почерпнутыми изъ доставшейся намъ части запорожскаго архива, въ которой цѣлыхъ тысячи бумагъ посвящены тому-же предмету. Удерживая прежнее наше мнѣніе относительно гайдамакъ, мы, за давностію времени, въ которое оно высказано (прошло съ тѣхъ поръ 40 лѣтъ), считаемъ необходимымъ припомнить оное вкратцѣ теперь, предварительно помѣщенія вновь подъисканныхъ документовъ.

Всѣ почти новѣйшіе наши историки, а тѣмъ болѣе авторы историко-беллетристическихъ произведеній придаютъ дѣствіямъ гайдамакъ политическую или хотя поэтическую окраску. Это, говорятъ они, были бойцы за русскую вѣру и народность противъ притѣснителей ихъ польскихъ пановъ. Чельзя, конечно, отрицать въ гайдамачествѣ присутствія политического элемента, той религіозно-национальной вражды, какая зародилась въ украинскомъ населеніи по отношенію къ польскому панству гораздо раньше, выросла и окрѣпла въ эпоху кровавыхъ казацкихъ войнъ и имѣла и теперь немало поводовъ для своего проявленія; но съ другой стороны нельзя не видѣть въ всѣхъ иныхъ инстинктахъ низкаго свойства, обыкновенного хищничества, свирѣпаго ищенія, дикагою своею, бродяжничества и склонности пожить па распалику хотя оласнѣмъ, но вмѣсть и завлекательнымъ путемъ грабежа и разбоя, причемъ жизнь чужая и собственная ставились ни въто. Если въ массѣ гайдамакія движенія носятъ па себѣ высшій отпечатокъ, то на дѣствія частныхъ мелкихъ отрядовъ, особенно отдѣльныхъ лицъ нельзя подъ часъ иначе смотрѣть, какъ на проявленіе дикой порочной воли. Неудовлетворительный политический и общественный строй всегда и вездѣ вызывалъ ожесточенные протесты, но, не говоря уже объ общей имъ насилиственной формѣ, къ нимъ примѣщиваются обыкновенно дурныя общественныя и личныя страсти и затемняются и искажаются не рѣдко смыслъ протesta, поднятаго во имя высшихъ интересовъ. Эту сторону гайдамачества, которую такъ ярко рисуютъ находящіеся въ нашемъ архивѣ документы, забываютъ, кажется, наши историки и беллетристы, видя въ гайдамакахъ только народныхъ героевъ и борцовъ. Съ этой стороны гайдамачество представляется вѣкоторую аналогію съ тѣмъ, что въ тоже время, въ течениіи $\frac{1}{4}$ XVIII столѣтія, происходило па западѣ Европы. Во Франціи «нагреватели» (chauffeurs), въ Италіи «бандиты», въ Польшѣ «оприши», въ Сѣверной Америкѣ «живодеры» (ecorcheurs), въ Молдавіи и на Азовскомъ побережїи «харцизы», въ Буковинѣ «гайдуки и юнаки» дѣлали тоже, что и наши степные герои, и съ тою же иногда подкладкою.

Появленіе всѣхъ этихъ протестантовъ и ихъ долговременное существованіе у насъ и въ другихъ государствахъ условливалось до вѣкоторой степени причинами одинаковыми, или сходными, ка-

ковы: безсилие или халятность власти, какъ было у насъ, во Франціи и въ Англіи, политическая неурядица, какъ въ Польшѣ и Австріи, особенно въ Буковинѣ, слабость или же отсутствіе соответственныхъ органовъ полицейско-административной власти, потворство низшихъ классовъ общества, иногда-же и прямая солидарность ихъ съ грабителями и наконецъ скудость народнаго про-довольствія, особенно въ безмѣрныхъ степахъ нашего края, въ гористыхъ частяхъ Карпатъ, въ горахъ Италіи и Шотландіи. «У насъ, писалъ кошевой Григорій Федоровъ официально, войско низовое изъ давнихъ лѣтъ и нынѣ хлѣба не пашетъ, да и въ степныхъ мѣстахъ весьма малый родъ его бываетъ»¹⁾). Русское правительство давало войску запорожскому провіанта ежегодно по 1,300 четвертей; но это было лишь слабое подспорье къ проситаню запорожцевъ, которое они, какъ и весь шатавшійся по степямъ, на устьяхъ Днѣпра и Дона, сбродъ и сидѣвшіе зимовниками получали отъ скотоводства, охоты на зѣбреи и птицъ, рыболовства и самаго скуднаго огородничества.

Гайдамачество просуществовало болѣе полу-столѣтія: оно возникло на зыбкой почвѣ славившагося вольностями польского королевства и сошло со сцены съ водвореніемъ въ присоединенныхъ отъ Польши русскихъ областяхъ твердой русской власти. Въ исторіи гайдамачества первостепенной важности вопросомъ является вопросъ о той роли, какая принадлежитъ въ немъ Запорожью. Что въ немъ зародыши гайдамачины и что оно было ся ядромъ, это едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. Запорожье было всегда носителемъ идеаловъ южно-русского народа и сюда устремлялось все недовольное панскими порядками или просто обездоленное судьбою; это была вмѣстѣ и единственная прочно организованная сила, къ которой можно было прикнуть и на которую можно было опереться не только въ массовыхъ движеніяхъ, но и въ частныхъ предпріятіяхъ противъ общегароднаго врага для наживы съ него. Запорожцы были вполнѣ свѣдупными въ военномъ ремеслѣ и потому они являются всегдашними почти организаторами гайдамацкихъ отрядовъ и наѣздовъ. Жалобъ на нихъ и разбирательствъ по нимъ мы имѣемъ цѣлые фоліанты въ нашемъ архивѣ. Но и само войско за-

¹⁾ См. мою «Исторію Новой Сѣчи», изданіе 2-е, 1846 г., ч. I, стр. 226.

зорожское, прежде не ограниченное въ своихъ вольностяхъ, центральная власть теперь постепенно прибирала къ рукамъ и оно должно было, ваконецъ, строго преслѣдовать гайдамакъ и казнить тѣхъ изъ своего «товариства», которые участвовали въ наѣздахъ гайдамакихъ; въ уголовныхъ дѣлахъ нашего архива мы находимъ строгія наказанія «кіями» у столба, и штрафами, и даже *шубеницем* (висѣлицею), пойманыхъ на дѣлѣ, особенно съ подличнымъ, молодцевъ, по приговору Коша и даже куреней. Но тутъ Запорожье двоилось между исполненіемъ предписаній высшей власти и собственными традиціями и симпатіями къ страданіямъ народа, особенно въ роковой 1768 годъ. И собственные его усиія, и мѣры nominalной гетманской власти, и кары войскового генерального суда и кіево-губернской канцеляріи бессильны были побороть зло, пустившее глубокіе корни въ народѣ и имѣвшее основу въ общественномъ строѣ Польши; темная подвижная фигуры гайдамакъ тонули въ безбрежномъ морѣ запорожскихъ степей, въ недоступныхъ балкахъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ, въ недосягаемыхъ хуторахъ и зимовникахъ. Можно съ увѣренностью сказать, что лишь небольшая часть гайдамакихъ продѣлокъ стала достояніемъ правосудія и сохранилась для насъ въ архивныхъ дѣлахъ, по которымъ можно съ любопытствомъ наблюдать и принимавшіяся противъ гайдамакихъ набѣговъ мѣры, и размѣры причиняемаго ими въ короткое время зла, и самый, такъ сказать, процессъ гайдамакихъ грабительствъ.

Для ознакомленія съ этими сторонами гайдамачества и пониженія предложенныхъ нами давно о семъ свѣдѣній, изъ огромной массы имѣющихся у насъ дѣлъ мы предлагаемъ на этотъ разъ вниманію читателей лишь девять документовъ. Это два ордера гетмана Разумовскаго, показаніе одного изъ гайдамакъ, пять писемъ польскихъ пановъ къ кошевому и одно кіевскаго генераль-губернатора.

Первый изъ предлагаемыхъ нами документовъ, ордеръ гетмана Разумовскаго кошевому атаману Григорію Федорову (Лантуху) отъ 5 декабря 1755 г., заключаетъ въ себѣ рядъ мѣръ, направленныхъ къ обузданію гайдамакъ и прекращенію ихъ набѣговъ и грабительствъ, главнымъ-же образомъ къ строгому контролю надъ реестровыми сѣчевиками и живущими въ ихъ хуторахъ и зимовникахъ людьми. Всеобщая перепись какъ тѣхъ, такъ и другихъ, воспрещеніе принимать и держать безъ записи и людей подозритель-

ныхъ, обязательство для всѣхъ отлучаться не иначе, какъ съ билетомъ, притомъ не по одиночкѣ, а компаніями и съ обязательнымъ и ответственнымъ старшиною, и наконецъ строгая ответственность всѣхъ начальствующихъ за дѣйствія ихъ подкомандныхъ—таковы мѣры, принятія противъ самаго «товариства» запорожцевъ, дабы оно не могло ни выдѣлять отъ себя гайдамакъ, ни смѣшиваться съ ними. Строгій судъ и кара ждали слушниковъ этого распоряженія, особенно же изобличенныхъ въ соучастіи съ гайдамаками. Универсалъ изъемлетъ ихъ отъ суда Коша и велитъ отсылать въ Глуховъ, въ генеральную войсковую канцелярію, дабы Кошъ не могъ дѣлать имъ послабленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возлагаетъ на обязанность и ответственность Коша строгое преслѣдованіе гайдамакъ и поручаетъ даже понудить его къ этому двумъ особо командированнымъ въ Сѣчь лицамъ. Такая строгость вызвана съ одной стороны произведенными въ ту пору грабежами гайдамакъ въ турецкихъ и татарскихъ владѣніяхъ и настоятельными жалобами турецкихъ и татарскихъ властей, съ другой дошедшими до гетмана свѣдѣніями, что кошевая администрація потакаетъ грабежамъ гайдамакъ и дѣлится съ ними добычею. Собственно говоря, это не ловый даже приказъ, а повтореніе прежнихъ, но неисполненныхъ распоряженій, самыя-же распоряженія и подтверждаются по поводу происходящихъ грабежей, подробности которыхъ читатели найдутъ въ самомъ ордерѣ. Языкъ и складъ его необыкновенно тяжель, какъ и всѣхъ вообще извѣстныхъ памъ бумагъ, исходившихъ изъ канцеляріи гетмана Разумовскаго; тѣмъ не менѣе мы приводимъ его цѣликомъ, какъ важный памятникъ мѣръ, какія принимались высшимъ правительствомъ къ обузданію гайдамакъ и самыя запорожцевъ.

Войска низового запорожскаго господину атаману, старшииѣ войсковой, атаманамъ куреніямъ и всему войску.

Въ неоднократно посланныхъ къ вамъ нашихъ ордерахъ уже доволно вамъ, войску запорожскому, изъяснено, сколь высокій єя императорскаго величества интересъ состоять въ томъ, чтобъ воровскія гайдамакія партії ковѣчно іскоренены и воровскіе ихъ замыслы префены, а похищенное въ турецкой области все отыскано и на обидную

сторону возвращено, и впредь запорожские козаки въ лучшемъ страхѣ содергались, дабы происходящія до сего отъ собѣственной державы неумолкаемыя жалоби прекращенными видѣть. Въ слѣдствіе чего и посланнымъ отъ насъ прошедшаго ноября отъ 2-го сего 1755 года, на основаніи височайшей ея императорскаго величества грамоты, ордѣромъ вельно вамъ возможными образы старается, чтобы какъ похищенные гайдамаками у татаръ и у другихъ турецкихъ подданныхъ лошади, скотъ и прочие вещи, а паче тѣ лошади, къ воровству которыхъ винился воръ Панко Щербина, онъ-же и Табашукъ, съ прочими сороку пяти человѣкъ гайдамаками, коихъ онъ показалъ быть изъ запорожскихъ-же козаковъ, всѣ сполна, а за убыльемъ съ того числа по виноватыхъ, то есть сообщникахъ, изъ тѣхъ, у кого оные гайдамаки пристанѣ имѣли и воровскія лошади укрывали, и кому продавали, и такъ давали лошадьми или деньгами, — отысканы я въ турецкую сторону всѣ отданы были бы, и всѣмъ прежнимъ претензіямъ тамошнимъ надлежащая сатисфакція доставлена, такъ и оговоренные упомянутымъ воромъ Щербиною, бывшіе съ нимъ па воровствѣ изъ запорожскихъ-же козаковъ гайдамаки и ихъ сообщники сысканы и за крѣпкимъ карауломъ отосланы были въ Глуховъ, хотя-бы они въ Сѣчи и наказываны были. Яко жъ таившихъ воровъ, не наказывая тамо, вельно посыдать въ Глуховъ въ генеральную канцелярію, для того-жъ самихъ тѣхъ куренныхъ атамановъ, коихъ куреней козаки съ упомянутымъ воромъ Щербиною въ товарищахъ на воровствѣ были, и въ держаніи и во укрывательствѣ воровъ оговорены, отправить съ довольныи командами, и имъ, такожъ запорожскимъ полковникомъ Буго-Гардовому, Самарскому и прочимъ накрѣпко подтвердить, чтобы они съ ихъ командами, во всѣхъ запорожскихъ зимовникахъ, пасѣкахъ и другихъ къ скрытию ворамъ гайдамакамъ удобныхъ мѣстахъ, учинили вѣрный-же обыскъ, поступая притомъ неошибочно и съ наищащимъ прилежаніемъ, ничего не упуская, чтобы тѣ успѣху въ ономъ служить могло, и всемѣрно старались-бы оныхъ всѣхъ воровъ и ихъ сообщниковъ переловить и похищенные ими лошади и другіе пожитки отыскать сполна, а за убылье съ виноватыхъ тому лошадьми-жъ, или деньгами, подъ опасеніемъ, ежелибъ кто изъ оныхъ куренныхъ атамановъ поступалъ онаконо, тѣ оныхъ забыть левчимъ въ Глуховъ и настулено будетъ съ ними по

указають ея императорскаго величества и малороссийскимъ правамъ безъ послабленія, и что потому у вѣсъ происходит будеть, къ намъ и вице-губернатору кіевскому репортовать, а особливо—кѣмъ и для чего списанныхъ (посыланныхъ для сыску гайдамакъ и для разорвания въ турецкихъ границахъ запорожскихъ зимовниковъ¹⁾, командами) гайдамакъ по наказаній токмо отпущенъ свободно, а въ Глуховъ не отправлено, прислать къ намъ вѣрные отвѣты, и впредь, когда-бъ кто изъ гайдамакъ и ихъ сообщниковъ пойманъ были, не чиня имъ никакого наказанія, отсылать въ Глуховъ непремѣнно. А чтобы впредь такія воровскія партіи искоренить и непрестанные происходящіе отъ сосѣдственныхъ народовъ на запорожское войско жалобы прекращенными видѣть, а тѣчъ и пограничное спокойствіе доставить можно было, для того тѣмже ордеромъ велено вамъ, кошевому атаману, старшини войсковой, атаманамъ куренішъ и всему войску низовому запорожскому, учинить повелѣнное уже распоряженіе, яко-то:

1) Чтобы всему войску запорожскому учинены были имянные списки, какъ о язличныхъ, такъ и объ отлучныхъ, о коихъ вѣдать можно, кто гдѣ нынѣ и какъ давно въ отлучкахъ находится, а для способнѣйшаго учиненія тѣхъ списковъ къ явкѣ всему войску, каждому въ своемъ куренѣ, назнача сроки, какъ въ Сѣчи публиковать, такъ и во всѣ запорожскія жилища дать знать, также кои и вновь приходить будуть, тѣхъ-же по тому-же записывать въ реестры, кто въ который курень пожелаетъ, и таковы списки, всегда содержать исправно; а чтобы о служащихъ и живущихъ особыми жильями запорожскихъ козаковъ наемныхъ людяхъ, кои въ числѣ войска запорожскаго не состоять, известно было, для того и объ онихъ отъ ихъ хозяевъ требовать имянныя показанія и по тому-же учинить списки, у кого сколько и кто именно и по прозваніямъ въ услуженіи находится.

¹⁾ Въ 1791 году, когда «сочаковская область», т. е. уѣзды херсонской губерніи между Бугомъ и Днѣстровъ были присоединены къ Россіи, вапни землемѣры нашли многолюдныя селенія и даже городки: Аланьевъ, Бобрикевичъ, Голту и др., заселенные русскими и молдаванскими выходцами, подъ властью сераскировъ единсанской оуды.

2) Всѣмъ запорожскимъ козакамъ притвердить, чтобы впредь ни за какими нуждами изъ Коша, мимо вѣдома своихъ куреныхъ атамановъ и безъ пашпорта отъ войсковой запорожской канцеляріи, никуда не ъздили, но брали-бы паспортъ и на заставахъ билеть; а кто пожелаетъ отлучиться въ зимовникъ, тѣмъ тако-жъ давать билеты, что они въ числѣ войска запорожского изчисляются и гдѣ жить по-желали, а безъ таковыхъ билетовъ, а особливо изъ великороссійскихъ всякаго званія сумнительныхъ людей, въ зимовники и другія жилища не принимать и не держать, но гдѣ таковые люди явились, отсыпать въ Глуховъ, и къ неотмѣнному по сemu исполненію всѣхъ живущихъ особыми жилищами запорожскихъ козаковъ обязать подписками, подъ неотмѣннымъ наказаніемъ; а чтобы подъ видомъ служащихъ бродяще сумнительные люди скрываться не могли, для того запорожскими козаками, по числу имѣющихъ у нихъ служителей, на каждого имѧ дать билеты, дабы они въ случаѣ посылки въ Сѣчь и въ другія мѣста внутрь запорожскихъ дачъ, за нуждами, оные для объявленія, гдѣ надлежить, давать могли и при обыску гайдамакъ извѣстно быть могло, гдѣ, сколько, какихъ не подозрительныхъ людей.

3) Отправляющіхся въ турецкую область за нуждами отпускать компаніями и подчинять изъ нихъ-же безсумнительнымъ людямъ въ смотрѣніе и приказывать, чтобы въ чужихъ мѣстахъ въ розыѣ не разбивались и безъ вѣдома того старшины не отлучались и никакихъ обидъ, воровства и грабительства не причинили, и другихъ отъ того отводили, и въ томъ обязывать подписками подъ наказаніемъ-же.

4) Всѣ имѣющіеся въ вольностяхъ запорожскихъ зимовники, пасѣки и другія запорожскія жилища чрезъ нарочныхъ описать, чія они имѧно, и по перепискѣ, смотря по способности разстоянія, раздѣля на нѣсколько частей, опредѣлять надъ имѧми особыхъ старшинъ ст҃ойскими командами, которые ежечасто тѣ запорожскіе жилища обѣздили-бы для обыску воровъ, гайдамакъ и всякихъ шатающихся сумнительныхъ людей и по списку отсылали-бы въ Сѣчь, и прочее, какъ въ томъ нашемъ ордерѣ пространно выражено.

Чтобъ-жъ таковъ распорядокъ въ войскѣ запорожскомъ конечно учиненъ былъ непродолжительно, а между тѣмъ для списку похищеныхъ татаръ лошадей и санихъ воровъ и ихъ сообщниковъ посланы

были нарочные команды, при самихъ атаманахъ, и все выраженное въ ономъ ордерѣ исполнено, бывъ великія отмѣны, въ тоиъ велико васъ понудить сотнику миргородскому Зарудному, обще съ маюромъ Федцовъмъ, о чёмъ всемъ тогда-же и ся императорскаго величества въ государственную иностранныхъ дѣлъ коллегію отъ насъ представлено; а сего декабря 1-го присланною къ намъ высочайшею ся императорскаго величества грамотою, оную учиненную нами, по силѣ грамоты ся императорскаго величества, объ искорененіи въ войсکъ запорожскомъ гайдамакаго воровства и о прочемъ для воздержанія запорожскихъ козаковъ циенозицію апиробовано и ожидается отъ насъ на длежащаго извѣстія, что по такому достаточному распоряженію отъ васъ, кошевого и старшинъ, на первый случай учинено, следовательно и потому какое исполненіе и во всемъ прилежаніе показано будетъ.

Да при той-же грамотѣ приложенъ экстрактъ изъ вѣдомостей, полученныхъ изъ Киева отъ вице-губернатора тамошняго г. М. Костюрина, отъ 10 октября, о бытности виши запорожскаго кошеваго атамана въ развѣдѣ, для спису и именки гайдамакъ, изъ котораго нами усмотрѣно, да и въ оной присланной къ намъ грамотѣ объявлено, что малое число гайдамакъ, именно до 300, и въ иныишиемъ лѣтъ около запорожскаго Гарду находилось, изъ которыхъ де-хотя только 2 человѣка, бывши изъ запорожскихъ козаковъ, пойманы, но и тѣ, не отсылая въ Глаховъ, таможь въ Гарду по приказу нашему повѣшены, и тѣмъ-де обѣ укрывательствъ изъ имѣющихъ между запорожскими козаками гайдамаковъ, тѣхъ и другихъ артелей товарищей (какъ въ оной грамотѣ выражено), явное подозрѣніе подано, а чтобы вирѣдъ смертныхъ казнью отнюдь чинено не было, о томъ оною высочайшею ся императорскаго величества грамотою велико намъ строгое запрещеніе учинить.

Да найдено-жъ въ запорожскихъ табунахъ лошадей татарскихъ до 700, изъ коихъ къ возвращенію на татарскую сторону отобрано 300, а достальны-де одданы тѣмъ козакамъ, у которыхъ найдены, и самими вами, кошевымъ атаманомъ, съ командою раздѣлены. Въ запорожскомъ-же табунѣ имѣется до 150 головъ татарскихъ, еще-жъ въ самой Запорожской Сѣчи, каневскаго куреня атаманъ, чрезъ своего кухаря и козаковъ, убить винкаря, послѣ котораго денегъ и по-

житковъ до 900 руб. съ вами кошевымъ атаманомъ раздѣлено и о томъ умолчано.

А яко сія вѣдомость получена опричь васть, кошеваго атамана, и отправленаго въ сѣчевой ретраншиаментъ наюра Федцова, ностороннѣ, отъ проѣжающихъ чрезъ запорожскія мѣста, для того оною ся императорскаго величества грамотою повелено намъ объ оному удостовѣриться, у кого надлежить, и взять у васть, кошевого, и прочихъ, въ чемъ до кого по оному касается, отвѣты, наскрѣпко приказать: лошадей и воловъ татарскихъ собрать всѣхъ и оныхъ къ возвращенію въ турецкую сторону имѣть въ готовности, а въ дѣйствительной отдачѣ поступить по ордеру вышеписанному г. М. Костюрина, которому, по посланному нынѣ къ нему указу, велико о томъ увѣдомить хана крымскаго и очаковскаго пашу и напротивъ того требовать отъ нихъ сиску и удовольствія по претензіямъ запорожскихъ козаковъ на татаръ, возвращеніемъ и платежемъ похищенныхъ татарами козацкаго скота и прочаго, чтобы такимъ образомъ и обиженные изъ запорожскихъ козаковъ безъ награжденія не оставались. А что касается до смертнаго убийства въ Сѣчи шинкаря, то, по надлежащемъ объ онемъ изслѣданіи, съ винными тому и въ сиску и возвращеніи, кому надлежить, оставшихся послѣ убитаго денегъ и пожитковъ, учинить по ся императорскому величеству о такихъ дѣлахъ указамъ.

А понеже намъ о всемъ выше выраженномъ произшествіи неизвѣстно, яко-же мы, какъ о бытности вашей, кошеваго атамана, въ разѣздѣ, для сиску и посылки гайдамакъ и сколько ихъ гдѣ сискано и поймано, и какое при поиску надъ оными гайдамаками панидѣніи произшествіе имѣлось, такъ и сколько гдѣ татарскихъ лошадей и воловъ отискано и гдѣ подѣты, ли отъ васть, ни отъ находящагося въ Сѣчи Запорожской для разныхъ дѣлъ сотника Заруднаго, доселѣ никакого рапорта въ полученіи не имѣмъ, и ежели подлинно такъ есть, что при запорожскомъ Гарду столь многое число гайдамакъ имѣлось, по оные не перелоплены, да и пойманы два, то и тѣ также въ Гарду поимѣны, а изъ 700 татарскихъ лошадей только 300 къ возвращенію отобрано, а прочие тѣмъ-же козакамъ, у коихъ найдены, отданы или между васть и старшинами раздѣлены, а воловъ татарскихъ до 150 и нынѣ въ табунѣ запорожскомъ и мѣются, и сіе весьма предосуди-

тельно, ибо вамъ, кошевому атаману, чувствуя изъ прежнихъ ордеровъ, сколь высокій ея императорскаго величества интересъ требуетъ того, чтобы гайдамацкія партіи, кои, по имѣющимся извѣстіямъ, изъ запорожскихъ козаковъ происходятъ, пересловлены конечно и иско-ренены, и похищенное у татаръ и прочихъ турецкихъ подданныхъ все отыскано и на обидную сторону возвращено, а когда-бы онъ гайдамакъ находящимся при васъ командамъ взять было невозможно, въ такомъ случаѣ следовало требовать сикурсу отъ находящихся въ над-лежащихъ мѣстахъ регулярныхъ и малороссийскихъ командъ, какъ о семъ въ прежнихъ нашихъ ордерахъ довольно наставление предписано, да и пойманныхъ воровъ гайдамакъ не только предавать смерти было не должно, но и не наказывая ихъ, надлежало отослать, въ силѣ прежнихъ нашихъ ордеровъ, въ Глуховъ, въ генеральную канце-ллію: того ради, предлагаемъ вамъ, кошевому атаману, старшииѣ войсковой, атаманамъ куренныхъ, для чего о всемъ вышеписанномъ къ намъ ничего по рапортовано, прислать вѣрный отвѣтъ, а впредь, когда-бы кто изъ гайдамакъ пойманы были, онихъ не токмо смерти не предавать, дабы тѣмъ не подавать причины къ подозрѣнію на войско запорожское въ укрывательствѣ воровъ гайдамакъ, но и не наказывая отсылать въ Глуховъ за крѣпкимъ карауломъ, а между тѣмъ всѣхъ онихъ отысканныхъ изъ числа 700 татарскихъ лошадей, овецъ и воловъ, не принося никакой оговорки, собравъ всѣ, къ воз-вращенію въ турецкую сторону имѣть въ готовности и въ дѣйстви-тельной отдачѣ поступить по ордеру кievскаго вице-губернатора г. М. Костюрина, также для сиску и иосилки какъ тѣхъ воровскихъ партій гайдамацкихъ, надъ коими вами съ командой поисѣть чиненъ, ио онъ ушли одни на островъ (Мигейскій), а другіе къпольской границѣ, такъ и тѣхъ, кои ишли въ Польшу и въ турецкую область, а оттуда еще не возвратились, но шатаются по берегу р. Буга, яко имъ въ наступившую зиму укрываться болѣе негдѣ, кроме запорожскихъ жи-лицъ, иаки немедленно отправить нарочные команды, при самихъ старшинахъ войсковыхъ и куреныхъ атаманахъ, и имъ, также и полковникамъ буго-гардовому и прочимъ всѣмъ накрѣпко притвердить, чтобы они всѣми мѣрами старались оные воровскіе гайдамацкіе партіи перехватывать, чтобы онъ уже нигдѣ укрыться не могли и ихъ сно-

собяще сискать было можно. Для того вѣмъ, живущимъ особенными жилищами, запорожскими козаками накрѣпко притвердить, дабы они, гдѣ-бы тѣ гайдамаки ни явились, по согласіи съ другими, въ содѣствѣ живущими запорожскими козаками, старались ихъ переловить, а буде сами они гайдамакъ переловить не могли, тогда давать знать вамъ, коневому атаману, съ старшиною и командированнымъ для сиску оныхъ тайдамакъ командамъ, безъ и малѣйшаго замедленія, а вамъ тотъ часть посыпать сильная, при надежныхъ старшинахъ и атаманахъ, команды и имъ притвердить, да и самимъ вамъ всемѣрно стараться, дабы конечно все тѣ воры-гайдамаки перейшли и въ Глуховъ отосланы быть могли. А что касается до смертнаго убийства въ Сѣчи шинкаря Литвиненка и до раздѣлу между атаманомъ коневымъ и атаманомъ каневскимъ оставшихся по тому шинкари денегъ и пожитковъ, то иопже о семъ, яко о кримѣнальномъ дѣлѣ, да и о роздѣлѣнныхъ старшиною войсковою запорожской съ козаками, подъ татарскими клеймами, лошадяхъ и скотѣ безъ изслѣдовалія оставить не подлежитъ; для того предложено отъ настъ генеральной войсковой канцеляріи, чтобъ отъ той канцеляріи опредѣлено было нарочнаго старшину полковаго, и ему велѣно, обще съ сотникомъ Заруднымъ, по надлежащему, о всемъ изображенномъ въ экстрактѣ изъ вѣдомостей, изъ Запорожья полученныхъ, изслѣдоввать, и кто въ томъ изобличится, тѣхъ для поступленія съ нимъ въ силѣ ея императорскаго величества указовъ и малороссийскихъ правъ, за крѣпкимъ карауломъ, отослать въ Глуховъ, въ генеральную войсковую канцелярію, а пожитки и деньги убитаго отискавъ, отдать свойственникамъ, а буде оныхъ не явится, то до резолюціи нашей содержать въ цѣлости тамъ-же въ войскахъ запорожскомъ, подъ надсмотрѣніемъ того-жъ сотника Заруднаго, онымъ-же пожиткамъ учинить вѣрную опись и прислать къ намъ при рапортѣ немедленно. А вамъ, коневому атаману съ старшиною и съ куренными атаманами, приказываемъ: когда оный нарочный въ Сѣчу Запорожскую прибудетъ, того, кого опь къ тому слѣдуетъ потребныхъ требовать имть, оныхъ безъ всякихъ сопротивлений выдать, и ежели-бы до самого васъ, коневаго атамана и старшинъ, отвѣту касаться могло, то въ учиненіи отвѣту письменнаго не оступаться и въ произведеніи того слѣдствія не токмо никакого препятствія и ножинательства не

чинить, но и всякое вспомоществование показывать и посланныя досель въ войско запорожское о искоренениі гайдамакъ и ихъ партій и въ недопусканиі къ собиранію оныхъ гайдамацтвъ, такожъ въ сочиненіи именныхъ списковъ всего войска и служителей, тамо находящихся, а особливо зимовниковъ, хуторовъ и часѣвъ, прежними нашими ордерами, а паче по посланному ноября 2 сего 1755 году, исполнить безъ всякаго объясненія непремѣнно. Чтобъ-же васъ, кошеваго атамана съ старшиною и куренными атаманами, сотникъ Зарудный, какъ въ присыпаніи къ намъ порученнаго симъ ордеромъ отвѣта и въ отисканіи всѣхъ раздѣленныхъ между запорожскими козаками татарскихъ лошадей и воловъ, такъ и въ отправлениі, для сиску и посланки выше объявленныхъ воровскихъ партій, командъ, при надлежащихъ старшинахъ и куреныхъ атаманахъ, понуждалъ, и для чего онъ сотникъ Зарудный о томъ не рапортовалъ,—о томъ прислалъ-бы къ намъ вѣрный рапортъ, а впредь о всѣхъ въ войскѣ запорожскомъ произхожденіяхъ къ намъ рапортоваль-бы, безъ упущенія по чисту, о томъ и нынѣ отъ насъ оному сотнику миргородскому Зарудному ордеромъ на крѣпко предложено.

Гетманъ: графъ К. Разумовскій.

Декабря 5-го 1755 году,
С.-Петербургъ.

Второй документъ касается набѣзовъ гайдамакъ на польскія области. Это также ордер гетмана Разумовскаго войску запорожскому, писанный спустя мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ предыдущаго, по почину пограничной комиссіи, учрежденной для разбора жалобъ и претензій польскихъ и русскихъ подданныхъ на польско-русскомъ рубежѣ. Онъ даетъ приблизительное понятіе о размѣрахъ грабежей, чинимыхъ даже мелкими партіями гайдамакъ. Сущность его въ приложенномъ къ нему экстрактѣ совершенныхъ гайдамаками разграблений, сумма которыхъ въ незначительномъ районѣ и за короткій промежутокъ времени доходитъ почти до 300,000 польскихъ золотыхъ. Мы потому и приводимъ его не въ полномъ видѣ, но только въ слѣдующей существенной части.

« Въ бытность польскихъ комиссаровъ въ пограничной комиссіи, какъ письменно, такъ и словесно неоднократно представлено было, что

необузданность гайдамакъ, собираясь въ китайскомъ островѣ¹⁾ въ 1757 г., въ многихъ польскихъ мѣстахъ разоренія, смертные убийства, отгонъ изъ подъ Уманы польскихъ и татарскихъ 550 лошадей учинила. Въ тоже самое время, когда пограничная комиссія была подъ польскимъ мѣстечкомъ Звенигородкою, деревню Стецкую, да въ ключѣ смилянскомъ, село Валяву ограбили²⁾: волы, лошади и разные по-житки, забрали, да изъ подъ польского мѣстечка Немирова ночью нѣсколько сотъ лошадей отогнали. А на какую сумму отъ гайдамакъ польскихъ подданныхъ 1755 ноября съ 15 по 1757 годъ ноября-же 18 число, сверхъ прежнихъ, вновь приключено обидъ, о томъ экстрактъ при семъ включеять».

Приводится затѣмъ слѣдующее исчисление всѣхъ причиненныхъ обидъ и разорений:

2) Ясне-велможному Станіславу Потоцькому, воеводѣ познанскому, ограбленіемъ деревень Бубновки, Зерделевки, Соколовки, Броджа, Каталина,

1) С. Мига с. и мигайский островъ на р. Бугъ въ анатьевскомъ уѣздѣ керсонской губерніи, близъ бывшаго Гарду запорожскаго, принадлежать гг. Скаржинскимъ.

¹⁾ Звенигородка—теперь уездный городъ киевской губернія, Стецка, т. е. Стецовка село того-же уѣзда. Ключами называлисьсь нѣсколько сель одного владельца, или части большаго имѣній съ особынн управителями.

Жолтоновки, Мариновки, Завадовки, Крушиновки и прочихъ, приключено убытка на	23,144 зл. —
3) Господину скарбнику добрянскому Гоголю, отъ ограбленія села Бабаны, приключено убытка на .	8,312 зл. —
4) Господину Курдвановскому, бывшему въ Игорлыкѣ на форпостѣ, заборомъ лошадей, ружья и прочихъ пожитковъ приключено убытка на .	720 зл. —
5) Господину Зелезицкому отъ отрабленія села Закринича заборомъ лошадей, платья и разныхъ шляхетскихъ уборовъ учинено убытка на .	9,117 зл. —
6) Господину Стефану Дорожинскому отъ ограбленія-жъ села Полущъ заборомъ платья, ло- шадинихъ уборовъ, седель и готовыхъ денегъ, приключено урону на	9,819 зл. 20 гр.
7) Господинъ Троцкевичъ, которой въ томъ же селѣ въ самое грабительство былъ, въ платьѣ, готовыхъ денгахъ и во всѣхъ пожиткахъ имѣть убытка на	1,088 зл. 15 гр.
8) Господинъ Рыбицкій въ ограбленіи сло- боды Веселаго Кута и въ заборѣ готовыхъ денегъ, платья и прочихъ движимостей имѣть убытка на .	10,557 зл. 27 гр.
9) Войску коронному, партии украинской, такожъ и разнымъ господамъ товарищамъ въ раз- ныхъ мѣстахъ, отъ нападенія на зимніе квартеры въ Новоселицѣ бывшимъ, грабительства на добро- волниихъ дорогахъ съ должности возвращающихся и забору лошадей, мундира, сѣдель и готовыхъ денегъ, всего на	58,596 зл. —
10) Господину Либашевскому отъ ограбле- нія села Лубовницы приключено убытка на	694 зл. —
11) Господину Букаемскому злодѣи загра- ничные раскольники въ покражѣ двухъ котловъ приключили убытка на	200 зл. —
12) Подданному ясно-велможнаго Потоцкаго, киевскаго воеводы, слободы Каменной-Криницы, къ	

уѣзду уманскому принадлежащей, жителю Костинѣ, россійскіе гайдамаки съ слободы Терновки (между которыми и житель терновскій, Бѣлой, данной ему отъ сотника Юрія паспортъ потерялъ), напали ночью и забрали разныхъ движимостей на . . .	650 зл. —
13) Тѣ-же гайдамаки у Михаила Кривошайка и Федора близъ терновскаго млина взяли лошадей трое въ	130 зл. ---
14) Господина чесника брапскаго Луцижскаго напали на квартеру въ местечкѣ Ладыжинѣ гайдамаки россійскіе, которые ссобливымъ реестромъ означены, взяли червонныхъ 480 на . . .	8,640 зл. ---
15) У того-же господина Луцижскаго въ тоже время забрали мужска и женска платья, шабель, лошадинихъ уборовъ, клейнотовъ и разныхъ пожитковъ на	6,000 зл. —
16) Господину Богуславскому долгу по векселямъ надлежитъ отъ россійскихъ людей . . .	1,896 зл. —
17) Господину скарбнику овруцкому Сиендовскому, грабленіемъ местечка Райгорода и разореніемъ отъ ваташка Швыдкаго и другихъ заграничныхъ россійскихъ гайдамакъ, приключено убытка на	17,905 зл. —
18) Господину скарбнику новогородскому Антонію Хоецкому заборомъ трехъ лошадей, подъ Немировымъ, приключено урону заграницнимъ россійскимъ гайдамакамъ на	900 зл. —
Всего на . . . 269,143 зл. 86 гр.	

Этотъ, какъ и предъидущій ордеръ гетмана заканчивается предписаніемъ Кошу объ отысканіи виновныхъ и нограбленаго имущества и удовлетвореніи обиженныхъ возвратомъ похищенаго въ натурѣ, или-же деньгами.

Приведенное сейчасъ исчисление гайдамацкихъ грабежей—одно изъ тысячи подобныхъ; оно наглядно показываетъ, до чего упалъ въ

половинѣ прошлаго столѣтія государственный и общественный порядок въ б. Рѣчи Посполитой, какъ мало обеспечены были въ ней имущество и личность каждого. Но еще съ большею силою это исчислѣніе рисуетъ намъ гайдамакъ и ихъ положеніе въ краѣ. Нѣсколько десятковъ отчаянныхъ головорѣзовъ проходять отъ нижняго теченія Днѣпра до Уманы и Немирова, разоряютъ подъ рядъ десятки сель такихъ магнатовъ, какъ воеводы кіевскій и познанскій, имѣвшихъ тысячи хорошо вооруженныхъ козаковъ, забираютъ и угоняютъ огромныя партии лошадей и скота на глазахъ вооруженной татарской и городовой стражи, нападаютъ на офицеровъ короннаго, тутъ-же стоящаго войска и отнимаютъ у нихъ оружіе, лошадей, збрую и деньги, вносятъ пораженія штурмомъ надворной милиціи, забираютъ въ панскихъ домахъ серебро, одежду мужскую и дамскую и сѣйстные припасы, захватываютъ по пути все, что попадетъ подъ руку и успѣшио отбиваясь отъ вооруженной погони, скрываются со всѣмъ награбленнымъ въ днѣпровскихъ островахъ и запорожскихъ балкахъ. Приведенный экстрактъ представляетъ намъ только результатъ гайдамакихъ набѣзовъ за короткое время и въ немногихъ пунктахъ восводства брацилавскаго. Подробности этихъ набѣзовъ разсыпаны въ массѣ бумагъ и писемъ, которыми по каждой частной жалобѣ пересыпались русскія и нограничныя власти между собою и съ Кошемъ. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, именно вѣкоего Юста, командовавшаго русскимъ отрядомъ на ново-сербской границѣ, къ запорожскому кошевому, со словъ польского комиссара Артынскаго, сообщается, что во время нападенія гайдамакъ на Умань въ іюлѣ 1757 г. захвачено ими съ пастьбы и на трактахъ лошадей: козачьихъ 135, драгунъ надворныхъ воеводы Потоцкаго 37, шляхтича Неоковскаго 26, Гоголя товарица хоругви короннаго гетмана 9, Хмельницкаго шляхтича 4, комиссара Сутинскаго жеребцовъ 4, бывшихъ въ Умані татаръ 222, по деревнямъ и дорогамъ жидовскихъ 40, да людей при томъ поколото 40) человѣкъ, не считая всякаго награбленнаго имущества частныхъ лицъ. А между тѣмъ въ Умань была резиденція Потоцкаго и центръ его милиціи, состоявшей изъ козаковъ и драгунъ.

Въ непосредственной связи съ приведенными двумя гетманскими ордерами стоитъ рѣдкое по обстоятельности и полнотѣ показаніе одного изъ главнейшихъ участниковъ упомянутаго въ ордерѣ отважнаго похода гайдамакъ подъ Умань и Немировъ. Это показаніе иѣ-

хоего Герасима Котляра, снятое съ него въ канцеляріи новооселен-
наго за чертою Новой Сербіи, на границѣ Запорожья, слободского
козачьего полка. Снимите съ него грубую канцелярскую окраску,
возвратите ему подлинный языкъ разсказа и его самобытную форму,
это была-бы настоящая хроника, или просто эпопея гайдамачества.
Котляръ не записной запорожецъ и въ Запорожье, кажется, совсѣмъ
не жилъ. Официално онъ значится мѣщаниномъ пограничной съ
Запорожьемъ крѣости св. Елисаветы, нынѣшняго Елисаветграда, хер-
сонской губерніи. Но недавнему учрежденію самой крѣости можно
заключать, что по рожденію и прежней жизни онъ принадлежалъ дру-
гому мѣсту, а какому именно, неизвѣстно, какъ и все его прежнее
curriculum vitas. Судя по дальнѣйшимъ его дѣйствіямъ, это былъ
человѣкъ бывалый и, быть можетъ, не новичекъ даже въ дѣлахъ
разбоя и грабежа, ибо не могъ-же онъ съ разу применить къ шайкѣ
гайдамакъ и пуститься на самое отчаянное предпріятіе, а въ одномъ
случаѣ взять даже на себя роль предводителя. Подговорилъ Котляра
къ поступленію въ шайку гайдамакъ сожитель его, также елисавет-
скій мѣщанинъ Безпоясный, а расположилъ къ тому долгъ въ сто
рублей, котораго нечѣмъ было покрыть. Начавъ съ этого, Котляръ
съ полной повидимому откровенностью разсказываетъ о своихъ и
его товарищахъ похожденіяхъ, отъ выхода изъ Мигійского острова
шайки, въ которую онъ вступилъ для поправленія своихъ денежн-
ыхъ обстоятельствъ, и до возвращенія его изъ похода въ крѣость
св. Елисаветы. Походъ былъ въ высшей степени удаченъ, Котляръ
возвратился съ богатою добычею. Все, что могло изобличить его,
онъ вымылъ или продалъ, пріѣхалъ съ товаромъ и деньгами,
мечталъ поправиться и зажить, но... утонулъ, такъ сказать, у са-
мого берега. Его арестовали на мѣстѣ, несмотря на предложенные
имъ богатые подарки, которые, кажется и выдали его. Въ высшей
степени интересенъ разсказъ Котляра о дѣлѣ добычи и поднес-
сеніи изъ нея приличной части сѣчевой администраціи, вообще-же
онъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ непосредственномъ
участіи запорожской братіи въ гайдамакахъ наѣздахъ. Разсказъ
обширный, однообразный, утомительный по убийственному канце-
лярскому языку и формѣ, и тѣмъ не менѣе мы приглашаемъ чита-
теля прочесть его отъ начала до конца: подъ грубою формою въ
немъ хранится богатое содержаніе. Вотъ его текстъ.

1757 года, сентября 1 дня, присланный при ордере отъ его высокородія, г. бригадира, крѣпости св. Елисаветы коменданта, А. И. Глыбова, колодникъ, крѣпости св. Елисаветы мызычаникъ, Герасимъ *Комаров* донрапливанъ и показалъ слѣдующее:

Сего году, о праздники Соществія святаго Духа, живущій здесѧ, при крепости святая Елисаветы, мѣщаніемъ, прозваніемъ *Безпоясній*, пришедъ къ нему Котляру, между разговорами сказывалъ, что Свѧтии Запорожской въ Мигайскомъ островѣ какъ онъ бытъ для ловлѣ рыбы, то видѣлъ, что гайдамацкая партія знатно въ Польшу на грабительство въ немаломъ числѣ собирается. То онъ Котлярь, вздумавъ, что изъ немъ болѣе ста рублей долгу остается и онихъ заплатить нечестъ, спустя послѣ праздника Соществія святаго Духа четыри дни, подъ видомъ якобы для отисканія на козаку войска запорожскаго, куреня сущевскаго, Ивану Шульзѣ, долговыхъ денегъ, а умышленно для того единаго воровства, взявъ въ здѣшняго крепости святія Елисаветы магистрата пашпорть, съ тѣмъ Безпоясніемъ, па одной своей лошадѣ, запрягши въ телегу, въ тотъ Мигайский островъ поехали. И не доезжая онаго острова, въ стоящаго на броду речки Синюхи въ карантинномъ домѣ ирапорщика (а какъ зовутъ и ирозываютъ, не знаетъ) явился пданій ему Котляру изъ магистрата пашпорть объявилъ. И оной ирапорщикъ тотъ пашпорть прочти, у себя оставилъ, а ихъ въ Мигайскій островъ пропустилъ.* Однакоже они поехали и прибылъ туда, онкую воровскую гайдамацкую партію, въ шестидесяти штихъ человѣкъ, при ататанѣ войска запорожскаго куреня лядковскаго Иковѣ Солоне напали, въ которую и онъ Котлярь присталь и съ ними въ томъ островѣ болѣе недель жилъ. И чрезъ ту его, Котляра, битность еще къ нимъ гайдамаки прибавилися, и какъ всѣхъ семьдесятъ пять человѣкъ ихъ собралось (изъ коихъ онъ Котлярь знаетъ Свѧтии Запорожской козаковъ, куреней: мышастовскаго Григорія Калиту, Бурила, а имя не знаетъ, корсунскаго Федора Волка и Сукора, а имя не знаетъ, кривовскаго Ивана Жаболду и малого Жаболдена, а имя не знаетъ, и Ивана Малого, панковскаго Андрѣя Караджу, роговскаго Ивана Войка, поповичевскаго Федора Писменнаго, а другаго прозваніемъ Вороду, ивановскаго Григорія Писменнаго, батуринскаго прозваніемъ Малого, а имени не знаетъ, кополовскаго Сукура, бруховецкаго Савелія Кравця, калнибомоцкаго Ивана,

прозванія не знаетъ, васюринскаго, прозваниемъ Куземку, коневскаго, прозваниемъ Павла, а прочихъ всѣхъ гайдамакъ, кроме вышеписанныхъ, какихъ оны куреней и какъ ихъ зовутъ и прозываются, не знаетъ). то вѣй, согласясь, въ Полщу, для разбитія состоящаго подъ полскимъ мѣстечкомъ Медвіномъ полскаго обозу, пешіи пошли. И въ нуті, близъ полскаго села Шестеринецъ, въ сумерки, какъ оны, гайдамаки, чрезъ плотину хотели переходить, то, знать по извѣстію, ись того полскаго обозу до несколко человѣкъ поляковъ и ихъ козаковъ, не допуская чрезъ плотину переходить, только что изъ ружей винтили, то ироніаній выше сего гайдамацкій атаманъ Яковъ Соловъ на гайдамакъ закричалъ, чтобы уходили, одѣкоя тогда-же оній гайдамацкій атаманъ зъ двома человѣкі (а какъ ихъ зовутъ и прозиваются, не знаетъ) ушелъ, а съ нимъ Котляремъ осталось тамо семъдесятъ одинъ человѣкъ. И онъ Котляръ на тѣхъ своихъ товарищахъ закричалъ, дабы не уходили, а какъ остановились и къ той полской партіи, закрича, вдругъ бросились на списахъ, то оніе поляки и при нихъ козаки въ имѣющій тамо лугъ и въ болото съ лошадми вѣжали, за коими оны гайдамаки ночью и не гнались, а только около того лугу свой гайдамацкій караулъ, дабы ночью уйти не могли, поставили. А на утренній день, какъ стало видно, кого ись техъ полскихъ хорунгъ¹⁾ и козаковъ въ томъ болотѣ напали, то съ ихъ поляковъ плате и шабли поснимали и лошадей семъдесятъ зъ сѣдлами, да пистолетовъ тридцать пять паръ взяли. И при томъ, какъ стали тѣ хорунги и козаки отъ нихъ гайдамакъ вѣжать, тогда Сѣчи Запорожской, мышастовскаго куреня, Григорій Калита трехъ поляковъ закололъ, а болѣе тамо какъ онъ Котляръ, такъ и прочіе гайдамаки никого до смерти не убили. И отътудова оны, гайдамаки, сѣвши на лошадѣ, а которыми не достало лошадей, ившіе тѣмъ-же, куда и въ Полщу ишли, трактомъ въ показанной Сѣчи Запорожской въ Мигайскій островъ, где всѣ-же злодѣи гайдамаки собраніе имѣли, пошли. И не доходя онаго, перешедъ чрезъ границу подъ Новой Сербіи, олшанскаго шанца верстахъ въ четырехъ остановились и теми нограбленными лошадми, пистолетами и шаблями и прочимъ разделились. И сму, Котляру, изъ оныхъ досталось лошадь

¹⁾ Хорунгъ—хоругвей, т. е. отрядовъ, въ родѣ эскадроновъ.

гнѣдал зъ сѣдломъ, да шара пистолеть, еванча бѣлого простаго сукна, да шапка полская съ сѣромъ опушкою, шабля зъ желѣзною оправкою, протчимъ-же гайдамакамъ кому что досталось, онъ не знаетъ, да еще изъ тѣхъ грабленыхъ вещей,—какъ то и всегда у гайдамакъ бываетъ, что, будучи въ гайдамачествѣ, по приходѣ Сѣчи Запорожской въ Гардъ, тамо полковника гардового и старшину, дабы имъ гайдамакамъ въ оному Гарду ияствувать не запрещали и ихъ не ловили, даруютъ для гостинца,—шаблю, да ладовницу оставили. И по раздѣлѣ того, съ той ихъ гайдамацкой партіи пять человѣкъ, куреня корсунскаго Иванъ Жаболда, Иванъ Бойко и Федоръ Волкъ, а двохъ, какъ звать не знаетъ, поехали Новой Сербіи въ показанной ольшанской шанецъ, а онъ Котляръ зъ шестидесяти семи человѣками поехалъ въ означенній Мигійскій островъ. И какъ по тракту, здешняго новопоселенемаго слободекого козацкого полку чрезъ елободу Красную ехали, то изъ оной ихъ гайдамацкой партіи осталось въ оной слободѣ для пияства и взятія харчей болѣе сорока человѣкъ, а онъ Котляръ зъ двадцатью гайдамаками (и съ конихъ онъ, Котляръ, помнить запорожскихъ козаковъ, куреня мишастовскаго Грицка Калиту, Бурилу, а имя не знаетъ, васюринскаго Кузяму, Івановскаго Грицка Писменнаго, батуриинскаго Остроуха, а имя не знаетъ, а другихъ, какихъ куреней и какъ ия и прозванія не знаетъ-же) поехали въ Мигійскій островъ и прибыть туда, переночовали, а на другой день изъ вышеписанныхъ, оставшихъ въ слободѣ Красной, гайдамакъ десять человѣкъ къ нимъ въ Мигійскій островъ прибыли (а прочие гайдамаки, оставленіе въ показанной слободѣ, где дѣвалися, оние прибившіе десять человѣкъ ему, Котляру, не обявляли) и переночовавъ въ ономъ, на другой день съ тридцати человѣки, для отданія оставленнаго отъ подѣлу въ гостинецъ, въ Гардъ поехали. И прибыть туда, гардѣвому полковнику, куреня брюховецкаго (а имя и прозванія не знаетъ), полскую шаблю зъ серебраною опашкою и ладунку, да есаулу гардовому, куренному величковскому Игнату Мандру шаблю зъ желѣзною оправкою, заведомо, что пограбленную ими въ Полщѣ, отдали. И тако побывъ дни зъ два, поехали по прежнему въ тотъ Мигійскій островъ, где имъ всегда злодѣйское пристанище по укрывательству состоить. Куда по прибытии отъ находящихся въ ономъ островѣ гайдамакъ (а какъ ихъ зовутъ и

которыхъ куреней, онъ не знаетъ) услыша, что Сѣчи Запорожской ивановскаго куреня козакъ Иванъ Неежжалій, собравши болѣе восми-десети человѣкъ гайдамакъ, подъ рѣчки Добрянки въ балки состоитъ и намѣренъ де ятить въ Полщу на грабительство, то и онъ Котляръ, взявъ свою лошадь, къ той рѣчки поехалъ. И какъ прибыть въ балку, то злодѣйскую партію съ восмидесяти семи человѣка, при атаманѣ показаниемъ Неежжалимъ, наехалъ и во ону присталь. Въ которой партіи гайдамаки были: за асaulа куреня платнеревскаго Кузма Таранъ, криловскаго Иванъ Жаболда, да Купчикъ, медведовскаго Каневецъ, коневскаго Грива и Чернецкій, мышастовскаго Грицко Калита, поповичевскаго Федоръ Писменній, леушковскаго Алексѣй Ковбаса, кущевскаго Яцко Зубъ, калнибоцкаго Кузма Козолупъ, чашковскаго Боровій, величковскаго Шарій, а протчинъ гайдамакъ, какихъ куреней и какъ зовутъ и прозваниемъ, не знаетъ. Между которыми будучи, слышалъ онъ, Котляръ, что въ Полщѣ, подъ мѣстечкомъ Уманю не малое число татарь съ лошадми находится и что ко онимъ они намѣрени итить и имѣющихъ лошадей ограбить, а подлѣвно-ли тамо татаре въ Уманѣ находятся, для провѣданія гайдамака, житель слободы Добрянки, Волошиненко посланъ былъ. Которой чрезъ три дни по развѣданію, что подлеине немалое число татарь съ лошадми подъ ономъ Уманю стоять, какъ обявить, тогда они, гайдамаки, и показанной Волошиненко, согласившия и переехавъ выше ново-поселенаго слободскаго козацкого полку слободы Ново-Архангельской въ бродъ, верхами поехали и чрезъ двое сутокъ отъ онай Уманѣ какъ верстъ за три приехали, то изъ онихъ татаръ съ лошадинимъ табуномъ девятнадцать человѣкъ наехали, которое, оставя тотъ свой лошадиной табунъ, въ городъ Умань ушли, а они гайдамаки тотъ ихъ татарской табунъ въвесь (въ коемъ онихъ лошадей зъ стриженими было до четырехъ согъ, а сколько донодѣлино всѣхъ имѣлось, не знаетъ) пограбя, погнали. И по извѣстію одѣ тѣхъ татаръ изъ онаго мѣстечка Уманы козаковъ человѣкъ до сорока или болѣе, какъ нагнали ихъ на степу, одѣ мѣстечка Уманы верстахъ въ двадцати, стали съ ружи ни нихъ палить и изъ гайдамакъ одного до смерти убили, а четырехъ поранили, тогда и они, гайдамаки, на пяхъ вышли изъ ружжя зарядомъ и по своей злодѣйской яростибросившиясь вдругъ всѣ

зъ списами, ихъ козаковъ кололи до смерти, и только изъ нихъ ушло живыхъ пять человѣкъ, а сколько подлѣнно всѣхъ числомъ покололи, и изъ гайдамакъ кто сколько закололь, какъ они по своему злодѣйству всѣ кололи, не знаетъ, а только онъ Котляръ изъ онихъ въ смерть одного козака закололь. И потомъ тотъ табунъ занявъ погнали и перегнали чрезъ реку Синюху, не доехавъ Сѣчи Запорожской до Гарду верстъ за десять, оставя изъ тѣхъ Сѣчи Запорожской гардовому полковнику зъ старшиною нару лошадей, проталихъ-же всѣхъ лошадей они, гайдамаки, на восемьдесятъ девять человѣкъ разделили по жеребьямъ, и съ которыхъ ему Котляру досталось два мерина, одинъ серой, а другой половой, да кобыла сиво-желѣзая зъ жеребенкомъ. И по роздѣлѣ они, гайдамаки, кто куда захотѣлъ, съ тѣми лошадми въ розы разъехались, а атаманъ Несежжалій зъ гайдамаками Яковомъ Козолупомъ, Алексѣемъ Ковбасою, Кузмою Тараномъ выродѣ для отдачи гардовому полковнику бруховецкаго куреня, прозваніемъ Шевцу, асаулу величковскаго куреня Игнату Мандру вышеннисанныхъ, оставленныхъ имъ, двухъ лошадей поехали, а онъ-же Котляръ съ прочими гайдамаками (а въ количествѣ числѣ* и кто именемъ были, не знаетъ) для отдачи доставшихъ имъ по роздѣлѣ лошадей въ гардовій табунъ поехали. И прибыть тамо гардовымъ стадникамъ отдали, съ обявленіемъ, что овѣ у нихъ лошади пограблены въ Полице, въ уманской губерніи, и за то, чтобы табунищики ихъ лошадей смотрѣли, дали двѣ кобили гнѣдѣ. И по отдать тѣхъ лошадей иѣкоторіе гайдамаки по запорожскимъ зимовникамъ разъехались, а онъ Котляръ съ пятнадцатью человѣкъ (а наѣхъ ихъ зовутъ, не знаетъ) въ Гардъ для пилства ездилъ и тамо съ оними гайдамаками у полковника всѣ явясь и о бытіяхъ па гайдамачество въ Полице обявясь, четыри дни, пяниствуя, находилися. И отътоль онъ, Котляръ, поехать на бродъ реки Синюхи для взятія оставленнаго въ карантинномъ домѣ у стоящаго тамо афицера даннаго ему изъ магистрата пашпорта, съ намѣреніемъ, чтобъ, взявъ лошадей, коихъ ему изъ грабителіихъ достались, отвестъ для продажи Новой Сербіи въ новомиргородской шанецъ, на бывшей тамо тогда ярмарокъ. Однако, не доежжая опаго карантинного дому, встрѣти его одиннадцать человѣкъ гайдамакъ (а отколь они и какъ по имени и прозванію, не знаетъ) ему Котляру обвили, что вышедшій де изъ Полци Федоръ

Швидкій Сѣчи Запорожской въ Мигайскомъ островѣ не малую гайдамацкую партію ити въ Полскую область, въ городъ Немеровъ, собирается съ намѣреніемъ на грабительство, то потому и онъ Котляръ въ тотъ островъ на другой день поехалъ и прибылъ туда, показанного Швидкого съ тою злодѣйскою гайдамаккою партіею въ ишти-десять пяти человѣклхъ сыскаль. И къ оной онъ Котляръ какъ присталъ, то жили въ томъ островѣ съ неделю, а атакаи Швидкій отъ нихъ для покупки пороху и селитри въ полское мѣстечко Торговицю ходили и по возврашеніи своемъ одѣтель еще съ собою съмнадцать человѣкъ гайдамакъ привезъ. И такъ уже ихъ собралось восемьдесять два человѣка, и съ которыхъ онъ, Котляръ, знаеть Сѣчи Запорожской козаковъ, куреней: ивановскаго Павла Тарана, Грица Письменнаго, Переяславскаго про-званіемъ Полового, ирклевскаго Колянка, нащиковскаго Андрія Гараджу, куреневскаго Мойсія Шевиця, дву Ивановъ Бойковъ, незамаевскаго Карна Киршу, платнеревскаго Чабака, киселевскаго Григорія Злодѣя, батуриинскаго малого Остроуха, поповицевскаго Безкровнаго, кореунскаго Бандурку, бруховецкаго Йцка Кравца, Савку Кравца, а прочихъ всѣхъ, какъ зовутъ и прозвиваются и которыхъ куреней, не знаетъ. И тѣ всѣ, согласясь на то грабительство, въ показанной городъ Немеровъ пошли изъ Мигайского острова чрезъ рѣку Бугъ на бродъ и перешедъ ногайскій и полскій степы даже до лѣсу, состоящаго подъ полскимъ mestечкомъ Хощеватымъ, имли. И прибылъ въ тотъ лѣсъ, въ имеющей тамо посѣки чрезъ вѣсъ день находились. И услыша въ ономъ Хощеватомъ стрелбу и колоколную тревогу, оной гайдамацкой атаки Швидкій имъ обявилъ: «знать то де та тревога чинится къ собранію народа для поимки ихъ гайдамакъ». И какъ почъ пришла, то атаки со всѣми гайдамаками и онъ Котляръ исъ того леса почью пошелъ, и следуя въ купи, не въ дальнемъ одѣ того mestечка Хощеватого разстоянія, въ селѣ Могилюкѣ три пари воловъ съ возами, да у жида кобилу съ возомъ пограбили и харчевій занасъ, муку, пшено и масло корове, и у коихъ гайдамакъ рубашекъ не было, съ обывателей снимали, да у жида-жъ шесть коней съ денегъ, да мыза менюкъ взяли. И по грабительствѣ того, какъ изъ села съ версту отошли, то показанній атаки Швидкій, оставилъ при харчевыхъ возахъ сорокъ человѣкъ (а кто именно, за почиюю порою знать не можетъ), самъ съ ними, Котляремъ, въ

сороку человѣкахъ гайдамаками (ись коихъ сеъ знаеть Сѣчи Запорожской козаковъ бруховецкаго Савку Кравця, да Яцка Кравця-жъ, криловскаго Ивана Бойка, пашковскаго Андрѣя Гараджу, платнеревскаго прозваніемъ Чабака, незамаевскаго Карла Кирпу, поповичевскаго Безкровнаго, Переяславскаго Полового, а прочихъ гайдамакъ какъ ихъ по имени и прозванію, не знаетъ) для взлтія въ состоящемъ въпереди хуторѣ воловъ на харчъ пошелъ, и разделясь на двѣ партіи, по двадцати человѣкъ, однимъ велель онъ атаманъ до броду рѣчки Синюхи следувать, а самъ съ нимъ Котляремъ въ девятнадцати человѣкахъ гайдамакъ въ показанной хуторѣ пошелъ. И толко чго въ тотъ хуторѣ передъ свѣтомъ пришли и четири воли да кобылу съ возомъ взяли, то услышали стрѣлбу, и онъ атаманъ съ одинадцатью человѣки гайдамаки къ той стрѣлбѣ побежаль, а девять человѣкъ при харчевыхъ возахъ оставилъ. И какъ только изъ оной рѣчки Синюхи къ броду приближились, тогда усмотрели, что на ихъ товарищей гайдамакъ, посланныхъ къ речки Синюхѣ, стоящія на дороги купцы палить; то и онъ атаманъ съ нимъ Котляремъ и одинадцатью человѣки гайдамаки, къ своимъ товарищамъ гайдамакамъ поспеша, совоушилися и обще на тѣхъ купцовъ съ ружей стали палить, напротивъ чего и оные купцы на нихъ палили. И притомъ какъ изъ нихъ гайдамакъ тѣ купцы Яцка, а прозваніемъ не знаетъ, поранили, тогда они гайдамаки на нихъ залпомъ випалили и, раззярясь, всѣ вдругъ бросились на спискахъ на нихъ и начали въ томъ обозе грековъ купцовъ и ихъ фурманчиковъ немилостиво колоть, и съ коихъ и онъ Котляръ двухъ человѣкъ закололъ, а прочихъ, какъ онъ видѣлъ, кололи атаманъ Швидкій, гайдамаки: незамаевскаго куреня Карло Кирпа, пашковскаго Андрѣя Гараджа, криловскаго Ивана Бойко, бруховецкаго Яцко Кравецъ, Савка Кравецъ, да поповичевого прозваніемъ Безкровній, а имя не знаетъ, батуриńskiego Остроухъ, платнеревскаго Чабакъ, а кто именно и сколько кто, тожъ и другое, кроме вишненеваныхъ, кто оныхъ купцовъ кололи, какъ-то оны, по своей злодѣйской злой яности, всѣ кололи, не знаетъ. И какъ всѣхъ кололи, тогда тотъ часъ гайдамаки куреня брюховецкаго Яцко Кравецъ, вскоча на бричку, а на возъ, на коемъ была будка, атаманъ гайдамакій Швидкій, и розрѣзанъ онія.—одну бричку и возъ, товари и пожитки на землю бросали и

изъ будки-жъ всѣ товари и пожитки, а изъ одной брички меншую половину товаровъ только что на землю выбросили, тогда и оставленній ихъ товарищи гайдамаки, сорокъ человѣкъ, при харчевыхъ возахъ и къ нимъ при самомъ сметѣ приехали. И въ то время онѣ товари и пожитки всѣ гайдамаки на онѣ вози какъ стали класть, то онъ Котляръ видѣлъ, что были лиси три меха, горностаевіе, тхоревіе, бѣліе и чорніе сѣбѣрковіе мехи-жъ, и лиси горла, а сколько чего, онъ за темъ, что одинъ передъ другимъ великъ, хватая, бросали на вози, тоже и денегъ, серебряной и золотой монеты, сколько взято, не знаетъ. И при той поклажѣ товаровъ какъ увидѣли, что полекіе, уманскіе и савранскіе козаки за ними гайдамаками погоню чинять и къ нимъ приближаются, тогда они гайдамаки, спѣша, чтобы одѣ той погонѣ уйти, одѣ техъ возовъ съ пограбленными десятми лошадми съ возами во уходъ пошли. И одѣ техъ возовъ съ версту отошли, или нетъ, то какъ та козацкая погоня къ нимъ приближася, даже до состоящей за рекою Бугомъ Описковой Стейки, стреляя на нихъ, гналися, а они гайдамаки противу пустя вози свои впередъ, въ отпоръ палбу чинили, точю какъ изъ ихъ гайдамакъ, такъ и изъ уманскихъ козаковъ ни одного человѣка не убили и не поранили, а только при той Описковой Стейки ись пограбленныхъ ими гайдамаками десяти лошадей восемь уманскіе и савранскіе козаки одѣбили и одѣтоля съ оними возвратились, а они гайдамаки пошли полекімъ савранскимъ трактомъ и пришель до вершины реки Кодими, тамо онѣ пограбленіе въ показанніихъ купцовъ товари избросали съ возовъ въ одно место, также и денги атаманъ, червонцовъ до пяти, россійской рублевой турецкой и полской монетъ, на киломъ висыпалъ, а всего было по рощоту атаманскому сто рублей, да после того гайдамаки куреня крыловскаго Иванъ Бойко, незамаевскаго Карло Кирпа две бумажки, какъ-бы червонцы, принесли, то онъ атаманъ взялъ онѣ и обявилъ якобы «личнані»¹⁾ и онихъ въ поделъ не представилъ, а прѣтчѣ всѣ вещи сто рублей денегъ раздѣлилъ онъ, атаманъ, всѣмъ. По которому раздѣлу досталось ему Котляру рубль и пять копѣекъ, и мѣхъ сѣбѣрковій единъ, тхоровій одинъ, горностаивого половина, копечій чорной одинъ, куница

¹⁾ Мѣдные для игры въ карты жетоны, или «личнані».

видѣланаѧ одна, смушекъ болгарскій одинъ, лисѣхъ горль десять, бѣлокъ недѣланыхъ пять, горносталя одинъ, тхоровъ два, а кому съ товаровъ въ подѣль недостало, то вмѣсто того и съ пограбленного въ техъ купцовъ платъя, тожъ три ружья, пару чистолетовъ и прочие въ подѣль давали, а сколько кому чего досталось какихъ вещей, не знаетъ. А часи золотіе карманніе, лисѣй мѣхъ и саміе лутшіе и съ товаровъ вещи, и двѣ пары вистолетъ атаманъ Швидкій оставилъ безъ роздѣлу для подарукъ обрѣтающенуся Сѣчи запорожской въ Гарду полковнику зъ старшиною, какъ-то у нихъ гайдамакъ всегда бываетъ, что по возвратѣ изъ грабителства оную гардовую старшину даруютъ, и для того въ Гардъ какъ зъ гайдамачества прійдутъ, то даютъ они гайдамаки и съ пограбленныхъ пожитковъ старшинъ, и потому ихъ гайдамакъ какъ полковникъ, такъ и старшина, хотя они гайдамаки, приходя въ Гардъ, въ базаре пляствуютъ и харчъ покупаютъ, подъ караулъ не берутъ, да еще есліи когда изъ Сѣчи запорожской для поиску ихъ гайдамакъ обездка бываетъ, то ихъ старшина скриваетъ.

По роздѣль-жъ онихъ пожитковъ они гайдамаки, перепочоавъ, пошли въ Мигейскій островъ, где самое ихъ гайдамаковъ укрывательное мѣсто состоить. И по приходѣ въ оной островъ на другой день онъ атаманъ изъ гайдамакъ двухъ человѣкъ, одного Карпа, а другого какъ звать и прозваніемъ, не знаетъ, послалъ въ Гардъ за полковникою и за асауломъ гардовими, съ обявленіемъ, что де они гайдамаки прибыли зъ гайдамачества съ пограбленными изъ Полщи вещами, и дабы для взяття оставленныхъ имъ подарковъ пріежжали къ нимъ, гайдамакамъ, въ оній островъ, а его Котляра оній-же гайдамакій атаманъ для покупки и привозу имъ, гайдамакамъ, за шестьдесятъ копѣекъ хлѣбного вина, на бродъ рѣки Синюхи послалъ. И онъ Котляръ, выкопавъ въ томъ островѣ закопанніе имъ деньги восемь рублей, кои онъ, напередъ того продавъ двѣ лошади, получилъ и взявъ въ томъ островѣ у рыбаковъ возъ, туда и иовхаль, а по пріездѣ въ карантинномъ домѣ, у маркпантата, а какъ зовутъ, не знаетъ, онаго вина за восемь рублей и шестьдесятъ копѣекъ купя и тѣмъ гайдамакамъ чрезъ два дни въ оной островъ привезъ. И по приездѣ его Котляра въ оной островъ на другой день изъ Гарду асауль гардовій, куреня

величковскаго, Игнать Мандро, къ тѣмъ гайдамакамъ въ полдни приехаль, гдѣ пероночевавъ они гайдамаки изъ оставленныхъ гайдамакихъ вещей для подарку полковнику гардовому и оному асаулу зъ старшиною дали: часы золотие карманніе, лисей мѣхъ, цепочку медную съ футляромъ, въ коемъ зеркало, табакирка и пороховая патруска, а еще что атаманъ гардовому асаулу давалъ, онъ не знаетъ, да гайдамаки каждой отъ себѣ ему-же асаулу давали смушки булгарскіе, куницы и другіе вещи (а что именно кто давалъ, не знаетъ), а онъ Котляръ далъ ему асаулу смушки булгарскій. Какъ-же продалъ оной Котляръ тѣмъ гайдамакамъ купленное вино рублевъ за пятнадцать или болѣе (а подлѣнико за сколько, не знаетъ): ружье за четыри рубли, рогъ пороховой за восемьдесятъ копѣекъ, шапку за одного рубля, списъ за пятьдесятъ копѣекъ, шаралары за два рубли и сорокъ копѣекъ, то на тѣхъ вѣсѣ дengи у онихъ товарищѣй своихъ покунилъ мехи тхоровіе, сѣбѣрковіе, лисѣи горлы, горносталь и тхори недѣлланіе (а сколько чего и у кого именно купилъ, не знаетъ) да вѣвчуру¹⁾ волчую у запорожскаго козака, куреня перясловскаго, прозваниемъ Полового, за шесть рублевъ. Которое поклавъ въ бочонокъ, у онаго забивъ дна, а другія положить въ сакви волосеніе и одинъ мешокъ, и наявъ будущаго тамо для рыбной ловлѣ рибалку (а отъкуда онъ тотъ рибалка, не знаетъ; заведомо, что онъ для одѣвозу), до карантинного дому поехалъ. И прибывъ во онай, явился въ состоящаго тамо у оберь-афицера, у коего и данной ему, Котляру, изъ магистратѣ пашиортъ находился, и оному объявилъ, что уже онъ Котляръ съ рыбной ловлѣ едетъ въ домъ свой, въ крѣость святїя Елисаветы. Тогда ему Котляру оной оберь-афицеръ сказалъ, что однако же карантинного дому лекарь едетъ въ крѣость-же святїя Елисаветы, а съ нимъ козацкой порожной возъ будсть, то де и его Котляра свезеть, почему онъ тѣмъ козакамъ какъ бочонокъ, такъ сакви и мешокъ съ тѣми вещами въ вечеру на возъ положиль, которыхъ вещей какъ оберь-афицеръ, такъ и никто не видаль, а козаки хотя съ нимъ Котляремъ на возъ тотъ бочонокъ, сакви и мешокъ съ вещами и клали, но что въ онихъ есть, не спрашивали и онъ имъ не сказывалъ. Съ которымъ лекаромъ на томъ

¹⁾ Тулунъ, мѣкомъ ввергъ; вѣвчура волчая--шуба волчья.

козацкомъ возу онъ Котляръ даже до крепости святія Елисавети ехали, и какъ передъ заходомъ сонца къ крепости пріехали, то лекарь въ передѣ ихъ поехалъ на квартиру, а онъ Котляръ умышленно, чтобы его никто не видаль и подъ караулъ не взялъ, а толко-бы въ ночи сходя къ бургомистру Звенигородскому явиться, сказать тому козаку, чтобы вдалъ стать слободы и лошади попасть, гдѣ и пасли даже до ночи. А какъ смеркло, то они, запрягъ въ возъ лошади, поехали. И прибывъ въ домъ, боченокъ и сакви и мешокъ зложа, тому козаку за пять копѣекъ хлѣбного вина какъ далъ и оной выпилъ, тогда тотъ козакъ отъ него и поехалъ (а какъ его зовутъ и прозиваются и которого полку, не знаетъ), а онъ Котляръ, поужинавъ и выпивъ за пять-же копѣекъ вина, мало еще обождавъ, чтобы по-познаніе было, вынявъ изъ саковъ ись тѣхъ гайдамацкихъ вещей сѣбѣрковой мѣхъ и куницу едину, къ магистратскому бургомистру Звенигородскому въ руки отъдалъ. Которой бургомистръ его, где оное взялъ, спрашивалъ, и онъ ему бургомистру обявилъ, что де купилъ въ Мигайскомъ островѣ, почему оной бургомистръ, принявъ отъ него Котляра тѣ вещи и взявъ его, Котляра, и асаулца Якима Лозовенка съ собою, пошедъ въ домъ, и какъ толко съ нимъ онъ бургомистръ пришелъ въ домъ, то онъ Котляръ, какъ быль пьянъ, легъ въ сѣнахъ спать, а онъ бургомистръ эъ асаулцемъ пошелъ къ женѣ его Котляревой и тѣ въ боченкѣ и саквахъ всѣ вещи при женаѣ его Котляра осмотря, взялъ вѣвчуру волчую (а еще что ись товарою бралъ, не знаетъ), и оставля его Котляра въ домѣ ись тѣми пожитками, пошелъ въ свой домъ, а поутру, еще до пробитія утренней зарѣ, онъ Котляръ, проспавшияся, всталъ и пошелъ въ избу. Тогда жена его Котлярева сказала, что бургомистръ де Звенигородской приказалъ, когда онъ Котляръ проспите, тобъ де пришоль къ нему Звенигородскому, почему онъ Котляръ тотъ часъ къ нему Звенигородскому въ домѣ и пошелъ. И какъ только въ избу вошелъ, то оной Звенигородской ему Котляру обявилъ, чтобы ишелъ къ брегадирскому канцеляристу Даниилѣ Ивановичу, и потому онъ Котляръ, пошедъ въ домъ и взявъ изъ тѣхъ гайдамацкихъ вещей сѣбѣрковой мѣхъ, чтобы никто не видаль, подъ полу, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы оному канцеляристу Иванову подарить,

иошелъ, и только что въ дворъ онаго канцеляриста вошелъ, какъ за нимъ и окой бургомистръ въ слѣдъ на дворъ вошедши, ему Котляру сказать, чтобы онъ въ его канцеляриста Иванова людскую избу ишелъ, а онъ дѣ бургомистръ обѣ немъ Котляръ обявить, и бывъ у онаго, обѣ немъ Котляръ Звенигородскій что говориль-ли, не знаетъ. А какъ одѣ него канцеляриста онъ бургомистръ вишедъ, то сказалъ ему Котляру, чтобы ишелъ съ нимъ въ домъ, почему онъ съ нимъ бургомистромъ и со взятиемъ для подарунку оному канцеляристу сѣбѣрко-вымъ мѣхомъ иошли. И по приходѣ въ здешнюю слободу бургомистръ Звенигородскій въ свой, а онъ Котляръ въ свой-же дворъ иошелъ; и какъ только въ избу онъ Котляръ вошелъ; то вслѣдъ за нимъ магистратской асаулецъ Лозовенко пришедъ, взягъ его Котляра безъ тѣхъ гайдамацкихъ вещей и привелъ къ крепости святія Елисавети въ магистратъ, гдѣ и oddанъ подъ караулъ, а послѣ того погода мало и онѣ гайдамацкіе веди какъ принесенни, то его Котляра, забивъ въ колодки, ись того магистрата въ канцелярію его высокородія господина брегадира и крѣпости святія Елисавети коменданта, Алексея Ивановича Глебова отосланъ, а одѣтоль сюда присланъ. Кромѣ-же вишишеннаго на воровствахъ и грабительствахъ не бываль, ножегъ и смертноубийства не чинилъ и о всемъ показалъ праведно, въ чёмъ подписьуюся своеручно».

«Подлинній черный допросъ по листамъ скрѣпилъ и съ подлин-
нымъ свидѣтельствовалъ заднепрскаго слободскаго новопоселенемого за
чертвою Новой Сербіи козачаго полку

Полковой писарь Василий Семеновъ.

Прочитавъ этотъ безхитростный, чуждый всякаго хвастовства и прикрасъ, а потому несомнѣнно правдивый разсказъ одного изъ участниковъ гайдамацкаго наѣзда и сопоставивъ его съ экстрактомъ гайдамацкихъ грабежей, приведеннымъ выше, невольно спросишь: какимъ образомъ такие выдающіеся магнаты, какъ оба графа Потоцкіе или князь Четвертинскій, имѣвшіе у себя, по тогдашнему обычаяу, не только огромную дворню, но сотни стрѣльцовъ для охоты и цѣлыми хоругви козаковъ и драгунъ, а въ должностнѣ управ-ляющихъ имѣніями, или губернаторовъ, большему частію «товарицей» пародовой гвардіи польской, могли допустить, чтобы шайка гайда-

макъ въ 80, а иногда въ 40 и менѣе человѣкъ, выйдя изъ запорожскихъ степей и окраговъ, могла перебраться за границу, пройти ихъ имѣнія и отъ Кодыми и Синюхи verstъ за 200 проникнуть въ глубь Подолія, и съ массою добычи и цѣлымъ табуномъ лошадей благополучно, въ полномъ почти составѣ, возвратиться въ тѣ же степи? Многое можно было бы сказать въ отвѣтъ на этотъ вопросъ; но мы, держась въ предѣлахъ сообщаемыхъ нами документовъ, ограничимся только указаніемъ на ту панику, какую производило всегда нечаянное нападеніе гайдамакъ, на ту силу, опытность и искусство, какія сообщало имъ участіе прославленныхъ «лыцарей»-запорожцевъ, на ту наконецъ «яростъ злодѣйскую», съ которой гайдамаки нападали и отбивались и о которой не по приказу-же допрашивавшихъ не разъ упоминаетъ въ своемъ показаніи гайдамака Котляръ. Польские магнаты и паны, чувствовавшіе на себѣ всю тяжесть гайдамачества и трепетавшіе при одномъ имени гайдамакъ, отлично понимали, что вся сила гайдамачества въ Запорожье и что имъ самимъ не справиться съ этимъ страшнымъ бичемъ, а потому они обращались съ жалобами къ русскимъ властямъ, не безъ основанія разсчитывая посредствомъ ихъ произвести давленіе на Кошъ, и вѣтъ уничтожено заискивали у кошеваго, вполнѣ увѣренны въ томъ, что, при благосклонности кошеваго, въ Запорожье, а не гдѣ либо, можно найти и самихъ нападавшихъ гайдамакъ и пограбленное ими панское добро. Въ подтвержденіе сказанного мы приведемъ тѣ пять писемъ польскихъ пановъ къ кошевому атаману, о которыхъ упомянули выше,—три изъ нихъ въ современномъ переводе съ чешской канцеляріи, а два въ переводѣ, сдѣланномъ нами съ польскихъ оригиналовъ, находящихся у насъ. Добавимъ къ нимъ еще отвѣтное письмо кievскаго генераль-губернатора, вызванное письмами польскихъ пановъ.

Первое изъ помѣщаемыхъ писемъ относится къ 1764 году, ѿ той порѣ, когда мѣрами, принятymi относительно запорожцевъ, набѣги гайдамакъ былиъ несколько ослаблены, хотя далеко не прекращены, и когда обиженные получили уже возможность искать себѣ удовлетворенія. Письмо это принадлежитъ командиру «лебединской Луки»¹⁾, т. е. отряда народовой гвардіи, Казимиру Добр-

¹⁾ Лебединъ — мѣстечко и монастырь въ кievской губернії.

жанскому и писано имъ къ кошевому атаману запорожской Сѣчи, Филиппу Федорову. Оно живо характеризуетъ писавшаго и тотъ страхъ, какой заводило появление хотя-бы одного или двухъ гайдамакъ. Добржанскій пишетъ, когда страхъ давно уже прошелъ, пишетъ смѣло, нѣсколько даже грозно, но это потому, что онъ получилъ точныя сведѣнія какъ о лицахъ, его ограбившихъ, такъ и о томъ, куда попали его деньги и вещи. Вотъ что онъ писалъ.

Ясне - Вельможный Добродію!

На вѣдомъ прежнихъ лѣтъ охотниковъ запорожскихъ въ нашихъ польскихъ гравицахъ, преимущественно въ смилянской вотчинѣ его свѣтлости князя Станислава Любомирскаго, подстолія короннаго, и ниже писаный, съ роднымъ братомъ моимъ Іосифомъ Добржанскимъ, подъ с. Вязовцемъ въ руднѣ¹⁾, Черницеи называемой, отъ Мануйла ватажка, изъ куреня джерелевскаго потерпѣть значительную обиду и потерю. На этой рудвѣ упомянутый Мануйло, съ своимъ товарищемъ, ждалъ насть уже два дни и,бросившись на насть, отнялъ: готовыхъ денегъ 4,000 злотыхъ польскихъ, 5 лошадей, богатыхъ полесовъ 4, стоящихъ 4 червонцевъ, богатыхъ платьевъ 4 пары и ручного оружія 8 штукъ. Все это съ дорожными пожитками всего стоить слишкомъ 5,000 злотыхъ.

Потери мои до сихъ поръ получить не могу, хотя достовѣрно знаю чрезъ другихъ козаковъ, что не изъ другого, а именно съ джерелевскаго куреня былъ Мануйло ватажокъ и его сообщникъ, кои меня и брата ограбили, и что по случаю его смерти мое имущество съ его собственнымъ добромъ перешли въ тотъ-же курень, или-же въ вѣденіе высокаго кошеваго начальства. Хотя-же упомянутые однокуренные козаки уверяютъ, что Мануйло за свои преступленія въ Сѣчи повѣщенъ, но я убѣженъ, что мое добро съ нимъ-же не повѣшено, а потому, помня это, я прошу полного мячъ удовлетворенія.

Я находясь на посту у своей команды, на «Лукѣ» лебединской, далъ козакамъ 2 лошади изъ отнятыхъ у гайдамакъ, меня ограбившихъ, и наспорть на свободное слѣдованіе къ в. в. Надѣюсь, что и

¹⁾ Вязовецъ или Вязавокъ село черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи. Рудна — място, гдѣ добываютъ желѣзную руду. Ватажокъ — атаманъ гайдамацкаго отряда.

вы не оставите моей просьбы безъ удовлетворенія, иначе я вынужденъ буду самъ другими средствами вознаградить себя.

Нынѣ остаюсь съ приличнымъ почтепіемъ ясно вѣльможнаго пана
нижайшій слуга

Казимиръ Добрянскій.

Итакъ командиръ отряда «гвардія народовой», вмѣстѣ съ братомъ и вѣроятно съ слугою или двумя,—ибо съ нимъ было 5 лошадей, притомъ вооруженный, далъ себѣ ограбить двумъ гайдамакамъ, даже до снятія съ него и бывшихъ съ нимъ одежды! Тepерь онъ храбро требуетъ себѣ полнаго удовлетворенія, грозитъ даже изъ своей рудни кошевому. Любопытно было-бы знать, какими другими средствами онъ надѣялся удовлетворить себѣ и удовлетворить ли вообще. Такихъ свѣдѣній въ нашихъ бумагахъ не нашлось, а между тѣмъ если кто, то запорожцы могли тогда говорить о себѣ, что съ нихъ взяты гладки.

Иначе заговорили и болѣе важные павы спустя 4 года, когда доведенный ими-же, въ союзѣ съ латино-уніатскимъ духовенствомъ, до отчаянія украинскій народъ поголовно почти ушелъ въ гайдамачину и затопилъ кровью свою родную землю. Слѣдующее письмо относится именно къ началу восстанія 1768 г. и даетъ свѣдѣнія о первыхъ дѣйствіяхъ гайдамакъ и ихъ предводителя Максима Железняка. Вотъ что обѣ этомъ писалъ губернаторъ черкасскій Александръ Почельскій отъ 17 іюня того года запорожскому кошевому П. И. Каллишевскому:

И съ вѣльможный господинъ кошевой, въ сосѣдствѣ
вѣрный другъ и благодѣтель!

Хотя мое искреннее желаніе было услугить вамому высокоблагородію въ доставкѣ 10,000 дряницъ и строевыхъ плитокъ въ Старую Сѣчь, но уже или моимъ несчастіемъ, или-же настоящая печальная пора мнѣ это воспретила, либо Максимъ Железнякъ съ Медведемъ Высокимъ, «съ кровавыми глазами», и 4 другихъ, которыхъ имена мнѣ неизвѣстны, распространили между людьми извѣстіе, будто они посланы нарочно изъ Коша, дабы всѣхъ поляковъ и жидовъ до единаго истребить, а имущество ихъ и доходы помѣщиковъ въ свою пользу забрать. Хлопство, малостей и грабительства охочее, пристало и совокупилось съ этими

ватаражками, въ числѣ болѣе 800 человѣкъ, которые уже болѣе 1,000 душъ убили, имущество и скотъ грабятъ, дома разоряютъ и уничтожаютъ. Меня тоже одно милосердіе Божіе защитило, что я съ женой, дѣтьми и нѣсколькими, въ командѣ моей находящимися поляками, сюда уже на русской сторонѣ спасся¹⁾; у меня, убогаго человѣка, грабители въ деньгахъ и пожиткахъ до 3,000 руб. ограбили. А съ имѣніемъ с. с. князя Сангуини захватили 148оловъ, 50 отличныхъ коровъ и всякаго добра болѣе чѣмъ на 110,000 злотыхъ, кроме купеческихъ товаровъ, въ замкѣ черкасскомъ на складѣ находившихся. У поселенія с. с. князя старости черкасскаго на 40,000 разоренія учинено. Однимъ словомъ: страшно и подумать, какія насилия и грабительства дѣлаются, увѣряя всѣхъ, что они дѣйствуютъ по приказанію вашего высокоблагородія, нашего благодѣтеля! Но вскорѣ обманъ ихъ былъ обнаруженъ прішедшими сюда изъ Сѣчи козаками. Они показали, что это просто негодяи, а не высланные по вашему приказу люди, что вскорѣ еще болѣе обнаружилось, когда гайдамаки теперь грабятъ и заижиточныхъ хозяевъ, когда уже не стало панскихъ усадьбъ.

Вотъ почему я не могъ исполнить порученія в. в. на счетъ драницы и дерева строеваго, которыхъ я уже и купилъ и моими деньгами заплатилъ, въ чёмъ и сама громада черкасская заевидѣтельствуетъ. Но теперь, при нынѣшихъ безпорядкахъ, ни лѣсу, ни денегъ отыскать не могу. Развѣ какъ самъ Господь Богъ успокоитъ нынѣшніе невзгоды и сохранитъ и мою жизнь, то не медля исполню ваши желанія, дабы доказать, что желаю сохранить собственную мою дружбу и спискать ваше расположение.

Двумя днями позже, именно 19 июня 1768 г. о тѣхъ-же нечестивыхъ событияхъ, т. е. общевародномъ восстаніи и его жестокихъ проявленіяхъ губернаторъ тарговицкій²⁾ Яковъ Квяткевичъ, управлявшій одною изъ вотчинъ главнѣйшаго на Украинѣ богача гр. Ф. С. Чотоцкаго, писалъ слѣдующее тому-же кошевому, прося его помощи и защиты:

¹⁾ Письмо послано изъ Ирклѣва, золотоношскаго уѣзда, цолтавской губерніи, на лѣвомъ берегу Днѣпра.

²⁾ Тарговица м. подольской губерніи, известное по конфедерациѣ, рѣшившей паденіе Польши.

Во время настоящего беспокойства польской конфедерациі¹⁾ началась жатежъ между народомъ въ чигринской, смѣлянской и лисянской «губерніяхъ» (вотчинахъ) и такъ распространилась, что уже и до уманской «губерніи» приближается. Уже не мало дворянства, почтенныхъ поссесоровъ, имѣнія Потоцкаго арендующихъ, жестоко убиваются, грабятъ все имущество и скотъ, уверяя, что «войско запорожское», нарочно для этой цѣли изъ Коша отправленое, имъ помогаетъ, и къ мятежу народъ насильно принуждаются. А потому я чрезъ посредство вашихъ депутатовъ, прибывшихъ въ Архангелогородъ²⁾ на пограничную съ польскимъ брацлавскимъ воеводствомъ комиссию, убѣдительнѣйше *у ногъ вашихъ* прошу ваше высокоблагородіе, чтобы, изъуваженія къ сосѣдственной дружбѣ вашей къ его сіятельству, кіевскому воеводѣ (пр. Потоцкому), предписать бугардовской поланкѣ, обѣздами запорожскихъ козаковъ по польской границѣ, гайдамакъ прогонять и удерживать и о томъ меня письменно извѣстить. Объ этомъ и самъ его сіятельство воевода писать къ вашему высокоблагородію будеть.

Что касается до меня лично, то, въ случаѣ крайней опасности, я-бы просилъ позволенія воламъ моимъ и лошадямъ на запорожскихъ стенахъ около Гарду укрыть до тѣхъ поръ, пока, при помощи Божіей, эти смятенія прекратятся, за что я по смерть благодаренъ нашему высокоблагородію буду.

Этотъ Квяткевичъ, одинъ изъ не многихъ уцѣльвшихъ въ то время польскихъ дворянъ, былъ послѣ уманскимъ «губернаторомъ» на мѣсто убитаго Рафаила Младоновича.

Извѣстно, что охватившія тогда всю Україну «смятенія» (характерный терминъ, получившій въ ту пору едва-ли не всеобщее

¹⁾ Разумѣется конфедерациія барская, т. е. вооруженное собраніе въ Барѣ всей недовольной королемъ и русской политикою шляхты, мечтавшей поднять всю Польшу и Україну противъ Россіи для сохраненія шляхетскихъ вольностей. Извѣстно ближайшее участіе въ ней самаго папы и польско-католического духовенства, подпиравшихъ шляхту противъ короля по поводу дарованій, но настолію Россіи, въронсповѣдныгъ льготъ православному населенію Україны и Бѣлоруссіи, которое предъ тѣмъ поголовно приводимо было путемъ жесточайшихъ насилий въ упні.

²⁾ Ново-Архангельскъ, городокъ херсонской губерніи, елисаветградскаго уѣзда, тогда пограничный шанецъ ново-сербскаго военнаго поселенія.

употребленіе), поднятыя во имя Россіи, прекращены силою русскаго-же оружія. Недостойнымъ обманомъ гайдамаки захвачены были въ расплохъ; начался разборъ и жесточайшая расправа; гайдамакъ изъ запорожцевъ, какъ русскихъ подданныхъ, судили въ Киевѣ и Глуховѣ, били кнутомъ и ссыпали въ Сибирь, остальныхъ изъ украинскихъ крестьянъ предавали въ руки поляковъ. Два почти года продолжалось выискиваніе всѣхъ, кто какое либо принималъ участіе въ возстаніи и вместо нелегального истребленія поляковъ и жидовъ шло легальное истребленіе возставшихъ украинцевъ. Въ это время только и слышно было, что о казняхъ гайдамакъ, а не объ ихъ уже пабѣгахъ. Но устали руки палачей, наступило затишье и запорожцы снова подняли голову, а съ ними ожило и гайдамачество,—неизбѣжное послѣдствіе продолжавшагося въ Украинѣ, Волыніи и Подолії соціально-религіознаго гнета. Къ этому времени относятся приводимыя ниже въ современномъ переводе льстивыя письма двухъ польскихъ вельможъ, писанныя ими къ злополучному кошевому, И. И. Калинишевскому, который чрезъ два года былъ сосланъ въ Соловки, гдѣ долго томился и умеръ въ заключеніи.

Шишацъ графъ Федоръ Потоцкій¹), генераль-командиръ всей польской артилериі, убогому Калишу въ такихъ выраженіяхъ.

Я си невѣльможный, ми льстивый благодѣтель!

Возвѣщенная во всеобщую извѣстность многоразличными способами, а особенно чрезъ опубликованную декларациою протекція ея царской милости, найяснѣйшей императрицы обезпечиваетъ всему народу польскому сохраненіе его въ совершенномъ спокойствіи. Въ этой увѣренности утверждаетъ всѣхъ насть и циркуляръ его сіятельства, князя²).

Но вотъ теперь собственные мои подданные, жители мѣстечка Чурилова, безъ всякой вины, лишились всего своего имущества, разграбленаго кошевыми казаками; потери ихъ простираются до вѣсколькихъ десятковъ тысячъ, какъ въ этомъ удостовѣряютъ разслѣдованія, произведенныя на мѣстѣ.

¹⁾ Если не ошибаюсь, это былъ братъ знаменитаго археолога Ивана и Северина, первого икончителя харьковскаго учебнаго округа. Потоцкій Северинъ основалъ м. Севериновку близъ Одессы.

²⁾ Разумѣется русскій посолъ въ Варшавѣ, князь Петръ Федоровичъ Голицынъ.

Не можемъ поэтому не впасть въ тревогу, не можемъ не обратить-
ся къ вамъ, ясновельможному пану благодѣтелю, представляющему
собою наивысшую въ томъ пограничье власть, съ нашою глубокою
просьбою, дабы вы приказали какъ воздержать выходящихъ въ нашъ
край, такъ и вознаградить столь тяжкую потерю моихъ подданныхъ
возвратомъ имъ ихъ собственности.

Въ надеждѣ на это утверждаетъ нась высоко цѣнная нами
сосѣдственная пріязнь ваша и то пріятѣйшее расположение, ради ко-
тораго я готовъ навсегда быть, съ отличнымъ высокопочитаніемъ, вашимъ,
ясновельможнымъ панъ благодѣтель, сосѣдственю любящимъ пріятелемъ
и нижайшимъ слугою

Федоръ Потоцкій, староста смотрицай,
корпуса коронной артиллеріи генералъ.

15 апр. 1773 г.

Городенка.

Другое письмо принадлежитъ князю Четвертинскому и напи-
сано въ тонѣ еще болѣе лѣстивомъ. Начнемъ съ адреса, который
написанъ въ слѣдующей формѣ:

Ясновельможному пану Калнишевскому, генераль-лейтенанту, ко-
манданту запорожскихъ войскъ, ясновельможному пану, любезнѣйшему
сосѣду и благодѣтелю, въ армїи¹⁾.

Послѣ обычного обращенія, этотъ богачъ-магнатъ пишетъ
Петру Калнишу слѣдующее:

Громкой молвой носится въ краѣ нашемъ ваша, ясновельможный
панъ благодѣтель, справедливость, по поводу арестованія вами козаковъ,
разорявшихъ въ прошломъ году ваши дома и имѣнія.

Она будетъ тѣмъ славнѣе, если въ добавокъ къ этому, какъ уже вы
и обѣцали, прикажете имъ-же удовлетворить потерпѣвшихъ, возвративъ
заграбленное у нихъ.

А какъ и мое мѣстечко Марковка не избѣжало того-же несчастья,
ибо и оно на другой день послѣ разоренія м. Джуринъ было также
разграблено тѣми козаками, то довожу обѣ этомъ до вашего, ясне-

¹⁾ Коптево съ отрядомъ запорожцевъ находился тогда, во времена турецкой войны, въ русской армїи и стоялъ подъ Очаковомъ.

вельможный панъ благодѣтель, свѣдѣнія, дабы вы властію своею приказали и то мѣстечко мое Марковку вознаградить за причиненныя ему разоренія и потери по поданному тамошними жѣщанами, моими подданными, реестру.

Этимъ вы окажете истинную ко всѣмъ справедливость, которая служить украшеніемъ для самыхъ высокихъ должностей и которую я высоко цѣня въ вашей, ясновельможный панъ благодѣтель, особѣ, обязываюсь быть, съ глубокимъ уваженіемъ, вашимъ, ясновельможный панъ благодѣтель, нижайшимъ слугою.

Антоній Янѣ-Непомукъ, князь Святополкъ-Четвертинскій, стольникъ брацлавскій, шамбелянъ его королевской милости¹⁾.

16 іюня 1773 г.

Изъ Марковки.

Два магната, такъ лебезившиѣ теперь предъ копивымъ, раныше забѣгали съ жалобою и просьбою по тому-же дѣлу къ гайдамакъ, казнившему ихъ тысячами послѣ уманской рѣзни, кіевскому генераль-губернатору Федору Матвѣевичу Воейкову. Предъ нами письмо послѣдняго къ эконому одного изъ названыхъ магнатовъ, вѣкоему Радковскому, чрезъ котораго Воейковъ препровождалъ отвѣты графу Потоцкому и князю Четвертинскому. Письмо писано на польскомъ языкѣ, вполнѣ чисто и правильно. Безъ сомнѣнія на томъ-же языкѣ написаны были отвѣты и самимъ магнатамъ. Не можемъ не отмѣтить этого обстоятельства для характеристики русско-польскихъ отношеній того времени. Въ періодъ украинскаго восстанія 1768 г., когда польскимъ панамъ грозило поголовное избиеніе отъ разъяренныхъ крестьянъ, добивавшихся не чего либо другаго, а освобожденія отъ польского ига и подданства русской царицѣ, русскіе сановники обнаружили крайнюю заботливость о судьбѣ пановъ: Румянцевъ нѣжно оберегалъ и продовольствовалъ ихъ на лѣвобережье, князь Прозоровскій въ предѣлахъ Ново-Сербіи, Кречетниковъ на границѣ Украины и Волыни; русскія войска вводили Украину, задавили гайдамакъ и привели народъ въ покор-

¹⁾ Князь Антоній Четвертинскій перешелъ на службу ко двору императрицы, выдать свою дочь Марию, известную красавицу, за одного изъ русскихъ вельмож. П выстроилъ въ Одесѣ домъ на бульварѣ, въ которомъ теперь живутъ генераль-губернаторы.

ность панамъ. Тѣхъ и другихъ, помимо требовавій непонятной политики, связывали узы крѣпостничества и взглядъ на народъ, который для однихъ былъ «быдломъ», для другихъ «скотомъ». Но оберегаемые и спасаемые русскимъ оружiemъ польские паны, даже простые шляхтичи писали русскимъ сановникамъ не иначе, какъ на польскомъ языкѣ, а русскіе сановники отвѣчали имъ, какъ и въ данномъ случаѣ, на ихъ-же языкѣ. Приводимъ упомянутое письмо Воейкова въ переводѣ съ польского оригинала; оно имѣетъ ближайшее отношеніе къ дѣлу гайдамакъ.

Вельможныи, милостивыи панъ экономъ
Янушградскій!

Изъ вашего, вельможный панъ, письма, присланного изъ Мытницъ и приложенныхъ къ нему писемъ ясно-освѣдомленого князя Четвертинскаго и ясновельможнаго Потоцкаго освѣдомился я о жалобѣ вашей на грабежи, причиненные шайкою запорожскихъ козаковъ.

Изъ этой-то шайки пойманъ и доставленъ сюда одинъ, называемый Иванъ Трешотка.

Но какъ онъ на допросѣ здѣсь зачинщикомъ и предводителемъ во всѣхъ тѣхъ злодѣяніяхъ называется иѣкоего волошина Григорача, проживающаго въ новороссійской губерніи въ м. Орликѣ¹⁾, то, для вѣрнѣшаго разслѣдованія и розыска другихъ виновныхъ, онъ тотчасъ по доставлѣніи его сюда отосланъ въ новороссійскую губернскую канцелярію. Въ этомъ смыслѣ отвѣты мои я. о. князю Четвертинскому и я. в. Потоцкому посылаю на ваши, вельможный панъ, руки, а что по этому дѣлу послѣдуетъ, о томъ, по полученіи донесенія изъ новороссійской губернской канцеляріи, не премину уведомить васъ, оставаясь притомъ вашимъ, вельможнымъ панъ, покорнымъ слугою

Ф. де-Воейковъ.

7-го марта 1773 г. Кіевъ.

Какъ ни предупредителенъ былъ относительно князя Четвертинскаго и графа Потоцкаго грозный для гайдамакъ Воейковъ; но, видно, путь чрезъ него и новороссійскую канцелярію показался имъ кружнымъ, или вовсе не привелъ къ желаемой цѣли, и они, какъ

¹⁾ Нынѣ Ольвіополь, херсонской губерніи, елизаветградскаго уѣзда.

мы уже видѣли, предпочли обратиться къ непосредственному начальнику запорожцевъ, кошевому атаману П. И. Калнышевскому. Дѣло ихъ облегчилось еще тѣмъ, что какой-то жидъ корчмаръ, чрезъ своего знакомаго въ кошѣ, провѣдалъ и извѣстилъ, что многое на-грабленныхъ вещей отыскано у арестованныхъ козаковъ и ихъ пріятелей въ Орликѣ. Прибывши съ дозволенія кошеваго, находив-шагося тогда въ походѣ близъ Очакова, обиженные евреи и шлях-тичи, согласились окончить миромъ столь пагубное для части войска дѣло, и получить, вмѣсто потерянныхъ вещей въ натурѣ, денежное вознагражденіе, опредѣленное па сходкѣ куренныхъ атамановъ въ суммѣ 7,559 руб. 60 коп. 7-го юля 1773 г. потерпѣвшіе, по соб-ственному ихъ согласію, получили круглымъ счетомъ, серебряною монетою, 6,000 руб. и въ томъ выдали подъ присягою формальную квитанцію.

Такъ откупалась отъ польскихъ, жидовскихъ и другихъ пре-тензій запорожская старшина, оберегая честь «славнаго низового товариства» и спасая самое его существованіе, на которое занесенъ уже былъ грозный мечъ. Она примѣчала сбиравшуюся надъ сѣче-вымъ братствомъ грозу и хотѣла предотвратить ее; но не въ силахъ ея было ни сдержать «сиromашную голоту», которая не знала ни-чего, кромѣ борьбы съ своими традиціонными врагами, ни остано-вить разношерстной голытьбы, наплывавшей въ Сѣчь изъ обѣихъ Украинъ, Волыни, Подолья, Полѣсія, Бѣлоруссіи и даже съ бере-говъ Дуная отъ волоховъ, сербовъ, ариаутовъ и другихъ.

Бдительности сѣчевой администраціи относительно гайдамакъ или выходившихъ изъ Сѣчи, или скрывавшихся на ея території неодолимую преграду поставляли безмѣрныя степныя пространства, непроходимыя плавни и камыши, масса грацитныхъ островковъ, по-роговъ на Днѣпрѣ и Бугѣ и сотни балокъ и пещерь, служившихъ надежнымъ приютомъ какъ для самихъ гайдамакъ, такъ и для сво-зимой ими добычи. Что могли затаить при этомъ требуемый выше контроль благонамѣренной старшиной, разъезды и обѣзыды надеж-наго «товариства» въ такихъ дебряхъ и пустыняхъ? Надо было пройти многія сотни верстъ прежде, чѣмъ отыскать какіе либо слѣды гайдамакской шайки или случайно встрѣтить ватагу на пути. Но, при первомъ появленіи разъездовъ въ «вольностяхъ» запорож-скихъ, опытные гайдамаки въ мигъ превращались въ рыболововъ,

охотниковъ на звѣря и куропатниковъ, сторожей и рабочихъ въ зимовникахъ, или даже самыхъ хозяевъ зимовниковъ и пасѣкъ. Отъ Сѣчи требовали невозможнаго. Гайдамачество видѣли только въ исй, а центръ его лежалъ далеко виѣ Сѣчи—въ политическомъ и соціальномъ положеніи русскихъ областей, входившихъ въ составъ Польши. Надо было измѣнить это положеніе сообразно обозначившимся съ ясностю народнымъ стремленіямъ, и гайдамаки исчезли-бы сами собою; но это было выше пониманія людей того времени, злавшихъ только интересы шляхты или дворянства и не доросшихъ до понятія объ интересахъ народныхъ. Зло однако было слишкомъ очевидно и разрослось слишкомъ широко, чтобы не принять относительно его мѣръ рѣшительныхъ. Рѣшили уничтожить то, въ чемъ видѣли корень зла, т. е. сѣчевое братство, или гидру своеволія и разбоевъ, какъ тогда выражались. Уничтожили и разорили Сѣчь; гайдамачество ослабѣло, но не уничтожилось, пережило самую Сѣчь и жило еще долгіе годы, пока не ослабѣли, хотя отчасти, причины его вызвавшія и ему благопріятствовавшія, пока не заселились новыми поселенниками «вольности» запорожскія, пока не разбрелось и не вымерло все, что, не смотря на свою простоту, имѣло высшія представленія о свободѣ и личности человѣка, нежели правители виѣшней и внутренней политики, пока наконецъ не выросли новые поколѣнія, которые воспитались въ понятіяхъ рабства и которымъ пришлось жить подъ новымъ, болѣе крѣпкимъ режимомъ.

Послѣ того, что сказано нами о широкихъ размѣрахъ и силѣ гайдамачества, о тѣхъ глубокихъ корняхъ, какие оно пустило на Запорожье и Украинѣ, и безуспѣшности принимавшихъ противъ него правительствомъ и сѣчевою администрациєю мѣръ, жалкими показутся тѣ слабыя попытки, какія дѣлало для обузданія его польское шляхетство, наиболѣе отъ гайдамакъ терпѣвшее. Петрудная въ сущности борьба съ этими попытками составляетъ любопытный оттѣнокъ гайдамакихъ подвиговъ. Два-три слова объ пемъ и тѣмъ закончимъ наши случайныя, болѣе надлежащаго, можетъ быть, разлірренія замѣтки о гайдамакахъ, по поводу представленныхъ объ нихъ несколькихъ документовъ. Польская молодежь, преимущественно полу военная, такъ называвшаяся товарищи «гвардії народовой», сыновья богатыхъ помѣщиковыхъ, конио съ копьями и саб-

лями дѣлали нерѣдко «подъѣзды» на Запорожье. Гайдамаки любили охотиться на нихъ и поджидали ихъ, какъ желанныхъ гостей: засѣвъ гдѣ нибудь въ балкѣ или въ лѣсу, они бросались на нихъ съ отвагой и увѣренностью, брали часто въ пленъ и выпускали на свободу за богатый выкупъ. Объ одномъ такомъ плѣннику гайдамаки, по обычаю, сложили и пѣсеньку:

Панъ старосцицъ Козерадзкій¹⁾),
Винъ ѹвъ хлібъ нашъ гайдамацкій.
Якъ пустили панича,
Безъ окупу и могорича,
То до дому такъ погнавъ,
Що й спасыби не сказавъ.

А. Скальновскій.

¹⁾) Старосцицъ, сынъ старости; *Kozic-Rady*, помѣстье въ Велико-Польшѣ. Извѣстно, что старостами, т. е. владѣльцами коронныхъ имѣнъ бывали толькомагнаты и главные земскіе чины.

Библіографія.

Александр Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Кн. I—IV.

Спб. 1881—1884 г.

Читатели наши не разъ, вѣроятно, уже встрѣчались съ названиемъ этого изданія въ газетныхъ объявленіяхъ и ссылкахъ въ другихъ работахъ. Оно громадно по объему, дорого по цѣнѣ, специально по назначению и по всему этому мало кому доступно. Мы не имѣли доселѣ случая поговорить о немъ, а теперь приступаемъ къ нему тѣмъ охотѣ, что въ вышедшемъ въ концѣ прошлого года IV томѣ его помѣщено много материаловъ, касающихся истории южной Руси.

Настоящій представитель древнаго рода бояръ Шереметевыхъ, просвѣщенный графъ С. Д. Шереметевъ, полковникъ и флигель-адъютантъ, задумалъ лѣтъ пять назадъ доброе и, къ сожалѣнію, очень рѣдкое у насъ дѣло — почтить свой славный родъ военпропагандой его жизни и дѣяній и тѣмъ послужить общему дѣлу разработки нашей исторической науки. Матеріала для этого въ его фамильномъ архивѣ, какъ показываетъ самое изданіе, находилось много, въ средствахъ для изданія онъ не поскупился, а для научной работы нашелся у него достойный дѣятель А. Н. Барсуковъ, известный, какъ и братъ его Н. Н., многими цѣнными своими изслѣдованіями по русской истории. Иллюстрации щедрости просвѣщенаго графа и кронотактной, умѣлой работы г. А. Барсукова явдается названиее капитальное изданіе, доведенное впрочемъ едва-ли и до половины.

Прежде всего оно бросается въ глаза своей выфиней роскошью: напечатано на прекрасной бѣлой плотной бумагѣ in quarto, крупнымъ и красивымъ шрифтомъ, снабжено отчетливыми и точными снимками съ картинъ и рукописей XVI и XVII вѣка во всю ихъ естественную

величину и закончено довольно обстоятельными, личными, географическими и предметными, указателями, которые, къ сожалѣнію, не принято у насъ прилагать къ такимъ изслѣдованіямъ и которые не всегда можно встрѣтить даже и въ изданіяхъ съ сырымъ материаломъ.

Внѣшности книгъ вполнѣ соответствуютъ ихъ содержаніе; это—исторія богатаго и знатнаго боярскаго рода, близкаго ко двору великихъ князей и государей, стоявшаго у корнила правленія и исполнявшаго всегда важныи государственные обязанности. Исторія рода Шереметевыхъ есть иѣкоторымъ образомъ и исторія русскаго государства; съ этой точки зрупія смотрѣть на свою задачу и г. Барсуковъ и, руководясь ею, излагаетъ съ большими или меньшими подробностями всѣ политическія событія въ тогдашней жизни Россіи, въ которыхъ принималъ участіе тотъ или другой членъ этого рода. Авторъ выпустилъ уже въ свѣтъ четыре объемистыя книги (около 450 страницъ каждая) своей исторіи, но довѣль ее лишь до первой половины царствованія Алексѣя Михайловича.

Первый томъ, вышедший въ 1881 году, содержитъ въ себѣ разсказъ о службѣ Шереметевыхъ съ конца XIII вѣка при князѣ Даниилѣ Александровичѣ и до смерти Иоанна Грознаго, отъ гнѣва котораго иѣкоторымъ изъ нихъ пришлось претерпѣть. Съ первого появленія своего въ Россіи, Шереметевы то начальствуютъ надъ ратными людьми, то принимаютъ иноземныхъ пословъ; то сами отправляются къ соседнимъ государямъ въ качествѣ пословъ для заключенія мирныхъ договоровъ. Иѣкоторые изъ нихъ участвуютъ въ войнахъ съ Польшей и Литвой и потому имена ихъ очень часто встрѣчаются въ западно-русскихъ и польскихъ памятникахъ; они играютъ нерѣдко роль и въ судьбахъ южной Руси, и съ этой стороны сочиненіе г. Барсукова приобрѣтаетъ значеніе и интересъ для мѣстнаго историка. Въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе важенъ второй томъ, обнимающій время отъ смерти Грознаго и до 1662 года; таѣ, въ немъ разсказывается между прочимъ, объ управлѣніи Федора Ивановича Шереметева черниговскимъ воеводствомъ, куда онъ былъ назначенъ Годуновымъ, хотя скоро лишился довѣрія у подозрительнаго царя Бориса и былъ имъ сосланъ въ Сибирь. Другой изъ Шереметевыхъ, Петръ Никитичъ, отправленъ былъ, передъ приходомъ Лже-Дмитрия I, противъ крымскихъ татаръ въ сѣверскую землю; онъ держался стороны Годунова до самой смерти послѣдняго и только въ Тулѣ призналъ самозванца царемъ. Въ третьемъ томѣ сообщаются подробности о службѣ Шереметевыхъ до 1650 года. Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ изъ ихъ рода, именно Василиемъ Борисовичемъ, который, послѣ своего воеводства въ Сибири, былъ назначенъ царемъ въ

главные воеводы подъ отрядами, расположеннымми въ нынѣшней курской губерніи для защиты русской южной окраины отъ набѣговъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Назначеніе это совпало съ тѣмъ временемъ, когда начались переговоры Хмельницкаго съ царемъ о присоединеніи Малороссіи. Дѣятельность Шереметевыхъ въ этихъ обстоятельствахъ составляетъ содержаніе четвертаго тома. Приступая къ изображенію онай, г. Барсуковъ останавливается на двухъ важнѣйшихъ фактахъ того времени: смерти Хмельницкаго и разрывѣ между патріархомъ Икономъ и Алексѣемъ Михайловичемъ; на послѣднемъ фактѣ потому, что патріарху Икону въ дѣлѣ возсоединенія Малороссіи принадлежитъ немаловажное значеніе, ибо только подъ вліяніемъ его царь Алексѣй Михайловичъ окончательно рѣшился принять Хмельницкаго подъ свою высокую руку и вести войну съ Польшей и крымскимъ ханомъ, только вслѣдъ долгаго совѣщенія царя съ патріархомъ отправлены были, наконецъ, въ 1653 году царская и патріарчная грамоты къ Хмельницкому о принятіи его въ подданство. Совѣты русскаго посла въ Варшавѣ, князя Бориса Репнина, сдѣлать уступки требованіямъ запорожцевъ не имѣли успѣха; между тѣмъ поляки вошли въ соглашеніе съ крымскимъ ханомъ и тотъ далъ имъ слово или въ конецъ разорить Украину, или подчинить ее Польшѣ подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что паны помогутъ ему завоевать Астрахань. Нужно было охранять южную границу, и это важное дѣло было поручено Василію Борисовичу Шереметеву, съ подчиненіемъ ему воеводъ другихъ окраинныхъ городовъ, а также «черкасъ», т. е. козаковъ. Назначалось приведеніе присоединяющихся къ присягѣ, а между тѣмъ на другихъ пунктахъ Украины открывалась война. Для защиты Кіева отъ Польши посланы были Куракинъ и Волконскій; но когда наступила война, когда польскія войска облегли многіе южно-русскіе города, когда Умань, защищаемой полковникомъ Богуномъ, грозила опасность со стороны гетмана Чарнецкаго, а въ г. Константиновѣ, на Волыни, стояль другой гетманъ на готовъ, государь направилъ въ Кіевъ В. В. Шереметева въ помощь Богдану Хмельницкому. Но прежде, чѣмъ онъ достигъ Кіева, по измѣнившимся обстоятельствамъ войны, ему указано было отъ царя двинуться въ Вѣлу-Церковь, а оттуда въ Чигиринъ на соединеніе съ Хмельницкимъ. Въ это время коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій, обходя Богуна, направился чрезъ Врацлавъ къ Кальнику и осадилъ Умань, где сидѣлъ тогда Томиленко. Шереметевъ и Хмельницкій должны были идти къ нему на выручку; но у Охматова ихъ окружили со всѣхъ сторонъ поляки и они съ трудомъ, при подсозѣвшей помощи Богуна, могли пробиться обратно къ Вѣлой-Церкви. Недовольный исходомъ столкновенія, царь отозвалъ Шереметева изъ Украинъ въ 1655 году

но долговременное пребывание этого умного воеводы въ Украинѣ дало ему возможность понять особенность положенія въ то время Малороссіи и личный характеръ и стремленія народнаго вождя, желавшаго знать одного царя и одну его волю; сдерживая въ себѣ деспотизмъ, которому давали большую свободу его предшественники, онъ снискалъ себѣ любовь въ средѣ народа и у Хмельницкаго. Въ доказательство этого г. Барсуковъ приводитъ неизданное до сихъ поръ письмо гетмана къ воеводѣ, дышащее теплымъ чувствомъ, какое связывало этихъ двухъ выдающихся людей своего времени. Содержаніе письма важно также и потому, что въ немъ сообщаются политическая известія: о неудавшемся нападеніи поляковъ на Кіевъ, о грабежахъ татаръ въ Брацлавщинѣ и о необходимости послать на Крымъ донскихъ казаковъ и калмыковъ, чтобы предупредить соединеніе хана съ поляками (стр. 157—159). Добрая память о Шереметевѣ въ Украинѣ выразилась по смерти Хмельницкаго; украинцы просили царя прислатъ Василія Борисовича для устроенія смуты въ Малороссіи.

Кромѣ указанныхъ съдѣній въ трудахъ г. Барсукова есть не мало цѣнныхъ данныхъ и для истории європейской Руси; тутъ сообщаются подробности о завоеваніи русскими Смоленска, Витебска, Минска, Вильны, Полоцка, Динабурга, Дерита и Коненгаузена, говорится о намѣреніи даже царя идти подъ Варшаву; въ завоеваніи вышеозначенныхъ городовъ принимаютъ участіе и малороссійское казачество подъ начальствомъ нѣжинскаго паказнаго полковника Василія Золотаренка, брата паказнаго гетмана Ивана Золотаренка. Но именно въ эту пору и здѣсь между ратными людьми и казаками обнаружились столкновенія и споры; русские воеводы обвинили казаковъ въ грабежахъ мирнаго населенія; казакіе старшины постоянно жаловались на насилия русскихъ начальниковъ, позволявшихъ себѣ гнать ихъ изъ домовъ, грабить имущество, «рѣзать хохлы и бить внурами». Ночинъ всѣхъ споровъ авторъ приписываетъ казакамъ, разыщиеніе которыхъ по квартирамъ царь всѣльтъ всѣдѣстїе этого дѣлать на далекомъ разстояніи отъ мѣста расположенія московскаго войска. Любопытныя данныя сообщасть авторъ о состояніи православія въ Витебскѣ и даетъ при этомъ снисокъ всѣхъ церквей, которыхъ «учинены униѣми», или прямо обращены въ костелы. Всѣ эти факты авторъ передаетъ потому только, что въ нихъ дѣйствующими лицами были то тотъ, то другой представитель рода Шереметевыхъ; чаще-же всего встречается излюбленный малороссами Василій Борисовичъ Шереметевъ, то какъ полководецъ, то какъ дипломатъ.

Вообще содержаніе книги г. Барсукова очень богато данными тѣхъ исторій южной Россіи Жизней пыскавъ автора, пересыпаный лѣто-

писными и актовыми меткими словами и выражениями, читается легко и съ удовольствиемъ; но особенно книга цѣнна тѣмъ, что изобилуетъ цитатами изъ неизданныхъ доселѣ памятниковъ, представляющихъ высочайшій интересъ: изъ рукописей Московскаго главнаго архива министерства юстиціи, изъ архива министерства иностраннаго дѣлъ, изъ неизданныхъ хроникъ XVII вѣка, хранящихся въ Императорской публичной библіотекѣ и проч. Многія подробности, такимъ образомъ, становятся известными лишь съ выходомъ въ свѣтъ настоящей книги.

Если затѣмъ, при всѣхъ вышнихъ и внутреннихъ достоинствахъ, почтенный трудъ г. Барсукова имѣть свою слабую сторону, то это развѣто, что въ немъ домашней жизни рода Шереметевыхъ удѣлено весьма мало мѣста; она совершенно ускользаетъ изъ глазъ читателя въ изображеніи служебной дѣятельности представителей этого рода. Упоминаются, правда, такие частные факты, какъ рожденіе, женитьба или смерть того или иного члена этой семьи; но не собрано тѣхъ мелкихъ данныхъ, изъ которыхъ слагается, такъ сказать, будничная жизнь человѣка и изъ которыхъ чертиль свои богатыя картины домашняго быта такой изслѣдователь, какимъ явился у насъ впервые И. Е. Забѣлинъ. Въ книгѣ г. Барсукова мы не видимъ ничего, что свидѣтельствовало-бы о духовныхъ интересахъ и нуждахъ этихъ знатныхъ бояръ, не имѣемъ свѣдѣній объ ихъ воспитаніи, хозяйствѣ, будничной жизни, обстановкѣ дома, удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, не знаемъ, какъ распоряжались они въ своихъ имѣніяхъ, какъ относились къ своимъ крестьянамъ и сосѣдямъ по имѣнію и проч. Много этого рода данныхъ разбросано то тамъ, то сямъ въ сочиненіи; но будь они собраны вмѣстѣ, получилась-бы обстоятельная и яркая картина той именно жизни, которая вырабатываетъ характеры и привычки, которые переносятся потомъ въ общественную среду и вліаютъ на складъ ея, испытывая, въ свою очередь, взаимодѣйствіе среды на себѣ. Однимъ словомъ, если служебная исторія рода Шереметевыхъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы сказали, и исторія русскаго государства, то исторія домашняго быта была-бы вмѣстѣ и бытовой исторіей боярскаго сословія. У насъ до сихъ поръ никакъ не могутъ уловить и опредѣлить точно сословный или народный характеръ,—и неудивительно, мало занимаются бытовой исторіей. Впрочемъ высказанное нами замѣчаніе окажется, быть можетъ, преждевременнымъ, такъ какъ работа далеко еще не окончена и указанный проблемъ можетъ восполниться въ слѣдующихъ томахъ.

И. Каманинъ.

A. A. Матвеевъ. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Южной Россіи. Одесса 1884 года.

Это изданіе распорядительного комитета VI археологического съезда, бывшаго въ Одессѣ въ минувшемъ году. Мы не говорили о немъ въ свое время, ожидая общаго изслѣдованія того-же автора по вопросу объ антропологическихъ изысканіяхъ въ новороссійскомъ краѣ, которое имъ обѣщано, но не явилось доселѣ. Скажемъ иѣсколько словъ теперь, чтобы въ ожиданіи большаго не оставить безъ вниманія меньшаго.

Руководствъ по археологии вообще и по кургановѣдѣнію въ частности у насъ иѣть почти вовсе, а вниманіе къ археологическимъ изслѣдованіямъ, интересъ къ раскопкамъ, съ каждымъ годомъ растетъ и поддерживается въ значительной степени periodически повторяющимъся археологическими съездами. Чтобы помочь людимъ, посвящающимъ свой досугъ и средства археологическимъ изысканіямъ, особенно новичкамъ и начинающимъ въ этомъ дѣлѣ, авторъ и предпринялъ настоящій небольшой свой трудъ, составляющей лишь незначительную часть приготовляемой, какъ мы сказали, къ печати общей работы.

Прежде всего это не самостоятельный трудъ специалиста, но сводъ и переработка данныхъ, добытыхъ другими археологами, составленные съ практическою цѣлью дать пригодное руководство желающимъ заняться производствомъ раскопокъ съ научною цѣлью. Сообразно этому, сводъ начинается указаниемъ на два типа земляныхъ насыпей, подвергающихся раскопкамъ: на могилы-курганы и городища.

Первый типъ авторъ рассматриваетъ по видамъ: каменному, бронзовому и желѣзному, опредѣляетъ территорію вида или рода могилъ, причемъ описываетъ вицѣній видъ ихъ, окружающую местность, внутреннюю обстановку и содержаніе и наконецъ пріурочиваетъ могилы къ известному времени и племени. Авторъ сообщаетъ при этомъ общую инструкцію для курганной экскурсіи, составленную имъ самимъ, и специальную инструкцію для изслѣдованія кургановъ, составленную комиссией, назначеннай З-мъ археологическимъ съездомъ и разработанную позже профессоромъ Самоивасовымъ, заѣмъ антропологическую инструкцію профессора А. И. Богданова и наконецъ инструкцію для излѣдованія каменныхъ гробовъ и древнихъ кладбищъ съ обосблѣнными урнами.

Въ связи съ вопросомъ о курганахъ южной Россіи авторъ ставить вопросъ о тѣхъ «безсмѣнныхъ стражахъ стенныхъ могилъ», каменныхъ бабахъ, о которыхъ до сихъ поръ мы не знаемъ ничего опредѣленнаго, были-ли они «надгробными изображеніями покойниковъ, скрытыхъ въ тѣхъ-же курганахъ, или изображеніями божества незнамѣаго пантекона»

невѣдомыхъ кочевниковъ древности». Говоря о каменныхъ бабахъ, авторъ знакомить съ наружнымъ видомъ извѣстныхъ до сихъ поръ экземпляровъ и сообщаетъ данные объ ихъ территориальномъ распространеніи; здесь онъ также даетъ программу для собирания свѣдѣній о каменныхъ бабахъ, изданную графомъ А. С. Уваровымъ ради потребностей императорскаго московскаго археологическаго общества.

Второй типъ земляныхъ насыпей—городища, подраздѣляющіяся на собственно-городища, городки, сторожевые городища и валы, разматривается также подробно, какъ и предыдущіе археологическіе памятники, по родамъ и видамъ, и для изслѣдованія этого типа въ свою очередь предлагается авторомъ инструкція, выработанная ученой группой уже комиссией на третьемъ археологическомъ съездѣ въ Кіевѣ.

Касаясь того или другаго типа насыпей, авторъ приводитъ въ винкосахъ всѣ болѣе или менѣе важныя, напечатанныя о нихъ, статьи и отдельные сочиненія и заключаетъ это въ приложенияхъ краткимъ спискомъ кургановъ въ Новороссії и по Дону, давая такимъ образомъ матеріалъ для археологической карты южной Россіи, а также списокъ вопросовъ по русской курганографіи, поставленныхъ въ программахъ на шести русскихъ археологическихъ съездахъ.

Изъ изложенія видно, что брошюра г. Матв'єва, представляя собою полный сводъ всѣхъ свѣдѣній, необходимыхъ при производствѣ раскопокъ, можетъ быть настольной книгой для людей знакомыхъ уже съ этимъ дѣломъ и тѣмъ болѣе руководствомъ для начинающихъ заниматься археологіей. Для этихъ двухъ цѣлей можетъ смѣло рекомендовать умѣю и добросовѣтно составленный г. Матв'євымъ обзоръ. Намъ остается за симъ пожелать, чтобы и все его сочиненіе отличалось тѣми-же качествами ясности и систематизаціи и было бы столь-же богато свѣдѣніями по части нашей юной археологіи, столь необходимыми у насъ, при отсутствіи въ нашихъ университетахъ каѳедръ по этой науцѣ, и чтобы свѣдѣнія этого рода обнимали не одну Новороссію, но касались-бы и другихъ частей нашего отечества, особенно-же Малороссіи, столь богатой курганами и могилами, важными для историко-археологическихъ изслѣдованій.

И. Каманинъ.

Рассказы изъ русской истории XVIII в. по архивнымъ документамъ. А. Барсукова. Спб. 1885 г.

Тотъ-же г. Александръ Барсуковъ, который ведетъ многотомное, богатое научными достоинствами и роскошное по видѣнности издание «Родъ Шереметевыхъ», выступаетъ съ интересною книгою «Рассказовъ изъ русской истории». Всѣхъ рассказовъ въ книжѣ шесть: пять въ обыкновенной повѣстовательной формѣ, одинъ въ формѣ письма къ издателю «Русского Архива». Четыре изъ нихъ имѣютъ эпизодический характеръ и сюжеты ихъ заимствованы изъ стѣдственныхъ дѣлъ, производившихся въ Тайной Экспедиціи о разныхъ лицахъ, обвинявшихся по разнымъ поводамъ въ государственныхъ преступленіяхъ; таковы разсказы: «Іоасафъ Батурина», «Узникъ Спасо-Евоніміева монастыря», «Батюшковъ и Оночниковъ» и «Шкловскіе авантюристы». Рассказъ «Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ» въ сущности есть самостоятельный біографический очеркъ этого могущественнаго въ свое время временщика; къ нему присоединенъ коротенький разсказъ: «Гатчинскія преданія объ Орловѣ», записанный со словъ старого гатчинскаго солдата.

Всѣ вообще разсказы написаны живо и умно, читаются легко и съ большимъ интересомъ; въ особенности завлекаетъ мастерской очеркъ личности кн. Гр. Гр. Орлова, обнаруживающей въ авторѣ большое знаніе той эпохи, обширную начитанность, знакомство съ рѣдкими источниками, русскими и иностранными, печатными и рукописными.

Описываемыя въ разсказахъ происшествія и лица относятся къ царствованіямъ императрицы Елизаветы и Екатерины II, а главнѣйший ихъ интересъ, которымъ они и подкушаютъ читателя, въ политическомъ ихъ оттѣнкѣ, въ рѣзкомъ переломѣ въ судьбѣ людей, по своему счастливыхъ и обезнеченныхъ, но заканчивающихъ жизнь въ печальномъ заключеніи и даже погибельствѣ. Есть-ли въ этомъ строго-исторический интересъ,—другой вопросъ; но разсказы о такихъ лицахъ и происшествіяхъ всегда будутъ привлекать къ себѣ предпочтительнѣе предъ скромными, скучными подъ часъ сюжетами изъ внутренней нашей исторіи, изъ жизни самого народа. Въ этомъ, помимо болѣе или менѣе заманчивой формы, помимо искуснаго и дѣльного изложенія, заключается секретъ успѣха, какой имѣютъ этого рода разсказы и какой несомнѣнно должны имѣть появившіяся теперь разсказы г. Барсукова.

Тяжелое однако чувство остается въ душѣ по прочтеніи этихъ разсказовъ. Всѣ лица, выведенныя г. Барсуковымъ, ихъ проступки и судьба.

Подпоручикъ ширванскаго пѣхотнаго полка Іоасафъ Батурина въ 1740 г. по просьбѣ пребывавшаго тогда въ Москвѣ обнаруживаетъ неясный

замыслъ на совершение государственного переворота низверженіемъ съ престола императрицы Елизаветы и возвведеніемъ на престолъ великаго князя Петра Освѣтовича и за это послѣ 4-хъ лѣтъ ареста попадаетъ въ Шлиссельбургъ, оттуда, послѣ 16-лѣтнаго безвѣстнаго заключенія, за полуумный письма на имя Екатерины и давно умершаго Петра III, врученныя караульнымъ для доставки по адресу, ссылается вѣчно въ Большерѣдкій острогъ, тамъ принимаетъ участіе въ бунтѣ Беніонскаго и погибаетъ въ стычкѣ съ китайцами.

Отставной бригадиръ баронъ Ашъ въ октябрѣ 1777 г. представляетъ состоявшему уже не у дѣла временному царствованію Елизаветы Н. И. Шувалову письмо умершаго отца своего, бывшаго петербургскаго почтъ-директора, въ которомъ этотъ постѣдній увѣрился Шувалова, что онъ есть сынъ императрицы Анны Ioанновны отъ Бирона, а слѣд. законный наследникъ русскаго престола, и предлагается къ его услугамъ для возведенія его на престолъ сына своего, подателя письма. Письмо это, суть котораго бригадиръ Ашъ отстаиваетъ горяче на допросахъ, приводитъ его къ заключенію въ Дюнамюндскую крѣпость, а новые допросы по его содержанію при имп. Павлѣ I-мъ къ «неисходному содержанію» въ сузdalскомъ Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ, гдѣ онъ и умеръ 80-лѣтнимъ старцемъ, въ начатѣ слѣдующаго царствованія, на порукахъ бывшаго тогда владимирскаго губернаторомъ, извѣстнаго писателя, князя И. М. Долгорукова.

Отставной гвардіи корнетъ Илья Батюшковъ 25ти лѣтъ, страдавшій помѣшательствомъ, и малосмысленный подпоручикъ Александръ Опочининъ 17ти лѣтъ, по частному доносу, обвиняются въ томъ, что говорили между собою и съ другими всякой вздоръ, начиная съ того, что Опочининъ есть сынъ англійскаго короля и имп. Елизаветы Петровны, и кончая тѣмъ, что Гр. Гр. Орловъ хочетъ обвииняться съ имп. Екатериной II въ стать императоромъ, но что они, корнетъ и подпоручикъ, могли-бы его убить, императрицу низвергнуть и вместо нея возвести на престолъ великаго князя Павла Петровича. Послѣ тщательнаго съ пристрастиемъ допроса оба они ссылаются въ Сибирь—первый на казенные работы, а второй на службу въ гарнизонѣ на прышицкой линії.

Не правда ли, удобные и благодарные для рассказа сюжеты? Прибавьте къ nimъ подробноти тогдашняго ареста, заключенія и суда, распросныя и перекрестныя рѣчи, генізбѣжныя нытки, крайнюю подозрительность слѣдователей и судей, «продерзостныя и несуристойныя слова» противъ высокихъ и высочайшихъ особъ, противорѣчіе въ сумбурѣ въ показаніяхъ, вырванныхъ изъ-подъ нытви, и затѣмъ лишеніе всего, ссылку въ Нерчинскъ или Мангазею, тяжкія оковы, вѣчныя работы,

или «неисходное содержание» въ Шлиссельбургѣ, Гогервикѣ и т. под. Во всемъ этомъ такъ много соли, остроты, тутъ каждый эпизодъ—цѣлая драма, высоко поднимающая нервы. Вспоминаются невольно пережитое въ счастію время грознаго «слова и дѣла», дворцовыхъ переворотовъ, неустановившагося государственного порядка, сильныхъ временщиковъ, безумной роскоши и веселія однихъ, страданій и голодаія другихъ. И ото всего этого, говоримъ мы, тяжелое чувство гнететъ душу. Достойно примѣчанія, что въ каждомъ изъ трехъ названныхъ разсказовъ исходнымъ пунктомъ и крайнею цѣлью «злодѣйственныхъ рѣчей» служатъ временщики: Разумовскій, Шуваловъ, Орловъ и что въ говорящихъ эти рѣчи усматриваются тогда-же или впослѣдствіи «увредительство». Такихъ «поврежденныхъ въ умѣ» людей много разсыпалось тогда и въ наши южные монастыри на «неисходное содержание подъ крѣпкимъ карауломъ».

Въ числѣ разсказовъ, предложенныхъ г. Барсуковымъ, есть одинъ, который входитъ въ сферу нашихъ изслѣдований и ради которого мы заговорили о вышедшей книгѣ. Опять озаглавленъ: «Шкловскіе авантюристы» и выдвигается одного изъ сербскихъ авантюристовъ, невольно напоминающаго тѣхъ его соотчичей, которые призваны были колонизовать наши дикия мѣста, привить намъ высшую культуру и отъ которыхъ остались одни громкіе титулы, да щедро розданный имъ земли. Главнымъ героямъ этого разсказа является темная личность генераль-адютанта Семена Гавриловича Зорича, а мѣстомъ дѣйствія мѣстечко Шкловъ, пылѣ могилевской губерніи. Читатель припомнить при этомъ ту вѣковую борьбу, которая происходила въ этихъ мѣстахъ на почкѣ вѣронивѣдной и племянной между кореннымъ белорусскимъ и преобладающимъ польскимъ населеніемъ и мелкѣ случаи которой именно въ Шкловѣ и сосѣднихъ Ориѣ, Могилевѣ и Лоевѣ рѣзкими чертами отмѣтилъ въ своей безхитростной автобиографіи о. Илія Турчиновскій¹⁾). Въ то время, къ которому относится разсказъ о «Шкловскихъ авантюристахъ», Бѣлоруссія только была присоединена къ Россіи, по первому раздѣлу Польши, и православно-русское населеніе опой чаяло легче вздохнуть подъ русскимъ скіннетромъ отъ тяжкихъ притѣснений польскихъ паповъ и римского духовенства. Можно было ждать особыхъ для этого мѣръ со стороны новаго правительства, особыхъ владѣтелей и правителей, которыхъ дѣятельность была бы посвящена облегченію участія забитаго и загнаннаго народа. Между тѣмъ вотъ что дасть намъ указанный разсказъ о судьбѣ одного изъ названныхъ уголковъ

¹⁾ См. «Кievскую Старину» 1885 г., февральск. кн., стр. 318—333.

В'єлоруссії. Владельцемъ Шилова становится сербскій авантюристъ Зоричъ, 11 мѣсяцевъ бывшій въ «случаѣ» при Екатеринѣ, обдаренный чинами и орденами, деньгами и землями и затѣмъ удаленный отъ двора. Сама императрица покупаетъ для него у князя Адама Чарторижскаго Шиловъ за 450 т. р., а онъ превращаетъ этотъ изстрадавшійся уголокъ въ мѣсто безумнаго разгула, пьянственныхъ оргій и наконецъ притонъ для выдѣлки и сбыта на громадныя суммы фальшивыхъ ассигнацій, въ чемъ и самъ, по собственнымъ словамъ благодѣтельствовавшей ему императрицы, оказался виновникомъ и участникомъ. Главные орудователи въ этомъ дѣлѣ, которыхъ приютилъ у себя Зоричъ, италіанскіе выходцы, братья Аннібалъ и Маркъ графы Зановичи, были высланы за-границу, дѣло Зорича замято; тѣмъ все и кончилось. Зоричъ завелъ въ Шиловѣ училище, нѣчто въ родѣ кадетскаго корпуса для дѣтей польской шляхты, но директоръ этого училища, французъ Салморанъ «представлялъ ему комедіи и оперы и самъ сочинялъ тѣ комедіи», а жена его, бывшая актриса, также шѣла, играла на клавикордахъ, представляла комедіи для гостей и за все это поискивала въ концѣ концѣвъ съ Зорича 10 т. р. Училище имѣло 10 учителей и 60 кадетъ, а какова была въ немъ нужда, видно изъ того, что, по разсказу самого директора, экономъ однажды, «отнавъ у женщины, среди улицы, корову, привелъ ее на кухню, велѣль убить и сдѣлать для кадетъ обѣдъ и ужинъ». Въ разсказѣ введена масса лицъ, связанныхъ съ судьбою Зорича: русскихъ, поляковъ, жидовъ, французовъ, и это даетъ ему большое разнообразіе, живость и пикантность. Какъ характеристику этихъ авантюристовъ и самого мѣста, авторъ приводитъ, въ видѣ эпиграфа, слова изъ «Путешествія въ Кіевъ» московскаго митрополита Илліона, которыми и мы закончимъ обзоръ весьма интересной книги г. Барсукова. «Прѣхали мы, пишетъ митрополитъ, славное мѣстечко Шиловъ, но оного осмотрѣть не могли, а только слышали, что зреїніемъ таковыхъ жителей оскорбились-бы и изоръ, и духъ нашъ».

К. Цыбульский.

Александръ Андріевскій. Історическіе матеріали изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 9-й. Кіевъ. 1885 г.

Содержаніе настоящаго выпуска «Історическихъ Матеріаловъ» столь же разнообразно, какъ и всѣхъ предыдущихъ выпусксовъ. Почтенный издатель, какъ было уже не разъ замѣчено, не держится въ подборѣ печатаемыхъ документовъ предметнаго или иного порядка, а помѣщаетъ все, что сколько нибудь цѣннаго и въ цѣльномъ видѣ находить въ раз-

разненыхъ и неполныхъ архивныхъ дѣлахъ, сортируя уже извлечениое по роду дѣлъ и по годамъ.

Цѣлая треть настоящаго выпуска отведена дѣламъ, касающимся кіево-межигорского монастыря, подъ общей рубрикой «Межигорская Старина». Дѣла эти печатались въ «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», были и отдельные съ нихъ отиски и обѣ нихъ было сказано въ одной изъ предшествовавшихъ книгъ нашего журнала. За пими слѣдуетъ дѣло «о воровствахъ въ кіево-фроловскомъ женскомъ монастырѣ», потому извлечениія изъ дѣлъ о гайдамакахъ, иѣсколько дѣлъ о припискѣ кіевскихъ мѣщанъ въ казаки, два дѣла изъ разряда погра-ничныхъ, переписка о казенному виноградномъ садѣ, два дѣла о чародѣйствахъ и наконецъ такъ названная издателемъ «Архивная смѣсь», т. е. отдельныя архивныя бумаги, какъ напр. циркуляръ графа Румянцева, 1785 года, о встрѣчѣ графа Воронцова и Нарышкина, назначенныхъ ревизорами въ кіевское, черниговское и новгородъ-сѣверское намѣстничества, запись о расходѣ по дому главнаго народнаго училища въ Кіевѣ, публикаціи о розыскѣ бѣглыхъ монаховъ и проч.

Мы не будемъ передавать содержанія всѣхъ исчисленныхъ дѣлъ, изъ которыхъ большинство имѣютъ слишкомъ частное и условное значеніе для занимающихся хѣстною исторіею, а иныя, какъ напр. дѣло о воровствахъ въ фроловскомъ монастырѣ, помѣщены лишь потому, что подвернулись подъ руку издателя. Сстановимъ вниманіе читателей на томъ, что въ настоящемъ выпускѣ имѣетьтъ несомнѣнныи и болѣе общій исторический интересъ, а такой представляютъ собою извлечениія изъ дѣлъ о гайдамакахъ. Правда, это не цѣльныя дѣла о набѣгахъ гайдамакъ, или судѣ надъ ними, но лишь иѣсколько отрывочныхъ показаній, снятыхъ съ иѣкоторыхъ изъ гайдамакъ, разновременно нойманихъ послѣ усмиренія восстания 1768 г. и подвергавшихся допросу въ кіево-губерн-ской канцеляріи; тѣмъ не менѣе мы находимъ въ нихъ любопытныя сѣдѣнія какъ обѣ извѣстныхъ уже предводителяхъ гайдамакихъ отрядовъ этого времени, воспѣтыхъ въ народныхъ иѣсахъ и преданіяхъ: Максимѣ Желѣзникѣ, Швачкѣ и Журбѣ, такъ и о неизвѣстныхъ доселѣ Савѣѣ Сачкѣ, Савѣѣ Илитаѣ и вообще о дѣйствіяхъ гайдамакъ, снавшихъ подъ Кіевомъ и въ самомъ даже Кіевѣ. Есть показаніе самого Журбы: онъ сынъ «подданнаго» кіево-михайловскаго монастыря, семь лѣтъ жилъ въ Запорожї, потому былъ послушникомъ кіево-софійскаго каѳедральнаго монастыря и отсюда непосредственно попалъ въ гайдамаки и стать атаманомъ. По поводу именъ этихъ любопытныхъ извлечений мы и хотимъ сказать иѣсколько словъ.

Г. Андріевскій, пом'щаю названимъ показанія, зам'чаєтъ, что онъ выбралъ ихъ изъ числа попадавшихся ему бумагъ о гайдамакахъ и даетъ имъ мѣсто потому, что онию его мнѣнію, представляютъ «нѣкоторыи интересъ». Позволимъ себѣ сказать, что это слишкомъ неопределенно, если несовершенно произвольно. Въ научномъ подборѣ матеріала такія общія, ничего не говорящія фразы не должны бы имѣть мѣста; тутъ надо установить общую точку зреенія и по ней производить подборъ матеріала. Мы знаемъ, что выбралъ г. Андріевскій, но не знаемъ того, что онъ опустилъ и почему опустилъ. Между тѣмъ въ вопросѣ о гайдамачествѣ можетъ быть важно не только качество, но и количество дѣлъ. Если въ гайдамакахъ видѣть только разбойниковъ, грабителей, то появленіе ихъ должно быть посѣдствиемъ низкой степени благосостоянія массы народной въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ, а въ такомъ случаѣ количество и сила гайдамакихъ набѣговъ должны быть обратно пропорціональны степени народнаго благосостоянія. Если напротивъ въ набѣгахъ гайдамакъ видѣть народное движение по мотивамъ религіозно-политическимъ, то возрастаніе и усиленіе набѣговъ должно свидѣтельствовать о степени религіозно-политического гнета, которому подвергался народъ въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Въ томъ и другомъ отношеніи, на нашъ взглядъ, каждый листокъ бумаги, въ которомъ рѣчь идетъ о гайдамакахъ, всѣ эти доношенія, репорты, промеморіи и проч. разныхъ лицъ и учрежденій о появленіи въ томъ или другомъ мѣстѣ большихъ или малыхъ гайдамакихъ партій, имѣютъ важное значеніе для исторіи и должны быть сохранены и подвергнуты изслѣдованію. Только имѣя возможно большее число фактическихъ, точно обслѣдованныхъ данныхъ о гайдамачествѣ за все время его существованія, можно было бы установить безошибочный взглядъ на него и устраниить ту двойственность и немъ и рѣзкое отличие, какое находимъ у нашихъ и польскихъ историковъ. Сопоставляя количество, силу, время и мѣсто гайдамакихъ набѣговъ съ исторіей экономического положенія крестьянъ, разселеніемъ въ краѣ евреевъ, усиленіемъ унії и религіознаго гнета, можно было бы основательно разрѣшить вопросъ о томъ, были-ли гайдамакіе набѣги противомъ противъ религіозно-экономическаго гнета, противъ пасилій католическаго и уніатскаго духовенства, противъ своеуоліи и обдирательства со стороны шляхты и евреевъ, или-же на гайдамакъ надо смотрѣть какъ на простыхъ разбойниковъ, стремившихся къ удовлетворенію личнаго произвола и корысти.

Основаніе къ разрѣшенію этого вопроса положилъ уже профессоръ В. Б. Антоновичъ, пришедший въ свою изслѣдованіи о гайдамачествѣ,

на основанії добытыхъ имъ изъ кіевскаго центральнаго архива актовъ, къ тому выводу, что «въ гайдамачествѣ видны постоянно въ различныхъ, смотря по времени и обстоятельствамъ, долихъ, двѣ разнородныя стороны, сплотившіяся въ одно явленіе: народный протестъ противъ польско-шляхетскаго порядка и стремлениѣ къ удовлетворенію личнаго произвола или корысти». Но онъ-же, въ томъ-же своемъ изслѣдованіи, представилъ замѣчательную программу для подбора свѣдѣній о гайдамакахъ, и намъ кажется, что г. Андріевскому, печатая однородные акты и именно съ того времени, на которомъ остановился г. Антоновичъ, слѣдовало-бы поруководиться его программою, а не выбирать акты потому лишь, что они, по его мнѣнію, представляютъ «нѣкоторый интересъ». Тогда быть можетъ и то, что имъ отброшено, какъ негодное, нашло-бы мѣсто въ его всячески почтенномъ труде.

Н. Л.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературная, этнографическая и историческая).

ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ АРХИВА ПОЛТАВСКОЙ КАЗЕННОЙ ПАЛАТЫ.

Въ 1878 году архивъ полтавской казенной палаты пострадалъ отъ пожара, при чмъ погибло весьма значительное количество лѣтъ, важныхъ для истории лѣвобережной Украины XVIII ст. Вопроcъ о томъ, что уцѣлѣло изъ прежняго архивнаго богатства названной палаты, не можетъ не представлять интереса для изслѣдователей мѣстной истории. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ и предлагаются помѣщаемый ниже перечень уцѣлѣвшихъ отъ пожара историческихъ материаловъ. Перечень обнимаетъ материалы не избранные только, но всѣ относящіеся къ прошлому столѣтію, не исключая и такихъ, которые заключаютъ въ себѣ лишь частныя данные относительно минувшаго быта нашего края.

Всѣ исторические материалы, находящіеся въ названномъ архивѣ, можно подраздѣлить на слѣдующія 6-ть группы: I) двѣ связки румянцевской описи; II) 20 книгъ ревизіи 1763—64 гг., произведенной по универсалу гетмана Разумовскаго, по полкамъ; III) дѣла полковой гадячской канцеляріи; IV) дѣла прилукской счетной коммисіи; V) дѣла о завладѣніи и разныя другія и VI) ревизскія сказки 1782 г., первой ревизіи, произведенной по уѣздамъ.

I. Связки румянцевской описи заключаютъ въ себѣ вѣдомости:

1) *По сотенному мыстечку Куренікъ лубенскаго полка:* а) «о владѣніяхъ, съ показаніемъ, кто именно въ томъ мѣстечку владѣльцы

и какие ихъ тамо дворы, жиліе или пріїзжіе; такожъ какое ихъ владѣніе, подданные вѣчные ли, или ранговые, або подсусѣдки»; б) о состоящихъ въ мѣстечку козакахъ, ихъ состояніи и всемъ ихъ имуществѣ; в) «о изшедшихъ, удалившихся службы козачей или сопнанихъ зъ грунтовъ, или приверненыхъ во владѣнія партикулярныхъ», съ указаніемъ, «гдѣ оніе находятся, такожъ въ чемъ владѣніи ихъ грунта, поля и лѣса состоять»; г) вѣдомости отъ сотенныхъ старшинъ «о состоящихъ въ ихъ владѣніи жилихъ дворахъ и къ онимъ дворамъ принадлежитостяхъ и о подсусѣдкахъ и о прочемъ»; д) «вѣдомости о владѣніяхъ разныхъ чиновниковъ, которая оніе имеютъ по разнимъ крѣпостямъ».

2) *По сотенному мѣстечку Пирятину и первопирятинской сотни лубенского полка:* а) «вѣдомости» о владѣніяхъ различныхъ частныхъ владѣльцевъ, большею частію составленныя по такой формѣ: «вѣдомость (отъ такого-то) о жиломъ дворѣ или хуторѣ (если хуторѣ, то обозначено разстояніе между нимъ и полковымъ городомъ, также сотеннымъ мѣстечкомъ) и подсусѣдскихъ дворахъ, такожъ о жіючихъ въ техъ дворахъ подсусѣдкахъ и наемныхъ служителяхъ и о всѣхъ ко оному двору принадлежитостяхъ и о подсусѣдскихъ имуществахъ». Въ числѣ владѣльцевъ встрѣчаются козацкіе старшины, значные козаки, чины духовные и военные (преимущественно грузинскіе князья); «вѣдомость о изшедшихъ и удалившихся службы козачей» и проч...

3) *По сотенному мѣстечку Устивицѣ миргородского полка:* а) вѣдомость о владѣніяхъ въ м. Устивицѣ по такой-же формѣ, какъ вѣдомость по м. Куренъцѣ подъ литерою а; б) «сказки старожиловъ, м. Устивицы козаковъ, о томъ, кто именно изъ значащихся по ревизіи 1736 г. козаковъ умеръ, либо куда сойшоль, и где оставилшися по техъ грунта девалися»; в) вѣдомость о владѣніяхъ въ с. Матяшахъ полка миргородскаго; г) вѣдомость отъ войскового товарища Іосифа Заруднаго о мастности его въ с. Злодіевокъ, полка миргородскаго.

4) *По второй полковой гадячской сотни полка гадячскаго:* а) «о козакахъ и о ихъ состояніи и имуществѣ с. Подставокъ при р. Грунинѣ»; б) «о владѣльческихъ посполитыхъ и подсусѣдкахъ разночинническихъ» того-же села; в) о состоящихъ по компуту 1736 г. козакахъ (того-же села) и о ихъ грунтахъ и имуществѣ, куда оніе

козаки и какими случаями убыли, а грунта ихніє въ чемъ владѣнії состоять»; г) «о козакахъ и ихъ состояніи с. *Подолокъ* сотни второй гадячской» и д) вѣдомости отъ 15 владѣльцевъ о своихъ владѣніяхъ по сотнѣ второй гадячской. Къ большинству «вѣдомостей» румянцевской описи (къ черновымъ) приложены копіи съ крѣпостныхъ актовъ на владѣнія. Въ обѣихъ связкахъ румянцевской описи заключается около 3 тысячъ листовъ.

II. *Книги ревизій 1763—64 г. по полкамъ.* Всѣхъ такихъ книгъ въ архивѣ 20, относятся они къ полкамъ гадячскому, лубенскому, миргородскому, Переяславскому и прилукскому; книги громадныя, каждая въ себѣ заключаетъ около 1,000 листовъ. Записи ревизіонныя идутъ въ книгахъ по сотнямъ и обыкновенно въ такомъ порядке: 1) «Ревизія сотни такой-то, количе~~ство~~ имѣется въ оной сотнѣ дворогъ и въ тѣхъ дворахъ хатъ, особожъ бездворныхъ хатъ и въ нихъ мужска полу людѣй—козаковъ выборныхъ и подпомощниковъ, полковыхъ, канцелярскихъ и сотенныхъ служителей, сверхъ генеральлаго опредѣленія состоящихъ, съ означеніемъ каждому лѣтъ»; 2) «Ревизія сотни такой-то, количе~~ство~~ имѣется въ оной сотнѣ разнаго духовнаго и воинскаго чина, такожъ и козачихъ подсусѣдковъ и служителей эъ ихъ дѣтьми и свойственниками, въ жилихъ дворахъ жюющихъ, особливо же, сколько въ оной сотнѣ пріезжихъ разныхъ владѣльцовъ дворовъ и въ нихъ подсусѣдковъ, слугъ и работниковъ и ихъ дѣтей и свойственниковъ, съ означеніемъ каждому лѣтъ». Эти два отде~~ла~~ записи (о козакахъ съ подпомощниками и подсусѣдкахъ съ слугами и работниками) заканчиваются обыкновенно «табеллю сперечневою», т. е. статистическою таблицею, въ которой сведены всѣ цифровыя данные по предыдущимъ рубрикамъ. Затѣмъ идутъ записи 3) такъ называемыхъ воинскихъ дворогъ, т. е. дворовъ свободныхъ отъ общенародныхъ повинностей. Записи этихъ дворовъ произведены по такой формѣ: «количе~~ство~~ имѣется въ сотнѣ (такой-то) жилихъ дворовъ малороссійскихъ старшинъ владѣльческихъ, офицерскихъ, значковыхъ товарищѣй, старшинъ сотенныхъ, полковыхъ и сотенныхъ канцелярскихъ служителей и уволенныхъ отъ общенародныхъ повинностей; такожъ (дворовъ) разнаго духовнаго чина, т. е. поповскихъ и дьяконскихъ и другого разнаго-же войскового званія чиновъ, а особливо церковныхъ причетниковъ, дьячковъ и пономарей, при церквяхъ оставленныхъ и

жіючихъ въ шпиталахъ, искальченныхъ и другихъ всѣхъ, кои только для единого извѣстія написаны». Отдѣль «вольныхъ дворовъ» также заканчивается общей статистической таблицей. Дальше въ книгахъ ревизіи 1763—64 г.г. слѣдуютъ записи о посполитыхъ. Записи эти обнимаютъ слѣдующія три экономическая группы поспольства: а) число въ каждой сотнѣ «дворовъ и бездворныхъ хатъ и въ нихъ мужеска полу людей посполитыхъ владѣльческихъ, также тѣхъ посполитыхъ, не имѣющихъ мужеска полу дѣтей, вдовъ, съ означеніемъ тѣмъ всѣмъ мужеска полу людямъ лѣтъ»; б) число въ каждой сотнѣ «посполитскихъ, т. е. владѣльческихъ подсусѣдковъ, однодворныхъ и иныхъ служителей и работниковъ, не имѣющихъ нигдѣ никакихъ и малѣйшой части грунтовъ, съ означеніемъ каждому лѣтъ»; наконецъ в) число посполитыхъ, состоящихъ въ безоворотныхъ отлучкахъ. Въ концѣ ревизіонныхъ записей почти каждой полковой сотни есть «вѣдомость, сколько зъ сотня посполитыхъ въ отлучкахъ, яко-то въ Сѣчи и другихъ мѣстахъ, и безвѣстно зашедшихъ людей является, и повороту ихъ отлучкамъ не надѣжно, и съ какого году кто съ нихъ отучился».

III. Дѣла полковой гадячской канцеляріи представляютъ собою вѣдомости о сборѣ денегъ по полковымъ сотнямъ съ козаковъ и посполитымъ на содержаніе полковой и сотенной старшинны, войсковыхъ канцеляристовъ и на канцелярскіе расходы. Сохранились такія вѣдомости, начиная съ 1732 года и по 1749 годъ, но съ нѣкоторыми перерывами и далеко не по всѣмъ сотнямъ гадячскаго полка. Есть нѣсколько такихъ вѣдомостей, которыя не могутъ опредѣленно быть отнесены къ какому нибудь году, такъ какъ заглавныя надписи на нихъ совершенно истлѣли. За 1732 годъ сохранилось только «росписаніе, въ канцеляріи полковой гадячской учиненное», по которому предположено было взимать съ можнихъ по 20 коп., зъ суребныхъ по 11 коп., зъ убогихъ по 5 коп., съ крайне убогихъ по 3 и съ подсусѣдковъ по 2 коп.». За 1735 годъ уцѣльли вѣдомости о сборѣ денегъ по 8 сотнямъ гадячскаго полка, второй гадячской, лютенской, куземинской, ковалевской, комишанской, второй зеньковской, грушской и веприцкой. Эти вѣдомости составлялись уже въ сотенныхъ канцеляряхъ и по большей части такъ озаглавлены: «вѣдомость (или свѣдѣніе) въ полковую гадячскую канцелярію сотни (такой-то), коликое число собрано

денегъ съ козаковъ грунтовыхъ, малогрунтовыхъ, убогихъ и нищетныхъ и съ подсусѣдковъ на старшину полковую и сотенную и другихъ служителей». Такія-же вѣдомости, или свѣдѣнія, имѣются въ архивѣ за годы 1736, 1737, 1739, 1740, 1741, 1745, 1746, 1748 и 1749; по иѣсколькимъ сотнямъ есть вѣдомости только за 1746 годъ.

IV. Дѣла прилукской счетной комиссіи. Эти дѣла «о зависи-
мой на обывателяхъ полку прилукского педоимкѣ» имѣются въ
архивѣ на лице за одинадцать лѣтъ сряду, 1766—1776 гг. Въ общей
сложности они даютъ 2954 листа.

V. 12 дѣла о завладѣнії представляютъ сotoю маленька дѣла,
отъ 10 до 40 листовъ каждое, и всѣ они за 1777 г. Заглавія ихъ
следующія: 1) о завладѣніи пахатнаго поля церковью цибелскою;
2) сѣнокоснаго кута возпымъ суда подкоморнаго золотоно-
скаго; 3) пахатнаго поля козакомъ цибелскимъ; 4) лѣса по-
сполитыхъ бунчуковымъ товарищемъ Лѣсаневичемъ; 5) плѣца
жителемъ цибелскимъ; 6) лѣса козачкою цибелскою; 7) сѣнной
луки дочерьми умершаго козака цибелскаго; 8) плѣца съ хатою
поповичемъ Иваномъ Осинскимъ; 9) сѣнокосной левады козакомъ
цибелскимъ; 10) лѣса и поля козаками цибелскими; 11) и 12)
имѣній посполитыхъ удовствующею обозною полковою Петровскою
и наслѣдникомъ умершаго генеральнаго подскарбія Марковича.
Остальные дѣла очень разнообразны по своему содержанію. Такъ,
имѣемъ вѣдомости: 1) «о приходахъ и расходахъ прилукской
полковой канцеляріи» за 1766—1768 гг.; 2) «третныя вѣдомости
казначействъ прилукского, гадячскаго, лохвицкаго, зеньковскаго,
роменскаго и глинскаго за 1782 годъ»; 3) «о захватеніи лѣкаромъ
Фридрихомъ казеннаго подданнаго въ Сорочинцахъ», 1782 года;
4) «о неправильномъ записываніи въ подданство» 1797 года; 5) «о
перечисленіи жителей села Васютинецъ въ козаки» 1797 года;
«объ обложеніи окладами возвратившихся съ бѣговъ и пропущен-
ныхъ въ ревизскихъ сказкахъ» 1782 года; 7) «объ исключеніи
изъ подушнаго оклада нововыбранныхъ въ г. Лубнахъ въ почта-
лоніи» 1797 года; 8) «объ исключеніи изъ подушнаго оклада 8
душъ крестьянъ по волости требуховской, лишие написанныхъ по
ревизіи 1795 года»; 9) «о взысканіи по г. Золотонопѣ съ двойне-
обложенныхъ людей доимки» 1797 года; 10) «о перемѣщеніи

крестьянина Спиридона Гороваго коллежскимъ регистраторомъ Захаріемъ Гонкиномъ изъ Переяславскаго уѣзда въ Екатеринославскій уѣздъ кіевской губерніи», 1797 года; 11) «о перемѣщеніи крестьянина Павла Портного изъ за Домонтовичевой во владѣніе корнета Гоярика», 1797 года; 12) «о присылкѣ описей имѣній и наличностей съ городскаго прилукскаго магистрата, состоявшихъ въ вѣдѣніи бывшей ратуши прилукской и о порученіи оныхъ имѣній въ смотрѣніе отставному значковому товарищу Ивану Пархомову», 1782 года; 13) «о заплатѣ денегъ подрядчикамъ за содержаніе на станахъ почтовыхъ лошадей за полкъ прилукскій», 1742 года; 14) «о причисленіи лубенскаго жителя Максима Стронского въ купечество», 1796 года; 15) «объ отдачѣ въ паемъ глинскому городничему, маюру Шульгину казеннаго мѣста, бывшаго подъ сотенною канцеляриею въ м. Срибномъ», 1784 года.

VI. Ревизскія сказки 1782 года сохранились сполна по всѣмъ уѣздамъ Полтавской губерніи. Изъ книгъ этой ревизіи обращаютъ на себя вниманіе двѣ: 1) «о великороссійскихъ владѣльческихъ крестьянахъ, отошедшихъ было въ кіевскую губернію съ гадачскимъ уѣздомъ», и 2) «священно и церковнослужителяхъ уѣзовъ гадачскаго и зѣньковскаго». Не менѣе интересны и слѣдующія двѣ относящіяся къ послѣдующему времени книги: 1) «владѣнія и поданные густынского монастыря», 1785 года и 2) «ревизскія сказки и вѣдомости дополнительныя о прописныхъ по ревизіи 1782 года разнаго званія людяхъ, доставленіе при рапортахъ одѣгадачскихъ и зѣньковскихъ городскихъ и земскихъ судовъ въ прошедшіхъ 1783—1787 гг. заселенія», 1795 года.

Сообщ. Л. Падалка.

ЛЮБОПЫТНЫЯ РУКОПИСИ ОДНОЙ ЧАСТНОЙ БИБЛИОТЕКИ.

Въ м. Хабномъ, кіевской губерніи, радомышельскаго уѣзда, у г. Цейдлера находится библиотека, какую трудно было бы предполагать въ такомъ глухомъ и заброшенномъ уголкѣ. Въ ней много рѣдкихъ польскихъ изданий, хранится немало и рукописей XVI, XVII и начала XVIII в. На эти-то послѣднія я и хочу обратить вниманіе лицъ, занимающихся мѣстною исторіею.

Много слышалъ я о библиотекѣ г. Цейдлера, но самому въ ней не пришлось побывать. Нѣкоторое знакомство мое съ нею относится лишь къ рукописному ея отдѣлу, но и обѣ немъ я могу судить лишь по тѣмъ немногимъ документамъ, какіе взяты изъ этой библиотеки и доставлены мнѣ для просмотра однимъ изъ моихъ знакомыхъ. Все это документы XVI и XVII в. Въ числѣ ихъ есть между прочимъ выписка изъ грамоты Сигизмунда I-го, 1509 г.; писана она латинскимъ шрифтомъ, но языкъ грамоты русскій. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о значеніи рукописей, хранящихся въ библиотекѣ г. Цейдлера, укажу лишь на нѣкоторыя изъ доставленныхъ мнѣ.

Вотъ рядъ позовъ и протестовъ двухъ пановъ кіевскаго Польсья—*Трипольскую* и *Барана* предъ кіевскимъ трибунальнымъ судомъ, 1595—1640 годъ. Тутъ цѣлая картина жизни того времени, когда нападеніе съ толпою собственныхъ поданныхъ па сосѣдей и уничтоженіе чужой собственности не только вынуждалось безсилиемъ власти и суда, но составляло въ нѣкоторомъ родѣ развлеченіе благородныхъ пановъ.

Вотъ «духовиця (духовное завѣщаніе) благородной госпожи Александры Вороповичовны Миколаевої Ободенской». Документъ 1649 г., писанъ по русски. Ободенская, распредѣляя свое громадное состояніе, озабочена въ особенности выкупомъ изъ «полона агарянскаго» сына своего Константия. На это святое дѣло она предназначаетъ деньги «зъ приходовъ отчинныхъ», а также нѣкоторые долги. Послѣдніе составляютъ такую значительную сумму, что на нее можно было выкупить не одного «полонянина». «Вначалѣ, говорить завѣщательница, его милость господинъ Іанушъ Тишкевичъ, воевода и снераль землѣ кіевской, виненъ мнѣ чтиридесѧть тысяць золотыхъ полскихъ, за которые деньги въ закладѣ Райгородокъ мѣстечко и село Жидовце имѣю отъ него. Повторне, возможная си милость госпожа воеводина троцкая, Миколаевая Абрамовичова Елизавета Горностаевна, виновата мнѣ полской монети два десѧть тысяць и двѣ тысячи и двѣстѣ золотихъ, а въ закладѣ тѣхъ денегъ отдала мнѣ село Козаровичи, мѣстечко Хелминъ, Глѣбовку и Литвиновку. Его милость Станиславъ Угорницкій, староста чернѣговскій, зъ женою своею Катериною Угорницкою-жъ виновати мнѣ на запись полской-жъ монети девятьдесѧть тысяць золотихъ и чотири».

Вотъ еще инвентарь 1660 года, писанный Константиномъ Леономъ Ободынскимъ, тѣмъ самимъ, о которомъ мать хлопотала, чтобы освободить его изъ плена агарянскаго. Онъ забылъ языки матери и писалъ уже по польски. Приводимъ цѣликомъ этотъ инвентарь въ переводѣ.

I. Инвентарь села Козаровичъ, составленный по ихъ доходности въ 1660 году.

Въ Козаровичахъ находится 60 волоковъ, съ каждой волоки следующія повинности: наличными деньгами чиншевыхъ 3 злота, мѣрка овса, 3 курицы, одинъ калиунъ.

Льну десятокъ, чиншевыхъ дровъ въ замокъ 16 возовъ; панцины каждую недѣлю, и зимою и лѣтомъ, два дня.

Итакъ чиншевыхъ наличныхъ денегъ съ Казаровичъ 180 золотыхъ.

Чиншевой овесъ, если считать мѣрку по златому, получится 480 золотыхъ.

Куръ не считаю: я ихъ оставляю на размноженіе.

Десятокъ лыну, считая по полузлатому, получится 30 золотыхъ.

Такую повинность обязанъ исполнить всякий, кто сидить на волокѣ.

Каждый, кто имѣеть борти, долженъ, безъ всякой утайки, по стародавней освѣдности и лежащихъ на ней повинностяхъ, дать меду, когда бываетъ его сборъ, столько, чтобы всего было 130 бѣльцевъ. Считая каждый бѣльецъ только по три злота, а иногда бываетъ и по пяти,—всего будетъ 390 золотыхъ.

Козаровскія мельницы всегда приносили каждый годъ доходу вмѣстѣ съ корчмой 1,200 золотыхъ.

Засѣвы на поляхъ, что обязаны собрать паниной, соображалось съ настоящимъ урожасемъ, который забрали ихъ милости межигорскіе отцы, т. е. 450 конъ, должны дать 900 золотыхъ, если считать каждую кону по два злота.

Луга, пруды, озера, третья рыба отъ каждого (урова), *тілгитим* полагаю 300 золотыхъ.

Нѣкоторыми прудами пользовались отцы межигорскіе въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ и весь пожитокъ обращали на свою пользу.

Обязаны дать двѣ телки—одну на Свѣтлый Праздникъ, а другую въ Рождество; считая каждую телку по 10 злотыхъ, получится 20 злотыхъ.

Такимъ образомъ Козаровичи каждый годъ должны давать сумму въ 3,500 злотыхъ.

II. Инвентарь с. Глѣбовки, по ея доходности.

Въ Глѣбовкѣ *plus minus* 40 лановъ, съ каждого лана слѣдующія новинности: наличными десятками два злата и 15 грошей; мѣрка овса, три курицы, одинъ кацлунъ, десятокъ лину, возовъ восемь дровъ безъ панцины, панцины два дни каждой недѣли.

Если все чиншевыя обязанности перевести на наличныя, можно положить сто злотыхъ.

Мельничка даетъ арендной платы, какъ и теперь, 100 злотыхъ.

Прудъ, который теперь спущенъ, даетъ во время спуска воды шесть бочекъ рыбъ; но это я оставляю для себя.

Лину 40 десятковъ. Считая по ползлатому, полагаю 20 злотыхъ.

Две телки—одну въ Рождество, а другую въ Свѣтлый Праздникъ; за это я полагаю 20 злотыхъ.

Куръ оставляю на размноженіе.

Отъ бобылей, которые обязаны отбывать панцину одинъ день каждой недѣли и давать въ годъ чиншевыхъ 25 грошей, полагаю въ годъ 6 злотыхъ и 20 грошей.

III. Инвентарь Самуель-поля или Холма.

Эти не отрабатываютъ панцины, но даютъ на годъ по 5 злотыхъ и по 63 курицы, какъ слободяне.

Здѣсь должно быть волочниковъ 30; отъ каждого по 5 злотыхъ въ годъ будетъ 150 злотыхъ.

Еще тѣ, что живутъ отдельно дворами. Объ ихъ обязанностяхъ и о томъ, сколько они должны давать скота, спросить у людей, и тогда пусть внесутъ за все вмѣстѣ 200 злотыхъ.

Такимъ образомъ три мои имѣнія каждый годъ должны давать 4,266 злотыхъ и 20 грошей.

Константина Леонова Ободынскій тауи propria.

Если такой-же интересъ могутъ представить и другія рукописи въ библіотекѣ г. Цейдлера, то занимающимся исторіею нашего края весьма не мѣшало бы ознакомиться съ ними, а это тѣмъ болѣе возможно, что какъ мы передавали, г. Цейдлеръ охотно готовъ подѣлиться ими въ интересахъ науки.

Сообщ. Д. А. Синицкій.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТИЕ ХЕРСОНСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1 юля настоящаго года исполнилось ровно 25 лѣтъ со дня основанія Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. За истекшую четверть вѣка въ «прибавленіяхъ» къnimъ помѣщено довольно большое число материаловъ, изслѣдований и замѣтокъ по исторіи и географіи новороссійскаго края, могущихъ оказать важную услугу любителямъ мѣстной старины и ученымъ, при извѣстной скучности историческихъ данныхъ по херсонской губерніи. Особенно много материаловъ по мѣстной исторіи находимъ въ первые три года жизни юнаго изданія, потомъ замѣчается затишье, но съ 1875 года снова идетъ рядъ такихъ статей и материаловъ вплоть до 1885 г. Въ указанный промежутокъ времени, 1860—1885 гг., страницы «прибавленій» украшались именами покойныхъ В. И. Григоровича и Н. М. Мурзакевича, прот. С. Серафимова и здравствующихъ понынѣ священника Н. Неводчикова (теперь епископа Неофита), прот. Лебедянцева и свящ. Никифорова. Предлагаемъ здѣсь списокъ статей и материаловъ по исторіи и географіи южной Руси, помѣщенныхъ въ «прибавленіяхъ», 1860—1885 гг.

а) Древняя исторія церкви иа ють Россіи.

Иннокентій архіепископъ, «Насажденіе и успѣхи христіанства въ древнемъ Херсонѣ» (1860 г., № 1).

Н., «Мнѣнія ученыхъ о русскихъ письменахъ, въ Херсонѣ найденныхъ св. Константиномъ» (1861 г., № 3). Мнѣнія А. В. Горскаго, В. И. Григоровича, М. И. Сухомлинова, П. А. Чавровскаго и С. М. Соловьевса.

Н., «Обрѣтеніе мощей священномуученика Клиmentа» (1861 г., № 4). Переложеніе сказанія очевидца съ примѣчаніями.

Н., «Херсонские священномученики» (1861 г., № 5).

«Инкерманская киновия» (1861 г., № 6).

Н., «Херсонские заточеники» (1861 г., № 7).

Иннокентій архимандрита, «Св. Іоаннъ, епископъ готеской» (1862 г., № 9). Приложение: а) о епархії готескій, б) старий дѣла о епархіяхъ готескій, херсонской и судейской.

Прот. С. Серафимовъ, «Крымские христіане (греки) на съверныхъ берегахъ Азовского моря» (1862 г., № 4).

В. И. Григоровичъ, «Исторические намеки о значеніи Херсона и его церкви въ VIII, IX и X стол.» (1864 г., № 19). Въ приложении два письма (919—920 гг.) патріарха Николая Мистика съ важными указаниями на участіе Херсонеса въ просвѣщеніи хозарь (правдоподобно—славянъ).

б) Исторія ієпархії XVIII и XIX стол.

Для исторіи новороссійской ієпархії прошлого столѣтія важнѣе другихъ обстоятельное, строго-научное изслѣдованіе свящ. Н. Неводчикова (нынѣ Неофита, епископа туркестанскаго): «Евгений Булгаринъ, архіепископъ славенскій и херсонскій» (1875 г., №№ 7, 11, 12 и 13). Въ статьѣ этой много интересныхъ свѣдѣній по исторіи края вообще и южно-руssкаго духовенства и церквей въ частности. Она издана въ томъ-же году отдельными оттисками, но, кажется, въ продажу они не поступали. Затѣмъ для XVIII в. и пачала XIX в. находимъ слѣдующіе материалы и статьи:

Н. М. (Мурзакевичъ), «Материалы для исторіи новороссійской ієпархії. Къ свѣдѣніямъ о Евгениѣ Булгаринѣ» (1878 г., № 20). Письма Б—са къ Потемкину и къ правителью кавказскому послѣдняго, службы библіотеки Б—са, свѣдѣнія о приемникѣ его, Никифорѣ (духовное завѣщаніе Никифора).

— Тоже. «Архіепископъ Амвросій Серебряниковъ», (1878 г., № 24). Отношенія его къ Потемкину,

— Тоже. «Митрополитъ Гавріїлъ Бадони» (1879 г., № 2).

— Тоже. «Архіепископъ Агаѳасій Ивановъ. Архіепископъ Платонъ Любарскій. Архіепископъ Іовъ Потемкинъ» (1879 г. № 12).

— Тоже. «Архіепископы Оеофанъ Татарскій и Онисифоръ Боровикъ» (1879 г., № 13).

— Тоже. «Арх. Гаврій Розановъ» (1879 г., № 17). Къ статьѣ приложенъ списокъ литературно-ученыхъ трудовъ преосв. Гавріла.

— Дополнительная свѣдѣнія о Гаврії Бадони, впослѣдствіи митрономитѣ кишиневскомъ (1881 г., №№ 13 и 14).

«Противъ обливательного крещенія». Окружное посланіе Ни-кифора, архиепископа словенскаго и херсонскаго (1871 г., № 1).

Н. Мурзакевичъ, «Епархія словенская и херсонская (1875 г., № 21). Перепечатка изъ IX тома зап. одесск. общ. ист. и древн. Списокъ архіеревъ съ 1775 г. по 60-е годы настоящаго столѣтія съ краткими свѣдѣніями о дѣятельности ихъ.

Письмо архиепископа Евгенія Булгариса правителю канцеляріи князя Потемкина В. С. Попову; въ письмѣ денежные счеты за домъ, библиотеку и проч. Дата: 18 июня 1791 года (1875 года, № 23).

Священникъ Неводчиковъ, «Нѣсколько словъ о преосвященномъ Амвросіѣ Серебряниковѣ, епископѣ екатеринославскомъ и Херсо-нска таврическаго», (1860 г., № 10). Приложенія: а) преосвящен-наго Амвросія въ Бозѣ почившему свѣтл. князю Г. А. Потемкину, Таврическому, послѣднее цѣлованіе, б) покаянное моленіе къ Богу, сго-же, в) письмо Амвросія къ Потемкину.

Протоіерей А. Г. Лебединцевъ, «О ѿеодосійской викарной епархії», (1861 г., № 1). Приложенія: а) письмо преосвященнаго Іова, епископа ѿеодосійскаго, къ графу П. А. Зубову 29 іюля 1794 г., б) письмо его-же къ тому-же, безъ даты, в) копія съ высо-чайшаго указа графу Зубову объ отводѣ въ ѿеодосіи дворца для жительства епископу, г) рѣчь преосвященнаго Моисея, епископа ѿеодосійскаго и маріупольскаго, при отправленіи тѣла князя Потем-кина изъ Николаева въ Херсонъ, д) рѣчь того-же преосвященнаго при преданіи землѣ тѣла Потемкина.

— «Протоіерей о. Карпъ Павловскій», (р. 1774 г. + 1832 г.). 1861 г., № 12. Въ приложеніи 8 рѣчей и словъ протоіеря II—го. II—ій служилъ въ Николаевѣ, Херсонѣ и Елисаветградѣ. Въ статьѣ находимъ свѣдѣнія о чумѣ 1813 г. въ Елисаветградѣ, объ осно-ваніи здѣсь духовнаго училища въ 1820 г., о началѣ военныхъ поселеній, о высочайшихъ посыпеніяхъ 1823 и 1830 г., о земле-трясеніи въ Елисаветградѣ въ 1829 г., о холерѣ 1830—1831 гг., о затмѣніи солнца 1831 г.

Письмо дюка де-Ришелье къ елисаветградскому протоіерею Карпу Павловскому 13 августа 1813 г. (1862 г., № 12).

Рѣчъ М. П. Павловскаго 17 августа 1837 г. и письмо къ нему преосвященнаго Гавриила 14 июня 1837 г. (1877 г., №№ 16 и 17).

Протоіерей П. Куницкій, «Нѣкоторое свѣдѣніе о жизни митрополита Гавриила Бадони» (1861 г., № 18).

Протоіерей А. Лебединцевъ, «Протоіерей о. Петръ Куницкій» (р. 1774 † 1837 г.) 1861 г., № 20. Въ приложеніи 11 словъ и рѣчей о. К—го и 4 письма къ нему разныхъ лицъ. Мѣста служенія: Новомиргородъ, Екатеришадаръ, Одесса, Яссы и снова Одесса; былъ первоприсутствующимъ молдовлахійской экзарштой дикастеріи и ректоромъ яссаго духовнаго училища.

Рѣчъ протоіеряя П. Куницкаго при гробѣ экзарха Гавриила, митрополита кишиневскаго и хотинскаго 1 апрѣля 1821 года (1861 г., № 22).

Священикъ М. Крячковскій. Нѣсколько резолюцій преосвященныхъ Платона Любарскаго и Іова Нотемкина (1869 г., № 2).

Письмо Никифора Феотоки, архієпископа словенскаго и херсонскаго 1793 г. (1875 г., № 11).

Рѣчъ, сказанныя въ Херсонѣ протоіереемъ Г. Сарафоновичемъ графу Ланжерону 6 марта 1816 г.—Документъ, касающійся бѣглыхъ священниковъ въ серединѣ XVIII в. (1883 г., № 15).

Изъ статей объ архипастыряхъ настоящаго столѣтія, кроме указанныхъ выше статей Мурзакевича, слѣдующія посвящены памяти архієпископа Гавриила Розапова:

Письмо преосвященнаго Гавриила 12 ноября 1848 года (1860 годъ, № 11).

Протоіеряя С. Серафимова. Воспоминанія о пастырскихъ путешествіяхъ преосвященнаго Гавріла (1861 г., № 22).

«Нѣкоторые отрывки моей біографії»—статья самаго архієпископа Гавріла (1861 г., № 23). Въ приложеніи: «краткія свѣдѣнія о послѣдніхъ дняхъ и о кончинѣ преосвященнаго архієпископа Гавріла».

Трудъ преосвященнаго Гавріла, подъ заглавіемъ: «Хронологико-историческое описание церкви херсонской губерніи», помѣщенный сначала въ Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., перепечатанъ въ «Прибамбіяхъ» 1878 г. (№ 13 и 14) и въ 1879 г. (№№ 12 и 14).

Но первое мѣсто по количеству біографического матеріала изъ архіереевъ херсонскихъ остается за преосвященнымъ Иннокентіемъ. О немъ находимъ слѣдующія статьи и матеріалы:

Письмо его къ А. С. Стурдзѣ (1860 г., № 1).

Переписка его съ нимъ-же (тотъ-же годъ, №№ 8 и 9).

Письмо ректора кіевской духовной академіи архимандрита Иннокентія, впослѣдствіи архієпископа, 18 января 1836 г. (тотъ-же годъ № 11).

Записка его о возстановленіи древнихъ святыхъ мѣстъ по горамъ крымскимъ. Предложеніе его херсонской епархиальной консисторіи 27 сентября 1848 г. Такое-же предложеніе 25 марта 1849 г. (1861 г., № 11).

Изъ «Замѣтокъ» преосвященнаго Иннокентія (1861 г., №№ 15—19, 22—23).

Протоіеряя А. Лебединцева, «Воспоминанія о преосвященному Иннокентії» (1862 г., № 1).

Протоіеряя А. Логиновскаго, «О послѣдней поїздкѣ въ Крымъ преосвященнаго Иннокентія» (тотъ-же годъ, № 2).

Письма преосвященнаго Иннокентія къ протоіерою Максиму Перепелицину (1848 г.), съ примѣчаніями протоіеряя Серафимова (1878 г., №№ 6 и 21).

Протоіерой С. Серафимовъ. Нѣсколько свѣдѣній объ учрежденіи викаріатства въ херсонской епархіи въ 1852 г. (1878 г., № 19). Извлечено изъ писемъ преосвященнаго Иннокентія.

О преосвященному Дмитрію Муретовѣ находимъ статью въ 1883 г., № 23.

Наконецъ, въ № 22-мъ 1869 г. находимъ двѣ сводныя статьи протоіеряя Серафимова:

1) Святители изъ воспитанниковъ кіевской духовной академіи со времени преобразованія ея въ 1819 г.

2) Воспитанники кіевской духовной академіи, служивши и служащіе въ херсонской епархіи въ должностяхъ училищныхъ и епархиальныхъ со времени преобразованія академіи.

б) Історія храмовъ, іконъ и монастирій.

Протоіерей А. Лебединцевъ. «Одесский кафедральный преображенскій соборъ» (1860 г., №№ 3—4).

Протоієрей І. Зламенський. «О хасперовской чудотворной іконѣ Божії Матері» (*ibid.* № 7).

Протоієрей А. Лебединцевъ. «Церковь св. Екатерины въ Одессѣ» (*ibid.* № 8).

Архимандрита Діонісія. «Свѣдѣнія о Бизюковомъ монастырѣ» (1862 г., № 6).

Священника А. Манжелея. Лѣтопись Вознесенской церкви села Петрова, александровскаго уѣзда (1869 г., № 22).

«Свѣдѣнія о построеніи и освѣщеніи единовѣрческой Успенской церкви въ Одессѣ» (1875 г., № 3).

Протоієрей А. Серафимовъ. «Историческое описание херсонского Успенского собора» (1881 г., №№ 1, 3—5, 9, 12, 16—18).

ІІ. Юрченко. «Храмы г. Херсона православные и инославные» (1881 г., № 20).

Николаевская церковь села Черниковки, александровскаго уѣзда (1883 г., № 9).

Протоієрей С. Серафимовъ. Одесская единовѣрческая Покровская церковь (1883 г., №№ 9—10, 12, 14, 18 и 24).

Протоієрей М. Вартминевій. «Краткая историческая записка о соборѣ г. Вознесенска» (1884 г., № 12). Данныя о началѣ города.

Священикъ А. Черняговскій. «Историческая записка о херсонскомъ екатерининскомъ соборѣ» (1884 г., № 15). Опись церковныхъ древностей (между ними есть запорожская); замѣтливый падгробія.

В. Я—въ. Историко-статистические материалы о церквяхъ г. Елисаветграда: 1) Троицкой крѣпостной и 2) Греческой Владимірской (*ibid.*).

Протоієрей А. Корочанскій, «О Рождество-Богородичномъ соборѣ города Николаева» (1884 г., № 19).

«О церкви Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости въ г. Николаевѣ» (*ibidem*).

і) *Статти по історії и этнографії края вообще въ связи со церковной исторіей.*

Пр. А. Лебединцевъ, «Ханская Украина» (1860 г., № 6). Драгоценныя данные, почерпнутыя изъ архива херсонской консисторії: періодъ подчиненія Ханской Украины молдавской митрополіи.

лій (сь 1760 г.), списокъ населенныхъ пунктовъ 1793 г.; нѣ сколько грамотъ молдавскихъ архіереевъ.

«Изъ замѣтокъ священика, жившаго въ осажденномъ Севастополѣ» (1861 г., № № 6—10).

Священика Н. Игнатьева, «Замѣтки о современномъ религіозно-правственномъ состояніи молдавскаго населенія въ новороссійскомъ краѣ» (1861 г., № 9).

Протоіерей Н. Неводчиковъ, «Письма къ священику херсонской епархіи о бамбардированіи Одессы» (1862 г., № 8).

М. Гребинскій, «Перечень событій, относящихся къ исторіи херсонской епархіи» (ibid., № 10).

Протоіерей Мих. Павловскій, «Профессоръ философіи въ новороссійской семинаріи поручикъ Яковъ Артемовъ» (1864 г., № 3). Приложенія: 1) посьмо А—ва къ петербургскому архієпископу Амвросію 1799 года 23 декабря, 2) привѣтствіе его императорскому величеству Павлу Петровичу на случай его прибытія въ єкатеринославскую семинарію.

Священикъ Н. Неводчиковъ, «Воспоминанія о Е. А Хитрово» (1864 г., № № 3, 5 и 7).

Священикъ В. Н. Никифоровъ, «Историко-статистическое описание прихода собора гор. Александрии» (1873 г.). Данныя объ основаніи города.

В. И. Григоровичъ, «Изъ записокъ антиквара о поїздкѣ его на южныя побережья Днѣпстра» (1874 г., № 18). Данныя о русскомъ населеніи приднѣстровья.

Священикъ В. Н. Никифоровъ, «Очерки єлександровскаго уѣзда» (ч. I, № № 22—24, 1878 г.). Въ 1-й части этого почтеннаго труда находимъ весьма интересныя свѣдѣнія по географіи уѣзда: рѣки, рѣчки и ручьи, озера и острова, тонографія: могилы и курганы, городища; затѣмъ слѣдуетъ обстоятельный историческій очеркъ края съ древнѣйшихъ временъ; особенно цѣнныя свѣдѣнія сообщаются о заселеніи новороссійскаго края въ XVIII в.; во 2-й части дѣло вдетъ объ административномъ раздѣлѣ Новороссії въ разныя времена, со дня присоединенія ея къ Россіи; есть данія о военныхъ поселеніяхъ. Были отдельные отиски.

Матеріали для исторіи христіанской благотворительности въ Одессѣ: 1) паставленія А. С. Стурдзы сестрамъ общины сердоболь-

ныхъ сестеръ, 2) двѣ келейныхъ молитвы сердобольной сестры, сочиненные Стурдзою (1877 г., № 17).

Памяти свѣтлой кнагини Е. К. Воронцовой, «Слово архіепископа Платона и рѣчь протоіерея М. Павловскаго при погребеніи ея» (1880 г., № 10).

Протоіерей С. Патенко, «Городъ Новомиргородъ, его храмы и духовное управление» (1880 г., №№ 10, 13, 15 и 21).

Священникъ Г. Гуравскій, «Памяти графа Д. Е. Остенъ-Сакена» (1881 г., № 15).

Протоіерей С. Серафимовъ, «Материалы для исторіи херсонской епархіи съ учрежденія ея въ 1837 году до памятного времени» (1883 г., №№ 3 и 4). Содержаніе: 1) раздѣленіе скатериноСлавской епархіи, 2) прибытие въ Одессы архіепископа Гавриила, 3) открытие херсоно-таврическаго епархиального управления въ Одессѣ, 4) въ какомъ состояніи первый архипастырь херсонскій начальникъ церкви одесской и прочія духовныя учрежденія, 5) высочайшее посѣщеніе Одессы въ 1837 году, 6) появление чумы въ Одессѣ въ 1837 году, 7) іерен съ истинно-ластырскимъ самоотверженіемъ—Феофанъ Головченко и Федоръ Сачборскій.

Нѣсколько статей было посвящено въ «Прибавленіяхъ» штундизму, а именно:

Горжаличинскій А., «Штунды и штундизмъ» (1876 г., № 14). Дѣло о штундистахъ въ елисаветградскомъ уѣздѣ мировыхъ судей; село Злынка, какъ удобное мѣсто для развитія ереси; ученіе штунды и мѣры борьбы противъ него.

«Замѣтка о штундахъ» (1878 г., № 8). Судебное дѣло о Михаилѣ Ратушномъ и другихъ, разбиравшееся въ одесскомъ окружномъ судѣ 30 марта 1878 года.

Священникъ В. Н. Никифоровъ, «Нѣчто о штундизмѣ» (1881 г., №№ 5 и 8). Бесѣда автора съ Рыбопанкою; отчетъ о судебнѣмъ слѣдствіи по дѣлу о штундистахъ с. Любомирки, разбирающемся въ александровскомъ съѣздѣ мировыхъ судей 17 июня 1880 г.

П. М. Ч., Краткій обзоръ книгъ и брошюръ, распространяемыхъ въ народѣ штундистами (1883 г., № 16).

Д. Протасовъ, «Штундизмъ и разборъ его ученія» (1883 г., №№ 21—24).

Священникъ И. Зубовъ, «Къ вопросу и свѣдѣніямъ о мало-русскомъ штундизмѣ», (1884 г., № 11).

Толкованіе штундистами ХХIII главы Евангелія отъ Матея (1882 г., № 21).

Итакъ, изъ перечия, сдѣланнаго нами, можно убѣдиться, что «Прибавленія» къ Херсонскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ заключаютъ въ себѣ довольно материала по мѣстной исторіи и географії, особенно для такого молодого края, каковъ херсонскій. Пожелаемъ, чтобы пытливость мѣстнаго духовенства въ этомъ направлениі росла и ширилась и впредь больше добывала такого цѣннаго материала, какой находимъ въ «Прибавленіяхъ» за истекшее первое 25 лѣтіе Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

В. Ястребовъ.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЙ О ЗАПОРОЖЦАХЪ.

Около 10 лѣтъ назадъ сему, въ с. Ольшанскомъ (екатеринопольской губерніи) случилось мнѣ познакомиться съ двумя глубокими стариками, тамошними крестьянами, известными въ народѣ по однимъ лишь именамъ. То были дѣдъ Андрей и дѣдъ Пилипъ. Оба они были люди бывалые, многое видѣвшіе, многое слышавшие на своемъ долгомъ вѣку. Пилипъ много лѣтъ чумаковалъ, Андрей всю молодость проводилъ въ бурлачествѣ, жилъ «въ забродахъ», т. е. на рыбныхъ ловляхъ у Азовскаго моря. Разъ какъ-то сошлись мы вмѣстѣ всѣ трое и разговорились. Пилипъ завелъ рѣчь о томъ, чтоichelамъ теперь скучно жить, что въ степи вывелись терни, исчезли цвѣты, перестала родить гречка; Андрей вздохнулъ, цокаяль головою и началъ рассказъ о давней давнинѣ. Вспомнилъ онъ и дѣда своего, и отца, и свое дѣтство, жизнь въ забродахъ, товарищѣ бурлакъ. Съ воспоминаніемъ о дѣдѣ, въ его словахъ воскресли «Дикое поле», «Великій лугъ», Днѣпръ и Лиманъ, море, Дунай и Запорожье... По разсказамъ Андрея, дѣдъ его былъ запорожецъ, жилъ болѣе 100 лѣтъ. Рано лишился Андрей матери, поэтому дѣдъ его «съ пупку» вынужденъ былъ выкормить и воспитать.

— Якъ бувъ я малымъ разсказываетъ Андрей, то за дидомъ бигавъ, якъ пидбильшавъ, дѣдъ за мною. Я горобцивъ деру, дѣдъ шапку

шідставля; я кони пасу, дидъ за шидпасыча. Дидъ любивъ розсказувать, я любивъ слухать... Винъ мени и засниза и казку роскаже и загадку. Якъ-бы не дидъ, не бувъ-бы я въ забродахъ, не зневъ-бы ни Лиману, ни моря, ви бурлакъ, не чувъ-бы про запорожцівъ, шо воно за люда и видкия взялися. Винъ мени вси входы и выходы росказавъ.

— Откуда-же, запорожцы взялись? спрашивало Андрея.

— Найшли видовсюды.

— Чого, якъ?

— А ось якъ,—рассказуваль покійний дидъ. Ікийсь-то бувъ руський царь, що стоявъ лицъ страхомъ у чужоземця... Це давня давнина... Ну-жъ, такъ отъ пашъ царь тому венріятелеви и плативъ подать людьми; було займе, якъ отару овецъ, тай жепе... Хто було пиде до непріятеля, то уже й не вернеться: поминай, якъ звали. Отъ разъ пашъ царь пославъ тому супостатови людей самихъ одбиралихъ. Вийшли вони въ степъ, порадилися и кажуть: «чого мы пидемо до проклятого кимлика-мухамеда? На заризъ? Есть мижъ нами ковали, шевци, ткачи, ганчари, шаповалы; есть знахури, характерники. Давайте тутъ жити!» Подались вони въ байраки, вущи, повыконували землянки и живуть.

— Ну, а царь?

— А що-жъ царь! пославъ тай байдуже. Тобъ треба гришими платить, а винъ людьми.

— Нуте, дальше, диду.

— Ну, и дали... На другій годъ опять найшло людей, на третій опять—стало циле військо. Отъ супостатьскій царь и пише нашому: чомъ ты, каже, людей до мене пе гонишъ? А напи: «посылаю, каже, тоби що року...» Багато годивъ минуло, почеремичались и цари въ земляхъ, а люди все намножаются, та намножаются въ дикому степу. Ну, ставъ ото венріятель докучать имъ: все на ихъ набигає, що придобаютъ, все зъ ихъ обдере. Отъ давай вони били єго ворожить. Стилько не попле війска, вони все и порубаютъ. Характерники були... Тоди ото и стала ходить чутка, що живуть десь запорожци—таке страшне війско, що й не пристушишь.

— А хто-жъ, диду, въ ихъ за старшого бувъ?

— Копівый! Війско выбере характерника, тай орудує винъ нимъ.

— А земля чія-жъ то була?

— Ничая, дика. Тутъ кишасть звирь, гадъ, та цтиця Божа. Була-то жались таки нашего царя земля, а потімъ турки чи татари завоювали.

— И довго, днду, жили тутъ запорожцы?

— Поки одвоювали у турка землю. Одвоювали геть одъ Орели до моря шириню, и одъ Бога-рички до «Горилого пня» довжиною.

— А то що таке «Горилый пень»?

— А то туды идть Доицину, за Савуръ могилою. Була, бачте, могила, а била пей дубъ, и такій товстенный, що наслу було п'ять чоловика обійтуть; дубъ усохъ, такъ ёго и обпалили; стоявъ чорный середъ степу, високій; видкиль не йдешь—маяче за сорокъ верстъ... Якъ сплюндовали Запорожжя, то била того дуба живъ одинъ ватажокъ, а на Савуръ могили другій—Сава; ото винъ якъ скоче до себе покликати Саву въ гости, то почепе па дуба коницю сина, дніжде ночи тай пиднале. Побаче Сава огонь, — на коня тай тутъ...

— А якъ-же то сплюндовали, кажете, Запорожжя и коли то було?

— А це вже за Катерину,—царыця така була. Стали, бачте, вороги докучать царыци, що буцимъ-бы то запорожци иноду роблять; вона забрала військо и послала на ихъ.

— И що-жъ?

— А що-жъ!.. Зійшлись ото москали, зійшлись и запорожци. Москали стриляють, а запорожци позы підставляють... Понабирали новни заполы куль, тай пішли до царыця.

— Великій съвіть, матусю! кажуть; на тобя оци горишки, вони може згодятьца.

Вона здивувалась тай каже:

— Явлайтесь ка мнѣ, я васъ угощу.

Зібрались ото запорожци до неї, а вона й ныта:

— Какъ вы живете, яловое запорожское войско, безъ женъ?

— Живемо, кажуть, не згирайте, хиба тильки що отъ сорочокъ никому прать...

Угостила ото вона запорожцівъ и пішла въ ихній станъ. Дывиця: хто зъ казаківъ чоботы квациє дёгтемъ, хто матню лата, хто кампу варе, хто нужу бье, а інчій вуса круте...

— Что-же у васъ такое нестройное войско? ныта царыця копювого.

— Та такъ, каже, матусю, замирепьс: ни противъ кого строиться...

Царыця-бѣ и ничего, такъ советыки въ иен... Бачить, що силою ничего не зробить, то иначій способъ на ихъ придумали: ставъ Потёмка слободы населять, нимдавъ сажать... взяли вони и подались—де яки на Кубань, а де яки пидъ турка. Тутъ ще зъ туркомъ було! Прышли вони туда, а паша каже:

— Тоди я васть прыйму, якъ заприсягнете служити вирно въ моїй землї.

— Добре, кажуть, согласни.

Стали ото збирать ихъ пидъ присягу, а у ихъ у каждого въ торбыни була христіянска земля; вони понасыпали въ чоботи твої земли, підійшли пидъ присягу и кажуть:

— На чий землї стоимо, тому цареви и будемо служити!

Такъ вони и робили: було въ турецьни живуть, а помичъ дають своимъ хреццемъ.

— А теперъ хиба ихъ тамъ уже нема?

— Есть, кажуть, та мало: вийшли колись звидтиль, и вже тутъ вони перевелись...

Александровськъ, екатер. губ.

Я. П. Новицкій.

22 іюля 1885 г.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ ВЪ НОВОРОССІІ.

Въ Одессѣ, за угломъ Преображенской улицы, обращенной къ кладищу, осенью 1869 г., сиживала съ другими попроптайками и сгорблена худенькая старушка. Днемъ она, въ ожиданіи похоронъ и милостыни, грѣла тамъ на солнышкѣ свои старыя кости, или пряталась отъ холоднаго сѣверного вѣтра, а вечеромъ приходила въ одинъ изъ домовъ той улицы и, пригрѣтая ласкою христіянского семейства, словно оживала. Накормленная «борщикомъ» и чѣмъ Богъ послалъ и напоенная «чаечкомъ», она впалыми полупотухшими глазами, какъ морга, присматривалась къ теплому уголку, пріютившему ее на ночь, и ослабѣвшимъ слухомъ усердно прислушивалась къ разговору своихъ хозяекъ, почтившихъ ее именемъ бабушки. Словно бабушка настоящая, она любопытствовала знать, «що шые Оленка», или «що робить Лизаветка», приносила имъ гостинцы — «яблочко» или «бублічикъ», рассказывала имъ про

свою долгую жизнь, сперва довольною и счастливую, потомъ бѣдную и горькую, доканчивающую съ весны до поздней осени на Преображенской улицѣ, а съ осени до весны на печи въ одномъ изъ подгороднихъ хуторовъ.

Одна изъ слушавшихъ разсказы бабушки, молодая, любознательная душа своими разспросами съумѣла вызвать ее на разговоры, чутко-внимательнымъ ухомъ уловить ихъ вполнѣ и по свѣжей памяти положить на бумагу. Съ согласія записавшей предлагаемъ здѣсь три разсказа, точнѣе народная сказки, переданныя этой столѣтнею почти старухою, всю жизнь свою проведшую въ окрестностяхъ Одессы и, Богъ знаетъ, откуда туда забредшею. Въ нихъ ярко свѣтится общенародная малорусская мораль, а чистая, гладкая рѣчь показываетъ, что они долго находились уже въ народномъ обращеніи.

Задни¹⁾.

Роскажу вамъ, диточки, не баечку—ни, але правду. Въ еднѣмъ сели були два браты: еденъ багатый-багатый, такій що годы, а другій бидный. Бачите—меньшій бувъ багатый, а старшій бидный. Ото бачите—той сиромаха бидный робивъ тому багатому, такъ нибы якъ за наймита бувъ у нѣго. Ото багатый лежить соби и спочиває, а бидному сказавъ молотити на насиння. Ото винъ сиромаха пишовъ на тикъ, тай ставъ молотити. Коли дывиця, аже ласочка все бига отъ стижка та до стижка, высмикне именыци изъ маленького стижка, тай несе въ великий до багатого. Ото винъ дывиця, дывиця, а дали каже: потривай-же, пидстережу-жъ я тебе, що ты таке за вира! Ото засинъ, тай піймавъ. Піймавъ, тай пытаєдя его:

- А що ты, каже, такое? Кажи, бо якъ це скажеть, то задавлю.
- Ой, не дави мене, пусти!
- Ни, не пустю, доки не скажеть, що ты такое.
- Ой пусти! я скажу тоби, що я такое—я щастя твоего брата.
- Ну, коли ты щастя моего брата, то скажи-жъ мапи: де мое щастя?
- Твое щастя далеко, єго нема тутечки: у брата скільки ты не будешь працювати, все будеши старчувати; а ты заразъ бери жинку,

¹⁾ Бѣдность. Бѣдственная жизнь.

дитей, тай иди витциль; тай якъ будешь забиратися и злыдни захотять ити съ тобою, то ты возьми, та всади ихъ гарненько въ баеклажонъ, та возьми на плечи, тай неси; а тамъ якъ будешь ити, то зобачишь, коло шляху фигура буде стояти, а коло фигуры кирныца, тоды ты возьми, тай пришипили ихъ у ти кирныци гарненько—нехай тамъ зостаюся, а самъ иди, навить не оглядуючись.

Ото-жъ бидный кинувъ цигль, ввѣшовъ до хаты тай каже жиньци:

— А що жинко, вдягай дитей, тай ходимъ; не хочу же я бильше у брата робити, ходимъ щастя шукати.

— А це що тоби таке сталося? куды-жъ мы пидемъ? тай ввищо-жъ я дитей повдягаю?—стала жинка громати на него.

— Ну, якъ ты не хочешь, то зоставайся, роби братови, а я пиду; бо моего щастя нема тутычка.

— Нема що робить,—давай вони обое збирати тамъ де яке збіжа, ѿбъ то дитей повдягати. Повдягали, помолились Богу, тай хотили, бачите, йти, а злыдни съ-пидъ приличка:

— И мы за вами!

— Що тутъ робити? дума человикъ; треба й злыдни забирати.

Тоды взявъ ихъ, гарненько повсажувавъ въ боклагть, заткнувъ яки були дырочки, на плечи, тай понистъ.

Несе, несе, коли дывица, ажъ кирныца и фигура коло неи. Отъ винъ тоды гарненько взявъ ихъ, спустивъ въ кирныцу, привилывъ тамъ ихъ, тай каже: сидить-же оттуть, бисови злыдни! а самъ пїйшовъ, не оглядяючись.

Отъ прыйшовъ винъ до единого села, ажъ тамъ, дывица, сидять люди коло корчмы; отъ винъ прыйшовъ до нихъ ближче,—може сночти хотивъ, або що,—тай каже: *

— Здорови, люди!

— Здоровъ будь, человиче!

— Зъ педилею будьте здорови!

— Спасыби,—видвичають.

— А куды тебе Богъ несе, человиче добрый?

— Иду, люди добри, чи не здыбаю де своего щастя, та добрихъ людей.

Ото, обизвався еденъ человикъ старенъкій, сидивъ тамъ мыже людьми, бачите: коли хочешь, каже, человиче добрый, то йди до мене; я человикъ старый и баба моя стара, а хазяйство, хвалить Бога,

добре маю. Чомремо, все тоби зостанеца, якъ тильки будешь нась обхожувати до смерти. У нась дитей нема, а мы уже стари, нема нась кому доглядати и въ хазяйстви прадцовата.

Ото той бидный и ставъ у діда робити. А хазяйство въ ёго добре було,—були волы й коровы, и вивци, и свини—геть все було. Ото дідъ каже тому бидцому:

— Возьми, сыну, та постанови соби землянку, бо баба удущива, не може бути межи дитими.

— Добре, каже, тату!—бачите, винъ ёго батькомъ кликавъ,—тай ставъ копати землянку.

Копає, ажъ дывиця, стоять казанокъ грошей; отъ винъ взявъ заховавъ ти гроши соби гарненько, тай мовчить. Ажъ не забаромъ умеръ дідъ, а тамъ перегодивши и баба вмерла, и ёму все ляшилось. Тоди винъ ставъ такъ хаяювати, що годи; бавже ставъ багачемъ такимъ, що и сказать не можно. Ото выстроивъ соби двиръ такій, що годи; уже ставъ паномъ, купцемъ; уже до нѣго и попы, и купци, и паны стали заизжати та гостювати, та напиватися, бо то у нѣго були и папитки, и наїдки, все; кони на стани таки, якъ змії стоять,—сказано купцемъ-паномъ уже ставъ.

Ото стали люди казати тому братови, що твій братъ—чи Тимко, чи Іванъ—купцемъ-паномъ уже ставъ, такій багачъ, що годи: въ двори живе, дитей письма понаучовавъ и до цѣго геть и попы, и купци, и паны вси заизжають, такій багачъ, що и сказать не можна.

— А ну, жинко, осидлаю я коня, каже той братъ, та поїду, побачу, що то люди плецуть, що винъ нibly такій багачъ ставъ.

Ото й прихавъ, прыжжає до села, тай пытаеця:

— Де тутъ такій и такій чоловикъ?

— Овде ёго двиръ, показали ёму.

Отъ винъ прыжжає до брамы, злизъ зъ коня, коли дывиця, ажъ ёго братъ похожає соби цо подвирю съ купцями и панами, такій, що куды тоби! А дали якось и углядивъ, тай каже: «отъ и братъ мій прихавъ!» Отъ той ввійшовъ, привитався, інши заразъ до господи, стали пити, гуляти, напиватися. Ото напивались тамъ день, другій, третій, а дали вже паны, попы, то що, порозицжалися, тильки зосталися вони въ двохъ. Сидять соби за столомъ, та ще напиваюца. Ото пили, пили, а дали той братъ пытає:

— Скажи мини, брате, чого ты ставъ такій багатый? де ты свои злыдни дивъ? Бо, то бачите, ёго заздристь взяла.

— Ге, де! диво! каже той багатый—у кирныци пришилилъ.

— У якои кирныци?—пытае зновъ той.

— А отъ у тои, що коло неи фигура стоить, коли бачивъ.

— Ну, помысливъ той, почикай-же, пійду-жъ я та одшиплю ихъ, прійдуть вони зновъ до тебе, не будешь ты такій панъ.

Ого вже ёму и не сидиця, заразъ ставъ турбуватись—тобъ то щобъ йхати до дому, щобъ скорише злыдни одшипили. А той все втримує:

— Не йдь, каже, братику, погостюй ще въ мене.

— Ни, брате, треба йхати до дому, бо въ мене хазяйство, треба доглянути; а тутъ въ ёго думка ишча.

Ото попрощались гардепъко, винъ сивъ на боян і поїхавъ. Приміжас до кирныци, дывиця, ажъ такъ—сидять тамъ злыдни прішпильяни. Отъ винъ взявъ, видшилилъ ихъ, тай каже:

— Идти отъ цею дорижечкою, а тамъ буде село, а въ тимъ сели вашъ хазяинъ живе,—вамъ буде у нёго теперъ добрѣ.

— Цуръ ёму, пекъ ёму—щобъ мы до ёго вернулись; винъ настъ бувъ-бы завапастинъ на вики, якъ-бы ты не одшилилъ; ты настъ вызволимъ, мы до тебе й пидемо, тай будемъ твои во вики виковы!

Тай причепились до ёго. Та якъ причепились, то винъ ставъ із гирцій старець, пижъ братъ ёго бувъ перше.

Д о л я.

Въ одномъ селѣ була дивка, вже дохожала. Не случалисъ, бачите, люди, ще не пришла пора ії. Отъ вона каже соби:

— Господи милостивый! мої дити та вже новаходили за мижъ, а я и доси дâвую. Ниду я до церкви, та буду всю пичь молитися Богу, чи не скажуть мики святіи, де моя доля.

Отъ и зробила такъ: ишніла до церкви, та якъ стали вже люди выходити, а вона взяла тай стала за дверима, а дякъ не бачивъ ії, тай зачинивъ церкву, а вона й зосталась. Отъ вона стала молитися Богу. Коли такъ якъ у пивночи—дывиця, ажъ прылитають янголи до Бога тай кажутъ:

— Господи милостивый! тьма народилася, а тьма вмерла.

А Господь видвичас:

- Котри народились—долю дати, а котри вмерли—поховати.
 Отъ вони й полетили соби.
 А дали зновъ прилітають:
- Господи милостивий! тьма народилася, а тьма вмерла.
 А Господь зновъ видвичає, якъ перші. А вона все молитьця.
 А дали якъ стало съвитати, зновъ янголи прилітають до Бога и
 кажуть, якъ^и перші. Господь имъ зновъ такъ видвичає:
- Котри пародились—щаствія-долю дати, а котри вмерли—поховати.
 Отъ вони й полетили соби.
 Тоді та дівка каже:
- Господи милостивий! всемъ долю кажешь дати; скажи-жъ міни,
 де моя доля, чи с вона въ мене, чи не має?
- А Господь ій видвичає:
- Цю начь твоя сусидка матиме сына—ото твоя доля; якъ
 словиця ему 16 годъ, винъ тебе визьме и ты будешь щаслива,
 добре тобі буде за пимъ; матимеш ты двохъ синівъ и тоді винъ
 умре, а ти зостанешся вдовою, и ще по твоїй смерті збідять
 тебе собаки.
- Отъ давъ Богъ съвіть, вона приходить до дому, ажъ тамъ
 сусидка сына має. Отъ вона никому ничего не каже, та такъ того
 хлопця любить, що годи. А той хлоцчина такъ хутко росте, та
 такій гарний стає. Та вже вирись великий, тай каже батькови:
- Тату, я хочу женитися.
- Добре синку, женися, шукай соби на сели дівчину.
- Не хочу я на сели шукати, я визьму оцю нашу сусидку.
- Що ты? скаменісь, вона тобі за бабу годиця, а не то, що жінка.
- Ничого, що баба, коли я ін люблю и хочу ін взяти, тай годи.
- Ото батько й мати синяли єго, спипали, а дали бачать, що
 винъ въ одну душу—визьму сусидку тай годи, тай кажуть:
- Ну, бери! нема що робити, але щобъ писля не жалкувати.
- Отъ винъ посватався, а дали оббули весилля, и стали вони
 соби жати. Живуть такъ гарно, що годи: все село дывуєця, що
 вона така стара, а винъ під хлопець, и такъ живуть гарно, що
 годи. Отъ давъ имъ Богъ и дитей,—було въ ней два сини, та
 такі гарні. А дали винъ заслабъ та и вмеръ, а вона зъ дитими зоста-
 лася, и такъ тихъ дитей доглядає, такъ вони ростуть гарно; ото по-

выростали, вже велыки парубки. Коли це вона заслабла тай умерла, а якъ умирала, то призвала сынивъ, тай важе:

— Отъ, диточки, я вже умираю, але, глядить, по моїй смерті ще мене собаки зъидать!

— Що це ви, мамо, кажете? Щобъ то ми дали вась собакамъ зъисти? видвичають тіи сыни; та ми закличемъ коваля, щобъ вамъ домовину окудавъ, тоди поховаемъ.

Отъ ничего: вмерла вона, убрали іи такъ гарно, поклали на лавци, а сыни заразъ зробили домовину таку гарну дубову, закликали коваля, окували іи такъ крипко, геть усю. Посходився народъ, щобъ то ховати покійницю, коли тутъ вбигає въ хату сусидъ та якъ крикне: ой, стижокъ горить! то вси съ хаты, скильки було народу, повыбигали на той пожаръ, а мерця покинули. Де взялись собаки, вбигли въ хату, зволокли покійницю зъ лавки, витягли на дверь, тай почали шматувати, а закимъ вони вернулися, вже тильки кисточки валяються по подвирью. Тоди взяли ти кисточки, позбирали, поскладали у ту домовину, тай поховали.—Отъ якъ то слово, що Господь сказавъ, сполняєтца!

На все воля Божа.

Разъ мужикъ сказавъ жинца:

— Жинко! знаєшъ що, пиду я завтра въ лисъ, нарубаю дровъ, та повезу на базаръ; продамъ, та за тіи гроши куплю мяса, та въ неділю зваришъ борцъ добрий зъ мясомъ.

— Добре чоловиче, але кажи, якъ Богъ дасть, видвичала жинка.

— Та що тамъ це «якъ Богъ дасть»! якъ захочу, такъ и зроблю.

— Знаю, чоловиче, якъ захочешъ, такъ и зробишь, але-жъ, все таки тає буде, якъ Богъ дасть.

— Ну, коли такъ, то я отъ заразъ запрягаю волы тай їду въ лисъ.

И мужикъ выбигъ съ хаты, запрігъ волы, кинувъ сокиру на визъ и поїхавъ въ лисъ.

— Отъ тоби буде, якъ Богъ дасть, коли я вже їду думає соби мужикъ.

Приїхавъ въ лисъ, нарубавъ дровъ, наложивъ на визъ, зашнурувавъ.

— Отъ тоби «якъ Богъ дасть», коли дрова вже на вози. Ну, тай доочекла враха жинка; таки свое: «якъ Богъ дасть», тай годи. Ну, тай битиму-жъ колись.

Запригъ волы и поехавъ на базарь. Тильки що выихавъ зъ лиса, де взялъся отаманъ и кричить:

— Стой, куда ты? Скидай лышень дрова; тамъ греблю прорвало, треба гатити, туды пойдь скорине, а не въ базарь.

Почесався мужикъ, поскидавъ дрова съ воза и поехавъ на греблю. Проробивъ тамъ два дни, а на третій тильки вже къ ночи, голодный, придыбавъ до дому. Жинка уже снала, а винъ лидъихавъ тихенко до хаты и постукавъ въ двери.

- А кто тамъ? спыталась вона.
 - Видчини, жинко—якъ Богъ дастъ, скажасть чоловикъ.
 - А що, чоловиче, не на мое вышло? спытала жинка.
 - Правда, жинко, правда; видъ цѣго часу и поки въ съвiti будуть жити, все буду казати: якъ Богъ дастъ.
-

ПИСЬМО АВГУСТА II, КОРОЛЯ ПОЛЬСКАГО, КЪ СЕМЕНУ ПАЛИЮ.

Августъ Вторый, Божію милостію король польскій
и проч. и проч. и проч.

Благородный и истинно намъ любезный!

При первомъ извѣстіи о новой и неожиданной революції на Украинѣ и беспорядкахъ, поднятыхъ полковникомъ Самусемъ, мы отзовались къ вашей милости, обязывая васъ тотчасъ-же приложить всѣ силы и средства къ погашенію этого огня. Теперь, когда до насъ доходятъ достойныя вѣры предостереженія и сами собственными глазами видимъ, что этотъ пожаръ при помощи вашей все болѣе распространяется, мы должны тѣмъ болѣе удивляться, чѣмъ болѣе ожидали отъ васъ крѣпкой вѣрности и обычной покорности намъ и Рѣчи-Посполитой, что и признаемъ не безъ тяжкой печали. Теперь вашей милости напоминаемъ и этимъ листомъ нашимъ васъ предостерегаемъ, чтобы сами опомнились и другихъ, отклонивши отъ предпринятаго мятежа, къ должной покорности привели, отобранные города и крѣпости тотчасъ-же очистили и покорились законной власти, помня сурвость права послолитаго, къ которому уже намъ пришлось-бы обратиться. Не сомнѣваемся, что доброта и милость наши королевскія смягчатъ васъ и устраянуть забывчи-

вость, на что, имѣя основанія надѣяться, желаемъ вашей милости отъ Господа Бога доброго здоровья. Данъ въ Торунѣ дnia 10-го февраля мѣсяца 1703 года, царствованія нашего въ VI годъ.

Подлинникъ этого письма сохранялся среди рукописей въ ратушномъ архивѣ во Львовѣ; въ 1840 г. славный галицкій ученый Діонісій Зубрицкій отдалъ его знаменитому польскому учепому Вацлаву Александру Мацѣевскому, послѣдній снялъ съ него копію въ Варшавѣ 15-го сентября 1840 г., съ которой нынѣ это письмо и переведено для печати.

С—ю.

ВОСПРЕІЩЕНІЕ ГЕТМАНОМЪ СКОРОПАДСКИМЪ СВОРОВЪ НА „РАЛЕЦЪ“.

Въ южной Россіи съ незапамятныхъ временъ существовали приношенія или сборы, посившія назватіе *ралецъ* или на *ралецъ*. Обычай этотъ имѣлъ никогда широкое разнообразное примѣненіе и удержался кое-гдѣ и теперь подъ тѣмъ-же, давно утратившимъ свой смыслъ названіемъ, какъ обломокъ глубокой старины.

Приношенія и сборы съ такимъ названіемъ дѣлались два раза въ годъ, въ праздникъ Рождества и въ праздникъ Свѣтлого Воскресенія Христова, и практиковались всюду, гдѣ только люди стояли въ постоянныхъ какихъ либо зависимыхъ отношеніяхъ: давали «на ралецъ» прихожане своему приходскому священнику, крестьяне помѣщику, мѣщане магистратскимъ чинамъ, козаки и послольство сотеной и полковой старшинѣ, даже цеховые своему цехмистру и братчики своему старшему. Въ приходахъ, цехахъ и братствахъ приношенія этого рода всегда имѣли видъ добровольной жертвы и въ послѣднихъ двухъ не личный, а въ пользу учрежденій, у помѣщиковъ-же, полковой старшины и магистратовъ приобрѣли съ течениемъ времени значеніе обязательного сбора. Первоначальная форма приношеній была конечно натуральная и лишь постепенно, и то только въ козачьемъ и магистратскомъ мірѣ, перешла въ денежную опредѣленного размѣра. Предметы натуральныхъ приношеній были самые разнообразные: хлѣбъ, плоды, огородная овоць, медь, воскъ, итицы и животныя, пища вообще въ сыромъ и приготовленномъ видѣ, иногда предметы искусственного производства, начиная съ прядива и кончая покупными издѣліями. Само собою разумѣется,

что приношения разнообразились въ содержании и количествѣ, смотря по состоянию и роду занятій приносителей, равно потребностямъ и вкусамъ тѣхъ, кому приношения назначались, пока они не пріобрѣли наконецъ тамъ и здѣсь опредѣленную, устойчивую форму, съ перенесеною и даже утратой самаго названія.

Указать начало и происхожденіе приношений и сборовъ на «ралець» едва-ли возможно; объ этомъ обычай находимъ лишь случайный упоминанія въ актахъ XVIII и XVII ст. и такихъ письменныхъ памятникахъ, какъ напр. Дневникъ Ханенка. Начало онаго, безъ специального названія и пріуроченія къ извѣстнымъ праздникамъ въ году, относится, конечно, ко временамъ самымъ древнимъ. У всѣхъ народовъ существовалъ обычай первый сборъ земныхъ произрастеній приносить въ жертву божеству, которому человѣкъ считалъ себя обязаннымъ ими. Такой обычай былъ въ церкви ветхозавѣтной, перешелъ и въ ново-завѣтную, существовавъ у нашихъ предковъ-язычниковъ и потомъ христіанъ. Удержалось въ Малороссіи и доселе освященіе цвѣтовъ и кѣнковъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ 1-го августа, древесныхъ плодовъ и меду 6-го августа; существуетъ также приносъ такъ называемыхъ «мисочекъ» (варениковъ, пироговъ и куръ) именно въ праздники Рождества и Пасхи, во второй день, и указанія на этотъ обычай восходятъ даже къ XVI столѣтію. Понятно, что приносимое какъ-бы въ жертву Богу, шло и идетъ на пользу его служителей. Тоже чувство благодарности, которое руководило человѣкомъ въ жертвоприношеніяхъ, вызывало и первыя приношения сидѣвшихъ на чужой землѣ тѣмъ, кому она принадлежала на правѣ собственности. Приношения эти увеличивались, разнообразились и превращались въ опредѣленные сборы и налоги, натуральные, а затѣмъ денежные. Но и послѣ установления всѣхъ такихъ сборовъ и новинностей существовали у нашихъ помѣщиковъ до постѣдняго времени и некоторые сборы, пріуроченные, какъ и въ XVII ст., къ праздникамъ Пасхи и Рождества Христова. Таковъ въ особенности сборъ канунами и индуками именно къ этимъ праздникамъ, хотя ему и не присвоивался, кажется, специальный терминъ «на ралець». Сборы или жертвы въ цехахъ и братствахъ съ названіемъ «ралець» встречаются во многихъ ихъ уставахъ и записяхъ, существуютъ и теперь, какъ напр. въ селѣ Дыбинацахъ, киевской губерніи и иѣкоторыхъ

селахъ губерніи цолтавской¹⁾). Тотъ-же сборъ, въ видѣ налога на мѣщанъ въ пользу магистратскихъ чиновъ, производился въ Киевѣ еще въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Ничего нѣть удивительнаго, что онъ практиковался въ отношеніяхъ козаковъ въ полковой и сотенной старшинѣ. Козачая старшина, народившаяся при Хмельницкомъ и окрѣпшая послѣ него, вмѣстѣ съ угодьями пріобрѣтала въ свое «послушаніе» и жившихъ на нихъ людей, становившихся, по тогдашнему названію, ихъ «подданными». Независимо отъ этихъ, всѣ жившіе въ сотнѣ или полку находились въ административномъ и судебномъ подчиненіи старшинѣ, а что касается козаковъ, то старшина пользовалась отъ нихъ не рѣдко такими-же почти повинностями, какъ и отъ «подданныхъ». Понятно отсюда появление и въ козачьемъ мірѣ подарковъ старшинѣ въ главные два праздника, превращенныхъ потомъ въ обязательный и притомъ денежный сборъ. Въ такомъ видѣ мы встрѣчаемъ этотъ сборъ въ началѣ XVIII ст. Сборъ былъ тягостнымъ уже потому, что былъ произволенъ, какъ и многіе другіе.

Несомнѣнное, официальное свѣдѣніе о существованіи этого сбора, съ специальнymъ названіемъ «раздѣць», даетъ сообщенное намъ обязательно А. М. Лазаревскимъ слѣдующее письмо гетмана Скоропадскаго къ черниговскому полковнику Полуботку, которымъ онъ поручаетъ ему воспретить этотъ незаконный сборъ.

«Припомнѣлисмо, за иными забавами, писати передъ симъ до вашей милости о томъ, ижъ бысь предложилъ во всѣ рейменту нашего полка указами, чтобъ теперъ, иле безъ бытности нашей при резиденції, нѣгде раздевої не выбрано належитости, такъ зъ козаковъ, которимъ въ два похода слѣдовати состояться указъ, яко зъ послполитихъ, которимъ самихъ стоялцовъ сустентовати будеть не безтяжестно. Прето нарочно нынѣ сей написъ до вашей милости листъ ординуючи, жадаемъ писло, абысь ваша милость до и. п. полковниковъ цѣлихъ и наказникъ написать именемъ нанимъ, дабы, если не велѣли въ полкахъ своихъ по давнокъ обикновеню раздевої стигати повинности, уже оной занехали всеяка; если-жъ забрана, то жѣбы тихъ грощей нѣхто зъ старшины нѣкуда рострачовать не важилисъ: ибо за поворотомъ, дасть Богъ, нашимъ роскажемъ

¹⁾ См. «Кievskую Старину» 1885 г., сентябрь, стр. 159—171.

оке любъ воспять людямъ, зъ которихъ стягано, поотдавати, любъ на яковіе общенародніе нужди въ кожномъ полку употребить для тихъ же людей полегкости въ другихъ необходимыхъ изыянностяхъ. Да и тое доложить, что когда-бы кто зъ старшини сотенной чили полковой стягненную ралцеву належитость иѣль на свои тахловати привати, а тое на немъ доведется потомъ, теди не тиляко затахлованное возвратити мусить, але еще за тое и штрафованъ будетъ, декларуемъ; кгд-жъ и давно мы уже мыслили, для предлежащихъ людскихъ трудностей, тіе разы отставити; да за забавами нашими иойло тое въ запомнено по сей часъ. О томъ вашей милости предложивши, зичиъ ему-же доброго отъ Господа Бога здоровья. Зъ великого града Москви. Марта 30 дня. Вашей милости всего добра зичливый пріятель Иванъ Скоропадскій, гетманъ войска его императорскаго величества запорозскаго.

Письмо писано въ 1722 г., какъ это указывается Хапенкомъ въ его діаріушѣ (Чтен. въ моск. общ. истор. и древн., 1858 г., кн. 1, стр. 37). Нѣть сомнія, что это письмо вызвано было слухами объ учрежденіи малороссійской коллегіи, которая должна была, между прочимъ, «всему малороссійскому народу всѣ неправые суды и напрасныя отягощенія пресѣчь». Однимъ изъ «напрасныхъ отягощеній» былъ и *ралецъ*, собиравшійся въ пользу старшицы два раза въ годъ, къ Пасхѣ и Рождеству. Письмо списано съ копіи, помѣщенной въ журналѣ генеральной канцелярии за 1722 г.

ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

(Нещера въ лебединскомъ мѣсу и остатки старинной живописи въ лебединскомъ монастыре).

Въ кievской губерніи, чигиринскомъ уѣздѣ одно изъ самыхъ древнихъ поселеній есть с. Лебединъ, памятное въ исторіи и народныхъ преданіяхъ. Близъ него существоваль издревле мужской монастырь того-же названія, преобразованный въ концѣ прошлаго столѣтія въ монастырь женскій, а вокругъ него тянулся извѣстный также подъ именемъ лебединскаго. Въ прошломъ столѣтіи, во время

насильственного распространения здѣсь унії, монастырь служилъ пріютомъ для оставшихся вѣрными православію, а лѣсъ служилъ убѣжищемъ для гайдамакъ. Отсюда извѣстность монастыря и лѣса. Не разъ мнѣ приходилось быть въ этой мѣстности, и я хочу сообщить сѣдѣнія какъ о тамошней пещерѣ, такъ и объ остаткахъ старицкой живописи въ монастырѣ.

Пещера находится въ лѣсу между с. Лебединомъ и монастыремъ, вправо отъ дороги, ведущей изъ лебединского сахарного завода въ монастырь, во второмъ оврагѣ, при подъемѣ на «Сопи-гору», какъ разъ на границѣ между имѣніями графа Бобринскаго и помѣщика Роговскаго. Года четыре тому назадъ, при рытьѣ пограничной канавы, рабочіе засыпали входъ въ пещеру и съ тѣхъ поръ богомольцы не сворачиваютъ съ дороги и не осматриваютъ ее съ благоговѣніемъ, какъ это дѣлалось раньше. Пещера расположена на краю «садка», который по традиціи называется Андрійцевымъ. Входъ находится на юго-западной сторонѣ, передъ нимъ довольно обширная площадка, образованная, по видимому, изъ вынутой земли; передъ входомъ, лѣтъ 8—9 тому назадъ, росла роскошная калина. Внутреннее помѣщеніе состоить изъ двухъ комнатъ, по кубической сажени въ объемѣ, приблизительно; вторая комната расположена вѣво отъ первой, вправо-же находилось отверстіе, въ которое могъ свободно проползти человѣкъ, и судя потому, что въ этомъ каналѣ была усиленная тяга воздуха, сопровождаемая какъ-бы шумомъ пчелинаго роя, нужно полагать, что былъ еще другой ходъ изъ пещеры наружу, но куда онъ велъ, не знаю. Почва пещеры глинистая, твердая; стѣны въ видѣ правильныхъ плоскостей; какихъ либо признаковъ внутренняго убранства, конечно, не сохранилось, исключая только находившагося противъ входа четырехугольнаго углубленія въ стѣнѣ, служившаго, вѣроятно, полкой. Высота и глубина полки незначительны, всего 2—3 вершка, а ширина вершковъ пятнадцать; стѣны этого углубленія нѣсколько, кажется, закопчены дымомъ.

Кому принадлежала эта пещера, кто первый ее вырылъ и какое было назначеніе,—сѣдѣній объ этомъ доискаться нельзя. Близость монастыря указываетъ на то, что это было убѣжище кого-либо изъ иноковъ, желавшаго подвизаться въ совершенномъ отчужденіи отъ міра. Къ этому-же приводитъ и слышанный мною на мѣстѣ слѣдующій разсказъ одной женщины.

«То ще було за панцини, тоди вольно було скрізь пасти скотъ. Отъ мій братъ, якъ бувъ ще маленькимъ, пасъ съ другимъ хлопцемъ вивци въ цему лиси. Разъ пішли вони въ листъ и набрели на ту печерю. «Давай, полиземо та побачимо, що тамъ таке», каже мій братъ тому хлопцеви. «Давай», каже. Довго спиричались вони, кому первому лизти, бо боялись, а дали й полизали. Увійшли у якусь погребицю; коли дивлятца, ажъ тамъ і горщечокъ, і мисочка, і ложечка; въ куточку малесенька іконочка, а коло неї чотири свички навкрестъ; далі сундучокъ, а коло сундучка килимокъ. Взяли вони, розбили горщечокъ і мисочку, ложечку поламали, а свички забрали, тай вилазять; коли дивлятца, ажъ йде чоловикъ, увесь въ чорному, съ патеричкою въ рукахъ. «А чого вамъ, каже, треба? За вами и тутъ яичого не вдергитца... Постойте-жъ, я вамъ!» Хлонци давай драла, покидали і вивци і усе. Якъ узнали люди про ту печерю, почали ходити, але вже не бачили бильше того схимника, смандрувавъ десь мабуть».

Настояцій женскій, или «пациянскій», какъ говорять крестьяне, монастырь существуетъ сто съ лишнимъ лѣтъ и теперъ извѣстенъ по существующему тамъ училищу дѣвицъ духовнаго званія. Въ немъ сохранились, между прочимъ, нѣкоторыя изображенія старинной мѣстной живописи, въ ряду которыхъ особенное вниманіе обращаетъ на себя картина страшнаго суда. Если послѣ богослуженія будете проходить черезъ колокольню, всегда застанете сдѣсь кучки богомольцевъ, особенно женщинъ, съ любопытствомъ рассматривающихъ изображенія на картинѣ муки грѣшныхъ. Коментаторомъ является находящаяся сдѣсь черничка, объясненія которой богомольцы слушаютъ со вниманіемъ и нѣкоторымъ трепетомъ. Картипа эта въ помѣщенныхъ на ней фигурахъ носить мѣстный колоритъ. Грѣшники богачи представлены въ видѣ польскихъ пановъ, въ кунтушахъ, съ широкими поясами; усердіе и холодность къ церкви изображены въ видѣ двухъ дѣвушекъ, собравшихся идти въ церковь. Одѣ въ малорусскихъ крестьянскихъ нарядахъ, но у одной получше, у другой хуже; это значитъ, что послѣдняя на скорую руку одѣлася и поспѣшила въ церковь, чтобы не опоздать, другая-же старалася получше одѣться, и поэтому опоздала. Тутъ-же показано и незмѣздіе,—ибо усердная къ церкви дѣвушка шествуетъ рядомъ

съ монахинями и участвуетъ въ ихъ славословіи, наоборотъ, хлопотавшая о нарядѣ, плачущая, отправляется въ адъ. Кромѣ этихъ, въ разныхъ мѣстахъ картины видно много другихъ человѣческихъ фигуръ, изображающихъ собою разные виды грѣха и добродѣтели, наказанія и награды, а въ числѣ ихъ выдаются изображеніе обѣда нечестивыхъ и благочестивыхъ людей, а также разнаго рода смертей—отъ огня, отъ воды и отъ водки; послѣдняя тѣжелой булавой пригнетаетъ человѣка къ небольшой лужѣ и топитъ его. Но болѣе всѣхъ поразили меня, по загадочности своей тенденціи, двѣ фигуры, мужская и женская, съ подписями: *кисель* и *кваша*. «Кисель» представленъ въ видѣ кавалера, одѣтаго въ красный кунтушъ, завитаго, наrumяненного, съ закрученными усами, «кваша» въ видѣ молодицы, неряшливо одѣтой и очень высоко «пидтиканой». Что означаетъ эта аллегорія, рѣшать не берусь, но заношу какъ фактъ изъ мѣстной живописи.

Въ числѣ иконъ, оставшихся отъ бывшаго мужскаго лебединскаго монастыря и хранящихся въ церкви, выстроенной на мѣстѣ прежней, георгіевской, есть чѣсколько ветхихъ и, можетъ быть, интересныхъ въ археологическомъ отношеніи. На одной изъ нихъ, изображающей Богоматерь, есть надпись, которой дословно сейчасъ передать не могу, но въ которой говорится, что икона написана для георгіевского монастыря; въ ней упоминается также игуменъ Мелхиседекъ, безъ сомнѣнія известный въ исторіи Колівщицы Мелхиседекъ Значко-Яворскій, игуменъ мотронинскаго монастыря. Икона совершенно мѣстнаго художества; писаль ее крестьянинъ села Лебедина Пина, котораго потомки живутъ и доселе. Въ этомъ году окончательно «зруйнованъ» б. георгіевскій мужской монастырь, т. е. его ветхія постройки.

Пройдетъ десятокъ, другой лѣтъ и крыло времени замететь стѣды прошлаго; прідется, быть можетъ, пожалѣть о томъ, что своевременно не было сбережено, или записано.

Лебедин. сахар. заводъ
4-го августа 1885 г.

Мих. Васильевъ.

КАКЪ РАЗСУДИЛЪ ПАНЪ СТАРОСТА КАНЕВСКІЙ.

Подъ именемъ пана старосты каневскаго разумѣется Николай Потоцкій, владѣлецъ обширныхъ помѣстій на Волыни и Украинѣ,

средины прошлого столѣтія, извѣстный своею эксцентричностью, проще сказать панскимъ самодурствомъ, то въ высшей степени забавнымъ и остроумнымъ, то подъ чась крайне жестокимъ и дикимъ. О его расправѣ и судѣ ходить и доселѣ масса забавныхъ рассказовъ, и какъ дѣйствующими лицами въ нихъ являются не одни шляхтичи, но нерѣдко съ ними евреи, цыгане и малорусские крестьяне, то рассказы эти носятъ на себѣ всегда почти мѣстный историко-этнографический колоритъ. Передаю одинъ изъ подобныхъ рассказовъ, слышанный мною въ давніе годы въ Каневщинѣ, на мѣстѣ дѣйствій пана старосты каневскаго.

Како-то бѣдный шляхтичъ, возвращаясь изъ дальней поѣздки домой, остановился на ночлегъ въ жидовской корчмѣ. Въ дорогѣ онъ настолько издержался, что у него еле хватало расплатиться за этотъ послѣдній ночлегъ, а о сытомъ ужинѣ и думать было нечего. Быть между тѣмъ «шабашъ», и хозяева-евреи, къ соблазну голодащаго шляхтича, усѣлись за праздничный ужинъ, за которымъ, въ числѣ другихъ кушаньевъ, была такъ любимая и польскими панами «надзіевана», т. е. фаршированная щука, приправленная лукомъ, перцемъ и другими пряностями. Гоноровому шляхтичу просить, конечно, никакъ не приходилось, но и заказать любимое кушанье было не на что, а между тѣмъ тутъ-же подъ бокомъ раздается стукъ посуды, чавканье ужинающіхъ, и доносится возбуждающей аппетитъ прянный запахъ «надзіеваной». Не сидится голодному пану шляхтичу; начинаетъ онъ ходить по комнатѣ, а сквозь растворенную ея дверь видѣнъ въ другой комнатѣ и столѣ съ ужинающими и аппетитная «надзіевана». Разобрало шляхтича! Сталь онъ передъ дверью, потянулъ сильно носомъ и громко проговорилъ:

— А, то самый запахъ вартъ сто золотыхъ!

Евреи ничего не отвѣтили на это и какъ-бы совсѣмъ не обратили вниманія на этотъ явственный намекъ шляхтича на то, что и онъ съ удовольствиемъ поймѣ-бы, если-бы ему предложили.

Шляхтичъ прошелся по комнатѣ, остановился у самой двери, снова потянулъ носомъ и опять сказать то-же. Евреи молча продолжали ужинать.

— Или они глухи, или глупы, или совсѣмъ невѣжи, подумалъ про себя шляхтичъ.—Прошелся еще разъ взадъ и впередъ и вы-

тянувшись въ дверь, еще громче повторилъ прежнее восклицаніе. Евреи и впрямь какъ-бы оглохли.

— Гуиство! Иса кревъ! пробормоталъ себѣ подъ носъ шляхтичъ и улегся спать.

— Добра оказія! то какъ разъ для пана старости, подумалъ про себя хозяинъ еврей, мигомъ сообразившій, какой гешефтъ, съ по-мощію пана Каневскаго, можно сдѣлать изъ невиннаго восклицанія проѣзжаго шляхтича.

На утро собирается шляхтичъ ъхать и зоветъ корчмаря-жиду для расчета. Посчиталъ тотъ за сѣно, за овесь, за комнату и по-стой—оказалось платы не много, какъ разъ по тощему карману шляхтича, и онъ сейчасъ-же платить.

— Ну, а еще триста злотыхъ!... говорить еврей.

— Какие триста злотыхъ? удивленно спрашиваетъ шляхтичъ.

— А какъ-же! вельможный панъ вчора, какъ мы вечерю ъли, такъ три раза нюхаль и все говорилъ: вартъ сто злотыхъ! Ну, три раза по сто злотыхъ, то и будетъ триста злотыхъ. Развѣ панъ самъ такъ не говорилъ?

— Дай мнѣ покой съ тѣми жаргами! сказалъ, смѣясь, шляхтичъ, вовсе не догадываясь о томъ, съ чего вздумалось простому жиду такъ непристойно шутить съ нимъ, шляхтичемъ.

-- То не жарты, пане! отвѣчалъ еврей. Панъ самъ то говорилъ... А какъ панъ мнѣ не заплатить, то пойдемъ до пана старости...

Еврей вполнѣ былъ увѣренъ, что эта продѣлка понравится причудливому пану Потоцкому и что онъ самъ заплатить ему за его претензію къ шляхтичу, особенно, если этотъ шляхтичъ по чemu либо ему извѣстенъ; а шляхтичъ въ свою очередь зналъ, что если онъ и не захочетъ ъхать къ пану старостѣ, то по жалобѣ еврея тотъ отыщетъ его и въ десятомъ царствѣ и притащить къ себѣ на судъ. Какъ-же быть? Платить нечѣмъ, а жидъ не отстаетъ; волей-неволей пришлось ъхать на судъ къ пану старостѣ.

Пріѣзжаютъ. Жидъ все рассказалъ, какъ было, и просить за-щиты у ясновельможнаго пана.

Пану старостѣ понравилась оригинальность этого позва и онъ велитъ шляхтичу платить еврею триста злотыхъ.

— Смилуйся, ясновельможный! благимъ матомъ кричитъ шляхтичъ. Да вѣдь это и на цыганскій судъ сдаться (отдать на рѣшеніе погоня) и то можно...

— А! на цыганскій, такъ на цыганскій! Хлопци, чтобы быть сейчасъ здѣсь цыганъ! Гдѣ хотите, найдите! крикнулъ панъ староста, любившій все оригинальное, изъ ряда выходящее.

Разыскали цыгана. Панъ староста самъ рассказалъ ему, въ чёмъ дѣло, и требовалъ немедленнаго решения. Цыганъ на минуту задумался, потомъ сказалъ:

— Ну, а есть-же у этого пана хоть сто золотыхъ, чтобы уплатить жиду, если я присужу? Деньги на столъ! Иначе я не судья.

Шляхтичъ съежился. Судью онъ самъ предложилъ и покориться надо, а денегъ все-таки у него ни шеляга.

Видѣть панъ староста, что шляхтичъ чуть не плачетъ, догадался, что денегъ у него нѣтъ, вынимаетъ свои сто золотыхъ и кладетъ на столъ.

— Ну, жидъ, считай золотые и клади мнѣ сюда въ капшукъ, говорить цыганъ.

— Эйнъ, цвей, дрей... и такъ далѣе до ста считаетъ еврей и выкладываетъ золотые въ капшукъ цыгана. Задернулъ цыганъ за вязочку у капшука, приподнялъ его, потрясъ деньгами и спрашиваетъ жида:

— Чуешь, жиде, якъ бразчать гроши?

— Ну, цую, цую... отвѣчаетъ жидъ.

— Ну, а сколько ихъ тутъ?

— Ну, да сто-жъ золотыхъ.

Цыганъ повторилъ тѣ же вопросы второй и третій разъ, набрасывая все деньгами, и получилъ тѣ же отвѣты.

— Ну, слухай-же! сказалъ потомъ цыганъ жиду.—Ото-жъ панъ у тебе рыбы нарюхався, а ты гречей, якъ бразчать, наслухався, то й буде зъ васъ, а гроши я визьму соби за розсудокъ.

Всѣ присутствующіе и самъ панъ староста расхохотались отъ такого неожиданнаго решения. Жидъ поморщился; но не то его ждало впереди.

Гмъ! какъ-то глухо промычалъ панъ староста, что служило у него обыкновенно предвестникомъ какого либо оригинального решения.—Сей нарюхався, той наслухався, вси посміялись, а мои злоти пропали!.. А щобъ жидъ ще й почухався, хлопци, дать ему это нагаивъ!

Б. П.

Олена Андреевна Никовцева, а постѣ и самъ Пиковецъ, и отужи-
давши вмѣстѣ, розехались по домамъ.

30. Израна бытъ въ коммисіи, а постѣ обѣда никуда не
внезджалъ, бо недомогалъ постѣ вчорашнего гуляння.

31. Обослали насть судія енералный г. Іисенко сиѣкою рибою,
а п. Іванъ Гамалія трома карасями, у которого вечеромъ и быши
мы зъ женою. Отпущеніи лишніиес люди въ Перегонъ и принятій
на господарство Семенко Шулакъ, чрезъ которого писано до Коза-
чинскаго и послано въ домъ палубъ и два конѣ, такожъ хомуть и илекъ.

Ю Н Ъ.

1. Обѣдали и весь дѣнь пробавили у Івана Гамалія въ ново-
купленномъ его дворѣ. Хлонця малого Андрѣя отдали въ наученіе
мастерства шмуклерскаго, которому майстеру поступлено за науче-
ніе онаго хлонца 6 р. и уже ему давы 2 р.

2. Обѣдали у писаря суда енералного Івана Никовца, потомъ
и постѣ обѣда зажгались въ коммисію.

3. Писаль къ новопринятыму старостѣ Лаврѣну Козачинскому
зъ увѣщаніемъ, чтобы не пяистовать и съ людми не драляся и
ле которые венци присыпалъ-бы, якое писмо отправлено чрезъ Ни-
киту Гагоденка.

4. Обѣдали у насть Іванъ Гамалія зъ Іосифомъ Гамаліею и
Навломъ Скорупшою, а вечеромъ бытъ у насть-же полковникъ Тют-
чевъ и довольно, ажъ до смерку, позабавилъся. Обослали насть рибою
Романа Йиенка.

5. Рано бытъ я у енерала и обѣдали у насть тѣ, вѣо и вчора:
постѣ обѣда были у насть первой обозной енералный г. Лизогубъ
зъ Іваномъ и Іосифомъ Гамаліями, потомъ Федоръ Чуйкевичъ,
писарь енералный Безбородко и Матвій Холодовичъ, а надвечери
были и наши бунчуная Оболовская, писарка судовая Никовцева
и Романа Йиенка жена. Зрана обослали насть судія енералный
г. Іисенко рибою. Купчинскій съ токаринци бѣжалъ вчора.

6. Столновскій первый разъ бытъ изъ коммисіи, потомъ у мене
онъ-же обѣдалъ; судія енералный Ікимъ Горленко прибыль въ
Глуховъ.

7. Писаль къ старостѣ товкачовскому, чтобы сюда прїездить
ко прѣтомъ, якое писмо вручили сотнику полковому прилуцкому

Лукомскому для пересылки въ Товкачовку. Обоедать насть рибою Иванъ Гамалія.

8. Писаря судового Шаковця жена обѣдала у насть, а зрана быль у насть-же бунчучный енералій г. Оболонскій; вечеромъ-же были у Ивана Гамалія.

9. Обѣдать у насть полку прилуцкого сотникъ монастирискій Иванъ Романовичъ, а послѣ обѣда па малое время быль у г. Скоропадскаго, потомъ зъ полковникомъ лубенскимъ вкупъ отехали въ коммісію.

10. Извено писмо къ архіерею чернѣговскому, преосвященному Амвросію Дубневичу, о дозвolenіи заложить при церкви воіздвиженской городецкой во имя святого апостола и евангелиста Іоанна и тое писмо включено въ пакетъ до писаря полкового чернѣговскаго Миткевича, о чемъ и къ нему особливое писмо написано-жъ.

11. Послѣ обѣда отехали до Кочергъ, где за прибытіемъ стали квартерою у бунчукового товариша Ивана Филиповскаго и вечеромъ зъ женой были на греблѣ и на футорѣ Рубановскомъ.

12. Тамъ-же въ Кочергахъ обѣдан слушали, а по обѣдѣ, у оного-жъ Филиловскаго, быль у мене значковый козакъ сотнѣ глуховской Иванъ Василевако (*vulgo* называемый Рудый), который держать въ заставѣ три кола млива отъ Стефана Миклашевскаго; зъ онымъ постановили греблю гатить общиимъ коштомъ, и на то въ первый расходъ дано отъ мене осмь рублей до руки Филиповскаго, о чемъ оттуду-жъ шеаль я и до Стефана Миклашевскаго, чтобъ онъ и мѣроочника *на* свою панцину отъ греблѣ не отривалъ; тамъ-же ковало, що направку де которую коло нашего каменя чрезъ два года дѣлать, даю 1 р.

13. Зранку были у мене атаманъ и войть чаусовскіе, прибывши сюда за дѣломъ заводитъ зъ свдоколицами о грунта у нихъ отнятые. Вечеромъ были капитанша Бранчинова, Иванова Гамалія и Шиковчиха у жены моей, а у Ивана Гамалія были брегадиръ Ілінъ, полковникъ Тютчевъ и подполковникъ Семеновъ, проводя Ерошкина. Отправлено писмо въ домъ до Козачинскаго чрезъ козака даріевскаго, присланного зъ письмомъ отъ атамана погарскаго, Бѣляя, и писмо отъ г. Скоропадскаго въ Суворовъ.

14. Обѣдалъ у насъ Федоръ Чуйкевичъ, а по позднѣй быль я зъ женою у бунчучного Оболонского, где бытъ-же полковникъ Тютчевъ, Никовцева, судія гадяцкій Родзянка и судія вакансовый Лазаревичъ.

15. Пріѣхалъ зъ дому Романъ Гамоновъ и де що цопризовили. Обѣдалъ у насъ сотникъ полковый прилуцкій Стефанъ Лукомскій.

16. Писать въ домъ къ старостѣ Лаврѣну Козачинскому и до господаря перегонскаго Емельяна Шулика и послано на росплату за всѣ лѣтніе мѣсяцы за порціи 23 р. битіе чрезъ — — . Зранку быль у мене бунчучный Оболонскій, а обѣдалъ у насъ сотникъ березанскій Василь Думитрашко-Райча, которій и обявилъ о своемъ до С.-Ібурха отездѣ²¹⁶⁾). Староста товкачовскій Ілія Паленскій прибылъ и привезъ 30 руб. денегъ.

17. Писаны писма до С.-Ібурха, и именно до отца Тодорскаго, учителя придворного, до камергера Николая Андріевича Корфа, до секретаря Новоторжцова двѣ писми, въ одномъ зъ нихъ зъ иконоченiemъ табакерки и протчого, до Андрея Горленка и до Федора Мойсеевича Божкова, новоожалованного въ дворянсие придворного уставника, и оные писма и табакерка вручены помянутому сотнику Думитрашку. Вечеромъ быль я у Ивана Семеновича Хрущова, где засталъ и брагадира Ілина и подполковника Семенова.

18. Тотъ-же сотникъ Думитрашко отехалъ въ путь свой; я зъ женою обѣдалъ у Ивана Гамаліи и до вечера въ карти играли. Федоръ Ширай прибылъ въ Глуховъ.

19. Рано быль у енерала. Обѣдня слушалъ въ церкви святой Варвары. Обѣдали у мене Василь Гудовичъ, Семенъ Столповскій, да сотникъ прилуцкій Лукомскій, Романовичъ монастирскій и малинскій Лисаневичъ, а потомъ припопъ Федоръ Ширай, а послѣ Иванъ Гамалія, да ассесоръ Денисовъ, зъ которымъ поинолъ зъ двора моего и у него были. У полковника Ридера дочь рожденную въ сѣмъ мѣсяцѣ крестили полковникъ лубенскій зъ енераллю Бибиковою.

20. Израна не быль я въ коммисіі ради вчорашнаго шумства. Обѣдалъ у насъ Федоръ Ширай. Староста товкачовскій отехалъ.

²¹⁶⁾ О Василіѣ Думитрашкѣ Раїчѣ, см. «Кіевскую Старину» 1885 года, т. XI, стр. 330.

21 и 22. Былъ послѣ обѣда въ судѣ енералномъ для слушанія дѣла членовъ членовъ о козачествѣ Емельяна Галактионова и о разореніи ему учненіемъ отъ Василия Кузябки.

23. Рано поздравляли генерала Бибикова и генералишу тезоименитствомъ ея, чего для пѣкоторые у нихъ и на обѣдѣ были, въ томъ числѣ и жена моя.

24. Обѣдали у мене асауль полковый кіевскій Шумъ, хоружий полковый ижинскій Грива, сотникъ самарскій Журба; а послѣ обѣда ездили я къ Ивану Гамалію, а енераль былъ у г. Скоропадскаго, где и Марко Марковичъ, прибывшій изъ С.-Ібурха, съ братомъ своимъ Яковомъ былъ-же.

25. Послѣ обѣда мылься у пасъ въ баптѣ Иванъ Гамалія. Куплено для кухара крашенины чорной 10 аршинъ за 42 $\frac{1}{4}$ к. Хлонцямъ на поясъ пасистой матеріи за 30 к. Ивану 8 аршинъ за 32 к.

26. Обѣдин слушаніемъ въ монастырѣ, потомъ перво я самъ былъ у судіи енералного Горлена, потомъ зъ женою у Лисенка, а обѣдать въ домѣ и съ пами сотникъ монастырскій Романовичъ. Ноелѣ цолдня былъ у пасъ полковникъ лубенскій г. Апостоль, зъ которымъ ездили по комиссіи нашей для пѣкоторыхъ разговоровъ до обозного генералного г. Лизогуба, где съ пами были и Семенъ Чуйкевичъ и Стефанъ Савіцкій.

27. Информатору Юнгансу за пропилодскую сина нашего наукъ по числу 20 маія сего году дано въ диплату 7 р. 30 к. Рано поздравляли генерала полтавскою баталіею, чего для и самъ онъ былъ въ церкви св. Варвары на молебствіи, которое служили зъ многими священниками два архимандриты: одинъ гамаліевскій, Софоній Мигалевичъ, другій ижинскій, Модесть Велецкій.

28. Взято у Пуховича для жены на кунтушъ золотогорянціи рецети по 1 р. 10 к. за локотъ 15 и дано къ поштию Недѣлченку.

29. Рано званы къ генералу на кунтале для тезоименитства его імператорскаго высочества, великого князя Петра Федоровича. Обѣдю въ соборной церкви служить архимандритъ ижинскій Модесть Велецкій, молебствіе оба: и онъ, и гамаліевскій, а по молебствіи вишалено ять 21 мартари. Кушали и доволю гуляли у генерала, а между обѣдомъ прибыль изъ С.-Ібурха синъ енералскій Петръ Ивановичъ. Во время молебствія прибѣжалъ изъ Переяславу староста Омелянъ Шубинъ зъ тимъ иѣвѣстіемъ, что поручичникъ

Кишинскій отобралъ Куроў и Чубароў, которо-жъ старосту сего числа отиравиль обратно изъ словесныи и именемъ приказомъ. Быль вечеромъ у Ивана Гамалии и у него-жъ видѣться зъ Широкимъ.

30. Рано быль у мене Ширай, потомъ войтъ стародубовскій Коменокъ зъ писаремъ своимъ майстрацкимъ, Савою Терлецкимъ, постъ г. подскарбій енералный Скоропадскій и полковникъ лубенскій Апостоль. По обѣдѣ быль я у подполковника Ладижинскаго стороны поруччика Кишилскаго, а потомъ были у мене архимандрии иѣжинскій Модестъ Волецкій и глуховскій петропавловскій ігумень Иакифоръ Грибовскій.

Ю л ь.

1. Нисалъ къ Чижевскому, что отъ Широкого будеть отиравленъ нарочный зъ писомъ въ полковую лубенскую канцелярию, дабы чрезъ высланныхъ учиненъ быль разборъ о спорѣ въ земляхъ зъ слобожанами его и футоромъ нынѣшнымъ Чижевскаго. Подана въ комиссию экономіи челобитная на поруччика Кишилскаго о отобранныхъ имъ деревняхъ Куроў и Чубароў. Сего-жъ числа вечеромъ быль у мене Петръ Лисаневичъ зъ женою своею, которую онъ понялъ въ Москву зъ дому брегадира Ситина дочь.

2. По раннемъ обѣдѣ отехала жена къ дому, которую провожаль я зъ сипомъ за Березу, а отоль возвратясь, получиль писмо, что синъ малый всемъ боленъ въ Перегонѣ; постъ обѣда-жъ быль у подполковника Ладижинскаго стороны подавной отъ мене въ комиссию экономіи челобитной.

3. На писмо вчора зъ дому полученнюе отправилъ отвѣтъ до жены, у мене-же обѣдали Василь Гудовичъ и сотникъ монастырскій Романовичъ, да мглинскій Лисаневичъ, а рано прислали полковникъ Тютчевъ служителя звать къ себѣ на завтре, потомъ у енерала будучаго мене и самъ просили.

4. Обѣдъ кушали зъ енераломъ и зъ прочими у полковника Тютчева ради сегонашнего тезоименитства его, а одголь пристедъ, застать въ дворѣ пріехавшаго изъ дому нашего Петрова Троеполенка зъ тимъ извѣстіемъ, что куроўци и чубаровци отъ всякого послушненства отказались, на которое писмо писать къ жениѣ, чтобъ войтовъ сиската къ себѣ и противнїхъ смирила.

5. Весь день бытъ въ домѣ и сочиняли проектъ и дадикацію по комиссіи переводу и своду правныхъ книгъ, а послѣ поданія первой бытъ у ассесора Денисова, потомъ заезжать до Ласкевича и до лінгваристра, а падвечери бытъ у генерала и подаватъ челобитную о Куроў и Чубаровѣ, которую велиль подать утро при собранії другихъ.

6. Оную челобитную рапо подать енералу, которую онъ и читатъ; по прочтениі-же оной въ собраніи сообщено въ министерскую канцелярію и приказано писать дополненіе въ севать, отбирать-ли таковые деревни въ экономію, а въ экономію указъ, чтобъ во владѣнії намъ тихъ деревень до указу не чинено никакого иомблателства.

7. О такої резолюціи и отъ Якова Івановича Денисова мнѣ объявлено, почему заходилъ я и въ канцелярію министерскую.

8. Поданъ репортъ о совершенніи въ перевodній и сводной комиссіи правнаго дѣла, а другое дополненіе отъ комиссіи о отправленіи мене зъ тимъ дѣломъ и другими въ С.-Ібурхъ, и позволеніе получила той комиссіи персоны разездитись по домамъ. Писалъ къ архієрею черніговскому за отцемъ Иваномъ Подольскимъ и за сыномъ его діакономъ, Іоанномъ-же, которому на дорогу и 1 р. данъ.

9. Рапо подписанъ помянутый въ канцеляріи міністерской о Куроў и Чубаровѣ указъ. Рано-жъ отехали въ Дунаецъ до г. Скоропадского, куда прибылъ и енералъ зъ енералітою и другіе господа велико и малороссійскіе, где и купали и весь день пробавили. И падвечери, простишись тамъ зъ полковникомъ лубенскимъ, отехалъ до Кочергъ и прибылъ туда позно.

10. Обѣдали въ Кочергахъ у Стефана Миклашевскаго, по обѣдѣ бытъ у Ивана Филиповскаго, а падвечери оттолъ отехавъ, прибылъ позно въ Семеновку и тутъ у Ивана Шроцкаго заночовалъ.

11. Отданъ изъ міністерской канцеляріи стороны Куроў и Чубарова въ комиссію экономіи указъ. Енералъ сегодня зъ Дунайца поворотилься, да и г. Скоропадскій зъ дѣтми одтолъ прибылъ-же.

12. Виданъ изъ комиссіи экономіи о томъ-же указъ къ поручику Кішинскому. Писалъ писма въ С.-Ібурхъ къ князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, къ секретарю Новоторжцову и къ

Василію Думитрашку вѣроятное писмо зъ приложеною чеснитною въ сепать о дѣлѣ моемъ стороны деревень Курова и Чубарова.

13. Оный изъ комиссіи указъ отправленъ въ Новгородокъ чрезъ компанѣца при Каврайскомъ, чрезъ которого о томъ-же и до жены писано. Рано только побывать у генерала, а по обѣдѣ не могъ на диссентерію и на гости. Ввечеру пожегналься со мною Столновскій, да у мене-жъ були и сотники прилущай полковый Лукомскій и мглинскій Лисаневичъ.

14. Писма цмсалные въ С.-Пбурхъ включены въ одинъ пакетъ зъ чеснитною и еще одно написанное до Думитрашка, и тотъ пакетъ, подписаный на его-жъ имя, отосланъ до Ивана Тодорскаго, чтобы вложилъ въ свой пакетъ отцу брату своему Симону Тодорскому. Отправленъ въ домъ подводчикъ зъ двома наметами и посуда отѣнная чрезъ него-жъ послана при письмѣ къ женѣ.

15. Прибыли зъ дому Грицко и Каврайскій зъ писемомъ. Федоръ Ширай получитъ отпускъ отъ генерала въ домъ на каникулы. Сину Мандзевиковому за 12 локотъ блакитного атласу и за аксамить чорный заплатиль 12 рублей.

16. Грицко отправленъ и чрезъ него посланъ ордеръ поруччика Киницкого въ кошія указу къ нему изъ комиссіи скопоміи о нечиненіи намъ препятствія во владѣніи деревень Курова и Чубарова. Генералу откланялся, токмо вѣтъль удержатися до нѣсколько дней.

17. Хоружий полковый вѣжинскій Грава женился на дочерѣ сотника глуховскаго Даміана Турянскаго, рожденной зъ первой жены, и вѣничалъ зъ єю въ церкви святой Варвары. Федоръ Ширай рано, простившись со мною, отехаль въ домъ свой.

18. Быть у мене послѣ обѣда хоружий полковый иѣжинскій Грава съ прошвіемъ на свою свадбу, однако-жъ я у него не быль, хотя другіе госнода, да и самъ генераль, на той свадбѣ были. Старостѣ локнянскому Якову Кучеру за камень у него взятый въ Кочерга—5 р.

19. Слушали дѣла, изъ суда синорального о Соколовскаго уѣздѣ и о прѣтческомъ экстрактомъ представленного, потомъ обѣдалъ у мене Иванъ Гамалія зъ Коропцемъ. Ввечеру прибыль зъ дому съ письмомъ Булаковъ.

20. Обѣдать я у Ивана Гамаліи зъ обознымъ генералыムъ г. Лизогубомъ, а потомъ и у обозного генералыого бывы. Іову Трубачу, що хлопця Андрея учить пімуклерства, даны еще 2 р.

21. Канцеляристъ войсковый, бывшій уже и сотникъ вакансіи-совый, Иванъ Тодорскій преставился въ куренѣ канцелярскомъ на горичку и сего-жъ числа погребенъ въ церкви святого архангела Михаила. Сего-жъ числа рано получиль я отиускъ въ домъ отъ генерала и послѣ обѣда прощалься зъ брегадиромъ Ізіпымъ, полковникомъ Тютчевымъ и прочими. Писма упомянутые подъ 14 числомъ сего мѣсяца отданы г. Денисову къ пересылки въ С.-Ібурхъ.

22. Подано доношеніе въ коммісію економіи о противности куровціокъ и чубаровціовъ и постѣ полдня въ 4 часу отехаль зъ Глухова, простишь зъ г. Скоропадскимъ, и уже позно прибыль на почтѣ въ Локотки, где и почовать въ гаю.

23. Рано поехаль и, перевезинись чрезъ Десну, прибыль подъ часть обѣденъ до Новгородка, где быль у мене сотникъ новгород-скій и обѣдалъ, я-жъ посыпалъ къ поруччику Кининскому съ объявленіемъ о противности куровціовъ и чубаровціовъ, который имѣль посыпти салата, но не посыпалъ. Потомъ самъ я отехаль передомъ оставя обозъ проволѣ ити назадъ, и прибыль позно уже въ Громячее: тамъ-же оставилъ своихъ 2 конѣ и взяль почтовые лошадѣ за про-гony, отехаль и прибыль коло полуночи въ домъ свой до Перегону.

24. Постѣ служби Божії и молебствія заездили въ городискій дворъ, потомъ обѣдали въ Перегонѣ кушно зъ священникомъ отцемъ Михаиломъ, а по полдни посыпалъ Іосифа зъ Семеномъ Шуп-кимъ въ Чубаровъ и Куроў, чтобы мужики до насть явились, но не послушали.

25. О такомъ оныхъ неподушнествѣ писать къ поруччику Кининскому и послать писмо въ Новгородокъ чрезъ Мартиненка, о томъ-же и въ канцелярію сотенню погарскую предложеніе по-слать, зъ кошкою ордера, отъ онаго поруччика отъ 13 числа сего мѣсяца писанного, и оное предложеніе въ Погарь отиравиль чрезъ племіника Іосифа.

26. По тому предложенію, сказовать Іосифъ, послать имѣли зъ канцеляріи сотенню погарской нарочного зъ инструкцією о сиску въ Погарь именно показанныхъ противниковъ зъ Чубарова и Куроў.

27. Получилъ отъ поручника Кипинского отвѣтъ и повтореній въ Куроў и Чубаровъ ордеръ, чтобы по прежнему тамошние мужики отдавали намъ надлежащее послушенство, зъ которымъ ордеромъ, тако-жъ и съ прежнимъ посланіемъ въ Погаръ Іосифъ, чтобы зъ нимъ кого отъ уряду послано въ тѣ деревни, по и того оные мужики не послушали.

28. Рано отехалъ я въ Погаръ и писменно знову предлагалъ къ сотнику зъ урядомъ, чтобы послали нарочныхъ по инструкціи, которая куровцамъ и чубаровцамъ витолковали-бѣ силу указу, къ поручику Кипинскому изъ коммісіи экономіи писанного, и ордеровъ его къ нимъ писанихъ. Я-жъ, отобѣдавши у сотника, поехалъ черезъ Куроў, где засталъ мужиковъ въ собраніи, который какъ на самого мене порвались съ дублемъ, такъ служителей моихъ, а особенно старосту Омеляна Шуліка жестоко били, и на силу мы ушли отъ онаго мужичаго разбою. Прибывъ-же въ домъ, застать тутъ сотника мглинскаго Лисаневича, который у насъ и почовалъ.

29. Сочинена челобитная въ Глуховъ въ канцелярію енерал-ную, въ Стародубъ—въ канцелярію полковую и въ Погаръ—въ сотенное правленіе о здѣланнымъ вчора наль нами отъ куровцівъ гвалтѣ. Рано пріехалъ къ намъ въ Перегонъ Федоръ Ширай зъ своею женой и молодію Скорупы, Иванъ и Павель, отобѣдавши-же отехали, а надвечери пріездили зъ Погару отъ уряду присланые для осмотру на старостѣ побоевъ.

30. Послана челобитная въ погарскую сотенную канцелярію, а одтолъ прислана ко мнѣ при писмѣ сотничомъ копія доезднаго доношенія, отъ писаря ратуши Барлуя, зъ товарищемъ въ Куроў посланного, сотнику поданного. Протопоинъ погарскій отецъ Кибалчицъ былъ у мене въ Перегонѣ, которому и указъ архіерейскій врученъ о заложеніи придѣла во имя святаго Иоанна Богослова при церкви городской.

31. При писмѣ къ полковнику стародубовскому г. Максимовичу послана челобитная моя въ полковую стародубовскую канцелярію чрезъ Грица и писмо до писара судового Косача, а въ Глуховъ также челобитная и писма къ гг. полковнику Тютчеву, подескарбію Скоропадскому, писарю Руновскому, Ивану Пироцкому и къ Денисову, писанные подъ 29 числомъ сего течепія; вручены племяннику Іосифу. Писалъ также въ Товнакову чрезъ подводчика тамош-

няго, который пріездить зъ Дациломъ Качашовскимъ, и чрезъ того-жъ подводчика послана пряжа, 300 пасомъ, суконная. Посвящали столовую избу и комнату и свѣтельку, что при комнатахъ.

А в г у с тъ.

1. Рано отехаль Іосифъ къ Глухову зъ вишенамѣнными писмами, которому и депегъ дано 50 к., а съ пимъ-же и подводчикъ токачевский. Чрезъ Іосифа посланы до п. Скоропадского дѣя нарусые полотны. Вечероязъ пересхать я зъ Василкомъ въ дворъ городискій, пріехавши зъ Василіовки.

2. Ездилъ на заворье до женцовъ, где видѣли премного вибнитого яко пашого, такъ и людскаго жита градомъ.

3. Писалъ полковнику стародубовскій, объявляющи, что посланъ указъ къ сотнику погарскому о забраніи предводителей къ бунтовству и разбойному нападку и прислки оныхъ въ полковую канцелярію, и прислать на чисто перенесанную человѣтвую для закрѣпи, которую, въ пакетъ включивъ, послать къ Турку при картѣ для отсылки въ Стародубъ. Сего числа и жена съ дѣтьми пересхала въ городискій дворъ.

4. Получилъ писмо зъ Глухова зъ копіею повторного указу, зъ комиссія економіи къ поруччику Кипинскому 25 іюля посланного, и писалъ въ Глуховъ къ канцеляристамъ Андрею Липиню и Тимофію Закровіецкому, также и до племянника Іосифа Ханенка, и тые писма отправлены чрезъ козака новгородскаго для отсылки оныхъ зъ Новгородка въ Глуховъ.

5. Быль у насъ въ Городищѣ писарь сотенный погарскій, объявляющи, что отправленъ онъ съ командою для взятія мужиковъ къ Куроў и Чубароў, толко никого не сыскалъ. Посланы при писмахъ моихъ къ полковнику стародубовскому г. Максимовичу и къ сотнику погарскому Соболевскому коні повторного указу, изъ комиссіи економіи къ поруччику Кипинскому посланного.

6. Но имѣвшейся передъ священикомъ отцемъ Михаиломъ Пузчевскимъ исповѣди удостоились по милости Божіей святого причащенія. Даво Гаврилку Чаплѣ василіовскому на куплене куфи на горбушу 34 к. Писалъ племянникъ Іосифъ зъ Глухова, что по поданной моей человѣтвной августа 3 для учинена резолюція: послать указы о послуженствѣ куровціовъ и чубаровціовъ Кипинскому,

а о вродерзости и нападеції, отъ нихъ учипенномъ, въ полковую стародубовскую канцелярію о изслѣдованиі.

7. Сотникъ ногарскій при писмѣ своемъ прислаѧ обратно кошю повторного указу, изъ комиссіи экономіи къ поручику Кишинскому писаннаго, и объявляетъ, что мужики куровскіе и чубаровскіе пошлиются въ полковую стародубовскую канцелярію подъ карауломъ безъ допросу о томъ повторномъ указѣ.

8. Быть я зъ сыномъ Василемъ на Васильцовѣ и отобраѧ тамъ денегъ валютиныхъ у Гаврила Чаплѣ 1 р. 30 к., изъ которыхъ заплатилъ виннику за 6 становъ 36 к.

9. Постланъ Каврайскій въ Ногарь для иѣкоторыхъ покупокъ, на якіе понад 95 к.; онъ-же тамъ и чебітную подалъ па казаковъ куровскихъ Шмару и Зубова.

10. Постѣ поздня быль у насъ сотникъ ногарскій Соболевскій и обявляѧ, что противники куровскіе и чубаровскіе добраны подъ караулъ и пошлиются до Стародуба завтра.

11. Ничего не случилось.

12. Писать писма въ Глуховъ до г. Скоропадского о теслѣ Ивану и до Іосифа зъ приложеньемъ писма въ до старости товкачовскаго о иѣкоторыхъ домовыхъ дѣлахъ и оные писма отправлены парочными лукипциами. Отписатъ и до Андрея Миклашевскаго, званнаго насъ па веселія пасинка своего Василя Жураковскаго, понимающаго дочь у войта иѣжинскаго Тарнавіята.

13. Указы ко мнѣ 1 до полковника стародубовскаго, другій, третій до поручика Кишинскаго стороны курувцовъ и чубаровцовъ, да писма отъ г. Скоропадского, отъ племянника Іосифа и изъ С. П. Бурха отъ Андрея Герлепка привезены ко мнѣ чрезъ компанѣца старого чесниковаго полку, Лукіана Петрова.

14. Оного компанѣца зъ указомъ, до поручика Кишинскаго надлежащимъ, отправилъ къ Новгородку, а самъ по обѣдѣ отехали зъ женой и сыномъ до Стародуба, куда и прибылъ уже позно.

15. Рано быль у полковника Максимовича и отдать ему указъ зъ енералной канцеляріи о куровцахъ и чубаровцахъ. Потомъ перво жена, а послѣ и я отехали до Нижніого на веселія къ Андрею Миклашевскому, который пасинка своего Василя Жураковскаго выправлять для женитбы въ Иѣживѣ на дочери тамошнаго войта Петра Стеріевича, и тамъ въ Нижнемъ застали мы Федора Ширая

зъ женою, Григорія Скорупу съ сыномъ Навломъ, Федора и Александра Корецкихъ зъ женами, Петра Іскрицкого и Сенюту попа, намѣстника стародубовскаго, зъ женою, где послѣ обѣда выправленъ молодой зъ своею ассистентицю, а простию отехали по домамъ, я-же зъ женою тамъ въ Нижнемъ и ночлегъ имѣли.

16. Тамъ-же послѣ службы Божій обѣдали и весь день проѣвили, да уже ночю прибыли до Стародуба въ домъ свой.

17. Быть я въ канцеляріи полковой, где мужиковъ куроускихъ начали донаращивать. Вечеромъ бысть у мене Григорій Скорупа.

18. Приходили мужики куроуские и чубаровские мене иереи прошовать. А обѣдали у мене-же писари полковый и судовый, да Иванъ Скорупа, потомъ пришелъ и Іскрицкій.

19. Знову быль я въ полковой канцеляріи для присутствія при мужичихъ допросахъ, где бысть и полковникъ Максимовичъ.

20. Жена отехала рано, а у мене обѣдали канцеляристы Данило Короткій и Евфимъ Федорюченко, да попъ Алексей Хелкідоцкій.

21. Слушалъ обѣди въ церкви святой Варвары, что при вознесенской церкви, потомъ заездилъ къ сотнику Коменку на водку. Обѣдали у мене атаманъ мглинскій Матвій Суханскій, да канцеляристъ Федорюченко. Надвечери заездилъ ко мнѣ дядя жены моей, Андрей Миклашевскій, а потомъ быль я въ дворѣ своемъ у Петра Романова и у Гринки Гуриновскаго, послѣ-же и у Андрея Золотаря быль за шаблою, которой на позолоту дано ему отъ насть 4 червоніи золотій, а въ оной шаблѣ серебра вѣсомъ 184 золотники осмой пробы. 21 сего числа полковникъ полтавскій Василій Василіевичъ Кочубей преставилься.

22. Подали куроусы и чубаровцы чelobitnью повинную въ полковую стародубовскую канцелярію, по которой опредѣлено: онуу чelobitnью винѣсть при доношеніи въ войсковую генеральнуу канцелярію, а ихъ за порукою и подписками отпустить для исправленія подлежащихъ имъ работъ. Вечеромъ быль я у Андрея Миклашевскаго и съ онымъ и сожителницею его пожегнался.

23. Въ 9-мъ часу пополудни убрався я віехалъ зъ Стародуба и заездилъ до Гринева къ Федору Ширалю, где и кушаль, а оттоль поехавъ заременно прибылъ въ Городище.

24. Отправленъ въ Куроусъ Грицко Дмитровъ и отданъ ему приказъ высыпать тамошнихъ мужиковъ на пригонъ и самому ему

тамъ быть. Сего-жъ числа на почь къ намъ прибылъ въ Горо-дище Иванъ Гамалія со всѣмъ своимъ домомъ, едучи изъ Клешаль до Юдинова.

25. Отобѣдавъ у насъ, оный-же Иванъ Гамалія отехалъ къ Юдинову. Я позучилъ изъ канцеляріи полковой стародубовской при писмѣ полковничемъ копію членитной, отъ куровщиковъ и чубаров-щиковъ подалиной, съ привинкою о своихъ противъ мене и въ протчемъ преступленіяхъ.

26. Отправлено представление письменное въ полковую стародубовскую канцелярію стороны оной-же членитной и вѣдомость послана въ сотню полковую стародубовскую, что въ деревнѣ Случку на скупляхъ нашихъ выбито градомъ жита конь на 180, а въ Курковичахъ на 65. Сего-жъ числа війшло на приговъ зъ Курова 56, зъ Чубарова 26—на сѣнокосъ и на жнива и сѣвбу.

27. Отправленъ Василь Суходолскій въ Случокъ и до Стародуба зъ писмомъ къ Андрею Миклашевскому, узнаймуючи о проездѣ Ивана Гамаліи къ Юдинову-жъ, и послано ему 6 кавуновъ.

28. Послано писмо къ Чеху въ Курковичи о привозѣ дубового бруса и о протчемъ. Были у мене лукіици стороны заводу своего зъ дарісвцями, недавно оными-же дарісвцями зачатого.

29. Послано чрезъ Омеляна Чеха 3 колеса въ Курковичи для придѣлания еще 3-хъ до нихъ въ велено ему-же старатися бруса дубового ввезти.

30. Прибѣралъся, а 31 послѣ обѣда віехать къ Стародубу на сватбу до Андрея Миклашевскаго, и прибыли туда уже позно при великой дождевой цепогодѣ, которая вчора и сегодня цѣлые дни продолжалась; мимоездомъ была у Петра Горленка въ Мироновцѣ¹¹²⁾.

С е п т е м б� і ю .

1. Послѣ обѣденъ зехались званныи гости въ домъ Андрея Миклашевскаго, а послѣ полдня прибыли и веселые персоны, а именно Василий Жураковскій, пасинокъ его Миклашевскаго, зъ своею новобрачною женой Анною, нѣжинского войта Петра Стерісвича Тарнавиота дочерью и съ иротчими, имъ при сватбѣ въ Нѣжинѣ.

¹¹²⁾ Пётръ Акимовичъ Горленко желать бытъ на внука стародубскаго полковника Тимофея Алексеева; Мироновка отдана ему въ прададзене.

аеснеставшими, и по обыкновенію, какъ вехала овая сватба, при играли полковой стародубовской музыки, въ Городокъ и въ домъ, то начали банкетовать, что продолжалось при звычайныхъ веселыхъ забавахъ даже близъ полуночи.

2. И сего числа у отца и матери новобрачныхъ купали и весь день даже до позна въ ночь веселились всѣ присутствовавшіе и пріежжіе гости, а полковникъ Максимовичъ съ своею женою отехалъ къ Феевичамъ²¹⁶⁾ по указу.

3. Рало были у мене разные персоны мужеска и женска полуясь вѣзитою, въ томъ числѣ и новобрачные, а потомъ паки купали въ домъ Миклашевскаго и раздѣлень быль веселый коровай, а надвечери отехали зъ Стародуба и прибыли позно въ Левенку, где и почовали, обще зъ Иваномъ Гамалѣю, въ домъ Федора Корецкаго.

4. У него-же Федора Корецкаго и обѣдали, а послѣ обѣда Иванъ Гамалѣя отехалъ въ свой домъ, а я, заехавъ къ Александру Корецкому, у него-же и почовалъ.

5. Послѣ обѣда у Александра Корецкаго, где купали съ пами и Петръ Горленко, отехали въ свой домъ до Городища и тутъ позно уже прибыли.

6 и 7 чисель пробавилъ въ домъ въ Городищѣ.

8. Ездили въ Стечину для посѣщенія Феодоры Галецкой, свералиной бунчучной²¹⁷⁾ и тамъ, по выслушавши набоженства, у ея купали и пробавили весь день, да уже позно въ домъ возвратились.

9. Жена еще вчора, а сего числа горше захоронила на голову, а исчеромъ

10 прибыть отецъ Петръ Кибалчицъ, протопопъ ногарекій, съ отцемъ Константіемъ Гилемъ, священикомъ афасасіевскимъ ногарскимъ и зъ діакономъ, въ Городище, для заложенія придѣла при зданії церкви.

11. По отправлениіи всенощного бдѣнія и утренія и лутургіи, отирава была отъ того-же протоіона ногарекого, зъ присутствующими священниками и діакономъ, съ церемонією заложенія придѣла въ імя святого апостола и евангелиста Іоанца Богослова, хотя при великомъ дождѣ, и между прочимъ въ заложеніи того придѣла

²¹⁶⁾ Феевичи—село новозыбковскаго уѣзда.

²¹⁷⁾ Вдова Семена Яковлевича Галецкаго. Сл. примѣч. 25.

положень камень подъ стѣною алтарною и въ немъ въ мѣстѣ ви-
сѣченомъ вложена оловянная таблица, а на оной напись таковая:
«Въ імя Отца и Сина и Святаго Духа, основася сія церковь въ
честь и память святаго апостола и евангелиста Иоанна Богослова,
при державѣ благочестивѣйшей великой государыни императрицы
Елизаветы Петровны, тицаніемъ и изждивеніемъ хоружаго енералнаго
Николая Ханенка, 1743 году сентября 11 дня». А по окончанії
той закладной церемоніи церковной кушали у мене протопопъ со
всѣмъ священствомъ и причетниками церковными, а по кушанию,
давъ протопоцу 2 р., отцу Гилю 1 р., дякону и причетникамъ 65 к.,
отпущеные они во свояси.

12. Отпущень житель лотоковскій Макаръ Іваловъ Ковалъ,
которій приносилъ намъ оттуду письма отъ Федора Пригари, и
чрезъ него-же Ковали посланъ пашъ отвѣтъ къ тому-же Федору
Пригарѣ и писмо въ дѣлѣ его зъ Озерскимъ, до писаря полкового
стародубовскаго писаниое. Да отъ него-же Пригари присланы
деньги 9 р. 80 к. и куница приняты. Писма 1-е до г. Скоропадскаго
противъ его писма и о тестѣ Иванцѣ, 2-е до племянника Іосифа
писаны въ Глуховъ.

13. Оные писма отправлены въ Глуховъ чрезъ Отрокку, слу-
жителя Ширасового, а надвочери былъ и самъ Федоръ Ширай зъ
братомъ своимъ Михайломъ и Иакомъ Скоруппою, едучи до Глухова.

14. Послѣ службы Божій и процесіи кушали у насъ свя-
щенникъ Григорій борщевскій, и здешній городискій, и де которіе
мирськіе люди, а рано сего числа отправленъ команѣцъ до Нов-
городка зъ указомъ до поручника Кишилскаго и зъ письмомъ отъ
мене до новгородскаго сотника, который вчора и ко мнѣ привезъ
изъ войсковой енералии канцеляріи указъ стороны того-же поруч-
чика Кишилскаго и мужиковъ куровскихъ и чубаровскихъ, изъ коихъ
нѣкоторые, въ томъ числѣ и Иванъ Лобъ, были у пасъ въ Градицѣ.

15 и 16 ничего не случилось, кромѣ-что сего числа отправ-
ленъ Стефанъ Каврайскій зъ Иакомъ Лобомъ въ Стародубъ и чрезъ
нихъ послано отъ мене о томъ-же Лобу писемніе въ полковую
стародубовскую канцелярію представлєніе, да и до сотника ново-
мѣскаго писать, припоминаючи о дѣлахъ съ Пригаровскимъ завод-
ныхъ, чтобы оные рѣшили.

17. Зъ ранку великая была стужа, а послѣ полдня немалій синѣтъ знатными пластами надалъ.

18. Давидъ Дударь, Савкинъ отецъ, должныхъ намъ два рубли денегъ отдалъ, и еще на немъ 1 р. имѣется, и тотъ отдалъ. Шести теслямъ, которые работаютъ приѣхать при церкви, дана плата 1 р. 25 к. за тиждень.

19. Рано отправленъ шапочникъ Максимъ, которому за работу шапокъ и кучомъ дано 90 к. и чвертка жита; чрезъ него-же послана моя шабля добрая и писано о иѣсколихъ домовыхъ дѣлахъ до Каврайского. Изъ Стародуба привезены два казаны винничные, направлennes Карпомъ котляремъ, и 9 трубъ, а передъ симъ онъ-же направлять въ Курковичахъ трубу одну, а одну новую дѣлать. Ночовалъ я зъ синомъ на Василіовцѣ. Въ одномъ казанѣ дно новое прироблено.

20. Противъ сего числа згорѣла сосна наша съ пчолами бортная въ рощѣ, въ которой лайперсей подрѣзовали медъ вчора; да въ Перегонѣ гумно Миркуково згорѣло. Мы вже послѣ полдня зъ Василіовки прибыли въ Городище.

21. Писаль къ Ивану Гамалію въ Юдиновъ о присылки мнѣ сиѣца, въ дворѣ его погарскомъ мешкаючаго, для здѣланія оконлицъ. Ввечеру и самъ Иванъ Гамалія зъ женою и зъ дѣтми прибыль къ намъ въ Городище и тутъ почovalъ.

22. Обѣдалъ у насъ Гамалія, отехавъ къ Глухову, а одголь имѣль слѣдоватъ до Кленалъ. Послѣ полдня былъ у насъ въ Городищѣ, мимоездомъ до Кролевца, сотникъ погарской Соболевскій, которому на покуцку двухъ футеръ заячихъ и троихъ замочковъ тулескихъ дани 4 р.

23. Прибыли логоковскіе подводы, на которыхъ привезено дани меду пудъ 10 и 17 ф., да отъ войта Федора Фирсова пудъ за пенику, отъ Прокона Коновалата дани пудъ и зъ нашей сосни 38 фунтовъ, и того всего 13 пудъ и 7 фунтовъ, да бочку дюгтию, куль оениковъ, лубку сунченыхъ черницъ и бочку бруслицы, бересту пять копъ.

24. Ездилъ я на Василіовку и тамъ оставилъ нового винника, зъ Логоковъ привезеннаго, Ивана Николаева зъ женою, да тамъ-же показывано отъ мене и отъ старосты Омелана Шулника Якову Товарницкому, что надлежитъ сиравовать. Видрали еще съ одпой

От редакции.

Журналъ «Киевская Старина» выходитъ неизменно 1-го числа каждого мѣсяца и въ толь-же день разсыпается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперія и за границу.

Редакція отвѣтствуетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ четко написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, где допущена выдача журналовъ, 2) если жалоба изъ неполученія книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявлению Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выгода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе честной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иного города на городской и обратно уплачивается пятьдесятъ коп., а при перемѣнѣ иного города на ино-городный-же высылается четыре семикопѣчные марки.

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. Но той-же цѣнѣ высыпаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ одной (*Кievъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Киевѣ и Петербургѣ, „Нового Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателемъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской истории и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Киев. Старина“ принимается подписка на издающіяся во Львовѣ газеты:

1., „ДѢЛО.“ Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригиналныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложенийъ 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

2., „ЗОРЯ.“ Газета научно-литературная, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; цѣна съ пересылкою 6 р. за годъ и 3 р. за полугодіе. Адресъ редакціи: Львовъ, улица Фредра, № 3.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА.”

1885 г. (IV ГОДЪ ИЗДАНІЯ) 1885 г.

Журналъ „Кіевская Старина”, посвященный исторії южной Россіи, преимущественно бытовой. выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристического содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также бібліографическая извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Къ книжкамъ журнала въ неопределенные сроки прилагаются изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, первымъ кою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 руб. 50 к., за границу 11 руб.

Гг. подписчиковъ нынѣшняго года, не доплатившихъ, или вовсе не внесшихъ платы за нынѣшій годъ просятъ послѣшить высылкою слѣдующихъ отъ нихъ денегъ,

Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8-й. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель Ф. Г. Лебединцевъ.

ІСТОРИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

ЕЖЕМЕсячный

Исторический Журнал

НОЯБРЬ.

1885 г.

Киевъ.

Въ типографії Г. Т. Корчака Новицкаго

СОДЕРЖАНИЕ.

Ноябрь, 1885 г.

стр.

Объявление объ изданіи журнала «Кievskaya Starina» на 1886 г.	
I. СТАРЫЙШИЯ РУССКАЯ ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНЫ. П. Кузьмичевскаго.	371
II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.— (Историко-биографический очеркъ). (Продолженіе). И. Новицкаго . . .	478
III. АВТОБИОГРАФІЯ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА, ПИСАННАЯ ДЛЯ «НАРОДНОГО ЧТЕНИЯ».	431
IV. ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗВСТАНИИ ВЪ УКРАЇНѢ 1863 Г. Б. Познанскаго.	436
V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Шовѣть изъ быта украинского духовенства 20-уъ годовъ XIX ст.). (Окончаніе). И. Левицкаго	466
VI. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Л. В. Ільяшевичъ. Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства. Харьковъ. 1885 г.—<i>Н. Каманина</i>.—б) Великорусский и малорусский языки. Изъ чтений дра Карла Абеля въ оксфордскомъ университѣтѣ по сравнительной лексикографіи. Переведѣ съ англійскаго Рудольфъ Дилицъ. Лейпцигъ и Берлинъ. 1885 г.—<i>Н. Дашкевича</i>—в) Изслѣдованіе о кладахъ волынской губерніи. Житомиръ. 1885 г.—<i>Н. Голубовская</i>	520
VII. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ народныхъ преданій о Гетманщинѣ, Запорожье и Черноморѣ. — Сообщ. <i>Порфирий Мартынович</i>.—б) Илько къ другу отъ офицера находящагося въ Кіевѣ. — Сообщ. <i>В. И. Ястребовъ</i>.—в) Старинныя орудія наказанія и исправленія.—<i>И. Новицкаго</i>.—г) Два слова о панѣ Каневскомъ. <i>Его же</i>.—д) Заирещеніе купальскихъ огней.—<i>П. Е.</i>—е) Вольныя литературныя выраженія въ южно-русскихъ судахъ XVII ст.— Сообщ. <i>П. Шеболдаевъ</i>.—ж) Годичное собрание общества пр. Нестора и отчетъ о его деятельности за 1884—85 г.—з) Всесародное купанье вѣдьмъ въ озерѣ и судебная отъ того волокита.—<i>К. Цыбульская</i>	535
VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.). (Продолженіе).	225—240
<hr/>	
ОБЪЯВЛЕНИЯ.	

Подписька на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1885 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересыпаною 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кievskoy Stariny“, Kievъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высыпаются по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XIII.

НОЯВРЬ.

1885 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. І. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

объ издании журнала

„КИЕВСКАЯ СТАРИНА“

—*на*—

1886 г. (в годъ издания) 1886 г.

Журналъ «Киевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будетъ выходить и въ слѣдующемъ 1886-мъ году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 и болѣе листовъ, подъ тою-же редакціею и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Годовое изданіе журнала составитъ три большихъ тома, каждый по четыре книжки и около 800 страницъ, съ общимъ для всѣхъ указателемъ въ концѣ года.

Редакція располагаетъ запасомъ материаловъ и статей, вполнѣ достаточнымъ для продолженія изданія въ прежнемъ составѣ и характерѣ.

Условія подписки прежнія: подписная цѣна годовому изданію въ 12 книжекъ 10 руб., съ пересылкою во всѣ города россійской имперіи и доставкою на домъ въ Киевъ, при получении изъ конторы редакціи 8 руб. 50 коп., при выпискѣ за границу 11 руб. Часто-годичная или по четвертямъ года подписка не принимается. Раз-

II

срочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ допускается лишь по полу-
годіямъ, или по предварительному соглашению съ редакцію, въ виду
нерѣдкихъ случаевъ недоплаты.

Гр. подписчиковъ нынѣшняго года, не доплатившихъ, или вовсе
не внесшихъ подписной платы, редакція покорнѣйше просить поспѣ-
шить высылкою слѣдующихъ отъ нихъ денегъ, для заключенія сче-
тотъ по изданію нынѣшняго года.

Гр. новымъ подписчикамъ, желающимъ имѣть полные экземп-
ляры журнала за всѣ пять лѣтъ, дѣлается уступка 25% съ общей
за всѣ годы подписной цѣны, выписывающимъ за 4 года одно-
временно 20%, за три 15% и за два 10%.

*Адресъ: Въ редакцію «Кievской Старины», Киевъ, Трех-
святительская улица, д. № 8. Тамъ-же и контора редакціи.*

Редакторъ-издатель *Ѳ. Лебединцевъ.*

СТАРЬШИЯ РУССКИЯ ДРАМАТИЧЕСКИЯ СЦЕНЫ.

Юго-западная Русь—место организации русского театра.—Интермедія Гаватто-вича.—Вопросъ объ отношеніи ихъ къ устной народной словесности.

Первая интермедія и шутка *Шенпрієдъ* въ нѣмецкой редакціи и въ польскихъ передѣлкахъ.

Вторая интермедія и странствующая погѣсть о лучшемъ сиѣ: устный украинскій разсказъ о цыганѣ и хохлѣ. *Прикладъ и выкладъ Римскихъ дѣланій (Gesta Romanae)* и его первообразы: *Disciplina Clericalis*, арабскій и европейскій разсказы. Предполагаемая Бенфеномъ видѣйская параллель ихъ.—Дѣйствительные первообразы еврейскаго и арабскаго рассказа индо-персидской (*Sindibad Намеҳ*) и индо-китайской (*Агаданна*). Обработка арабскаго разсказа у европейцевъ. Итальянскіе варианты его. Вариантъ французскій, письмовника Курганова и устный великорусскій. Соображенія объ образованіи устного украинскаго варианта; отношеніе его къ *Прикладу* второй интермедіи Гаваттонича.

Заключеніе: судьба иѣстѣно-народнаго элемента въ старинной письменности на Руси.

* Исторія начального периода театра въ русскихъ земляхъ представляеть до сихъ поръ крупные пробѣлы. Но существенныя черты этой исторіи уже достаточно выяснены трудами Тихонравова, Некарского и другихъ. Русскій театръ—происхожденія, такъ сказать, историчнаго, еще въ болынѣ степени, пежели театръ другихъ новоевропейскихъ народовъ. Мѣстные зародыши драматической словесности и искусства, заключавшіеся въ языческомъ богослуженіи, бытовыхъ обрядахъ и играхъ, прибитые быстро перенесенныю изъ Византіи христіанскою культурою, не успѣли на Руси развититься до степени настоящей драмы, подобной той, какую явила міру въ свое время цивилизаций классическая. А въ то-же время слабость проникновенія въ русскія земли этой постѣдней цивилизациі, кото-рая едва коснулась черноморскихъ и, можетъ быть, прикарпатскихъ

ихъ закранинъ, была причиною того, что эти земли не получили и отголосковъ драматической словесности и искусства эллино-римского даже въ той степени, въ какой это имѣло мѣсто у новыхъ народовъ западно-европейскихъ. Выѣстъ съ тѣмъ большая крѣпость предапія въ церкви восточной, сравнительно съ западной, помѣщала у насъ постоянному возрастанію драматического элемента въ богослуженіи, въ противность тому, что случилось въ западной Европѣ. Только въ юго-западной Руси, и то очень поздно и подъ вліяніемъ западно-европейскимъ, начало такой драматизаціи появилось въ видѣ такъ называемыхъ *пассій*, т. е. чтенія евангелій о распятіи Христа при нѣсколько драматической обстановкѣ,—да въ Новгородѣ появилось, тоже, вѣроятно, не безъ западнаго вліянія, начало религіозной драмы въ видѣ представленія исторіи «трехъ отроковъ и пещи огненной» въ Вавилонѣ. Представление это распространялось изъ Новгорода на сѣверъ Великой Руси и дошло до Москвы, во не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій, быть можетъ, если не навѣрно, вслѣдствіе разрушенія самаго мѣста его рожденія—Великаго Новгорода съ его культурою.

Мѣстомъ рожденія настоящаго русскаго театра приходится признать области западно-русской, гдѣ историческія условія хотя и не благопріятствовали сохраненію политической независимости русскихъ племенъ, но за то, по крайней мѣрѣ одно время, въ XVI и половинѣ XVII в., давали достаточно простора для общественной само-дѣятельности, корпоративной и личной, не говоря уже о сравнительной легкости сношеній съ болѣе развитыми въ культурномъ отношеніи странами. Здѣсь, гдѣ существовали самоуправляющіяся муниципалії съ образованіемъ мѣщанствомъ, гдѣ церковныя братства развились въ могучія культурныя корпораціи,—возникли и первыя русскія типографіи, первыя правильныя русскія школы, возникъ и правильный русскій театръ.

Театръ этотъ былъ заимствованъ въ готовомъ видѣ изъ западной Европы въ двухъ формахъ, которые постепенно развились въ послѣдней въ теченіи среднихъ вѣковъ: въ формѣ религіозной драмы, *мистеріи*, съ подвидомъ ея—*морализаціей*, и въ видѣ комической *интермедіи*, которая уже рано стала рамкой для развитія вполнѣ национального и реальнаго театра. Изъ западно-русскихъ областей, выѣстъ съ переходомъ ученыхъ малоруссовъ и белоруссовъ на службу

въ московское государство въ XVII ст., театръ перешелъ и въ области великорусскія, гдѣ постепенно и развился, правда, подъ новыми европейскими вліяніями, въ національное, если еще пока не вполнѣ народное учрежденіе,—между тѣмъ, какъ въ западно-русскихъ областяхъ, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ условій, національный театръ встрѣтилъ скоро помѣхи для своего развитія и въ Бѣлоруссіи не только остановился на формахъ XVII в., но почти вымеръ

Къ сожалѣнію, первоначальная проба драматической словесности въ западно-русскихъ областяхъ въ свое время почти не были избраны типографскому станку и многие погибли даже въ рукописяхъ. Такъ напримѣръ малорусскую *рождествоенскую драму* съ интермедіями мы имѣемъ лишь въ позднѣйшихъ спискахъ и въ редакціяхъ не ранніе половины XVII в.¹⁾). О болѣе старой ея редакціи можно судить только приблизительно по списку этой драмы съ великорусскимъ отпечаткомъ въ языке, напечатанному между прочимъ въ трудѣ профессора Тихонрагова: «Русскія драматическія произведения 1672—1725 годовъ», въ каковомъ списокѣ слѣдуетъ видѣть одну изъ шесть, принесенныхъ съ юга Димитріемъ Ростовскимъ и передѣланыхъ имъ для великорусскихъ зрителей. Еще болѣе пострадали первыя пробы вполнѣ свѣтской, комической драматической словесности на малорусскомъ языке. О нихъ можно было до сихъ поръ получить краткія свѣдѣнія отъ польскихъ писателей, преимущественно отъ Крашевскаго, который читалъ рукописи или печатныя изданія старыхъ малорусскихъ интермедій вѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ²⁾.

Тѣмъ болѣе интересна представляется напечатаніе въ «Кievskой Старинѣ», за 1883 г., № 12-мъ, «Двухъ южно-русскихъ интермедій начала XVII в.», которая по справедливости могутъ быть названы, по крайней мѣрѣ впередь до открытія другихъ, старѣйшими русскими драматическими сценами. Сцены эти были играны уже въ 1619 году и вслѣдь за тѣмъ напечатаны, но въ изданіи, которое

1) См. у И. Маркевича, «Обычай, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ». Кіевъ, 1860 г., стр. 31 и дальше; въ «Кievskой Старинѣ», 1882 года, октябрь, стр. 1 и слѣд., «Малорусскій Вертепъ», Гр. Гагагана, и 1883 года, декабрь, стр. 547, «Къ вопросу о вертепной комедіи на Украинѣ».

2) *Wѣdrówki literackie, fantastyczne, historyczne J. Kraszewskiego*, т. II, стр. 83—85.

сдѣлалось столь рѣдко, что до сихъ поръ даже специалисты могли знать ихъ только по короткому указанию г. Крашевскаго. Теперь, къ удовольствію всѣхъ любителей старинной письменности, полная копія съ этихъ сценъ, сдѣланная г. Крашевскимъ, напечатана въ «Кievskой Старинѣ». Книга, изъ которой г. Крашевскій сдѣлалъ выписки упомянутыхъ сценъ, посить полный титулъ: «Tragaedia albo wizerunek smierci przeswietego Chrzciciela, Przeslania Bożego. Na pięć aktów rozdzielona. Przydane są u intermedia dwoie, napisany przez Iacoba Gavattowicza Leopolite, nauk wyzwolonych u Philosophiey Bakalarza. Odprawowany w Kamionce na jarmark, przypadajacy na dzien teoz Iana swietego Chrzciciela. Roku pan. 1619. Drukowany na przedmiesciu Jaworowskiem u s. Mikołaja» (Трагедія, или образъ смерти пресвятаго Іоанна Крестителя, посланника Божія, въ 5 дѣйствіяхъ, съ прибавленіемъ двухъ интермедій, написанныхъ Яковомъ Гаваттовичемъ, Львованиномъ, бакалавромъ свободныхъ наукъ и философіи. Представлена была на ярмаркѣ въ Каменкѣ, въ день того-же святаго Іоанна Крестителя, 1619 г., а напечатана у св. Николая на предмѣстьѣ яворовскомъ)¹⁾.

Отсылая наиболѣе любопытныхъ къ полному тексту, мы здѣсь скажемъ немного о формѣ этого старѣйшаго памятника русской драматической литературы, коротко напомнимъ его содержаніе, по остановимся подольше на вопросѣ объ его источни克ѣ и отношеніи къ словесности культурныхъ странъ, устной, обыкновенно называемой народпою, и письменной.

Интермедії Гаваттовича напечатаны были первоначально латинскими буквами; написаны онъ стихами, со смѣстью стихосложенія силлабического съ топическимъ. Стихи по большей части съ рифмами, часто рифмуютъ даже двѣ половины стиха. Видно, что авторъ былъ книжникъ, но знакомый и съ пародіою пѣснію. Языкъ интермедій очень близокъ къ галицкому діалекту малороссійского народнаго языка, хотя тронуть церковно-славянскимъ и польскимъ влі-

1) Къ сожалѣнію г. Т—овъ, сообщившій въ редакцію «Кievskой Старинѣ» сдѣланный г. Крашевскимъ списокъ интермедій, упустилъ случай получить отъ извѣстнаго польскаго писателя, теперь на долго заключеннаго въ ирусскую крѣпость, обстоятельства библіографіческія свѣдѣнія о книгѣ, къ которой она помыщается. Книга эта должна быть теперь болыпая рѣдкость. Въ польскихъ библиотекахъ въ Львовѣ, ни даже въ Институтѣ Оссолинскому она не находится.

ниемъ. Содержание интермедій незамысловатое, какъ и содержание подобныхъ-же западно-европейскихъ интермедій и комедій несолько болѣе ранней эпохи. Въ первой интермедіи являются два крестьянина, Стецько съ горшками и Климко съ котомъ въ мѣшкѣ. Первый,— богатый мужикъ,—панимаетъ втораго къ себѣ на службу и обѣщаетъ его хорошо кормить, вари разную пищу въ купленныхъ имъ горшкахъ. Второй соглашается, хвастается своимъ умѣньемъ ловить звѣрей и предлагаетъ Стецьку купить у него лисицу, которую онъ будто-бы держитъ въ мѣшкѣ. Стецько желаетъ сначала осмотрѣть звѣрька, но убѣждается доводомъ, что звѣрекъ «ище быстрый, теперь зъ ліса, утись-бы мени до біса», и послѣ торга покупаетъ звѣра. Климко уходитъ, обѣщаю возвратиться, а между тѣмъ уноситъ горшки и одежду Стецька. Стецько не вытерпливаетъ, развязываетъ мѣшокъ,—и оттуда выбѣгаетъ котъ. Мужикъ плачетъ:

Бідна-жъ моя головонько!

Ось, ось мене грошей збававъ, лахъ чоловікъ міхъ зоставивъ.

Ось, кота въ міху кунувъ-емъ! Чомъ я такъ не мудрый бывъ-емъ,

Іже у тотъ міхъ не гледувъ-емъ, та що въ пимъ не осмотривъ-емъ?

О, бісу твоїй матери! Кажуть, пе кождому вери¹⁾.

Тѣмъ часомъ возвращается Климко, переодѣтый въ другое платье и приноситъ горшки, которые накрываетъ своею прежнею одеждю и присыпаетъ травою. Стецько встрѣчаетъ его упреками, но Климко увѣряетъ его, что мопеничество устроилъ не онъ, и показываетъ ему на кучу съ горшками, увѣряя, что это лежитъ обманщикъ, котораго и соѣтуетъ отколотить, «налицо гараздъ по хребті», Стецько исполняется совѣтъ и бѣстъ собственные горшки. Замѣтивъ свою оширенность, Стецько изливаются въ жалобахъ и идетъ жаловаться къ пану. Климко вновь появляется на сценѣ и цинически провозглашаетъ:

Га, га, га, га, га! двократъ одного

Чоловика-мъ опукавъ (обмануть), призналь-ся до того

Тотъ панъ, що знаєть въ світі гараздъ махлювати (мопеничать)

Пойду ище та знайду, кого опукати (обмануть).

Во второй интермедіи представлены три крестьянина: Максимъ, Григорій и Денисъ. Первые два продали на ярмаркѣ воловъ

1) Въ этой и дальнѣйшихъ выдержкахъ правописаніе памятника.

и довольны, что не будуть более справлять «шеварку» (дорожней повинности) на тѣхъ волахъ, и собираются служить на фіакъ, т. е. гнать плоты и суда на рекѣ. Ихъ догоняетъ Денисъ и предлагаетъ взять его въ компанію. Черезъ нѣсколько времени Денисъ просить Ѵеть, говоря, что онъ забылъ хлѣба купить. Оказывается, что хлѣба нѣтъ и у товарищѣй. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, мужики слышатъ запахъ пирога и поискавши, находятъ пирогъ на травѣ. Денисъ замѣчаетъ, что пирогъ слишкомъ малъ для троихъ и предлагаетъ лечь спать, а послѣ присудить пирогъ тому, кто увидитъ найлучшій сонъ. Всѣ ложатся, и, пока два спятъ, Денисъ съѣдаетъ пирогъ и потомъ будитъ товарищѣй. Тѣ рассказываютъ свои сны:

Максимъ. Гей, братъ, я-мъ¹⁾ въ небѣ бывъ. Гей, тежъ ся тамъ
хороше мівъ,

Гей, гей, тожъ трудно сказать, що-мъ я могъ огледати!
Та тожъ небо, якъ золотый замокъ, що такой роботы
Въ світі-мъ не видаль красное²⁾. Муры³⁾ мѣтъ золотое⁴⁾
Та каменями сажене дорогими: суть зелене,
Суть білые, червленое, суть блакитне⁵⁾ та світное
Та и мустъ⁶⁾ тамъ есть золотый. Та я соби передъ вроты
Стою, ажъ тамъ выкрикаютъ ангелы, ти же сївають⁷⁾
Хороше. Та святихъ много стоять вельми; ось я того
Въ небѣ ся тамъ пасмотрелъ и Господа тамъ видіелъ
Бога, якъ седить за столомъ, а всі бывать передъ цимъ чоломъ.
Та ся и всі такъ женаютъ⁸⁾, якъ мы въ церкви, та спивають.
Нотимъ Богъ Господъ военити істи казати, та служити.
Що живее, ся рушило⁹⁾. Отъ, братя, тотъ¹⁰⁾ ся ми. снило!
Денисъ. То южъ¹¹⁾ ці все выповідитъ?

Максимъ. Ище: бо-мъ тамъ виетъ зерлидинъ,

¹⁾ Мъ -- сокращеніе вузъ емъ (есуть).

²⁾ Мівъ=муль.

³⁾ Хотя латинская транскрипція Гаваттовича вообще точно передаетъ запорусское произношеніе, но иногда авторъ видимо сбивается на манеръ обычной у его современниковъ кирилловской транскрипціи, въ которой боролось фонетическое правописаніе съ традиціоннымъ церковно-славянскимъ, къ несигодѣ оболгъ. Такъ «красное» и дальше золотосъ написано вмѣстѣ красномъ и золотымъ и т. д.

⁴⁾ Стѣны. ⁵⁾ Синіє. ⁶⁾ Мости. ⁷⁾ Поютъ. ⁸⁾ Кланяються. ⁹⁾ Задвигаюсь.

¹⁰⁾ Тотъ -- сокращ. то-то=это. ¹¹⁾ Уже.

Що потравы¹⁾ принесено, та й мене за столъ всажено.
 Гей, было-жъ, было-жъ тамъ много істы! Не пребачу того.
 Было мясо, поросыта, были печени курчата,
 Было тамъ и вареное, та было и смаженое²⁾).
 Все хорошо, и зъ юпкою³⁾ білою та и жолтою.
 И тісто было варене, смажене та и печене,
 И пироги тамъ были, та и борщика зварили.
 Та была и капустая, и горохъ, была капшая,
 Та была тамъ и ботвына, и вшелякая зверина.
 Отъ такъ ся я въ неби мілемъ, на банкети, що тамъ былемъ.
Грицько. То я, братонку, въ пеклѣ⁴⁾ бывъ. Ой тамъ-же біду терпивъ.
 Чарнівцы⁵⁾ тамъ по голови были мя, та по хрецови
 Літезнове⁶⁾, та тамъ всіого виділемъ: поспольства⁷⁾ много,
 Суть тамо поши, панове, та наши побратимове.
 Суть тамъ и лихое жонки, суть невеликі дітонки.
 Всі гореють ажъ по уши. Біда-жъ тамъ и моєї дуни
 Была; та на вічни віки, кажуть, будешь терпіти муки.
 То-тъ ся миці лише снило; бидай ся тотъ не транізо⁸⁾.

Тутъ Денисъ разказываєтъ о себѣ: «я, братя, лежу, какъ вогъ идетъ ангель; вижу, а онъ пришедши ко мнѣ, вздернуль меня за волосы и посадилъ на небѣ; то я тамъ видѣть тебя, какъ ты угощался. Просить я, чтобы ты и мнѣ далъ чего нибудь хоть одинъ кусокъ, но ты не захотѣль, а все указывалъ мнѣ съ неба на тотъ пирогъ. Да и ангель говорить: «тутъ тебя не пужно, разъ ты увидѣть товарища, а другой сидить у самаго бѣса, въ томъ пеклѣ», — да и поставилъ меня при огнѣ. А тутъ ти видашъ мнѣ и талия слова кричиши: «ты уже меня не увидаши; возьми пирогъ, что тамъ, да и бѣжь, ибо я буду терпѣти муки на вѣки вѣчные». Вдругъ ангель меня поставилъ здѣсь, такъ я пирогъ и съѣль.

Максимъ. Либой?!⁹⁾

Денисъ. Ой такъ.

Максимъ. Ой Денису, иди-жъ ты собі къ бісу.

Коли не будеть пирога, будешь плакати на Бога.

¹⁾ Пища. ²⁾ Вареное въ соусѣ. ³⁾ Соусъ. ⁴⁾ Адъ. ⁵⁾ Горище діаволы. ⁶⁾ Летучіе бѣси. ⁷⁾ Народъ. ⁸⁾ Дай Богъ, чтобы не случилось. ⁹⁾ Неужели.

Денисъ. Вшакожъ¹⁾) ты ся наівъ на пебі.

Грицько. Якъ я, баламуто²⁾), тебе почну палицею взбирати, не будешь ты жартувати³⁾).

Денисъ. Ось біда! зъсти нирогъ казали, та ся розгнівали.

Максимъ. Пди-жъ, иди-жъ, скуде й прийшовъ, хоть бысь⁴⁾ и до биса пошолъ!

Денисъ. Кози-мъ нирогъ зымъ, не дбаю⁵⁾... та южъ зо вами жегнаю⁶⁾. (Убываетъ, и тѣ за нимъ).

Мы должны начать наши разсужденія о вышеизложенныхъ интермедіяхъ съ иѣкоторой полемики съ почтенной редакціей «Кievskoi Старини»⁷⁾). Помѣщая у себя интермедіи Гаваттовича, редакція предполагала имъ иѣсколько замѣчаній, въ которыхъ между прочимъ признаетъ, что содержаніе ихъ, какъ и многихъ послѣдующихъ подобныхъ произведеній, «занимствовано изъ области чисто-народныхъ побасенокъ». Передавъ содержаніе первой интермедіи, редакція говоритъ: «народность сюжета въ этой интермедіи очевидна и мораль ея понятна: не торгуй кота въ мѣнике, не довѣряйся всякому встрѣчному, но будь осмотрителенъ и остороженъ. Такіе сюжеты есть и теперь въ народныхъ сказкахъ». Вторая

¹⁾ Во всякомъ случаѣ. ²⁾ Слутыянъ, мошенникъ. ³⁾ Шутить. ⁴⁾ Собр. изъ бы и еси. ⁵⁾ Не интересуюсь (вами болѣе). ⁶⁾ Клянлюсь, прощаюсь.

⁷⁾ Въ сущности тутъ и никакой полемики нѣтъ. Помѣщая въ свое время интермедіи Гаваттовича, мы вскользь указали на нихъ народный, въ противоположность школьному, книжному, характеръ и отпечатлѣвшіяся въ нихъ национальныя черты своего времени. Вопросъ о занимствованности ихъ сюжетовъ мы не касались и не могли коснуться,—это требовало-бы многихъ и долгихъ сиравокъ, иначе нарочитаго изслѣдованія и такого вспомогательного научного аппарата, какой выдвинулъ авторъ настоящей статьи. Наши бѣглые замѣчанія не теряютъ своего значенія, если разматривать называемыя интермедіи въ сфере чисто мѣстной, этнографической. Но почтенный авторъ новелъ далѣе: онъ примѣнилъ къ нимъ методъ сравнительный, столь мало у насъ извѣстный и почти не практикующійся и отсюда получились столь любопытныя и важныя для нашей науки сопоставленія и выводы. Мы съ полною пріязньюностью даляемъ мѣсто его труду на страницахъ нашего изданія; но не можемъ вполнѣ согласиться относительно допускаемой имъ въ данномъ случаѣ мѣры и степени занимствованій. Что до сюжетовъ,—такъ; по обработка итъ, особенно второго, чисто мѣстная въ никакой *Ulen-Spiegel* не могъ дать имъ той непосредственности и юмора, которымъ проникнута 2 интермедія, или того шир. *типу* обѣда во царствіи небесномъ, которое является въ устахъ одного изъ трехъ путниковъ — Максима.—Ред.

интермедія кажется редакції «еще народнѣе по содержанію»... «Совершенно такого-же содержанія народный анекдотъ о цыганѣ и казакѣ весьма распространенъ и теперь и, помнится, мы встрѣчали его въ одномъ изъ малорусскихъ этнографическихъ сборниковъ». Въ обоихъ интермедіяхъ редакція видитъ «ярко выступающее народное міросозерцаніе и бытовыя черты своего времени».

Заключеніе, въ родѣ вышеупомянутаго, можно-бы было счесть вѣрными только тогда, когда бы все, что находится въ обратѣ среди такъ называемаго народа, было продуктомъ его непосредственнаго творчества и отраженіемъ его быта. Между тѣмъ ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что въ такъ называемомъ «народномъ» у новоевропейскихъ націй весьма много «книжнаго» и весьма мало «бытоваго» и мѣстно-национального по происхожденію, въ особенности въ области прозаической словесности: сказкахъ, новеллахъ, анекдотахъ. Едва-ли не большая часть произведеній послѣдняго рода, обращающихся у разныхъ новоевропейскихъ народовъ, даже въ устныхъ редакціяхъ, проникло въ народную среду изъ книгъ и при томъ принесено сравнительно недавно очень изъ далека, изъ Азіи, въ которой почти всегда изслѣдованіе открываетъ первоначальную индійскую родину сказаний.

Въ вопросѣ интермедій Гаваттова мы имѣемъ дѣло съ слушаемъ такого-же рода. Намъ лично неизвѣстны устные украинскіе разсказы на тему первой интермедіи, а известна только пословица: «кота въ мынку не торгууютъ» (Номисъ, Украински приказки, присловья и т. п. № 10, 498). Но мы охотно допускаемъ существование подобныхъ разсказовъ и въ устной словесности украинскаго народа, жалѣя только, что они не попали въ печатные сборники. Разсказъ-же на тему второй интермедіи попадъ и въ сборникъ Аѳанасьевъ, и мы приведемъ его ниже. Но изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы эти разсказы непремѣнно послужили источниками для интермедій. При ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, скорѣе нозрительно сдѣлать обратное предположеніе. Но еще вѣриће будетъ сказать, что и старинныя письменныя редакціи интересующихъ насъ разсказовъ, и теперь обращающихся на Украинѣ устными ихъ редакціи, имѣютъ общихъ предковъ *вовсе не зынтаро происхожденія* и даже въ послѣдней степени не европейскаго, при чемъ первые родоначальники ихъ могли и даже, пожалуй, должны были

быть устными рассказами, но ближайшие къ нашимъ, европейскіе, предки были уже письменные, книжные.

Для первой интермедіи Гаваттовича и родственныхъ сї анекдотовъ такимъ предкомъ послужила, по нашему мнѣнію, немецкая книга о похожденіяхъ *Ulenspiegel'a*.

Ulenspiegel, или *Eulenspiegel* типическая личность, созданная воображеніемъ немецкихъ остряковъ XIV—XV вѣка изъ разныхъ анекдотовъ какъ мѣстного устнаго происхожденія, такъ и книжнаго, иностраннаго. Это «шутникъ», устраивающій по большей части зла, часто очень грязныя шутки разнымъ лицамъ, съ которыми онъ приходитъ въ столкновеніе. Такія типическія личности, которыхъ имена служатъ точкою приложения анекдотовъ извѣстнаго сорта, встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ, на востокѣ, какъ и на западѣ. Въ послѣднемъ, въ Англіи и Германіи раньше еще *Ulenspiegel'a* было поигрѣ Амисъ (*Der Pfaffe Amis*), похожденія котораго стали рано предметомъ «народной книги», не забытой и до сихъ поръ и изъ которой иѣсколько анекдотовъ попало и въ сводъ похожденій *Ulenspiegel'a*, составленный въ началѣ XVI ст. Томасомъ Мурнеромъ и напечатанный въ 1519 г.¹⁾). Сводъ этотъ потомъ перепечатывался много разъ и переводился на разные языки, причемъ новые издатели выбрасывали или прибавляли разные анекдоты, сообразно собственному и своей публики вкусамъ. Имя *Eulenspiegel* и фигура его, съ совой (*Eule*) въ одной руцѣ и зеркаломъ (*Spiegel*) въ другой, стало популярнымъ на всемъ западѣ и дало отъ себя въ французскомъ языкѣ слова *espri鑁e*, *espi鑁erie*.

Въ Мурнеровомъ сводѣ исторій *Ulenspiegel'a* находимъ двѣ исторіи, которая сведены въ одну въ первой интермедіи Гаваттова. Въ первой (IV histori sagt, wie Ulenspiegel zu Lypzick den kürsneren ein lebendigen katz, negt in ein hasenfell in einem sack, für ein lebendigen hasen verkauft) разсказывается, какъ *Ulenspiegel*, разсердившись на то, что въ Берлинѣ мѣховщикъ не заплатилъ ему денегъ за работу, которую онъ, придавшись къ буйкѣ приказанія хозяина, выполнилъ такъ, что надѣлалъ изъ мѣху волковъ большихъ и малыхъ и испортилъ мѣхъ, рѣшиаетъ отомстить мѣховщикамъ въ

1) Немецкое кратическое изданіе. Dr. Thomas Murners *Ulenspigel*, heraus gegeben von J. M. Lappenberg. Leipzig, 1854 года.

Лейпцигъ. Когда лейпцигские мѣховищики собрались на канунъ Свѣтлого Праздника (Fastnacht) и заявили, что охотно бы поѣхали, Uleuspiegel беретъ у хозяина своего трактира кота, обиляетъ его въ заячью кожу, показываетъ его мѣховищику изъ-подъ полы и продасть за 4 зильбергроша да за 6 пфенниговъ мѣховищъ. Мѣховищъ приносить покупку въ домъ своего цехмейстера, гдѣ собрались его товарищи. Эти захотѣли позабавиться охотой на зайца и выпустили кота въ огороженномъ саду, патрививъ на него собаку. Котъ вскочилъ на дерево, замяукать и убѣжалъ домой. Мѣховищики хотѣли побить проказника, но Uleuspiegel *перемнилъ свое платье и принялъ другой видъ*, такъ что они *сю не узнали*¹⁾.

Другая исторія (Die LXXXVII histori sagt, wie Uleuspiegel macht, das ein fraw alle ire hefen enztwei schlug of dem markt zu Braman) соотвѣтствуетъ второй половинѣ первой интермедіи Гаваттовича. Здѣсь Uleuspiegel представленъ въ гостяхъ у епископа бременскаго, любителя шутокъ, который очень забавлялся своимъ гостемъ. Проказникъ, наконецъ, утомляется и напускаеть на себя благочестіе, такъ что епископъ, наконецъ, досадуетъ. Тогда Uleuspiegel услажливается съ горшечницей, что онъ платить за всѣ ея горшки, если она будетъ исполнять все, что онъ ей прикажеть знакомъ, епископу же опѣ говорить, что безъ словъ заставитъ продавщицу горшковъ побить свой товарь. Епископъ держитъ пари противъ на 30 гульденовъ. Оба идутъ на рынокъ,—и Uleuspiegel начинаетъ движенія, которыми баба горшечница подражаетъ, наконецъ дѣлаетъ ей знакъ бить горшки. Дома епископъ соглашается отдать 30 гульденовъ, если Uleuspiegel скажетъ ему, какъ онъ устроилъ свою штуку. Проказникъ объясняетъ свою немудрую хитрость. Епископъ приказываетъ ему молчать объ этомъ дѣлѣ и обѣщає за то подарить быка. Подарокъ этотъ Uleuspiegel получаетъ изъ числа 16 быковъ, которые добываются епископъ отъ своихъ рыцарей и слугъ, обѣщавъ имъ открыть секретъ способа, какимъ Uleuspiegel получилъ силу надъ бабой горшечницей. Секретъ показался вассаламъ епископа не стоящимъ быковъ, но имъ оказалось утѣшиться тѣмъ, что штуку надъ ними сыгралъ ихъ господинъ (*und trosten sich damit, es war ir gnediger her*).

¹⁾ Lappenberg, op. cit., стр. 125—127.

Исторія Ulenspiegl'a переведена была и на польский языкъ подъ именемъ Sowezrzał (Eule=Sowa и Spiegel=zrzadło, swierzadło, зеркало). Переводъ этот долженъ быть появиться не позже начала XVII в. или даже конца XVI в., такъ какъ уже въ 1617 г. епископъ краковскій внесъ въ списокъ запрещенныхъ книгъ «Fraszki nowe Sowizrzałowe» и «Sowizrzałnowy»¹⁾. Въ библіотекѣ Оссолинскихъ, въ Львовѣ, находится очень старое издание подобнаго перевода, напечатанное въ началѣ готическими буквами, а въ концѣ обычными латинскими, но безъ означенія года и мѣста издания, подъ заглавиемъ: «Sowizrzał Krotofilny u Smieszny. Urodzenie, żywot, postępkı u dokonanie iego dziwna. W Brunszwiku na Bramie iaką osobą i postacią jest malowany. Z poprawą, słowy wyborniejszemi do Draku podany. in 8-o» (Библіотека Оссолинскихъ, № 16, 144). Здѣсь, на страницѣ 108—109, находимъ вполнѣ соответствующую LV исторіи Мурисрова Ulenspiegel'a исторію о томъ, iako Sowizrzał w Lipsku żywą kotkę w zającą skurę zaszył, włożyszy ją do woru, kusznierzom za żywego zajęca przeda.

Это даже не передѣлка, а почти дословный переводъ немецкаго образца. Тоже самое надо сказать и о помѣщенной на страницѣ 163—165 польского издания исторіи о томъ, iako Sowizrzał dokasał, iże jedua niewista swoje garce potłukła.

Тутъ дѣйствіе происходитъ также при дворѣ епископа бременскаго.

Эта послѣдняя исторія была впрочемъ разсказана по польски и отдельно отъ книги обѣ Ulenspiegel'ѣ и притомъ даже раньше появленія этой книги въ польскомъ языкѣ, а именно въ сочиненіи Луки Горницкаго «Dwórzaniek Polski», которая составляетъ собственно передѣлку книги гр. Б. Кастильоне (1478—1529) II Cortegiano (перв. изд. 1528). Первое издание книги Горницкаго вышло еще въ 1566 г.. Въ библіотекѣ Оссолинскихъ находится переизданіе ея подъ заглавиемъ: Dwórzaniek Polski, Lukasza Gornickiego. Teraz nowo przedrukowany. w Krakowie. 1639. (Библіот. Оссол. № 5, 150). Здѣсь, на страницѣ 210—213, мы находимъ вариантъ шутки Ulenspiegel'a съ бабой, продающей горшки, съ тою только разницей, что здѣсь одинъ придворный (dwórzaniek) короля подшучиваетъ надъ другимъ.

¹⁾ Lappenberg, op. cit. 314—316.

тимъ, желающимъ научиться чернокнижію; шутникъ выдаетъ свой уговоръ съ горничницей за приемъ чернокнижія; довѣрчивый пла-тить ему закладъ и потомъ просрамляется передъ королемъ.

Сходство между двумя изложенными выше шутками *Ulen-spiegel'a* и содержаниемъ первой интермедіи Гаваттовича очевидно, не смотря на передѣлки, которыя потерпѣли обѣ темы, при сводѣ въ одну и въ приспособленіи къ условіямъ сцены. Врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что авторъ интермедій имѣлъ передъ собой исторію *Ulenspiegel'a*, какъ образецъ. Является только вопросъ: была-ли у Гаваттовича въ рукахъ польская редакція *Ulen-spiegel'a*, или-же прямо пѣмецкій оригиналъ? Разрѣшеніе этого частнаго вопроса было-бы интересно, какъ облегченіе къ разрѣшенію общаго, очень интереснаго для исторіи культуры, а именно: *была-ли Польша и ся культура непремѣннымъ мостомъ для культурныхъ связей Запада на Малороссію и Бѣлороссію, а черезъ нихъ и на Великороссію, или-же западно-русская культура черпала и непосредственно изъ западно-европейскихъ источниковъ, напримѣръ въ данномъ случаѣ изъ германскихъ?*

Въ рассматриваемомъ случаѣ не невозможно и послѣднее, т. е. прямое пользованіе Гаваттовича пѣмецкимъ оригиналомъ *Ulen-spiegel'a*. Въ пользу такого предположенія говорить какъ учный титулъ Гаваттовича, который онъ могъ получить въ какомъ нибудь германскомъ университѣтѣ и даже въ Краковѣ, такъ и раннее появленіе нашихъ интермедій, почти современное съ первымъ упоминаніемъ о появленіи польскихъ переводахъ *Ulen-spiegel'a*. Но по неизвѣнно другихъ, болѣе прочныхъ датыхъ, мы не решаемся поддерживать это предположеніе и ограничиваемся выводомъ о томъ, что основа первой интермедіи Гаваттовича не мѣстная и устно-національная, «народная», а книжная западно-европейская¹⁾.

¹⁾ Замѣтимъ при случаѣ, что исторія *Ulenspiegel'a* была переведена (впрочемъ уже въ XVIII в., и именно въ 1791 и въ 1793 г.) на великорусскій языкъ, подъ заглавиемъ: *Похождѣнія хитрого и забавного шута Собств-Драга большаго носа*. Переведена съ польского, дополнена съ другихъ языковъ (см. указанія у Д. Ревлинскаго, Русскія пародіи картины, т. IV, стр. 169, 352, 573) и проникла въ своиъ отдѣльныя частіи и въ устные разсказы (см. напр. Садовникова, Сказки и преданія самарскаго края, № 32, Шутъ Максимка, а также новую брошюру Edm. Veckenstedt, Sztukaris der Till Eulenspiegel der Littauer und Zamaiten und Schut Fomka, sein russisches Ebenbild, Leipzig, 1885).

Тоже сказывается, при ближайшемъ изслѣдованіи, и съ второй интермедіей.

Основы этой интермедіи дѣйствительно встречаются въ устной словесности на Украинѣ. Одинъ варіантъ на эту тему напечатанъ въ сборникѣ сказокъ Асанасьевъ. Варіантъ этотъ на столько въ своемъ родѣ характеренъ по редакціи, напоминающей манеру рассказовъ пасичника Рудого Панька, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести его здѣсь въ полномъ переводѣ, тѣмъ болѣе, что онъ нуженъ намъ будеть далѣе для сравненія съ иностранными варіантами.

Шелъ хохотъ¹⁾ съ покосу — и сошелся съ цыганомъ.

- А куда ты, человѣче, идешь?
- А домой, цыганъ.
- Пойдемъ-же со мной за товарища!
- Давай!

Вотъ они идутъ да на дорогѣ нашли жаренаго поросенка.

- А какъ-же, говорить, человѣче, мы поросенка будемъ Ѣсть?
- Да какъ-же? разрѣжемъ да и будемъ Ѣсть.
- Нѣть, человѣче, говорить цыганъ; или я больше съѣмъ, или ты, — и не замѣтимъ, а вотъ ужо лажемъ спать, да кому лучшій сонъ приснится, тому и поросенка Ѣсть.
- Давай!

Только человѣкъ и сторожить цыгана, пока тотъ заснетъ. Цыганъ захранѣть. Человѣкъ потолкалъ, потолкалъ цыгана, — тотъ спитъ. Вотъ тогда онъ вынулъ у него краюху хлѣба и сѣть всего поросенка, а послѣ легъ, да и спить себѣ хорошенъко. Цыганъ схватился, да толкъ, толкъ того человѣка, тотъ проснулся.

- А какой-же тебѣ, человѣче, сонъ снился?
- А, побей тебя, цыганъ, ты меня разбудилъ, а мнѣ такой хороший сонъ снился!
- Ну, рассказывай-же, цыганъ, твой сонъ, а я свой припомню; ты меня такъ толкалъ, что я свой сонъ совсѣмъ забылъ.

¹⁾ Разсказъ записанъ въ Бирюченскомъ уѣзѣ, воронежской губерніи, т. е. на восточной границѣ украинскаго племени, заселенномъ вирочекъ преимущественно выходцами съ западной Украинѣ. См. Асанасьевъ, Народныя Русскія Сказки, изд. 1873 года, кн. III, стр. 480 — 482.

— Ну, говорить, человѣче, миѣ сонъ хорошій снился! Смотрю я: возлѣ пасъ конь ходить, такой хороший; новая на немъ уздачка, серебрянныя удила, золотыя стремена, подушка на сѣдлѣ пуховая. Вотъ я сѣть на того коня, да побѣжалъ—только и видно! Вѣгу по полу, на полѣ стоитъ столбъ, около столба лѣстница. Я сѣзъ съ того коня, привязалъ его до столба, полѣзъ по лѣстницѣ; лѣзъ, лѣзъ въ гору, высоко, высоко! Смотрю, а тамъ небеса! Я вѣзъ на небеса, ходилъ, ходиль по небесамъ, да и нашелъ домикъ. Отворилъ я немнога двери того домика, а тамъ сидѣть. Вижу, сидитъ самъ царь-Богъ, ужинаетъ и говорить миѣ: «иди, говорить, цыганъ, ко миѣ ужинать!» Такъ я, человѣче, съ самимъ царемъ-Богомъ ужиналь!.. Видишь, какой миѣ сонъ снился!

— Да и миѣ, говорить (хорошо), въ такомъ-же родѣ, только не-много не такой: всталъ я будто, и вижу: ходить бѣлая кобыла, да паршивая! Свитка на ней подвязана вожжами изъ лозы, стремена нацѣплены, оброть на ней вся порванная. Такъ я сѣть себѣ на нее, да и поѣхалъ. Ёхалъ, ёхалъ,—ёхалъ, ёхалъ, даже скверно стало... Только смотрю: стоитъ столбъ, возлѣ столба лѣстница, а около той лѣстницы стоитъ привязанный конь, этакой хороший! Новая на немъ уздачка, серебрянныя удила, золотыя стремена, подушка на сѣдлѣ пуховая...

— Вотъ-же, человѣче, я на этомъ конѣ ёхалъ!..

— Да. Такъ я, говорить, сѣзъ съ той кобылы, пустилъ ее по полу, да и полѣзъ по лѣстницѣ вверхъ. Взлѣзъ высоко, высоко; смотрю небеса; вижу—стоитъ домикъ. Я отворилъ немнога двери, смотрю, вы сидите съ царемъ-Богомъ и ужинаете. Вотъ ты, цыганъ, махнуль на меня да и говоришь: «вортись, человѣче, и сѣжь поросенка!» Я воротился, сѣсть поросенка, да и легъ, и спалъ хорошенъко...

— Такъ ты сѣсть поросенка?

— Да всего, говорить, сѣять. Посмотри: вотъ только косточки остались!

— А, дурень! Да вѣдь это только сонъ миѣ такой снился!

— А я, говорить, не зналъ; ты-же на меня махнулъ, чтобъ я воротился да сѣѣзъ поросенка.

— Пусть-же тебя побѣсть лихая година! Чортъ съ тобою дурень! Чтобъ тебя сырья земля не приняла! Не пойду я съ тобой за товарища; отчураюсь!..—да и попадѣть цыганъ изъ дома.

Но, не смотря на совпадение нашей интермедии съ устнымъ рассказомъ въ народной украинской словесности, содержалоѣ первой все-таки взято не изъ области послѣдней, а изъ книжной и при томъ иностранной литературы, изъ которой попала на Украину и основа устнаго рассказа.

Въ нашей старинной письменности мы находимъ ещѣ одинъ варіантъ исторіи о лучшемъ снѣ, варіантъ болѣе близкій къ содержанію интермедіи, чѣмъ въ тогчасъ приведеній устной сказкѣ. Мы разумѣемъ одинъ изъ *прикладовъ*, помѣщенныхъ въ сборникѣ *Римскія дніяня*. Сводный списокъ русской редакціи этого сборника изданъ въ 1878 г. петербургскимъ обществомъ любителей древней письменности по рукописи XVII вѣка. Тутъ, въ II вып. на страницѣ 229, находимъ «*Прикладъ, чтобъ мы блюлись ѿ лести діаволети, дабы нась не пристигли*»—слѣдующаго содержанія¹⁾:

Шли иѣкогда три товарища путемъ, и прилучися имъ въ иѣкоторое время, что не имѣли подѣбѣсть, развѣ ся единъ малъ хлѣбецъ обрѣли купить. А есть-ли имъ захотѣлось велми и реша межъ собою: какъ аще мы сей хлѣбецъ раздѣлимъ на три части, тожъ каждо настъ своею долею снѣ не будеть, того дѣля подумаемъ, что памъ съ тѣмъ хлѣбомъ чинить. Реклъ имъ изъ нихъ одинъ: положимся здѣсь на дорогѣ и поспимъ, и кому изъ нась налѣпій и дивной сонъ видится, тотъ весь хлѣбъ да сѣстъ. И рекли ему друзіи товарищи: производялемъ тому быти, а почали спать. Тогда онъ, которой ту раду видѣть, воставши, какъ они спали, весь хлѣбъ сѣсть, что не маленькой дробилки не оставилъ товарищамъ, и потомъ пробудилъ онъ свои товарищи, глаголя: востаните скоро, оуже часъ есть, чтобы каждо своей сонъ исповѣдалъ. Реклъ первый товарищъ: милые, дивенъ ми сонъ видѣть: едину дробилку²⁾ злату, спущену съ небесъ, по ней же и ангелы скождаху съ пебеси и восхождаху. И сошедши взяли душу мою и тѣло, и какъ былъ тамъ, видѣль семи святую Тройцу, Отца и Сына и святаго Духа; и такову радость имѣла душа моя, которой ниже око видѣ когда, ниже оухо слыша, какову азъ радость тамъ имѣть; то есть мой сонъ. Потомъ другій:

¹⁾ Для удобства не специальствамъ мы иѣсколько приспособляемъ нашу транскрипцію къ обыкновенной.

²⁾ Дробилка—гѣстница по малорусски.

азъ видѣлъ, что діаволъ душу мою исторгнулъ осками изъ мосго тѣла и взяли ю во адъ, и зло бысть мнѣ тамъ, и рекли мнѣ: доколѣ будеть Богъ па небеси, толико долго будешь на томъ мѣстѣ. Потомъ третѣй: слышите мой сонъ: видѣлъ есмь, что нѣкоторый ангель пришелъ ко мнѣ и речъ ми: прыятелю, хощети ли видѣти, идѣже твои товарыщи? И азъ отвѣчалъ ему: ради есмь и хощу видѣти, ибо имамъ между собою единъ хлѣбъ делить, а знать, что уже (сь) хлѣбомъ упли. И синъ мнѣ речъ: есть тотъ хлѣбъ подѣвасъ, а сего дѣля иди по мнѣ. И вель мя до улицы небесной, и вложилъ только главу свою въ небо, яко же ми повелѣлъ, и видѣлъ, что ты еси въ небѣ бытъ, яко же повѣдалъ ми еси, и сидѣлъ еси на златомъ столцѣ, а имѣть еси предъ собою брашина приправна и вина довольно. И речъ ми ангель: се товарыщъ твой имать здѣ будеть пребывать и во вѣки, ибо кто единою внедѣть въ небо, оуже во вѣки изъ него не выйдетъ. Потомъ рече ми: иди еще со мною и покажу тебѣ, идѣже другой товарыщъ твой. Егда-же идохъ за нимъ, и вель мя до вратъ ада, и тамо паки видѣхъ тебя въ мукахъ тяжкихъ, якоже и самъ повѣдалъ еси, и рекохъ къ тебѣ: товарышу милый, жаль мнѣ тебя, что еси въ таковыхъ мукахъ пребываешি, и ты мнѣ отповѣдалъ, что дондеже Господь Богъ въ небѣ будетъ царствовати, толико долго имашъ здѣ пребывать, ибо сіе заслужилъ еси; по семъ цаки скоро: и звѣль весь хлѣбъ, ибо отсель ни мене, ни товарыща моего не оуздришь. Егда-же азъ оуслышахъ сіе, воставши, спѣдохъ хлѣбъ, якоже ми вѣль еси».

Списокъ, по которому издана первая половина памятника, изъ кого мы привели сейчасъ выписку, сдѣланъ въ Бѣлоруссіи, въ Могилевѣ. Но въ труда г. Пыпина «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» (183—194) указываются другіе списки, уже безспорно украинскіе, какимъ кажется намъ и оригиналъ списка г. Тихоправова, по которому петербургскіе издатели «Римскихъ дѣяній», дополнили могилевскій списокъ. Да кромѣ того изъ упоминанія Галітовскаго видно, что «Римскія дѣянія» распространены были и на Українѣ. Извѣстно-же, что этотъ сборникъ есть ничто иное, какъ западно-европейская средневѣковая, первоначально латинская (*Gesta Romanorum*) компилляція различныхъ исторій, большую частью восточного происхожденія, которыхъ христіанскіе моралисты старазись приспособить къ своимъ дидактическимъ

цѣлямъ, хотя очень часто довольно неудачно. Вотъ и выше приведенный рассказъ о трехъ спутникахъ объясняется въ могилевскомъ спискѣ «Римскихъ дѣяній» слѣдующимъ образомъ:

Выкладъ, сиричъ толкованіе причти сея. Наймилейшая братія! Сихъ трехъ товарищъ можемъ разумѣти три рода человѣческія: первое сарацины и жиды, другое богатыхъ и сильныхъ свѣта сего, третіе можемъ разумѣти совершеніе, которое въ боязни Божіи живутъ; круглымъ-же хлѣбомъ разумѣемъ царство небесное, которое имать бысть раздѣлено на три рода человѣческіе по дѣламъ ихъ, еданнымъ болши, и другимъ менши. Первый родъ человѣческій сарацины, жиды снятъ въ гресѣхъ своихъ, а вѣрюютъ, что имутъ быти въ себѣ, такожде и сарацины обѣщаніемъ Магометовыемъ, егоже законъ и вѣру держать, имже обѣщають въ небѣ царствовать. Жидове тако-жъ вѣрюютъ черезъ законъ Моисеевъ спасеніе наслѣдить. Та ихъ вѣра и надежда есть, яко вгорои товарищъ, ему-же видѣлось то, что въ адѣ были суть богатые и сильные свѣта сего, которые во адѣ нисходять, идѣ же во вѣки мучитися будуть имутъ, обаче-же они не брегутъ... Третій товарищъ—добрый христіанинъ, который не во гресѣхъ и не въ злой вѣрѣ спитъ, но въ добрыхъ очинковъ чуетъ совѣтомъ ангела, то есть Духа святаго и тако животъ свой водитъ, что будетъ имѣть хлѣбъ, то есть царствіе небесное, въ немъ-же оль и всякъ христіанинъ Бога и ближняго любя и будетъ пребывать во вѣки вѣковъ безконечно. Аминь!).

Нечего и распространяться о томъ, какъ бѣлыми нитками пришить къ *прикладу* такой *выкладъ* и на сколько искусственно это толкованіе передаваемаго памъ сводчиками «Римскихъ дѣяній» анекдота, подавшаго къ нему поводъ. Тѣмъ не менѣе это толкованіе сохранило на себѣ слѣды источника, изъ котораго перешелъ въ христіанскую среду занимающей насъ анекдотъ или «прикладъ». Ближайшимъ источникомъ этого приклада въ *Gesta Romanorum* обыкновенно считается XX глава или разсказъ, сочиненія Петра Альфонса *Disciplina Clericalis*. Петръ Альфонсъ былъ еврей, крещеный въ началѣ XII вѣка арагонскимъ королемъ Аль-

¹⁾ См. латинскій сводъ *Gesta Romanorum*, изд. Osterley, Berlin, 1872, сарит 106. Старѣйша латинскія редакція «Римскихъ Дѣяній» относится къ XIII в. См. Dunlop-Liebrecht, Geschichte der Prosadichtungen, 198.

фонсомъ I. Онъ составилъ подъ именемъ *Alfonsus de Clericali Disciplina*, въ видѣ разговоровъ отца съ сыномъ, собраніе анекдотовъ съ нравоучительными выводами. Анекдоты эти почерпнуты изъ восточной письменности и рассказовъ и въ свою очередь послужили источникомъ для европейскихъ новеллистовъ, поэтовъ, а за тѣмъ и рассказчиковъ устныхъ народныхъ сказокъ¹). У Альфонса соревнованіе въ лучшемъ снѣ происходит между двумя горожанами и однимъ селяниномъ, которые или вмѣстѣ въ Мекку (*Dictum est de duobus burgensibus et rustico causa orationis Meccam adeuntibus...*). Рассказъ приведенъ для подкрайненія правила: не обманывай товарища, чтобы самому не быть обманутому; въ немъ селянинъ съѣдаетъ хлѣбъ, который у него хотѣли выманить горожане²).

Уже самое мѣсто дѣйствія въ разсказѣ Альфонса переносить насъ въ мусульманскую среду. Но мы имѣемъ еще болѣе основанія утверждать, что тема разсказа, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ перешелъ въ среду христианскую, сложилась окончательно у мусульманъ. Въ арабскомъ сборникѣ апологовъ и сказокъ: *Nozhetol—odeba te selket ol goreba* (Радость языко-вѣдовъ и пиръ иноземцевъ) находится разсказъ, который переведенъ по пѣмецки Гаммеромъ въ его выборѣ восточныхъ разсказовъ, изданныхъ подъ именемъ «Розового масла» (*Rosnoel*). Въ арабскомъ разсказѣ, какъ и въ выкладѣ, или нравоученіи (*moralisatio*) къ повѣсти о лучшемъ снѣ въ *Gesta Romanorum*, представлены, но только безъ всякой аллегоріи, а прямо, магометанинъ, христіанинъ и еврей. Путешествовали они вмѣстѣ; на дорогѣ нашли дукать и не могли согласиться, какъ его подѣлить. Еврей сдѣлалъ предложеніе купить на него муки, масла и сахару и сдѣлать родъ *халви*, которую товарищи вмѣстѣ-бы и съѣли. Предложеніе было принято. Но когда халва была готова, еврей сказалъ: опять мы заспоримъ изъ-за большихъ или меньшихъ кусковъ. Я думаю, друзья мои, лучше всего будетъ, если мы ляжемъ спать и увидѣть сны, халву дадимъ тому, кто увидитъ лучшій сонъ.

¹) Критическое изданіе Fr. Wilhelm Val. Schmidt: *Petri Alfonsi Disciplina clericalis*. Berlin, 1827. Издание старофранцузской передѣлки въ стихахъ. *Le Castoicement ou instruction d'un père à son fils* сдѣлано въ первый разъ въ собрании Барбазана *Fabliaux* и повторено въ новомъ изданіи *Méon'a*, т. II.

²) Cap. XX; Schmidt, стр. 63, 142 и др.

Товарищи согласились и на это предложение, но пока они спали, еврей съѣль халву и легъ себѣ спокойно. Когда всѣ проснулись, мусульманинъ сталъ рассказывать, что ему явился во снѣ пророкъ, повелъ его въ рай и показалъ всѣ его великолѣпія. При этомъ случаѣ мусульманинъ сдѣлалъ длинное и широкое описание подстѣлокъ изъ розъ, благоуханій, потоковъ изъ меду и молока, прекрасныхъ мальчиковъ и черноокихъ гурій съ постоянно возобновляющимся дѣствомъ.—«Это прелестно! воскликнулъ еврей: ты, право, достоинъ съѣсть халву!» Христіанинъ рассказалъ затѣмъ, какъ ему явился Господь Іисусъ, присудилъ его за грѣхи къ аду и показалъ ему адскія муки, которыя христіанинъ затѣмъ и описалъ.—«Это тоже интересный сонъ, вскричалъ еврей, сонъ не недостойный халвы. А мнѣ, друзья мои, явился Мойсей и сказалъ мнѣ: твои товарищи, мусульманинъ—въ раю, а другой, христіанинъ—въ аду, оба тамъ, откуда никто не возвращается на землю. Такъ съѣдай ты халву, чтобъ она не испортилась. Вотъ этому совѣту я и послѣдовалъ точно»¹⁾.

Такая редакція разсказа сложилась, очевидно, въ средѣ мусульманской, по ужъ тронутой скептицизмомъ. Религіозно-правовѣрное настроеніе, которое должно бы было, какъ это видимъ напримѣръ въ морализаціи *Gesta Romanorum*, отдавать призы состязанія своему единовѣрцу, въ арабскомъ варіантѣ начинаетъ уступать мѣсто бытовой сатирѣ, съ иѣкоторой даже ироніей надѣлъ самими религіозными вѣрованіями: представители религій, изъ которыхъ одна занята образами рая, а другая ада, попадаютъ въ просакъ передъ представителемъ религії, которая въ сущности не знаетъ ни рая, ни ада, а потому даѣтъ просторъ вполнѣ поползнovenіямъ.

Въ духѣ еще болѣе безцеремонной practicalности, но съ рѣзкимъ противорѣчіемъ напраѣніемъ, обработана занимающая насъ тема въ еврейскомъ изданіи «Исторія Іисуса» (*Sefir Toledoth Jeschua h'annolzeri*); издана она по латыни Гульдрихомъ въ Лейденѣ, 1705 г., подъ заглавіемъ *Historia Jeschuae Nazareni a Judeis blasphemata*.

¹⁾) Rosenocel, erstes Flaeschen, oder Sagen und Kunder des Morgenlandes, aus arabischen, persischen und türkischen Quellen gesammelt. Von Hammer, II, 303, CLXXX. По словамъ Гаммера сборникъ Nozhetolodeba заключаетъ въ себѣ много рассказовъ-прототиповъ яовелъ Бокаччіо и др. европейскихъ сводчиковъ странствующихъ сказаний.

corrupta etc.) . Здесь, на стр. 51, рассказано, какъ во время путешествія по землѣ, Иисусъ, Петръ и Іуда нашли въ гостиницѣ только одного гуся; Иисусъ предложилъ состязаніе о снѣ, и пока два первые спали, Іуда сѣѣль гуся¹⁾.

Такимъ образомъ, слѣдя нить преданія различныхъ редакцій сюжета нашей интермедіи, мы вышли изъ національной малороссійской области и пришли въ область арабско-еврейскую. Но и тутъ напѣть путь остановиться не можетъ. Сравнительнымъ изслѣдованиемъ такъ называемой народной словесности и старинныхъ новѣстей, сказокъ и т. п. установлено, что большая часть сказаний арабскаго міра, изъ которыхъ значительная часть перешла и къ европейцамъ, въ свою очередь пришла къ арабамъ съ болѣе далекаго востока, изъ Индіи.

Ревностный распространитель теоріи усвоенія европейскихъ народныхъ сказаний изъ Индіи, Бенфей сближалъ занимающую насть исторію о трехъ снахъ съ разсказомъ о дѣлательяхъ львовъ въ V книгѣ Панчаратанtra²⁾). Разсказъ этотъ представляетъ сатиру,—но всей

¹⁾ Названное сочиненіе очень рѣдко, хотя и крайне интересно, между прочимъ въ потому, что заключасть въ себѣ еврейскіе варіанты тѣхъ сказаний о путешествії Христа и апостоловъ, какія находимъ въ устной словесности разныхъ народовъ и какихъ особенно много въ украинской народной словесности (см. Малоруссійская народная преданія и разсказы, стр. 110—129). Въ виду рѣдкости этого сочиненія, мы считаемъ величию выписать здесь всю исторію о лучшемъ снѣ, для большаго удобства сравненія этого еврейскаго варіанта съ другими: «Venient itaque inde in diversorium. Quaerit ibi Jesus ex hospite: Estne tibi unde hi edant? Respondit hospes: non mihi suppetit, nisi ancorculus unus affatus. Sumit ergo Jesus anserem illisque apponit, ajens: anser hic exiguus nimis est, quam ut a tribus comedи debeat; dormitum eamus et ille qui somniarit somnium optimum, comedet anserem solus. Decumbunt igitur, tempesta vero nocte surgit Jehuda et anserem devorat; mane itaque illis surgentibus Petrus ait: somnio mihi visus fui assidere solio filii, Dei Schaddai; Jesus ait: ego sum Filius ille Dei Schaddai, et somniali te prope me sedere, ecce ergo me praestantius quid somniasse te, quare meum erit anserem comedere; jehuda tandem ajebat: ego quidem ipsem in somnio comedи ausarem. Quaerit ergo anserem Jesus, sed frustra, Jehuda enim devorabat illum.

²⁾ Th. Benfey, Pantschatantra, т. II, стр. 332—334; объясненія въ I томѣ, стр. 488—493. Панчаратра, т. е. пять книгъ,—часть сборника подій-

вѣроятности первоначально буддійскаго происхожденія,—на браминскую богословскую премудрость, съ претензіями на чудотворство, но лишенную обыкновеннаго здраваго разума. Дѣйствіе его происходит среди четырехъ браминскихъ сыновей, изъ которыхъ три изглубили мудрость своего сана, а четвертый ничему не учился, а имѣлъ только здравый смыслъ. Товарищи рѣшили идти въ міръ, чтобы ученюю мудростью добыть богатства, и двое изъ нихъ сначала предлагали не принимать въ компанію не ученаго, чтобы не дѣлиться съ нимъ добычею, но, по совѣту третьаго, решаютъ, что нельзя обидѣть сверстника. Между тѣмъ по дорогѣ они встрѣчаютъ останки льва и решаютъ оживить ихъ, съ помощью своихъ чудотворныхъ познаній.

— Да вѣдь это левъ! замѣчаетъ здравомысленный неучъ; вѣдь если его оживить, такъ онъ насть всѣхъ умертвить!

— Фи, невѣжда, отвѣчаетъ ученый,—въ моей рукѣ наука не должна оставаться безплодной!

— Подожди, по крайней мѣрѣ, немногого—попросиъ неучъ, пока я взлѣзу на близъ стоящее дерево.

Конечно, левъ умертвилъ всѣхъ трехъ ученыхъ, а здравомысленный только послѣ его ухода слѣзъ съ дерева и сказалъ: «лучше здравый разумъ, нежели такое знаніе. Здравый разумъ лучше науки; кто не имѣть здраваго разума, съ тѣмъ случается, какъ съ этими дѣлательми львовъ».

Ради авторитета Бенфей, мы привели здѣсь, въ вѣкоторомъ сокращеніи, этотъ разсказъ, но не можемъ не замѣтить, что знаменитый ученый въ данномъ случаѣ тоже несомнѣко уподобился браминскимъ богословамъ, заводя слишкомъ далеко методъ сравненія, до предположенія связи между рассказомъ Шаничатаантры и повѣстью о лучшемъ снѣ, на томъ только основаніи, что въ обѣихъ исторіяхъ изъ нѣсколькихъ товарищей наиболѣе простой на видъ оказывается благоразумійшимъ. Обѣ исторіи принадлежать къ одному роду, но непосредственной связи между ними не видно.

скій сказокъ и басенъ, составленного между 2 и 5 столѣтіемъ по Рождествѣ Христовомъ, котораго однѣ свѣдѣ были переведены въ 6 столѣтія на персидскій языкъ, дальше на спірійскій, арабскій, еврейскій, греческій, латинскій и др. и потому имѣлъ огромное влияніе на сказочную литературу и словесность азіатскихъ и европейскихъ народовъ, какъ показано въ классическомъ труде Бенфея.

Гораздо яснее такая связь между рассказомъ о лучшемъ сиѣ и одною изъ басенъ персидского сборника «Синдбад-Наме». Какъ известно, этотъ сборникъ есть одна изъ редакцій исторіи о семи мудрецахъ, которая обошла всѣ переднеазіатскіе и европейскіе языки средневѣковой эпохи⁴). Сборникъ этотъ, о которомъ упоминаетъ арабскій писатель X столѣтія Масуди,—индійского происхожденія. Уже въ XI в. былъ сдѣланъ его переводъ греческій (*Syntipas*) съ сирійскаго перевода, сдѣланаго по тексту,—предполагаютъ арабскому,—персіанна Музы. Двѣ теперь известныя персидскія редакціи: а) въ восьмой ночи *Tati-nâmeh* и б) *Sindibâd-nâmeh*, относятся къ XIV в.,—первая къ 1329, вторая къ 1375 г. Въ этой второй находится и разсказъ, который имѣеть аналогію съ занимающей насъ повѣстю о лучшемъ сиѣ. Онъ помѣщенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ описано, какъ царь собираетъ мудрецовъ, чтобы посовѣтоваться съ ними о воспитаніи сына, которое шло до того очень неудачно. Мудрецы дѣлаютъ скептическія замѣчанія; по одинъ изъ нихъ, Синдбадъ, совѣтуетъ не отчаиваться. Мудрецы предлагаютъ ему задачу воспитанія царевича, и Синдбадъ рассказываетъ сначала басню о томъ, какъ лисица подвела обезьяну, и сравниваетъ себя съ послѣднею: но потомъ, когда мудрецы продолжаютъ расхваливать его, говоритъ:

«Если я не мудрѣе васъ, то я по крайности не ниже васъ опытастю. Ваше положеніе и мое, въ этомъ отношеніи, напоминаетъ мнѣ исторію верблюда, волка, лисицы и тыквы. Когда

⁴) Основаніемъ сборника служить исторія о томъ, какъ у царя (индійскаго) послѣ долгой бездѣтности рождается сынъ, который поручается воспитанію мудрецовъ (или паконецъ одного мудреца, Синдабада) и какъ, по окончаніи воспитанія, царевичъ, для избѣженія фатальной опасности, долженъ молчать въ теченія известнаго срока; между тѣмъ царская фаворитка покушается соблазнить царевича, а будучи отвергнута, какъ Центефриева жена, обвиняетъ его въ покушеніи на все; царь приговариваетъ сына къ смерти, но мудрецы, поочередными разсказами, заставляютъ царя откладывать казнь, между тѣмъ, какъ жена своими разсказами усиливается достичнуть исполненія приговора, пока паконецъ фатальный срокъ проходитъ, послѣ чего еще слѣдуютъ разсказы разныхъ дѣйствующихъ лицъ. Совокупность разсказовъ, изъ которыхъ многие перешли въ устную словесность разныхъ народовъ, образуетъ сборникъ. Лучшіе изъ позѣвшихъ трудовъ о немъ: D. Comparetti. Ricerche intorno al libro di Sindibâd. Milano, 1869, id Intorno al libro dei sette savi di Roma. Pisa, 1865. A. D'Ancona. La storia dei sette savi di Roma. Pisa, 1864.

мудрецы пожелали слышать эту историю, Синдибадъ рассказалъ имъ се въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Одинъ старый волкъ и лисица, близкіе друзья, путешествовали вмѣстѣ. Прошли они немнога и встрѣтили верблюда, который присоединился къ нимъ, и всѣ три направились къ деревнѣй верблюдовъ. Весь ихъ занесъ пыщи на дорогу состоять изъ одной тыквы. Долго шли они по горамъ и долинамъ, пока жажды не сдѣлала ихъ глаза черными. Наконецъ они пришли къ пруду и сѣли на берегу. Вытащили они тыкву и постѣ нѣкотораго обсужденія, согласились, что плодъ этотъ достается тому, кто окажется старѣйшимъ изъ нихъ.

Волкъ заговорить первый:

— Иадіецъ, таджикъ и турокъ знаютъ, что мать моя породила меня на свѣтъ за недѣлю раньше, чѣмъ Богъ создалъ небо и землю, время и пространство, следовательно я имѣю наиболѣе права на эту тыкву.

— Да, сказалъ старый и хитрый лисъ: я ничего не имѣю противу-ставить этому резону, такъ какъ въ ту ночь, когда мать родила васъ, я былъ на лицо, чтобы приседуживать ей, я заспѣтиль факель, который горѣть до утра у вашей колыбели.

Верблюдъ приступить въ свою очередь и, нагнувъ голову, проглотилъ тыкву, говоря: нельзя отрицать столь очевидную вещь, какъ то, что кто имѣеть шею, ляпки и спину, какъ у меня, того мать породила не вчера и не въ прошлую ночь.

Мудрецы выразили вновь удивленіе уму Синдибада, и всѣ согласились, что только онъ способенъ принять на себя трудную задачу, которая имъ предложена (воспитаніе царевича)¹⁾.

Такъ какъ вся основа *Sindibad-nameh* индійская, то и этотъ разсказъ долженъ быть индійского происхожденія. Впрочемъ мы

¹⁾ Asiatic journal. New series. 1841, vol. XXXV. p. 175. Sindibad Nameh. Это англійское резюме персидской поэмы передано въ бѣлье доступнѣе публикѣ изданием Revue Britannique. 1842. Mai - Juin. Приведенное мѣсто см. стр. 171 — 173. Недавно появился новый полный англійский переводъ Клоустона, The book of Sindibad, но мы еще не имѣли его подъ рукою. Не смотря на всѣ наши усилия, не могли мы добыть сице однаго персидскаго варианта запомишающей насъ исторіи въ *Mesnevi* поэта Джеллал-Дінъ Руми; ссылка на него у Osterley, Gesta Romanorum, кажется, невѣрна.

имѣемъ другой варіантъ его, хотя и отличный, но все-таки близкій по своей основе и еще болѣе привязывающійся къ Индіи. Мы разумѣемъ одну изъ повѣстей, которую въ ряду другихъ разсказовъ, заимствованныхъ китайскими буддистами изъ индійскихъ оригиналовъ, помѣстилъ Ст. Жулленъ въ своей «*Авадана*», сборникѣ индійскихъ сказокъ и апологовъ въ китайскихъ редакціяхъ. Это повѣсть о «куропаткѣ, слонѣ и обезьяне, или о скромности и почтительности».

«Нѣкогда обитатели Джамбудвили (южной Индіи) не знали, что нужно оказывать предупредительность и почтение къ старикамъ. Добродѣтельные мужи пробовали обратить ихъ мудрыми рѣчами, но безуспѣшино. Тогда Бодисаттва (Будда) преобразился и принялъ видъ куропатки. Эта птица имѣла двухъ близкихъ друзей: одинъ былъ большой слонъ, а другой обезьяна. Друзья жили вмѣстѣ подъ деревомъ *nippam* (священная смоковница). Разъ они разговорились и сказали: «мы не знаемъ, кто изъ насъ долженъ быть призванъ главою». — Нѣкогда, сказть слонъ, я видѣлъ, какъ это дерево не достигало до моего брюха, а теперь видите, какъ оно велико. Изъ этого слѣдуетъ, что я долженъ быть призванъ старѣйшимъ изъ насъ. — А я, сказала обезьяна, я могу, сѣвши на землю, подняться съ помощью моихъ рукъ на верхушку того дерева, слѣдовательно на меня надо смотрѣть, какъ на начальника. — А я, сказала птица, я жила посреди пшеницы, я щла плоды ихъ и выбросила съ моимъ пометомъ зерна, изъ которыхъ выросло это дерево; отсюда можно заключить, что меня слѣдуетъ призвать за самого старшаго. — Слонъ вновь заговорилъ и сказалъ: «личести должно отдавать самому старшему». Тотчасъ-же онъ сталъ позади обезьяны, а птица стала впереди. Такъ какъ они ходили въ такомъ порядкѣ, то другія животныя, видя ихъ, спросили ихъ объ основаніяхъ такого распорядка. «Таковы, отвѣчали трое, знаки почтительности и уваженія, должны тѣмъ, кто старше возрастомъ».

Животныя усвоили это правило, а люди послѣдовали ихъ примѣру¹⁾.

¹⁾ Les *Avadanas*, contes et apologues indiens etc., trad. par M. Stanislas Julien. 1859, t. II, 17—20, № LXXVII.

Еслибъ передъ нами находилась только эта послѣдняя история, то въ ней трудно было бы и заподозрить первообразъ занимающаго насъ разсказа о лучшемъ снѣ,—такъ различно въ обѣихъ повѣстяхъ все, кроме выведенія на сцену трехъ спутниковъ. Но персидская редакція связываетъ обѣ повѣсти несомнѣнными узами родства, хотя моральный характеръ обѣихъ восточно-арійскихъ редакцій и очень различенъ. Въ индійской сказкѣ рѣзко выступаетъ дидактическая цѣль: роли распредѣлены совершенно произвольно для этой цѣли, безъ всакихъ реально-художественныхъ заботъ о соотвѣтствіи ихъ съ характерами выведенныхъ животныхъ, которыхъ выбраны только по росту, для проведения мысли, что величина и сила должны уступать возрасту. Персидская редакція точно карикатура на индійскую: честныя въ индійской редакціи животныя тутъ спѣшатъ перехитрить другъ друга и при томъ не изъ за абстрактнаго блага, почести, а изъ за лакомаго куска; торжествуетъ, правда, прямота, но въ формѣ нахальства.

Съ такимъ характеромъ повѣсть, съ подставкою людей вмѣсто животныхъ, усвоена была отъ персіянъ семитами—евреями и арабами. Мы не беремся окончательно решать, кто изъ нихъ прежде усвоилъ и обработалъ эту повѣсть: евреи или арабы; ограничиваемся только замѣчаніемъ, что еврейская редакція въ *Historia Jeschuae Nazareni* кажется памъ ближе къ редакціи Синдібадъ-Наме: въ ней нѣть ни ра, ни ада, а разсказываемые сны имѣютъ цѣлью выставить относительное величие спорящеихъ, какъ въ персидской редакціи ихъ старшинство. Арабская редакція во всякомъ случаѣ дальше отступила отъ персидской какъ въ подробностяхъ, такъ и въ характерѣ, при чемъ поднялась отъ сомнительной морали персидского варианта на извѣстную философскую высоту. Редакція эта носитъ на себѣ слѣды состоянія мусульманскаго міра позднѣйшей половины эпохи крестовыхъ походовъ, приблизительно времени отъ Саладина до императора Фридриха II Гогенштауфена, когда обнаружилась для многихъ бесплодность первоначальнаго искренняго фанатического столкновенія магометанъ и христіанъ. Арабская редакція нашей повѣсти представляетъ своего рода сатирическую параллель къ знаменитой сказкѣ *O трехъ перстняхъ, увѣковѣченной* потомъ въ драмѣ Чессинга «Натанъ мудрый», и къ рѣзко скептическому трактату *de tribus impostoribus* (о трехъ обманцахъ).

кахъ, основателяхъ трехъ переднеазиатскихъ религій), а потому имѣть важное культурно-историческое значеніе.

Какъ видно на примѣрѣ Петра Альфонса и *Gesta Romanorum*, христіанская литература овладѣла арабской редакціей повѣсти съ цѣлью морализаціи и аллегорического прославленія своей религіи. Но аллегоріи въ родѣ тѣхъ, какія представлены нами выше въ выдержкѣ изъ «Римскихъ Дѣяній», слишкомъ искусственны, чтобы стать популярными, а потому въ послѣдующихъ свѣтскихъ европейскихъ передѣлкахъ этой исторіи вѣроисповѣдныя соображенія были оставлены, мѣсто ихъ въ нѣкоторыхъ редакціяхъ заняли соображенія національныя, а такъ какъ мораль, которую прямѣе всего можно вывести изъ этой басни, довольно двусмыслица, то вся эта исторія обратилась въ послѣдующихъ обработкахъ въ потѣшную сказку (*facetia, conte à rire, Schwank*) въ лучшемъ случаѣ въ тему, удобную для междунаціонального сосѣдскаго пересмѣшничества.

Мы не станемъ обозрѣвать здѣсь многочисленныхъ варіантовъ этой исторіи въ письменной и устной словесности разныхъ европейскихъ народовъ¹⁾). Всѣ эти варіанты по большей части передаютъ довольно голо одинъ скелетъ разсказа, рѣдко одѣвая его какими нибудь живыми бытовыми и этнографическими подробностями. Исключение составляютъ отчасти только варіанты италіанскіе, между которыми выдается особенно старый варіантъ Джиральди Чинтио, новеллиста XVI ст. († 1573 г.), редактора свода разсказовъ подъ заглавіемъ *Gli Hecatomithi*, и пародный сицилійскій разсказъ, помѣченный ниже въ выносѣ: «Монахъ и послушникъ».

¹⁾ Указаніе этихъ варіантовъ можно найти у Le Grand' Aussy, *Fabliaux ou contes du XII et XIII s.* I, 312—315 (*Les deux bourgeois et le vilaing*) и особенно у Oesterley, *Gesta Romanorum*, № 106 (*traumbrod*). По русски нѣкоторыя указанія см. у Пынзина «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ новѣстей и сказокъ русскихъ», стр. 190, и въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1856 г., № 14, 61—62. Послѣ упомянутыхъ трудовъ варіанты нашей исторіи появились у G. Pitre, *Biblioteca delle tradizioni populari siciliane*, 1875, VI, 296—300 (*Lu Monaci e lu fratelli*, ср. A. Longo, *anedotti siciliani*, LVII: *Il siciliano, il calabrese ed il napoletano*) и VII, стр. 405—407 (*I tre amici; ср. Casaliechioi chi cerca d'ingannare il più delle volte resta ingannato*) и Vittorio Imbriani, *La Novellaja Fiorentina*, Livorno, 1877, стр. 616—617 (тоже *I tre amici*).

Новелла Чинтио отклоняется наиболее от основной темы, представляя довольно длинную повесть о состязании въ голодное время изъ за-пирога между философомъ, астрологомъ и солдатомъ. Сначала каждый изъ трехъ говоритъ о своемъ благородствѣ (nobiltà). Философъ указываетъ на то, что онъ знаетъ всѣ вещи въ природѣ; астрологъ напоминаетъ философу, что тотъ занимается вещами измѣнчивыми, тогда какъ онъ самъ изучаетъ вещи вѣчныя и постоянныя; солдатъ скромно отказываетъ себѣ въ знаніяхъ, но обращаетъ вниманіе своихъ ученыхъ товарищев на то, что безъ защиты, которую даетъ имъ, а равно и законамъ и обществу, мечь, они не жили бы безопасно, и наконецъ предлагаетъ состязаніе о лучшемъ спѣ, пока пирогъ будетъ въ печи. На утро философъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ, какъ господинъ природы (*il maestro della Natura*) извлекъ изъ хаоса рядъ твореній, отъ стихій до человѣка; астрологъ разсказываетъ о видѣнныхъ имъ восьми небесахъ, а солдатъ о томъ, что ему грэзилось совершение имъ двухъ военныхъ подвиговъ: похода на защиту отечества и поединкѣ за честь дѣвуинки, постѣ чего онъ для подкрѣпленія силъ стѣль пирогъ. Въ концѣ своего повѣтствованія солдатъ признаетъ превосходство сновъ за двумя учеными и предоставилъ имъ столкнуться о пирогѣ. Когда наконецъ ученыe согласились подѣлить его пополамъ, оказалось, что пирога нѣть. Солдатъ признается, что сѣсть его въ дѣйствительности, и читаетъ ученымъ длинное наставленіе о томъ, какъ они должны довольствоваться насыщеніемъ своего ума и видѣніемъ вещей абстрактныхъ¹⁾). Мораль, какъ видимъ, нѣсколько похожая на мораль басни о дѣлательяхъ львовъ.

Ученый сицилійскій разсказъ (*Lи Manas e lu fratelu*) подходитъ къ подобному же украинскому не только потому, что въ немъ дѣйствуютъ два лица, что попадается и въ другихъ варіантахъ, напр. въ приводимомъ дальнѣ французскомъ, но и по манерѣ разсказа, хотя дѣйствующія лица и вообще подробности редакціи сицилійской совсѣмъ другія. Здѣсь представлены монахъ и послушникъ въ странствіи для проповѣди. Разъ имъ попалось село мало

¹⁾ De gli Hecatomithi di M. Giovanbattista Gyraldi Cinthio nobile Ferrarese. Parte prima. 1565. Deca prima novella, III, p. 230. Съ новеллы Чинтио былъ сдѣланъ иѣзукскій переводъ, изданый въ 1614 году.

благочестивое, въ которомъ они заработали только одну рыбку. Монахъ предложилъ состязаніе сномъ и на утро съ такимъ-же детальнымъ снакомъ разсказывалъ о небесной музикѣ, какою угостили его ангелы, архангелы, серафимы и потомъ всѣ святые и объ удовольствіи полета на крыльяхъ ангеловъ, съ какими цыганъ украинской редакціи повѣствуетъ объ ужинѣ съ паномъ Богомъ¹⁾.

Объ украинскомъ устномъ разсказѣ слѣдуетъ, не болѣе укора въ пристрастіи, сказать, что онъ, при сравненіи съ другими, даже съ італіанскими, отличается особеною живостью изложенія и реалистическимъ пошибомъ, видимымъ въ желаніи представить этнографическія черты дѣйствующихъ лицъ, особенно цыгана. Сказанное сейчасъ можетъ быть подтверждено сравненіемъ вышеприведенного украинского разсказа съ упомянутымъ французскимъ, который можно принять за типъ свѣтской редакціи повѣстей о лучшемъ сиѣ въ Западной Европѣ. Мы воспроизведимъ здѣсь эту редакцію цѣлкомъ, какъ таковую, для сравненія со всѣми вышеприведенными, а также потому, что есть основаніе предполагать, что именно подобная редакція послужила исходною точкою и для сложенія нѣкоторыхъ восточно-европейскихъ вариантовъ.

«Испанецъ и гасконецъ почевали во Франціи въ одной гостиницѣ. Когда они оба потребовали ужинъ, хозяйка сказала имъ, что у нея есть одинъ хороший кусокъ барана и одна куропатка. Каждый хотелъ получить куропатку, которая была вполнѣ изжарена и готова къ столу. Такъ какъ гости были близки къ ссорѣ, то хозяйка, чтобы помирить ихъ, сказала, что у нея нѣть ничего, кроме этой куропатки, и что если они не хотятъ есть ее вмѣстѣ, то нѣть способа удовольствовать ихъ обоихъ. Но, повѣрьте мнѣ, прибавила она, обойдитесь безъ нея на этотъ вечеръ, а завтра утромъ тотъ, кто увидитъ лучшій сонъ, съѣсть ее. А въ ожиданіи я вамъ дамъ хороший кусокъ бааранины и много салату, что все будетъ достаточно для вашего ужина. Гости принимаютъ предложеніе, ужинаютъ и идутъ спать. Тѣмъ часомъ гасконецъ, распустивъ глаза на всѣ стороны, замѣтилъ, гдѣ поставили куропатку, всталъ ночью и стѣлъ ее. Испанецъ промечталъ всю ночь, выдумывая

¹⁾ Отмѣтиль кстати, что это описание ёды на небѣ составляетъ пріпадлежность только украинскихъ вариантовъ, устнаго и Гаваттевича.

хороший сонъ на завтра. Когда они встали, испанецъ пришелъ къ хозяинѣ и говорить, что онъ имѣлъ великолѣтній сонъ, что онъ видѣлъ открытыя небеса, что ангелы встрѣтили его очаровательною гармоніей и подняли его къ небу, гдѣ онъ весь былъ окруженнъ славой. Вы не могли, сказаль онъ гасконцу, видѣть во снѣ ничего лучшаго. Я видѣлъ хорошо, какъ вы отправились въ рай, отвѣтилъ гасконецъ, и такъ какъ я подумалъ, что вы не вернетесь оттуда, то и сѣль куропатку съ познѣмъ правомъ» (а bon sompre) ¹⁾.

Очень похожую, только сокращенную, редакцію даетъ нѣкогда столъ любимый, а теперь крайне рѣдкій «Письмовникъ И. Курганова» подъ № 225. «Двоє, русакъ да полякъ, будучи въ трактирѣ, спросили уживать. Хозяйка имъ сказала, что у ней только осталось небольшой кусокъ баранины и одна жареная куропатка. Каждому хотѣлось пойти дичинки, и долго о томъ между собой ссорясь, напослѣдокъ согласились покушать баранины, а куропатку сѣсть завтра, кому изъ нихъ привидится лучшій сонъ, и попили спать. Русакъ, примѣтъ, гдѣ положена была та птица, и вставъ ночью, ее убралъ. Полякъ выдумалъ по утру сказать великолѣтній сонъ: я, братъ, былъ ангелами взять на небо въ вѣчное блаженство и тебѣ не удастся видѣть такъ хорошаго сна.

«А я видѣлъ, какъ ты полетѣлъ въ рай, отвѣчалъ русакъ, и послѣ того сѣль куропатку, думая, что ты уже оттуда не возвратишься».

У насъ нѣть теперь подъ рукою «Письмовника» Курганова, и мы не можемъ заняться вопросомъ обѣ его источникахъ, но очевидная близость кургановской редакціи къ вышеупомянутой французской даетъ, кажется намъ, достаточно основаній предполагать,

¹⁾ Un Espagnol et un Gascon en dispute pour une perdrix въ Nouvaux Contes à rire. Amsterdam. 1699 года, стр. 265.—Кстати обратимъ внимание на ошибку въ указания на это рѣдчайшее изданіе, которая сдѣлана у Le Grand' Aussу въ примѣчаніи къ фаблео—les deux bourgeois et le vilaин и которую повторяютъ всѣ новѣйшия писатели обѣ этотъ предметъ, въ томъ числѣ Oesterley и г. Нынѣшъ, показывая названный выше conte à rire на стр. 273. Разсказъ этотъ вѣкоторыми подробностями (например вмѣшательствомъ хозяина трактира и раздѣленіемъ Ѣды на ужинъ и завтракъ) подходитъ къ вѣкоторымъ итальянскимъ вариантаамъ (например I tre amici) и едва ли не пошелъ изъ Италии. Наиболѣе старый французскій разсказъ, пожѣщеній въ собра-

что Кургановъ взялъ свой разсказъ или прямо съ него, или съ какойнибудь его книги или перевода.

Намъ кажется, что великорусский устный вариантъ пошелъ отъ Кургановскаго. Въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ у Асанасьева (Русскія народныя сказки, III, 491—493) вариантъ этотъ не со-ставляетъ самостоятельной исторіи, а входитъ, какъ эпизодъ, въ разсказъ о томъ, какъ русскій трижды надулъ татарина: разъ на ло-шади, причемъ жестоко ободралъ лопади татарина кожу на ногахъ, другой на поочередномъ поношении другъ друга на рукахъ, причемъ татаринъ представленъ слишкомъ уже глупымъ, а русскій наилѣмъ, въ третій на курицѣ. «Пришло село; татаринъ съ русскимъ оsta-новились здѣсь ночевать. Изъ сѣбѣнаго у нихъ была только ку-рица. Какъ двумъ нельзя быть сытыми одною курицею, то и по-ложили сѣсть ее одному, кому достанется по договору. Татаринъ говоритъ: «давай русскій спать, и кто увидить лучшіе сонь, тому и курицу бѣть». Вотъ и лягли. Татаринъ сталъ выдумывать сонъ; пока онъ думалъ, а русскій сѣвъ курицу и заснулъ. Татаринъ выдумалъ наконецъ сонъ, разбудилъ русскаго и спрашивается, что онъ видѣлъ во снѣ? Русскій заставилъ впередъ татарина разсказать сонъ. Татаринъ и говоритъ: «ахъ, русскій! хороши сонъ я видѣлъ; будто-бы меня взяли на небо; на небѣ видѣлъ я много ангеловъ; какъ тамъ хорошо!»—«Ну, говоритъ русскій, а я видѣлъ, какъ тебя взяли на небо, подумалъ, что ты оттуда не воротишся, и сѣвъ курицу-то!»—Бѣдный татаринъ остался безо всего, не захотѣлъ странствовать съ русскимъ и ушелъ отъ него (Записано въ мор-шанскомъ уѣздѣ, тамбовской губерніи).

Украинскій устный разсказъ о *чыпань и хохлы*, очевидно, принадлежитъ къ одному болѣе тѣсному кругу съ тремя послѣд-ними разсказами: французскимъ, кургановскимъ и устнымъ велико-

ни Le Grand' Aussy, есть очевидно непосредственная передѣлка изъ П. Альфонса; послѣдующій затѣмъ по времени, помѣщенный у Chappays, Les Facetieuses journées (Paris, 1584 г., стр. 151), есть прямое заимствованіе итальянской но-веллы изъ Gonello Scelta di facezie, buffonerie, motti e burle (издано много разъ; мы сравнивали по веронскому изданію 1586 г., стр. 49). Характеристич-ная особенность варианта I tre amici состоять въ томъ, что въ немъ подъ ко-нецъ всѣ товарищи хотятъ надѣяться на юношескіе путевицами и всѣ угощаются его на слѣдующей станціи.

русскимъ, при всѣхъ своихъ литературно-художественныхъ отличияхъ, которыхъ читатель самъ, вѣроятно, замѣтилъ и безъ нашихъ указаний. Но само собою разумѣется, что два послѣдніе разсказа не могутъ быть даже и заподозрѣны въ возможности быть родителями, ни прямымъ, ни посредственнымъ, украинскаго разсказа. Скорѣе возможна фантастическая связь этого послѣдняго съ французскимъ, или подобнымъ ему, или сицилійскому съ италіанскимъ, особенно при посредствѣ какого нибудь польскаго или балканскаго варианта. Къ сожалѣнію, намъ по крайней мѣрѣ, не известенъ ни одинъ польскій, ни вообще западно-славянскій вариантъ, хотя подобные разсказы наяву существуютъ и въ устныхъ, а можетъ быть и въ старинныхъ письменныхъ произведеніяхъ поляковъ и другихъ западныхъ славянъ. Замѣтимъ также, что въ извѣстныхъ намъ вариантахъ вѣмецкихъ, которые должны-бы были стать посредниками между французскими и вообще романскими, и польскими и др. западно-славянскими вариантами (какъ это замѣчается во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ), въ данной исторіи выводятся три лица, а не два, какъ въ французскомъ, сицилійскомъ и украинскомъ разсказѣ¹⁾). Изъ вариантовъ балканскихъ у насъ вѣтъ ви одного подъ рукою, хотя на существованіе ихъ есть литературное указаніе. Такъ г. Пыпинъ въ указанной выше статьѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1856 г., № IV, говоритъ о «болгарскомъ анекдотѣ», въ которомъ «болгаринъ такимъ-же образомъ обманываетъ турецкаго ходжу», но не называетъ источника этого своего показанія, что тѣмъ болѣе жаль, такъ какъ болгарская письменность разбросана въ разныхъ, совсѣмъ почти невозможныхъ къ собиранию изданіяхъ. Анекдота, подобнаго цитируемому г. Пыпину, не находимъ мы и въ единственномъ до сихъ поръ извѣстномъ указателѣ болгарскихъ сказокъ и новелль г. Сырку въ Archiv. f. die Slavische Philologie (B. IV, 130—133) Г. З. Стояновъ изъ Пловдива письменно сообщаетъ намъ, что въ Болгаріи существуетъ подобный устный разсказъ по турецки и по болгарски,

¹⁾ Goedekе, Deutsche Dichtung im Mittelalter, 1871 года, стр. 166, (басня Ульриха фоннерера) Camerarius († 1574 г.) у Lange, Democritus ridens, Umlae, 1689 года, стр. 107 (съ подставкою Юнкера я Члутона ви. христіанскій лицъ). Всѣ эти немецкіе варианты книжные.

но въ пемъ дѣйствуютъ три лица,—дервиши у турокъ, и просто путники у болгаръ, предметъ спора—цирогъ. Такимъ образомъ, покамѣсть мы не можемъ сказать ничего определенного о возможности посредничества балканскихъ народовъ въ передачѣ въ украинскую область итальянского или же прямо арабского разсказа о лучшемъ снѣ,—посредничества, которое въ другихъ случаяхъ, напр. въ дѣтской распространеніи новеллы объ уступчивомъ мужѣ, котораго нѣтъхъ научить не слушаться жены, можетъ быть доказано¹⁾). Впрочемъ итальянскій образецъ нашего рассказа могъ дойти въ Украину и прямымъ путемъ, такъ какъ до конца XV в. отполоненія итальянцевъ къ украинцамъ были, благодаря колоніямъ на Черномъ морѣ и поселеніямъ итальянцевъ въ торговыхъ пунктахъ на Днѣстрѣ и Днѣпрѣ, гораздо болѣе близки, чѣмъ это обыкновенно думаютъ.

Надо впрочемъ отмѣтить одну черту въ украинскомъ разсказѣ о цыганѣ и хохлѣ, которая даетъ основаніе считать редакцію этого рассказа древнѣѣ, если не хронологически, то морфологически, чѣмъ редакція сицилійская и французская въ *Nouvaux contes à lire*. Мы разумѣемъ упоминаніе о лѣстницѣ, по которой цыганѣ и потомъ хохоль взлѣзли на небо. Эта лѣстница существуетъ въ *Gesta Romanorum*, куда она попала, какъ очевидно изъ описанія ея, изъ библейского разсказа о видѣніи Іакова; но она атрофировалась въ варіантѣ сицилійскомъ и *Nouvaux contes à lire*, очевидно образовавшемся постепенно изъ приклада *Gesta Romanorum*. Сказанное даетъ основаніе предполагать, что разсказъ о цыганѣ и хохлѣ образовался самостоятельно изъ этого приклада, параллельно тому, какъ образовались изъ него разсказы романскіе.

Такимъ образомъ теперешній устно-народный разсказъ во всякомъ случаѣ происхожденія не мѣстного и не устнаго, а иностраннаго и книжнаго, и появился на Украинѣ не раньше появленія въ ней *Gesta Romanorum*, т. е. ни какъ не раньше XVI вѣка. Сравнивая этотъ разсказъ съ интермедіей Гаваттовича, мы видимъ,

¹⁾ Новелла эта тоже индійская, попала въ 1001 ночь, потомъ къ итальянцамъ, балканцамъ и къ намъ. См. Benfey, Orient und Occident, II, 133—171; Вука Караджича, Српске народн. пропов., № 3, Erben, Sto prostonar рохodek, № 75; Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія, стр. 75—76; Асанасьевъ, № 139; Kolberg, Lud., т. VIII, стр. 216; Ровинскій, Рускія народныя картинки, т. V, стр. 189.

что редакція его позднѣе редакціи интермедій, уже по одному тому, что въ немъ выведено два лица, а не три. Сама-же эта интермедія, не смотря на юмористическая украшенія ея, явно близка къ прикладу «Римскихъ дѣяній», таѣтъ что можетъ быть вопросъ только о томъ, съ какой редакціи этихъ дѣяній передѣлывалъ ее Гаваттовичъ, прямо-ли съ латинской (что очень вѣроятно) или съ польской, или-же съ нѣмецкой¹⁾.

Впрочемъ, какъ относительно этой, такъ и относительно первой интермедіи, возможенъ еще одинъ вопросъ, а именно: не нашелъ-ли Гаваттовичъ обѣ эти интермедіи въ готовыхъ передѣлкахъ изъ рассказовъ обѣ Ulenspeigelъ и трехъ путникахъ въ драматическую форму на нѣмецкомъ языкѣ, или на польскомъ?

Мы не имѣть подъ рукою всѣхъ нужныхъ материаловъ для решенія послѣднаго вопроса, какъ потому, что въ томъ провинціальномъ мѣстѣ, въ которомъ мы пишемъ настоящую статью, нѣть всѣхъ изданій по истории нѣмецкаго и даже польскаго театра, такъ и потому, что история польского театра и даже новелль па польскомъ языкѣ слишкомъ мало разработана до сихъ поръ даже съ чисто материальной стороны. А потому мы оставляемъ этотъ вопросъ открытымъ: faciant meliora potentes.

¹⁾ Польская редакція Gesta Romanorum теперь неизвѣстна учесному миру. Между тѣмъ трудно предположить, чтобы этотъ памятникъ, переведенный на всѣ почти европейскіе языки (кромѣ итальянскаго и испанскаго, на которыхъ вирочемъ значительная часть его повѣстей существуютъ въ другихъ редакціяхъ) не былъ переведенъ въ свое время на польскій языкъ. По крайней мѣрѣ нѣкоторыя русскія рукописи этого сборника носятъ заглавіе въ такомъ родѣ: «Исторія изъ римскихъ дѣяній новопереведена и списана съ друкованой (или печатанной) польской книжидѣ и языка на рускій (или словенскій)». А одно заглавіе говорить еще болѣе детально: «Исторіи разланти... выписано изъ римскихъ и изъ иныхъ книгъ... Печатавы въ Краковѣ въ типографіи пана Войтека Секельновича, типографа его королевскаго величества польскаго, въ лѣто отъ Христова Рождества 1663-е. Нынѣ-же милостью великаго Бога съ польскаго языка на словенскій переведены въ лѣто 7199 (1691) году» (Пылинъ, Очеркъ лит. ист. стар. повѣстей, стр. 183—185). Петербургскіе издатели рукописи Римскихъ Дѣяній, за которой ужесъ въ настоящемъ столѣтіи кто-то сдѣлать надпись: «Древнія по-вѣсти съ прикладами или собраніе разныгъ полезнозабавныхъ исторій съ уравненіями, то есть прикладовъ, или прямѣровъ съ выкладами, или нравоучительными выводами, писанныхъ словено-польскимъ парѣчіемъ для забавы и пользы чтущихъ

Оговаривая сами пробѣлы въ нашемъ изслѣдованіи, мы счи-
таемъ нашу цѣль достигнутою, если мы смогли намѣтить главный-
шія точки соприкосновенія интермедій Гаваттовича какъ съ пись-
менною, такъ и устною словесностью разныхъ народовъ, и основы
генеалогіи темъ этихъ интермедій, и тѣмъ убѣдили читателя въ
иностранномъ и книжномъ ихъ происхожденіи.

Мы потому между прочимъ считаемъ нужнымъ настаивать
на этомъ послѣднемъ положеніи и даже нѣсколько горячо полеми-
зировать съ противнымъ мнѣніемъ, высказаннымъ редакціей «Кiev-
ской Старины», что предположивъ туземно-народное содержаніе
старѣйшихъ русскихъ драматическихъ сценъ, мы получили-бы всю
исторію русскаго театра и даже всей культуры на Руси совсѣмъ
не такой, какова она была въ дѣйствительности.

О, если-бы наша литература, хотя-бы даже одна драматиче-
ская (что, конечно, невозможно) началась съ мѣстно-народного
содержанія! Тогда совсѣмъ иное мѣсто, и въ прошломъ, и въ
настоящемъ, занималь-бы нашъ народъ на культурно-историче-
ской сценѣ.

Въ дѣйствительности мы видимъ, что письменность на Руси,
возникшая при церковно-византійскомъ вліяніи, началась съ вполнѣ
отрицательнаго отношенія къ мѣстно-народному содержанію и даже
удалялась отъ него и по формѣ, своимъ иностраннымъ, церковно-
славянскимъ языкомъ. Правда, довольно скоро постѣ своего начала,
эта письменность, какъ и вообще культура на Руси, стала прони-
каться свѣтскими интересами и сближаться съ мѣстно-народною
жизнью: въ лѣтописаніи, въ которомъ и трудно было совсѣмъ уже
забыть эту послѣднюю, въ поэзіи (Слово о полку Игоревѣ) и даже

и слышащихъ. Въ Могилевѣ, 1688 года», предполагаютъ, что собственнополь-
ского перевода и не было, а польскій языкъ, упоминаемый въ указанныхъ загла-
віяхъ былъ западно-русскій языкъ, казавшійся польскимъ или славяно-польскимъ
московскимъ грамотѣямъ. Но изъ самыхъ упомянутыхъ заглавій видно, что нѣ-
которые изъ нихъ несомнѣнно сдѣланы не москвичами, а западными русскими,
которые никакъ не могли смѣшать своего языка (русскаго или словенскаго, какъ
въ старину иногда его звали) съ польскимъ и никогда не называли-бы кириллов-
скаго шрифта книжцы польскимъ (латинскимъ-же шрифтомъ русскія книги тогда
не печатались). Нѣть, друкованнія польскія книжцы Римскихъ Дѣяній должны
были быть въ XVII вѣкѣ.

въ самой церковной живописи (старая мозаики и особенно фрески кievskia). Но эта эволюция скоро какъ-то оборвалась на всѣхъ пунктахъ вместе съ концемъ кievskаго періода русской исторіи. Какъ произошелъ этотъ обрывъ, почему и даже въ какой степени онъ былъ великъ, это еще довольно темно и останется темнымъ, пока не будетъ разработана, какъ слѣдуетъ, исторія Руси въ XIII—XV вв., но только обрывъ въ культурномъ развитіи Руси послѣ XII в., и въ томъ числѣ ослабленіе вниманія къ свѣтскому и мѣстно-народному элементу, въ литературѣ даже въ Кievskой Руси того времепи составляетъ фактъ очевидный. Замѣчательно, что даже византійская свѣтская культура и византійскіе опыты «возрожденія» очень мало коснулись тогданией Руси, даже кievской.

Только въ XVI в. уже западно-европейская свѣтская культура и западно-европейское «возрожденіе», принявшее въ себя струю византійскаго классицизма, начинаетъ проникать на Русь, конечно, вначалѣ на западъ ся, хотя въ своей болѣе отсталой, архаической формѣ, и порождаетъ здѣсь болѣе реалистическое направление въ литературѣ, которое постепенно приводило къ сближенію письменности съ мѣстно-пародиою жизнью въ содержаніи и формѣ. На первыхъ порахъ, напр. въ драматической литературѣ, впервые возникшей у насъ прямо подъ западнымъ вліяніемъ, первые опыты были чисто переводные, и мѣстный пародийный элементъ явился въ нихъ только, какъ иѣкоторая ретушировка. Это имѣло мѣсто не только въ драмахъ, сначала вполнѣ клерикальныхъ, но и въ комедіяхъ. При этомъ замѣчательно, что первый опытъ этихъ комедій, который видѣть съ тѣмъ есть и *первый опытъ писанія на чисто-народномъ русскомъ языке*, интермедіи Гаваттовича явились на почвѣ, вполнѣ отрѣшившейся отъ условій старѣйшей русской литературы: авторъ ихъ человѣкъ заграничнаго, западнаго воспитанія и врядъ ли православный, а по всей вѣроятности католикъ, какъ докторъ Скорина, первый переводчикъ *Русской Библіи*; произведеніе его является при драмѣ католической, написанной на языке польскомъ. Только спустя извѣстное время подобныя произведенія являются о бокъ съ православною церковною драмой, переведенной съ латин-

скаго или польского на языкъ церковно-славянскій съ народными примѣсями. Мы разумѣемъ *вертепные* интермедіи, которые къ половинѣ XVIII в. начинаютъ развиваться въ комедію бытовую (у Довгалевскаго даже съ соціально-политическимъ оттенкомъ), между тѣмъ какъ рядомъ съ религіозной драмой пробуетъ утвердиться на сценѣ драма національная (Милость Божія, Украйну свободившая).

Но тутъ наступаютъ новые условия, задержавшія дальнѣйшее развитіе южно-русскаго театра противъ тѣхъ надеждъ, какія онъ сталь было подавать въ XVII—XVIII вв.

П. Кузмичевскій.

АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ.

1580 (?)—1653 г.

(Историко - біографіческий очеркъ).

(Продолженіе) ¹⁾.

V.

Страшные пораженія, нанесенные Хмельницкимъ польскимъ войскамъ, заставили встрепенуться короля и всю Рѣчь Посполитую. После разгрома подъ Корсуномъ пришло вступить съ цимъ въ переговоры, и веденіе ихъ было возложено на Киселя, въ качествѣ комиссара Рѣчи Посполитой. Ходъ этихъ переговоровъ обстоятельно изложенъ у Костомарова, въ его монографіи: «Богданъ Хмельницкій»; мы не будемъ слѣдить за ними въ общемъ ходѣ событий того времени, лишь отмѣтимъ здѣсь въ порядкѣ времени и въ общихъ чертахъ факты, имѣющіе прямое біографическое значение.

Выѣхавъ изъ Задвѣпровья въ апрѣль 1648 г., Кисель пробылъ недолго въ своемъ волынскомъ имѣніи Гущѣ, откуда везь первые переговоры съ Хмельницкимъ, послалъ письма черезъ монаховъ Гущского монастыря, преимущественно черезъ Петронія Ласка. Отсюда онъ поѣхалъ въ Варшаву на конвокацийный, созданный по случаю смерти короля Владислава, сеймъ, начавшийся 16 июля. Представивъ въ засѣданіи 17 числа отчетъ о своемъ посольствѣ въ

¹⁾ См. «Кіевская Старина» 1885 г., октябрск. кн., стр. 204—219.

Москву, относительно упорядоченія границъ и союза противъ татаръ, Кисель изложилъ вкратцѣ (*summarie*) и свои переговоры съ Хмельницкимъ, при чёмъ коснулся причинъ возгорѣвшейся козацкой войны и постигшихъ въ ней польскую армію неудачъ. Первый онъ указывалъ въ исконной враждебности татаръ, и безъ того уже пустившихся въ набѣгъ на польскія владѣнія, а также въ притѣсеніи козаковъ и обремененіи ихъ повинностями, вторыя-же, по его мнѣнію, произошли отъ неосмотрительности командовавшихъ войсками гетмановъ и излишней послѣпости, съ какою рѣшились они углубиться такъ далеко въ Русь, волнуемую подговорами, имѣя слишкомъ мало войска, да и то раздвоенного; много повредили и раздоры гетмановъ между собою. На запросъ относительно королевскихъ листовъ, предписывавшихъ козакамъ строить челны и идти на море, Кисель отозвался невѣдѣніемъ, прибавивъ только, что отъ гетмана Потоцкаго онъ слыхалъ, будто такие листы были даны давно уже, когда замышлялась война противъ Турціи, и что Хмельницкій выдалъ ихъ предъ козаками за только-что полученные¹⁾). Трудно судить, въ какой мѣрѣ правдиво показаніе Киселя о «невѣдѣніи», его по послѣднему пункту...

Любопытно, что, несмотря на непріятныя сейму заявленія Киселя, никто не рѣшился предъявить ему самому возникшаго въ это время противъ него весьма важнаго обвиненія, въ оказавшіи имъ помощи козакамъ. Обвиненія эти возникли изъ показанія пленнаго козацкаго эмиссара Яремы Кончевича, который, говоря о присылѣ козакамъ оружія, пороху и снарядовъ отъ разныхъ лицъ, и между прочимъ отъ владыкъ: львовскаго Арсенія Желиборскаго и луцкаго Леонасія, оговорилъ въ томъ-же и Киселя. Относительно его онъ высказался лишь въ послѣднемъ допросѣ²⁾), и это даетъ поводъ думать, не навели-ли Ярему на обвиненіе Киселя вопросы самихъ следователей и не былъ-ли Кисель и безъ того въ подозрѣніи у поляковъ, хотя весьма возможно, что слухъ о присылкѣ Киселемъ въ Бровары пороху, двухъ пушекъ и пятидесяти гаковницъ для козаковъ былъ распущенъ ихъ-же начальствомъ, для поднятія

¹⁾ Памятникъ, т. I, отдѣлъ 3, №№ 7, 15, 17, 38; Michałowski, №№ 14, 22, 32, 40, 54 (документъ сейма).

²⁾ Памятники, т. I, отдѣлъ 3, №№ 11 и 13; Michałowski, №№ 48 и 49.

духа возставшихъ. Какъ-бы ни было, но показаніе Яремы, не бывъ опровергнуто и будучи опубликованнымъ (оно было внесено въ книги города Галича), должно было только усиливать недовѣріе поляковъ къ Киселю. Нечего поэтому удивляться, что, когда въ сеймовомъ засѣданіи 23 іюля, зашла рѣчь о выраженіи благодарности Киселю за понесенные труды и успѣшные переговоры съ козаками, депутаты заспорили прежде о томъ, въ какой формѣ выразить ее: коллективно, отъ всего сейма, или-же частно, отъ каждого члена порознь, а потомъ «такъ и оставили это дѣло, ни на чемъ не остановившись», какъ сказано въ дневникѣ сейма (стр. 122).

На сеймѣ рѣшено было учредить особую комиссію для переговоровъ съ козаками: но и тутъ безъ Киселя обойтись было не возможно; онъ былъ поставленъ во главѣ комиссіи¹⁾ и поспѣшилъ уѣхать, не дожидая конца конвокациі; сеймъ закрытъ 1 августа, а слѣдующій день застаетъ Киселя на Полѣси, въ Ровнѣ. Изъ комиссіи ничего правда не вышло: вмѣсто переговоровъ, начались небольшія стычки, а окончилось все жестокимъ пораженіемъ поляковъ подъ Пилявцами. До извѣстной степени виной возобновившейся войны была излишняя медлительность самого Киселя, который подвигался на встречу Хмельницкому словно въ потьмахъ, блуждая изъ стороны въ сторону, потерявъ цѣлый мѣсяцъ на переходѣ отъ Ровна до Старо-Константина. Онъ дѣйствовалъ съ крайнею осторожностью, боясь парушить чѣмъ либуть перемиріе, сдерживалъ свой двухтысячный отрядъ отъ спибокъ съ козаками, вступалъ съ ними въ переговоры, настойчиво требовалъ соблюденія перемирія отъ начальниковъ польскихъ войскъ; но все это не приводило ни къ чему. Вокругъ его кипѣло и переливалось недисциплированное народное восстание, возникали и разсыпались отряды, номинально признававшіе главенство Хмельницкаго, но дѣйствовавшіе совершенно самостоятельно, такъ что часто онъ не зналъ даже о ихъ существованіи; съ другой стороны въ рядахъ польской арміи дисциплина, слабая и прежде, упала теперь до крайности, въ замѣнъ

¹⁾ При немъ были познанскій подстолій Александръ Сельскій, перемышльскій подкоморій Францишекъ Дубравскій и мозырскій подкоморій Михаиль Обухевичъ. Michałowski, стр. 163; Памятникъ, стр. 238; Дневникъ похода комиссаровъ у Михаловскаго, № 70.

плѣненныхъ Хмельницкимъ гетмановъ, правительство, помимо даровитаго и особенно ненавидѣвшаго козаковъ князя Іеремія Вишневецкаго, назначило еще трехъ военачальниковъ, равныхъ по власти; Вишневецкій-же былъ слишкомъ гордъ, чтобы подчиниться Заславскому, Остророгу или молодому Конецпольскому, и слишкомъ упрямъ и непокоренъ, чтобы соблюдать не имъ заключенное перемирие. Глядя на главныхъ начальниковъ, какъ они спорили между собою и не уступали другъ другу, каждый начальникъ подъѣзда (небольшого самостоятельного отряда) тоже никого не слушалъ, быть самъ для себя главнокомандующимъ. На глазахъ Киселя бѣрутъ козаки городъ Острогъ; онъ усниваетъ договориться съ ними, что его не только пропустятъ черезъ городъ, но и будутъ служить авангардомъ, очищать путь къ Хмельницкому. Стороны обмѣнялись заложниками, какъ вдругъ нападаетъ на городъ отрядъ Сокола изъ войска Вишневецкаго; козакамъ кажется, что Кисель и переговоры ведеть, и войну,—они убиваютъ нѣсколько заложниковъ, и только отъ плѣнника узнаютъ о своей ошибкѣ. Не успѣли отойти комиссары дальше, минуя Острогъ, сюда является новый подъѣздъ Голуба и Аксака и сжигаетъ предмѣстье. Между тѣмъ, далеко позади комиссарскаго лагеря являются пришлые или возникаютъ мѣстные козацкіе отряды, берутъ Луцкъ, Клевань, Олыку. Между поляками распространяются всяческія клеветы и обвиженія противъ Киселя, не только въ письмахъ намекаютъ на его измѣну, но во всемъ войскѣ возбуждена къ нему жесточайшая ненависть: когда онъ догналъ наконецъ войска, то прибывшій съ нимъ отрядъ послушался здѣсь такихъ вещей, что почти всѣ его бросили. «Осталось только при пень, презрительно пишеть одинъ изъ очевидцевъ, нѣсколько десятковъ его собственной сволочи» (*chalastry*). А съ другой стороны коритъ Хмельницкій, перехватившій письмо Киселя въ Москву, дружелюбное къ ней и предостерегающее отъ вѣроломства козаковъ; вдѣбають кто-то «изъ первыхъ пановъ» чернить Киселя передъ Хмельницкимъ: «вамъ опъ говорить одно, а здѣсь въ Варшавѣ другое». Львовскій архиепископъ Красновскій договаривалъ и то, чего не рѣпались, быть можетъ, сказать другое: «Кисель въ переговорахъ извиняетъ содѣянное козаками зло и на этомъ основываетъ трактаты; извиняется и самихъ враговъ,—на то онъ *Русинъ*». На просьбы Киселя, чтобы враждебныя войска не сближа-

лись, отвѣчали ему съ насмѣшкой, что «при обнаженной саблѣ быстрѣе идуть переговоры». Нападали открыто на обозъ Киселя, хватали находившихся тамъ въ плѣну или въ заложникахъ значивыхъ козаковъ и рубили имъ головы. Самого его съ отрядомъ задержали насильно въ общемъ лагерѣ. Чѣмъ больше было у шляхты хвастливой самонадѣянности, тѣмъ презрительнѣе относилась она къ старшему своему комиссару, т. е. посланнику. Необходимы были жестокіе уроки Пиливецъ, а еще болѣе Збаража и Зборова, чтобы заставить ее образумиться, и тогда только стали соблюдать въ отношеніи Киселя хоть иѣкоторую вѣшнюю сдержанность¹).

Всѣдѣ за цилявецкимъ пораженіемъ (23 сентября), откуда Кисель отступилъ послѣднимъ²), собрался сеймъ для избранія короля. На немъ пришлось выступать и Киселю, и рѣчи его здѣсь заслуживаютъ самого серьезнаго вниманія. Въ засѣданіи 10 октября шла рѣчь о средствахъ для достиженія мира съ козаками. Кисель не отрицалъ мѣръ, предложенныхъ другими, но находилъ ихъ несвоевременными палліативами и настаивалъ на немедленномъ въ тѣхъ-же видахъ избраніи короля: «необходимость заставляетъ вступить снова въ переговоры съ козаками; но невозможно вести ихъ отъ имени «Рѣчи Посполитой», а надо прежде избрать короля, не говорю—того или другаго (т. е. королевичей), а кого Богъ на душу положить. Хмельницкаго въ надписахъ ему титулуютъ «старшимъ войска Рѣчи Посполитой», а онъ подписывается «старшій войска короля его милости». Благоволите увѣдѣть, что у этихъ хлоповъ *majestas Reipublicae* ничего не стоитъ. «А что то есть Ржечъ Посполиты? говорять они, и мы также Ржечъ Посполиты! Але король, то у насть панъ». Король, повторяю, это для нихъ пѣчто божественное. Да всякому притомъ, и мнѣ самому, большие будутъ охоты идти при государѣ: онъ будетъ личнымъ свидѣтелемъ и цѣнителемъ трудовъ каждого. Скажу открыто, что думаю, какъ въ свободной республикѣ: какая насть теперь отъ Рѣчи Посполитой благодарность? Всѣ вы только браните насть,—слава Богу, что хоть не бьете!»

Такъ, подъ давлѣніемъ личныхъ непрѣятностей, здравый смыслъ взялъ въ Кисель верхъ надъ шляхетскими воззрѣніями. Тѣко за-

¹) Michałowskiego Księga, №№ 63—92. Памятники, т. I, отд. 3, №№ 40—46, 50, 52.

²) Michał., стр. 207 и 236.

кончилъ онъ свою вторую рѣчь въ этотъ день. «Вы боитесь злоупотреблений королевской власти, хлопочете о гарантіяхъ? Есть и на это средства. Но если, вмѣсто скорбѣшаго избрания короля, станемъ заниматься возможными злоупотребленіями, то и права наши пойдутъ къ дьяволу, и вольности къ двумъ чертамъ, а наши шеи—подъ острую саблю пана Богдана!» Много еще разъ приходилось говорить Киселю на этомъ сеймѣ, то отвѣчая иногда на личные нацадки, то чаще по дѣламъ государственнымъ. Не одинъ только ораторскій талантъ обнаруживалъ онъ, но и серьезное политическое пониманіе, и гражданское мужество. Зная о всеобщей почти враждѣ къ нему, онъ упорно настаивалъ на мѣрахъ, какія основательно считалъ необходимыми, и не стыдился громить сеймъ за то, что каждый здѣсь хочетъ избирать короля для себя лично, по своему вкусу, а не для государства. Подъ такое обвиненіе вполнѣ подходилъ, между прочимъ, и родной братъ Адама, Николай, который тоже настаивалъ на скорѣшемъ избраніи короля, по по совершенно инымъ мотивамъ, чисто эгоистическимъ. «Пескорѣе, говорить онъ, надо намъ такого государя избрать, чтобы съумѣть укротить непріятеля: въ томъ для меня умиротвореніе, кто меня ведорить въ моемъ дому». Засѣданія сейма были необычайно буры, въ преніяхъ господствовалъ полный беспорядокъ, говорили, что кому вздумается, подъ часъ даже такое, о чёмъ, по замѣчанію составителя дневника, «*sromota i pisać*», сидѣли послы, по его-же выражению, «*na tych bajkach*», другъ друга укоряя: одинъ напр. намекалъ другому, что онъ подкупленъ, а тотъ отвѣчалъ, что «я-де не состою, подобно вамъ, при чужихъ сервисахъ», и т. д. Неудивительно, что при господствѣ такихъ взглядовъ и такого порядка срѣло обдуманныя предложения Адама Григорьевича, хотя и находили многихъ сторонниковъ, но не были принимаемы сеймомъ, и избраніе короля затянулось на семь недѣль.

Смѣлые рѣчи Киселя на сеймѣ, его здравые политические взгляды оцѣнили избранный наконецъ въ короли Янъ Казимиръ и близкіе къ нему сановники. Еще до формального его избранія, лишь только состоялось на сеймѣ предварительное соглашеніе, тотчасъ былъ посланъ отъ него къ Хмельницкому Смяровскій. Въ то-же самое время Хмельницкій, въ свою очередь желавшій избрания въ короли Казимира и извѣщенный о благопріятномъ вліянії

его желания на ходъ сеймовыхъ дѣлъ, поспѣшилъ изъ-подъ осажденнаго имъ Замостья послать къ сейму письмо въ примирительномъ духѣ черезъ іезуита ксендза Гунцель-Мокрскаго. Послѣдній прибылъ въ Варшаву еще до закрытия сейма, но уже послѣ торжественнаго нареченія короля и присяги его на пакта-конвенціи. Черезъ Мокрскаго были предъявлены Хмельницкимъ и главныя условія мира: всеобщая амнистія, уничтоженіе унії, подтвержденіе «старинныхъ» козацкихъ вольностей и подчиненіе козаковъ непосредственно королю, помимо гетмановъ. На другой-же день, 25 ноября, король, съ согласія сейма, послалъ Хмельницкому благопріятный отвѣтъ, а около мѣсяца спустя тотъ-же отвѣтъ повторенъ подробнѣе и опредѣленїе: теперь король благодаритъ Богдана за прекращеніе военныхъ дѣйствій и отступленіе отъ Замостья, обѣщасть изять козачество изъ-подъ власти коронныхъ гетмановъ и уладить вѣроисповѣдный вопросъ согласно желанію козаковъ. Для установленія подробностей обѣщана была особая комиссія, которая должна была привести Хмельницкому подтвержденіе его въ гетманскомъ достоинствѣ, булаву и знамя¹⁾.

Во главѣ этой-то комиссіи поставленъ былъ опять Адамъ Григорьевичъ Кисель; при немъ состояли: львовскій подкоморій Войцехъ Мясковскій, брацлавскій подкоморій князь Захарій Четвертинскій, мозырскій подкоморій Федоръ-Михаилъ Обуховичъ, новгородсѣверскій хорунжій Кисель Николай, брацлавскій подчашій Зеленскій, недавній королевскій посланецъ Смяровскій и другія второстепенные лица. Королевское письмо къ Хмельницкому привезъ кармелитъ ксендзъ Лентовскій, замѣнившій въ этой обязанности умершаго къ этой порѣ іезуита Мокрскаго. Посольство отправилось, по обычаяу того времени, съ великою пищностью: свита Киселя превышала двѣсти человѣкъ, Кисель везъ съ собою богатые серебряные сервисы, ему соутствовала даже его жена. Очевидно, будущій кіевскій воевода надѣялся на благопріятный исходъ своей миссіи, разсчитывалъ по ея окончаніи возвратиться на свои пепелища, остатся въ своихъ украинскихъ владѣніяхъ.

.....

¹⁾ Дневникъ сейма, Michał., стр. 235, 237, 249, 311, 312, 354, 359, 360; тоже 213, 214, 217—219 и 369. Акты южной и западной Россіи, т. III, № 243, особенно стр. 284—285.

Надежды его не оправдались, посольство окончилось столь же неудачно, какъ и въ предыдущемъ году.

Причина этой неудачи заключалась главнымъ образомъ въ личныхъ взглядахъ Киселя на развернувшееся теперь восстание и на способы къ его усмирению. Въ восстаніи Хмельницкаго огъ видѣлъ лишь стремленіе козаковъ добиться облегченія своего положенія и возстановленія своихъ старинныхъ правъ, но никакъ не хотѣлъ признать за пимъ значенія общенароднаго движения; точнѣ говоря, онъ признавалъ законность требованій однихъ лишь козаковъ и знать не хотѣлъ того, чего именемъ козачества добивалось теперь все поспольство, или чернь. Коренная его ошибка заключалась въ томъ, что онъ не въ состояніи былъ надлежапцімъ образомъ оцѣнить разницу между козацкими движениами конца XVI и первой трети XVII вѣка, когда дѣло шло только о правахъ козаковъ, сначала однихъ реестровыхъ, потомъ по преимуществу «вынисчиковъ», т. е. исключенныхъ изъ реестра, и нынѣшнимъ восстаниемъ общенароднымъ, когда козачество отождествило свои сословные интересы съ интересами всего крестьянства. Теперь центръ тяжести перемѣстился, дѣло было уже не въ козакахъ, а въ самихъ настоящихъ хлопахъ; но именно этого Кисель понять не могъ по своимъ шляхетскимъ убѣжденіямъ. «Неразумная чернь, писать онъ о народѣ къ примасу Лубенскому, увлечена Хмельницкимъ, будто онъ ей благопріятствуетъ»,—и не обращалъ никакого вниманія на интересы народной массы, а относительно козаковъ выражался такъ: «козаки угнетены болѣе простыхъ хлоповъ, съ ними обращаются какъ не можетъ быть хуже». Изыскивая затѣмъ способы къ умиротворенію козачества и усмирению самого восстанія, Кисель не зналъ, что дѣлать, на что рѣшился: совѣтовать нацимѣръ еще въ начаїѣ восстанія занять укрѣпленныя мѣста наемными войсками, какъ можно скорѣе войти въ сношенія съ Москвой, чтобы удержать ее въ дружбѣ, но и тутъ успокоиться не могъ: «одна кровь, одна вѣра,—трудно на нихъ полагаться»; предлагалъ обратиться къ Портѣ, чтобы она воздержала хана отъ помощи козакамъ, но и въ этомъ не считалъ себя увѣреннымъ и, возвращаясь снова къ тѣснѣшему союзу съ Москвою, заключалъ: «а то, что намъ приключилось отъ нашихъ хлоповъ, приходится молча проглотить, козакамъ-же открыть Івакинскій Поптъ и наконецъ заключить съ ними договоръ, какъ это ни

тагостно¹). Но именно договоръ съ козаками и трудно было заключить, потому что требованія Хмельницкаго были, какъ мы уже видѣли, совсѣмъ иные.

Другою причиною неудачи, какую потерпѣла комиссія, назначенная для переговоровъ съ Хмельницкимъ, была медленность, съ какою она двигалась въ ту пору, когда надо было выигрывать каждый день и часъ. Мы прослѣдимъ ея путь по дневнику одного изъ ея членовъ, Войцеха Ясковскаго²).

Кисель уѣхалъ изъ Варшавы раньше другихъ, Ясковскій догналъ его уже въ Кобринѣ; по пути черезъ Гущу и Корецъ, комиссія достигла границы кіевскаго воеводства, р. Случи, которая теперь, по предварительному уговору съ Хмельницкимъ, служила демаркаціонною линіею между польскими и козацкими войсками. На Случи, въ Звягль, комиссаровъ встрѣтилъ полковникъ Донецъ съ сотникомъ Тышею и четырьмя стами козаковъ, назначенныхъ имъ въ конвой. Въ Новоселкахъ, имѣніи жены Киселя³), послы прожили цѣлую неделю въ ожиданіи отвѣта отъ гетмана, къ которому послали въ Чигиринъ Четвертинскаго, извѣщая о своемъ прибытіи. Уже здѣсь Киселю пришлось наткнуться на непріятности отъ крестьянъ, относившихся къ своимъ помѣщикамъ крайне враждебно. Чѣмъ далѣе подвигались комиссары, тѣмъ путь ихъ становился труднѣе. Край оказался опустошеннымъ въ конецъ, трудно было достать что либо съѣстное или фуражъ для лошадей. Въ Бѣлогородкѣ комиссары узнали, что ихъ не хотятъ впустить кіевляне въ городъ; населеніе всюду относилось къ нимъ въ высшей степени непріязненно: чуть кто изъ свиты комиссіи отлучится въ сторону, такъ на него и нападутъ; нѣсколько человѣкъ было убито по дорогѣ еще въ Черняховѣ. Извѣстія о Хмельницкому получались самыя неблагопріятныя. Въ Бѣлгородку къ Киселю прїезжалъ па секретный разговоръ митрополитъ изъ Киева, а съ нимъ чернецъ; они-то и вѣсти передавали, рассказывали о

¹) Памятники, т. I, отд. 3, № 75 Michał Ks., № 14.

²) Памятники, т. I, отд. 3, № 57; Niemcewicz, Zbiór pamieñtników o dawniej Polsce, т. IV; Michałowskiego Księga, № 103.

³) Гуща имѣніе Киселя, теперь Гоща мѣстечко острожскаго уѣзда, на р. Горынѣ; Корецъ мѣстечко новоградволынскаго уѣзда; Звягель нынѣ Новоградъ-Волынскъ; Новоселки село кіевскаго уѣзда, на Ирпенѣ, къ востоку отъ и. Вышевы. Черняковъ мѣстечко недалеко къ сѣверу отъ Житомира.

сношенихъ Богдана съ молдавскимъ господаремъ, который черезъ нихъ-же ведутся, и проч. Черезъ нѣсколько дній Ѵздила Кисель къ митрополиту «подъ Кіевъ», для новыхъ переговоровъ.

Дождавшись возврашенія изъ Чигирина Четвертинскаго, комиссары, минуя Кіевъ, направились окольнымъ путемъ, по приглашенію гетмана, въ Переяславъ. Не обошлось и теперь безъ приключенія: по пути въ с. Лѣсники, въ имѣніи князя Корецкаго Ходосовкѣ¹⁾), тамошніе козаки съ мужиками заступили имъ дорогу, схватили подъ уздцы лошадь козака, несшаго воеводскій знакъ за санями Киселя. Послы едва откупились, давъ нѣсколько талеровъ за козака и за себя, и переправившись въ Трипольѣ черезъ Днѣпръ, чрезъ Воронъковъ прибыли наконецъ въ Переяславъ 19 (9) февраля.

Былъ сильный морозъ, не смотря на то Хмельницкій выѣхалъ на встрѣчу цосламъ за версту отъ города, съ большою свитою полковниковъ, асауловъ, сотниковъ, и съ военной музыкой, при значкѣ, подъ бунчукомъ и краснымъ знаменемъ. При выѣздѣ въ городъ поѣздъ былъ встрѣченъ салютацией изъ пушекъ. Но вслѣдъ за тѣмъ, на обѣдѣ у гетмана, начались колкія замѣчанія со стороны его самого и полковниковъ по адресу Вишаевецкаго, Конецпольскаго, Чацлинскаго и всѣхъ вообще ляховъ.

На другой день происходило на площади торжество врученія гетману присланныхъ королемъ инсигній, въ присутствіи московскаго и венгерскаго пословъ, козацкой старшины и народа. Кисель началъ было говорить приличную случаю рѣчъ, но его перебилъ кропивенскій полковникъ Джеджалій. При первомъ-же упоминаніи о королѣ онъ закричалъ: «Король якъ король, але вы, королевята, князѣве, броите много, и наброїlysте. И ты, Киселю, кость зъ костей нашихъ, одщечився, а прыстаешъ зъ ляхамы». Скандалъ былъ полный: кое-какъ удалось прекратить его самому гетману, и то благодаря лишь тому, что прочие полковники не поддержали напившагося спозаранку товарища. Кончать рѣчи Киселю такъ и не пришлось. Онъ вручилъ Хмельницкому королевскую грамоту на гетманство и кредитивную грамоту комиссаровъ; обѣ грамоты были тутъ-же про-

¹⁾) Ходосовка и Лѣсники—села, а Триполье мѣстечко кіевскаго уѣзда; Воронъковъ—село переяславскаго уѣзда.

чтены вслухъ. После этого Адамъ Кисель вручилъ Богдану усыпанную бирюзою гетманскую булаву, а братъ его Николай красное знамя съ государственнымъ гербомъ, т. е. бѣлымъ орломъ. Хмельницкій благодарили «по-козацки» и пригласилъ участниковъ церемоніи на обѣдь.

Адамъ Григорьевичъ и здѣсь началъ съ ораціи, поздравляя гетмана съ полученными сегодня отъ короля милостями, а эти милости были велики: полная амністія всего содѣянаго, восстановленіе свободы древняго греческаго исповѣданія, увеличеніе числа реестроваго войска, съ возвращеніемъ давнихъ его правъ и вольностей, наконецъ признаніе за Хмельницкимъ гетманскаго достоинства и власти. Перечисливъ все это, Кисель убѣждалъ гетмана доказать свою признательность королю, а для этого усмирить волненія, предупреждать дальнѣйшее кровопролитіе, не принимать подъ свое покровительство простыхъ хлоповъ, а приказывать имъ быть въ послушаніи у своихъ пановъ. Въ заключеніе воевода требовалъ приступить безъ замедленія къ установлению подробностей договора. Хмельницкій выразилъ благодарность королю, но отъ немедленного начатія переговоровъ съ комиссарами отказался: «войско, говорилъ онъ, не въ одномъ мѣстѣ, полковники и старшина далеко; безъ нихъ я не могу и не смѣю ничего сдѣлать, иначе рискую своей головой». Затѣмъ стѣдовалъ цѣлый рядъ упрековъ, все болѣе и болѣе рѣзкихъ, за прежнія и новыя несправедливости и жестокости поляковъ, какъ отдельныхъ лицъ, такъ и всѣхъ вообще. Гетманъ напоминалъ о выдачѣ Часлинскаго, о наказаніи Вилинцевскаго, грозилъ новою борьбой на жизнь и смерть: «Либо ми съ запорожскими войсками придется пропасть, либо погибнуть лядской землѣ, всѣмъ сенаторамъ, дукамъ, королькамъ и шляхтѣ!» Въ концѣ онъ сообщилъ о своемъ письмѣ къ литовскому гетману Янушу Радзивилу, въ которомъ грозилъ, въ случаѣ повторенія Радзивиломъ истязаній пленныхъ козаковъ, посадить на колъ четыреста находящихся у Хмельницкаго пленныхъ ляховъ. «Такую-то закуску, воскликнѣлъ комиссаръ Мясковскій, преподнесъ онъ вамъ передъ илюгавымъ своимъ обѣдомъ, и развѣ насъ въ самое сердце бѣшенымъ своимъ ядомъ и злостью!» Въ томъ-же тоны отзывались за обѣдомъ и полковники, «словно гадины изъ болота», а одинъ изъ нихъ чуть не хватилъ булавою ксендза Лентовскаго, обозвавъ при этомъ одинаковымъ браннимъ словомъ и ксендзовъ,

и поповъ. Отмѣчаемъ это обстоятельство собственно какъ указаніе на то, что миролюбивыя взгляды духовенства, выразившіеся въ обмѣнѣ визитовъ съ Киселемъ и тайныхъ съ нимъ совѣщеніяхъ, не раздѣлялись въ средѣ козачества; оно видѣло, что высшіе представители духовенства готовы совсѣмъ упустить изъ виду соціальную сторону общаго съ козаками дѣла, а тѣмъ болѣе не замолвить и слова объ интересахъ народной массы, подданства; между тѣмъ, эти именно интересы воспреобладали и въ козацкой средѣ, видѣвшей въ нихъ залогъ самосохраненія. Когда, при слѣдующемъ свиданіи, Кисель обращался къ гетману очень мягко и со слезами, убѣждая его не подчинять невѣрнымъ «русской земли, и вѣры, и святой церкви», а также «отступиться отъ черни, чтобы мужики пахали, а вогоди одни козаки»,—Хмельницкій объяснился напрямикъ: «Я выбью изъ лядской неволи весь русскій народъ: до сихъ порь я воевалъ за свою обиду, теперь стану воевать за православную вѣру. Мнѣ въ этомъ поможетъ вся чернь по Люблинъ и Краковъ, и я ея не отступлю, ибо это наша правая рука. Иначе, уничтожиъ хлоповъ, вы ударите и на козаковъ».

Приведенные слова Киселя и Хмельницкаго открываютъ намъ разницу въ ихъ взглядахъ на основные пункты переговоровъ; въ лей и заключалась главнѣйшая причина несговорчивости Хмельницкаго, которой не могли понять и оцѣнить ни Кисель, ни его товарищи комиссары. Помимо того Хмельницкій не могъ не видѣть, на какую неожиданную имъ самимъ высоту вознесли его одержанные имъ успѣхи. Всенародная встреча его въ Кіевѣ, съ крестами и хоругвями, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ, высокой почтѣ, оказанный ему бывшимъ въ то время въ Кіевѣ іерусалимскимъ патріархомъ Паисиемъ, присылка отъ короля и сейма пышнаго посольства, уніженно просившаго о мирѣ, одновременное прибытие послы семиградскаго князя Ракочія, а также царскаго посольства изъ Москвы, какъ-бы признававшихъ побѣдоноснаго гетмана независимымъ владѣтелемъ—все это возвышало духъ Хмельницкаго, окрыляло его мечты о независимомъ существованіи его народа, давало ему поводъ и основаніе разширять свои требования, быть въ нихъ твердымъ и непреклоннымъ. Честолюбіе гетмана разыгрывалось, самоувѣренность его усиливалась; одно воспоминаніе о томъ, что пришлое выпести отъ поляковъ ему самому, козачеству

и народу, приводило его въ гнѣвъ и ярость, хмѣль довершалъ остальное. Понятно, каковъ могъ быть тонъ его рѣчей въ отношеніи къ посламъ и каково обращеніе съ ними. Отвѣчая на рѣчи Николая Киселя, Хмельницкій говорилъ: «Правда, что я малый, незначущій человѣкъ; но даровалъ мнѣ Господь, что сталъ я самодержавнымъ повелителемъ Руси». И онъ велъ себя въ переговорахъ съ комиссарами не ниже сего достоинства. Съ каждымъ разомъ обнаруживается въ немъ все большее высокомѣріе; въ особенности онъ даль это почувствовать, отпуская венгерскаго посла въ присутствіи Четвертинскаго и Николая Киселя. Положеніе комиссаровъ становилось невыносимымъ; они окончательно отчаялись въ успѣхѣ дѣла и стали подумывать, какъ-бы хотя самимъ цѣлыми выйти изъ бѣды. Ихъ держали какъ-бы въ плѣну. Киселя вовсе не допустили видѣться съ московскимъ посломъ Унковскимъ. Унковскій самъ просилъ разрѣшить ему повидаться съ Адамомъ, но также получилъ отказъ. И съ другими комиссарами онъ видѣлся только въ церкви, гдѣ разговоръ поневолѣ ограничивался простымъ обмѣномъ вѣжливостей. Даже венгерскій посолъ, отѣзжая, сказалъ: «Каюсь, что приходилъ я къ этимъ свирѣпымъ скотамъ, которыхъ ничѣмъ убѣдить невозможно». Чего могли добиться послы польскіе?...

Послѣ всего они рѣшили просить лишь о выдачѣ плѣнныхъ, особенно взятыхъ въ силу капитуляцій въ Кодакѣ и въ Барѣ; по Хмельницкій, дававшій по этому пункту при предварительныхъ спошеніяхъ благопріятныя надежды и даже распорядившійся собрать всѣхъ плѣнниковъ въ Переяславль, теперь и въ этомъ оказалсялся такъ-же несговорчивымъ. Всѣ убѣжденія комиссаровъ по этому предмету были, по выражению одного изъ нихъ, «сказкой, разсказываемой глухому тирану». Гетманъ обѣщалъ освободить плѣнныхъ только тогда, когда убѣдится, что ни отъ ляховъ, ни отъ Литвы не будетъ ему никакой заѣщики. Поэтому не могло быть рѣчи и о выкупѣ, хотя Адамъ Григорьевичъ предлагалъ на это свои серебряные сервисы, цѣною въ двадцать четыре тысячи флониковъ, и всѣ прочіе послы изъявляли готовность помочь ему по мѣрѣ силъ и возможности. Только предъ самимъ отѣздомъ Хмельницкій позволилъ комиссарамъ видѣться съ плѣнниками въ своеемъ дворѣ, запертомъ на это время для черни. При этомъ свиданіи Кисель отдалъ плѣннымъ мѣшокъ съ пятью-шестью стами червонцевъ,

только что полученный имъ, какъ прощальный даръ, отъ Хмельницкаго.

Усиленныя старанія, просьбы и убѣжденія Адама Григорьевича по дѣлу о мирѣ не остались однако совершенно безъ всякихъ послѣдствій, и Хмельницкій, первопачально намѣревавшійся отпустить комиссию съ однимъ только письмомъ къ королю, согласился наконецъ изложить предварительныя условія мира, до новаго съѣзда на рѣкѣ Рулавѣ ко дню св. Тройцы. Какъ ни казались тягостны и унизительны комиссарамъ предложенныя условія, по послѣ долгихъ безплодныхъ упрашиваній они вынуждены были ихъ принять, лишились не подвергнуться и самимъ задержанію и цолучить возможность изложить лично королю все положеніе дѣль. Притомъ-же они надѣялись, что перемиріе, хотя и теперь уже они находили его «подозрительнымъ и невѣрнымъ», удержить до поры до времени Хмельницкаго въ Приднѣпровье, а это позволить Польшѣ собраться съ силами¹⁾.

Неудачи и огорченія, испытанныя Киселемъ въ его посольствѣ къ козакамъ, совсѣмъ разстроили его здоровье. Уже при послѣднемъ свиданіи съ Хмельницкимъ онъ не могъ встать съ саней и не входилъ въ домъ, такъ что отпускъ комиссіи происходилъ во дворѣ. Дорожныя неудобства, при его преклонныхъ лѣтахъ, еще болѣе усилили припадки хирагры и подагры, такъ что на почлегахъ его вносили и выносили въ жилье на носилкахъ. Плохимъ вознагражденіемъ за постигшую неудачу было для Адама Григорьевича повышеніе въ сенаторскому рангу назначеніемъ его на воеводство кіевское. Назначеніе это онъ получилъ вовсе не по зборовскому договору, обязывавшему назначать въ русскія провинціи особъ греческой вѣры²⁾, какъ утверждаетъ Костомаровъ, а за пять мѣсяцевъ еще до этого договора. Оно вызвало въ Варшавѣ важныя подозрѣнія и сплетни противъ Киселя, извѣстіе о которыхъ сохранилъ бывшій здѣсь тогда царскій посланецъ, дьякъ Григорій Кунаковъ.

«Февраля въ 26 день, повѣствуетъ московскій дьякъ, вѣдомо королю и папамъ радѣ учинилось, что воевода кіевскій Янушъ

¹⁾ Условія эти въ дневникѣ Мілковскаго, въ іной вѣсколько редакції у Михаловскаго подъ №№ 101 и 102; также Памятники, т. I, отд. З, № 61.

²⁾ Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 209; ср. противорѣчіе там же, стр. 89.

Тишкевичъ умеръ; и король того-жъ числа послать къ Адаму Киселю привилье на воеводство кіевское, и печатныя пошлины отъ того привилья велѣль король дать изъ своей шкатулы. И паны рада о томъ удивляются, и чаютъ отъ короля съ Адамомъ Киселемъ какого умысленъя, и совѣтуютъ, межъ себя раздѣлясь, и нелюбовь межъ пановъ-радъ большая. А шляхта многое и мѣщане говорять, сѣтуя, что паны-рада въ своемъ нелюбѣ всѣ Рѣчъ Посполитую губятъ и такую великую черкасскую и татарскую войну ставятъ ни во что; видя непріятельскую саблю на головахъ своихъ, о обронѣ панства не промышляютъ. А та бѣда и злое разоренѣе и кровопролитье учинилось отъ ихъ-же панской гордости и отъ налогъ: которою чашею они пышные паны зъ жидами поили бѣдныхъ черкасъ, нынѣ ту самую чашу сами многое пьютъ и впередъ будуть пить, а подлѣ нихъ и невинные убогие люди погибаютъ. И о томъ паны-рада скорбятъ, что Адама Киселя послали къ Богдану Хмельницкому въ комисарахъ: чаютъ отъ него, ради православной вѣры, къ войску запорожскому доброхотыня; и паны-рада и шляхта Адама Киселя зовутъ здрайцою¹⁾.

Говорили тому-же дыку «многіе люди, будто Казиміръ король желаетъ, чтобы Богданъ Хмельницкій пановъ-радъ сломалъ и королю послушныхъ учинилъ, чтобы паны-рада и шляхетство были во всей его королевской волѣ; и тайные приказы отъ короля къ Адаму Киселю были, а о чёмъ, того паны-рада не вѣдаютъ. Сказывали также, будто о томъ, чтобы Адаму Киселю воеводство кіевское дать, писалъ къ королю Богданъ Хмельницкій»).

Что дыкъ писалъ не съ вѣтру, потвержденіе тому находимъ и въ другихъ памятникахъ того времени. Такъ въ пасквиль противъ короля, изложенномъ въ формѣ письма къ нему отъ Хмельницкаго, послѣдний говоритъ между прочимъ, что онъ былъ только послушнымъ орудiemъ, точнымъ исполнителемъ воли короля Владислава, Яну-же Казиміру онъ напоминаетъ: «ты приказывалъ мнѣ, государь, призывалъ меня ити съ войскомъ къ Варшавѣ и ожидать у Замостя дальниѣшихъ извѣстий и распоряженій; и какъ только дошла до меня вѣсть о счастливомъ избраніи твоемъ на королевство, я тотчасъ отступилъ съ войскомъ». Здѣсь-же указывается и на дѣятельность Киселя:

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. III, № 243, стр. 296.

«сносила со мной, но осторожно, г. киевский воевода Кисель; постоянно велись между нами тайные сношения, я получалъ отъ него наставлениі по всѣмъ дѣламъ и предостереженія обо всемъ, что ни предпринимала противъ меня Рѣчь Посполитая¹⁾). Другой пасквиль, въ латинскихъ стихахъ, направленъ прямо противъ Киселя, и предостерегая отъ него, какъ отъ змѣи, кроющейся въ травѣ, обвиняетъ его въ возбужденіи козаковъ къ войнѣ даже и въ то время, когда они сами того не хотѣли.

Ne sit anguis, Poloni cavete, in herba,
Vel vos Kisiel seducat per mollia verba.
.... nollint Cosaci amplius bellare,
Tamen ipsis indicit arma ostentare²⁾).

Обвиненія въ измѣнѣ не составляли тайны для самого Адама Григорьевича; въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ къ подканцлеру Радзѣюскому, защищая еще разъ свою политику относительно козаковъ и настаивая на правильности своихъ взглядовъ, Кисель говоритъ: «всегда я этого держался, всегда твердилъ это устно и письменно, и за то меня называли «здрайцею» и невѣдающіе, что творятъ, сами приводящіе къ погибели отечество и насть всѣхъ³⁾».

Были-ли какіянибудь дѣйствительныя основанія къ обвиненіямъ Киселя въ измѣнѣ Рѣчи Посполитой, или-же послѣднія являются безпричиною клеветою, а въ такомъ случаѣ что именно подавало къ ней поводъ и поддерживало вѣру въ нее?

Приведенные свидѣтельства показываютъ, что короля Яна Казимира, какъ и его предмѣстника Владислава, подозрѣвали въ намѣреніи произвести рѣшительный государственный переворотъ, а

¹⁾ Michałowskiego Księga, № 237.

²⁾ Берегитесь, поляки, змѣи въ травѣ, сведѣть васъ Кисель своими мягкими рѣчами... Не хотять козаки больше воевать, а онъ поджигаетъ ихъ поднимать оружие.—Тамъ-же, № 215.—Авторъ пасквиля не пощадилъ здѣсь и матери Адама:

Adde, quod matrem, olim magnam mercetricem,
Nunc habeat monacham, sed incantatricem.

Прибавь, что онъ имѣть мать, чѣкогда великую блядь, теперь-же хотя и монахиню, но вѣдьму.

³⁾ Michałowskiego Księga, № 211.

именно ограничить власть шляхты и подчинить ее волью короля, съ помощью козаковъ. Въ запутанномъ козацкими бунтами воображении шляхты рисовались два заговорщика на ея вольности, изъ которыхъ одинъ возсѣдалъ на престолѣ на берегахъ Вислы, не обладая властью монарха, а другой, не коронованный, повелѣвалъ на берегахъ Днѣпра, главнымъ-же ихъ агентомъ былъ Адамъ Кисель. Подозрѣнія эти возникли изъ тѣжкаго для шляхты козацкаго бунта и основывались на секретной перепискѣ съ Хмельницкимъ Яна-Казиміра предъ избраніемъ послѣдняго въ короли, на сильной поддержкѣ, оказанной гетманомъ кандидатурѣ королевича и на непонятномъ для всѣхъ отступлениіи Хмельницкаго отъ Замости, «изъ послушанія, какъ онъ объявлялъ, королю». Эти обстоятельства, въ связи съ личными качествами избраннаго въ короли бывшаго іезуита и кардинала, отъ которого Хмельницкій, какъ защитникъ православной вѣры, не могъ ждать ничего доброго, привели въ біографа Богдана къ тому предположенію, что «*между ними и Яномъ-Казиміромъ, до избранія послѣдняго въ короли, существовало, посредственно или непосредственно, что-то тайное, наимъ теперь неизвѣстное*»¹⁾). Что касается Киселя, то разъ подобное подозрѣніе зародилось, онъ пристегивался самъ собою, какъ главный посредникъ въ переговорахъ между королемъ и Хмельницкимъ, близкій послѣднему по вѣрѣ и національности.

Но если-бы и действительно Янъ-Казиміръ имѣлъ одинаковыи съ Владиславомъ IV намѣренія ограничить шляхетское самоволіе, то все, что мы знаемъ объ Адамѣ Киселѣ, показываетъ въ немъ болѣе сторонника шляхетскихъ вольностей, чѣмъ власти королевской, особенно опирающейся на козаковъ, людей, по взгляду Киселя, хотя и рыцарского ремесла, но все таки по происхожденію плебеевъ. Различая ихъ отъ крѣпостныхъ хлоповъ, сходясь съ ними въ пунктахъ защиты правъ и свободы греко-руssкаго исповѣданія, Кисель въ своемъ застуничествѣ за козаковъ противъ ихъ принципіальныхъ враговъ, въ родѣ Вишневецкаго, всегда опирается только на соображенія общегосударственного характера. Не козаки сами по себѣ, по его мнѣнію, заслуживаются вниманія, а только та польза, какую можетъ извлекать изъ нихъ Рѣчъ Посполитая, и

¹⁾ Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 51—52.

тотъ вредъ, который, какъ онъ основательно видѣлъ, произошель бы для государства отъ ихъ уничтоженія, а еще болѣе быть причиненъ Рѣчи Посполитой ихъ враждебностью. «Если мы и поразимъ козаковъ, говорилъ онъ, побѣда неизбѣжно будетъ самою жестокою. Но если одна сторона падетъ окончательно, должна утомиться при томъ и другая: а невѣрные будутъ со стороны подстерегать насть недремлющимъ окомъ. Очистимъ только дороги поганцамъ, сами уничтоживши свою силу». А Хмельницкому писалъ онъ тогда-же, что «нечего ждать и русской вѣрѣ, коль скоро насть Руси (т. е. православнаго русскаго шляхетства) не станетъ¹⁾». При такихъ взглядахъ на шляхту и козачество, на ихъ взаимныя отношенія и на объемъ вольностей той и другаго, немыслимо было Киселю принимать участіе въ предпріятіяхъ короля, которыхъ имѣли бы автократическую подкладку. И дѣйствительно Владиславъ не посвящалъ его вполнѣ въ свои планы. Будучи посломъ на Москву и заключая извѣстный намъ договоръ, Кисель самъ видѣлъ въ немъ только актъ вѣнѣшней политики, безъ всякаго соотношенія его къ политикѣ внутренней. Переговорамъ королевскимъ съ козаками въ 1646 и 1647 годахъ онъ былъ положительно непричастенъ, вопреки общей молвѣ слѣдующаго затѣмъ времени, нашедшей себѣ отраженіе въ приведенныхъ пасквилахъ; бѣгство и возстаніе Хмельницкаго, имѣвшес прямую причинную связь съ этими переговорами, были для Адама Григорьевича неожиданностью, и онъ, какъ мы видѣли изъ переписки его съ московскими воеводами и боярами, не придавалъ имъ въ началѣ никакого серьезнаго значенія. Этого никакъ не могло быть, если-бы онъ посвященъ былъ во всѣ подробности сношеній съ козаками Владислава IV. Что-же касается Яна-Казимира, то онъ еще менѣе могъ довѣрять Киселю всѣ свои секреты. Въ этомъ отношеніи весьма важно для насть одно указаніе, само по себѣ мелочное: во время споровъ о скорѣйшемъ избраніи короля, Кисель сначала настойчиво защищалъ кандидатуру *котораго-либо* изъ двухъ братьевъ Владислава, т. е. или Яна-Казимира, или-же Кароля, доказывая, вопреки сильнейшей оппозиції многихъ членовъ сейма, что одинъ изъ нихъ долженъ отказаться отъ кан-

¹⁾ Michałowskiego Księga, стр. 608.

дидатуры, по ихъ взаимному соглашению¹). Видя однако, что добиться единогласія сеймующихъ по этому предмету очень трудно, онъ далъ понять, въ засѣданіи 7 ноября 1648 г., что въ такомъ случаѣ слѣдуетъ отвергнуть обоихъ королевичей, а избрать третьяго кандидата, но все таки торопиться съ этимъ²). Очевидно, Адамъ Григорьевичъ ставилъ здѣсь интересъ государства далеко выше личныхъ интересовъ Яна-Казимира. Но послѣдній уже вошелъ тогда въ сношенія съ Хмельницкимъ: письмо гетмана, въ которомъ онъ высказывается за Казимира, писанное къ жителямъ Замостья, послано оттуда Вишневецкимъ въ Варшаву 6 ноября. Изъ сопоставленія этихъ данныхъ можно съ достовѣрностью заключить, что въ тайныхъ переговорахъ королевича съ козаками гетманомъ Кисель въ это время не принималъ никакого участія, и не встрѣчается ни малѣшаго основанія предполагать, чтобы образъ его дѣйствій измѣнялся виослѣдствіи. Всѣ споменія Киселя съ Хмельницкимъ или происходили открыто, при свидѣтеляхъ, или о нихъ былъ имъ представляемъ отчетъ королю и сенату, съ приложеніемъ цереписки. Единственное исключеніе составляетъ интимная бесѣда между ними 25 (15) февраля 1649 г. въ Переяславѣ, когда они пробыли довольно долго наединѣ, запершись. Тогда шла рѣчь объ освобожденіи плѣнниковъ, но въ очевидцѣ всего поведенія Адама Григорьевича въ эту пору, комиссарѣ Московскому, тайная бесѣда не возбуждала ни малѣшаго подозрѣнія. «Занимался съ Хмельницкимъ воевода на полтора часа, пытаясь смягчить закаменѣлое его сердце. Но ничто не помогло! Самая неудача говорить здѣсь въ пользу Киселя, ибо для каждого ясно, что гетманъ оказался-бы говорчивѣе по второстепенному, относительно неважному пункту о плѣнныхъ, если-бы воевода имѣть возможность сдѣлать ему какія либо серьезныя тайныя уступки со стороны короля. Подъ какимъ-бы давленіемъ со стороны старшинъ ни находился тогда Хмельницкій, всѣ они предпочли-бы уступки въ пользу всего козачестваничтоожной гарантіи, представляемой имъ удержаніемъ четырехъ-сотъ плѣнныхъ, большая часть которыхъ состояла изъ взятыхъ въ Кодакѣ простыхъ драгуновъ.

¹) Тамже, стр. 245, 258, 260.

²) Тамже, стр. 302.

Въ глазахъ поляковъ обвиненія противъ Киселя находили опору въ трехъ обстоятельствахъ: его исповѣданіи, незнатности происхожденія и наконецъ лично-пріязвенныхъ отношеніяхъ съ Хмельницкимъ. Это явно и открыто выразилось въ сеймовыхъ рѣчахъ послѣдующаго времени, въ концѣ 1650 г. Когда было прочтено письмо киевскаго воеводы, въ которомъ онъ доказывалъ неизбѣжность уничтоженія церковной унії, то раздались голоса: «какъ козель не будетъ барапомъ, такъ схизматикъ не будетъ искреннимъ защитникомъ католиковъ и не можетъ охранить шляхетскія вольности, будучи одной вѣры съ бунтовщиками хлопами...» — «Для схизматиковъ, возмущались паны, для глупаго хлопства дѣлать рабами шляхту, не позволять ей вѣрить, какъ повелѣваетъ Духъ святый, а пусть вѣрить, какъ предписываетъ пьяная сумасшедшая голова Хмельницкаго»?! — «Вотъ проявился какой докторъ чертовской академіи, бралили Киселя, холопъ, недавно отпущенныи на волю, хочетъ отнять у поляковъ даръ Божій, вѣру святую»*).

Личные отношенія Киселя и Хмельницкаго во все время ихъ переговоровъ, въ началѣ 1649 г. и впослѣдствіи, носили несомнѣнно дружественный характеръ, что видно даже изъ самого тона ихъ переписки, хотя она имѣла значеніе официальное, т. е. велась между главнымъ комиссаромъ Рѣчи Посполитой и гетманомъ войска запорожскаго, точнѣе говоря, владыкою южной Руси, и предназначалась по этому для свѣдѣнія не только адресатовъ, но и многихъ другихъ лицъ съ обѣихъ сторонъ. Кисель основательно придавалъ поддержанію пріязни и довѣрія значеніе политическое, въ своихъ письмахъ къ королю и разнымъ панамъ неоднократно доказывалъ ихъ необходимость для успѣшности переговоровъ съ козаками, или-же жаловался, что враждебныя столкновенія отдѣльныхъ самовольныхъ лицъ изъ поляковъ съ козаками, колеблютъ довѣріе къ нему въ козацкой средѣ и тѣмъ наносятъ вредъ дѣламъ государственнымъ. Съ своей стороны Хмельницкій хорошо понималъ, что во всемъ составѣ сената и вообще среди влиятельныхъ польскихъ пановъ одинъ только Кисель, хотя и по нуждѣ, но все-же искренно желалъ мирнаго окончанія распри съ козаче-

*) Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 272 (по Коховскому, Climacter I, стр. 211). Современная передѣлка Коховскаго, изд. Рачинскій.

ствомъ. Правда, Хмельницкому не разъ приходилось упрекать Киселя и въ вѣроломство, но это дѣжалось вообще по адресу противной стороны въ случаѣ неожиданного нападенія на козаковъ во время веденныхъ Киселемъ мирныхъ переговоровъ. Такіе упреки имѣли одно дипломатическое значеніе: Хмельницкому нужно было выставлять свою правоту, а козаковъ жертвами вѣроломства, не только въ глазахъ короля и болѣе солидныхъ по уму и характеру паповъ, но также и въ глазахъ соѣдніхъ монарховъ, помощи которыхъ они занескивали. Пріемъ дипломатіи, не составляющій особенности той эпохи; онъ употреблялся и раньше, практикуется не въ меньшей мѣрѣ и на нашихъ глазахъ... Обѣ стороны одинаково хорошо знали ему цѣну въ отношеніи самихъ себя: Кисель не обижался взводимыми на него обвиненіями, признавая ихъ формальную основательность, а Хмельницкій, вслѣдь за самыми горькими жалобами на мнимое вѣроломство Киселя, снова вступалъ съ нимъ въ хорошія отношенія. Даже и въ Переяславѣ, среди самыхъ рѣзкихъ выходокъ противъ комиссаровъ, какъ представителей Польши, гетманъ добродушно обращался къ женѣ Киселя, предлагая ей, полусеръезно, полушутя, чтобы она «отреклась отъ лиховъ и осталась съ козаками, потому, какъ говорилъ онъ, что ліпская земля погибнетъ, а Русь скоро станетъ господствовать, въ этомъ еще году»¹⁾.

Пріязненное отношение гетмана лично къ Адаму Григорьевичу, а вѣроятно и взаимно, находило себѣ прочное основаніе въ полной солидарности ихъ взглядовъ и желаній по одному изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ польско-козацкой распри, именно въ одинаковомъ признаніи необходимости обеспечить свободу и права православной церкви и совершенно уничтожить унію. Кисель, давно стремившійся къ этой цѣли, хотя въ менѣе широкихъ, быть можетъ, предѣлахъ, долженъ былъ по убѣжденію даже защищать козаковъ, какъ единственную силу, которая могла дать опору стремленіямъ православной шляхты въ церковномъ вопросѣ. Хмельницкій тоже понималъ, что въ этомъ вопросѣ Кисель для него не комиссарь правительства, даже не медіаторъ, а прямой и вполнѣ надежный союзникъ. Онъ не могъ не цѣнить по достоинству и не воздавать

¹⁾ Michałowskiego Księga, стр. 374

справедливой дани уваженія гражданскому мужеству, съ какимъ боролся Кисель за свои и его религіозныя убѣжденія, за свободу ихъ выраженія и права исповѣданія, навлекая на себя, какъ мы видѣли, даже обвиненія въ измѣнѣ. Эта сторона дѣятельности Адама Григорьевича была оцѣнена и государственными людьми Москвы, которые въ свою очередь указывали на нее гетману¹⁾.

Такимъ образомъ, если не дружественные, то по крайней мѣрѣ не враждебные лично отношенія между киевскимъ воеводою и козацкимъ воаждемъ объясняются вполнѣ естественно и достаточно тѣми обстоятельствами, которыхъ не скрывать ни отъ кого ни тотъ, ни другой, ибо ихъ и скрывать не было вовсе надобности. Нигдѣ ни малѣшаго уязванія, даже намека, не встрѣчаемъ мы на существованіе между ними какихъ-либо тайнъ, которыхъ могли-бы быть поставлены въ вину Киселю, какъ сенатору Рѣчи Посполитой и ея уполномоченному для переговоровъ съ козаками. Самый мелочной анализъ разнородныхъ современныхъ документовъ не даетъ материала даже для самой тѣни подозрѣнія Киселя въ измѣнѣ своему государству, своему правительству. Ожесточенная нападки и обвиненія противъ него на эту тему окончательно должно признать клеветою, происхожденіе и распространенность которой объясняются очень легко, при томъ напряженномъ до высшей степени состояніи, въ какомъ находилась тогда вся Польша, при самой ожесточенной борьбѣ шартій, происходившей одновременно на почвѣ церковной, национальной и сословной. На Киселя должны были сыпаться обвиненія отовсюду, болыше чѣмъ на кого-бы то ни было другаго, по тому только одному, что онъ, по своимъ убѣжденіямъ, не принадлежалъ

¹⁾ Послѣ того какъ комиссары, вернувшись изъ Переяслава на Волынь, представили королю отчетъ о своей миссіи, король послалъ Хмельницкому письмо отъ себя въ примирительномъ духѣ, которое повезъ Смяровский. Послѣдній былъ задержанъ козаками, ограбленъ и избитъ, а впослѣдствіи и совсѣмъ убитъ, по подозрѣнію въ шпионствѣ со стороны Киселя, но слуга его Ольшевскій, прорвавшійся на Волынь къ Киселю, показывалъ впослѣдствіи, что хотя Хмельницкій сердить за Киселя за письмо, посланное имъ въ Москву во вредъ козакамъ, которое самими москвитянами передано гетману, но что онъ-же предостерегъ его и совѣтовалъ ему оставаться въ Гушѣ, если не хочетъ погибнуть съ прочими панами,— ибо за него представительствомъ царь московскій.— Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 90; Michałowskiego Księga, №№ 114 и 115; Памятники, т. I, отд. 3, стр. 358, 389, 393, 403, 407, 413—429.

цѣликомъ ни къ тому, ни къ другому изъ двухъ великихъ лагерей, на какіе главнымъ образомъ распадалось все населеніе Польши и южной Руси въ эту революціонную эпоху. Его народность этнографическая не совпадала съ національностью государственною, членъ сословія привилегированаго—релагію имѣлъ онъ общую съ плебеями. Образъ дѣйствій и мыслей его не удовлетворялъ сполна требованиямъ ни одной изъ сторонъ, обѣ надѣялись перетянуть его къ себѣ совсѣмъ, но обѣ-же, обманутыя въ своемъ ожиданіи, взводили на него всяческія обвиненія, которыми до такой степени проникнуто большинство писаній того времени, что они находятъ себѣ невольное отраженіе даже въ трудахъ современныхъ намъ историковъ...

(Окончаніе въ с.иѣд. книжкѣ).

АВТОБІОГРАФІЯ

Т. ГР. ШЕВЧЕНКА, ПИСАННАЯ ДЛЯ „НАРОДНАГО ЧТЕНЯ“.

Въ свое время издатель «Народного Чтения» обратился къ Т. Гр. Шевченку съ просьбою написать свою біографію для журнала, имъ издаваемаго. Не будучи въ состоянія написать ее такъ, какъ хотѣлось-бы, онъ обратился за помощью ко мнѣ и отдалъ мнѣ свою рукопись. Я написалъ отъ его имени то, что напечатано, по его ободреніи, въ «Народномъ Чтениі», а недоконченная автобіографія поэта лежала въ моихъ бумагахъ, забытая мною, до 1885 года. Снявъ съ неї точную копію, я подаю ее къ печати въ томъ предположеніи, что найдется много цѣнителей таланта нашего поэта, которые поинтересуются знать, въ какомъ первоначально видѣ была его автобіографія, известная всѣмъ по редакціи «Народного Чтения» и многимъ ея перепечаткамъ.

Въ этой копії соблюденѣ правописаніе подлинника. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что Шевченко прописныя буквы вообще писалъ почти въ ту-же мѣру, что и строчныя, а иногда увеличивалъ строчную букву. Отъ этого выходитъ, что онъ какъ будто не обращалъ вниманія, гдѣ слѣдуетъ употреблять тѣ и другія, хотя съ ними это случалось.

Подлинный автографъ Тараса Григорьевича подарепъ мною ревностному со-
брателю розныхъ памятниковъ П. И. Зуйченку.

П. Кулишъ.

Тарасъ Шевченко сынъ креноостного кресть(л)ника Григорія Шевченка. Родился въ 1814 году февраля 25. Въ селѣ Кириловкѣ землигородскаго уѣзда кіевской губерпіи. Въ имѣніи помѣщика¹⁾ Василія Васильевича Энгельгардта. На осьмомъ году лишившисъ отца и матери, приютился онъ у дѣячка въ школѣ въ видѣ школьнаго попи-

¹⁾ Было написано «Павла», но зачеркнуто.

хача. По многотяжкому двуходіттямъ испитаній, прошелъ онъ Граматку, Часловецъ, и наконецъ Псалтирь. Дѣячокъ убѣдившись въ досужествѣ своего Школяра *Попихача*, посыпалъ¹⁾ его во мѣсто себя читать псалтирь По усопшихъ крепостныхъ душахъ, за что и платилъ ему десятую копѣйку²⁾ яко поощреніе. Но не смотря на столь лестное къ себѣ вниманіе суроваго Спартанца учителя, въ одинъ изъ многихъ дней и ночей³⁾ когда спартанецъ учитель съ своимъ другомъ Іоюю *лімаремъ* были мертвѣцки Пьянки, Школяръ *попихачъ* беззазрѣнія совѣсти обнаживъ заднюю своего наставника и благодѣтеля всипалъ ему великую дозу березовой капи. Пометившись до отвалу, и похитивши какую то Книжечку *съ кунитиками* въ туже почъ бѣжалъ въ мѣстечко лысянку, гдѣ и нашелъ себѣ учителя живописи⁴⁾ отца діакона тоже спартанца. Терпѣливо бродяга школляръ носилъ изъ Тикича три дня ведромъ воду и ростидалъ миданку на желѣзномъ листѣ и на четвертый день бѣжалъ. бѣжалъ онъ въ село Тарасовку къ дѣячуку маляру славившемуся⁵⁾ въ околоткѣ изображеніемъ великомуученика Никиты и Ивана воина, у поспѣдняго для большаго эффекта рисовалъ онъ на лѣвомъ рукавѣ дрѣ солдацкіе напівки. Ель сему то апелесу обратился Школяръ бродяга съ твердымъ намѣреніемъ перенести всѣ испитанія только бы хоть малость научиться его великому искусству. Но увы! апелесъ посмотрѣлъ внимательно на лѣвую ладонь бродяги, отказалъ ему наотрѣзъ. не находя въ немъ таланта нетолько къ малярству или къ Шевству ниже къ бандарству.

Потерявъ всякую надежду сдѣлаться когда небудь хоть посредственнымъ маляромъ, съ сокрушеніемъ сердцемъ бродяга возвратился въ с(в)ое родное село съ намѣреніемъ начинать въ погонычи, или пасти громадскую *ватагу* и ходя за стадомъ овецъ и свиней читать красную книжечку *съ кунитиками*.

¹⁾ Зачеркнуто «онъ».

²⁾ Зачеркнуто «въ».

³⁾ Зачеркнуто «какъ и».

⁴⁾ Зачеркнуто «отцъ».

⁵⁾ Зачеркнуто «озобра».

И это язвило. Помощику Павлу Васильевичу Энгельгардту, только что наследовавшему достояние побочного отца своего, попадился расторопный мальчикъ, и обворвавши(и) школьарь бредялъ пошалъ прямо въ тиковую куртку въ такие-же шаровары и наконецъ въ комнатные козачки. Въ должности козачка онъ втихомолку Срисовивъ украденнымъ у ко(в)торщика карандашомъ, картины сузdalской школы украшившіе Панскіе покои. Странствую съ обозомъ за своимъ¹⁾ дидичемъ въ Киевъ, Вильно, и въ Петербургъ, На-постоялыхъ дворахъ кралъ онъ изображенія разныхъ историческихъ героевъ, какъ-то. Соловья разбойника. Кульгева, Кутузова, козака Платова, и прочихъ, съ намѣреніемъ скопировать ихъ на досугѣ точь въ точь.

Случай и досугъ представился въ Вильнѣ. Это было въ 1829. году Декабря 6. Панъ и пани уѣхали въ *ресурсы* на балъ²⁾ дворянскаго собранія по случаю тезоименитства Н. П. въ домѣ все успокоилось, уснуло. Тогда онъ развернулъ свои³⁾ краденные сокровища, и выбравъ изъ нихъ козака Платова Принялся благоговѣйно-Тщательно скопировать. уже дошелъ до маленькихъ козачковъ гарцующихъ около⁴⁾ лошадей колітъ коня козака Платова, какъ растворилась дверь; Панъ и пани возвратились съ балу. Панъ съ осторвіненіемъ выдралъ его заушки надававъ пощечинъ, за то дикать что онъ могъ не только дожъ, городъ сжечь. На другой день панъ велѣлъ Кучеру Сидоркѣ винограть его хорошенько, что и было исполнено сугубо.

Въ 1832. году въ С.-Петербургѣ, понеотступной его прозѣбѣ помощику законтрактовалъ его на четырѣ года, разныхъ живописныхъ дѣль цеховому⁵⁾ мастеру, иѣкоему Ширяеву. Ширяевъ былъ ретивіе всякого дѣячка-Сpartанца. Но несмотря ни какакіе стискнія онъ въ свѣтлые лѣтніе ночи бѣгалъ въ лѣтній садъ рисовать съ безобразныхъ неуклюжихъ статуй. (Достойное укращеніе Петроваго сада.)⁶⁾ Въ одинъ

¹⁾ Слово «свой» надписано карандашомъ.

²⁾ Даѣе, до букви Н. П. включительно приписка сбоку карандашомъ.

³⁾ Зачеркнуто «пои».

⁴⁾ Слово «цеховому» надписано сверху.

⁵⁾ Слово «около» надписано сверху вместо зачеркнутаго у.

⁶⁾ Въ этомъ саду и въ то-же время началь онъ дѣлать этюды въ стихотворномъ искусствѣ, изъ многочисленныхъ попытокъ, онъ впослѣдствіи напечатали только одну балладу *Причина*.—Прим. Шевченка.

изъ этихъ сеансовъ познакомился онъ съ художникомъ Иваномъ Макен-
мовичемъ Сошенкомъ. Съ которымъ и до сихъ поръ въ самыхъ искрен-
нихъ братскихъ отношеніяхъ. Но совѣту Сошенка онъ началъ пробо-
вать портреты съ натуры акварелью. Для многочисленныхъ пробъ гер-
пѣливо служилъ ему моделью его землякъ и другъ иванъ Козакъ
Нечепоренко Дворовый человѣкъ Того же Энгельгардта. Однажды Тотъ же
Энгельгардтъ увидѣлъ у Нечепоренка работу своего Крепосного артиста
которая ему вѣрно очень понравилась потому что онъ началъ употреб-
лять его для снятія пор(тре)товъ съ своихъ любимыхъ любовницъ, за
которые иногда и награждалъ рублемъ серебра неболіе.

Въ 1837 году И. М. Сошенко представилъ его конференцъ
секретарю а. художествъ В. И. Григоровичу, съ цѣлю освободить
его отъ горестного состоянія. В. И. Григоровичъ просилъ о немъ
В. А. Жуковскаго, а В. А. Ж. преварительно узнавши¹⁾ отъ²⁾
помѣщика, просилъ К. П. Брюлова написать В. А. Жуковскаго
портретъ для императорской фамиліи съ цѣлью разигранія его въ ло-
тарею въ царскомъ семействѣ. Великій Брюловъ охотно согласился. Порт-
ретъ написалъ. В. А. Жуковскій съ помощью Графа М. Ю. Велігор-
скаго устроили лотарею въ 2,500 рублей асигнаціями и этой ценою
была куплена свобода Т. ІІІ. Въ 1838 году апреля 22.

Съ тогоже днія началъ онъ посѣщать клаcы а. художествъ и
вскорѣ здѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ—Товарищей вели-
кого³⁾ Карла Брюлова.

Въ 1844 году удостоился онъ званія свободнаго художника. А
въ 1847 году былъ арестованъ вмѣсть съ Костомаровымъ, Кулишемъ
и многими другими по доносу студента К. У—та иѣкоего Петрова⁴⁾.
безъ суда и слѣдствія разослали ихъ въ разныe крѣпости⁵⁾. и 30 мая
того же года⁶⁾ изъ Каземата Третьяго отдѣлевія Т. Г. Шевченко⁷⁾

¹⁾ Зачеркнуто повторенное слово «узнавши».

²⁾ Слово «самаго» приписано каравадашемъ.

³⁾ Зачеркнуто «Б» передѣланное на «Ка».

⁴⁾ Зачеркнуты слова «Въ тоjъ-же году».

⁵⁾ Отъ слова «безъ суда» до слова «крѣпости» приписано сбоку, подъ
крестикомъ.—Тутъ поэтъ неправъ: и судъ и слѣдствіе были.

⁶⁾ Слова «того-же года» надписаны сверху.

⁷⁾ Слова «Т. Г. Шевченко» надписаны сверху.

быть сосланъ въ¹⁾ орскую крѣпость и потому въ Новопетровское укрѣпленіе съ строжайшимъ запрещеніемъ писать и рисовать.

Въ 1858 году 22 августа Походатайству Графини Анастасії Толстой Освободили его изъ Новопетровского укрѣпленія. И по ея же ходатайству всемилостивійше повелѣніо быть ему подъ надзоромъ полиціи въ столицѣ и заниматься своимъ художествомъ.

Въ 1858 году лѣтомъ послѣ долгой и тяжкой разлуки увидѣть свою прекрасную родину Крепостныхъ братьевъ и сестру, и, благополучно оселью²⁾ возвратился въ а. художествъ гдѣ благодаря прави-щихъ академію, съ любовью истинного художника занимается гравюрою аква Тinta и аква Форта.

Послѣ долгихъ двухлѣтнихъ проволокъ главный цenzурный комитетъ разрешилъ ему напечатать только тѣ³⁾ изъ своихъ сочиненій которые были напечатаны до 1847 года вичеркнувши изъ нихъ десятки страницъ (прогресь)

1860 года въ первой половинѣ генваря. .

¹⁾ Зачеркнуты слова «киргизскіе стени».

²⁾ Слово «оселью» написано сверху.

³⁾ Слово «тѣ» надписано сверху.

ВОСПОМИНАНИЯ

О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНИИ ВЪ УКРАИНѢ 1863 ГОДА.

Въ 1861 году по обстоятельствамъ я вышелъ изъ университета и поселился въ глухой деревушкѣ киевскаго уѣзда, киевской губерніи; но моя связь съ Кieвомъ, знакомство и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ дружба съ университетскою молодежью Кieва не прерывались. Иерѣдка я наѣзжался въ Кieвъ, видѣлся тамъ съ друзьями и знакомыми, но разсказамъ болѣе или менѣе точнымъ, а то и просто по разнымъ слухамъ зналъ киевскія дѣла; знать, что и какъ волновало умы молодежи и смекать, куда и кто изъ моихъ знакомыхъ тянется своими симпатіями. Зналь я, напримѣръ, что польская университетская молодежь почти вся потянулась къ польскому дѣлу, что подъ вліяніемъ студентовъ изъ Царства Польскаго (*koroniarzy*) прежняя гимназія студенческая организація разстроилась и замѣнилась новою чисто уже польского политического характера. Вмѣсто прежней группировки студентовъ по гимназіямъ, что имѣло смыслъ товарищества по учению помимо национальности, явилась группировка по провинціямъ, при чёмъ примѣнилось дѣление старой Польши. Образовались такимъ образомъ три группы студентовъ подъ названіями: *Корона, Литва и Русь*, и этимъ уже точно опредѣлялось политическое ихъ направление. Въ это именно время въ польской студенческой группѣ, носившей название *алюномановъ*, произошелъ расколъ и тѣ изъ нихъ, комъ движение къ пользу Польши казалось целѣпымъ, отстранились отъ своихъ товарищѣй, высказавъ имъ откровенно свое политическое

credo и преданность дѣлу народа на Українѣ, а не польскимъ мечтамъ. Но такихъ вдумывавшихся въ происходившее броженіе и понявшихъ суть дѣла было не много, большинство же не сумѣло оторваться отъ традиціонной идеи борьбы за ойчизну, не могло отрѣпиться отъ всего всосанного въ себя съ молокомъ матери, а это всосанное было: смутныя мечты о возстановленіи Польши, удалая борьба, жажда приключеній со всею ихъ заманчивостію для молодыхъ, полныхъ силъ и жизни, людей.

Варшавскія события, имѣя кромѣ письменныхъ и печатныхъ коментаріевъ, живыхъ истолкователей въ лицѣ кіевскихъ студентовъ изъ Царства Польскаго, рефлексивно отзывались и на польскомъ обществѣ юго-западнаго края и скорѣе всего, разумѣется, на самой воспріимчивой, наиболѣе впечатлительной части его — университетской молодежи. Въ концѣ 1862 г. уже все польское у насъ было охвачено патріотическимъ энтузіазмомъ и вседѣло отдалось дѣлу пропаганды и ажіотажа. Недоумѣвая о томъ, какимъ образомъ, какими именно путами восстаніе явится у насъ на Українѣ, мы все вообще жители того края, начиная отъ властей и оканчивая простымъ народомъ, чуяли приближеніе чего-то необычайнаго, по-жалуй не опаснаго, во тѣмъ не менѣе весьма тревожнаго.

Рѣшалась изложить мои воспоминанія объ этомъ, пережитомъ и мною, тревожномъ времени, я не коснулся предшествовавшихъ восстанію проявленій постепенно возбуждавшагося польского задора, начиная отъ пѣнія гимновъ и траура и оканчивая разнаго рода продѣлками по освобожденію арестованыхъ гимназистовъ, по приобрѣтенію оружія, по распространенію прокламацій и т. п.—все это было уже описано и разсказано гораздо подробнѣе и лучше, чѣмъ могъ-бы я это сдѣлать,—а перейду прямо въ 1863 годъ; но и здѣсь не жди отъ меня, читатель, полнаго изложенія хода восстанія въ кіевской губерніи и его подробностей, я передамъ только то, что мнѣ известно о немъ по моимъ личнымъ наблюденіямъ, либо по рассказамъ другихъ, передамъ въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, въ томъпорядкѣ, въ какомъ мнѣ приходилось наблюдать или слышать.

Въ январѣ 1863 года мнѣ случилось приѣхать въ Кіевъ. Польской университетской молодежи было еще много тамъ, по они уже менѣе всего походили на студентовъ. Длинные ботфорты, чамарки и кожаные пояса, книжали и револьверы подъ полами вер-

хнаго платья придавали имъ воинственный и вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальный видъ. «Короняржей» въ Кіевѣ уже не было, они или уѣхали въ Царство Польское, или, какъ мы разсказывали, разсѣялись по шляхетскимъ домамъ юго-западнаго края. Бывшаго до того времени антагонизма между университетскою молодежью и ихъ старшимъ поколѣніемъ—помѣщиками и вообще панами теперь уже не существовало. Молодежь то и дѣло каталась изъ Кіева въ уѣзды или водилась съ пріѣзжими въ Кіевѣ помѣщиками; между пылкимъ молодымъ и старымъ консервативнымъ поколѣніями установились единство и полное согласие въ одушевлявшихъ ихъ чувствахъ и стремленіяхъ. Новсюду чувствовались симптомы скораго вступленія чего-то рѣшительнаго, всѣми ожидаемаго, но мало комъ уясняемаго отчетливо. Общее увлечение польской молодежи мечтами о возстаніи, ея подготовка къ нему такъ были для всѣхъ видны и такъ мало скрываемы, что становилось неизбѣжнымъ отношеніе тогдашней администраціи края ко всему происходившему на ея глазахъ.

Впрочемъ военно-полицейскій надзоръ въ Кіевѣ былъ усиленъ тогда, какъ нельзя болѣе. Послѣ 9-ти часовъ вечера нельзя было уже пройти и одного квартала, чтобы не натолкнуться на какой либо обходъ, или разѣздъ, и все это опрашивало прохожаго, а то и провожало до воротъ или подъѣзда дома, куда направлялся онъ. Разѣзды казаковъ и драгунъ сновали повсемѣстно, отряды полицейскихъ съ пѣхотными солдатами тоже. Полиція знала всю подноготную готовившагося возстанія, какъ знаетъ зоркій игрокъ карты своего партнера, имѣющаго простодушную манеру держать ихъ совершенно открытыми. Но что говорить о полиції?.. всякий, не закрывавший глазъ на происходившее въ городѣ, могъ указать если не всѣхъ, то многихъ изъ тѣхъ, которые задумали уже идти въ повстанье,—такъ это все было откровенно и демонстративно.

Между прочими знакомыми встрѣтился я въ Кіевѣ и съ тѣми изъ моихъ бывшихъ товарищами, съ которыми приходилось прежде квартировать вмѣстѣ. Изъ числа постѣднихъ некоторые, какъ я додѣгдалась, были если не вожаками въ замышляемомъ возстаніи, то по крайней мѣрѣ стояли близко у корня дѣла. Въ бытность мою студентомъ, въ кругу моихъ товарищей полякомъ я считался не

только хлопоманомъ, но и хохломаномъ, и какъ я былъ исповѣданія православнаго, то потому мое отстраненіе отъ дѣла польскаго не было почитаемо отступничествомъ, въ какомъ укоряли поляки другихъ, отвернувшихся отъ польской сиравы. Съ послѣдними студенты поляки разошлись до враждебности, со мною напротивъ сожрали товарищескія отношенія, нисколько не скрывая отъ меня того, о чёмъ они постоянно толковали между собою.

Понятно, что при первыхъ-же нашихъ встречахъ заходила рѣчь о предстоявшей рухавкѣ. И не переставать доказывать безподѣльность и опасность предполагаемой затѣи. Со мной спорили, меня старались переубѣдить, говорили съ жаромъ, съ увлечениемъ, и, признаюсь, не разъ въ юной душѣ моей чувствовался какой-то неясный откликъ молодой энергіи и энтузіазму, стоявшимъ болѣе толка-
ваго дѣла; но переубѣдить меня все-таки не могли. Тогда предло-
жено было миѣ свиданіе съ иѣсколькими лицами, въ домѣ, кажется Кардашова, гдѣ въ 1866 году помѣщалась лыбедская часть: «тамъ, говорили миѣ, разъяснить тебѣ весь планъ нашихъ дѣйствій, и тогда ты уже павѣрпо согласишься съ нами въ возможности удачи дѣла».

Въ назначеннное время за мною зашелъ бывший ко мѣ ближе другихъ Вицекъ (Викентій Василевскій) и мы съ нимъ отправились въ эту конспиративную квартиру. Комнаты этого довольно большаго дома были пусты и безъ мебели, такъ что не на чемъ было и пристѣсть. Мы уже застали тамъ Готфрида Пршеднѣзскаго и Аントона Юрьевича и сейчасъ-же началась рѣчь о дѣлѣ возстанія. Говорилъ Антонъ Юрьевичъ, спокойный, серьёзный, умный; съ первыхъ словъ его для меня ясно было, что ему извѣстно все то, что мною говорилось при разныхъ встречахъ въ Кіевѣ съ поляками товарищами противъ возстанія. Онъ соглашался съ большинствомъ моихъ доводовъ, а сущность ихъ была проста и ясна: Украина край русскій, народъ не дотѣряется полякамъ и при первой всыпинѣ пойдетъ про-
тивъ нихъ; при малочисленности собравшихся въ рухавку и думать нельзѧ было о какомъ либо столкновеніи съ войсками, даже и безъ участія народа. «Все это вѣрно, говорилъ миѣ Юрьевичъ, все это мы сами созаемъ; но у насъ дѣло зашло уже слишкомъ далеко, эрекція (sic) у насъ столь сильна, что теперь удержать насъ отъ движенія уже нельзѧ, а остается только по возможности лучше направлять дѣло». «Очень можетъ быть, продолжалъ онъ, что мы

пропадемъ, что все окончится полнѣйшимъ фіаско; но чтобы мы ни сдѣлали, все это останется яркою чертою въ нашей исторіи и традиціи и поддержить духъ борьбы для будущихъ поколѣй»...

Я слушалъ молча; ничего нового во всемъ сказанномъ для меня не было; я видѣлъ одно,—что эреція духа слишкомъ сильна въ этихъ юныхъ энтузіастахъ, чтобы чѣмънибудь можно было ихъ удержать отъ неминуемой гибели.

Меня обѣщали посвятить во всѣ тайны предположенныхъ дѣйствій, разсказать все до подробностей, на честное слово, что я не открою никому ничего изъ того, что услышу здѣсь. Я отвѣчалъ, что не принадлежу ни къ какой партіи людей и не имѣю ни надобности, ни охоты бѣжать съ доносомъ къ кому-бы то ни было; но не стану и таинственное, если по моему пониманію сочту это необходимымъ. «Вотъ чѣмъ могу отвѣтить на довѣріе, оказываемое мнѣ!» закончилъ я.

Нуженъ-ли ужъ очень быть я имъ, или, можетъ быть, моя откровенность такъ ужъ плѣнила ихъ, но только послѣ моего отвѣта они долго упрашивали меня отказаться отъ только что высказанныхъ, дать имъ слово не открывать ихъ тайны и выслушать ихъ планъ дѣйствій. Я остался при своемъ.

— Значить ему не слѣдуетъ ничего рассказывать, закончилъ сердито Юрьевичъ.

Я ничего не отвѣчалъ. Мнѣ было скорбно на душѣ, я искренно жалѣлъ этихъ хорошихъ самихъ по себѣ людей и добрыхъ товарищъ, какое-то щемящее сердце предчувствіе давило меня, чуялось, что эти люди пытаются въ омутъ, сознавая, что мало имѣется шансовъ не утонуть въ немъ.

Мы молча попрощались и даже поцѣловались, у меня глаза были полны слезъ. Ишеделскій немилосердно терпъ посы, что у него означало волненіе, добрый Вацекъ сталъ мрачнымъ и только Юрьевичъ сохранилъ обычное ему спокойствіе и холодность.

Больше я ихъ не видѣлъ. Тяжелое мое предчувствіе сбылось: всѣ трое были прибиты крестьянами въ д. Соловіевѣ въ день выхода изъ Кіева въ числѣ другихъ повстанцевъ—Ишеделскій на повалъ лопоромъ, а Юрьевичъ и Василевскій оглушеными ударами и искалѣченіемъ. Эти двое впослѣдствіи выздоровѣли: первый бѣжалъ изъ крѣпости за границу, а второй и до сихъ поръ въ Сибири,

гдѣ послѣ освобожденія отъ каторжныхъ работъ, какъ медикъ, остался фельдшеромъ въ какомъ-то военномъ отрядѣ въ Забайкальѣ.

Скоро послѣ разсказанныаго я выѣхалъ изъ Киева и совершенно ничего не зналъ, когда и какъ думаютъ дѣйствовать поляки, хотя, участвуя въ общемъ настроеніи общества края, вѣбѣтъ съ другими предчувствовать что-то недоброе со стороны ихъ. Ходъ вспыхнувшаго въ Царствѣ Польскомъ восстанія извѣстенъ былъ по газетамъ и простой народъ какъ-то тревожно прислушивался къ доходившимъ до него слухамъ и все съ большимъ недовѣріемъ поглядывалъ на пановъ. Становые приставы приказывали приходившимъ для наряда сотскимъ, а при случаѣ и волостнымъ старшинамъ *тишновати* пановъ и обо всемъ подозрительномъ немедленно доносить имъ. Народъ былъ предупрежденъ даже о возможности въ его средѣ пропаганды со стороны поляковъ; между крестьянами пошелъ или пушилъ кѣмъ либо слухъ, что паны бунтуютъ потому, что царь далъ волю мужикамъ. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы крестьяне сами, помимо нарочитаго приказа, зорко стѣдили за панами.

О распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ уѣздной полиціи я зналъ непосредственно отъ сотскихъ и старшинъ; но какъ сами крестьяне стали подозрительны относительно пановъ, это я вмѣТЬ случай испытать на себѣ самому, хотя мои близкія отношенія къ крестьянамъ не оставляли мѣста никакому подозрѣнію.

Въ свѣтлый праздникъ возвращался я на нецодкованной лошади домой съ другаго конца села. Лошадь то и дѣло скользила по глинистой грязи и въ одномъ мѣстѣ склонилась такъ, что я слетѣлъ съ сѣда въ ровъ, при чёмъ выпустилъ и новодѣя. Лошадь поднявшись побѣжала, побрякивая стременами, а и уже дошелъ ко двору избикомъ. Дома лошади не оказалось, а искать ее ночью не было возможности, тѣмъ болѣе, что лошадь эта была куплена мною не задолго передъ тѣмъ, къ двору же привыкла и сама воротиться домой не могла. Весь слѣдующій день я разыскивалъ ее въ окрестностяхъ, причемъ успѣлъ побывать и въ томъ селѣ, где жилъ ея прежній хозяинъ. Къ вечеру я очутился въ с. Чернышахъ; при входѣ въ село понадѣялся мнѣ на встрѣчу мѣстный сотский, нестій большую вязанку сѣна съ экономического тока для лошадей привычаго туда становаго пристава. Разсказавъ сотскому о моей бѣдѣ, я узналъ отъ него, что лошадь моя находится въ с. Испенишникахъ

у тамошняго старосты и что онъ сотский, бывъ тамъ, самъ видѣлъ, какъ староста гарцевалъ на ней, проѣзжая по селу изъ конца въ конецъ.

Пришлое отиравляться въ Ишенишники за лошадью; но прежде, чѣмъ идти туда, я рѣшилъ повидаться съ знакомымъ миѣ становыимъ, и вмѣсто просьбы о розысѣ, попросить удостовѣреніе о пронажѣ у меня лошади, что вмѣстѣ съ тѣмъ служило и удостовѣреніемъ моей личности. Становой приставъ сейчасъ же написалъ миѣ удостовѣреніе и я немедленно отправился, куда миѣ слѣдовало. Кстати случился какой-то понутчикъ и подвезъ меня, истомленаго цѣлодневнымъ хожденiemъ, къ самому волостному правленію въ Ишенишникахъ. Но тамъ никого изъ властей не оказалось, а бывшій на мѣстѣ сторожъ, объявилъ, что старшина и писарь у шинкарки на *беседѣ*; тотъ-же сторожъ удостовѣрилъ меня, что лошадь моя дѣйствительно у иваньковскаго старосты. Иваньковъ—это часть села Ишенишниковъ, вытянувшаяся по глубокому оврагу; итти туда было далеко, и я направился къ шинкаркѣ, у которой проводили время волостной старшина и писарь. Тутъ застаю цѣлую компанию и вдобавокъ распрепяянную. Волостный, взявъ у меня удостовѣреніе становаго, долго мылъ его въ рукахъ и затѣмъ спряталъ за пазуху.—«Завтра, сказалъ онъ не твердымъ языкомъ, придетъ писарь и прочтетъ бумагу!» А писарь, успѣвшій уже нализаться до потери сознанія, въ безчувственномъ состояніи лежалъ тутъ-же въ смежной комнатѣ. Мое объясненіе и просьбы ни къ чему не привели. Но вдругъ кто-то изъ присутствовавшихъ узналъ и назвалъ меня; меня тотъ часъ пригласили за столъ; красивая шинкарка принялась угощать. Собесѣдники успокоивали меня, что лошадь моя сыта, ибо сами они видѣли, какъ староста набралъ для нея несолько охапокъ сѣна изъ провозимыхъ экономическихъ фуръ. Но миѣ не бесѣдовалось, тѣмъ болѣе, что подогнать себя до степени охмѣленія всей компаниѣ не было повода, а при существовавшей разницѣ настроенія не имѣлось никакой охоты. Кое какъ выцутавшиесь изъ-за стола и отпросившиесь отъ угощенія, я наконецъ направился къ выходу. Старшина косилюющимъ языкомъ напутствовалъ меня послѣ уже понятую мою фразою:

— А ишо про койяку... то воно звисно, коли становый пиле, то мы й отдамо; а то ще треба буде роспитатиця, яка це коняка, за чимъ це вона осидлана, якъ це воно выходить, коли тее...

Я не дослушать конца фразы и очутился за дверью шинка въ совершенной темнотѣ.

Иду на Иваньковъ и долго странствуя по дворамъ и отбиваясь отъ злыхъ собакъ, нахожу накопецъ старосту, и опять таки въ шинкѣ и въ большой компании. На мое привѣтствіе: «Христосъ воскресе!» иѣсколько голосовъ отвѣтили: «Воистину воскресъ!» Бойкий разговоръ при видѣ чужаго человѣка затихъ и меня пропустили къ спрашиваемому мною старостѣ. Это былъ еще молодой осанистый человѣкъ, хотя и сильно выпившій, но еще вполнѣ сознающій себя. Я сказалъ ему о томъ, что ищу убѣжавшей и задержанной имъ моей лошади. Выслушавъ это, староста вдругъ принялъ начальническій видъ и приказалъ двумъ изъ присутствовавшихъ заступить миѣ выходъ, двухъ другихъ послалъ покараулить лошадь.

— А то я знаю такихъ, прибавилъ онъ: одинъ още намъ стане зубы заговорювать, а другой тамъ поворожить. Отъ мы тутъ ёго просчитаемо по свому!

Въ корчмѣ окончательно весь замолкли и понадвинулись къ намъ, ожидая чего-то любопытнаго. И тѣ даже, которыхъ староста посыпалъ къ лошади, подошли послушать и посмотреть, что изъ всего этого выйдетъ. Я просто недоумѣвалъ отъ этой неожиданности и вмѣстѣ съ тѣмъ зло разобраво меня.

Въ краткихъ, но сильныхъ словахъ я объяснилъ старостѣ всю нелѣчность его приказа.

— Я одинъ, а васть много; не за тѣмъ я пришель сюда, чтобы уходить отъ васть; я по дѣлу, по нуждѣ пришелъ. Такая бѣда со всяkimъ случиться можетъ, а ты, не распросивъ, накинулъся на меня. Спроси вотъ старыхъ, почтенныхъ людей, хорошо-ли ты дѣлаешь?

— А вжежъ треба испереду роспитати,—отозвалось разомъ иѣсколько голосовъ.

Староста опѣшилъ: онъ былъ иноенцемъ и не въ мѣру горячай. Я рассказалъ обстоятельно все дѣло и сослался на удостовѣреніе становаго, оставшееся у старшины, при чемъ разумѣется, объяснилъ, кто я и откуда. Меня слушали внимательно, но не безъ пѣкотораго, какъ я могъ примѣтить, недовѣрія. Староста не нашелъ, что отвѣтить; но одинъ изъ слушавшихъ, противуясь ко мнѣ, пустился въ распросы, направленные простодушною хитростью:

— Ну, якъ що ты зъ Дударивъ, такъ кого ты тамъ знаєшъ?

— Всѣхъ знаю, отвѣчалъ я. Кого тебѣ нужно?

— Ну, а знаєшъ ты діда Максима старого, винъ тамъ у васъ ковалъ, чи що?!

— Знаю, только онъ не ковалъ, а столяръ...

— Це такъ! Ну, а скілько у нѣго синівъ?

— Два сина—одинъ Филиппъ, другої Акимъ.

— Такъ, єгожъ! А що-жъ винъ и доси вдовіе?

— Былъ-ли онъ вдовъ, не знаю; но у него есть жена и это ея синовъ.

— Ну, де вже зовсимъ вирно! А скажи мени, якъ же ты єго знаєшъ?...

— Какъ-же мнѣ и не знать его, если моя жена приходится внукой дѣду Максиму. Это-жъ его Волodyки дочь...

— А що, Юхиме, допитався ридни! Тенеръ купуй горилки!— отозвался кто-то изъ компанії.

Оказалось, что мы родичи съ этимъ самимъ допросчикомъ и еще съ однимъ изъ присутствующихъ. Личность моя была вполнѣ удостовѣрена. Родичи сочли нужнымъ похристосоваться со мною и, какъ это обыкновенно бываєтъ, всѣ какъ-бы раздѣляли радость открытия этой близости во мнѣ, до той поры чужомъ и даже въ чемъ-то подозрѣваемомъ человѣкѣ. Сейчасъ-же я долженъ бытъ принять въ угощеніе отъ родичей рюмку водки, при чемъ по обычаяу подносили и другимъ. Староста бытъ въ человкомъ положеніи и желая какъ нибудь вывернуться, заявилъ было претензію отпосытъ вознагражденія за прокормъ лошади; по я осадилъ его окончательно, памекнувъ ему о томъ, какъ онъ, по словамъ разказывавшихъ маѣ въ волости, набрали помѣщичьяго сѣна съ возовъ, щавшихъ въ панскій дворъ, и имъ кормилъ мою лошадь.

— Вотъ завтра, сказаль я, сложу въ экономію, спрошу, сколько положать за сѣно, которымъ ты кормилъ мою лошадь, столько и заплачу, а съ тебя будеть и того, что ты цѣлый день гарцевалъ на ней...

Слова мои вызвали смѣхъ въ публикѣ и замѣчанія на счетъ «облызня».

Новообрѣтенные родичи пригласили меня къ себѣ почевати; началось новое угощеніе. Староста привезъ туда лошадь и проедѣлъ съ нами далеко за полночь. Тутъ-то въ разговорахъ я и узналъ,

что лошадь моя, по ея выездкѣ и сѣдовкѣ, была признана всѣми за такую, на какой ожидаются, по разъясненіямъ столоваго, задумавши бунтовать паны, которыхъ всѣхъ велико было сейчасъ-же ловить и доставлять въ столовую квартиру.

— Намъ такъ приказано, щобъ за панами приглядати, а особливе за такими, что будуть збираться по килька человикъ та іцей верхами... — разъясняли мнѣ мои собесѣдники.

Тутъ-то я понять и впезанный азартъ старости, мирно теперь понимавшаго въ напій компанії, и загадочный смыслъ напутствія пыкъ словъ волостнаго, напившагося до невозможности ворочать языкомъ, но не забывшаго о томъ, какъ ему надо «приглядать за панами», которые Фдять «верхи». Дѣйствительно, не случись этого, печальнаго обрѣтенія родичей, мое положеніе могло-бы стать на иѣкоторое время очень жуткимъ.

Въ другой разъ въ эту-же весну мнѣ пришлось патолінуться на двухъ прохожихъ солдатъ пьянизовавшихъ въ придорожной корчмѣ, которые объяснили бывшимъ тамъ крестьянамъ, что теперь они имѣютъ право всякаго попавшагося имъ поляка, да еще и католика, сейчасъ-же арестовать и, завернувъ ему вязы назадъ, доставить въ столовую квартиру. Компанія слушала ихъ не безъ доклѣдія: на лицахъ слушателей выражалось:

— А хто єго знає, може й такт!

Масса подобныхъ случаевъ, происходившихъ въ разныхъ пунктахъ кievской губерніи, показываетъ, что готовившееся восстаніе не было секретомъ и для простаго народа. Догадки обѣ немъ и даже болѣе опредѣленныя свѣдѣнія распространялись въ народѣ и другимъ, болѣе близкимъ ему путемъ, чрезъ панскую прислугу, чрезъ рабочихъ на фольваркахъ и т. п. Всѣ были въ напряженномъ ожиданіи восстанія; но никто не зналъ, гдѣ и какъ оно начнется.

Возстаніе обнаружилось паконецъ выходомъ банды изъ Кіека и разгромомъ онай въ его окрестностяхъ. Вотъ какъ дошло до меня первое о томъ глухое извѣстіе.

Въ селѣ, къ которому я въ то время жилъ, возникло недоразумѣніе или, лучше сказать, споръ между однимъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ, Н. Х—скимъ и служившимъ у него работникомъ, молодымъ парнемъ, крестьяниномъ того-же села К—цею. Этотъ парень, будучи посланъ паномъ Х—скимъ куда-то съ письмомъ,

въ дорогѣ потерялъ письмо, а въ немъ, какъ заявилъ панъ, было 40 р. денегъ. Х—скій хотѣлъ вычестъ потерянныя деньги изъ жалованья К—цы, который былъ единственою поддержкою вдовы матери и ея малолѣтнихъ дѣтей. Панъ Х—скій былъ неумолимъ и дѣло перешло къ мировому посреднику. Задача была не легкая: во 1-хъ не было никакого основанія не довѣрять парню въ его заявлениі о потерѣ письма, во 2-хъ не имѣлось ровно никакихъ доказательствъ на то, что въ письмѣ были 40 рублей, въ 3-хъ панъ Х—скій самъ былъ виноватъ отчасти въ этой потерѣ, ибо послыавъ съ деньгами 16—17 лѣтняго парня, не вложилъ письма въ какую-либо сумку и не приказалъ ему по крайней мѣрѣ покрупче беречь его, какъ денежное. На самый беспристрастный взглядъ казалось, что Х—скій долженъ раздѣлить потерю пополамъ и половину получить съ К—цы, во не единовременнымъ удержаніемъ жалованья, а въ теченіи извѣстнаго срока.

Возникшій казусъ, по желанію пана Х—скаго, предстояло разрѣшить третейскимъ судомъ у предводителя дворянства. Наканунѣ назначеннаго дня я съ парнемъ К—цею побѣхалъ къ мировому посреднику въ с. Краснополку, верстахъ въ 10—12 отъ м. Кагарлыка. Переночевавъ тамъ, мы съ мировымъ посредникомъ собралисьѣхать къ предводителю дворянства въ с. Ши. Лошади были уже поданы, какъ вдругъ нѣсколько крестьянъ вводятъ во дворъ неизвѣстнаго человѣка съ осѣдлanoю лошадью въ поводу и заявляютъ, что этого человѣка они поймали на полѣ, что «вонъ щось не чевне», такъ какъ у него черезчуръ ужъ исправная сбруя на лошади и «лопадь на четыре ноги кованная», да и єхаль онъ «манивцемъ», т. е. по полу, а не по дорогѣ.

Доказательства «непечности», т. е. подозрительности были на лицо, но приведенный спокойно сказалъ памъ свое званіе и фамилію, пояснилъ, что онъ самъ изъ с. Василевщины, васильковскаго уѣзда, єздилъ въ м. Чотокъ къ извѣстному лекарю Потабеньку за совѣтомъ въ его болѣзни и въ доказательство показалъ памъ завернутый въ измятую бумажку какой-то бѣлый порошокъ, похожій на соду.

— А что мнѣ пришлоѣхать чрезъ поле, прибавилъ онъ, такъ это потому, что я сбился съ дороги, блуждать цѣлую ночь и уже по дню встрѣтившися люди указали мнѣ этотъ путь, какъ кратчайший. Но тутъ за мной стали гоняться верховые и привели меня сюда.

Говорившій это, одѣтъ былъ въ короткую, до колѣнъ, толстаго сукна чамарку и высокіе сапоги, подпоясаныширокимъ ремнемъ. Сильный загаръ лица его доказывалъ, что онъ не мало времени провелъ подъ степнымъ вѣтромъ, ничѣмъ не закрытый отъ весеннаго солнца. Будь это въ разгаръ восстанія, мы-бы не усумнились, что имѣемъ дѣло съ повстанцемъ, но о началѣ восстанія мы ничего еще не знали и ничто-же сумняся, поверили познакомому на слово, а доставившимъ его крестьянамъ посовѣтовали отпустить его съ миромъ. Только позже уже мы могли догадаться, что совѣтъ напѣтъ былъ послѣшенъ и не къ лицу пойманаго.

Въ Піяхъ, куда мы вслѣдъ за тѣмъ отправились, намъ пришлось ожидать. Было воскресеніе (28 апрѣля) и предводитель дворянства уѣхалъ съ утра въ ржищевскій костель къ обѣданью. Когда наконецъ онъ прїѣхалъ, вмѣстѣ съ паномъ Х—скимъ, то, при взглядѣ на нихъ, я съ разу замѣтилъ, что оба они чѣмъ-то встревожены. Одинъ изъ нихъ что-то тревожное шепнулъ и мировому посреднику. Всѣ какъ-то замялись; по порывистымъ ихъ движеніямъ можно было догадаться, что имъ не до разбора дѣла, по которому мы съѣхались; добавокъ панъ Х—скій объявилъ, что онъ согласенъ на все, хотя-бы и раздѣлить грѣхъ по поламъ, какъ я предлагалъ, причемъ у него вырвалась непонятная для меня фраза:

— И такъ уже все потеряно!

Я не попалъ, въ чемъ собственно дѣло, удивился этой неожиданной для меня податливости пана Х—скаго, не понимая, чего ради выражено имъ какое-то отчаяніе изъ-за двадцати рублей; но тѣмъ не менѣе поблагодарила его отъ имени К—цы въ возможно приличной формѣ и даже внушила послѣднему выразить свою благодарность.

— Богъ зъ тобою, Богъ зъ тобою! Мы не таки зли люди, якъ вы про насъ думаете,—сказалъ какъ-то чувствительно и сенсаціонно панъ Х—скій въ отвѣтъ на благодарность К—цы.

Меня оставляли обѣдать, но я торопился домой и, почему-то чувствуя себя лишнимъ въ этой компаніи, собралсяѣхать. Пока К—ца запрягала лошадей, панъ Х—скій и мировой посредникъ, отведя меня въ уголъ залы къ фортельяно, рассказали неожиданныя новости: что въ Кіевѣ молодежь открыла восстаніе, что сбравшіеся тамъ вышли будто за Куренѣвку, по направлению къ

Мостищамъ и тамъ имѣли столкновеніе съ войсками, причемъ была жаркая схватка, стоившая много жизней съ обѣихъ сторонъ, что дѣло рѣшено картечью, что молодежь, не смотря на храбрость, перебита почти вся—и пѣхота, и ходившая въ атаку на пушки кавалерія, и наконецъ что все это стало извѣстно черезъ прибывшихъ въ Ржищевъ на пароходѣ пассажировъ.

Какъ послѣ оказалось, дѣло было далеко не такъ; по это были вѣсти, передаваемыя по первымъ слухамъ, притомъ людьми лично заинтересованными въ дѣлѣ.

Это извѣстіе косвенно встревожило и меня. Дѣло въ томъ, что у помѣщицы, имѣніе коей находилось въ моемъ завѣдываніи, были взрослые сыновья, которые, чего доброго, могли быть увѣчены общимъ движеніемъ и попасть въ рухавку, а это значительно измѣняло мои отношенія къ этой семье. Все это я передумалъ. Ёдучи домой, и потому порѣшилъ на другой-же день, т. е. въ понедѣльникъ, 29 апрѣля, отправиться для разъясненія дѣлъ въ Кіевъ. Хотя въ то время пребываніе въ Кіевѣ безъ установленного вида было не безопасно со стороны полиціи, но ёхать было нужно, и я на другой день въ м. Ходоровѣ сѣлъ на попутный пароходъ. Передъ моимъ отѣзданіемъ вернувшаяся отъ череды работница передавала намъ слухъ, что вчера «*мхи спали баюто силь по за Кагарлыкомъ и рижутъ народъ*». Это туть самыи Кагарлыкъ, въ десяти верстахъ отъ коего я ночевалъ прошлую ночь.

По пути къ Кіеву на пароходѣ ничего я не слыхалъ и, какъ обыкновенно, въ 6 часовъ передъ вечеромъ высадился на пристани на Недолѣ, оттуда пошелъ по Александровской горѣ и черезъ Крешчатикъ на Новое Строеніе, по направлению къ Кузнечной улицѣ, въ домъ Куперника, что тепѣрь Кистяковскихъ. По мѣрѣ приближенія къ концу Крешчатика и къ началу Большой Васильковской я все болѣе и болѣе, среди треска экипажей и обычнаго уличнаго гула, стала отличать звуки какой-то музыки впереди себя, пока наконецъ, при поворотѣ отъ Бульонскаго переулка, не наткнулся на громадная толпа народа, загромоздившаго во всю ширь улицу, причемъ явственно услышалъ мотивъ погребального марша, который игралъ военный оркестръ, и увидаль въ передней части толпы церковныи хоругви. Одинъ изъ тянувшихся въ хвостѣ толпы извониковъ объяснилъ мнѣ, что это хоронятъ козака, убитаго поля-

ками и «произведенного за то въ офицерской чинъ» (!). Дойдя въ толпѣ до угла, я повернулся на Шулявскую улицу и скоро попасть въ домъ Куперника.

Знакомыхъ мнѣ супруговъ я засталъ встревоженными: воспитаникъ ихъ ушелъ въ рухавку и вчера уже видѣли, какъ его связанныго, съ скровавленнымъ лицемъ, вели по городу въ числѣ другихъ пойманныхъ инсургентовъ; одинъ изъ ихъ сыновей по сю пору не возвращался изъ поездки въ Одессу и неизвѣстность того, что стало съ нимъ, сильно тревожила семью¹⁾). Всѣ были поражены ужасомъ и подъ вліяніемъ его относились съ укорами ко всему молодому поколѣнію. Свѣдѣнія имѣлись самаго неопредѣленнаго и противорѣчиваго свойства: одни съ полнымъ отчаяніемъ говорили о гибели всего дѣла и всѣхъ, въ разсказахъ другихъ о геройской якобы стычкѣ съ козаками въ Романовкѣ проглядывала какая-то тѣнь надежды на возможность успѣха. «Разумѣется, что при такой храбрости можно многое сдѣлать, но, представьте, такая неудача на первомъ-же шагу!» разсуждалъ одинъ панъ, встрѣченный мною въ томъ-же семействѣ.

Тяжело мнѣ было съ этими людьми и я пошелъ ночевать къ не полякамъ, къ людямъ стоящимъ вѣнъ цольскихъ симпатій. Тамъ хотя тоже не пришлось мнѣ услышать ничего точнаго, опредѣленнаго, но за то я былъ свободенъ отъ тяжелаго удручающаго чувства при видѣ чужаго горя.

На другой день съ утра я опять зашелъ въ тужепольскую семью на Кузнецкой улицѣ, но тамъ еще спали. Вышедши изъ воротъ, я увидаль, что по ІКАндармской и Жилянской улицамъ, пересѣкающимъ Кузнецкую, бѣжалъ народъ по направлению къ Большой Васильковской улицѣ. Я пошелъ тудаже. Оказалось, что бѣгутъ смотрѣть на плѣнныхъ поляковъ.

¹⁾ Нѣкоторыяпольскія семейства, имѣя молодыхъ взрослыхъ сыновей и опасаясь ихъ увлечения въ рухавку, благоразумно удаляли ихъ на это время изъ Киева въ Одессу. Всѣ посторонніе полагали, что они въ восстаніи, куда бы можетъ быть они и попали-бы, если бы не этотъ родительскій маневръ. Я изложилъ одного пана, который на разспросы пановъ-же о сынахъ отвѣчалъ: «il est a present dans des districts mÃ©ridionaux». Онь не вралъ, сынъ его былъ въ Одессѣ, но вопрошающіе, понимая подъ словомъ: districts уѣздъ и зная о восстаніи въ га-ращанскомъ уѣзда, успокаивались относительно патріотизма семьи.

Было на что посмотреть! Это было то историческое возмездіе, которое эти горькие люди выслужили себѣ въ исторіи этого края. Шерръ въ этой картинѣ нашелъ бы преблагодарнѣйшую тему для эпизода-акта въ его комедіи всемірной исторіи. Но не обладая живымъ юморомъ этого сатирика-историка, я съ сожалѣніемъ и отвращеніемъ смотрѣлъ на эту процессію. Во всю ширину Васильковской улицы, отъ тротуара до тротуара, медленнымъ шагомъ двигались двѣ шеренги инсургентовъ со связанными въ локтяхъ руками; шеренги состояли изъ многихъ паръ соструненныхъ, локоть къ локтию, по двое повстанцевъ въ различныхъ костюмахъ, между которыми преобладали чамарки темнокоричневаго толстаго сукна и большие сапоги. За каждою такою парою шелъ, держа въ руки связующую пару веревку, крестьянинъ-украинецъ съ огромной дубинкой, очевидно только что сдѣланной, не успѣвшей обѣтиться. Всѣдѣ за этими двумя шеренгами тянулось десятка полтора подводъ, на которыхъ помѣщались по 3 и 4 человѣка инсургентовъ, тоже связанныхъ по рукамъ и также съ двумя при каждомъ возу сторожами-крестьянами, вооруженными дубинками. Всі эта процессія была оцѣплена пѣхотными солдатами съ верховыми двумя офицерами. Толпившаяся на обоихъ тротуарахъ городская чернь ругала конвоируемыхъ поляковъ, глумилась всячески надъ ними, бросала камнями въ нихъ и если-бы не цѣль солдатъ, кажется, готова-бы была растерзать ихъ. Все это были высунувшіеся на улицу кучера, дворники и сторожа, разные подмастерья, оторвавшіеся отъ работы мальчишки и вообще городская голышьба. Много, разумѣется, можно сказать въ оправданіе этого раздраженія городской черни, этихъ смутно поимаемыхъ инстинктоў массы, своего рода патріотизма; но мнѣ сугубо претило это безцѣльное битье лежачаго, и я радъ бытъ-бы закрыть глаза на происходившее предо мною.

Всі эта демонстраціонная процессія, сопровождаемая все болѣе и болѣе возраставшему въ размѣрѣ толпою зѣвакъ и ругателей, направилась тихимъ шагомъ въ Лицу къ старшему полиціймайстеру. Я, разумѣется, не нашелъ удовольствія сопровождать ее и повернулся назадъ.

Между связанными поляками я разгляделъ нѣсколько знакомыхъ, хотя и неизвѣстныхъ мнѣ по фамиліи лицъ, двухъ-же изъ нихъ

я хорошо знать: это были поссесоръ изъ с. Сухолѣсъ п. П—скаго и братъ жены моего дяди Антона С—цкаго, жившій въ с. Соколовкѣ около Саливонокъ. Оба значить изъ Бѣлоцерковщины, а потому полагаю, что это были тѣ, которыхъ крестьяне забрали въ полѣ и по домамъ въ бѣлоцерковскихъ имѣніяхъ гр. Браницкихъ.

Толкаясь по Кіеву, я успѣлъ между тѣмъ по разнымъ разсказамъ уяснить себѣ болѣе опредѣленно начало и ходъ событій этихъ дней. Вотъ въ какомъ видѣ представлялись они по устной моліѣ.

Въ ночь на 27 апрѣля изъ Кіева должно было выйти до 500 человѣкъ инсургентовъ—100 человѣкъ конныхъ и до 200 пѣшихъ. Конные должны были выйти изъ дома Ольшанскаго, на Владимірской улицѣ, такъ какъ онъ содержалъ манежъ для обученія верховойезды и выѣзжалъ верховыхъ ложадей. У него было около 60 лошадей, остальные должны были присоединиться къ нему въ томъ мѣстѣ, где изъ Кіева выходитъ старая житомірская дорога. Тамъ-же былъ назначенъ сборный пунктъ и для пѣшихъ, которые должны были выйти изъ города въ раздробь. Навербовавшій себѣ десятокъ охотниковъ *го ірсе* становился десяточнымъ и уже обязанъ быть собрать и вывести свой десятокъ на сборный пунктъ. Особая партія на трехъ фургонахъ направлялась по васильковской дорогѣ. Каждый изъ десяточныхъ назначалъ особый сборный пунктъ для своего десятка. Все это дѣгалось ради того, чтобы обойти полицейскій надзоръ и безпрепятственно выйти изъ города.

А между тѣмъ кіевская полиція, желая избѣгнуть столкновенія съ повстанцами въ городѣ, нарочно будто устранила себя отъ препятствованія имъ выхода въ поле. Изъ всѣхъ повстанцевъ захватила одного только Грузинскаго, скоропостижно умершаго въ арестантской лыбедскаго участка, что особенно беспокоило повстанцевъ, такъ какъ онъ былъ казначеемъ партіи.

Такъ-ли оно, или иначе было, но только въ ночь съ 26 на 27 апрѣля инсургенты вышли изъ Кіева. Говорили, что администрація только обманута была маршрутомъ: выхода повстанцевъ ожидали черезъ Куреневку по дорогѣ въ Мостищи, а они пошли на Бѣличи.

Бѣльверу и сѣверо-западу отъ Кіева почти непосредственно за городомъ начинаются лѣса. Въ эти-то лѣса и направлялись повстанцы, разсчитывая на удобство открыть партизанскую войну въ этой,

покрытой лѣсами и пересѣченной болотистыми рѣками, мѣстности. Вышедшая партія состояла въ большей части изъ юношей, привыкшихъ къ городской жизни, мало способныхъ къ пѣшеходству, обутыхъ въ ботинки варшавскаго издѣлія или въ франтовскіе ботфорты отъ Клюга или Блонка. Ни мѣстности, ни расположенія къnimъ населенія они вовсе не знали. Нѣкоторые изъ будущихъ партизанъ, при первомъ-же выходѣ изъ Киева темною ночью, съумѣли заблудиться и, проилутавъ до утра по ярамъ, тихонько побросали оружіе и возвратились въ городъ на свои квартиры; другіе на первомъ-же десяткѣ верстъ подбили непривычныя къ долгой ходьбѣ ноги и падали отъ изнеможенія и полнѣйшей невозможности продолжать путь.

Собравшіеся за городомъ инсургенты торопились идти поскорѣе далѣе, такъ что многихъ не дождались. Имъ очевидно скорѣе хотѣлось добраться до лѣсу. Партия конная обогнала пѣхоту, еще не доходя Бѣличъ. Подъ самой Романовкой повстанцы уже почуяли погоню за собою и бѣгомъ бросились на плотину чрезъ Ирпень. Плотина эта, перепреживая собою здѣсь болотистую рѣчку Ирпень, образуетъ небольшой прудъ и имѣетъ два моста—одинъ около мельницы, а другой падъ шлюзомъ для спуска лишней воды. Мѣсто это было заранѣе известно вожакамъ и представляло традиціонное въ стычкахъ поляковъ съ донскими козаками удобство столкновенія. Донцы слишкомъ самонадѣянно бросились по цептигъ и въ концѣ онай наткнулись на разобранный мостъ и на выстрѣлы повстанцевъ. Здѣсь вотъ и былъ убитъ несчастный станичникъ—козакъ, котораго, какъ выше упомянуто, торжественно хоронили въ Киевѣ. Козаки отступили и сейчасъ-же дали знать въ Киевѣ о «значительныхъ силахъ» (?) мятежниковъ, оказавшихъ будто-бы непреоборимое сопротивленіе и укрѣшившихся въ лѣсу за Романовкою. Пришлоось послать изъ Киева болѣе стойкую силу—два эскадрона глуховскихъ драгунъ, которыхъ козаки, успѣвшіе тѣмъ временемъ пошипѣть около Романовки, повели на шоссейный мостъ въ обходъ разореной плотины. Повстанцы-же за это время успѣли забраться поглубже въ лѣсъ по дорогѣ на Бородянку и добрались туда передъ вечеромъ. Передъ тѣмъ черезъ Бородянку успѣла пройти конная партія Ольшанскаго по направлению къ Хабину.

Если-бы не задержка въ Романовѣ и потеря времени на требование донцами подкрепленія, то, разумѣется, войска настигли-бы

повстанцевъ, далеко не допустивши ихъ до Бородавки. Но времени много ушло на обходъ по проссе Романовки и кромѣ того отрядъ войскъ въ преслѣдованіи постоянно останавливался, изъ опасенія наскочить на засаду. Козаки, шедшіе цѣпью впереди отряда, то и дѣло натыкались на приставшихъ и падавшихъ отъ изнуренія инсургентовъ и каждый разъ задерживали отрядъувѣдомленіями о встрѣчахъ съ непріятелемъ.

Измученные не привычнымъ (вереть 60) переходомъ повстанцы добились въ экономической дворѣ гр. Понятовскаго въ Бородавкѣ и тамъ задумали остановиться и защищаться, будь что будетъ. Дѣйствительно вслѣдъ за ними начали показываться изъ лѣса къ селу козаки, а затѣмъ явился и отрядъ драгунъ. Разсказывали, что командовавшій отрядомъ баронъ Тизенгаузенъ, убѣдившись за время цѣлодневнаго преслѣдовавія въ бессиліи повстанцевъ и по человѣко-любію щадя жизнь ихъ и своихъ солдатъ, не началъ сразу атаки на экономической дворѣ, а хотѣлъ дать имъ время убраться опять въ лѣсъ, разсчитывая на то, что само собою шайка разсѣется отъ изнуренія и будетъ переложена, безъ употребленія въ дѣло оружія, но будто бы солдаты начали рогтать и стали рваться на повстанцевъ. Ропотъ еще болѣе усилился, когда со стороны послѣднихъ раздались выстрѣлы изъ экономического двора; драгуны открыли тогда огонь, а козаки для освѣщенія боя зажгли две хаты. Произошла ожесточенная схватка. Результатъ боя не подлежалъ сомнѣнію—около 70 инсургентовъ, оставшихся изъ цѣлой 150—200 человѣкъ партіи, были погибны. Остальная часть партіи была подобрана приставшую по пути и частію перебита ружейными выстрѣлами.

Крестьяне подгороднихъ сель, встревоженные этимъ необычнымъ дѣломъ, пособляли войскамъ въ подбираніи приставшихъ поляковъ и препровождали пленныхъ.

Кievляне съ истерпѣніемъ ждали вѣстей о ходѣ дѣла. Два козака, одинъ раненый, другой убитый, были отвѣтомъ для любопытныхъ и причиной преувеличеныхъ слуховъ о «большомъ сраженіи». Нашлись однако между кievлянами такие, которые рискнули поѣхать на мѣсто этого сраженія. Разсказывали про какихъ-то братьевъ Ж—ыхъ, великосвѣтскихъ денди, которые наняли лихача и поѣхали посмотретьъ на «сраженіе». Крестьяне задержали ихъ

гдѣ-то на шоссе и связанныхъ привели въ Кіевъ, не довѣряя ихъ объясненіяхъ о томъ, что они не поляки, не мятежники и т. д.

Итакъ дѣйствія части кіевскихъ повстанцевъ, начавшіяся въ 12 часовъ ночи съ 26 на 27 апрѣля длились менѣе сутокъ, ибо уже до 12 часовъ ночи съ 27 на 28 апрѣля все было кончено въ дѣлѣ вистання, а для многихъ и вообще въ семъ мірѣ.

Столько-же почти времени воевала и та партія, которая выѣхала на трехъ брикахъ по васильковской дорогѣ. Къ ночи съ 27 на 28 апрѣля вся она, въ числѣ 21 человѣка, неподвижно лежала въ безчувственномъ видѣ около волостного правленія въ с. Соловьевѣ.

Если можно говорить о людяхъ и ихъ достоинствѣ безъ отношенія къ совершеннымъ ими ошибкамъ или проступкамъ, то я долженъ здѣсь сказать, что эти 21 человѣкъ были лучшіе люди изъ среды польского общества того времени и вообще были хорошими людьми. Это была передовая молодежь того края, первавшая все со шляхетскими соціальными традиціями, ясно опровергавшая несостоятельность этихъ традицій и мечтавшая, въ случаѣ успѣха вистання и виставленія политической независимости Польши, пересоздать ея государственный и общественный строй на иныхъ, болѣе широкихъ началахъ равенства сословій и личной свободы. Но мечты ихъ такъ и остались мечтами, а сами они пали жертвами неумолимой исторической правды. На нихъ, какъ на дѣтяхъ несправедливыхъ отцевъ, лежать грѣхъ традиціонной панско-польской неправды по отношенію къ Українѣ и они отвѣтили за грѣхи отцевъ своихъ.

Я помню нескользко фамилій этихъ жирондистовъ, какъ ихъ называли до вистання въ средѣ университетской молодежи. Вотъ они: два брата Василевскіе, Викентій и Алексѣй, Готфрідъ Пржедѣльскій, два брата Пржездземірскихъ, Антонъ Юрьевичъ, Болеславъ Петинскій, Костюшко, Избискій, Адольфъ Церетелько-вичъ, Стржемечный, Бобовскій, Бесядовскій и какой-то одесский мѣщанинъ Стрѣльченко. Остальныхъ не знаю. Изъ этихъ извѣстныхъ мнѣ остались живыми — Викентій Василевскій, Антонъ Юрьевичъ и Болеславъ Петинскій.

Вотъ эта-то партія жирондистовъ въ ночь съ 26 на 27 апрѣля выѣхала на трехъ брикахъ, запряженныхъ каждая четверкою лошадей, изъ дома Зименка на Кузнецовской улицѣ и направилась по

vasильковскому почтовому тракту. Всѣ были достаточно вооружены и притомъ въ брыкахъ имѣлся еще запасъ ружей для вооруженія ожидаемыхъ новобранцевъ. Не добѣжалъ Василькова, они повернули вправо съ почтовой дороги, чтобы объѣхать этотъ городъ, и черезъ с. Иллесецкое выбрались къ Мотовиловцѣ, гдѣ на Черепетовомъ полѣ развернули красное знамя и стали кормить лошадей. Вѣроятно, это было условленное мѣсто встрѣчи съ партіей, появившейся было на поляхъ между Гребенками, Винницкими Ставами, Пологами и Ковалевкой. Но, вмѣсто ожидаемой партіи своихъ, они увидѣли скакавшихъ къ нимъ вооруженныхъ крестьянъ, изъ коихъ Саливонскій волостной старшина, Иванъ Шадура, былъ при саблѣ, такъ что они принялъ его за солдата. На всѣ ихъ попытки войти въ переговоры Шадура кричалъ только: «сдавайтесь, а то мы вѣстъ перевяземъ, какъ уже многихъ такихъ перевязали». Это дало понять повстанцамъ, что ожиданія ихъ тщетны, и они, усѣввшись въ брыки, повернули на западъ на Фастовецъ, причемъ, предполагая въ Шадурѣ солдата, нѣкоторые нѣсколько разъ брали его на прицѣль ружей, но былидержаны товарищами. Въ Фастовцѣ громада была позидимому говорчива: съ нею могли говорить, успѣли даже вручить сї одинъ экземпляръ золотой грамоты. Но тѣмъ не менѣе доносившія и изъ среды этой говорчивой громады угрозы и выкрикавшій обѣ арестованіи ихъ Шадура вполне выяснили партіи, что дѣло ея стоять плохо; тогда решено было выбиться на почтовую житомирскую дорогу иѣхать на Волинь для соединенія съ Ружицкимъ. Истинскій, родомъ изъ Карабагина, взялъ на себя указаніе дороги къ нему, а послѣ и на почтовый трактъ.

Изъ Фастовца повстанцы поѣхали на Фастовъ, а оттуда на Дѣдовицну. Шадура отъ нихъ отстать, по за то увязался какой-то отставной солдатъ, не отстававшій отъ нихъ и заскакивавшій все впередъ для того, чтобы озовѣщать по селамъ о появлениіятежниковъ и тѣмъ подымать цѣлые громады крестьянъ. Какъ злой рокъ, преслѣдовавший ихъ этотъ солдатъ и до того надѣять имъ, что они не выдержали и выстрѣломъ изъ ружья убили подъ нимъ лошадь. Но онъ добылъ гдѣ-то другую и все-таки не отставалъ отъ пахъ и поднималъ по пути пародъ.

Всюду по селамъ, чрезъ которыхъ направлялась партія, поднялась страшная суета, по церквямъ были въ набатъ, на видимомъ

пространствъ поля то и дѣло скакали верховые, показывались кучками пѣшие вооруженные крестьяне, держась однако за далекой дистанціи, такъ, что путь было переговариваться съ ними, что еще болѣе усиливало ужасъ положенія повстанской партіи. Гневніе за нею крестьяне придумали наконецъ способъ пресечения ей пути: стали разламывать мостики на попутныхъ перебѣздахъ черезъ ручьи и мочары. Добрыя четверки не разъ вырывали загрязнія брыки, но въ одномъ мѣстѣ, между Дѣдовщиной и Турбовкой, передняя, наиболѣе тяжелая брыка такъ увязла, что не было никакой возможности ее вытащить. Вечеромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ усугублялся ужасъ положенія бѣжавшихъ. Повстанцы порѣшили пригрузить тонь еще одною брыкою и такимъ образомъ переправить третью; но пока это устраивали, наступила ночь. «То состояніе, въ какомъ мы были уже въ Соловьевѣ, окруженные толпою крестьянъ, наконецъ самый моментъ нападенія ихъ на насъ—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что мы испытали въ эту ночь», разсказывалъ Петшинскій, возвратившійся впослѣдствіи изъ Сибири. «Во всѣхъ селахъ, окружающихъ небольшое пространство полей, слышно, идетъ страшная тревога, раздается колокольный звонъ, пылаютъ костры, то и дѣло перебѣгаютъ по отсвѣту костровъ тѣни, доносятся вопли перепуганныхъ женщинъ и грозные оклики мужчинъ—и посереди этой адской грозной сумятицы мы—такіе маленькие, ничтожные, горсточка какая-то, поизрѣжившаяся съ лошадьми къ уцѣльвшей брыкѣ, въ ужасѣ, страхѣ, какомъ-то состояніи оѣбененія, въ этой темной ночи, въ этой неизвѣстности».

Въ Соловьевѣ, куда наконецъ добрались перепуганные повстанцы, ихъ встрѣтило все село и постѣ недолгихъ переговоровъ проводило ихъ въ возостное правленіе. Окруженные толпою крестьянъ, повстанцы шли пѣшкомъ по улицѣ. На брыкѣ, наполненной оружиемъ, сидѣлъ Бобовскій, держа въ рукахъ ружье. Окружающіе шайку крестьяне тиснулись къ брыкѣ, заглядывали туда; то и дѣло изъ гудящей толпы вырывались угрозы и ругательства. Вдругъ, среди этого гама, раздался выстрѣль, затѣмъ другой¹⁾.

¹⁾ Кто первый выстрѣлилъ, неизвѣстно. Говорили, что лакей яѣстнаго помѣщика Михаловскаго бѣжалъ къ толпѣ съ ружьемъ и, улавъ, нечаянно выстрѣлилъ; по другимъ рассказамъ выстрѣль послѣдовалъ также случайно, когда надви-

Толпа шарахнулась отъ брыки, но кто-то крикнулъ въ этотъ моментъ: «былъ ихъ смертельный боемъ», и крестьяне кинулись на повстанцевъ съ топорами, дублемъ и косами. «Едва я засмышалъ этотъ крикъ, разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи Петынскій, какъ раздался смертельный храпъшедшаго со мною рядомъ Пржедцельскаго, кѣмъ-то и чѣмъ-то убитаго на повалъ. Но не успѣлъ я оглянуться на него, какъ вслѣдъ затѣмъ самъ потерялъ сознаніе отъ нанесенаго мнѣ чѣмъ-то тяжелымъ удара». Въ нѣсколько мгновеній вся шайка была перебита и избита, изувѣчена и ограблена. Крестьяне не знали жалости и пощады; въ свою очередь они действовали подъ вліяніемъ страха, самозащиты, традиціоннаго озлобленія и ненависти, по импульсу охватившей всѣхъ ярости, при звуки выстрѣловъ и крикѣ: «былъ ихъ смертельный боемъ!». Словомъ: это были потомки тѣхъ, которые, умирая, говорили: «закрой меня, мамо, очи, щобъ я того поганого ляха не бачивъ»!

Когда прибылъ на мѣсто происшествія отрядъ казаковъ, то изъ цѣлой шайки двѣнадцать человѣкъ нашель совершенно мертвыми, девять человѣкъ сохранили лишь слабые признаки жизни, а двое изъ нихъ скоро умерли. На всѣхъ видны были слѣды нанесенныхъ побоевъ, тяжелыхъ ранъ, сильного ушибья; у многихъ головы были разбѣчены не однимъ, а двумя тремя ударами топора, всѣ вообще инсургенты были ограблены и раздѣты до нага. Петынскій, по его словамъ, оглушенный ударомъ, пришелъ въ сознаніе отъ боли, которую кто-то изъ крестьянъ причинилъ ему, стараясь сорвать съ ниси крестикъ на золотой цѣпочкѣ, пеноддававшейся усилиямъ грабителя и врѣзавшейся въ тѣло жертвы.

Прибывшія власти распорядились похоронить мертвыхъ, а живыхъ перевезти въ м. Брусиловъ. Постѣднее сдѣлано было отчасти въ виду не остывшаго волненія соловьевцевъ и увеличивавшагося стеченія народа изъ окрестныхъ селъ.

Нувишись къ брыкѣ крестьяне стали таскать въ пея оружіе и кто-то нечаянно задѣлъ за взвѣдь одного ружья. Второй выстрѣль сдѣланъ былъ Бобовскимъ, державшимъ между колѣнъ заряженную двухстволку, яко нарочно или нечаянно, также неизвѣстно.

Таковъ бытъ трагический исходъ этой такъ называемой союзіевской партии возстанія, по слышаннымъ мною рассказамъ, состоявшей, какъ я выше говорилъ, изъ лучшихъ молодыхъ силъ, увлекшихся неизпымъ мятежемъ.

Возвращаюсь къ моимъ въ тѣ дни странствованіямъ по Кіеву, давшимъ мнѣ возможность кое-что видѣть и слышать изъ происходившаго въ то время.

Выше я упомянулъ, что въ числѣ проведенныхъ по Кіеву связанныхъ повстанцевъ я увидалъ иѣкоего С—цкаго, приходившаго мнѣ съ родни. Это былъ братъ жены моего дяди, жившей около Бѣлої-Церкви въ селѣ Соколовкѣ недавною вдовою послѣ смерти мужа. Дядя этотъ воспитывалъ меня и былъ для меня, рано оспротѣвшаго, отцомъ. Тетка арендовала имѣніе у гр. Браницкаго Соколовку, а хозяйничала за нее ея братъ, вотъ этотъ самый С—цкій. И съ ужасомъ представлялъ себѣ положеніе несчастной женщины, брошенной среди взбудораженнаго наслега безъ всякой помощи и притомъ скомпретированной выходомъ изъ ея дома ея роднаго брата въ повстаніе. Я сейчасъ же порѣшилъ отправиться туда для оказанія посильной помощи, тѣмъ болѣе, что относительно своей семьи я былъ спокоенъ, ибо уже стало известно, что повстанье въ кievской губерніи подавлено, а въ мѣстности, где я жилъ, и ничего не было.

Но для того, чтобыѣхать въ Бѣлоцерковицу, нужно было имѣть какой-либо письменный видъ, и я порѣшилъ взять подорожную и сейчасъ-жеѣхать. Для этого я отправился къ старшему полиціймейстеру г. Кіева, знающему меня лично, полковнику Івенсену.

Въ канцеляріи полиціймейстера шла страшная суета. Я поспѣхъ туда сейчасъ-же послѣ отправленія приведенныхъ мятежниковъ. Полиціймейстеръ уѣхалъ куда-то, чуть-ли не къ комендантту крѣпости, куда отирали пленныхъ; чины канцеляріи завалены были спѣшною перепискою, вызванною повстанцемъ; то и дѣло принимали и посыпали бумаги, двое какихъ-то чиновниковъ съ полицейскимъ служителемъ перебирали и перелипывали стоянныя въ углу канцеляріи оружіе и вѣщи, отобранныя отъ повстанцевъ; стояли какие-то крестьяне, входили и выходили козаки, нѣсколько лошадей коихъ я замѣтилъ во дворѣ еще. Мнѣ оставалось только стоять и ожидать прибытия полиціймейстера, тѣмъ болѣе, что только послѣ личныхъ

объясненій съ нимъ я могъ разсчитывать получить свидѣтельство на проѣздъ или подорожную. На меня никто не обращалъ вниманія, и я отъ печею дѣлать стала разсматривать повстанское оружіе и амуницію. Какого только оружія и чего только тамъ не было! Двуствольный охотничій ружъя отъ высшаго разбора до самыхъ мизерныхъ, старыхъ, поразстрѣланныхъ въ стволахъ, одностолкіи всевозможнѣйшихъ калибровъ отъ огромнаго шведскаго до малозульныхъ, новенькие, красивой отдѣлки и со сковками и даже завязками патронташи, охотничіи торбы, самодѣлковые ранцы, широкіе пояса кожанные, какіе-то ножи, тесаки, сабли, подобіе не то сабель, не то шпагъ, многие старинной роскошной отдѣлки, но многіе съ самодѣльными ручками, умотанными бичевкою... цѣлая коллекція!

Приѣхалъ наконецъ полиціймейстеръ; я объяснила ему откровенно всю сущность моего къ нему дѣла. Онъ все выслушалъ и затѣмъ не посовѣтовалъ мнѣ ѿхать въ Бѣлоцерковицкую, не дать свидѣтельства на получение подорожной.

— Побѣзжайте-ка вы сейчасть-же домой, а то и у васъ тамъ можетъ быть неблагополучно. Теперь всего можно ожидать,— напутствовалъ меня хороший человѣкъ, Ивенсенъ.

На другой день 30 мая я уже ѿхала на пароходѣ изъ Киева внизъ по Днѣпру. Между пассажирами слышны были разговоры о совершившихся событияхъ, всѣхъ интересовало дѣло возстанія. Напрікѣ Стакъ, около Гребеникъ, мы увидѣли около лѣса людей, вооруженныхъ блестѣвшими на солнцѣ косами. Пароходная публика догадалась, что это была облава на укрывавшихся въ лѣсу мятежниковъ. Такія облавы устраивались тогда во многихъ мѣстахъ кievской губерніи, хотя часто и никакихъ мятежниковъ въ лѣсу не находили.

Выѣзжая изъ дома въ понедѣльникъ, я распорядился, чтобы во вторникъ и среду въ м. Ходоровѣ на берегу меня ожидали лошади и чтобы лодочникъ Матвѣй былъ съ лодкою къ приходу парохода. Такъ дѣжалось всегда, ибо въ Ходоровѣ пароходъ тогда не приставалъ къ берегу, а бралъ и саживалъ пассажировъ на ходу. Обыкновенно издали можно было видѣть выѣхавшую на встречу лодку; но на этотъ разъ лодки не видно было, а виднѣлся въ дали нагруженный людьми паромъ и суетящаяся на берегу, у

мѣста непрправы, толпа людей. Я обратился съ просьбою къ капитану высадить меня непосредственно на берегъ. Пароходъ причалилъ къ глубокому берегу, не доѣзжая мѣстечка Ходорова, и меня ссадили на берегъ.

По клейкому грунту берега я направился къ пристани мѣстечка. Издали уже я могъ разсмотретьъ, что масса людей усаживалась на паромъ и что толпа увеличивалась подбѣгающими изъ улицъ. Что-то непонятное для меня совершалось тамъ. Чѣмъ-то испуганы эти люди, отъ кого-то бѣгутъ они. Нѣсколько человѣкъ обратили на меня вниманіе и попали ко мнѣ на встречу. Отъ нихъ я узналъ, что это пародъ «уткас» на лугъ за Днѣпъръ отъ приближающихся «ляховъ», которые за Кагарлыкомъ «попали села и рижутъ людей».

Не помню, какъ уже я сумѣлъ убѣдить ихъ, что никакихъ ляховъ не можетъ быть здѣсь, что тѣ, которые дѣйствительно бунтовали, уже усмирены и я самъ лично видѣлъ ихъ связанными въ Киевѣ, что нѣть никакого основанія бѣжать куда-бы то ни было, а слѣдуетъ быть совершенно спокойными. Все это я рассказывалъ, спрашивая о причинахъ тревоги и отвѣчая на множество вопросовъ, мнѣ предложенныхъ, и въ то-же время, вспоминая слова полицій-майстера, искалъ глазами кого нибудь изъ своихъ выѣхавшаго или наконецъ вышедшаго за мною изъ дома. Но никого не было сегодня здѣсь, а вчера выѣзжали, какъ объяснилъ мнѣ подвернувшійся рыбакъ—лодочникъ Матвѣй. Пришлось идти пѣшкомъ домой. Я могъ-бы зайти къ ходоровскимъ панамъ и тамъ добыть лошадей, но такъ какъ меня провожали дошѣтывавшіеся про ляховъ крестьяне, то я и не захотѣлъ заходить въ Ходоровъ. Насколько я успѣло конить ходоровцевъ, не знаю; но уже то, что кучка любопытныхъ проводила меня въ сторону отъ берега рѣки, значитъ, въ противоположную направленію бѣгства, доказывало отчасти довѣріе ихъ къ моему разсказу.

У себя дома я засталъ тоже тревогу. Немѣцкій дворъ, чрезъ который мнѣ пришлось проходить, былъ пустъ и оставленъ всѣми служащими. Первымъ живымъ существомъ, поставшимся мнѣ въ глаза, былъ нашъ ковалъ Довбаненко, чего-то ради тягавшій по своему двору большую «скрынью»,—родъ сундука, въ которомъ прячется весь женскій скарбъ. Внослѣдствіи выяснилось, что это

онъ «рятуяще свою худобу», предполагая нести и прятать куда-то скрынью, но въ искугѣ никакъ не попадая съ нею въ ворота. Осмотрѣвшись, я увидалъ не одного Довбаненка, занятаго подобнымъ дѣломъ: у подошвы бугра, на которомъ я стоялъ, копошились во дворѣ Кухаренковъ, что-то вынося на улицу, какъ на пожарѣ. Во дворѣ дѣда Максима видно было также не мало народа и доносился оттуда громкій говоръ. Я окликнулъ одного изъ Кухаренковъ, а онъ, вместо отвѣта, поднялъ высоко шапку и звалъ меня къ себѣ. Не успѣлъ я сойти съ бугра, какъ по селу послышалось еще несколько окликовъ, въ которыхъ я могъ разсышать мое имя; на встрѣчу мнѣ выбѣгали со дворовъ и садовъ люди обоего пола, и пока я дошелъ до двора Максима, меня окружила цѣлая толпа сбѣжавшихъ отовсюду селянъ: сбѣгались и тѣ, что вымѣзали на бугры высматривать идущихъ ляховъ, сбѣгались и женщины, а съ вими и дѣти подростки. У многихъ мужчинъ были косы набиты на правець, т. е. не подъ угломъ, а прямо на косьяхъ, у некоторыхъ были па длинныхъ палкахъ набиты долота, а у двухъ или трехъ ратыща съ копьевыми наконечниками—спысами.

Зная по Ходорову сущность дѣла, я прямо, безъ разсиресовъ, началъ успокаивать своихъ селянъ, повторяя все то, что предъ тѣмъ разсказывалъ ходоровцамъ. Испуганныя и грозныя физиономіи проявились по мѣрѣ моего рассказа о Киевѣ и известныхъ мнѣ событияхъ.

— О це, спасыби вамъ, що нась успокоили, а то де яки и зо-
всимъ нонерякувались. Іхъ прибигъ Пылынъ одъ корчмы, якъ
заверещить на все село: лахи идутъ! такъ народъ—хто куды поїде,
той за дитей, той за худобу... такъ и полохнулись веи въ ростычъ...
рассказывали мнѣ па всѣ лады провожавшіе меня ко двору успо-
коенные селяне.

Послышалась взанимная подшучуванія, насмѣшки надъ расте-
рявшимися до безпамятства, до смѣшиаго. Около своей хаты я уви-
дѣлъ брата моего, набивавшаго косу на правець и никакъ не умѣвшаго устроить это. Онъ, оказалось, до того растерялся, что забылъ даже про имѣющеся въ домѣ ружье. Заляявшая собака обратила
вниманіе брата на іхъ сѧ, подходящихъ цѣлою гурбою, и опѣ, какъ
видно, только тогда и прашелъ въ себя, когда увидаль меня.
Селяне не отставали отъ меня, довели меня до самыхъ воротъ

и тутъ уже распроцдались со мною. Подходя отъ воротъ къ хатѣ, я увидѣлъ жену, идущую изъ сада съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, зашлаканную, встревоженную. Она, оказалось, сидѣла, спрятавшись, въ терновнике. Прибѣжалъ хлопецъ — работникъ и дѣвка — работникница изъ-за огорода, гдѣ они сидѣли, спрятавшись въ провалѣ.

Не смотря на всю безъосновательность этой паники, я бытъ не мало извѣзнованъ, хотя и крѣпился, чтобы имѣть возможность успокоить другихъ. Смѣшио и нелѣко было это мое волненіе, по въ такія минуты невольно поддаешься общему настроенію. Скажу однако, я былъ сильно польщенъ ролью успокоителя этой сотни — другой моихъ односельцевъ, этимъ довѣрчивымъ обращеніемъ ихъ ко мнѣ въ минуту всеобщей паники, этимъ воскликомъ о моемъ прибытіи, какъ-бы доказывавшемъ разрѣшить гнетущее ихъ сомнѣніе. Я былъ преисполненъ тогда любви къ этому довѣряющему мнѣ люду, и явясь въ тотъ моментъ надобность положить голову свою за него, я-бы не задумался...

Подавленный всѣми этими впечатлѣніями, сидѣлъ я за столомъ въ ожиданіи обѣда, какъ вдругъ кѣнгаетъ въ хату Аріонъ (Илларіонъ, работникъ) и говоритъ:

— Идти, дядьку, тамъ якасъ жинка выглядѣє зъ жита по-за токомъ и кличе васъ.

— Ика жинка?

— А хто іп знає: гукнула васъ, та зновъ сковалась въ жито, отвѣчалъ Аріонъ.

— Ужъ не повстанецъ-ли какой персодѣтый?! подумалъ я. Вотъ еще чегоже принесла его! — Я пошелъ на тоѣ. Дѣйствительно изо ржи показалась голова въ «очинѣ», а затѣмъ и физіономія. Это была работникница одного изъ помѣщиковъ нашего села, пана Х-скаго; она махала рукой и звалась меня къ себѣ. Подойдя къ плетнию, я бытъ отъ засѣянной рожью нивы, въ которой пряталась эта баба, шагахъ въ трехъ: иѣшходиная только трона отдѣляла ростущую рожь отъ моего плетня. Я окликнулъ бабу. Она юркнула въ рожь и высунулась, придвигнувшись незамѣтно поближе ко мнѣ. Прерывающимся отъ страха голосомъ объяснила мнѣ работница, что ея панъ и пани слезно просятъ меня сейчасъ прийти къ нимъ.

— Тамъ таки перелякани, що страхъ! Плачутъ обое. Ажъ умираютъ, таки полякани. Та просили, щобъ вы житами по-за селомъ пройшли, щобъ никто васъ не побачивъ.

— Добре! скажи, що заразъ прыйду, отвѣчаль я коротко.

Припілось іти, по разумѣбтсѧ не «житами» и не по-за селомъ, а прямо чрезъ село, улицею.

На улицѣ опять окружили меня селяне, большую частью тѣ, которые еще не видались со мною. Хотя панники уже не было, но порядокъ обыденной жизни былъ сильно нарушенъ и хозяева, предоставивъ своимъ женамъ приводить разбросанный скарбъ въ порядокъ, собирались куцками, обсуждая события какъ настоящаго дня въ своемъ селѣ, такъ и тѣ, про которыхъ я успѣлъ имъ разказать. По мѣрѣ приближенія къ дому пана Х—скаго сопровождавшая меня компанія увеличивалась, разсправливая меня, слушая мои рассказы и въ свою очередь разсказывая о томъ, что здѣсь у насъ происходило и что было слышно со стороны.

Воображаю себѣ, что перечувствовалъ этотъ жалкій панъ Х—скій, называвшій меня всегда гайдамакою и не разъ разносившій про меня нелѣпѣшія сплетни, увидѣть меня приближающаюся къ его дому съ вооруженною толпою «хлоповъ». Изъ состраданія къ нему я предложилъ сопровождавшимъ меня не йти со мною, но остаться на улицѣ, чтобы не перенугать пана на смерть.

— И то правда! Хай винъ пропаде и безъ насъ! отвѣчали мнѣ изъ толпы, и я одинъ вошелъ во дворъ пана Х—скаго.

Также баба выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу. Оказалось, что вся прислуга бросила панскій дворъ, остались только эта баба, да еще горничная изъ шляхтанокъ.

Злосчастный панъ былъ встревоженъ до крайности. Онъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, ломалъ руки; родимое синебраговое пятно на его лицѣ даже побѣлѣло. Несчастная его жена, больная и добрая женщина, была въ обморокѣ и при ней суетилась также испуганная, красивая Люся, горничная. Увидавъ меня панъ Х—скій бросился ко мнѣ, неистово какт-то скватиль за обѣ руки и, рыдая, завопилъ:

— Спаси насъ, паніе! Погибли мы! Что будетъ съ нами?

Хотя я и не видѣлъ никакой опасности для пана Х—скаго, хотя я и не думалъ, что съ нимъ можетъ случиться что нибудь

дурное, но этотъ его испугъ, это отчаяніе, этотъ обморокъ его жены, эти испуганныя, рыдающія дѣти—все это поразило меня и я какъ-то помимо воли началъ соображать, ужъ не дѣлается ли тутъ чего дѣйствительно угрожающаго имъ, во мнѣ по сю пору неизвѣстнаго. У погъ моихъ валаилась баба Кулина и, рыдая, пропитала:

— Зглянитесь на Бога! Пожалійте диточекъ малыхъ, паню: бачте, якъ вони вбиваются. Рятуйте ихъ, вызволяйте, Христа ради!...

Я рѣшительно не посмѣялъ, въ чемъ дѣло, и вмѣсто успокойнія, началъ распрашиватъ, что такое, гдѣ, когда? Панъ Х—скій опять зарыдалъ, но за то жена его очнулась и я подошелъ къ ней. Ея видъ подсказалъ мнѣ, что дѣлать. Я и началъ съ успокоенія: увѣрялъ, что никакой опасности не предвидится для нихъ, что никто и не помышляетъ о причиненіи имъ какого-то ни было зла, что на селѣ все спокойно и т. д. Вѣдная женщина только всхлипывала и глотками пила поданную ей воду изъ стакана.

Еле-еле какъ удалось мнѣ успокоить этихъ горькихъ людей, объяснить имъ, что никто и не думаетъ причинять имъ какого-бы то ни было насилия. Но ихъ разсказу выходило такъ, будто въ тотъ день съ утра вдругъ вся прислуга бросила ихъ, рабочіе, пригнавъ лошадей и воловъ съ поля, съ угрозами ушли со двора, а за тѣмъ на селѣ началась какая-то тревога и громкіе крики, что къ селу подступаетъ вооруженная банда, при чемъ мужики угрожали будто-бы скечь живемъ пана и его семью, если только поляки тронуть хоть одного мужика. На мои однако распросы Х—скіе не могли назвать ни одного изъ угрожавшихъ, ни даже принесшихъ извѣстіе о приближеніи банды, а указывали на всѣхъ вообще:

— Вѣдь это не секретъ, ибо всѣ мужики такъ говорятъ, такъ уже ихъ настроили! Виновны ли мы будемъ, если вдругъ сюда явится какойнибудь отрядъ повстанцевъ? Можно-ли все это валить на насть?! Это ужасно!..

Успокоивъ, какъ могъ, пана Х—скаго, его жену и семью, я возвращался домой. Меня опять провожали крестьяне, не безъ ироніи отзываившіеся о панѣ Х—скомъ. Я сказалъ моимъ провожатымъ только о томъ, что панъ Х—скій жалуется на рабочихъ, бросившихъ дѣло; но на это совершенно справедливо мнѣ отвѣтили, что не только панское, но и свое дѣло побросали въ напавшей на всѣхъ тревогѣ и что конечно теперь опять пойдутъ въ работу.

Наконецъ я опять дома; снимаю сапоги съ истомленныхъ отъ долгой ходьбы ногъ, выпиваю рюмку водки и сажусь обѣдать. Было далеко за полдень, часовъ около пяти. Но видно не судилось мнѣ успокоиться въ тотъ день: не успѣлъ я пойти борщу, какъ послышался лай собаки и какой-то топотъ, а затѣмъ въ воротахъ показалось трое верховыхъ. То были наши же селяне; они вызывали меня на дворъ. Но за ними показалось нѣсколько человѣкъ пѣшихъ съ косами, дубнемъ, смысами и т. д.

— Такъ такъ-то ты нась пидурюешь! кричали они на весь дворъ. Казавъ, что ляхивъ уже нема, что вони вже повязаны, а вони вже Медведовку спалили и оце вже пидстуваютъ до Грушевя. Це ты умисне такъ? Теперь-же йди зъ нами, а то хоть и верхомъ йдь. Нема..., а вони отъ и тутъ! А винъ намъ баки забивъ! Хиба дурно проглаголали...

— Что-же это такое? недоумѣвалъ я и порѣшилъ щѣхать.

Шоки я одѣвался, одинъ изъ вошедшихъ ко мнѣ крестьянъ, не говоря ни слова, схватилъ висѣвшее на стѣнѣ ружье и принялъ испытывать шомполомъ, есть-ли зарядъ; но я вырвалъ у него ружье и прогналъ его самаго изъ комнаты. Меня все это до того взорвало, что я, кажется, готовъ былъ драться не только съ волновавшими край ляхами, но и съ этими пристающими ко мнѣ съ угрозами и съ докорами моими односельцами. Вскочивъ на коня, я поскакалъ изъ воротъ прямо на гору, опережая моихъ соратниковъ и догоняя тѣхъ, которые побѣжали впередъ Все оказалось вздоромъ: никакихъ ляхівъ не было, а была какая-то команда солдатъ, своимъ появлениемъ всполошившая нѣсколько сель. Изъ Грушевя бѣжали люди къ Днѣпру и не скоро успокоились.

Щѣхъ я домой одинъ уже, безъ компанії, весь измученный физически и нравственно; совершенно ослабленный, сидѣль я въ сѣдлѣ, опустивъ поводья. Послѣ цѣлодневнаго волненія не стало силь, какая-то апатія овладѣла мною и я, заснувъ мертвымъ сномъ, не слышалъ гуканья вооруженной сельской молодежи, пѣлую ночь перекликавшейся по буграмъ вокругъ села.

Б. Познанскій.

(Окончаніе въ сльд. книжкѣ).

СТАРОСВѢТСКИЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.).

(окончаніе) ²⁾.

IX.

Бѣда неожданно свалилась на голову о. Харитона. О. Харитонъ постарѣлъ, посѣдѣлъ, сталъ недомогать. Онъ исхудалъ и высохъ отъ тяжелыхъ трудовъ и хлопотъ, отчасти и отъ аскетического выдерживания всѣхъ постовъ, которые строго блюли батюшки стараго времени. Многолѣтнія службы и требы въ приходѣ при всяко го рода погодѣ надломили преждевременно его и безъ того не особенно крѣпкую ватуру. Когда-то и гдѣ-то закралась въ нему простуда, и какъ другихъ медикаментовъ, кроме воды юорданской, да ладону херувимскаго, о. Харитонъ не признавалъ, то болѣзнь стала хроническою, и онъ все покашливалъ да жаловался на колики въ бокахъ и въ груди.

Разъ какъ-то въ началѣ лѣта прошелъ слухъ, что епархию будетъ объѣзжать архіерей, викарій митрополита. Не замедлило и официальное о томъ оповѣщеніе вмѣстѣ съ маршрутомъ. О. Харитонъ, получивъ указъ, заглянулъ въ маршрутъ; въ маршрутѣ стояла Ольшаница. У него и руки опустились.

— Ой Боже мій! Ой Господи! Отъ теперъ протоиенъ представить мини стильчика, говорилъ онъ, разводя руками: кажуть ще, що архіерей сердитый и не любить старихъ батюшокъ.

²⁾ См. «Кievская Старина» 1885 г., сентябрьск. кн., стр. 84 - 127.

-- Чого ты бидкаешся! Чи то мы зроду не бачили архіерея? говорила Онисія Степановна: нехай соби їде.

-- Нехай... а якъ винъ мене пережене на малу парафію, або зовсімъ съ парафії зсадить? возразилъ о. Харитонъ.

-- Нехай попереду мене зсадить; то батьківська парафія. Що то? хиба ты що вкравъ, а бо вбивъ кого, борони Боже! успокаївала мужа Онися.

Но гроза надвигалась; день за днемъ сокращался строкъ прїїзда владыки.

— Архіерей їде! Архіерей въ Карапишахъ, архіерей въ Богуслави! Тамъ служить и ночує, а по сніданні въ Вильшаницю! Готовьте, отче Харитоне, великий обідъ, та вина доброго припасайте!

Такія паконець вѣсти приходили къ о. Харитону отъ скавкавшихъ чрезъ Ольшаницу въ Богуславъ благочинныхъ, священиковъ, становихъ приставовъ, діаконовъ и дьячковъ.

У о. Харитона голова кругомъ шла. Около двухъ недель уже онъ не зналъ покоя, бѣгаль, сустися, хлопоталь. Прежде всего онъ не зналъ порядка встрѣчи владыки: съprotoiereемъ Балабухою былъ въ ссорѣ, благочинный быль изъ молодыхъ, изъ ближайшихъ сосѣдей священиковъ никому при встрѣчахъ быватъ не случалось,—приходилось єхатъ «на деятое село» распрашиватъ, совѣтоваться, просить наставленія во всякой мелочи. Очистка церкви внутри и снаружи, поправка огорожи, приведеніе въ лучшій порядокъ собственного дома и двора заняло не мало времени; записываніе метрическихъ и приходно-расходныхъ книгъ по день прїїзда владыки стоило еще большихъ усилий и хлопотъ. Приходилось собирать отдѣльные на ключкахъ замѣтки за цѣлые мѣсяцы, многое припомнить самому, или распрашиватъ у церковниковъ, у Ониси, прислуги и даже на селѣ,—когда напримѣръ приносили крестить такое-то дитя, кто были при этомъ воспріемниками «въ первой парѣ» и какъ звать кума или куму, или-же когда погребали такую-то бабу, либо вѣнчали такихъ-то и кто были при томъ поручителями. Суммы свѣчныя, кошельковыя, вѣнчиковыя и разныхъ другихъ наименованій, особый сборъ за церковное покрывало для умершихъ, за свѣчи, отъ пасѣки церковной, отъ колядниковъ, отъ сестричекъ и т. д., и т. д.—все это нужно было приводить въ извѣстность, провѣрять, сводить, подводить итоги и пр. и пр. Староста

перезабылъ многіе мелкіе расходы, инымъ купленныи или пожертвованимыи венчамъ не могли цѣны определить. Въ добавокъ писавшій подъ диктовку о. Харитона полуграмотный пономарь сбивался въ цифрахъ, ошибался въ словахъ, ставилъ кляксы, дѣлалъ поправки и подчистки. Глядя на все это, о. Харитонъ только охаль и вздыхалъ, безнадежно покачивая головой. Приготовленіе обѣда не менѣе смущало его. Какъ знать вкусъ владыки, что и какъ приготовить для него, чтобы онъ былъ доволенъ? Выборъ вина въ особенности затруднялъ о. Харитона; въ винѣ онъ толку совсѣмъ не зналъ, а на выборъ жида положиться никакъ нельзя. Какъ разчесть иаконецъ, на какое число душъ готовить обыкновенный мясной обѣдъ,—сколько прибудетъ съ архіереемъ пѣвчихъ, иподиаконовъ, діаконовъ и сопровождающихъ его духовныхъ и свѣтскихъ лицъ? Долго думалъ обо всемъ этомъ о. Харитонъ и наконецъ, поручивъ старостѣ достать во что-бы то ни стало ко дню прїѣзда владыки найлучшей рыбы и предоставивъ Ониксію всѣ соображенія и заботы по изготавленію обѣда, самъ сѣздила въ Богуславъ, купилъ бутылку мадеры собственно для владыки и нѣсколько бутылокъ сантуринского и тенерифу для остальныхъ гостей и, считая свои приготовленія оконченными, ждалъ дальнѣйшаго, по собственному признанію, какъ волъ обуха.

День прїѣзда архіерея въ Ольшаницу начался превеликою суетою, какой никогда въ ней не бывало. По наказу Ониксіи Степановны чрезъ старостиху съ самого раннаго утра со всѣхъ концѣвъ села потянулись ко двору батюшки «жиночки» со всякою живностью, какъ-бы устраивался общественный обѣдъ; несли курь, поросистъ, масло, сало, сырь, яйца и сметану, нарочито испеченные паланцы и книши. Лучшиіе хохляки взялись готовить обѣдъ пріимѣрно на полсотни душъ. На огородѣ развели костры, приставили большущіе горшки. Въ кухнѣ пила особая стряпня; тутъ пекли, тамъ варили. На дворѣ стоялъ плумъ и гамъ, дымъ разстипался по всему огороду.

На колокольнѣ съ позаранку расположились охотники звонить; они-же должны были наблюдать за появлѣніемъ архіерейскаго поѣзда на богуславской дорогѣ. Независимо отъ того двое верховыхъ были поставлены на той-же дорогѣ и для той-же цѣли. Не

умѣлые наблюдатели только портили дѣло и вызывали преждевременную тревогу:

Около полудня стоявшіе на колокольнѣ, замѣтивъ на дорогѣ отъ Богуслава большой столбъ пыли и скакавшихъ верховыхъ, безъ дальн资料 разсужденія ударили въ колокола. О. Харитонъ поспѣшилъ въ церковь, надѣль ризы, взялъ кадило и вышелъ къ воротамъ погоста. Колокола гудѣли. Народъ со всего села устремился къ церкви. Напряженіе его было необычайное, ибо, отколъ стоять Ольшаница, въ лей не видали архіерея. Прошло не мало времени въ томительномъ ожиданіи; прискакалъ верховой съ крикомъ: «йде, йде», спустя немногого другой съ тѣмъ-же окрикомъ; но затѣмъ никого и ничего. Тутъ минуты кажутся часами: народъ истомился, звонившіе ослабѣли, о. Харитонъ едва держался на ногахъ. Вдругъ пономарь избѣгаетъ на колокольню и видитъ, что въ самомъ концѣ села съ холма на плотину спускаются три огромныя жидовскія балагулы, тяжело нагруженныя, запряженныя каждая шестерней и поднимавшія вокругъ себя облака пыли.

— То жды йдуть, крикнулъ онъ съ колокольни на весь погостъ.

Звонъ замолетъ, въ толпѣ послышался смѣхъ, о. Харитонъ блѣдный, какъ смерть, поплелся въ церковь, едва передвигая ноги. Такая-же напрасная тревога повторилась еще разъ: на этотъ разъ проѣзжалъ большими цугомъ, со множествомъ прислуги и припасовъ, какой-то богатый панъ, направлявшійся на ярмарокъ въ Шотокъ.

О. Харитонъ совсѣмъ выбился изъ силъ. Ему очень хотѣлось встрѣтить владыку патоцакъ, но теперь онъ убѣдился, что безъ подкрепленія ему не обойтись. Нобрелъ онъ домой и лишь только вышелъ «единую точю стомаха ради», какъ вдругъ сильнѣйший звонъ и крики: «йде, йде». О. Харитонъ не успѣлъ чѣмъ нибудь закусить и побѣжалъ со всѣхъ ногъ въ церковь. Едва успѣлъ онъ накинуть на себя ризы и выйти за погость, какъ подкатилъ прежде всѣхъ благочинный, за нимъ становой, потомъ протоіерей, далѣе исправникъ, три фургона съ извѣчими, одинъ съ иподіаконами, особо протодіаконъ и конторщикъ. Показалась на конецъ блестѣвшая на солнѣ архіерейская карета, а за нею тянулся длинный рядъ нетычаковъ и бричекъ; тоѣхали собранные въ Богуславъ окрестные священники, провожавшіе теперь владыку далѣе по тракту.

Огромный поезд запрудил улицу около церкви, занять и весь выгонъ вокругъ погоста. Карета остановилась у воротъ; протоіерей съ благочиннымъ подбѣжали къ каретѣ и приняли подъ руки владыку. Владыка, совсѣмъ еще не старый, хотя сѣдой, видной варужности, довольно полныи, но съ здоровыи и румяныи лицемъ, бодро выступалъ впередъ. На немъ блестѣла шелковая фиолетовая раса, на груди сіяла дорогая въ каменыхъ панагія и звѣзда. Протоіерей, почтительно наклонившись, что-то тихо сказалъ владыкѣ, вскинувъ глазами на отца Харитона, а перепуганный о. Харитонъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и неподвижно стоялъ на одномъ мѣстѣ.

— Что-же ты не подойдешь ко мнѣ съ крестомъ? спросилъ владыка, взглянувъ въ сторону о. Харитона.

О. Харитонъ судорожно какъ-то двинулъ съ мѣста, но отъ страха ноги у него подкосились, онъ зашатался и едва не упалъ.

— Ты боленъ, или пьянь? съ недовольствомъ уже спросилъ владыка.

— Ни, тильки трохи злячався, невнятно произнесъ о. Харитонъ и затрясся всѣмъ тѣломъ, дико поводя глазами.

Владыка ничего не разслышалъ и не понялъ. Положеніе сго въ виду собравшейся массы народа становилось крайне неудобнымъ. Присущая ему вспыльчивость, подогрѣтая дурнымъ отзывомъ протоіерея объ о. Харитонѣ, готова уже была проявиться со всею силою, но владыкѣ удалось пересилить себя, и онъ спокойно сказалъ:

— Благочинный! возьми у него крестъ и открои за него входъ во храмъ.

Благочинный, взявъ изъ рукъ о. Харитона крестъ, поднесъ архіерею. Архіерей приложился ко кресту и, окроивъ себя освященою водою, направился въ церковь. Дьячки затянули: *Достойно есть*, ихъ поддержали священники, а скоро подхватили архіерейскіе пѣвчіе, подбѣгавшиѳ одинъ за другимъ. Маленькая церковь огласилась неслыханнымъ гуломъ и ревомъ сильныхъ басовъ. О. Харитонъ плелся за благочиннымъ и, когда вошли въ церковь, не зналъ, гдѣ ему стать. Иѣніе окончилось, нескладный звонъ продолжался, хрингъ разбитаго большаго колокола непрѣятно разилъ слухъ. По знаку, данному благочиннымъ, о. Харитонъ зачиталъ эктевію дрожащимъ голосомъ и съ испугу перепуталъ лицъ

царской фамилії. Неудовольствіе владыки росло и, когда послѣ многолѣтія онъ вошелъ въ олтарь, въ сопровожденіи всего духовенства, первымъ его словомъ былъ рѣзкій выговоръ о. Харитону за искаженіе актениі:

— Ты царской фамиліи не знаешь, говорилъ владыка; въ соблазнъ народъ вводишь. А колоколъ у тебя, точно разбитый котелъ.

— То, в...в...ваше преосвященство, хлощи на Великдень якъ зачали гателить, та й розбили,—робко, путаюсь въ словахъ, отозвался о. Харитонъ.

— Что онъ говоритъ? спросилъ, недоумѣвая, владыка.

Благочинный поспѣшилъ передать по russки слова о. Харитона. Это однако не успокоило владыку, нашлись напротивъ новые поводы къ замѣчаніямъ и неудовольствію его на о. Харитона. Владыка взглянула на раскрытый антиминсъ,—антиминсъ былъ старый, самимъ временемъ измѣтый и почти истлѣвшій. Запасные дары оказались засохшими и нѣсколько какъ-бы заплеснѣвшими; жертвенникъ покрытъ былъ пылью, нанесенною сильнымъ вѣтромъ чрезъ открытое вверху окно, которое въ торопяхъ забыли закрыть.

— Это что? спросилъ владыка, указывая рукой на жертвенникъ.

Вместо отвѣта о. Харитонъ посмотрѣлъ вверхъ и только головой покачалъ.

— Ты небрежешь о домѣ Божіемъ, говорилъ раздраженный владыка, у тебя колокола разбиты, церковь ветхая, антиминсъ совсѣмъ непригодный, святыя Тайны въ небреженіи, вездѣ пыль, грязь. Ты недостойный стражъ дома Божія!.

У о. Харитона душа замерла.

— Покажи книги, отчетность! гнѣвно крикнулъ владыка.

О. Харитонъ раскрылъ сперва метрики, потомъ приходо-расходныя книги. Привычный глазъ архипастыря сразу усмотрѣлъ неудовлетворительное положеніе записей. Лице его принимало все болѣе строгій видъ. Въ добавокъ, когда о. Харитонъ, поднося книги, приблизился къ владыкѣ, его выдала злосчастная, выпитая имъ рюмка водки.

— Отъ тебѣ водкой несетъ! вскрикнулъ владыка, отодвигаясь въ сторону. Ты пьешь?

— Ни, ей-же Богу. То такъ одну тиляко для смилости, дрожа отъ страха, произнесъ о. Харитонъ въ свое оправданіе.

— У тебя и книги неисправны; ты не умѣешь вести записи церковные, говорилъ владыка, продолжая перелистывать книги.— Гдѣ ты учился?

— Дома, у батыка, едва проговорилъ о. Харитонъ; а на священника мене экзамениувавъ духовникъ въ лаври.

— Знаю я ваши экзамены; но пуждъ терпѣли васъ старыхъ невѣждъ. Теперь не та пора: многие окончившиѣ безъ мѣстъ; погонимъ васъ дураковъ на меньшіе приходы или совсѣмъ удалимъ, грозно сказалъ владыка.

— Мене вильниницкаго громада обрала на нарахвію, съ дуру болтуль о. Харитонъ, вспомнивъ слова Описи.

— Что онъ говорить? спросилъ архіерей у благочиннаго, не понимая простой рѣчи силившагося чѣмъ либо поддержать себя о. Харитона.

Благочинный неумѣло пояснилъ; архіерей вспыхнулъ, весь побагровѣлъ и указавъ на почистки, помарки и кляксы въ книгахъ, загремѣлъ на весь алтарь:

— Ты еще смѣешь указывать миѣ громаду? А какое имѣть право громада выбирать васъ? Теперь не тѣ времена; забудьте ваши старые порядки. Мы перечистимъ васъ, старые пьяницы, лѣтчи, неучи.

— Простить владыко ствяты, заговорилъ бызъ о. Харитонъ, кланяясь архіерою въ поясъ; но раздраженный до нѣлья владыка, обозвавъ скороговоркой и его лично дуракомъ, пьяницею и неучемъ, неожиданно закончилъ:

— Сними ризу съ себѣ; ты недостоинъ встрѣчать и провожать меня, не хочу больше видѣть тебя.

При этихъ словахъ о. Харитонъ совсѣмъ покачнулся на ногахъ, съ перенугу ему показалось, что владыка совсѣмъ лишаетъ его сана. Владыка въ свою очередь смущился и, недоумѣвая, какъ раздѣлаться съ этимъ простакомъ іероемъ, котораго онъ не могъ понять иначе, какъ сильно вышиваниемъ, и предупредить могущій случиться всенародный соблазнъ, сказалъ благочинному снять съ о. Харитона ризу, а самъ направился въ царскія врата.

— О, несчастный-же я! Прошавъ-же я теперь зовсімъ. За яку оце провину эъ мене санъ занимаютъ?! бормоталъ про себя о. Харитонъ, разоблачааясь подъ наблюденіемъ благочиннаго, и какъ ни увѣрялъ его послѣдній, что тутъ никакого снятія сана нѣтъ, ин-

что уже не могло успокоить о. Харитона: разоблачившись, онъ стоять, какъ громомъ прибитый, ничего не видя и не соображая, но только судорожно одергивая рукава и полы рясы.

Владыка между тѣмъ, выйдя изъ царскихъ вратъ и осѣнникъ всѣхъ своимъ благословеніемъ, обратился къ прихожанамъ съ напоминаніемъ о необходимости привести въ большее благоѣпіе и исправность обетшавшую церковь, усердно посѣщать ее и молиться. Набожные прихожане хотя мало ценили недостаточно простую рѣчь владыки, но съ благоговѣніемъ слушали ее и усердно крестились. Осѣнивъ ихъ еще разъ по тремъ сторонамъ крестнымъ знаменіемъ, владыка направился къ выходу. Всѣ бросились лобызать благословяющую его десницу, что надолго задержало его въ церкви и даже по выходѣ изъ нея. Пришедший пѣсколько въ себя о. Харитонъ, руководимый благочиниимъ, паправился было къ владыкѣ, что-бы просить его удостоить его домъ своимъ посѣщеніемъ и принять отъ него хлѣбъ-соль; но прежде чѣмъ онъ могъ сдѣлать эту попытку, слабо увѣренный въ ея успѣхѣ,—къ владыкѣ усилился протиснуться сквозь толпу помѣщиковъ ольшаницкій, представившійся гдѣ-то раньше архіерею, и пригласить его къ себѣ на обѣдъ. Приглашеніе дѣгалось и согласие давалось на столько громко, что благочинный, разслышавъ то и другое, посовѣтовать о. Харитону покориться судьбѣ, отложивъ всякосое попеченіе о приглашеніи владыки къ себѣ въ домъ.

Владыка дошелъ наконецъ до воротъ ограды церковной; тутъ ждала его щегольская карета помѣщика, запряженная цугомъ. Наѣхъ съ изысканіемъ почтительности и любезностию приглашать владыку проѣхать въ его экипажѣ, владыка въ свою очередь, отплачивая за любезность, пригласить пана садиться съ собою. Карета тронулась, собравшееся духовенство отвѣсило низкій поклонъ, о. Харитонъ стоять убитый горемъ, теряя послѣднюю надежду на поправленіе приключившагося ему несчастія.

Никто не посѣдѣгаль за отвѣжившую каретою въ царскій дворъ. Приглашать священниковъ къ обѣду съ архіереемъ не въ обычай было тогда и у русскихъ помѣщиковъ, а что до крестьянъ ольшаницкихъ, впервые видѣвшихъ у себя архіерея, то они только многосначительно переглянулись между собою и покачали головами.

вами, увидавъ рядомъ съ архіереемъ «нечестиваго», по ихъ выражению, иана-ляха.

Все, что было у церкви, направилось отсюда во дворъ о. Харитона. То былъ съездъ, какого нельзя было увидѣть и во время свадьбы. Всевозможные экипажи, отъ коляски и фургона до простаго воза, переполнили дворъ ольшаницкаго батюшки. Протоіерей и іереи, иртодіаконъ, діаконы и иподіаконы, полицейскіе чины и цѣлая орава пѣвчихъ—все это ринулось въ домъ настоятеля прихода, отвѣтственнаго теперь предъ всѣми и во всемъ отъ угощенія до смазки, притомъ не однихъ колесъ. Столы накрыты были не только во всѣхъ комнатахъ, но даже въ сѣняхъ, а погоничей усадили обѣдать на дворѣ подъ окнами дома. Начался обѣдъ. Все, что было приготовлено десятками рукъ, все поглотили болѣе нежели полсотни голодныхъ ртовъ, считавшихъ себя въ правѣ насыщаться чѣмъ и сколько угодно на счетъ одного, виновнаго отнюдь не тѣмъ, что на его улицѣ праздникъ. Чѣмъ ниже ступенью были гости, тѣмъ они были прихотливѣ и нахальче. Протодіаконъ требовалъ все наливки, маленькие пѣвчіе пуншу съ аракомъ, даже погоничи домогались палянинъ и ни за что не хотѣли Ѣсть ржаного хлѣба. Въ короткое время все, кажется, было выпито и съѣдено; не обошлось и безъ поручного протодьякону, дьяконамъ, костыльникамъ, конторщику, регенту и даже пѣвчимъ. Только уже подъ вечеръ тронулась архіерейская карета съ панскаго двора, а за нею и весь побѣзъ.

О. Харитонъ, выпроводивъ гостей, какъ слегъ въ постель, такъ и не вставать уже съ вея, съ мѣсяцъ повалился и Богу душу отдалъ.

Осталась Онисія Степановна вдовою съ двумя дочерьми и однимъ сыномъ. Не задолго передъ архіерейскимъ прїездомъ она похоронила отца и мать, скончавшихся въ глубокой старости, а теперь пришлось хоронить и мужа. Въ домѣ поднялся великий плач: плакала Онисія Степановна, рыдали дѣти. Соплились со всего села бабы и молодицы, столпились у гроба батюшки и заголосили на весь дворъ.

— Де-жъ я теперь динусъ, куды я голову зъ сиротами прихиль? Выженуть мене зъ хаты, выженуть зъ осели. Несчастна я на вики! причитала Онисія, оплакивая своего мужа и чувствуя всю беспомощность своего положенія.

Собралась между тѣмъ во дворъ батюшки ольшаницкая громада. Запылали костры въ огородѣ: громада ставила общественный обѣдъ. Съѣхались со旇ди-священники: лаконически, иносказательно говорили они по поводу смерти своего собрата:

- Не додержавъ сиравы, сердега! сказалъ одинъ.
- Не вмеръ, то болачка вдавила, замѣтилъ другой.
- Ни сей согрѣши, ни родители его, добавилъ третій.
- Та что вже казати? возразила Онисія Степановна. Якъ-бы таки не той проклятый машлутъ (маршрутъ), ще довго живъ-бы мій старенький. А то якъ загланувъ въ той, Господи прости, машлукъ, чи що, такъ заразъ и охоловъ.

Онисія Степановна такъ и осталась при этомъ мнѣніи о причинѣ смерти ея мужа, и никто переубѣдить ее въ этомъ не могъ.

Кончились похороны. Съѣхавшіеся батюшки совѣтовали Онисію Степановну, не теряя времени,ѣхать въ Кіевъ и просить митрополита, по старому обычю, оставить приходъ за сиротами, пока явится женихъ для старшей дочери о. Харитона. Скорая и подвижная во всемъ Онисія Степановна на четвертый день послѣ похоронъ отправилась уже въ путь съ прошеніемъ, заготовленнымъ однимъ изъ родственниковъ, бывшихъ на погребеніи. Всю дорогу думала она о томъ, скоро-ли допустять ее къ митрополиту, уважить-ли онъ ея просьбу, кому поручить въ наблюденіе приходъ, какъ устроиться ей съ чужимъ, скоро-ли и кого-то Богъ пошлетъ въ зятя и каково будетъ ей жить и ладить съ нимъ. Между тѣмъ неотступное горе давило ее, и она не знала покоя ни на одну минуту.

Въ Кіевѣ Онисія Степановна нашла пріютъ на Старомъ Городѣ у одного родственника пономаря. На другой день по прибытіи, вставъ рано, съ восходомъ солнца, она прежде, чѣмъ идти въ лавру къ митрополиту, запила помолиться сперва въ Софійскій соборъ, а оттуда черезъ площадь въ Михайловскій монастырь. Въ послѣднемъ мѣстопребыяніе владыки-викарія, имя котораго стало неразлучно для Онисіи Степановны съ воспоминаніемъ о смерти ея мужа. Запавшая ей въ голову злосчастная ревизія, при взглядѣ на окна владычныхъ покоевъ, возстала предъ нею во всѣхъ мелочахъ. Онисія Степановна пришла въ неописанное волненіе: слезы душили ее, руки и ноги дрожали, лицо и губы судорожно скимались, въ ней со всей силой поднялась природная «заязътость».

— Укоротили вика моему напотцю; иду та хочъ вылаюсь, якъ колись у Балабухи.

И она порывисто устремилась къ владычнымъ покоямъ, поднялась по лѣстницѣ, вошла въ переднюю; но тутъ келейникъ объяснилъ ей, что владыка за молитвѣ, что затѣмъ онъ будетъ читать акаѳистъ великому ченицу Варварѣ, а «подача» будетъ уже послѣ акаѳиста. Услыхавъ слова: молитва, акаѳистъ, подача, Онисія Степановна какъ-бы отъ сна очнулась, покоса глазами вокругъ, какъ-то злобно махнула рукою и повернула къ дверямъ. «Нехай ихъ судить Богъ!» проговорила она, сходя съ лѣстницы и соображая, что-то про себя. Келейникъ удивленно смотрѣлъ на столь раннюю просительницу, не понимая, къ кому или къ чему относятся сказанныя ею слова.

Длинный путь къ лавру ранимъ и свѣжимъ утромъ вывѣть Онисію Степановну изъ того крайняго возбужденія, въ которомъ она рѣшалась на такую, отчаянную выходку, моглию лишь повредить ей. Успокоивала ее и надежда на известную всѣмъ доброту и сострадательность митрополита, котораго такъ и звали милостиными, отцемъ вдовъ и сиротъ. Чокъ она дошла до лавры и достигла владычныхъ покоеvъ, тамъ «подача» приходила уже къ концу. Обширная передняя, стѣны которой всѣ увѣшаны были образами и священными картинами, напомнила Онисію Степановнѣ скромную свѣтицу и подѣствовала на нее ободряющимъ образомъ. Послѣдние просители выходили отсюда. Дверь въ залу была раскрыта; тамъ у стола сидѣлъ въ крестѣ митрополитъ. Это былъ глубокій старецъ, волющеная кротость и благость, святой жизни человѣкъ. Маленькую фигуру его въ большомъ креслѣ, обращенномъ спинкою къ окну, едва можно было разглядѣть издали. Простая черная ряска прикрывала изможденное строгими постомъ тѣло его; костлявыя старческія руки непрерывно передвигали зерна скромныхъ четокъ; черная скуфейка на головѣ съ выпущеннымъ напереди крестикомъ была единственнымъ видѣниемъ отличиемъ, напоминавшимъ скорбѣ о его схимничествѣ, нежели о его высокомъ санѣ. Стоявший въ передней келейникъ посыпинно направилъ Онисію Степановну въ залу. При входѣ ея, послѣдній проситель, какой-то убогій пономарь, повернулся отъ владыки къ порогу. Благословляющая рука владыки только что опустилась и тихо шевелила четками, усталые ѿзки закрылись, полураскрытыя губы что-то шептали;

то была обычая молитва праведного старца, которую онъ творилъ непрерывно между словомъ и дѣломъ. Благоговѣйный страхъ проникъ въ душу Ониксія Степановны и подавилъ въ ней чувство скорби и какого-то озлобленія.

Ониксія Степановна приблизилась къ столу, владыка щоднѣть на нее свои кроткіе глаза. Она отвѣсила низкій поклонъ и, принявъ благословеніе, быстро выпула изъ-подъ платка привезенную съ собою паляницу и положила ее на столъ.

— Это что? ласково спросилъ владыка, удивленный такимъ приношеніемъ.

— Хлѣбъ святый, зъ дому привезла. Прымить, владыко святый! отвѣчала Ониксія, не считая нужнымъ говорить что-либо другое въ объясненіе предковскаго обычая, котораго она свято держалась.

— Спасибо тебѣ! Да, именно хлѣбъ святой, даръ отъ Господа, о Немъ-же живемъ, движемся и есмы, сказалъ владыка, взять хлѣбъ, поцѣловалъ и снова положилъ на столъ.

Это глубоко тронуло Ониксію Степановну.

— Вдова? спросилъ владыка, принимая прошеніе.—Какъ фамилія, гдѣ служилъ мужъ, давно-ли померъ? Сколько осталось сиротъ?

Ониксія Степановна громко зарыдала и упала къ ногамъ владыки.

— Встань, не плачь! говорилъ ей участливо владыка. На все воля Божія, все отъ Господа. Всѣ туда пойдемъ. Матерь Божія, царица небесная, утѣшить тебя, примѣтъ сиротъ твоихъ въ свой святый покровъ.

Ониксія Степановна, косынка давъ отвѣты на предложенные владыкою вопросы, жалкими словами рисовала свою безнomoщность, пока владыка, ища свои старческие глаза, пробѣжалъ ея прошеніе.

— Ну, что-жъ? Хорошо: я оставлю приходить за сиротами. Иди же нахаха для старшей дочери, а пока наблюдающаго назначимъ. Третью часть жалованья и доходовъ тебѣ опредѣлимъ,—ну и будешь съ тебя, ласково говорилъ владыка, просмотрѣвъ прошеніе.

— Чи не можна, владыко святый, одилити половину? робко спросила Ониксія Степановна.—Въ мене дни дочки, це й сынокъ въ школѣ вчиться.

— Довольно, довольно съ тебя! А впрочемъ какъ съ наблюдающимъ уладишь. Иное дѣло зять, у него также могутъ быть дѣти и ему половины было-бы мало. Вѣдь твои-же дѣти, твои внуки бу-

дуть. Только живите мирно, не спорьте, любите другъ друга, и Господь не оставить насть,—како поучалъ владыка.

Онисія Степановна въ умиленіи преклонила голову. Владыка, благословляя ее большимъ крестомъ, положилъ руку на голову и тихо, глубоко сердечнымъ тономъ говорилъ:

— Ну, вотъ видишъ: Господь милосердый печется о сирыхъ чрезъ насть грѣшныхъ! Хранитъ Господь сира и вдову. Молись Господу, пречистой Матери Его, святымъ угодникамъ пещерскимъ, и Господь пребудетъ съ вами. Иди съ миромъ!

Никогда въ жизнь свою Онисія Степановна не испытывала такой сладости и мира въ душѣ, съ какими вышла отъ праведнаго старца. Успокоенная и ободренная, она поспѣшила въ обратный путь, неся съ собой радостную вѣсть.

Скоро всюду стало извѣстно, что ольшаницкій приходъ оставленъ за сиротами, и къ осени стали навѣдываться къ Моссаковскому окончившіе курсъ семинаристы. На Покровъ явился настоящій женихъ Петръ Завиновскій и сдѣлалъ предложеніе старшей Моссаковской, Настунѣ. Она окончила курсъ по второму разряду и, только сватаясь на сиротѣ, могъ разсчитывать на полученіе ольшаницкаго прихода, считавшагося въ числѣ лучшихъ. Женихъ не былъ привлекатель и по наружности: блѣдокурый, полный, немногого сутуловатый, онъ имѣлъ блѣдно-зеленоватое лицо, отвислые губы и приплюснутый носъ; но Настунѣ, какъ сиротѣ, не приходилось перебирать. Она дала слово, и еще до заговѣнья на Филипповъ посты Онисія Степановна справила свадьбу. Свадьба была сиротская, безъ музыки, безъ танцевъ. Гости поужинали и скоро разѣѣхались по домамъ.

Онисія Степановна надѣлила дочь и затѣа всѣмъ, что было нужно для хозяйства: дала три пары воловъ, двѣ коровы и телку, цару лошадей, двѣсти рублей денегъ и много мелочей, отъ брички и плуга до топора, отъ овцы и свинь до курицы. Сама она съ меньшою дочерью и сыномъ перебралась въ недавно передѣланную изъ сѣней комнату съ особымъ ходомъ, а молодымъ предоставила остальное помѣщеніе.

Привыкши всю жизнь распоряжаться всѣмъ у себя въ домѣ, Онисія Степановна не думала выпускать изъ своихъ рукъ хозяйство: всѣ ключи отъ коморы, кладовой, погреба и пр. она держала

у себя, зятю передала, и то лишь изъ прилики, ключи отъ конюшни, а молодая хозяйка, Настуня, осталась безо всего. Но послѣдняя характеромъ вышла въ матъ, и прежнее зависимое положеніе не могло ве огорчать ее на первыхъ уже порахъ. Еще менѣе могъносить такое положеніе зять, и скоро въ только что устроившейся семье начались мелкія несогласія, споры и укоры, предвѣщавшія полный разладъ.

Началось съ кухни, или стола. Онисія Степановна кормила зятя, по старому порядку, борщемъ и кашей, зятю-же хотѣлось чего нибудь и лучшаго. Вкусы ихъ не сходились; каждый разъ за столомъ теща и зять перекидывались словами, выражавшими взаимное недовольство. Зять распорядился ставить утромъ и вечеромъ самоваръ, теща считала это не идущимъ къ лицу его барствомъ. Зять, видя, что теща скучится зажарить курицу или утку и держитъ его на черномъ хлѣбѣ, когда и пшеничной муки у нея вдоволь, стала добывать изъ Богуслава говядину на жаркое и круничатую муку на булки, принося это какъ-бы въ подарокъ и подмогу; теща усматривала въ этомъ личное оскорблѣніе, да и вообще считала это баловствомъ и совсѣмъ излишнею тратою.

Тѣ же препирательства и съ дочерью. Разъ Настуня взяла ключи отъ коморы и кладовой и не отдала ихъ матери. Онисій Степановичъ скоро понадобились ключи: она повела рукой у пояса, гдѣ у нея всегда висѣли ключи, ключей не оказалось. Она побѣжала къ дочери.

— Настуню! Чи це ты мени не oddala ключиъ, чи я ихъ де загубила? спрашивала Онисія Степановна.

— Ни, не oddала, сказала спокойно Настуня.

— То дай-же сюды, торопливо сказала мать.

— На що вамъ, мамо, ключи! отвѣчала дочь. Я буду выдавать харчъ до пекарни.

— А то павицю! крикнула Онисія Степановна.

— Та тымъ, що вы годуете насъ борщемъ та кашею, отозвался зять, покраснѣвши до ушей.

— Ото велики паны понаиздили въ Вильшаныцю! отрѣзала съ разу теща. Якъ забагатите, то тоди и будете йти пундшки. Но-переду приdbайте, та тоди й коверзуйте. Въ мене збыткiv не було й не буде.

— Зять вспыхнулъ; лицо его покраснѣло отъ гнѣва, онъ поднялъ голову вверхъ и твердо произнесъ:

— Коли сказати правду, то господыня въ доми моя Настуня, а не вы.

— Хто? Настуня, а не я! Я тридцать лить тутъ господынею. Мои коморы, мое добро въ коморахъ. Наорить, насійтѣ, та тоди будете господарями, затрепала избѣгленная теща, и обращаясь къ дочери, крикнула: oddай сюды ключи!

— Настусю, не давай! крикнулъ зять.—Въ комори сырь, масло, всякое добро, а вы нась годуете кашею съ саломъ, добавилъ онъ, обращаясь къ тещѣ.

— Не ваше масло, не вашъ сырь. Я сырь продамъ, та грошъ зароблю. Въ мене е дочка, въ мене е сынъ, есть у мене для кого дбати, та й соби на старисть де чого треба, огрызлась Онисія Степановна.

— Та що вы, мамо, такъ бидкастесь? Хиба мы имъ, або вамъ боронимо жити при нась? Хиба мы коли васъ съ хаты выгнали-бъ, чи пцо? отозвалась Настуня.

— А ты думала ще мене зъ хаты выганять! Зась тоби! не дишешъ цѣго. Я тутъ господыня, а не ты! закричала епсъ сильнѣе мать.

Пошли споры о домѣ, о землѣ, огородѣ. Первая схватка вышла ожесточеннюю, ей казалось и конца не будетъ. Вдругъ Онисія Степановна вспомнила, что ее давно ждутъ въ кухнѣ, и въ пылу распри крикнула дочери:

— Дай сюды ключи! мени не до тебе.

Дочь замялась, мать бросилась къ ея кармалу, выхватила ключи прежде, чѣмъ та спохватилась удержать ее и, хлопнувъ дверью, быстро ушла въ кухню.

Семейное согласіе было нарушено самыи рѣшительнымъ образомъ. Дочь и зять, прия въ себя, не знали, какъ и чѣмъ поправить дѣло. Едва удалось Настунѣ кое-какъ успокоить мать и испросить у нея прощеніе. Но это было не надолго. Пройдетъ два-три дня и снова какая нибудь зацѣпка съ той или другой стороны и опять новыя, еще болѣе сильныя сцены. Онисія Степановна ни на волосъ не уступала изъ своихъ правъ и власти и всю вину валила на непокорность дочери и зятя; въ простотѣ души своей она была убѣждена, что такъ на роду ей написано, что таково всегда и всегда положеніе тещи, и не разъ въ часы раздумья

за шитьемъ или пряденьемъ, припоминая давно забытая пѣсни, она мурлыкала про себя:

Ой, иду я до дочки, наберуся бидочки;
А иду я до сына, лихан-жъ моя година!

Въ свою очередь Настуня и ея мужъ, по самой молодости своей, не могли додуматься до истинной причины мучившаго ихъ семейного раздора и всю вину онаго приписывали непомѣрной скучности матери и ея беспокойному характеру. Два поколінія съ несходными появленіями, съ различными привычками и вкусами сошлись на почвѣ нрава, плохо разграниченного, до крайности спутанного. Столкновенія возникали чуть не каждый день и при не-воздержности обѣихъ сторонъ, при грубости нравовъ и пріемовъ доходили чуть не до драки, принимали дракой, омерзительный видъ. Старая матушка поражала зятя своею придирчивостью и неугомонностью въ спорахъ. Стоило чѣмъ вибуть задѣть ее, какъ поднимался неустановленный крикъ на пѣсколько часовъ. То и дѣло выбѣгала она изъ своей комнаты въ комнату дочери, оттуда въ свѣтлицу и осыпалася новою бранью и укорами зятя и дочь, когда тѣ думали, что спору насталъ конецъ. Зять потерялъ всякое терпѣніе и, когда теща однажды, сдѣлавъ подобную вылазку и накричавшись до сыта, юркнула въ свою комнату и захлопнула за собою дверь, досталъ молотокъ и гвозди и сталъ заколачивать дверь. Теща кричала изъ-за стѣны:

— Забиваете одѣ матери двери; я вѣсь доставу и черезъ двери!

Съ тѣхъ поръ семья и видимо для всѣхъ раздѣлилась на двѣ половины: въ кухнѣ стряпали двѣ служанки, столъ готовили отдельно. Оникія Степановна обѣдала съ младшено дочерью, Палажкою, рано, зять съ Настунею въ полдень. А ключи все таки остались въ рукахъ старой хозяйки: она держала ихъ въ сундуکѣ подъ замкомъ и сама ходила въ кладовую, въ погребъ и комору. Къ рождественскимъ святкамъ какъ-то помирились; Ѳли вутию вмѣстѣ и обѣдали первые два дня вмѣстѣ же, а потомъ опять пошли все на рознь. Говѣючи, дѣти просили у матери прощенія, а потомъ бралились за «кухлики», за право продавать просфоры для «спасенниковъ». Въ Пасху христосовались, разгавливались, обѣдали, даже въ гости Ѳездили вмѣстѣ, а потомъ выпла цѣлая катавасія. Приш-

лось огородъ оратъ, а огородъ былъ большой, въ нѣсколько десятинъ, на левадѣ. Зять предлагалъ матери не раздѣлять огорода,—пусть де все будетъ общее,—на самомъ дѣлѣ онъ не признавалъ даже за нею права на третью часть огорода. Теща ни за что не соглашалась. Зять поупримился и, выславъ свой плугъ, велѣлъ оратъ весь огородъ. Онисія Степановна слѣдила за работой и, когда наймиты дошли до указанной межи, грозно потребовала не касаться ея части. Наймиты не слушались; она схватила палку и стала бить воловъ, не пуская ихъ впередъ по бороздѣ. Поднялся крикъ, прибѣжалъ батюшка и велѣлъ погонять. Старая матушка разставила руки впереди воловъ и не трогалась съ мѣста. Батюшка прикрикнулъ на наймитовъ, погоничъ машиуль батогомъ, волы тронулись, матушка растянулась поперекъ на землѣ. Погоничъ плюнуль, бросиль кнутъ и пошелъ ко двору, за нимъ послѣдовалъ плугатарь. Матушка вскочила на ноги, повынимала «занозы» и нагнала воловъ на вспаханную часть, а сама пошла домой.

— Це кара Господня, а не теща! кричалъ зять проходившей мимо тещѣ.

— Геть эзъ моей господы, щобъ твого духу тутъ не було! отвѣчала ему теща.

На другой день она уже орала свою часть огорода своимъ же волами.

Отразивъ столь мужественно покушеніе зятя относительно огорода, Онисія Степановна нашла необходимымъ оградить себя относительно полевой земли и для этого изыскала способъ болѣе действительный, чѣмъ выдѣленіе ей третьей, сиротской части. Не медля ни мало, она отправилась въ Кіевъ и выпросила себѣ мѣсто просфорни при ольшаницкой церкви, а съ нимъ, сверхъ 15 руб. годового жалованья, четвертую часть указанаго поля и тотчасъ-же принялась пахать и сѣять, какъ простой сельскій хозяинъ.

Стычки съ зятемъ не прекращались, напротивъ еще болѣе участились. Не привыкли уступать кому-либо и легко прощать мнѣмъя свои обиды, старая матушка повела скрытную атаку на зятя съ цѣлью выжить его совсѣмъ изъ Ольшаницы, а для этого она участила свои сношенія съ громадою, ослабѣвшія со смертью мужа. По праздничнымъ и воскреснымъ днамъ, а иногда и въ будни, являлись къ ней изъ села «жиночки» то съ подарками, то съ работой,

то просто въ гости, а она ихъ угощала водкой и наливкой и за чаркой жаловалась на зятя и рассказывала, какъ онъ ее обижаетъ и какой онъ не добрый для нея; «жиночки» слушали ее съ участіемъ, передавали слышанное своимъ мужьямъ и возбуждали ихъ противъ молодого батюшки. Спустя немногіо о. Петръ Завиловскій и въ самомъ дѣлѣ сталъ замѣчать въ своихъ прихожанахъ какое-то глухое недовѣріе къ себѣ и недоброхотство, отнюдь не догадываясь, что все это идетъ отъ той-же тещи. А теща готовила ему новое огорченіе, новый ущербъ.

Задѣли деревья въ саду; можно было ждать богатаго урожая ягодъ и фруктовъ. О. Петръ съ женой, гуляя въ саду, любовались цвѣтомъ, мечтали о томъ, какъ приготовить разныхъ наливокъ, а излишekъ продадутъ. Вдругъ Описія Степановна заявляетъ имъ, что ей слѣдуетъ также третья часть сада, какъ и огорода, и выдѣлила для себя лучшую часть, гдѣ росли большія и болѣе плодовитыя деревья, а зятю и дочери предоставила молодой «вишникъ» и густо царосшія, также молодыя сливы. О. Петръ и Настуня не придали этому значенія и, когда поспѣли ягоды, безъ церемоніи рвали и бѣли ихъ на пространствѣ всего сада. Описія Степановна сначала только ворчала, потомъ стала дѣлать по временамъ замѣчанія, а наконецъ и просто поселилась въ саду и стала стеречь свою часть. Молодые супруги перестали ходить въ садъ; но вмѣсто ихъ появились прѣхавшіе на каникулы къ о. Петру два меныши его братья, ученики уѣздиаго училища. Отъ нихъ никакъ пельзя было уберечь поспѣвшія уже совсѣмъ черешни. Только что выйдеть изъ саду Описія Степановна за какимъ нибудь дѣломъ, она уже на деревьяхъ и безпоощадно обрываютъ ягоды. Брачилась она, кричала, гонялась за ними,—ничто не помогаетъ: нарывавъ ягодъ, юркіе школяры, какъ бѣлки, спускались съ дерева внизъ и, какъ легкія серны, убѣгали на край сада, къ рѣкѣ, въ чащу вербъ.

Описія Степановна пустилась на хитрость: разъ усѣлась она подъ вишнями, положивъ около себя длинную хворостину, потомъ прилегла, вытянулась и приклонулась сияюще. Школьры тотчасъ одинъ на вишню, другой на черешню и давай ягоды рвать. Мгновенно схватывается Описія Степановна и летить къ пимъ съ хворостиной. Сидѣвшій на вишнѣ предпочелъ, при первомъ подступѣ Описіи Степановны, спрыгнуть на землю и, получивъ два-три под-

затыльника, удрачъ изъ сада, а забравшійся на черешню успѣть подняться такъ высоко, что Описія Степановна при всѣхъ усиліяхъ никакъ не могла досгать его своей длиної тычиной, а онъ, дразня ее, приговаривалъ изъ сказки объ Иванкѣ-Телесинѣ:

Гуси, гуси-лебедята,
Визьмите мене на крызята!

Раздраженная Описія Степановна въ безсильной злобѣ побѣжала къ зятю и выбрачала его на всѣ лады.

Настало время уборки хлѣба: зять не могъ не замѣтить, что къ нему съ меньшимъ усердіемъ, нежели къ тещѣ, идутъ прихожане на работу, что ей помогаютъ за одно угощеніе, а къ нему вине не идутъ и за деньги. Пришло время ссыпать въ засѣки намолоченное зерно, прятать огородину въ погребъ; поднялись новыя скоры изъ-за ключей, мать и дочь чуть не подрались изъ-за нихъ среди двора. Завиновскій увидѣлъ, что ему житья не стало и побѣхалъ къ Балабухѣ жаловаться на тещу. Протонопъ, выслушавъ жалобу молодаго батюшки и зная нравъ его тещи, посовѣтовалъ ему искать другаго прихода. Завиновскій такъ и сѣвѣлъ: сѣвѣдилъ въ Кіевъ и послѣ долгихъ усилій получилъ другой приходъ.

— Це кара Господня, а не теща! повторялъ зять, раздраженный на выѣздѣ изъ Ольшаницы спорами о томъ, что можетъ онъ взять съ собой, какъ свою собственность, и чего не долженъ братъ.— Правдива теща, а не мати! восклицалъ онъ.

— А ты правдива завиша, а не зять! отвѣчала ему Описія Степановна, видимо торжествовавшая свою победу надъ испокорными дѣтьми.

По выѣздѣ ихъ, она тотчасъ отбила дверь изъ своей комнаты, заколоченную зятемъ, и почувствовала себя опять полною хозяйкою во всемъ домѣ, и дворѣ, и даже въ приходѣ. Приходъ, по силѣ первой резолюціи митрономита, переходитъ къ младшей ся дочери, Наталиѣ, и Описія Степановна небольшаго уже труда стоило испросить новое о семъ распоряженіе.

Наталия была красицѣ Настунѣ въ характерѣ гораздо болѣе мягкаго. Скоро явился и къ ней женихъ, молодой «богословъ», Василий Лопатинскій. Описія Степановна сиралила свадьбу также экономно, какъ и свадьбу старшой дочери, и посыпѣло выправила молодаго зятя «на постригъ», а когда онъ вернулся по посыпаніи

домой, не замедлила взять его сразу въ руки, что впрочемъ не представило для нея и особаго труда.

Лопатинскій былъ человѣкъ тихій, спокойный и замѣчательно доброй души. Онъ почиталъ Ониксію Степановну, какъ опытную хозяйку и мать горячо любимой имъ жены, уступать и угодждать ей во всемъ. Это былъ совѣтъ другаго покроя человѣкъ, нежели старшій зять: любилъ онъ почитать, подумать и даже помечтать, изрѣдка выѣзжать въ гости и не имѣть особаго расположенія къ занятіямъ хозяйственнымъ. Ониксія Степановна взяла въ свои руки все хозяйство, командовала слугами и распоряжалась всѣмъ, какъ было при жизни о. Харлтона. Все собранное съ своей части огорода, поля и сада она переводила на деньги и копила ихъ даже и тогда, когда не для кого стало хорить, когда сынъ ея уже выросъ, окончилъ курсъ и самъ сталъ священникомъ.

Зять радъ былъ, что есть кому въ домѣ распорядиться и за всѣмъ присмотрѣть; онъ понималъ даже, что отдѣленіе въ пользу теплицы третьей части сада, поля и огорода въ значительной степени окупается ея неусыпною дѣятельностью и опытностью въ хозяйстѣ. Жена въ свою очередь настроена была одинаково съ нимъ и ни въ чёмъ не противорѣчила матери. Ониксія Степановна, по собственнымъ ея словамъ, жила, какъ рыба въ морѣ. Всѣ ключи висѣли у нея около пояса, все исполнялось по ея желанію и приказу, читто не дѣлялось безъ ея распоряженія или согласія; вставала она, какъ и прежде, съ пѣтухами, будила прислугу и, пока зять и дочь еще спали, усыпала все сдѣлать, всѣмъ распорядиться по дому и хозяйству. Этотъ она ъездила сама на лугъ и поле къ косарямъ, гребцамъ, жнецамъ, присутствовала привозѣ хлѣба, зацашкѣ и сѣвѣ и наблюдала за всѣми и всѣмъ. Юбила она пахать невзначай и испохонуть рабочихъ, когда они, усталые отъ работы и зноя, растянутся гдѣ-либо въ тѣни и заспуть крѣпкимъ сномъ; тутъ старая матушка гриветъ надъ ними, какъ громъ, пашумитъ, накричитъ, а иного и киутикомъ хлестнетъ. За то и испавидѣли ее рабочие, а въ особенности домашняя прислуга, понимая, что не она хозяйка въ домѣ. Наймыты и наймички всѣми способами увиливали сть непосильной работы, отгрызались отъ старой матушки иночительными и бранными словами, или мстили ей какой-нибудь злой шуткой.

Разъ Онисія Степановна выѣхала въ поле безъ погонича и далеко уже за полдень, пробыла тамъ до вечера и, уже въ сумерки возвращалась домой, велѣла одному изъ наймитовъ сѣсть на козелокъ и править лошадью.

Наймить предложилъ матушкѣ ѿхатъ «навпростецъ», чтобы скорѣе доѣхать домой.

— Про мене, поганай и навпростецъ, сказала матушка, ничего не подозрѣвай.

Пока ѿхали дорогой, наймить даже придерживалъ лошадь; но какъ только свернули на невспаханное поле, чтобы выѣхать на другую дорогу, онъ погналъ лошадь изо всѣхъ силъ. Бричка за-прыгала по кочкамъ и впадинамъ, матушка подпрыгивала съ нею, какъ мячикъ, и качалась съ боку на бокъ, такъ что даже духъ ей захватывало. Она стонала, охала и наконецъ крикнула наймиту:

— Та не жени таѣ коняку, бо ты зъ мене духъ выпрешь.

— Та то вона сама такъ до дому рвется; мабуть пить хоче, чи що, пробормоталъ наймить и въ потьмахъ стегалъ лошадь по ногамъ.

Лошадь мчалась, въ поперецъ поля то и дѣло попадались то глубокія, отъ дожда запавшія борозды, то высокія обрывистыя межи. Бричка то западала въ глубь, такъ что матушка ударялась лицемъ о спину наймита, то переваливалась черезъ межу и съ такою силою ударялась сперва передними, потомъ задними колесами, что оси едва не отбивались. Матушка чуть зубовъ не поломала, языка не перекусила, а при одномъ перевалѣ черезъ межу такъ сильно трохнулась вмѣстѣ съ бричкой, что изо всѣхъ силъ закричала:

— А бодай тоби въ печинкахъ такъ гупало! И нараля-жъ накостна людина ѿхати на впростецъ. Придержуй коняку, кажу теби, та вважай на межахъ.

Наймить увѣрялъ матушку, что онъ сдерживаетъ лошадь всѣми силами, но что въ потьмахъ трудно разглядѣть, гдѣ межа, а потому совѣтовалъ ей приподыматься и держаться руками за края брички. Но едва матушка поднялась, какъ бричку толкнуло, матушка шарахнулась назадъ и едва не вывалилась изъ брички.

— Бый тебе сила Божа! вскрикнула она, велѣла остановить лошадь, сѣѣзла съ брички и пошла пѣшикомъ, а наймить задыхался отъ смѣха, пока не выбрались на дорогу.

Онисія Степановна такъ и не догадалась, что это отплата ей за ея придирка и притѣсненія въ работахъ, а наймить, возвратясь домой, долго хохоталъ надъ тѣмъ, какъ онъ старую матушку возилъ по межамъ и чуть не отбилъ ей «печинокъ».

Скопидомство, бережливость и прямая скучность Онисія Степановны служили для нея самой источникомъ беспокойства и мученій, огорчали ея дѣтей и становились предметомъ насмѣшекъ, злословія и брали у чужихъ. Разъ какъ-то она побѣхала въ Богуславъ за горшками и прочей глиняной посудой и не взяла съ собой погонича, не желая понести ущербъ въ хозяйствѣ; но на обратномъ пути лошадь цонесла съ горы, бричка опрокинулась и горшки всѣ переколотились.

— Отъ теперъ смійтесь зъ мене, говорила Онисія Степановна затю и дочки, возвратясь домой: привезла я зъ ярмарку одного цилого глечика.

— А треба було доконче самимъ йхати, сказала дочь.

— Э, дочка; добре, що вы соби сидите, та книжечки читаєте.

Однажды осенью Онисія Степановна повезла въ тотъ-же Богуславъ самолично продавать капусту, картопель и морковь. Протопопія, проїзжая черезъ базаръ и завидѣвъ свою давнишнюю соперницу на простомъ возу, подошла къ ней, какъ-бы къ совсѣмъ неизвестной, торговалась долго, давая полцѣны, ничего не купила и, насытившись вдоволь, отошла. Возвратясь домой, Онисія Степановна рассказала о томъ дѣтамъ, изругавшись надъ протопопією. Зять огорчился и не совѣтовалъ матери, чести ради, самой їздить по базарамъ.

— На ідо вамъ той клопитъ здався? говорилъ онъ.—Чи мы вамъ кляба жалуемо, чи що?

— Про це не скажу, не пожалуюсь, але мени часъ и на смерть дбати, щобъ було за що мене поховати; нехай помянуть мою душу по смерти на мои труда, отвѣчала Онисія Степановна.

Чувствовала она, что надо милостыню подавать; но ей жаль было и хлѣба и денегъ, и она раздавала нищимъ то черствый хлѣбъ и засохшіе пироги, то такія старія и затертые деньги, которыхъ даже жиды не брали и которая она для этой цѣли нарочно откладывала. Пишціе знали ея милостыню и неохотно протягивали къ ней руки.

Уходили годы; у молодыхъ появилась дѣти. Понадобилось расширить помѣщѣніе. О. Василій пристроилъ къ дому еще двѣ комнаты, а Палазя воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать пѣкоторыя перемѣны въ убранствѣ дома и не отстать отъ другихъ. Размѣстивъ висѣвшіе на свѣтлицѣ сплошными рядами образа и перенеся значительную долю ихъ въ комнату матери, подъ предлогомъ, что у нея мало икона, и даже въ кухню, она увѣшала стѣны свѣтлицы разными бумажными картичками въ рамкахъ, приобрѣтенными мужемъ въ Кіевѣ. Отлучаясь то въ поле, то въ городъ, мать и не спохватилась, какъ дочь перестроила по своему весь домъ и особенно свѣтлицу. Тамъ образа остались лишь по угламъ, а на стѣнахъ красовались изображенія красивыхъ женщинъ съ котенками, кроликами да птичками.

— А ты нечестива! Заразъ мени повинай образы, пакинулась было Описія Степановна па свою Палазю, замѣтивъ перемѣну, и долго спорила съ нею, упрекая ее въ подражаніи протонопії, въ небреженіи о спасеніи души, неуваженіи къ святымъ и т. под., но ятомъ освоившись съ новинкой, когда никого не бывало въ свѣтлицѣ, по долгу оставалась и сама предъ нечестивыми картинками и, любуясь ими, восклицала:

— Тай гарни-жъ, хири ихъ матери, оти папы, котики та крошки! Зовсимъ начаче живи. Всю було-бъ зовсимъ до ладу, коли-бы не ти голи груди и илечи. Чортъ-ма имъ стыда й сорома! Зовсимъ, якъ було колись Олеська выходить до гусаринъ.

Любила Описія Степановна своихъ виучатъ, когда они поднялись на ноги, ласкала и пѣжила ихъ и берегла пуще своего глаза: сама ихъ кормила и поила, умывала и причесывала, одѣвала и раздѣвала и укладывала спать. Лѣтомъ цѣлый день они игрались при ней въ саду, а она стерегла вишни и груши отъ хлопцовъ. Берегла она виучатъ, какъ сказочный змій «цилющу воду»: никто не смѣй тронуть ихъ, ни прислуга, ни даже мать; такъ и пабросится па каждого, а паймичку подъ часъ и палкой потянетъ.

Брестянскихъ дѣтей Описія Степановна непавидѣла и единственно за то, что многія изъ нихъ крали у нея въ саду груши и яблони. И сѣкала-же она пахъ больно, поймавши въ саду,—крапивой, буряльномъ, вѣтками вишнѣй или сливъ, драла за вихры, подзатыльники давала. Иногда она «острахъ» дѣлала: возьметъ въ одну руку

грушу, иль другую розгу, выйдеть за садъ, розгу спрятеть за синвой, а грушей матить проходящихъ хлопчиковъ, и только который руку протянетъ,—она его розгой. Такъ хлоицы десятой улицей обходили садъ.

Старѣлась Описія Степановна и становилась годъ отъ году все сердитѣе и злѣе. Съ утра до ночи только и слышалъ былъ въ домѣ ея голосъ: бранила она прислугу, грозилась на внучать, приставала къ зятю, грызла голову дочери. Наймички перестали бояться ея и смѣялись падъ ней въ глаза. Скаредность ея дошла до крайнихъ предѣловъ,—она жалѣла чего нибудь съѣстнаго даже для внучатъ, которыхъ такъ любила. Осталась напримѣръ отъ обѣда пироги, «бабуня» спесесть ихъ въ кладовую и запретъ на замокъ. Придетъ вечеръ, внучата просятъ ключей, «бабуля» не дастъ и даже сердится. Старшая внучка побѣжитъ бывало вечеромъ къ бабушкѣ, садеть около нея на постели, ласкается, болтастъ, а какъ бабушкиа вздрогнетъ, вытянетъ потихоньку у нея ключи, и тотчасъ за пироги. О. Василій, тайно отъ тещи, заказалъ сдѣлать другіе ключи къ замкамъ отъ кладовой и всякихъ въ ней сундучковъ. Долго такимъ образомъ избѣгали липинихъ столкновеній съ подсѣдоватой уже старухой и ея неустаннымъ ворчанья. И тѣмъ не менѣе много еще всякой другой возни съ нею было: не смѣй безъ нея ничего сварить, или испечь, ни горсти муки взять. Запарила наймичка квашу и поставила на печи. Вонзла Описія Степановна въ кухню, когда въ неї никого не было, увидѣла горшокъ, пожелала заглянуть и нечаянно опрокинула горшокъ. Тутъ вонзла паймичка, матушка на нее мокрымъ рядномъ: и какъ смѣяла запаривать квашу, не спросясь, и зачѣмъ на краю печи ставить, и откуда муку взяла, и пр. и пр.

Попла Описія Степановна жаловаться дочери на наймичку; вдругъ видѣть, кладовая отперта, и впучка оттуда что-то забираестъ. Она съ разу догадалась, въ чемъ дѣло, и какъ ни увѣряла внучка, что бабуля сама отперла кладовую и только забыла запереть,ничто не помогло. Описія Степановна страшно разсердилась, избранила зятя и дочь, грозила бросить ихъ совсѣмъ и перейти къ сыну.

— Всі мене тутъ обижаютъ, всі на мене кричатъ, та ще обманюютъ мене, поробили инши ключи, все забираютъ, выкрадаютъ!.. Нема мени тутъ догоды и спокою; покину вѣсъ та пиду до сына.

«Догодить» Онисій Степановиць было очень трудно, особенно въ пищѣ. Стара она стала: повыпадали у нея зубы, желудокъ не варилъ, и она все попрекала дѣтей, что и «палиныци у нихъ тверди, и пироги не пухки, и вареники не знать яки, и каша хрущить, неначе зъ пискомъ зварена». И приправляла она эти попреки особою желчью. Подали однажды жареную курицу за обѣдомъ; Онисія Степановна уязвляла дочь такими словами:

— Це ты, доню, такъ сcekла курку, щобъ я моими огенькаминичого не вгрызла. Хочете, щобъ я зъ голоду вмерла, та щобъ добро мое вамъ швидче досталось.

На слѣдуючій день дочь приготовила вареники; но мать и съ вами справиться не могла и со злости говорила:

— Це ты, дочки, такихъ варениківъ наварила, що ними тильки вдавитъца. Це вы мабуть хотите, щобъ я наїлась тихъ варениківъ та швидче вмерла, а вы-бъ забрали мої гропи.

Зять и дочь успокоивали старуху, что никто изъ нихъ не желаетъ ей смерти и не думаетъ о наслѣдствѣ; но на этотъ разъ старуха вышла почему-то изъ себя и, перечисливъ всѣ испытанныя отъ нихъ огорченія, сказала наконецъ:

— Ітуръ вамъ, цекъ вамъ зъ вапимъ добромъ! Пиду до сына.

Послѣ полудня Онисія Степановна надумалась идти къ сыну, взяла палку и побрела со двора. Пока вышла за село, уже устала. За селомъ, при самой дорогѣ, стояла могила, гдѣ похоронены были побитые повстанцы. Онисія Степановна взобралась на могилу и долго на ней сидѣла, поджидая, не будетъ ли кто проїзжать и не подвезеться ей къ сыну. Но никто не проїзжалъ, а солнце уже садилось. Возвращаться къ дочери не хотѣлось, а идти къ сыну уже поздно, хотя и не такъ далеко. Онисія Степановна сидѣла въ раздумьї. Солнце зашло, наступалъ мракъ, ей мерещились уже мертвіцы, зарытые въ могилѣ. Оглянулась она назадъ: изъ дому никто не шелъ догонять ее и просить.

— Та й запекли ихъ душі! никто не доганяє мене, говорила Онисія Степановна про себя, и все таки сидѣла и ждала.

Вдругъ у выѣзда изъ села показалась паймичка. Онисія Степановна даже привстала на могилѣ. Наймичка замѣтила ее и подошла къ могилѣ.

— Чи це ты за мною, чи ягнѧть може шукаешь? спросила матушка.

— Та за вами-жъ, не за кимъ-же, сказала наймичка.
 — А чи дуже плачутъ тамъ за мною?
 — А вже-жъ плачутъ. Ихъ-бы не плакали, то не послали-бъ
 мене за вами.

Свела наймичка «стару матушку» съ могилы и повела ее
 домой. Матушкѣ было человеко, она тихонько прошла въ свою
 комнату и не выходила ужинать съ дѣтьми.

На другой день Оникія Степановна пошросила у зятя лошадей и
 дѣйствительно перѣхала къ сыну, но скоро опять возвратилась назадъ.

Одрахлѣла Оникія Степановна, сгорбилась, стала какъ будто
 ниже и едва ходила. Она еще не разъ оставляла дочь и перѣѣзжала
 къ сыну, но черезъ недѣлю опять возвращалась въ Ольшаницу. Ес-
 тинуло въ домъ и село, гдѣ она вѣкъ свой прожила. Уже старшія
 внуки повыростали и повыходили за мужъ, а Оникія Степановна
 все живеть и живеть, какъ будто смерть о ней забыла, и старче-
 скими прицудами морочить и своихъ и чужихъ.

Олеся, жена Балабухи, не смотря на титулъ протоиопини,
 такъ и осталась Олесею. Въ ней сохранилось прежнее желаніе
 рядиться и молодиться, неудовлетворенное чувство любви, непонят-
 ное стремленіе къ чему-то лучшему, изящному и прекрасному.
 Для всего этого мало было пищи въ уѣздной глупи, а то, на что
 наталкивалась она здѣсь, при отсутствіи образованія и развитія,
 только извращало чистыя въ своей основѣ природныя наклонности
 и дѣлало ее предметомъ злыkhъ исрѣсудъ и извѣтливыхъ насмѣшекъ.
 Своего рода прогрессъ и вѣянія уѣздной жизни коснулись и ея,
 но лишь вѣнчайшей стороной. Прежде всего самъ Балабуха, а за
 нимъ и Олеся постепенно усвоили себѣ русскій языкъ, и иначе и
 не могло быть въ ихъ положеніи; появились иѣкоторые улучшенія
 и перемѣны въ обстановкѣ домашней, въ распорядкѣ будничной
 жизни, но за тѣмъ все осталось по прежнему,—тѣ-же стремленія,
 также злоба дня.

Послѣ страшной катастрофы съ Казанцевымъ Олеся исхудала
 и потемнѣла, краса ея отцвѣла и, какъ цвѣтъ, опала: Олеся стала
 накрашиваться и набѣливаться. Балабуха постарѣла и посѣдѣла и
 на причудливую жену только рукою махнула. Онъ располнѣлъ,
 какъ-то осунулся, сталъ еще апатичнѣе и безотвѣтно покорялся

прихватяи и затѣямъ жены; въ обществѣ другихъ сидѣлъ молча, курилъ трубку и по цѣлымъ вечерамъ тянулъ крѣпкій пунішъ съ ромомъ.

Дочь Олеся, также Настя, какъ и старшая дочь Ониси, подросла и стала очень красивою девушкой. Она начала учиться играть на фортепиано у одной дамы въ богуславскомъ пансіонѣ; Олеѣ приходилось кушить фортепиано. Фортепианомъ падѣлиъ старый другъ ея Баньковскій, давно живившійся на какой-то шляхтичкѣ. Фортепиано былъ старый и плохой; Баньковскій починилъ его косакъ съ помощью костельнаго органиста и спустилъ, по старой дружбѣ, за сто рублей.

Фортепиано даже для первоначальной игры оказалось неудовлетворительнымъ, вмѣсто опредѣленныхъ звуковъ, пріятной гармоніи, онъ издавалъ какой-то разящій ухо шумъ и стукъ. Приходилось, что ни мѣсяцъ, звать органиста настраивать фортепиано, но настройка столько-же помогала разбитой и поломанной машинѣ, сколько старой лошади канчуки цыгана. Между тѣмъ Олея сама очень любила музыку и не смотря на дурныя качества фортепиано, охотно слушала, когда дочь разыгрывала немудрые вальсы, мазурки, или пѣла русскіе романсы да украинскія пѣсни.

Разъ лѣтомъ Олея пошла съ Настею въ лавки покупать ленты. Въ мелкихъ городкахъ бываетъ одна такая лавка, гдѣ всего можно достать. Въ Богуславѣ такую лавку содержалъ юркій, изворотливый, всеобъемлющій, все и вѣхъ знавшій жидъ Волько съ не менѣе и проворной и говорливой своей Сурой. Двери и единственное въ ихъ окно всегда завѣшены были сверху до половины красною матеріею, которая уменьшала на половину естественный сѣть и давала товарамъ особую окраску. Олея и Настя вошли въ лавку. Приворная, чернющая Сура придвигнула къ прилавку два стула, и дамы усѣлись. Послѣ яркаго наружнаго скѣта они очутились, какъ въ погребѣ, и долго не могли ничего разглядѣть въ темной «крамницѣ»; но среди мрака жидовскаго закутка вдругъ зазвенѣлъ чудный баритонъ. Олея глянула по сторонамъ и примѣтила въ противуположномъ концѣ магазина, около прилавка, молодаго блондина. Незвестный кавалеръ, высокій, ровный, какъ струна, торговался съ Волькомъ. Короткій и джакъ охватывалъ его ровный, тонкій, будто выточенный станъ. Удлиненное лицо кавалера

напоминало отчасти в'їмца, отчасти поляка и было очень оригинально. Съ полныхъ щекъ падали па грудь русые, мягкие, какъ шелкъ, бакенбарды. Изъ-подъ мягкихъ, лоснившихся усовъ выдавались румяные полные губы. Высокій лобъ немногого подался назадъ, а отъ него, подымаясь вверхъ, разсыпалась по головѣ и падала па плечи роскошная золотистая грива съ мягкими кудрями по концамъ. Проворный блондинъ громко и оживленно разговаривалъ съ Волькомъ. По его малорусской рѣчи, перемѣшанной съ рускою, по его нѣмецкому акценту видно было, что это чужеземецъ. Олеся носильнико опустила вуаль па лице. Сура загромоздила весь прилавокъ картонками. По всему прилавку заблестѣли разноцвѣтныя ленты—циновая, палевая, голубая. Сура распускала и вытягивала ленты, работала языкомъ, выхваливая свой товаръ. Олеся не слышала ни одного ея слова и царягна слухъ въ сторону заинтересованаго ее блондина. Волько молотъ языкомъ не хуже своей Суры, выхваливая показываемый имъ матеріи для лѣтнаго костюма; онъ быстро разворачивалъ ихъ, спускалъ концы ихъ съ прилавка, увѣряясь, что это крѣпкія и не линчючія матеріи, дергалъ ихъ руками, грыз зубами, слюнилъ даже языкомъ, а въ промежуткахъ ловко заводилъ совсѣмъ побочные разговоры и распрашивалъ покупателя обо всемъ, какъ будто сидѣлъ съ нимъ гдѣ либо въ гостиной.

— Пане Ганущъ, наберіть оцієи парусини. Не будете жалувати. Ей Богу, це затряпична! Отъ подивиться, яка вона мицна та густа: ажъ лущить, ажъ гуде въ рукахъ.—Ну, а якъ-же вамъ живеться въ нашій стороні? Чи привыкли вы до нашої Миронівки? говорилъ и спрашивалъ Волько, дергая въ рукахъ конецъ парусины, какъ будто онъ хотѣлъ ее перервать.

— Привыкаю потроху. Я бувавъ въ съвітахъ и куди нападу, заразъ привыкаю. Але, Вольку, покажи лишь мени краюи матеріи, сказалъ Ганущъ: я ваши жидинськи наровы добре знаю,—ви показуєте понереду що пайлогалише.

Волько опрометью бросился къ стулу, вскочилъ на него, досталъ съ полки еще двѣ штуки матеріи и быстро развернуль ихъ на прилавкѣ, одну за другой.

— Це вже така матерія, що й за границею ридко де можно знайти. Ай, ай! що то за матерія, що за матерія! Це аглицька мате-

рія.—А чи тильки дочокъ директоровихъ учите на фортепіано, чи й сина? прикинуль Волько, разворачивая и вторую штуку матерії.

— Вчу дочокъ и сына; а коли хочешъ, то й тебе вывчу, откѣтиль Ганушъ и прибавимъ: але ты зновъ доставъ такого, що годиться носити погоничамъ та лакеямъ. Знайди лишень ще кращого.

— Ей Богу, кращого вже нема на сьвити. А якого вамъ кращого треба? Це вже французька матерія, по половини зъ шовкомъ,— болталъ Волько и мимоходомъ закинувъ: а чи дорого вамъ платить директоръ за дитет? и разомъ съ этимъ проворно высунувъ языкъ, полизавъ кончикъ матерії и показавъ Ганушу: отъ подивиться: ей Богу, не злине до самой вашои смерти.

— О, швидко-жъ мени прыйдеться вмерти, сказаль Ганушъ.

Олеся и Настя усмѣхнулись и ненамѣренно переглянулись съ Ганушемъ. Ганушъ пристально взглянуль на дамъ.

Между тѣмъ Сура сыпала словами, какъ горохомъ:

— Шани, що я вамъ скажу! берить оци червони стрички. Це таки добрящи, таки гарни! Дай мени, Боже, такъ добре на сьвити жити! Бодай мени смерть така гарна була, якъ оци стрички. Це зъ Бердичева, контрабанда,—сказала Сура Олесь на самое ухо.

Олеся перебирала въ рукахъ ленты и вовсе не слушала, что говорила Сура: она любовалась статною фігурою Гануша, прислушивалась къ его музыкальной рѣчи, ловила глазами его граціозныя движения, присматривалась къ его тонкимъ бѣлимъ пальцамъ и блестѣвшимъ на нихъ золотымъ кольцамъ. Изъ распросовъ Волька она догадалась, что это былъ учитель музыки у директора мироновскаго сахарнаго завода.

Волько еще разъ поднялся къ полку и досталъ еще двѣ штуки матерії. Ганушъ выбралъ наконецъ одну изъ нихъ; Волько поспѣшило схватить аршинъ и такъ проворно махалъ имъ да натягивалъ матерію, что успѣль обмѣрить покупщика на поль-аршинъ. Ганушъ расплатился, взялъ матерію подъ мышку, накинувъ на свои изъвершенные кудри пѣмсцкій картузникъ и выскочить изъ магазина, напѣвая какую-то арію.

Олеся теперь только перевела духъ и могла рассматривать ленты и соображать, что тараторила ей Сура.

— Кто это? спросила у нея протопопша.

— Це, вельможна пани, чехъ; учить грати на фортепіано дитей у директора въ мірошівські сахарні, отвѣчала Сура. Прозивають ёго Ганушъ. То добрий паничъ, дас памъ торгувати. Вже це разъ бувъ въ папому магазини зъ самимъ директоромъ и зъ єго двома синами. А яки гарни панычи! Тамъ таки гарні, що я ще зъ роду такихъ не бачила. Оце недавно въ мене директорша набрала стричку та блондъ на пятнадцять карбованцівъ. Визьмить, пани, оци стрички та блонди. Сама директорша взяла ихъ цилу штуку.

Протополіша накупила тѣхъ-же лентъ и блондъ, которыя брала директорша, и вишила съ дочерью изъ «крамниць». Только что пришли они домой, Настя тотчасъ побѣжала въ залу и стала вертѣться предъ зеркаломъ. Она осмотрѣла свое красивое лицо, свои черные брови, повернулась бокомъ, взглянула на талію и все думала объ интересномъ Ганушѣ, напевая какую-то мазурку.

Настя повернулась на одной ногѣ и выбѣжала изъ залы. Вошла мать, стала передъ зеркаломъ и подняла вуаль. Потъ облизъ ся лицо, обильно присыпанное пудрою. Она вытерла лицо платкомъ, пудра сошла, и въ зеркалѣ показалось поблекшее и потемнѣвшее лицо, и синіе кружки подъ глазами. Олеся придвинула голову ближе къ зеркалу и стала присматриваться къ своимъ густо напомаженнымъ волосамъ; въ черныхъ, блестящихъ нѣкогда волосахъ обозначались тонкія серебристыя лінії. Взглянула она на талію, сѣренкоє плаТЬе обвисло на бокахъ. Олеся припомнила сухое темное лицо Ониси и содрогнулась. Увы, и она уже походила отчасти на Онисю, а Ганушъ стоялъ передъ ея глазами, какъ живой, съ роскошнимъ откинутымъ бѣлимъ лобомъ, съ гривою льва на головѣ.

— Боже мой! неужели я его люблю? думала Олеся, стоя предъ зеркаломъ. И отъ чего онъ стоитъ предо мной и не выходитъ у меня изъ думы?

Олеся достала пудру и напудрила лицо; лицо побѣжло и посвѣжѣло.

— Но талія моя не имѣть круглоты... ПлаТЬе обвисло и болтается, подумала Олеся. И выйдя поспѣшно изъ залы въ спальню, распорола подкладку въ плаТЬе, подложила ваты въ соответственныхъ частяхъ, пакторо зашила и надѣвъ плаТЬе, вышла къ зеркалу опять. Но тамъ мѣсто было уже занято: предъ зеркаломъ вертѣлась Настя, прімѣряла купленнія ленты, надѣвала ихъ на голову, за-

вывытала ими шею. Заслышавъ шаги матери, Настя убѣжала въ себѣ въ комнату; на ея мѣсто предъ зеркаломъ стала мать и поворачивалась съ боку на бокъ. Талия была теперь полнѣе и получила нѣкоторую окружность. Олеся почувствовала себя какъ-бы помоло-дѣвшою и усмѣхнулась про себя.

Междуда тѣмъ въ залу опять влетѣла Настя, паникала и прописывалась вмѣстѣ.

— А посмотри Настя, хорошо-ли на мѣй сидить платье въ талии. Мнѣ кажется опо сзади немногого оттонурилось, говорила мать, вытягивая бокъ передъ зеркаломъ.

— Нѣть, мама; мнѣ кажется, что оно выдалось какъ-то спереди, отвѣчала Настя, глядясь въ зеркало черезъ плечо матери.

Олесѣ стало какъ-то веселѣе и она затянула мотивъ изъ мазурки. Настя пустилась въ приплясъ черезъ залу. Олеся испробовала сдѣлать тоже, но почувствовала сразу, что ноги уже не тѣ стали.

— Сядь, милая Настя, за фортепіано и сыграй что либудь, а я послушаю, сказала мать, схватывая на лету дочь за руку.

Настя сѣла и начала панигрызать польки да вальсы, а мать тихонько ходила по залѣ и мечтала о Ганушѣ: ей казалось, что у неї сердце еще не умерло, что оно хочетъ любить и можетъ любить.

Долго мечтали и дочь и мать, и предметъ мечты у обѣихъ былъ одинъ и тотъ-же. Междуда тѣмъ пришелъ Балабуха, бывшій гдѣ-то на требѣ, и всѣ усѣлись пить чай. За чаемъ Олеся сообщила мужу, что встрѣтила случайно въ лавкѣ у Волька учителя музыки изъ чеховъ.

— Такъ что-же? спросилъ Балабуха.

— А видиши-ли, изподтишка начала Олеся, прекрасный слу-чай для нашей Нasti...

— Ужъ не замужъ-ли выйти? спросилъ Балабуха, слегка улыбнувшись.

— Замужъ ей слишкомъ еще рано, отвѣчала Олеся, но такъ подъучиться музыкѣ. У нашей Нasti талантъ.

— Да есть-ли талантъ у этого учителя, хорошо-ли онъ знаетъ музыку?

— О, про это, я думаю, и спрашивать нечего. Довольно того, что онъ чехъ, да и директоръ не стать-бы держать кого нибудь.

— Такъ что-же?

— А то, что пойзжай ты завтра въ Мироновку и предложи этому учителю,—фамилія его Гануць,—не согласится ли онъ два-три раза въ недѣлю пріѣзжать къ намъ, на нашихъ конечно лошадяхъ, давать уроки Насть. Кстати и съ директоромъ можешь познакомиться, сдѣлавъ ему визитъ. Намъ нужно съ такими людьми знакомиться. Наша Насти почти уже невѣста, а у директора, говорила Сура, два взрослыхъ сына и оба такие прекрасные, я-же ни за что не отдастъ своей Насти за духовнаго.

Насти покраснѣла при этомъ до ушей.

— Да; но можетъ быть это дорогой учитель и много потребуетъ за уроки? какъ-то нерѣшительно возразилъ Балабуха.

— А хотя-бы и много. У насъ одна дочь, притомъ у нея и способность и любовь къ музыкѣ. Надо пользоваться случаемъ; другой подобный случай, пожалуй, и не представится, а потому завтра же пойзжай. И не думай и не говориничего! закончила Олеся по своему, по прежнему.

Балабуха самолѣкъ. Онъ давно уже пріѣвъкъ молча дѣлать то, чего потребуетъ жена.

На утро Балабуха отправился въ Мироновку и, прежде чѣмъ говорить съ учителемъ, зашелъ къ директору. Директоръ, пѣмецъ, радушно и почтительно принялъ Балабуху и не препятствовалъ ему войти въ переговоры съ учителемъ. Гануць въ свою очередь согласился бѣдить на уроки за плату не особенно высокую. Прощаясь съ директоромъ, Балабуха просилъ его быть знакомымъ и къ удовольствію своему замѣтилъ, что предложеніе его было принято охотно. Что до Гануша, то онъ далъ слово пріѣхать на слѣдующій-же день въ послѣобѣденную пору.

Между тѣмъ Олеся по отъѣздѣ мужа принялась за свое обычное занятие, чтеніе зажигательныхъ романовъ. Къ этому времени число читающихъ даже въ Богуславѣ значительно увеличилось, да и самыя книги были уже не тѣ. Олеся добыла гдѣ-то на этотъ разъ: «Похожденіе трехъ мушкетеровъ» и «Семь смертныхъ грѣховъ» и читала поперемѣнно эти завлекательные романы, не зная, которому изъ нихъ отдать преимущество. Въ промежуткахъ она приводила себѣ на память милый образъ Гануша и варила для него кашенье, петербургскѣ ожидая возвращенія мужа.

Къ обѣду воротился и мужъ. Привезенное имъ извѣстіе обрадовало, но вмѣстѣ и раздосадовало отчасти Олесю. За чѣмъ отложилъ до завтра свой прїѣздъ этотъ противный Гануцъ? подумала она и дала полную волю своимъ о немъ мечтамъ, о томъ, какова будетъ ихъ встреча и что можетъ быть потомъ.

На слѣдующій день, лишь только окончили обѣдъ, Олеся открыла шкафъ, выбрала посвѣжѣе платье и принялась рѣдиться въ ожиданіи интереснаго гостя. Украдкой отъ мужа и дочери, запершись въ своей спальни, она подрисовала себѣ брови и губы, сильно нащуприла и тщательно вытерла лицо, подложила ваты въ приготовленномъ платьѣ, причесалась и одѣлась совсѣмъ. Но едва только она вышла изъ спальни, какъ видѣть, что дочь въ свою очередь вынимаетъ изъ шкафа новое наиболѣчшее свое платье.

— А это зачѣмъ? спросила Олеся, какъ-бы въ недоумѣніи, свою дочь.

— Да вѣдь скоро прїѣдетъ гость; надо-же одѣться, отвѣчала Настя, слегка покраснѣвъ.

— Ну, вотъ выдумала. Этотъ гость будетъ прїѣзжать къ тебѣ два раза въ недѣлю. Спрячь это платье, оно слишкомъ нарядно. Надѣнь цопроще, а можетъ быть и такъ, какъ теперь одѣта.

— Но вѣдь вы, мама, надѣли новое платье: отчего-же мнѣ нельзя? сказала Настя уже сквозь слезы.

— Я хозяйка въ домѣ, это другое дѣло, а ты еще ученица: тебѣ надо учиться, а не рѣдиться. Ты еще дитя.

— Какое я дитя? Мнѣ шестьнадцать лѣтъ.

Настя надулась: она вышла въ залу и совсѣмъ расплакалась, по подумавъ, что у нея будуть красные глаза, между тѣмъ какъ Гануцъ можетъ вскорѣ прїѣхать, перестала плачать, утерла слезы и пошла въ садъ.

Мать съ нетерпѣніемъ ждала гостя и, хотя держала въ рукахъ книгу, но все поглядывала въ окно.

Спустя около часу во дворѣ послышался стукъ, и у крыльца остановилась легенькая, свѣже лакированная венгерка. Съ неи зовко соскочилъ Гануцъ, весь закутанный въ бѣлый, длинный до земли плащъ съ капюшономъ на головѣ для предохраненія отъ пыли. Олеся окликнула мужа, сидѣвшаго въ кабинетѣ, и по давней привычкѣ схватилась за сердце; но сердце не билось уже по прежнему...

Вошелъ Ганушъ; Олеся слегка приподнялась въ креслѣ и приняла его очень тонко. Балабуха здоровался съ нимъ, какъ уже знакомый. Гануашъ былъ въ черномъ свѣжемъ костюмѣ, а на груди у него блестѣла бѣлая, какъ снѣгъ, сорочка. Онъ казался теперь Олесѣ еще красивѣе и она, уставивъ на Гануша свои глаза, любовалаась его изящнымъ оживленнымъ лицемъ, пока мужъ обмѣнивался съ нимъ первыми фразами. Гануашъ спокойно говорилъ по русски. Оказалось, что онъ не первый годъ въ Россіи, былъ во многихъ русскихъ городахъ, а съ малорусскою рѣчью ознакомился, живя въ Мироновкѣ.

— Позвольте-же просить васъ познакомить меня съ моей будущей ученицей,—сказалъ Гануашъ послѣ некотораго времени, оглядываясь вокругъ.

— Она, кажется, въ саду, сказала Олеся, и подойди къ выходившему въ садъ раскрытыму окну, окликнула Настю. Настя живо отозвалась, проворно вошла въ залу, сдѣлала реверансъ и зардѣлась, какъ маковка. Ей было стыдно и досадно, что она не въ новомъ платьѣ, какъ ей хотѣлось.

— Позвольте опробовать вашъ инструментъ. Онъ старинной конструкціи, но иногда въ старыхъ фортепьянахъ бываетъ хороший тонъ, сказалъ Гануашъ, обращаясь къ хозяйкѣ, и проворно откинувъ крышку фортепьяна, сѣлъ и сильно ударилъ по клавишамъ. Фортепьянъ зашипѣлъ и забренчалъ и вместо чистыхъ и ясныхъ звуковъ послышались глухіе и сиплые и даже просто стукъ клавишъ. Гануашъ сдѣлалъ кислую гримасу и примолвилъ:

— Фортепьянъ хорошо настроенъ, но очень уже старъ и разбитъ. Желая затѣмъ показать свое искусство предъ дамами, Гануашъ заигралъ какую-то шумную пьесу; взялъ *forte*, потомъ *fortissime*, фортепьянъ застоналъ подъ сильными его пальцами; но на половина пьесы почувствовалась вся непригодность инструмента и полное несоответствие его таланту артиста; клавиши мѣстами только стучали, струны давали гармонію, напоминавшую жужжаніе шмелей; въ довершеніе всего къ басахъ лопнула струна и жалобно зашипѣла. Гануашъ не выдержалъ, захочоталъ и перестать играть. У Олеси покраснѣли уши.

— Видишь? обратилась она къ мужу: для такого учителя памъ надо купить новый фортепьянъ.

Балабуха съ искугу машинально провелъ рукою по карману.

— Надо, надо купить новый фортепьяно для такой прелестной ученицы, сказалъ Ганушъ, сдѣлавъ граціозный поклонъ въ сторону Насти.

Насти покраснѣла. Балабуха нерѣшительно какъ-то спросилъ, сколько можетъ стоить хороший новый фортепьяно.

— А рублей пятьсотъ, шестьсотъ, отвѣчалъ Ганушъ.

У Балабухи и руки опустились, трубка повалилась на полъ и самъ онъ тяжело вздохнулъ. Ганушъ замѣтилъ это и поспѣшилъ оговориться:

— Впрочемъ можно найти порядочный фортепьяно и за триста рублей.

У Балабухи отлегло немнога на душѣ: онъ соображалъ про себя, откуда и эти триста рублей взять. Ганушъ между тѣмъ спрашивалъ хозяйку, можно-ли найти въ Богуславѣ какого либо фортепьяноваго мастера, который починилъ-бы старый фортепьяно, пока купленъ будеть новый.

— Здѣсь при костелѣ есть хороший органистъ; онъ можетъ починить этотъ фортепьяно, пока купимъ новый; но только гдѣ купить? въ свою очередь спросила Олеся.

— А вотъ я въ скоромъ времени поѣду въ Кіевъ, и если вамъ угодно, радъ служить, сказалъ Ганушъ.

— Ахъ, премного вамъ благодарна, сказала Олеся: я такъ люблю музыку, что не могу жить безъ нея. Я сама хотѣла-бы выучиться играть на фортепьяно.

Балабуха и Ганушъ съ изумлѣемъ взглянули на нее.

— Теперь я попрошу мою ученицу сѣсть за рояль, сказалъ Ганушъ, обращаясь къ Насти: извините, я хочу сдѣлать вамъ маленький экзаменъ, ознакомиться съ вашими познаніями, приемами въ игрѣ.

— Мнеъ неловко поѣсть васъ садиться за фортепьяно. Вы такъ чудно играете, а я лишь кое-какъ бреньчу, сказала кокетливо Насти.

Она перенесла залу, совсѣмъ не по ученически вытянула грудь впередъ, граціозно покачала головкой и сѣла за фортепьяно. Ганушъ раскрылъ «Школу музыки» и попросилъ проиграть сперва гаммы, а потомъ пѣкоторыя маленькия пьесы. Насти кокетливо закачала плечами и быстро заметала пальцами по клавишахъ, разыгрывая указанныя Ганушемъ пьесы. Клавиши несносно стучали, струны жалобно визжали. Насти играла и смеялась.

— О, съ васъ выйдетъ артистка! У васъ песомѣнныи талантъ; къ тому-же у васъ такие прекрасные длинные пальчики, именно для фортепьяна созданные, сказаъ Ганушъ, искоса поглядывая то на пальцы, то на румяное красивое личко Насти.

Олеся нахмурила бровы: ей очень хотѣлось самой сидѣть на мѣстѣ Насти и разговаривать съ Ганушемъ. Ганушъ между тѣмъ собирался домой и потянулся за фуражкой.

— Ахъ, что вы! какъ можно? Оставайтесь у насъ чай пить, не-премѣнно, поспѣшила остановить его Олеся и вѣдьла подать самоварь въ садъ. Ей хотѣлось обставить себя, какъ можно поэтичнѣе, чтобы разшевелить и привлечь къ себѣ сразу сердце Гануша.

Скоро поданъ самоваръ; Олеся пригласила Гануша въ садъ. Вышли изъ залы на высокое крыльцо, обсаженное вьющимися растеніями; широкія ступени вели отсюда въ цвѣтникъ, хорошо устроенный и чисто содержанный. По другую сторону цвѣтника стояла недавно устроенная бесѣдка съ широкимъ проходомъ на сквозь. Цвѣтникъ изрѣзанъ былъ извилистыми дорожками, между которыми красовались роскошныи клумбы цвѣтовъ. Надъ всѣмъ работала искусная рука садовника, приходившаго съ панского двора и работавшаго болѣе въ чаяніи молитвъ, чѣмъ за деньги.

Солнце было предъ закатомъ и косыми лучами освѣщало садъ и цвѣтникъ. Въ воздухѣ было тихо и тепло. Попятые цвѣты блестѣли на влажныхъ клумбахъ, распространяя вокругъ пріятнѣйшій ароматъ. Отъ бесѣдки длинными гирляндами вились ряды цвѣтовъ по обѣ стороны широкой дорожки вплѣзь до самаго берега Роси.

— Ахъ, какая у васъ здѣсь благодать! восхищался Ганушъ, стоя на крыльцѣ. Сколько цвѣтовъ! Какіе виды на рѣку и дальше! Вы тутъ живете, какъ въ раю.

— О, да, я люблю цвѣты! хвастливо замѣтила Олеся. Мы съ Наstей съ утра до вечера возимся здѣсь, сами даже поливаемъ.

Олеся пригласила гости дальше. Обошли цвѣтникъ и вошли въ бесѣдку. По срединѣ, на столѣ, шинѣль самоваръ; вмѣстѣ съ чайнымъ приборомъ красовались двѣ небольшія вазки съ свѣжими вареньемъ. Олеся запяллась чаемъ, Ганушъ оглядывался во всѣ стороны и любовался видами. Чрезъ широкія двери бесѣдки видно было все Заросье со скалами, вербами и мельницами у берега Роси.

— Ахъ, какие чудные виды! воскликнула Ганушъ, глядя на Заросье. Ну, это просто картина, написанная дивнымъ художникомъ и вставленная въ зеленую раму. Это вы, конечно, выбрали здѣсь мѣсто для бесѣдки, прибавилъ, въ видѣ комплимента уже, Ганушъ, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Выбирали мы съ-обща, но это мѣсто дѣйствительно я указала, самодовольно произнесла Олеся, щурясь глазами на Гануша.

— О, у васъ дивный вкусъ! Вы настоящая артистка, сказала съ наэсомъ Ганушъ.

— Не хотите-ли къ чаю моего варенья? какъ-бы въ благодарность спросила его Олеся и прибавила: сама готовила.

— Если вы сами варили, то нельзя отказаться, съ сладкой миной сказала Ганушъ, и потянула къ себѣ вазку съ малиновымъ вареньемъ.

Однако онъ такъ много оказалъ вниманія труду любезной хозяйки, что скоро въ вазкѣ осталось только дѣвъ ягодки на дѣвъ. Балабуха вѣльть подать рому и когда ромъ былъ принесенъ, налила Ганушу чуть не полстакана. Пражскій мѣщанинъ оказался и на этотъ счетъ способнымъ и сталъ тянуть пунинъ за пунишемъ, оказавъ не меньшее вниманіе предложенію хозяина, какъ и хозяйки. Балабуха закурила трубку, Ганушъ сигару. Ароматъ малины смѣшился съ запахомъ сигары и рому и защекоталъ старые нервы Олеси. Не стѣсняясь подлившимъ уже гостемъ, она подлила и себѣ немного рому. Пунинъ скоро охмѣлилъ и раздразнилъ ее, и она желала удалить изъ бесѣдки и мужа и дочь, чтобы остаться одной съ Ганушемъ. На дворѣ смержалось; густой мракъ опустился на Рось и скалы. Было тепло, даже душно. Мѣстечко затихло; только вдали вода шумѣла, перебѣгая по камнямъ и поэтично гармонируя съ тихимъ вечеромъ и яркими звѣздами, блестѣвшими на небѣ и отражавшими свой блескъ въ водѣ.

Принесли лампу, зажгли свѣчи. Балабуха и Ганушъ все бесѣдовали и почищали пунинъ. Толковали о сахарномъ заведѣ, о доходахъ отъ него, о поднявшихся на все цѣнахъ, о директорѣ и его семье. Ганушъ пустился въ разсказы о Прагѣ и заграничной жизни вообще. Балабуха порядочно захмѣлѣла, откинувшись на стулѣ и все сосасъ свой длинный чубукъ.

Настя! тебѣ, кажется, пора уже спать. Иди, милая, въ комнату! изысканно изѣжно сказала Олеся, обращаясь къ Настѣ какъ-бы къ маленькой.

А Настѣ не хотѣлось уходить отъ Гануша: она рада была-бы до свѣта слушать его и глядѣть на него.

— Иди-же, душечка, въ себѣ въ комнату, да распорядись, чтобы намъ принесли сюда закусить, сказала опять Олеся Настѣ.

Настя сдѣлала кислую мину и раскланявшись съ Ганушемъ, ушла изъ бесѣдки.

Олеся пересѣла со стула на скамейку, чтобы быть ближе къ Ганушу. Дымъ отъ его сигары несся прямо ей въ лицо. Она втягивала его въ себя, пила глотками чай съ ромомъ, но чувствовала, что ни близость завлекательного кавалера, ни дымъ сигары, ни даже пуншъ не зажигаютъ уже прежнимъ огнемъ разбитаго и очерствѣвшаго сердца: въ немъ не цыпало, какъ прежде, яркое пламя, но лишь тихо искрился потухавшій огонекъ...

Олеся чуть замѣтно вздохнула. Ганушъ занялся пуншемъ и лишь изъ приличія удѣлялъ ей нѣсколько словъ. Олеся такъ и не рѣшилась на этотъ разъ повести на него атаку.

Послѣ закуски хозяинъ и гость выпили еще по пуншу и только уже около полуночи Ганушъ вспомнилъ, что ему пора домой. Изъ бесѣдки Ганушъ шелъ уже не твердыми шагами, а Балабуха только сопѣлъ и отдувался.

— Ахъ, какой пріятный человѣкъ этотъ Ганушъ! Ужъ ты сердись, не сердись, а онъ очень, очень понравился мнѣ, говорила Олеся своему мужу по отъѣздѣ гостя.

— Гмъ... да... очень пріятный человѣкъ, бормоталъ нагружившійся Балабуха, поглаживая свою сѣдую бороду.

Спустя два дня Ганушъ пріѣхалъ на урокъ. Волосы его были сильно напомажены, отъ него ва всю залу несло духами. Олеся такъ напудрила лицо и парумянила щеки, что даже прислуга шепталась въ кухнѣ, отъ чего это матушка стала «така гарна, якъ писанка».

Настя на этотъ разъ украдкой отъ матери надѣла таки новенькое платье и сѣла съ Ганушемъ за урокъ. Органистъ успѣль уже кое-какъ поправить и вновь настроить фортепьянъ; урокъ шелъ безъ особыхъ препятствій, довольно даже живо, чему много способствовала взаимная заинтересованность учителя и ученицы. Настя кокетничала, Ганушъ зангрывалъ, поправляя ее и перекладывая ея пальчики съ клавиша на клавишу. Олеся замѣтила это и съ завистью

посматривала на дочь; въ избалмошной головѣ ея внезапно блеснула мысль учиться самой на фортепіано.

— Два раза въ недѣлю я буду сидѣть рядомъ съ нимъ плечо о плечо, дышать съ нимъ одной струей воздуха, глядѣть ему прямо въ глаза, прикасаться его рукамъ! мечтала своенравная, легкая, какъ вѣтеръ, Олеся, и страстно взглянула на Ганушу.

Кончился урокъ. Олеся и въ самомъ дѣлѣ подошла къ Ганушу и, глядя ему въ глаза, промолвила:

— Мосье Ганушъ! Вы такъ прекрасно учите, а я такъ люблю музыку, что мнѣ очень хотѣлось-бы и самой выучиться играть на фортепіано. Учите и меня разомъ съ Настей. Выучусь,—будемъ играть въ четыре руки.

Ганулинъ вытаращилъ на нее глаза и подумалъ, не спятила-ли она совсѣмъ съ ума на старость. У Балабухи отъ изумленія широко раскрылись глаза.

Правда, Маркъ Павловичъ, это было-бы хорошо? сказала Олеся, обращаясь къ мужу. Ахъ, какъ я люблю музыку! Какъ я люблю музыку, это даже выразить трудно. Выучусь,—Настя будетъ играть, я буду аккомпанировать, а ты будешь слушать.

Бѣдный мужъ не зналъ, куда глаза дѣвать отъ стыда; но ему хорошо было известно, что противурѣчить женѣ въ какой угодно ей блажи по меньшей мѣрѣ безполезно. Все равно она поставить на своеимъ и еще болѣе наглунить. А чего доброго, вспомнить Казанцева и полетѣть къ нему за три девять земель. Балабуха тяжело вздохнулъ, махнувъ рукой, что означало у него: дѣлай, какъ хочешь, мнѣ все равно.

Послѣ нѣкотораго раздумья Ганулинъ пригласилъ Олесю садиться съ нимъ за фортепіано и сталъ раскладывать по клавишамъ сухіе малоподвижные ея пальцы, объяснять и проходить съ нею простѣйшую гамму. Настя смигдалась у нихъ за спиною. Олеся стучала своими окостенѣвшими пальцами по клавишамъ, искоса поглядывая на сочныя малиновыя губы Гануша, и сбивалась на каждой нотѣ. Ганулинъ давилъ отъ смѣха, Балабуха сосалъ чубукъ и апатично глядѣлъ на безумствовавшую жену.

Добрый часъ мучился Ганулинъ съ своею старой ученицей и едва могъ одолѣть одну гамму. Вставъ изъ-за фортепіано, онъ вытеръ потъ на лбу и лицѣ, а его ученица, веселая и довольная,

привялась готовить чай. Шопло опять нескончаемое подливаніе рому, что очень на руку было потерявшему всякий куражъ Балабухѣ.

Комичные уроки старой ученицы шли безъ пропусковъ; Ганушъ бралъ за нихъ лишніе рубли, затѣдаль ихъ вареньемъ, зашивалъ чаемъ съ ромомъ и засиживался подолгу, утѣшая беззланиаго Балабуху нескончаемыми разсказами, а старая ученица, счастливая въ своихъ величайшихъ мечтахъ, хлопотала лишь о томъ, чтобы приготовить своему учителю какъ можно лучшаго варенья, и перстригала все мѣстечко, размѣшивая вновь послѣдавшія ягоды и фрукты.

Разъ какъ-то у Насті разболѣлись зубы и она не могла братъ урока, Балабуха успѣлъ кого-то исподѣльвать, Ганушъ и Олеся были вдвоеемъ, чего послѣдняя давно съ нетерпѣніемъ дожидала. По окончаніи урока, она пригласила своего учителя пройтись съ ней по саду, пока поспѣть самоваръ. Съ заразѣ обдуманною мыслью она увела Гануша далеко отъ дома, на край сада, къ самому берегу Роси. Перебалтывая всякую всячину, она вдругъ, настроивъ себя на вышай тонъ, обратилась къ своему кавалеру съ такими словами:

— Мось Гануш! вы счастливый человѣкъ. Я вамъ завидую.

— Первый разъ слышу, что я счастливъ. Можетъ быть стану счастливъ съ вашего легкаго слова, какъ съ легкой руки.

Олеся обрадовалась; въ словахъ Гануша ей послышался намекъ на то, чего она добивалась и къ чему вела теперь рѣчь.

— Вы много видѣли, вездѣ перебывали, всю Европу изѣдили. А мы бѣдные сидимъ въ этихъ трущобахъ, какъ затворницы въ монастыряхъ. Что это за жизнь! Вы сами видите, съ кѣмъ мы соприкасаемся, съ кѣмъ намъ вести знакомство. Кругомъ по селамъ простое бѣдное священство, въ Богуславѣ одни лишь только жиды. Охъ, тяжела наша жизнь! Какъ увидишь просвѣщенаго человѣка, то не наглядишься на него, не наговоришься съ нимъ.

Олеся посмотрѣла на Гануша сладенькими глазами. Ганушъ вспомнилъ тѣ темные и голодные углы, въ которыхъ онъ проживалъ въ Европѣ, и промолвилъ:

— Правда, что наша жизнь, жизнь артистовъ разнообразна и полна веселья; театры, концерты намъ даже приску чаютъ. Мы, какъ птицы нольныя, всюду порхаемъ, все щебечемъ и поемъ.

— Какъ жаль, что я не родилась артисткой, а можетъ быть и родилась, да не удалась... Вы вольный человѣкъ, а у меня на шеѣ домъ, хозяйство, какіе-то волы да коровы. Ахъ, неприглядна наша жизнь!

— А я радъ быль-бы гдѣ нибудь осѣтиться. Сказать вамъ правду, надоѣла уже мнѣ эта скатальческая жизнь.

— Если не мнѣ, то можетъ быть дочери достанется, подумала Олеся.

Разговоръ въ такомъ тонѣ продолжался; Олеся и Ганушъ, обогнувъ садъ, незамѣтно очутились у бесѣдки, гдѣ ихъ ожидалъ самоваръ. Олеся приготовила чай, сѣла противъ Гануша, оперлась рукою объ столъ и пристально глядѣла ему въ глаза.

— Знаете-ли вы, какъ настъ замужъ выдаютъ? Пріѣдетъ какой нибудь семинаристъ, скажетъ два-три слова и выходитъ за него, потому что другой можетъ и не случиться. И идешь замужъ безъ искренней горячей любви; идешь, лишь-бы выйти.

Глядя на серебрившіеся кой-гдѣ волосы гостепріимной хозяйки, Ганушъ думалъ, что она ведеть рѣчь на счетъ своей дочери. Но хозяйка продолжала:

— Вотъ я вышла за своего протопопа: думала, что люблю его, а потомъ вышло...

Олеся махнула рукою.

— Мосье Ганушъ! скажите, вы любили хоть разъ въ жизни искренно, горячо? спросила она гостя и еще ближе наклонила къ нему голову черезъ столъ.

Гануша поразили эти неожиданныя слова; онъ даже поднялъ голову.

— Я... я... Было всего въ моей жизни, говорилъ Ганушъ, котому такія слова въ устахъ старой бабы казались просто противными.

Олеся стала пробовать силу своихъ глазъ, сладко глядя Ганушу въ упоръ.

— Говорите, пожалуста, смѣло. Мы тутъ одни: настъ никто не увидитъ, не подслушаетъ. Что до меня, то я безъ любви не могу жить. О, какъ тяжело жить безъ милаго! сказала Олеся и вздохнула, опустивъ глаза на столъ.

Ганушъ большими глотками допилъ чай, забыть даже о люби-
момъ имъ вареньѣ и поспѣшно вышелъ изъ бесѣдки.

Олеся вскочила вслѣдъ за нимъ.

— Какой чудный вечеръ! Надо пройтись, погулять, говорилъ такъ-бы про себя Ганушъ. Но Олеся пристала къ нему съ новыми вопросами.

— Скажите, мосье Ганушъ, какихъ вы любили: блондинокъ, или брюнетокъ?

— Да такъ: одинъ годъ блондинку, а другой брюнетку, чтобы не вяскучило, отвѣчалъ Ганушъ.

— Широкое-жъ у васъ сердце. А какія женщины вамъ больше нравятся: блондинки или брюнетки?

— Однаково и блондинки и брюнетки, были-бы молоды и красивы.

Олеся повернула по дорожкѣ внизъ къ берегу, увлекая съ собою и своего спутника.

— А скажите, опять спросила она его, не любили-ли вы троихъ разомъ?

Случалось и по четыре. Утромъ увидишь одну красивую дѣвушку и полюбишь, вечеромъ другую еще краше, и опять влюбишься...

— Такъ вы такой! Съ вами значить и гулять страшно.

— Совсѣмъ не страшно: я кроткій, какъ агнецъ, и не кусаюсь. Я уже сѣль свои зѣбы.

— Какъ рано! А можетъ быть вы не присмотрѣлись къ своимъ зѣбамъ.

— Не знаю: вотъ придемъ въ комнаты, погляжу въ зеркалѣ.

Ганушу просто опротивѣлъ такой разговоръ. Олеся подошла къ нему, взяла его подъ руку и молча шла съ нимъ по дорожкѣ.

Дошли до берега. Отсюда вверхъ шла узкая тропинка на крутої отвѣсѣ скалы.

— Какія чудныя здѣсь картины! Вотъ-бы взобраться на этотъ утесъ и взглянуть на Заросье! сказалъ Ганушъ, и съ этими словами, высвободивъ свою руку, пустился вверхъ по тропинкѣ. Олеся бросилась бѣгомъ въ обходъ и пока Ганушъ, взобравшись на скалу, любовался видомъ на Заросье, неожиданно очутилась подлѣ него.

— О, и вы тутъ! удивленно сказалъ Ганушъ.

— Да, я такъ люблю природу, что невольно послѣдовала за вами.

Олеся тяжело дышала. Ганушъ не зналъ уже, какъ ему отѣлаться отъ павязчивой бабы. Между тѣмъ на Роси показался утлый членокъ; красавая «дивчина» гонялась на немъ за утками, направляя ихъ къ берегу. Утки не слушались, кружились по водѣ

между камнями. Челнокъ спадалъ на быстрое теченис, въ самый водоворотъ, гдѣ вода клюкотала и шумно бѣнилась. Волны качали челнокъ, какъ щепку. Девчина расшибала на всю рѣку чуднымъ звонкимъ голосомъ и ловко кружилась членомъ между камнями. Ганушъ заглядѣлся на эту картину и внимательно слушалъ веселую мелодію. Непослушные утки переплыли Рось и подплыли къ протопопскому саду. Девчина повернула челнокъ къ берегу. Ганушъ спрыгнулъ съ камня и побѣжалъ съ горы. Олеся поспѣшила за нимъ. Они были уже на берегу, когда девчина, чернявая и румяная, какъ калина, встала на челнокъ, чтобы выскочить на берегъ. Ганушъ залюбовался ею и въ весь голосъ крикнулъ:

— Замочишися, чернобрива! Тривай, я тебе пересажу на берегъ.

И онъ схватилъ девчину обѣими руками за станъ и перенесъ на сухой берегъ, уцепивъ ее за щеку. Девчина засмѣялась и запицала.

— Мосье Ганушъ! Что вы дѣлаете? Теперь-же я знаю, что вы любите «черни брови та кари очи», крикнула Олеся.

— Вы угадали. Ой очи кари, черни брови! Хто-жъ васъ не любить? сказалъ Ганушъ, комично вздыхая и глядя прямо въ глаза Олесѣ.

У Олеси были «чорні брови, кари очи», и она кокетливо опустила глаза внизъ и наклонила голову къ землѣ.

Пора было возвращаться домой. Олеся и Ганушъ шли молча. Послѣ всего происходившаго Олеся невольно задумалась: она вспомнила, какъ когда-то въ этомъ самомъ мѣстѣ становой, по одному слову ея, гонялся за лягушкой и рискуя головой, взбирался на крутої обрывъ за цветами, которыхъ она бросила въ воду; вспомнила это Олеся и пожалѣла, что ея карія очи и чорнія брови на вѣки утратили свою чарующую силу.

Когда вошли въ домъ, Балабуха сидѣть уже въ залѣ. Ганушъ сообщилъ ей, что онъ завтраѣдетъ въ Кіевъ и можетъ купить для Нasti новый фортепіанъ. Балабуха съ пелекимъ вздохомъ вручилъ ему деньги.

Уже поздненько распрощался Ганушъ.

— Смотрите-же, мосье Ганушъ, выберите дяя наесь хороший фортепіанъ, напоминала Олеся, стоя на крыльцѣ.

— Для васъ выберу самый лучшій, крикнулъ Ганушъ уже за воротами.

Балабуха пошел въ комнаты, а Олеся долго еще сидѣла на крыльцѣ, перебирая въ мысляхъ своихъ все случившееся въ этотъ вечеръ.

— Ужъ если я не причарую его глазами да бровями, то причарую нѣжными словами да лаской. Онъ любить чернилъ брови: не даромъ-же онъ такъ засматривался на эту чернилову «дивчину». Можетъ... можетъ быть, и мои брови еще не «злияли». Надо однако сдѣлать ему какойнибудь презентъ. Что-бы такое? Да, онъ любить цветы; вышию ему подушку съ цветами.

Такъ закончила свои думы Олеся и съ тѣмъ пошла ко сну.

Больше недѣли, съ раннаго утра до поздней ночи, Олеся и Настя работали надъ подушкою и окончили ее къ самому пріѣзу Гануша. Въ торжественной позѣ Олеся поднесла ему этотъ дорого стоявшій ей презентъ. Ганушъ очень былъ доволенъ подаркомъ, но принялъ его, какъ должную дань за свои хлопоты по покупкѣ фортепіано.

Новый фортепіано оказался дѣйствительно хорошимъ. Ганушъ закупилъ притомъ новыхъ потъ и привезъ ихъ съ собой для своей молоденькой ученицы. Въ первый-же пріѣздъ ему захотѣлось поиграть самому на хорошемъ и хорошо настроенному инструментѣ. Ганушъ сѣлъ за рояль и началъ играть аріи изъ оперъ, а потомъ сонаты Бетховена. Олеся сидѣла въ креслѣ и заслушалась; она чутиемъ сразу поняла глубокую музыку, чарующія мелодіи. Богатые аккорды, симпатичныя аріи разогрѣли и разшевелили ея чувствительную отъ природы душу. Безмолвно скрестила она руки на груди и замерла. Ганушъ игралъ съ увлечениемъ, съ душою: его артистическая душа выливалась въ звукахъ рояля. Вдругъ онъ перемѣнилъ мелодіи, заигралъ и запѣлъ свои родныя пѣсни. Не сильный, но мягкий симпатичный баритонъ наполнялъ небольшую залу то веселыми, то грустными мотивами. Отъ чешскихъ пѣсень Ганушъ перешелъ къ украинскимъ. Выливавшися изъ груди его, родные для Олеси звуки охватили ея душу и сердце. Ганушъ не уставалъ, онъ игралъ и пѣлъ, мѣняя пѣсни за пѣсней, и въ концѣ всего запѣлъ балладу Шуберта «Лѣсной царь». Его мягкий голосъ сталъ, какъ бархатъ. Съ пеподражаемымъ чувствомъ и умѣньемъ онъ передавалъ звуками, какъ манилъ къ себѣ чарами таинственный голосъ «лѣсного царя». Олеся впервые въ своей жизни слышала истинно высокую

музыку, артистическое пѣніе: ея душа проснулась и задрожала, и ей чудились свѣтлый мѣсяцъ и дивный лѣсъ, весь покрытый инеемъ, залитый голубоватымъ фантастическимъ свѣтомъ, а изъ глубины этого лѣса, со дна долины, забросанной деревомъ, доносился чарующій, какъ самая любовь, таинственный голосъ, и рисовался чѣй-то дивный образъ. Съ ея очей скатились дѣв слезы. Ганушъ кончилъ; Олеся вскочила съ кресла и протянула къ нему руки, какъ протягиваются ихъ въ молитвѣ. Ея глаза блестали не земнымъ огнемъ; она быстро перебѣжала залу и вскрикнула:

— Боже мой! почему меня не учили играть и пѣть? Я бы-бы счастлива всю жизнь.

Олеся чуть не крикнула Ганушу: учите меня играть, учите меня пѣть! Но опомнилась и какъ будто чего-то устыдилась. И действительно она чувствовала теперь стыдъ за все то, что недавно говорила въ саду Ганушу, чуть не признавшись ему въ любви, и она готова была просить у него прощенія за все сказанное ею въ тотъ вечеръ. Ей стало стыдно, что она задумала братъ уроки музыки на старость и совсѣмъ не ради музыки. Кровь кипулась ей въ лице; она ходила по залѣ и все прислушивалась къ дивной игрѣ Гануша, пока наконецъ не выбилась совсѣмъ изъ силъ, упала въ кресло и закрыла глаза рукой.

Въ Олесѣ сказалась не просто романтическая, но быть можетъ и действительно артистическая душа, заброшенная въ сельскую глушь и утратившая высшій даръ Божій въ мертвой бездушной жизни.

Съ тѣхъ порь Олеся часто просила Гануша играть и пѣть помимо урока, прекратила свои уроки музыки и упивалась его чудной игрой и пѣніемъ.

Недѣлю спустя собрался наконецъ отдать визитъ Балабухъ директоръ сахарного завода Шмидтъ. Это былъ крѣпкій плечистый немецъ, съ русою бородою, на половину уже сѣдою. Визитъ его былъ очень короткій, но, прощаюсь съ Балабухою, онъ просилъ его быть семѣнно знакомымъ.

Олеся была очень рада этому, она надѣялась найти тамъ хорошаго жениха для Насти.

Скоро Балабухи отправились въ Мироновку. Собираясь туда, Олеся позаботилась принарядить Насти, а сама одѣлася скромно, какъ приличествовало ея лѣтамъ. Осматривая себя предъ зеркаломъ

она примѣтила въ своихъ волосахъ новые сѣдины и со вздохомъ произнесла:

— Пора уже мнѣ дать дорогу Настѣ!

И дѣйствительно, лишь слегка напудрившись сама, она заботливо причесала своими руками дочь, вѣда ей новые серьги въ уши, помогла надѣть платье, пришипила разные бантики, нацѣтила на шею золотой медальонъ, исправила на головѣ локоны, оглядѣла кругомъ, еще разъ что-то исправила и съ чувствомъ расцѣловала красивую Настю.

Мароновка была недалеко и Балабухи скоро очутились тамъ. Они прошли по свѣтлому и широкому коридору огромнаго каменяного зданія до квартиры директора и вошли въ переднюю. На право была кухня и дверь въ ней на этотъ разъ была совсѣмъ раскрыта. Въ кухнѣ на полу стояла цѣлая батарея кувшиновъ съ молокомъ, а около нихъ возились двѣ женщины, съ первого уже взгляда не мѣстнаго происхожденія. Старшая изъ нихъ, сухая и тонкая, съ длинной шеей, сбирала съ кувшиновъ сметану, младшая, блондинка, съ нѣжнымъ лицомъ, наливала въ молочникъ изъ кувшина молоко. На обѣихъ были дешевенькия, пестрыя и короткія ситцевыя платья и бѣлые фартушки подъ самую шею. Олеся была увѣрена, что это ключница и горничная, и громко спросила:

— А дома-ли директоръ или деректорша?

— Дерехтора нѣма, отклинулась старшая женщина. Пошоль на фабрикѣ, а дерехторша дома, и съ этими словами она отворила дверь на лѣво и рукой приглашала гостей войти туда.

Гости вошли на лѣво и очутились въ большой залѣ. Высокія двери и окна напоминали нѣсколько казармы. Стѣны были чисто выбѣлены, но зала казалась какъ-бы пустою, такъ мало было въ ней мебели, да и та собрана была какъ-бы изъ разныхъ рукъ. Въ соседней комнатѣ чрезъ дверь видны были некрашеные табуреты и такие-же столы. Только чисто вымытые полы, большія зеркала, богатыя занавѣси на окнахъ и раскошные ковры показывали зажиточность хозяевъ крачтиры.

Скоро къ гостямъ вышли видѣнныя ими двѣ женщины, но уже безъ фартушковъ. Олеся и Настѣ все казалось, что это слуги; но старшая изъ нихъ, привлекшись гостей садиться, и сама сѣла на

какашъ рядомъ съ протоиошкою, а около нея на стулѣ присѣла младшая. Только тогда гости догадались, что это хозяйка и ея дочь.

Сидѣли сначала мозча. Дѣло въ томъ, что директорша нѣмка, недавно еще поселившаяся здѣсь, едва умѣла склеть нѣсколько малорусскихъ фразъ, примѣшивая къ нимъ и русскія слова. При видѣ гостей она растерялась и долго подбирала слова, пока наконецъ, обращаясь къ Олесѣ, проговорила:

— Фи туже любить музикѣ? Вы учить грать въ фортепьянъ.

— Я очень люблю музыку, отвѣчала Олеся, я артистка въ душѣ, но врядъ-ли когда выучусь играть. Вотъ моя дочь играетъ, хотя и еще учится.—А вы играете? спросила она въ свою очередь директоршу.

— О, я вже старій. Я гравъ та вже забуль, сказала директорша.

Настя чуть не разсмѣялась и насили удерждалась.

— А вы любите музыку? спросила Настя барышню нѣмку,

Та только илечами пожала; она слова по русски не разумѣла.

— Вона добре грать. Мосѣ Ганушъ дуже вчиль. Вона любить музикѣ, отвѣтила за нее мать.

— Скажите, не скучно вамъ здѣсь въ селѣ послѣ за-границы? спросила директоршу Олеся.

— Я николи скучно. Я маю багато робить, о, багато робить! Рано робить, день робить и поночи робить. О, я не скучно! А ви не скучно къ Богуславу?

— Намъ въ Богуславѣ навѣрно скучнѣе, чѣмъ вамъ здѣсь въ селѣ. У васъ здѣсь много служащихъ, пожалуй еще и семейныхъ, есть съ кѣмъ время проводить, сказала Олеся.

— Ни, ни. Въ насть вси паничъ, нема жинка, нема дочка. Всі паничъ. А чась не треба водить? Чась робота нужно, пояснила въ отвѣтъ директорша.

— Ну, да и понались-же мы! Придется вѣрно долго слушать такую пріятную бесѣду, подумала Олеся и едва не зѣвнула. И что этотъ противный Ганушъ нейдетъ? Хотя-бы онъ выручилъ и поигралъ на фортепьянѣ.

Ганушъ не приходилъ. Бесѣда становилась не подъ силу и хозяйкѣ и гостямъ; обѣ стороны мучились и не знали, какъ дальше быть. Олеся глянула въ окно; у самаго зданія разбить былъ большой и прекрасный цвѣтникъ.

— Ахъ, сколько у васъ цвѣтовъ! Какія роскошныя клумбы! Позволите выйти полюбоваться? спросила она хозяйку, готовая бѣжать не только въ садъ, но и куда угодно.

— И просимо: я буду показать вамъ квитка, сказала хозяйка, и сама обрадовавшись неожиданному облегченію своего положенія, повела гостей въ садъ, точное огородъ, недавно разбитый и тщательно воздѣланый.

Кромѣ прилегавшихъ къ дому клумбъ, переполненныхъ разнообразнѣйшими цвѣтами и красиво огражденныхъ черепицей и низенькими переплетомъ изъ прутьевъ орѣшника, весь огородъ представлялъ необозримое море роскошнѣйшей зелени, разсѣянной по грядкамъ, раздѣленнымъ тщательно подметенными и усыпанными желтымъ пескомъ дорожками. Грядки на всемъ пространствѣ огорода окаймлены были широкими рядами всякаго рода цвѣтовъ, отъ резеды, левкоевъ и астровъ до георгинъ и рѣдчайшихъ розъ.

На грядкахъ, за щитами цвѣтовъ, на тучномъ, едва тронутомъ грунтѣ разрослись на полномъ привольѣ заботливо выхоленные и умѣло культивированныя огородныя и садовыя растенія: морковь, салатъ, петрушка, салдерей, сахарный горошекъ, павель, спаржа, помидоры, цвѣтная капуста и пр. Въ промежуткахъ выроставшей и созревавшей зелени виднѣлись желтые полосы давно засохшей клубники и земляники. Здѣсь и тамъ разбросаны были молодыя, недавно привитыя деревья-груши, яблони, шансской вишни, морелей и абрикосовъ, а по краямъ дорожекъ кусты крижовника, черной и красной смородины. Словомъ: это было хозяйство и культура, какія напинмъ болгуславскимъ гостямъ на умъ не приходили. Но во всемъ этомъ имъ близки и понятны были лишь цвѣты, да порядокъ и чистота, и не понятнымъ оставался трудъ и знаніе, которымъ полагались въ основу всей жизни нѣмецкими выходцами.

— Ахъ, сколько у васъ цвѣтовъ и какие роскошные, какие рѣдкіе цвѣты! воскликнула Олеся, обходя клумбы цвѣтища.—Это вы съ дочерью насадили столько цвѣтовъ и ходили около нихъ?

— Ни, ни, я маю багато робота. То мой два сына конавъ грядки, сами садивъ. О, вони любить квитку! пояснила директорша.

Осмотръ и распросы пошли дальше; но скоро и этотъ новый материалъ для разговоровъ истощился, и хозяйка, какъ и гости очутились снова въ крайне стѣсненномъ, почти безвыходномъ положеніи.

вім по непониманію другъ друга. На выручку имъ съ фабричнаго двора показался Шмидтъ вмѣстѣ съ Ганушомъ; за ними шли два молодые сыновья директора. Хозяйка повела гостей на встрѣчу имъ, Послѣдовало рукопожатіе и представленіе незнакомыхъ другъ другу.

Сыновья Шмидта, высокіе и стройные, привлекли сразу вниманіе Олеси и Насти необычайно нѣжнымъ цветомъ лица и яркимъ румянцемъ на щекахъ. Одѣты они были въ простую парусину, но любопытное око Олеси примѣтило на нихъ такія тонкія, изящно сшитыя и отлично вымытые и выглаженные сорочки, какихъ ей еще не приходилось видѣть. Старшаго изъ сыновей звали Густавомъ, меньшаго Генрихомъ.

— Вотъ-бы залучить одного изъ этихъ красавцевъ для моей Насти! подумала Олеся.

Хозяинъ пригласилъ гостей въ комнаты. Общество сразу ожи-
вилось; и Шмидтъ и его сыновья, постоянно обращаясь среди рабо-
чихъ, хорошо усвоили малорусскую рѣчь, понимали и даже отчасти
говорили по русски, вслѣдствіе частыхъ дѣловыхъ сношеній съ раз-
ными властями. По просьбѣ Олеси Ганушъ сѣлъ за фортепіано и
принался играть съ обычнымъ искусствомъ. Инструментъ былъ
хорошій, а высокая зала давала прекрасный резонансъ. Олеся и
Насти повеселѣли.

День былъ праздничный, пора вечерняя. Къ директору стали
приходить одинъ за другимъ служащіе на заводѣ, разныхъ націо-
нальностей и профессій. Вошли два франгуза сахаровары, за ними
два поляка съ копторы, пожилой толстый нѣмецъ Монтагъ и меха-
никъ англичанинъ. Зала наполнилась гостями, но имъ трудно было
разговориться, по неимѣнію общаго, для всѣхъ одинаково доступ-
наго языка. Кроме мужчинъ съ однимъ изъ французовъ пришла его
сестра, немолодая дѣвица, но не умѣла говорить ни по нѣмецки, ни по
малорусски. Французъ и англичанинъ говорили также по нѣмецки,
какъ самъ Шмидтъ по русски. Объяснялись, какъ кто могъ, до-
полняя недостающее кипками, цаптомицами. Въ залѣ слышалась
самая пестрая рѣчь, перемѣшавшая, ломавшая, исковерканная, до
крайности подъ часть странная и даже смѣшила.

Подано было пиво въ хрустальныхъ кружкахъ съ металличес-
кими ободками. Всѣ заводскіе накинулись на пиво и скоро разве-
селились. Балабухъ чувствовалось не по себѣ въ этой чуждой для

него, пестрой и темной компаніи, Олеся и Настя напротивъ были очень довольны ею и даже вѣсколько польщены этимъ новымъ знакомствомъ.

Новые люди, невиданные типы, свобода и непринужденность въ обращеніи и даже эта смѣшная рѣчь—все это имѣло для нихъ большой интересъ и своего рода пріятность. Имъ казалось, что они заѣхали за три девять земель отъ своего Богуслава, находятся за границей.

Натянувшись пива, заводскіе труженики задумали танцевать. Ганушъ сѣлъ за фортепіано и ударилъ по клавишамъ. Олеся съ любопытствомъ посматриала, кто пригласить Настю. Танцы начались нѣмецкимъ вальсомъ въ два па; за тѣмъ танцевали кадриль. Къ Настѣ подошелъ старшій сынъ Шмидта Густавъ; Олеся обрадовалась.

— Завидный женихъ для Нasti! Какого прелестнаго зятя буду имѣть, подумала она, становясь въ кадрили противъ дочери съ старымъ Монтагомъ. Настя стала рядомъ съ Густавомъ; парочка вышла на заглядѣніе. Олеся любовалась ею.

— Поздравляю тебя, сказала она тихонько дочери, проходя мимо съ кадрили.

Настя самодовольно улыбнулась и покраснѣла до ушей.

Отъ кавалера Олеси несло пивомъ и крѣпкимъ запахомъ грошевыхъ сигаръ; но Олеся терпѣливо выносила непріятный запахъ и привѣтливо разговаривала съ своимъ солиднымъ кавалеромъ, не подозрѣвая, что танцуетъ съ фабричнымъ столяромъ. Монтагъ своею мускулистою рукою такъ крѣпко обнялъ Олесю за талию и прижалъ ее къ себѣ, что она чуть не вскрикнула. Когда въ кадрили Монтагъ подавалъ руку своей дамѣ, Олесѣ казалось, что ее схватываютъ желѣзные щипцы. Старый столяръ сбивался въ фигурахъ, иногда медвѣжьею погтою наступалъ на платье своей дамы и платье трещало; но Олеся какъ-бы вовсе не замѣчала этого и танцевала съ увлеченіемъ молодости.

Кадриль окончилась, подали чай съ закусками и ромомъ, а послѣ чаю принялись снова за танцы. Танцевали вальсъ, потомъ польку и лянсъе, въ промежуткахъ опять кадриль, а въ заключеніе излюбленный вѣнцами гроссъ-фатерь, въ которомъ приняли участіе и супруги Шмидты. Подали вновь пиво и портеръ; подгулявшіе ме-

ханики чокались кружками, тянули пиво, болтали, выкрикивали, шумѣли, какъ-бы въ какой нибудь «Баварі». Въ залѣ стоять гуль, изъ которого слышились лишь отрывочные, большою частью исковерканные слова на различныхъ языкахъ. Разговоръ перешелъ на почву національную; представители каждой народности превозносили свои добрыя стороны и порядки, выставляли своихъ героеvъ и подшучивали надъ другими. Слышались громкія историческія имена, рассказывались забавные анекдоты, не обошлось и безъ ходячаго *Friedrich heraus*. Веселая компанія то жарко спорила, то громко хотала. Заводскіе кавалеры не забывали и дамъ, но когда хмѣль сильно уже зашибъ ихъ головы, стали позволять себѣ и разныя вольности, обличавшія простую и грубую среду, изъ которой они вышли, но получавшія особую комичность отъ ломаннаго языка, на которомъ они объяснялись. Разгудувшійся англичанинъ, становясь въ смѣшную позу передъ Настей, съ пафосомъ выкрикивалъ гдѣ-то слышаное имъ: «Гопъ, чорибрива, та хороша, та похожа на мене!». Монтагъ, дѣлая масляные глазки Олесѣ и трепля ее по плечу, каждый разъ начинатъ: «Мой старый попадъ» и спорилъ съ Олесей, что иначе онъ и не можетъ называть ее, такъ какъ у нея есть еще «молодой попадъ», т. е. Настя. Захмѣлѣвшій французъ, перекидываясь съ Настею разными комплиментами, покушался обнять ее за талию и свалившись на стулъ, чуть не усадилъ ее къ себѣ на колѣни. Въ заключеніе старый Монтагъ сталъ потѣшать публику фокусами, которые дѣлалъ съ помощью платка, рукавовъ и собственныхъ пальцевъ. Хитро перепутавъ свои всѣ десять пальцевъ, онъ приблизилъ ихъ къ стѣнѣ; тѣнь отобразила смѣшную человѣческую фигуру, съ впальми губами, съ острымъ нтичьимъ носомъ. Монтагъ пояснилъ, что это старый сельскій нѣмецкій учитель, и такъ забавно раскрывать за него ротъ, качать головою и пѣть нѣмецкія пѣсни, что всѣ гости отъ смѣху брались за бока.

Ужѣ о полночи Балабухи распрощались съ радужными нѣмцами и уѣзжая просили къ себѣ какъ всю семью Шмидта, такъ и ихъ гостей.

— Ахъ, какъ весело было сегодня у директора! говорила Олеся, прѣхавши домой. Какъ у нихъ все просто, натурально, безъ церемоній. Всѣ веселятся, забавляются, какъ кому нравится, ничѣмъ не стѣсняясь.

— Но очень уже безцеремонно, по мѣщански, замѣтилъ Балабуха. — Это компания совсѣмъ не по насть.

— А развѣ веселѣе бываетъ въ вашей духовной компанії?

Балабуха хотѣла было многое сказать женѣ о новыхъ знакомыхъ, которыхъ она ему навязала, но предпочелъ промолчать и отправилъ снать. Олеся и Настя, оставшись вдвоемъ, долго еще разговаривали между собой по поводу прошедшаго ими вечера.

— Ахъ, какіе это прелестные кавалеры, сыновья директора! говорила мать. Это не то, что наши семинаристы. Противные, только полы начкаютъ. Ни сѣть, ни стать, ни комплиманта сказать не умѣютъ, а танцуютъ, будто кадиломъ хадятъ.

— Что, и говорить, мама? Шмидты за границею воспитывались, тамъ даже родились, поддержала ее дочь.

— А что, Настя, котораго изъ нихъ ты выбрала-бы себѣ въ женихи: Густава или Генриха? спрашивала мать.

— Затрудняюсь, мамо, отвѣчала дочь. Оба они хороши, но старшій, Густавъ, какъ будто красивѣе: у него волосы темнѣе и вьются кудрями. Генрихъ очень уже бѣлый и руманный, совсѣмъ какъ ба-рынина. Это не въ моемъ вкусѣ.

— Да, и я на твоемъ мѣстѣ выбрала-бы Густава. У него чудные каштановые усики, носъ продолговатый и лицо мужское. Изъ него выйдетъ видный, статный мужчина. И характеръ у него тихій, спокойный: съ отцемъ онъ говоритъ такъ почтительно, а съ матерью очень иѣжно и часто руки ей цѣлууетъ.

— А я, мамо, замѣтила, что Генрихъ строптивъ и даже сердитъ. Мать велѣла ему танцевать съ француженкою, но онъ не захотѣлъ, а въ кадрили даже крикнулъ на свою сестру.

— Это совсѣмъ не хорошо, если мужъ непослушный и сердитый, да еще съ характеромъ. Мужа лучше имѣть такого, который во всемъ слушался-бы тебя.

— Но если я, мамо, буду злобить своего мужа и онъ меня также...

— Э, не знаешь ты мужчинъ. На любовь ихъ трудно полагаться: жениится, охладѣстъ и станетъ тебя въ хозяйство заирягать.

— Ахъ, сохрани Богъ! Я не терплю этого хозяйства также, какъ и вы.

— Скверды они, эти мужчины! Всѣ въ свои руки загребаютъ, ничего у нихъ не выпросишь. А какая жизнь безъ денегъ! Да и

на то ли намъ жизнь дана, чтобы возиться въ кухнѣ? Хочется по-жить, повеселиться, а они, эти противные мужья, все только охаютъ, что расходъ большой, да деньги прячутъ. Нѣтъ, когда ты выйдешь за Густава замужъ, возьми его сразу въ руки.

— Э, да когда еще это, мамо, будетъ!

— Нѣтъ, я уже теперь вижу, что Густавъ будетъ твой, что онъ сдѣлаетъ тебѣ предложеніе.

Между матерью и дочерью разговоръ въ такомъ родѣ тянулся безъ конца; только на разсвѣтѣ они заснули и проспали до полдня.

Въ слѣдующее воскресеніе семья Шмидтъ отдавала визитъ Балабухамъ. Въ ожиданіи этого визита Олеся и Настя по цѣлымъ днамъ толковали о томъ, какія надѣть имъ платья, какія приколоть бантики, какія выбрать серги, брошки и т. д. Мать кромѣ того особо наставляла дочь, какъ ей выйти къ гостямъ, кому и какъ кланяться, какъ и сколько разъ цѣловаться съ директорицей и ея дочерью, какъ выгибать тазію предъ Густавомъ, вскидывать на него глазки и опускать ихъ внизъ. Она даже практиковала дочь во всѣхъ этихъ фокусахъ и дочь продѣлывала ихъ какъ-бы уроки.

Семья Шмидтовъ пріѣхала въ щегольской коляскѣ, запряженной парой вороныхъ. Впереди сидѣли мать съ дочерью, противъ нихъ Густавъ и Генрихъ съ огромными букетами въ рукахъ. Балабухи засуетились; дорогое ихъ гости скоро появились въ залѣ. Олеся выступала важно на встрѣчу имъ, волоча за собою длинный шлейфъ черного шелковаго платья. За ней вышла Настя, повторивъ въ точности уроки матери. Густавъ съ изящнымъ поклономъ подошелъ къ Настѣ и подалъ ей букетъ; Генрихъ приподнесъ букетъ Олеѣ. Дочь и мать были въ восторгѣ и благодарили, каждая по своему, любезныхъ кавалеровъ. Настя, любуясь букетомъ, разглядѣла на краяхъ его начальные буквы своего имени и фамиліи, составленныя изъ мелкихъ цветковъ, вскинула своими черными глазами на Густава и вся раскраснѣлась.

— Обобрали-же вы свой цветникъ для насъ, говорила Олеся, приглашая гостей садиться и искоса оглядывая чистенькие, но простые костюмы директории и ея дочери.

— О, ничего! въ насъ даже квитокъ. Мы все любимо квитокъ, сказала директорша.

Пошель разговоръ о цвѣтахъ, но скоро бытъ исчерпанъ. Олеся перемѣнила тему.

— А вашъ мужъ здоровъ? спросила она директоршу.

— Мусъ? Здоровый, здоровый: вже погнали пастиль на трава, отвѣчала директорша, съмѣшивъ мужа съ верховымъ его конемъ, которого звали Мусомъ и который предъ тѣмъ едва не издохъ.

Генрихъ и Густавъ разсмѣялись; они передали матери по вѣмѣцки вопросъ Олеси; мать и сама расхохоталась.

— У васъ хороший фортепьянъ? спросилъ Густавъ Настю.

— Фортепьянъ порядочный, но я плохо играю, хотя очень люблю музыку, отвѣчала Настя.

Густавъ открылъ крышку фортепьяна и, взявъ нѣсколько аккордовъ, похвалилъ инструментъ.

— Сыграйте намъ что нибудь, пожалуста, безъ церемоніи, приглашала Густава Олеся.

Густавъ сѣть и заигралъ простенький вальсъ. Директорша и дочь ея Амалія похвалили фортепьянъ. Настя предложила Амаліи попробовать самой. Амалія слегка покраснѣла и робко съиграла польку, едва дотрогиваясь пальцами до клавишъ. Кавалеры прошли Настю сыграть. Настя долгонѣко церемонилась, но потомъ съиграла, и весьма не дурно, вариацію. Ганушъ предложилъ ей съиграть съ пѣмъ польку въ четыре руки; Настя охотно согласилась. Когда они усѣлись за фортепьянъ и заиграли, Олеся и мадамъ Шмидтъ обѣ съ одинаковыми повидимому вниманіемъ слѣдили за игрой, но каждая думала свое.

— Мой Густавъ лучше играетъ, думала директорша.

— Славнаго зятя буду имѣть, говорила про себя Олеся.—Когда нибудь поѣздуешь съ нимъ хоть по праву матери.

Подали кофе; но директорша и Амалія, отвѣдавъ его, замѣтили поморщились. Олеся жаловалась, что нѣгдѣ хорошей коровы купить; мадамъ Шмидтъ вызвалась уступить ей одну изъ своихъ.

Послѣ кофе гости скоро попрощались и уѣхали, приглашая Балабухъ навѣщать ихъ почаше.

По отѣзгадѣ гостей Настя бросилась къ букету и съ сіяющимъ отъ радости лицемъ показала матери свой вензель на букетъ. Мать разсмотрѣла поднесенный ей Генрихомъ букетъ и панила на

немъ свой вензель. Обѣ были польщены вниманіемъ и обѣ радовались, хотя далеко не одинаково.

— Ой, мамочки! да какъ-же хорошъ Густавъ въ черномъ. Мнѣ показался онъ теперь гораздо красивѣе Гануша.

— О, какъ можно! Ганушъ красивѣе. У Гануша темные глаза и фигура полнѣе.

— А у Густава глаза голубые, какъ небо. Я такъ люблю голубые глаза.

— Будетъ, будетъ твоимъ Густавъ. Только надо намъ хорошенъко принять ихъ, устроить для нихъ балъ.

— Надо, мамочки, надо, да еще, какъ можно, скорѣе. Ахъ, какъ мнѣ хочется потанцовывать, да еще съ Густавомъ!

Олеся схватила Настю обѣими руками за щеки и начала цѣловать ее изо всѣхъ силъ, приговаривая.

— Золото мое, дорогая моя! Какъ я буду жить безъ тебя? Густавъ завезетъ тебя куданибудь далеко и я останусь одна. Милая моя, другъ мой! Какъ мнѣ горько будеть разставаться съ тобой?

У Нasti на глазахъ выступили слезы, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ она уже собиралась выѣзжать съ Густавомъ въ далекие края, за границу.

На другой день Олеся и Настя разсуждали уже о томъ, какія платья приготовить имъ для бала.

— Для меня, я думаю, довольно будетъ сшить легенькое бархатное, пожалуй розовое, сказала Настя.

— О, какъ можно! тебя нужно получше нарядить. Я думаю сшить для тебя бѣлое атласное платье. Бѣлый цветъ тебѣ къ лицу, ты брюнетка.

— А вамъ, мамо, наилучше, кажется, идетъ черный, либо сѣрий цветъ.

— Вотъ еще выдумала! Развѣ я старуха? Мой цветъ зеленый, и я сошью для себя шелковое зеленое платье.

— Хорошо бѣлое атласное, хорошо зеленое шелковое. Вы прекрасно придумали, мама; но на такія платья нужно много денегъ. Дасть-ли, папа, денегъ?

— Мы не привыкли и спрашивать папу. Нужно, такъ и давай. А вѣдь намъ нужно показать тебя предъ Густавомъ: можетъ быть онъ повезетъ тебя и за границу.

— Ой, мамочки моя! крикнула Настя и кинулась целовать свою мать.

Къ задуманному балу Настя принялась вышивать покрышку на табуретъ къ фортепиану, а Олеся третью подушку на диванъ. За вышиванье они обдумывали, какую отдельку дать платьямъ, высчитывали, сколько надо материи, какие и на что кружева, ленты и цветы, не забыли духовъ, перчатокъ и бѣлыхъ атласныхъ башмачковъ и наконецъ прикинули, во что все это обойдется. Сумма, вмѣстѣ съ стоимостью приема гостей, выходила большая; но это никогда не стѣсняло Олесю, и она довела атаку на мужа.

— Знаешь-ли, Маркъ Павловичъ, начала Олеся.—Замѣтила я, что старшій сынъ директора Густавъ очень засматривается на нашу Настю. Партия была-бы прекрасная. Но надо дать имъ возможность сблизиться, а для этого хорошо было-бы намъ устроить вечеръ и привлечь нашихъ новыхъ знакомыхъ.

— Кого? этихъ мѣщанъ?! чуть не вскрикнулъ Балабуха.

— Какихъ мѣщанъ? Не думаю, чтобы такъ можно было назвать директора и его семью: мѣщане въ такихъ экипажахъ и на такихъ лошадяхъ не ѻздятъ.

— Еще мы не знаемъ, чьи это лошади, чей экипажъ... Денегъ мы ихъ не считали, да и что намъ до того, что они богатые. Намъ надо своего берега держаться. И такъ уже мои прихожане говорятъ, что у насъ бываютъ только лахи да полиція. А если-бы ты знала, какъ смотрять на этихъ фабричныхъ наши духовные, которые ближе ихъ знаютъ. Бурлаки, говорить, мастеровые. И такъ оно и есть: твой кавалеръ Монтагъ—простой столляръ, англичанинъ—слесарь. Хорошее знакомство! Еще кто знаетъ, что такое самъ Шмидтъ и его жена. Такимъ знакомствомъ, чего доброго, можно уронить домъ, оттолкнуть отъ себя своихъ и повредить своему дитяти. Семинаристы уже обѣгаютъ насъ, никто и не заглянетъ.

— Очень нужно! Я уже сказала, что за духовнаго ни за что не отдамъ своей дочери.

— Думаешь, за иѣмца лучше? Что-жъ? отдавай и за иѣмца. Да возьметъ-ли еще этотъ Густавъ Настю? У тебя вѣдь такъ: «ори, мели, йжь!»

— Выдумай еще что. Ужъ я тебѣ говорю: Густавъ ухаживаетъ за Настей; но надо ихъ сблизить, а для этого надо вечеръ устроить.

— Про меня, устраивай, приглашай, кого хочешь.

— Да, но мнѣ нужны деньги: надо самой одѣться, Настю принарядить. Для нея я хочу сшить бѣлое атласное платье, а для себя зеленое шелковое.

— Атласное бѣлое, зеленое шелковое, да еще вечеръ! Вѣдь это сотни дѣй рублей.

— Не меньше.

— Дѣйти рублей, когда у меня и двадцати нѣть! Гдѣ мнѣ ихъ взять? И безъ того куча долговъ.

— А ты думаешь безъ денегъ дочь пристроить?

— Да за кого пристраивать? Это такъ: ни «сѣло, ни пало, дай бабо, сало». Посмотрѣла кто-то на Настю, давай вечеръ, давай новыя платья. Ужъ какъ ты себѣ хочешь, а денегъ я не дамъ, потому что ихъ у меня нѣть.

Олеся приставала, не слушая никакихъ резоновъ; Балабуха возвысила голову такъ, что жена и дочь только глаза вытаращали на него.

Разговоры и споры о вечерѣ и деньгахъ возобновлялись не разъ. Балабуха стояла на своемъ, Настя утратила всякую надежду на вечеръ и бѣлое атласное платье, о которыхъ столько мечтала; но Олеся рѣшила поставить на своеемъ. Она перестала говорить съ мужемъ и настроила къ тому-же и дочь. Балабуха не поддавалася,— его приводила въ отчаяніе куча долговъ. Олеся стала запирать буфетъ и лишила мужа сперва рому къ чаю, къ чему онъ многими годами привыкъ, а затѣмъ и водки, безъ которой онъ и за обѣдъ не могъ прияться. Балабуха пробовалъ украдкой отъ жены посыпать за ромомъ и водкой, но Олеся зорко следила за этимъ и неrehватывала то деньги, то водку и ромъ. Когда наконецъ и это не действовало, Олеся стала накидываться на мужа съ укорами, крикомъ и плачемъ и подбивала къ тому-же и дочь. Обѣ заголосятъ такъ, будто шоколадикъ на столѣ. Балабуха не выдержалъ, полѣзъ въ комодъ, досталъ послѣдніе пятьдесятъ рублей, бросилъ ихъ на столъ и сказать:

— Вотъ вамъ послѣднее, а тамъ дѣлайте, какъ хотите.

— Мы и въ долгъ наберемъ, когда не станеть денегъ, сказала съ улыбкою Олеся.

Когда затмъ сѣли обѣдать, на столѣ, по прежнему, стоялъ графинчикъ съ водкой, и Олеся любовно заговаривала съ мужемъ. Новеселѣла и Настя и мечтала уже о балѣ и платьѣ и бѣлыхъ атласныхъ башмачкахъ. Сидѣль, надувшись и молча, только самъ Балабуха и три дня не говорилъ съ женою.

Тотчасъ послѣ обѣда мать и дочь побѣжали къ Сурѣ и на-дѣлали ей заказовъ. Оказалось, что многаго и у Суры не было; но ее уговорили сѣздиТЬ нарочно въ Кіевъ и добыть во что бы то ни стало. Содрала-же потомъ Сура съ протопопши...

Нозвали Мошка снимать мѣрки и шить платья. Мошко прінесъ засаленные картинки модъ.

— Тебѣ, Настя, нужно декольте, вотъ какъ на этой картинкѣ, сказала мать.

Настя глянула на картинку: тамъ отоления плечи, грудь до половины открыта и руки чуть не до мышекъ.

— Ой, мамочки! мнѣ будеть казаться, что я голая, вскрикнула Настя.

— Это-то и хорошо! У тебя бюстъ прекрасный, руки и плечи полны и бѣлые: ихъ стоить показать, поучала мать.

— Ни за что въ свѣтѣ! Мнѣ стыдно будеть выйти къ гостямъ, возражала невинная Настя.

— Глушенькая ты: не знаешь ты мужчинъ. Густавъ скорѣе сдѣлаетъ тебѣ предложеніе, сказала Олеся Настѣ на ушко.

Настя вспыхнула, какъ пламя, а все-таки согласилась открыть свои прелести.

Насталь день бала. Олеся и Настя засвѣтло еще одѣлись и расхаживали по залѣ, оглядывая свои наряды въ зеркалѣ. Настя распустила по плечамъ роскошные черные локоны. Въ локонахъ красовался букетъ изъ свѣжихъ розъ, который прекрасно шелъ къ ея чернымъ бровямъ и матовому нѣжному лицу. Розовые букетики на груди и плечахъ кокетливо скрадывали однообразіе бѣлаго наряда. Настя вся блестѣла въ нѣжныхъ тонахъ и тѣняхъ, кружилась, вертѣлась предъ зеркаломъ и сердилась на солнце, что оно не идетъ на покой.

Солнце закатилось; въ домѣ зажгли огни. Пришли жидки и зангрели въ сѣняхъ на «добры-вечіръ». На дворѣ послышалася

стукъ экипажей, а за тѣмъ въ сѣнахъ, въ прихожей, топотъ входившихъ гостей.

— Бѣги, Настя, въ свою комнату; выйдешь потомъ, когда гости будуть въ залѣ; я скажу, что ты еще одѣваешься, говорила тихо Олеся Настѣ.

Настя мелкими шажками выбѣжала изъ залы и притворила дверь.

Долго топтались наѣхавшіе гости въ прихожей, раздѣваясь и оправляясь, наконецъ стали входить въ залу одинъ за другимъ. Прежде всѣхъ влетѣлъ Ганушъ, совсѣмъ какъ актеръ на сцену. Онъ былъ во фракѣ, въ палевыхъ перчаткахъ, лакированныхъ болтынкахъ, напомаженный, завитый, стройный, вакъ тоцоль. Олеся казалось, что въ залѣ солнце вспомгло: она чуть не кинулась ему на шею.

За Ганушемъ вошли Густавъ и Генрихъ, также разодѣтые; но появившіяся за ними мать и сестра одѣты были такъ просто, что при видѣ ихъ Олеся даже нахмурилась.

За семьей директора потянулся длинный рядъ служащихъ на заводѣ: французъ съ сестрою, ложилой дѣвицей, его компатріотъ, фокусникъ Монтагъ, еще какой-то нѣмецъ поможе, три сахаровара изъ Хохотвы—родственники Шмидтовъ, три конторскихъ поляка и англичанинъ—слесарь. Вошли и еще два старые нѣмца въ засаленныхъ сюртукахъ, узкихъ и короткихъ пантолонахъ со штрипками, точь въ точь музыканты.

Пошло представление всей этой сахарной компаніи. Олеся встрѣчала всѣхъ привѣтливо, подавала руку даже старымъ столярамъ. Спустя нѣсколько минутъ появился кое-кто изъ богуславскихъ знакомыхъ: докторъ съ тремя незамужними и не молодыми сестрами, становой съ женой, учитель съ дочерью и два-три официалиста изъ панскаго двора. Балабуха знать, какая будетъ компанія и пригласилъ сосѣда священика, чтобы было съ кѣмъ перекинуться словомъ, душу отвести отъ непроходимой нѣмчуры. Но Олесъ и этотъ единственный батюшка-гость сталъ поперекъ горла и, при появлениіи его, она, взглянувъ сердите на мужа, шмыгнула въ комнату Настї.

— Настя, выходи! Уже всѣ гости сѣхались, говорила мать нетерпѣливо ожидавшей ее дочери.—Да и гостей-же набралось! А какъ хорошъ Ганушъ, во фракѣ! какая у него фигура!

— А Густавъ во фракѣ? спросила Настя.

— А какъ-же! Тамъ въ залѣ чистая заграница. Только, знаешь, на мое горе затесался къ намъ этотъ заросянскій попице, да еще съ сыномъ семинаристомъ, откровенничала мать.

— Ну, плохой-же знакъ—при выходѣ съ поюзомъ встрѣтиться, въ тонъ ей сказала дочь; но тутъ уже сама мать закрыла ей пальцемъ ротъ.

Музыка заиграла маршъ; Настя вышла, а за нею мать.

При появлѣніи Насти въ залѣ все затихло. Всѣ устремили на нее глаза, а старые нѣмцы въ короткихъ рейтузахъ, схватившись со стульевъ, вытянулись, какъ предъ директоромъ. Настя поздоровалась съ дамами и стала около стола. Къ ней потянулась длинная процессія сахарныхъ кавалеровъ, молодыхъ и старыхъ.

Настю интересовала только семья Шмидтовъ и любезность свою съ ними она начала съ того, что присѣла къ Амаліѣ; но и Амалія была для нея нѣмой, и она для нея такой-же. Подали чай, гости разбрелись по залѣ. Настя, напомчавшись съ Амалію, встала. Къ ней подошелъ Густавъ. Настя окинула его взглядомъ и пришла въ неописанный восторгъ. Постѣпенно продолжительный изъ разговора жидки-музыканты, по условному знаку Густава, заиграли вальсъ. Густавъ гибкой рукой обвилъ по талии Настю, и легкимъ вѣтромъ понеслась по залѣ красавая парочка. Обутыя въ вязящіе бѣлые башмачки крохотныя ножки Насти мелькали, какъ молни¤ весной, въ легкой тѣни атласнаго шлейфа. Каштановые кудри Густава гармонировали съ черными, мелко вьющимися локонами античной головки Насти. Матово-блѣдая ея шея переливалась чудными тѣнями, какъ блескъ атласнаго ея платья. Двое карыхъ глазъ брызгали искрами, двое голубыхъ глазъ тихо сияли, какъ утренняя зора, и будто знойный день обнялся съ тихою звѣздною ночью, или вечерняя заря темнаго неба сплилась съ утренней зарей на блесковатомъ фонѣ зачинающагося дня. Отъ восхищенія Олеся закрыла глаза и наклонясь къ директориѣ, съ неподдельнымъ чувствомъ сказала:

— Не правда-ли, какая чудная пара!

Директорша только покачала головой, а сказать что либо не смогла,—это было слишкомъ для ея ломанной малорусской рѣчи.

Сдѣлавъ нѣсколько туровъ, Густавъ ловко шаркнулъ предъ Настей и усадилъ ее на стулъ. Густава смѣшилъ Ганушъ и Настя

снова закружилась въ вихрь опьяняющего танца. Въ движенияхъ Гануша было больше продуманного изящества и грации; львиная грава бывшихъ кудрей качалась ровною волной на могучихъ плечахъ, его статная фигура рисовалась въ просторной залѣ, какъ на освѣщенной сценѣ. Олеся любовалась имъ и завидовала красъ и молодости дочери. Глубокій вздохъ внезапно вырвался изъ ея груди.

— Отъ чего я не такъ молоды? За чѣмъ не вѣчно молодъ, не вѣчно цветутъ человѣкъ? За чѣмъ отцвѣтаютъ пышные цвѣты? думала она, склонивъ голову на грудь.

Завертѣлись по залѣ другія пары. Фабричные кавалеры сильно отбивали тактъ, какъ-бы танцевали гдѣ либо въ загородной «австерьи». Насидѣвшись вдоволь, они спѣшили размять свои привыкшіе къ мускульной работѣ члены. Вся зала закружилась, завертѣлась. Семиваристъ подошелъ къ Насти; съ кислою миной она сказалась уставшей, но охотно за тѣмъ стала въ парѣ съ однимъ изъ старыхъ худыхъ нѣмцевъ въ узенькихъ и короткихъ пантолонахъ со штринками и потертомъ сюртукѣ съ таліею на спинѣ. Маленький ростомъ онъ вытанулъ къ ней свои костлявые руки, какъ исхудалый жидовскій козелъ, сияющійся достать верхушку пышнаго розового куста. Насти порхала съ воздушною легкостью; старый нѣмецъ болталъ около нея своими тонкими ногами, стучаль здоровенными сапожицами. Насти смѣялась и все таки думала про себя, что танцуетъ съ заграничнымъ кавалеромъ.

Въ концѣ вечера тотъ-же старевыѣй нѣмецъ пригласилъ Олесю на кадриль. Олеся важно выступала съ нимъ въ кадрили, хотя частенько закрывала ность платкомъ, — такъ сильно разило отъ него нюхательнымъ табакомъ. Когда за тѣмъ въ слѣдующей кадрили сталъ съ Олесею Ганушъ, она ожила, просіяла и подумала про себя: а можетъ быть, а можетъ быть! всего бываетъ на свѣтѣ.

Счастливая, сияющая Насти весь вечеръ почти танцевала съ Густавомъ; сдавалось, что онъ не выпускалъ ее изъ своихъ рукъ.

— Слава Богу, слава Богу! не пропали даромъ мои хлопоты и издержки, думала Олеся, глядя на Настию съ Густавомъ.

Въ полночь подали ужинъ. Гостей было много, всѣ не помѣстились за столомъ, и кавалеры разбрѣлись на пары и каждый угощалъ свою даму. Густавъ сѣлъ съ Настией у маленькаго сто-

лика подъ зеркаломъ. Олеся глянула на нихъ и мигнула Настѣ глазами; Настя прищурила къ ней масляные глазки.

Слава Богу, слава Богу! славнаго буду имѣть зятя, думала уставшая Олеся.

Масса голодныхъ желудковъ, въ большей части нѣмецкихъ, поглотила ужинъ безъ остатка. Насытившіеся гости продолжали и послѣ ужина танцевать, а въ заключеніе столяръ Монтагъ показывалъ на стѣнѣ зайчиковъ и стараго учителя вѣмца. Гости разѣхались уже на разсвѣтъ, а усталыя хозяйки спали весь слѣдующій день до самаго вечера.

Всю зиму їздили Густавъ и Генрихъ къ Балабухамъ въ гости, какъ близкіе, почти свои люди. Обѣ Рождествѣ и на масланой Олеся давала ради Густава вечера. Дѣло шло уже совсѣмъ къ вѣнцу, какъ сдавалось Олеѣ.

Разъ какъ-то послѣ Пасхи Олеся и Настя поѣхали къ Шмидтамъ въ гости. Весна стояла во всей красѣ. Настя сгараذا отъ любви къ Густаву, Олеѣ хотѣлось поглядѣть на Гануша. Они выѣхали въ фабричный дворъ и остановились около дома, въ которомъ была квартира Шмидтовъ.

— Тутъ вѣрно уже распустились весеннеѣ цвѣты, сказала Олеся, выходя изъ экипажа: прелестны должны быть тюльпаны, нарциссы и піониі. Заглянемъ, Настя, прежде въ цвѣтникъ.

И обѣ они направились къ высокому частоколу, которымъ огороженъ былъ садъ. Но интересовавшій ихъ цвѣтникъ оказался даже невскопаннымъ. Земля на грядкахъ чернѣла, а на дорожкахъ проросталъ бурьянъ. Клумбы были пусты: въ нихъ безнаказанно рылись свиньи.

— Что за диво! Отъ чего это Густавъ и Генрихъ не опорядили и доселѣ цвѣтника? въ недоумѣніи спрашивала Олеся.

Вошли въ прихожую, раздѣлись, повѣшали верхнее платье и бѣгомъ въ залу. Настя надѣялась встрѣтить Густава, Олея Гануша. Но зала была пуста. Изъ соседней комнаты вышелъ сторожъ, какой-то старичекъ.

— Что-же это такое! крикнула Настя и почувствовала, что у нея сердце заколотилось въ груди.

— Куда- же дѣвались Шмидты? спросила Олеся сторожа.

— Вчора выихали геть зовсімъ.

— Какъ? куда? спросила Олеся.

— Богъ ёго знае, що воно сталось. Тутъ заиздивъ до дирехтора нашъ панъ, та якъ почали пиварготити, та якъ почали кричати, та трохи не побилисъ. А другого дня дирехторъ знявся зъ мисця та й выихавъ зъ симъю десь далеко, за границу, чи ѿто, сказалъ сторожъ.

Настя, какъ стояла, такъ и упала на полъ. Олеся, шатаясь, присѣла на низкій подоконникъ и прислонила голову къ стѣнѣ.

— Воды! принеси, диду, воды! крикнула она сторожу.

Сторожъ принесъ въ кувшинѣ воду. Олеся набрала въ ротъ воды и брызнула въ лицѣ Настѣ; Настя раскрыла глаза. Олеся вывела ее подъ руку и усадила въ экипажъ. Вернулись онѣ изъ-за границы въ Богуславъ, убитыя горемъ.

— Уѣхали, не попрощавшись даже! заговорила Олеся, когда стали подѣлжать уже къ лѣсу.

Настя слова не сказала и только плакала.

Бывшій на нѣмецкомъ балу у Балабухъ семинаристъ, большой юмористъ, возвратясь съ каникуль въ Кіевъ, съ классной каѳедры рассказалъ товарищамъ о всѣхъ его дивахъ. «Богословы», кончавшиі курсъ, долго потѣшались его рассказами и разнесли недобрый вѣсти о Балабухахъ по всѣмъ угламъ. Съ тѣхъ поръ никто изъ ищущихъ неѣсть «богословъ» не заглядывалъ къ Балабухамъ въ домъ, а послѣ комично окончившейся исторіи ихъ съ Шмидтами отъ нихъ отшатнулись и богуславскіе знакомые. И стоялъ ихъ домъ, какъ опустѣлый, зачумленный.

Послѣ улетѣвшаго такъ внезапно Густава Настѣ пришлося долго выжидатъ жениховъ. Восемь еще лѣтъ Олеся варила съ Настею варенье, вышивала всяkie цѣѣты да почитывала «Собрание иностранныхъ романовъ». Съ горя и великой тоски за мылымъ Густавомъ Настя выучилась курить, а соѣди тихонько говорили, что она даже попивала съ мамою цунни съ ромомъ, легеніе вирочемъ. Въ длинныіе зимніе вечера она разыгрывала на фортецянѣ шумная фантазіи, а мать ходила по залѣ, слушала музыку и передумывала всю свою жизнь, свои радости, свои удачи.

Спустя восемь лѣтъ въ Богуславъ прїѣхалъ на службу немолодой уже становой, вдовецъ съ тремя дѣтьми. Настя понравилась ему и онъ скоро посватался за нее. Отказа не послѣдовало, и скромная свадьба,

безъ музыки, бехъ танцевъ, отбылась въ шумномъ нѣкогда домѣ Балабухъ. Прѣѣхали изъ церкви мозоли, подано шампанское и чай, маленькая компания родныхъ потолкалась изъ угла въ уголъ и скромный ужинъ закончилъ брачное торжество. Собралась Настя Бхать въ чужую хату, въ готовую семью старого вдовца; Олеся провожала ее горькими слезами.

— Прощай, моя дорогая лоню, другъ мой, пріятельница моя! Теперь я одна останусь, какъ былинка въ полѣ. Съ твоюю молодостью и какъ будто второй разъ переживала свою молодость. Спасибо тебѣ! приговаривала Олеся, обнимая и цѣлую Настю.

Разореный Балабуха не могъ дать за Настею никакого приданаго и напутствовалъ ее лишь родительскимъ благословенiemъ.

Балабуха посѣдѣла и даже побѣлѣла. Олеся высохла, сморщенясь, какъ грибъ, но и въ старости осталась таюй-же проворной и говорливой. На седьмомъ десяткѣ лѣтъ она почувствовала, что силы ея слабѣютъ, фантазія замираетъ и сонъ бѣжитъ отъ нея. Ночью просыпалась она въ четвертомъ, даже въ третьемъ часу и чтобы освѣжить свои нервы и прогнать тоску, принималась за чай и пила его по четыре раза въ день. Служанка ставила иногда для нея самоваръ и въ самую полночь. Кажется, что и живеть она только чаемъ, да еще куренемъ, къ которому пристрастилась давно. И теперь она любить веселую молодую компанию, по цѣлымъ вечерамъ глядить, какъ танцуетъ молодежь, слушаетъ музыку и все читаетъ романы. Беззаботная жизнъ надолго сберегла ея силы. Балабуха уже оглохъ, но видитъ хорошо. У Олеши цѣлы еще все зубы, а о смерти она не любить ни слушать, ни говорить.

И. Левицкій.

Библіографія.

*.Л. В. Ілляшевич. Краткий очерк истории харьковского дворянства.
Харьковъ. 1885 г.*

Исполнившееся въ апрѣль此刻 настоящаго года столѣтіе со днія по-
жалованія императрицей Екатериной II грамоты русскому дворянству
ознаменовалось во всѣхъ почти губерніяхъ, кромеъ обычныхъ въ такихъ
случаихъ молитвъ, постановленіями дворянскихъ депутатскихъ собраній
объ увѣковѣченіи днія празднества какими-либо полезными дѣлами. Къ
числу разнообразныхъ проявлений этого празднества относится изданная
г. Илляшевичемъ книга.

Она открывается небольшой главой, въ которой авторъ разсматриваетъ «русское дворянство до 1785 года». Здѣсь въ исторической послѣдовательности изложена его судьба, отъ времени призванія князей, и намѣчены главныя фазы его развитія. Будучи весьма кратокъ въ началѣ, конечно, по недостатку источниковъ, авторъ подробнѣе говоритъ о законодательствѣ относительно дворянъ въ правление Петра I и его преемниковъ, цитируя высочайшіе указы, или приводя цѣликомъ царскія и императорскія грамоты. Екатерининская «грамота на права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства» воспроизведена въ книгѣ г. Илляшевича цѣликомъ и составляетъ собою какъ-бы отдѣльный параграфъ въ первой главѣ. Время возникновенія собственно харьковскаго дворянства и его первоначальный характеръ опредѣляются г. Илляшевичемъ во второй главѣ, озаглавленной имъ: «Слободская Украина». Здѣсь онъ говоритъ о колонизаціи лѣваго берега Днѣпра въ началѣ XVII вѣка и о военному характерѣ первыхъ поселеній, управлявшихся полковниками, сотниками, эсаулами и проч. и носившихъ потому наименование полковъ и сотенъ. Переходя за тѣмъ

къ указанію на заслуги козацкой старшини, авторъ отмѣчаетъ преданность и вѣрность ея престолу и подтверждаетъ это печатаніемъ въ текстѣ тѣхъ царскихъ, жалованныхъ за эту вѣрность, грамотъ, которыхъ хранятся въ харьковскомъ депутатскомъ собраніи. Такихъ грамотъ семь: 1) грамота цари Алексѣя Михайловича отъ 19 февраля 1668 года; 2) грамота того же цара отъ 5 мая 1669 года; 3) грамота царей Іоанна и Петра Алексѣевичей отъ 25 февраля 1695 года; 4) грамота Петра I отъ 7 марта 1700 года; 5) другая такая-же грамота; 6) грамота того-же цара отъ 28 февраля 1700 года и 7) грамота Елизаветы Петровны отъ 22 ноября 1743 года. По содержанію грамоты эти болѣе или менѣе однообразны и различаются тѣмъ, что даются разными полками слободско-украинской губерніи: харьковскому, сумскому, актырскому и изюмскому; предметомъ пожалованія служатъ льготы дворянству по винокуренію и читетной торговлѣ, также какъ и разнаго рода преимущества вообще въ промышленности и торговлѣ. Г. Илляшевичъ сообщаетъ при этомъ краткій и сухой перечень войнъ, участіе въ которыхъ дало возможность харьковскому дворянству доказать свой патріотизмъ и пріобрѣсти означенныя въ грамотахъ права, съ какими они дожили до преобразованія слободской губерніи въ харьковское намѣстничество. Указъ объ этомъ преобразованіи также приведенъ въ текстѣ во всей полнотѣ. Собственно исторію «харьковского дворянства» г. Илляшевичъ начинаетъ съ 1780 года, когда произведены были первые выборы въ мѣстные судебно-административныя учрежденія по правиламъ «учрежденія о губерніяхъ», изданного въ 1775 году. Эта исторія занимаетъ вторую часть книги и содержитъ въ себѣ исключительно рассказъ о пожертвованіяхъ дворянъ въ военное время, о снаряженіи ими ополченій, о поднесеніи государямъ всеподданѣйшихъ адресовъ по поводу разнаго рода торжественныхъ или печальныхъ событій въ государствѣ и о пожертвованіяхъ на устройство среднихъ, мужескихъ и женскихъ, учебныхъ заведеній, а также и университета. Подробиѣ авторъ останавливается на крестьянской реформѣ и отношеніи къ ней дворянства и мрачными красками рисуетъ критическое положеніе помѣщичьихъ хозяйствъ послѣ реформы, нуждавшихся въ легкомъ и дешевомъ кредитѣ. На необходимости такого кредита авторъ особенно настаиваетъ и высказываетъ упрекъ правительству за открытие крестьянского банка прежде дворянскаго. Особенное вниманіе читателя этой книги останавливается на себѣ произнесенномъ въ 1785 г., по поводу пожалованія имп. Екатериной грамоты и производства первыхъ дворянскихъ выборовъ, предводителемъ дворянства Хорватомъ рѣчь, въ которой онъ приглашаетъ харьковскихъ дворянъ ходатайствовать предъ вышеупомянутой о разрѣшениі дворянству подвергать суду и представлять

къ наградамъ своихъ выборныхъ представителей, принимающихъ участіе въ судѣ и управлениі губернію. По поводу этой рѣчи авторъ говоритъ, что хотя предложеніе Хорвата, скрѣпленное подписями дворянства, не было санкционировано правительствомъ, но нерѣдко примѣнялось на практикѣ. Авторъ вирочемъ не приводить примѣровъ такого примѣненія и приходится вѣрить ему на слово. Съ большою подробностью г. Илляшевичъ говоритъ о судьбѣ представителей харьковскаго дворянства въ главномъ комитетѣ по устройству быта крестьянъ, предъ ихъ освобожденіемъ. Увлеченные величіемъ реформы харьковскіе представители, вмѣстѣ съ тверскими и ярославскими, опередили намѣреніемъ правительства и въ поданномъ ими адресѣ требовали освобожденія крестьянъ съ землей, введенія земскихъ учрежденій, суда присяжныхъ и большей или меньшей свободы печати. Всѣ эти реформы были впослѣдствіи правительствомъ совершены, но въ моментъ освобожденія крестьянъ признаны преждевременными, и авторы адреса высланы на родину съ отдачею ихъ подъ надзоръ мѣстнаго начальства.

Къ книгѣ г. Илляшевича приложены гербы уѣздовъ харьковской губерніи, со списками бывшихъ въ нихъ предводителей дворянства, и списокъ лицъ, внесенныхъ въ дворянскую родословную книгу слободско-украинской губерніи въ 1786 году. Въ приложеніяхъ мы находимъ указанія на существовавшіе порядки выборовъ въ 1775, 1783 и 1801 годахъ, а равно положеніе о землемѣльческихъ совѣтахъ, въ которомъ дворянство видѣло лишь мертвцій бюрократизмъ вмѣсто дѣла и настаивало на необходимости сельско-хозяйственныхъ съездовъ, которые и заняты въ настоящее время разработкой подлежащихъ имъ компетенцій вопрососъ. Въ спискахъ предводителей дворянства обращаетъ на себя вниманіе та особенность, что должности предводителей дѣлаются какъ-бы достояніемъ двухъ, трехъ семей; мы то и дѣло встрѣчаемъ имена предводителей изъ одной и той-же семьи, сдѣлывающія одно за другимъ въ теченіи извѣстнаго періода времени и сменяющіяся именемъ другой семьи, также занимающей мѣсто болѣе или менѣе продолжительное время. Случается и такъ, что предводители одной семьи, уступивъ сначала свое мѣсто другимъ, потомъ опять возвращаются въ власти. Здѣсь невольно уже видится намъ или борьба партій, или борьба семей.—Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книги г. Илляшевича, озаглавленной: «исторія харьковскаго дворянства».

Исторія ли это? Въ такомъ-ли подборѣ фактovъ ея сущность?

Возьмемъ для прихѣра періодъ наибольшаго развитія правъ дворянства. Какъ извѣстно, по «учрежденію о губерніяхъ» 1775 и по грамотѣ 1785 годовъ, дворянство призвано было къ участію въ судѣ и управлекіи

губернієй; сю означано было вибирати изъ своей среды предсѣдателей и засѣдателей въ обѣ судебныя палаты, засѣдателей въ совѣтный и верхній земскій суды, судью и засѣдателей въ уѣздныи суды и наконецъ капитанъ-исправника съ засѣдателями въ нижній земскій судъ. Отсюда ясно, какое громадное вліяніе предоставлено было дворянству, какая преобладающая роль въ судѣ и управлениі губерній была дана ему. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что миллионая масса крестьянскаго населенія губерній также находилась въ полномъ распоряженіи дворянства и послѣднее такъ или иначе должно было давать направление нравственной и экономической жизни этой массы. Такимъ образомъ вліяніе дворянства должно было распространяться на всѣ сферы мѣстной жизни и потому опредѣленіе характера этого вліянія, его форма и размѣръ и должно составить истинную исторію дворянства; только судя во дѣятельности дворянства въ мѣстныхъ судебныхъ и администраційныхъ учрежденіяхъ, по его распоряженію и использованию производительными силами края на пользу государственную и мѣстного населенія, мы можемъ опредѣлить заслуги дворянства для отечественной цивилизациіи и культуры и решить вопросъ, на сколько оправдало оно довѣріе правительства, возлагавшаго на него важныи и серьезныи обязанности и только потому дававшаго ему широкія привилегіи, большую частью которыхъ дворянство продолжаетъ пользоваться и теперь. Работа громадная и не подъ силу одному человѣку; не мыслима она безъ подготовительныхъ изслѣдований по исторіи отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ, не мыслима безъ тщательнаго разбора и изученія архивовъ губернскіхъ правительственныеихъ учрежденій, а также архивовъ фамильныхъ. Понятно, что указанныя нами выше требования не могутъ быть примѣнены къ настоящему труду г. Илляшевича, который касается, и то лишь отчасти, отношенія харьковскаго дворянства къ крупнымъ государственнымъ событиямъ. Соответственно этому, книгу г. Илляшевича съ большою точностью можно было бы назвать не исторію харьковскаго дворянства, а только очеркомъ его отношеній къ известнаго рода событиямъ и фактамъ въ жизни государственной. Но если строго судить, то и такимъ очеркомъ ее назвать нельзя; скорѣе это сводъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о дворянствѣ вообще, а также грамотъ, указовъ, всенояданійшихъ адресовъ и другихъ официальныхъ актовъ, касающихся харьковскаго дворянства.

Въ частности въ первой главѣ своего труда, въ общемъ очеркѣ исторіи дворянства до грамоты 1785 года, авторъ хотя и отмѣчаетъ три периода въ развитіи дворянства, но не слѣдить за тѣми внутренними причинами, которые вызывали и дѣлали необходимымъ переходъ, напр., княжеской дружины въ служилый классъ и этого послѣдняго въ со-

словіе; въ особенности этотъ пробѣль даетъ себя чувствовать въ изложении исторіи третьаго периода, начавшагося съ реформами Петра Великаго. Точно также и во второй главѣ, имѣющей цѣлью изслѣдоватъ происхожденіе харьковскаго дворянства, авторъ собралъ весьма недостаточно материала и не обозрѣлъ даже того, что напечатано до сихъ поръ по исторіи южно-русскаго дворянства вообще въ отдѣльныхъ монографіяхъ и въ нашихъ periodическихъ историческихъ изданіяхъ; въ результатѣ и получилось то, что процессъ образованія и выдѣленія базацкой старшины изъ поспольства, его внутренняя борьба при этомъ и переходъ въ дворянство остался совершенно не разыясненнымъ. Въ третьей главѣ та-же невыясненность и неопредѣленность задачи у автора.

Книга г. Ильиничева должна г҃ымъ болѣе напомнить намъ о необходимости серьезныхъ подготовительныхъ работъ по исторіи сословій, которое долго шло во главѣ своего народа, составляя, такъ сказать, его умъ и душу.

И. Каманинъ.

Gross und klein-russisch. Aus Lechster-Vorlesungen über vergleichende Lexicographic gehalten an der Universität Oxford von Dr. Carl Abel. Im Auftrage des Versassers aus dem englischen übers. von Rudolf Dielitz. Leipzig und Berlin. 1885. (Великорусский и малорусский языки. Изъ чтений д-ра Карла Абеля въ оксфордскомъ университете по сравнительной лексикографии. По порученію автора переведенъ съ английского Рудольфа Дилица. Лейпциг и Берлинъ. 1885).

Авторъ названной книги составилъ уже себѣ репутацію своими оригинальными работами по языкознанию, которая теперь собраны въ недавно явившейся большой его книгѣ: *Sprachwissenschaftliche Abhandlungen*. Онъ заявляетъ притязаніе на установление особаго направлениія въ лингвистикѣ. Новѣйшее языкознаніе обязано своимъ успѣхамъ признанію законосообразности въ измѣненіи звуковъ, изученію физиологической стороны человѣческой рѣчи. Абель—представитель психологической филологии, если можно такъ выразиться. Онъ изучаетъ языки не только при помощи виѣшнаго метода; онъ думаетъ, что изъ наукъ о языкахъ надо выдѣлить, какъ особую отрасль знанія, изслѣдованіе значенія словъ и содержаній языка, которое является выраженіемъ мыслительной дѣятельности народовъ; по его мнѣнію, рядомъ съ грамматикою, какъ ученіемъ о соединеніи мыслей, должно поставить изученіе словаря по понятіямъ, какъ сокровищницы мыслей, въ которой можно видѣть тонкое отображеніе

ступеней чувствованія и разнообразныхъ развѣтвлений мысли. Абель желаетъ поставить параллельно грамматическийъ лексикографическийъ зачатія: по его мнѣнію, должно производить совмѣстно систематической и общей анализъ словъ, формъ и синтаксическихъ соединеній и присоединить къ этому изученіе мыслей языка, т. е. значенія словъ, привести въ связь лексикографическую категоріи съ грамматическими выраженіями. Все это, по его взгляду, характеризуетъ духъ языка и при такой постановкѣ изученіе языка обращается въ орудіе выясненія народного духа. Языкъ каждого народа представляетъ выраженіе этого духа, отличающагося индивидуальными особенностями. Систематическое изложеніе мысленного содержанія языковъ можетъ дать какъ-бы фотографію національныхъ характеровъ. Абель обращаетъ вниманіе на сравнительное изслѣдованіе словъ, выраженныхъ однородныхъ понятій въ различныхъ языкахъ и старается выяснить своеобразные оттѣнки въ значеніи словъ, выражающихъ одни и тѣ же понятія, приводи въ связь такое своеобразіе съ національною сокровищницей мысли. Въ видѣ опыта Абель довольно давно уже подвергъ анализу вѣкоторыя синонимическія выраженія въ древнихъ и новыхъ языкахъ (например, терминологію любви) и выказалъ себя мастеромъ въ выясненіи значенія словъ.

Слѣдя за измѣненіемъ этого значенія, онъ обратился къ исторіи первобытной человѣческой рѣчи и разума. Онъ остановилъ вниманіе на консерватизмѣ египетско-контскаго языка и считаетъ этотъ языкъ древній-шею изъ уцѣлѣвшихъ формъ человѣческой рѣчи, сохранившую въ свѣжести, чистотѣ и живости первобытныя черты. Знакомство съ этихъ языкомъ навело Абеля на открытія по вопросу о происхожденіи языка. Абеля поразилъ двойной противорѣчивый смыслъ (*Gegensinn*) первоначальныхъ словъ, и онъ указалъ на то, что языкъ не всегда отличается одинаковою доступностью пониманію. Повсюду человѣкъ достигаетъ постепенно все большаго и большаго совершенства въ выработкѣ языка, приходитъ къ лучшему согласованію звуковъ съ понятіями. По мнѣнію Абеля, разысканія въ этомъ направленіи доставляютъ занимающимся вопросомъ о происхожденіи языка, этой одной изъ облеченнѣхъ тайной загадокъ человѣческаго существованія, новый матеріалъ. Абель старается объяснить чудо образованія языка простымъ процессомъ: первоначально одинъ и тотъ-же звукъ могъ имѣть различныхъ значеній, которыхъ опредѣлялись интонаціей, ситуацией и жестами говорившаго; только постепенно данный звукъ приобрѣталъ опредѣленность, отчетливый смыслъ.

Привлеченіе славянскихъ нарѣчій въ кругъ сравнительнаго изученія такимъ широко повидимому образованнѣмъ филологомъ не лишило интереса, какъ заслуживаютъ вниманія и общія его соображенія въ одной

изъ статей его «Sprachwissenschaftliche Studien». Въ этой статьѣ Абель разсуждастъ о возможности установлениія общаго литературнаго языка для славянъ: разсмотрѣвъ съ сравнительной точки зрењія алфавитъ, орѳографію, грамматический строй, лексический составъ и литературы различныхъ славянскихъ народій, Абель пришелъ къ выводу, что только русскому языку суждено стать общимъ литературнымъ языкомъ славянъ.

Въ рассматриваемой книжкѣ Абель поднимаетъ не менѣе интересный вопросъ о великорусской и малорусской вѣтвяхъ русской народности, и читатель вправѣ ожидать интересныхъ разысканій отъ филолога, заявляющаго большія претензіи и читавшаго специальный курсъ по сравнительной лексикографіи въ оксфордскомъ университѣтѣ.

Посмотримъ, въ какой мѣрѣ удовлетворяетъ этимъ ожиданіямъ книга Абеля, обратившага на себя вниманіе за границей и вызвавшага не мало рецензій.

Въ 1-й главѣ своей книги авторъ желалъ выяснить исторически разницу между двумя главными вѣтвями русской народности, великорусскою и малорусскою. Онъ говоритъ, что какъ повсюду на европейскомъ материкѣ, за виѣнскимъ единствомъ языка, почти всѣ европейскія расы представляютъ неструю смысь разнородныхъ элементовъ, такъ и на Руси смыщеніе племенъ значительно и большинство русскаго народа не того происхожденія, какое обозначаетъ его имя. Славянскія и финно-татарскія племена слились подъ общимъ наименованіемъ, полученнымъ отъ господствовавшихъ надъ ними шведовъ, которые назывались людьми весель или людьми моря— «Rodsharlar», «Rods-Folk», «Ross-Folk». Это название было передѣлано финнами въ «Ruotsi», а славянами въ «Rus». Точно также и въ Нормандіи пришельцы съ сѣвера долго назывались «Ruothinger», т. е. «Rudeater» или «Russen». Финская часть территоріи, покореннной норманнами, не имѣла названія Руси; она называлась «Суздалемъ» и «Московіей» и получила наименование Руси 250 лѣтъ назадъ, когда полуфинская Москва присоединила къ себѣ часть славянской Руси. Когда тамъ зародились планы сближенія съ Западомъ и поглощенія южно-славянской части, князья финской земли придали названію Русь классическое окончаніе *ia*, чтобы приблизиться къ западной культурѣ. Такое претвореніе обусловливалось и политическими соображеніями. До присоединенія Украины Новгородъ и смежная сѣверо-восточная часть славянской территоріи были единственными славянскими землями, принадлежавшими Московскіи. Въ восточныхъ частяхъ Московскіи и Суздаля еще при Олеаріи, въ концѣ XVII вѣка, держалась финская рѣчъ: значитъ, Москва не могла оставиitъся въ течеліи 500 лѣтъ. Точно также въ XVIII вѣкѣ на коренное различие между славянами и московитами ука-

заль *Abbé Chappre d'Auteroche*. Эта медленность процесса ославления обусловливалась многими причинами—обширностью территории, привычкой финновъ съ востока, татарскимъ нашествиемъ, подъ влияниемъ котораго Москва обратилась, по выражению Буслаева, въ полутатарскій лагерь. Изъ этого лагеря были предпринимаемы завоеванія съверо-восточной славянщины въ интересахъ монголовъ и съ монгольскою помощью. Подкрѣпивши себя славянскими элементами и помощіи татаръ, Москва ударила потомъ на общаго сюзерена. Но, несмотря на способность азиатскихъ племенъ быстро усвоять чуждые языки, ославленіе было неполное. И теперь еще въ съверной и восточной частяхъ этихъ нѣкогда финскихъ и татарскихъ земель миллионы сельского населенія говорятъ плохо по русски. Теперь, говорить Абель, въ европейской Россіи считаются 40 миллионовъ финно-татарского населенія и 15 миллионовъ чисто славянского.

Славяно-русы глубоко отличаются отъ своихъ финно-татарскихъ соотечественниковъ происхожденiemъ, исторіей и культурой; финно-русы начали скрывать свое турецкое происхожденіе со времени европеизированія Москвы при Петрѣ, когда формально было воспрещено говорить, что въ Сибири и другихъ азиатскихъ земляхъ живутъ соплеменники финно-руссовъ. На не-славянское происхожденіе московитовъ указывалъ иѣменскій ученый Миллеръ; къ нему присоединился Тредыковскій, но оба пострадали, въ особенности послѣдній, получившій сотню ударовъ. Екатерина II отнеслась неблагосклонно къ Штріттеру за ту-же мысль.

Абель утверждаетъ московитовъ въ этомъ не совсѣмъ почтительномъ происхожденіи: онъ указываетъ на множество достойныхъ уваженія качествъ московитского характера, благодаря которымъ нечего стыдиться элементовъ, которыхъ московиты обязаны своимъ происхожденiemъ. Хотя московиты не чистые славяне и не лишены недостатковъ, но все-же это даровитая, предпримчивая и мужественная раса, которая можетъ указывать своимъ чрезвычайные успѣхи во многихъ отношеніяхъ. Было-бы совершенно ошибочно считать московитскую или финно-татарскую расу низшею по сравненію съ западными славянами болѣе чистой крови. Какъ ни различаются оба элемента, но каждый изъ нихъ имѣть прекрасныя стороны въ своемъ национальномъ характерѣ. Слѣдуетъ затѣмъ у Абеля характеристика обѣихъ русскихъ народностей. Какъ известно, 25 лѣтъ назадъ была представлена такая сравнительная характеристика покойнаго Костомаровымъ, очеркъ котораго извѣстенъ Абелю. После Костомарова данные для характеристики южно-руссовъ были собраны Чубинскимъ, и изложеніе этихъ данныхъ на иѣменскомъ языкѣ было помещено въ «Russische Revue». Абель рѣзко оттѣняетъ отсутствіе особой взаимной симпатіи между обѣими русскими расами, обусловленное глубокимъ раз-

значіємъ между ними. Офіціальныи и літературныи языкъ, говорить онъ, сталъ языкъ финно-руссовъ, и славянинъ ропщетъ между прочимъ и на это угнетеніе его роднаго языка. Но словачъ Абелъ, печатаніе книгъ на славяно-русскоиъ языке воспрещено, его нельзя услышать ни въ театрѣ, ни въ концертахъ; но, престѣдуя славяно-русскій языкъ у себя, великоруссы поддерживаютъ его денежными пособіями въ земляхъ Габсбурговъ (!). Абелъ касается затѣмъ русскаго вопроса въ Галичинѣ, упоминаетъ о недавнемъ тамошнемъ политическомъ процессѣ и по обычаю впадаетъ въ неточности. Подъ вліяніемъ польскихъ утѣсненій, говоритъ онъ, галицкіе русскіе тяготѣютъ къ тому самому Петербургу, котораго нерѣдко такъ трепещутъ въ Кіевѣ.

Въ стѣдующихъ главахъ Абелъ пытается научно доказать противоположность обѣихъ русскихъ народностей, связывая такимъ образомъ филологической экспедиціи съ историческимъ очеркомъ.

Абелъ говоритъ о томъ, какъ человѣкъ, усвоивъ высшій и болѣе развитой языкъ, преобразуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всю свою духовную сущность. Усвоеніе чужыхъ языковъ бываетъ двоякое: полное, безъ измѣненій, или-же съ видозмѣненіемъ грамматики, причемъ теряется духовное значеніе словъ. Финно-руssы, принимая славинскій языкъ, не принесли однако вмѣстѣ съ тѣмъ славинскаго способа мышленія; они придали другой оттѣнокъ славяно-руссскимъ словамъ, которыхъ въ звуковомъ отношеніи остались безъ измѣненій. Абелъ отмѣчаетъ, какъ одно и тоже понятіе развилось въ обоихъ языкахъ съ совершенно различныхъ сторонъ, какъ самостоятельно воспользовались финно-руssы полученнымъ корнями. Авторъ производитъ анализъ понятія о добрѣ и злѣ въ обоихъ языкахъ, но при этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, впадаетъ въ ошибки, не имѣя очевидно надлежащихъ свѣдѣній обо всѣхъ оттѣнкахъ значеній. Произноси слово «лихой», въ Кіевѣ, говоритъ Абелъ, смотрѣть на злой умыселъ, а въ Москвѣ «ударяють» съ сочувствіемъ на смѣлость дѣянія. Такимъ-же способомъ Абелъ анализируетъ значеніе словъ «брать» и «другъ», название жены, слово «случай». Онъ придаетъ, повидимому, большое значеніе своей попыткѣ противопоставленія одного языка другому въ отношеніи идей, какъ начинанію; основательное-же сравнительное изслѣдованіе словарей обоихъ языковъ дѣло будущаго; оно покажетъ, въ какой степени ославилились финны.

Кромѣ двухъ русскихъ языковъ и многихъ другихъ національностей, въ Россіи, говоритъ Абелъ, есть еще одна національность, составляющая высшіе классы. Она состоитъ изъ смѣси всѣхъ расъ, соединенныхъ подъ симметріей царей, и этотъ высший слой является однимъ изъ интеллигентійшихъ, мужественнѣйшихъ и самыхъ предпримчивыхъ

тизовъ человѣческихъ породъ. Ему Россія обязана своими необыкновенными успѣхами въ политикѣ и на войнѣ. Каково-бы ни было происхожденіе этихъ фамилій, они отличаются чрезвычайнымъ обиліемъ талантовъ. Въ то время, какъ низшіе слои народа въ Россіи болѣе удалены отъ культуры, чмъ въ другихъ европейскихъ странахъ, высшіе классы общества поравнялись въ интеллигенціи со своими собратами въ другихъ земляхъ, если не превосходятъ послѣдникъ. Императоръ Николай сдѣлалъ славянскій языкъ обычнымъ языкомъ этихъ высшихъ классовъ взамѣнъ западныхъ языковъ, но не могъ вытеснить изъ русского языка заимствованій: по иностраннѣй образцамъ составлено безчисленное количество словъ и грамматическихъ комбинацій. Оттого ни въ какой другой странѣ высшій культурный языкъ не отличается такъ существенно отъ народнаго. Не можетъ быть словаря болѣче русского словами сложными и производными; въ другихъ языкахъ не можетъ быть болѣе аналитическаго, правильнаго и строгого послѣдовательнаго построенія предложеній, но языкъ крестьянъ рѣзко отличается отъ русского литературнаго языка.

Затѣмъ слѣдуетъ глава, уже не имѣющая отношенія къ заглавію книги Абеля. Руководясь мнѣніемъ, что для выясненія того, какъ данный языкъ понимаетъ извѣстное излюбленное представленіе, надо привлекать въ кругъ наблюденія всю группу относящихъ къ этому представленію понятій, Абель анализируетъ въ русскомъ языкѣ выраженія понятій *«Gentleman»* и *«gentlemanly»*, *«Nobleman»* и *«noble»*. Онъ затрагиваетъ тонкіе вопросы касательно соціальныхъ и моральныхъ понятій, дѣлаетъ интересныя сопоставленія, старается обнаружить достойныя изученія характерныя возрѣнія и свойства русскаго народнаго духа. Абель производить сравнительный анализъ выраженій понятія свободы въ русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ. Этотъ анализъ показываетъ, какъ при родственности языковъ между ними могутъ быть чрезвычайныя различія въ мысленномъ содержаніи. На основаніи такого сравненія Абель открываетъ въ русскомъ языкѣ выраженіе иѣкотораго превознесенія идеала личной необузданности и въ этомъ видитъ одну изъ причинъ замедленія развитія политической свободы въ Россіи. Латинскій языкъ представляетъ противоположность въ этомъ отношеніи. Русское слово *воля* соотносится къ латинскому *«licentia»*. Рижскій типъ самый свободный изъ этихъ трехъ и въ тоже время обнаруживаетъ самообладаніе и внимание къ правамъ другаго.

Изъ представленнаго очерка содержанія книги Абеля можно видѣть, что авторъ поставилъ для разрешенія весьма интересную задачу. Но сравнительныя изслѣдованія по систематической лексикографія могутъ

имѣть цѣну лишь при основательномъ знакомствѣ съ этимологіею: Къ сожалѣнію, Абель этого не обнаруживаетъ и книга его повергаетъ читателя въ разочарованіе. Постоянно встрѣчаются неточности и грубые ошибки, а иногда и искаженія, которыми характеризуютъ представлениія о Россіи, слагающіяся за границей. Абель создаетъ небывалыя слова, напримѣръ «padrûsche» въ Малороссіи, «doblestwennik», «dobrischtsche», считаетъ «drug» и «drusya» различными словами, «drûgi» по его мнѣнію — «Rekanuschaft»; онъ выдумываетъ небывалые титулы, напримѣръ, «patschotni tschelowek», «patschotni sekretar», пишетъ «patschotini». Даѣте, Абель обнаруживаетъ неоправданіе этимологіи: онъ считаетъ слова «хорошій» и «гиршій» происшедшими отъ одного корня, отмѣчаетъ двойной смыслъ слова «благой», не зная, что въ обоихъ случаяхъ слова разныхъ корней. При этомъ онъ пускается въ разсужденіе объ общемъ законѣ, извлеченному имъ изъ изученія египетскаго языка, именно о законѣ, по которому одно и тоже слово можетъ имѣть первоначально совершенно противоположныя значенія. Слово «баръ» Абель считаетъ древнѣйшею формою слова «бояринъ» и думаетъ, что того-же корня и «рабъ», и по этому поводу вновь обращается къ излюбленному имъ египетскому языку, въ которомъ находится въ изобилии перестановки звуковъ; при этой перестановкѣ производныя часто имѣютъ тоже значеніе, что и корень, а часто противоположное. Въ подтвержденіе Абель приводить аналогіи изъ языковъ англійскаго и латинскаго (например *carperc—precari*, латинское *clamare* и русское *толѣ-ati* и т. д.). Иной разъ Абель не знаетъ того, что въ малорусскомъ языкѣ есть слова, соотвѣтствующія указаннымъ у него великорусскимъ. Даѣте, самъ Абель признаетъ, что великорусскій, или финно-русскій языкъ не только дочь малорусскаго, но и булгаро-славянскаго, на которомъ проходилось евангеліе; оттого некоторые слова сохранили въ Московіи первоначальное значеніе, утраченное въ Кіевѣ; вообще церковный языкъ новліялъ на языкъ финновъ болѣе, чѣмъ на родственное нарѣчіе славянъ. На конецъ, самъ же Абель указываетъ на то, что хотя въ финно-русскомъ языкѣ быть неслыханно, но немало отсутствуетъ и финно-русскихъ словъ въ языкахъ славянъ.

Мы видимъ, что книга Абеля представляетъ неудачную попытку примѣненія къ лексическому изученію русскаго языка той же новой теоріи о неславянскомъ происхождѣніи великорусской народности, которая 20 съ лишилась лѣтъ назадъ была развиваема въ Парижѣ прославленнымъ польскимъ патріотомъ Духинскимъ (недавно напечатана его біографія и отпразднованъ юбилей его дѣятельности). Теорія Духинского была неоднократно повторяема польскими, французскими, германскими и иѣко-

торыми другими публицистами и публицистами-историками, когда была на руку имъ. Абелъ вромъ того ссылается на Костомарова, раздѣляя неословательное мнѣніе послѣдняго о близости новгородскаго нарѣчія къ малорусскому; но такъ какъ Абелъ плохо знакомъ съ исторіею, то заходить слишкомъ далеко. Ссылка на д'Отроша, который былъ опровергнутъ уже при Екатеринѣ, и на другіе вымыслы освобождаютъ рецензента отъ обязанности останавливаться подробнѣ на этомъ смѣшніи вымысловъ съ достовѣрными фактами. Замѣтимъ только, что вопросъ обѣ этнографической организаціи русскаго племени, поставленный отчетливо впервые, если не ошибаемся, Щаповымъ въ его статьѣ: «Этнографическая организація русскаго народонаселенія» (Библіотека для чтенія 1864 г.), еще не порѣшенъ, но тѣмъ не менѣе и теперь можно составить научное мнѣніе о томъ, и во всякомъ случаѣ безпристрастный научный изслѣдователь скорѣе согласится съ словами Реслера, почтеннаго знатока исторіи приданайскихъ земель. Въ заключеніи своей статьи «Zeitpunkt der slavischen Ansiedlung an der unteren Donau», помѣщенной въ LXXIII томѣ «Ізвѣстій историко-филологического отдѣленія вѣнckой академіи наукъ», Реслеръ говоритъ:

«Подчиненіе, обращеніе, ославленіе слѣдовали быстро одно за другимъ. Постепенно Русь ославила большую часть народовъ отъ истоковъ Волги и Дона до Ледовитаго моря и образовала изъ нихъ однообразную массу. Такъ возникъ путемъ колонизаціи, переселенія и всевозможного оставленія такъ называемый великоруссій народъ, въ которомъ финская кровь составляетъ, вѣроятно, весьма значительную процентную долю. Обѣ этомъ фінскомъ происхожденіи русскихъ въ по-слѣднее время, подъ вліяніемъ политической национальной ненависти польскихъ писателей, цущены въ обращеніе преувеличенія, которыхъ нашли отклики также и въ нѣмецкихъ научныхъ произведеніяхъ. Но словамъ этихъ произведеній, только весьма немногое великоруссы подлинные славяне, въ большинствѣ же ихъ течетъ финская или татарская кровь; однако, если оставить въ сторонѣ всю беспокойную политицу и страсти тѣхъ, для которыхъ финны или татаринъ или монголь—существо, достойное отвращенія¹⁾), то можно будетъ только сказать, что славянство русскаго народа увеличивается по направленію отъ сѣвера къ югу и напротивъ убываетъ въ обратномъ направленіи, а также по направленію къ востоку, и въ той же степени становится интенсивнѣе смѣшеніе съ

¹⁾ Изображеніе Катрфажемъ гасе prussienne, какъ финского народа, составляетъ найлучшую параллель къ выходкамъ противъ турецкаго русскаго народа, распространенію которыхъ въ Германіи содѣйствовалъ между прочимъ Кинкель.

чуждыми, по большей части турецкими составными частями. Несмотря на въкоторые натинутыя попытки людей, поддающихся въ этнології своей непривычности, попытки слишкомъ ярко выставить различія между малоруссами — «подлинными славянами», и великоруссами — «туреццами и азиатами», различіе между обоими племенами теперь не болѣе различія между швабами и прусаками. Въ народѣ восточной Германіи течеть въсколько капель славянской крови, но побѣдила германская сущность; точно также и въ Россіи славянство вполнѣ преозмогло все чуждое финновъ». Прибавимъ къ этому, что въ древнее время могло и не быть смѣшанія русскихъ съ финнами, а могло происходить отодвиженіе послѣднихъ.

Н. Дашиевъ.

Изслѣдованіе о кладахъ волынской губерніи. Житомиръ. 1885 г.

Нечего говорить о важности археологическихъ открытій и изслѣдований для решенія весьма многихъ историческихъ вопросовъ; но масса дѣлаемыхъ и сдѣланныхъ открытій безвозвратно погибаетъ и погибала для науки. Нельзя поэтому не отнести сочувственно ко всякой попыткѣ собрать свѣдѣнія объ археологическихъ находкахъ въ той или иной мѣстности. Рассматриваемая брошюра принадлежитъ перу г. Орлова и есть результатъ его кропотливыхъ изысканій въ архивѣ волынского губернского правленія. Брошюра состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой говорится о всѣхъ тѣхъ находкахъ въ области археологии по волынской губерніи, свѣдѣнія о которыхъ могъ авторъ извлечь изъ архива, причемъ въ началѣ приводятся свѣдѣнія, почерпнутыя изъ другихъ источниковъ. Во второй части приводятся данные о старинныхъ пушкахъ, которые были находмы въ той-же области и отчасти сохраняются и въ настоящее время. Въ третьей части авторъ приводить замѣнанія, употребляемыя населенiemъ при открытіи кладовъ.

Содержимое находимыхъ кладовъ болѣею частію относится къ періоду позднѣйшему, къ XV—XVII вѣкамъ и преимущественно состоять изъ монетъ польскихъ, бранденбургскихъ, голландскихъ, нидерландскихъ, австрійскихъ, испанскихъ и ливонскихъ. Эти монеты опредѣляютъ районъ торговыхъ сношеній польско-литовского государства. Судьба всѣхъ этихъ кладовъ была самая различная. Для опре-дѣленія степени ихъ археологического значенія всѣ эти находки отсылались по большей части въ археологическую комиссию, которая или не признавала за ними никакой важности, и въ такомъ случаѣ или отсылала обратно владѣльцу или отправляла на монетный дворъ, или оста-

вляла у себя, упачивая ихъ стоимость. Иногда случалось, что ученыи учреждениі не согласовались во взглядахъ на значеніе той или иной находки. Такъ въ 1878 г. въ дубенскомъ уѣздѣ, близъ мѣстечка Варковичъ, крестьяне села Конюшечъ нашли кладъ изъ 38 серебряныхъ монетъ. Археологическая комисія признала ихъ не имѣющими никакого археологического значенія, а между тѣмъ кievскій университетъ, куда исправники по ошибкѣ отправилъ часть клада, пріобрѣлъ ихъ для своего минцъ-кабинета. Бывали случаи нахожденія очень древнихъ монетъ. Такъ въ 1836 г. были найдены 92 штуки древней серебряной монеты, которая отъ времени даже слиплись одна съ другой. Тоже самое случилось и въ 1839 г.. Въ обоихъ этихъ случаяхъ мѣстное губернское начальство признало за собою право опредѣлить научное значеніе этихъ находокъ и на основаніи своихъ научныхъ знаній опредѣлило возвратить ихъ владѣльцамъ. Многіе клады представлялись по начальству, и затѣмъ дальнѣйшая судьба ихъ остается неизвѣстной. Ученыи учреждениія въ своихъ приговорахъ не выставляли мотивовъ ни признанія, ни отрицанія археологического значенія за находимыми кладами, а между тѣмъ интеллигентному, но не учесному, находчику интересно было бы знать, что онъ нашелъ, каково значеніе найденнаго, для чего нужно это найденное. Одно денежное вознагражденіе не можетъ прельщать всѣхъ, а потому многое находимое или переплавляется или идетъ дѣтямъ на игрушки. Указанія и разъясненія о значеніи каждой находки, хотя бы краткія, мало по малу уничтожили-бы въ массѣ общества мнѣніе о находимыхъ древностяхъ (особенно если онѣ не изъ благородныхъ металловъ), какъ о хламѣ, никуда негдѣномъ, неизвѣстно для чего приобрѣтаемъ учеными; увеличилось-бы несомнѣнно желаніе находить и сохранять находимое. Словомъ, явилось-бы болѣе сознательное отношеніе къ дѣлу, какъ у мѣстного начальства, такъ и у болѣе или менѣе интеллигентныхъ находчиковъ. Все это несомнѣнно послужило-бы ко благу археологии и истории.

Значеніе археологическихъ данныхъ увеличивается по мѣрѣ уменьшенія количества исторического материала, которымъ располагаетъ исследователь прошедшихъ судебъ жизни народной. Поэтому для историка особенный интересъ приобрѣтаютъ находки, проливающія свѣтъ на древнійшій періодъ русской исторіи, для которого источники не особенно многочисленны. Въ разбрасмой брошюрѣ есть иѣсколько интересныхъ данныхъ въ этомъ смыслѣ. Такъ напр. въ одномъ курганѣ были найдены однажды серебряные гривны; были находмы также писанскія монеты X в. Особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе послѣдній. На послѣднемъ археологическомъ съездѣ въ Одессѣ г. Ка-

валевскій, какъ извѣстно, привезъ данныя о существованіи въ Испаніи въ татарскій періодъ русскихъ рабовъ. Указанныя монеты говорятъ о лучшемъ времени, когда, можетъ быть, русскіе бывали тамъ, какъ предпріимчные купцы.

Желательно было бы, чтобы и въ другихъ мѣстахъ были предприняты такія же изслѣдованія о кладахъ. Г. Орлову нужно воздать благодарность за его полезный и интересный трудъ.

П. Голубовскій.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературный, этнографическая и историческая).

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЙ О ГЕТМАНЩИНѢ, ЗАПОРОЖЬЕ И ЧЕРНОМОРЬЕ.

Вымираютъ старые люди, унося съ собой память о быломъ. Но народная память живуча и цѣнна: какой нибудь столѣтній или девяностолѣтній старикъ (а такие въ простолюдѣ не рѣдкость и теперь), въ дѣтствѣ своемъ слышавшій разсказы о старинѣ отъ своего отца и даже дѣда, также столѣтняго, своими воспоминаніями вдругъ пересвѣстѣ васъ лѣтъ за полтораста или сто назадъ, въ иной соціальный и даже политический строй жизни, и вы чувствуете себя на время въ средѣ людей иного склада, иныхъ воззрѣній, соразмѣряете милувшиесъ съ настоящимъ, наблюдаете ростъ и измѣненія народной жизни, подъ часъ наталкиваетесь на обрывки фактовъ историческихъ, на мелкія черты, дорисовывающія извѣстныя вамъ изъ исторіи событий, или слышите вѣчно юную народную мораль въ примитивныхъ формахъ слова. Любопытно и важно знать, какъ смотрѣтъ нашъ народъ самъ на себя, какъ видитъ онъ себя въ прошедшемъ, что, хранить изъ своего духовнаго наслѣдства и старой памяти людей живущихъ и что изъ него кладеть въ основу рождающихся поколѣній; но еще важнѣе сохранить эту чистую, безпримѣсную рѣчь людей старыхъ, вымирающихъ. Сохранить ихъ разсказы въ неподдѣльной чистотѣ въ такую пору, когда родная рѣчь въ устахъ пишущихъ искажается и въ самомъ народѣ измѣняется отъ всякаго рода примѣсей, есть своего рода пріобрѣтеніе.

Съ этою мыслью я приведу здѣсь одинъ изъ такихъ разсказовъ, записанный мною на полтавскомъ побережїи, въ с. Вереміевкѣ, золотоношскаго уѣзда, отъ козака Грицька Ганчаря. Разсказъ этого 90-лѣтнаго старика даетъ намъ затмненныи преданія о запорожцахъ, гетманщинѣ и черноморцахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ представляеть образчикъ простой, нѣсколько тяжеловатой, но замѣчательно чистой народной рѣчи.

Мы назвали преданія, сохранившіяся въ приводимомъ разсказѣ затмненными, не только по неясности очертанія событий, которыхъ они касаются, но и потому, что въ нихъ смѣшиваются события болѣе отдаленной эпохи съ событиями эпохи позднѣйшей; но это нисколько не умаляетъ достоинства разсказа въ смыслѣ историческаго преданія и мы даемъ ему значительную цѣну. Это одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ разсказовъ, который устами разсказчика четвертаго поколѣнія въ опредѣленной исходящей линіи переносить насъ въ XVII вѣкъ. Въ томъ мѣстѣ разсказа, где говорится объ ожидавшемся нашествіи турокъ и дѣлаемыхъ противъ нихъ заградахъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, равно о великомъ бѣгствѣ народа съ правой стороны Днѣпра въ полтавицу и черниговицу, отъ чигиринской Ведмедовки «и туды вверхъ Днѣпра ажъ до Нижена», мы имѣемъ дѣло несомнѣнно съ движениемъ большой турецкой арміи, вызваннымъ затѣями Дорошенка и кончившимся осадою Чигирина. Разсказъ живо рисуетъ намъ вызванный этимъ движениемъ переполохъ въ населеніи обѣихъ сторонъ Днѣпра и даетъ указаніе на неизвѣстныя намъ доселѣ мѣры загражденія турецкой арміи перехода за Днѣпръ.

Въ дальнѣйшей части разсказа преданіе спутывается два однородныхъ события, отстоящія однако другъ отъ друга на разстояніи 66 лѣтъ, т. е. разореніе Сѣчи, произведенное по приказу Петра В. прилуцкимъ полковникомъ Галаганомъ, въ слѣдъ за измѣною Мазепы, и другое, совершенное Текелемъ, по повелѣнію Екатерины II. Но всматриваясь ближе въ частности этого преданія, нельзя не видѣть, что, перенося черты одного события на другое, въ большей части своей оно относится къ первому разоренію Сѣчи. Во 1-хъ до этого разоренія доживаетъ очевидецъ его, первоначальный разсказчикъ, вышедший въ Запорожье мальчикомъ, спустя 7 лѣтъ послѣ отступленія турокъ отъ Чигирина; во 2-хъ онъ помнить тѣ

самовольства, которые производили московскія рати, что никакъ не идеть по временамъ Екатерины II. Кромѣ того слово *москаль* употребляется здѣсь еще въ первоначальномъ смыслѣ власти, правительства, націи, а не въ позднѣйшемъ смыслѣ солдата или войска; въ самомъ разсказѣ смыщится жившая тогда рознь и даже озлобленіе и передается о такихъ жестокостяхъ надъ попавшимися въ руки «*москаля*» запорожцами, которые возможны были только въ то далекое и свирѣпое время.

Высокій интересъ имѣетъ исторически вѣриая часть разсказа о дѣйствіяхъ запорожцевъ при осадѣ Очакова, о выселеніи одной части изъ въ Черноморье, о привольѣ и доволіетѣ ихъ здѣсь и наконецъ о томъ, какъ передававшій всѣ эти преданія, разбогатѣвъ въ Черноморѣ, въ глубокой старости вспомнилъ свою родину—полтавское побережье и явился туда съ семью возами рыбы, чтобы раздать се въ милостыню своимъ землякамъ.—Вотъ самъ разсказъ, записанный мною съ буквальною точностью.

— — — — —

То бувъ случай що зъ-замоду, уже лить 70 тому буде. Чумаковали мы. Нашли у Хведосій стрілюю черезъ Стомку. Тамъ приїжало намъ почувати. Наварили мы соби вечерять и всcherяемъ. Ажъ приїздить до нашої вазки чумачокъ, ізъ хлонцемъ, и симъ визъ при єму. Пытається: «Господи чумаки, позволите й мені почувати коло васть, бо въ мене симъ маля, боюся самъ». — «Добре», кажемо. Позвяпраятань винъ волы, стали мы зъ нимъ балакати. Пытається винъ настъ, зъ якихъ мы мистъ? Мы кажемъ, що полтавської губернії, зъ такихъ-то мистъ—зъ Вереміевки. А винъ памъ говорить: «І я зъ Вереміевки, зъ Погорилого, Іваненка». Пытається настъ, чи багато вже теперъ хати па Погорилому? Ми єму сказали, що бильше якъ 50 хати буде. А винъ памъ говорить: «Э—э, тоді якъ я бувъ у Вереміевци, то на Погорилому тілько 2 хати було: цаша, Іваненкова, та ще Пистунъ живъ, а на Тимченкахъ симъ хати було». Ми его пытаємося: «скільки-жъ вамъ, дядусю, годъ теперъ? Каже: дев'ятдесятъ чотири. Якъ я утикъ зъ Вереміевки, то тоді миши 7 годъ тілько було. А якимъ побытомъ утикъ зъ Вереміевки, то ось якъ: не було въ мене ні батька ні матери, а тілько живъ я при братови, та при сестри. Дви сестри було въ мене, одна заміжемъ. Се було письма Весидко: у Тимченки пишовъ братъ и

сестры писали на весилья, а мене дома покинули. А въ насть на току пшеницы багато намолоченои, и недомолоченои стигъ. У Пистунова сусида нашего 40 свиней. Тоди вольни луги були и все ходило по общому. Мене покинули пшеницы глядеть, шобъ не вбиглы Пистуновы свини,—одного покинули. Коли приходить до мене товаришъ, такой же, якъ и я, хлопець, гратьца. Зачали мы гратьца, забулись теси й пшеницы. Зима була велика, а передъ Всенощною ростало. У насть изъ Тимченокъ ричка текла зъ горовои воды, Ровецьке звалась. Такъ воно е й теперь. Граемось мы съ тымъ хлопцемъ—якъ оглядивсь я, шо мене покинули пшеници стерегти, пишовъ на токъ, ажъ пшеница разбита, и молочена, и не молочена, по всимъ току. Якъ занявъ я ти свини изъ собаками, та нагнавъ ихъ ажъ на Ровецьке. А вода у Ровецькому якъ замерзла, то крига тилько осталась такъ, якъ ись чоловика завышки одъ дна, а вода збигла у ричице. Якъ нагнали мы свини на той лайдъ, якъ завалили лайдъ, то такъ ти свини до однои и пропали. Теперь радимось мы изъ тымъ хлопцемъ, шо ёго робить? А мини ще тилько 7 лить. Каже: пумъ тикать за Дніпръ у Польшу¹).—Ну-мъ, кажу: рамно и такъ бье братъ мене дурисинко, а теперь уже вбъютъ мене на вики, то буду вже тикать.

Теперь ото радуты були коло Дніпра у насть, за-кглья осторожности одъ турка. Якъ турокъ ишовъ на нашу край війною, то наши побережане за-кглья осторожности Дніпра полонили. Понасыпали радуты, поставили сторожу коло Дніпра, рубали кригу, шобъ присна вода йшла—не давали ій замерзать, шобъ туркови не дать на цей бикъ перейти. Та не тилько тутъ у насть полонили Дніпра, и въ Кременчуци, та ажъ до самихъ порогивъ скрізь отака сторожа стояла радутами. То тоди турокъ тилько дішовъ до Ведмедивки, тай завернувшись назадъ.

Якъ турокъ ишовъ тымъ краемъ, Польщею²), то ти люде, съ тихъ слобидъ зъ Михайлівки, то зъ Княжого, то-що, зъ усихъ тихъ слобидъ, боячеся турка, тикали сюды. Весь мыръ витътиль тикаль сюды. И туды вверхъ Дніпромъ, ажъ до Нижена тикаль пародъ съ того боку.

¹) На правый берегъ Днѣпра, въ нынѣшнюю кіевскую губернію. Тогда это были польскія владѣнія. Мѣстечко Вереніївка стоять надъ Днѣпромъ, въ южной части золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи.

²) Кіевскою губернію.

За моєї молодості то стари люди якъ згадували за те времѧ, то, було, росказують такий случай, шо якъ одна жинка та чотирехъ турківъ убила. Отъ якимъ родомъ воно ѹ було. На тимъ боци, недалеко ѹ видисиль, верстъ за 40 стояла у лиси хатка. У тій хатці живъ чоловікъ изъ жинкою. Находить на той край турки. Чоловікъ злякавсь турківъ, забравъ тилько двоє дитокъ, тай утикъ, а жинку таку, шо отъ-отъ розсыпетъца, покинувъ у хаті на Божу волю, бо ін не можно було ни на коня посадить, ни на візъ по-клости. Якъ осталась та жинка сама, дитину изродила, зачала себе очищать, окропы гріє, а бачить у вікно, шо прыбигло два турки києми. Кого боялася, тихъ два ѹ прыбигло. Ажъ одинъ съ коня та въ хату. Вона той окрипъ, шо грила, стривши турка па порози, якъ лыне ему межи очи, такъ винъ и не кавкнувъ. Та трупъ его сковала. А другій жде-жде,—не виходитъ товаришъ, тай соби въ хату. Такъ вона и тому такъ. А посли впять два прыбигло, вона ѹ тихъ такъ. Однимъ мечемъ повоювала,—усе окропомъ таки. Було и напінъ покійний лиць невистокъ своїхъ якъ заче лаять, то все було каже: «Шо ви скверни б.... Отъ, говорить, жинка була лю вона чотирехъ чоловіка турка вбила... Такъ ото жинка!»

Такъ отточъ, кажу, весь мыръ виттиль тикавъ сюди у Гетьманщину. Оде Гетьманщина була—нашъ край, та ін ѹ пошли Гетьманщиною дражняти. Якъ оде ѹ сеєи войны зъ Туркомъ¹), якъ підводу треба, або що доставить куды,—а напін побережане тамъ були, то заразъ: «А подай гетьманщиковъ!»

Такъ ото воно ся дідова Іванецькова бесідка діялась саме въ той часъ, якъ тогобицьки люди, письля турецькои колотнечи, вертались ись цѣго боку, зъ Гетьманщини, на свои миста. Такъ, каже, добигаемъ съ тимъ хлонцемъ до Дніпра, ажъколо Дніпра багато людей тогобицькихъ изъ возами ѹ зъ усімъ ганьнямъ²), зъ чимъ тикали, вертаються на той бикъ. Такъ я, каже, нынкомъ, шо мене никто ѹ не бачивъ, зализъ у те ганьня у ихне, а той хлонецъ вернувшись назадъ,—тому мабуть не страшио було. Отъ мене, каже, и перевезли на той бикъ, ажъ у Боровыцю³). И пробувъ я въ тій

¹) Во времѧ послѣдней русско-турецької войны.

²) Домашній скарбъ: горшки и т. п.

³) Село черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи.

Боровици симъ годъ, а тамъ товариши зучивсь, та повинъ мене ажъ у Запорожжа.

Отъ и жили вони у тымъ Запорожжу, вже не знаю стишки лить жили, ажъ поки зруйнували Сичу Запорозьку. Каже, шо пось-лідьне времия москаль налагавъ запорозьця смило. Иенавидивъ винъ запорозьцівъ и гетьманщицъ. То збытки и попереду слизни робивъ и беззаконій всяки: худобу грабувавъ, жинокъ одѣ чоловикивъ однимавъ... Збытки, сказано, беззаконій робивъ усѧки. А запорожець індежъ воленъ тоди бувъ. Такъ вони запорозьця и оббрехали цареви. Ікже й оббрехали?—Узяли, наризали зъ лопнать волосся зъ хвостивъ та зъ гривъ, а гусари запорозьцемъ не трошени и не зачинилиничого, та взяли те волосся, та у четверти позакладали и позашивали тай послали цареви, шо отъ стико и отъ стико запорожець гусаривъ перебивъ. Оде ихни й волосы. А тоди гусари въ косахъ ходили, напутрювали, оттака голова була... Царь, прочитавши ихъ бумаги, каже: «иопудь ёго, того запорозьця!»

Уже москаль налага па Сичу. А дидъ таки тамъ бувъ. Наліга москаль, кошовий каже своимъ запорозьцямъ: «а що», каже, «паны-молодыци, здаймось!» А було тамъ между ихъ два хлопци, та добрыхъ мабуть. Выйшли вони на валъ, тай кажуть: «батьку! иоки савитъ соцьця нась не возьмуть!» Одинъ каже: «я воды не дамъ», а другій: «я огню не дамъ»¹). А винъ вимъ отвича: «жалко»².. Тамъ у Гетьманщини вали родители: батьки й матери, сестры й браты. То запущається смило, а то ще й дужче знущатися зъ нихъ москаль». Такъ уже имъ прыйшло, що треба й покоритица.

Положили черезъ Дніпръ пантонний мистъ до ихнего начальства, до московського. Главна старина запорозька, побравши корогвы, знамена, вангелію, й хрестъ, и все, пинили поклонитица московському начальству. Коли си два хлопци дивлятица зъ валу, а вже Москва запорозьцямъ червони шапки надіва, и червони шалчатки³), и червони чоботы,—значить луцлять ихъ сердешникъ. А ихъ ще багато осталось у городи, 40 тысячъ,—такъ вони взяли, та башту забили, мистъ порвали, и москаля въ Сичу не пустили, та дожидають ночи. Дождались. Якъ узяли ночної добы у судна

¹) Значить, нельзя будеть вистрілити изъ ружья.

²) Нерчатки.

убиратьца, а москаль тамъ десь черезъ Днепръ перекинувъ цепь (хадъ казавъ и де, та пе згадаю), а вичъ темна, и воини думали, що запорожець дуренъ: не вмитиме, якъ пройти. И вырештовали черезъ цепь бильшикъ якъ сто пушокъ. Думка така, що якъ торгне запорожець судномъ у цепь, то вдарять зъ пушокъ, щобъ ёго тамъ затонити. Такъ не таки ти й запорозьци були: возьмутъ судно порожне, та нагрузить ёго землею, та каминнямъ, та пе чимъ, та й пустятъ за водою, щобъ черезъ цепь торгнуло. То судно торгне цепь, а воини зъ пушокъ и завалять, думають, що то судно зъ запорозьцями, а запорозьци тимъ часомъ и проскакують за цепь. Тамъ уже за цепою не страшно запорозцеви. То такимъ побытомъ живими й проскочили уси 40 тысячъ, та до турка и втекли, у Турецчину. А Турецчина—якъ за Береславъ, такъ и Турецчина вже була: Чорна Долина, Гайманъ, Сирогозы, то то всс була Турецчина. И воини ти запорозьци упросились до турка. Тенеръ-же имъ треба присягти туркови. Ото вже имъ дано куть сюди, Олешки то-що. Теперь тамъ понаселовано Во-зна стильно слобидъ. Ото кошовий пославъ у свою прежню землю запорозьцівъ чоловика два, або й три набратъ земли теси, де воини жили, зъ Запорожжя, запорозьской земли. Теперь уси, стильки ихъ тамъ було, 40 тысячъ, кожень соби у свои чоботы земли теси взяли, запорозькоц. Повзувалися и пашли на присагу до салтана. И присягають такъ: на чий земли стоимо, тому й ви руватимемъ и служитемемъ. А воини на свой па запорозькій земли стоять, туркови клятбы не дають ни якои. Присягли тай живуть.

А Крымъ турецькій тоди бувъ. Хотя й издили туды наши малороссіи по силь, такъ у турка ту силь брали. 10 рублей заплатить, та й набира на визъ, хочъ и 200 цудивъ, та вывезе за башту, тай насина на два й на три возы, щобъ легче везти, тай иде до дому, а турокъ зъ своими провожателями ажъ до Береславу провожа, щобъ ѿ не пообіжало.

Тенеръ уже Москва наїгъ, щобъ Крымъ одибрать отъ турківъ. Запорозьци порадились мижъ собою: «ми своему цареви присягали, на ёго земли»,—а вже москали понудили турка видсиль зъ Чорної Долини, зъ Гайманівъ, уже турокъ заперся у Перекопи, а налата царська була на Гаймані,—Долина Гайманъ е. Тенеръ москаликъ наїговсь такій,—думали дурачокъ дуже, а винъ мабуть

розумнії всіхъ бувъ: постригли ему волосы, такъ ловы стригали, абы-якъ,—те покине, а те остріже,—та вбрали ёго у лахміття у скверне въ таке, торбы понавишуvalи старчецьки, такъ якъ старци ходять. Нишовъ винъ у Перекопъ до турківъ. Вони зъ ёго кглузують, изъ малороссіяnsкого старця... а винъ упавъ у ривъ отой я ставъ кричатъ. Турки ёго й вытагли того дурника зъ рову, та ажъ три дни, кажуть, вони зъ ёго кглузували, зъ того старця. Якъ вытагли ёго зъ рову, винъ и скрився, та до арміи... Якъ давъ знать начальствови, стильки чого треба на той ривъ, стильки драбинокъ, стильки тарасу,—такъ винъ роздививсь, той дурникъ. А запорозьди все це й знають, що робитьца. Поихало два запорозьди у палату до царя на Гайманъ. Кажуть: «дайте намъ ту землю, що мы жили въ нй, такъ мы безъ ничего той Крымъ визъмемъ». «Не можна, каже царь, бо заселено вже свободами теваше мисце, а есть, каже, у мене земли коло Чорного Моря, то ти я вамъ дамъ».—Такъ вони й согласились; тилько часть согласились, а часть у Турацьни остались, ажъ поки Гладкий ихъ витиль не вививъ. Такъ ище ти одъ царя не приехали, а ци вже знають, що коло Чорного Моря подаровано имъ земли.—Ну, такъ кавалерію, каже, обвивъ запорожець Сывашемъ, а пихоту той дурникъ і провивъ черезъ валъ. Той ривъ закидали, а на валъ драбинки поставляли, та й вилазла армія. Ничъ темпа, а були таки, що пообертали пушки на ихню-жъ сторону, тилько одною угловою не обернули, и позаклепували у пушокъ пановки. Якъ вилазла музика зъ барабанами, а запорозьди витиль вихали Сывашемъ, а си зъ моря пиши..., такъ вони якъ зъ сії угловою пушками вистрелили, то чимало вилуцили, а тамъ посередъ кріпости могила стояла, то якъ стрельнула бонба, якъ пошла на ту могилу, то такъ якъ ривъ перекопало щось. Такъ воно й понали есть. Оде стильки чумакувавъ я, то все той ривъ е.

Такъ ото той дидъ тамъ и бувъ усе въ тихъ компаніяхъ. А якъ уже кончилася война, то имъ дано й землю тамъ, коло Чорного Моря; отожъ вона Черноморією зветься. И винъ, той дидъ бувъ уже у Катирнодари жителемъ. То тутъ винъ бувъ Иваненко, а тамъ у запорозьдивъ Бурдуниць. Такъ винъ и нась підмовлявъ до себе въ Катирнодарь,—Бондаря Якова и мене. Той уже жонатый бувъ, а я ще. Каже було дидъ: «въ мене хазяйство велике,—

три заводы рыбнихъ, по 16 человеку у кожному заводи,—дочка одна, бильшъ никого..., такъ ябъ, каже, отдавъ за вась хлопця й дочку». Я не схотивъ черезъ те, що боявся батька, що буде проклёнъ якій великій, що безъ ёго видома пишовъ, а той Кондарь жонатый бувъ.

Такъ той Бурдунись симъ возивъ рибы не на продажъ визъ, а роздававъ по слободамъ милостину. Зъ однимъ тилькихъ хлопцемъ піздивъ. Та днівъ два зъ нами пробувъ винъ; такъ уже зрадівъ, що своїхъ вереміевцівъ побачивъ...

Сообщ. Порфирій Мартыновичъ.

ПІСЬМО КЪ ДРУГУ ОТЪ ОФІЦЕРА НАХОДЯЩАГОСЯ ВЪ КІЕВѢ.

Предлагаемая вниманію читателей эпиграмма на кіевськое общество есть произведеніе иѣкоего офицера Уманского, квартиравшаго съ полкомъ въ Кіевѣ въ концѣ прошлаго столѣття (умеръ въ 20-хъ годахъ нынѣшиаго). Оригиналь печатасемаго стихотворенія сообщенъ мнѣ М. К. Буховецкимъ, землевладѣльцемъ елисаветградскаго уѣзда, къ которому перешла и библіотека Уманского, находившагося въ родствѣ съ нимъ. Библіотека эта состоитъ изъ сатирическихъ журналовъ прошлаго столѣття, сочиненій Вольтера въ русскомъ переводѣ и проч., что обнаруживаетъ въ нашемъ авторѣ вкусъ къ отрицанію и сатирѣ; особенности-же правописанія его указываютъ на малороссийское его происхожденіе. Предлагаемое «Письмо къ другу» не отличается ни большими достоинствами стиха, ни особенной остротой насмѣшки, которая носить характеръ преимущественно личный и только изрѣдка колетъ пороки общественные. Эти послѣдовательные черты и данные о составѣ тогданиаго кіевского общества даютъ «Письму» иѣкоторое право на вниманіе любителей кіевской старини.

В. Я.

И тебѣ далъ обѣданье
Написать, какъ здѣсь живемъ.
И вотъ длинное посланье:
Всю найдешь подробно въ немъ.
Не сатиры острыми жаломъ,
Правды я пишу первомъ.

Тутъ пристрастья нѣтъ вѣяло;
 Я ни съ кѣмъ здѣсь незнакомъ.
 Не касаюсь ницьей чести,—
 Это стыдно и грѣшно,—
 Хвалю доброе безъ лести,
 А надѣ тѣмъ, что всѣль смигно,
 Я смилюсь, но не по модѣ.—
 Мнѣ гнусна злословія тѣль.
 До обѣда на разводѣ
 Маршируемъ каждый день,
 Вечера-же провождаемъ
 Завсегда между собой.
 Не за тѣмъ, что мы не знаемъ,
 Какъ прийти на дворъ чужой,
 Но во всѣхъ демахъ здѣсь съ тономъ,—
 Испыталь я самъ не разъ,—
 Угощаются лишь бостономъ
 И злословятъ на заказъ.
 И невѣжества оттѣнки
 И разврата вѣчной храмъ,
 Напризѣръ у Иваненки,
 Твоимъ встрѣтятся глаза мъ.
 Не иди тутъ благородства,
 И ума, и красоты:
 Лишь полдюжины дородствомъ
 Славныхъ дамъ нашелъ бы ты.
 Видя ихъ, они какъ вольны,
 Какъ раскрашены притомъ,
 Ты подумалъ-бы невольно,
 Что пришелъ въ недоброї дозѣ.
 И со всѣмъ тѣмъ эти балы
 Совершенно безъ стыда
 Посѣщаются генералы
 И дѣтей возять сюда.
 Вотъ П... для модези

И курьезный князь другой,
 Воть Ивановъ посѣдѣлой
 Съ своей горлицей женой.
 Естьли-бѣ самъ ты повстрѣчался
 Жены жодной съ муженькомъ,—
 Хоть грѣшио, но раземѣялся-бѣ
 Надъ стояніемъ голубкомъ.
 А она вся завитая,
 Вся разряжена, въ духахъ,
 Безпрестанно пристѣдая,
 Ходитъ будто на гвинахъ,
 Поминутно лобизаетъ
 Лобъ супруга съ сѣдиной
 И удачно представляеть
 Роль цыганки молодой.
 А И... супруга,
 Въ пятьдесятъ почти ѿжъ лѣтъ,
 Позабывъ свои недуги,
 Игѣшть хочетъ также еїѣть.
 И сестры ся дородны,
 Пара краеныхъ дочерей,
 Коя очень часто илодны,-
 Подражаютъ во всемъ ей:
 Открывають все для взора,
 Забывая смертный часъ.
 Боже! насть снаси отъ мора
 И отъ вѣчныхъ сихъ заразъ!
 Воть какія тамъ красотки!
 То не сказки, суща быль.
 Лучше взять-бы имъ всѣль чотки
 И приняться за псалтирь,
 Чтобъ простиагъ Богъ согрѣшенія,
 Не линилъ постѣдивхъ зубъ.
 Но еще имъ въ угощенье
 Здѣсь составился и клубъ.

И мнѣ много-бѣ было дѣла
 Членовъ всѣхъ его назвать,
 Но двухъ-трехъ линь для примѣра
 Опишу, чтобъ могъ понять,
 Какъ на свѣтѣ часто должно
 Имена вещамъ даютъ,
 И безстыдно и безбожно
 Благородствомъ низость чтуть.
 Здѣсь все то, что не въ кафтанѣ,
 А во фракѣ, въ башмакахѣ,
 Что не ходить въ сарафанѣ,
 Все въ почтенныхъ ужъ людяхъ!
 Вотъ вамъ Мусманъ для примѣра:
 Какъ уваженъ и почтенъ!
 Шинковать была вся сфера,
 Для которой онъ рожденъ;
 Но, узнавъ, при помощи науки,
 Тайны древнія жидовъ,
 Коей главная вѣсъ штуки,
 Какъ отъ водочныхъ шаровъ
 Отдѣлять червоныхъ, золотъ,
 Сталъ довольно онъ богатъ,
 Потомъ взялъ для оборотовъ
 Христіанство на прокатъ.
 И теперь съ полмилліономъ,
 Позабывъ корчму, гдѣ взросъ,
 Роль играетъ онъ барона,
 Ходитъ, гордо вздернувъ носъ;
 Но, при всѣхъ его стараньяхъ,
 Видѣніе все въ немъ еще жидъ:
 Чтобъ вписался кто въ собранье,
 Какъ онъ кланяется, льстить!
 Просить: дайте, не скучитесь
 Шесть червончиковъ на балъ,
 Въ волю вы навеселитесь,

А намъ, бѣдныи, капиталь.
 Подъ личиной благородства
 Обираеть всѣхъ онъ такъ
 Для жены своей дородства
 И смѣется самъ въ кулакъ.
 Съ пимъ директоръ Бурлянскій,
 Славный брюхомъ господинъ,
 Для всѣхъ армій провіантскій
 Можетъ быть въ немъ магазинъ.
 Онъ по дыму угадаетъ,
 Ужинъ гдѣ, или обѣдъ,
 И туда въ мигъ поспѣшаетъ,
 Гости лакомство гдѣ ждеть.
 Реймерсъ въ клубѣ тожъ вельможа,
 Эйзенштитъ съ нимъ вѣмчера —
 Отвратительная рожа,
 Записные шулера;
 И ужъ многимъ отъ искусства
 Ихъ осталася сумы;
 На лицѣ у нихъ распугтесь,
 Это общества чума!
 Вотъ Шіановъ, мужъ всѣмъ нужный,
 Славится здѣсь ремесломъ,
 Люди въ немъ всѣ очень трудны,
 Въ нуждахъ ихъ спасенье въ ніемъ.
 Пятдесятъ только процентовъ
 Съ нихъ по дружбѣ онъ берутъ
 И бесъ всякихъ документовъ
 Подъ закладъ даютъ.
 Вотъ директоры какіе!
 Ихъ портретъ съ натуры святъ.
 Спекулянты удалые —
 Знаютъ, деньги какъ достать.
 Жаль, что наши генералы,
 Благосклонны бывть для нихъ,

Записаться въ клубы, балы
 Удостоили всѣхъ ихъ.
 Правда, въ обществѣ разбора,
 Такъ, какъ въ службѣ, нѣтъ въ чипахъ,
 Но герою подлѣ вора.
 Всю некстати ужъ стоять
 И не должно генералу
 Плутая дружбой дѣлать честь.
 Но заглянемъ въ клубну залу
 И посмотримъ, кто здѣсь есть?..
 Кто тамъ, въ уголь уклонившись
 Съ крѣпкой думою одинъ,
 На бостонъ взоръ устремивши?
 Экскѣ-картежникъ Сухотинъ;
 Вспоминаетъ прежне презя,
 Щастья, ласки для него;
 Теперь старыхъ картъ ужъ бремя
 Все имѣнья у него.
 Вотъ всѣхъ глупостей образчики
 Князь Кудашевъ, блудный сынъ,
 Городскихъ вещей разсказчикъ,
 Въ котильонѣ командиръ.
 Какъ среди болотъ лягушка,
 На вола чтобъ походить,
 Такъ Шановъ—хвастунъ, болтушка,
 Дуется и всѣхъ смѣшить.
 За нимъ рядомъ Сербутовскій
 И его товарищъ, другъ
 Тихоновъ, какъ котъ заморской,
 Промышляютъ у старухъ.
 Также рѣзко суетится
 И Черкуцкій инвалидъ
 И ужъ слишкомъ онъ гордится,
 Что па немъ Анна виситъ.
 Посмотрите, какъ мараетъ,

Своей пурпурой всѣхъ Шиповъ!
 Много денегъ проживаетъ,
 Слынетъ графомъ у жидовъ,
 Представляется селадона,
 Прельщать милыхъ хочетъ то-жъ
 И въ павлиныхъ на ворону
 Перьяхъ очень онъ похожъ.
 Поглядимъ на чудесныхъ
 Въ клубъ собравшихся красотъ:
 Рѣдко встрѣтишь здѣсь привѣтныхъ —
 То старуха, то уродъ.
 Полыневы двѣ сестрицы,
 Тучной Гравинихъ терцетъ,
 Сиосны всѣ имѣютъ лица,
 Но ужъ слишкомъ много лѣтъ;
 Всѣ ужимки ихъ неловки
 И весьма нескроменъ видъ,
 Притомъ въ звукахъ очень громкихъ
 На изынь мольва трубить.
 Вотъ Воейкова и съ Перской
 Обѣгаютъ залу въ кругъ —
 Не красивы, и не мерзки,
 Но отъ нихъ несносный духъ;
 Словно въ бусахъ щеголяютъ,
 Глазки инутъ жениховъ,
 Видъ невинности являются,
 Но ужъ міръ стать не таковъ!
 И титулъ невѣсть небесныхъ
 Имъ согласно даѣтъ ввесь светъ.
 Вотъ и Марченкова прелестна.
 Всѣхъ глаза за нею въ слѣдъ.
 Съ нею Ширкова изрядна
 Украшаетъ здѣшний пиръ,
 Лопакова то-жъ пріятна
 И танцуетъ, какъ зефиръ.

Еще птичко прелестныхъ
Дамъ три иль четыре есть,
Кои рѣдкимъ посвѣщенемъ
Клубу дѣлаютъ ту честь.
Но какой контрастъ поносной
Зрѣть П. тоже тутъ,
Гуряловыхъ курьозныхъ,
Всю ихъ царство и компуть,
Михайловской шлюхѣ кетати
Не въ клубъ бѣдить, а въ балеть,
Или прыгать па канатѣ,—
Много денегъ соберетъ.
Соболевская амурку
Налыгать хотеть тоже власть;
Точно вывеска въ цилориѣ
Реймерсова ей подъ стать.
Вотъ толкаетъ Захаржевска
Всѣхъ—ей тѣсенъ пѣлой міръ,
Ей-бы въ полѣ преображенской—
Быль-бы первый гренадиръ,
И тамбуръ-мажоръ нарядный
Изъ неї можетъ тоже быть,
Лишь одѣть въ мундиръ парадный,
Поучить прямо ходить.
Ростомъ съ башню вавилонскую,
Одна въ полѣ побѣдить.
Вотъ кокетка Калиновска
Взглядовъ нѣжныхъ не щадить.
Остальныхъ отъ лихорадки
Приписать можно-бъ подъ рядъ,
Иль въ цугалину на святки;
Здѣсь и клубъ, и маскарадъ.
Теперь только танцевальный
Залъ представь ты: тѣсенъ міръ,

У дверей пару квартальныхъ
Но ужъ срѣтъ... Письмо кончаю.
Въ караулъ мой день вступать,
Послѣ-же я обѣщаю
Продолженіе написать.

Сообщ. В. Н. Ястребовъ.

СТАРИННЫЯ ОРУДІЯ НАКАЗАНІЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ.

Въ октябрской книжкѣ «Кievской Старины» г. Борисъ Познан-скій привелъ краткое описание и рисунки двухъ видовъ деревянныхъ оковъ, употреблявшихся въ пашемъ краѣ еще въ недавнее время. Считаемъ не лишнимъ дополнить эти пѣбезынтересныя для мѣстной археологии свѣдѣнія.

Дыбы, описанныя г. Познанскимъ, отличались отъ прочихъ подобныхъ орудій тѣмъ, что составляли способъ ареста и не лишили заключенного возможности двигаться, другія-же были неподвижны и употреблялись, какъ мѣра наказанія. Дыбы падѣвались на одну ногу даже и тогда, когда въ нихъ заключали не по двое, а даже и одного человѣка. Онѣ назначались для замедленія движений, въ предупрежденіе побѣга, т. е. играли ту-же роль, какъ напримѣръ пушечное ядро у тулонскихъ катержниковъ. Судя по выражению приводимой ниже пѣсни, можно думать, что иногда надѣвались дыбы и на обѣ ноги, т. е. на каждую порознь. Подобный инструментъ употреблялся также для заключенія руку арестованного и назывался по аналогіи уменьшительными формами: дыбки, дыбыци, дыбѣта. Но первоначальное назначеніе ихъ собственно для ногъ видно изъ латинского названія *compres*, какое даютъ имъ древніе польскіе хронисты. Для рукъ употреблялось также сходное орудіе «скрыпныци»; онѣ дѣлались изъ изогнутой въ двѣ параллельныя полосы дубовой пластины, которая въ этомъ положеніи высушивалась; руки привязывались въ углы изгибовъ. Въ народной пѣснѣ о «джигунѣ», котораго подвергаютъ наказанію за неизомѣрное ловеласничество, упоминаются, по разнымъ ся вариан-тамъ, различныхъ виды этихъ инструментовъ.

Ой джигуне, джигуне, який ты ледацо:
Ведуть тебе до пана, самъ не знаєшъ за що.

Тоди буденъ знати, якъ будуть карати,
 Якъ будуть на ноги дыбы набивати.
 Ой на ноги дыбы, на руки дыбыцн,
 Отожъ тоби, джигуне, за ти молодыци;
 Ой на ноги дыбы, на руки дыбылта,
 Отожъ тоби, джигуне, молоды дивчата.

Гусакъ, по польски *Gąsior*, бывалъ и иной совершенно формы, чѣмъ описанный г. Познанскимъ. По упоминанію польскаго агронома конца XVII вѣка, Якуба-Казимира Гаура (*Skład, albo skarbiec znakomitych secretów Oeconomii ziemiańskicuy*), виповный заключался въ гусакъ не за ногу, а за шею и за руки. Такой гусакъ состоялъ изъ нѣсколькихъ досокъ, вставленныхъ ребромъ одна на другую между вбитыхъ въ землю по обѣимъ концамъ парь кольевъ. Отверстія для шеи и рукъ находились въ выемкахъ двухъ смежныхъ досокъ, ниже аршина высоты, такъ что заключенный долженъ быть стоять на козыняхъ или какъ-бы на четверенькахъ. Иногда, въ усугубленіе кары, ему отпускалось въ этой позѣ еще и тѣлесное наказаніе розгами или кіями.

Колода отличалась отъ гусака тѣмъ, что дѣлалась не изъ досокъ, а изъ брусьевъ, отверстія находились въ ней ниже, было ихъ не по три, а по четыре: въ средній вдѣвались ноги виновнаго, а въ боковыя его руки. Колода дѣлалась гораздо длиннѣе гусака, всѣхъ отверстій бывало въ ней много, какъ что въ одну колоду сажали одновременно по пѣскольку человѣкъ. Положеніе человѣка въ колодѣ было, вѣроятно, еще тѣгостнѣе, чѣмъ въ гусакѣ, гдѣ онъ могъ свободно передвигать ноги, въ колодѣ-же онъ не могъ пошевельнуть ни однимъ членомъ, оставаясь неизмѣнно въ сидачемъ положеніи, причемъ ноги были приподняты отъ земли, корицусъ согнувшись подъ острымъ угломъ, а руки притянуты на одну линію съ ногами.

На Полѣсїи оригинално использовались и погда, не въ видѣ кары уже, а въ видѣ насилия и самоуправства, для заключенія побѣжденнаго непрѣятеля оградами, какъ онѣ здѣсь и до сихъ поръ дѣлаются. Этотъ первобытный способъ огорожи, такъ называемое *ворѣ*, состоитъ изъ ряда кольевъ, вбитыхъ попарно на 8, 10 и болыше аршинъ одинъ отъ другихъ. Каждая пара переплетается крѣпко пакрестъ, въ двухъ или трехъ юбстахъ своей высоты, въ

каждой парѣ одинаково, *каблучками*, т. е. свитою вдвое сѣмей лозой, илаче называемой *шужовками*. На каблучки каждыхъ двухъ смежныхъ парѣ колышь, находящіяся на разныхъ высотахъ, кладется концами по жерди, и ограда готова. Вотъ на эти-то жерди, на нижнюю или среднюю, клади чыи либуть ноги, перекладывали па нихъ верхнюю жердь и связывали концы жердей, такъ что заключенный оказывался въ такомъ положеніи, какъ въ формѣ гусака, описанной г. Познанскимъ. Въ актовыхъ овручскихъ книгахъ встречаются иногда «протестаціи» въ такомъ родѣ: жалуется, напримѣръ, окотичный шляхтичъ на своего сосѣда, шляхтича-же, что послѣдний, въ отсутствіе жалобщика, послорился съ его женой, избилъ ее, сорвалъ головную повязку,—что считалось у шляхты, какъ и теперь въ народѣ, великимъ безчестіемъ,—и наконецъ ввязалъ ея ноги межъ вороты, жерди. Послѣдній способъ наказанія употреблялся нерѣдко, до недавняго даже времени, въ сельскихъ братствахъ и цехахъ для пропинившихся противъ править пра-
вственности.

Куна считалась наказаніемъ наиболѣе легкимъ изъ всѣхъ перечисленныхъ, имѣющимъ болѣе характеръ позоряцій, чымъ истязательный. Она бывала въ двухъ формахъ. Одна изъ нихъ представляла собою позорный столбъ, къ которому виноватый, въ стоячемъ положеніи, со связанными руками, прикрѣплялся желѣзнымъ обручиюмъ за шею. Такой позорный столбъ выставлялся обыкновенно на видномъ мѣстѣ, въ видѣ поученія и примѣра всему мѣстному населенію и ради вящшаго стыда виновному. Иногда къ заключенію въ такую куну присоединялось публичное-же тѣлесное наказаніе. По лѣкоторымъ извѣстіямъ, кунуо пользовались не только помѣщики и ихъ урядники, но въ нее заключали также по приговорамъ громады, или по требованію священника. Впрочемъ до весьма недавняго еще времени послѣдними употреблялась особая церковная куна, иной формы, какъ одинъ изъ видовъ эпитимій. Она вывѣлась почти на нашихъ глазахъ; памъ еще не разъ приходилось въ дѣтствѣ слышать угрозы за шалости или непослушаніе, что «якъ пидешъ до сновиди, то папъ у куну замкне». Церковная куна это была небольшая желѣзная скоба на стѣнѣ колокольни, прикрѣпленная вертикально, совершенно такой-же формы и устройства, какъ употребляемыя и нынѣ скобы для запиранія воротъ съ

«дышлемъ». Этой скобою прихватывали виновнаго въ якобъ или только исчовѣданномъ грѣхѣ за руку и запирали на замокъ, оставляя его въ этомъ положеніи всенародно, во время обѣдни, на одинъ или пѣсколько воскресныхъ днѣй, сообразно тяжести содеяннаго и по усмотрѣнію священника.

По всей вѣроятности, въ обѣихъ формахъ куны первоначально употреблялись не желѣзные запоры, а деревянные, какъ во всѣхъ прочихъ описанныхъ здѣсь старинныхъ видахъ заключенія. Не мѣшало бы написать изслѣдователемъ обычнаго права обратить вниманіе на разсказы и преданія о различныхъ формахъ и видахъ уголовныхъ карь вообще и о специальномъ примѣненіи нѣкоторыхъ изъ нихъ къ извѣстнымъ родамъ преступлений. Объ этомъ предметѣ надѣемся поговорить еще въ другой разъ.

Ив. Новицкій.

ДВА СЛОВА О ПАНѢ КАНЕВСКОМЪ.

(По поводу статии: «Двѣ старыя украинскія пѣсни». «Кievskaya Starina», октябрь).

Николай Потоцкій, староста каневской, сынъ бѣлзскаго воеводы, родился въ 1712 г., умеръ 15 июня 1782 г.; о немъ имѣется достаточно свѣдѣній въ современныхъ документахъ, мемуарахъ и въ позднѣйшей польской литературѣ. Ограничимся здѣсь указаниемъ, что эта эксцентричная личность обращала на себя и въ свое время всеобщее вниманіе. Во время бытности въ Каневѣ короля Станислава-Августа въ 1787 г., запила однажды рѣчь за обѣдомъ о Потоцкомъ; многое рассказывала о немъ мѣстный базилійский «онать» (настоятель монастыря) Бонифатій Фазиковичъ. Въ описаніи королевскаго путешествія, изданиемъ Крашевскімъ (*Podrѣz Króla Stanisława Augusta w 1787 r. do Kamjowa. Z listów Hr. Platera wydał J. I. Kraszewski*), сообщается объ этомъ такъ: «По тому поводу, что Каневъ находился во владѣніи бѣлзскаго воеводы Николая Потоцкаго, прославившагося на всю Польшу своими выходками и приключеніями, разбирали различные апекоты о немъ и бывавшіе съ нимъ въ жизни случаи. Не оставили безъ вниманія и того любопытнаго превращенія, когда Потоцкій изъ владѣльца громад-

и въ нихъ имѣній съ миллионнымъ доходомъ (т. е. въ 1 миллионъ золотыхъ), содержавшаго до 3,000 надворного войска, вдругъ превратился въ базиліанскаго монаха, передавъ всѣ имѣнія роднымъ; а потомъ, выйдя изъ базиліанскаго ордена, сдѣлался малтийскимъ кавалеромъ. Можно думать, что этотъ его поступокъ объясняется желаніемъ предоставить своей молодой женѣ, съ которой онъ однако же жилъ, по законамъ развода получить не могъ,—освобожденіе отъ брачнаго обѣта и право вступить въ новый бракъ».

Каневскимъ староствомъ владѣлъ Потоцкій уже съ 1738 г. Въ это время въ составъ староства, кроме Канева, входили села: Степанцы, Куриловка, Масловка, Николаевка, Македоны, Туливы, Грицины, Костянецъ, Бобрица, Селище, Пиеничики, Букринъ, Ницальники, Ромалики, Грушевъ, Піи. Это перечисленіе, значающееся въ визитѣ униатскаго деканата за 1746 годъ, неполно. Изъ пяти селеній (Николаевка, Потокъ, Прицки, Піи, Пивцы), будто бы основанныхъ и наименованныхъ Потоцкимъ въ честь одной изъ своихъ метрессъ—Приськи, здесь упомянуты только два. Но изъ этихъ же селъ Пруцки или Прицки, равно какъ и Піи (откуда и уменьшительное Пивцы, лежитъ по соображенію), существовали несравненно раньше, еще въ первой четверти XVII вѣка, какъ это видно изъ люстраціи 1622 г. Такимъ образомъ, легенда объ этихъ селахъ представляется апокрифомъ или, по крайней мѣрѣ, должна быть съужена: Потоцкій могъ основать только Николаевку и Потокъ, по своему имени и фамиліи, первую раньше, вторую же постѣ 1749 года; ради Приськи переименованы развѣ Пруцки изъ Прутцѣкъ, хотя такой переходъ звуковъ (у въ і) и безъ того въ духѣ мѣстнаго говора. Вѣриѣ, что самыя названія дали поводъ сложить изъ нихъ фразу «Николай Потоцкій съ Приськой пѣсть пивцо», подобно тому, какъ имена мѣстностей близъ Чернигова послужили материаломъ для анекдота о ходебщикѣ-оферѣ, который будто бы излагать свой маринурѣ (Жуковка, Кулаковка, Выбіи, Черниговъ, Коты, Позуботки, Сядричи, Холявинъ, Сибережъ) въ такой уже черезчуръ оригинальной формѣ, что не представляется даже возможнымъ передать ее въ печати.

Легенда о «Бондаринѣ», убитой каневскимъ старостою, известна въ иѣсколькоихъ вариантахъ, напечатанныхъ въ различныхъ мало-русскихъ сборникахъ пѣсень. Но вариантъ г. Чознанскаго пред-

ставляеть значительныя различія въ подробностяхъ, а главное отличается совершенной цѣльностью, законченностью и некоторыми особенностями склада, указывающими, что и напѣвы этой пѣсни весьма неодинаковы по мѣстностямъ. Къ сожалѣнію, напѣвы ея до сихъ порь не были издаваемы ни разу, и въ этомъ отношеніи сообщеніе г. Познанскаго даетъ весьма интересную новинку. Въ виду многочисленности изданныхъ уже текстовъ (хотя и въ этомъ отношеніи остается сдѣлать гораздо больше того, что уже сдѣлано), и въ виду паводненія нашихъ сель чуждыми имъ мотивами, собирателямъ слѣдовало-бы обратить особенное вниманіе на записи напѣвовъ. Особенно цѣпки такія записи, какъ сдѣланный г. Краснокутскимъ, т. е. стремящіяся къ возможно точнѣйшей передачѣ особенностей народной интонаціи, отрѣшаясь отъ всевозможныхъ требований музыкальной теоріи, примененіе которой къ изслѣдованию народной пѣснности возможно будетъ и всегда въ будущемъ, лишь-бы только собрали были своевременно и въ достаточной полнотѣ *вполнѣ спирные* материалы. Большая часть нашихъ собирателей народной музыки тѣмъ именно и грѣшитъ, что не ограничивается записью, а *въ тоже время* разбираетъ напѣвъ, мысленно его аранжируетъ и т. д., а все это отражается невольными искаженіями народного мотива въ угоду требованіямъ теоріи, искаженіями мелкими, но нерѣдко лишающими его своеобразности, оригинальности, т. е. тѣхъ именно качествъ, которые особенно дороги въ этнографическомъ отношеніи.

Ив. Новицкій.

ЗАПРЕЩЕНІЕ КУПАЛЬСКИХЪ ОГНЕЙ.

Не смотря на многовѣковая преслѣдованія, многіе обряды языческой старины до сихъ порь еще сохраняются въ Малороссіи. Къ числу такихъ обычаевъ пригадлежитъ и празднованіе купала. Разведеніе купальскихъ огней, прыганіе черезъ зажженные костры и др. купальские обряды удержались у насъ не только въ глухихъ деревняхъ, но даже вблизи большихъ интеллигентныхъ центровъ; наприм. въ предмѣстяхъ г. Харькова до настоящаго времени можно наблюдать упомянутое сбывшееся. Но всей вѣроятности обряды подобные купальскому удерживаются народомъ до нашихъ дней

собствено потому, что народъ не находить въ нихъ ничего языческаго, ничего противурѣчащаго религії, а смотрить на нихъ лишь какъ на простое развлеченіе въ своей однобразной трудовой жизни.

Въ прошломъ стolѣтіи дѣломъ искорененія остатковъ языческихъ обрядовъ занимались архіереи, которые первѣко обращались къ настѣнѣ съ посланіями и увѣщающими отстать отъ исполненія этихъ обрядовъ; но въ болѣе важныхъ случаяхъ, именно когда послѣдствіемъ исполненія какого либо обряда было какое либо несчастье, наприм. чья либо смерть, искалеченіе и т. п., въ такихъ случаяхъ и гражданская власть принимала мѣры къ отмѣнѣ обряда.

Приводимъ распоряженіе, сдѣланное малороссійскимъ войско-вымъ генеральнымъ судомъ въ 1769 году о воспрещеніи празднованія кунала. Поводомъ къ его опубликованію, какъ увидимъ, былъ именно одинъ несчастный случай, который произошелъ въ мѣстечкѣ Ичиѣ, выгнанного борзенскаго уѣзда.

Указъ ея императорскаго величества, самодержицы всероссійской изъ генерального суда въ полковую черниговскую канцелярію.

Введенное между невѣжества и вездѣ безъ всякого помѣшательства и воспіяній распространяющееся застарѣлое игрище, называемое кунальень огонь, которое законами давно пресѣчено и истреблено вѣдно, вмѣсто того, по повторству и упущеніямъ правительства, на коихъ должности сіе искорененіе должно залежитъ, открывается нынѣ неизбѣжные уже убийства случаи, о чёмъ самимъ дѣломъ въ судѣ генеральномъ доказательство есть: что въ полку прилуцкомъ, въ мѣстечкѣ Ичиѣ, при разведенномъ собравшимися на таково игрище невѣжами огнь, когда оной при ночномъ времени съ обоихъ сторокъ одними противъ другихъ пересеканіемъ, то одни противъ другихъ съ немалимъ по всей силѣ стремлениемъ на самомъ томъ огнѣ сѣбѣгшиесь, толь жестоко ударились, что одна съ того числа девка на смерть убита въ самомъ томъ огнѣ, и хотя убійца, въ разсужденіи неумислу, отъ смертной казниувольняется, однако какъ за жестокимъ въ страхѣ другимъ публичнымъ безъ пощады наказаниемъ и платежемъ головщины, такъ и немало-временнымъ тюремнымъ содержаніемъ (наказаніемъ). А какъ по сему дѣлу и отъ малороссійской коллегіи велико отъ таковыхъ противозаконныхъ игрищъ не токмо воздерживать и до оныхъ невѣжествъ не допушдать,

но и вовсіа искоренить, дабы оныхъ нигдѣ не было: того ради, по указу ея императорскаго величества и по опредѣлению генерального суда, какъ въ прочіе малороссийскихъ полковъ полковыя канцеляріи указы посланы, такъ и въ полковую чернѣговскую канцелярію келько послать сей указъ и предложить, дабы отнынѣ во всемъ томъ краю навсегда и вездѣ, во всякомъ мѣстѣ деревнѣ и селѣ, до посѣданія поселенія, генеральное запрещеніе учинено впередъ таковыхъ и законами запрещенныхъ игрищъ, отъ коихъ часто худіе случаи слѣдовать могутъ, отнюдь не дѣлать, съ притверждениемъ неупустительного всѣхъ въ томъ оказавшихся жестокаго безъ пощады наказанія, и полковой чернѣговской канцеляріи крепѣжно исполнить по сему, а въ прочіе малороссийскихъ полковъ полковые канцеляріи указы всѣмъ посланы. 1769 году, марта 12 дня¹⁾.

П. Е.

ВОЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ УПРАЖНЕНИЯ ВЪ ЮЖНО-РУССКИХЪ СУДАХЪ XVII СТ.

Съ концемъ XVI и началомъ XVII ст. наука и образованіе въ южной Руси сильно двинулось впередъ. Явилась школы, типографіи, цѣлый рядъ ученыхъ, изощренныхъ въ діалектизѣ, цѣлый рядъ сочинений, направленныхъ къ обличенію и пораженію католичества, въ лицѣ которого православная домократическая Русь боролась съ католическо-шляхетскою Польшею. Духъ обличенія, злой сатиры, язвительной насмѣшки, легкой шутки возобладалъ въ тогданий литературѣ и самомъ обществѣ. Но печать, при тогданиемъ несовершенствѣ и дороживши тиографскаго дѣла, не могла удовлетворять зародившемуся направлению, и рядомъ съ непечатною литературою и помимо ея существовала гораздо болѣе обширная письменная литература, которая не стѣснялась уже никакими формами и рамками, во-все не ограничивалась излюбленнымъ предметомъ обличенія, но проникла во всѣ сферы жизни своего даже общества, всюду находила предметъ для насмѣшки или шутки и воспроизводила забавное и смѣшное въ самыхъ разнообразныхъ формахъ человѣческаго слова.

¹⁾ Изъ Архива малороссийской коллегіи, состоящаго при харьковскомъ университѣтѣ.

Къ числу разнообразныхъ произведений старинной южно-русской литературы этого рода, какъ назиную ся стуницу, можно отнести тѣ, которыя мы отмѣтили въ заглавіи пастоящей замѣтки. Происхожденіе ихъ слѣдующее. Все судебное производство и решенія судовъ того времени заносились въ такъ называемыя актовыя книги,—огромные фоліанты въ нѣсколько сотъ листовъ, переплетенные и скрѣпленные по листамъ. Каждое занесившееся въ эти книги дѣло начиналось съ верхней части листа; ему предшествовалъ какой либо замыловатый рисунокъ, нерѣдко фамильный гербъ истца, а затѣмъ начальная буква разрисовывалась первомъ въ огромныхъ размѣрахъ на разныя лады. Но по окончаніи записи оставалось часто свободное мѣсто до конца страницы и листа, и это мѣсто судовые писцы, во избѣженіе добавокъ и приписокъ, обязаны были перечеркивать и надинсивать *гласа*, т. е. пустая страница, пустое мѣсто. На этихъ-то пустыхъ мѣстахъ канцелярскіе чиновники тогдашихъ судовъ, помазавшися просвященiemъ и чувствовавшіе паклонность къ литературнымъ занятіямъ, и дѣлали пробу своего пера. Это были шуточные жалобы въ формѣ судебныхъ протоколовъ и решеній, съ соблюденіемъ всей обстоятельности судоговоренія, важности декрета и строго дѣловаго языка. Тутъ обличается служивецъ по столу въ небывалыхъ, болышею частію въ мелочныхъ, не заключавшихъ въ себѣ состава преступлений дѣяній и присуждался къ суровому наказанію: «туренному увѣзенію, карашю на горѣ, или баницію», или какіе либо знакомые, пріятели между собою, представлялись тяжущимися изъ-за какого набудь издора и получали не менѣе суровый «вырокъ». Но, помимо личныхъ, хотя-бы и шуточныхъ счетовъ, въ жалобахъ этого рода проглядываетъ часто стремленіе извѣтить общественные пороки, подъ часъ самъ судъ съ его приводными и пристрастными решеніями, съ его формалистикой, отвѣждывающей велблуды и поглощающей комары. Въ такихъ случаяхъ нерѣдко олицетворяются неодушевленные предметы и ставятся на мѣсто дѣйствующихъ лицъ. Во всѣхъ упражненіяхъ назиннаго рода много комизма по самой сущности дѣла, много разыщано бытовыхъ чертъ и однообразно лишь одно: судебныхъ формъ и дѣловой, убийственный языкъ. Этихъ упражненій въ актовыхъ книгахъ кievскаго центрального (а вѣроятно и вилен-

скаго) архива такъ много, что изъ нихъ могъ-бы составится обширный сборникъ памятниковъ литературы совсѣмъ иенизѣйской.

Изъ огромнаго числа такихъ памятниковъ мы приводимъ здѣсь одинъ, представляющій, какъ кажется, шутку бѣдняка надъ самимъ собою, а быть можетъ и вообще шутку надъ бѣднякомъ, неумѣющимъ держать гропъ въ карманѣ. Грошъ олицетворенъ здѣсь въ видѣ пана, ведущаго тяжбу съ калитою (кошелькомъ), за небрежное его содержаніе присуждаемою къ уплатѣ пану гропу штрафа «два кротъ сто тисечи пенізей литовскихъ». Заглавіе и содержаніе этого памятника слѣдующее:

Зыскъ отъ пана гропа на калите отринутый.

Року тысяча шесть сотъ пятьдесятъ пятого мѣсяца генваря тринацдатаго дня.

На рокахъ судовыхъ земельскихъ луцкихъ на завтре, по трохъ крояхъ, святе рымъскомъ, въ року звышь нанисаномъ приналыхъ и судовне одправовать зачатихъ, предъ нами Андреемъ Диневскимъ, судемъ, а Вацлавомъ на Бонюахъ Гулевичемъ, подсудкомъ, урядниками судовыми земельскими луцкими, кгда се приточала справа зъ реестру судового, за приволанемъ воиного шляхетскаго, Валентого Павловскаго, можи цнотливымъ и у людей великихъ, стану шляхетскаго и посполитого, месце маючимъ гропемъ, а калитою безъ гропей, маючою, позваною, за позвомъ земелькъ луцкихъ, отъ новодовое стороны во роки теперешние въ справе нижей менованой выданымъ. Тады становившиися очевисто у суду умоцованый стороны новодовое, шляхетне уробленый черцовъ насть, позваную, ижъ се, за потритинымъ презъ три дни воиного вынъ менованого приволыванемъ, до права не становила и о нестану своемъ судови нинешнему и стороне новодовой жадное ведомости не дала, за чимъ оную, яко не сталую, а частокротъ одѣлъяса уръваную, албо урезаную, зъ дощучея сурогово на упадъ взыску речи въ позве нижей инсерованомъ менованое, зъ волнымъ однакъ тое справы арентомъ до звыклое годину въздаль на позовъ, такъ се въ собе маючий: Тобе у людей засныхъ, такъ стану шляхецкаго, яко и посполитого, гропей сила маючихъ месца пе маючай калите, зъ особы моєе у людей великихъ месце маючое приказуемо, абы не

только на термине быть ознатеноиъ, але где тильбо потреба укажетъ, на жалобу и правное понарте цвотливого и у зюдей вшелякихъ, стану свецкого и духовного, богатыхъ и убогихъ, а паветь у иеццотливыхъ жидовъ и караимовъ месце маючого пана грома, который тебе позываетъ о то, ижъ ты, зъ стародавныхъ вековъ взявши одь килька тисечей летъ у людей розныхъ мужское и белоголовское плоти, у пояса пленипотента стороны поводовое будучи завищена, албо привязана, часто кротъ ирезъ менкорезовъ урезана бываешъ, а часомъ тежъ урьвавшии въ болото впадаешь, за чимъ менкоризы и пяницы бынайзаный и мене не юшуютъ, а въ болоте люде и быдлята розныи конци на мене влюютъ, абысь теды на вицелякомъ термине стала, а большей се при пленипотенте моемъ не привязовала, масть поводъ месце слушное у розное кондиции людей въ инкатулахъ, а тебе зналезши и марне пяницы и костыри стративши, ходять часомъ въ одныхъ кошуляхъ. А жебы поводъ мель тебе въ чомъ вздати, ищауетъ собе шкодъ на дни кротъ сто тисечей иннезей литовскихъ (писани року тисеча шесть сотъ пятьдесят пятого), которого вздания, ижъ позваная будучи о години звуклое арештовой до аресту тое справы ирезъ того-же возного вышъ менованого ирволовыава не арестовала и арестовать не хотѣла, а иреречоный умоцованый стороны поводовое на иси, яко несталой и права послолитого непослушной, просилъ и домавлять се, ирето судъ нинешний земльский луцкий, за нестасемъ позваное, а за домовенемъ се и права иправными поступьками умоцованого стороны поводовое прихилиющиися, въ томъ до права послолитого въ далшомъ тое справы поступку въ способъзыку суми два кротъ сто тисечей иннезей литовскихъ поводовое стороны на позваной вицелякихъ добрахъ, се где кольвесъ маючиихъ, всказуетъ и ирисужаетъ, а на одираву и мощнную и скучечную екзекуцию до Крыму до пана Яна одсыпаетъ, што все для памети до книгъ земльскихъ луцкихъ есть записано. М. Р.

Кн. Луцкая зап. декрет. и поточ. справъ, № 2843, л. 69 на обор.

Сообщ. П. Шеболдаевъ.

ГОДИЧНОЕ СОБРАНИЕ ОБЩЕСТВА ПР. НЕСТОРА И ОТЧЕТЬ О ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЗА 1884—85 Г.

27 октября сего года въ актовомъ залѣ университета св. Владимира проходило скромное научное торжество. Существующее въ Киевѣ историческое общество преч. Нестора лѣтописца имѣло свое годичное засѣданіе. Такія собрания принято называть торжественными; никакой однако торжественности на этомъ скромномъ празднике научного общества не было теперь, какъ не было и прежде. Никого изъ высокопоставленныхъ лицъ, кроме супруги члена государственного совета, т. с. Г. И. Галагана, Е. А. Галаганъ, никакой особой обстановки, ни одного экипажа у подъѣзда. Собрались труженики и любители науки и масса учащейся обоего пола молодежи. Предсѣдатель общества профессоръ В. Б. Антоновичъ только что возвратился изъ заграничной поѣздки, продолжавшейся несколько мѣсяцевъ. Засѣданіе открыто чтеніемъ реферата члена общества П. И. Йинецкаго, подъ заглавіемъ: «Церковно-славянский языкъ въ малорусской книжной рѣчи XVI—XVII ст.». Это отрывокъ изъ обширнаго, глубоко научнаго труда пользующагося заслуженною известностью ученаго. Форма живой рѣчи, прекрасная, выразительная дикція въ соединеніи съ богатымъ содержаніемъ дали этому реферату особый интересъ, и онъ вызвалъ собравшееся публикою съ большимъ вниманіемъ и живѣйшимъ любопытствомъ. За тѣмъ секретарь общества, профессоръ И. И. Данилевичъ прочелъ краткій отчетъ, который мы и приводимъ здѣсь цѣликомъ.

Общество наше постановило посвящать день преподобнаго Нестора лѣтописца годовымъ собраниямъ. Согласно этому, оно имѣть честь представить царѣ вашему, м. м. г. г., просвѣщенному вниманию, отчетъ о своемъ составѣ и дѣятельности за 1884 и 1885 годы.

Наше воспоминаніе объ этихъ годахъ омрачено горестными потерями: историческое общество лишилось честившихся въ его составѣ четырехъ почтеннѣйшихъ дѣятелей русской науки, утратило двухъ почетныхъ членовъ: гр. А. С. Уварова и И. И. Костомарова, и двухъ действительныхъ: Ф. А. Териовскаго и А. Ф. Кистяковскаго. Высокія научныя заслуги этихъ дѣятелей известны присут-

ствующимъ, оценены по достоинству русскою наукою и обществомъ, и воспоминающему о нихъ остается повторить общее признаніе этихъ заслугъ. Графу А. С. Уварову русская археология чрезвычайно обязана какъ цѣнными въ вышней степени разысканіями въ ея области, такъ равно оживленіемъ и распространіемъ интересовъ археологии въ нашемъ отечествѣ. Н. Н. Костомаровъ, скончавшійся въ одинъ изъ дней празднованія памяти славянскихъ первоучителей, выказалъ ибъогда здѣсь, въ Киевѣ, горячее проникновеніе идею первоучителей, занимаясь древнею исторіею славянства, по сосредоточить свои труды въ области отношений русского и польского племени и вообще въ области русской исторіи. Безъ сомненія вы, м. г., сами извѣдали весь высокій интересъ трудовъ Костомарова, оцѣнили мастерство возсозданія замѣтальнѣйшихъ событий отечественной исторіи, въ связи съ глубокимъ психологическимъ анализомъ и выясненіемъ общественныхъ течений, обусловливавшихъ события. Въ изученіи народной поэзіи Н. Н. Костомаровъ не проявилъ такой-же исчерпывающей эрудиціи, но онъ былъ однимъ изъ начинателей этого изученія у насъ, указалъ на высокое историческое значение народной поэзіи и былъ превосходно знакомъ съ нею. Имя Ф. А. Терновскаго останется въ лѣтоисчислѣ русской исторической науки, которая будетъ помнить его, какъ одного изъ русскихъ византинистовъ и оригинального историка религіозной жизни; оно будетъ жить въ частности въ памяти нашего исторического общества: покойный былъ однимъ изъ основателей и дѣятельнѣйшихъ членовъ его; наименецъ, свѣтлый образъ покойнаго останется въ сердцахъ его знавшихъ и уважавшихъ высокія личвныя достоинства его. А. Ф. Кистяковскій соединялъ съ многостороннимъ юридическимъ образованіемъ обширная историческая познанія и основательное знакомство съ обычнымъ правомъ. Онъ удѣлялъ время и постоянному посвященію нашихъ собраний, принималъ участіе въ обсужденіи научныхъ докладовъ и самъ представлялъ ибѣсколько цѣнныхъ историческихъ сообщеній.

Воспоминаніе объ этихъ не устававшихъ въ своей трудовой жизни дѣятеляхъ науки, числившихся и состоявшихъ въ нашей средѣ, да послужитъ намъ однимъ изъ завѣтовъ, которыхъ оставляютъ славные дѣятели прошлаго смигнущимъ ихъ поколѣніямъ!

Въ отчетное время историческое общество увеличило свой составъ, избравъ въ свои дѣйствительные члены: доцентовъ киевской духовной академіи В. З. Завитневича и А. А. Дмитріевскаго, приват-доцента университета св. Владимира С. И. Беха, профессора русской исторіи въ ижинскомъ историко-филологическомъ институтѣ М. Н. Бережкова и занимающихся южно-русской исторіею и словесностью В. П. Горленка, К. П. Михальчука, Е. И. Турчаковскаго и Ф. И. Николайчика.

Въ настоящее время состоять почетныхъ членовъ общества 13, дѣйствительныхъ 84.

Въ составѣ совета исторического общества не произошло никакихъ перемѣнъ, за исключеніемъ принятія должности библіотекаря Ф. Я. Фортинскаго. Вновь были избраны на три года: въ должность предсѣдателя общества В. Б. Антоновичъ, въ званіе товарища предсѣдателя И. И. Малышевскій, въ должность секретаря Н. И. Дашкевичъ и казначея С. Т. Голубевъ.

Дѣятельность исторического общества за отчетное время проявилась въ сообщеніяхъ, читанныхъ его дѣйствительными членами въ засѣданіяхъ общества.

Въ 11 собраніяхъ были выслушаны сообщенія дѣйствительныхъ членовъ: Ф. Г. Мищенка (О царскихъ скилоахъ), В. Б. Антоновича (О раскопкахъ у трехсвятительской церкви въ Кіевѣ), Н. П. Дацкевича (Новѣйшия домыслы о Болоховѣ и болоховцахъ; Данныя для древнерусской исторіи въ IV-мъ т. Monumenta Poloniae), А. И. Соболевскаго (Замѣтка къ тексту «Слово о полку Игоревѣ»), О. Н. Левицкаго (Черты соборнаго устройства западно-русской церкви въ XVI и XVII в.), В. Б. Антоновича (О записной книжѣ Михаила Мовчана), И. В. Лучицкаго (О новыхъ данныхъ касательно возмущенія бывшаго въ 1687 г. на лѣвой сторонѣ Днѣпра; нѣсколько данныхъ о частныхъ архивахъ и въ особенности о документахъ архивовъ Стаковича и Селецкаго, касающихся вопроса поземельного и финансовой организаціи въ XVIII в.), В. П. Науменка (О хронографахъ южно-русского извода; О ново-открытой южно-русской повѣсти XVII в.), А. А. Андріевскаго (Объ отношеніяхъ между мѣщанами и козаками въ Кіевѣ въ XVIII в.), М. И. Истомина (О пограничныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши въ половинѣ XVIII в.), И. М. Каманина (О киевскихъ войнахъ XIX в.), О. Н. Левицкаго (О

«пророкъ» Марчинкевичъ въ Киевѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ), М. И. Кулышера (Объ аратахъ кавказскихъ горцевъ), И. Н. Крыжановскаго (Постановка вопроса о происхождении церковно-славянского языка и объ изобрѣтеніи славянской азбуки).

Библіографическая сообщенія были представлены Ф. С. Миценкомъ (о XIII-мъ т. Записокъ одесск. общества ист. и древн. и о книгѣ Шрадера: «Сравненіе языковъ и древнейшая исторія») и И. И. Дашкевичемъ (О книгѣ Abel's: Gross und klein-russisch).

Въ память скончавшихся членовъ исторического общества были представлены характеристики ихъ трудовъ. В. Б. Антоновичъ охарактеризовалъ научную дѣятельность графа А. С. Уварова и И. И. Костомарова; заслуги Костомарова, какъ этнографа, помянула В. И. Науменко; воспоминаніе о Ф. А. Терновскомъ сообщилъ Ф. Я. Фортинский, объ А. О. Кистяковскомъ И. В. Лучицкій и Ф. Г. Миценко. Сверхъ того М. И. Кулышеръ прочелъ о дѣятельности К. Д. Кавелина, какъ этнографа.

Къ изданию II-го и III-го выпусківъ своихъ чтеній историческое общество не приступало. Скорѣйшее осуществленіе плана этого изданія, выработанного нарочно избранной для того комиссию, будетъ зависѣть отъ ускоренія пересмотра референтами сообщеній, какъ явившихся уже въ печати, такъ и остающихся еще въ рукописи.

Оживленію дѣятельности исторического общества въ будущемъ могли бы оказать содѣйствіе просвѣщенные читатели старины, сообщая свѣдѣнія о находкахъ, раскопкахъ и т. п. До настоящаго времени участіе постороннихъ лицъ ограничивалось принесеніемъ въ даръ библіотекѣ общества различныхъ изданій. За таковыя пожертвованія историческое общество считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить свою признательность г.г. Буличу, Н. К. Ренкенкампфу, Дембовецкому и Дашкову, а также Церковно-Археологическому Обществу при кіевской духовной академіи.

Ножелаемъ, чтобы труды исторического общества, а равно и вниманіе къ нимъ со стороны просвѣщеныхъ любителей исторического знанія, возрастали вмѣстѣ съ укорененіемъ въ сознаніи той давно уже признанной истины, что «исторія въ некоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ, главная, необходимая... завѣтъ предковъ потомству, дополненіе, изясненіе настоящаго».

Это великое значение отечественной истории было созано въ на-
шемъ славномъ городѣ рапѣ, чѣмъ въ другихъ средоточіяхъ про-
свѣщенія на Руси: здесь подвизались начинатели русскаго пись-
пенія, труды которыхъ воспоминаются съ именемъ преподоб-
наго Нестора.

ВСЕНАРОДНОЕ КУПАНЬЕ ВЪ ОЗЕРѢ И СУ- ДЕБНАЯ ОТЪ ТОГО ВОЛОКИТА.

Лѣтнею порою 1833 г., въ знойный палаяцій день, на чигирин-
скихъ поляхъ, гдѣ въ бытныя времена гарцовали отважные рыцари
козаки и проходили несмѣтныя полчища турокъ и татаръ, въ трехъ
верстахъ отъ с. Подорожняго, на берегу озера Петровскаго, стояла
небольшая кучка обоего пола крестьянъ. Къ нимъ то и дѣло при-
бывали группы мужчинъ и средняго возраста женщинъ изъ того-же
села. Въ самомъ озерѣ, певдалекъ отъ берега, на возу, запряжен-
номъ пароюоловъ, стоялъ въ однѣмъ бѣльѣ, съ непокрытой голо-
вой, рослый, широкоплечій мужчина, лѣтъ 45-ти, и исматривалъ въ
ожиданіи чего-то на берегѣ. Собравшіеся о чёмъ-то жарко толко-
вали. Народъ сбился за симъ въ кучку; въ ней что-то продѣлывалъ
другой рослый, иѣсколько моложе, мужчина; изъ кучки слышался
женскій пискъ и визгъ, вокругъ раздавался смѣхъ и мужицкое
галдѣніе. Вдругъ надъ головами столпившихся показалось что-то
бѣлое на дюжихъ рукахъ стоявшаго въ срединѣ человѣка. При-
смотрѣвшись ближе, можно было разглядѣть въ этомъ бѣломъ человѣ-
ческую фигуру, согнутую дугой. Ни рукъ, ни ногъ не было видно
и только толстая прядь волосъ съ непокрытой наклоненій головы
падала внизъ, разсыпаясь въ беспорядкѣ. То была женщина-кресть-
янка, по прозванию Марія Дяченкова; была она въ одной рубахѣ и въ
сидячемъ какъ-бы положеніи, ибо руки у нея были привязаны къ по-
гамъ. Крѣпкій мужчина несъ эту иону къ возу; стоявшая на берегу
толпа гоготала. Стоявший на возу принялъ иону; онъ вродѣль
между рукъ и ногъ женщину, но ея животу, толстую веревку и
опустилъ женщину съ воза въ воду. Женщина взвыгнула, всей
тяжестью своего тѣла нырнула въ воду, по снова быстро поднята
вверхъ. Погруженіе повторено еще два раза и затѣмъ женщина

была вытянута на возвъ. Погружавшій развязалъ ей руки и ноги и пустилъ ее къ берегу. Женщина плелась по водѣ съ крикомъ и бранью, выбираясь на сушу; стоявшіе на берегу хохотали, отпуская шутки и остроты.

Пока переодѣвалась и развязывала голову Марія Дяченкова, связали Прасковью Харенкову, потомъ Ислагею Костенкову, а за ними Марію Сѣроштанову и Ислагею Вакуленкову и каждую изъ нихъ тѣмъ-же порядкомъ выносили на возвъ, троекратно опускали въ воду и, развязавъ, отпускали на берегъ, при неустававшемъ смѣхѣ и шуткахъ стоявшей на берегу толпы. Агафія Гекалова и другія купались добровольно и не были подвергнуты связыванію по рукамъ и ногамъ и насильственному опусканію въ воду.

Что за необыкновенное явление? Чего ради собрался этотъ падѣть подъ палящимъ зиомъ солнца вдали отъ села, на берегу озера? Что вродѣльвать онъ съ этими связанными женщинами, чего добивался отъ нихъ, окуная ихъ въ воду, что хотѣть онъ этимъ путемъ узнать или получить отъ нихъ?

Стояли тогда страшные жары, была сильная, продолжительная засуха: огороды повыгорали, поля повысыхали. Народъ изстрадался, скотина измучилась, не находя нигдѣ корму. Ходили люди съ крестными ходами по полямъ, святили воду въ «приницахъ». Батюшка говорилъ: «молитесь! Богъ дождь исполнитъ». Молились, а дождя пѣтъ, какъ пѣтъ. Старики стали говорить: «Что толковать? Вѣдьмы дождь задерживаются: На нашей памяти бывало: опустить вѣдьму въ воду и дождь послѣ того идетъ». Толковали между собою по поводу сего выборный атаманъ с. Подорожняго Яковъ Терещенко (онъ-же Сосновский) и сотскій Никифоръ Гекало и нашили, что надо у писаря спросить, а громадскій писарь Высоцкій сказать: «есть-де у него въ разсужденіи сего и приказъ отъ земскаго суда». Пошли къ священнику, о. Грушевскому, спрашиваются: какъ быть? старики говорятъ... и писарь сказывалъ, что и приказъ такой есть...—А коли такъ, говорить батюшка-наставникъ, то я благословляю и Богъ благословить.

И вотъ утромъ въ слѣдующій день сотскій Гекало даетъ десятнику Григорію Бережниченку приказъ: «иди, выгоний бабъ! пусть сходятся къ сборнѣ, пойдемъ на озеро купатъ». Бабы сходились, и нашла даже жена сотскаго Гекала, а за тѣмъ произведено известное

уже купанье. Некоторые изъ окупаемыхъ въ озеро женщины тогдаже признаны были вѣдьмами, потому что не тонули въ водѣ. Имъ было стыдно, народъ смеялся, а дождь все таки не пошелъ.

Бабъ отпустили. На томъ-бы и дѣлу конецъ, но пошла по селамъ молва, что вотъ де въ Подорожномъ купали бабы: передавалось и пересыпалось проишшедшее на всѣ лады, говорили, что не желавшихъ купаться бабъ били, вязали, тошили, что многія притомъ изувѣчены, что производились непристойныя отыскиванія наружныхъ признаковъ вѣдѣмства, крики, шутки и пр. Говорили, что самъ батюшкѣ благословилъ купать и даже лично при купаньї находился. Стало все это известнымъ въ съсѣднемъ селѣ Чаплинцахъ, гдѣ жилъ благочинный Березницкій. Тутъ раньше былъ писарь Высоцкій и «совѣтовалъ» тамошнему сотскому Евстратію Литвиненку также выкупать женщинъ, говоря, что такой у него писаря и приказъ отъ земскаго суда есть; но Литвиненко не рѣшился этого сдѣлать, такъ какъ при Высоцкомъ не оказалось самаго «новѣнія судового». Быль-ли благочинный дѣйствительно возмущенъ проишшедшими въ подвѣдомомъ ему приходѣ безчиниемъ, имѣвшимъ противуцерковный и противурелигіозный характеръ, или онъ боялся ответственности за умолчаніе о проишествіи, получившемъ общую известность, цо только вскорѣ отъ него поступиль въ чигиринское духовное правлѣніе рапортъ о случавъ въ с. Подорожномъ, а духовное правлѣніе отнеслось въ чигиринскій земской судъ о производствѣ слѣдствія по сему дѣлу и преданія виновныхъ суду. Началось дѣло, длившееся цѣлыхъ пять лѣтъ.

Мы не будемъ слѣдить за ходомъ самаго дѣла, представляющимъ обычную въ тѣ времена медленность дѣлопроизводства и пререканія властей; отметимъ лишь сущность добытыхъ слѣдствіемъ данихъ и судебное по нимъ решеніе.

Обвинялись въ произведеніи всепароднаго насильственнаго и безчиннаго купанья женщинъ въ озераѣ известные уже намъ атаманъ с. Подорожняго Яковъ Терещенко и сотскій Никифоръ Гекало. На слѣдствіи они показали все такъ, какъ было и какъ изложено выше. Разошлись лишь въ показаніяхъ относительно священника Грушевскаго: атаманъ утверждалъ, что батюшкѣ благословилъ купать женщинъ, а сотскій этого не признавалъ и подтверждалъ лишь то, что ходили они къ батюшкѣ на совѣтъ и съ изувѣчениемъ,

что есть у писаря приказъ отъ земскаго суда купать по вѣмъ селамъ женщинъ для низведенія дождя. На очныхъ ставкахъ и при перепросахъ каждый изъ нихъ остался при своемъ и только атаманъ съ болицю энергіею утверждалъ, нежели сотскій отрицалиѣ вѣрность его показанія. Писарь Высоцкій умеръ прежде, чѣмъ приступлено было къ слѣдствію, а это послѣдовало спустя годъ послѣ происшествія. Церковный староста, котораго благочинный и представлялъ, какъ свидѣтели суевѣрнаго безчинія, показалъ, что видѣть купанье лишь издали, случайно проѣзжая по полю, и никакого и ничего въ частности не замѣтилъ. 15-ть крестьянъ изъ числа присутствовавшихъ подтвердили во всемъ показанія подсудимыхъ; сами потерпѣвшія женщины все до одной удостовѣрили, что никакого насилия имъ, кроме привязыванія рукъ къ ногамъ и опусканія въ воду на канатѣ, не было дѣлаемо, никакихъ побоевъ иувѣчья онѣ не понесли и даже никакихъ будто-бы криковъ при томъ ихъ купаньїе не было. Отъ священника Грушевскаго требовалось особо письменное свидѣтельское показаніе, и онъ въ общихъ чертахъ показать согласно съ подсудимыми, отвергая лишь даchu имъ благословенія на купанье женщинъ и личное свое въ томъ участіе.

Въ такомъ видѣ дѣло изъ земскаго суда передано въ уѣздный, который на основаніи подлежащихъ статей закона передалъ оное на рѣшеніе совѣстнаго суда въ Кіевѣ. Послѣдній въ половинѣ іюня 1838 г., ровно чрезъ пять лѣтъ отъ начала дѣла, постановилъ было оставить обвиняемыхъ, ради ихъ простоты, безъ всякаго наказанія, но потомъ на черновомъ докладѣ такое опредѣленіе было зачеркнуто и карандашемъ написано другое, которымъ судъ постановилъ: атамана Икова Терещенко и сотскаго Никифора Гекала подвергнуть наказанію каждого десятю ударами плети чрезъ полицейскихъ служителей при чагиринскомъ уѣздномъ судѣ. Судъ мотивировалъ это новое свое рѣшеніе необходимостью дать остракту другимъ, во избѣженіе повторенія подобныхъ случаевъ, а равно и тѣмъ соображеніемъ, что Терещенко и Гекало, хотя дѣйствовали по вѣразумію, но обязаны были, какъ начальственныя лица, отводить другихъ отъ подобныхъ суевѣрныхъ дѣйствій. Такжѣ взяли у судьи и на священника Грушевскаго, который, по его мнѣнію, обязанъ быть отклонить своихъ духовныхъ чадъ отъ задумываемаго ими безчиннаго купанья, но, какъ удостовѣрено слѣдствіемъ, сего

не исполнилъ. На такое рѣшеніе судъ испрашивалъ согласіе кіевскаго губернатора и, по полученіи онаго, сообщилъ кіевскому губернскому правленію для предложенія чигиринскому уѣздному суду относительно исполненія надъ подсудимыми Терещенкомъ и Гекаломъ присужденного имъ наказанія плетьми, а о священикѣ Грушевскомъ сообщилъ, съ препрожденіемъ всего слѣдственнаго дѣла, кіевской духовной консисторіи для сужденія о его поступкѣ. Окончательное рѣшеніе консисторіи о священикѣ Грушевскомъ намъ неизвѣстно, но изъ дѣла видно, что еще задолго до рѣшенія суда онъ былъ перемѣщенъ на другой приходъ.

Такъ кончилось это суевѣрное, слишкомъ обыкновенное въ нашемъ простомъ народѣ дѣло.

Много было писано у насъ о суевѣрномъ обычаяхъ, послужившемъ и въ данномъ случаѣ основою для началія дѣла; и въ печати и еще болѣе въ устныхъ разсказахъ много можно найти указаний на случаи подобные настоящему; но въ первый разъ мы натолкнулись въ одномъ изъ дѣлъ архива кіевского окружнаго суда на такой фактъ, формально обслѣдованный во всѣхъ его подробностяхъ. Пять лѣтъ держало это дѣло въ страхѣ жителей с. Подорожнаго и ихъ пастыря духовнаго. Много исписано по нему бумаги и изведенено черниль; много перепортили крови всѣ эти стряпчие, судьи, слѣдователи, депутаты и болѣе всѣхъ суетившійся въ этомъ дѣлѣ благочинный Березинецкій. А народъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на дѣйствія властей; рѣшеніе суда и принятія Терещенкомъ и Гекаломъ плети не поколебали вѣковыхъ его вѣрованій. И теперь народъ вѣритъ, что именно вѣдьмы задерживаютъ дождь, что стоять выкупать вѣдьму въ водѣ, какъ дождь пойдетъ, и что которая женщина не тонеть въ водѣ, та и есть вѣдьма. Не плетьми вычищаются подобныя вѣрованія...

К. Цыбульский.

ОВЪЯВЛЕНИЯ.

Открыта подписка на 1886 г. на слѣдующіе журналы и газеты.

,ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ.“

(VIII ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

Большой иллюстрированный журналъ, представляющій, въ картинахъ и текстѣ, всѣ выдающіяся событія міровой жизни.

Подписанная цѣна на годъ 4 р. безъ доставки и 5 р. съ доставкою и пересылкою. Журналъ выходитъ еженедѣльно, т. е. 52 № № въ годъ; всего окколо 1000 гравюръ и до 1200 стравицъ.

Каждый № заключаетъ подробное и обстоятельное изложеніе событій истекшей недѣли.

Это необходимоѣ изданіе: для семьи, публичныхъ и частныхъ библіотекъ, клубовъ, отелей.

Журналъ даетъ:

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПРИЛОЖЕНИЯ въ которыхъ, въ теченіи года, помѣщаются наиболѣе выдающіяся беллетристическая произведенія корифеевъ иностранный литературы.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЛОЖЕНИЯ, представляющія снимки съ новѣйшихъ капитальныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКАЯ МОДЫ съ выкройками въ натуральную величину. Въ годъ около 500 рисунковъ модъ съ описаціями.

Годовые подписчики «Иллюстрированного Mira» получаютъ, кроме всего, еще главную бульшую премію: **РОСКОШНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ АЛЬБОМЪ**, состоящій изъ двадцати фотографическихъ снимковъ съ классическихъ произведеній знаменитыхъ художниковъ: русскихъ, италіанскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ. Каждая фотографія сопровождается портретомъ художника, его біографіею и описаниемъ картины.

Годовые подписчики, заявившіе свои требованія до 15 декабря, получаютъ съ 1 № журнала: **ОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ** на 1886 г. Компактный, тщательно составленный, устрашающій необходимость приобрѣтенія даже толстаго календаря.

Допускается подписка въ разсрочку: при подпискѣ 2 р., къ 1-му марта 1 р., къ 1-му юля 1 р., и къ 1-му сентября 1 р.

Желающие ознакомиться съ журналомъ, могутъ получить пробный № за двѣ 7-ми копѣчные марки.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 76.

Редакторъ-Издатель В. П. Турба.

ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ НА СУШЬ И НА МОРѢ

„ВОКРУГЪ СВѢТА“.

(II ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Выходъ въ свѣтъ журнала «Вокругъ Свѣта» въ 1885 году ознаменовался еще небывалымъ успѣхомъ. Спросъ на журналъ былъ такъ великъ, что редакція принуждена была послѣдовательно выпустить до восьми изданій первыхъ № №.

Выполнивъ свою обширную программу и давъ своимъ читателямъ за ничтожную цѣну массу въ высшей степени интереснаго и полезнаго чтенія и рисунковъ, въ 1886 году редакція будетъ стараться сдѣлать свой журналъ еще болѣе полнымъ, интереснымъ и разнообразнымъ.

Въ 1886 году журналъ будетъ выходить еженедѣльно въ размѣрѣ 2 хъ печатныхъ листовъ, вмѣщаю въ себѣ много интересныхъ и прекрасно выполненныхъ рисунковъ и иллюстрацій. Текстъ журнала будетъ состоять изъ романовъ (съ рисунками), полныхъ захватывающаго интереса, изображающихъ путешествія и приключения въ всѣхъ частяхъ свѣта; поѣздокъ, рассказовъ, этнографическихъ очерковъ, рисующихъ бытъ различныkhъ народовъ; исторіи путешествій, а также новѣйшихъ открытій и изслѣдований въ малоизвѣстныхъ странахъ; популярно-научныхъ статей и всѣмъ отраслямъ знанія, рассказанныхъ живымъ и понятнымъ языкомъ; исторіи мореходства, кораблекрушений, пиратовъ, знаменитыхъ экспедицій, морскихъ сраженій и проч.; кроме того журналъ будетъ давать интересныя свѣдѣнія о текущихъ событияхъ всего свѣта, описание городовъ, корреспонденціи изъ далекихъ окраинъ, извѣстія о новѣйшихъ научныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, всѣ виды спорта и смѣсь. Особое вниманіе будетъ обращено на жизнь Россіи и народовъ, ее населяющихъ.

Годовое изданіе журнала «Вокругъ Свѣта» состоить изъ 50 № №, составляющихъ 2 объемистыхъ тома, вмѣщающихъ въ себѣ около 300 большихъ рисунковъ и нѣсколько заключенныхъ иллюстрированныхъ романовъ.

Подписанная цѣна: 3 руб. въ годъ съ пересыпкой и доставкой, 2 руб. $\frac{1}{2}$ года съ пересыпкой и доставкой и 1 руб. въ 3 мѣсяца съ пер. и дост.

Иногородные подписаніи адресуютъ: Москва, Редакція журнала «Вокругъ Свѣта».

„СТРАНИКЪ“⁸⁸

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОДЪ НОВОЙ РЕДАКЦІЕЙ).

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей и по новой программѣ.—Въ минувшемъ 1885 году въ отдѣлахъ богословскаго, философскаго, церковно историческаго, литературнаго и публицистического содержанія были напечатаны, между прочимъ, сдѣлующія статьи: *Сущность Христіанства, какъ союза Бога съ человѣкомъ. Епископа Никанора.—Христіанство и наука. Ею-же.—Судъ Церкви и въ Церкви. Ею-же.—Разности въ ученіи о Церкви у православныхъ и япистовъ. Прот. А. А. Лебедева.—Невидимый міръ. Новая постановка вопроса объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ. А. И. Лопухина.—О народномъ образованіи въ древней Руси. Свящ. Маркова.—Русскій Патріархъ въ ежедневной придворной жизни и въ высшемъ государственномъ управлениі. И. Ф.—ва.—Преосвященный Иринархъ. М. А. Куплетская.—Арсений Мацѣевичъ и его дѣло. И. Я. Морошкина.—Іезуиты въ Константинополь въ XVI—XVII вв. С. Четыркина.—Православіе въ остзейскомъ краѣ въ текущемъ столѣтіи. М. А. Куплетская.—Ревизія въ остзейскомъ краѣ въ заграницкой характеристицѣ. Ею-же.—Изъ Путешествія въ св. землю. Проф. Кавальнишкаго.—Правда противъ хулы (на защиту митрополита Серафима). Епископа Никанора.—Цѣлый градъ статей (между прочимъ вся апрыльская книга) былъ посвященъ памяти св. Кирилла и Меѳодія и между ними были поученія еп. Никанора, покойн. архіеп. Тихона, статьи св. Маркова, проф. Будиловича, А. И. Пономарева, Лебедева, Качановскаго и др. Повѣсти и рассказы: *Псалтырникъ. И. Гр. Наумовича.—Наканунѣ Рождества. Исторический разсказъ. X.—Гдѣ уродился, тамъ и пригодился. Намати мужицкаго-шѣвца дѣячка. И. Попова.—По окончаніи курса. Изъ рассказовъ старого священника. П. Соловьевъ.—Кромѣ этихъ статей, въ журналѣ ежемѣсячно велись отдѣлы: Внутреннее обозрѣніе, Епархиальная Хроника, Церковная жизнь на западѣ (у католиковъ и протестантовъ и у славянъ Австро-Венгрии) и въ земляхъ славянскихъ, Обзоръ журналовъ, Критические и библиографические отчеты о важнѣйшихъ явленіяхъ церковной и церковно богословской литературы, Книжная Литопись, Церковно-офиціальная Хроника, Извѣстія и замѣтки.**

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подлинная плата; съ пересыпкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ; съ пересыпкою заграницу восемь рублей. Адресоваться: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели: *A. Васильковъ. — A. Пономаревъ.*

Иллюстрированный журналъ для дѣтей

„РОДНИКЪ“

(У ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ 1886 году «Родникъ» будетъ выходить, при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, 1-го числа каждого мѣсяца книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, со многими рисунками. Выборъ статей прикаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ и состоять главнымъ образомъ изъ оригинальныхъ очерковъ и рассказовъ изъ русской жизни и природы.

Въ видѣ преміи годовые подписчики на «Родникъ» 1886 г. получать тетрадь-альбомъ, подъ названіемъ:

«ПО РУССКОЙ ЗЕМЛѢ», состоящій изъ 10 картинъ художника И. И. Каразина по этнографіи Россіи, съ соотвѣтствующимъ текстомъ.

Приложение къ «Роднику»: педагогический сборникъ «Воспитаніе и Обученіе» будетъ выходить въ 1886 году по прежнему, книжками, 3 раза въ годъ.

Журналъ «Родникъ» Учеными Комитетами: Собственной Его Императорскаго Величества Кавалеріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, Министерства Народного Просвѣщенія и Святѣйшаго Синода рекомендованъ, допущенъ и одобренъ для среднихъ учебныхъ заведеній и для епархиальныхъ городскихъ и деревеныхъ училищъ.

Условія подписки на 1886 г. прежнія:

На годъ, съ дост. и перес. за 12 книгъ «Родника», съ отдельной преміей, 5 р., тоже съ приложениемъ 3-хъ книгъ сборника „Воспитаніе и Обученіе“ 6 р., на полгода безъ преміи и безъ сборника 3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ — въ Главной Конторѣ «Родника», Никольская пллощ., д. 4 и въ книжн. маг. Фену и К° на Невскомъ; въ Москвѣ — въ книжн. магаз. „Сотрудники Школы“ Воздвиженка, д. Армандъ и «Начальная Школа», на Кузнецкомъ мосту. Иногородные адресуютъ прямо: Петербургъ, въ редакцію журнала «Родникъ».

Редакторъ-Издательница Е. Сысоева.

„КОЛОСЬЯ“

ГОДЪ 3-Й. БОЛЬШОЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ. 3-Й ГОДЪ.

Выходить ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книжками
около 25 печатныхъ листовъ, въ изящномъ видѣ.

Два года тому назадъ мы поставили себѣ трудную задачу: создать большой научно-литературный журналъ съ обширною программою, съ художественно-прогрессивнымъ на направленіемъ, основанныи на лучшихъ литера-

турныхъ традиціяхъ, съ цѣлями систематически воспитывать изящные вкусы и доставлять разнообразіемъ своего содержанія интересное чтеніе публики столь же разнообразной. При этомъ исполненіе задачи соединено было съ другимъ еще болѣе труднымъ условіемъ—не бывало доселе дешевизною для большинства ежемѣсячныхъ изданій. Мы желали, что бы журналъ напрѣкъ доступенъ не только большинству публичнымъ библиотекамъ и богатымъ людямъ, но чтобы онъ проникъ и въ скромное книгохранилище любого сельскаго или городскаго училища, и въ среду небогатыхъ офицеровъ, въ семью священника, учителя чиновника, купца и т. д.—исходу, где люди не имѣютъ другихъ источниковъ эстетического наслажденія помимо художественной литературы.

Опытъ вашъ, по истечениіи двухъ лѣтъ, мы считаемъ вполнѣ удашшимъ. За все это время мы получали массу сочувственныхъ отзывовъ о журнальѣ въ кругъ его читателей возрастать и продолжаетъ возрастать. Мы не прибѣгали ни къ какой заманчивой рекламѣ, которая, къ стыду нашего времени, и до сихъ поръ еще обусловливаетъ умы многихъ литературныхъ предпринятій спекулятивнаго характера, но за васъ рекламировало самое дѣло, само изданіе. Тотъ, кому почдалась хотя одна книжка журнала „КОЛОССЬЯ“, неизвѣсно имъ заинтересовался и становился постояннымъ его читателемъ.

Въ особенности большой успѣхъ журналу сдѣланъ: романъ «Порванныя щипы»—книгами Вѣры Трѣцкой, «Безъ руля»—романъ Н. Синельникова, «Кирджали»—романъ М. Чайковскаго, «Первыя волны»—повѣсть А. Курскаго, поэмы и стихи О. Н. Чюминой, Н. К. Никифорова, «Севастопольскія воспоминанія—1853—1854 г.» проф. военной академіи Н. М. Мазюевича и многія другія произведения, какъ-то: лучшая драмы и комедіи, поэмѣзаны въ каждой книжкѣ, очерки, новеллы, историческая и научная статьи, путешествія, критические очерки и т. д.

Для будущаго года лѣтъ распоряженіемъ редакціи имѣется объемистый, вполѣ законченный романъ, «Змѣя», принадлежащий перву одного изъ славныхъ героевъ минувшей войны, извѣстнаго своимъ военными очерками о подвигахъ русской гвардіи, частью которой онъ командовалъ. Романъ этотъ открываетъ передъ читателемъ самыя разнообразныя сферы общественной жизни. Тутъ и заграничная жизнь русскихъ аристократовъ, и закулисныя дипломатическія тайны и недавній политической чадъ, крутившій голову молодежи, и подвиги героя на войнѣ. Авторъ пока находится далеко за границею, и мы не знаемъ, пожелаетъ ли онъ выступить подъ своею фамиліею или возьметъ псевдонимъ.

Съ вѣтшней стороны журнала «КОЛОССЬЯ» пастолько изященъ, что никакихъ улучшений по этой части намъ и обѣщать не приходится.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ: на годъ съ пересылкою и доставкою 8 р., на полгода 5 р.

Оставляемые экземпляры полного издания «КОЛОСЬЕВЪ» за текущий годъ (около 300 экз.) высыпаются по 5 р. за годъ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ деньги будутъ получены не позже 20 декабря.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ контору журнала «КОЛОСЬЯ» Большая Итальянская, д. 29.

Редакторъ-издатель И. А. Баталинъ.

ГАЗЕТА ГАТЦУКА^{**}

ЛИТЕРАТУРНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ и ПРОМЫШЛЕННАЯ.

Выходитъ въ 1886 году безъ предварительной цензуры.

«Газета А. Гатцукъ» — преимущественно политическая. Цель ея — предлагать въ сжатомъ видѣ возможно полный отчетъ за недѣлю по всѣмъ текущимъ вопросамъ жизни — политики, литературы, науки, искусства и торговли. Эта въ своемъ родѣ яѣточка даетъ возможность читателю имѣть все передъ глазами, не путаться среди нерѣдко противорѣчивыхъ и безсвязныхъ вѣстей и фактовъ, какъ-то бываетъ при чтеніи ежедневныхъ газетъ, и относиться къ событиямъ текущей жизни болѣе сознательно.

Насколько умѣло, мы, въ теченіе 11 лѣтъ, относились къ нашей задачѣ, обѣ этомъ пусть судятъ сами читатели. Для лучшаго осуществленія ея въ 12-й годѣ издаваем «Газеты», приглашены къ участію въ неї лучшія специальная силы Россіи.

Рисунки будутъ поимѣваться въ «Газетѣ» только относящіеся къ интересующимъ въ данный моментъ событиямъ, лицамъ и предметамъ. Быть альбомомъ случайно набранныхъ за границей рисунковъ предоставляемъ нашиимъ, такъ-называемымъ, иллюстрированнымъ журналамъ.

ПАРИЖСКИЙ МОДЫ съ рисунками и выкройками въ натуральную величину будутъ прилагаться 6 разъ въ годъ.

Для легкаго чтенія, вромѣ повѣстей и разсказовъ въ самой «Газете», въ теченіи года прилагается 6 книгъ переводныхъ романовъ и поэстей.

Въ видѣ подарка разсыпается подищечникъ въ концѣ 1886 года «Крестовый Календарь» на 1887 годъ и, необязательно, одинъ выпускъ иллюстрированныхъ «Драмъ Шекспира» въ лучшемъ перевода.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1886 годъ: безъ доставки на годъ 4 руб.; съ доставкою-же и пересылкою на годъ 5 руб., на полгода (съ января и июля) 3 руб., на полгода 1 руб. 60 коп., на 1 мѣсяцъ 60 коп. За границу на годъ съ пересылкой — 7 руб.

Адресъ Конторы Редакціи: Москва, Никитскій бульваръ, д. В. Гатцукъ.

Редакторъ А. А. Гатцукъ.

сосни медъ въ рощѣ нашей. Староста посланъ въ чолнскій монастырь съ письмомъ о дровахъ.

25. Кравцю, въ дворѣ нашомъ стародубовскомъ мешкаючому, Максиму за купленную передъ симъ у него за 4 р. бочку діогтию доплачено 2 р. Прокопу, коновалу лотоковскому, что холопъ 10 бичковъ и справлять коней, дано 20 к. Теслямъ 6-ти, придѣльѣ церковный работающимъ, даль 1 р. 25 коп. Писано писмо къ еотиниу почеповскому о рибальѣ чаусовскому Архипу и о племѣннику его, какой они породы.

26. На праздникъ къ намъ въ Городище пріездилъ отецъ протопопъ погарскій Кибальчицъ, зъ священникомъ николскимъ отцемъ Михаиломъ и діакономъ, где по службѣ Божій, соборомъ отправованной, была процесія, а потомъ у насъ всѣ священники и причетники обѣдали и до вечера просидѣли, а надвечери пріездилъ до насъ войти погарскій Климъ Пісоцкій зъ писаремъ ратушнымъ Барлуемъ. Сего-жъ числа опредѣленъ сыпъ отца Михаила Іванъ діаконъ, а Іаковъ поповичъ на замаремъ.

27. Присланы зъ Погара два столяри для роблена окончинъ и швецъ Стефанъ, которому дано дѣлать для мене 1 сапоги, для сына Василя двое сапоговъ, двое бачмаковъ, и на подошвы дано 20 к.

28. Іванъ Маджуга, который присталъ быль служить къ намъ, отклонилъся, которому дано 30 к., и чрезъ него-жъ послана карта въ Стародубъ къ Гришку стелмаху, чтобы купивши двѣ штуки крашенины прислать.

29. Отправленъ Каврайскій въ Стародубъ и въ Лотоки за нашими домовими, на письмахъ ему порученными, дѣлами и дано ему 20 к. Послѣ полдня отехалъ и я въ Курковичи, куда позно уже прибылъ. Зъ сего числа противъ.

30 въ ночь вигорѣли всѣ коморы въ Стародубѣ на ринку и церковь соборная Рождества Христова звнѣ згорѣла и колоколня зъ дзвонами Ново-Николской церкви. Быть на винничномъ заводѣ и осматриваль тамошнего футора, а въ вечеру быль у мене священникъ здешній курковскій, отецъ Семенъ Тимоновичъ. 30-жъ числа въ домѣ моемъ городискомъ быль інженіръ працпорщикъ Молчановъ и описалъ тамошные всѣ хоромы наши для проезду монаряшего, имѣючаго быть на предбудущей веснѣ.

Окторвій.

1. По службѣ Божої быль у мене священникъ курковскій отецъ Симеонъ Тимоновичъ и атаманъ, а значковый Козловскій у мене-же и обѣдалъ. Вечеромъ припровадили зъ Стративы Ярему Римара отъ Василя Рубца.

2. Рано передомъ отправилъ кухара въ Андрійковичи, а самъ, выслушавъ обѣдни въ Курковичахъ, туда-же отехалъ, а при отездѣ далъ Омеляну Чеху 4 р. на кухфи и другіе потребности къ винницѣ, оные-же деньги взяты у шинкаря Флора. Въ Андрійковичахъ отобѣдавъ, заездилъ въ Борщевѣ до Григоріевої Гамаліиной и позно уже прибыль въ Городище.

3. Просилаъ старосту въ Стечну до Галецкой, бунчучной енералной, стороны выправи плотниковъ до Глухова, дабы оныхъ зъ еи и нашего владѣній вкупѣ выправлять.

4. Получилъ повторный указъ о поездѣ въ Глуховъ, отъ 27 сентября чрезъ компанійца присланный, а первый указъ, отъ 7 сен-тября писанный, дойшолъ мене въ Курковичахъ сего мѣсяца 1 числа.

5. Быль у мене капитанъ 2 роти нарвскаго драгунскаго полку Александръ Петровъ синъ Карцовъ, которого и обослано зъ дому нашего сѣномъ, осомъ, живностю и питемъ.

6. Пріездили ко мнѣ въ Городище полковый квартирмейстеръ рижскаго драгунскаго полку Хомутовъ, чтобы приказать въ домѣ моемъ перегонскому занять квартеру для ночлегу того-же полку полковнику Петру Івановичу Олицу. Выправлена передомъ моя коляска дорожная и ящикъ къ Глухову. Умовили старосту Омеляна Шулика на годъ за 10 р., токмо онъ еще совершенно не договорился, взялъ себѣ до разсужденія. Умовили столяровъ погарскихъ на зроблене 11 оконницъ двойныхъ и лиштовъ до 11 оконъ и однихъ дверей, и за то имъ плати поступлено отъ всякого окна по 15 к., да на обоихъ осмачка жита.

7. Рано, простясь зъ домашними, віехалъ въ путь къ Глухову и перескакавъ чрезъ Десну въ Каменѣ, попасаль коней въ Крепи-довцѣ, а оттолъ прибыль на ночь въ Хилчицы, где и ночовалъ у товариша войскового Чорнацкого.

8. Одтоль віехавши рано, ехалъ при великой дождевой непо-годѣ и самъ передомъ пріехалъ въ Шатрищи и сталъ на попась

у Іосифа Лукашевича, а потомъ нескоро уже возки прибыли и ради бывшого чрезъ весь день дождя принужденъ тутъ-же и ночовать.

9. Рано віехавъ зъ Шатрицъ, слушалъ обѣданій въ Ямполѣ, а потомъ поехавъ оттоль, весь день за непогодою ехалъ къ Глухову и уже надвечери туда прибыль, где въ дворѣ моемъ засталъ Федора Ширай и Павла Скорупу, которіи объявили, что назначено мене къ смотревію мостовъ, гатей и прочего по тракту отъ Глухова до Киева.

10. Былъ первей въ канцеляріи генералной и тутъ виталъся зъ полковникомъ Тютчевымъ, потомъ у генерала и тамъ видѣлся зъ генеральнымъ судею Лисенкомъ и асауломъ Валкевичемъ, где тоже мнѣ обявлено, что и вчора Ширай. Отправлена конѣ сивые 4 и вороныхъ тоже 4 чрезъ Гамаліенка и козаковъ погарскихъ.

11. Чрезъ Юденка посланы въ домъ желѣза штабы 3, камень, вибойки локоть 11, хустку блакитную, чаю фунтъ, хутро заячое, чулочки Іасеевъ, и за тое все дано 7 р. 18 к., да отъ доктора азоется, олбекъ пивамоновыхъ, дріакву ценецкую, каплю и мазь на сверботу, 2 волочки, цефалики, баранковъ 50, и о томъ всемъ, тако-жъ и отправѣ моей писаль къ женѣ.

12. На сочиненномъ писмѣ о роздѣлѣ рубановскихъ добре на 3 части подписались Валкевичъ за свою дочь, я за свою жену. Ширай за себѣ, за братовъ и сестеръ, за сотничку іченскую Стороженикову, вѣкоторыхъ Требінскихъ, а за Пиковчиху мужъ еи Пиковецъ, и такіе писма всѣмъ троимъ сторонамъ, особливо всякой, подаваны зъ тѣмъ договоромъ, чтобъ тыль всѣ добра первой списать, а потомъ на равные части дѣлить.

13. Отбралъ я совсѣмъ къ отправѣ своей експедицію къ строенію мостовъ, гатей и прочего для шествія къ Киеву ея і. величества. Іову трубачу, хлеща Апдрушка обучаючому шмуклерства, данъ за науку 1 р., да бѣлой жички (пражи) для офарбованія блакитнымъ цвѣтомъ—на чубы, сергя и лѣйди до шестерыї, два клубки въ 15 фунтовъ.

14. Отправленный при мнѣ канцеляриста войсковый Антонъ Яновскій отобралъ деньги на 7 подводъ, прогонные на весь путь до Киева и обратно, зъ канцеляріи зборовъ. Ввечеру віехалъ я совсѣмъ зъ Глухова, а при вїездѣ далъ 1 р. 50 к. Івану Мойсееву теслѣ въ отработокъ, котораго велѣль отправить въ домъ нашъ до Городинца для роботы коло будинку, и обѣ помъ и о

прочемъ писалъ къ женѣ, да зоставилъ у сина Василя 2 р.—1 р. для его, другій для господинѣ Ганы. Віехавши зъ Глухова, ночевалъ я въ Семеновцѣ у Пироцкого, а возки отправлены до Обложекъ.

15. Рано заездилъ въ Дунаецъ и тамъ видѣлся зъ г. Скоропадскимъ, одколь Навель Скоруппа поехалъ въ Рубановку для описи оной и прочего, а я отехалъ на Шолошки и прибылъ въ Обложки, тутъ засталъ своихъ людей и де що тамъ распорядивъ, поехалъ въ Тулиголовы, а оттоль прибылъ ввечеру до Кролевца.

16. Зъ Кролевца отправлены предложения въ полки стародубовскій, чернѣговскій и нѣжинскій, да въ сотни ямполскую, воронежскую, коропскую, новомлинскую и новгородскую о висилки работныхъ людей на дистанціи отъ Глухова до Кролевца, а на ночь прибылъ въ Алтиновку. Одселя, подъ сею датою, зъ Кролевца прописанною, отправленъ въ войсковую енеральную канцелярію репортъ о дистанціи отъ Глухова до Кролевца.

17. Рано зъ Алтиновки поехавъ, обездили прямой трактъ въ правую сторону и намѣрили той обездки 9 верстъ, потомъ проехавъ Ксендзовку, поѣхали вѣво отъ большого тракту и пріехавъ до Мостищъ, тутъ встрѣтился зъ сыномъ покойного полковника полтавскаго Василия Кочубея, Семеномъ Кочубеемъ, возвращающимся зъ Киева, а послѣ прибылъ въ Батурина, тутъ стала квартерою у вдовы Стоцкой и тутъ-же ночовалъ. Одселя отправлены предложения въ полкъ чернѣговскій и въ сотни новомлинскую, конотопскую и бахмачею о висилки работныхъ людей на дистанцію отъ Кролевца до Батурина и въ Батурина. О той-же дистанціи и въ войсковую енеральную канцелярію репортъ на почтѣ отправилъ, въ которомъ включено къ Іосифу и въ домъ мой писма.

18. Віехавши зъ Батурина, мѣрили трактъ вправо, обезджая село Палчики, и намѣрили той обездки 13 верстъ и 400 сажень до мосту, что на Дочѣ, зъ чего явилось, что накладу токмо будетъ двѣ версти безъ ста сажень, переехавъ-же мостъ ветхий на Дочѣ, тутъ засталъ сотника борзенского Пантелимона Забѣлу, для строенія вновь того мосту отправленного; потомъ прибылъ въ Шаповаловку, тутъ пообѣдавъ и за разгроженню отъ дожча дорогою не рано пріехаль въ Борзну и тутъ ставши квартерою въ домѣ сотничомъ, ночевать имѣлъ. Сего-же числа рано отпустилъ зъ Батурина коней верхового вороного и 2 гнѣдыхъ лисыхъ зъ кулбакою и протчихъ

въ Товкачовку, и послано къ тамошнему старостѣ писмо чрезъ Федора Шейну и чрезъ компанійца.

19. Зъ Борзы отправлены предложенія полку прилуцкого въ сотнѣ монастырскую, ічанскую, іваницкую, красноколядинскую и въ смылянскую полку лубенскаго о висилки людей на дістанцію отъ Батурина до Нѣжина. Одтоль поехавъ, обѣдалъ въ Комаровцѣ у священника отца Федора Коніскаго, а потомъ віехавъ зъ Комаровки, на 3 верстѣ обездили шляхъ болшій и паки на болшій зехали на 8 верстѣ отъ Нѣжина и прибывъ въ Нѣжинъ, сталь квартерою у писаря майстратового Григорія Коніскаго.

20. Обѣдалъ у хазяина своего, а рано были у мене старшина полковая и войть Стеріевичъ зъ майстратомъ, послѣ полдня-же быль и полковникъ у мене, зъ которымъ ездили осматривать мосту на Острѣ, потомъ и у него быль.

21. Обѣдалъ у полковника и весь день у него пробавиль, а рано учинили росписаніе, кому на которой дістанціи смотрѣть роботы.

22. Рано быль у мене полковникъ, а обѣдалъ я у войта Стеріевича и до позна у него проседѣль, гдѣ при мнѣ получиль онъ войть писма отъ синовъ своихъ изъ С.-Пурхра зъ сообщеніемъ печатного мирного трактату съ шведами.

23. Слушали зъ полковникомъ обѣднѣ въ церкви греческой, потомъ ездили за городъ, куда надлежить мости дѣлать, осматривать и заездили къ архимандриту отцу Модесту Велецкому, а обѣдалъ въ квартерѣ.

24. Куплено бѣлого жалѣза за 20 к. и конвісару (жестяннику) за роботу дано 20 к., Грицку кожухъ купленъ 1 р. 50 к., кухару шапка и рукавицы 40 к., за губку 7 к., за дѣвъ судна 10 к. Обѣдалъ зъ полковникомъ у Ивана Кумборлѣя, откупщика полковъ нѣжинского и чернѣговскаго.

25. Рано были у мене братство греческое стороны мещенія улицъ греческихъ, о чёмъ предложено отъ мене писменно понуждать грековъ полковнику нѣжинскому и чтобы онъ-же по всѣмъ дістанціямъ въ полку своею роботъ надсматриваль. Рано отправиль писма въ Глуховъ чрезъ комісара полкового нѣжинскаго, Якова Малуху, до Скоропадскаго, до Руновскаго зъ приложеніемъ и челобитной на поручика Кишинскаго, да до сына Василя, и послалъ въ нему-жъ сахару голову, два чаи, шесть булокъ и собачку Шмигелскаго.

Отобѣдавъ на квартерѣ, вѣхаль и мимоездомъ бытъ у войта Степановича, потомъ прибыть уже позно до Носовки.

26. Рано отправленъ репортъ въ Глуховъ о всемъ, что здѣжалось въ Нѣжинѣ, потомъ самъ отехалъ въ Адамовку до госпожи Розумовской, где засталъ сватбу отправляющуюся племянницѣ ея Матронѣ зъ Григоріемъ Помаранскимъ, поповичемъ богословскимъ стародубовскимъ, чего ради я тамъ и обѣдалъ и до позна пробавилъ, да уже ночю отехавъ, прибыль въ Козари, въ дворъ полковника кievскаго и тутъ застать сватбу вдовы Борсукчи, у которой понялъ дочерь писарь полковый Переяславскій Каніевскій²²⁰).

27. Рано поехавъ зъ Козаръ, прибыль въ Козелецъ и тамъ стать квартерою въ дворѣ небожичка Николая Олховскаго, а обѣдать у асаула полкового Матвея Шума.

28. Обездилъ по-за городомъ Козелцемъ, осматривая удобного тракту до башти нѣжинской и обискалъ на Карапашю. Полковникъ кievскій Танскій прибыль въ Козелецъ и бытъ у мене, которому что надлежало, предлагалъ. Обѣдалъ у отца Ивана и по обѣдѣ бытъ у дядка Федора Ханенка старого. За ленту до трости и дзигтарка даны 20 к., Роговскому 1 р.

29. Рано бытъ у полковника и обѣдать у дяди Федора Ханенка. Вчора отправлены предложения о висилки роботниковъ въ полки лубенскій, миргородскій, гадацкій, Переяславскій, да въ прилуцкій о бунчуковому товарищу Михайлу Марковичу.

30. Поутру приходили до мене писарь полковые Якимъ Каніевскій, новооженившійся на дочерь Борсуковой, и Зиновій Борсукъ кievскій, зъ хлѣбомъ веселымъ и зъ хусткою, и просили у себѣ отобѣдать, почему я и полковникъ Танскій у вдовы Борсуковой купно зъ старшиною полковою и обѣдали и до позна просидѣли. Сего-жъ числа отправлены репортъ въ Глуховъ о учиненномъ въ полку кievскомъ дістанції росписаніи, до Переяславского полковника писма и въ чернѣговскую войсковую канцелярію предложеніе о висилки роботныхъ людей на показанные имъ дістанції.

²²⁰) Вдова Якова Петровича Борсуха, кievскаго подковаго есаула. Ея дѣти: Зиновій—обозный кievскаго полка и Якимъ—стародубскій полковникъ. Якимъ Каніевскій—родовачальникъ дворянъ Переяславскаго уѣзда, которые теперь пишутся Каніевскими.

31. Обѣдалъ я у полковника Танского, где при вѣздѣ зъ Козелца и веселные, писарь полковый Переяславскій зъ женою и другіе, были. Получилъ 2 писма отъ госпожи Розумовской о уволненіи сотника носовскаго Карла Шаулы отъ назначенаго ему дѣла и на сны отвѣтствовалъ.

Ноєврій.

1. Отправлено доношеніе въ Глуховъ о трактѣ новоустроенному отъ Комаровки степомъ до Борзы и о томъ-же къ бунчуковому товарищу Григорію Александровичу и судіи полковому киїжинскому Іроновскому писано. Отдано въ полковую кіевскую ванцеларію расписаніе о роботныхъ людяхъ на всѣ въ полку кіевскомъ имѣючіеся дистанціи и о томъ-же къ полковнику кіевскому Танскому писано. Прибылъ въ Козелецъ надъ роботными полку лубенского людми полковой командиръ Александръ Бутовскій, сотникъ чигирин-дубровскій. Я отехалъ зъ Козелца и въ Сокиринъ на ночь прибылъ. Писалъ до старосты товкачовскаго о посыпцѣ де-которой въ домъ и о томъ-же писалъ къ женѣ и до сына Васила въ Глуховъ.

2. Отобѣдавъ въ Сокиринъ у швагра Григорія Дмитріева Нароженка, отехалъ въ Семиполки, куда прибылъ и обозный полковый кіевскій Алексій Подвисоцкій и сотникъ остерскій Михайло Солонина. Тутъ ночевали. Зъ Семиполокъ отправленъ рапортъ, подъ вчорашнею датою въ Козелецъ писанный, о неприбытіи зъ полковъ роботныхъ людей и подводъ и о невидачи маюромъ Рейцомъ и управителми биковской и чеховской волостей роботныхъ-же людей и подводъ на указанные дистанціи.

3. Зъ Семиполокъ рано вѣхали и осматривали роботъ, въ гатахъ и мостахъ здѣланныхъ, и тутъ отпущены сотники козелецкій Бараповскій и остерскій Солонина на свою дистанцію, а мы зъ обознымъ полковымъ кіевскимъ, прибывъ въ Димерку, обѣдали; одселя послано писмо до полковника Переяславскаго, чтобы сотника Лазаревича отправилъ къ Семиполкамъ, а зъ значковымъ однѣмъ 200 подводъ за Семиполки къ Броварамъ и пѣшихъ роботныхъ въ Козелецъ. Потомъ завременно прибыли въ Бровари, где застали сотника гоголевскаго Александра Солонину, которому данъ ордеръ къ сотнику леплавскому Лазаревичу, чтобы откомандеровалъ 200 подводъ къ Броварамъ.

4. Рано віехали зъ Броваровъ и осматривали мосту основанного и по части здѣланного подъ Лисою горою, потомъ заехали на время въ слободу монастыря николскаго, а одтоль о полдни віехавъ, перевезлись къ Кіеву и, прибывъ на Подоль передъ вечеромъ, стали кварteroю въ домѣ полковника кіевскаго Танскаго, куда отъ перевозу провожалъ настъ зъ козаками сотникъ кіевскій Павель Гудимъ.

5. Скоро сѣть отехали къ Печерскому и тамъ первей были въ обоихъ пещерахъ, потомъ у генерала-губернатора, а по вислушаніи обѣдни въ великой пещерской церкви, были на водки у отца архимандрита кіево-пещерскаго Тимофея Щербацкого, а обѣдали у губернатора; потомъ знову были у монастыря пещерскаго у отца архимандрита и у отца Мойсея Якубовича и уже вечеромъ возвратились на Подоль до квартери.

6. Ранной обѣдни слушали въ монастырѣ свято-михайловскомъ златоверхомъ и прикладывались къ мощамъ святых великомученицы Варвары, потомъ были у архимандрита тамошнаго Свѣвестра Думницкого и у эконома Іосифа Миткевича, а одтоль прибыль въ катедру свято-софійскую, слушали позной обѣдни, которую служилъ преосвященный Рафаилъ, митрополитъ кіевскій, а послѣ обѣдни, позванный до палатъ митрополитанскихъ, у его преосвященства обѣдали, отобѣдавъ-же и отклонясь его преосвященству, были первей у намѣстника тамошнаго Іеронима Миткевича, потомъ у писаря Модеста Стефановича, а послѣ у архідіакона Викентія Велгоцкого и до позна въ ночь пробавили, да уже ночною порою одтоль прибыли на квартеру.

7. Обослано мене какъ зъ михайловского монастыря водкою, медомъ и пивомъ, такъ изъ пещерского тѣмъ-же, а сверхъ того присланы отъ отца архимандрита пещерского книга «Камень Вѣры». Я-жъ ездилъ къ губернатору отклониться, который и обѣдать мене удержалъ у себѣ, а по обѣдѣ, отклонясь его высокопревосходительству, заездилъ въ пещерскій монастырь и простясь зъ отцемъ Мойсеемъ, ігumenомъ больничнаго свято-троицкаго монастыря, отехаль на Подоль и тамъ былъ у генерала-маиора Петра Ивановича Стрешнева.

8. Ранной обѣдни слушали въ церкви святого Николая Набережного и отобѣдавъ у сотника кіевскаго Павла Гудима, отехаль зъ Кіева и, перевезвшись, прибылъ завременно въ Броварѣ, тамъ-же

переменивъ подводы, отехалъ до Гоголева и прибылъ туда уже позно и сталъ квартероу у сотника тамошнего Александра Солонина.

9. Оттолъ рано поехавъ, прибылъ передъ обѣдомъ до Свѣтильного въ полковнику кіевскому Танскому и тамъ обѣдалъ и почовалъ.

10. Тамъ-же отобѣдавъ, вѣхалъ оттолъ и прибылъ въ Семиполки передъ вечеромъ, куда едучому мнѣ принесъ затравленнаго зайца староста князя Никиты Юрьевича Трубецкого села Рудиѣ. Въ Семиполкахъ почовалъ.

11. Отселя отправлены репорти въ Глуховъ, 1-й о тракту, что лучшимъ винайденъ полковникомъ вѣжинскимъ Божичомъ чрезъ Сеймъ просто къ Батурину, нежели на греблю батуриинскую, 2-й что капиталь Житковъ изъ Расновъ не видаетъ подводъ и роботныхъ людей, а онъ репорты подъ датою зъ Броваровъ 8 ноября Одселя-жъ и до полковника вѣжинского, и въ полковую чернѣговскую канцелярію, и къ бунчуковому Омеляновичу, къ маіору Рейцу и къ сотнику дѣвицкому Селецкому предложенія и ордери посланы. Послѣ полдня отехалъ зъ Семиполокъ и прибылъ въ Сокиринъ, где у швагра Григорія Шароженка и почовалъ.

12. Тамъ-же обѣдали, а послѣ обѣда прибыли въ Козелецъ.

13. Обѣдалъ у обозного полкового кіевского Алексія Подвицкого и до вечера у него забавлялся, а оттолъ проводили мене Семенъ Івановичъ Пустота, Антонъ Афендицъ, сотникъ чигириандубровскій Александръ Бутовскій, которіи купно зъ вами и вечеряли у отца Ивана брата.

14. Обѣдалъ у мене Пустота, а потомъ онъ отехалъ въ монастырь, я-же ни въ домѣ и нигдѣ не вечерялъ.

15. У отца Ивана брата обѣдалъ, потомъ въ лазнѣ мылись и былъ у дядка Федора Ханенка старого, обозного полкового кіевского, которій пріобѣщаляруже Ивану, сиву своему не видящему, Бобрикомъ позволити владѣть.

16. У імениника сегодняшнаго, асауда полкового кіевского, Матвія Шума обѣдали и до вечера просидѣли зъ обознымъ полковымъ Поднісоцкимъ, зъ Пустотою, Афендикомъ, Бутовскимъ и другими, которіи мене и до квартери проводили.

17. Зъ ранку осматривалъ роботъ, потомъ быль у дядка Федора Ханенка. Отправленъ ордеръ по почтѣ зъ приложеною копіею указа о другой дорозѣ отъ Комаровки къ Борзѣ до судіи

полкового изъянского Гроновского и до бунчукового товарища Александровича. О томъ-же писано и до полковника изъянского Божича.

18. Отправлены писма въ Глуховъ до Скоропадского и до сына, которому и Алваръ новый посланъ чрезъ козака, отъ асаула Шума отправленного. Репортъ о побѣгѣ прилуцкого полку и о бумагѣ, сургучи и свѣчахъ доношеніе на почтѣ въ Глуховъ, а до сотника дѣвицкого Селецкого ордеръ и въ полковую прилуцкую канцелярію предложеніе о тихъ-же бѣглецахъ отправлены.

19. Команда пѣшихъ работниковъ гадяцкого полку сто человѣкъ отправлены къ сотнику Гоголевскому на его дістанцію. Полковникъ кіевскій Танскій прибыль въ Козелець вечеромъ.

20. Писаны писма въ С.-Пбурхъ до секретаря Новоторжцова, до Андрея Андреевича Горленка и до сотника березанскаго Думитрашки и въ одинъ пакетъ включены, зъ приложенною тамъ-же человитною для подачи въ сенатъ о деревняхъ Куроў и Чубароў, и тотъ пакетъ зъ оними писмами посланъ въ Адамовку къ Семену Івановичу Пустотѣ для отправленія отъ него въ С.-Пбурхъ. Работные люди зъ полку миргородскаго 440 человѣкъ при значковомъ кирстѣ явились въ Козелецѣ, которыхъ велѣлъ распределить на работы на 3 дістанціи.

21. Ездили въ монастырь святого мученика Георгія Козелецкаго и тамъ, по вислушаніи обѣдни, у ігумена отца Гавриила Великошапки кушали и весь день пробавили, а зъ монастыря едучи, былъ я у Ивана Покровскаго.

22. Обославъ мене п. дядко Федоръ Ханенко яблоками свѣжими и сушеными яблоками-жъ и дулями; тако-жъ и швагръ Григорій Пароженко обославъ хлѣбомъ и свѣжими яблоками и кругомъ соли.

23. Полковникъ кіевскій Танскій отехалъ до Козари; я чрезъ почту многіе получилъ указы изъ генералной канцеляріи. Листъ, писанный отъ мене подъ 20 числомъ до князя Никиты Юрьевича Трубецкого, врученъ Григорію Пароженку о Куроў и Чубароў, который включилъ въ свой пакетъ до княгинѣ Анны Даниловны, для подачи самому князю. Сего-жъ числа помянутые свѣжие и сухie яблоки и дулѣ, соль и вялая риба, сомъ, коропъ и ляцъ, отпущены до Товкачовки при Качановскому и при Гаврилу Емененку, о чёмъ и писмо до старости писано, тако-жъ писанное до

Евдокії Лизогубовны Григоріевої Стороженкової писмо отправлено
сторони куплъ єю Рубановскихъ добрь нашей части.

24. Рано отехаль Качановскій. Я обѣдалъ у асаула полкового Шума и простилься зъ Пароженкомъ и зъ сестрою, его женою, Евфимією. Писало писмо до полковника Тютчева о посылки писемъ Пароженковыхъ, до князя Трубецкого и до княгинѣ его отправленныхъ.

25. Обѣдни и соборного молебствія слушали въ соборной Преображенской церкви; послѣ того-же всѣ старшины были у мене, обѣдали у мене-же протопопъ Николай Язвовскій и намѣстникъ Яковъ Савицкій, да обозный Алексій Подвисоцкій, асауль Матвій Шумъ и сотникъ чигириндубровскій Александръ Бутовскій; потомъ, простясь зъ дядкомъ Федоромъ Хапенкомъ и другими свойственными, отехаль изъ Козелца и прибыль до Козари позно. При отездѣ зъ Козелца, вручены асаулу полковому Шуму 5 р., для отсылки въ Кіевъ, на покупку нѣкоторыхъ книжокъ, при писмѣ моемъ до сотника кіевскаго Павла Гудима. Отцу Ивану брату оставлены 5 р.

26. Отправленъ репортъ о бежавшихъ полку Переяславского роботныхъ въ Глуховъ, тако-жъ и писмо до полковника Тютчева зъ писмами Григорія Пароженка. Пріездилъ ко меѣ бурмистръ нѣжинскій, Іванъ Радіоновъ, зъ писмомъ зъ майстрату и подалъ два указы зъ Глухова и прочее.

27. Чрезъ того-жъ бурмистра писаны писма къ капитану Параскевѣ, къ Антону Милорадовичу и къ Якову Жураковскому, чтобы противъ своихъ дворовъ велѣли вымостить улицы. Сего-жъ числа рано отехали зъ полковникомъ Михайломъ Танскимъ до Адамовки, къ госпожѣ Наталиї Демянновнѣ Розумовской и тамъ, уже не застали на службу, гдѣ обѣдали и весь день пробавили, да уже ночью до Козари прибыли.

28. Сей весь день въ Козари пробавили и ездили на тутешнюю греблю для разсмотреня, какъ мосты дѣлать. При ордерѣ до бунчуко-вого товарища Михаила Марковича послана инструкція и писмо къ полковнику Переяславскому Сулимѣ, да въ полковую тамошнюю канцелярію предложеніе о висилки бѣжалавшихъ и недосланыхъ работниковъ зъ полку Переяславского въ полкъ кіевскій на дістанціи.

29. Послѣ раннаго обѣда, простясь съ полковникомъ кіевскимъ Танскимъ, віехалъ зъ Козарѣ и прибывъ въ Носовку, сталъ квар-

терою у госпожи Томашовской; потомъ ездилъ за городъ, осмотрѣвалъ работы и что еще дѣлать надлежитъ.

30. По службѣ и молебствіи, ради кавалерскаго св. апостола Андрея Первозваннаго праздника, званы обѣдать къ обозному полковому кіевскому Андрею Шаулью, бывшему сего числа именинику и у него обѣдавть, вечеромъ уже прибыли до квартери. Сего-жъ числа рано отправленъ въ полкъ Переяславскій бунчуковый товарищъ Михайло Марковичъ по інструкціи для висилки въ полкъ кіевскій на дістанціи подводъ и роботныхъ людей, бѣжалыхъ и недосланыхъ.

Декабрь.

1. Посланъ компаніеца Панко въ Нѣжинъ и чрезъ него отправлено писмо къ полковнику нѣжинскому Божичу о присылки отъ него вѣдомости, сколько чего уже на всѣхъ дістанціяхъ въ полку его сдѣлано, а сколько того не додѣлано, и о протчемъ; да отправленъ ордеръ и інструкція до сотника Павла Жуковскаго, чтобы зъ предложеніемъ въ полковую прилуцкую канцеларію ехалъ за висилко подводъ и роботныхъ людей, бѣжалыхъ и недосланыхъ.

2. Рано, по осмотрѣ работъ въ Носовцѣ и переездѣ чрезъ Волокову Дѣвицу и Кропивную, усмотрѣль весьма плохо здѣланные мосты и гатѣ, прибыль въ Нѣжинъ передъ вечернями и стала квартерою у Ивана Комбураля, откупщика сборовъ, кушаль-же у войта Петра Стеревича. Другій компаніеца зъ Носовки отпущенъ до Товкачовки зъ овдами и баранами шлюнскими.

3. Зъ поранку были у мене разные персоны, въ томъ числѣ и войтъ, который звалъ мене и обѣдать къ себѣ, где отобѣдавъ, милься у его-жъ бани; потомъ имѣли съ нимъ разговоры стороны індукты и уже позно пришелъ въ квартеру.

4. Слушалъ обѣды въ церкви св. Николая и былъ на водки у протоіоны нѣжинскаго, отца Степана Волховскаго; потомъ многіе-жъ у мене были на водки. Обѣдалъ въ квартери, куда прибыль ко мнѣ и полковникъ Божичъ, зъ которыми просидѣли въ ночь долго.

5. Отправленъ компаніеца Панко въ Глуховъ, чрезъ которого посланы писма до г. Скоропадскаго, а въ ономъ включены до сына моего, до жены и до племянника Госифа; да отправлены-жъ пакеты, изъ дома госпожи Розумовской присланые, о которыхъ отписали

до С.-Пбурха. Писано отъ мене до канцеляриста Андрея Лышня. Сего-жъ числа послано письмо бъ асаулу полковому нѣжинскому, Стефану Костенецкому, о учиненіи слѣдствія противъ писма, отъ писаря нѣжинскаго г. Безбородка ко мнѣ писанного. Обѣдалъ я и до вечера пробавилъ у полковника нѣжинскаго Ивана Пантелеимоновича Божича, а передъ обѣдомъ былъ у отца архимандрита Модеста Велецкаго, зъ обѣднѣ.

6. Передъ службою Божіею многіе приходили ко мнѣ зъ поздравленіемъ нынешняго моего тезоименитства, а именно: отецъ архимандритъ, полковникъ зъ старшиною, войть зъ майстратомъ и греческое братство; потомъ слушали обѣдни въ церкви св. Николая, а послѣ были у мене-жъ многіе духовные и мирскіе на водки, а иные и обѣдать остались, якъ-то: архимандритъ, полковникъ, проповѣдникъ отецъ Степанъ Волховскій, намѣстникъ отецъ Василій Великопольчакъ, бунчуковые товарищи Василь Жураковскій, Зарудскій, сотрудникъ Павель Жуковскій, греки Иванъ Комбурдий и Велисарь и пробавили при игранию музыкъ войсковой и гражданской, также при пушечной палбѣ, до позна. Трубачамъ и музыкантамъ даны 2 р.

7. Весь день пролежалъ въ квартерѣ ради вчорашнаго шума, а вечеромъ посѣщалъ мене Василь Жураковскій.

8. Рано зъ полковникомъ осматривали роботъ коло мостовъ въ городѣ и черезъ рѣку Остеръ и даже до вигону, черезъ Новое Мѣсто ²²⁾), потомъ у его-жъ полковника обѣдали и надъ вечери былъ онъ у мене и простились; вечеромъ и войть былъ у мене.

9. Полковникъ въ домъ свой до Бурковки отехалъ. Отправлены писма въ Товкачовку до старости и до Качановскаго о посылки жита въ Козелецъ, о чмъ писалъ и до асаула полкового кіевскаго Шума. Обѣдалъ въ квартери.

10. Посланы писма къ полковникамъ нѣжинскому и кіевскому о присылки вѣдомостей. сколько на которой дистанціи указанныхъ роботъ въ отдѣлкѣ и сколько и где чго не додѣлано и о протчемъ. Обѣдалъ у писаря полкового Василія Кулаковскаго зъ тепцею его Евдокіею Лизогубовною Григоріевою Стороженковою, которая нарочно пріездила торговатъ у мене части нашей, въ рубановскихъ добрахъ имѣющейся.

²²⁾ Часть г. Нѣжина.

11. Службы Божіей слушали въ монастырѣ Благовѣщенскомъ; а потомъ званы къ воіту нѣжинскому Петру Стеревичу Тарнавиоту, у котораго купно зъ отцемъ архимандритомъ Модестомъ Велецкимъ, намѣстникомъ отцемъ Василиемъ Великошапкою и разными мірскими персонами обѣдали и до вечера просидѣли; а въ вечеру были у мене Евдокія Стороженкова, зъ затемъ своимъ Кулаковскимъ, за тимъ-же о Рубановщинѣ дѣломъ; но не соплились. Сего-жъ числа ввечеру черезъ нарочного зъ Глухова компанійца получилъ указъ, чтобы роспустить въ дому роботныхъ людей.

12. Въ силѣ онаго указу посланы писма, съ сообщеніемъ того-жъ указу копій, до полковниковъ нѣжинского и кіевскаго и съ требованіемъ вѣдомостей обстоятельныхъ о роботѣ здѣланной и не-дѣланной и сколько зъ коихъ полковъ было людей на роботахъ и сколько не дослано было и о прѣтчѣ, а въ полковые кавцелярии лубенскую, прилуцкую, Переяславскую, гадяцкую, миргородскую, стародубовскую и черниговскую предложенія, чтобы не висило уже какъ бѣжалщихъ, такъ и недосланыхъ^{**}).

1745 ГОДЪ.

Мѣсяцъ генварь.

1. Бунчуковый товарищъ Петръ Ієвріцкій, при писмѣ своемъ поздравителномъ святами, прислалъ денегъ 190 руб., занятыхъ имъ у г. Скоропадскаго, о которыхъ пріемъ я ему и отписалъ и обльгъ ему послалъ чрезъ шираевскаго інспектора Жуковскаго. Обослалъ нась сотника полку черниговскаго Романъ Журба зайцями б-ти и птицами чрезъ нарочныхъ.

2. Къ нему Журбѣ отписано зъ благодареніемъ за оную обсыпку и оные присыпанные отпущены. Подражены подмосковные крестьяне умершаго Волинскаго дочери Марії Артеміевны, села Воронова жители, Иванъ Михайловъ и Афанасій Василевъ подъ обозъ

^{**}) Затѣмъ въ дневникѣ вѣсмѣнѣнѣ тетрадей не достаетъ.

нашъ везти оный къ Москвѣ на 4 лошадяхъ, и договорено: давать имъ на двѣ пары лошадей 13 руб. денегъ²²⁾).

3. Послѣ обѣдни гг. Скоропадскіе молодые, а вмѣстѣ съ ними и синь нашъ, тако-жъ и Яковъ Кондзеровскій и інформаторъ Юянансь отехали къ Глухову и ночевали въ Часахъ; и Кондзеровскому подарена матерія. Староста Павель Гузовскій наказанъ за панство, а по наказаніи обѣщалъ онъ ничего яланого не заживатъ, пока у насъ въ службѣ будетъ.

4. Сискиваны куровцы и чубаровцы въ слушаніи указу сенатскаго, которій уже ассекуровались впередь не быть противными; въ тихъ-же деревень вистачена пенка, токмо зъ Курова не вистачено еще четырехъ берковцовъ.

5. Отправленъ обозъ полонъ зъ запасами къ Москвѣ при Ивану Ялоцкому, и Ивану Куатирку, и Грицку Климову, которымъ вручены и деньги, какъ на заплатку изволщикамъ, яко и имъ для корму лошадиного 18 р., а что въ томъ обозѣ отпущенено, о томъ Ялоцкому врученъ реестръ. Сего-жъ числа принесенъ указъ изъ енералной канцеляріи чрезъ компанѣцца, чтобъ въ судъ генералный представить позѣренного къ слушанію рѣшенія по дѣлу Соколовскаго. Лотоковци²³⁾) привезли доски и деякую посуду польскую, также и деньги провіантовые на январь мѣсяцъ 3 р. 23½ к., которые, также и ирежде собранные зъ владѣнія нашего 20 р. 73 к., вручены для содержанія священнику городскому отцу Михаилу Пулчевскому.

6. Послѣ службы Божой и по водоствятіи, купали у насъ оба священника и отпущена передомъ къ Глухову подвода зъ деякими запасами, да лотоковскимъ де которымъ дано въ позыку жита осмачокъ 7, и оные-жъ отпущены, а чрезъ нихъ писано Ивану Дащенку, писарю сотенному новомѣскому, въ изслѣдованіи о ихъ обидахъ, до Василія Березовскаго о учиненіи сатисфакціи за побои войта нашего старостою его медведовскимъ, до войта о присилки еще до 40 дошокъ липовыхъ, до сотника мелинскаго Лиса-

²²⁾ Обозъ съ припасами отправлялся въ Москву, куда вслѣдъ должна былаѣть въ самъ Ханенко, въ числѣ депутатовъ, избранныхъ для присутствія при бракосочетаніи великаго князя. См. «Семейство Разумовскаго», I, 67.

²³⁾ Крестьяне с. Лотоковъ.

невича, благодаря за птуши и обявляючи о своемъ отездѣ къ Глухову, а отоль къ Москвѣ.

7. Вручены двѣ куницѣ и одинъ бобръ для чинбы въ Стародубъ Максиму Шапочникову, припечатанные, и ему-же за роботу дано 90 коп., а Гришку кравцю 12 коп. Послѣ обѣда отехали зъ дому къ Глухову и ночовали въ Чаусахъ.

8. Въ Чаусахъ явились зъ Лотоковъ и зъ Курганщины люде и привезли кожу медвежу отъ коновала и лубку лиццу (меду) отъ дяка Федора Пригары, которымъ жебы выдано зъ гумна городецкого жита три осмачки зъ чверткою, о томъ писаль къ гуменщику Цилипу, да и до Ивана Дащенка писаль-же, чтобъ по жалобѣ тамошихъ людей изслѣдовалъ. Рано зъ Чаусъ отехали и попасали коней въ дворцѣ судіи енералного Лисенка въ Михайловцѣ, а отоль по обѣдѣ прибыли въ Шатрищи и ночовали у Кирила Лукашевича.

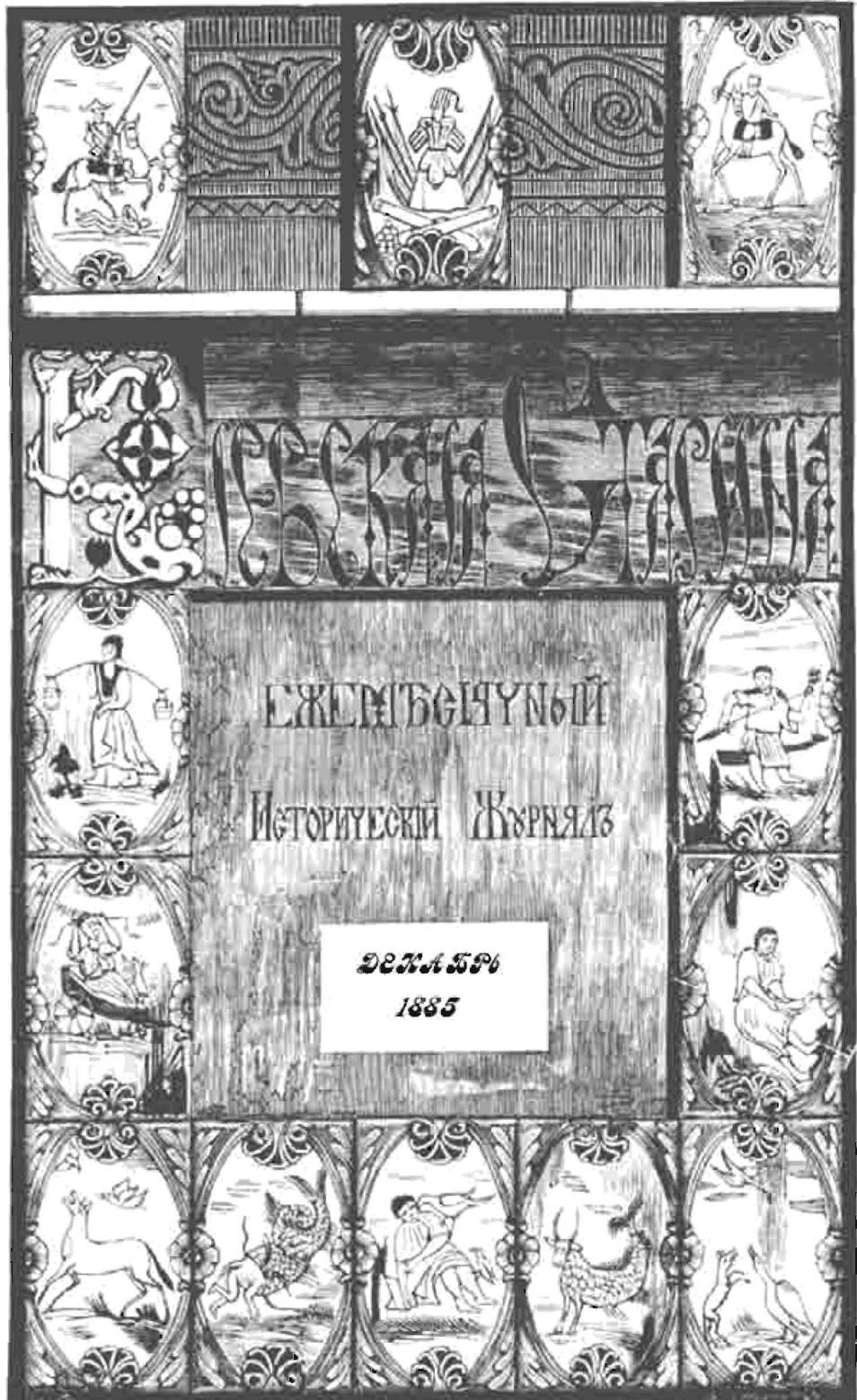
9. Зъ Шатрищъ рано поехавши, прибыли въ Глуховъ о полднѣ, а вечеромъ быль у г. Скоропадского, где видѣлься съ енеральнымъ писаремъ г. Безбородкомъ, и Яковомъ Марковичемъ, и обознымъ полковымъ лубенскимъ Иваномъ Кулябкою, и зъ судею переяславскимъ Лисаневичемъ.

10. Рано быль у генерала и просиль о дачи пашпорта на почтовые лошади къ Москвѣ и до С. П. Бурха, который и обѣщасть дать таковый пашпортъ.

11. Обездилъ всѣхъ господъ велико и малороссийскихъ, въ томъ числѣ быль и у писаря енералного г. Безбородка и у бунчукового Оболонского, и де которые изъ нихъ для подачи въ Москвѣ и С. П. Бурхѣ поприсыпали писма.

12. Отъ генерала и генералши отобрали писма и отклонились, такожъ отъ брегадира и полковника Тютчева, и отобрали въ енеральной канцелярии пашпорть и нѣкоторые дѣла, въ сенатъ и въ коллегію іностранную надлежащіе, и со всѣми простились.

13. Рано быль у п. Скоропадского и заняль у него 16 червонныхъ. Обѣдни слушаль въ церкви Преображенія Господня. Обѣдалъ въ домѣ, а съ нами и г. Скоропадскій; по обѣдѣ-же, простясь зъ женою и со всѣми, отехаль по почтѣ въ путь свой, зъ синомъ Василемъ, и прибывъ на смерку въ Толстодубовъ, тутъ перемѣнилъ

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XIII.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Т. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., соб. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XIII.

ДЕКАБРЬ.

1885 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск., ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го ноября 1885 года.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛЪ
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА.”
1886 г. (въ годъ изданія) 1886 г.

Журналъ «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будетъ выходить и въ слѣдующемъ 1886-мъ году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 и болѣе листовъ, съ приложеніемъ по временамъ портретовъ южно-русскихъ историческихъ дѣятелей.

Въ будущемъ году предполагается помѣстить между прочимъ слѣдующіе материалы и статьи: Учебныя заведенія юго-западнаго края послѣ первого полиска возстанія (современные записки И. М. Сбитнева); Годопорикъ, или автобіографическія записки И. Острожского-Лохвицкаго (1761 — 1846 г.); обывателя г. Керчи; Дневникъ С. И. Лашевича, черниговскаго обывателя (70-хъ годовъ XVIII вѣка); Письма изъ осажденнаго Севастополя (1853 — 1855 г.) къ архіеп. Иннокентію; Очеркъ исторіи днѣпровскаго казачества до половины XVII ст., — рядъ статей проф. В. Б. Антоновича и имъ-же редактированныя Записки Ф. Евлашевскаго (1564 — 1604 года) и Дневникъ погода Конецпольскаго противъ казаковъ 1626 г.; О віянніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу, проф. Н. Ф. Сумцова; О научномъ изученіи колядокъ, его-же и Антоній Радивиловскій (очеркъ изъ исторіи южно-русской литературы XVII в.), его-же; Выборъ малорусскихъ депутатовъ въ Екатерининскую комиссию

Д. И. Багалъя; *Люди Старой Малороссии — Куклабки и Ломицковские*, А. М. Лазаревского; *Угорские русины, их судьбы, нравы и обычаи*, П. И. Феерчака; *Сатирическая литература актовых книг XVII в.*, О. И. Левицкаго; *Неизданные материалы для истории Запорожья*, Д. И. Эварницкаго; *Запорожье в памятниках устного народного творчества*, Я. И. Новицкаго; *Секретная переписка запорожского Коша*, А. А. Скальковского; *Девять поездок съ Н. И. Костомаровыми*, В. И. Горлека; *Нарыжный* (историко-литературный этюд), его же; *Неизданные сочинения Сковороды* (описание) и *Переписка Боровиковского съ родными*, его же; *Историко-литературная деятельность А. Я. Стороженка*, Н. С — а; *Воспоминания о Шевченко*, О. Лободы и пр. Сверхъ того редакція надѣется усилить число переводныхъ и оригинальныхъ статей общедоступнаго чтенія.

Подписанная цѣна на годъ съ пересылкою и доставкою 10 руб., за мѣсяцъ 8 руб. 50 коп., за границу 11 руб. Полугодичная или по четвертамъ года подписка не принимается. Разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ допускается лишь по полугодиамъ, или по предварительному соглашенію съ редакціею.

Выписывающимъ непосредственно изъ редакціи журналъ прежнихъ годовъ одновременно за 4 года дѣлается уступка 20%, за три 15% и за два 10%.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Петербурга, Москвы и Киева. Ишогородные адресуютъ: *Въ редакцію «Киевской Старины»*, Киевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8. Тамъ-же въ контора редакціи.

Редакторъ-издатель *Ф. Лебединцевъ*.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМА XIII. 1885 г.

Сентябрь, 1885 г.

стр.

I. КЪ ИСТОРИИ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССИИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ ПРОЕКТА НОВАГО УЛОЖЕНИЯ. Дмитрий Багалъ	1
II. ДАРЬ ПЯТЬДЕСЯТНИЦЫ И НАШИ ПЕРВОУЧИТЕЛИ. (Посвящено памяти Н. И. Костомарова, сказано въ торжественномъ собраниі славянского общества 13 мая 1885 г.). Ор. Миллера	31
III. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КИЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653.—(Историко-Биографический очеркъ)	51
IV. МАЛОУРУССКАЯ ПОХОРООННАЯ ПРИЧЕТЬ И МНОЧЕСКОЕ ЕЯ ЗНАЧЕНИЕ. С. Брайловскаго	73
V. СТАРОСВѢТСКИЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго цеховенства 20-тъ годовъ XIX ст.). (Продолженіе). И. Левицкаго.	85
VI. ДВѢ ЗАЛИСКИ СЕНАТОРА Е. О. ФОНЪ-БРАДКЕ, СОСТАВЛЕННЫЯ ПО ОБРЕВИЗВАНІИ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВЪ 1850—1851 ГГ.	128
VII. ГРАМОТА ПАТРІАРХА АДРІАНА КІЕВСКОМУ МИТРОПОЛІТУ ВАРЛААМУ ЯСИНСКОМУ. (По жалобѣ кіевскаго войта и мѣщанъ на незаконныя вѣкоторыя распоряженія митрополита).	139
VIII. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 47. С.-Петербургъ. 1885 г.— <i>И. Каманина</i> .—б) А. Барбашевъ. Витовъ и его политика до гривальденской битвы (1410 года). Спб. 1885 г.— <i>И. Каманина</i> .—в) И. А. Кулишъ. Байда, князь Вишневецкій, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. С.-Петербургъ. 1885 г. <i>А. Степовица</i>	145
IX. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Остатки братства и цеховъ въ Полтавщинѣ.— <i>К. Василенко</i> .—б) Стефанъ Яворскій въ двойной роли хва-	

лятеля и обличителя Мазепы.—Сообщ. <i>В. Науменко</i> .—в) Шуточные стихи начала прошлого века.—Сообщ. <i>В. Науменко</i> .—г) По поводу возстановления киево-межигорского монастыря, не сколько свѣдѣній къ его истории.— <i>Ал. Андрієвська</i> .—д) Брошенный изъ-за угла камень.— <i>П. Кулиша</i> .—е) Пѣсня на князя Доминика Заславского.—Сообщ. <i>И. С.</i> —ж) Изъ народныхъ рассказовъ о величияхъ и пятницѣ).—з) Народная пѣсня о Шевченкѣ.—Сообщ. <i>Мих. Васильевъ</i> .	159
Х. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728 — 1753 г.) (Продолженіе)	193 — 208

Октябрь, 1885 г.

Объявление объ изданіи журнала «Киевская Старина» на 1886 г.	
I. КОПІИ СУДЫ ВЪ ЛЬВОВЕРЕЖНОЙ УКРАЇНѢ. Александры Е.	108
II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?) — 1653 г.—(Историко-биографический очеркъ). (<i>Продолженіе</i>)	204
III. ДВЪ СТАРЫЯ УКРАИНСКІЯ НІСНИ И ПО ПОВОДУ ІХЪ. Бориса Познанскаго	220
IV. ИВАНЪ ПОДКОВА. Исторический разсказъ.—(Переводъ съпольскаго)	243
V. НЕСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВЪ КЪ ИСТОРИИ ГАЙДАМАЧИНЫ. А. Скальковскаго	277
VI. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Александръ Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Ки. I—IV. Спб. 1881—1884 г.— <i>И. Каманина</i> .—б) А. А. Матвеевъ. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи. Одесса. 1884 года.— <i>И. Каманина</i> .—в) Разсказы изъ русской истории XVIII в. по архивнымъ документамъ. А. Барсукова. Спб. 1885 г.— <i>К. Цыбульска</i> .—г) Александръ Андріевскій.—Исторические материалы изъ архива киевского губернского правленія. Выпускъ 9-й. Киевъ. 1885 г.— <i>К. І.</i>	319
VII. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Исторические материалы архива полтавской казенной палаты.— <i>Л. Падалки</i> .—б) Любопытныя рукописи одновъ частной библиотеки.—Сообщ. <i>А. А. Синигцкій</i> .—в) Двадцатипятилѣтие Херсонскихъ Епархиальныхъ Вѣдомостей.— <i>В. Истrebова</i> .—г) Изъ народныхъ преданий о запорожцахъ.— <i>Л. П. Погорюка</i> .—Изъ народныхъ рассказовъ въ Новороссії.—д) Письмо Августа II, короля польскаго, къ Семену Палю.—Сообщ. <i>Ско-ко</i> .—е) Воспрещеніе гетмановъ Скоропадскимъ сборовъ на «разлѣць».—ж) Изъ письма въ редакцію (Пещера въ лебединскомъ лѣсу и остатки старинной	

III

СТР

живописи въ лебединскомъ монастырѣ). — <i>Мих. Васильева.</i> — 3) Какъ разсудилъ пашъ староста Каневскій. — <i>Б. И.</i>	333
VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) (<i>Продолжение</i>).	209—224

Ноябрь, 1885 г.

Объявленіе объ изданіи журнала «*Киевская Старина*», на 1886 г.

I. СТАРѢЙШІЯ РУССКІЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ. П. Кузьмичевскаго.	371
II. АДАМЪ КІОЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.— (Историко-біографіческій очеркѣ). (<i>Продолженіе</i>). И. Новицкаго . . .	408
III. АВТОБІОГРАФІЯ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА, ПИСАННАЯ ДЛЯ «НАРОДНОГО ЧТЕНИЯ».	431
IV. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЇНІ 1863 Г. Б. Познанскаго.	436
V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮНКИ И МАТУШКИ. (Новѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). (<i>Оконченіе</i>). И. Левицкаго	466
VI. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Л. В. Ильяшевичъ. Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства. Харьковъ. 1885 г.— <i>И. Каманина.</i> — б) Великорусскій и малорусскій языки. Изъ членій дра Карла Абеля въ оксфордскомъ университѣтѣ по сравнительной лексикографії. Перевѣсь съ англійскаго Рудольфъ Длапецъ. Лейпцигъ и Берлинъ. 1885 г.— <i>Н. Дашиевича</i> —в) Изслѣдованіе о кладахъ волынской губерніи. Житомиръ. 1885 г.— <i>Н. Голубовскаго</i>	520
VII. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ народныхъ преданій о Гетманщинѣ, Запорожжѣ и Черноморѣ. — Сообщ. <i>Порфирий Мартынович</i> . — б) Письмо къ другу отъ офицера, находящагося въ Киевѣ. — Сообщ. <i>В. Н. Ястребовъ</i> . — в) Старинныя орудія наказанія и исправленія. — <i>Ио Новицкаго</i> . — г) Два слова о пашѣ Каневскомъ. <i>Его же.</i> — д) Запрещеніе купальскихъ огней. — <i>П. Е.</i> — е) Вольная литературовъя упражненія въ южно-русскіхъ судахъ XVII ст.— Сообщ. <i>П. Шеболдаевъ</i> . — ж) Годичное собрание общества пр. Нестора и отчетъ о его дѣятельности за 1884—85 г.—з) Всенародное купанье вѣдьмъ въ озерѣ и судебная отъ того водокита.— <i>К. Цыбульская</i>	535
VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.). (<i>Продолжение</i>).	225—240
ОБЪЯВЛЕШІЯ.	

Декабрь, 1885 г.

Объявленіе объ изданіи журнала «Киевская Старина» на 1886 г.	
I. ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНИИ ВЪ УКРАИНѢ 1863 Г. <i>(Окончаніе).</i> Бориса Познанскаго	571
II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.—(Историко-біографіческий очеркъ). <i>(Окончаніе).</i> Ив. Новицкаго	612
III. ЕВРОПЕЙСКІЙ БАНТИЗМЪ — РОДОНАЧАЛЬНИКЪ МАЛОУРУССКОЙ ШИУВДЫ	638
IV. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. <i>(Окончаніе).</i> Н. М.	651
V. НОВЪСТЬ ОБЪ ОСАДѢ Г. МИХАЙЛОВА ГЕТМАНОМЪ САГАЙДАЧ- НЫМЪ ВЪ 1618 Г.	684
VI. ДВА ПИСЬМА ИСТОРИКА Н. А. МАРКЕВИЧА О СВОЕМЪ РОДОНА- ЧАЛЬНИКЪ МАРКѢ АВРАМОВИЧѢ. Сооб. Петръ Дорошенко . . .	689
VII. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Малоруссія літературныя новинки 1885 года.— W.—б) Къ исторії полемики между московскими и малорусскими учеными въ концѣ XVII ст., И. Шляпкина (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1885 г., октябрь).—И. С.—в) Историческое значеніе базиліанскаго ордена въ Галиціи и его настоящія отношенія.—Ф. И.—г) Холмскій народный календарь на 1886 годъ. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства. Кіевъ. 1885 г.—И. Каманина. 699	
VIII. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мазепа-князь и его шляхетскій в кня- жескій гербы.—Князл. А. В. Дабижис.—б) Эпизодъ изъ жизни Т. Г. Шевченка.—С—ка.—в) Въ запорожскомъ захолустѣ.—В. Ястrebова.—г) Знагарство, шептавье и заговоры.—И. Иванова.—д) Горо- дничий и св. Пятница.—Н. Бакая.—е) Мицкевичъ и малорусский передѣлкать и переводить.—И. Новицкаго.—ж) Франкузъ-путешествен- никъ на Українѣ.—В. Г—ка.—з) Іосифъ Григорьевичъ Михновичъ. <i>(Некрологъ).</i> —и) Гайдамацкая пѣсня.—В. Ястrebова	715
IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА.(1728—1753 г.) <i>(Продолженіе).</i> 241—256	
АЛФАВІТНИЙ УКАЗАТЕЛЬ.	
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНИИ ВЪ УКРАИНѢ 1863 ГОДА.

(*Окончаніе* ¹⁾).

На другой день весеннее солнце освещало уже совершенно успокоившееся наше село. Ни о какихъ ляхахъ и мятежникахъ не было ни слуху, ни вѣсти, и жизнь вонила въ свою колею.

Междуд тѣмъ мысль о положеніи моей тетки не оставляла меня, и я все таки порѣшилъ сѣѣздить къ ней. Для обеспеченія себя я взялъ у каневскаго уѣзданаго исправника свидѣтельство на проѣздъ въ Бѣлу-Церковь и обратно и вместо хлопца, служившаго у меня, договорилъ для поѣздки со мною солиднаго домохозяина, Грицька Сзипепика, причемъ позаботился и о томъ, чтобы въ выданномъ ему изъ волости билетѣ было опредѣленіе обозначено, куда и съ кѣмъ онъ єдетъ. Исправникъ посовѣтовалъ мнѣ во всѣхъ попутныхъ волостныхъ правленіяхъ явить наши билеты.

Шестого мая мы тронулись въ путь. Подробностей хода повстанскихъ похождений въ Бѣлоцерковщинѣ я по ту пору не зналъ, кроме того, что одна шайка повстанцевъ перевязала около Мировки и Розаліевки. Путь памъ лежалъ на Кагарлыкъ, Горожанку, Мировку, Розаліевку, а за Розаліевкою по упраздненной Богуславской почтовой дорогѣ черезъ Красное на Саливонки; тутъ мы выѣзжали на кіевскій почтовый трактъ, а въ верстѣ отъ него находилась Соколовка, мѣсто жительства моей тетки.

¹⁾ См. «Киевская Старина» 1885 г., ноябрьск. кн., стр. 436—465.

Первый опросъ былъ сдѣланъ намъ при проѣздѣ чрезъ Мишковку. Это большое село и очень раскинутое. По срединѣ его огромный выгонъ; на немъ близъ дороги большой крестъ (фигура), а подлѣ него волостное правленіе. Глядимъ, у фигуры стоять курень, а изъ него выглядываютъ и къ намъ присматриваются люди. Лишь только мы приблизились къ куреню, какъ настѣ остановили и потребовали билеты. Сторожей оказалось пять, и пока одинъ изъ нихъносилъ въ волостное правленіе наши билеты, мы разговаривались съ остальными четырьмя.

— Такъ у васъ, спрашиваю, были матежники?

— Ге, тутъ на Вербивцы (часть села) така баталія була! Сказано матежники! Такъ и свистать кули по-межъ народомъ... отвѣчалъ одинъ изъ стражи.

— Ну, и благополучно кончилось, никого не убили?

— Та людей Богъ милувавъ, якось никого не влучили, а зяхивъ багато побили, а той такъ побрали въ полонъ. Тамъ ихъ и называли человека зъ пятьсотъ...

— Ого! Таки чимало! подъохочивать я рассказчика.

— А якъ-же! Тамъ ихъ сила буза,—усе воины. Тай народу-жъ было сила: зъ усихъ силъ позбигалъся, такъ и вкрыли ихъ. Икъ гукнувъ нашъ таки конониръ: «бѣйте ихъ вражихъ ляхівъ!» — такъ ихъ и вкрыто. Народу сила, звисно! Той того бѣе, той въяжс, а той убитого вже роздягає, та раззуваетъ! Народъ зъюрмовався, зорився, такъ и рвутъ, такъ и рвутъ...

Я полюбопытствовалъ спросить, что-же дѣлали повстанцы.

— Що?! Вони було бумагу якусь давали людямъ, такъ наши не беруть. Положить *орудію* (sic), стали имъ казать, а вони и поклали. Ну, тутъ-то й вкрыто ихъ... А вони—хто проситьца, на вконинки падас, а хто утикае... Такъ куды тоби! Сказано, народу сила!.. Закъ, гукъ—ажъ земля стугонить.

Меня не удовлетворяли эти общія фразы, миѣ хотѣлось знать самий процессъ этой баталіи, и я спросилъ, какъ именно стрѣляли повстанцы въ народъ.

— Гмъ... Може который и хотивъ-бы стрѣлить, такъ не вспивъ, бо ихъ сразу стояли, николи було имъ и разъ стрѣлить, отвѣчалъ рассказчикъ, очевидно забывъ, что раньше говорилъ о томъ, какъ свистѣли пули между народомъ. — А то може хто й стрѣливъ. Я

таки добре не знаю; казали, буцімъ-то пидъ соцькимъ коня вбито. Звисно, тамъ усѣго не догледишъ... Тамъ таке страховисько! Одно слово баталія! А мыру того, ажъ чорно!...

Разговоръ былъ исчерпанъ, намъ принесли посвидѣтельственные билеты и мы побѣхали дальне.

Въ Розаліевѣ «коловоротъ» былъ заново отढланъ: крѣпкія ворота, высокій плетень по бокамъ и, наконецъ, большой плетневый съ повеньюко крышею шалашъ. Прислоненными къ плетню стояли нѣсколько кость, набитыхъ «направецъ», пика и новое, невиданное мною до той поры оружіе—«птихъ», совершиенно подобіе солдатскаго штыка, воспроизведенное мѣстнымъ кузнецомъ и набитое на длинную палку¹⁾). Подъѣхавъ къ закрытымъ воротамъ, мы остановились; изъ шалаша, съ картами въ рукахъ, выскочилъ къ намъ молодой парень и громко крикнулъ:

— Стой! Видкия козаки?...

Мы назвали себя.

— А билеты есть?...

— Есть, отвѣчаемъ мы, и подали свои билеты.

Глядимъ, а въ шалашѣ еще нѣсколько молодыхъ парней, также съ картами въ рукахъ: отъ скучи стражи, очевидно, развлекались игрой. Къ намъ подошли еще три парня и стали разматривать наши билеты съ печатями сургучными, съ мѣста выдачи, и черными концепными понутныхъ волостей. Но грамогиныхъ между всѣми 7-ю стражами не оказалось.

— Ну, мабуть отъ-що: сидайте зъ ними ты, Микита и ты, Василь, тай поганяйте у расправу, порѣшилъ одинъ изъ стражей, очевидно, старпій между ними.

Микита и Василь взяли стоявшія у плетня кости и готовы были исполнить приказъ, одинъ изъ парней отцираль уже ворота... Но я не пожелалъ кататься въ расправу и возить съ собою линніхъ десять иудокъ: нарии здоровые, крушные, одни сапоги фунтовъ 30 пара.

— Возить я васъ не стану, сказалъ я стражамъ,—не моя вина, что между вами нѣтъ грамотного,—если-же вамъ такъ нужно, идите пѣшкомъ, а я пойду за вами.

¹⁾ Въ одной коллекціи впослѣдствіи я видѣлъ такое-же оружіе, и съ добавленіемъ эзубріанъ, какъ въ крючкахъ, для ловли рыбы употребляемыхъ.

Стража озадачилась. Пробхаться еще куда не шло, а ужъ промаршировать версты двѣ по жарѣ до расправы, да еще назадъ, охоты мало.

— Та якъ-же цѣ?! заговорили мои копвойные, оглядываясь на своихъ товарищахъ.— Оце пинки такій съвить чти?!

Тѣ также недоумѣвали.

Чтобы вывести себя и стражей изъ затрудненія, я заявилъ, что зайду къ ихъ-же односельцу, старику Р—ю, котораго хата оттуда была видна, и что пока я буду кормить лошадей, они будуть имѣть достаточно времени снести наши билеты въ расправу.

— А вы знаете Р—я? съ плохо скрываемою радостію спросили меня стражи и всѣ уставились на меня вопрошающими физіономіями.

— Года четыре уже знаю! Вотъ его и хата! отвѣчалъ я, указывая рукою на стоявшую невдалекѣ хату и предлагая, кто имѣть охоту, проводить меня туда.

— Ну, такъ мабуть ничего й проводить вась: вы люде звісни. То такъ, якъ то, бувае, хто іншій... Щобъ бувае якого матежника не пропустить. А такихъ людей ничего зуницять. Процускайте ихъ, хлопцы! вдругъ заговорили чуть не всѣ вмѣстѣ, обрадовавшись возможности не провожать насъ пѣшкомъ въ расправу.

Я соскочилъ съ брички, чтобы пѣшкомъ пройти до хаты Р—я, и тутъ уже заговорилъ со стражниками, ихъ-же языкомъ:

— Іце у васъ строго дуже! Такъ и вартуете тутъ? Усе одни, чи й переміна бувас?

— ИЦо-жъ робить? Такій приказъ! Ни, якъ-же безъ перемини, тутъ занудинися: сутки одбудемо, а тоди пини.

— Сутки програете у хвиля, а тоди пини!...

Стражи дружелюбно размѣялись, но никто изъ нихъ не послѣдовалъ за мной ко двору старого Р—я.

Нѣмой сынъ Р—я, красивый, высокий брюнетъ, всегда привѣтливо меня встрѣчавший, и теперь, улыбаясь, отворилъ ворота, кивая головою и приглашая знаками моего спутника въїзджать во дворъ. Увидѣть, что я смотрю на приставленную къ крышѣ хаты набитую направецъ косу, нѣмой замотать головой и поднявъ руки вверхъ, замахать ими, съ суровымъ видомъ, какъ-бы желая показать, что что-то страшное, грозное происходило съ этою косою.

Старикъ Р—ни — давній мой знакомый. Это былъ богатый крестьянинъ, патріархъ большой семьи. Въ трехъ избахъ, построенныхъ рядомъ съ старою хатою, жили особняками его три сына, имѣвшіе уже женатыхъ и замужнихъ дѣтей: одинъ сынъ жилъ въ томъ-же селѣ въ сторонѣ, а со стариками «на корлю» жилъ самый меньшій ихъ сынъ, встрѣчавший меня теперь нѣмой, тоже женатый. «Тринадцатеро правнучатъ приносили до настѣ вечерю», хвалились однажды предо мной старики Р—ни, когда я забѣхать какъ-то къ нимъ обѣ Рождество.

Семья эта издавна занималась чумачествомъ. Рассказывали, что въ 1853 году въ Молдавіи турки отбили у Р—ня 40 чумацкихъ возовъ и что старику предлагали выхлонотать изъ казны деньги за эту потерю; но онъ отказался, говоря: «у другихъ ссыпивъ на войни побили, и то платы не требуютъ, а я за воливъ ставъ-бы домагательца платы». Его хотѣли, говорятъ, представить къ наградѣ медалью; но онъ и отъ этого отказался, говоря: «хиба я салдатъ, щобъ мени медалю носить!»

Во времія моихъ поѣздокъ по дѣламъ я каждый разъ заѣждалъ къ Р—ямъ и они всегда принимали меня дружески. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, мѣсяцевъ за пять до начала восстанія, вновь назначенный къ намъ становой приставъ, подозрѣвавшій меня, по моей національности, въ прикосновенности къ затѣваемому мятежу, поручилъ сотекому прослѣдить за мною. Сотскій явился къ Р—ню въ то время, когда мы сидѣли за ужиномъ. Поздоровавшись, онъ молча сѣлъ на лавку и какъ-то конфузливо посматривалъ на настѣ.

— Кажи, за чимъ прийшовъ? спросилъ его хозяинъ.

Сотскій объяснилъ, что становой, почуюцій у *двори*, т. е. у пана, послать его сюда посмотрѣть, что за люди почуютъ здѣсь. Старикъ, сердито взглянувъ на посланца, съ важностію проговорилъ:

— Скажи ты тому, кто тебе послать, що нема никому дила до того, яки люди у старого Р—ня почуютъ. То росинтують въ корчи, а пе въ господи, за менъ хлібомъ-силью. Я такихъ, якъ винъ, багато вже переживъ, дей подивались, хто знає... А бму до моихъ гостей засы!

Сковуженный такимъ *dicto acerbo*, сотскій поспѣшилъ удалился; но расходившійся старикъ и послѣ ухода его долго не

могъ успокоиться и все ворчаль: «Иже ёму дило?! Яки люди?! Люди, тай годи! У мене въ господи, не въ корчми!» и т. п.

Вотъ какой этотъ былъ старый Р—ль, къ которому я заѣхалъ покормить лошадей отъ сторожеваго никета.

Нѣмой взялся устроить лошадей, а меня позвали въ хату; послѣ обычныхъ привѣтствій и прелюдій сопшедшися члены семьи цустились въ рассказы о только что окончившемся разгромѣ повстанцевъ.

— Мы були на базарѣ въ Германовци въ недилю, разсказывалъ одинъ изъ сыновей деда Р—ня. Ще якъ на базарѣ ѿхали, то вже де кто базиковъ, шо въ орудіи, у нашого таки пана, збирались ляхи килька чоловика и шо панъ самъ оддавъ имъ своихъ коней. Сталі на ярмарку, коли прыбигає зъ Лопатынцыны верхомъ на кони чоловикъ, поднявъ па ратище брыль тай гукае, шо такъ и такъ, каже: уже, каже, ляхи Лопатынцыну спалыли и йдуть сюды и народъ рижутъ. Такъ въ одну мить базарь не знать де й дився; такъ пародъ и посунувъ, што куды! Прыбигаемо до господы, ажъ Омелько бижыть зъ косою, я соби зхопнить війце (добавочный рычагъ при плуговой запряжкѣ быковъ), та за людьми. Отъ тилько шо черезъ наше поле пройшли па Вербивець, ажъ тамъ мыра сила: такъ увесь степъ и захрастъ пародомъ. Бижать звидусиль; тысячу изъ симъ, або й бильше мыра, зъ усихъ силъ, што на кони, а то бильше пишки, та все зъ косами, та зо еписами. Якъ стали ляхи сближатьця до Вербивца, то мыровци взяли тай разибрали мистокъ на гребли. Нынуды имъ сунутьця; вони й стали сумиритьця: «Мы вамъ, кажуть, землю подаруемо!» Отъ троє ихъ отдишались, стали павковички тай читають грамоту. А народъ усе тмене ихъ. «Покладить, гукають, оружия, тоди будемо слухата!» Вони пооднимали одъ себе руничини. Тутъ то ихъ и вскрыли. Зробився гамъ такой, шарварокъ, курява така. Де котри зъ нихъ выскочили зъ-за клуни, та якъ побачили, тай соби тикать. Такъ куды тамъ! Сила ихъ побито, багато...

— Бить-же за чимъ?—Такъ-бы новязать тай годи,—спрашивали я. А то такъ внерие чоловика бачишъ, та й убивать ёго...

— Колибъ-же то чоловикъ, а то ляхъ. Чорие таке, зашыляне и обличча не знать на нёму. И погнался за однимъ, а винъ, гладкий ляшуга, давай утикатъ отъ мене; люди почали перейматъ, винъ бачить, шо не штиче, выхопивъ зъ кипенія гроши, тай тиче мени.

Я вже не хотивъ ёго й бить, ажъ тутъ де не взялся на кони Хроль (Щербакъ, яківецкій старшина), та якъ стусопе ёго ратицемъ межи плечи, винъ такъ и покотивсь. «Былъ ёго вражу личину, не жалій!» гукнувъ до мене. Я ёго тарахъ по голови війцемъ, такъ и простягся мій лахъ. Страхъ мене взяль, самъ не спаматаюсь, стою, якъ вкопаний. Тутъ ёго вхопили; поки я очумався, ажъ винъ уже голий лежить, въ одну мить обидралы. Сказано, пародъ розлотовався! Такъ и рууть на шматки...

— Ну вже-бъ я такъ не потрачивъ бить чоловика, замѣтилъ я, поражений разсказомъ.

— Такъ здається, ішо не потрачиль-бы! отвѣчаль мій рассказчикъ. Коли-жъ и самъ тебе не помятаєшъ, такъ злякаешъся, такъ тебе трясця въ бье.

— Ну, багато-жъ ихъ тутъ побито?

— Хто ёго знає: хто каже 20, а хто бильше. Та ихъ-то усихъ, кажуть, бильше не було, якъ півтори сотни. Де яки верхами, а то на возахъ. Мужики усе позабирали, и коней и возы. Де хто підживився.

Рассказъ повидимому оканчивался, какъ вдругъ отзвался другої братъ.

— А то у пась въ сели одному голову знесено.

— Йесь це голову знесено? спросилъ я.

— Та бачите, одетавъ одинъ лахъ одѣ своихъ, а за нимъ и вченився соцькій житногорський. Винъ єму уже й грошей дававъ, такъ ни: ухопивъ ёго коня за поводы тай верне. Лахъ стрелывъ тай убивъ індъ соцькимъ коня. Кінь унавъ, а соцькій висить на поводахъ; отъ лахъ ударивъ вдруге зъ пистоля, такъ кулею й перебинъ єму руку. Соцькій унавъ, а лахъ дали, ажъ тутъ въ улиці наши таки мужики якъ наставили нахрестъ дви косы, такъ и зняли ему голову.

Все это рассказывалось съ подсказками и поправками другихъ членовъ семьи. Самъ хозяинъ молчавъ и вздыхая иногда; немного тугай на ухо жена его какъ-то вопроплаще поглядывала то на семью, то на меня, какъ будто по выражению физіономії хотѣла вникнуть въ смыслъ рассказываемаго, а пѣмой ихъ синъ, понизмая, о чёмъ идетъ рѣчь, иногда хлопать меня по плечу и какъ-бы поддакивая рассказчику, киватъ головою, заглядывая мій въ глаза.

— А я такъ ажъ въ очерть зъ дитиною забыла, вмѣшалась невѣстка Р—ней, жена пѣмаго, пользуясь паузою... Страхъ мене такий огорнувъ! злялась, сижу въ очерти. Коли мати приходить тай кажутъ: «иди уже, ничего нема, не бѣся; уже ихъ побыдышь, онде, кажутъ, ведуть одного. Дохожу до хаты, коли глянула скризь ворота, ажъ и справди бижать люди до рову, жинки, дѣти. Я поклала дитину у люльку тай себи туды до людей. Дивлюся, ажъ ведуть ёго два мужики по-чідѣ руки. Тамъ таій страшныи, моя матинько, и Господи! Весь окривазленныи, у одній сорочци; видѣ ёму залипленныи кровью та иломъ, та ще кажутъ косою на скризь пробитый. Довезли ёго до рову, а винъ и влавъ: такъ стогне, та въетьца на земли... Подумала я, що може ёму що сталося, що може въ ёго черна болисть, та й кажу до людей, що може ёго чимъ покрыть. А вони сміотыца: добра, кажутъ, черна болисть, коли косою въ друди наскризь пробитый. Почали ёго волокти, а деяки зачали було лаять та бить, та вже батько надійши, та дарай ихъ усовинувать, та таки й палаяли. «Що се вы, кажутъ, прокляти, робите, Бога побйтесь! Винъ умирае, а вы зищаетесь надъ нимъ!» Такъ винъ лежавъ, ажъ поки староста не зволивъ одвезти до стану. Кажутъ, всю дорогу живый бувъ.

— А то ще тутъ одного привезли було: той вже ледви дыхавъ, весь пораняный косами. Цёго вже й не везли у станъ; отъ тамъ за греблю ѹ поховали.

Старикъ Р—нь прервать разсказы, велѣвъ собирать обѣдать. Ради меня остался обѣдать одинъ изъ отдельно живущихъ сыновей.

За обѣдомъ разговоръ продолжался на ту-же тему. Каждый членъ семьи вставлялъ свое слово, или-же передавалъ отдельный, видѣнныи или слышанный имъ эпизодъ. Разсказывали напримѣръ о томъ, какъ гоняли повстанцевъ въ Василькоевъ и въ Кіевъ и получали за каждого по три рубля, при чемъ старый Р—нь замѣтилъ: «Я не зволивъ своимъ хлопцамъ водить ихъ—нехай вони начужи руки перейдутъ!» Не безъ удовольствія передавали о томъ, какъ Флоръ ІЦербакъ, заправлявшій всѣмъ дѣломъ, ни во что ставилъ становаго пристава и даже бранилъ его, когда тотъ удерживалъ разъяренный народъ.

— Ты,каже, самъ ляхъ, такъ тоби ихъ и жалко! А я тебе звяжу, та въ Кіевъ и приставлю!

Одинъ говорилъ, что Флору награда будеть, а другой добавляль: «Та винъ и самъ себѣ уже наградивъ добрѣ»; захватицъ будто-бы повстанскую кассу—мѣшокъ два серебряныхъ денегъ. Но особенно разнообразіемъ отличались разсказы о томъ, какъ содержали и караулили пленныхъ на мѣстѣ. Пайбоже прочими мѣстомъ ихъ заключенія признаны были такъ называемые «сторчевые» по-греба. Опустятъ ихъ со связанными руками въ такой погребъ, прихватятъ сверху «лядою» (досчатою крышкою) и сидятъ около нея въ полной увѣренности, что никто не уйдетъ.

— Та щеи докорили имъ, прабавляль разсказчикъ. — Кричать вони, проситьца: змишуйтесь, розвяжите! А кто пидаме ладу, тай каже: а якъ мы просились у васъ колись: паночку, голубичку, змишуйтесь, не быйте! то нась не милували? Отожъ вамъ по ти правди, бисови ляхи! Боялись мы васъ колись, а теперь и вамъ уже одѣ нась страшно.

Ножоримивъ лошадей, мы распрощались съ радушными хозяевами и тронулись дальше.

Въ Розаліевкѣ я забѣхалъ въ расправу для явки билетовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для удовлетворенія моего расходившагося любопытства. Но, кромѣ двухъ косъ и одного ратица, я никого не увидалъ около расправы; видно, стража уходила обѣдать и даже писаря и старосты не было тамъ, а сидѣлъ какой-то глуповатый и занка сторожъ. Пробѣзжаемъ мимо папскаго дома; тамъ слѣды недавнаго погрома: окна повыбиты, рѣшишка кругомъ обширнаго двора поломана, двери па крыльцѣ высѣли на одной цепѣ високось. Въ дворѣ не видно было никого, только какая-то баба стояла около плетня сада. На выгонѣ, за греблею, въ сторонѣ отъ дороги, виднѣлась среди зеленѣющаго дерсу круговина вскопанной земли безъ всякаго возвышенія и около нея разсыпанная солома, запятнанная кровью. Около дороги играли дѣти; они и объясняли мнѣ, что «толахъ похованній въ земли лежить»...

Огъ Розаліевки до Краснаго 8—10 верстъ по старой богуславской дорогѣ. Красное принадлежало братьямъ Ревякинымъ, изъ которыхъ Нестрѣ Ивановичъ достаточно извѣстенъ въ литературѣ, чтобы обѣ немъ нужно было распространяться. Жилъ онъ на окраинѣ села, въ особомъ хуторѣ, посвившемъ название Волгчей

Долины. Я пожелалъ навѣстить его въ это тревожное время и мы направились къ красянской корчмѣ, отъ которой приходилось поварабивать по межѣ къ Волчьей Долинѣ. Тутъ мы остановились, чтобы распросить о судьбѣ моего доброго знакомаго. У корчмы сидѣлъ какой-то болѣзненный, блѣдный однодворецъ—изъ чиншевой шляхты, больше никого не было; бочка съ водкой, обыкновенная принадлежность корчмы, стояла у дверей сторчмя. Я сталъ его спрашивать про Ревякиныхъ. Онъ какъ-то вздохнулъ, какъ-бы нехотя рассказалъ, что ихъ обоихъ братьевъ крестьяне забрали и отвели въ Васильковъ, что семья меньшаго брата уѣхала туда-же и то еле выбралась, такъ какъ «громада» не давала лопадей запрягать и вся прислуга поразбѣжалась. На вопросъ мой, почему эта бочка стоитъ на дворѣ вверхъ краномъ, корчмаръ объяснилъ, что во времена тревоги мужики водку всю выпили, а новой привозить боятся. По межинку поѣхали мы все таки въ Волчью Долину. Грустно мнѣ стало. Я зналъ П. И. Ревякина, какъ человѣка вовсе не причастнаго къ какому-бы то нибыло польскому движению, зналъ о его любви къ народу, и вдругъ этотъ самый народъ, не простилий ему того, что онъ пантъ, вяжетъ его и па веренкѣ ведеть въ одной компаніи съ людьми, заявившими выходомъ въ поле свои политическія вѣрованія, совсѣмъ не схожія съ его вѣрованіями.

Печальной и опустѣлой явилась мвѣ прежде привѣтливая, уютная часыка Петра Ивановича. Здѣсь онъ разводилъ садъ, ухаживалъ за ичелою, выслушивалъ нескончаемые разсказы *Лѣда Омелка*, оживотворялъ и осмысливалъ ихъ въ даровитыхъ статьяхъ своихъ; здѣсь, въ этомъ уютномъ уголкѣ, въ тихой лѣтній вечеръ, слышны были рокотливые звуки гитары подъ искусствами пальцами старого гусара; сюда доносились изъ-за бугра, «зъ улицы», заунывныя мелодіи веснянокъ, такъ любимыхъ имъ; наконецъ въ общемъ здѣсь успокоился было, поэлъ бурной гусарской юности, полный задушевнѣйшихъ пожеланій, ученый, хороший человѣкъ, думавшій найти упокоеніе на лопѣ природы, въ общепіи съ любимымъ имъ народомъ... И вдругъ эта буря, ураганъ, вихрь, вызванный двумя противуположными вѣяниями национальныхъ традицій, разрушаютъ его гнѣздо, сплюснуть его самаго, уничтожаютъ созидаемый имъ себѣ миръ покоя и любви, и все это безъ всякой вины его, безъ малѣйшей причины съ его стороны.

Грустно, не весело!

Рассказавъ Грицьку, какъ сѣхать съ бугра къ воротамъ сада, я, взявшись ипуть для обороны отъ могущихъ встрѣтиться собакъ, перелѣзъ черезъ ровъ и пошелъ садомъ прямо къ дому или, лучше сказать, хатѣ, гдѣ я бывалъ у Петра Ивановича.

Садъ былъ въ полной весеніи красъ: осипавшійся уже цвѣть вишень смѣнился розоватымъ цвѣтомъ яблонь и бѣлымъ группевымъ ва стройныхъ деревьяхъ бергамотъ; трава между деревьями пестрѣла цвѣтами, внизу калина распустила до земли вѣти, украшенныя букетами цвѣта, въ «тернику» заканчивалъ почной концертъ соловей, въ вербахъ со вѣза иволга отрывисто выводила свои фіоритуры и падъ всѣмъ этимъ хорошее майское небо. Но всѣ эти прелести уютнаго хуторка какъ-то еще больше грусти придавали моему настроенію, при мысли о томъ, какъ фатально нарушенъ этотъ любыи покой хорошаго человѣка. Вотъ и красная тесовая крыша знакомой хаты... Двери заперты, никого не видно. Но вотъ послышался лай собачий, удаляющійся по направлению ко входу въ садъ. Это, очевидно, они засмышили стукъ колесъ моей повозки, спустившейся съ горы.

Я пошелъ за хату по направлению къ знакомой миѣ пасѣкѣ и вскорѣ увидѣлъ изъ-за кустовъ согнувшуюся надъ чѣмъ-то фігуру Омелька дѣда. Онъ набивалъ ведро и тутъ-же сидѣла небольшая дѣвочка въ черной запасочкѣ и въ затасканной, но въ вышитой заполочью рубашкѣ; выцвѣвшіе волосенки ея, не державшіеся въ маленькихъ двухъ косахъ, спадали пасмами изъ подъ слабо завязанныхъ ярко красныхъ «киснѣкъ» на загорѣлое личико. Она, повернувшись лицо въ сторону собачьяго лая, какъ-бы ожидала кого съ той стороны. Дѣдъ-же Омелько весь погрузился въ надѣваніе обруча на перетыканый чакапомъ клемки ведра.

— Добры денъ вамъ! сказала я, подошедши къ самому дѣду.

Омелько выпрямилъ и не вставая съ земли, посмотрѣлъ на меня своимъ единственнымъ глазомъ изъ подъ нависшей рижей густой брови.

— Добре здоровья!—отвѣтилъ онъ, сразу узнавъ меня.

— А Петро Ивановичъ де? спрашивала Омелька.

— Де?! Лызень злызва Петра Ивановича,—отвѣтилъ какъ-то слабо дѣдъ Омелько, чѣмъ крайне удивилъ меня, такъ какъ я

зналь его всегдашнее расположение къ Петру Ивановичу, который былъ всегда къ нему добръ, ласковъ и, можно сказать, взаимно расположень. Удивленный, я не нашелся ничего больше сказать, какъ только спросить о томъ, какъ это случилось.

— Та такъ, якъ звичайне злызуе... твердиль хмурый дѣдъ и какъ-бы желая отвѣтить на выразившееся въ лицѣ моемъ изумленіе, продолжаль:

— Такъ ёму й сидуе: винъ усе зъ ними (т. е. крестьянами) за пани-брата, усе: «голубе, голубе, та вы» — отъ тоби й голубе! — «Шапки не скидай», «сидайте, будьте ласкови!» А воно, сказано, мужикъ! Вони того не розуміють... Було все убивається за ними... Ізъ що тамъ якій у спашу попадеться, заразъ записку пише до Владимира Ивановича, щобъ простили... Почавъ зъ ними ще толкуватись, усовицувать... «Я, каже, не полякъ, я, каже, служивъ, у мене, каже, хресты, мадали одъ царя». Рассказуй мужикови! Дуже гинъ тамъ розуміє! Я ставъ було казать: «быйте кажу, прямо, чортовихъ синивъ по потылъци». Такъ куды тоби! ще й на мене одгукнувшись. «Якъ пе, каже, можно?! Вони, каже, якись-то граждане, таки, каже, якъ и я, люде», каже... Чорти, а не люде!. Уже й батюшка имъ розказувавъ, усовицувавъ... такъ куды! сказано свиня! Ізъяне—одно товче: «звеляно усихъ панивъ вязать и забирать». Все это ворчалъ Омелько какъ-бы самъ съ собою и, передохнувъ, опять продолжаль:

— Такъ имъ дурнимъ панамъ и сидуе! Коли ты панъ, такъ паномъ и будь! Якъ-бы зацепить одного, другого по морди... О, то-го! Де-бъ та й хвабрость подилася! А то: косю, косю, а вони й геть-то. Вже й я имъ доказувавъ, а вони: «одійди, диду, одъ гриха! за пана встукаєшся, то й тоби буде». Такъ було прыскались, що тильки ну! Охъ, хо-хо! тильки що старисть моя, а то я-бъ показавъ имъ с..... синамъ!

Слухая этотъ дзінний монологъ Омелька, я начиначъ понимать, что этотъ суровый дѣдъ ругаль Петра Ивановича за его міндальничанье съ мужиками, за то, что онъ не скъумѣль, по его мнѣнню, держать себя, какъ слѣдовало-бы «пану», заслуженному офицеру, и тѣмъ допустиль себя связать.

— То розбійники бувають... то вже інше дило... не унимался Омелько... воно тамъ, звисло, поживитъся чимъ хоче,—такъ уже

и загубить душу... А то ни! Намъ, кажуть, твого добра не треба, а тильки заберемо тебе, та оружія; намъ такъ одѣ царя звелено! Отъ якои ще—одѣ царя звелено! А де вони того царя бачили?! Стане винъ имъ велитъ?!. Нема у царя начальства, адвораливъ?!. Я па Мертво-води у Вознесенському бачивъ покійного царя... Тамъ така парсuna, тамъ того аднорала зъ нимъ—Господи!..

При видѣ Грицька, въ сопровождениі собакъ подъїзжавшаго къ хатѣ, Омелько на минуту прерваль свое изліяніе и предложилъ было миѣ отдохнуть и покормить лошадей, но когда я отказался, заявивъ, что мы почевали такъ не далеко, въ Розаліевкѣ, онъ опять за свое:

— А, въ Розаліевци... Тамъ, розказують, same страженіе було. Ну, то вже такъ! О то same бунтує, коли воно у поле выйде, та ще ляхъ. А то Петро Иваловичъ ляхъ?! Военный, у кавалеріи весь, заслужчина на єму, чинъ... а вони свое: «панъ, то й лахъ». Сказано мужикъ—чортова голова...

Ізъ всѣхъ этихъ бурчаній Омелька и болѣе опредѣленныхъ его отвѣтovъ на мои вопросы я понялъ, что дѣло тутъ было такъ:

Во время всеобщаго по селамъ переполоха крестьяне нѣсколькихъ сель кинулись сначала къ центру движенія, сосредоточивша-гося около подходящей отъ Сухолѣсь партіи повстанцевъ, причемъ хватали господскихъ лошадей съ поля и даже съ конюшни для болѣе скорой поїздки. Когда съ выступившой открыто партіей около Мировки покопчили, тогда вспомнили и о тѣхъ панахъ, которые остались по домамъ и которые также могли не сегодня-завтра пристать къ мятежу. Въ народномъ представлениі не различались уже паны подозрительные отъ неподозрительныхъ, польськіе отъ всякихъ другихъ, помѣщики отъ ихъ послесорокъ, управляющихъ, экономовъ и пр., ихъ всѣхъ привялись вязать и доставлять въ становую квартиру. Достаточно было существовавшаго уже у крестьянъ убѣжденія, что бунтуютъ паны за отобрание отъ нихъ крестьянъ, чтобы теперь, при общемъ возбужденіи, мысль о поголовномъ арестованіи пановъ не только явилась въ цѣлой массѣ народа, нахлынувшего къ настигнутой шайкѣ повстанцевъ, но тотъ часъ-же была приведена въ исполненіе. Забирать своихъ пановъказалось неудобнымъ и несложно: какъ поднимать руки па человѣка знакомаго, съ которымъ вчера, а можетъ быть и сегодня еще съ утра со-

состояли въ обыкновенныхъ отношеніяхъ знакомства, а иногда дружбы и кумовства? Поэтому крестьяне смежныхъ сель мѣнялись ролями: красяици отъ Мировки побѣжали въ недалекій отъ Краснаго поселокъ Волю и захватили проживавшаго тамъ какого-то пана, «Варшавяку якогось», который будто-бы ужъ былъ совершенно готовъ къ выступленію въ шайку, а жители этого поселка съ другими порѣшили взять красяинскихъ пановъ и прибыли съ этой цѣлью къ ближайшему къ нимъ П. И. Ревякину въ Волчью Долину. У Петра Ивановича они застали мѣстнаго священника. Ничего не подозрѣвая, Петръ Ивановичъ вышелъ и поздоровался съ прибывшими; но они тутъ-же заявили ему, что пришли связать его и доставить въ станъ. Изумленный Ревякинъ началъ объяснять имъ, что онъ не полякъ, что онъ русскій офицеръ и т. д., тоже толковать имъ и батюшка; по расходившися крестьяне, подогрѣтые водкою, можетъ быть именно тою, которая была выпита въ красяинской корчмѣ, ничего и слушать не хотѣли. Стало искать оружія, а у кого изъ помѣщиковъ, жившихъ въ деревнѣ, не было оружія? Нашли ружье, саблю, какой-то старицкий пистолетъ,—этого достаточно,—хозяина связали и повели изъ села. Но дорогѣ встрѣтили и другого Ревякина, Владимира Иваловича,—онъ шелъ къ брату, схватили и его, пошли къ нему въ домъ, обыскали и также связали.

Воображаю себѣ положеніе семьи послѣдняго. Обоихъ братьевъ повели связанными въ Яковку, въ становую квартиру. Ихъ гнали все время пѣшикомъ, не смотря ни на какія увѣщанія. Владимиръ Ивановичъ былъ больной и падаль по пути; его били и заставляли идти. Изъ стану Ревякиныхъ погнали въ Васильковъ и только тамъ ихъ освободили. Становой пристанѣ ничего не могъ сдѣлать для нихъ; въ виду разъяренной толпы онъ боялся что либо сказать въ защиту людей, въ невинности которыхъ былъ убѣжденъ. Таково было безсиліе власти административной въ этотъ моментъ всесообщаго возбужденія народа. Съ Петромъ Ивановичемъ становой былъ близкій пріятель и, по разсказу того-же дѣда Омелька, пилъ съ нимъ истинно по гусарски. Это можетъ быть усугубляло невозможность для него заступиться за пріятеля.

Не веселый я поѣхалъ отсюда къ цѣли моей поѣздки. Если такъ поступлено съ двумя русскими помѣщиками, то что могло быть съ польской семьей моей тетки? думалъ я, фдучи дальше.

Тетка была рада мнѣ и относительно покойна. Въ эту всеобщую сумятицу, благодаря храбрости своего лакея, она отдалась короткимъ испугомъ да захватомъ 11-ти лошадей, которыхъ потомъ всѣхъ возвратили. Не обошлось впрочемъ безъ сцены нѣсколько комической. Вотъ какъ было дѣло.

Въ злополучный день 27 апрѣля послѣ обѣда поѣхалъ отъ нея изъ Соколовки мой родной дѣдъ, а ся скорѣ въ Фастовъ, гдѣ онъ жилъ въ то время въ своемъ домѣ. Почти въ слѣдъ за нимъ, четверть часа спустя, тою же дорогою поѣхалъ братъ ея Антонъ Сопотницкій въ мѣстечко Гребенки для разсчета съ какимъ-то евреемъ за проданную ему гречку. Сопотницкаго въ Гребенкахъ задержали, а на его лошадяхъ, въ сопровожденіи еще нѣсколькихъ верховыхъ, прискала цѣлая компанія гребенскихъ крестьянъ въ Соколовку къ моей теткѣ и стала искать въ ея домѣ оружія. Оружія никакого не нашли, но въ икафу, въ вещахъ покойнаго дяди—доктора, нашли акушерскіе большиіе щипцы и обандероленную банку какихъ-то пиллюль. Щипцы показались крестьянамъ оружіемъ, а завернутыя пиллюли, по ихъ металлическому блеску, *кулями*. Наустроено тетка уѣбрала, что это заграницное какое-то лекарство, същники потребовали, чтобы она проглотила одну или двѣ пиллюли. Тетка, не зная, какое это лекарство, долго отказывалась; но по настоятельному требованію същиковъ должна была одну пиллюлю проглотить и готовилась повторить испытаніе, какъ вдругъ въ сѣняхъ произошла какая-то суматоха, какая-то ругань, и същники одинъ за одпимъ стали уленетьвать. Оказалось, что бѣдившій въ Бѣлую Церковь лакей моей тетки, Павель, долго служившій предъ тѣмъ въ Васильковѣ у исправника, самъ крестьянинъ изъ Гребенокъ, вдругъ по-кончилъ всю эту сцену, которая могла закончиться гораздо печальнѣе. Присмотрѣвшійся къ исправнику обращенію лакея, обладавшій силою Самсона, узнавъ отъ перенуганныхъ горничныхъ, въ чёмъ дѣло, грозно взглянувъ въ домъ и съ словами «геть къ бисови матери!» началъ бить по шеямъ своихъ односельцевъ и швырять ихъ съ крыльца. Пораженные этой неожиданностю същники, можетъ быть знавшиѣ про силу Павла, сейчасъ-же предались бѣгству, кто верхомъ, кто въ экипажѣ Сопотницкаго, остальные пѣшкомъ.

Такъ благополучно пропала эта тревога для семьи моего дяди, самъ-же онъ пропутешествовалъ на веревкѣ въ Кіевъ, избитый

притомъ въ Гребенкахъ какимъ-то пьянымъ стражемъ. Въ Киевѣ его продержали 1½ мѣсяца въ крѣпости, пока шла разборка арестованныхъ и была удостовѣрена полнѣйшая его безучастность въ дѣлѣ мятежа. Страшный испугъ, непогоды въ пути и сильное душевное огорченіе не прошли для него даромъ: вернулся онъ изъ Киева больной и вскорѣпотомъ умеръ.

Дѣдъ мой тоже не избѣжалъ столкновенія со встревоженными крестьянами села Гребенокъ. Старый, лѣтъ около 90, онъ уже плохо видѣть и слышать и ровно ничего не зналъ ни о затѣяхъ поляковъ на Украинѣ, ни о совершающихся въ этой мѣстности событияхъ. Вхалъ онъ отъ своей невѣстки, а моей тетки, въ нетычанкѣ, туго набитой мякиною, взятою имъ для своихъ коровъ. На козлахъ сидѣть кучерь старикъ, чуть-чи не ровесникъ дѣда. Въ Гребенкахъ вдругъ останавливается его цѣлая толпа крестьянъ, удерживаютъ его лошадей, что-то гадаютъ. Дѣдъ, тугой на ухо, почти совсѣмъ уже оглохшій, допытывается у кучера: «чего имъ треба?» Кучерь, стараясь перекричать толпу, объясняетъ дѣду, что ихъ «рештуютъ».

— Га? Що такое? спрашиваетъ дѣдъ и наставляетъ ладонь руки къ уху, чтобы разслышать отвѣтъ, но, и разслышавъ, никакъ не можетъ понять, какъ и за что могутъ его арестовать.

Онъ видѣтъ предъ собою пьяную толпу мужиковъ въ заломленныхъ шапкахъ, видѣтъ, что они лѣзутъ къ нему безъ толку, что-то кричатъ, держать какія-то палки въ рукахъ (дѣдъ не досмотрѣлъ никъ и кость) и принимая все это за простое пахальство безчинной толпы, изволившій, встаетъ съ экипажа и своею длинною палкою ударяетъ первого попавшагося подъ руку нахала, приговаривая: «пречь, гунство, лайдакъ!».

Эта выходка дѣда, сама собой вполнѣ удостовѣрившая то, что онъ стоитъ виѣ всего совершающагося, а равно и почтенная его наружность произвели неожиданное впечатлѣніе на толпу: получивший ударъ палкою былъ своими-же поднятъ на смѣхъ, остальные почтительно поклонились дѣду и безпрепятственно пропустили его. До самого Фастова дѣдъ все допрашивалъ своего кучера о томъ, что такое было съ ними и разобравъ уже совсѣмъ слово «рештуютъ», все еще спрашивалъ: «кого рештуютъ?».

Повидавшись съ теткой, я порѣшилъ побывать и въ Бѣлой Церкви, желая узнать, что произошло въ это тревожное время тамъ, гдѣ я провелъ мое отрочество, гдѣ учился въ гимназіи и кудаѣздила на всякия святки и каникулы изъ университета.

Бѣлая Церковь съ ея графскимъ дворомъ, со всею массою служащихъ, все это общество, вачиная отъ чуть не владѣтельныхъ особы, самыхъ графовъ Браницкихъ, и оканчивая служащими самаго низшаго ранга, были мноѣ известны и знакомы въ такъ недавнее время со всѣми ихъ взаимными соотношеніями, съ ихъ интересами, родствомъ, съ ихъ воззрѣніями и идеалами. Поддерживая отъ времени до времени мое знакомство съ бѣлоцерковцами, я отчасти зналъ о появленіи тамъ новыхъ вѣяній, о томъ, что и бѣлоцерковское пансько-шляхетское общество отзывалось на всѣ проявленія варшавско-польскихъ движеній, что прежняя суполока чисто материальныхъ взаимо-отношеній и интригъ служебнаго свойства хотя и въ большомъ, но все-таки исключительномъ кругѣ графскихъ официалистовъ замѣнилась напряженностью польского патріотизма, что прибывшіе туда, въ лицѣ ученыхъ агрономовъ изъ маримонтскаго училища, короняржи успѣли внѣдрить и въ этомъ особомъ мірѣ служащихъ польской патріотизмъ и всѣ его порывы послѣдняго времени. Зналь я, что въ послѣднее передъ тѣмъ время tolki, напримѣръ, о томъ, кого изъ приближенныхъ графъ Владиславъ или графиня Александрова отличили въ послѣдній свой прїездъ изъ-за границы своимъ вниманіемъ, или о томъ, продлится-ли аренда съ десятой копѣйки такому-то и останется-ли такой-то управляющимъ такого-то ключа, послѣ того, какъ онъ по строгому учету контроля даль чистаго дохода съ нѣсколькихъ сель пять золотыхъ и т. п., смѣялись разговорами о томъ, что говорилось на такомъ-то банкетѣ эмигрантовъ польскихъ въ Парижѣ, или Ниццѣ, или какъ принять проектъ Веленольскаго въ Петербургѣ, или-же что задумывается киевская молодежь... Зналь я, что молодыя пани и паненки изъ романовъ старыхъ и новыхъ беллетристовъ прочитываются съ жадностю тѣ исключительно, гдѣ описываютъ герои движений 1831 г., что имена Бема, Домбровскаго, Конарскаго, Лелевеля не сходятъ у нихъ съ языка, да и вообще вся польская исторія послѣдняго времени стала имъ болѣе знакомою, чѣмъ прежде, что

на фортепьянахъ, вместо несмыслимыхъ: *Fille du regiment Chant sans parolles* и *La prière d'une vierge*, разыгриваются задорные мазурки и патріотические марши и пѣсни, что наконецъ быстрые глазки юныхъ красавицъ, подергивалась пленой задумчивости и мечтательности, останавливаются съ особымъ удовольствиемъ на стройныхъ фигурахъ молодыхъ людей, одѣтыхъ въ чамарки и высокіе сапоги. Однимъ словомъ я зналъ, что и панская бѣлоцерковщина не отстаетъ отъ общаго польско-патріотического увлеченія и что увлечеиіе это въ послѣднее время демонстрировалось здѣсь также, какъ и въ Царствѣ Польскомъ, гимнами, трауромъ и поминаніемъ убитыхъ во время уличныхъ беспорядковъ въ Варшавѣ. Но какъ организовалось дѣло самаго возстанія, какъ осуществился самый выходъ въ поле, о томъ ничего я не зналъ. Думаю, что это все паскоро устроилось въ теченіи второй половины 1862 и первыхъ мѣсяцевъ слѣдующаго года и что именно это не было открыто мнѣ Юрьевичемъ и К° при нашемъ свиданіи въ Киевѣ въ январѣ.

Въ это мое посѣщеніе Бѣлая Церковь была какая-то убитая, скорбная. О многихъ извѣстныхъ мнѣ и даже знакомыхъ я могъ сказать словами: «однихъ ужъ нетъ, а тѣ далеко!» Много молодыхъ людей вышли отсюда въ повстанье, многіе изъ нихъ были уже убиты подъ Мишевкой, въ Соловьевѣ и въ Бородянкѣ подъ Таращою, всѣ-же остальные, бывъ пропедены съ посрамлениемъ по Украинѣ, игнорированной ими, томились уже въ киевской крѣпости. Много знакомыхъ мнѣ семействъ оплакивали своихъ сыновей и родственниковъ, много молодыхъ очей было подернуто слезами по тѣхъ, кто былъ имъ дороже отчизны; много и много рассказовъ пришлось мнѣ выслушать здѣсь, и я, не принимая на себя ответственности за ихъ правдивость, повторю ихъ ниже.

Бѣлоцерковское панство, ютившееся подъ крыломъ графовъ Браницкихъ, былоувѣreno, что въ самомъ мѣстечкѣ не будетъ никакой народной расправы съ нимъ, какъ было въ другихъ мѣстахъ. Расправы и не было, по тѣмъ не менѣе это панство я засталъ въ ужаснѣйшемъ горѣ и просто отчаяніи. «Это ужасно! Все прошло! Погибли мы! Это кара Господня! Это новый шипъ въ терновомъ вѣнѣ! Для цеѧ съ нимъ все погибло! Мать по сю пору не пришла въ сознаніе! Намъ ужъ теперь ничего не осталось!» таковы были отвѣты на мои привѣтствія и распросы о семье, о сестрѣ,

о дочери или матери встрѣчаемыхъ мною людей. А сколько драматическихъ сценъ прощаній поразказано мнѣ?! Помимо исходства моихъ политическихъ убѣжденій съ убѣжденіями тѣхъ, которые стояли теперь предо мною, пораженные горемъ, я не могъ не проникаться живѣшимъ сочувствіемъ къ постигшимъ ихъ бѣдствіямъ, видя въ нихъ не заблуждающихся только людей, но вообще людей, которымъ присуще все человѣческое, отъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ любви и скорби до ошибокъ включительно.

Много мнѣ было тогда поразказано. Вотъ судьба тарацанской партіи повстанцевъ. Собрались они гдѣ-то около Бараныаго цоля и черезъ Луку и Кошевату намѣревались идти къ Тарацѣ; но остановившись гдѣ-то въ яру между Лукою и Кошеватою, были разогнаны набѣжавшими на нихъ крестьянами. Сосредоточившись затѣмъ въ лѣсу, они выдержали будто-бы атаку эскадрона уланъ, заставъ за окономъ лѣса, но были разбиты вновь напавшими на нихъ крестьянами, между коими особенно были храбры и настойчивы въ преслѣдованіи крестьяне села Кирдановъ. Очень многіе изъ повстанцевъ при этомъ убиты. Нѣкоего Ясинскаго (коропиржа) крестьяне загнали на лошади въ р. Рось. Угрожаемый съ обоихъ береговъ, онъ нѣсколько разъ переплыvalъ Рось и наконецъ, раненый пѣсколькими пулями, палъ на берегу. Окруженный, онъ просилъ не срывать съ него какого-то медальона; преслѣдовавшіе его согласились и отпутили отъ него, но потомъ двое изъ нихъ вернулись и, видя его уже мертвымъ, сняли съ него медальонъ. Всѣхъ убитыхъ между Лукою и Баранымъ полемъ насчитывали 138 человѣкъ, хотя число это мнѣ кажется преувеличеннымъ.

Раздраженіе народное противъ повстанцевъ было такъ велико, что съ ними расправлялись по своему иногда на глазахъ властей. Въ Тарацѣ привели связаннымъ какого-то надсмотрщика винокуренного завода. Мѣстный исправникъ, знаяшій его лично, приказалъ освободить его; но лишь только исправникъ удалился, какъ раздраженный его распоряженіемъ мѣщанинъ такъ удачно хватилъ повстанца подъ ухо, что онъ тутъ-же упалъ замертво.

Связываніе и доставка въ становую квартиру сидѣвшихъ въ своихъ усадьбахъ пановъ или своимъ чередомъ, при чёмъ не обходилось безъ сценъ комическихъ, при всемъ трагизмѣ положенія арестованныхъ. Арестовали пана, если не ошибаюсь, въ с. Зелень-

какъ, каневского уѣзда. До становой квартиры было далеко, и крестьяне, не желая идти пѣшкомъ, взяли у пана бричку и его же лошадей; но какъ арестанту, притомъ политическому, по ихъ мнѣнію,ѣхать не полагается, то они привязали его на дрезинахъ сзади, а сами усѣлись въ бричку и, наблюшая за нимъ, какъ барышники за привязанными къ возу лошадьми, отъ времени до времени оглядывались на своего плѣнника, отпуская на его счетъ злыхъ шутки и остроты.

Въ другомъ гдѣ-то мѣстѣ препровождался въ числѣ плѣнныхъ пѣкій К—скій (я его мальчикомъ зналъ), очень красивый и крупный человѣкъ. Въ одномъ изъ попутныхъ сель бабы и дѣвки, обступили плѣнныхъ, настойчиво требовали отпуска сего молодца.

-- Оддайте намъ єго! кричали онѣ, за него заберить усихъ ляховъ зъ нашего села. Мы єго гуртомъ будемо содергуватъ. . дывитъца, який хороший! верещали бабы и не отставали отъ него во все время слѣдованія партіи по селу и еще за селомъ.

Случай этотъ передавали мнѣ, кроме постороннихъ, и такие люди, которые сами были препровождаемы въ этой-же партіи.

Во время погрома подъ Мировкою черезъ Бѣлую-Церковь проѣжалъ командированный изъ Петербурга офицерь генераль-наго штаба Вл. К—скій. Въ 15 верстахъ отъ Бѣлой-Церкви, въ с. Острійкахъ жилъ въ то время его отецъ, арендовавшій землю у гр. Браницкаго. Старикъ Гедеонъ К—скій, боясь, чтобы сыновья его, одинъ студентъ кіевскій, а другой отставной артил-лерійскій офицерь, не попали въ общій водоворотъ затѣяннаго возстанія, съумѣлъ призвать ихъ къ себѣ въ Острійки и выдер-жаль ихъ дома до злосчастнаго 27 апрѣля. При общемъ хвата-ніи пановъ захвачены были и они, вмѣстѣ съ отцемъ, препро-вождены въ Янковку, и тамъ, совмѣстно съ другими, посажены въ погребъ. Именно въ это время явился въ родительской домъ проѣзжавшій черезъ Бѣлую-Церковь Вл. К—скій. Узнавъ отъ встревоженныхъ матери и сестры о плѣненіи отца и братьевъ, Вл. К—скій паряжается въ полную форму офицера генеральшаго штаба и на одной изъ привезшихъ его почтовыхъ лошадей, такъ какъ у нихъ въ экономіи всѣ лошади были разобраны крестьянами, отправляется въ Янковку въ квартиру становаго пристава; но тамъ, вмѣсто освобожденія отца и братьевъ, самъ попадаетъ въ погре бъ.

предварительно разоблаченный изъ формы. Крестьяне были убѣждены, что это продѣлка кого-либо изъ повстанцевъ. Хроль Щербакъ нарядился въ офицерскую форму, прицѣлилъ саблю и, рисуясь предъ своими, говорилъ: «оть-бы бувъ одноралъ, такъ одноралъ!!». Не помню уже, какъ и кѣмъ вырученъ былъ попавшій не въ пору офицеръ.

Или вотъ случай въ особомъ родѣ. Препровождалась какая-то партія повстанцевъ подъ конвоемъ донскихъ козаковъ. Эскортъ этотъ около плотины догоняетъ Ѣдуцій на телѣгѣ, запряженной въ одну лошадь, какой-то оставной солдатъ въ цорядочной степени подпітія. Подѣхавъ къ партіи плѣнныхъ, солдатъ, замѣтивъ между ними мизернаго старичка, по болѣзни Ѣдущаго въ хвостѣ всей партіи на подводѣ, накинулся на него:

— И этотъ мозгливый еще бунтуется!... Еще и везутъ его... дайте мнѣ его, я сейчасъ съ нимъ такимъ-сакимъ расправлюсь... И его въ разъ пристрѣлю... Право, слово, пристрѣлю!

И солдатъ, схвативъ имѣвшееся у него ружье и варьирия на всѣ лады свою похвалю, не то серьезно, не то шутя, то и дѣло прицѣливался въ старичка плѣнника. Конвоирующіе плѣнныхъ донцы, нопривыкшіе уже къ такимъ демонстраціямъ, съ улыбкой посматривали на расходившагося солдатика. «Огстань, довольно», скажеть ему кто нибудь, и идутъ дальше. А солдатикъ все пристаетъ. Между тѣмъ эскортъ встутилъ на узкую плотину; Ѣхавши столпились. Солдатъ до тѣхъ поръ толкалъ съ своимъ ружьемъ, пока не заѣхѣлъ печально курокъ. Ружье выстрѣлило, лошади шарахнулись.

— Ребята! пятьдесятъ! крикнулъ хорунжій, и расходившемуся не встали воину тутъ-же отпустили нагаекъ. Принявъ ихъ, какъ должное, солдатикъ бѣжитъ къ своей телѣгѣ, достаетъ изъ мѣшка хлѣбъ, бросаетъ его плѣннымъ и пожаривая лошадь кнутомъ, уѣзжаетъ по дорогѣ. Ружье такъ и осталось у козаковъ.

Таковы мелкіе, отдѣльные эпизоды разгрома и плѣненія партіи таращанской, оставшіеся у меня въ памяти. Общаго плана зѣйствій повстанцевъ какъ этой, такъ и другихъ партій никто не объяснилъ мнѣ тогда, не могъ я добиться его ни у кого и посты.

Ко времени прїѣзда моего въ Бѣлую-Церковь тамъ были уже скѣдѣнія обѣ участіи партій, встрѣбленной въ с. Соловьевкѣ, равно о партіяхъ бердишевской, липовецкой и сивирской.

О липовецкой шайкѣ, бывшей подъ предводительствомъ Надлевскаго, разсказывали нечто болѣе интересное. Конная эта шайка была раздѣлена на шесть взводовъ (plutonow), по 50 человѣкъ въ каждомъ. Въ стычкѣ съ какимъ-то отрядомъ войскъ Надлевскій построилъ свой отрядъ повзводно, причемъ въ переднихъ двухъ взводахъ были простые шляхтичи, прислуга, объѣзчики, прикащики и т. п. люди низшаго ранга. Ихъ не особенно довѣряли, потому ихъ и поставили въ первыхъ рядахъ. Надлевскій скомандовалъ «do ataku», самъ промчался наперѣдъ съ одного фланга передней шеренги на другой и врѣзался въ отрядъ войскъ; но за нимъ изо всего его отряда только и пошли эти два взвода людей черной кости, остальные-же 4 взвода родовитыхъ пановъ повернули тыль и бѣжали. Разсказывавшіе миъ это офиціалисты гр. Браницкихъ съ озлобленіемъ указывали на такое недостойное поведеніе аристократовъ.

Повстанцами этой партіи повѣшенъ былъ смотритель ротмистровской станціи Такса; онъ, говорили, прочитывалъ письма къ мѣстнымъ панамъ, получавшимся у него на станціи и тѣмъ озлобилъ ихъ противъ себя. Когда потомъ взятые въ плѣнъ повстанцы этой шайки были подвергнуты въ полевой комиссіи допросу относительно повѣшеннія Таксы, они сваливали вину на тѣхъ изъ бывшихъ съ ними товарищѣй, о которыхъ знали, что они бѣжали за границу. Въ числѣ такихъ бѣжавшихъ и оговоренныхъ былъ и одинъ знакомый мнѣ юноша, известный въ Кіевѣ подъ именемъ *Kazia*. Мать его вышла замужъ во второй разъ за доктора Ж—ля, а отцовское имѣніе, по слухамъ несовершеннолѣтія Казя и его сестры, находилось въ пожизненномъ владѣніи ихъ матери. Не пристроившись нигдѣ за границею и зная, что имѣніе его, какъ эмигранта, можетъ быть конфисковано, Казьо изыскалъ случай лично явиться въ Ницѣ покойному государю и просилъ помилованія. Покойный государь сказалъ ему будто-бы такъ: «Я здѣсь только путешественникъ, въ государствѣ моемъ есть законы, по которымъ и опредѣлять степень твоей вины; но, какъ человѣкъ старшій лѣтами, совѣтую тебѣ возвратиться въ отчество и надѣяться на милость суда и снисхожденіе къ твоей молодости». Казьо такъ и сдѣлалъ: явился въ Россію и отдался въ руки властей. Его судили и, какъ на немъ тяготѣло обвиненіе въ

повѣшиеніи. Такъ, то полевой судь приговорилъ его къ 4-хъ лѣтнему заключенію въ крѣпости. Онъ просидѣлъ лишь около 3 лѣтъ, бывъ освобожденъ прежде срока за иослѣдовавшею амнистіею для лицъ замѣшанныхъ въ дѣлѣ польского восстания.

Партія сквирская подъ предводительствомъ Генцеля, отбиваясь отъ насѣдавшихъ на нее крестьянъ, успѣла пробиться въ волынскую губернію и тамъ разсѣялась.

Вотъ то немногое, что мнѣ известно стало тогда изъ разсказовъ въ Бѣлої Церкви о дѣйствіяхъ партій инсургентовъ.

Въ печати у насъ доселѣ нѣть обстоятельлаго описанія восстанія поляковъ на Українѣ въ 1863 году. Существуютъ, и то какъ рѣдкость, двѣ небольшія брошюры сравнительно давняго уже времени: «Возстаніе поляковъ въ юго-западной Россіи въ 1863 г.» и «Записки украинца изъ времени польского восстанія 1861—1864 г.» Обѣ изданы въ Кіевѣ, первая въ іюль 1863 г. группою профессоровъ кіевскаго университета, вторая принадлежить г. Чалому и представляетъ сокращенную перепечатку помѣщавшихся въ 1867 г. въ газетѣ «Кіевлянинъ» замѣтокъ этого автора. Обѣ эти брошюры носятъ на себѣ сильный отпечатокъ настроенія того времени и отнюдь не даютъ сколько нибудь полнаго и точнаго описанія событій, которыхъ они касаются. Довольно сказать, что въ первой изъ этихъ брошюръ изъ 61 неполныхъ страницы фактической сторонѣ дѣла не посвящено и 20 полныхъ страницъ, остальное занято опроверженіемъ газетныхъ сообщеній иностраныхъ газетъ и споромъ съ поляками, а 4 страницы изложению золотой грамоты. «Записки украинца», изданныя позже, передаютъ отдѣльные эпизоды изъ времени восстанія исключительно почти въ васильковскомъ уѣздѣ, окраинены возбужденістю того времени и не даютъ намъ сколько нибудь обстоятельлаго описанія хода всего восстанія въ предѣлахъ даже кіевской губерніи.

Официальная диплома, могущая объяснить планъ и представить весь ходъ повстанья во всемъ юго-западномъ краѣ, мирно починѣть въ дѣлахъ б. военно-судныхъ комиссій, въ канцеляріяхъ кіевскаго генераль-губернаторства и губернаторовъ трехъ губерній, и никто изъ кіевскихъ ученыхъ не задался доселѣ высокою интересною задачею представить публикѣ общую картину этого, волновавшаго край, со-

бытія. Приходится по неволѣ довольствоваться рассказами и воспоминаніями отдельныхъ лицъ. Рѣшился поэтому и я изложить мои отрывочные, небогатыя фактическими подробностями воспоминанія, все, что известно было мнѣ даже по слухамъ, надѣясь вызвать рядъ новыхъ свѣдѣній отъ лицъ болѣе меня знающихъ это дѣло. Пока-же, право, трудно сказать что либо опредѣленное о планѣ дѣйствій и намѣреній повстанцевъ. Ни одна изъ сформировавшихся на Украинѣ партій не демонстрировала даже своихъ намѣреній, ни чѣмъ не показала, къ чему именно стремились возставшіе.

— Что это за возстаніе? говорилъ мнѣ одинъ старый польский вояка, участвовавшій въ восстанії 1831 г.—Въ петычкахъ, какая-то толпа; цынабирали мальчиковъ!.. Какія-то грамоты читаются! Вздумали брататься съ мужиками! Вооруженная сила должна быть ею вполнѣ, должна импровизовать толиѣ, а не нѣжничать съ нею. Дайте мнѣ сотню вооруженныхъ всадниковъ... Ого, го! Ручаюсь словомъ старого воина, что вдоль и въ поперекъ пройду Украину, и никто изъ этой толпы не удержитъ меня! А то пошлились сюда-туда со своими грамотами, и мужики забрали ихъ, какъ куропатокъ въ сѣтку. Вотъ Ружицкаго не задержали-же! Это совсѣмъ иное дѣло! А то шутовство, а не возстаніе!..

Дѣйствительно, это шутовство, подумалъ я, но въ тоже время и хорошо, что такъ случилось; ибо вздумай только повстанцы показать себя, какъ вооруженной силѣ подобаетъ, то навѣрное украинское хлопство въ ченѣ вырѣзalo-бы все польское на Украинѣ. Но старый вояка по своему тоже былъ правъ: онъ не понималъ этого движелія, также какъ и мы его не понимаемъ. Ужъ если хотѣли читать золотую грамоту, могли читать ее безъ этого шутовскаго выступленія въ поле, безъ этихъ трудно объяснимыхъ штаній безъ толку сюда и туда по украинскимъ селамъ и полямъ. Чтобы видѣть это штанье, соберемъ въ памяти все изѣбѣстное намъ, возьмемъ карту кievской губерніи и просмотримъ ходы затѣянной игры.

Собирается одна партія къ востоку отъ Бѣлой-Церкви, толчется по полямъ между кievскою почтовою дорогою и селами Винницкіе ставы, Гребенки, Пологи и тутъ перехватываются крестьянами подъ предводительствомъ Ивана Шадуры, саливонскаго волостного старшины.

На встречу этой партии, надо полагать, ёдетъ изъ Киева на трехъ четырнадцаткахъ партии, выставившая красное знамя на Пере-четовскомъ полѣ; на нее натыкается тотъ-же Шадура съ нѣсколькими человѣками, и партия эта поворачиваеть на сѣверо западъ и гибнетъ вся въ Соловьевѣ.

Въ Шамраевѣ собирается партия; направляется лѣвымъ берегомъ р. Роси на югъ, церходитъ въ Яблоновѣ на правый берегъ рѣки, идетъ на Хвастовку въ Езерную, изъ Чупиры поворачиваеть на востокъ на Насташку; вертится тамъ и въ Островѣ опять переходитъ на лѣвый берегъ Роси, идетъ на Сухолѣсъ и оттуда степью, преслѣдуемая толпами крестьянъ, на сѣверо-востокъ, между селами: Блошинцами, Острійками, Узиннымъ и Янововкою съ одной стороны, и Житногорами, Венцатовкою и Шпендовкою съ другой—выходить на Вербивецъ около Мировки и тутъ избивается и пѣняется.

Выходитъ партия изъ Богуслава, идетъ къ Баравьему полю, поворачиваеть отъ Луки на сѣверъ, отбивается отъ уланъ въ лѣсу и поворачиваеть на востокъ, гдѣ истребляется крестьянами подъ руководствомъ мироваго посредника Маслова и частью войскъ.

Тоже самое круженіе продѣлываетъ партия Падлевскаго, тоже и другая партия бердичевская. Только кіевские повстанцы да сквирская партия Геншеля держатся одного направленія на сѣверо-западъ въ лѣса и то вѣроятно потому, что ихъ въ такомъ направленіи гоняютъ войска.

Если у нихъ былъ какойнибудь общиі, выработанный заранѣе определенный планъ, то какъ объяснить то, что шамраевская партия не идетъ на соединеніе съ Геншелемъ, а направляется въ сторону противоположную. Если предположить, что она намѣревалась сойтись съ богуславской партиею, то опять таки чего ради въ verstахъ въ сорока отъ послѣдней изъ Насташки она повернула на востокъ, а не пошла на югъ.

Намъ неизвѣстны предводители шакъ шамраевской и саливонской, но, право, кажется, будто участковавши въ шайкахъ водятъ своихъ сотоварыщей каждый въ мѣста своего жительства. Партия соловьевская побѣхала-же по указанію Четырнадцатаго изъ Фастова на Соловьевку, а это доказываетъ, что у ихъ предводители, Юрьевича, не было определенного намѣченаго маршрута.

Шутовство!

Изъ Бѣлой-Церкви побѣхъ я тѣмъ-же путемъ домой. У насъ уже было все спокойно. Мы съ Грицькомъ Слипенкомъ рассказывали своимъ селянамъ слышанное и видѣвшое нами и тѣмъ удостоившися, что никакихъ уже лаховъ, рѣжущихъ вародъ и сожигающихъ села, неѣть и бояться нечего.

Но начавшееся въ краѣ волненіе не могло утихнуть въ нѣсколько дней. Учреждена была сельская стражка, сама собою устроившаяся. На каждый десятокъ стражниковъ назначался одинъ десятникъ, надѣленный какимъ-то завалящимъ солдатскимъ ружьемъ со штыкомъ и пѣсколькими зарядами пороху и пузы. Такой десятникъ долженъ быть явиться въ случаѣ надобности верхомъ на лошади. Хорошъ онъ былъ въ крестьянской своей одежѣ и съ этимъ штыковымъ ружьемъ на конѣ! Всѣ стражники были переписаны и должны были быть на готовѣ по первому требованію къ выступлению. Они все побаивались, что ихъ кудысь далеко поженутъ. Въ уѣздномъ городѣ появился и начальникъ сельской стражки. Разъ какъ-то онъ прїезжалъ и въ напу волость, собирая стражу и съ нею одинъ день, въ самую рабочую страдную пору, прошелся по лѣсамъ, за что ему было послано немало зложелательныхъ словъ. У насъ стражники по двое отбывали сторожу около трактовой корчмы, но были вѣ особенно ретивы въ исполненіи своихъ обязанностей.

Много разсказовъ ходило въ публикѣ, особенно въ Кіевѣ, объ этой сельской стражѣ, о ея придирикахъ къ проѣзжающимъ, о затруднительномъ положеніи постѣдныхъ. Корчмы всегда стоять при проѣзжей дорогѣ, около нихъ поэтому и «вартовали» стражи. Вдругъ буде кто либо одинъ, самъ-другъ, или-же цѣлой семьей; остановить проѣзжихъ, возмутъ у нихъ билеты и понесутъ въ расправу, а путники ждутъ часъ-два среди пьяной компаний, толпящейся всегда у корчмы, особенно-же въ праздничные дни. Вооруженная стражка оглядываетъ, раскрашиваетъ ихъ, пьяная толпа гайдитъ, произносить непристойныя шутки, смеется, иногда бранить и угрожаетъ, а путники, подъ часъ семейные, съ молодыми дѣвицами, съ малыми дѣтьми, выслушиваютъ все это, пока соберется стражка отпустить ихъ, или пока самъ путникъ не догадается щедрой подачкой на водку откупиться отъ задержки и иногда газумленія. Въ такихъ разсказахъ ничего неѣть лѣвѣоятнаго, ничего преувеличенаго или

утрированного. Вѣдь эти сельские стражники были изъ той-же среды крестьянъ, которые 8 лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1855 году, водили по колючкамъ, погружали въ воду и били священниковъ, добиваясь прочтенія небывалаго манифеста о волѣ⁴⁾).

Были впрочемъ и случаи забавные, гдѣ сами стражи попадали въ просакъ, или посрамлялись за свою придиличность: у насть въ селѣ было именно два такихъ случая.

Подѣбѣжаетъ какъ-то разъ къ корчмѣ верхомъ на ванузданной веревочнѣй путомъ за нижнюю челюсть лошади какой-то солдатъ и заходитъ въ корчму выпить водки. Два стражи, въ числѣ коихъ былъ и мой недавній спутникъ, Грицко Сличенко, стоя подъ павѣсомъ и посматривая на неосѣданную, съ путомъ на нижней челюсти, лошадь, совершенно вѣрюю пришли къ заключенію, что это «щось не певне», подозрительное. Пока они толковали па эту тему между собою, солдатъ, выпившій уже «чвертку», покрякивая и вытирая усы, вышелъ къ лошади. Стражи стали распрашивывать его. Подбодренный «чверткою», солдатъ началъ бойко отбиваться отъ распросовъ, выругать стражей и тѣмъ вызвалъ въ нихъ известную долю озлобленія.

— Ну, вже ты якъ хочъ лайся, а мы тебе рештуемъ и поведемо въ село до старости; тамъ и роспитаемося.

Вышедшій изъ корчмы еврей-шикаръ поощрительно подмигиваетъ сторожамъ. Солдатъ задорно соглашается.

— Ну, что-жъ? Пойдемъ, пойдемъ на вашъ отвѣтъ, такіе сякіе сны!.. Тамъ посмотримъ, какъ это ты меня, который Богу, государю служилъ, можешь «рештывать».

Подходитъ къ лѣсу; спускаются по тропинкѣ внизъ. Солдатъ твердитъ свое и грозитъ штрафомъ въ десять тысячъ.

— Посмотримъ, какъ это тебя похвалять; посмотримъ, какъ ты меня-то задержишь?! Вѣдь я отъ самого командира, а ты меня, «рештывать!» Посмотримъ! Это тебѣ, братецъ, даромъ не пройдетъ. Тутъ самое нужное—мятежъ смирить, непріятель подстунаетъ, а ты меня задерживать?! Десять тысячъ...

⁴⁾ См. рассказы о семъ двухъ священниковъ въ «Кievskoj Старинѣ», январь и апрѣль 1882 г.

Стражи задумались.— А что если въ самомъ дѣлѣ этотъ солдатъ спѣшить усмирять мятежниковъ?! Да еще эти десять тысячъ... «Тутъ халепы не обберечься»...

— Та мы, господа служба, не то що, а, звисно, дило такое, та зновъ-же и начальники пригрущаются... А то про насть..., стали сдаваться стражи. Солдатъ еще покобенился немногого и наконецъ согласился простить имъ задержку; сѣль на лошадь и уѣхаль.

Часть спустя прибѣжали изъ Трахтемирова люди, догонявши «москаля», который, по рассказамъ пастушковъ, распуталъ лошадь на лужку при дорогѣ и поѣхалъ на ней. Лошадь была трахтемировскаго волостного старшины Вороны. Посланные кинулись вслѣдъ отпущенаго нашими сторожами солдата и подъ Тулинцами на опушкѣ лѣса нашли спутанную лошадь, которую искали, а солдата снявшимъ подъ кустомъ. Онъ наотрѣзъ отказался отъ лошади, и се провели мимо нашихъ одураченныхъ стражниковъ домой, а солдатика и не трогали: «бо ще зъ нимъ халепа яка буде», разсуждали и гонцы.

Въ другой разъ, уже въ сентябрѣ, на зоркѣ, въ туманное сырое утро я быль разбуженъ лаемъ цѣпной собаки и, вышедши на крыльцо, увидаль около воротъ зовущихъ меня нашихъ стражниковъ. Вышедши на зоръ, я увидѣлъ какую-то рослую, крупныхъ размѣровъ, бабу, которая, предполагая во мнѣ какого либо начальника, грубымъ, совершенно мужскимъ голосомъ стала жаловаться на стражку, задержавшую ее. Стражники-же объяснили, что они въ этой бабѣ подозрѣаютъ мужчину, какъ по ея размѣрамъ, такъ и по голосу, а равно и по тѣмъ волосинкамъ, которые дѣйствительно рѣдѣли у нея на верхней губѣ и на подбородкѣ. Баба кричала, претендовала, что она черезъ задержку утеряла попутчика, что она сама не далекая, изъ Селища и т. д.

Я недоумѣвалъ, зачѣмъ привели ко мнѣ эту бабу, и прямо спросилъ объ этомъ стражниковъ.

— Та все таки вы люде письменни, то уже лучше насть разберете.
— Шо розберу? Чи мужикъ, чи баба?.. Розбирайте вже сами, а я вамъ...

Но баба не дала мнѣ окончить и, потерявъ терпѣніе, поспѣшила тутъ-же удостовѣрить стражей въ своей принадлежности къ прекрасному полу.

— Тыфу! проклята! Якакъ-то вже безезна!.. отилевывались мои стражники, отворачиваясь оть рѣшительной, энергической бабы.

Послѣ долго подсмѣивались надъ ними въ сель и мужчины и бабы.

Стражи наша, за все время своего существованія, кромѣ караула у корчмы, не совершила ни одной прогулки по байракамъ за ловлею исчезнувшихъ мятежниковъ и только два раза была призываєма на службу, въ цѣломъ ея комплектъ, въ числѣ 11 человѣкъ, съ коннымъ десятникомъ во главѣ.

Разъ какъ-то на первыхъ еще порахъ учрежденія стражи получается изъ волостнаго правленія бумага о томъ, чтобы въ вечеру вся наша сельская стража прибыла въ с. Потанцы къ волостному правленію, откуда всѣ стражники потапецкой волости будутъ сопровождать, въ качествѣ охранительного конвоя, военный транспортъ, слѣдующій изъ Переяслава.

Боже мой, какая суeta поднялась въ селѣ! На сборный пунктъ собралось чуть не все село съ воплями и рыданіями. Народные толки о томъ, что стражниковъ «десь далеко поженуть», теперь по видимому сбывались. Стражники съ пиками и косами, у иныхъ ненавитыми еще, сбѣгались къ моимъ воротамъ и тутъ уже «споружались въ далеку путь». Кто набивалъ косу, кто подвязывалъ на плечи торбину съ харчами, кто надѣвалъ лучшіе сапоги, взятые у брата вместо своихъ старыхъ, искривленныхъ. Всѣ мужчины были блѣдны, встревожены, бабы голосили и причитывали... Десятникъ, Иванъ Кухаренко, осѣдлалъ моимъ сѣдломъ лошадь и по моимъ указаніямъ прилагивалъ неуклюжее, тажелое ружье за спину на ремень, причемъ снялъ штыкъ и заткнулъ за поясъ, какъ кинжалъ. Я было попробовалъ уговаривать бабъ, но уговоры не помогали, бабы не унимались.

— О дежъ таки дождалися лихой годины! якъ казали, такъ воно й сталося! Поженуть-же тебе, мій соколе, мій сыночку, дитино моя! Кохалахъ я, годувала, доглядала тебе, моя ты дитино, моя ты родично! Теперь же заженуть тебе, мій голубчику, моя ты дитина ридная! А хто-жъ тебе тамъ пожаліе, хто заступиться за тебе? Хто жъ мене тутъ на старость заспоконить?! Выкохала тебе, выrostила, всю надію на тебе покладала! А теперь... Яжъ тебе породила, слѣзами своими змывала, трудами моими кормила! Охъ, мое-жъ лышенько! Пропацая головонъка!—прочитывала баба Сергѣй-

иха, а ей вторили прочія бабы, раздирая душу слышащихъ это
нытье.

Я потребовалъ бумагу, ирочель ее взято и особо пояснилъ,
что конвоировать будуть только до корчмы у с. Николаевки, всего
за тридцать верстъ. Бабы поунылись, не голосятъ, только всхли-
пываютъ. Настало время выступать. Вся толпа двинулась за стра-
жей; староста Маюренко упросилъ и меня ъѣхать съ ними.

Всѣмъ селомъ мы проводили наше войско до корчмы на
«шляху». Послѣдовалъ приваль, пошла выпивка на прощанье, слы-
шались пожеланія счастливаго пути, скораго возвращенія; провожа-
емые желали счастливо оставаться, кланялись, цѣловались, словомъ
честь честью, какъ водится. Десятникъ Кухаренко взмостился на
лошадь со своимъ ружьемъ, остальные побрали на плечи свои косы
и пики, еще разъ приподнялись шапки и брыли, еще слова про-
щанья, и эта маленькая кучка людей отѣлилась отъ толпы и
стала удаляться въ поле по дорогѣ. Тихо стало у насъ, никто ни
слова, стоять наши «бабы» и «живки», поддерживая ладонями
склоненными на бокъ головы, провожаютъ грустными глазами эту
горсточку своихъ мужей, сыновей.

Солнце уже сѣло за горизонтъ, только загорѣлася заря на
западѣ. Вдругъ среди этой тишины чистымъ теноромъ засияла
пѣсня стражниковъ:

Та пили-жъ пили козаченьки, та вже й напилися.

Осиддлали конычечкивъ, тай въ степъ подалися...

Что-то дрогнуло во всѣхъ насъ, стоящихъ около корчмы и прово-
жающихъ глазами нашихъ воиновъ, какъ-бы по мановенію камер-
тона вдругъ бабы засились воплемъ и плачерь.

Глупо, безъсповѣдально, смѣшио! скажешь ты, читатель, и
будешь правъ; но мнѣ въ ту пору въ этой скорби, но полной
искренности сценѣ послышалось что-то глубоко грустное изъ дале-
каго прошлаго страны, изъ далекой ея исторіи, полной скорбей и
страданій.

Наши мѣстныя соотношенія къ дѣлу польскаго мятежа по-
тревожили насъ не болѣе, какъ дней на пять счетомъ. Проживали
мы затѣмъ тихо и мирно, мало зналъ и слышалъ я о дѣлахъ повстан-
сихъ вообще, въ частности на Украинѣ; только надо мною лично
подозрѣнія полиціи не переставали тяготѣть, Господь самъ вѣдаетъ

изъ-за чего. Вскорѣ по возвращеніи москвѣ изъ Бѣлой Церкви пріѣхалъ ко мнѣ старый Булахъ, помощникъ исправника, и сдѣлалъ у меня внезапный обыскъ. Это было что-то очень странное. Старикъ попросилъ меня проводить его по саду, показать ему имѣвшееся у меня по особому отъ полиціи билету ружье и затѣмъ пригласилъ меня и понятыхъ подписать актъ обыска, совсѣмъ уже готовый и привезенный имъ съ собою. Въ протоколѣ значилось, что при «внезапномъ и самомъ тщательномъ» обыске у меня нигдѣ, ни въ погребахъ (у меня былъ всего одинъ погребъ), ни въ омшаникахъ (такового у меня вовсе не было) ничего не оказалось, что въ саду земля была только взрыта свѣжо на капустныхъ грядахъ и что на содержимое мою ружье имѣется у меня законное свидѣтельство. Старикъ Булахъ особенно какъ-то успокаивалъ меня.

— Это такъ, самые пустяки, право! Это такъ, Богъ знаетъ, что такое! говорилъ онъ.

Я самъ сознавалъ, что это Богъ знаетъ, что такое и считалъ нескромнымъ допытываться причины этого экзекеса полиціи, но тѣмъ не менѣе испоминалъ, на сколько все это компрометировало меня въ глазахъ моихъ односельцевъ, видѣвшихъ, что и со мною продѣлываютъ то-же, что и съ бунтующими ляхами.

Въ другой разъ случилось мнѣ узнать иѣчто болѣе не приятное для меня. Нужно было мнѣ повидаться съ нашимъ становымъ приставомъ, почтеннѣйшимъ толстякомъ Павломъ Ильичемъ Амморейскимъ. Я зналъ, что онъ будетъ въ Ходоровѣ, и побѣхалъ туда. Амморейский останавливался всегда у ходоровскаго эконома и на этотъ разъ также. Когда я пришелъ туда, то на крыльцѣ засталъ нѣсколько сотскихъ и старость; нашъ сотскій Федоръ Ковбаса былъ тутъ-же. Въ растворенной частежѣ передней я наткнулся на разсерженаго Павла Ильича, только что преподнесшаго зуботычину мѣстному сотскому и въ раззолочь его ругавшаго. Прогнавъ сотскаго съ глазъ и ворчаньемъ заканчивалъ свой репримандъ, старикъ пригласилъ меня въ другую комнату, любезно пожавъ руку. Мы вскорѣ переговорили съ Павломъ Ильичемъ о дѣлѣ, меня интересовавшемъ, и распрощавшись съ хозяиномъ, одновременно побѣхали со двора каждый своей дорогой. Отѣхавъ немногого отъ Ходорова, я нагналъ нашего сотскаго Ковбасу, успѣвшаго гдѣ-то на пути

немного клюкнуть. Онъ остановилъ меня, знаками давъ замѣтить, что хочетъ мнѣ чѣмъ-то передать.

Я поѣхалъ шагомъ рядомъ съ нимъ, опустивъ поводья и закуривая трубку.

— Роспытувать про панивъ: якъ? що? чи не чутъ чого? началь Ковбаса.

— Хто роспитувавъ? спросиль я.

— Та цей-же кабанъ годованый.

Я понялъ, что рѣчъ идетъ о становомъ.

— А дали й каже: «чомъ це вы доси Б—са, цебъ то васть, не звязите, та не приведете до мене у станъ». Йи Богу! Та вже якъ ото вы пишли въ горницю, та стали зъ нимъ за ручку чоломаткатьця, а мы тильки зыркъ, зыркъ одинъ на одного. Тильки плечима здвигуемо! Отъ чудне! Я таки й кажу: треба ему, такъ нехай самъ и въяже. Чудне! Мене ажъ кортило натякнуть вамъ, якъ ото вскочили у дверь, такъ вы й не оглянулись. Ну, думаю соби, отъ попався! Коли дивимося, ажъ за ручку! Чудне! Тильки вы такъ, щобъ пихто... ни Боже мій!

Я глубоко былъ взволнованъ тогда этимъ безпричиннымъ натравливаниемъ на меня мирныхъ моихъ односельцевъ, взвужденныхъ теперь проявившегося въ краѣ смutoю; но, вдумавшись въ переданное мнѣ сотскимъ, ясно понялъ, какъ это крестьяне могли связать П. И. Ревякина, не поляка, и какъ это яківецкій становой приставъ не могъ освободить Ревякиныхъ цо приводѣ ихъ въ станъ. Что-жъ? Вся Европа наблюдала свою политику относительно польского повстанья; неудивительно, что имѣль свою политику и стоявшій близко къ дѣлу, почтеннѣйшій Навель Ильичъ Амморейскій. Такіе народолюбцы, какими были тогда Петръ Изаповичъ и я, понятно, мозолили глаза полиціи, болѣе чѣмъ когда либо наэлектризованной въ сторону подозрительности, а эта подозрительность усиливалась безсовѣстнымъ наушничаньемъ царновъ, видѣвшихъ, кажется, въ насъ людей, въ свою очередь способныхъ натравить на нихъ народъ. Да, то было время смуты, крайняго возбужденія умовъ, а вмѣстѣ съ этимъ недовѣря и подозрительности.

Но разъ я, спасая моего знакомаго отъ несправедливаго ареста, чуть было не предсталъ предъ становаго своею особою со связанными назадъ руками. Рассказать объ этомъ случаѣ дастъ читателю

наглядное понятіе о томъ, какъ легко было у насть въ то смутное время быть связаннымъ и попасть въ положеніе крайне непріятное и даже небезопасное. Вотъ какъ это было.

Проживавшій въ Кіевѣ сынъ помѣщика нашего села (вдовы жандармскаго полковника), молодой и болѣзnenный Яковъ Г—ль, имѣя надобность повидаться съ матерью, но напуганный ходившими въ Кіевѣ преувеличными слухами о самоуправствѣ крестьянъ, безъ толку задерживавшими на пути проѣзжихъ, письмомъ извѣстилъ меня о днѣ выѣзда своего изъ Кіева на пароходѣ и, во избѣженіе задержекъ его по селамъ крестьянамъ, просилъ меня выѣхать къ нему на встречу въ мѣстечко Ходоровъ и тамъ принять его съ парохода на лодку. Но этой-то просьбѣ я не разъ отправлялся въ Ходоровъ и выѣзжалъ на лодкѣ къ пароходамъ, идущимъ изъ Кіева; но Г—ля все не было. Настало воскресенье: мнѣ надо было сѣѣздить въ с. Ромашки къ тамошнему священнику и я послать въ Ходоровъ только кучера съ лошадьми, поручивъ ему передать ожидаемому гостю, что самъ прїду туда уже изъ Ромашекъ и буду ждать его у одного изъ тамошнихъ помѣщиковъ, пана Я—скаго, дома котораго стоять при самой дорогѣ. Прїѣзжаю изъ Ромашекъ къ пану Я—скому и жду съ нетерпѣніемъ Г—ля. Вдругъ вижу въ окно, что мой кучеръ Мусій мчится по дорогѣ куда-то за Ходоровъ, везя на моей бричкѣ человѣкъ шесть ходоровскихъ крестьянъ. Я подумалъ, что Г—ль опять не прїехалъ, и въ ожиданіи Мусія собирался уже выбрать его за то, что онъ развозитъ на моихъ лошадяхъ какую-то пьяную, какъ мнѣ показалось, компанию. Вышло не то: немного спустя является Мусій и съ испугомъ докладываетъ мнѣ, что «нашего паныча», т. е. Г—ля, «рештували, тамъ на мисточку, на базари, коло Іцька» и что арестованіе его ходоровскій староста Нвгинъ Черноморецъ и сотскій Василій Щука, приставивъ къ нему стражу, приказали ему Мусію свезти ихъ за Ходоровъ къ вѣкоему Малаховскому на свадьбу...

Не прощаюсь съ хозяиномъ, я моментально вскочить на верховую лошадь, на которойѣздить въ Ромашки, и помчался на базаръ. Мусій, догоняя меня, далеко остался сзади на парѣ лошадей.

Подѣѣзжая къ базарной площеади, я увидѣлъ издали, что домъ Іцька окружено вооруженною косами и пиками сельскою стражею, а передъ крыльцемъ стоитъ огромная толпа крестьянъ. Черный

цвѣтъ свитокъ и шапокъ мужчины нестройль цвѣтными повязками, лентами и шитыми рукавами сорочекъ прекраснаго пола. Толпа оживленно гудѣла, причемъ слышался болѣе громкій разговоръ около самаго крыльца какихъ-то подвышившихъ мужиковъ. Два молодыхъ парубка, съ блестящими косами наравецы, стояли симметрично, какъ настоящіе часовые, на ступенькахъ, а изъ дверей выглядывало двѣ-три головки жиженятъ въ ярмолкахъ и съ маленькими пейсиками.

Я медленно проѣхалъ въ толпу къ самому дому, у самаго крыльца слѣзъ съ лошади и привязалъ ее къ столбу. Принявъ по возможности спокойный видъ, я по обычаю чинно поздоровался съ народомъ шанкою.

— Де вы тутъ нашего паныча заарендували? нарочно улыбаясь, спросилъ я.— Де винъ тутъ?

— Та овъ тамъ у Ицыхи въ бебехи сковався! сказалъ кто-то.

— Тамъ у хати! проговорило много голосовъ.

Вдругъ сквозь толпу протискивается ко мнѣ прибѣжавшій отъ лавки Ицыко и, не стѣсняясь присутствующими, крачить:

— Баците сцихъ свиней! Вони усихъ рестуютъ! Мятезники! ка-
зуть. А вонъ, свиня, багато тямить! Дивитица на ихъ! Якъ вони
уже понапивались.

— Якъ-же не рештувать?! заговорилъ кто-то въ толпѣ.— Винъ
може куды утикає, а мы ёго впустимо... Намъ змелено! Пронустыть
такого не можно! И не сказать ничего, заразъ утикатъ до жыдинъ!

— Куды утикатъ? Хто утикавъ? Зъ тобою, свинею, буде ще тутъ
говорить... ругался уже Ицыко.

Не желая поддерживать своимъ присутствиемъ какъ объясненій
крестьянъ, такъ и ругани Ицыка, я пошелъ въ домъ:

Тамъ чуть не въ обморокѣ сидѣлъ бѣдный Яковъ Г—ль. Лица
на немъ, что называется, не было. Бѣдный, съ разширенными
зрачками своихъ карыхъ очей, онъ какъ-то неистово только скаль-
мѣ обѣ руки и уставился на меня, какъ-бы вопрошая, что-же
будетъ. Послѣ кіевскихъ разсказовъ о неистовствахъ крестьянъ онъ
съ ужасомъ взиралъ на эту толпу и на эти косы и пики.

— Пожалуйста, скорѣе вызови становаго, или меня вези къ нему,
только и могъ онъ проговорить.

Красавая Ицыха участливо смотрѣла на него; Ицыко, раскрас-
ившійся послѣ только что оконченной имъ на крыльце перебранки,

пыхтѣть и цмокатъ, продолжая бранить заочно всѣхъ мужиковъ, въ особенности-же старосту и сотскаго, и грозя все разсказать становому. Я соображалъ между тѣмъ, что предпринять и съ чего начать, чтобы высвободить положившагося па мою защиту не просто изъ рукъ стражи, но и отъ окружившей его толпы, наэлектризованный событиями падавшихъ дней и готовой на всякое буйство при первомъ необдуманномъ шагѣ, неосторожномъ словѣ съ чьейнибудь стороны. Я не сомнѣвался, что Г—ль, при высадкѣ съ парохода, не могъ подать никакого повода къ аресту, я понималъ, что подозрѣніе къ нему могло быть вызвано замѣченою кѣмъ либо четырехдневною подъ рядъ высылкою за нимъ и ожиданіемъ у берега лошадей, я допускалъ, что арестъ могъ быть совершенъ подъ возбужденіемъ выпитой старостою и сотскимъ чарки водки и что сами арестованіе, будь они здѣсь, не отказались-бы, можетъ быть, передать мнѣ моего знакомаго на руки; но меня смущала эта гулящая толпа, возбужденная и уже поднявшая.

Сообразивъ, какъ мнѣ дѣйствовать, я вышелъ на крыльцо. Толпа потиснулась ко мнѣ, какъ-бы ожидая разрѣшивія интересовавшаго ее дѣла. Впереди всѣхъ стояли какія-то пьяные рожи, болѣе солидные, степенные хозяева, даже знакомые мнѣ, отодвинулись подальше отъ меня, какъ-бы устранившись отъ моего къ нимъ къ данномъ разѣ обращенія. Въ моменты бурныхъ движений толпы, при всѣхъ уличныхъ беспорядкахъ и цгромахъ все степенное, солидное отступаетъ на задній планъ, а вырываются впередъ худшіе элементы; тоже было и здѣсь: у крыльца были только такіе, у которыхъ путался уже языкъ и выражалась только наизнѣчивость и желаніе пошумѣть или еще выпить, если возможно, на чай либо счетъ. Отстраняя ихъ каляканье и безвязныя рѣчи, я обратился ко всему собранію съ такими словами:

— Рештували, такъ рештували—це валие дило! Але отъ що скажить вы мени: що вы думаете дали зъ свицъ пальчевъ робить?

Толпа притихла и еще больше надвинулась къ крыльцу. Я продолжалъ:

— Заарелтували, такъ треба мабуть кудысь ёго вести, чи везти.

Толпа стояла молча; только съ боковыхъ фасовъ дома подвинулись къ крыльцу еще нѣсколько стражниковъ съ косами.

— Тамъ уже становый, чи справникъ розбере; але треба того паныча на дорогу нагодувать, треба коней переминить, бо мои вже потомлени, треба и тимъ зибратьца, що попровадять ёго до стану, чи до повиту. Такъ кажить вы мени толкомъ, якъ вы думаете, коли й куды ёго одправлять, чи якъ тамъ?..

Толна призадумалась надъ поставленными ей вопросами. Быть можетъ, что нибудь подумазъ и о самомъ арестованномъ; но вопросъ о подводѣ для него и препровождениі его верстъ за 25—30 въ станъ или въ уѣздный городъ, при неувѣренности, нравильно-ли онъ арестованъ, не могъ быть чуждымъ для многихъ. Толна однако молчала; никто изъ стражей и лѣзшихъ ко мнѣ пьяныхъ не могъ мнѣ дать отвѣта на мои вопросы.

— Та воно звисно! Правда! проговорилъ кто-то.

— Не то що ногодувать, а може и чарку горилки схоче выпити... отозвался одинъ пьяный.

— Тоби абы горилка!—отстрианилъ я пьяничку и обратился къ стражникамъ:

— Що-жъ вы ничего не кажете? Чи вы, чи кто ишній провожатиме ёго въ станъ?

— Та мы що-жъ знаемъ! отвѣчали стражи. Намъ зведенено стоять оттутъ тай годи! Що мы знаемъ?!

— Та хто-жъ звеливъ?

— А хто? Староста та соцкій. Намъ звелили стоять на сторожи, а сами па ванихъ-же коняхъ поихали па весилья.

— Якъ-то па весилья? Оце такъ! Це порядки! Люде тутъ вартуй, а вони по весильямъ будуть па чужихъ коняхъ розъизжать.

Въ тозій послышалось подаківанье мнѣ, неодобрение старости и сотскаго за ихъ нераспорядительность.

Я окрикнулъ Мусія и послать его за старостою и сотскимъ, а самъ продолжалъ переговариваться съ толпою на тему нераспорядительности юбітнаго начальства. Нѣсколько разъ я входилъ въ домъ, чтобы удержать Ицыка, рвавшагося къ толпѣ для перебранки, и добился таки того, что онъ ушелъ въ лавку.

Прошелъ добрый часъ, пока паконецъ явилось начальство въ лице одного сотскаго Василія ІЦуши, мрачно притомъ пьяного. И пакинулъ на него изо всѣхъ силъ и требовалъ, чтобы онъ немедленно парижалъ конвой и собирался самъ сопровождать аресто-

ваннаго, прибавляя, что и я ўду съ нимъ и объясню становому все его поведеніе...

Щука струхнуулъ не на шутку и пошелъ валить все на старосту. Но я не отставалъ отъ него и требовалъ немедленнаго рѣшенія дѣла.

— Та путь бо постойте! Дайте распѣтатьца! — отбивался Щука. — Та же се Г—ленко? спрашиваетъ онъ меня.

— А кто-жъ іншій? Хиба ты не знаешъ, чо пытаешься! отвѣчалъ я.

— Зъ Дударивъ?

— Зъ Дударивъ.

— Та ёго-жъ уси тутъ знаютъ? оглянулся онъ на толпу.

— А то-жъ и не знаемъ?! Знаемъ! Винъ самыи, отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Такъ нехай винъ соби ѹде зъ Богомъ! — порѣшилъ Щука.

— Звисно, нехай ѹде соби! отозвались нѣкоторые изъ толпы.

— Идти, хлощи, по своему дилу, куды кому треба, обратился Щука къ стражникамъ.

— Такъ-бы и давно, сказалъ я, идучи въ двери дома.

— А то може-бъ хотъ гарнецъ горилки па громаду поставилъ-бы..., послышалось въ толпѣ; но я прикинулся не слышавшимъ сего.

— Садись и поѣзжай! обрадовалъ я измученнаго тревожнымъ ожиданіемъ Г—ля. Онъ чуть не опрометью выскочилъ изъ дома, сѣлъ въ нетычанку и громко крикнулъ Мусю: «пошелъ!» Намучившійся чуть не цѣлодневнымъ ожиданіемъ, а можетъ быть и подвыпившій на свадьбѣ, Мусій сразу ногнай лошадей вскачъ, что обратило вниманіе толпы, не успѣвшей еще разойтись.

— Отъ такъ одурившъ очевидчики! Такъ и выпустили матежника! Оце такъ такъ!.. послышались голоса въ толпѣ.

— Отъ такои ще выдумай! отвѣчалъ я, садясь въ сѣдло и прощаюсь съ подошедшими ко мнѣ степенными домохозяевами; но тутъ-же почувствовалъ, что кто-то удерживаетъ меня за стремя. Я оглянулся на бокъ и вижу, что пьяный мужикъ трется около моего стремени, держась за него руковою.

— Отъ такъ-бы и вдержанъ за стремено! говорилъ онъ, давая видъ шутки и едва ворочая языкомъ.—Я также шутя отвѣчалъ ему:

— А я якъ-бы махнувъ конемъ, то ты-бъ воликся-бъ ажъ до Шлюмы (до угловаго дома).

Лошадь тронулась съ мѣста, пьяный болтался около нея; выходило, будто меня и въ самомъ дѣлѣ хотятъ задержать. Завидѣвъ это отъ своей лавки, Ицько опрометью бросился ко мнѣ и закричалъ болтавшемуся около меня пьяному:

— Сцо ты, свиня, до цоловика лизеъ! Якъ ты смieсь зъ коня волокти! Свиню!

Толпа зашевелилась; стоявшіе поодаль, понявъ изъ крика Ицька, что меня таинуть съ лошади, кинулись ко мнѣ. И моментально спрыгнулъ съ сѣда, сообразивъ всю человѣкость и даже опасность моего положенія, и громко объяснивъ подошедшему Ицьку, что это только шутка, а въ тоже время чувствуя надобность чѣмъ нибудь замять неблагопріятное для меня впечатлѣніе въ толпѣ, сказалъ ему при всѣхъ, что хочу еще купить у него табаку и спичекъ, и отправился съ нимъ въ лавку, давъ подержать лошадь одному изъ стражниковъ.

Толпа тѣмъ временемъ топталаась на мѣстѣ и какъ-то странно гудѣла. Едва я показался отъ Ицька, какъ увидѣлъ, что она подвигалась ко мнѣ, очевидно, успѣвъ на скоро и на всѣ лады продебатировать совершившееся. Я вошелъ въ толпу, какъ сейчасъ-же послышалась изопритихшая укоризна мнѣ и сожалѣніе о томъ, что ни за что, ни про что выпустили да свободу мятежникъ.

— Ни, це таки винъ одурилъ насть! Такъ выпустили дурнисенько! Було-бъ сразу звізать, такъ це-бъ було вирнiйше! А вже-жъ зиязть!.. слышались возбужденные голоса въ толпѣ около меня.

Я, стараясь быть совершенно спокойнымъ, на ходу отѣбѣтилъ:

— Це й назягачивъ не стане, якъ вязать успихъ, що до васъ на мистечко привезъ!..

Вдругъ въ толпѣ раздается рѣзкій женскій голосъ какой-то подвыжившей солдатки:

— Ось чуете, що винъ каже... що ихъ (разумѣй мятежниковъ) стильки, що й не перевяжешъ, що й назягачивъ не стане на ихъ. Вязить ёго, вражкого сына, заразъ! Чого на ёго дивитъся!..

Какъ-бы по сигналу толпа стиснулась ко мнѣ. Морозъ проѣжалъ у меня по спинѣ. Все это,—и этотъ голосъ въ ушахъ, и эта толпа, и эти косы надъ нею—все это, какъ молния, мелькнуло въ моихъ мозгахъ и во всемъ моемъ естествѣ. Моментъ и я пропалъ-бы!.. Но я усиленно, въ одинъ мигъ, растолкнулъ нѣсколькоихъ

человѣкъ и съ руганью, въ свою очередь освирѣпѣвши, схватилъ эту пьяную вѣнценю за руку повыше локтя такъ сильно, что, казалось, пальцы мои сквозь шитый рукавъ сорочки вились до кости въ ея тѣло.

— Такъ це ты мене вязати мешъ?... Вяжитъ мене заразъ зъ цією..., що вами командує! Вяжитъ, що-жъ вы дивитеся! А я іш не выпущу! Такъ ще сёго не було тильки, що-бъ пьяна баба мене вязала и вамъ приказувала! Що-жъ ви іш не слухаете? кричалъ я, не помня себя отъ волненія и все боліше и сильній сжимая въ руцѣ своей плечевую кость бабы. Я мало тогда помнилъ себя, вся сдержанность пропала, какое-то звѣрское чувство злобы кинуло во мнѣ: я могъ въ тотъ моментъ убить чого нибудь или быть убитымъ, безъ всякаго сознанія. Толна засуетилася и явилась сейчасъ-же митингаторы—тѣ-же сторонники до сихъ поръ стенисные домохозяева.

— Та Господь зъ вами! Хто тамъ думає васъ вязати! Киньте ви іш! бачъ, бисове стерво, натягнетъца безъ пути, то й соби лизе до чоловика! Пишіла геть! заговорили со всѣхъ сторонъ.—Ичъ яка навратилася! Геть въ громады, свище!..

Я выцуптилъ изъ руцѣ бабу і, чуть не плача, начать укорять близко знавшую меня толпу:

— Такъ отъ якої чести я заслуживъ у васъ! Я у васъ тутъ ва всякий день, вы до мене за всікимъ диломъ ходите! А теперъ така на мене наруга?! Не сподивався я сёго!

— Простить, будьте ласкови! бачите, яка погань высокочила! Ка-зна що таке, та й лизе! говорили мои заступники, успокоивая меня и извиняясь передо мною. Кончилось все тѣмъ, что надо было угостить и угоститься тутъ-же въ ближайшемъ шинкѣ, чтобы сгладить всякое впечатлѣніе отъ нежданной тревоги и дать время разбрестись тозиѣ. Поздо уже, викѣмъ иничѣмъ не тревожимый, возвратился я домой.

Этимъ эпизодомъ я оканчулю мое повѣстование о польскомъ восстаниі на Украинѣ и о моей къ нему прикосновенности. Я не привнесъ сюда ни одного изъ тѣхъ отрывочныхъ, мелкихъ фактій, которые составляютъ содержаніе вышеизванныхъ двухъ брошюре о восстаниі въ Украинѣ 1863 г., но разскажать, какъ могъ, только то, что известно было мнѣ по непосредственному наблюденію или по слухамъ. Все это мелко, блѣдно, не полно, отрывочно, статься можетъ, даже не точно. Не такое повѣстование памъ

нужно для оцѣнки этого события, его причинъ и послѣдствій. Намъ нужна съ одной стороны подробная, фактическая, документальная исторія революціоннаго движенія 1863 г. и не въ одной кіевской, но и въ смежныхъ съ нею волынской и подольской губерніяхъ, во всемъ юго-западномъ краѣ; съ другой стороны намъ нужна бытоваia, такъ сказать, сторона дѣла, познане во всѣхъ мелочахъ отраженіе рѣзко обозначившихъ въ мѣстной жизни двухъ противуоположныхъ течений — панскаго, польскаго и народнаго, русскаго. Дать первого рода повѣствованіе — дѣло нашихъ кіевскихъ ученыхъ и, конечно, заботы и содѣйствія высшей администраціи края; повѣствованіе второго рода можетъ быть подготовлено лишь коллективно, по частямъ и мелочамъ, а такая работа доступна для всякаго, кто жилъ въ то время, видѣлъ и наблюдалъ. На эту-то послѣднюю работу я и желалъ бы вызвать моими воспоминаніями людей того времени, и бытъ-бы искренно радъ, если-бы и разсказанное мною было дополнено и даже исправлено.

Указанными двумя путями можно было-бы между прочимъ уяснить относительную напряженность революціоннаго духа въ Царствѣ Польскомъ и у насъ, степень вибѣшиаго вліянія и собственнаго возбужденія польского элемента въ нашемъ краѣ, изыскать причины сего послѣдняго, опредѣлить взаимоотношеніе пришедшаго польского и коренного мѣстнаго элементовъ, обнаружившихъ такую рознь и вражду, и намѣтить точки и средства сближенія ихъ въ будущемъ. А пока, вдумываясь въ прошедшее, на основаніи доступныхъ миѣ данныхъ, прихожу къ мысли, что есть разница въ импульсахъ, поднявшихъ поляковъ въ Царствѣ Польскомъ и въ нашемъ краѣ, что помимо вибѣшиихъ вліяній, общихъ причинъ, революціонное движеніе шляхты въ юго-западномъ краѣ въ известной степени носило на себѣ отраженіе начавшагося тогда пробужденія. Пробуждалась отъ моральнаго усыпленія и наша шляхта, по не имѣя иной, кромѣ польской почвы развитія, воспитавшись только на польской традиціи, ничѣмъ особыеннымъ не приросши къ дѣлу общероссийскому, она и не могла иначе, какъ только въ направленіи чисто польскомъ и притомъ польско-патріотическомъ, воспрянуть отъ этого усыпленія. Нельзя не согласиться, что нашъ до-реформенный государственный строй поддержкою панской, а слѣдовательно польско-шляхетской власти

надъ бывшимъ когда-то крѣпостнымъ, вполяѣ обезличеннымъ въ гражданскомъ смыслѣ, русскимъ населеніемъ, поддерживаль незыблемость польско-цанскихъ традицій, по которымъ весь западный край считался забранымъ. Русскій чиновникъ, и то въ весьма малой пропорціи, въ краѣ и солдатъ были плохими элементами обрусьнія. Кіевскій университетъ мало поддерживалъ идею ассимиляціи края, да собственно говоря и ассимилироваться здѣсь не было съ кѣмъ. При общемъ, повторяю, возрожденіи духа въ Россіи польская шляхта направилась по пути, приготовленномъ ей своею ничѣмъ не нарушенной традиціею и, вызываемая увлечениемъ въ Царствѣ Польскомъ, бросилась въ омутъ восстанія и безсознательно удовлетворяя этимъ потребность воспрянувшаго духа, продѣлала эту траги-комическую исторію *польскаю* восстанія на русской Украинѣ.

Борисъ Познанскій.

27 сентября 1885 г.

Г. Навловскъ.

АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ.

1580 (?)—1653 г.

(Историко - біографический очеркъ).

(Окончаніе¹⁾).

VI.

Возвращаемся къ хронологической последовательности событий. Польские комиссары, едва выпросивъ у Хмельницкаго въ Переяславѣ перемиріе до Духова дня, считали его недостаточно вѣрнымъ и обезпеченнymъ съ козацкой стороны. Оказалось однако, что поляки первые его нарушили, упомянутымъ уже нападеніемъ на подольскіе городки: Баръ и Межибоаъ. Хмельницкому это было даже на-руку, такъ какъ давало возможность возобновить воспінія дѣйствія, взятивъ отвѣтственность за нарушеіе мира на противникоў. Съ приближеніемъ срока, назначенаго для съѣзда комиссаровъ, получилось письмо къ нимъ отъ гетмана въ миролюбивомъ тонѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ появились на Волыніи вооруженные отряды козаковъ съ открыто враждебными начертаніями. Комиссары вынуждены были покинуть Гуцу; разболѣвшійся Кисель направился въ свои имѣнія на западной окраинѣ Волыни, его сопровождалъ Обуховицъ; посланецъ гетмана и слуга Смяровскаго нагнали ихъ въ Тайкурахъ, затѣмъ они остановились недалеко Владимира, въ принадлежавшемъ Киселю имѣніи Гнойнѣ.

¹⁾ См. «Киевская Старина» 1885 г., ноябрьск. кн., стр. 408—430.

Открывшіяся лѣтомъ военные дѣйствія имѣли результатомъ, какъ извѣстно, обложеніе первой польской арміи подъ Збаражемъ, побѣду надъ второю арміею, состоявшую преимущественно изъ посланаго рушенья и предводительствующою самимъ королемъ, подъ Зборовомъ, и заключеніе здѣсь мирнаго договора, удовлетворявшаго всѣмъ главнымъ требованіямъ козаковъ. Число реестровыхъ увеличено до сорока тысячи, запятая козаками три воеводства, кіевское, черниговское и брацлавское, освобождены отъ стоянки коронныхъ войскъ, а всѣ должности и чины здѣсь постановлено предоставить исключительно мѣстнымъ православнымъ шляхтичамъ, жительство евреямъ въ козацкомъ краѣ воспрещено, митрополиту кіевскому предоставлено мѣсто въ сенатѣ, унію обѣщано уничтожить постановлениемъ сейма.

Комиссары во время этихъ событій находились въ разныхъ мѣстахъ. Изъ нихъ Николай Григорьевичъ Кисель со своею хоругвью былъ въ томъ войскѣ, которое осаждено подъ Збаражемъ. Здѣсь, между прочимъ, 24 июля произошла простоянка военныхъ дѣйствій, во время которой сходились знакомые изъ обоихъ лагерей, разговаривали по пріятельски, причемъ поляки потчивали козаковъ изъ своихъ табакерокъ. Хмельницкій въ это время вызывалъ къ себѣ па свиданіе знакомца Николая Зацвиліховскаго, который въ 1646—1647 гг. былъ комиссаромъ по управлению козаками; єздить съ нимъ и Николай Кисель, но переговоры кончились ничѣмъ. Адамъ Григорьевичъ въ это время находился въ войскѣ королевскомъ: когда были постановлены условія договора подъ Зборовомъ и Хмельницкій выполнялъ присягу на вѣрность королю и Рѣчи Посполитой, формулу присяги читалъ ему воевода кіевскій¹⁾.

Послѣ отступленія Хмельницкаго въ Україну и распущенія польскихъ войскъ, король, не дожидая даже сейма, отправилъ вновь комиссию къ козацкому гетману, и во главѣ ея сповѣденіемъ былъ Адамъ Григорьевичъ. Онъ поселился въ Кіевѣ, въ замкѣ, сюда же прибылъ въ понѣрѣ и Хмельницкій съ полковниками; обращеніе послѣдняго къ комиссарами было теперь самое дружеское и предупредительное, но къ самому существенному и центральному пункту

¹⁾ Michałowskiego księga, стр. 438. Ambr. Grabowski, Starożytnosci, т. I, стр. 265.

переговоровъ, къ способамъ водворить пановъ въ ихъ имѣніяхъ, гетманъ не приступалъ до получения королевскаго универсала (16 января 1650) обѣ утвержденій зборовскаго договора сеймомъ. Потомъ онъ издалъ и отъ себя универсалы о возвращеніи всѣхъ не вошедшихъ въ реестръ подъ власть ихъ прежнихъ пановъ, что вызвало, конечно, сильнѣйшее недовольство черни, укрощать которую приходилось Хмельницкому строгостями и казнями. Съ другой стороны, нарушили условія мира поляки. Недопущеніе сенаторами въ свою среду митрополита Сильвестра было оскорбительно для Руси, но само по себѣ едва-ли-бы вызвало вооруженное сопротивленіе. Гораздо сильнѣе дѣйствовало преслѣдованіе панами, вопреки объявленной амністії, крестьянъ, принимавшихъ участіе въ козацкой войнѣ. Многочисленная казни такихъ крестьянъ, произведенная княземъ Самуиломъ Корецкимъ въ своихъ волынскихъ имѣніяхъ, вызвали здѣсь восстаніе значительныхъ размѣровъ, сочувственно отзывавшееся въ козацкой средѣ и даже между окружавшими гетмана старшинами, изъ которыхъ въ этомъ отношеніи особенно выдавался знаменитый въ народной памяти брацлавскій полковникъ Данило Нечай, человѣкъ очень вліятельный и притомъ породившийся съ Хмельницкимъ черезъ брата своего Ивана, за котораго гетманъ выдалъ свою dochь Елену.

Трудно было положеніе и гетмана козацкаго, и воеводы кіевскаго, особенно послѣдняго. Онъ оставался одвако въ Кіевѣ круглый годъ, продолжая постоянно сноситься съ Хмельницкимъ обѣ усновокіи Украіны, о восстановленіи въ пей правильной администраціи согласно зборовскимъ условіямъ и о водвореніи возвращавшихся изъ бѣгства пановъ въ ихъ имѣніяхъ. То бѣзпѣль отъ него къ Хмельницкому въ Чигиринъ митрополитъ для переговоровъ, то Хмельницкій прѣѣзжалъ къ нему въ Кіевъ; отсюда вмѣстѣ бѣзпѣли они на козацкую раду въ Переяславъ, и оба-же вернулись снова оттуда въ столицу воеводства, 23 (13) марта. Здѣсь собралось тогда много крестьянства и козаковъ, не попавшихъ въ реестръ, и потому принуждаемыхъ тоже возвратиться въ панское подданство. Среди этой толпы вспыхнулъ даже открытый бунтъ, толпа осадила замокъ, когда въ гостяхъ у воеводы находился гетманъ со старшинами. Едва удалось усмирить народное волненіе, а на другой день Хмельницкій созвалъ находившихся въ городѣ козаковъ на раду и въ

рѣчи своей къ нимъ, между прочимъ, клялся, что безъ общаго вѣдома не станетъ заключать съ Киселемъ никакого договора, что за Киселемъ неѣтъ никакой измѣны, а если-бы оказалась его неискренность, то гетманъ самъ прикажетъ его задержать; Хмельницкому удалось убѣдить козаковъ разойтись по домамъ, безъ нихъ должно было притихнуть и мѣстное посполѣство. Населеніе однако было такъ враждебно настроено къ Киселю, что мѣщанство отказывалось выдавать проинакъ на содержаніе его самого со свитой и воеводинской стражи, и воевода долженъ былъ расходовать на это до ста талеровъ въ день изъ собственныхъ средствъ.

Въ маѣ гетманъ былъ снова въ гостяхъ у воеводы, причемъ между ними возникли пререканія за первенство въ столицѣ воеводства, но разстались друзьями, а нѣсколько зачинщиковъ волнений противъ воеводы было даже казнено. Кисель, не винъ полагаясь даже на самого Хмельницкаго, тѣмъ болѣе могъ оцѣнить на мѣстѣ окружавшія его трудности. Въ письмѣ къ вышедшему изъ плѣна коронному гетману Потоцкому, 4 апрѣля, отъ прямо указывается, что власть самого Хмельницкаго не всегда соответствуетъ его желаниямъ; можно опасаться, чтобы чернь не взяла верхъ надъ иею и не возстала снова съ инымъ вождемъ. Поэтому Кисель уговаривать пановъ, чтобы они не торопились возвращаться въ тѣ по крайней мѣрѣ имѣнія, которыя лежатъ за Днѣпромъ, куда онъ не рѣшилсяѣхать еще и самъ. «Мои слуги, говорить онъ, по особому якобы благоволенію, введены тамъ во владѣнія еще передъ сеймомъ, но и доселѣ они тамъ гости, а не хозяева, и я, свидѣтельствуюсь Богомъ, не получаю оттуда доходовъ ни обола, даже ни зерна на прокормленіе».

Въ юнѣ Кисель былъ у гетмана въ Черкасахъ, и между ними по нѣкоторымъ пунктамъ состоялось соглашеніе, а именно относительно совмѣстнаго дѣйствія козаковъ и поляковъ противъ Москвы, въ союзѣ также съ татарами; кроме договоренныхъ здѣсь условій, Кисель указывалъ еще необходимость отпустить изъ Варшавы пребывающихъ тамъ козацкихъ пословъ съ наиболѣшою благосклонностью, послать Хмельницкому при королевскомъ письмѣ крупный денежный подарокъ, а главное—сохранять полное спокойствіе и неприкословенность русскаго народа и его вѣры. Вскорѣ, въ концѣ юнѣ, прибыли къ Хмельницкому послы отъ короннаго гетмана,

тоже для переговоровъ о московской войнѣ; привяты они были нравѣтиво, но за обѣдомъ козакій предводитель не выдержалъ, закончилъ знакомыми самохвалными угрозами, а на другой день, въ нетрезвомъ видѣ, вѣтъ было даже перетопить всѣхъ бывшихъ въ Чигиринѣ поляковъ; едва его упросила жена, а прославившись онъ и самъ жалѣзъ о своей безразсудной выходкѣ. Послы Потоцкаго отпущены съ честью. 5 августа прибыть къ гетману съ королевскимъ письмомъ Николай Кисель¹), приглашая Хмельницкаго въ Аркліевъ²), гдѣ ожидали его Адамъ Кисель и митрополитъ Сильвестръ. Подробности свиданія ихъ и переговоровъ неизвѣстны.

Вообще 1650 годъ представляется сравнительно отраднымъ моментомъ въ жизни южной Руси этого времени. Дѣла шли мирно до открытия въ декабрѣ сейма, которому представлена были требования козаковъ и извѣстное уже намъ письмо Киселя о необходимости уничтожить унію, вызвавшее бурю ругательствъ. Задорная враждебность сеймующихъ даюла всякую надежду на сохраненіе мира; шляхта стала уходить изъ Украины, бѣжать изъ своего воеводства и Кисель, котораго въ началѣ 1651 г. застаемъ спаса въ Гупѣ³)

И въ 1651 году первыми фактическими парашителями мира были опять таки поляки. Какъ только выяснилось для всѣхъ открыто-враждебное настроеніе сейма къ козачеству, въ православному исповѣданію, даже къ самой мысли объ уступкахъ и лично къ тѣмъ, кто осмѣливается ихъ предлагать,—польский гетманъ Калиновскій пересталъ считать себя связаннымъ какими либо предыдущими переговорами. Начались съ обѣихъ сторонъ дѣятельныя приго-

¹) Кестомаровъ источно передаетъ, будто Николай быть посланъ не королемъ, а только своимъ братомъ, и будто приказавіе подпившаго гетмана «утешить!» относилось къ нему. Этотъ случай имѣть мѣсто за два дня до прибытия въ Чигиринъ Николая Григорьевича.

²) Теперь Иркліевъ, мѣстечко золотонійскаго уѣзда, верстахъ въ тридцати за Днѣпромъ противъ Черкасъ.

³) Подробности о Кисельѣ въ этомъ году см. преимущественно въ Памятникахъ, т. II, отд. 3, стр. 1—13; Michałowskiego księga, №№ 179, 181, 182, 184, 194, 197, 199—202; Акты южной и западной Россіи, т. III, стр. 372, 374, 398, 400, 401, 404, 408, 421, 422; Pamiętnik Jenioliowskiego, стр. 12—18.

тования къ борьбѣ, которыхъ тѣмъ скорѣе должны были привести къ столкновенію, именно въ Брацлавщинѣ, гдѣ встрѣтились одинаково пылкіе представители той и другой стороны: ближайшій помощникъ Калиновскаго по начальствованію войскомъ, Станиславъ Ланцкоронскій, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ воеводою брацлавскимъ, тогда какъ мѣстнымъ козацкимъ полковникомъ былъ фанатической ненавистникъ всего польскаго, до сихъ поръ наиболѣе живой въ народной памяти и цвѣзіи изъ всѣхъ козацкихъ предводителей, влиятельный Данило Нечай. Желая предупредить нападеніе поляковъ на территорію своего полка, Нечай поспѣшилъ двинуть козацкіе отряды къ ея предѣламъ, на границы воеводства подольскаго. Поляки тоже рѣшились на зимній походъ, что не было вообще у нихъ въ ходу, особенно въ козацкихъ войнахъ; уроки послѣднихъ лѣтъ не прошли для регулярнаго войска даромъ, начальники его поняли всѣ выгоды для нихъ подобнаго движения, когда приходилось имѣть дѣло съ одними козаками и ихъ крѣпостцами, не опаясь ни татаръ, ни повсемѣстнаго народнаго восстанія. Самопадѣяній козацкій предводитель не ожидалъ отъ нихъ этого, и поплатился жизнью, завхаченный врасплохъ, ночью, въ постыдній день масленицы, въ городкѣ Красномъ, а находившійся при немъ отрядъ былъ по большей части истребленъ, хотя остатки его, послѣ первого пораженія, еще три дня храбро защищали укрѣпленіе. Такая-же участъ постигла Ямполь, тоже взятый ночью, гдѣ погибло до шести тысячъ козаковъ и приставшихъ къ нимъ волоховъ; другое городки сдавались то по первому-же требованію, устрашенные неожиданнымъ успѣхомъ поляковъ, какъ Мурахва и Черніевцы, то послѣ непрѣдолжительной обороны, какъ Стѣна¹⁾.

Первая вѣсть о возобновленіи непріязненныхъ дѣйствій поразила Адама Григорьевича, ожидавшаго въ своей Гущѣ, какой оборотъ примутъ дѣла къ веснѣ, хотя онъ видѣлъ и раньше, что все клонится «скорѣе къ дракѣ, чѣмъ къ трактатамъ». Намъ слѣдуетъ отмѣтить одно его замѣчаніе въ письмѣ къ подканцлеру 23 (13) февраля: не имѣя еще никакихъ вѣрныхъ извѣстій о событияхъ въ Брацлавѣ, а только смутные слухи (Красное взято 19 февраля), онъ умоляетъ, какъ и всегда, не начинать военныхъ дѣйствій, если

¹⁾ Дневникъ похода у Михаловскаго, № 223.

слухи эти невѣрны; въ противномъ-же случаѣ онъ первый совѣтуетъ забыть о самоуѣ существованіи комиссіи для переговоровъ, во главѣ которой стоитъ самъ, и требуетъ скорѣйшей присыпки подкрайнелій, предвидя, что эта стычка послужить только нача-ломъ новой болѣзни и кровопролитной войны¹⁾). Изъ приведен-ныхъ нами въ своемъ мѣстѣ подлинныхъ словъ письма, ясно видно, что Адамъ Григоровичъ вовсе не былъ сторникомъ мира съ козаками во чѣ-бы ни стало и какою-бы ни было цѣпою. Опѣ предпочиталъ мирный исходъ и настаивалъ на необходимости уступокъ въ тѣхъ размѣрахъ, безъ которыхъ миръ представлялся недо-стижимымъ. Но если обстоятельства дѣлали невозможнымъ продол-женіе самихъ переговоровъ о мирѣ, то Кисель требовалъ соотвѣт-ственного напряженія силъ государства, чего именно такъ трудно было добиться отъ шляхты: она всегда относилась слишкомъ прези-тельно ко всѣмъ «хлопамъ», т. е. нешляхтичамъ, въ томъ числѣ и козакамъ, чтобы принимать противъ нихъ серьезныя мѣры. Но сполитое рушеніе и походъ подъ предводительствомъ самого короля въ 1649 г. вызывали всесобщую оппозицію, ибо шляхта считала по-зоромъ для своего государя становиться такимъ образомъ какъ-бы на одну доску съ предводителемъ мятеежной черни. Зборовское по-раженіе, гдѣ король былъ избавленъ отъ унизительного изѣна только личнымъ вышательствомъ Хмельницкаго, давшаго сигналъ къ «згодѣ» въ самый разгаръ битвы, до начала какихъ либо перего-воровъ, было наказаніемъ папскаго высокомѣрія. Кисель, зная ко-заковъ издавна и вблизи, заранѣе, хотя тщетно, предостерегалъ пановъ отъ ихъ нагубнаго заблужденія. «Это не та старинная Русь, убѣждай онъ, что выходила на войну съ лукомъ и рогативой, а опытные воины, по искусству въ стрѣльбѣ изъ огнестрѣльного оружія превосходящіе квартяное войско». — «Сто нашихъ нѣмцевъ выстрѣ-зять, одного убить, говорилъ онъ еще на сеймѣ 1648 г., а когда сто козаковъ выстрѣзять, павѣрно половина выстрѣловъ будетъ удач-ныхъ; шутить съ ними нельзя». Особенно-же беспокоила Киселя, съ са-мого начала войны, возможность вмѣшательства въ чесе государства московскаго, силы которого были ему также знакомы, по на счетъ ко-тораго большинство поляковъ имѣло самыя ошибочныя представлени.

¹⁾ Michałowskiego Księga, str. 607.

На этотъ разъ впрочемъ Киселю приходилось говорить не втүвѣ, какъ до сихъ поръ: сами шляхтичи, даже и далекихъ съверозападныхъ воеводствъ, имѣли случай ближе познакомиться съ действительными силами козачества, увидѣли необходимость двинуться противъ него всѣми силами; и вооруженія, и сборь войскъ, и воспользованіе рушенье,— все приводилось весною въ исполненіе быстро и энергично.

Между тѣмъ событія въ Брацлавщинѣ привнесли Адаму Григорьевичу новое глубокое огорченіе, вполнѣ личнаго характера. Въ рядахъ войска гетмана Калиновскаго находился братъ его Николай, начальствуя хоругвью. Постъ побѣдъ въ Красномъ и Ямполѣ, польское войско приступило къ Винницѣ, где заперся съ небольшимъ отрядомъ полковникъ Богунъ, прославившійся въ обѣихъ арміяхъ, какъ неистощимый изобрѣтатель воинскихъ хитростей, настоящій маэстро партизанской войны. Не надѣясь удержаться противъ превосходныхъ силъ, онъ вывелъ однако свой отрядъ въ бегомъ строй на встречу полякамъ и сталъ впереди крѣпости на бегу рѣки Буга. Лянцкоронскій со своимъ полкомъ, въ составѣ котораго входила и хоругвь Киселя, кинулся въ атаку, но они попали на приготовленную Богуномъ полынью, едва успѣвшую покрыться ледяной корою и прикиданную соломою. Лянцкоронскій едва успѣлъ спастись, получивъ однако нѣсколько жестокихъ ударовъ дубиною, а многие изъ «товарищѣ» погибли, въ томъ числѣ два ротмистра, Мелешко и Николай Кисель. Въ письмѣ къ канцлеру, изъ Гуци, Адамъ Григорьевичъ такъ изливаетъ скорбь свою о погибшемъ братѣ: «единый дражайшій братъ мой, единая надежда постигнутаго горестями (*utrapionego*) дома моего, опора моей несчастной старости». Онъ ходатайствуетъ при этомъ, чтобы уступленное имъ брату черкасское старство было предоставлено за отцовскія заслуги сыну его, Владиміру Николаевичу, тогда уже кіевскому подстолію, равно какъ и пожалованное Николаю королемъ имѣніе Чернієва (?). Но не надѣясь вѣроятно на успѣхъ своей просьбы въ это время, когда не нуждались въ его дипломатическихъ услугахъ, онъ переуступилъ старство отъ себя великому гетману Николаю Шотоцкому. А въ то же время смерть брата Николая послужила поводомъ для упрековъ Адаму и съ другой стороны: Хмельницкій, оставивъ письмо его безъ отвѣта, приказалъ

только передать изустно слѣдующее: «воевода обезпечилъ меня комиссіей и перемириемъ, а брата своего послалъ воевать при Калиновскомъ и Лянцкоронскомъ; за эту-то неправду и погибъ его братъ, о которомъ я сожалѣю, какъ о достойномъ рыцарѣ и своемъ пріятелѣ: но самъ вѣдь онъ этого заслужилъ»¹).

Лѣтомъ наступила гибельная для козаковъ война берестечская, и хотя есть данные, что Адамъ Григорьевичъ находился въ это время при король, но о дѣятельности его до бѣгства козацкаго войска не имѣемъ никакихъ указаний, а потому не станемъ пересказывать и общаго хода событій, достаточно известныхъ. Освѣтимъ говорить, между прочимъ, будто въ берестечскомъ лагерѣ Киселю пришлось испытать жестокое униженіе: его устранили отъ участія въ совѣщаніи о томъ, какъ слѣдуетъ поступить съ осажденными козаками, когда тѣ прислали бѣлоцерковскаго полковника Крысу съ прошкою о милости. Не смотря на это, когда польское войско вступило въ Украину, а гетманъ Радзивиль съ литовскимъ войскомъ занялъ Киевъ, мы встрѣчаемъ Киселя, какъ мѣстнаго воеводу и старшаго комиссара ѿнеудачной, но не уничтоженной формально комиссіи, въ лагерѣ Потоцкаго. Къ нему первому и обратился Хмельницкій съ письмомъ, прося его посредничества въ переговорахъ; на первый разъ посланцамъ козацкаго гетмана Кисель, конечно, могъ дать только тотъ отвѣтъ, какой ему былъ предложенъ гетманомъ бороннымъ: отъ козаковъ требовали истребленія союзниковъ—татаръ, выдачи Хмельницкаго и безусловной покорности. Козаки знали, что говорится это больше ради ввушения страха, чѣмъ серьезно, а имъ самимъ нужно было только затянуть переговоры, пока соберется побольше народа, да подойдетъ орда. Хотя вслѣдъ за этимъ соединилось съ польскимъ войскомъ и литовское, но оба тетмана склонялись къ миру, въ виду крайне неблагопріятныхъ условій борьбы: вокругъ и на шуті отступленія населеніе по прежнему кипѣло враждою, войско терпѣло недостатокъ въ продовольствіи, начинались эпидеміи, а сборища Хмельницкаго все росли, расположившись на степномъ привольи по рѣкѣ Узину и до Гокитны, опираясь на близь лежащую сильную по тому времени крѣость, Бѣлую Церкви. Потоцкій видѣлъ невыгоды своего положенія, ко-

¹) Michał. Ks., стр. 632.

торое, затянувшись до глубокой осени, грозило сдѣлаться безвыходнымъ, и потому не поддавался совѣтамъ крайнихъ ненавистниковъ козачества, которые притомъ-же потеряли своего могущественнаго вождя, Еремію Вишневецкаго, незадолго умершаго во время этого похода. Рѣшено было вступить въ переговоры, къ Хмельницкому поѣхалъ сначала Маковскій. Прочтя польскія предложенія, гетманъ хотѣлъ отправить ни съ чѣмъ послѣ, вообще онъ отнесся вовсе не съ той покорностью, какой отъ него ожидали. Въ концѣ концовъ, польские вожди, по возвращеніи Маковскаго, согласились послать въ Бѣлую Церковь комиссаровъ, съ кіевскимъ воеводою¹⁾ во главѣ, такъ какъ Хмельницкій на отрѣзъ отказалсяѣхать въ ихъ лагерь. Другіе комиссары были: смоленскій воевода Глѣбовичъ, литовскій стольникъ Гонсѣвскій и брацлавскій подсудокъ Косаковскій. При проѣздѣ черезъ толпившійся около крѣпости козацкій обозъ, чернь, не смотря на присутствіе сильнаго конвоя изъ козаковъ, осыпала комиссаровъ ругательствами и угрозами. Попробовалъ было Кисель уговаривать кричавшихъ, надѣясь, что они окажутъ уваженіе къ его сѣднамъ, и ссылаясь на свое русское происхожденіе: «мы не ляхи, говорилъ онъ имъ, мои кости такія-же русскія, какъ и ваши», но здѣсь-то и пришлось ему выслушать горькій упрекъ: «кости твои точно русскія, да только слишкомъ обросли онѣ польскимъ мясомъ!»

Хмельницкій и старшины приняли комиссаровъ радушно и соглашались на большую часть предложенныхъ условій мира, такъ что переговоры заняли времени очень немного. Совсѣмъ иное дѣло было съ чернью, которая и слышать не хотѣла о возстановленіи помѣщичьей власти и барщинѣ. Когда стали читать договоръ и замѣчены были относящіяся къ этому предмету статьи, поднялся настоящій бунтъ не только противъ комиссаровъ, но и противъ самого гетмана и всей старшины. Всѣ должны были укрыться въ замокъ, къ которому стала приступать чернь, кидая каменьями и стрѣляя въ окна. Одна стрѣла едва не попала въ голову Киселю. Оставилъ пановъ внутри замка, Хмельницкій со старшинами кинулся успмирять мятежниковъ въ рукопашную, а Выговскій старался вра-

¹⁾ Кестоніаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 423.—Снова, какъ о ради 1637 года, напрасно сказано, будто Кисель «вызвался» въ комиссары: источники обѣ этомъ умалчиваютъ, и это было бы совсѣмъ не въ порядкѣ вещей.

зумить ихъ, указывая на неприкословенность пословъ у всѣхъ народовъ и на то, что между комиссарами ляховъ нѣть, — двое изъ нихъ русины, а двое изъ литовскаго войска. «Правда, говорили иные, Кисель русскій, а то литовцы, обидѣ они намъ никогда не дѣзали. Знали ляхи, кого послать. Вотъ если-бы настоящіе ляхи пришли, тѣ-бы уже не вышли отсюда!» Пробывъ еще сутки въ замкѣ, комиссары едва могли выбраться изъ толпы, подъ прикрытиемъ козацкой старшины; ей проходилось прибѣгать къ оружію, и даже самъ гетманъ убилъ булавою иѣсколькоихъ изъ нападавшихъ. Но лишь только прикрытие оставило ихъ среди открытой степи, полагая достаточнымъ раздѣлявшее ихъ отъ скопища черни разстояніе, какъ вновь настигла ихъ толпа хлоцовъ и татарь, высадила ихъ изъ экипажей, обобразла всѣ бывшія при нихъ венци, драгоцѣнности, обрызала даже дорогую обивку панскихъ рydвановъ. Кисель съ Косаковскимъ оцѣнивали свои потери въ тридцать, а Глѣбовичъ съ Гонсѣвскимъ въ сто тысячъ златыхъ. Напрасны оказались и здѣсь увѣщанія Киселя, продолжавшаго доказывать грабителямъ, что они ему братья, находившіеся между ними татары возражали ломаннымъ нарѣчіемъ, что не уменьшало ироніи: «ляшка братка, а лоша не братка, и сукманка не братка». Этимъ еще не окончились труды и непрѣятности комиссаровъ вообще и въ томъ числѣ Киселя.

Ограбленные, они встрѣтили все войско, подвигавшееся отъ Германовки къ Бѣлой Церкви. Всѣдѣ за ними прибыли послы отъ козаковъ, заявляя о согласіи ихъ на договоренные статьи и приглашая комиссаровъ къ своему лагерю для взаимной присяги. Въ пріемѣ этихъ пословъ польскими гетманами сказалось, между прочимъ, и то различіе воззрѣній, какое обнаруживалось въ другихъ случаяхъ между Киселемъ и его товарищами по сенату. Итоцкій относился къ козакамъ сдержанно и вѣжливо; онъ болѣе руководствовался требованіями политическихъ обстоятельствъ, чѣмъ порывами личнаго чувства. Такъ и въ началѣ этихъ переговоровъ онъ долженъ былъ убѣждать непримиримыхъ враговъ козачества, требовавшихъ битвы и окончательнаго его пораженія. «Русь, говорилъ онъ имъ, тогда только можетъ быть побѣждена совершенно, когда погибнетъ, когда весь край обездѣбѣтъ и граница королевства станетъ открытою для первыхъ». Иначе отнесился къ нимъ Калниовскій, отражавшій

взгляды Вишневецкаго, Конецпольскаго и проч. Когда Потоцкій предложилъ казацкимъ посламъ садиться, чтобы слушать ихъ посольство въ собраніи начальствующихъ лицъ, Калиновскій рѣзко замѣтилъ, что не здѣсь сидѣть они достойны, а на тѣхъ кольяхъ, какіе онъ для нихъ приготовилъ¹⁾.

Враждебные лагеря сблизились, а на другой день комиссары расположились на урочищѣ Острой Могилѣ, въ богатомъ шатре, ожидая Выговскаго и полковниковъ для присяги. Но вместо того явился черкасскій полковой судья Одынецъ съ одинадцатью товарищами, въ качествѣ представителей большинства войска; требуя отмѣны договоренныхъ пунктовъ о правѣ коронныхъ войскъ располагаться на стоянку въ козацкой территории, о сокращеніи числа реестровыхъ на половину, до двадцати тысячъ, они начали настойчивѣцъ прямо требовать постановленія договора согласно зборовскимъ статьямъ. На возраженіе Киселя, что все уже договорено съ гетманомъ и окончено въ Бѣлой Церкви, они отозвались незнаніемъ, такъ какъ съ гетманомъ разминулись, будучи отъ войска, а оно ихъ послало съ такими именно требованіями. Кисель сталъ упрекать ихъ желаніемъ подчиниться турецкому султану, который ихъ обманываетъ, обѣщаетъ многое, а потомъ станетъ силою обращать въ мусульманство. Но напрасно онъ пытался подѣйствовать на ихъ религіозное чувство, они же ссылались на порученіе войска. «Мы уѣзжаемъ, сказалъ тогда Кисель, и призываемъ Бога во свидѣтели, что хотѣли поступить съ вами искренно, а вы платите намъ ловарствомъ».

Переговоры были прерваны, заложники обоюдно возвращены. Нынѣ головы съ обѣихъ сторонъ требовали сраженія. Но Потоцкій и Хмельницкій, оба люди опытные, одинаково видѣли сомнительность исхода, не решались поэтому ставить всего на одну карту и оба одинаково притворились невѣдающими, что дѣлается; они выжидали, одинаково разсчитывая воспользоваться успѣхомъ, если-бы онъ оказался на ихъ сторонѣ, или-же вмѣшаться во время, чтобы своимъ влияніемъ и властью отвратить возможное пораженіе. 23 (13) сентября, подзадоренный вызовами татаръ, Радзивиль напалъ на козацкое войско; но хотя онъ одержалъ верхъ, ему не

¹⁾ «Кіевская Старина», 1882 г., декабрь, Дневникъ Освюцина, стр. 548.

оказали поддержки. На утро Хмельницкій прислалъ остававшагося въ Бѣлой Церкви полка Райтаровскаго, письменно извиняясь въ недоразумѣніи, проишедшемъ безъ его вѣдома и противъ его воли; онъ просилъ скорѣе выслать пословъ для окончанія договора. Отвѣтилъ ему, по приказанію великаго гетмана, Кисель. «Очевидно, писалъ онъ, что вы думаете искусно и хитро окружить насъ и довести до невыгоднаго положенія. Что это за презрѣнныя хлопы авлялись къ намъ вмѣсто заслуженныхъ козаковъ и требовали зборовскаго договора, о которомъ въ Бѣлой Церкви и помину не было? Впрочемъ, если искренно желаете мира, высылайте пословъ, для этого нужно не болѣе двухъ часовъ времени». Къ полуночи, вмѣсто пословъ, польскій лагерь окружило все козацкое войско съ небольшимъ вспомогательнымъ отрядомъ татаръ, возобновилась битва же сточе вчералий, а вечеромъ козацкій гетманъ прислалъ вновь извиненія. Такая-же кровавая комедія продолжалась и на слѣдующій день, опять безъ рѣшительного исхода.

Это обстоятельство должно было подействовать примирительно на самихъ задорныхъ, особенно въ связи съ трехдневнымъ осеннимъ дождемъ, съ усиленіемъ въ обоихъ лагеряхъ эпидемической смертности и съ неблагопріятными для обѣихъ сторонъ извѣстіями: къ козакамъ замедлила орда, а литовцы узнали, что оставшаяся въ Любечѣ часть ихъ войска осаждена козаками. Между панами иные продолжали требовать рѣшительного сраженія. Убѣждать ихъ пришлось Киселю. «Если подъ Берестечкомъ, въ чужой землѣ,—толковалъ онъ имъ,—въ дурномъ мѣстоположеніи, оставленные гетманомъ и татарами, окруженные въ троє многочисленнѣйшимъ войскомъ, козаки все-таки не только не сдались, а ушли на нашихъ глазахъ и разрушили наши планы, то возможно ли безъ труда покорить этотъ пародъ въ его собственной землѣ? Удовольствуемся и тѣмъ, что можемъ хоть на время забечить раны отечества и прискать средства, чтобы укротить послѣдство и пріучить его къ повиновенію». Теперь подобныя рѣчи находили доступъ и къ тѣмъ, кто такъ недавно еще отказывался ихъ слушать. Притомъ-же самъ Кисель указывалъ на непрочность заключаемаго теперь мира, на его временный характеръ и неизбѣжность будущаго его нарушенія. Но едва-ли мы ошибаемся, полагая, что Кисель видѣть опасность нарушенія вовсе не въ томъ, что бѣлоцерковскими статьями оста-

нутся недовольны поляки, для которыхъ они представляли большой выигрышъ противъ зборовскихъ. За то ясно было ему, что такимъ миромъ не удовлетворится Украина, у которой онъ отнималъ большую часть завоеванного съ невѣроятнымъ напряженiemъ силъ, а по иѣкоторымъ пунктамъ, именно по вопросу объ уничтоженіи унії, новый договоръ давалъ Руси даже менѣе того, чго требовать считать себя вправѣ и самъ Кисель. Непрочность мира обнаружилась вскорѣ: не могъ утвердить его сеймъ, «сорванный» единимъ голосомъ подирѣвленного упитского депутата Сидинскаго, а ровно черезъ полгода по его заключеніи (27 сентября новаго стиля) разразилась батогская катастрофа, и голова Кашиновскаго, грозившаго сажать на колъ козацкихъ пословъ, была взоткнута на козацкую пику...

Участіе въ заключеніи бл҃оцерковскаго договора было послѣднимъ актомъ служебной дѣятельности Адама Григорьевича, о которомъ мы имѣемъ болѣе или менѣе подробныя извѣстія. Затѣмъ, нѣтъ даже прямыхъ указацій, гдѣ провелъ онъ остальное время своей жизни. Судя по тому, что на основаніи договора коронныя войска остались зимовать въ Украинѣ, можно полагать, что и онъ провелъ зиму 1651—1652 г. въ своемъ воеводскомъ городѣ, Кіевѣ. Подтвержденіемъ этому можетъ служить и упоминаніе кіевскаго воеводы въ составѣ и даже во главѣ особой комиссіи для раскрытия виновныхъ въ возникавшихъ тогда по разнымъ мѣстамъ волненіяхъ и смутахъ противъ польского войска и для суда надъ ними¹⁾). Отсюда-же, т. е. изъ Кієва, написано новидимому и послѣднєе изъ извѣстныхъ намъ письмо воеводы къ королю, 23 января 1652 г., безъ означенія мѣста. Письмо это, сколько памъ извѣстно, не обращало на себя вниманія исследователей; и точно, оно заключаетъ мало новыхъ фактическихъ указацій. Но для цѣли настоящей статьи оно представляетъ высокій интересъ, свидѣтельствуя, что теперь Кисель, оправившись въ своей тяжелой борбѣ съ преобладающими шовинистами на короля и его немногочисленныхъ сторонниковъ, разочаровался окончательно и въ самомъ королѣ. Иль-Казимиръ къ этому времени изъ беспристрастнаго представителя верховной власти, какимъ онъ если и не былъ, то притворялся

¹⁾ Богданъ Хмельницкій, т. III, стр. 13, 14.

доселъ, сталъ открытымъ сторонникомъ фанатического большинства, ультра-шляхетскаго и ультра-католическаго. И вотъ мы видимъ, что человѣкъ, котораго современники обоихъ борющихся лагерей постоянно обвиняли въ интриганствѣ, въ двоедушіи, не колеблясь высказываетъ монарху свой искренній взглядъ на печальное будущее отечества. Лично у него нѣтъ никакихъ побужденій къ подобной откровенности, онъ говорить только по обязанности; мало того: онъ не имѣть никакой надежды, что голосъ его будетъ услышанъ и принять во вниманіе. Это отражается въ самомъ тонѣ письма: имѣсто горячихъ представленій, какими наполнены всѣ его прежнія письма, имѣсто серьезной аргументаціи, здѣсь все проникнуто однай горечью, а изъ-за почтительной вышней формы сквозить не очень даже тщательно скрываемый сарказмъ.. Вотъ возможно точный переводъ этого письма цѣлкомъ:

«Всепресвѣтлайший милостивый король! Хотя и всегда подозрительною была моя вѣроность Рѣчи Посполитой и не гражданиномъ, а предателемъ отечества меня зовутъ, но что-же съ этимъ подѣлать, если уже такъ повелѣваетъ человѣческий разумъ? Иному и быть не слѣдуетъ! Претерпѣть тягчайшее, то и есть признакъ спасеннаго: считай себя грѣшнымъ, когда тебя казонизуютъ. Но все-же, будучи какимъ-то плохимъ сенаторомъ и поданнымъ вашей королевской милости, я не въ состояніи умолчать о томъ, о чёмъ говорить требуетъ и совѣсть, и голосъ оскорблennой природы. Ваша королевская милость соизволила дать Хмельницкому письменный выговоръ; но это въ немъ ничего хорошаго, а только еще болѣе злого возбудило. Сейчасъ-же прислать ко мнѣ за совѣтомъ, какъ ему поступить въ этомъ случаѣ. Не мало иревель я времени къ размышленіяхъ, пока собрался отвѣтить; но могъ посовѣтовать ему только то, чтобы онъ судилъ хладнокровно, не возставалъ болѣе противъ Бога и государя, не приводилъ къ окончательному опустошенію Украину и не преступалъ бы своей присяги. Не знаю, оставется-ли онъ доволенъ такимъ совѣтомъ. Вижу только, что это невкусное для него посланіе вашей королевской милости возбудило въ немъ новые порывы, пылкіе замыслы и вызвало быструю перемѣну стремленій. Вѣроятно, обидится онъ и на меня за такое доброжелательство, станетъ излѣваться надъ моими совѣтами передъ всѣмъ козачествомъ, склоняя

его къ своимъ новымъ намѣреніямъ. И какъ понять я изъ письма его, кошю котораго, не утаивая предъ вашей королевской милостью, при семъ прилагаю, позаботится онъ о татарахъ: не по желанію вашей королевской милости, а по собственному замышлению, привлечетъ и приведеть ихъ на дальнѣйшую пагубу отечества. Свидѣтельствуютъ о томъ многочисленныя писанія самаго хана и султана нурадина, который имѣть на готовѣ шестьдесятъ тысячъ войска. Лишь-бы только далъ знать Хмельницкій, они навѣрное послѣшатъ къ нему; я не увѣренъ даже, не кочуютъ-ли уже они гдѣ нибудь вблизи. Поэтому-то распространяются между послольствомъ толки, будто нынѣшній сеймъ не принесетъ никакой пользы, а только замѣшательство въ государстѣ и злонамѣренное потрясеніе Рѣчи Посполитой со стороны ропищущихъ и возбужденныхъ противъ вашей королевской милости людей. Вѣрно-ли это, или нѣть, о семъ неизвѣстно мнѣ; но выдаютъ за вѣрное, да и самъ Хмельницкій преисполненъ увѣренности.

«Тому однако я удивляюсь, что войска вашей королевской милости гдѣ-то опочили и не подаютъ о себѣ слуха. Поступаютъ-ли они такъ ради козаковъ бунтовъ, или-же не намѣрены помочь ни той, ни другой сторонѣ,—пусть разрѣшаетъ загадку Эдипъ. Вѣриѣ ожидать, что все это столкновеніе взвалится на козаковъ, сеймъ-же пребудетъ сеймомъ, государь государемъ, и Рѣчъ Посполитая останется Рѣчью Посполитой.

«Козаки-же новая находить для себя примѣты и предзнаменованія въ благополучномъ перворожденіи потомка вашей королевской милости, предсказывая, что будетъ онъ въ мірѣ вторымъ Александромъ; толкуютъ, что попесеть иго рабства его не только козачество, но и многіе народы. И дай Богъ такимъ предсказаніямъ счастливой удачи, чтобы сбылись они даже до самой Африки! Хмельницкій и пословъ своихъ намѣревался послать къ вашей королевской милости по этому случаю, но кажется передумалъ, въ силу того писанія (т. е. королевскаго выговора).

«И я, калѣка, радъ-бы хотъ на постыляхъ отправиться и увидѣть вашу королевскую милость въ добромъ здравіи. Но не знаю, удастся-ли мнѣ это. Должно быть, мнѣ уже остается только взвывать по святымъ церквямъ имя Господне, молясь о нуждахъ государства. Не имѣя на сей разъ донести ничего болѣе и не же-

лай отягчать себя грѣхомъ упоминанія о частныхъ дѣлахъ, настоящій листокъ мой (kartelusz) и себя самаго повергаю къ стопамъ вашей королевской милости, государя моего всемилостивѣйшаго»¹⁾.

Послѣдній годъ своей жизни ировель Адамъ Григорьевичъ вдали отъ всякихъ общественныхъ дѣлъ, какъ вслѣдствіе совершил-наго отчужденія отъ него покровительствовавшаго ему ранѣе короля, такъ и вслѣдствіе тяжкой болѣзни, которою страдалъ онъ уже давно. Мы упоминали обѣ этомъ, рассказывая о его посольской поѣздкѣ въ Переяславъ въ началѣ 1649 г.; два года спустя, въ одномъ изъ писемъ къ Радзѣловскому, онъ извиняется, что не пишетъ собственноручно, по причинѣ хирографической опухоли руки. Умеръ онъ въ 1653 году, по словамъ Нѣсецкаго, малороссийскихъ хронистовъ XVIII вѣка и надписи на портретѣ, изданномъ при «Кievskой Старинѣ»²⁾). Но ни одинъ изъ этихъ источниковъ не указываетъ ни мѣста его кончины, ни точной даты; только изъ упоминаній преемника его, Станислава Потоцкаго, съ титуломъ киевского воеводы уже въ концѣ февраля 1653 г., видно, что смерть Киселя должна была постигнуть въ самомъ началь этого года. Такъ велико, какъ видимъ, было забвеніе современниковъ, постигшее его еще при жизни, что даже въ недалекое время спустя панегиристъ Потоцкій приписывалъ ему участіе въ событияхъ 1654 и 1656 годовъ. Составленное имъ фразистое Elogium цитируется Нѣсецкимъ; но оно не представляетъ никакого серьезнаго интереса по содержанию, а потому мы и не приводимъ его здѣсь.

Изъ посмертныхъ распоряженій Адама Григорьевича памъ извѣстно пока только одно, которымъ онъ предоставилъ киевскому братскому монастырю съ его коллегіей иѣкоторыи свои имѣнія, лежащія по состоянію, именно Позняки за Дѣпромъ (на лугу близъ полотна желѣзной дороги), а по сю сторону упоминавшіяся уже выше Новоселки, тогда жѣстечко, съ принадлежавшими къ нему деревнями: Богушовка, Зонки и Зобковицна. Дарь этотъ, по стечению судебъ, подтвердила монастырь въ 1670 году сынъ самаго неизвѣримаго волатическаго противника Киселя,—польскій

¹⁾ Michałowskiego Księga pamiętnicza, № 245.

²⁾ Kor. Polska, т. II, стр. 520; Лѣтопись Сатовиды, изд. 1878 года, стр. 237; «Кievская Старина», 1875 г., августъ, стр. 749.

король Михаилъ Іеремієвичъ Вишневецкій¹⁾). Слѣдуетъ замѣтить, что Кисель состоять въ числѣ попечителей коллегіи, которымъ отдалъ ее «in patrocinium» митрополитъ Петръ Mogila завѣщаніемъ своимъ 22 декабря 1646 г.; тѣмъ-же завѣщаніемъ онъ назначилъ Киселя однимъ изъ своихъ душеприказчиковъ, а должностя ему Киселемъ 55,000 золотыхъ отказалъ той-же коллегіи²⁾).

Память о Киселѣ сохранилась до сихъ поръ въ Кіевѣ, въ наименованіи «Киселевкою» бывшей замковой горы, между Подоломъ, Андреевскимъ спускомъ, Воздвиженской улицей и урочищемъ Гончарами; почти вся она вошла въ ограду флоровскаго дѣвичьяго монастыря, и на цей теперъ расположено монастырское кладбище, съ хорошо знакомою всѣмъ кіевлянамъ живописною церковью, на мѣстѣ прежняго замка. Имя Киселя связалось съ этой горою потому, вѣроятно, что онъ едва-ли не единственный воевода цольской эпохи, проживавшій здѣсь дважды довольно подолгу, именно зимы 1649, весь 1650, и снова зиму 1651—1652 годовъ. Послѣ него ни одинъ воевода здѣсь уже не жилъ, а очень скоро погибъ и самъ замокъ.

Намъ оставалось-бы теперъ свести воедино отдѣльныя черты, характеризующія личность Адама Григорьевича Киселя, намѣченныя норозинъ въ предыдущемъ изложеніи, и, на основаніи послѣдняго, попытаться восстановить цѣльный его обликъ, съ какимъ онъ представляется намъ, въ смыслѣ дѣятеля общественнаго. Но мы не можемъ этого сдѣлать безъ пѣкотораго отклоненія въ сторону, безъ пѣкотораго отѣнка цолемики, имѣя въ этомъ отношеніи такое установившееся о Киселѣ міфѣніе, которое несогласно съ сдѣланными нами о немъ изслѣдованіями. Правда, въ исторіографіи южно-русской Киселю не было посвящено нарочитаго изслѣдованія, а потому и взгляды на него не высказывались съ достаточной заключенностью и определенностью; но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, гдѣ дѣятельность Киселя можетъ быть истолкована и оценена

¹⁾ Памятники, т. II, отд. 1, стр. 242; Богушовка теперъ предстаѣстъ мѣстечка Ясногородки, Новоселки село, а Звонкова деревня въ той-же кіевской уѣздѣ, южнѣ; Зебковщина теперъ нѣтъ.

²⁾ Там же, стр. 154—180.

двоюко, прорывается у историковъ недостатокъ полнаго безпри-
страсія, и притомъ не въ пользу Киселя. Подобный взглядъ на
Киселя въ нашей читающей публикѣ сложился особенно подъ
влияніемъ изслѣдованій Костомарова, въ трудахъ котораго о Богданѣ
Хмельницкомъ на личность и характеръ дѣятельности Киселя
набрасывается тѣнь нерѣдко одной какой нибудь фразой, иногда
однимъ только словомъ. Говоря о козацкой радѣ 1637 года въ
Корсунѣ, историкъ пишетъ: «послѣ этой рады Кисель писалъ
коронному гетману, что для того, чтобы держать козаковъ въ по-
слушаніи, лучшее средство—имѣть въ козацкомъ войскѣ шпіоновъ,
и зная все, что у нихъ дѣлается, подкупать при надобности стар-
шинъ, но постоянно ссорить ихъ между собою, чтобы не допустить
между козаками единства и согласія». А нѣсколько ниже, въ опи-
саніи кумейской битвы, читаемъ: «Кисель, русскій по происхожде-
нію, православный по вѣрѣ, не могъ удержаться отъ слезъ и воз-
дышиавій, увида своихъ единовѣрцевъ и земляковъ. Славные люди,
говорилъ онъ, какъ смѣло, какъ бодро идутъ они на смерть! Зачѣмъ
идутъ они на своего государя короля и Рѣчь Посполитую, а не на враговъ Христова креста?» Въ другомъ мѣстѣ находимъ, что
тотъ-же Кисель этихъ-же козаковъ, «выступивъ посредникомъ
между ними и правительствомъ», «водилъ обѣщаніями, назначалъ
имъ сроки для уплаты жалованья, а когда эти сроки проходили,
назначалъ другіе» и т. д. Или еще: «старшинъ у козаковъ былъ
Томиленко, патріотъ, прямодушный простакъ, управляемый лу-
кавымъ писаремъ своимъ Онушкевичемъ, угодникомъ Киселя»^{1).}
Отзывы о Киселѣ не только неблагодріатные, но даже противу-
рѣчивые. А такихъ мѣстъ въ названномъ трудахъ нашего историка,
въ первомъ и второмъ томѣ, найдется нѣсколько десятковъ. Объ-
ясняется это, положимъ, нѣкоторымъ субъективизмомъ автора и
разнохарактерностію самихъ матеріаловъ для изученія той эпохи:
гдѣ историкъ пользовался источникомъпольскимъ, пристрастно на-
падающимъ па Киселя, онъ склоненъ взять послѣдняго подъ свою
защиту, и потому изображаетъ его въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ;
гдѣ-же за основаніе принять источникъ русскій, содержащій жалобы
на Киселя, напримѣръ, за нарушеніе данныхъ имъ обѣщаній или

¹⁾ Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 124, 125, 131, 144.

заключенного имъ договора, хотя это нарушение дѣжалось вовсе не имъ самимъ и вопреки его волѣ, людьми противной ему партии, но такими-же представителями Рѣчи Посполитой,—историкъ слѣдуетъ такому источнику слишкомъ усердно, самъ проникаясь его предубѣжденіями. Но есть другая причина противорѣчивыхъ взгля-довъ на Киселя и неправильной оцѣнки его дѣятельности; она лежитъ глубже, и читателю гораздо труднѣе ее замѣтить, чѣмъ субъективизмъ просто личный. Это, если можно такъ выразиться, субъективизмъ эпохи. Судя о прошломъ, намъ до высшей степени трудно проникнуться духомъ рассматриваемой эпохи, чтобы оцѣнить людей и факты съ такой точки зрења, съ какой должны были бы разматривать ихъ *безпристрастные*, но *современные* имъ люди. Мы всегда готовы переносить туда взгляды и требование *нашего* времени: приемъ безспорно необходимый для правильного освѣщенія *событий*, въ отношеніи ихъ *причинного* вліянія на по-слѣдующій ходъ исторіи, но онъ оказывается неправильнымъ и негоднымъ въ примѣненіи къ *нравственной* оцѣнкѣ историческихъ личностей.

Примѣнимъ къ конкретному примеру Адама Григорьевича Киселя только что высказанныя общія положенія.

Въ эпоху великой борьбы, въ которую пришлось Киселю жить и дѣйствовать, между борющимися сторонами было исконько пунктовъ разногласій; но ни та, ни другая сторона не имѣли такихъ представителей, которые совмѣщали-бы въ себѣ всѣ принципы своего лагеря, ясно ихъ сознавая. Программы ихъ, какъ опѣ намъ представляются ретроспективно, на самомъ дѣлѣ никѣмъ тогда не были изложены и проводимы во всей полнотѣ и послѣдовательности; намѣчены они были всѣмъ историческимъ проплывомъ Польши и западной Руси, и осуществлялись *массами польско-католической шляхты* съ одной и *русско-православного хлопства* съ другой стороны.

Взаимная ихъ борьба обнаружила три пункта разногласія, и они были для всѣхъ ясны. Искими представителями первой стороны являются люди, въ родѣ Іереміи Вишневецкаго, признававшаго въ тогдашней Рѣчи Посполитой только одну народность—польскую, одно исповѣданіе—католическое, одно правоспособное сословіе шляхетское; столь-же рѣзко выражаются тенденціи прямо противопо-ложныя въ Данилѣ Нечайѣ, а еще болѣе, немножко спустя, въ Нуш-

каръ Мартынъ. Мы говорили уже о томъ, что Кисель по отношенію къ этимъ пунктамъ двоился, что народность и вѣра влекли его въ одинъ лагерь, а воззрѣнія соціальныя въ другой. Онъ не былъ такимъ закоснѣлымъ приверженцемъ шляхетской замкнутости, какъ Вишневецкій, онъ готовъ былъ допустить предоставление полноправности козакамъ, хотя бы даже въ очень большомъ числѣ, но все-же только въ смыслѣ сословія. Онъ и раньше отличалъ ихъ отъ поспольства, признавалъ необходимость иного къ нимъ отношенія, чѣмъ къ крестьянской массѣ. Но для Киселя немыслима была пушкаревская безсословность, въ этомъ отношеніи онъ не былъ впереди своихъ согражданъ шляхетскаго происхожденія.

За то была у Киселя, и притомъ съ характеромъ преобладанія, чрезвычайно важная политически и вполнѣ ясно имъ сознаваемая идея, та самая, которую Костомаровъ видитъ у Хмельницкаго, идея *государственности*. Для Киселя, сколько мы успѣли уяснить себѣ мотивы и побужденія его дѣйствій въ каждомъ одѣльномъ случаѣ, она всегда стояла на первомъ планѣ; девизомъ всей его общественной дѣятельности слѣдуетъ признать «*salus Reipublicae—suprema lex*», и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ цѣлою головою выше не только Пушкаря, но и Вишневецкаго со всему рукоплескавшему ему шляхтою.

И если только мы взглянемъ на Киселя съ этой именно точки зреянія, намъ сразу станутъ понятны и разрѣшатся всѣ кажущіяся противорѣчія въ его поступкахъ; напротивъ, въ нихъ обнаруживается замѣчательная выдержка и послѣдовательность, не допускающія даже и мысли о двуличіи и притворствѣ.

Начнемъ съ вопроса соціального, раздѣлявшаго Киселя отъ его земляковъ и единовѣрцевъ, т. е. отъ тѣхъ изъ нихъ, кто не принадлежалъ къ шляхтѣ. Мы знаемъ, что онъ никогда не кричалъ душою въ этомъ отношеніи, никогда не давалъ козакамъ, въ переговорахъ съ ними, неисполнимыхъ обѣщаній. Напротивъ, онъ высказывался предъ ними откровенно и прямодушно. «Нусть воюютъ козаки, убѣждали онъ Хмельницкаго, а хлопы пусть пашутъ». Онъ соглашался на увеличеніе числа козаковъ, не стоялъ за ту или иную цифру, но требовалъ, чтобы цифра эта была опредѣленная, чтобы козачество не обращалось въ чѣмъ растяжимое и не могло въ себя крестьянской массы. Во всѣхъ своихъ перего-

верахъ и договорахъ онъ твердо и послѣдовательно настаивалъ, чтобы все поспольство, которое не войдетъ въ реестръ, было обращено къ послушанію своимъ господамъ. Но если такая послѣдовательность со стороны Киселя не представляетъ ничего неожиданного для тѣхъ, кто составилъ себѣ о немъ нѣвыгодное понятіе, то этого нельзя уже сказать о его отношеніяхъ собственно къ козачеству. Судя по постояннымъ обвиненіямъ его современниками, можно-бы думать, что политика его по этому вопросу представляла рядъ неустанныхъ колебаній; язвительныя замѣчанія и намеки современныхъ намъ историковъ наводятъ на мысль, что онъ двоедушничалъ, старался усугубить нашимъ и вашимъ въ одно и то-же время. А на повѣрку выходитъ иное. Если взять хронологическій рядъ фактовъ, независимо отъ придаваемаго имъ тѣмъ или мнѣмъ источникомъ освѣщенія, то увидимъ, что и здѣсь взгляды Киселя оставались все время одни и тѣ-же; вся разница только въ объемѣ ихъ примѣненія въ разныя времена, согласно требованіямъ измѣняющихся обстоятельствъ; другое различіе сводится къ формѣ выраженія, но невозможно-же убѣждать одну изъ враждующихъ сторонъ тѣми-же самыми словами, какія приходится обращать къ другой. А сущность оказывается одинаковой.

Козачество не могло служить Киселю идеаломъ; чутъ только оно принимало антишляхетскій наступательный характеръ, оно становилось ему несочувственнымъ, даже враждебнымъ. Но онъ не допускалъ при этомъ мысли о попыткахъ уничтожить козачество совершенно, видя ихъ безплодность и пагубныя послѣдствія, а главнымъ образомъ потому, что признавалъ существование козачества необходимымъ въ интересахъ самой Рѣчи Посполитой. *Ratio status* и здѣсь брала у него верхъ надъ другими соображеніями. По настоящему, можно даже удивляться, зная духъ и обстоятельства времени, той прямотѣ и откровенности, съ какими онъ излагаетъ свои соображенія обѣимъ сторонамъ, не въ одинаковой только формѣ. Находясь въ польскомъ лагерѣ подъ Кумейками, онъ не старается скрыть предъ окружающими охватившей его искренней скорби при видѣ идущихъ на гибель козаковъ; воздавая должную дань ихъ воинской доблести, онъ сожалѣть только о ея ненадлежащемъ направленіи. Что-бы обратить ее на услуги государству, Кисель беретъ на себя исходатайствовать цомилованіе вождю бун-

товщиковъ, Навлюку, и всю жизнь впослѣдствіи упрекаетъ тѣхъ, кто нарушилъ данное имъ слово. Десять лѣтъ спустя онъ предостерегаетъ короля Владислава противъ опасностей, какими грозятъ утѣшнія и несправедливости въ отложеніи козаковъ. Когда опасность разразилась, онъ спѣшить убѣждать своихъ сотоварѣцъ по сенату, въ лицѣ премиаса, что козачество это *malum necessarium*, а въ то-же время, для облегченія возможности достигнуть мирнаго исхода распри, рѣшается вступить въ непосредственный сношеніи съ козаками, единственный разъ по собственному почину, но это случилось во время безкоролевья. И теперь, и позже, обѣимъ сторонамъ онъ приводить одни и тѣ-же доказательства въ пользу мира, основанныя на соображеніяхъ государственныхъ. Канцлеру писать онъ (февраль 1651), что побѣда надъ козаками возможна только при чрезвычайномъ напряженіи противной стороны, что она до крайности ослабить силы государства вообще и даже въ случаѣ полнѣйшаго успѣха очистить только дорогу невѣрнымъ; это почти буквально то-же самое, что говорилъ Кисель раньше (февраль 1649) Хмельницкому, поставляя ему на видъ, что какъ Польша и Литва не въ силахъ противостоять невѣрнымъ безъ помощи Запорожья, такъ не удержится противъ нихъ и козачество безъ опоры въ польскомъ войскѣ. Трудно, кажется, быть послѣдовательнѣе и выражаться болѣе определѣнно.

Переходимъ къ вопросу вѣроисповѣдному. Никто и никогда не заподозривалъ искренности убѣжденій Киселя въ этомъ пункте. Съ самой смерти Сигизмунда III онъ неизмѣнно выступаетъ защитникомъ православія на сеймахъ, а получивъ доступъ въ сенатъ, начинаетъ считать себя естественнымъ представителемъ и защитникомъ его интересовъ въ сенатѣ. Побужденій личныхъ здѣсь, конечно, быть не могло, напротивъ, отстаиваніе интересовъ слабѣйшей и даже преслѣдуемой стороны влекло за собою одинъ только невыгоды. Позже Кисель, котораго подчасъ выставляютъ человѣкомъ черезчуръ алчнымъ къ благамъ міра сего, основываетъ на свой счетъ монастыри въ Гущѣ, въ Максаковѣ, даритъ имѣнія кіевскому братству. Къ нему относилисѧ съ полнымъ довѣріемъ такой опытный человѣкъ, какъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила. Словомъ, приверженность его православію вѣдь всякаго сомнѣнія. Но когда пришлое наставлять на необходимости уничтоженія унії, Кисель прямо вы-

сказываетъ въ письмѣ къ королю (октябрь 1650 г.), что онъ вовсе не фанатикъ, что оба обряда въ его глазахъ разны, ибо сущность у нихъ одна и та-же¹⁾), но уничтожить унію необходимо, опять таки по соображеніямъ государственнымъ. И замечательно, что Кисель, не стыдясь, высказывая подобный взглядъ Хмельницкому, убѣждая его, что испогодный вопросъ имѣть въ сущности только подчиненное значеніе: «не будетъ ничего, писалъ онъ ему въ февраль 1651 г., и изъ русской вѣры, колъ скоро не станетъ наскъ самихъ, представителей Руси»²⁾). Кисель, какъ видимъ, ставилъ человѣка выше субботы...

Въ приведенныхъ словахъ Киселя къ Хмельницкому, онъ со-
поставляетъ его съ собою, какъ одинаково *русскимъ* и, не стыдясь,
цитируетъ это свое выраженіе въ письмѣ къ коронному вице-кан-
леру. Вотъ въ этомъ именно пункте, въ отношеніи вопроса наці-
онального, и явится наибольше путаницы во взглядахъ на Киселя
его современниковъ, а равно и палихъ. Первые находили, что
симпатіи Киселя, защитника православія и открыто причисляющаго
себя къ Руси, должны всецѣло лежать по сторонѣ схизматического
плѣбса, въ пользу которого онъ взмѣняетъ польскому государству;
мы-же, перенося современные намъ понятія въ XVII вѣкъ, затру-
дляемся понять, какимъ образомъ православный русскій могъ очу-
титься въ минуту борьбы въ польскомъ лагерѣ, и готовы признать
его измѣнникомъ своему народному дѣлу. Но взглянувъ нѣсколько
шире и всестороннѣе, приходится только признать, что у Киселя
народность, въ смыслѣ этнографическомъ, не совпадала съ *национальностью*, въ значеніи государственномъ. Патріотически защищая
первую, сознательно обособлявшуюся въ то время только въ сферѣ
церковной, Кисель тѣмъ менѣе склоненъ былъ поступиться второю. Съ
этой послѣдней точки зрѣнія онъ былъ не только русскимъ патріотомъ,
но еще болѣе патріотомъ Рѣчи Посполитой, виѣ которой онъ не
могъ даже помыслить ни самого себя, ни своего русскаго патріо-
тизма. Разрывъ съ нею, съ желаніемъ основать особое самостоя-
тельное государство, а тѣмъ болѣе съ цѣлью подчиниться другому,
въ глазахъ Киселя былъ ничѣмъ инымъ, какъ позорнымъ актомъ

¹⁾ Michałowskiego Księga, стр. 547.

²⁾ Тамъ-же, стр. 608.

государственной измѣны. Чернь и представитель ея Пушкарь не мудрствовали, а прямо переходили подъ московскую державу, Хмельницкій рѣшился на этотъ шагъ только послѣ долгихъ колебаній, Кисель не сдѣлалъ-бы его никогда.

Чтобы лучше пояснить указанное нами различіе въ Киселѣ патріотизма народнаго отъ національного (столь часто и столь-же неосновательно смѣшиваемыхъ, замѣтимъ, и въ современной мѣстной жизни), попробуемъ показать соответственную параллель, взявъ за основаніе окружающей насъ обстоятельства. Допустимъ такое предположеніе. Намѣстникомъ Галиціи состоить мѣстный русинъ упіять, а въ подольской или волынской губерніи губернаторъ католикъ польской народности, хотя изъ русскихъ подданныхъ. Допускаемъ далѣе, что въ случаѣ войны между Россіей и Австріей, среди народа восточной Галиціи возникаетъ движение въ пользу первого государства, а среди помѣщиковъ Подолья или Волыни въ пользу второго. Всякому станетъ ясно, что предположенные нами намѣстникъ и губернаторъ могли-бы отказаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, оставаясь при этомъ вѣрными подданными *своего* правительства и работая на его пользу тѣмъ, что каждый изъ нихъ старался-бы мирными средствами успокоить и удержать ту часть мѣстнаго населенія, которая готова принять сторону непріятеля. Поступая иначе, повторствуя такому движенію и даже присоединяясь къ нему, каждый изъ нихъ становился-бы государственнымъ измѣнникомъ.

Положеніе Адама Григорьевича во время восстанія Хмельницкаго было совершенно аналогично съ только-что изображенными пами. И за то именно, что онъ не захотѣлъ стать измѣнникомъ ни своей народности, ни своему государству, заклеймили его таковымъ обѣ стороны, да продолжаютъ клеймить историки и доселѣ. Пора-же послѣднимъ понять, что для Кигеля Русь вовсе не отождествлялась и не должна была отождествляться ни съ проблематическимъ козацко-российскимъ княжескіемъ, ни съ Москвою. Въ послѣдней онъ могъ только видѣть государство единовѣрное и единоплеменное, но во всякомъ случаѣ иностранное; политически она представлялась столь-же чуждою его русско-патріотическимъ стремленіямъ, какъ чужда Вѣна для живущаго въ Украинѣ поляка,

какъ чуждъ Петербургъ для русина, положимъ изъ Тарнополя или Коломыи.

Только съ такой точки зре́нія слѣдуетъ разсматривать общественную дѣятельность Киселя, только она можетъ представить надлежащее основаніе для нравственной оценки этой дѣятельности. Изслѣдованіе фактовъ показало намъ всю шаткость взводившихся на Киселя со всѣхъ сторонъ обвиненій, такъ какъ онъ высказывалъ и проводилъ свои идеи прямо, всегда оставаясь вѣрнымъ себѣ, что не исключаетъ, однако, въ его дѣятельности тѣхъ неизбѣжныхъ противорѣчій, которые вытекали не изъ его личного характера, а изъ фальшивости самого положенія, изъ роковой коллизіи между его стремленіями русско-патріотическими и польско-государственными.

Такова нравственная сторона дѣла. Что-же касается политической, то въ этомъ отношеніи за Киселемъ слѣдуетъ признать глубокое пониманіе потребностей и интересовъ своего государства въ данную эпоху, какимъ обладали развѣ очень немногіе изъ его современниковъ. Видя веши несравненно яснѣе своихъ сородичей по сенату, Кисель имѣлъ полное право плакаться на свою проницательность, которая позволяла ему предвидѣть и заставляла заранѣе предвкушать грядущія бѣдствія отчизны¹⁾). Но его замѣчательный умъ не принесъ должной пользы, всѣ усилия его и труды не оставили практическихъ послѣдствій. Не станемъ вдаваться въ подробнѣя объясненія этого факта, а только приведемъ нѣсколько строкъ польского писателя, въ которыхъ скжато и мѣтко выраженъ общій взглядъ на этотъ предметъ, раздѣляемый и нами въ значительной степени. «Люди, говорить онъ, которые не могли сдѣлаться великими въ Польшѣ, были бы таковыми во всякомъ иномъ государствѣ. Представьте себѣ, напримѣръ, Яна Собѣскаго въ роли турецкаго султана, германскаго императора, или на мѣстѣ Людовика XIV: какимъ онъ показался бы намъ великапомъ! Каждый изъ нашихъ государственныхъ людей вездѣ былъ бы на своемъ мѣстѣ, но только не въ Польшѣ. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что въ Польшѣ неправильна была обработка самой почвы, на которой выростали ея политические дѣятели»²⁾).

¹⁾ Памятника, т. I, отд. 3, № 7.

²⁾ T. T. Z Jež, Z ciejskich dni, глава VIII, Biesiada Literacka, 1877 г., № 65, стр. 200).

Вотъ эта-то неподготовленность почвы и была причиною, что Адамъ Григорьевичъ Кисель, безспорно представлявшій всѣ задатки стать замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ, вмѣсто того осужденъ бытъ обстоятельствами на горькую участь забытаго еще при жизни политического неудачника, а на могилѣ его не растетъ до сихъ поръ никакихъ цвѣтовъ, кромѣ именевъ злословія...

Ів. Новицкій.

Европейский баптизмъ—родоначальникъ малорусской штунды.

Въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ «Кievской Старины» за минувшій и въ мартовской книжкѣ за пынѣшній годъ мы предложили по официальнымъ документамъ неизвѣстныя дотолѣ свѣдѣнія о появленіи и распространеніи штунды на югъ Россіи и въ кіевской губерніи и цѣлымъ рядомъ несомнѣнныхъ данныхъ удостовѣрили непосредственную связь царскій штунды съ нѣмецкимъ, частично прусскимъ баптизмомъ. Наше замѣчаніе о запасномъ характерѣ малорусской штунды вызвало возраженія со стороны тѣхъ изъ нашихъ публицистовъ, которымъ никакъ не хочется признать, что даже штундѣ мы выучились отъ нѣмцевъ; они продолжаютъ философствовать, что народъ-де, поступая въ своемъ развитіи, додумался самъ до штунды, когда на самомъ дѣлѣ, по евангельской притчѣ, *человѣкомъ спящимъ, прииде врагъ и всяя плевелы*. Возраженія эти настолько поверхностны и голословны, что мы не считали тогда, не считаемъ и теперь пужнымъ заниматься ихъ опроверженіемъ, ибо что можно возразить противъ фактъ, противъ писемъ самихъ насадителей у насъ штунды? Но мы обѣщали тогда-же, для правильнаго пониманія явившейся у насъ штунды и ея тождества съ баптизмомъ, ознакомить читателей съ возникновеніемъ, современнымъ положеніемъ и видозмѣненіями этой послѣдней секты на западѣ Европы и въ Новомъ Свѣтѣ и уяснить ея историческое начало и мѣсто въ ряду другихъ сектъ и учений, волновавшихъ не одну Европу, но и отдаленный древній Востокъ. Исполняемъ наше обѣщаніе теперь, и думаемъ, что даже одного этого бѣзлаго очерка достаточно будетъ для того, чтобы ориентироваться въ историческомъ и современному

представлениі о баптизмѣ и видѣть полную его отчужденность отъ насы по времени и мѣсту.

Баптистами (отъ *βαπτίζειν*—крестить) называются тѣ сектанты, которые не признаютъ действительнымъ крещенія, совершаемаго въ прочихъ христіанскихъ обществахъ, утверждая, что действительное и истинное крещеніе существуетъ только въ ихъ сектѣ. Съ нѣмецкими *анабаптистами*¹⁾ временъ реформаціи и съ *меннонитами*²⁾ баптисты не хотятъ имѣть ничего общаго и въ близкой связи съ ними не состоять, хотя нельзя не признать внутренняго ихъ сродства съ анабаптистами, особенно въ новѣйшемъ развитіи баптизма. При постоянномъ измѣненіи баптизма почти трудно представить общую его характеристику. Недопущеніе дѣтей къ крещенію, для котораго они не находятъ основанія въ св. писаніи, не заключаетъ еще въ себѣ ничего, особенно свойственного баптистамъ. Требованіе, чтобы крещеніе было совершаено не чрезъ окрошеніе, а чрезъ погруженіе, и притомъ въ проточной водѣ, не было, по крайней мѣрѣ, въ началѣ общимъ во всѣхъ отрасляхъ баптистской секты, и теперь его нѣть у нѣкоторыхъ американскихъ баптистовъ. Напротивъ, обычай перекрещивать всѣхъ поступающихъ въ баптистскую секту изъ другихъ христіанскихъ обществъ, существуетъ у всѣхъ баптистовъ, чѣмъ они отличаются отъ меннонитовъ; следовательно по церковному воззрѣнію ихъ можно считать действительными анабаптистами, хотя подобно анабаптистамъ временъ реформаціи они не хотятъ усвоить себѣ это позваніе, считая перекрещенными всѣхъ крещенныхъ не по ихъ обряду. Впрочемъ въ баптизмѣ можно различать два главныхъ его вида: *старый баптизмъ* и *новый баптизмъ*. Первый получилъ свое начало въ Англіи и думается, что въ немъ заключаются начала апостольской церкви, сохранившіяся въ непрерывномъ преданіи отъ древней британской церкви до временъ Виклесфа. Но исторически известно, что начало баптизма не восходитъ дальше 1618 года. Происходя отъ английскихъ *пуритан*,

¹⁾ *Анабаптисты* или перекрещенцы—секта, основанная Шторхомъ, современникомъ Лютера; во главѣ ея стоялъ около 1520 года Мюнцеръ; потомъ она усилилась, пѣтя во главѣ Йоанна Лейденскаго; последователи ея погребены въ 1535 году.

²⁾ Секту *меннонитовъ* основалъ *Менно*, священникъ († 1561 г.) перешедший въ 1534 году изъ католицизма къ анабаптистамъ.

танъ¹⁾ или индепендентовъ²⁾), баптисты составляютъ секту, бывшую продуктомъ дальнѣйшаго поступательнаго движенія въ реформаціи. Подобно другимъ отраслямъ англійскаго протестантизма, они носятъ на себѣ сильный отпечатокъ реформаціи и упорно, въ духѣ англійской ортодоксіи, придерживаются буквального смысла Библіи. Отдѣльно, впѣ связи съ текстомъ взятыя, большою частію малоизвестныя мѣста св. писанія подвергаются у нихъ одностороннимъ толкованіямъ и даютъ поводъ къ новымъ формамъ секты.

Къ богословской наукѣ баптисты не питаютъ особеннаго уваженія, а съ нѣкотораго времени у нихъ проявляется піатическое отвращеніе ко всякой однажды павсегда опредѣленной нормѣ вѣроученія, которую они считаютъ несообразною съ своимъ учениемъ о всеобщемъ священствѣ и съ свободою такъ и иначе толковать св. писаніе. Всѣдѣствие этого религіознаго субъективизма, общаго всѣмъ формамъ баптизма, вѣроученіе и правоученіе баптистовъ подлежать постоянному измѣненію,—отчего въ Америкѣ почти съ каждымъ днемъ возникаютъ новые формы баптизма. Въ Англіи при Кромвелѣ, послѣ недолговременной терпимости, баптистовъ преслѣдовали, какъ революціонеровъ, но при Вильгельмѣ III ихъ включили въ толерантъ-акты 1689 г., постановленные касательно диссидентовъ вообще. Съ этого времени они стали пользоваться правами, одинаковыми съ пресвитеріанами³⁾ и конгрегаціоналистами. По официальнымъ свѣдѣніямъ 1872 г. у англійскихъ баптистовъ было 2,612 церквей и 243,395 членовъ. Въ Америкѣ баптисты долгое время находились только въ Rhode-Island, числя у себя 17 общинъ

¹⁾ Пуритане—протестантская секта въ Англіи, иницировавшая возстановить евангельскую церковь въ ея первоначальной чистотѣ (puritas) въ противоположность господствовавшей епископской церкви Англіи.

²⁾ Индепенденты или независимая секта, основанная 1610 г. Девономъ Робинсономъ въ Годлаунѣ и распространявшаяся въ Англіи и Америкѣ. Они признаютъ каждую отдѣльную общину самостоятельную и независимую въ церковномъ отношеніи отъ другихъ церквей и отъ высшей церковной власти.

³⁾ Пресвитеріанство, возникшее въ Англіи изъ протестанства, даетъ каждому гражданину столько-же участій въ дѣлахъ церковныхъ, сколько въ дѣлахъ общественныхъ. Отвергая епископскій санъ и всякую церковную обрядность, оно во главѣ церковной общины ставитъ пресвитера, а пресвитеровъ подчиняетъ свидѣзу. Подъ общіемъ именемъ пуританъ въ 1649 г. они произвели въ Англіи междуусобную войну.

и 1,707 лицъ, принадлежащихъ къ ихъ сектѣ. Со времени войны за независимость, въ которой баптисты приняли живое участіе, къ вимъ стали переходить массами такъ, что теперь баптисты съ методистами составляютъ самую многочисленную секту въ Сѣверной Америкѣ.

Во внутреннемъ состояніи баптизма отражаются различные направления епископальныхъ и пресвитеріанскихъ церквей Англіи и производятъ столько-же самостоятельныхъ баптистскихъ сектъ. *Партикуляристы*—баптисты и *генерал-*баптисты (универсаль-баптисты и баптисты свободномыслящіе, называемые также арминіанскими баптистами) составляютъ двѣ главныя партіи, восходящія почти къ самому началу англійского баптизма. Изъ нихъ первые придерживаются кальвинского ученія о предопределѣленіи, а послѣдніе, также какъ и арминіане¹⁾, отвергаютъ его. Первые гораздо многочисленнѣе; въ Англіи они имѣютъ отъ 12 до 13 тысячъ общинъ, въ Америкѣ до 8,000, между тѣмъ какъ у свободно-мыслящихъ баптистовъ въ Англіи только 120 общинъ, а въ Америкѣ около 1,000. Къ свободномыслящимъ баптистамъ, также какъ и къ арминіанамъ, проникли либеральная богословскія мысlenія, почему *унитаріи*²⁾ обыкновенно причисляютъ ихъ къ своимъ сторонникамъ. Отращеніе къ богословской науцѣ давно уже прошло у универсаль-баптистовъ, по изъ-за этого въ 1770 году отдѣлилась отъ нихъ ортодоксальная партія и образовала особое самостоятельное церковное общество съ собственою богословскою семинаріей, основанною въ 1798 году подъ названіемъ *General-Baptist—New Connexion*. Вирочемъ и партикуляръ-баптисты оставили уже прежнюю свою дѣкость и теперь имѣютъ хорошия богословскія училища и известныхъ ученыхъ. Прежде они отказывались отъ гражданской и военной службы, но теперь перемѣнили свои мысли относительно этого предмета, а съ введеніемъ церковнаго пѣнія ничѣмъ не отличаются отъ пресвитеріанъ. Но за то они выдѣлили изъ своей

¹⁾ *Арминіане*—сектанты, получившіе свое название отъ голландца Армінія († 1609 г.), открыто возвставшаго противъ Кальвинова ученія о предопределѣленіи и свободѣ.

²⁾ *Унитаріи*—секта, отвергающая троичность лицъ въ Богѣ и признающая въ лице Иисуса Христа одну человѣческую природу; основана въ XVI вѣкѣ Францискомъ Станкаромъ и Лелліемъ Соценомъ. Церковное ея устройство и богослуженіе сходны съ протестантскими.

среды множество малыхъ партій, которые отличаются старобаптистскимъ буквовѣдствомъ. Къ таковымъ принадлежатъ субботники или севентъ-дай-баптисты, сформированные въ 1773 г. Францомъ Бамфельдомъ, которые вмѣсто воскресенія празднуютъ субботній вечеръ, и тункеры (Tunker—утопленники), которые считаютъ правильнымъ только крещеніе, которое совершено въ рѣкѣ или въ прудѣ и потому крещеніе, совершенное чрезъ окропленіе, повторяютъ даже наль взрослыми. Послѣдняя партія, которая числить въ себѣ до 50 общинъ въ Сѣверной Америкѣ и очень равнотно заботится о распространеніи своихъ правилъ, страдаетъ сильно библіолатрею, которая у нихъ доходитъ до подавленія мыслительности духа и соединяется съ шатническимъ удаленіемъ отъ всего мірскаго. Слѣдуя буквѣ Бібліи, они одѣваются въ апостольскую одежду, безъ пуговицъ, изъ простой, грубой матеріи и требуютъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они чуждались мірскихъ общественныхъ занятій и удовольствій. Сверхъ крещенія и причащенія, совершаемыхъ ночью въ заключеніе вечери любви, они признаютъ таинствами умовеніе ногъ, послѣднее помазаніе елеемъ и братское цѣлованіе. Послѣдователи тункеровъ набираются преимущественно изъ преобразованныхъ классовъ народа. Съ тункерами близко сродны вейнбрейнеріане (такъ называемые по основателю своему Вейнбрѣннеру) и пейсселіане (учрежденные въ 1774 г. пѣмцемъ Цейсселемъ), которые празднуютъ субботу, требуютъ безбрачія отъ «совершеннѣхъ» и въ Новомъ Ефратѣ, на р. Коллодіо, устроили большой апабаптистскій монастырь. Можно еще назвать Gard-scheld-баптистовъ или Anti-Tibions-баптистовъ, одну изъ фракцій шартикулярбаптизма, которые отвергающихъ предопредѣленіе признаютъ потомками діавола и Евы, и юннеровъ (Springer), секты основанной въ 1803 г. Миллеркнхтомъ Альбрехтомъ; это смысь баптистовъ съ методистами, получившая свое название отъ методистскаго возрожденія и хвалившаяся своею совершенною безгрѣшностью. Прочія партіи пользуются буквою Бібліи для того, чтобы возможнымъ образомъ облегчить себѣ иго реформатскаго православія. Таковы реформедъ-баптисты или «ученики Христовы», по своему основателю называемые также камбелитами, которые не признаютъ предписаніемъ вѣры ничего такого, о чёмъ нельзя сказать прямо: «такъ говорить Господь», и вмѣсто всякаго исповѣданія вѣры требуютъ исповѣданія только

крещенія во отпущеніе грѣховъ и возрожденіе. Затѣмъ слѣдуютъ безчисленные, происшедшіе отъ баптистовъ и пресвитеріанъ «христы» (Christian-Connexion), которые отвергаютъ ученіе о Троицѣ, адѣ и діаволѣ, отвергаютъ празднованіе воскресныхъ и праздничныхъ дней, какъ вѣчно противное св. Писанію, не видяще божественаго учрежденія ни въ крещеніи, ни въ бракѣ и всѣмъ своимъ единовѣрцамъ дозволяютъ проповѣдывать. Наконецъ *Six-principles*-баптисты, которые находятъ, что все ихъ исповѣданіе вѣры достаточно выражено въ шести пунктахъ, которые заключаются въ ст. 1 и 2 гл. VI посланія къ евреямъ. Американскихъ баптистовъ въ 1872 года числилось около 4 миллионовъ, со включеніемъ сюда и тѣхъ, которые только посещаютъ богослуженіе баптистовъ, въ состоя формальными членами баптистскихъ общинъ. По свѣдѣніямъ газеты «National-Baptist» дѣйствительныхъ баптистовъ въ 1872 г. было почти $1\frac{1}{2}$ миллиона, асоціацій числилось 820, церквей 18,397, духовныхъ лицъ 12,013. Устройство церквей у нихъ конгрегаціоналистическое или индепенденціое, по которому всякая община сама себѣ глава и только по временамъ назначаются общиа собранія для свободнаго совѣщанія съ другими общинами, принадлежащими къ союзу. Для противодѣйствія распаденію на мелкія отрасли, которое свойственно всякому индепенденцізму, въ Англіи въ 1813 г. основана такъ называемая «Baptist-union», поставившая своей задачей всѣхъ партикуляр и универсаль-баптистовъ, признающихъ такъ называемые евангельские члены вѣры, соединить во едино для взаимнаго братскаго общенія и для общей работы въ умноженіи царства Божія. Подобную цѣль преслѣдуется и происшедшая подъ вліяніемъ баптистскаго возбужденія евангельская *Alliance*, которая «дѣтей Божіихъ» всѣхъ наименованій хочетъ сплотить во едино на почвѣ 9 членовъ и которая въ недавнее время распространялась въ Германіи, Франціи, Италіи, Швейцаріи и Нидерландахъ.

За исключеніемъ малыхъ вышеупомянутыхъ францій, англійские и американские баптисты издавна оказывали много ревности въ дѣлѣ прекращенія торговли неграми, въ дѣятельности виѣннскихъ и внутреннихъ миссій, въ распространеніи Библіи и т. д., каковыя дѣла служатъ лучшимъ средствомъ, связующимъ между собою исповѣдниковъ одного и того-же наименованія. Церковная

узкость старого баптизма смягчается въ массѣ и именно подъ вліяніемъ одного изъ знаменитѣйшихъ партикулярь-баптистовъ Роберта Галла; въ новѣйшее время у большей части баптистовъ введено общеніе въ таинствѣ причащенія (open communion) съ вѣрующими членами другихъ церковныхъ общинъ. Извѣстно, что это открытое общеніе составляетъ одинъ изъ главныхъ спорныхъ пунктовъ между старымъ англо-американскимъ баптизмомъ и вышедшими изъ Германіи новокрещенцами, которые не допускаютъ у себя другихъ баптистовъ до причащенія, опасаясь, какъ-бы мірскіе христіане, отлученные по ихъ приговорамъ, не волги оять въ ихъ общество святыхъ чрезъ таинство причащеній.

Это новокрещенское направление нужно тщательно отличать отъ старого баптизма. Оно дітія недавняго прошедшаго и возникло изъ церковнаго реакціоннаго настроенія 50 годовъ. Его родина Германія и притомъ Германія больше лютеранская, чѣмъ реформатская, и именно давно уже настроенная піэтически области Вестфаліи, Вупперталь и вѣкоторыя полосы Ганновера, Гессена, Нассау, Шлезвига и восточной Пруссіи. Первая баптистская община въ Германії была основана въ 1834 г. въ Гамбургѣ кунцемъ Онненомъ, который вмѣстѣ съ нѣсколькими другими читателями Библіи уѣхдился въ минной испригодности крещенія дѣтей и принялъ крещеніе отъ одного случайно бывшаго въ Гамбургѣ американского баптиста. Но распространяться здѣсь баптизмъ началъ только съ 1851 года. Старо-лютеранская сепаратистическая общины и піэтническія Conventikel, какъ напр. основанный въ 1850 г. въ Эльберфельдѣ «братскій союзъ», постоянно выдѣляли изъ себя новые баптистскіе приходы, которые посредствомъ своихъ неутомимо-дѣятельныхъ миссіонеровъ собирали около себя новыхъ приверженцевъ. Къ пимъ перешли и нѣкоторыя духовныя лица государственной церкви, преимущественно они встрѣтили сочувствие въ низшихъ классахъ народа. Большая часть пѣменскихъ баптистскихъ миссіонеровъ ремесленники, которые по праву общаго священства принимаютъ на себя проозвѣданіе, крестять и преподаютъ причастіе и приобрѣтаютъ безчисленныхъ приверженцевъ посредствомъ раздачи Библій и религіозныхъ трактатовъ, посредствомъ союзовъ юношества, воскресныхъ школъ и назидательнаго чтенія Библіи. Основная черта этого баптизма обособленіе отъ національной церкви, называемой у

баптистовъ мірскою церковью, въ которой возрожденные и невозрожденные безразлично смышаны одни съ другими, и противодействие этой церкви государственной, огражденной полиціей и называемой у нихъ «Вавеломъ». Они хотять сформировать у себя видимую общину святыхъ, въ которую принимаются только истинно вѣрующіе или «чада Божія». На этомъ основаніи они отвергаютъ крещеніе дѣтей и не крестятъ никого, доколѣ не убѣдятся въ личной его вѣрѣ по тицательномъ изслѣдованіи. Хотя они не отвергаютъ существованія вѣрующихъ и виѣ ихъ союза, но тѣмъ не менѣе признаютъ только себя народомъ Божіимъ избраннымъ, составляющимъ видимое общество вѣрующихъ. Главною задачей своей они поставляютъ мало по малу отнять у государственной церкви¹⁾ всѣхъ ея вѣрующихъ членовъ, чтобы она стала тогда действительно дѣломъ сатаны.

Въ годы реакціи государственная власть, чтобы оградить протестантское православіе, употребляла противъ баптистовъ мѣры преслѣдованія. Въ Мекленбургѣ ихъ облагали денежными штрафами, сажали въ тюрьму и высыпали съ жандармами за границу, въ Шамбургъ-Липпе за участіе въ баптистскихъ собраніяхъ наказывали заключеніемъ въ тюрьму на два мѣсяца, за принятие на себя духовныхъ обязанностей на 6 мѣсяцевъ. Тоже было въ Пруссіи, Кургессенѣ и Нассау. Колы скоро получались извѣстія о крещеніи ночью при свѣтѣ луны, о проводѣ къ пароду и вечернихъ собраніяхъ, во время которыхъ участвующіе взаимно другъ другу преподавали причастіе, власти окружали мѣста баптистскихъ собраний и разговаривали, насильно брали у родителей-баптистовъ ихъ дѣтей и относили для крещенія. Съ 1854 г., когда состоялся такъ называемый союзъ уничтоженныхъ, баптисты получили отъ прусского короля Фридриха Вильгельма IV объщеніе, что съ ними будутъ поступать болѣе кроткимъ образомъ. Но дѣйствительная терпимость наступила для нихъ въ Пруссіи только со времени регенерата (1858 г.); съ этого времени и въ другихъ мѣстахъ начали поступать

¹⁾ Чтобы показать свое отличие отъ государственной или господствующей въ государствѣ церкви, баптисты называютъ себя «общиной крещеныхъ» или просто общиной «христіанской», а членовъ господствующей церкви называютъ «міръ», «нечестивыми».

сьими лучшіе. Между тѣмъ, не смотря на всѣ преслѣдованія государственной власти, наклонность къ новому крещенію, или пере-крещиванію возрастала больше и больше. Число баптистовъ въ Пруссіи въ 1854 году простирилось до 2,000, шесть лѣтъ позже ихъ было около 8,000. Въ 1862 г. въ Германіи ихъ числилось 47 общинъ, и вообще на европейскомъ материкѣ было около 760 пунктовъ, гдѣ въ большемъ или меньшемъ числѣ находились баптисты. Важнѣйшиe стаціонные пункты въ Германіи, кроме Вестфаліи и Вупперталя, находятся въ Гамбургѣ, Шлезвигѣ, Берлинѣ, Мемелѣ, Тильзитѣ, Гильдебадѣ, Эймбекѣ и Варбургѣ. Но главнымъ центральнымъ пунктомъ все-же остается гамбургская община. Каждые три года въ Гамбургѣ собирается общая конференція нѣмецкихъ фракцій. Она подраздѣляется на четыре меньшія фракціи: прусскую, сѣверо-западную, средне-нѣмецкую и южно-нѣмецкую. Основанная проповѣдникомъ Леманомъ (1882 г.) въ Берлинѣ община имѣть болѣе древній англо-американскій характеръ. Въ Вестфаліи и Вуппертальѣ баптизмъ, напротивъ того, получилъ довольно мечтательный характеръ, въ особенности въ Эрбельфельдѣ, Раушенбушѣ и Рингдорфѣ при участіи Кебнера. Съ южно-нѣмецкой фракціей состоять въ связи швейцарскіе баптисты, которыхъ средоточіемъ, также какъ и во времена Цвинглія, служить Цюрихъ. Въ Швецію и Давлю миссія вышла изъ Гамбурга. Въ Швеція постѣдователи баптизма набираются преимущественно изъ лезарей (Laezaren), массами отѣлившихся отъ государственной церкви. Что баптистская пропаганда можетъ болѣе и болѣе находить себѣ благопріятную почву въ Германіи и Скандинавіи, достаточно показываютъ успѣхи ея въ Пруссіи; здѣсь въ 1861 г. числилось 5,452 приверженца этой секты; въ 1875 г. число ихъ достигло 12,000. Изъ нихъ почти 6,000 приходилось собственно на Пруссію, 2,000 на Бранденбургѣ, прочія на Померанію, Силезію и Прирейнскую область. Не смотря на различіе въ первоначальныхъ основахъ, нѣмецкій баптизмъ находится въ тѣсномъ общеніи съ баптизмомъ англиканскимъ и американскимъ.

Англо-американскій баптизмъ въ Европѣ и за Океаномъ производитъ умѣряющее воздействиe на нѣмецкихъ баптистовъ. Меннониты, которые крещаются чрезъ окропленіе, по мнѣнію баптистовъ не принадлежать къ числу крещенныхъ; поэтому они причисля-

иуть ихъ также, какъ лютеранъ и реформаторъ, къ бабельской или мірской церкви.

Сличая учение баптистовъ, въ особенности нѣмецкихъ, съ учениемъ еретиковъ, появлявшихся въ древней христіанской церкви, нельзя не усматривать сходства въ учении баптистовъ съ лжеучениемъ павликіанъ, известныхъ въ VII вѣкѣ христіанства, которые, считая только себя «христіанами», всѣхъ прочихъ вѣрующихихъ во Христа, но не принадлежащихъ къ ихъ сектѣ, называли «римлянами», язычниками; устраяя іерархію, во главѣ своихъ общинъ въ Арmenіи поставляли «пастырей» и «учителей», хотя ни тѣ, ни другіе не имѣли си. сана; кроме того они имѣли миссионеровъ и нотаріевъ, изъ которыхъ первые заботились о распространенія евангелія, а послѣдніе объ умноженіи книгъ Нового Завѣта. Они также, какъ и баптисты, отвергали всякую обрядность, почитаніе мощей, иконъ и креста, видя въ немъ только орудіе казни, не хотѣли имѣть у себя храмовъ, а однѣ молельни и допускали только внутреннее богослуженіе, состоящее въ учени и молитвѣ. Основываясь на томъ, что Иисусъ Христосъ называетъ себя живою водою (Іоан., гл. 6) и небеснымъ хлѣбомъ, питающимъ душу, они допускали одно духовное крещеніе и духовное причащеніе, состоящее въ принятіи Его слова съ вѣрою. Аскетизму, постамъ и безбрачію не придавали никакой цѣны, хотя сами вели жизнь простую и умѣренную, не предаваясь невоздержанію и страстямъ. Есть у баптистовъ средство и съ еретиками XI вѣка, которые во Фракіи назывались *свѣтитами*, а въ Болгаріи *богомилами*. Не признавая храмовъ, иконъ, крестного знаменія и всѣхъ церковныхъ обрядовъ, богомили Евхаристіей признавали участіе въ общей молитвѣ, свое крещеніе называли крещеніемъ въ духѣ, а православное крещеніе крещеніемъ только водою; отъ существовавшихъ въ греческой имперіи до XI вѣка павликіанъ отличались строгимъ аскетизмомъ, воздержаніемъ отъ мяса, брачнаго сожительства и пощеніемъ. Извѣстно, что павликіане подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ въ византійской имперіи, въ особенности при императрицѣ Феодорѣ и при императорѣ Василіѣ Македонянинѣ въ IX вѣкѣ и, тѣснѣные ихъ преемниками, въ послѣдствіи разселились въ Италіи, Франціи и въ другихъ странахъ Европы, чemu въ особенности могли способствовать передвиженія европейскихъ народовъ во время крестовыхъ

походовъ. Отъ нихъ возникли въ XI и XII вѣкѣ сродныя ереси на западѣ Европы, известныя во Франціи подъ именемъ *каеары* (чистыхъ), *бумары*, *публиканъ* (павликіанъ) и *ткачей*; въ XIII вѣкѣ изъ нихъ выродились *братья и сестры свободного духа* во Франціи, Германіи и Италії, среди которыхъ ученіе павликіанъ и бого-миловъ получило большее развитіе. Начала ихъ-же ученія лежали и въ основѣ проповѣди *Арнолда Брестійскаго*, *Петра Брюи* и *вадъденсовъ*, послѣдователей *Петра Вальда*, дѣйствовавшихъ въ XII вѣкѣ преимущественно во Франціи. Западные каеары, также какъ и павликіане, замѣняли у себя крещеніе возложеніемъ рукъ и чтеніемъ Евангелія, а причащеніе вкушениемъ простаго хлѣба съ молитвою «Отче нашъ», чуждались брака и употребленія мясной пищи, проповѣдуя общую дѣвственность, подобно «щалопутамъ», появившимся недавно на югѣ Россіи, и постоянное покаяніе. Нельзя сказать, чтобы принятое у баптистовъ перекрециваніе было позаимствовано лишь у авабаптистовъ временъ реформаціи. Еще въ III вѣкѣ *новаціане*, которые были чистые пуритане своего времени, также принимали въ свою общину переходившихъ къ нимъ изъ православной церкви чрезъ крещеніе, вновь повторяя его и надъ крещеными. Ихъ то можно назвать также первыми анабаптистами. Послѣдователи *Новаціана*¹⁾ назывались каеарами или чистыми, каковое название перешло уже отъ нихъ къ французскимъ каеарамъ XI вѣка и каеарамъ италіанскимъ, которые начало свое производили съ востока, именно изъ Булгаріи.

Такимъ образомъ занесенный къ намъ изъ Пруссіи въ недавніе годы баптизмъ, получившій у насъ название штунды, имѣть, какъ тамошнее явленіе, свой антецедентъ въ отдѣленныхъ вѣкахъ христіанской церкви на западѣ и даже на востокѣ ея. Но если-бы мы захотѣли искать чего либо общаго съ этимъ ученіемъ въ нашей южно-русской церкви, то на всемъ протяженіи вѣковъ не найдемъ ничего подобнаго, кроме занесенной въ XI вѣкѣ изъ Булгаріи въ

¹⁾ Новаціанъ или Новатъ, бывшій пресвитеръ каролінгской церкви и капитуларь въ епископы Рима, воспрещалъ вступать во 2-й бракъ, крестить младенцевъ и падшихъ приникать въ церковь, которая, по его ученію, есть общество однихъ святыкъ. Послѣдователи его существовали до VI вѣка въ Италіи и Африкѣ.

Киевъ на самое короткое время среши *богоизгнаніе* и зашедшій впослѣдствіи съ запада ереси соціапской или такъ называемой аріанской, коснувшейся, и также не надолго, лишь верхнихъ слоевъ южно-руссскаго общества XVII вѣка. На западѣ Европы баптизмъ возникъ и держался на почвѣ отрицанія авторитета церкви и личнаго толкованія Слова Божія; но ничего подобнаго не представляеть намъ наша исторія. Благоговѣйный въ дѣлѣ вѣры нашъ народъ, берегшій ее въ теченіи вѣковъ и пролившій за нее потоки крови, жилъ всегда въ близкайшемъ общеніи съ церковію и, принимая ближайшее участіе въ ея судьбѣ и дѣлахъ, никогда не обнаруживалъ никакого посягательства на авторитетъ и руководительство своихъ пастырей и учителей, никакого стремленія къ вольному личному толкованію Слова Божія, ни малѣйшаго пристрастія къ его буквѣ. Но вотъ въ началѣ 70-хъ годовъ высылаются изъ Гамбурга парочитые місіонеры баптизма въ херсонскія нѣмецкія колоніи; они застаютъ тамъ случайныхъ малорусскихъ рабочихъ,— людей долгое уже время оторванныхъ отъ семьи и общенія съ церковію, овладѣваютъ ими безъ труда и превращаютъ ихъ въ орудіе распространенія своей ереси между народомъ, никогда не знавшимъ ересей. Ересь прилипаетъ и разносится, какъ зараза, разширяется и растетъ, мало чѣмъ сдерживаемая, отчасти какъ-бы покровительствуемая. Теперь она такъ уже распространилась, что при условіяхъ нашей соціальной и экономической жизни нечего и мечтать о томъ, чтобы искоренить и уничтожить ее, притомъ въ короткое время. Можно бороться съ этимъ зломъ, ограничивать его, ослаблять, но до полнаго подавленія его слишкомъ далеко. Главная роль въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ, конечно, нашимъ настырамъ, ихъ проповѣди, увѣщанія, разъясненія, убѣженія; но имъ должны прійти на помощь всѣ прочія общественные и правительственные силы, иначе это запосное вѣроученіе, вкоренившись въ народѣ, можетъ сдѣлаться такою общественною язвою, размѣры и послѣдствія которой и предъугадать трудно.

ПУТЕВІЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛЯ.

(*Окончаніе*) ¹⁾.

Х.

Переъездъ изъ Лядавы въ Могилевъ.—Общий видъ города.—Прежня и современная торговля.—Главнѣйшія историческія с. ъдѣвія.—Немногіе остатки старини.—Село Брошица.—Берега Мурахвы.—Село Буша.—Дравянія пещера.—Остатки валовъ и запорожскіе кладбище.

При выѣздѣ изъ с. Лядавы большая дорога, идущая къ Могилеву, постепенно подымается въ гору; широкій Днѣстръ съ его живописными берегами и какъ-бы нарисованною на скалѣ яркими красками пестротою лядавскою церковью остаются назади; обширные сады тянутся вдоль выѣзжей улицы и хотя они окончаны рвомъ, но это нисколько не мѣшаетъ прохожему, перебравшись чрезъ оконо, полакомиться фруктами безъ позволенія хозяина и даже вынести небольшой зацѣпъ на дальнѣйшій путь. Миновавъ сады, выѣждаемъ на возвышенную равнину около 60—70 сажень надъ уровнемъ Днѣстра. Кругомъ, на сколько глазомъ можно окинуть, сплошнымъ ковромъ желтѣютъ поля и спѣлый, золотистый колось тихо и плавно колышется легкимъ вѣтеркомъ, словно волны на морѣ въ ясную погоду. Вездѣ покой, просторъ и тишина; на поляхъ ни души; но мы уже наканунѣ жатвы, и, быть можетъ, завтра уже эта чарующая тишина и спокойствіе будутъ нарушены, заволнуетъ тоже море, но иныхъ волнъ заходить по немъ, закипить

¹⁾ См. «Кіевская Старина», 1884 г., мартовсь. кн., стр. 465—499.

на поляхъ дѣятельная работа, сразу прорвется золотой коверъ и другая картина смѣнить ту, которая очаровала насть въ прекрасное юльское утро на выѣздѣ изъ Лядавы. Поэтъ-художникъ, рисуя эту дивную картину, прибавилъ-бы въ неї серебристую пѣсню жаворонка, и огромнаго подольскаго орла, поднявшагося къ самому солнцу, и многое другое, оживилъ-бы ее снующими по полю людьми, пасущимися вдали стадами, рѣющими въ воздухѣ птицами, жужжащими насѣкомыми и ихъ музикальными тонами; но мнѣ, простому смертному, лучше не вдаваться въ область искусства, не поддающуюся неискусственному перу. Извинившись предъ читателемъ за это невольное отступленіе, возвращаюсь на могилевскую дорогу, тѣмъ больше, что разѣзженная бричка трясеть невыносимо, лошади идутъ тѣмъ невозможнымъ, самымъ утомительнымъ аллюромъ, какимъѣздятъ только евреи, а балагула на козлахъ поминутно оглашаетъ воздухъ рѣзкимъ «вью! вью!» и доводить своего сѣдока до крайняго раздраженія. Куда ужъ тутъ слушать жаворонка и любоваться природой!

Тамъ и сямъ надъ дорогой, на золотистомъ фонѣ полей, обрисовываются строгіе контуры каменного креста съ распятиемъ, такъ называемой здѣсь «фигуры», обнесенной низенькой оградой; мѣстами «фигуры» указываютъ колодезь, но по большей части онѣ ставятся набожными жителями на межахъ ихъ полей. Вдали отъ дороги видныются другъ подлѣ друга рядъ хлѣбныхъ скирдъ оригинальной, специально подольской формы, какая не встрѣчается въ другихъ мѣстностяхъ южной Руси; издали кажется, будто это стадо какихъ-то огромныхъ, фантастическихъ животныхъ, послѣ отдыха, начиная вставать на ноги. Кругомъ огромное поле засѣяно однимъ сортомъ пшеницы; видно, это владѣнія какого-то крупнаго помѣщика, у которого не въ примѣръ прочимъ сохранились еще запасы отъ прежнихъ лѣтъ.

Но вотъ по лѣвой сторонѣ дороги сперва замѣчается глубокій, вырытый водою оврагъ, затѣмъ дорога проходитъ почти на краю обрыва, съ вершинъ котораго неожиданно открывается другой видъ: въ глубинѣ долины серебристою лентой вьется небольшая рѣчка въ зеленыхъ берегахъ; подъ горою вадъ рѣчкой живописно раскинулось село, если не опибаюсь, Ляшовцы, буквально утонувшее въ садахъ; небольшая церковь и чистныя бѣлыя хаты привѣтливо выглядятъ.

дываютъ изъ массы зелени. Отъ села вдоль рѣчки потянулся за гору лѣсокъ. Въ общемъ получается картина, подобная которой весьма часто встрѣчаются на Украинѣ и которая такъ милы сердцу южно-руссa; что-то необъяснимо прелестное и безмятежное разлито здѣсь въ воздухѣ и на землѣ и при тепломъ іюльскомъ колорите такъ и просится на полотно. Подобные картины, при всей своей простотѣ и незатѣйливости, а можетъ быть именно благодаря этой простотѣ, оставляютъ въ душѣ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ напримѣръ великолѣпные виды днѣстровскихъ береговъ, и могутъ считаться одною изъ причинъ глубокой привязанности южно-руссa къ родному краю.—Вирочемъ я опять отвлекаюсь въ сторону.

Мало по малу прежняя дорога уходитъ вправо отъ обрыва, Ляшовцы остаются позади и мы выѣзжаемъ на большую почтовую дорогу, обсаженную по краямъ деревьями. Тутъ движеніе замѣтно усиливается и по всему замѣчается приближеніе къ городу. День былъ праздничный, послѣ полудня; приходилось поминутно то сворачивать въ сторону передъ тяжело нагруженными возомъ, то выѣзжать группу поселянъ въ живописныхъ праздничныхъ костюмахъ, при чѣмъ слышались обычные привѣтствія на малорусскомъ и отчасти на польскомъ языкахъ. Это жители окрестныхъ сель, окончивъ свои дѣла на могилевскомъ базарѣ и подерѣшившись тамъ-же, толпами возвращались по домамъ; некоторые изъ нихъ очевидно со мнѣвались въ національности проѣзжихъ скортучныхъ людей и на всякий случай встрѣчали насъ обычнымъ польскимъ привѣтствиемъ. Дорога начинаетъ понемногу спускаться подъ гору, впереди показалось ближайшее къ Могилеву село Серебрія. При вѣздаѣ въ это село, вниманіе наше привлекла близъ дороги масса камня, мусору, обгорѣлого дерева—несомнѣнны слѣды сильного пожара. На вопросъ нашъ балагула сообщилъ, что жители Серебріи вообще пользуются очень дурною славой по всей окрестности, такъ что никто не рѣшился почью проѣхать вблизи села. По словамъ его, еще не такъ давно на мѣстѣ указанного пожарища стояла корчма и содержавшій ее еврей вѣроятно извлекалъ хороши доходы изъ ея бойкаго мѣстоположенія на большой дорогѣ между Могилевымъ и такимъ селомъ, какъ Серебрія. Но въ одинъ прекрасный день, или вѣрѣнѣе сказать въ одну темную ночь неизвѣстные люди явились въ корчму, ограбили и вырѣзали всю семью хозяина, а корчму

сожгли, что-бы скрыть слѣды преступленія. Съ той поры все со страхомъ обходятъ это мѣсто и никто не рѣшается возобновить такое выгодное заведеніе, можетъ быть и потому еще, что внутри села находится другое пободное.

Въ Серебріи, проѣзжая по мосту, перекинутому черезъ не- большую рѣчку Дерлу, которая дѣлить село на двѣ половины, мы съ удивленіемъ замѣтили необыкновенную пестроту костюмовъ въ толпѣ прогуливающагося народа: всюду видны были красные рубахи на мужинахъ и яркие, красные и желтые, сарафаны на женщинахъ. Возница объяснилъ намъ, что здѣсь заводъ, пивной или винокуренный, а на немъ цѣлая колонія рабочихъ великороссовъ. Вероятно такому обилію пришлыхъ людей, не связанныхъ съ мѣстностью и ея населеніемъ никакими интересами, и обязана Серебрія своею дурною славою. Подобное приходится наблюдать и въ другихъ мѣстностяхъ Подолія.

Невдалекъ отъ Серебріи встрѣчаемъ другое село, Немію, составляющее какъ-бы предмѣстье Могилева. Само по себѣ село это не представляетъ ничего замѣчательнаго, если не считать довольно красиваго и удобнаго мѣстоположенія по склону къ рѣчкѣ, да множества источниковъ чистой, холодной воды, которые на каждомъ шагу пробиваются изъ горы. Почти у каждой усадьбы замѣчается небольшая «перничка», по большой части неогороженная и отдѣланная ровно на столько, что-бы можно было зачерпнуть воды; все они сбываются въ одно общее русло вдоль улицы и затѣмъ въ ту-же рѣчку, притокъ Днѣпра.

Въ концѣ села вниманіе проѣзжаго привлекаетъ великолѣпный фруктовый садъ, который постепенно переходитъ въ огромный паркъ, разбитый по всѣмъ правиламъ садоводнаго искусства на пространствѣ пѣсколькихъ десятинъ. Тщательно расчищенные и высыпанные бѣлыемъ пескомъ дорожки вьются и перекрециваются во всѣхъ направленияхъ между группами разныхъ деревьевъ, тщательно подчищенныхъ въ видѣ рощъ, естественныхъ бесѣдокъ и т. д.; весь терренъ засѣянъ газонными травами. На всемъ видна искусственная рука садовника; но напрасно она силилась сообщить всему натуральный видъ и создать природу въ миниатюрѣ—настоящая природа несравненно выше и прекраснѣе и съ трудомъ поддается подражанію. Тутъ, правда, все атрибуты хорошихъ парковъ: и традиціон-

ныя дерновые и каменные скамейки, и таинственные гроты, и беседки, которые, кажется, такъ и манятъ гуляющихъ зайти отдохнуть подъ ихъ непроницаемою тѣнью, есть даже фонтаны и статуи. Въ глубинѣ парка двѣтнадцать и домъ владѣльца, украшенный рѣзьбою и другими украшениями,—изящный и красивый на первый взглядъ, но не имѣющій какого нибудь определенного стиля. По словамъ возницы, это владѣніе мѣстного пана маршалка (предводителя дворянства), который въ торжественныхъ случаяхъ открываетъ свой паркъ для публики, безъ различія національностей и сословій. Особенно дорожатъ этими днями могилевскіе евреи, которые, подобно всѣмъ своимъ единоплеменникамъ въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ, не имѣютъ не только деревца или кустика въ саду, но даже двора при домѣ, а только небольшой домикъ на улицѣ, и въ праздникъ принуждены гулять по тѣмъ-же грязнымъ или пыльнымъ улицамъ.

Миновавъ огромный хлѣбный магазинъ, трехъэтажное каменное зданіе съ разбитыми окнами, суровой казенной архитектуры, неподалеку отъ усадьбы пана маршалка, начинаемъ спускаться съ горы. Прямо передъ нами блеснулъ Днѣстръ, сперва показалось на бесарабскомъ берегу главное предмѣстье Могилева Атаки, а затѣмъ какъ въ покорамъ разомъ открылся весь Могилевъ, длинной и узкой лентою протянувшійся вдоль берега на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Съ одной стороны городъ окаймляется широкою полосою Днѣстра, покрытаго галерами, паромами, плотами и мелкими лодками, съ другой улица уточнется въ сплошной массѣ садовъ и виноградниковъ, а за ними тянутся ряды скаль до вершины горы и дальше вдоль берега, на сколько глазомъ окинуть.

За послѣднія двадцать лѣтъ, со времени описанія Аѳанасьевы-Чужбинскаго, вицѣній видъ города очень мало перемѣнился. Въ характерѣ его и понынѣ преобладаютъ основные черты старыхъ городовъ юго-западнаго края: въ центрѣ «рынокъ»—обширная, продолговатая площадь, окруженнная рядомъ лавокъ, въ срединѣ площади сплошной корпусъ каменныхъ лавокъ, замѣняющій традиціонную ратушу, а въ ряду ихъ два-три хорошихъ магазина, какіе встрѣчаются только въ лучшихъ городахъ, всѣ-же остальные—маленькия, темнія коморки, въ которыхъ очень трудно разсмотрѣть цѣѣть и качество покупаемыхъ товаровъ. Всѧ остальная площадь

занята базаромъ, причемъ торговля, по обычаю провинциальныхъ городовъ, производится до самаго вечера.—Въ общемъ Могилевъ чрезвычайно напоминаетъ Каменецъ, и сходство это еще болѣе увеличиваетъ оріентальный оттѣнокъ въ архитектурѣ—послѣдній видимый слѣдъ долговременного пребыванія здѣсь армянскихъ колонистовъ: тѣ-же старые каменные дома съ необыкновенно тощими стѣнами, съ длинными балконами и мезонинами, съ низкой оріональной крышей. Очень высокій, перѣдко каменный заборъ, украшенный сверху острою крышею, которая почти на аршинъ выступаетъ по обѣ стороны, такъ что безъ особыхъ приспособленій нѣтъ возможности взобраться на него,—ограждаетъ почти всѣ, даже загородные, дома и сады. Такимъ образомъ каждое жилище совершило изолировано и отъ улицы, и отъ сосѣдей, представляя подобіе маленькой крѣпости, какъ это можно видѣть въ Крыму и па Кавказѣ. Разумѣется, это не относится къ еврейскимъ жилищамъ, въ большинствѣ совсѣмъ не имѣющимъ ни двора, ни какой-бы то ни было усадьбы; тутъ и огораживать уже нечего. Новые дома строятся по другому архитектоническому типу, по шаблонному типу нашихъ уѣздныхъ городовъ, можетъ быть болѣе удобному для жизни, но совершенно безцвѣтному и лишенному всякой оригинальности,—одного изъ условій правильнаго и самостоятельнаго развитія въ любомъ направлѣніи. Городъ постепенно растетъ и застраивается все дальше по берегу Днѣпра, разумѣется по новому типу; но старая постройки проплываютъ и XVII ст. несравненно прочнѣе современныхъ и, можно надѣяться, че скоро еще уступятъ разрушительному вліянію времени, если только на помощь послѣднему не придетъ еще болѣе разрушительный человѣческій инстинктъ нововведенія и уничтоженія старины.

Если въ теченіи послѣдніхъ двадцати лѣтъ мало измѣнился вѣшній видъ Могилева, то едва-ли много больше перемѣнъ можно замѣтить и во внутренней жизни города, разумѣется въ смыслѣ естественнаго прогресса, а не обязательныхъ реформъ, и на сколько можетъ замѣтить чисторонній наблюдатель, не посвященный въ тайны местной жизни. Такъ напримѣръ переправа на паромахъ черезъ Днѣпра и ионинъ остается почти въ такомъ-же примитивномъ состояніи, въ какомъ застать ее авторъ «Очерковъ Днѣпра». Пріѣзжаго точно также останавливаетъ цѣлая толпа мишуровсовъ изъ

различныхъ заѣздовъ, стоящихъ рядомъ на рынкѣ и по вѣзвѣй улицѣ; но извощикъ или ямщикъ не обращаетъ вниманія ни на приглашенія мишуруесовъ, ни на выборъ своего сѣдока и прямо везетъ къ тому хозяину, которому постоянно доставляетъ практику, за что получаетъ опредѣленный, заранѣе условленный процентъ. Даже цѣны на продукты и «станцію» остались тѣ-же, и мы встрѣчаемъ здѣсь ту-же баснословную подѣстриянскую дешевизну. Есть правда одна или двѣ настоящія гостиницы, но добраться туда могутъ только окрестные помѣщики, часто бывающіе въ Могилевѣ и хорошо знакомые съ городомъ.

Впрочемъ Могилевъ, какъ уѣздный городъ и еще до недавнаго времени главный торговый центръ губерніи, не могъ не подчиняться нѣкоторымъ культурнымъ потребностямъ времени: въ городѣ существуютъ нѣсколько училищъ русскихъ и еврейскихъ; на окраинахъ города, гдѣ повидимому ничего нѣтъ, кроме садовъ и виноградниковъ, на одномъ изъ домовъ мы замѣтили вывеску: «библіотека и читальня». Очевидно въ публикѣ чувствуется потребность въ чтеніи, если находить возможнымъ содержать библіотеку. Легко можетъ быть, что здѣсь, какъ и въ большинствѣ уѣздныхъ городовъ, библіотека состоитъ главнымъ образомъ изъ собранія романовъ и повѣстей для легкаго чтенія и что читаютъ ихъ только дамы да учащаяся молодежь; но все-же это свидѣтельствуетъ о нѣкоторой долѣ умственнаго развитія общества. Сверхъ того мы застали въ городѣ передвижной циркъ, «комедію» и постоянную драматическую труппу изъ мѣстныхъ любителей евреевъ, представлениія которой посѣщаются весьма усердно не только еврейскимъ, но и христіанскимъ населеніемъ Могилева и Атакъ. Намъ ни разу не удалось побывать на спектаклѣ этой труппы, но мѣстные жители говорятъ, что играеть она весьма не дурно, значить во всякомъ случаѣ удовлетворяетъ до известной степени потребности мѣстнаго общества въ болѣе культурныхъ развлеченіяхъ. Во время нашего здѣсь пребыванія, въ Атакахъ давала представлениія русская заѣзжая труппа; могилевскія власти почему-то запретили ей играть въ городѣ, къ большому неудовольствію городскихъ жителей, которые были принужденыѣздить на другой берегъ и ночью переправляться черезъ Днѣпъ. Наконецъ въ числѣ прочихъ рѣдкостей случайно попалась намъ на глаза на воротахъ армянского костела вывеска постоянного дантиста, весьма заманчиво

перечисляющаго всѣ привлекательныя стороны своего зазеденія и оперирующаго съ помощью веселящаго газа— все по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Согласитесь, что это уже большой прогрессъ для уѣзднаго города; такой рекламы мы не встрѣчали даже въ Каменцѣ.

Что касается состава народонаселенія, то въ этомъ отношеніи Могилевъ и въ настоящее время представляетъ почти такую-же разнообразную смѣсь племенъ, какъ и во время его основанія. Если теперь исчезли греки, волохи и татары, то мѣсто ихъ заняли евреи и отчасти русскіе. Изъ прежнихъ жителей остались только малороссы, поляки и армяне; послѣдніе впрочемъ настолько ассимилировались съ мѣстнымъ малорусскимъ населеніемъ, что почти совершенно забыли свой языкъ. Въ настоящее время главный процентъ городскаго населенія составляютъ евреи, которые сперва овладѣли армянскою торговлею, а теперь захватили въ свои руки вообще всю торговую и промышленную дѣятельность въ городѣ и въ цѣломъ краѣ.

Торговля Могилева въ настоящее время сильно упала, благодаря отчасти проведению одесско-балтской желѣзной дороги, а главнымъ образомъ застою или упадку промышленности въ краѣ. Правда, Могилевъ остается и теперь еще лучшою пристанью на Днѣстрѣ въ среднемъ его теченіи; и теперь еще сюда сплавляются различные сырье продукты изъ уѣздовъ: хотинскаго, каменецкаго, ушицкаго и отчасти могилевскаго, но теперь и торговые обороты дошли до минимума, и движение совершается только сверху внизъ, между тѣмъ какъ еще въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія сюда точно также шли товары и снизу, изъ Никополя, Румыніи и другихъ придунайскихъ мѣстъ. Въ настоящее время главными предметами сплавной торговли служатъ: пшеница и лѣсъ, затѣмъ уже въ меньшемъ количествѣ известь, гипсъ, спиртъ и другие сырье продукты, да пожалуй сплавляются фосфориты до ближайшей австрійской желѣзной дороги. Впрочемъ этотъ послѣдній продуктъ идетъ за границу и другимъ путемъ, по волочиской линіи желѣзной дороги.

Между тѣмъ и самыя условія доставки товаровъ не мало способствуютъ уцадку торговой дѣятельности Могилева. Русло Днѣстра все еще не расчищено и не приспособлено для правильнаго судоходства, несмотря на многочисленные проекты въ этомъ смыслѣ и на неоднократныя присылки чиновниковъ водяного и другихъ

вѣдомствъ для сбиранія на мѣстѣ свѣдѣній по этому вопросу. Единственнымъ средствомъ передвиженія служать все тѣ-же перво-бытные плоты и галиры, которые подымаютъ довольно значительные грузы, но при сравнительно медленномъ ходѣ подвержены различнымъ случайностямъ, отчего товаръ нерѣдко портится или совсѣмъ погибаетъ при перевозкѣ въ приморскіе порты. Разумѣется, такія суда не удовлетворяютъ требованіямъ современной торговли и не могутъ выдержать конкуренціи съ желѣзными дорогами.

Было однако время, когда торговля Могилева находилась въ цвѣтущемъ состояніи. Первые прямые указанія на присутствіе въ Могилевѣ торговыхъ поселеній: армянскихъ, греческихъ, волошскихъ и татарскихъ относятся къ XVII ст. Но вѣроятно выгодное положеніе города на одной изъ лучшихъ дѣйстровскихъ пристаней, на главномъ пути турецко-польской торговли, должно было раньше привлечь главныхъ дѣятелей этой торговли, тѣмъ болѣе, что подобныя колоніи существовали въ Каменцѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ еще со времени галицкихъ князей Даниловичей. Поэтому можно допустить, что иноземная поселенія въ Могилевѣ начались гораздо раньше, можетъ быть со времени возникновенія города въ концѣ XVI вѣка, тѣмъ болѣе, что первыя документальные извѣстія рисуютъ намъ эти колоніи въ видѣ правильно организованныхъ общинъ и братствъ со своими церквями, правами и привилегіями. На все это, конечно, требовался извѣстный промежутокъ времени. Дѣйствительно городъ съ самыми разноцлеменными составомъ народонаселенія, среди котораго главный перевѣсъ брали греки и румыны, занимался исключительно торговыми оборотами въ большихъ размѣрахъ. Въ первое время, т. е. въ XVII ст. Могилевъ въ этомъ отношеніи взялъ верхъ надъ Каменцемъ, такъ какъ прежній путь къ Каменцу черезъ Румынію былъ и дальше и сопряженъ съ многими опасностями вслѣдствіе постоянныхъ неурядицъ въ Молдавіи, а потому караваны предпочитали ближайшій путь черезъ Могилевъ. Сверхъ того въ Каменцѣ существовала таможня, на которой заграничные товары подлежали хотя не большой пошлины, между тѣмъ какъ Могилевъ былъ въ этомъ отношеніи *porto-franco*; вотъ почему на здѣшнемъ рынке можно было найти самыя лучшія вина, колоніальные товары и всевозможныя восточные издѣлія, а мѣстные торговцы ворочали огромными капиталами. Впрочемъ этотъ цвѣту-

щій періодъ продолжался не долго: начавшіеся вскорѣ польско-ко-зацкія войны, набѣги татаръ и наконецъ самое положеніе города на границѣ съ татарскими степями—все это помышдало дальнѣйшему развитію города ¹⁾.

Одновременно съ греками и румынами поселились здѣсь для тѣхъ-же промышленныхъ цѣлей сербы, босняки и крымцы. Всѣ они составляли, вмѣстѣ съ кореннымъ малорусскимъ населеніемъ, одну общину, во главѣ которой обыкновенно стоялъ грекъ; поляки составляли отдѣльную корпорацію, что-же касается армянъ, то сперва они поселились здѣсь какъ гости, но скоро обжились и уже въ 1743 г. организовали свой собственный судъ съ войтомъ и райцами и получили особое помѣщеніе въ мѣстной ратушѣ. Наконецъ получаютъ отъ владѣльца Могилева, Франциска Салезія Потоцкаго, привилегію, которая гарантіруетъ имъ личныя и торговыя права, самоуправленіе общинъ, освобождается отъ всѣхъ государственныхъ повинностей подъ условіемъ опредѣленного чинса въ пользу владѣльца. Съ того времени значение Могилева, какъ промышленного центра, быстро возрастаетъ, а пропорціонально съ тѣмъ увеличивается и народонаселеніе города, который въ этомъ отношеніи вскорѣ занимаетъ первое мѣсто въ цѣломъ воеводствѣ. Въ 1780 г. городъ получаетъ привилегію на двухнедѣльную ярмарку, на которой главнымъ предметомъ торговли изъ мѣстныхъ произведеній является готовая обувь и всевозможныя кожевенные товары: замша, сафьянъ и др.

Кожевенное производство достигаетъ здѣсь такого развитія, что еще въ 1745 году мѣстные кожевники организуютъ особое братство сафьянниковъ по типу такого-же львовскаго братства, существовавшаго съ 1669 г. Братство много способствовало развитію этого промысла, который еще долгое время постѣ исчезновенія армянской общинѣ въ Могилевѣ пользовался большою известностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ развиваются и другія отрасли промышленности, значение Могилева все возрастаетъ, но вдругъ два случайныхъ обстоятельства въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтія вызвали упадокъ его торговой и промышленной дѣятельности. Страшная чума, опустошившая цѣлое Подолье въ 1770 г., посѣтила и

¹⁾ Dr. Antoni.—*Zameczki Podolskie na kresach multańskich.*, str. 205.

Могилевъ и продолжалась въ сколько мѣсяцевъ: тоже самое повторилось въ 1786 г. и наконецъ въ послѣдній разъ въ 1812 г. Эта послѣдняя чума, хотя менѣе сильная, началась именно въ Могилевѣ, куда она была завезена вмѣстѣ съ мѣхами съ востока. Но еще сильнѣе отразились на благосостояніи и занятіяхъ жителей необыкновенные разливы Днѣстра, затоплявшіе почти цѣлый городъ съ предмѣстями, садами и виноградниками, на довольно продолжительное время, при чемъ и торговое сословіе терпѣло большие убытки, такъ какъ всѣ товары гибли или портились отъ воды. Крупныхъ наводненій было четыре въ промежутокъ между 1780—1860 г.; но больше другихъ причинило вреда второе по времени наводненіе 1785 года. Въ теченіи пѣтой недѣли городъ стоялъ подъ водою и понесенные убытки были такъ велики, что разорившіеся заграничные купцы оставляютъ свои жилища, продавая свое имущество евреямъ, которые начинаютъ прибывать сюда все въ большемъ количествѣ.

Впрочемъ богатый промышленный городъ довольно быстро оправлялся послѣ каждого понесенного несчастья, такъ что даже пожаръ 1808 года, истребившій большую половину города,—новое наводненіе и чума злонолучнаго 1812 года только ослабили на короткое время, но не могли окончательно подорвать значеніе Могилева до тѣхъ поръ, пока оставались въ городѣ иностранные колонисты и пока сохранялись во всей силѣ прежніе торговые пути и пріемы. Въ первой четверти текущаго столѣтія Могилевъ принадлежалъ къ числу наиболѣе оживленныхъ центровъ Подолья, благодаря отчасти присутствію въ немъ самостоятельной епископской кафедры, а главнымъ образомъ быстрому росту торгового движенія. До 1830 года въ Могилевѣ находилась одна изъ главнѣйшихъ таможень, открытая вѣроятно послѣ присоединенія края къ Россіи, и карантинъ; наконецъ, въ виду постоянныхъ недоразумѣній съ Турціею, въ Могилевѣ долгое время квартировалъ весьма значительный отрядъ русскаго войска. Главныя отрасли промышленности и торговли по прежнему находились въ рукахъ иностранныхъ торговцевъ-капиталистовъ. По словамъ ксендза Марчинскаго, румыны занимались разведеніемъ виноградниковъ, различныхъ плодовъ и лучшихъ овощей. Проживавшіе въ Могилевѣ греки занимались винодѣліемъ и торговлею: привозили мѣху изъ Москвы, Кіева и

Нѣжина, желѣзо изъ Тулы и Кієва, каменную соль и вина изъ Румынія и придунайскихъ странъ, сухую рыбу и т. д. Могилевскія гречанки вышивали золотомъ и серебромъ по кисеямъ и бумажнымъ матеріямъ, работы ихъ скупались бердичевскими евреями и расходились подъ названіемъ турецкихъ вышивокъ. Армяне выпасали на степяхъ бессарабскихъ огромныхъ стада овецъ и рогатого скота; добытое изъ нихъ сало служило предметомъ значительной торговли, а шерсть отправлялась въ Германію. Изъ овечьихъ и козлиныхъ кожъ выдѣлывались разноцвѣтныя сафьяны и вывозились подъ видомъ турецкихъ товаровъ въ Броды и Литву, а масло до самаго Константинаopolia¹⁾). Въ добавокъ ко всему тутъ процвѣтало шелководство, и Могилевъ былъ центромъ этого производства во всемъ юго-западномъ краѣ.

Такъ было въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. Теперь отъ прежней торговой славы Могилева осталось одно воспоминаніе. Послѣ наводненія 1860 г. греческіе и румынскіе купцы навсегда оставили Могилевъ и переселились въ приморскіе порты; мѣсто ихъ заняли евреи, которые мало по малу захватили въ свои руки всю промышленную и торговую дѣятельность города и, путемъ контрабанды и разнаго рода фиктивныхъ сдѣлокъ, совершенно измѣнили прежніе торговые пріемы. Оставались еще армяне, сохранившие свои старыя традиціи и пытавшіеся некоторое время бороться съ новымъ элементомъ, но вскорѣ конкуренція оказалась имъ не подъ силу; болѣе состоятельные оставили торговлю или переселились въ другія мѣста, прочие обѣднѣли, смѣшившись съ мелкими мѣщанами и чахонецъ совершенно расплывались въ массѣ мѣстнаго малорусскаго населенія, утративши свой языкъ и сохранивші только оригиналный этнографический типъ да отличительныя черты своего племеннаго характера.

Причинами такого упадка были, какъ мы уже сказали, различныя естественные катастрофы и напызы евреевъ, главныя же образомъ замѣна прежней торговой системы новою, перемѣна въ направленіи главныхъ торговыхъ путей, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и наконецъ общій упадокъ промышленности въ цѣломъ краѣ, вызванный финансовымъ кризисомъ --- результатомъ освобожденія

¹⁾ Zameczki Podolskie, str. 240.

крестьянъ. Многіе изъ промысловъ, которыми славился нѣкогда Могилевъ, исчезли совершенно, другіе держатся больше по традиції, какъ напримѣръ шелководство, которое существуетъ еще въ незначительныхъ размѣрахъ, но стоитъ несравненно ниже, чѣмъ въ Бессарабіи. Нѣсколько евреевъ закупаютъ ежегодно весь шелкъ, какой производится въ окрестностяхъ Могилева, варятъ его, прядутъ и красятъ и въ такомъ видѣпускаютъ въ продажу также подъ видомъ заграничнаго; о выдѣлкѣ тканей или даже лентъ никто и не думаетъ. Винодѣліе еще осталось какъ второстепенный промыселъ, но уже уступило первенство окрестнымъ виноградникамъ. Кромѣ торговли мелкой и крупной, которая вся почти сосредоточена въ рукахъ евреевъ, однимъ изъ промысловъ коренныхъ жителей является садоводство; почти каждый домовладѣлецъ имѣеть довольно значительный участокъ земли подъ виноградникомъ и фруктовымъ садомъ, которые нерѣдко сдаются въ аренду промышленникамъ-евреямъ. Разнообразіе и дешевизна фруктовъ баснословная, базарь буквально заваленъ ими, и если вамъ не нравится предлагаемый продуктъ, торговка ведетъ васъ въ садъ, тутъ-же на краю рынка, гдѣ можно выбрать что угодно прямо съ дерева. Послѣ винограда разводятся главнымъ образомъ лучшіе сорта яблокъ и венгерскихъ сливъ, которые въ сухомъ видѣ и отчасти въ видѣ разнаго рода консервовъ составляютъ предметъ довольно значительной торговли.

Другую специальность Могилева, уцѣльвшую еще отъ прежнихъ временъ, составляетъ производство желтыхъ бумажныхъ фитилей, пропитанныхъ селитрою; дорожные фитили все еще приготовляются въ огромномъ количествѣ и подъ видомъ заграничныхъ расходятся отсюда, вмѣстѣ съ сухими фруктами, по всѣмъ ярмаркамъ южной Россіи.

Нокончивъ съ промышленностью и торговлею Могилева, попробуемъ возстановить его историческую судьбу, пользуясь для этой цѣли какъ специальную, хотя по различнымъ причинамъ далеко неполною, монографіею этого города ¹⁾), изъ которой мы заимствовали уже нѣкоторыя свѣдѣнія, такъ и разными мелкими данными, разсѣянными въ архивныхъ изданіяхъ, козацкихъ лѣтописяхъ и мемуарахъ.

¹⁾ Dr Antoni J. «Zameczki Podolskie na kresach multańskich».

Извѣстные понынѣ источники не даютъ намъ возможности точно опредѣлить время возникновенія Могилева. Первое документальное извѣстіе обѣ этомъ городѣ относится къ 1600 году; но есть основаніе думать, что городъ былъ основанъ раньше — въ концѣ XVI ст. Началомъ своимъ онъ обязанъ Іеремію Могилѣ изъ рода молдавскихъ господарей. По обычаяу всѣхъ кандидатовъ на румынскій престоль, Іеремія сперва поступилъ на службу въ Польшу, гдѣ занялъ приличную своему званію должность и былъ зачисленъ въ число польской шляхты. Въ качествѣ богатого пана, обладавшаго большими связями въ королевствѣ, Іеремія скопилъ обширное пространство земли надъ Днѣстромъ, путемъ зазыванія на свободы колонизовалъ свои владѣнія и столицу ихъ назвалъ Могилевымъ. Отсюда ему весьма удобно было слѣдить за ходомъ событій въ Молдавіи; но разъ сдѣлавшись господаремъ, онъ на всегда оставилъ свои подольскія владѣнія, и вскорѣ Могилевъ путемъ продажи достался польному гетману Мартыну Калиновскому, а черезъ два поколѣнія путемъ наслѣдства перешелъ въ родъ Потоцкихъ. Турецко-польская и польско-козацкая войны, возникшія вскорѣ послѣ основанія Могилева, повліяли до извѣстной степени и на его судьбу.

Послѣ извѣстнаго пораженія, понесеннаго польскимъ войскомъ подъ Цецорою въ 1620 году, начальникъ польской артилеріи Шемберкъ, успѣвшій съ небольшимъ отрядомъ проскочить сквозь турецкія войска, ближайшимъ путемъ добрался въ Могилевъ, вскорѣ укрѣпилъ городъ и заперся въ немъ, опасаясь преслѣдованія; но турки довольствовались большой победой и не считали нужнымъ преслѣдоватъ бѣглецовъ.

Очистивши Украину отъ поляковъ, Хмельницкій, имѣвший до того времени одного только, и то весьма непостоянаго и невыгоднаго союзника въ лицѣ крымскаго хана, считалъ необходимымъ заручиться болѣе прочнымъ союзникомъ изъ близкихъ сосѣдей. Выборъ его остановился на молдавскомъ господарѣ Василиѣ Лупулѣ. И дѣйствительно такой союзникъ долженъ былъ съ одной стороны гарантировать Украинѣ безопасность, а при случаѣ и помощь со стороны Румыніи и Турции, съ другой стороны парализовать влияніе Польши на румынскія дѣла. Съ этой цѣлью Хмельницкій просилъ у Лупула руку его дочери для своего сына Тимоша, подкрѣпивши свою просьбу согласіемъ, иначе говоря приказаниемъ султана. Но Лупула

оказался человѣкомъ безхарактернымъ, опасался Хмельницкаго, или-же просто не понялъ своей выгоды. Онъ и не смѣлъ ослушаться султана, и не хотѣлъ отдавать дочери, а изъявляя согласіе на предложеніе козацкаго гетмана, самъ въ тоже время просилъ помощи и защиты у польскихъ гетмановъ.

Сватовство тянулось около трехъ лѣтъ; Хмельницкій упорно стоялъ на своемъ, но наконецъ убѣдился, что только силою можетъ достичнуть цѣли и въ 1650 году самъ съ довольно значительнымъ войскомъ повелъ сына въ Молдавію знакомиться съ невѣстой. Состоился договоръ между родителями, послѣ чего Хмельницкій возвратился на Україну и на этотъ разъ переправлялся черезъ Днѣптръ у Могилева. Но этимъ дѣло не кончилось; господарь постоянно оттягивалъ свадьбу, пока наконецъ въ 1652 году Хмельницкій, потерявъ терпѣніе, категорически потребовалъ у него дочь, грозя въ противномъ случаѣ опустошить Молдавію, а между тѣмъ народъ румынскій, помнившій еще первый приходъ козаковъ, грозилъ выдать господаря Хмельницкому. Между тѣмъ Лулула обратился за помощью къ Польшѣ; по просьбѣ его, гетманъ Калиновскій съ десятитысячнымъ войскомъ расположился на Бугѣ, преграждая путь Хмельницкому. Произошла известная батогская битва, въ которой поляки нанесли страшное пораженіе, — по словамъ лѣтописца, ни одному не удалось спастись бѣгствомъ, всѣ легли на мѣстѣ. Послѣ того козаки съ татарами направились въ Молдавію и перешли Днѣптръ двумя отрядами, подъ Могилевымъ и Ямполемъ. Въ тоже время часть козацкаго войска, оставшаяся на подольскомъ берегу, заняла Могилевъ, причемъ коренные жители радостно шли на встречу козацкому движенію, изгоняли своихъ пановъ и приставали къ козачеству.

На этотъ разъ свадьба наконецъ состоялась, а Могилевъ, навравшись съ другими подольскими городами, надолго оставался козацкимъ городомъ, избавленнымъ отъ всякой зависимости по отношенію къ прежнему владѣльцу и Рѣчи Посполитой. Могилевъ въ это время сталъ полковымъ городомъ, центромъ такъ называемаго подольского полка. Во время известнаго жванецкаго похода, расположившійся въ Жванцѣ король, отрѣзанный уже со всѣхъ сторонъ союзнымъ войскомъ, но еще не подвергавшійся болѣе тѣсной осадѣ, часто посыпалъ въ окрестности Могилева разѣзы для поимки языка;

такъ какъ все Поднѣстровье находилось тогда въ рукахъ татаръ, а Хмельницкій съ козаками стоялъ въ окрестности Шаргорода.

По удаленіи татаръ и польского войска, Поднѣстровье начинало уже отдыхать и по временему отправляться послѣ всѣхъ погромовъ, а между тѣмъ событія на Українѣ шли съ необыкновенною быстротою.

Въ 1657 году гетманомъ сдѣлался уже Иванъ Выговскій, не раздѣлявшій политическихъ взглядовъ стараго Хмельницкаго. Въ противуположность послѣднему, новый гетманъ разсчитывалъ именно путемъ союза съ Польшой, на правахъ свободной федераціи, обезпечить автономію Україны. Все было подстроено, какъ нельзя лучше; но лишь только были обнародованы договорныя статьи, масса народонаселенія, и безъ того недовольная гетманомъ, совершенно отплатнула отъ него, ища поддержки кто въ запорожской общинѣ, кто въ московскихъ воеводахъ. Послѣ гадячской рады 1659 года подольские полки, населеніе которыхъ больше другихъ испытало на себѣ тяжелый гнетъ польскихъ пановъ, первые поднялись противъ гетмана. По словамъ лѣтописца «поднѣстране, забужане и другіе украинскіе козаки собралися въ Браславѣ и човаго гетмана Юрія Хмельницкаго паки себѣ поставили¹⁾». Вѣроятно въ числѣ поднѣстранъ и жители Могилева принимали участіе въ избраніи новаго гетмана, враждебнаго Польшѣ, такъ какъ выгнанный имъ изъ Україны польскій гетманъ Станиславъ Потоцкій въ концѣ осени того-же 1659 года пытался взять городъ приступомъ, но былъ отраженъ, хотя не съ особенно большою потерей²⁾. Въ началѣ слѣдующаго года Потоцкій попытался вознаградить эту неудачу; онъ вмѣстѣ съ Выговскимъ, сохранившимъ санъ кіевскаго воеводы, и татарскою ордою осадилъ Могилевъ, въ которомъ находился гарнизонъ 8,000 козаковъ; но подольскій полковникъ Остапъ Гогель и миргородскій Кирило Андреевъ отразили приступы и прогнали поляковъ съ величимъ стыдомъ и поруганіемъ³⁾. Во время битвы осажденными взять былъ въ плѣнъ бывшій кіевскій полковникъ

¹⁾ Краткое описание Малороссіи, стр. 265.

²⁾ Памятники, часть IV, т. III, стр. 3.

³⁾ Jerlicz—Latopisec.

Антонъ Ждановичъ, сподвижникъ Богдана Хмельницкаго, подобно Выговскому перешедшій на сторону поляковъ¹⁾).

Съ распаденіемъ Україны на двѣ половины, когда гетманомъ правобережной Україны избранъ былъ Навель Тетера, сторонникъ Польши, все Поднѣстровье, въ томъ числѣ и Могилевъ, оказались не на сторонѣ союза съ Польшею, и лишь только въ Подолію, призыву Брюховецкаго, явился Сирко съ запорожцами, какъ всѣ поднѣстровскіе города, и между ними Могилевъ, подымаются противъ Тетери, истребляютъ оставленные здѣсь Яномъ Казиміромъ польскіе гарнизоны и приносятъ присягу на вѣриность царю²⁾). На этотъ разъ освобожденіе Могилева отъ польской власти было весьма не долговременно, ибо тотчасъ по удаленіи Сирка въ степи поляки снова занимаютъ городъ; но при вторичномъ появлениі его въ Подоліи, вмѣстѣ съ русскимъ воеводою Касоговымъ, жители Могилева немедленно перебили поляковъ и евреевъ и вторично подчинились царю³⁾).

Когда затѣмъ Дорошенко началъ, по выражению лѣтописца, «подъ державу королевскую преклонять» приднѣстровскіе полки, жители Могилева также недовѣрчиво отнеслись къ новому гетману; его сторону принали только мѣщане, болѣе другихъ дорожившіе спокойствіемъ и безоцасностью города, между тѣмъ какъ козаки на этотъ разъ оказались за одво съ народною массою. Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи документальные материалы мало сохранили подробностей объ этомъ фактѣ; известно только, что могилевскіе мѣщане выдали Дорошенку своего полковника Константина (грека, родомъ изъ Хіоса), очевидно агитировавшаго противъ Дорошенка; арестованый былъ отосланъ въ Чигиринъ, но вскорѣ бѣжалъ оттуда, навербовалъ въ Могилевѣ полкъ и отправился на службу къ Брюховецкому⁴⁾.

Тоже настроеніе господствовало и три года спустя, когда Дорошенко, послѣ многихъ неудачъ въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ польскимъ, турецкимъ и московскимъ правитель-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 318—319.

²⁾ Тамъ-же, т. V, 151.

³⁾ Тамъ-же, стр. 201.

⁴⁾ Тамъ-же, т. VI, стр. 167.

ствомъ, признать наконецъ протекторатъ Турціи надъ Украиною. Лишь только запорожцы, враждовавши съ Дорошенкомъ, выступили противъ него и подошли къ Чигирину, какъ шесть полковъ кіевскихъ и подольскихъ, бывшихъ подъ начальствомъ Суховія, въ числѣ ихъ и могилевскій полкъ, тотчасъ-же оставили гетмана и перешли на сторону запорожцевъ. Дорошенко былъ даже осажденъ союзными войсками и долгое время выдерживалъ осаду; по освободившись, благодаря турецкой помощи, онъ снова стала приводить въ повиновеніе подольские полки, и на этотъ разъ мы не видимъ уже сопротивленія съ ихъ стороны ¹⁾).

Въ первыхъ числахъ января 1671 г., прибылъ въ Могилевъ львовскій и подольскій епископъ Іосифъ Шумлянскій, отправлявшійся въ качествѣ посла на известную острожскую комиссию; онъ остановился въ Могилевѣ съ цѣлью зависѣвшими отъ него мѣрами склонить русское духовенство на сторону поляковъ. Узнавъ о такой агитациѣ, Дорошенко приказалъ силою доставить владыку въ Чигиринъ; это вызвало сильную сенсацію въ населенії, среди которого особенно отличались набожностью и благочестіемъ иностранные купцы; по словамъ лѣтописца, Шумлянского «взято въ Могилевѣ зъ великою жалостію усего народу, зостающого па туть часъ у Могилевѣ, а звлаца подъ часъ ярмарку богоявленскаго». По ходатайству митрополита гетманъ вскорѣ отпустилъ Шумлянского, по посланъ вслѣдъ за нимъ орду, отъ которой туть съ трудомъ успѣлъ спастись въ свою епархію ²⁾).

Вскорѣ послѣ того, собравшись наконецъ съ силами, поляки попытались бытъ избавиться отъ Дорошенка и привести Украину къ прежней отъ себя зависимости. Сперва отрядъ польского войска ворвался въ Брацлавщину, взялъ и «вырубилъ» посадъ въ Могилевѣ ³⁾. Всѣдѣ за тѣмъ оба польскіе гетманы, Янъ Собѣскій и Дмитрій Вишневецкій, снова вошли въ Брацлавщину и подъ ихъ давленисмъ, въ видѣ противовѣса Дорошенку, избрали гетманомъ Ханенко, чловѣкъ вполнѣ преданный полякамъ. Послѣ того разставлены польскіе гарнизоны въ важнѣйшихъ подольскихъ замкахъ; въ октябрѣ

¹⁾ Лѣтопись Самовидца, стр. 105—106.

²⁾ Тамъ-же, стр. 110.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, т. IX, стр. 419.

1671 г. поляки заняли Могилевъ и поставили гарнизонъ изъ 500 человѣкъ пѣхоты съ комендантомъ¹⁾). Всѣ эти гарнизоны предоставлялись правительствомъ въ распоряженіе Ханенка. Разсказывая объ этомъ, лѣтописецъ отмѣчаетъ, какъ пѣчтъ невиданное и необычное, что жолнеры «на тотъ часъ скромне заховалися съ людми, зѣ гроша ся контентовали, тилю ежели сѣна узяли, где найдши»²⁾.

Наконецъ переговоры Дорошенка съ Турцію пришли къ концу. Въ 1672 г. самъ султанъ съ огромными турецкими и татарскими силами вошелъ въ подольскую землю, соединившись съ Доропенкомъ, безъ труда взялъ Каменецъ, послѣ чего коменданты прочихъ подольскихъ замковъ, въ томъ числѣ и могилевского, немедленно сдали ихъ гетману, выговоривши себѣ только право свободнаго отступленія со своими отрядами и пушками. Послѣ заключенія извѣстнаго бучачскаго договора, султанъ возвратился въ Турцію съ главными силами, оставивши довольно значительные гарнизоны въ Каменецѣ и во всѣхъ прочихъ замкахъ, причемъ главное вниманіе обращалось на охраненіе днѣстровскихъ бродовъ и пограничныхъ приднѣстровскихъ замковъ. Могилевъ скоро привлекъ особое вниманіе турецкаго паша, какъ городъ пограничный, расположенный вблизи извѣстныхъ днѣстровскихъ бродовъ и при томъ одинъ изъ богатѣйшихъ подольскихъ городовъ. Поэтому въ городѣ поставленъ гарнизонъ изъ нѣсколькихъ десятковъ турокъ; проектировалось даже устроить постоянный мостъ на Днѣстрѣ, для облегченія торговыхъ сношеній, однако планъ этотъ не былъ исполненъ. Уже въ слѣдующемъ 1673 г. паша выводить гарнизоны изъ Могилева и прочихъ замковъ, за исключеніемъ Каменца и Бара, потому-ли, что не имѣлъ возможности удержать цѣлую провинцію, какъ это съ гордостью утверждаютъ польскіе историки³⁾, или-же просто потому, что приднѣстровскіе города не подвергались теперь никакой серьезной опасности и потому самому не пуждались въ особой защите, а въ крайнемъ случаѣ могли и сами дать отпоръ какому либоду набѣгу. Теперь татары не смѣли больше вторгаться и разорять подвластный султану край, часть армянъ и другихъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. IX, стр. 578, 384.

²⁾ Иѣронимъ Самовидца, стр. 112.

³⁾ Zameczki Pod., стр. 207.

иностранныхъ купцевъ переселились во Львовъ, а дальше некого уже было защищать туркамъ.

Господство турокъ надъ подольскою землею отразилось главнымъ образомъ удалениемъ отсюда поляковъ; и народная масса, и позакаціе полки оставались на прежнихъ мѣстахъ; Могилевъ по прежнему остается полковымъ городомъ, полковникомъ въ немъ былъ тотъ-же Остапъ Гоголь. Между тѣмъпольское правительство не хотѣло помириться съ потерей богатаго подольского края и, несмотря на бучацкій договоръ, дѣлаетъ рядъ попытокъ къ захвату того или другого центрально-западнаго замка. Въ первой такой попыткѣ, весною 1673 года, соединенные турецко-румынскія войска вмѣстѣ съ Дорошенкомъ были разбиты гетманомъ Яномъ Собѣскимъ подъ Цецорою, послѣ чего остатки ихъ переправились черезъ Днѣптръ и противъ Могилева и оттуда бѣжали въ Каменецъ¹). Въ это время могилевскій полкъ держалъ еще сторону Дорошенка, но уже въ слѣдующемъ году снова начинаются неурядицы въ подольской землѣ.

Согласно плану Дорошенка, московское правительство рѣшилось на каменецъ объединить въ однихъ рукахъ обѣ половины Украины и поручило это дѣло бездарному львовережному гетману Самойловичу. Извѣстно, какъ понялъ это порученіе Самойловичъ, переговорившій силою цѣлые города и полки на лѣвый берегъ Днѣпра, предоставляемъ желающимъ занять опустошенную территорію; но масса народная, доведенная до отчаянія и не ожидавшая такого исхода, радостно встрѣчала нового гетмана. Въ короткое время почти всѣ киевскіе и ближайшіе подольскіе полки перешли къ Самойловичу и тутъ только узнали, какая участь ожидаетъ ихъ. Одно только Цедвѣстровые стойко держалось на сторонѣ Дорошенка. Остапъ Гоголь «держался при руцѣ Дорошенковой, и до Турчина чрезъ него поселство отправовалося»²), затѣмъ онъ вмѣстѣ съ другими подольскими полками, по распоряженію своего гетмана, идетъ на защиту Корсуня. Но послѣ того, какъ и турецкія войска отправились усмирять Кіевщину, Гоголь, видя себя предоставленнымъ собственнымъ силамъ, рѣшился въ крайности подчиниться полякамъ; казнилъ въ Могилевѣ присланнаго Самойловичемъ агента Завицкаго и призвалъ польскую

¹) Лѣтопись Самовидца, стр. 318.

²) Тамъ-же, стр. 122.

помощь¹). Результатомъ этого призыва и полной руины края было появление въ Подолії новоизбраннаго короля Собѣскаго, которому удалось на этотъ разъ разбить турокъ и отнять отъ нихъ Барь, Могилевъ и Рацковъ, послѣ чего король отправился на коронацію въ Польшу, а въ завоеванныхъ городахъ оставилъ комендантовъ съ гарнизонами. Послѣ того большая часть Поднѣстровья фактически находится во власти турокъ, меньшая въ рукахъ поляковъ, Дорошенко совершенно устраниенъ отсюда и держится только въ южныхъ киевскихъ полкахъ.

Съ паденiemъ Дорошенка въ 1676 г. турки снова берутъ верхъ въ подольской землѣ, а такъ какъ сторонникамъ Польши не оставалось уже мѣста въ краѣ, то болѣе заслуженнымъ изъ нихъ даются новыя должности въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой; такъ Остапъ Гоголь сдѣланъ былъ козацкимъ гетманомъ въ Польсси въ награду за то, что самъ подчинился королю. Впрочемъ гетманство его было весьма кратковременно. Послѣ извѣстной побѣды надъ турками подъ Вѣной, король назначилъ для остававшихся въ Подолії козаковъ новаго гетмана Куницкаго. Тотчасъ были возстановлены всѣ прежніе полки и сотни, и новый гетманъ отправился въ походъ противъ турокъ въ Молдавію. Почти при началѣ похода козаки были настигнуты сильною бѣлгородскою ордою и Куницкій среди сраженія, оставивъ пѣхоту подъ начальствомъ полковника Могилы, самъ сѣ кавалерію бѣжалъ въ Могилевъ. Между тѣмъ Могила энергично защищался, по окончаніи битвы счастливо переправился черезъ Пруть со своими козаками и также явился въ Могилевъ. На собранной здѣсь козацкой радѣ Куницкій былъ приговоренъ къ смерти за бѣгство изъ тabora, оставленнаго въ опасномъ положеніи, и тутъ-же казненъ, а на мѣсто его избранъ Могила въ 1684 г.²).

Нескончаемая борьба между правительствами, претендовавшими на обладаніе западною половиною Украины во второй половинѣ XVII в., привела только къ полному почти запустѣнію края, извѣстному въ народной памяти подъ характернымъ именемъ *руины*. Разумѣется, общей участіи подвергся и Могилевъ.

¹) Акты южной и западной Россіи, т. IX, стр. 469.

²) Лѣтопись Величка, т. II, стр. 549.

Городъ этотъ, въ которомъ еще въ 1678 году числилось 606 домовъ, т. е. не менѣе трехъ тысячъ жителей, подъ конецъ руины, по точнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, заключаючи лишь 102 души христіанъ и 40 душъ евреевъ¹). Не смотря однако на постепенную убыль народо-населенія, Могилевъ до самаго конца смутнаго періода принимаетъ дѣятельное участіе во всѣхъ попыткахъ пародонаселенія удержать въ страшѣ козацкое устройство. Такъ въ 1702 году, когда вспыхнуло восстание крестьянъ въ правобережной Украинѣ, по иниціативѣ козачества, вновь организованаго Наліемъ, жители Могилева не только приняли въ немъ дѣятельное участіе, но и скомпрометировали себя гораздо болѣе, чѣмъ другія мѣстности, въ глазахъ польского правительства: они захватили въ пленъ единственнаго въ Подолії офиціального представителя Рѣчи Посполитой, подольскаго стражника Станислава Шидловскаго и судили его на своей громадской радѣ, отъ приговора которой бѣдный стражникъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Затѣмъ они записались въ составъ козацкаго подольскаго полка, находившагося подъ начальствомъ Скорича. Неудивительно, что послѣ усмиренія восстания поляками, могилевцы почти поголовно бѣжали за Днѣпръ, откуда потомъ выдачи ихъ безъуспѣшно требовали подольскіе дворяне отъ молдавскаго господаря²).

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда вновь оживились надежды народо-населенія, вслѣдствіе появленія Мазепы съ козацкими полками на правой сторонѣ Днѣпра, пѣкто Савва, начальникъ козацкой надворной милиціи тогдашняго владѣльца Могилева Мориттина, объявилъ себя могилевскимъ полковникомъ, пополнить контингентъ своего полка приставшими къ нему крестьянами сосѣднихъ селъ и принялъ весьма энергично изгонять и разорять шляхтичей. Съ большими трудомъ удалось русскимъ властямъ, по жалобѣ польскихъ гетмановъ, унять этого «самозваннаго» полковника³).

Въ послѣдній разъ наклонность могилевцевъ къ протесту проявилась во время движенія крестьянъ въ Подоліи, всыпнувшаго по поводу неурядицы, происходившей въ Польшѣ во время безкоролевья

¹⁾ Книга гродская каменецкая, № 3,637, л. 6 за оборотѣ; Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. II, стр. 770.

²⁾ Тамъ-же, стр. 430, 561.

³⁾ Тамъ-же, стр. 708; Судченко, Матеріалы для отч. ист., т. II, стр. 122.

по смерти Августа II. Укрываясь передъ грозою подымавшагося восстания, окрестные шляхтичи искали убѣжища въ Могилевѣ, но въ виду настроения мѣстныхъ жителей они не чувствовали себя въ безопасности въ самомъ городѣ, переправились черезъ Днѣстръ и поселились въ Атакахъ. Впрочемъ эта мѣра предосторожности не спасла ихъ. Вскорѣ толпа восставшихъ крестьянъ появилась въ городе; по указанію мѣстныхъ жителей они направились въ Атаки, не стѣсняясь нейтральною молдавскою территоріею, перебили четырнадцать шляхетскихъ семействъ и сожгли домъ, въ которомъ тѣ заперлись¹⁾.

Изъ числа известныхъ намъ фактovъ это послѣднее событие, въ которомъ историческая воспоминанія Могилева стоять въ органической связи съ исторіею цѣлаго края; за послѣдующій промежутокъ времени до конца XVIII ст. мы имѣемъ всего несколько разрозненныхъ свѣдѣній о событияхъ, такъ или иначе касавшихся Могилева, но события эти посвѣтъ уже характеръ случайный и жители самого города играютъ въ нихъ исключительно пассивную роль.

Такъ въ 1739 г. во время русско-турецкой войны Могилевъ лежалъ на пути русской арміи, отправлявшейся за Днѣстръ для занятія Бессарабіи; отрядъ малороссійскихъ козаковъ, входивший въ составъ этой арміи и состоявшій подъ начальствомъ миргородского полковника Капниста и бориспольского сотника Афсандыка, сжегъ городъ и разграбилъ имущество жителей²⁾.

Въ роковой 1768 годъ жители Поднѣстровья не принимали участія въ смутахъ отдаленной отъ нихъ южной Кіевщины, тѣмъ не менѣе финаль постѣдняго акта трагедіи разыгрался въ окрестности Могилева. Въ этомъ городѣ находилась главная квартира польского региментаря Ксаверія Браницкаго, уклонившагося отъ столкновенія съ гайдамаками подъ благовиднымъ предлогомъ охраненія границъ Польши отъ вторженія барскихъ конфедератовъ, скрывавшихся въ Бессарабіи. Послѣ разгрома гайдамакъ русскими войсками подъ Уманью, предводители восстания, оказавшіеся польскими подданными, были доставлены въ лагерь Браницкаго; назначенный послѣднимъ военный судъ приговорилъ къ смерти и предалъ казни

¹⁾ Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. II, стр. 184.

²⁾ Дневникъ Зал. Якова Марковича, т. II, стр. 69.

шлѣпниковъ въ селѣ Сербакъ въ окрестности Могилева. По пригору суда трупы казненныхъ были разсѣчены на части, которыхъ развѣшены на висѣлицахъ, построенныхъ для этой цѣли у вѣзда въ различные города и мѣстечка юго-западнаго края. По свидѣтельству современниковъ, у воротъ Могилева еще десять лѣтъ спустя виднѣлся черепъ Ивана Голты, прибитый къ висѣлицѣ¹⁾.

Наконецъ послѣднее политическое событие, связанное съ имѣнемъ Могилева, относится къ 1792 году. Южное Подоліе въ это время было присоединено къ Россіи и та дивизія русскаго войска, которой предписано было занять Брацлавщину, вступала въ эту область черезъ Могилевъ²⁾.

Въ настоящее время желающіе познакомиться съ историческою судьбою этого города принуждены черпать свои свѣдѣнія въ разныхъ сочиненіяхъ и источникахъ, относящихся вообще къ исторіи подольской земли; на мѣстѣ ничего нельзѧ узнать. Жители Могилева, занятые исключительно торговыми интересами, утратили всѣ старыя традиціи и воспоминанія о прежней жизни своего города, а наводненія, пожары и время истребили почти всѣ видимые памятники этой жизни. Теперь изъ памятниковъ старины можно указать только огромный домъ Щотоцкихъ въ концѣ рынка, двухъэтажное каменное зданіе, выстроенное въ стилѣ старинныхъ коллегій при польскихъ монастыряхъ, съ гербомъ бывшихъ владѣльцевъ Могилева. Во время нашего пребыванія здѣсь домъ этотъ перестраивался, если не ошибаюсь, для костела. Рядомъ съ нимъ другой каменный корпусъ, относящейся къ тому-же времени и теперь обраченный подъ склады и магазины; два эти корпуса вѣроятно и составляли въ свое время могилевскій замокъ. Затѣмъ нѣсколько старинныхъ надгробныхъ плитъ съ армянскими надписями въ бывшемъ армянскомъ костелѣ, обращенному теперь въ польскій, двѣ-три церкви, теперь реставрированныя и только указывающія мѣсто прежнихъ церквей, да нѣсколько старыхъ памятниковъ на кладбищѣ, тоже по большей части армянскихъ—вотъ все, что удалось намъ найти.

Осмотрѣвши все, что можно было видѣть въ Могилевѣ, мы съ товарищемъ серьезно задумались надъ вопросомъ: куда теперь

¹⁾ Записки Павла Младаповича, издан. Рачинск., стр. 165.

²⁾ Obraz Polaków i Polski w XVIII wieku, t. XVI, str. 93.

направиться? До окончанія моего отпуска оставалось всего нѣсколько дній, хотѣлось увидѣть еще что нибудь интересное на прощанье съ краемъ, поѣздка въ Ямполь къ порогамъ заняла-бы слишкомъ много времени, поэтому-мы рѣшились завершить свое путешествіе коротенькою экспурсіею въ Бушу, село верстахъ въ двадцати къ юго-востоку отъ Могилева, замѣчательное своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ и связаннымъ съ нимъ историческими воспоминаніями. Буша расположена по берегамъ горной рѣчки Мурахвы среди горъ и въ разстояніи всего двухъ-трехъ верстъ отъ Днѣстра по прямой линіи отъ того мѣста, гдѣ онъ дѣлаетъ колѣно у мѣстечка Яруги. Раннимъ утромъ всѣ дорожные сборы и приготовленія окончены, разумѣется пришлось прождать около часу, пока явился напятый еще наканунѣ извощикъ; наконецъ вещи сложены на бричку и мы трогаемся въ путь по ужасной мостовой, напутствуемыя поклонами и пожеланіями хозяина и мишуруса. Въ концѣ города проѣзжаемъ обширную площадь—дѣлое поле, на которомъ по разсказамъ старожиловъ еще не такъ давно могилевскія жительницы занимались спеціально разматываніемъ шелку сырцу; теперь при дорогѣ стоятъ казармы да два-три шинка и мелочныя лавочки, а на площади бродить скотъ; прежняго оживленія нѣть и слѣда.

По мѣрѣ удаленія отъ Могилева мѣстность принимаетъ все болѣе живописный и вмѣетъ съ тѣмъ какъ-бы удивленный характеръ; кругомъ ни души, не видно ни села, ни хутора, ни одной хаты, а между тѣмъ горы окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ, подходятъ все ближе и ближе и тѣснѣе сдавливаютъ узкую и глубокую долину; дорога больше чѣмъ гдѣнибудь напоминаетъ кавказскія дороги; крутые спуски и подъемы чередуются безпрестанно и не разъ сердце сильнѣе забывается при видѣ крутаго обрыва, съ котораго нужно спускаться. Вотъ, кажется, долина совершенно замкнута горами, дорогу закрываетъ огромная отвесная скала и дальше повидимому пѣтъ проѣзда, но кое какъ обогнувши утесъ, выѣзжаемъ въ другое ущелье, еще болѣе пустынное. Вокругъ только лѣсь да скалы, не слышно ни пѣсни, ни голоса человѣческаго, только внизу въ глубинѣ ущелья шумитъ и пѣвится по камнямъ горная рѣчка, притокъ Днѣстра. Но вотъ наконецъ на склонѣ горы надъ лѣсомъ прямо передъ нами виднѣются развалины замка; тем-

ный силуэтъ съ ажурными башнями и стѣнами, напоминающими средневѣковыя развалины въ западной Европѣ, рѣзко выдѣляется на синемъ фонѣ іюльскаго неба и еще издали привлекаетъ вниманіе пустынника. Нѣсколько ниже прекрасный помѣщичій домъ, или вѣрище дворецъ изящной современной архитектуры, окруженній садами, паркомъ и лѣсомъ. Дорога подходитъ къ самой господской усадьбѣ, а естественная скальная почва, слаженная и расчищенная надлежащимъ образомъ, какъ нельзѧ лучше замѣняетъ мостовую; противъ двора по другую сторону дороги господская экономія—все каменные массивныя постройки; дальше потянулись крестьянскія хаты. Это село Бронницы, владѣніе графовъ Витгенштейновъ. Имѣніе это вмѣстѣ съ значительнымъ участкомъ земли было подарено фельдмаршалу Витгенштейну, который поселился здѣсь подъ старость и занялся устройствомъ хозяйства. Какъ известно, въ Германіи родовой замокъ считается необходимою принадлежностью каждого аристократического рода. Вѣроятно къ такому роду причисляли себя и графы Витгенштейны; замокъ необходимъ, а между тѣмъ Бронницы имѣніе новое и господской домъ не носить на себѣ слѣдовъ глубокой старины. Нужно какъ нибудь помочь дѣлу, удовлетворить фамильной дворянской привычкѣ и вотъ, уже въ первой половинѣ текущаго столѣтія, одинъ изъ наследниковъ стараго фельдмаршала строить эти новые развалины. Нужно отдать ему справедливость, мѣсто выбрано весьма удачно и самое выполненіе, по крайней мѣрѣ издали, ничего не оставляетъ желать. Планъ руины заимствованъ по всей вѣроятности изъ какого нибудь немецкаго замка: высокая башня съ бойницами и отчасти поврежденными зубчатымъ верхомъ, нѣсколько отдельно стоящихъ стѣнъ съ прорѣзанными въ нихъ окнами и бойницами, сквозь которыхъ видно небо—точъ въ точь какія нибудь развалины на Рейнѣ. Все это поддѣлано весьма искусно, но все-же этой древности не достаетъ времени, да правдоподобно она и не просуществуетъ до той поры, когда безъ большой натяжки могла бы быть причислена къ древностямъ края. Впрочемъ нужно замѣтить, что мы уже не въ первый разъ встрѣчаемся въ Подоліи съ подобнымъ фактомъ подражанія памятникамъ старины; припомнимъ замокъ у села Приворотья, неподалеку отъ Каменца.

Минуемъ Бронницы, дорога еще иѣкоторое время вьется среди горъ, затѣмъ мало по малу удаляется отъ приднѣстровской гряды и выходитъ на возвышенное плоскогорье.

Но вотъ равнина оканчивается и мы снова на краю обрыва. Въ глубинѣ передъ нами рѣчка Мурахва, по ширинѣ напоминающая Смотричъ; это одинъ изъ важнѣйшихъ притоковъ Днѣстра въ Подоліи. Берега Мурахвы нѣсколько ниже днѣстровскихъ, по характеры ихъ совершенно аналогичны: тѣ же причудливыя скалы, тѣ же ущелья по берегамъ какогонибудь ручья, съ тою только разницей, что здѣсь картину оживляютъ еще невырубленные лѣса. Горная порода здѣсь тоже известникъ, но подъ нимъ уже обнажаются пласти крупнозернистаго песчаника и еще ниже залежи разноцвѣтныхъ гранитовъ, чего мы не замѣчали до сихъ поръ на Днѣстрѣ; это обстоятельство уже указываетъ на близость днѣстровскихъ пороговъ. Отсюда уже дорога все время пролегаетъ по нагорному правому берегу Мурахвы до самой Буші. Извѣстно, что съ 1450 года, т. е. со времени раздѣла подольской земли между Польшею и Литвою, рѣка Мурахва составляла границу между обоими государствами и вѣроятно нынѣшняя большая дорога, пролегающая въ очень удобномъ мѣстѣ, по водораздѣлу между Мурахвою и Днѣстромъ, служила и въ то время главнымъ путемъ сообщенія между литовскою Брацлавщиною и польскимъ Подоліемъ. Наконецъ минуемъ послѣднее боковое ущелье, въ глубинѣ котораго притекаетъ рѣчка Бушка, впадающая въ Мурахву, спускаемся съ горы и вѣзжаемъ въ село—цѣль нашей экскурсіи.

Село Буша раскинулось на протяженіи нѣсколькихъ верстъ по берегамъ обѣихъ рѣчекъ, съ каждой стороны по одной только улицѣ, при чемъ съ одной стороны хаты спускаются къ водѣ, съ другой поднимаются на гору, а выше по горѣ потянулись сады. При вѣзде въ Бушу замѣчается на Мурахвѣ рядъ каменныхъ мельницъ, вокругъ которыхъ копошатся евреи. На противуположномъ берегу, на майданѣ, среди села возвышается довольно большая и повидимому богатая церковь, а противъ церкви корчма, къ которой мы тотчасъ-же и направились. Нужно замѣтить, что, несмотря на весьма значительное протяженіе села, въ немъ существуетъ всего одинъ мостъ или плотина черезъ Мурахву, что конечно мало спо-

существует сокращенію разстояній для мѣстныхъ жителей, и это мы немедленно испытали на себѣ.

Оставивъ свои вещи на попеченіе извозчика, мы съ товарищемъ тотчасъ-же отправились осматривать мѣстная достопримѣчательности. Буша дѣйствительно имѣть свои достопримѣчательности; но добраться до нихъ не такъ легко, какъ это кажется съ первого взгляда. Нужно прежде узнать, что именно можно видѣть въ селѣ, узнать-же это можно только послѣ долгихъ разговоровъ и распросовъ, да и то не каждый изъ мѣстныхъ жителей укажетъ замѣтъ, что нужно. Близже всего, разумѣется, обратиться за свѣдѣніями къ священнику; такъ мы и сдѣлали, но священника не было дома; пошли къ старостѣ,—уѣхалъ въ городъ, отправились еще къ старшинѣ и тутъ въ саду за горою собираестъ спѣлые фрукты на продажу. Жнива въ полномъ разгарѣ, всѣ люди въ полѣ, въ селѣ ни души, у кого можно было бы что нибудь распросить; не одинъ часъ прошелъ въ безплодныхъ странствіяхъ изъ конца въ конецъ села, пока не увидаль насъ причетникъ мѣстной церкви и не взялся указать намъ, что нужно.

Въ углу при сліяніи рѣчки Бушви съ Мурахвою на горѣ виднѣются валы, остатки укрѣпленія; часть валовъ занята уже крестьянскими усадьбами, но контуръ городища еще ясенъ и планъ его легко можетъ быть восстановленъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ городища на той-же горѣ сохранилось старое козацкое кладбище, называемое здѣсь запорожскимъ; размѣры и форма каменныхъ крестовъ и плита, на половину вросшихъ въ землю, доказываютъ значительную ихъ древность. На нѣкоторыхъ памятникахъ сохранились еще надписи на церковно-славянскомъ языкѣ, по поверхность ихъ такъ сильно выѣтилась отъ времени, что нѣть уже никакой возможности разобрать эти надписи. Но помимо этихъ памятниковъ козачинны, главнѣйшую достопримѣчательность Бушки составляетъ памятникъ болѣе отдаленной древности, единственный известный цонынѣ экземпляръ на южно-русской территории. Въ самомъ селѣ, на берегу Бушви, пѣсколько ниже впаденія въ нее горнаго ручья, находится пещера, правильно выкованная въ слой песчаника; начинается она открытымъ коридоромъ, состоящимъ изъ трехъ небольшихъ камеръ, постепенно суживающихся къ концу; стѣны коридора выкованы совершенно отвѣсно и сходятся подъ прямыми

углами; далѣе идеть. настоящая пещера довольно значительныхъ размѣровъ, постепенно углубляющаяся въ подпочву, и также выкованная въ той-же горной породѣ. Входъ въ эту вторую половину заваленъ мусоромъ и доступъ въ нее весьма затруднителенъ. На стѣнкахъ переднихъ коридоровъ замѣчаются надписи 1824 и 1524 гг., первая на польскомъ, вторая на латинскомъ языкахъ; третья надпись, повидимому болѣе древняя, окружена вырѣзанною въ томъ-же камнѣ рамкою, но такъ сильно выѣгрилась, что едва-ли можетъ быть прочитана. Но главный интересъ пещеры исъ этихъ надписяхъ и не въ связанныхъ съ нею преданіяхъ.

Вся стѣна первой камеры вправо отъ входа носить выкованый въ камнѣ весьма оригиналный и сложный рисунокъ, сдѣланнй высокимъ рельефомъ 10—17 сантиметровъ. Рисунокъ изображаетъ дерево съ вѣтками, но безъ листьевъ; на вѣткѣ сидить пѣтухъ, представленный очень натурально, съ головой обращенной къ востоку. Прямо подъ нимъ стоитъ на колѣнахъ, на одномъ уровне съ деревомъ, человѣческая, кажется, женская фигура, также обращенная лицемъ къ востоку и держитъ въ рукахъ чашу. Но характеру выполнения фигура эта совершенно аналогична съ известными у насъ каменными бабами: тоже грубость отдѣлки, тотъ-же безобразный типъ лица и непропорціональность частей тѣла, тѣ-же подробности одежды, украшений и атрибуты, съ тою только разницей, что каменные бабы держать чашу у пояса, а эта въ уровень съ лицемъ, какъ-бы во время молитвы или жертвоприношениія. По-зади этой фигуры въ нѣкоторомъ отдаленіи стоитъ фигура оленя, обращенная въ ту-же сторону; поза оленя совершенно натуральна: онъ представленъ стоящимъ на краю скалы и очевидно сдѣланъ съ натуры, но сдѣланъ также грубо и неумѣло, какъ и предшествующая фигура. Что касается техники, то, обративши вниманіе на характеръ выѣгриванія, видимъ, что картина сдѣлана посредствомъ откальвания отъ цѣлой стѣны довольно толстаго слоя камня, при чмъ оставлены рельефомъ только указанныя фигуры. Если припомнимъ символическое значеніе пѣтуха и оленя въ славянской миѳологии, какъ олицетвореніе восходящаго солнца (пѣтухъ считался провозвѣстникомъ этого свѣтила, олень носилъ солнце на рогахъ,—такъ въ старыхъ колядкахъ и сказкахъ), если обратимъ вниманіе на положеніе всѣхъ трехъ фигуръ, обращенныхъ къ востоку,

то нельзя не видеть въ этой картинѣ изображенія какого-то славянскаго языческаго обряда; можетъ быть это молитва или жертвоприношеніе за души умершихъ, покровителемъ которыхъ, какъ известно, считалось восходящее солнце. По опредѣлению одного изъ специалистовъ по истории искусства, г. Кондакова, характеры выполненія фігуръ высокимъ рельефомъ и варварскій стиль картины опредѣляютъ хронологическое происхожденіе этого рисунка въ періодъ, прямо предшествующій введенію христіанства въ краѣ, т. е. конецъ IX и начало X вѣка.

Разумѣется, никакихъ воспоминаній о древнѣйшемъ назначеніи пещеры не могло сохраниться, за то съ нею связаны два преданія, относящіяся къ болѣе поздней эпохѣ; одно изъ нихъ, относящееся уже къ текущему столѣтію, намъ удалось слышать на мѣстѣ, другое восходить ко времени козацкихъ войнъ и известно въ исторіи. По словамъ нашего проводника, въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка владѣльцемъ Буша былъ польскій пань Ромуальдъ Овсяцій, человѣкъ необузданнаго нрава, чрезвычайно жестоко обходившійся съ крестьянами. Несколько разъ поджигали его усадьбу въ селѣ, но пань всегда успѣвалъ спастись; сознавая опасность своего положенія и желая гарантировать себя отъ поджоговъ, пань переселился въ пещеру, устроилъ въ ней двери, потолокъ покрылъ землею для предохраненія отъ огня и жиль совершилъ одинъ, но неизмѣнилъ прежняго отношенія къ подчиненнымъ; на одной изъ стѣнъ пещеры можно еще прочесть польскую надпись, вырѣзанную въ камѣ рукою Овсяція. Впрочемъ панъ не долго прожилъ въ такомъ уединеніи, вскорѣ его нашли повѣшенымъ, послѣ чего пещера снова была заброшена, какъ оскверненное мѣсто, а деревянный потолокъ разобранъ; на стѣнахъ сохранились еще следы балокъ.

Въ настоящее время Буша многолюдное, по весьма обыкновенное село, но въ старину она была довольно значительнымъ городомъ. По свѣдѣніямъ Каховскаго, городъ состоялъ изъ двухъ частей по берегамъ Мурахвы и Бушки, съ замкомъ на высокой горѣ, отъ которого валы сохранились и понынѣ; въ городѣ было семь церквей, теперь только одна. Благодаря своему положенію вблизи Днѣстра и на половицѣ пути между двумя такими центрами, какъ Могилевъ и Ямполь, Бугъ приходилось испытывать почти всѣ постигавшія ихъ бѣдствія; все, что такъ или иначе касалось этихъ

городовъ, отражалось и на судьбѣ промежуточнаго пункта, состояніе котораго можно характеризовать словами малорусской пословицы: «живе, якъ горохъ при дорози, хто йде, той и скубне». Дѣйствительно Буша испытала на себѣ и татарскіе набѣги, и постои, и переходы польскихъ войскъ, наконецъ осады и полное разореніе; жителямъ ея случалось принимать участіе и въ общихъ народныхъ дѣяніяхъ.

Во время польско-турецкой войны въ 1617 году гетманъ Жолкевскій расположилъ здѣсь свою главную квартиру; 26 сентября того-же года въ Бушѣ заключенъ мирный договоръ съ турками, собиравшимися вторгнуться въ Подолію. По смыслу договора польское правительство отказывалось отъ протектората надъ Молдавію и обѣщало усмирить козаковъ и даже совершенно истребить ихъ, если они не перестанутъ беспокоить турецкія земли¹⁾). Разумѣется, обѣщаніе это такъ и осталось обѣщаніемъ.

За годъ до хотинской войны, въ іюлѣ 1620 года, Бушѣ пришлось испытать набѣгъ татарской орды²⁾), при чёмъ татары по своему обыкновенію увезли въ плѣнъ значительную часть жителей. Впрочемъ городъ понемногу оправился отъ этого погрома и въ 1648 году населеніе его пристало къ общему дѣянію Хмельницкаго; Буша сдѣлана была сотеннымъ городомъ брацлавскаго полка и, кажется, удержала это значеніе и впослѣдствії.

Во время военныхъ дѣйствій 1653 г. въ Бушѣ заперлись поднѣстровскія сотни подъ предводительствомъ Гречки «опрышки» изъ Калуши; кромѣ козацкаго войска къ нему пристало много крестьянъ, собравшихся сюда изъ цѣлаго Поднѣстровья. Весною этого года выступилъ противъ нихъ изъ Шаргорода начальникъ польского войска Окунь съ 27 хоругвями (въ томъ числѣ 12 хоругвей молдавскаго господаря). Но при выступленіи изъ Шаргорода и приблизившись на разстояніе мили къ Бушѣ, Окунь приказалъ бить въ котлы и бубны и тѣмъ самымъ предупредилъ козаковъ о своемъ приближеніи; населеніе успѣло приготовиться къ защищѣ, такъ что поляки при первомъ штурмѣ встрѣтили сильный отпоръ и съ трудомъ ретировались³⁾). Въ слѣдующемъ году тотъ-же Окунь возоб-

¹⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Введ. стр. 61.

²⁾ Listy Żołkiewskiego, str. 147.

³⁾ Намятники, ч. III, т. III, стр. 40.

новилъ свой походъ на Бушу и на этотъ разъ болѣе удачно, ограбилъ окрестности, при чмъ убито до 200 людей, и возвратился въ Шаргородъ, но самаго города не взялъ¹⁾),

Этимъ еще не окончились всѣ несчастья Буши; въ томъ-же году здѣсь разыгралась страшная кровавая драма, настолько выхodившая изъ ряда обычныхъ военныхъ столкновеній, что слухъ о ней быстро облетѣлъ цѣлую Украину и заставилъ содрогнуться людей самыхъ закаленныхъ и самыхъ привычныхъ ко всѣмъ ужасамъ войны. Въ 1654 году известный начальникъ польского войска Чарнецкій, задавшійся цѣлью окончательно подавить козачество, предпринялъ новый походъ въ подольскую землю и на этотъ разъ ареной для своихъ дѣйствій избралъ Поднѣстровье. Народонаселеніе знало уже изъ предшествующаго похода, какъ безпощадно относился Чарнецкій къ побѣдленнымъ; поэтому жители сель искали убѣжища въ городахъ и рѣшились защищаться до послѣдней крайности. Послѣ нѣсколькихъ переходовъ Чарнецкій осадилъ Бушу, гдѣ также укрылись жители окрестныхъ сель — всего, вмѣстѣ съ козаками гарнизономъ и мѣстнымъ населеніемъ, болѣе 16,000 человѣкъ. Съ такими силами можно было держаться нѣкоторое время, и осажденные рѣшились сопротивляться до послѣдней возможности. Первый приступъ былъ отраженъ; въ другой разъ полякамъ удалось взять нижнія ворота, но тутъ въ городѣ вспыхнулъ пожаръ, и осажддающіе снова были отбиты съ урономъ, а самъ Чарнецкій раненъ. Третій штурмъ также отраженъ съ большою потерей для поляковъ. Наконецъ видя, что обыкновенными средствами ничего нельзя достигнуть, Чарнецкій приказалъ раскопать греблю, спустилъ ставъ и по дну его прошелъ къ валамъ и занялъ господствовавшее надъ городомъ укрѣпленіе. Тогда жители, убѣдившись въ невозможности дольше защищаться и не желая отдаться живыми въ руки безчеловѣчного побѣдителя, раздраженнымъ геройскимъ сопротивленіемъ, въ отчаяніи зажгли свои дома и начали убивать другъ друга; матери убивали дѣтей, а сами бросались въ огонь. Жена сотника Завистного зарѣзала своего мужа, который медлилъ покончить съ собою, послѣ чего сѣла на бочку пороху и зажгла его подъ собою. Между тѣмъ поляки ворвались въ городъ и немногие, оставшіеся еще въ жи-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. X, стр. 326.

выхъ, были поголовно истреблены; въ этотъ злополучный день разомъ погибло болѣе 16,000 человѣкъ. Въ извѣстной намъ пещерѣ, входъ которой былъ закрытъ кустарниками, укрылись 70 человѣкъ со своими пожитками; убѣжинце ихъ открыли, примѣтивъ по дорогѣ утерянныя бѣглецами вещи. Самы побѣдители были приведены въ ужасъ только что разыгравшимся актомъ народнаго отчаянія и не хотѣли дальнѣйшаго пролитія крови; полковникъ Целярій вошелъ въ переговоры съ укрывшимися въ пещерѣ, обѣщаю пощадить ихъ если сдадутся добровольно; тѣ отказались, зная уже, какъ польскіе военачальники выполняютъ подобныя обѣщанія. Тогда Целярій направилъ въ пещеру протекающей вблизи ея ручей, и всѣ укрывшися тамъ погибли въ водѣ.

На этотъ разъ городъ не скоро оправился посль такого страшнаго погрома и долгое время лежалъ въ развалинахъ. Къ концу XVII и началу XVIII ст. онъ едва начинаетъ заселяться на-ново путемъ зазыванія на свободы къ мѣстному владѣльцу. 1702 годъ застаетъ Бушу именно въ моментъ этой новой колонизаціи; несмотря на то, новые поселенцы немедленно отошли на призывъ Напія и приняли участіе въ общемъ народномъ восстаніи, а когда восстаніе было подавлено, они, подобно многимъ жителямъ Поднѣстровья, бѣжали въ Молдавію вмѣстѣ со своимъ осадцею, румынью Георгицею.

Бущею оканчивается наша поѣздка, въ качествѣ туристовъ, съ цѣлью ознакомленія съ краемъ; на ней я окончу свой рассказъ. Въ будущемъ году, если случится въ нашемъ балкѣ новый скандалъ, или послѣдуетъ для меня новое повышеніе по службѣ, постараюсь побывать на днѣстровскихъ порогахъ, а буде возможно пробраться Днѣстромъ къ морю, и тогда опять позволю себѣ подѣлиться съ читателями своими дорожными воспоминаніями.

К. М.

Повѣсть объ осадѣ г. Михайлова гетманомъ Сагайдачнымъ въ 1618 г.¹⁾

Целезна воспоминанію о преславномъ чудеси, како гетманъ Сагайдачный и Запороги градъ Михайлова облегоша браню и мнози отъ Запорогъ погибоша, Божімъ судомъ искушени бывше, градъ-же невредимъ бысть молитвами Пресвятаго Владычицы нашея Богородицы и заступленіемъ небесныхъ силь архистратига Михаила и великаго чудотворца Николы.

Въ лѣто 7126 (1618) при государѣ царѣ и великому князю Михаилу Феодоровичу всѧ Россіи, король польскій и литовскій Жигимонтъ, хотя московское государство потглотити и конечному потребленію предати, а вѣру православную искоренити и превратити въ свою латынскую вѣру, посла сына своего Владислава со многими людьми и вои подъ царствующій градъ Москву, а на Україну посла гетмана, именемъ Петра Конашевича Сагайдачнаго и съ нимъ Запороги до двадесяти тыщицъ, который, яко начальной сему всепагубному воровству и разорителю московскаго государства, внезапу прїиде съ вои своими на Христово стадо, и, яко зміи и лютіи волци хищницы, нападоша на градъ Ливны и Елецъ и разоренію предаша, люди-же Божіи, вкушъ съ женами и дѣтьми, усты меча пойдоша и сихъ кровью землю обагриша, а монастыри и церкви Божіи расхитиша и огнемъ сожгоша. Но еще злочестивіи крови христіанскія не насытишася, паки на достояніе Божіе вооружишася. Собрався въ сонмище сатанино, умыслиша напасти на область рязанскую и на прочие грады, хотяще ра-

¹⁾ Замѣтваемъ этотъ рѣдкій исторіческій памятникъ изъ рѣдкаго въ свое родѣ изданія Черниговскіхъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1853 г., № 33-й, въ свое время замѣтвовавшихъ оный изъ Рязанскіхъ Губернскихъ Вѣдомостей.

зорити ихъ, якоже Ливны и Елецъ. Михайла Дорошенко Цапырковъ (?) и товарищи его со многими вои приидона, грады поплѣниша—Лебедянъ, Донковъ, Скопинъ, Ряской, а мужи, жены, дѣти до есущихъ младенецъ, многими муками мучаще, посѣкоша, и нападоша на область рязанскую, посады пожгоша, люди и священники побина, и ко граду Переяславлю рязанскому приступиша; но Божію милостію и заступлениемъ Владичицы нашей Богородици чудотворная иконы Федотіевскія и помощію страстотерпцевъ Христовыхъ Бориса и Глѣба и молитвами святаго Василія, епископа рязанскаго, на приступѣ мнози побіени быша, а прочія отпредне отъ града, воеваша рязанской уѣздъ, и паки къ Елцу поидоша и плѣниша воронежскій уѣздъ. Самъ-же окаянныи все-пагубный врагъ Петръ Сагайдачной внезапу пріиде съ Елца въ Шацкой градъ и въ Донковъ и отпусти предъ собою подъ градъ Михайловъ полковника Милостиваго, а съ нимъ тысячу человѣкъ, и повелѣль ему пощю прійти беззвѣстно и взяти градъ Михайловъ украдомъ. Михайловскія-же ратныи люди въ то время немнози быша на городовой ствѣнѣ, а инніи по городамъ на государевѣ службѣ въ Калугѣ и Серпуховѣ противу поганыхъ лжиковъ. И долготерпѣливый Господь и Богъ нашъ, въ Тройцѣ славимый, и Пресвятая Владичица Богородица, христіанская державная помощница, и небесныхъ силъ воевода архистратигъ Михаилъ, и великий чудотворецъ Никола не даша конечному православнымъ христіаномъ потребленію быти, ожидая грѣшныхъ покаянія. Въ ту пощю, въ кую приходу Милостиваго ко граду быти, за десять поприщъ тучи и громы страшни быша съ дождемъ необычнымъ, и Милостивый съ Запороги тою пощю не дойде до града, а пріиде скорымъ приходомъ августа въ 12 день, и въ той-же день внезапу приидона во градъ Сапожковскаго города ратныи люди до 40 человѣкъ, кои шли со службы, и вышедъ съ вои сущими во градѣ, побѣдиша воюющихъ Запорогъ и побиша множество; полковникъ-же Милостивой отъиде отъ града съ великимъ страхомъ. Услышавше о семъ, начальникъ ихъ Петръ Сагайдачной наполниша многія яости и пріиде ко граду Михайлову со всѣми собранными его вои, августа въ 16-й день; и того-же дня пощю приидона Михайловы города ратныи люди изъ Калуги и изъ Серпухова—черкесь, стрѣльцевъ и козаковъ до 80 человѣкъ. Сагайдачный изготовиша съ Запороги и пристули на

взятіе града августа въ 17-й день со многими злоказненными умысли
со всѣхъ странъ, а нарядъ постави съ двухъ странъ и повелъ изъ
наряду стѣну града горящими ядры зажигати, а во градъ изъ луковъ
стрѣлы со огнемъ пущати безчисленно; приступаша-же ко граду два
дни да ноць, приметая примѣсть къ стѣнѣ града. Людіе градскія,
видяще бѣду свою, ужасошася и изнемогающе отъ многихъ приступовъ,
абіе вспомянуша, по писанію и Божію глаголу, како Господь Богъ за
униженіе грѣховъ восхотѣ погубити градъ Ниневію; егда-же людіе
града того, услышавше отъ пророка Іоны о праведномъ гнѣвѣ Божіемъ,
не точю сами воспріяша посты и покаяніе, но и изаденцемъ и скотомъ
ясти не даша и вси отъ сердца покаянія: тогда долготерпѣливый
Владыка, Госпель нашъ Іисусъ Христосъ не презри моленія ихъ и не
погуби ихъ. Тако и града Михайлова начальникъ и вси людіе, видаше
нападенія врага и изнемогающе вельми, покаянія вси мужи и жены
о грѣхахъ своихъ и воздѣвши руцѣ на небо, начаша молитви съ
плачемъ и воплемъ глаголюще: Владыко человѣколюбце Царю! яко-же
древле изліялъ еси милость твою на градъ Ниневію и избавилъ жи-
вущихъ въ немъ отъ погибели, тако и нынѣ, Владыко Царю, призри
на ли грѣшныя отъ святаго жилища Твоего, удиви милость твою на
насъ: не ища въ нась дѣлъ нраведныхъ, не обрящеши бо въ нась
ничто-же доброе; но яко-же горькій плачъ апостола Петра пріязъ еси,
тако иріими и нашъ плачъ малый, отъими рукописаніе грѣховъ нашихъ
и губою милосердія отри прегрущія наши по велицкѣй Твоей милости,
не презри горькихъ слезъ воинующихъ къ тебѣ, сотвори второе изба-
ваніе граду и людямъ нарѣченыхъ во имя Твое святое.

Тако плачущимъ и молящимъ всѣмъ живущимъ во градѣ, явися
въ то время чудо Пресвятаго Богородицы: пріѣде въ соборную церковь архи-
стратига Михаила нѣкто именемъ Митрофанъ и всѣмъ предстоящимъ въ
церкви повѣда сици: случися мнѣ, изнемогшу на защитѣ града, воздремати
и слышахъ гласъ, свыше глаголющъ ко всѣмъ сущимъ во градѣ: не бой-
тесь отъ находящихъ на вы враговъ, придохъ азъ, небѣская Царица,
на помощь къ вамъ; становите добрѣ и мужайтесь, а страхъ и ужасъ
отриньте отъ сердецъ вашихъ. Слышавше сіе, жителіе града—священ-
ники, клирицы, иконоставщи и вси люди возопиша отъ среды сердца,
воздѣвши руцѣ на небо и молящеся Господу Богу и Пречистой Бого-

матери о насносланіи помощи ко избавленію отъ предстоящей погибели; а сущіи внутрь града ратныя люди, силою Божественною и заступлениемъ Богоматери, возмогоща и охрабръшася, врата града отверзоша и устремиша съ воинемъ на враги, множество Запорогъ побиша, щиты, штурмы и приметы всѣ пожгоша, и бѣ явно видѣти преславную помощь Владычицы нашей Богородицы. Сагайдачный-же съ Запороги отстуши отъ града со страхомъ, кричаще абио гражданомъ: не блазинися о вашей силѣ и моемъ отходѣ, всячески утре градъ вашъ, яко птицу, рукою мою возму, и пуста его положу и огню предамъ, а живущимъ въ немъ, малу и велику, повелю руку и ногу отсѣюща и повергнуги исамъ.—И повелѣ всѣмъ своимъ Запорогомъ присягати на томъ, лабы, не взять града, прочь отъ него не отходить, и изготовивъ щиты, штурмы и приметы, прииде на взятие града августа въ 23-й день и обложи его со всѣхъ сторонъ снарядомъ. Жители-же града, видяще троящую имъ погибель, взяша нерукотворенный образъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, да образъ Владычицы Богородицы Одигитрія, да образъ мѣстный небесныхъ силъ архистратига Михаила и великаго чудотворца Николы, преходя по стѣнамъ града, моляхуся тако: защитниче нашъ Господи, Господи, призри отъ святаго жилища Твоего на скорбь и озлобленіе людей Твоихъ, отжени и ви-
зложи враги наши, да не рекутъ намъ, гдѣ Богъ ихъ? Ты бо еси Богъ нашъ, иже гордынь сопротивлещися, а на смиренныя окомъ милосердымъ приизираеш; на Тя уповаемъ и отъ Твоєя десницы избавленія чаемъ, Твоя бо держава неприкладна и владычество нерушимо. Избави градъ и люди Твой отъ предстоящія бѣды и напасти.

Тако молящимся и плачущимся со священными клиромъ всѣмъ людемъ явилъ чудо святаго Николы чудотворца. Пріяде въ соборную церковь архистратига Михаила нѣкто, именемъ Димитрій, портной мастеръ и повѣда священникомъ и всѣмъ предстоящимъ въ церкви: случилъ мя во время утренняго иѣнія въ хижинѣ моей тоицъ уснути, и прииде ко мнѣ пѣкій человѣкъ старъ, власы на главѣ имѣя сѣдинами украшены и начать ми будити. Егда-же азъ яко болрестенъ быхъ, повѣда ми тако: почто у васъ во градѣ страхъ и ужасъ на всѣхъ и плачь неутѣшимъ? Вы же не бойтесь, и молитесь и уповайте; услышана бо бысть молитва ваша и носыаетъ Богъ къ вамъ на помощь великаго чудотворца

Николу. И повелъ мнѣ возврѣти на полуденную страну и, возврѣвшу ми, видѣхъ грядуща съ небеси великаго чудотворца Николу изъ воздухъ: ризы на немъ быша бѣлы, яко снѣгъ, и на главѣ его вѣнецъ свѣтлъ, подобенъ злату. Отъ видѣнія сего ужасохелъ азъ страхомъ великомъ и трепетенъ быхъ. Будащій же повелѣль сказати священникомъ и всему миру, чтобы ходили со святыми иконами и кресты и молилися Богу и Преблагословенай Владычицѣ Богородицѣ, и Богъ не предастъ вась въ руки враговъ. Слышавше сіе, священники и все людіе взяша изъ соборныхъ церкви хоруговъ, на ней-же написанъ нерукотворенный образъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, а на другой странѣ образъ небесныхъ силъ архистратига Михаила, да образъ защитницы нашей Богородицы запрестольный и другихъ церквей святыхъ иконы и поидаша на большой приступъ къ сторожевой башни, гдѣ Запороги приметъ приставиша къ стѣнѣ града, наполниша рвы ко граду землею и имѣяху лѣстницы готовы ради на градъ восхожденія; во градѣ-же и у ратныхъ людей зеліе въ то время истощась. И бышася вои и житоліе со враги ручнымъ оружіемъ и со стѣнами града древомъ и каменiemъ метаху, а линii, вышедъ изъ подграднія стѣны въ подкопы съ оружіемъ мечнымъ, многихъ Запорогъ побиша, и сами илюзи за вѣру животъ свой положиша, а прочіи начаша зѣло изнемогати и скорбѣти. Пріодопа-же илюзи Запороги и ко архангельскимъ вратамъ съ многими умыслы на взятие града и начаша зажигати стѣну града. Въ то время принесона во врата запрестольный образъ Владычицы нашей Богородицы, да хоруговъ архистратига Михаила и образъ великаго чудотворца Николы, градскія же воины и людіе начаша вопити съ плачомъ великомъ о избавленіи града отъ погибели. И заступлениемъ архистратига Божія Михаила и великаго чудотворца Николы градскія вои со гражданы охрабрѣшась, врата града отверзоза и начаша поражати враги со многою силою и одолѣніемъ. И бѣ видѣти преславное избранное воеводство Владычицы нашей Богородицы, яко отроцы и жены устроимошася на Запороги и множество ихъ побиша. Во истину совершился реченнное: яко единъ гоняше тысячи. Такову крѣпость искрѣпкимъ и силу немощнымъ дарова Небесная Царица и заступница рода христіянского, яко минувшей конци, а дню наставшу, щиты, штурмы и приметы, аже бяху привезли Запороги на взятие града, и трупіева (?)

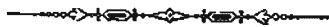
огию предаша, а священницы, клирицы, иночествующиye, начальникъ града и сущий съ нимъ людскій народъ, пришедъ въ соборную церковь, руки на небо воздѣюще, пѣша молебны, благодаряще со слезами Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу и Пренепорочной Матери Его, Владычицѣ нашей Богородицѣ, и небесныхъ силъ воеводѣ, архистратигу Михаилу, и великому чудотворцу Николѣ о преславномъ чудеси, о избавлениіи града отъ предстоящія погибели. А всенагубный врагъ Сагайдачный съ остальными Запороги своими отъиде отъ града со страхомъ и скорбю августа въ 27-й день.

Чудо первое архистратига Михаила: егда стояше Сагайдачный подъ градомъ, въ то время кѣкто отъ Запорогъ умысли разрушити себѣ на потребу храмъ на посадѣ во имя архистратига Михаила, возлѣзе на храмъ и нача раскрывать и аbie взыде на него страхъ и ужасъ и погибѣ.

Чудо второе архистратига Михаила: егда поиде отъ града Сагайдачный съ Запороги, повелѣ на посадѣ храмы и дома вси сожеши, и жегоща всѣ храмы и посады, а на посадѣ стояша два храма во имя архистратига Михаила и Николы чудотворца въ великой тѣснотѣ среди дворовъ; и около ихъ вси дома погорѣша, а храмы милостію Божію и заступленіемъ архистратига Михаила и великаго чудотворца Николы отъ огня невреждены быша.

И оттолѣ мы жители богохранимаго града Михайлова совершаємъ по вся лѣта торжественныя празднства въ тѣ дни, въ первый приступный день, августа въ 17-й день, чудо архистратига Михаила, а ѿь отшествії отъ града Запорогъ августа въ 27-й день празднуемъ великому чудотворцу Николѣ.

Приложчаніе. Подлинникъ приведенного документа, какъ отмѣчено въ свое время въ «Рязанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», хранится въ градскомъ соборѣ г. Михайлова и записанъ очевидцемъ мѣзазомъ.

ДВА ПИСЬМА ИСТОРИКА Н. А. МАРКЕВИЧА О СВОЕМ РОДОНАЧАЛЬНИКЕ МАРКЕ АВРАМОВИЧЕ.

Въ «Киевской Старинѣ» за 1884 годъ (январьская книжка, стр. 51) помѣщена статья А. М. Лазаревскаго о родѣ Марковичей. Въ началѣ этой статьи почтенный авторъ говоритъ, что родоначальникъ Марковичей — Маркъ Аврамовичъ, по преданію, былъ выкрайній еврей. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ однако указываетъ всего лишь на одинъ фактъ, который повидимому можетъ косвенно служить подтвержденіемъ вышеозначенаго преданія; именно на стр. 74—75 дѣлается ссылка на журналъ генеральской канцеляріи 1723 года, где говорится, что на обѣдѣ у миргородскаго полковника шла рѣчь «о какихъ-то жидахъ новоокрещенныхъ, явившихся въ Малороссію». Едва-ли однако эти слова могли относиться къ Марковичамъ, ибо Маркъ Аврамовичъ, о которомъ существуетъ предположеніе, основанное должно быть только на его имени и отчествѣ, что онъ крестился, въ это время былъ уже давно и мертвъ († въ 1712 году, въ августѣ); дѣти-же его и внуки въ это время, цороднившись съ лучшими фамиліями тогдашней козацкой старинны и сами занимая довольно видные войсковые уряды, вполнѣ были представителями парожданшейся тогда малороссійской аристократіи.

Другое мысль о происхожденіи рода Марковичей считаетъ ихъ сербскими выходцами. Именно такъ думаетъ авторъ «Русской родословной книги» (изданіе журнала «Русской Старины», С.-Пб. 1873 и 1875 гг.). Но въ подтвержденіе своего мнѣнія, кромѣ того

указаний, что и доселъ эта фамилія существует въ Сербіи, авторъ никакихъ доказательствъ не приводить.

Извѣстный историкъ Малороссіи, Николай Андреевичъ Маркевичъ естественно былъ заинтересованъ происхожденіемъ и національностью своего родоначальника и собирая все, что только относилось къ этому предмету. Просматривая бумаги бывшаго черниговскаго губернскаго предводителя дворянства, покойнаго Александра Михайловича Марковича (родившагося въ 1790, † 1865 г.), о которомъ съ такимъ глубокимъ уваженіемъ отзывался въ концѣ вышеупомянутой статьи знавшій его лично А. М. Лазаревскій, я встрѣтилъ письма къ нему историка Маркевича. Два изъ этихъ писемъ относятся къ занимающему часъ предмету. Одно изъ нихъ собственно касается портрета Марка Аврамовича и лишь отчасти даетъ материалы для его біографіи, а другое почти цѣликомъ наполнено свѣдѣніями о немъ. Документальная данныя, приводимыя въ этихъ письмахъ, опять таки прямо ничего не говорятъ о происхожденіи Марка Аврамовича, но они на мой взглядъ положительно говорятъ за то, что это не былъ выкренченній еврей. А именно документы, бывшия въ рукахъ Н. А. Маркевича, говорятъ, что уже отецъ Марка Аврамовича и его сестры, по мужу Бендычки, были владельцемъ земель и оселившихся на нихъ послолѣтнихъ крестьянъ, т. е. были державцею, помѣщикомъ того времени. О самемъ-же Маркѣ Аврамовичѣ въ этихъ документахъ говорится, что онъ былъ «славетный», т. е. знатный обыватель прилукей. Если-же къ этому прибавимъ, что дочь его была замужемъ сперва за генеральнымъ бунчучнымъ, а потомъ за гетманомъ, а два сына были женаты на полковничихъ дочеряхъ, и это уже въ то время, когда малороссіане придавали довольно большое значеніе родственнымъ связямъ, то мій кажется, можно съ положительностю признать, что Маркъ Аврамовичъ, родоначальникъ нынѣшніхъ Марковичей и Маркевичей, не былъ выкренченній еврей¹⁾.

¹⁾ Марковичи и Маркевичи происходять отъ одного и того-же родоначальника, Марка Аврамовича. Первые представители этого рода вѣдь писали свои фамиліи черезъ о: «Марковичъ». Полонизировавшій свою фамілію, перенесъ въ о на е, быть, кажется, Иванъ Андреевичъ Маркевичъ (род. 1747, † 1814 г.), дѣдъ историка. Его потомки удержали это измѣненіе и до сихъ поръ. Старшая же отрасль этой фаміліи, и болѣе многочисленная, и нынѣ изменила себѣ правильно.

Считая упомянутые письма Н. А. Маркевича интересными, какъ по занимающему нась вопросу, такъ и по другимъ сообщае-мымъ ими свѣдѣніямъ, а также и потому, что они отчасти харак-тизуютъ и симпатичную личность нашего историка, съ разрѣ-шенія нынѣшняго владѣльца Марковичевскаго архива (въ с. Свар-ковъ, глуховскаго уѣзда черниговской губерпії), И. А. Маркевича, привожу ихъ здѣсь цѣликомъ.

I.

1847 г. Генваря 27 дня. Радъковка.

Третьяго дня только я возвратился въ здѣшній уѣздъ и въ донѣ-тестя моего засталъ ваше письмо, почтенный и милый сердцу моему Александръ Михайловичъ. Желанье ваше постараюсь выполнить; какъ нарочно я нашелъ на дняхъ живописца, крестьянина Софы Гавриловны Писаревой, который весьма удачно снялъ портретъ красавицы со своей барыни; а кто можетъ передать такую красоту на холстъ сходно съ подлинникомъ, тотъ, по моему предположенію, можетъ сдѣлать снимокъ съ портрета предка нашего, весьма икою чтимаго, по не красавца. Между прочимъ, когда моя жена носила одного изъ моихъ сыновей, у меня въ то время былъ портретъ предка, и вотъ дѣло, относящееся къ физиологии беременности: мой сынъ—вылитый предокъ. Дай Богъ, чтобы былъ и такъ богатъ! Живописецъ Писаревой будетъ снимать портретъ жены моей, и если сниметъ его удачно, я договорю на коню со старикомъ; а что возьметъ, о томъ предувѣдомлю васъ, и только дайте въ то время мнѣ знать, согласны ли вы на цѣну¹⁾.

¹⁾ Копія съ портрета была снята для А. М. Маркевича и сохранялась въ его сварковской усадьбѣ до пожара, бывшаго здѣсь въ 1872 году, отъ которого всѣ портреты и библіотека (собранные Марковичемъ, авторомъ «Древнѣхъ Запи-сокъ») сильно пострадали; но все таки и донынѣ можно хорошо размотрѣть черты лица и одѣяніе Марка Аврамовича. Онъ изображенъ во весь ростъ и въ натуральную величину стоящимъ передъ аязломъ съ молитвенными руками. На аязлѣ Распятіе и развернутая книга. Лицо съ высокими открытыми лбомъ, обра-млено всѣбольшою сѣдою бородою и длинными усами. Платъ состоять изъ синяго кунтуша, подпоясаннаго узорчатымъ поясомъ, и наброшеннай на плечи длинной ки-реи, опущенной горностаемъ. Кстати о другихъ старинныхъ портретахъ Маркови-

Вы желаете знать подробности о томъ, гдѣ и какъ я пріобрѣлъ этотъ портретъ. Вотъ вся повѣсть.

Предокъ нашъ строилъ дальнюю пятикупольную церковь и всѣ стѣны, съ лавками и безъ лавокъ, въ Густынѣ. Онъ умеръ въ глубокой старости, и положенъ былъ въ погребу монастырскомъ подъ главкою пятикупольною церковью, построеною гетманомъ Самуйловичемъ. Портретъ его, писанный съ нерваго, былъ поставленъ въ церкви съ лѣвой стороны, лицомъ къ образамъ иконостаса, къ сѣвернымъ вратамъ, у самаго амвона проповѣдника. Отвѣсно подъ портретомъ въ погребу поставленъ былъ гробъ старика.

Когда я учился у Павла Павловича Носенка, на Лапинцахъ, что подъ Примукою, я часто бывалъ въ Густынѣ, и даже выдалъ еще монаховъ, изъ которыхъ иѣкоторые доживали вѣка въ свое мѣсто упраздненному монастырю; зданія еще не были тогда въ такомъ разрушеніи. Монастырскій фруктовый садъ еще былъ не вырубленъ, хотя деревья были стары; Маркевичевская церковь имѣла еще священника, купола были подъ крестами, глава не была наклонена; въ вышку было опасно ходить, но туда входили, кто былъ похрабрѣ. Тамъ еще оставались книги и рукописи; ихъ послѣ перевезли въ Черниговскій троицкій монастырь. Одна изъ нихъ: *Литопись густынскай*, досталась мнѣ случайно. Я ввѣрилъ ее на время митрополиту Евгению Болховитинову, но смерть его, которая отняла у насъ ученаго изыскателя древностей, отняла у меня рукопись драгоцѣнную; гдѣ она теперь, не знаю. Въ то время еще я видѣлъ полуразрушенную трапезу, зданіе предка-же моего, Ивана Степановича Мазели. Тридцать два года спустя я сходилъ въ подвалы, нашелъ гробы Маркевичей, Горленковъ и одного Гудовича безъ кровель, скелеты безъ покрововъ, но галуны и даже шелковыя матеріи иныхъ уцѣлѣли, только цвѣть иѣсколько полинялъ. Меня водилъ туда самъ Варсонофій. Гдѣ стоялъ гробъ предка, тамъ

чай. Портретъ подскарбія генеральнаго Якова Марковича, сохранившійся тоже въ с. Сварковѣ, сгорѣлъ во время сказанного пожара; гравюра съ него приложена къ «Дневнѣмъ Запискамъ». Портретъ-же гетманши Скоропадской, рожденной Марковичъ, съ котораго гравюра также приложена къ тѣмъ-же «Дневнѣмъ Запискамъ», сохранился, рядомъ съ портретомъ ея мужа гетмана Скоропадскаго, въ гаматѣевскомъ монастырѣ (глуховскаго уѣзда, Черниговской губерніи), котораго они были фундаторами.

куча костей, сброшенныхъ въ одинъ холмъ, какъ попало, и дѣтскія и крупныя вмѣстѣ. Одна изъ бумагъ, подлинная, мнѣ указываетъ, что изъ Маркевичей, сколько даль на монастырь и кто изъ нихъ въ немъ погребенъ¹⁾). Эта бумага — духовная засісь, документъ на имѣнія, хранится у меня.

Возвратясь изъ Петербурга въ 1820-мъ году, я не нашелъ въ монастырѣ портрета предка моего. Но мнѣ тогда не время было отыскивать древности: мнѣ было 16 лѣтъ. Лучше всѣхъ древностей для меня въ то время были живые звуки, живые взгляды, живыя формы. Подъ старость только мы обращаемся къ тому, что было, и къ тому, что будетъ.

Въ 1829 году, возвратясь изъ Москвы, узналъ я, что одинъ изъ моихъ однофамильцевъ, предобрый человѣкъ, уже покойникъ (и хотя *de mortuis aut bene, aut nihil* — прости Господи мое прогрѣшеніе — дуракъ), наложилъ вполнѣ святотатственную руку, съ пригоршнемъ 25 цѣлковыхъ, на предка. Онъ купилъ его у попа, сплюхъ съ мѣста, освященнаго временемъ и переселился въ свою поганую лачугу. Спустя нѣсколько лѣтъ увидѣлъ я портретъ этотъ у моего соѣда, тоже Маркевича; онъ купилъ его у того, я даль ему билліардъ за предка; но какъ мой соѣдъ до того времени имѣлъ всегда въ шкатулкѣ деньги, а принявъ билліардъ за предка, издержалъ эти деньги, да и вексель его на Голенковской пошоль въ конкурсъ, то для обзаведенія денегъ снова онъ выпросилъ у меня, чтобы я принялъ назадъ билліардъ, а портретъ возвратиль-бы ему. Къ тому-же предокъ стоялъ въ столовой, мой старшій сынъ такъ испугался, такого крику надѣлалъ, увидѣвшіи праціора, что жена моя съ той поры стала враждовать къ предку. Не скоро послѣ того Варсонофій пріѣхалъ обновлять густынскій монастырь, и, какъ одного изъ главныхъ его строителей, я купилъ предка и возвратилъ ему древнее жилище его.

Что касается до надписи, я и самъ не могъ ее прочитать; по которымъ буквы явственны, тѣ такъ и снимутъ на копію. Я помнилъ однокимическое средство давать цѣвѣть буквамъ, написаннымъ масляными

¹⁾ Въ густынскомъ монастырѣ похоронены еще сынъ Марка Аврамовича Иванъ, судья полковой прілуцкій, и его жена, рожденная Думитрянко-Райчъ.

красками, когда ихъ стерло время. Подъ буквами, какъ подъ всякими красками, есть грунтъ; этотъ грунтъ получаетъ красный цветъ, въ то-же время цвета другіе появляются по сторонамъ буквъ. Если я отыщу или приложю это химическое средство, то употреблю непремѣнно.

Мнѣ грустно, вспоминалъ о томъ, какъ долго не видѣть я васъ. Въ апрѣль мнѣ хочется быть въ Глуховщинѣ, и тогда надѣюсь наѣхать сварковскаго хозяина. Въ это время Клевень долженъ быть восхитителенъ съ безкопечными лѣсами, безбрежнымъ разливомъ, съ горами праваго берега и селами по окраинѣ. Все это хорошо, даже восхитительно, украшенное мастерскою рукою садовника, оживленное прелестнымъ присутствиемъ хозяина. Но вотъ что отнюдь не хорошо, во-все не восхитительно: отъ Прилукъ до Туровки близко, изъ Пере-винецъ въ Прилукъ должноѣѣхать въ шести верстахъ отъ Туровки; лошадей у меня много, почта все стояла-бы тамъ, гдѣ вы-бы указали, и не смотря на все это, вы никогда не видѣли ни дому, ни саду моего; я ни разу еще не пожалъ руку вашу, какъ хозяинъ, много разъ ножималъ ее, какъ гость.

Обнимая васъ отъ всего преданнаго вамъ сердца, осталось навсегда и неизмѣнно вашъ

И. Маркевичъ.

Julie просила напомнить вамъ обѣ ней и благодарить за привиску.

II.

1848 г. Марта 25 дн.

Поздравляя васъ съ праздникомъ Благовѣщенія, спѣшу уведомить васъ, почтеннѣйшій Александръ Михайловичъ, что на дняхъ получилъ я 39 номеровъ подлинныхъ рукописей въ подарокъ изъ разныхъ мѣстъ. Въ числѣ этихъ рукописей есть совершенно новая для меня «Лѣтопись Малороссіи», писанная въ гетманство Богдана Хмельницкаго, которую я на время отправилъ въ императорское московское общество исторіи и древностей россійскихъ. Переписка зятя Мазепы Дм. Горленка есть Головинъ, Шафировъ, Голицынъ и Шереметевъ и много другихъ историческихъ и статистическихъ бумагъ. А между прочими подлинные документы, разъясняющіе то, что намъ было не-

понятно на щотъ нашего родоначальника Марка Авраамовича, котораго портретъ я возвратилъ монастырю густынскому. Зная, какъ для васъ интересно это, увѣдомляю васъ о столь важной для всѣхъ нась находкѣ.

№ 1-й. Запись пана Ивана Маркевича (сына Марка) 1712 годъ, сентября 15. Въ ней сказано между прочимъ: «иже лѣсъ свой властный, никому ни въ чёмъ не пенный и не заведенный, по отцеви имъ зосталый за Сельцемъ Будами... небожчина (покойника) блаженной памяти пана Марка Авраамовича... помежъ лѣса Андрея Горленка» (полковника прилуцкаго) и пр. По этому видно уваженіе къ старику.

№ 2. Запись Дмитрия Горленка на лѣсъ купленный у «Марка Авраамовича, славетнаго (славнаго) обывателя нашего прилуцкаго». Годъ 1701, октября 5 дня. Это доказываетъ, что онъ былъ землевладѣлецъ и еще знатный баринъ, чо не служилъ, а просто жилъ въ Прилукѣ свободнымъ паномъ.

№ 3. Тяжба Анастасии Марковны Скоропадской съ Горленкомъ. Вотъ любопытная изъ этого документа выписка. «Жона его, покойнаго пана гетмана Скоропадского, Анастасія Марковна здавна въ своемъ намѣреніи положила обѣщаніе монастырь дѣвичій, въ способномъ па тое мѣсце, именуемомъ Харлампіева пустынька, якій теперь называется Гамалѣевскій, своимъ иждивеніемъ ново создати, и до онаго мельницъ зъ прочими кгрунтами власною своею суммою иокупила, также собственный свой отеческій хуторъ, именуемый дубогаевскій (с. Дубовый гай), въ прилукскомъ полку обрѣтаточіясл, съ людми тамъ же на купленныхъ кгрунтахъ поселенными и съ приселками: Яблуновцемъ (Яблоновка), Былошанко, Деймановою, Сергіевкою и девъ Дѣвички къ нему (т. е. дубогаевскому хutorу) належаними отдала». И такъ этотъ Маркъ Авраамовичъ, главный строитель густынского монастыря, славный обыватель прилукскій, былъ владѣлецъ посполитыхъ крестьянъ и выше названныхъ сель, въ которыхъ нынѣ казенныхъ крестьянъ, отплыхъ отъ монастыря Екатериною, числится 8,000 душъ въ однихъ уѣздахъ прилукскомъ и пирятинскомъ. Бумага писана въ 1728 году, февраля 6 дня.

Годъ тому назадъ, между другими манускриптами, получилъ я одинъ документъ фамильный, по которому видно, что Маркъ Авраамовичъ

имѣль дѣтей: Андрея¹⁾, Федора²⁾, Ивана³⁾ и четырехъ дочерей, коихъ имена названы, но ихъ не помню, бумаги-же въ Туровѣ; только помню, что отецъ выдалъ ихъ за двухъ генеральныхъ старшинъ: Гонзакревскаго и Миклашевскаго, за наказнаго гетмана Павла Полуботка (въ первомъ бракѣ) и за гетмана Скоропадскаго⁴⁾.

Въ выше приведенномъ документѣ, № 3-й, оказывается, что у Марка Авраамовича была сестра, женщина богатая имѣніями *движимыми и недвижимыми*, на которой совершила духовную запись въ Прилукахъ; ея фамилія была: *Бендычка*. Слѣдовательно, какъ сонаслѣдница Марка Авраамовича, она была дочерью владѣльца земель и крестьянъ, и отецъ ихъ Авраамъ бытъ паномъ надъ посполитыми.

Всѣ эти документы подлинные и за печатями.

Между прочимъ мой одинъ соѣдъ, почтенный старикъ Пав. Павл. Вѣлецкій-Носенко подариль мнѣ два труда своихъ весьма замѣчательныхъ, огромныхъ и важныхъ для филологовъ—грамматику и словарь языка малороссійскаго. Полнота ихъ такъ велика, что изъ всѣхъ моихъ древнихъ манускриптовъ я могъ выбрать только 40 терциновъ, пропущенныхъ въ его словарѣ. Съ этими пособіями намъ теперь легко понимать и разбирать древнія акты и лѣтописи, ибо туда вмѣщена и цацеографія. Авторъ передалъ мнѣ законнымъ порядкомъ право собственности на эти труды свои, и я уже отнесся въ отдѣленіе россійской академіи наукъ; съ нетерпѣніемъ жду обѣихъ отвѣтъ.

¹⁾ Родился 1674 г. Сотникъ глуховскій 1709—1714 г., полковникъ лубенскій 1714—1729 г., подскарбій генеральный 1729—1740 г., обозный генеральный въ отставкѣ съ 1740 года, † 1747 г. Жена Анна Ивановна Маковская, dochь сотника кролевецкаго.

²⁾ Бунчуковый товарищъ, наказной полковникъ прилуцкій, потомъ гадяцкій. Жена Екатерина Степановна Томара, dochь полковника Переяславскаго.

³⁾ Судія полковой прилуцкій, † 1724 г. Жена Екатерина Федоровна Думитриашко-Рапчъ.

⁴⁾ У Марка Авраамовича было пять дочерей: 1) извѣстная Анастасія, гетманша; 2) Ирина, бывшая замужемъ за Степаномъ Михайловичемъ Миклашевскимъ, бунчуковымъ товарищемъ, сыномъ извѣстнаго полковника стародубскаго; 3) Нелагая; мужъ ея Андрей Кондзеровскій никогда не былъ генеральнымъ старшинею; онъ былъ господарь, т. е. домоправитель шурна своего гетмана Скоропадскаго; 4) Марина; мужъ ея Павелъ Иппенецкій; 5) Параскевія; мужъ ея Демьянъ Якубовичъ, бунчуковый товарищъ.

Что скажете вы о дѣлахъ европейскихъ? Европа превратилась въ Эту. Не найдете ли Геркулеса, который зазеть этотъ волканъ волнами океана, называемаго Россіею?

Я жду отъ васъ отвѣта съ нетерпѣніемъ.

Васъ вполнѣ уважающій и столько-же преданный

H. Markевич.

Моя Julie вашъ кланяется.

Сообщ. Петръ Дорошени.

С. Банчи

Черниговской губ., слуцкаго у.

Библіографія.

Малоруссійські літературні новинки 1885 року.

Десять книжекъ и книжечекъ—таково скромное число этихъ новинокъ. Въ свое время мы бесѣдовали о важнѣйшихъ изъ нихъ, сборникѣ «Рада» и новостяхъ Мордовцева. Предъ нами теперь пачка брошюре и Альманахъ «Нива», вышедшій въ Одесѣ.

Преобладаютъ поэты. Пять книгъ на языкеъ богою, изъ десяти напечатанныхъ, не слишкомъ-ли много? Въ словесности, стоящей болѣе нормально, не стоило бы, конечно, печалиться о появлениія плохихъ виршей. Всегда и вездѣ плохихъ книгъ больше, чѣмъ хорошихъ. Шускай-бы тѣшились авторы и плакали издатели. Но тамъ, гдѣ все на счету, гдѣ все ставится въ строку, нестройные вопли самозванныхъ сыновъ музъ нельзя не признать рѣжущей ухо и пленукої музикой. Кому и для чего нужна хоть эта безконечная и вялая болтовня, названная «Украинскими сказками», сочиненная въ Киевѣ какой-то Натальей Хуторничкой? Кто станетъ тратить время на чтеніе «Першихъ (!) лирическихъ творивъ» г. Жарка, которыми подарила насъ Полтава? Хромые стихи, отсутствіе представлениія о размѣрѣ, избитыя передразниванные Шевченка и народныхъ мотивовъ. За отсутствіе таланта винить нельзя; но можно требовать, чтобы, выступая съ ворохомъ стиховъ, «поэтъ» сказаль-бы хоть чтонибудь не съ чужаго голоса, хоть одно свое искреннее слово. Большинство пѣвцовъ не дѣлаетъ двухъ шаговъ, и еще какихъ шаговъ, виѣ заколдованнаго круга шевченковскихъ мотивовъ. Разумѣется, тутъ все дѣло въ слабости юныхъ силъ.

Поэма г. Кострицкаго «Нова Громада» выдѣляется по размѣрамъ и по пріему. Она посвящена еврейскому вопросу въ нашихъ селахъ и дышетъ ненавистью къ іudeямъ. Извѣстно, какими болѣзнями вспыш-

ками напоминает о себѣ этотъ вопросъ, какимъ сложнымъ и труднымъ представляется его решеніе. Кому-бы, кажется, пришло въ голову усугублять эту трудность стихотворной формой? Г. Кострицкій этой трудности не побоялся и решаетъ еврейскій вопросъ въ стихахъ. Его стихи дѣловые. У него нѣтъ типовъ, но есть практическіе советы. Еще шагъ, и мы вернемся къ поэмѣ «О пользѣ стекла».

Нѣтъ сомнѣнія, что въ своей массѣ еврейское племя не знаетъ другого культа, кромѣ культа наживы. Какъ въ они дни въ пустынѣ, оно поклоняется и теперь золотому тельцу. Безчисленными свидѣтельствами доказана также эксплуатадія имъ сельского народа въ прошломъ и настоящемъ. Но г. Кострицкій въ своей ненависти къ жидамъ заходитъ слишкомъ далеко, когда приписываетъ всю удивительную метаморфозу изображаемаго имъ села одному только факту изгнанія Янкеля и Гершка: послѣ этого изгнанія село стало неузнаваемымъ: завелась прекрасная школа, съ учителями изъ мѣстныхъ людей, возникла общественная лавка, удѣляющая половину дохода на школу, мастерская необходимыхъ въ сельскомъ быту орудій и предметовъ, появилась, вместо шинка, господа, родъ деревенскаго клуба, мѣсто встрѣчъ и отдыха. Для описываемаго элизіума одного выселенія евреевъ слишкомъ мало... Справедливость требуетъ сказать, что въ этой дикой и неуклюжей поэмѣ есть мысли, свидѣтельствующія обѣ истинной любви къ сельскому люду и что изыскъ разсказа непринужденъ и чистъ.

Къ области юдофобіи относится и фарсъ г. Бораковскаго «Влюбленный жидъ», о которомъ не стоило-бы упоминать, если-бы въ немъ, сквозь площадную грубость, не видѣлась несомнѣнная комическая жилка. По части театра вышла еще драма «Неснарвана Пара», скучный перифразъ хорошей старой пьесы «Доля» Стеценка. Въ Харьковѣ вышло новое изданіе сочиненій г. Кропивницкаго. Въ книгу вошли почему-то пьесы «Глитаѣ» и «По ревизії», двѣ лучшія вещи автора, и комедія «Доки сонце зайде...», совсѣмъ не бывшая въ печати.

Въ одесскомъ альманахѣ «Ныва» остановимся прежде всего на отрывкѣ изъ «Одиссеи» VI пѣсни въ переводе г. Нищинскаго. Уже переводомъ софокловой «Антигоны», г. Нишинскій обратилъ на себя вниманіе. Полный переводъ «Одиссеи», равный по достоинству напечатанному отрывку, поставилъ-бы его въ украинской словесности на очень почетное мѣсто. Въ переводѣ «Антигоны», точномъ, но вѣсколько суховатомъ, попадались изрѣдка маленькия увлеченія и человѣчности. Неожиданно было появленіе въ эллинскихъ устахъ начала пѣсни «Ой не шуми луже...», или передача слова *αὐτῆς* (вождь) словомъ полковничь.

Въ прекрасныхъ гекзаметрахъ «Одиссея» не замѣтно усиленія; стихъ сво-

боденъ и легокъ, въ языкѣ нѣть ни одного натинутаго оборота, и, что важнѣе всего, переданъ превосходно общій духъ великаго произведенія древности, та спокойная ясность, та возвышенная красота, которыми, какъ лучами солнца, насквозь пронизано созданіе «всевидящаго слѣпца». Юношеская простота древней культурной жизни въ сравненіи съ новѣйшею европейскою, повидимому, представляеть покуда болѣе подходящія условія для передачи на малорусскій языкъ созданій античнаго міра, чѣмъ западно-европейскихъ поэтическихъ произведеній.

Въ «Перепискѣ» Гоголя, по поводу перевода «Одиссеи» Жуковскаго, есть нѣсколько дивныхъ страницъ. Нельзя не вспомнить словъ великаго писателя, желая появленія полнаго труда г. Ипполитовскаго и его распространенія: «Одиссей есть именно то произведеніе, въ которомъ заключались все нужные условія, дабы сдѣлать его всеобщимъ и народнымъ. Оно соединяетъ всю увлекательность сказки и простую правду человѣческаго походженія, имѣющаго равную заманчивость для всякаго, кто бы онъ ни былъ».

Значительную оригинальную вещью одесского сборника является разсказъ г. И. Левицкаго «Чортача Спокуса», — повѣствованіе кишиневской вдовы мѣщанки о томъ, какъ ее сначала искушалъ демонъ пынства, въ лицѣ коварныхъ сосѣдокъ, а потомъ чуть-ли не самъ нечистый, въ образѣ молодого цыгана Грекора, оказавшагося разбойникомъ, кото-раго она безумно полюбила. Начало рассказа растянуто и представляетъ не совсѣмъ стройное соединеніе юмора съ попыткой лѣвицкой психологии. Но съ появлениемъ на сценѣ полуудицаго Грекора весь складъ повѣствованія измѣняется совсѣмъ. Развитіе этой непобѣдимой, пламенной страсти изображено съ удивительной силой. Здѣсь прекрасный талантъ автора предстаетъ предъ нами во весь ростъ. Могучій, дѣлкій образъ разбойника, съ его темной душой и вспышками страсти, нельзя забыть, и онъ останется однимъ изъ самыхъ замѣтныхъ въ ряду лицъ, созданныхъ авторомъ «Двухъ московокъ».

Пьеса г. Старицкаго «Утоплена», какъ вещь назначеннай для сцены, какъ канва для музыки, могла-бы стоять въ литературного разбора; но, появившись въ литературномъ сборнике, она очевидно имѣеть въ виду другой масштабъ. Какъ во всѣхъ передѣлкахъ этого автора, отличительная черта пьесы — сценичность, стремительность дѣйствія. Но что такое эта пресловутая сценичность?

Какъ въ романѣ, такъ и въ драмѣ обозначаются рѣзко два типа: психологический и виѣшній (романъ или драма виѣшнихъ событий, приключений). Только исключительными талантами, какъ Гоголь, какъ Островскій, удается рука объ руку съ развитіемъ дѣйствія рисовать и харак-

терь, и душевный складъ лицъ, и мотивы ихъ поступковъ. Комедія со-
бытій заботится только о непрерывающемся дѣйствіи, о неослабномъ
сценическомъ движеніи. Ей не по силамъ да и некогда заниматься об-
рисовкой лицъ. Пусть зритель объясняетъ причины ихъ поступковъ,
какъ хочетъ п умѣть. Онъ станетъ искать объясненія, во всякомъ случаѣ,
потомъ, такъ въ театрѣ онъ едва поспѣваетъ слѣдить за ходомъ дѣй-
ствія. Прототипа пьесъ такого рода надо искать въ театрѣ маріонетокъ,
а самаго блистательнаго развитія въ французской драматургії, въ пьесахъ
Скриба, съ ихъ условными, окаменѣлыми типами, необычайной быстро-
тою дѣйствія и ловкостью завязки и развязки.

Все сказанное только отчасти относится къ пьесѣ г. Старницкаго,
представляющей просто приспособленіе къ сценѣ извѣстнаго гоголевскаго
рассказа. Погоня за сценичностью не могла окончательно убить поэти-
ческой стороны этой хуторской легенды; но доведенная до крайности
въ другихъ отнопеніяхъ, она есть ничто иное, какъ благополучное воз-
вращеніе къ театру маріонетокъ.

Въ «Нынѣ» есть маленький сборничекъ народныхъ пѣсень одес-
ского уѣзда, представляющей интересную попытку собранія пѣсенныхъ
мотивовъ, имѣющихъ обращеніе въ опредѣленномъ районѣ. Къ сожалѣнію,
сборникъ очень не великъ. Сосѣдство народныхъ пѣсень очень не вы-
годно для цѣлой арміи «поэтовъ», испещрившихъ альманахъ своими
пѣснопѣньями. Стихи этихъ господъ не удовлетворяютъ даже простѣй-
шему требованію соблюденія размѣра. У Мольера выведенъ гдѣ-то на-
ивный буржуа, который изумляется не мало, узнавъ въ старости, что
всю жизнь онъ говорилъ прозой. Вѣднѣкъ никогда не задумывался объ
этомъ. Удивленіе гг. Незвистнаго, Ухача и друг., если-бъ имъ суждено
было прозрѣть, было бы гораздо основательнѣе. Вѣдь теперь они убѣж-
дены серьезно, что пишутъ стихами.

W.

*Къ исторіи полемики между московскими и малорусскими уче-
ными въ концѣ XVII ст., И. Шляпкина. (Журналъ министер-
ства народнаго просвѣщенія, 1885 г., октябрь, стр. 210—252).*

Въ борьбѣ съ католической Польшей за свободу вѣроисповѣданія
малоруссы въ XVII ст. невольно усвоили себѣ иѣкоторыя ученія запад-
ной церкви, напримѣръ, ученіе о томъ, что пресуществленіе св. Даровъ
на литургіи происходитъ во время произнесенія словъ Христа Спасителя:
«пріймите, ядите» и проч. Статья г. Шляпкина о полемикѣ между москов-
скими и малорусскими учеными представляетъ похраброе пыслѣдованіе о
тѣхъ спорахъ среди духовенства и мірянъ, которые были вызваны появ-
лениемъ

леніемъ хлѣбопоклонной ереси въ Малороссіи и въ Москвѣ. Вопросъ о времени пресущественія св. Даровъ вызывалъ въ XVII в. полемику и рѣзко выдвинулъ двѣ, тогда еще нѣсколько скрытныя, партіи православнаго духовенства—великорусскую и малорусскую. Г. Шляпкинъ указываетъ на то, что не только малорусскіе архіереи, но и въ самой Великороссіи, въ началѣ спора, многія высшія духовныя лица держались мнѣнія, что пресущественіе совершається при произнесеніи словъ Спасителя: «приймите, идите» и проч. Митрополитъ казанскій, впослѣдствіи московскій патріархъ Адріанъ, раздѣлилъ это мнѣніе. Другой архіерей, митрополитъ Павелъ рязанскій, еще въ 1683 г. въ наставительной грамотѣ духовенству своей епархіи писалъ, что пресущественіе св. Даровъ совершається при словахъ: «приймите, идите» и проч. Самъ Евфимій, столь усердно спорившій съ латинствующими малоруссами, въ своемъ «Воумленіи іереймъ» приписывалъ пресущественіе словамъ Христа Спасителя и лишь впослѣдствіи исправилъ свое мнѣніе. Если принять, что «Слово о благоговѣйномъ слушаніи літургії» (Синод. бібл., № 147, л. 303) принадлежитъ патріарху Іоакиму, какъ висадъ въ оглавлениі этой рукописи владѣлецъ ея, св. Дмитрій Ростовскій, то окажется, что и самъ патріархъ Іоакимъ требовалъ когда-то поклона при словахъ Христовыхъ. Тѣмъ болѣе выдается та настойчивость, съ которой патріархъ Іоакимъ сталъ въ концѣ 80-хъ годовъ престѣдовывать это мнѣніе о времени пресущественія св. Даровъ, престѣдовывать въ Москвѣ Сильвестра Медвѣдева и его единомышленниковъ, а въ Малороссіи все высшее духовенство. По видимому, въ данномъ случаѣ на патріарха большее вліяніе оказали братья Лихуды и въ особенности инохъ Евфимій. Въ статьѣ г. Шляпкина довольно много места отведено препирательствамъ патріарха Іоакима съ высшимъ малорусскимъ духовенствомъ о времени пресущественія св. Даровъ. Возникшая по этому поводу въ Москвѣ полемическая литература проникла въ Малороссію и здѣсь сочувствие было на сторонѣ Сильвестра Медвѣдева. Мазепа писалъ Шакловитому: «Книги ваша вельможность далъ мнѣ за великую тайну (т. е. «Манну» С. Медвѣдева и «Акосъ» Лихудовъ), но вижу, что уже давно по всему Киеву ихъ знаютъ, такожде и въ Черниговѣ... Тіи же книги присланы митрополиту, ко архіепископу и архимандриту (п. Іоакимомъ)... желаютъ дабы одно разумѣли съ греками тѣми двѣма (т. е. Лихудами) и дабы оно свое разумѣніе на письмѣ прислали; но всѣ духовные (не только) подпишатися на оно, что Медвѣдевъ правду пишетъ, а они (греки) ложь, но и умирati готовы. На ону греческую книжку, по указу митрополита и всего чина духовнаго, отписываетъ Монастырскій». Въ статьѣ г. Шляпкина личность и дѣятельность Монастырскаго впервые опредѣлены съ

точностію и полнотою, и въ этомъ отношении статья г. Шляпкина представляетъ серьезный научный интересъ, тѣмъ болѣе, что сообщенія его о полемической дѣятельности товарищѣй Монастырскаго, митрополита Гедеона, арх. Лазаря и архим. Варлаама, представляютъ повтореніе лишь извѣстнаго въ печати. Монастырскій—игуменъ кирилловскаго монастыря Иннокентій. Составленный имъ въ 1689 отъ имени киевскаго митрополита отвѣтъ патріарху Іоакиму о времени пресуществленія св. Даровъ считался потеряннымъ. Онъ однако существуетъ въ рукописи, находящейся въ императорской публичной библіотекѣ, и г. Шляпкинъ приводить его полное заглавіе и дѣлаетъ изъ него любопытное извлеченіе. Отвѣтъ составленъ съ значительной фактической аргументацией и съ ироніей. Такъ, Иннокентій въ концѣ своего отвѣта говорить о Лихудахъ малорусскимъ присловьемъ: «Лихій (Лихуды) добромъ найдетъ чимъ досадити» и затѣмъ заключаетъ сочиненіе словами: «Безстыдно убо Лихудевы клевещутъ на святую соборную малороссійскую церковь, нарицающе ей сыновъ быти македоніани». Въ 1690 г. Иннокентій прѣѣхалъ въ Москву, въ свитѣ гетмана Мазепы, со многими другими духовными лицами, представлялся патріарху Іоакиму, и въ то время, когда другіе малорусскія духовныя лица «благочестно разглаголствоваху и... святѣйшему патріарху соединишася», Иннокентій Монастырскій, «родомъ жидовинъ, иъ раздору церковному приложиль, еще святѣйшаго Іоакима патріарха безчестнѣ и безстыдно укоряти, таковыя ради вины, яко гниль удъ, про克лять быль и отосланъ». Высланный изъ Москвы, Иннокентій возвратился въ Малороссію и здѣсь оставался игуменомъ кирилловскаго до смерти, послѣдовавшей въ 1697 г. Въ концѣ концовъ, малоруссы, какъ извѣстно, покорились, вполне принявъ предложенное патріархомъ Іоакимомъ толкованіе о времени пресуществленія св. Даровъ.

«Исторія полемики о пресуществленін, говоритъ г. Шляпкинъ въ концѣ своей статьи, показываетъ, что какъ въ расколѣ, такъ и въ латинство, впадали лучшіе даровитѣйшіе люди своего времени. Въ сравненіи съ сторонниками православной партії, исключая Лихудовъ, получившихъ образованіе за границей, латинствующіе стоять гораздо выше и по эрудиціи, и по гуманности своихъ взглядовъ; они требуютъ болѣе терпимости къ латинству, къ иностраннымъ, даже приносить за нихъ жертвы на проскомидіи (см. Остенъ). Въ самой полемикѣ они отличаются большей мягкостью и требуютъ убѣжденія словомъ, а не заточеніемъ или сожженіемъ. Не даромъ латинскій фанатикъ Нетръ Артемьевъ, укоряя великоруссовъ въ жестокости, говоритъ: «нѣмые учители у дыбъ стоять въ Константиновской башнѣ; вмѣсто евангелія огнемъ просвѣщаютъ; вмѣсто апостола книгомъучать» (Рукоп. акад. наукъ, № 191). Н. С.

Ueber die historische Bedeutung des Basilianderordens in Galizien und seine gegenwärtigen Verhältnisse. Von I. Ivanowicz. Leipzig, 1885. (Историческое значение базилианского ордена в Галиции и его настоящія отношенія).

Три съ половиною года назадъ все русско-униатское населеніе Галиції совершило неожиданно было поражено паискою буллою («Singulare praesidium», отъ 12 мая 1882 г.), по которой одинъ изъ богатѣйшихъ историческихъ монастырей края, базиліанскій добромильскій монастырь, основанный въ началѣ XVII в. Иваномъ ІІІ часнымъ Гербуртомъ и женою его Елизаветою, княгинею Острожской, передавался въ руки іезуитовъ. Оказалось впослѣдствіи, что передача подготовлена была интригами нынѣшняго провинціала галицкихъ базиліанъ, человѣка весьма небеззукоризненной жизни, старавшагося преступнымъ относительно русскаго народа усердіемъ къ латинству поддержать свое пополнившееся положеніе. Передача была названа въ буллѣ временною, для реформы либо-бы въ болѣе строгомъ христіанскомъ духѣ монашеской жизни. Но русскій народъ въ Галиції по тяжелому историческому опыту зналъ, съ кѣмъ имѣть дѣло. Одно имя іезуитовъ не предавѣщало ничего хорошаго. Понятно поэтому, что всѣ галицко-русскіе патріоты, выражая въ данномъ случаѣ настроеніе всего русинскаго населенія, подняли страшную тревогу. Русинская периодическая пресса была виродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ переполнена всесторонними обсужденіями совершившагося факта; собирались митинги, составлялись протесты, но ничто не помогло. На противъ, черезъ нѣсколько времени появились слухи, все настойчивѣе повторявшіеся и совершило основательные, какъ оказалось впослѣдствіи, что участъ добромильскаго монастыря готовится и другому богатому монастырю — лавровскому. Все населеніе Галиції пришло въ крайне возбужденное состояніе. Во Львовѣ собралось «вѣче», на которое явились русскіе представители всѣхъ сословій и краевъ Галиції; вѣче составило формальный протестъ противъ незаконныхъ дѣйствій папы и избрало изъ почетнѣйшихъ лицъ депутацію къ императору и папскому нунцію въ Вѣнѣ, для ходатайства объ отменѣ насильственныхъ реформъ.

Въ чёмъ-же однако дѣло? Отчего такой шумъ изъ-за двухъ какихънибудь монастырей? Отвѣтъ на эти вопросы даетъ лежащая предъ нами брошюра, написанная въ самый разгаръ патріотической борьбы, лицомъ (фамилія Ивановичъ — исевдонимъ), очевидно близко стоявшимъ къ глубоко изучившимъ родную исторію.

Содеряніе брошюры дѣлится на три части: въ первой кратко излагается исторія появленія монастырей въ юго-западной Руси и Литвѣ вообще и въ Галиціи въ частности и культурно-историческое ихъ значеніе; вторая часть посвящена исторіи монастырей подъ польскимъ владычествомъ, до и послѣ брестской унії; въ третьей рассматривается со-стояніе галицкихъ монастырей подъ австрійскимъ владычествомъ и обсуждается значеніе упомянутой выше папской реформы. Опуская первую часть и тѣ страницы второй, въ которыхъ говорится о разрядахъ русскихъ монастырей и ихъ устройствѣ до принятія унії, остановимся нѣсколько на судьбѣ русско-литовскихъ и галицкихъ уніатскихъ монастырей.

Надо помнить, что галицкія православныя епархія (львовская и перемышльская) позже всѣхъ другихъ приступили къ унії. Хотя еще Сигизмундъ III, въ 1612 г., назначилъ въ Пере-мышль епископомъ Крупецкаго, учителя Владислава IV, но рядомъ съ нимъ въ Пере-мышилѣ, какъ и въ Украинѣ послѣ посѣщенія патріарха Феофана при гетманѣ Сагайдачномъ, существовала православная іерархія, во Львовѣ же до конца XVII в. и вовсе не было уніатскаго епископа. Окончательно введена унія въ Галиціи въ 1692—1700 гг., но двойственность іерархіи прекратилась только въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVIII в., при чёмъ въ-которые монастыри еще долго держались православія. Только въ 1739 г. можно было сконцентрировать всѣ галицко-волынскіе монастыри въ особую русскую базиліанскую провинцію, заключавшую въ себѣ епархіи: владимірскую, луцкую, холмскую, перемышльскую и львовскую, т. е. области древнихъ галицкаго и владимірскаго княжествъ. На генеральномъ базиліанскомъ соборѣ въ Дубнѣ въ 1743 г. русская базиліанская провинція была присоединена къ литовской и отдѣлилась отъ нея опять въ 1783 г., послѣ того какъ по первому раздѣлу Польши въ 1772 г. Галиція отошла къ Австріи. Стало быть реформы монастырей, о которыхъ сейчасъ будеть сказано, до 1739 года касаются только Литвы и Украины.

По утвержденіи унії, въ присоединенной церкви все остается нѣсколько времени по старому. Монастыри сначала не составляли никакой особой церковной организаціи, какъ и во времія православія. Но уже во 2 е десятилѣтіе XVII в. цара обратилъ на нихъ вниманіе и рѣшилъ сблизить ихъ въ административномъ отношеніи съ католическими монашескими орденами. Орудіемъ реформы былъ избранъ бывшій кальвинистъ, затѣмъ ревностный католикъ Іосифъ Вельямінъ Рутскій, принявший для сего случая греческій обрядъ и сдѣянный уніатскимъ митрополитомъ. Въ 1617 году имъ былъ созванъ соборъ въ Новгородкѣ, на которомъ рѣшено изъять монастыри изъ подъ юрисдикціи епископовъ и учредить должностьprotoархимандрита, которому подчинить управле-

ніє всіми уніатськими монастирями. Чтобы клиръ и народъ привыкъ къ новой организації, должностьprotoархимандрита долго переносилась на особу митрополита, такъ что существовалъ только принципъ отдѣльности базиліанскаго монашескаго ордена отъ епархіальныx властей, на дѣлѣ-же все шло по старому. Въ 1674 г. наконецъ было отпято званіе protoархимандрита у митрополита Кипріана Жкоховскаго и избрано на эту должность особое лицо, непосредственно подчиненное римской куріи. Папа рѣшилъ установить полную автономію базиліанъ, конечно, для большого приравненія ихъ къ латино-католикамъ. Была, впрочемъ, соблюдана и некоторая постепенность въ дѣйствіяхъ по начиненной реформѣ. Такъ митрополитъ продолжалъ предсѣдательствовать въ общихъ базиліанскихъ конгрегаціяхъ, принимать присягу отъ protoархимандрита при вступлениі послѣднаго въ должность и проч. Отдѣленіе базиліанъ отъ епархіального духовенства повлекло за собою безпрерывныя взаимныя столкновенія духовныхъ властей, пагубнос для внутренняго церковнаго мира соревнованіе ихъ въ присвоеніи себѣ авторитета и проч. Споръ до того тяготилъ уніатскую церковь, что даже короли не разъ обращались къ папамъ съ жалобами на высокомѣріе монашескаго начальства. Что касается внутренняго устройства ордена, то начало синодальнаго и избирательнаго правленія, составившія отличительную черту восточной церкви, такъ были сильны въ сознаніи самихъ базиліанъ, что папы не рѣшались посягнуть на нихъ даже въ періодъ польскихъ королей изъ дома Вазовъ, наиболѣе благопріятствовавшихъ римскому абсолютизму. Protoархимандритъ избирался настоятелями монастырей, а настоятели братію. Перваго окружалъ совѣтъ такъ называемыхъ консульторовъ, вторыхъ—совѣтъ выборныхъ изъ братіи. Такъ какъ въ монахи поступали люди, получивши образованіе въ школахъ, ідѣ господствовали польскій и латинскій языкъ, то естественно, что богослужебный языкъ славянскій былъ у базиліанъ въ большомъ преенебреженіи; службы Божіи отирались механически, безъ пониманія смысла читаемаго. Любопытно, что даже папы обратили на это обстоятельство вниманіе. Бенедиктъ XIV въ посланіи къ базиліанскому ордену отъ 20 апраля 1751 г. писалъ: «*opus est, ut graecae (hoc est slavicae) linguae peritiam non istam quidam levem et extimam, sed illam vere perfectam et omnibus numeris absolutam, ad sanas candidasque auctorum sententias colendas necessariam, ediscatis et comparatis.*». Какъ ни тяжелъ былъ періодъ Вазовъ и послѣднихъ польскихъ королей для русско-уніатскаго населенія, въ смыслѣ колонізаціи и латинизаціи, однако авторъ брошюры имѣеть достаточно данныхъ констатировать, что а) никогда папы не дерзали для реформъ передавать базиліанъ въ руки другаго, латинскаго ордена и б) никогда

не рѣшались устраивать мірянъ (братьевъ, особенно многозаслуженного для русско-украинского народа львовскаго ставропигіального братства) отъ дѣлъ церковнаго управления.

Періодъ австрійскаго господства былъ и есть гораздо благопріятіе для національности русской въ Галиції, чѣмъ времена Польши. Для базиліанскаго ордена, скоро по присоединеніи Галиціи къ Австріи, настало время новыхъ реформъ, на этотъ разъ—въ духѣ древняго церковнаго устройства. Въ 1783 г., какъ было сказано, галиціе базиліане изъяты были изъ подъ юрисдикціи литовско-русскаго протоархимандрита (въ 1795 г., послѣ 3-го раздѣла Польши должность эта совсѣмъ уничтожена), а въ 1802 г. вышелъ императорскій декретъ «Ratio regiminis ab ordine sancti Basilii Magni servanda», заключавшій въ себѣ новую организацію базиліанскихъ монастырей. Они возвращены подъ юрисдикцію митрополита; самовластнагоprotoархимандрита замѣнилъ провинціалъ, обязанный подчиняться соборнымъ орденскимъ постановленіямъ и обращаться во всѣхъ дѣлахъ къ совету и согласію консульторовъ. Внутренняя сторона монастырской жизни осталась прежнею, какъ послѣ реформы митрополита Рутскаго. Въ монастыри желающіе принимались чрезъ провинціала; для приготовленія къ монашескому званію они проходили общеобразовательныя среднія учебныя заведенія и слушали богословскія лекціи въ университетахъ львовскомъ и вѣнскомъ. Все шло благополучно до настоящаго времени. Реформированные базиліане вынустили изъ своей среды много заслуженныхъ мужей на поприща наукъ, педагогіи, проповѣдничества и проч. Какъ вдругъ папская булла однимъ и очеркомъ пера уничтожаетъ все то, съ чѣмъ народъ сжился, что пріобрѣло для него ореолъ наслѣдія отъ минувшихъ лучшихъ временъ...

Чтобы дѣло было яснѣе, необходимо пе упускать изъ виду общаго положенія русиновъ въ послѣдніе времена. Пригрѣтый теплыми лучами австрійской конституції, обездоленный исторически русинскій народъ проснулся въ послѣднія десятилѣтія. Изученіе роднаго прошлаго пробудило и укрѣпило въ немъ сознаніе народности, вѣру въ лучшее будущее. Постѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ, русины наконецъ стали твердо на вѣрномъ пути мирнаго культурнаго труда, на почвѣ національнаго просвѣщенія и, не смотря на нѣкоторыя внутреннія несогласія, скорѣе недоразумѣнія, быстро идутъ впередъ въ умственномъ и экономическомъ отношеніи. Въ трудную и великую эпоху національнаго возрожденія русское населеніе въ Галиції встрѣтило отъяленнаго врага во образѣ злого генія украинскаго народа, все той-же польской шляхты. Масса народныхъ силъ принуждена была уклониться съ прямаго трудового путя въ сторону мелкой національной борьбы, до болѣзнистости

развившемъ чувство этнической обособленности. Послѣднее обстоятельство имѣло, впрочемъ, ту хорошую сторону, что открыло для русиновъ въ полномъ свѣтѣ все громадное значеніе, въ смыслѣ национальной самостоятельности, уѣлѣвшаго отъ предковъ греческаго обряда, его богослужебнаго языка, его общесловянаго характера. Авторъ брошюры называетъ его «драгоценнымъ наслѣдіемъ отцовъ», и это, конечно, голосъ не его лично, но всего галицко-русскаго народа. Вопросъ о базиліанскихъ галицкихъ монастыряхъ, съ ихъ отличнымъ отъ латинскихъ монашескихъ орденовъ устройствомъ, со связанными съ ними историческими преданіями (нацр. въ другомъ угрожаемомъ со стороны латинства монастырь — Лавровскому, по преданию, покоятся кости русского князя Льва) по необходимости долженъ занимать у русиновъ видное мѣсто среди священныхъ национальныхъ вопросовъ. Вотъ почему неожданная папская реформа произвела среди галичанъ столь тѣгостное, удручающее впечатлѣніе.

Г. Ивановичъ въ послѣдней части своей брошюры перечисляетъ всѣ вредныя послѣдствія этой насильственной реформы. 1) Такъ какъ въ завѣданіе іезуитамъ съ монастыремъ добромильскимъ переданы всѣ его недвижимыя и движимыя имущество, запасы, денежныя суммы, облигации, грамоты, церковно-богословская библіотека и проч., то этимъ нарушено право собственности базиліанскаго ордена, монахамъ кото-раго именно и были жертвованы упомянутыя вещи, нарушена также воля жертвователей. 2) Такъ какъ въ буллѣ сказано, что монастыри былъ предложенъ папѣ провинціаломъ ордена, то папа принятіемъ этого предложения призналъ за провинціаломъ власть самолично распорижаться базиліанскими монастырями, т. е. нарушилъ *Rationem regiminis*; но рядомъ съ этимъ, передавъ добромильский монастырь іезуитамъ, онъ умалилъ власть самаго-же провинціала; словомъ, внесъ путаницу во взаимныя отношенія духовенства. 3) Передавъ реформу монастыря въ руки латинскаго ордена, папа поступилъ вопреки историческимъ преданіямъ; что-же касается собственно іезуитовъ, то изъ всѣхъ латинскихъ орденовъ они менѣе всего годны для проведения реформы, какъ вслѣдствіе традиціонной ненависти, питаемой къ имъ русскимъ населеніемъ, такъ и вслѣдствіе совершенной противоположности устава Лойолы духу правильнъ сп. Василий Великаго. 4) Въ руки іезуитамъ переданъ новиціатъ. Въ то время какъ все галицко-русское духовенство — какъ бѣлое, такъ и черное — обязано пройти полный гимнастическій курсъ и богословскій факультетъ университета, для «новиковъ» добромильскаго монастыря почему-то время учения и искуса ограничено 5—6 годами, 6 мѣсяцами и 6 недѣлями (для прохожденія

различныхъ подготовительныхъ ступеней). Послѣ такой подготовки не могутъ выйти «ученые и образованные помощники епископамъ», какъ того хочетъ папская булла. Но въ новиціатъ открыть доступъ и лицамъ латинскаго обряда, подъ условіемъ перемѣны его на греческій; естественно, что эти люди всю жизнь будутъ тяготѣть къ латинству. Въ виду того, что іезуитскіе воспитанники уже отчасти введены въ монастырь лавровскій, можно ожидать, что со временемъ и всѣ монастыри будутъ наполнены ими, и русскія обители, созданные и обезличенные русскимъ трудомъ и усердiemъ къ отеческой вѣрѣ, обратятся въ разсадникъ латинства.

Есть надъ чѣмъ призадуматься галицкимъ патріотамъ! Пожелаемъ имъ успѣха въ святой борьбѣ за народное вѣло.

О. Н.

Холмскій народный календарь на 1886-й годъ. Издание холмскаго свято-богородицкаго братства. Кіевъ. 1885 года.

Названный календарь—изданіе братства, главная цѣль котораго поддержаніе и укрѣщеніе православія въ средѣ возсоединенаго населенія Холмщины и Подлясія; этимъ опредѣляется характеръ самого календаря. Онъ состоитъ изъ трехъ не равныхъ частей: собственно календарь—это 1-я часть (57 страницы), заключающая въ себѣ между прочими списки всѣхъ холмскихъ епископовъ и церковно-политико-исторической календарь, или перечень главнѣйшихъ событий въ древней христіанской и западно-русской церкви, частіе въ холмской епархіи; вторая часть состоитъ изъ 10-ти оригинальныхъ статей, позвѣченій и перепечатокъ, уясняющихъ судьбы православія въ западно-русскихъ областяхъ вообще, въ частности въ Холмщинѣ и Подлясіѣ; въ третьей части помѣщены воскресные 8-ми гласовъ и праздничные тропари, кондаки, величанія, причастны и прокимны въ славянскомъ текстѣ и затѣмъ, въ видѣ приложений, наставленія о поданіи помощи въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ и 8-ми пѣснопѣній церковныхъ съ потами. Къ календарю приложенъ литографированный снимокъ древнѣйшей иконы Божіей Матери, находящейся въ холмскомъ каѳедральномъ соборѣ, а на обложкѣ на 1-й страницѣ изображенъ пріемъ папскаго посла княземъ галицкимъ Романомъ, на послѣдней-же видѣ недавно сооруженной въ Холмѣ церкви во имя св. Кирилла и Меѳодія.

Такимъ образомъ преобладающее содержаніе холмскаго календаря церковно-историческое. Давъ самыя необходимыя календарные свѣдѣнія

для практическаго употребленія въ церковно-религіозной жизни, братство пользуется календарною формою, какъ самою популярною, для распространенія въ средѣ мѣстнаго населенія, недавно возсоединенаго отъ уніі къ православію, свѣдѣній, приспособленыхъ къ пробужденію въ немъ народнаго историческаго самосознанія, сознанія его древнаго «благочестія», связи со всею южною и остальной Россіею, и въ этомъ отношеніи оно не пренебрегаетъ самыми мелкими историческими данными.

Начнемъ съ такъ названнаго братствомъ «церковно-политико-историческаго календаря». Тутъ собраны всѣ мельчайшія историческія данные о минувшихъ временахъ Холмщины и Подлясія: когда и гдѣ основанъ какой либо городъ, когда и вѣмъ дана ему какая либо привилегія, построена церковь, учрежденъ монастырь или епископская кафедра и проч., даже--когда и гдѣ упоминается въ лѣтонасихъ или отдѣльныхъ документахъ та или другая мѣстность. Въ общемъ всѣ эти свѣдѣнія, въ связи съ другими главнѣшими и общеизвѣстными, оставляютъ въ читателѣ представлѣніе о Холмщинѣ и Подлясіѣ, какъ о древнѣйшихъ составныхъ частяхъ православной Руси. Представлѣніе это не измѣняется, а напротивъ усиливается отъ пѣлзго ряда другихъ данныхъ о завоеваніи поляками той или другой части этихъ земель, того или иного города или замка, о построеніи въ томъ или иномъ пункѣ этихъ древне-русскихъ областей костела, основаніи кляштора, учрежденіи католической епископской кафедры, коллегіи или училища. Тутъ мы видимъ рядъ мѣръ, систематически, въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ, предпринимавшихся польско-католическою пропагандою для совершенія ополяченія и окатоличенія коренного русскаго населенія, раньше всѣхъ поддавшаго подъ владычество Польши. Данныя того и другаго рода,—нынѣ доселѣ вовсе неизвѣстны,—въ указанныхъ направленихъ имѣютъ весьма важное историческое значеніе, а свѣдѣнія о разныхъ польско-католическихъ съ цѣлью пропаганды учрежденіяхъ, о монастыряхъ и коллегіяхъ іезуитовъ, августинцевъ, доминиканъ, бернардиновъ и многихъ другихъ, въ первый разъ, хотя далеко не полно собранныя, можно назвать просто драгоценными. Отъ свѣдѣній мѣстныхъ составитель перечня событий переходитъ къ данными общей исторіи южной Руси и заканчиваетъ событиями мѣстными послѣдниками годовъ, даже истекающаго 1885 года. Здѣсь сгруппировано великое и малое, все—отъ университета Хмельницкаго о войнѣ противъ полковъ и присоединенія Малороссіи до назначенія холмскимъ викаріемъ епископа Модеста и вѣзда его въ Холмъ 12 февраля 1882 г. Къ сожалѣнію не все здѣсь точно, напримѣръ, благословеніе будто-бы Петромъ Могилою Богдана Хмельницкаго на войну съ поляками 1633 г.; есть даже опечатки, неудобныя особенно въ изда-

ній для народного чтенія, какъ напримѣръ универсаль Хмельницкаго о возстаніи противъ поляковъ съ датою 1468 г.

Собственно историческій отдѣль календари состоитьъ, какъ мы сказали, изъ 10 статей и начинается статьей г. Хрущевича: «Романъ во-лыно-галицкій князь». Авторъ довольно подробно излагаетъ исторію борьбы этого князя за объединеніе русскихъ земель на юго западѣ Руси, но въ своемъ изложеніи не указываетъ на это значеніе дѣятельности князя Романа, а замѣчаетъ лишь мимоходомъ, что дѣятельность его была направлена къ этой именно цѣли. Намъ кажется, что такое замѣченіе должно быть положено въ основаніе разсказа и служить точкой отправленія его; тогда самъ собой быль-бы понятенъ каждый шагъ этого героя. Въ особенности это условіе необходимо должно быть выполнено въ статьѣ, предназначеннай для народного чтенія. Страннымъ намъ кажется также объясненіе авторомъ причины жестокаго правленія князя Романа въ Галичѣ тѣмъ, что «въ общей сложности (?) бояре галицкіе были заражены духомъ своею, благодаря близкому сосѣдству съ польской шляхтой и венгерской магнатами». Авторъ упускаетъ, мы думаемъ, изъ виду, что въ эпоху Романа шляхетство, какъ сословіе съ тѣмъ характеромъ, который его отличаетъ впослѣдствії, едва только начинаетъ складываться, и что сами бояре галицкіе были еще проникнуты вѣчевымъ духомъ, составлявшимъ общую черту всѣхъ русскихъ городовъ; борьбу съ этимъ вѣчевымъ духомъ и приходилось вести князьямъ, стремившимся къ централизаціи и усиленію своей власти.

Въ связи со статьей г. Хрущевича стоитъ другая коротенькая статья; это «Послѣднія времена холмскаго княжества и покореніе его Польшой», Е. М. Здѣсь также, какъ и въ очеркѣ г. Хрущевича, представлены одни голые факты безъ мотивировки послѣднихъ. Большое число ихъ дѣлаетъ разсказъ неудобопонимаемъ; въ массѣ собственныхъ имъ неподготовленному читателю трудно разобраться.

Въ историческихъ сборникахъ, предназначенныхъ для народного чтенія, должно, по нашему мнѣнію, отдавать преимущество биографическимъ очеркамъ, а не историческимъ, обнимающимъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени. Въ этомъ отношеніи лучше всего удовлетворяетъ указаннымъ требованіямъ «Новѣсть о нашествіи изапистовъ на св. Афонскую гору». Новѣсть эта, не имѣющая мѣстнаго интереса, по объясненію редакціи, помѣщена въ календарь лишь для того, чтобы указать на размѣры борьбы и взаимные отношенія католицизма и православія еще въ XIII вѣкѣ, дать истинно-вѣрующимъ читателямъ назиданіе, указавъ, какому наказанію подпадаютъ отступники отъ православія, и отрезвить тѣхъ людей, которые, благодаря историческимъ

обстоятельствамъ, сдѣлались врагами вѣры своихъ прародителей и упорно остаются въ своеемъ заблужденіи.

Толковыя объясненія г. Л. къ рѣчи смоленскаго канцеляра Ивана Мелешка, произнесенной имъ на варшавскомъ сеймѣ 1589 года, въ присутствіи короля Сигизмунда III, много помогаютъ пониманію этого въ высокой степени интереснаго и важнаго документа, заимствованнаго г. Л. изъ «Актовъ западной Россіи». Въ живыхъ, полныхъ юмора, обра-захъ, сказанная своеобразнымъ, начинавшимся уже полонизоваться, рус-скимъ языкомъ XVI вѣка, эта рѣчь прекрасно воспроизводить литовскіе нравы и обычай до люблинской уніи, отмѣчаетъ происшедшія послѣ нея перемѣны и указываетъ какъ на отношеніе мѣстнаго русскаго населенія къ своимъ цивилизаторамъ, такъ и на самый характеръ повѣществъ, внесенныхыхъ поляками въ русскую жизнь.

«Насильственное введеніе уніи въ холмской Руси и преслѣдованіе народа за непринятіе уніи» весьма интересная статья, составленная на основаніи документовъ, хранящихся въ архивѣ холмской духовной консисторіи. Она обнимаетъ время распространенія уніи въ холмской епархіи послѣ 1626 года, когда епископскую каѳедру тамъ занялъ Межодій Терлецкій, такой-же ревностный распространитель уніи, какъ и полоцкій епископъ Іосафатъ Кунцевичъ. Авторъ этой статьи, свящ. С. С., подробно излагаетъ дѣятельность Терлецкаго въ борьбѣ его съ православіемъ, захватъ церквей въ Холмѣ, Красноставѣ, Тышовцахъ, Шарчовѣ Острожѣ, Соколовѣ и т. д., въ дѣлѣ угнетенія народа и духовенства и насильственного навязыванія имъ спасительной уніи; но изложеніе его не вполнѣ научно и литературно, а главное недостаточно популярно. Во всякомъ случаѣ, статья важна по сообщаемымъ ею новымъ подробнѣстямъ изъ исторіи уніи въ холмской Руси и вызываетъ желаніе, чтобы и самый первоисточникъ ея, хранящійся въ холмской конси-сторіи, былъ напечатанъ въ какомъ либо сборникеъ сырыхъ материаловъ. Нельзя при этомъ не пожалѣть, что о. С. С. не извлекъ изъ первой части VI тома «Архива юго-западной Россіи» факта о захватѣ епископомъ Терлецкимъ Преображенской братской церкви въ Люблинѣ и не поста-вилъ этого факта въ связи съ другими ему подобными.

Какъ-бы дополненіемъ названной статьи служить небольшой очеркъ свящ. В. Якубовскаго: «Наша родная исторія». Авторъ приводить въ немъ изъ печатныхъ источниковъ жалобы разныемъ властямъ православ-наго населенія русско-польскаго края на притѣсенія отъ католиковъ и униатовъ; картина получается болѣе яркая изъ совокупности фактovъ обоихъ статей. Самый важный недостатокъ этой компиляціи — отсутствіе правильной группировки фактovъ по мѣстностямъ и времени.

«Набожность народа по южнорусскимъ и галицкимъ пѣснямъ», доказана г. Л. Яновскимъ вполнѣ убѣдительно, а литературные достоинства статьи и многочисленные цитаты изъ пѣсенъ дѣлаютъ ее пріятной и легкой для чтенія.

Очеркъ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія, составленный Иваномъ Холмскимъ, производить отрадное впечатлѣніе на читателя. Это едва-ли не лучшій изъ очерковъ, предназначенныхъ для народа, какіе намъ удалось прочесть по поводу праздника 6-го апрѣля; и въ календарь онъ также пріятно выдѣлается изъ остальныхъ статей своимъ вполнѣ логическимъ изложеніемъ и выработаннымъ языкомъ. Описаніеprotoіереемъ Страшкевичемъ самого празднованія въ г. Холмѣ показываетъ, что, проникнутое теплымъ чувствомъ участвовавшихъ въ немъ лицъ, оно вполнѣ удалось и должно было представить умильтельную картину, которая должна была произвести на зрителей впечатлѣніе и возбудить въ нихъ вопросы о причинѣ празднества и важности заслугъ св. братьевъ; на эти-то вопросы и стараются отвѣтить обѣ названные статьи, хотя нѣсколько поздно.

Религіозныя потребности своихъ читателей редакція удовлетворяетъ предложеніемъ имъ въ третьей части календари воскресныхъ и праздничныхъ троицарей и поть для такихъ, полныхъ самого глубокаго религіознаго чувства, пѣсниѣній, какъ «Свѣте тихій», «Слава въ вышихъ Богу», «Блаженъ мужъ», «Хвалите имя Господне», «Господи помилуй» и друг. Особенно важны здѣсь ноты, передающія древнєе напѣвы этихъ молитвъ; они получаются такимъ образомъ историческое значеніе, какъ материалъ для исторіи русской музыки.

Холмскій календарь, скажемъ въ заключеніе, удовлетворяя почтеннымъ цѣлямъ, которыя преслѣдуется братство, съ интересомъ и пользою можетъ быть прочтенъ не однимъ мѣстными читателями, но и всѣми тѣми, которымъ дороги минувшия судьбы земли родной на отдѣленныхъ ей окраинахъ. Не для однихъ тѣхъ, кто мало или вовсе незнакомъ съ этими судьбами, но и для тѣхъ, кто занимался ими нарочито, въ настоящемъ календарь найдется не мало новаго и интереснаго. Пожелаемъ братству наибольшаго распространенія его изданія и вмѣсть большаго еще вниманія къ научно-литературной обработкѣ статей и общедоступности якъ изложенія.

И. Каманинъ.

Ізвѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЯ).

МАЗЕПА-КНЯЗЬ И ЕГО ШЛЯХЕТСКІЙ И КНЯЖЕСКІЙ ГЕРБЫ.

Сколько известно, изслѣдователи малороссійской исторіи, писавшие о Мазепѣ, оставили не выясненнымъ вопросъ о пожалованіи его княжескимъ титуломъ. Объ обстоятельствахъ этомъ историки наши упоминаютъ какъ-то вскользь, относя это къ области предположеній. Но крайней мѣрѣ, прямаго указанія на намѣреніе Петра Великаго даровать гетману это достоинство нѣть ни у Соловьева, ни у Костомарова, если не считать ссылки на слова Мазепы, намекавшаго Орлику, что его «хотятъ уконтентовать княженіемъ римскаго государства, а гетманство взять».

Междудѣйствіе сказанное подтверждается издающимся въ Нюренбергѣ «Всеобщимъ болѣшимъ Гербовникомъ», весьма цѣннымъ подспорьемъ для изученія генеалогіи и геральдики. При ознакомлениі съ этимъ прекраснымъ трудомъ, вниманіе читателя останавливается на небольшой замѣткѣ, въ отдѣлѣ: «Hoher Adel Deutschlands», свидѣтельствующей, что пожалованіе княжескаго титула Мазепѣ дѣйствительно имѣло мѣсто¹⁾.

Въ тотъ критическій моментъ, когда волнуемый честолюбивыми мечтами гетманъ Иванъ Степановичъ колебался и лавировалъ между двумя противуположными теченіями, давленіемъ русскаго прави-

¹⁾ Siebmacher's Allgemeines grosses Wappenbuch, I, 3, III.

тельства и заманчивыми предложеніями польской партии, судившей ему мантію и права владѣтельного князя въ витебскомъ и полоцкомъ воеводствахъ,—германскій императоръ Іосифъ I, въ угоду царю Петру, возвелъ Мазепу, тогда уже россійскаго генерала, дѣйствительнаго тайного советника и кавалера орденовъ св. Андрея Первозваннаго и Бѣлого Орла, въ княжеское Священна Римской Имперіи достоинство. Это произошло во второй половинѣ 1707 года. Существующая по этому предмету императорская резолюція отмѣчена въ Вильнѣ 1 сентябрь тою-же годомъ, хотя сдѣланная на ней помѣтка: «nulla expeditio» и заставляетъ полагать, что жалованная грамота, вслѣдствіе измѣнившихъ обстоятельствъ, не была отправлена по назначению.

Тѣмъ не менѣе «Большой всеобщій Гербовникъ», считаетъ по-жалованіе совершившимся фактъ и на этомъ основаніи помѣщается на раду съ гербами имперскихъ князей и гербовой щитъ Мазепы, съ подписью: «Reichsfürst Mazepa»¹⁾.

Родовой гербъ Мазепы, по расположению своихъ составныхъ частей, напоминаетъ древній гербъ «Курчъ», знамя князей Корятовичей-Курцевичей. Онъ сообщено въ двухъ изображеніяхъ, рисунки коихъ при семъ прилагаются.

Въ первомъ изъ нихъ, почерпнутомъ изъ вполнѣ достовѣрнаго (*authentischer*) частнаго источника, въ червленомъ полѣ изображено подобіе опрокинутой серебряной буквы Т, по обѣимъ сторонамъ которой находятся два серебряные-же, другъ ко другу обращенные, полумѣсяца. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ, съ дворянскою-же на немъ короною и тремя серебряными страусовыми перьями. Наметъ червленый, подложенный серебромъ (фиг. А.).

Второй, княжеский гербъ, находящійся въ «*Slownik heraldyczny Krzyżanowskiego* 1870 г.», является иѣкоторое измѣненіе предыдущаго. Въ верхней его части помѣщенъ серебряный панцирь, а слѣва, вместо полумѣсяца, золотая шестиугольная звѣзда. Это—путеводная звѣзда гетмана, съ такимъ блескомъ взошедшая и столь трагически закатившаяся. Щитъ обернутъ княжеской порфиroy, подбитой горностаемъ и увѣнчанной княжеской шапкой (фиг. В.).

¹⁾ Ibid. tab., 186.

КНЯЗЬ МАЗЕПА.

В

А

Замстуемъ изъ краткаго биографическаго очерка, сопровождающаго вышеописанные гербы, илько генеалогическихъ данныхъ, вполнѣ оставляя ихъ достовѣрность на отвѣтственности «Всебѣдаго Гербовника».

Предки Мазепы принадлежали къ старинному шляхетству. Одному изъ нихъ король Сигизмундъ I пожаловалъ 1544 г. въ бѣлорусскомъ староствѣ хуторъ Каменецъ, утраченный сыномъ его, Феодоромъ, за участіе въ восстаніяхъ Косинскаго и Наливайка. Степанъ, сынъ предыдущаго, бывшій въ 1629 году стольникомъ, (Truchsess von Czerniechow) отъ брака съ Магдалиной Мойковской имѣть сыновей Адама и Ивана. Старій, козацкій полковникъ времень Хмельничини, лицеппій дворянства, былъ вновь возстановленъ польскимъ сеймомъ въ своихъ шляхетныхъ правахъ въ 1659 г. Онъ оставилъ потомство, существующее, какъ полагаютъ, и до сихъ поръ на Украинѣ, по подъ ипою фамиліей. Младшему-же суждено было играть видную роль въ историческихъ судьбахъ Малороссіи: это былъ, родившійся въ 1644 г. въ селѣ Мазепинцахъ, будущій гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа.

Въ заключеніе, нельзя не упомянуть о случайности, помѣстившей на страницахъ того-же изданія, рядомъ съ гербомъ Мазепы, гербъ другаго имперскаго князя, известнаго герцога Марльборо. Странное, на первый взглядъ, сопоставленіе этихъ именъ, невольно однако наводитъ на мысль о пѣкоторомъ сходствѣ въ судьбѣ названныхъ лицъ. Параллель между обоими дѣятелями напрашивается сама собою.

Въ самомъ дѣлѣ, и тотъ и другой, благодаря своей неуклонной энергіи и дарованіямъ, изъ безвестныхъ пажей сумѣли достичь высшихъ государственныхъ должностей, на двухъ крайнихъ концахъ Европы. Мало того: и англійскій полководецъ, и украинскій гетманъ едва не стали одновременно русскими князьями.

Въ томъ-же 1707 году, когда Петръ I испрашивалъ этотъ титулъ для Мазепы, съ Англіей велись дѣятельные переговоры, съ цѣлью склонить королеву Анну, а слѣдовательно и герцога Марльборо, къ посредничеству между Россіей, Швеціей и Польши. Государь повелѣть не жалѣть обѣщаний и денегъ, лишь-бы заручиться поддержкой влиятельнаго министра. Послѣдній охотно согласился содѣйствовать видамъ Россіи, но при этомъ заразѣ поспѣшилъ

выговорить себѣ крупное вознаграждение. Благородный герцогъ испрашивалъ себѣ виажество въ Россіи.

Царь изъявилъ согласіе, приказавъ отвѣтить, что «если дукъ Малбургъ желаетъ княжества изъ русскихъ, то обѣщать ему изъ трехъ, которое похочетъ, кievское, владимирское или сибирское». За благопріятный исходъ переговоровъ о мирѣ съ Швеціей, Марльборо получалъ пожизненный годовой доходъ въ 50,000 ефимковъ съ любаго изъ этихъ княжествъ и сверхъ того «камень-рубинъ, какого или нѣтъ, или зѣло мало такого величества въ Европѣ», да орденъ св. Андрея Первозваннаго¹).

Эти любопытные переговоры далѣе цзатонической пересадки не пошли, такъ какъ всемогущій герцогъ не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ. Удивительна иронія исторіи! Домогавшійся русскаго княжества, цѣною поддержки русскихъ интересовъ, честолюбивый лордъ оказывается предѣломъ яраго russophoba, нынѣшняго консервативнаго министра по дѣламъ Индіи! Не уступая въ честолюбіи своему предку, лордъ Рандольфъ Чёрчилль, впрочемъ, расходился съ нимъ въ выборѣ средствъ: онъ ищетъ славы, эксплуатируя шовинизмъ своихъ согражданъ. *Sic itnr ad astra!*...

Но чрезмѣрное честолюбіе, погубившее Ивана Мазепу, было также причиной паденія Джона Чёрчилля, первого герцога Марльборо...

Князь А. В. Дабижа.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

«Съ половиною 1843 года и до своего ареста въ 1847 году Шевченко большую частью проживалъ въ Малороссіи, собирая материалы для изданія задуманнаго имъ альбома, подъ названіемъ «Живописная Украина. Въ Малороссіи онъ принялъ бытъ съ радушіемъ и хлѣбосольствомъ. Къ этому времени относятся воспоминанія Аѳанасьевъ-Чужбинскаго о Шевченкѣ, съ которымъ онъ познакомился 29 июня 1843 года, въ Москве, въ домѣ Татьяны Густавовны Воловской»²). Конецъ 1843 года Тарасъ Григорьевичъ провелъ въ

¹) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XV, гл. III.

²) Петровъ, Исторія украинской литературы, стр. 310.

м. Яготинъ у князя Репнина, а въ началѣ 1844 года онъ попалъ снова въ компанию «мочемордъ», не смотря на предостереженія княжны В. Н. Репниной. «Вскорѣ послѣ выѣзда изъ Яготина,—читаемъ у г. Петрова (стр. 312),—Шевченко опять является въ Могилевъ, какъ показываетъ дата подъ его стихотвореніемъ «Чигиринь», написаннымъ въ Могилевѣ 19 февраля 1844 г.. Слѣдующій эпизодъ, который я передаю со словъ моей бабушки, Мары Давидовны Корсунъ, позволяетъ сдѣлать предположеніе, что Шевченко уже съ первыхъ чиселъ января гостила то въ Могилевѣ, то у Закревскихъ, въ Березовой Рудкѣ.

12-го января 1844 года, въ день именинъ Т. Г. Волховской, въ Могилевѣ было большое празднество, съѣхалось болѣе полутутораста душъ гостей, въ числѣ ихъ была и Таракь Григорьевичъ. Между прочими увеселеніями была устроена лоттерея въ пользу одной изъ присутствовавшихъ, нѣкой Александрѣ Ивановны Шостки, или, какъ ее обыкновенно называли, Шосточки. Разыгрывался портретъ этой госпожи, писанный Шевченкомъ.

Исторія этого, неизвѣстнаго доселе, художественнаго произведенія кисти Шевченка слѣдующая:

А. И. Шостка представляла собою особенный типъ того времени, нѣчто въ родѣ Мары Дмитріевны Ахросимой въ романѣ «Война и Миръ». Это была небогатая дворянка, вдова бригадира, безъ особеннаго образованія, но съ острымъ умомъ и съ врожденнымъ тактомъ. Всѣ очень любили ее за ея веселый нравъ, и потому не было именинъ, свадьбы, крестинъ и вообще какихъ либо празднествъ, на которыхъ не звали бы Шосточку. Пріѣхавши куда-нибудь, она часто оставалась на нѣсколько дней и въ награду за сообщенные новостишки и хозяйственныя совѣты получала всегда разные подарки, въ видѣ съѣстныхъ припасовъ и всякихъ вещей. Едва успѣвала Шосточка привезти все это добро въ свой «куринъ», какъ уже пріѣжалъ чай-нибудь экипажъ за нею, и она снова летѣла собирать медъ и увеселять своихъ покровителей. Часто приходилось ей, конечно, исполнять роль свахи. Словомъ, она была вездѣ желанной гостьей, являлась для всякаго нужнымъ человѣкомъ.

Въ 1843 году съ нею приключилась бѣда: архиерей далъ ей книгу для сбора пожертвованій на одну церковь; она собрала рублей пятьдесятъ, по тутъ-то и попуталъ ее грѣхъ—взяла, да и растра-

тила чужія деньги. Положеніе было, конечно, пренепріятное, и вотъ она, чтобы выкрутиться изъ него, призналась какъ-то у Закревскихъ во всемъ чистосердечно и просила помочь ей. Глава «общества мочемордія», В. А. Закревскій увидѣлъ въ этомъ отличный случай позабавиться и потому на ея слезиное призданіе отвѣчалъ: «Я вамъ помогу, душенька Александра Ивановна; но для этого нужно, чтобы вы согласились на мое предложеніе—пускай Тарасъ сниметъ портретъ съ васъ во весь ростъ, какъ есть, съ животикомъ и прелестными ножками; обѣ осталънмъ не спрашивайте: это ужъ мое дѣло».—Нужно сказать, что Шосточка была огромнаго роста, очень толстая и неуклюжая.—Шосточка согласилась, и Шевченко сѣѣтъ съ портретъ: былъ представленъ садъ, клумба розъ и Шосточка, идущая по усыпанной пескомъ дорожкѣ подъ зонтикомъ въ черномъ шелковомъ платьѣ, нѣсколько подхваченномъ къ верху, чтобы видны были ноги, и въ блонмъ ченчикѣ. Сходство портрета съ оригиналомъ было поразительное; въ художественномъ отношеніи эта работа Тараса Григорьевича отличалась замѣчательною щадительностью отѣлки. Величиною портретъ былъ съ аршинъ въ высину и четверти три въ ширину.

12-го января дешевые лоттерейные билеты быстро разошлись по рукамъ, собранная сумма съ излишкомъ покрыла растрещенную Шосточкой и была тотчасъ-же передана въ ея распоряженіе; портретъ-же выиграла моя бабушка. Но, увы! одна ея знакомая, нѣкая Анна Корибевна Огроновичъ, двоюродная сестра Шосточки, послѣ безконечныхъ просьбъ просто вынудила подарить ей портретъ. А. К. Огроновичъ уже нѣсколько лѣтъ какъ умерла и работа кисти нашего великаго поэта пропала безследно. Предполагаютъ, что Огроновичъ подарила портретъ своимъ родственникамъ, у которыхъ потомъ сгорѣлъ домъ и въ пемъ, быть можетъ, и художественное произведеніе Тараса Григорьевича.

С—ио.

ВЪ ЗАПОРОЖСКОМЪ ЗАХОЛУСТЬЕ.

Невѣстно, что Новороссія не можетъ похвальиться ни оригинальностью народнаго быта, ни давниной и крѣпостью историческихъ воспоминаний, и покойный В. И. Григоровичъ не безъ основанія называлъ населеніе ся *невыгласи*. И дѣствительно, здѣсь часто затрудняешься сказать, на какомъ нарѣчіи говорить народъ, откуда взялись обыватели того или другого угла и въ какой национальной группѣ принадлежать. Между тѣмъ именно это обстоятельство, т. е. отсутствие этнографической цѣлостности и безвримѣрная пестрота населенія служитъ благодарнѣйшей почвой для распространенія трактирно-солдатской культуры, которая здѣсь глубже нускастъ корни и даетъ пышнѣе цветь, чѣмъ гдѣ либо на югѣ Россіи, глуша послѣдніе, жалкіе остатки народной старины. Поэтому новороссийскому историку и этнографу приходится дорожить и кручинками народности и старины и торопиться собираниемъ ихъ, въ надеждѣ, что и лента вдовицы, спасенная отъ погибели, зачтется наукой.

Въ семи верстахъ отъ города Бобринца елисаветградскаго уѣзда, есть большое село Алексѣевка; оно расположено по обѣимъ сторонамъ р. Сугаклеи, праваго притока Ингула. Рѣчка эта въ настоящее время лѣтомъ пересыхаетъ, но, по словамъ старожиловъ, еще лѣтъ 25 назадъ была довольно многоводна и снабжала весь Бобринецъ рыбою, которой тогда ловилось втрое больше. Но берегамъ Сугаклеи росли огромные камыши, о которыхъ теперь и помину несть, а по балкамъ, особенно по шляховой, чагари, состоявшіе преимущественно изъ черноклены, также груши, терна, ракиты, жостера и ордына, иначе проскуринъ (послѣдніе два и теперь есть кое-гдѣ). Водились въ Алексѣевкѣ и пасеки и здѣсь считалось до 400 штукъ, но вслѣдствіе мора, постигшаго иichelъ въ 1863 году, пчеловодство прекратилось совершенно. Говорятъ, водились здѣсь дикия козы и лошади, а изъ гадовъ т. н. жовтобрюхи, болыпія змѣи, ютившіяся въ скалахъ на Вертиковой балкѣ.

Мѣстная почва — черноземъ, подночва — красная глина, а ниже ея залегаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бѣлая глина, на Вертиковой балкѣ съ желтоватымъ оттенкомъ, а на «ливадѣ», т. е. въ фруктовомъ саду, принадлежащемъ экономіи, синеватая и розоватая. Въ сосѣднемъ имѣніи купца Кузнецова добывается фарфоровая глина

хорошаго качества, идущая на фабрики собственника земли, въ Москву и въ Ригу. Берега Сугаклеи представляютъ обнаженія гранита, господствующей мѣстной породы; попадается въ окрестностяхъ и песчаникъ, рыхлый, пригодный только для постройки оградъ.

По исповѣданнымъ росписямъ считается и въ Алексѣевѣ 689 душъ мужескаго и 612 душъ женскаго пола. Въ селѣ церковь во имя Алексѣя человѣка Божія, сооруженная въ 1811 года къ честь патрона тогдашняго владѣльца имѣнія, Алексѣя Кирьякова, а въ 1824 году поновленная.

По обстоятельствамъ частнаго характера мнѣ довелось побывать въ Алексѣевѣ нѣсколько разъ и убѣдиться, что село это имѣеть не малый интересъ въ этнографическомъ и историческомъ отношеніяхъ. Населеніе Алексѣевки бросается въ глаза красотой типа: высокимъ ростомъ, овальными лицами съ большими карими глазами и прямымъ, рельефнымъ носомъ, отличается высокимъ пониманіемъ собственного достоинства, что выражается, между прочимъ, обычнымъ разговорнымъ обращеніемъ «козаче»; въ здѣшнемъ костюмѣ, особенно женскомъ, довольно упорно держится народная старина, точно также и въ нравахъ, и въ обычаяхъ замѣтно сохраненіе многихъ древнихъ обрядовъ: на свадьбахъ пекутся коровай, лежень и дивень и приготавляется гильце, при вѣзѣ молодыхъ во дворъ зажигается костеръ, отцу молодой дарятъ борону съ бугаемъ изъ хлѣба, справляютъ веснянки, помнятъ Купайла Ивана и дивку Маринку и пр.

Прислушиваясь къ разговорамъ Алексѣевскихъ жителей, я узналъ, что село раздѣляется на три части: 1) поселеніе на лѣвомъ берегу р. Сугаклеи или «Снѣжково», заселенное крестьянами, выведенными (и въ 1838 — 1840 гг., какъ видно изъ документовъ) изъ села того-же имени, находящагося въ валковскомъ уѣздѣ харьковской губерніи, 2) сѣверная часть поселенія на правомъ берегу или «хуторъ», заселенный бродягами въ разное время, не опредѣляемое въ точности и 3) южная часть право-бережнаго поселенія, называемая «запорожскимъ кутомъ»: это и есть коренная, давняя часть Алексѣевки, обратившая на себя мое преимущественное вниманіе.

Изъ разспросовъ старожиловъ я узналъ, что по народному преданію на мѣстѣ нынешней Алексѣевки и въ окрестностяхъ ея жило прежде семь запорожскихъ семействъ. Въ Вертиевой балкѣ и

теперь цѣль колодезь, называемый запорожскимъ; въ прежнее время, до «воли», мѣстные парубки, съ атаманомъ во главѣ, на Духовъ день приглашали духовенство служить здѣсь молебень и потомъ угощали духовныхъ лицъ; теперь, когда участокъ съ этимъ колодцемъ сошелъ къ госпожѣ Задонской, обычай этотъ прекратился, но Алексѣвскіе хлопцы и нынѣ выбираютъ атамана на рождественскія святки и подъ его предводительствомъ ходить по домамъ со звѣздою, звоня въ колокольчикъ, собранныя же деньги обращаются ими на сооруженіе новыхъ хоругвей и ризъ и на покупку четырехъ большихъ свѣчей, которые зажигаются по большимъ праздникамъ при чтеціи евангелія.

Нѣкоторыя крестьянскія семьи Алексѣвки ведутъ свое происхожденіе отъ запорожцевъ; потомками послѣднихъ считаются: Гураля, Великій, Гавришъ, Бондаренко, Торопъ, Будякъ, Сова, Швидкій, Колontaевскій, Лабза (онъ-же Вербовый¹⁾), Шадура и Брунька.

Отъ одного изъ нихъ, именно отъ Торопа, мнѣ удалось услышать небольшой разсказъ, который можетъ представить небольшую иллюстрацію эпохи гайдамачинъ. Торопъ этотъ зналъ нѣкоего Козьму Яременка, который передавалъ о себѣ слѣдующее. Яременко въ молодости пришелъ изъ кievщины на Сугаклею, гдѣ теперь Алексѣвка, и поступилъ къ запорожцамъ, жившимъ здѣсь, «за хлопца». Хозяева его (видимо, безсемейные) часто отлучались изъ дома неизвѣстно куда, а Козьма оставался въ зимовникѣ: запрутъ, уѣдуть и быть ничего не оставятъ, только паліаницы на полѣ, да высоко, достать не можетъ; смотрѣть, смотрѣть на нихъ Кузьма, поищетъ палочку, сбить одну палочкой и сѣсть; возвратится хозяева, спросятъ, что онъѣлъ, и когда тогдѣ простодушно сознается, чѣмъ и какъ питался, похвалятъ за догадливость. Попривыкнувъ къ хлонцу, стали хозяева и его братъ съ собою. Пріѣдутъ на Ко-дыму (притокъ Висуви), сложатъ сѣвастные запасы, покроютъ ихъ кожухомъ, оставить его стеречь, а сами поѣдутъ дальше. Скучно Кузьмѣ, лжетъ онъ и лежать, ждетъ возвращенія хозяевъ. Про-

¹⁾ Есть и балка *Вербоеа*, гдѣ, по преданію, находился зимовникъ Вербового. Указываютъ еще старини на балки *Березнякову* и *Москаленкову*, какъ на мѣста жительства запорожцевъ *Березняка* и *Москаленка*. Имя послѣдняго и упоминаніе о зимовникѣ его встрѣчается и въ документахъ по имѣнію.

ходитъ сколько тамъ времени, подъѣзжаетъ къ нему отрядъ чужихъ запорожцевъ.

- Хто ты такій?
- Такій-то и такій.
- Звидкия?
- Звидтия.
- Хто твои хазяи?
- Таки запорожци, якъ и вы.
- Куды поихали?
- Не знаю.

И лягутъ спать. Выспавшись, встаютъ, крестя и почесываясь и неохотно сѣдаютъ коней. Одинъ киваетъ на Кузьму и замѣчаетъ: «треба-бъ єму дать щось на памъятовання!» а другой возражаетъ: «э, винъ ще молодый!» Садятся на коней и уѣзжаютъ. Возвращаются хозяева хлонца.

- Що ты тутъ робиши?—спрашиваютъ.
- Ничого—отвѣчаетъ тотъ—лигъ та й лежавъ.
- Не было никого?
- Не было никого. Були якись запорожци, отъ такъ, якъ и вы.
- Що-жъ вони робили?
- Ничего. Розсидлали коней, лягли спать, потимъ встали, посиддли коней и поихали дали.
- Не казали ничего?
- Ничего не казали. Тильки одинъ казавъ: «треба-бъ єму дати на памъятування!» а другой одвитивъ: «та винъ ще молодый».

Смѣются запорожцы, спрашиваютъ:

- А ты-жъ знаешь, що вони значить: дати на памъятування?
- Ни, не знаю, отвѣчать простодушный хлонецъ.
- Дурный ты, говорять они: ты-бъ имъ наваривъ каши, то вони-бъ поспидали та подякували-бъ тебе!

Другіе разы Яременко былъ уже умнѣе и поступалъ такъ, какъ учили его хозяева-запорожцы.

Изложеніемъ ограничивается разсказъ дѣда Торопа. Но кроме указанныхъ мною названий уроціщъ и фамилій алексѣевскихъ крестьянъ, связываемыхъ съ запорожцами, мнѣ приходилось слышать въ Алексѣевкѣ еще имя Жельзняка, только память о немъ въ Алексѣевкѣ какъ-то изгладилась почти безслѣдно. За то мнѣ уда-

лось найти въ некоторыхъ данныхъ о Желтзнякахъ въ документахъ по имѣнію, просмотрѣнныхъ мною, благодаря любезности управляющаго имѣніемъ, Э. К. Бострема. Древнѣйший документъ по имѣнію снабженъ датою «19 мая 1777 г.». Это купчая, по которой «ко-
закъ херсонской провинціи ингульскаго уѣзда», Степанъ Евгеньевъ Желтзнякъ продавалъ надворному советнику, Ларіону Спиридонову Алексееву свой зимовникъ при р. Камышеватой Сугаклеи, въ смежности зимовника козака Трофима Толстика, «со всѣмъ въ немъ строенiemъ и землею, съ лѣсы, съ сѣнными покосы и со всѣми принадлежащими къ тому угоды, такъ, какъ я *владѣлъ въ бывшем запорожскомъ правленіе*, пынѣ влѣдѣю и обводомъ самолично показать имѣю; а взялъ я Степана съ него Ларіона за тотъ проданный мною зимовникъ съ строенiemъ и проч. денегъ 50 рублей».

Кромѣ купчей, тѣмъ-же 1777 годомъ помѣчены еще два документа: 1) «межа учиненная въ херсонской провинціи въ ингульскомъ уѣздѣ отмежеванной дачи надворного советника и губернаторского товарища Ларіона Спиридона Алексеева» и 2) Планъ дачи Алексеева. «Межа» и «Планъ» точные купчей опредѣляютъ границы дачи, отведенной Алексееву «на 150 дворовъ, полагая на дворъ всѣхъ угодий удобной пахатной и сѣнокосной земли по 60 дес., всего 9,000 дес., да сверхъ того въ означенной дачѣ нашлось негодныхъ къ хлѣбоцашеству и сѣнокосамъ каменистыхъ по рѣкамъ и балкамъ мѣсть, береговыхъ крутыхъ горъ и большихъ дорогъ 1,200 дес.». Всего-же дача Алексеева заключала 10,260 дес. На планѣ въ границахъ дачи показано нѣсколько зимовниковъ, а именно: 1) на правомъ берегу Ингула, безъ означенія—чай, 2) на правомъ берегу Сугаклеи, противъ Алексеевки—зимовникъ Толстиковъ, упомянутый и въ купчей, 3) ниже по течению рѣки—бывшій зимовникъ Желтзняковъ и 4) еще ниже—зимовникъ Москаленко. Сверхъ того, въ границѣ дачи—зимовникъ Павла Рагозы, на лѣвомъ берегу Ингула, и «дорога изъ зимовника Друченкова». Итакъ, надворному советнику и губернаторскому товарищу отведены были земли, на которыхъ раньше хозяйствили запорожцы. Изъ нихъ Толстикъ, Москаленко и неизвѣстный по имени хозяинъ зимовника на Ингулѣ повидимому не заявили претензій на захватъ ихъ собственности и—на долго или вѣтъ—остались жить на нихъ, можетъ

быть, сдѣлавшись крѣпостными Алексѣева. Степанъ-же Желѣзнякъ, вѣрно, заупрямился и получилъ 50 р. отступнаго¹⁾).

Мои разспросы у мѣстныхъ старожиловъ о Степанѣ Желѣзнякѣ не привели ни къ какому положительному результату, по одинъ дѣдъ, по имени Петръ, по прозванию Воловикъ, упомянуль разъ о Яремѣ Желѣзнякѣ, съ паденiemъ Запорожья ушедшемъ на Кубань; однажды онъ приходилъ оттуда въ свой зимовникъ, привезъ рыбы въ подарокъ бабкѣ Петра, которую зналъ еще дѣвушкой, потому что она жила въ сосѣдней хатѣ, и пробывъ всего нѣсколько дней, выпулъ изъ подъ пола бывшаго бурдія боченокъ золота и вернулся на Кубань.

Вотъ все, что удалось мнѣ узнать о Желѣзнякахъ въ самой Алексѣевкѣ. Но сохранилось воспоминаніе и о вождѣ Коливщины, Максимѣ Желѣзнякѣ, тѣмъ что, по всей вѣроятности, па Сугаклеѣ былъ семейный зимовникъ Желѣзняковъ. Память о Максимѣ Желѣзнякѣ уцѣлѣла въ с. Коротякѣ, сосѣдающимъ съ Алексѣевкой и составляющемъ родовую собственность Перепелициныхъ, которые ведутъ происхожденіе отъ запорожца-же Клиmenta Перепелицы. Нынѣшній владѣлецъ Коротака помѣстилъ интересную статью о своемъ наслѣдственномъ бурдіѣ въ одной мѣстной газетѣ, и я позволю себѣ здѣсь воспользоваться его данными, почерпнутыми изъ разсказовъ дѣда, котораго авторъ помнить. «По словамъ дѣда, говоритъ г. П—пъ, его сосѣдами были: съ одной стороны козакъ Бузько, съ другой Островерхій (что видно и изъ документовъ), съ третьей Морква, а съ послѣдней богатый есаулъ Желѣзнякъ, Грицько. Имена Бузька и Морквы сохранились въ названіи урочищъ Бузовая и Морквина. Зимовникъ Григорія Желѣзняка былъ на Сугаклеѣ, гдѣ нынѣ село Алексѣевское... Этотъ Грицько былъ отцомъ извѣстнаго Максима Григорьевича Желѣзняка, руководившаго погромомъ въ кievской Украинѣ и разорившаго совмѣстно съ Гонтой

¹⁾ Упомянутый здѣсь надв. сов. Л. С. Алексѣевъ далъ имя Алексѣевки селенію, прежде называвшемуся Сугаклеей. Онъ продалъ имѣніе въ 1782 г. Петру и Николаю Родзянкамъ за 100 р., а тѣ въ 1792 г. перепродали Никифору Ив. Кодинцу, Алексѣю и Василію Степ. Кирьяковымъ уже за 12. 000 р. Въ купчей 1792 года село называется уже Алексѣевкой и съ этакъ именемъ перешло къ Алексѣю Кирьякову, наследникамъ котораго оно принадлежитъ и теперь.

Умань въ 1768 г. Дѣду моему, продолжаетъ авторъ, было тогда 18 лѣтъ, два года онъ былъ уже реестровымъ козакомъ. Участвовалъ-ли онъ въ уманской рѣзни, не знаю,—объ этомъ дѣдъ не говорилъ, но еще мальчикомъ видѣлъ Желѣзняка въ лебединскомъ¹⁾ монастырѣ, у игумена Мелхиседека Яворскаго, подъ надзоромъ котораго дѣдъ мой началъ свое воспитаніе въ качествѣ круглого сироты, восьми лѣтъ, потому что игуменъ былъ намъ съ родни. Впрочемъ, есть основанія предполагать, что дѣдъ мой не былъ исключеніемъ... Игуменъ навѣщалъ ингульскіе зимовники, да иѣть сомнѣнія,—и другое. Владѣльцы зимовниковъ їздили въ Лебединъ, преимущественно на храмовой праздникъ, 23 апрѣля. Яворскій агитировалъ противу Польши и унії, упорно вводимой базиліанами въ его время. Между жителями зимовниковъ онъ замѣтилъ особенные способности, пылкое воображеніе, наклонность къ мечтательности въ Максимѣ Желѣзнякѣ, давать совѣты отцу и вѣроятно указывалъ сыну гетманскую булаву по обоимъ берегамъ Днѣпра и какъ чародѣй вызывалъ изъ могилы великую тѣнь Богдана. Возбужденіе воображеніе Максима, хорошо грамотного пушкаря, поддавалось обаянію; и другое сѣдоусые и черноусые козаки, обитатели зимовниковъ, слушали соблазнительныя рѣчи краснорѣчиваго энтузіаста, безкорыстнаго монаха, говорившаго близкимъ ихъ сердцу языкомъ. Возможно-ли сомнѣніе, чтобы они не трактовали о современной политикѣ, точнѣе—о стремленіи стѣсненаго уже запорожскаго козачества, и создавали разгромъ Украины съ помощью гайдамаки, направляя хипническіе его инстинкты... Помѣщикъ зимовника необходимо жертвовалъ деньги на оружіе, на самодѣлковыя

¹⁾ Не въ лебединскомъ, но въ смежномъ мотреевскомъ монастырѣ, котораго игуменомъ и былъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій. Доказано, что Мелхиседекъ никакого участія въ возстаніи 1768 г. не принималъ, а напротивъ удерживалъ отъ него изродъ особыми постами изъ Переяслава, куда онъ укрылся отъ гонений за полтора года до начала возстанія. Съ 1761 по 1769 г. онъ управлялъ украинскими церквями въ монастыряхъ, защищалъ ихъ отъ насилій католиковъ и уніатовъ, їздилъ ко двору въ Петербургъ и Варшаву, по возвращеніи оттуда былъ сиваченъ и замурованъ на Волыни въ Грудкѣ, потомъ бѣжалъ и скрывался въ Переяславѣ, а въ началѣ 1769 г. былъ переведенъ въ Нѣжинский монастырь.—Ред.

«ратовища», на обмундированіе голоты, войска Мелхиседека, левшаго на убийство, на грабежъ католика»¹⁾.

Заемствуемъ иѣкоторыя данныя и о с. Коротякѣ изъ той-же статьи г. II—на. Вѣроятнымъ основателемъ зимовника Коротякъ (названнаго по балкѣ того-же имени) авторъ считаетъ прадѣда своего, отца Климентова, Степана, въ 1767 г. пропавшаго безъ вѣсти; здѣсь и родился въ 1750 г. Климентъ, ставшій потомъ хозяиномъ зимовника. По уничтоженіи Запорожья, обитатели зимовниковъ стали расходиться, по Климентъ Переਪелица крѣпко сидѣлъ въ родовомъ бурдѣ. Прошло два года, и вотъ на Сугаклѣ явился, какъ ми видѣли, надворный совѣтникъ и губернаторскій товарищъ Алексѣевъ, а на Ингулѣ, на землѣ Переਪелицы, иѣкій Бланкенагель, съ «билетомъ» на 3,000 дес. земли, выданнымъ кременчугской экспедиціей. «Бланкенагель, разсказываетъ г. II—пъ, возымѣть желаніе воспользоваться богатымъ, устроеннымъ зимовникомъ отцовъ моихъ, Коротякомъ... Что зимовникъ бытъ большої и богатої, видно изъ того, замѣчаетъ онъ, что дѣдъ мой въ 1780 г., т. е. чрезъ пять лѣтъ послѣ уничтоженія Запорожья, построилъ на свое изживеніе молитвенный домъ, гдѣ крестенъ мой отецъ въ 1786 г. иономъ Кирилломъ Брилевымъ, вывезеннымъ дѣдомъ изъ Молдавіи». Началось дѣло, подробности котораго автору остались неизвѣстными, но по документамъ видно, что черезъ два года Бланкенагелю выдали другой билетъ, въ которомъ граница его участка указана по смежности земель Клиmenta Переපелицы и Островерхаго. Такъ Переປелица и оставался владельцемъ Коротяка. Вскорѣ потомъ онъ купилъ земли Бланкенагеля и Островерхаго, не изъ первыхъ уже рукъ, и заселилъ ихъ крестьянами, названными въ указѣ объ отставкѣ его «подданными его, малороссійской націи»²⁾.

¹⁾ Имѣя въ виду столь вѣсное свидѣтельство о жѣстѣ нахожденіи зимовника Желѣзяка, какъ приведенное выше, нахожу возможнымъ отвергнуть указаніе г. Скальковскаго, что Желѣзяки жили «на рѣчкѣ Громоклѣль, гдѣ теперь село Алексѣевское» («Найды гайдамакъ», стр. 70), тѣмъ болѣе, что на Громоклѣль нетъ ни одного населенного пункта съ этимъ названіемъ. Не на Громоклѣль, а на Сугаклѣ бытъ зимовникъ Желѣзяка.

²⁾ Статья г. II—на, подъ заглавіемъ «Пропшое», помѣщена въ Елизаветградскомъ Вѣстнике 1881 г., № 137 и 1882 г., № № 61, 62 и 63.

Имя Клиmentа Перепелицы сохранилось и въ народной памяти. По сосѣдству съ Коротякомъ лежитъ с. Лозоватка, на балкѣ того-же имени, владающей въ Ингульѣ. Здѣсь тоже, по народному преданію, жили запорожцы, и по имени одного изъ нихъ, Лозяного, имѣвшаго пасѣку близъ устья балки, будто-бы и урочище получило название. Какъ-бы то ни было, въ Лозоваткѣ хранятся еще кое-какие разсказы о запорожской старинѣ, а между прочимъ о Переpeлицѣ и сосѣдѣ его, Морквѣ, упоминаемомъ также въ документахъ. По одному сказанію, Климентъ Степановичъ получилъ прозваніе Переpeлицы за свою страсть къ ловлѣ перепеловъ, на которую частенько отправлялся съ торбинкой черезъ плечо; по другимъ, кличка эта дана кому-то изъ его дѣдовъ запорожцами, въ насмѣшку за малый ростъ. Что-же касается до Клиmentа Степановича, то онъ, точно также и супруга его, отличались, напротивъ, такой необычайной тучностью и тяжеловѣсностью, что въ праздникъ, для отправления ихъ въ церковь, находившуюся тутъ-же, насупротивъ ихъ дома, надобилась пара воловъ. По преданію, онъ вырылъ кладъ и тѣмъ разбогатѣлъ.

О Морквѣ ходить разсказъ вѣскоюко легендарный. Вблизи его зимовника былъ гай; однажды—говорить преданіе—отправился туда Морква со своими наймитами нарубить дровъ; только что принялъ отъ за дѣло, вдругъ напалъ на него огромный полозъ; Морква сдавилъ его, но не могъ согнуть, потому что эмѣй онѣрвался на хвостъ. Кричать Моркву наймитамъ, чтобы рубили хвостъ, но тѣ, недовольные хозяиномъ за крутное обращеніе съ ними, оставили его въ критическую минуту; долго боролся козакъ съ страшнымъ эмѣемъ и наконецъ задушилъ его, но и самъ упалъ мертвый отъ напряженія силъ. Зимовникомъ его завладѣлъ тотъ-же Климентъ Переpeлица.

Таковы народные разсказы о Переpeлицѣ и о Морквѣ.

..

В. Ястrebовъ.

ЗНАХАРСТВО, ШЕПТАНЬЕ И ЗАГОВОРЫ.

(Въ старобѣльскомъ и купянскомъ уездахъ харьковской губерніи).

Знахари и шептухи не составляютъ достоянія исключительно минувшихъ вѣковъ: ихъ можно встрѣтить и въ наше время и не только въ глухихъ слободахъ, но въ городахъ уѣздныхъ и губернскихъ, даже въ столицахъ. Есть, значитъ, и въ настоящее время классъ людей, прибывающій къ ихъ помощи, вѣрюющій въ ихъ силу и знанія, существуютъ условія, вызывающія къ жизни этотъ родъ профессіи.

Не касаясь здѣсь вопроса о суевѣряхъ и предразсудкахъ, почти вполнѣ поглощающихъ тѣ немногія реальная знанія, какія дѣйствительно находятся въ распоряженіи знахарей, мы однакожъ должны согласиться съ тѣмъ, что, несмотря на всѣ усиленія представителей современной медицины, до сихъ поръ среди сельскаго населенія значеніе знахарей и шептухъ еще далеко не подорвано. Воззрѣніе современной медицины на причины и происхожденіе болѣзней и способы лѣченія рѣзко отличаются отъ воззрѣній крестьянъ (и однихъ-ли крестьянъ?) на тѣ-же предметы. Госпитальное лѣченіе въ особенности не симпатично народу: оно слишкомъ, такъ сказать, офиціально, холодно и отрывается притомъ большаго отъ дома. Все это нерѣдко отклоняетъ крестьнина отъ патентованной медицины и направляетъ его къ своимъ излюбленнымъ врачамъ, знахарамъ и шептухамъ. Здѣсь онъ не видитъ ничего страннаго, новаго; здѣсь все знакомо ему съизмала: молитва, шептаніе, святая вода, ножъ, веретено, рогачъ,—среди всего этого онъ возросъ и соста-рѣлся. Вѣдь въ деревнѣ каждая старуха, даже каждая молодая женщина-мать, знаетъ, какъ должно умыть ребенка отъ «сглазу» или какъ обвязать поясомъ отъ головной боли. Лѣкарь и лѣкарства свои, домашніе. Случилось серьезно заболѣть,—въ слободѣ не безъ знающихъ людей. Къ нимъ всегда смѣло можно обратиться за помощью и они не откажутъ въ ней; они помогутъ «не своими словами, а Господними духами». Такъ въ большинствѣ думаетъ и поступаетъ деревенскій житель, захваченный болѣзнью. Не откажется онъ и отъ земской медицины, если она у него подъ рукою, но во всякомъ случаѣ не забудетъ побывать и у знахаря, особенно если медицина окажется безсильною скоро побороть болѣзнь.

Хотя уже съ первыхъ вѣковъ христіанства въ Россіи церковные проповѣдники начали говорить противъ вѣры въ заговоры, хотя соборными постановленіями осуждены сношения съ чародѣями, волшебниками и захаряями, хотя противъ нихъ со временемъ Петра В. издавались нерѣдко строгіе гражданскіе законы, тѣмъ не менѣе всѣ эти мѣры не могли уничтожить того, что глубоко коренится въ міровоззрѣніи народа. Внутри и вънъ себя народъ замѣчаетъ много непонятныхъ, необъяснимыхъ для него, чудесныхъ явлений, до сихъ поръ онъ живетъ среди чудесъ; онъ окружено ими; онъ часто слышитъ о нихъ, онъ вѣрить имъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрить, что и нынѣ, какъ и въ давнія времена, встречаются избранники, которымъ доступно таинственное, высшее знаніе, которые владѣютъ вѣнцемъ словомъ. Обратите вниманіе на лицъ, признаваемыхъ захаряями и захарками. и вы найдете, что въ большинствѣ это люди пожилые, старики и старухи, глубоко религіозные, трезвой, безупречной жизни и сверхъ всего сами искренно вѣрующіе въ дѣйствительность своего лѣченія. Встрѣчаются между ними лица корыстолюбивыя и даже плуты и обманщицы; но такие никогда не пользуются большимъ авторитетомъ среди своихъ односельчанъ, а практикуютъ чаще на сторонѣ.

Будемъ ли мы разматривать захарство, какъ неизбѣжную стадію въ ходѣ культурнаго развитія народа, взглянемъ ли на него, какъ на печальное слѣдствіе невѣжества народныхъ массъ, или же наконецъ признаемъ въ немъ вышеѣше выраженіе присущей человѣку потребности вѣрить въ возможность для него сношений съ высшимъ міромъ,—во всякомъ случаѣ оно представляетъ и для археолога, и для историка, и для филолога, и психолога много интересныхъ сторонъ, а потому заслуживаетъ серьезнаго изученія; послѣднее же будетъ возможно и плодотворно лишь тогда, когда соберется достаточно полный для сравнительного изслѣдованія матеріалъ, пріуроченный къ опредѣленнымъ мѣстностямъ.

Живя долгое время въ одной и той же мѣстности и находясь въ частыхъ сношенияхъ съ народомъ въ районѣ двухъ уѣздовъ харьковской губерніи, куянского и старобѣльскаго, я, съ помощью близкихъ мнѣ лицъ, успѣлъ собрать массу этнографическаго матеріала и въ томъ числѣ до 150 заговоровъ и шептаній, изъ которыхъ болѣе половины неизвѣстны въ печати, а остальные являются болѣе или

меньше цѣнными варіантами. Понимаю, что періодическое изданіе не можетъ обременить себя подобнымъ сырымъ материаломъ во всей его обширности; сбираніе и приведеніе его въ извѣстность можетъ быть дѣломъ отдельныхъ сборниковъ. Тѣмъ не менѣе рѣшаюсь предложить читателямъ хотя незначительную часть записанныхъ мною заговоровъ и шептаний, желая показать съ одной стороны, какая масса подобного материала находится доселѣ въ живомъ народномъ обращеніи, а съ другой—въ какой непроглядной тьмѣ блуждаетъ еще наше народъ и какъ много усилий требуется для того, чтобы вывести его изъ такого мрака. Предлагая записанное мною, я воздерживаюсь отъ всякихъ обобщеній и выводовъ, толкованій и объясненій, считая все это преждевременнымъ; я даже не систематизирую моихъ наблюденій, а устанавливаю лишь пѣкоторые рубрики для порядка изложенія.

1) Шептанія и заговоры надъ водою.

Вода—главный и лайболѣе употребительный материалъ въ рукахъ знахарей и шептухъ. Она употребляется въ простомъ и освященномъ видѣ: въ первомъ случаѣ употребляются особыя напштыванія надъ нею для приданія ей целебной силы, во второмъ она должна дѣйствовать въ силу освященія. Мне встрѣтился единственный случай напштыванія надъ водою, предназначеною не для лѣченія, а для обыкновенного умыванія. Тутъ шепчутъ слѣдующія слова: «Святый Иване Купало! прыйди, скунайся въ ей води и освяти мени си»¹⁾.

Вода, предназначенная для лѣченія должна быть набрана до «схидъ сонця», непочатая, т. е. пока еще никто ее не почерпалъ. При этомъ говорится: «Здрастуй, вода Ульяно, земле Тытяно, колодизъ Яківъ! Благослови воды набрати для молитвеного, хрищеного, причащеного (имя-рекъ)». Если вода для лѣченія берется въ рѣкѣ, то надо зачерпать противъ теченія, а въ колодцѣ—съ запада на востокъ, противъ солнца. Возвращаясь съ водою, не слѣдуетъ осматриваться назадъ.

Если нельзя ждать съ лѣченіемъ до утра, чтобы взять непочатой воды, то употребляется вода обыкновенная, но при слѣдую-

¹⁾ Слобода Штормовая, старобѣльского уѣзда, харьковской губерніи.

щемъ заговорѣ: «Господь иде впередъ, Матерь Божа посередъ, ангелы по бокамъ, а я хрещеный позаду святои брати воды. Добрый вичеръ тоби, вода Ульяно, а земля Тытяно, а пить Марьяно! дайте мини святои воды отъ лихой биды».

Когда вода принесена къ хату, то, приступая къ лѣченію, говорять: «Первый день понедилокъ, другой день вивторокъ, третій середа—це на помичъ вода. Ты, земля Тытяно, и ты вода, Ульяно! очищала ты коринья и креминья, очищай ёго сердце и отъ крови, отъ костей, отъ нутра—жизни»¹⁾.

2) Шептанія при неизвѣстности болѣзни.

Когда знахарь или знахарка не могутъ опредѣлить болѣзни, то говорятъ: «Стань ты, Пречистая, зъ помоцами, а я со словами: видъ твоихъ очей, видъ твоихъ плечей, видъ билого тила, видъ жовтихъ костей, видъ червоной крови, видъ щирого сердца. Туть тоби не стояти, билого тила не исувати, червоной крови не пити, жовтои кости не ломити. Иди соби на очерета, на болота, де сонце не сяе, де мисяць не свите, де люди не ходять».

Или:

«Сыпъ Божій, Сусь Христось, отци святы кіевськи, печерськи, затворники святогорськи, пособите й поможите, вызволайте и пристривайте цюю болість прескверную, препоганую. А я іи стала узнавати, стала іи пристривати пріятными словами, Господніми молитвами; а ще пристриваю одъ сквернихъ ричей, отъ поганихъ очей. Туть тобя не бувати, червоной крови не пивати, жовтои кости не ламати, щирого сердца не тощити, карихъ очей не мутити. Теперь я стала васть вызывать на очерета, на болота, де люди не ходять, де звонъ не звоятъ, де христіянській гласъ не заходе, де й собаки не брешуть, де й дивка косою не має,—тамъ тоби и викъ викувати».

Или:

«Господи Боже поможи! Мисяць на небесахъ, а ведьмидъ у поли, а камень у мори; якъ тіи три брати збирають, то тоди на тебе болість буде нападаця!»²⁾.

¹⁾ Слобода Ново-Основа, купянского уѣзда.

²⁾ Слобода Преображенская, купянского уѣзда. Ср. Чубинскій, т. I, стр. 3.

3) Шептанья и заговоры отъ «призору»,
«пристриту» или «сглазу».

Если у ребенка лице разгорѣлось и онъ плачетъ, то мать, подозрѣвая, что это дѣлается съ «глазъ», умываетъ его изъ ложани и утираетъ своею сорочкою, или же лижетъ языкомъ лицо ребенка накресть, при чёмъ три раза повторяетъ: «Якая мати породила, такая и отходила» ¹⁾.

Отъ той-же болѣзни лечатъ такъ: берутъ святой воды и вливаютъ въ стаканъ или въ миску; если-же неѣть въ домѣ такой воды, то приносятъ непечатой и обливаютъ ею икону. Берутъ потомъ изъ печки ножемъ по одному девять горячихъ угольковъ и, бросая ихъ въ воду, читаютъ трижды «Отче нашъ». Затѣмъ, держа воду передъ больнымъ, говорятъ: «зетили сороки, ухватили уроки зъ раба Божего (имя), понесли на лиса, на болота; поти литали, пока уроки пропали». Погружаютъ руку въ воду и мокрою рукою дѣлаютъ знакъ креста на рукахъ, на ногахъ, плечахъ, лицѣ и на груди, произнося: «зъ твоихъ рукъ, зъ твоихъ ногъ, зъ твоихъ плечей, зъ карыхъ очей, зъ веселой головы, зъ щирого сердца, зу всіхъ суставъ»; въ заключеніе брызгаютъ водою на лицо, на грудь и крестообразно на всего больнаго. Оставшуюся воду выливаютъ въ святой уголъ, подъ иконы ²⁾.

Дѣлаютъ еще такъ:

Берутъ въ кружку непечатой воды, кидаютъ туда такъ-же ножомъ по угольку до девяти разъ, приговаривая: «не разъ, и не два, и не три», и т. д. Становятся потомъ предъ иконой, изображаютъ ножемъ крестъ надъ водою и говорятъ: «Вси святы до помочи,—пьятинка-матинка, станьте меня на помочи хрещеному и молитвеному (имя) шептати. На мори, на сан лежить дубъ, а въ тимъ дуби змія жирія; вона зажиреть и пролынетъ хрещеного, молитвенного» (имя). Это шептаніе произносится три раза, а потомъ этой воды даютъ больному папиться, затѣмъ умываютъ его накресть и взбрызгиваютъ. Остальную воду выливаютъ подъ глухой край двери, приговаривал: «пилиши вроки на сороки» ³⁾.

¹⁾ Слобода Ново-Николаевка, куялинскаго уѣзда.

²⁾ Городъ Купянскъ. Ср. Чубинскій, т. I, стр. 133.

³⁾ Слобода Ново-Николаевка, куялинскаго уѣзда. Ср. Чубинскій, т. I, стр. 134.

Если кто заболѣть, то чтобы узнать, не съ глазу-ли эта болѣзнь, береть бабка въ чашку воды и, перекрестивъ себя и чашку, со словами: «Господи Иисусе Христе, помилуй вась!» одускаеть въ воду три уголька и затѣмъ говорить слѣдующія слова: «Брала Матирь Божа водыцю, брала и хрестами охрещаля и отъ урокиъ помагала. И вроки, и пророки, и мужескыи и женескыи, и хлоньячи и дивчачи, и подумани и погаданіи, и изъидыни и позавыстувані,— и тутъ вамъ не стояти на рабу Божому (имя), и червоной крови не мутити, и щирого сердя не сушити». Если уголь потонеть, а больной во время шептанія не почувствуетъ ничего особеннаго, знать болѣзнь не съ глазъ; но если уголь поплыветъ и закружится, а больной начнетъ зѣвать и потягиваться, то съ глазъ. Тогда, смотря по тому, какъ уголь кружится и при какомъ словѣ шептанія остановится, бабка разрѣшаетъ, кто глазицъ, мужчина или женщина,— по зависи или по злобѣ. Этю водою умываютъ больного¹).

То-же леченіе производится еще и въ такомъ видѣ. Знахарка говоритъ: «Богъ надъ землею, Богъ пидъ землею. Помилуй Господи, рабу (имя) одъ усихъ бидъ и напастей! Одъ скотивы и одъ животны, одъ чорнаго и одъ белаго глазу, одъ червонаго и отъ синѣго, на всихъ межахъ и на всихъ рубижахъ, на всихъ хрестахъ и на всихъ перехресткахъ. Сохрачи, Господи, и помилуй рабу (имя) одъ ковдуна и одъ ковдуныци!» Шотомъ она дуетъ и плюетъ, полагаетъ три поклона, наливаетъ въ чашку непочатой воды черезъ уголь и опять шепчетъ: «одъ мужицкаго и одъ жиноцкаго глазу, одъ парубоцкаго и одъ дивчачаго». Послѣ этого вода считается наговореною и слѣдовательно цѣлебною; ее даютъ пить, а также обрызгиваютъ ею въ увѣренности скораго исцѣленія²).

Есть заговоръ въ такомъ тонѣ: «Лежала собака середъ дороги, россыдала четыри ноги, пятый хвистъ, шоста голова,— нехай теби Богъ помога!»

Говорять еще: «Урокъ, урошице! мужиче, жиночке, царубоцкже, дивоцкже, подумане, погадане и стрительне! Я васъ вызываю, выкликаю изъ жилъ, изъ прижилъ» и т. д. (имя)³).

¹) Хуторъ Нижній-Соленый, песчанской волости.

²) Слобода Нещеретова, старобѣльскаго уѣзда.

³) Слобода Ново-Осипова, купянскаго уѣзда.

Шептанье видоизм'яется, сообразно лѣтамъ и настроенію шептухи и пріобрѣтає характеръ молитвенный, напр.: « Господи миши поможи поворожити крецени, парождени, молятвени (имя)! Спаситель, спаси си душечку! Не сама я помогала: Матерь Божая прохала. Матерь Божая, поможи миши отъ урокивъ новорожити! Уроки, Божіи пророки, и найдени и напытани, и подумани и погадани, и часови и минутни, и мужицьки и жиноцьки, и дивоцьки и царубоцьки! »¹⁾.

Или еще:

« Мати Марія, бабуника Саломонія, на пути-дорози стояла, Христа піджидала, Христа небесного, Сына любезного. Стали жиды Христа роспинати, въ руки и ноги гвозди забивати. Изъ юго кровъ текла, якъ быстра ріка. Приходили жони муроносыци и плакали и рыдали, єго слезами обливали, и говорили: па кого ты пасть теперь покидаешъ и оставляешь?—Я васъ покидаю и оставляю на друга Христова, Ивана Богослова! Спаси и помилуй єго (имя больного) отъ всякого дурного глазу, отъ воды потопа, и отъ звиря ядущего!, Больному даютъ воды до трехъ разъ, а остальную затѣмъ воду выливаютъ подъ пятку дверей и говорять: « щоби лыхо такъ крутилось, якъ крутяться двери »²⁾.

Слѣдующее шептанье отличается отъ другихъ большимъ дробленіемъ общаго понятія объ урокахъ: « Уроки, уроки! вы витряни, вы водяни, вы глазни; вы мужицьки, вы жиноцьки, вы батькови, вы матери, вы простудни, вы прозирни, вы подумани, вы й погадани, вы парубоцьки, вы й дивоцьки. Я васъ вышиплю, я васъ выклыкаю й вызываю зъ єго (имя), я васъ высылаю на быстрый огонь, де мали диты, де викна не закрыти: тамъ же вамъ бувати, тамъ же вамъ и гнездо звивати, а въ новорожденного (имя) въ устахъ не стояти, жвотой кости не ламати, чирвоної крови не пивати, щирого серца не въялити, билого тила не сущити »³⁾.

4) Отъ испуга (переполоха).

Для лѣченія отъ испуга употребляются также различныя средства нащептыванія,—иные для взрослыхъ, а иные для дѣтей. Вольне

¹⁾ Слобода Гусинка, купянского уѣзда.

²⁾ Слобода Дзвурѣчна, купянского уѣзда.

³⁾ Слобода Преображенская, купянского уѣзда.

простой способъ следующій: когда звонять по мертвомъ и несуть его къ могилѣ, надо есть артось съ святою водою и приговаривать: «Тоди мій переполохъ зостане, якъ оцей мертвый (имя) встапе». Повторить три раза¹⁾.

Переполохъ выливаютъ. Знахарка наливаетъ въ миску немнога воды; особо растапливаетъ воскъ и лить его въ воду, держа миску надъ головой больного; при этомъ именчеть:

«Господи поможи мини поворожити, переполохъ выливати (имя) хрещеному, нарожденому, и найденый и напытанный, подуманный, погаданный, одѣ всякой звирины»²⁾.

Для излечения ребенка отъ искуга, просверливаютъ въ дверномъ притолокѣ на высотѣ роста дитяти дырочку, срѣзываютъ у больного съ головы накресть нѣсколько волосковъ, а также ногти на рукахъ и на ногахъ, кладутъ срѣзанные волосы и ногти въ дырочку и забиваютъ ее осиповымъ колышкомъ. Когда дитя перестанетъ дырочку,—искугъ пройдетъ³⁾.

Рекомендуется также: достать у трехъ первоначальныхъ по кусочку насхи и есть ее передъ принятіемъ пищи⁴⁾, или перевернуть на больномъ ребенка сорочку, надѣть ее передомъ назадъ⁵⁾. Въ обоихъ случаяхъ искугъ пройдетъ.

5) Отъ бессонницы (крыклывцівъ, плаксывцівъ, мышицы).

Бессонницею взрослые люди въ простомъ народѣ не страдаютъ; у людей старыхъ это состояніе считается нормальнымъ и лечению не подлежитъ, но бессонница у малыхъ дѣтей, соединенная съ крикомъ, плачемъ, судорогами—истинный бичъ для матерей, подавленныхъ работою. И вотъ какое средство рекомендуется противъ этого: дитя, страдающее бессонницею, надо понести вечеромъ, какъ солнце зайдетъ, потомъ рано утромъ до восхода солнца, къ курамъ на насьть, подержать его надъ спящими курами и три раза проговорить: «Якъ пиду я въ лисъ, а въ лиси зміївна, а въ неи сынъ Максимъ, а въ мене сынъ, (имя); мы-же покумаемось, мы-же по-

¹⁾ Слобода Ново-Николаевка, купянского уѣзда.

²⁾ Свобода Гусинка, купянского уѣзда.

³⁾ Городъ Купянскъ.

⁴⁾ Слобода Пески, купянского уѣзда.

братаемось, мы-жъ посестримось. Зміивно, зміивно! возьми у моего сына (имя) мышныци, и ранни и пизни, и почни и полупични, и зорани и вечирни! Такъ надо дѣлать три дня подъ рядъ, «три зори утреннихъ и три вечирнихъ» и безсонница пройдетъ¹⁾.

Иная лекарка прежде, чѣмъ идти въ курятникъ, береть дитя на руки и, подойдя къ окну, качая ребенка, говоритъ: «Криклыви-плаксыви! лидить на вечерныци, де огни горять, де бесиды творять, тамъ и гуляйте! а одѣ нарожденного, молитвенного, хрещеного младенца (имя) геть одѣйтить». А принесши ребенка въ курятникъ, говоритъ: «Курочки, курочки! симиастеньки, попилястеньки, рябесеньки и билесеньки, и жонтесеньки, возьмите мышныци и крыклыви, и плаксыви одѣ нарожденного, хрещеного младенца» (имя). Это повторяется три раза, съ слѣдующимъ добавлениемъ: «Яка ёго породила, то та ёго и отходила одѣ криклывивъ, и одѣ плаксывивъ, и одѣ мышныцъ»²⁾.

Приговариваются еще и такъ: «Куры, курыцы! пришли мы до васъ на вечерныци; нате вамъ почныци, и крыклыви, и плаксыви, и почни и денни, и подумани и погадани, и наслани и наспани, и ѿидени,—зузульнасти, пепельнасти, и черни и били, и раби: на ваши, куры, очици нате вамъ почныци»³⁾.

6) Отъ младенческой немочи (супротивника).

Младенческую немочь или «супротивника» выгоняютъ въ иныхъ мѣстахъ однимъ нашептываніемъ. Оно начинается молитвою: «поможи мени, Боже! Мати Христова, встань съ престола, пособи и поможи мени!» а затѣмъ захарка выкликаетъ и вызываетъ болѣзнь: «я тебе вызываю и воскресною молитвою заклинаю, понменно называю: Грицько Кандыба! тутъ тоби не стояти, жовтои кости не ламати, червоной крови не спывати, бувати тоби на мори окіяни, тамъ живе гадина царица; пора тоби туды давно явитъся!» Послѣ этого заклятія читается молитва: *Да воскреснетъ Богъ*⁴⁾.

Въ иныхъ мѣстахъ къ заклинанію присоединяются обычныя и въ другихъ случаяхъ символическія дѣйствія. Захарка нали-

¹⁾ Хуторъ Нижній-Солевый, песчанскої волости.

²⁾ Слобода Преображенская, купянскаго уѣзда.

³⁾ Слобода Куземовка, купянскаго уѣзда. Ср. Чубинскій, т. I, стр. 141.

⁴⁾ Слобода Двурѣчна, купянскаго уѣзда.

ваетъ въ миску воды, бросаетъ три горячихъ угля и потомъ шептать надъ этой водой: «Господи мини поможи парожденному, хрещенному и молитвенному (имя) отъ младенческого поворожити! Младенческое найдене, напытане, подумане, младенческое ногадане, витрове, водяне», я тебе выговорю изъ очей, изъ плечей, изъ грудей-пагрудей, изъ сердца-пасердца, изъ живота-паживата, изъ рукъ, изъ ногъ, изъ кости-пакости, изъ прови-пакрови, изъ семидесяти суставивъ. Я тебе выговорю, молитвами выкливаю, вожемъ прискаю, тутъ тоби не бувати, крови не спывати, наглою смертью помирати: я тебе высылаю на очерета, на болота, тамъ тоби накуцаться, тамъ тоби нагуляться, съ братичками повидаться»¹).

Иногда при заговориваніи призывается святый Трифонъ и льется вода изъ кружки за спину больному дитяти, или-же съ призываніемъ того-же святаго для изгнанія супротивника захарка дѣлаетъ кусочкомъ ладана знаки креста на рукахъ и на лбу дитяти. Призывается также Матерь Божія, Іисусъ Христосъ, всѣ силы небесныя, пещерскіе кіевскіе угодники²).

7) Отъ лихорадки (пропасныци).

Найболѣпшімъ разнообразіемъ отличаются заговоры и шептанья отъ этой, такъ обыкновенной въ крестьянскомъ быту болѣзни. Они имѣютъ въ большей части молитвенный характеръ; кроме ихъ особыя писанныя молитвы носятся больными на шей; есть еще особая какъ-бы симпатическая средства отъ этой болѣзни. Специальными цѣлителями ея считаются архангель Рафаилъ и преподобный Зосима соловецкій. Лихорадокъ считается 12-ть; онъ дочери Ирода царя. Вотъ ихъ имена: Зябуха, Гнитыця, Плитія, Месора, Шашая, Чорна, Тыниа, Дида, Ладо, Омуга, Утиха, Персанда. Въ другомъ заговорѣ онъ носятъ слѣдующія названія: Трясовиця, Огнєвиця, Знобъя, Паралъя, Гарькуша, Крикуша, Черкеть, Пухлъя, Желтъя, Дряхлъя, Дремлья. Лихорадокъ впрочемъ насчитывается не однаковое число: иногда ихъ считается 7, иногда 70, а иногда 77-мъ. Вотъ заговоръ, отличающійся отъ другихъ наиболѣе народнымъ складомъ рѣчи:

¹) Слобода Гусинка, купянскаго уѣзда.

²) Слобода Нижняя Дуванка, купянскаго уѣзда.

«Ишовъ святый Оврамъ дорогою, зустривъ 70 зміивныхъ дочекъ. Святый Оврамъ пытає: «куда вы идете? христіанську виру чого жоите? Святый Оврамъ каже: «сыну мій, Осакій, бери сокиру, теши троство на щенки!» А зміивни дочки просяють: «святый Овраме, не тепи трости на щенки! Хто буде сее читати, того не будемъ и нападати»¹).

Другой варіантъ этого заговора записанъ мною въ такомъ видѣ:

«Шли Макарій, Авраамій и сынъ Исаакій, та зострили 77 прощасныць. Говорять Макарій, Авраамій и сынъ Исаакій: куда вы идете? А оны павстрічу та съ дому не пускають, та вийшли изъ берега на круту гору, та тамъ на крутій горі и розбиглися²).

Найболѣє поліный изъ записанныхъ мною заговоровъ слѣдуючій:

«На осіянскій горі, на святій землі їхавъ Михайло; у ёго сынъ Авраамій, на єму великий чинъ. Ишовъ Авраамій—великий чинъ въ путь дорогу; зостривъ винъ 77 женъ.—Куди вы йдете, прокляти жены?—Мы йдемо, Авраамій великий чинъ, въ Россію ласо наїдаця, сладко наїваца.—Верница-жъ вы, прокляти жены, одъ парожденного, молитвенного (имя). И якъ ты не зайдешь, буде тоби те, шо тій жени, шо въ святу недилу хлібъ пече, и те, шо тому мужу, шо въ пятницю сіе та оре. Пропаснця, пропаснця! ты витряна, ты водяна, ты простудна, ты понатужна, ты напитана, ты й найдена, ты насипана, ты насіана, ты ночна, ты полуночна, ты зорена, ты полузорена, изойди-жъ ты зъ парожденного (имя). И якъ ты не зайдешь, и мене не послухаешь, ты корни роспускаешь, гилья развиваешь, и я съ тебе гилья обламаю, корни съ тебе по-выкидаю, зъ парожденного, молитвенного (имя). Тоби въ утровику не стояти, красної крови не пивати, жовтої кости не ламати, білого тила не сушити. Я-жъ тебе высылаю, на очерета и на болота, де людской гласъ не заходе, тамъ тоби пропадати». Это говорится надъ водою три раза. Больной долженъ пить эту воду и умываться ею³).

Не привожу молитвъ отъ лихорадки: народнаго въ нихъ мало, отдаютъ онѣ книжнымъ церковно-славянскимъ языкамъ старыхъ грамотѣевъ; но не лишне будетъ отмѣтить практикуемыя народомъ

¹) Слобода Ново-Осіново, купянского уѣзда. Ср. Чубинский, т. I., стр. 120.

²) Слобода Нижня—Дуванка, купянского уѣзда.

³) Слобода Преображенная, купянского уѣзда.

средства отъ лихорадки, проникнутыя тѣмъ-же духомъ сувѣрія и какого-то вѣдовства. Собѣтуютъ, напримѣръ, сдѣлать карбежъ, т. е. выстрогать четыреугольную наложку, длиною въ вершокъ, нарѣзавъ на ней столько наѣчекъ, сколько разъ трясла лихорадка, расколоть ее вдоль пополамъ, и одну половину вынести на дворъ ночью и бросить ее съ слѣдующими словами: «Оставляю карбежъ, кидаю карбежъ, щобъ такъ мене зоставила, покинула пронастыця». При этомъ надо три раза плюнуть и дунуть отъ себя, другую же половину во что нибудь завязать и носить за пазухой. Если и послѣ этого будетъ трясти лихорадка, то на оставшейся половинѣ карбежа, послѣ первого наркозисма, сдѣлать еще одну наѣчку, и лихорадка не повторится.

Рекомендуется еще повѣсить себѣ на шею мертвое чуто, т. е. ту тесьму, которою связываютъ ноги умершихъ; но оно помогаетъ всего одинъ разъ, а далѣе теряетъ свою цѣлебную силу¹). Нѣкоторые при погребеніи бросаютъ въ могилу, вмѣстѣ съ землею, ту ленточку (стёжку), которою завязываютъ воротъ рубахи, или-же берутъ съ могилы горсть земли и дома подкуриваются ею²). Иные выдергиваютъ изъ крыши той хаты, въ которой живутъ первоначаломы и пакуиваются ею, или-же завязавъ въ новый платокъ деньги, бросаютъ его на перекресткѣ дороги³). Даютъ еще и такой совѣтъ: «На молодику прочитай за однимъ духомъ «Отчу», або зашай въ торбочку жабу и прычели хворому ва шию, тиляко такъ, щобъ винъ не знавъ⁴).

8) Отъ колики (колочки).

Для излеченія отъ колики, какъ символы, берутся остроконечныя предметы: зубъ отъ бороны и рогачъ и ими колется болѣвое мѣсто, причемъ захарка шепчетъ: «колошка витрина, колючка вояна, прозирна, подумана, погадана, молвина, мужицька, жиноцька, парубоцька, дивоцька, хлопьяча, тутъ теби не стояти, жовтои кости

¹) Слобода Покровскъ, купянскаго уѣзда.

²) Городъ Купянскъ.

³) Слобода Ново-Николаевка, купянскаго уѣзда.

⁴) Слобода Покровскъ, купянскаго уѣзда.

не ломити, сердця не вялити, (имя) не сущити: ты пиды соби на очерета, на болота, де никто не ходе, никто не говоре и людскій гласъ не заходе». Приведенные слова повторяются три раза¹⁾.

Вариантовъ этого заговора много; но все это перифразы, переиначивающія одного и того-же. Нѣкоторую особенность представляетъ слѣдующій заговоръ отъ той-же колючки:

«На мори на окіяни, за острови на Буяни стоявъ золотый мистъ, а на мосту золотый дубъ, а на дуби золоте кресло. Тамъ сидивъ святый мужъ Іосифъ. Къ ёму приходила Мати Марія: «годи тоби тутъ сидити, иди съ золотымъ своимъ посохомъ колючку проколювати». Колючка, колючище! ты зъочна, ты врочна, пидвіана, подумана, погадана! пиды на дыки степы, на болота на очерета, де люди не ходять, собаки не брешуть, пивни не спивають²⁾».

Вместо зуба отъ бороны и рогача берутъ ножъ и имъ слегка придавливаютъ больное место, произнося непремѣнно три раза тѣ или иные слова заговора, и послѣ каждого раза трижды сплевываютъ³⁾.

9) Отъ ломоты въ костяхъ (грызь).

Наппентыванье при лечениіи этой болѣзни состоить иногда въ обращеніи къ мертвымъ, напримѣръ: «мертви, спите, не встаете; у васъ руки и ноги не болять, и голову не крутите; дайте-жъ мини святої травы отъ лыхои биды, щобъ у крещеного, молитвенного раба Божего (имя) ничего не болило и голову не крутило»⁴⁾. У другихъ оно начинается молитвою къ Матери Божіей въ слѣдующихъ словахъ: «пресвятая Діво Богородице, поможи мини и благослови грызъ ногрызти!» При чемъ захарка слегка кусаетъ больной членъ, а затѣмъ шепчетъ: «Я не биле тило грызу, а грызъ загрызаю. Грызъ подумана, погадана, испита, изъидена, подорожня, полунична, витряна, прозирна! Я тебе выкланяю, я тебе загрызаю съ червоной крови, съ жовтои кости у молитвенного, крещеного раба Божія* (имя). Или же: Зубы, зубы! не хотите жабы йсты,—грызить грызъ, а не кистку, грызъ зъ колючкою гризовою, и встрічною, и подумана-

¹⁾ Слобода Ново-Николаевка, купянского уѣзда.

²⁾ Слобода Штурмовка, старобѣльского уѣзда.

³⁾ Слобода Преображенская, купянского уѣзда.

⁴⁾ Слобода Штурмовая, старобѣльского уѣзда.

ною! Якъ писокъ на вилахъ не вдержтьца, такъ и колючка въ нарожденого и хрещеного (имя) не вдержтьца»¹).

10) Отъ завины (боли въ животѣ).

«Завина»—это спазмы въ желудкѣ, или вздутие живота. Если не помогаетъ ни рюмка водки съ перцемъ, ни лежанье на печи «животомъ до чириня», то прибѣгаютъ къ знахаркѣ. Знахарка беретъ ведро, переворачиваетъ его вверхъ дномъ, на дно наливаетъ воды, сыплетъ накресть соли, ставить на порогъ подъ глухой край двери, мѣшаетъ накресть ножемъ и шепчетъ: «Вси святы на помочи! идти помогати хрещеному, молитвенному видъ завины шептати. Завина водяная, завина витровая, и стритеная, и подуманная, и погаданная, и въ смакъ соби зъдена, и въ смакъ соби спитая: пиды соби на очерета, на дыки степа, на темни лиса» и пр. По окончаніи шептанья знахарка даетъ пить больному слитую съ ведра воду, разведенную солью.

Та-же операция производится и инымъ способомъ. Больной ложится на спину; знахарка ставить ему на животъ миску съ водою, на миску кладеть крестообразно двѣ ложки, веретено и пожъ; затѣмъ беретъ паклю, зажигаетъ и кладеть въ кувшинъ, а кувшинъ опрокидываетъ отверстиемъ въ миску. Повторяется это до пяти разъ. Потомъ знахарка бросаетъ въ воду нѣсколько зеренъ пшена и кусковъ соли, разбалтываетъ одною ложкою, набираетъ ею-же изъ миски воды и обливаетъ ножъ, веретено и вторую ложку; а затѣмъ эту-же воду даетъ пить больному. При опрокидываніи кувшина съ горящей паклей произносятся каждый разъ слѣдующія слова: «Соняшныци, и витрови и водяни, и подумани и погадани! идти соби на хла (?) и на болота, де люде не ходять и пивни не спивають: тутъ вамъ не стояти, червоной крови не пити, жвоти кости не ломити, серця не сушити». Или-же: «Шепоту, шепоту по твоему (имя) животу, а съ твоего живота на попови ворота, а съ поповихъ ворить та впять тоби въ живить»²).

Было-бы въ высшей степени интересно и важно приведенные мною и существующіе въ печатныхъ сборникахъ заговоры и на-

¹) Слобода Преображенская, купянского уѣзда.

²) Слобода Ново-Николаевка, купянского уѣзда; слобода Ново-Осипова, того-же уѣзда.

шептыванья въ болѣзняхъ сличить, и со стороны содержанія, и со стороны языка, съ тѣми, которая въ огромной массѣ находятся въ уцѣлѣвшихъ рукописныхъ сборникахъ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Выводъ отъ такого сличенія былъ-бы, кажется, крайне неутѣшительный. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что собственно народъ нашъ въ этомъ отношеніи не подвинулся ни на шагъ впередъ. Тотъ-же глубокій мракъ облегаетъ его теперь, какъ и сто, двѣсти и болѣе лѣтъ назадъ.

И. Ивановъ.

ГОРОДНИЧІЙ И СВ. ПЯТНИЦА.

(*Къ исторіи народныхъ суетопрій*).

Междѣ остатками языческой древности, уцѣлѣвшими до нашихъ дней, не послѣднее мѣсто занимаетъ то почитаніе, съ какимъ относится народная масса къ пятницѣ, дню, посвященному въ языческій періодъ богинѣ плодородія Фреѣ или Сивѣ. Съ принятіемъ христіянства, память обѣ этой языческой богинѣ не могла, конечно, сразу исчезнуть, но въ тоже время не могла и остаться не тронутой новой религіей. Богиня Фрея смѣнилась св. Нараскевою и Богородицею; но на ряду съ этими сохранилось и глубокое уваженіе къ дню пятницы.

На сколько почитаніе пятницы—явленіе распространенное среди русскаго народа, видно изъ слѣдующихъ словъ послѣдователя «Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу», Аѳанасьевы: «во многихъ мѣстностяхъ русскаго царства, говорить онъ, по пятницамъ бабы не прядутъ, не варятъ щелока, не стираютъ бѣлья, не выносятъ изъ печи золы, а мужики не пашутъ и не боронятъ, почитая эти работы въ означенный день за болѣзной грѣхъ».

Въ Малороссіи почитаніе пятницы въ XVIII в. сопровождалось даже нѣкоторыми религіозными обрядами. Такъ «въ полку стародубовскомъ, по словамъ Духовнаго Регламента, въ день уроченій праздничный, водятъ женочку простовласую подъ именемъ пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ, и при церкви честь ей отдаетъ народъ съ дарами и со упоминаніемъ пѣкія ползы». Обычай этотъ не сохранился до настоящаго времени, но среди южно-рус-

скаго народа сохранилась глубокая вѣра въ карающую силу пятницы, которая распространяется на лицъ работающихъ въ этотъ день. Въ каневскомъ уѣздѣ кіевской губерніи существуетъ повѣрье, что пятница «зидраза жинци шкуру и повисила іи на верстати за те, що вона ткала въ пятницю». Въ остерскомъ уѣздѣ черниговской губерніи пятница представляется молодицей, которая ходить по хатахъ и наблюдаетъ, кто изъ женщинъ прядеть. «Якъ побачить, що жинка пряде, то вона зробить такъ, що тій пряси на обохъ рукахъ покорчить пальци!»¹⁾. Въ обоихъ этихъ случаяхъ указывается прямое отношеніе пятницы къ домашнимъ работамъ. Наконецъ, пятницѣ народное суевіріе приписываетъ вліяніе на падежи скота, моръ и смерть. Въ однай малорусской сказкѣ говорится о томъ, какъ пятница предоставила возможность жить одному крестьянину въ теченіи 200 лѣтъ, а затѣмъ отобрала жизнь и отослала душу умершаго въ адъ.

Въ дополненіе къ тому, что известно въ литературѣ о почитавіи пятницы въ Малороссіи, я сообщу еще одинъ фактъ, случившійся въ г. Золотоношѣ, полтавской губерніи, въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Сообщеніе это основано на офиціальномъ дѣлѣ, находящемся въ архивѣ полтавскаго губернскаго правленія²⁾. Вотъ суть этого дѣла:

Въ среднихъ числахъ іюля 1831 года, среди жителей Золотоноши распространился слухъ, что на чьей-то нивѣ во ржи, въ образѣ женщины, явилась св. Пятница, въ бѣлой намиткѣ, съ распущенными волосами. Поваліль пародъ смотрѣть св. Пятницу, пошелъ по своей охотѣ и человѣкъ городничаго. Пятница отличила его отъ другихъ, подозвала къ себѣ и велѣла ему передать городничему, чтобы тотъ немедленно явился къ ней. Поѣхалъ городничій, а Пятница говоритъ ему: «смотри, городничій! вотъ жито прекрасное, да некому его будетъ жать! Не чтути меня, св. Пятницы, и за то Богъ послалъ на людей моръ. Не допускай и ты работать по пятницамъ, а то и тебѣ не избѣжать смерти».

То было страшное время первой холеры въ краѣ. Люди гибли сотнями, тысячами. Народъ всюду волновался и хватался за всякий

¹⁾ Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. I, стр. 217.

²⁾ Общая Опльс., № 1,026. Дѣло о появившейся въ Золотоношѣ пятницѣ.

нелѣный слухъ. Встревоженные слухомъ о явлениі пятницы городничему, обыватели Золотоноши не только простые, но и благородные на другой день устремились къ городничему съ распросами: «точно-ли онъ видѣлъ св. Пятницу и справедливо-ли, что она запретила по пятницамъ работать?» Городничій Худзинскій былъ крайне удивленъ. Тщетно онъ увѣщевалъ жителей не вѣрить такому нелѣпому слуху, убѣждалъ, стыдилъ ихъ; ничто не помогало... Молва о появлениі св. Пятницы распространяется все больше и больше. Настаетъ канунъ пятницы, и въ городѣ къ прежнему слуху добавляются, что «завтрашній день, въ пятницу, по приказанію городничаго, полицейскіе будутъ плетьми гнать рабочихъ съ полей».

Городничій смеялся надъ глупыми выдумками; но на слѣдующій день, т. е. въ пятницу, возвратились съ полей женцы дворянина Любарца и Мойсѣенка, объявляя всѣмъ, что «работать въ полѣ нельзя, что тамъ десятскіе, по приказу городничаго, бьютъ и гонятъ всѣхъ вышедшихъ на работу». За женцами Любарца и Мойсѣенка «и прочие всѣ, оставивши работы и пришедши въ городъ, производили ужаснѣйшій ропотъ и погодованіе!»

Городничій заволновался. Видя, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, онъ произвелъ разслѣдованіе. Оказалось, какъ доносилъ онъ потомъ, «по добровольному показанію тѣхъ женцовъ», что они выдумали все это съ своей головы, для того, что имъ не хотѣлось на полѣ работать». Случился базарный день, городничій выѣхалъ на базаръ публикацію «о несправедливомъ слухѣ»; но читать мало кто могъ, и всѣ «остались въ прежнемъ заблужденіи». Городничій струсилъ, боясь народнаго возмущенія.

Обо всемъ случившемся онъ шлетъ эстафетой донесеніе полтавскому губернатору, прося дальнѣйшихъ распоряженій. Губернаторъ рекомендовалъ два не одинакового характера средства: во 1-хъ дать при полиціи по 20 розокъ тѣмъ изъ крестьянъ, которые распустили слухъ о появлениі св. Пятницы, предоставляемъ впрочемъ исполненіе этого распоряженія на волю помѣщиковъ, а во 2-хъ просить распоряженія золотоношскаго протоіерея, чтобы священники выяснили народу, «сколь грѣшно передъ Богомъ предаваться подобному суевѣрю и вредно для себя».

Распоряженіе губернатора не вывело городничаго изъ затрудненія. Обратился онъ къ помѣщикамъ; но тѣ отказались сѣчь

крестьянъ,—была горячая рабочая пора, и они могли лишиться чрезъ это многихъ рабочихъ. Пошель опь къ протоіерею, тотъ немедленно, что слѣдуетъ, предписалъ; но и проповѣди священниковъ мало имѣли успѣха. Прошло еще довольно времени, пока холера ослабѣла, и вызванный страшною болѣзнию слухъ самъ собою затихъ.—Такъ проглянуло и въ этомъ случаѣ древнее народное представлѣніе о пятницѣ, какъ о богинѣ плодородія: она помѣщается въ растущемъ хлѣбѣ и оттуда заявляетъ, «что хлѣба некому будетъ жать», такъ какъ за непочитаніе ея, св. Пятницы, Богъ послалъ на людей моръ; но вмѣстѣ съ симъ она же обѣщаетъ прекратить моръ, если будутъ почитать се, святую Пятницу.

Н. Бакай.

МИЦКЕВИЧЪ ВЪ МАЛОРОУССКИХЪ ПЕРЕДѢЛКАХЪ И ПЕРЕВОДАХЪ.

Г. Иванъ Франко, помѣщающій съ нѣкотораго времени постоянныя корреспонденціи въ газетѣ «Kraj», въ № 46, посвященномъ памяти Мицкевича, касается вліянія этого поэта на малорусское образованное общество. Если судить объ этомъ вліяніи, говорить авторъ, по числу и качеству малорусскихъ переводовъ его произведеній, то оно представляется очень слабымъ. Но такое значеніе ложно въ самомъ основаніи. Вліяніе Мицкевича на «русинскую» интелигенцію, съ первыхъ дней его литературной извѣстности и до нашего времени, гораздо глубже, прочнѣе и непосредственнѣе, потому уже, что языкъ его поэзіи понятіемъ образованнымъ русинамъ не только Галиціи, но и Україны, по крайней мѣрѣ вы право отъ Днѣпра. Малочисленные и очень далекіе по достоинству отъ подлинника переводы и передѣлки изъ Мицкевича на малорусскую рѣчь въ большей степени являются слѣдами, отголосками его вліянія, чѣмъ служили и служатъ его проводниками. Поnimъ можно судить развѣ о томъ, какъ рано обнаружилось это вліяніе и какъ далеко оно простидалось; но въ нихъ слѣдуетъ видѣть только случайныя поэтическія попытки, нельзя придавать имъ значенія серьезнаго замысла переводчиковъ и перелагателей—ознакомить своихъ читателей съ общественными и политическими взглядами и идеалами Мицкевича. Вотъ почему, полагаетъ г. Франко, не

находили малорусскихъ переводчиковъ самые капитальные произведения польского поэта, какъ Конрадъ Валленродъ, Гражина, Дзяды.

Вѣрное фактически, это замѣчаніе г. Франка грѣшилъ невѣрностью исходной точки. Какъ ни малочисленны и какъ ни мелки переводы и заимствованія изъ Мицкевича у южно-русскихъ писателей, но ихъ никакъ нельзя сопоставлять количественно съ его произведеніями въ подлинникѣ: мѣриломъ здѣсь можетъ быть только общий объемъ новѣйшей малорусской письменности, самъ по себѣ до сихъ поръ еще крайне необширный, безъ труда укладывающійся въ нѣсколько томовъ компактнаго изданія, формата гелергерскихъ Taschenbuch'овъ... При такомъ размѣрѣ и на долю Мицкевича приходится все-же замѣтный процентъ. Другое дѣло качество: что выбиралось изъ подлинника, и какъ переводилось. И если согласиться съ г. Франкомъ, что этотъ выборъ и переработка составляютъ отзвукъ непосредственнаго вліянія Мицкевича на южную Русь, то самое вліяніе это слѣдуетъ признать не только слабымъ, но и весьма поверхностнымъ...

Первый малорусский переводъ изъ Мицкевича появился въ Харьковѣ, именно балада о палъ Твардовскомъ, Гулака-Артемовскаго; это очень свободная передѣлка, въ которой сохраненъ только сюжетъ, но подробности обработаны совершенно своеобразно. Л. Боровиковскій былъ уже переводчикомъ въ пластоящемъ значеніи (Сонеты и Фарись); Іеремія Галка, т. е. Костомаровъ, также передѣгала кое-что изъ Мицкевича (До Марії Потоцкой, Панычъ и дивчина). Что касается Шевченка, то г. Франко сдавали не напрасно ищетъ слѣдовъ мицкевичевскаго вліянія въ его балладахъ, какъ Причина, Тополя, Русалка и другихъ: здѣсь скорѣеказалось болѣе близкое вліяніе Жуковскаго съ его подражателями, въ свою очередь отражавшими романтиковъ нѣмецкихъ. Трудно также признать и вліяніе Дзядовъ или Валленрода въ поэмахъ Шевченка съ политической подкладкой, а совпаденія отдельныхъ подробностей «Сна» и стихотворенія Мицкевича «Petersburg» были неизбѣжны и легко объясняются тождественностью явлений, остановившихъ на себѣ вниманіе обоихъ поэтовъ.

Изъ позднѣйшаго времени г. Франко отмѣчаетъ переводы Кулиша (подъ псевдонимомъ Ломуса), Навроцкаго, Кузьмы Волынца въ львовской «Правдѣ» и наконецъ г. Старицкаго. За послѣднимъ

авторъ признаетъ «несомнѣнныи поэтическій талантъ»; но вслѣдъ затѣмъ цитируетъ первое четверостишие Воеводы (Czaty), превратившееся у переводчика въ двойное число стиховъ, и говорить о переводѣ: «сколько здѣсь лишнихъ прибавокъ, вставокъ, эпитетовъ, разящихъ фальшью подробностей! И при всемъ томъ стихотворная форма выдержана въ совершенствѣ. Такъ и видно, что здѣсь работалъ ремесленникъ формы, а не вдохновенный мастеръ».

Изъ галицкихъ переводчиковъ Мицкевича г. Франко отмѣчаетъ только Озаркевича и Павлина Свенцицкаго (Стакурскаго; псевдонимъ Павло Свій). Эта крайняя бѣдность переводовъ въ той именно части южно-русской земли, где непосредственное вліяніе Мицкевича наиболѣе сильно, говорить не въ пользу обобщеній автора, приведенныхъ въ началѣ настоящей замѣтки.

Ів. Новицкій.

ФРАНЦУЗЪ-ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ НА УКРАИНѢ.

Существеннымъ подспорьемъ для бытовой исторіи, этнографіи и исторіи нравовъ признана давно такъ называемая литература путешествій. Рѣдкіе изъ современниковъ записываютъ и замѣчаютъ тѣ незначительныи обстоятельства, тѣ мелкія жизненныя явленія изъ которыхъ складывается обыденная, сжedневная жизнь. Глазъ присматривается къ nimъ, они кажутся столь обыкновенными и нормальными, что странно даже и думать отмѣтить и записывать ихъ. Оригинальныи особенности жизни всегда виднѣе человѣку постороннему, свѣжему. Вотъ почему впечатлѣнія путешественниковъ бываютъ особенно цѣнны, относясь ко времени исчезнувшему, знакомому намъ только по сухимъ документамъ и вѣнчанимъ фактамъ. Замѣтки очевидцевъ какъ бы вводятъ насъ на время въ исчезнувшей мірѣ, окружая насъ его атмосферой.

Южно-русская исторіографія владѣеть нѣсколькими такими источниками, относящимися къ XVI и XVII вѣкамъ. Не говоря уже о Бопланѣ и Эрихѣ Ласотѣ, поставившихъ себѣ прямою задачею систематическое описание, даже замѣтки такихъ случайныхъ очевидцевъ жизни нашего края, какъ Павель Алепскій или священникъ Лукьянновъ (въ началѣ XVIII вѣка) представляютъ драгоценныи данныи и ничѣмъ не замѣнимыя живыя черты. XVIII вѣкъ,

столъ любопытное переходное время, въ этомъ отношеніи, къ не-
счастью, очень бѣденъ. Правда, къ концу его и въ началѣ нашего
столѣтія, появляется цѣлый рядъ путешественниковъ по Малороссіи;
таковы: князь Шаликовъ, Гунъ, Измайлова, Зуевъ, Левшицъ. Но
ихъ записки носятъ самый поверхностный характеръ; авторами
ихъ являются люди не только беспомощные задумываться надъ
окружающей жизнью, но просто предпочитающіе погоню за фразой
хотя-бы безхитростному описанію видѣніаго и слышащаго. Къ
такимъ-же людямъ принадлежитъ и путешественникъ, впечатлѣніемъ
котораго посвящается эта замѣтка. Мы не настолько однако богаты
мемуарами и другими источниками, чтобы пренебречь хотя-бы и
мелочными набросками очевидцевъ прошлаго. Отъ нихъ все-же
вѣтъ духомъ времени, а иногда, хоть безъ намѣренія авторовъ,
выступаютъ его типическія черты. По этимъ соображеніямъ позво-
ляемъ себѣ удѣлить нѣсколько строкъ рѣдкой и малоизвѣстной книгѣ
графа де-Лагарда.

«Путешествіе изъ Москвы въ Вѣну», чрезъ Кіевъ, Одессу и
Германітадъ (Voyage de Moscou à Vienne, par le comte De Lé-
garde. Paris. 1824) предпринято было де-Лагардомъ въ 1811 году.
Данныхъ объ авторѣ во французской литературѣ мы не нашли, но
изъ текста книги ясно выступаетъ его политический и нравственный
образъ. Онъ--роалистъ, оплакивающій прошлое и предпочитающій
Франціі чужіе края, въ то время, когда въ ней господствуетъ
«узурпаторъ». Но средѣ, въ которой онъ вращается, это человѣкъ
высшаго круга, вкушившій однако европейскаго просвѣщенія, отъ
чего въ немъ складились тѣ черты тупого высокомѣрія, какими бле-
щетъ наше доморощенное «хорошее общество». Подобно болѣшей
части людей своей среды, онъ скользитъ взглядомъ по явленіямъ
жизни и со всего въ мірѣ любить срывать только «цвѣты удоволь-
ствій». Это что-то напоминающее, созданного Некрасовымъ фан-
тическаго графа Гаранскаго и не совсѣмъ чуждое пушкинскому
графу Нулину, исправленному пощечиной добродѣтельной россіянину.
Немногое сообщаемое имъ относится къ свѣтскому кругу и пре-
имущественно къ жизни цѣльскихъ магнатовъ, предъ которой онъ
падаетъ вицъ. Познакомимся съ нимъ самимъ въ его отрывоч-
ныхъ замѣткахъ.

О Малороссії въ нихъ рѣчъ заходитъ съ Глухова, «прелестнаго города, нѣкогда резиденціи правительства, уничтоженнаго пожаромъ почти на двѣ трети». Тутъ онъ замѣтилъ только съденнаго имъ за обѣдомъ превосходнаго карна и новыя румянцевскія постройки. Мало найдя что сказать о городѣ, онъ разсказываетъ о разныхъ подмѣченыхъ имъ на пути предразсудкахъ, между прочимъ о значеніи понедѣльника, какъ «тяжелаго дня». «Право досадно, замѣчаетъ недовольный монархистъ, что, по свидѣтельству Библіи, Богъ избралъ этотъ день для начала творенія. Конечно этому обстоятельству надо присписать всѣ случившіяся впослѣдствіи несчастія, начиная съ всемирнаго потопа и кончая французской революціей».

Въ Батурина онъ посѣщаетъ могилу Кирилла Разумовскаго, умершаго за восемь лѣтъ передъ тѣмъ. «Хотя скульптура и посредственна, но изобиліе мрамора разныхъ цвѣтовъ, бронзы и по золоты показываетъ, какъ тщеславіе силится бороться съ властью забвенія и смерти». Онъ посѣщаетъ дворецъ Разумовскаго и передаетъ разсказы о жизни, которая тутъ текла. «Все, что могутъ произвести и выдумать азіатская роскошь и европейское великолѣпіе, соперничали въ этомъ мѣстѣ. Балы, спектакли, карусели, охоты при факелахъ, столы въ сто приборовъ, иллюминаціи, фейерверки, слѣдовали здѣсь одинъ за другимъ. Прибавьте къ этому безпрестанные салюты пушекъ и вы будете имѣть понятіе о мирной жизни этого тихаго уголка. А теперь, что осталось отъ всего этого?...» Гуляя по опустѣвшимъ заламъ гетманскаго дворца, онъ предается философствованію о тщетѣ всего земнаго. Эффектъ этихъ мечтаній въ сожалѣніи сильно ослабляется одной справкой: въ этомъ дворцѣ гетманъ никогда не жилъ и при жизни его онъ остался недостроеннымъ. Исторіографъ рода Разумовскихъ, г. Васильчиковъ повѣствуетъ объ этомъ подробнѣ въ своемъ замѣчательномъ труде.

Въ Киевѣ графъ де-Лагардъ представляется генераль-губернатору Милорадовичу, бывшему адъютанту Суворова, убитому впослѣдствіи въ Петербургѣ 14 декабря 1825 г. Тутъ-же знакомится онъ съ княземъ Ипсиланти, бывшимъ господаремъ Молдавіи и Валахіи, два года передъ тѣмъ поселившимся въ Киевѣ. «Озабоченный весь благосостояніемъ своихъ подданныхъ, замѣчаетъ де-Лагардъ о князѣ

скорѣе наивно, чѣмъ зло, онъ не оставлялъ въ забвѣніи заботы о своемъ состояніи, которое громадно». У Милорадовича, дни черезъ два, путешественникъ былъ на великолѣпномъ балѣ. «Сады были иллюминированы до самаго низу горь и въ чащахъ деревьевъ спрятаны были хоры музыки, которые сообщали этой прекрасной ночи какой-то волшебный колоритъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ разосланы были гонцы къ дамамъ изъ общества, которыхъ почти всѣ теперь въ деревняхъ. Генераль открылъ балъ съ одной изъ прелестѣйшихъ особъ, какихъ я видѣлъ въ жизни, госпожей Да-выдовой, рожденной Агзай де-Грамонъ. Ужинъ былъ великолѣпенъ. Въ два часа ночи былъ концертъ, въ которомъ соперничали между собой на виолончели и скрипкѣ Ромбергъ и Лафонъ. Потомъ танцевали до свѣта. Въ девять часовъ утра поданъ былъ въ саду завтракъ».

Черезъ два дня онъ пишетъ: «Генераль Милорадовичъ возвѣтилъ меня вчера къ гражданскому губернатору Панкратьеву. Народу было мало и общество удалилось въ гостиную, уставленную цѣвѣтами, гдѣ рѣшили разсказывать по очереди разныя исторіи. Дамы потребовали, чтобы исторіи были страшны». Тутъ французъ-путешественникъ почувствовалъ себя въ своей сферѣ и развелъ разводы, которые хвастливо и приводитъ. Вспоминается невольно грибоѣдовскій «французикъ изъ Бордо, собравшій вокругъ себя родъ вѣча», — картишка, списанная очевидно знаменитымъ комикомъ съ натуры.

Какими-то судьбами здѣсь-же, въ Киевѣ, встрѣтилъ онъ генерала Шаплица, друга принца де-Линя, передавшаго ему любопытный эпизодъ изъ знаменитаго путешествія въ Крымъ Екатерины II. Императорская яхта стояла возлѣ Нартенона, гдѣ, по предположенію, никогда находился храмъ, Пифигеніи. Шель споръ о большей или меньшей вѣроѣтности такого предположенія. «Принцъ, сказала императрица, обращаясь къ де-Линю, я дарю вамъ подверженную сомнѣнію землю!» Вместо отвѣта принцъ бросился въ море и, достигнувъ берега вплавь, закричалъ: «Я вступаю во владѣніе, ваше величество!..» Земли, которыя императрица издали очертила рукою, остались собственностью рода принцевъ де-Линь.—Если ты удивляешься тому, что я рассказываю тебѣ, то что было бы съ тобою, еслибы ты все это видѣлъ самъ?—Эти слова древняго автора не-

вольно навертываются на умъ, при встречѣ съ такимъ изумительнымъ эпизодомъ этой изумительной эпохи.

Выѣхавъ изъ Киева, въ Васильковѣ де-Лагардъ смотрѣлъ на ярмаркѣ цыганскіе танцы. Къ молодымъ цыганкамъ онъ обращается со словами упрека за ихъ «слишкомъ вольныя движения, оскорбляющія стыдливость», — упрекомъ едва-ли искреннимъ въ устахъ уроженца классической родины канкана.

Немногого далѣе онъ встречается въ дорогѣ съ графомъ де-Витомъ, управлявшимъ впослѣдствіи южно-русскими военными поселеніями. Въ примѣчаніи, прибавленномъ при изданіи книги въ 24 году, онъ пишетъ о немъ: «теперь генераль-лейтенантъ, состоять начальникомъ одной изъ военныхъ колоній на югѣ Имперіи и цивилизуетъ, подчиная европейской тактикѣ, дикие народы тѣхъ странъ». Читатели «Кievskой Старины» припомнить, быть можетъ, изъ любопытныхъ записокъ сенатора Стороженка, какого рода была эта цивилизація и во что обходилось «народамъ» подчиненіе европейской тактикѣ.

Путь графа де-Лагарда изъ Киева лежалъ въ Тульчинъ, къ Потоцкимъ. По дорогѣ онъ мимоѣдомъ только взглянулъ на Бѣлую Церковь Брамицкаго, владѣльца 80,000 душъ крѣпостныхъ крестьянъ и на Махновку, которую владѣлъ одинъ изъ Потоцкихъ. Этотъ Потоцкій, оказывается, положилъ основаніе нѣмецкой колонизаціи въ юго-западномъ краѣ. Онъ поселилъ у себя 300 семействъ пѣмцевъ, выписавъ ихъ, какъ рабочихъ для своихъ фабрикъ. Фабрики закрылись впослѣдствіи и состояніе владѣльца разстроилося, а пѣмцы остались жить въ краѣ.

Достигнувши Тульчина, графъ буквально плаваетъ въ эмпиреяхъ. Восторгу его и предъ красавицей Софией Потоцкой, и предъ ея семьей, и предъ роскошью жизни буквально нѣтъ границъ. Для примера блаженной жизни, онъ приводить описание одного дня въ Тульчинѣ. «Встаюте рано. Вставши, вы выбираете или купанье въ одной изъ красивыхъ рѣчекъ, бѣгущихъ въ паркѣ, или турецкую ванну. Въ десять часовъ возвращаетесь къ себѣ, завтрахаете, занимаетесь чѣмъ нибудь и такъ проводите время до трехъ часовъ, когда неѣ сходятся къ обѣду. Столъ въ пятьдесятъ приборовъ накрываютъ вымощенной мраморомъ оранжерѣй, посреди которой фонтанъ, падающей вѣсколькими струями, освѣжаетъ воздухъ и веселитъ глазъ. Стѣны

залы уставлены статуями тончайшей работы въ перемежку съ рас-
теніями и цветами всѣхъ странъ, которые, благодаря дорого сто-
ющему уходу, изъ Сѣвера Европы переносятъ въсѣ мыслию въ благо-
ухающіе сады Италии и Прованса. Пока подадутъ на столъ, общес-
тво гуляетъ въ прекрасной боковой галлереѣ; но вотъ входитъ
графиня Софія съ дѣтьми и всѣ садятся. Для описанія обѣда надо
особый талантъ, которымъ я не владѣю. Я перейду прямо на пар-
теръ, близъ оранжерей, гдѣ послѣ обѣда подается кофе и мороже-
ное. Разговоръ дѣлается общимъ, группы смыываются и раздѣ-
ляются, дебатируются проекты вечернихъ прогулокъ и каждый
отправляется къ себѣ приготовиться къ вечеру нѣсколькими мину-
тами отдыха. Бывать шесть часовъ, всѣ сходятся въ залъ. У дамъ
простые туалеты, такъ всегда къ нимъ идутъ. Подаютъ экипажи.
Графиня ёдетъ кататься верхомъ, въ сопровождении сыновей,
т-то де-Витъ избираетъ линейку, въ которой, вмѣстѣ съ ней, удобно
усаживается двадцать человѣкъ. Аббатъ Шалантонъ, воспитатель
дѣтей, ёдетъ въ корзинѣ вмѣстѣ съ графомъ Болеславомъ, дочери
графини съ гувернанткой — въ большой англійской коляскѣ и всѣ
отправляются пить чай въ какой нибудь изъ дальнихъ садовъ, при
звукахъ музыки, спрятанной вдали, въ лѣсу, и сообщающей столько
прелести и безъ того прекрасному вечеру. Общество разсыпается
въ разныя стороны, кто гуляетъ, кто карабкается на гору, кто со-
бирается растепія, и время, бѣгущее всегда быстро для счастливыхъ,
ближится къ ночи, дающей сигналъ къ отѣзду. Возвращаются въ
замокъ, чтобы закончить вмѣстѣ вечеръ. Собравшись въ залъ, общес-
тво располагается такъ: на диванѣ графиня, окруженнная дамами
и прѣзжими. Аббатъ играетъ съ кѣмъ нибудь въ шахматы въ углу,
дѣти читаются или играются въ другомъ. Нѣсколько человѣкъ играетъ
на бильярдѣ. Алланъ, живописецъ-шотландецъ, нашъ Рафаэль, на-
брасываетъ хорошеные эскизы въ альбомы дамъ. Между тѣмъ
подаютъ ужинъ. Въ городѣ и въ деревнѣ это самый интересный
моментъ дня. Обсуждается то, что сдѣлано, строятся планы на
завтра: тутъ и воспоминанье и надежда, все вмѣстѣ. Поэтому въ
бесѣдѣ болѣе непринужденности, кажется, какъ будто передъ дѣ-
надцатичасовой разлукой есть столько вещей, которыхъ надо сооб-
щить другъ другу: разговоры дѣлаются оживленнѣе, умъ острѣе и

полночью бывать въ то время, когда хотѣлось-бы, чтобы было не больше восьми часовъ».

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ проектировалось основаніе въ Крыму новаго города Софіополя, гдѣ де-Лагарду заранѣе обѣщано было порядочное мѣстечко. Впрочемъ осуществленія этой, поддержанной прихлебателями, графской затѣи не случилось.

Посытитель Тульчина не задумывается ни на минуту о томъ, на чѣмъ стоитъ эта роскошь, кто играетъ въ этихъ, спрятанныхъ въ чащахъ, хорахъ музыки, кто своей работой и оброкомъ содержитъ дворцы и оранжереи. Мимо него скользятъ и такие факты, обѣ одномъ изъ которыхъ онъ разсказываетъ нѣсколькими страницами ниже: «въ двадцати верстахъ отсюда (письмо изъ Бердичева) въ селѣ Иванковѣ совершило ужасное преступленіе. Графъ Каменскій, отецъ главнокомандующаго, находящагося теперь въ Валахіи, послалъ въ Лейпцигъ двухъ изъ своихъ крѣпостныхъ людей учиться музыки. Эти молодые люди, кромѣ развитія своихъ дарованій, почерили тамъ идеи свободы и независимости, столь противорѣчавія тому состоянію, въ которое поставило ихъ происхожденіе. Когда они вернулись къ владѣльцу, онъ обходился съ ними сначала съ кѣкторымъ уваженіемъ, на которое давалъ право ихъ талантъ. Но нѣсколько дній назадъ, за какой-то пустой проступокъ, графъ велѣлъ наказать ихъ батогами, что и было исполнено въ присутствіи всѣхъ ихъ товарищѣй. Несчастные юноши, послужные жаждѣ мести, ждали только, чтобы настала почъ для исполненія своего замысла. Вооружась топорами, они пронзили въ спальню графа, упрекали его за то, что онъ вывелъ ихъ изъ среды, въ которой судила имъ родиться несправедливая судьба, за то, что онъ, давъ имъ понять путемъ образования истинное человѣческое достоинство, онять подчинилъ ихъ на вѣки самому унизительному рабству. Постѣ этихъ словъ они убили его и тотчасъ отправились въ Житомиръ, чтобы сообщить о своемъ преступленіи властямъ и ждать заслуженной кары. Ихъ ждетъ наказаніе тремястами ударовъ кнута, а потомъ, если они перенесутъ его, ссылка въ Сибирь, въ каторжныя работы».

Владѣльцы Тульчина, у которыхъ жилъ путешественникъ, были конечно, одними изъ крупнейшихъ рабовладѣльцевъ въ свѣтѣ. По словамъ де-Лагарда, у нихъ въ то время было 165,000 крѣпостныхъ крестьянъ одного мужскаго пола. Прибавивъ къ этому

дѣтей и женщинъ, получится почти тройная цифра. Легко разыгрывать роль владѣтельной особы, опираясь на такія основы. Какъ примеръ роскоши польскихъ магнатовъ, онъ приводить еще графа Плиницкаго, у которого въ имѣніи Иваново, на Волыни, между всякаго рода затѣями, было три труппы актеровъ — итальянская, французская и польская. Каждый спектакль кончался балетомъ, а содержаніе этого скромнаго развлеченія стоило владѣльцу не менѣе 100,000 рублей.

Изъ Тульчина, выѣхъ съ Потоцкими, де-Лагардъ перебѣхалъ въ другое ихъ владѣніе, Умань. Подробно описываетъ онъ, конечно, насажденій Метцелемъ, по распоряженію Потоцкаго, знаменитый уманскій садъ. «Графъ предоставилъ ему неограниченныхъ суммы денегъ. Тысячи рукъ отданы были въ его распоряженіе, чтобы исполнить его волю. Съ такими средствами можно исполнить всякий волшебный планъ. Этотъ садъ, насажденій въ честь Софіи Потоцкой среди пустынь Украины, говорить о силѣ чувства, давшаго ему жизнь». Но о чёмъ говорять эти тысячи рукъ, оторванныхъ отъ работъ для своихъ семей, отвѣта на это не даетъ путешественникъ; онъ весь предается восхищению и собирается переводить на французскій языкъ поэму придворнаго поэта Потоцкихъ, «геніального» Трембецкаго, воспѣвшаго Софіевку.

Въ Умани, какъ ни далека была жизнь обитателей замка отъ всякихъ тяжелыхъ воспоминаній и заботъ, нельзя было не услышать чего нибудь о еще недавней Колівиції и рѣзни. Всѣ свѣдѣнія объ этихъ событияхъ почерпнуты имъ отъ обитателей замка, а потому отличаются конечно известной точкой зрения. Но курьезнѣе всего сообщенія о запорожцахъ, ихъ нравахъ и жизни, на которыхъ вслѣдъ за тѣмъ отваживается авторъ. Онъ сообщаетъ напримѣръ, что званіе кошеваго атамана доставалось только тому изъ козаковъ, кто, при особенной храбрости, продолжалъ въ походѣ все виды жестокостей. Гетману все «члены» платили дань, не считая известной доли добычи. Обиталища запорожцевъ, *курины*, были подземные жилища (*demeures souterraines*); запорожцы разбоями паводили ужасъ на весь край и часто заставляли трепетать самій Кіевъ. Вообще въ старой Украинѣ страдали бѣдные паны и блаженствовали сильные и кровожадные козаки.

Еще въ письмахъ изъ Тульчина попадаются постоянные намеки на какую то любовь, возгорѣвшуюся въ сердцѣ путешествен-

венника къ одной изъ обитательницъ замка. Послѣ некотораго пребыванія въ Умани, Потоцкіе уѣхали въ Петербургъ и бросили французскаго графа одного, можетъ быть вслѣдствіе его назойливости, посовѣтовавши ему заняться поэмой Трембецкаго. Но прошло нѣсколько недѣль, и одиночество показалось путешественнику ужаснымъ, о «гениальномъ» Трембецкомъ опять началъ говорить съ раздраженіемъ и наконецъ рѣшился двинуться дальше въ «степи» и покинуть Україну.

Де Лагардъ—одинъ изъ немногихъ иностранцевъ писавшихъ о нашеизъ краѣ. Какъ я что ояъ писать—мы видѣли. Нельзя не пожалѣть искренно, что между тѣмъ какъ о сѣверной и средней Россіи встрѣчаются теперь въ европейской печати очень и очень замѣтныя книги, южная Русь не привлекла до сихъ поръ вниманія ни одного наблюдательного иностранца. Мекензи Уолесъ и Леруа-Бозье познакомили европейскую публику съ великокорусскими городами и деревнями, съ исторіей государственныхъ учрежденій, съ народнымъ характеромъ. Южная Русь съ ея исторіей, народной словесностью, ея духовными силами остается для Запада совсѣмъ незѣдомой страной. Между Александромъ Дюма, открывшимъ въ Россіи породу людей, именуемыхъ *maltchiks*, и Уолесомъ, съ его добросовѣстными, продуманными этюдами—громадная разница. Между Де-Лагардомъ, посѣтившимъ Україну въ началѣ нашего вѣка и Викторомъ Тиссо, писавшимъ о ней съ безцеремонной болтливостью семьдесятъ лѣтъ спустя, особенной разницы не замѣтно.

В. Г-ио.

ІОСИФЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ МИХНЕВИЧЪ.

(*Некрологъ*).

9-го октября сего года скончался въ Одессѣ, на 77-мъ году отъ рожденія, долгое время жившій тамъ въ отставкѣ, бывшій помощникъ попечителя сперва кіевскаго, а потомъ варшавскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ, Іосифъ Григорьевичъ Михневичъ. Симпатичная личность его такъ близка Кіеву, такъ памятна многимъ изъ нашихъ читателей и, по особымъ причинамъ, такъ малоизвѣстна вообще въ смыслѣ ученаго и общественнаго дѣятеля, что, рѣшившисъ говорить объ немъ спустя два почти мѣсяца послѣ его смерти, я не

боюсь упрека въ запоздалости; доброе слово о такомъ человѣкѣ никогда не можетъ быть ни позднимъ, ни лишнимъ.

Новокій Іосифъ Григорьевичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ скромныхъ дѣятелей скромнаго по самой своей роли учебнаго вѣдомства, которыхъ служебная дѣтальность не блещетъ ни выдающимися научными трудами, ни иными громкими дѣлами, заставляющими говорить о себѣ во всеуслышаніе, но благотворныя дѣйствія которой чувствуются всѣми, подпадающими ея вліянію и такъ или иначе соприкасающимися съ нею. Въ теченіи сорока лѣтней почти его службы на его долю выпадала роль второстепенная, мало благодарная въ смыслѣ извѣстности роль помощника; но не въ этомъ причина его малоизвѣстности. Его отличали особыя качества души: ясный, спокойный, строго систематической умъ, тихій, ровный, нѣсколько какъ-бы флегматический характеръ, невозмутимое спокойствіе и самообладаніе, кроткое любящее сердце и доброта безграничная, и при этомъ особая скромность, какой не встрѣтишь на самомъ маленькомъ посту. Съ такими качествами люди не выдаются даже въ своемъ кругу, не производятъ шума и блеска, но создаютъ то, что требуется въ данную пору жизнью, наполняютъ своимъ трудомъ извѣстную сферу дѣятельности, производятъ много полезнаго и важнаго и привлекая къ себѣ симпатіи всѣхъ, соприкасающихся съ ними, оставляютъ въ нихъ, а не въ ихъ, долгую и самую свѣтлую память о себѣ. Такова именно была служебная дѣятельность Іосифа Григорьевича. Но кромѣ того съ нею и его именемъ связаны воспоминанія о важнѣйшихъ періодахъ въ жизни многихъ учебныхъ заведеній трехъ учебныхъ округовъ и вообще въ судьбѣ отечественнаго просвѣщенія. Все это вмѣстѣ даетъ намъ поводъ и основаніе посвятить Іосифу Григорьевичу особое посмертное слово, привести въ извѣстность его немаловажныя заслуги въ дѣлѣ нашего образованія и сказать нѣсколько словъ о немъ вообще, какъ о самой симпатичнѣйшей личности, подобную которой рѣдко можно было встрѣтить въ прежнее время и въ особенности теперь.

Сынъ священника с. Локачей, владимирскаго уѣзда волынской губерніи, Іосифъ Григорьевичъ родился въ апрѣлѣ 1809 года и прошелъ ту старую, давно отошедшую въ область преданій, духовную школу, въ которой, безъ особаго искусственнаго развиванія дѣтей, стройно организованнымъ кругомъ занятій, напряженнымъ

трудомъ получались твердыя положительныя знанія, а путемъ строгой дисциплины, путемъ нуждъ и лишеній вырабатывались твердый характеръ, сознаніе долга и привычка къ постоянному, усидчивому труду. Въ 1829 году онъ окончилъ курсъ волынской духовной семинаріи, со степенью студента, въ 1839 году—курсъ кіевской академіи, со степенью магистра, и тогда-же съ званіемъ баккалавра, по нынѣшнему доцента, оставленъ былъ при академіи на каѳедрѣ філософії. Это совпало съ открытиемъ въ Кіевѣ университета святого Владимира, куда перешелъ извѣстный впослѣдствіи, блестящій профессоръ філософії О. М. Новицкій; его-то мѣсто въ академіи и заступиль Михневичъ, а специальностію его, если не ошибаемся, была исторія філософії. То было время цвѣтущаго состоянія кіевской академіи подъ руководствомъ знаменитаго ея ректора Иннокентія Борисова. Выборъ Михневича вмѣсто Новицкаго говоритъ уже о его способностяхъ, а работать надъ наукою, помимо собственнаго влеченія, было такъ отрадно и легко при ободряющемъ и возбуждающемъ вліяніи многоученаго, блестящаго ректора въ организованномъ имъ тѣсномъ кружкѣ талантливыхъ людей. Мы въ дѣтствѣ своемъ слышали о завлекательныхъ чтеніяхъ Іосифа Григорьевича, когда самаго его уже не было въ Кіевѣ. Печатаніе, по многимъ причинамъ, не было тогда въ ходу; тѣмъ не менѣе именно ко времени преподавательской службы Іосифа Григорьевича въ академіи относится небольшое его сочиненіе «О системахъ філософіи Фихте и Гегеля». Менѣе чѣмъ чрезъ три года службы Іосифъ Григорьевичъ былъ уже экстра-ординарнымъ профессоромъ академіи, но спустя еще три года, именно въ началѣ 1839 года, онъ перешелъ на должность профессора філософії въ ришельевской лавѣ въ Одессѣ. Служба въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ ту пору, да и гораздо позже представляла больше обеззеченія и другихъ не маловажныхъ выгодъ, преподавателей-же філософії и нарочито приглашали изъ духовныхъ академій; тѣ-же обстоятельства и для Михневича послужили поводомъ къ переходу на службу по министерству народного просвѣщенія. Лицею онъ посвятилъ 20 лѣтъ службы,—лучшіе годы своей жизни. Здесь ему пришлось принять на себя безраздѣльно весь курсъ філософскихъ наукъ, какъ онъ установленъ былъ для лицея, именно: исторію філософіи, логику, психологію и эстетику; но самое преподаваніе его продолжалось

лишь до того рокового 1850 года, въ который философія, признанная, съ политической точки зренія, вредною въ системѣ высшаго образования, была исключена изъ нея. Въ этомъ году и именно по этому поводу Михневичъ былъ назначенъ инспекторомъ ришельевскаго лицея, въ каковой должности оставался до назначенія своего въ 1859 году на должность попечителя кіевскаго учебнаго округа. Свидѣтельствомъ преподавательскихъ трудовъ его въ лицѣ осталась труда записокъ его по исторіи философіи, психологіи и эстетикѣ, не изданныхъ въ свое время и утратившихъ потомъ свое научное значеніе, въ печати-же появилась въ 1839 году рѣчь его въ лицѣ «Объ успѣхахъ греческой философіи», а въ 1846 году — «Опытъ постепеннаго развитія главныхъ дѣйствій мышленія, какъ руководство къ первоначальному преподаванію логики». Послѣднее сочиненіе, отличавшееся особенною стройностью, ясностію и простотою изложенія, имѣло въ свое время ходъ и въ лицѣ. Въ 1874 году оно было исправлено и переиздано Іосифомъ Григорьевичемъ въ Одессѣ; но за кореннымъ измѣненіемъ построенія этой науки не могло уже имѣть хода. Несомнѣнно долженъ сохранить свое значеніе составленный имъ въ 1857 году «Исторический обзоръ сорока лѣтія лицея съ 1817 по 1857 гг.», но намъ неизвѣстно, былъ-ли онъ въ свое время напечатанъ и остался-ли даже въ рукописи. О дѣятельности Іосифа Григорьевича въ должности инспектора лицея и отношеніи его къ учащейся молодежи самыя теплныя и свѣтлыя воспоминанія передалъ въ «Новостяхъ», извѣстный поэтъ и переводчикъ Петръ Вейнбергъ, самъ учившійся тогда въ лицѣ. Сущность ихъ сводится къ любви, довѣрію и уваженію, какими окружали Іосифа Григорьевича всѣ учащейся, о преподаваніи-же его тотъ-же Вейнбергъ отзыкается, что «тѣ часы, въ которые воспитанники лицея сходились въ аудиторіи слушать живое слово любимаго профессора, его ясное, серьезное и увлекательное изложеніе, были лучшими часами въ ихъ студенческой жизни». Но какъ въ академіи, кроме профессорской должности, Іосифъ Григорьевичъ былъ сперва помощникомъ инспектора, потомъ помощникомъ секретаря, такъ и состоя на службѣ въ лицѣ, онъ разновременно, а иногда и одновременно исполнялъ массу другихъ обязанностей какъ по лицѣю, такъ и въ его. Двадцать лѣтъ онъ вѣль издаліе Новороссійскаго Календаря, издававшагося при учебномъ округѣ, былъ совѣтникомъ

правління лицея і членомъ оного по строительной части, состоялъ членомъ одесского общества исторіи, исполняль не разъ обязанности его секретаря, должностъ цензора, даже члена совѣта института благородныхъ дѣвицъ.

Съ переходомъ Іосифа Григорьевича на должностъ помощника попечителя киевскаго и въ особенности варшавскаго учебнаго округа открылось широкое поприще для примѣненія на дѣлѣ его обширныхъ и разностороннихъ свѣдѣній и многолѣтней педагогической опытности. Лѣтъ десять или болѣе назадъ, когда впервые была учреждена безслѣдно канувшая въ вѣчность комиссія сокращенія государственныхъ расходовъ, какой-то газетный шутникъ, перебирая всѣ излишнія, по его мнѣнію, въ правительственномъ механизмѣ должностіи, должностъ помощника попечителя призналъ наиболѣе праздною и нужною лишь для составленія попечителю партіи въ ералашъ. Онъ былъ-бы очень разочарованъ въ своей фантазіи, если-бы ему пришлось стать въ положеніе Іосифа Григорьевича въ этой должностіи—сперва въ Киевѣ, а потомъ въ Варшавѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь время службы Іосифа Григорьевича было временемъ ломки старыхъ порядковъ и замѣны ихъ новыми. Въ Киевѣ ему пришлось служить съ Н. И. Пироговымъ и подъ конецъ съ О. Ф. Витте, въ Варшавѣ съ однимъ только Витте. Первый, не смотря на прославленную свою геніальность и большую жизненную опытность, былъ все-таки идеалистомъ и склоненъ быть въ самомъ основномъ своемъ направлениі къ вѣкоторой односторонности и увлеченіямъ, втораго, при всемъ уваженіи къ его основательному образованію, гуманности и даже сердечности, нельзя иначе характеризовать, какъ словомъ: «горячка». Для первого и еще болѣе для втораго Іосифъ Григорьевичъ былъ умѣряющимъ начальомъ, тихимъ, добрымъ геніемъ, глубокимъ, незамѣнимымъ практикомъ.

Безконечное подниманье и такое или иное рѣшеніе всякаго рода педагогическихъ вопросовъ, вызванное Пироговымъ, отъ коренного измѣненія методовъ и премовъ преподаванія до знаменитаго въ свое время вопроса о томъ, сбъчи или не сбъчи, первыя попытки организовать дѣло народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ и возникшая въ слѣдъ за ними борьба между учебнымъ и епархиальнымъ вѣдомствами о правѣ завѣдыванія сельскими школами—нелегко доставались Іосифу Григорьевичу, на которомъ ле-

жала вся тяжесть невидимой подготовительной и такъ сказать процессуальной работы; но это было, можно сказать, ничто въ сравненіи съ тѣмъ громаднымъ, безкопечнымъ трудомъ, какой достался на его долю въ Варшавѣ. Представьте себѣ радикальную ломку всего учебнаго дѣла въ краѣ, несовершенно еще умиротворенному, гдѣ учебныя заведенія всѣхъ видовъ и степеней пропитаны были насаждь духомъ ультра-католическимъ и даже революціоннымъ, вообразите быстрое, одновременное на всѣхъ концахъ Царства соизданіе на старыхъ обломкахъ новаго дѣла, которое должно было лечь въ основу всей жизни края, согласовано со всѣми другими въ немъ кореннымъ реформами, отвѣтчать новымъ относительно его видамъ правительства и въ тоже время удовлетворять истиннымъ потребностямъ разнообразнаго населенія Царства. Правда, основныя положенія учебной реформы были даны въ общемъ о ней указѣ и рядѣ другихъ указовъ 30 августа 1864 г., касавшихся учрежденія учебныхъ дирекцій, среднихъ и низкихъ учебныхъ заведеній; но въ основу всѣхъ этихъ указовъ положена было равноправность въ дѣлѣ образования національностей: польской, русской, литовской, нѣмецкой и еврейской, что, при ихъ через-полосности и смѣшанности, особенно въ городахъ и мѣстечкахъ, вызывало крайнюю запутанность и необычайные трудности въ согласованіи ихъ отдельныхъ интересовъ съ общими видами правительства на постепенное введеніе въ нихъ русскаго языка. Закрывались и преобразовались или переносились изъ одного пункта въ другой существовавшія учебныя заведенія, возникать длипинъ рядъ другихъ,—не существовавшія въ Польшѣ женскія гимназіи и прогимназіи и учительскія семинаріи, гимназіи собственно русскія (въ Варшавѣ), русскія для населенія греко-униатскаго, равно особы учебныя заведенія нѣмецкія, литовскія и даже еврейскія. Для всѣхъ ихъ составлялись и пересоставлялись отдельные уставы и штаты, изготавливались программы и учебники, писались инструкціи, правила, поясненія и дополненія, и въ тоже время разомъ попадобилась масса новыхъ помѣщеній, въ большей части устраивавшихся въ зданіяхъ закрытыхъ католическихъ монастырей; шла нескончаемая переписка, иногда и борьба объ отчужденіи этихъ зданій, составлялись планы и сметы, испрашивались кредиты, шли бесконечныя хлопоты объ обзаведеніи, объ

устроїствѣ библіотекъ и пр. и пр. А тутъ школы сельскія и городскія, какъ грибы, десятками и сотнями возникали ежегодно во всѣхъ концахъ Царства съ широкимъ для всѣхъ и неограниченнымъ для школъ уніатскихъ пособіемъ отъ казны. Назначеніе и распределеніе этихъ пособій, выдашеніе хозяйственной части школъ изъ прежняго завѣданія губернскихъ и уѣздныхъ управлений, снабженіе ихъ книгами и выборъ учебниковъ, иногда-же и устройство и приобрѣтеніе для нихъ помѣщений — все это переполняло черезъ край громадную и безъ того массу работы. И надо сказать, что вся эта работа всею своею тяжестью лежала главнымъ образомъ на Іосифѣ Григорьевичѣ. Покойный О. О. Витте, при его кипучей натурѣ, не зналъ отдыха, не допускалъ затяжки, промедленія; но онъ часто по дѣламъ крупнымъ выѣзжалъ въ Петербургъ, или въ разные концы и углы Царства, отвлекался засѣданіями въ Совѣтѣ управлений и Учредительномъ Комитетѣ, участіемъ въ разныхъ комиссіяхъ, личными сношеніями съ Намѣстникомъ и другими властями; весь гнетъ неустанной домашней работы лежалъ на Михневичѣ. Прибавьте ко всему, что всѣ прежнія бумаги и дѣла были на польскомъ языку, что дѣлопроизводство и послѣ 1864 года, по крайней мѣрѣ по хозяйственной и счетной части, велось пѣкоторое время на томъ-же языку, что канцелярія правительственной комиссіи народного просвѣщенія, съ которойю Іосифу Григорьевичу приходилось ежедневно имѣть дѣло, была въ началѣ наполнена людьми, слабо владѣвшими русскимъ языкомъ, не понимавшими духа совершившейся реформы и даже не сочувствуявшими ей, что подобныя лица находились и въ другихъ учрежденіяхъ, съ которыми надо было имѣть дѣло, и готовы были при всякомъ случаѣ поставить заковычу или выкинуть колѣнцо, что надо было перечищать певадежный или непригодный въ большинствѣ служебный въ учебныхъ заведеніяхъ персоналъ и замѣнять его новымъ, что съ являющимися вновь кандидатами была также большая возня и что наконецъ наѣхавшіе со всѣхъ концовъ Россіи служащіе различныхъ вѣдомствъ своимъ непрошенымъ участіемъ въ дѣлахъ народного образованія, иногда прямымъ вмѣшательствомъ и даже противодѣйствіемъ создавали массу новыхъ затрудненій. О. О. Витте ото всего приходилъ въ тревогу, кипятился, шумѣлъ; Іосифъ Григорьевичъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ и терпѣніемъ, но вмѣстѣ

съ одинаковыемъ вниманіемъ относился ко всему великому и малому, отрадному и прискорбному. Его свѣтлому уму, такту, спокойствію, разсудительности, твердости и глубокой педагогической опытности учебная реформа въ Царствѣ Польскомъ обязана своимъ удачнымъ проведеніемъ, стройнымъ развитіемъ, быстрыми и прочными успѣхами,— обязана не менѣе, какъ и главному въ ней дѣятелю Ф. Ф. Витте, пачинателямъ и заправителямъ оной Н. А. Милютину и князю В. А. Черкаскому. Но онъ остался въ тѣни, вся честь приписана имъ; справедливость требуетъ воздать каждому свое, и мы можемъ и считаемъ себя обязанными сказать это теперь, и говоримъ по ближайшему многолѣтнему нашему наблюденію.

Іосифъ Григорьевичъ прибыль на службу въ Варшаву съ званіемъ директора отдѣленія коммисіи народнаго просвѣщенія, а въ 1868 г., съ учрежденіемъ учебнаго округа, переименовать въ помощника попечителя и хотя послѣдняя должность была классомъ ниже, но по особому Высочайшему повелѣнію за пимъ по прежнему считалась служба въ IV классѣ.

Когда положены были первыя основы для дѣла, когда явились вновь устроенные учебныя заведенія, Іосифъ Григорьевичъ по временамъ выѣзжалъ для осмотра ихъ; но ничего похожаго не было въ этихъ выѣздахъ на обыкновенныя ревизіи высшаго начальства. Не слѣдовало никакихъ предъѣздомъ, не было никакихъ встрѣчъ и ярокъ въ мундирахъ, шумныхъ оваций и торжественныхъ обѣдовъ, распекавцій, нотацій и слѣдующихъ иногда за ними трогательныхъ прощаній и проводъ. Пріѣзжалъ и отѣзжалъ онъ, какъ обыкновенный гость, входилъ въ классы и школы, какъ любопытный посѣтитель, ко всему присматривался, все выслушивалъ, все наблюдалъ, обо всемъ распрашивалъ, и ничего не слышалось отъ него, кроме ласковаго указанія, кроткаго замѣчанія, мудраго совѣта и наставленія, иногда добродушией улыбки при видѣ того, надъ чѣмъ разразился-бы гневомъ и выговорами иной начальникъ; даже похвалу и одобрение онъ выражалъ въ самыхъ скромныхъ словахъ. Такимъ онъ былъ и всегда въ обращеніи со всѣми подчиненными, прибывавшими въ Варшаву по дѣламъ и явившимися къ нему за совѣтами и содѣйствиемъ. Ко всѣмъ онъ относился съ одинаковыемъ вниманіемъ и участіемъ, съ неподдѣльною ласковостію и простотою приема и за это всѣ платили ему глубокимъ уваженіемъ и самою

искреннею привязанностю. Самъ Витте относился къ нему всегда съ безграничнымъ довѣріемъ, глубокимъ уваженiemъ и самыми искренними симпатіями.—Какъ знакомый, какъ членъ общества, это былъ рѣдкій по добродушію, прямотѣ и честности, радушію и гостепріимству человѣкъ. Господь благословилъ его такою-же семьею, состоявшую изъ жены, двухъ дочерей и одного сына, состоявшаго до конца 1868 г. въ должности правителя канцеляріи учебнаго округа и облегчавшаго отца въ его тяжелой работе. Но истинѣ въ этой семье царила Божья благодать и вѣяло отъ нея покоемъ и отрадой. Чокойный Іосифъ Григорьевичъ былъ глубоко вѣрующій христіанинъ и искренно набожный человѣкъ; это былъ патріархъ немногочисленной, но рѣдкой семьи и могъ хвалиться истиннымъ счастьемъ.

Имѣя уже 63 года отъ рождения и 38 лѣтъ службы, въ октябрѣ 1871 г. Іосифъ Григорьевичъ рѣшился выйти въ отставку. Главное и существенное по тому дѣлу, которому онъ посвящалъ послѣдніе годы своей службы, было сдѣлано, и онъ могъ съ чистою совѣстью удалиться отъ него; въ свою очередь семья могла считаться пристроеною⁴⁾; исполненъ былъ всякий долгъ, оставались покой отдыхъ отъ долгихъ и тяжкихъ трудовъ. Обеспеченный пенсию въ 5,250 р., Іосифъ Григорьевичъ переселился на жительство въ Одессу, къ старшей дочери; но проводилъ здѣсь только зиму, а на лѣто переѣжалъ къ младшей дочери въ деревню. Это былъ въ собственномъ смыслѣ покой и отдыхъ, котораго достигаютъ весьма немногіе. Въ нихъ и провелъ Іосифъ Григорьевичъ цѣлыхъ 14 лѣтъ. Жизнь беззаботная, безмятежная, безпечальная—кому дается она? Это удѣль честныхъ, исполнившихъ свой долгъ, добродѣтельныхъ людей. Но насталъ и для Іосифа Григорьевича предѣлъ, котораго никто не преходитъ. Весною нынѣшняго года съ нимъ случился первый ударъ паралича. Лѣтомъ въ деревнѣ онъ оправился, окрѣпъ, слѣдовъ не осталось; но съ переѣздомъ въ Одессу ударъ повторилъся, и его не стало. Миръ праху его! Шеромъ земля честному труженику, рѣдкому, въ собственномъ смыслѣ прекрасному человѣку!

⁴⁾ Старшая дочь Марія жила давно въ Одессѣ въ замужествѣ за г. Отто, младшая Вѣра, не задолго передъ тѣмъ вышедшая замужъ за директора варшавской русской гимназіи А. Т. Теодоровича, съ выходомъ его въ отставку, поселилась въ имѣніи близъ Елисаветграда, а сынъ Николай хорошо устроился на службѣ въ Петербургѣ (ныне вице-директоръ канцеляріи министра путей сообщенія).

ГАЙДАМАЦКАЯ ПѢСНЯ.

Не славная Чута
 Густыми дубами,
 А славнейшая Чута
 Знизу куриными.
 Ай въ Чути, въ лиси
 Козаки гуляли,
 Зъ лядской области
 Добычъ вони мали,
 Що ляшківъ, панивъ драли,
 Де мужикъ багатый,
 То й того не минали.
 Памъятайте, ляшки,
 Де козацкія шляшки,
 Та й не забувайте
 И нась споминайте,
 Бо якъ мы живы будемъ,
 То мы васъ не забудемъ,
 Хочь у десять годивъ,
 То до васъ прибудемъ.

Пѣсня эта записана въ мѣстечкѣ Сѣдневѣ елисаветградскаго
 уѣзда со словъ стольниго старика, Ефима Корніенка (онъ-же Се-
 реда). Чута—лѣсъ въ александрийскомъ уѣздѣ, служившій прито-
 номъ гайдамакамъ, наравнѣ съ Чернымъ лѣсомъ.

В. Ястребовъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ и географическихъ именъ, упоминаемыхъ въ т. XI, XII,
и XIII „Киевской Старины“¹⁾.

А.

Абель, проф. оксфордскаго у-та; разборъ его книги «Белякорус. и малорусскій языки», XIII, 524—532.
Августъ II, король польскій, письмо его къ Сем. Палю, XIII, 360—361; улom., XII, 34, 360 и сл., 614, XIII, 42.
Августъ III, кор. польскій, XII, 36, 262 и сл., 330 и сл.
Адамовичъ, Симеонъ, протопопъ, XII, 589—590.
Александровичи, дворяне, XI, 782—783.
Александр I Павловичъ, имп.; посѣщеніе имъ Киева въ 1816 г., XI, 399—403.
Алексѣй Михайловичъ, царь и вел. кн., XI, 196—197, 708, 710, XII, 432, 436, 560, 564, 589, 595, XIII, 15—16, 216—217, 321—322.
Алексѣй Чоповічъ, варягъ думы о немъ, XI, 182—191.
Алексѣевка, с. елисаветград. у., XIII, 721—729.
Амфитеатровъ, Я. К., проф. кіев. дух. акад., XI, 773—776.
Анна, княгиня, супруга в. кн. Владимира св., XI, 570.
Анна Ioанновна, имп-цз., XI, 579.

Анна Ярославна, супруга Генриха француз. короля, XI, 381.
Андреевъ, Кирилло, полков. миргородскій, XIII, 666.
Антоновичъ, В. Б., проф. у-та св. Владимира; разборъ его монографій по южно-рус. исторіи, XII, 318—328; улom., XII, 573, 577, XII, 736, XIII, 148, 331, 562.
Аностоль, Даниль, гетманъ, XI, 67, 579.
Аргуновъ, Иванъ, портретистъ проф. лаго ст., XI, 309.
Аскоченскій, В. И., публицистъ 50-хъ годовъ, XI, 93—95, 270.
Афендыкъ, сотникъ бериспол., XIII, 673.

В.

Бабичъ, Фома, депутатъ львов. 1569 г., XI, 282.
Бантышь-Каменскій, историкъ, XII, 501—502.
Бараковичъ, Лазарь, архіеп. черниг., XI, 4, 13—16, XII, 575, 590.
Барабашъ, наказ. гетманъ, XI, 702, XII, 58—59, 589.
Бартоломей, полковникъ, XI, 404—405.
Батюшковъ, П. Н., изд. памятниковъ холмск. старины, XII, 307—314.
Безбородко, генер. писарь, XII, 10 и сл.
Безсоновъ, И. А., акад., XI, 5, XII, 429.

¹⁾ Римскія цифры означаютъ томъ, арабскія—страницы тома.

- Беклемищевъ, соврем. худож., XII, 236.
 Берлинский, Максимъ, изыскатель кiev.
 древностей, XI, 588, 590.
 Берхинъ, Іова, изслѣд. еврейской ста-
 рины, XI, 569—573.
 Берында, Памво, южно-русский ученый
 XVII ст., XI, 9—10.
 Бестужевъ, рус. посолъ при польскомъ
 дворѣ, XII, 36.
 Бецкій, Ив. Ив., през. акад. художествъ,
 XI, 311.
 Бобровъ, В. А., акацемикъ - граверъ,
 XII, 524.
 Богдановичъ, В. А., его замѣтка о
 портрѣтѣ И. Гонты, XII, 736—740.
 Богданъ, господарь молдав., XI, 296.
 Богдашевскіе, семейство штурдистовъ,
 XI, 492—496, 501.
 Богунъ, полков. козакъ XVII ст., XI,
 706, XIII, 619.
 Богушкова слов., имѣніе Томаръ, XII,
 16—17.
 Боккачіо, его новелла въ южно-рус.
 пересказъ, XII, 273—306.
 Боксъ, іезуитъ, XI, 442.
 Болдаковскій, Василій, сотникъ бѣлоус-
 скій, XII, 17.
 Болеславъ III, король польскій, XI, 27.
 — Храбрый, кор. польскій, XI, 25,
 XIII, 52.
 — Тройденовичъ, кн. волынскій и
 галицкій, XI, 26.
 Болобанъ, Гедеонъ, епископъ львовскій,
 XI, 273—274, 454.
 — Герасимъ, штудистъ, XI, 495—
 509.
 Болховитиновъ, Евгений, митроп. кiev-
 скій, XI, 92—93, 108, 177,
 268, 276.
 Бомбекъ, староста романовскій, XII, 614.
 Борецкій, Іовъ, митрон. кievскій, XI,
 106, 272, 462, 680, 688.
 Борисковичъ, Исаакій, еписк. луцкій и
 острожскій, XI, 462, 483.
 Борисъ (Годуновъ), царь и вел. кн.,
 XIII, 320.
 — и Глѣбъ, князья, св., XII, 183—
 201.
 Борки, с. кіев. губ., XII, 200.
 Бородавка, гетманъ, XI, 679.
 Бортнянскій, Д. С., дуков. композиторъ;
- его портретъ при XII томѣ; зам. къ
 портрету, XII, 524—530.
 Боуръ, генераль-квартирмейстеръ, XI,
 121—122.
 Брагинцы, имѣніе Томаръ, XII, 18.
 Брадке-фонъ, Е. О., сенаторъ; записка
 его по обревизованію зерсон. губ.
 (1851 г.), XIII, 128—138.
 Браницкіе, графы, XIII, 587—588.
 — Ксаверій, региментарь польскихъ
 войскъ, XII, 620, XIII, 673—674.
 Бродовичъ, Феодосій, архипресв. луцкой
 униат. капитулы, XII, 33—34.
 Бронницы, с. под. губ., XIII, 676.
 Бронскій, Христофоръ, южнорус. ученый
 XVI ст., XI, 7, 10—11.
 Брюховецкій, гетманъ; исторія его гет-
 манства, XII, 545—596; упом., XI,
 62—63, 579, 713—714, XII, 16,
 22—23, XIII, 667.
 Бучневичъ, Лазарь, игуменъ полтавск.
 монаст., XII, 454.
 Булгаковъ, Макарій, митроп. москов.,
 XI, 93—95, 177 и слѣд.
 Бутевичъ, Григорій, протопопъ нѣжин-
 скій, XII, 565, 571.
 Бучацкій Николай, староста барскій,
 XIII, 245, 248.
 Буша, с. под. губ.; описание его, XIII,
 675—683.
 Быковскій, Іоаннъ, воіть кіевскій, XIII,
 139.
 Бѣлинскій, В. Г., пзв. критикъ, XI,
 649—650, XIII, 46—47.

• в.

- Васильченко, Авдей Ник. (въ мона-
 шествѣ Автонії), старецъ воронеж.,
 XI, 624—625, 631.
 Вассіанъ, скамникъ кіево-печ. лавры,
 XI, 401—402.
 Васютенко, Остапъ, запорожскій конже-
 вой, XII, 583—584, 592.
 Вейсманъ-фонъ, ген.-маіоръ, XI, 120
 и слѣд.
 Великіе Бубны, с., имѣніе Крыжанов-
 скіхъ, XII, 11, 17.
 Великогагинъ, бояринъ москов., XII,
 546—547, 558.
 Венцловичъ, см. Стефановичъ.

Вересай, Остапъ, кобзарь, XI, 183.
 Вісконти, папскій вунцій въ Польшѣ,
 XI, 52.
 Витовтъ, в. кн. літовскій, XI, 38.
 Ваттенштейни, графы, XIII, 676.
 Витязенко, полков. полтав., XII, 579.
 Вишневецькій, кн. Димитрій (Байда), гет-
 манъ, XI, 289, XIII, 151—158, 668.
 — кн. Іеремія, XI, 705, XII, 50,
 747—748. XIII, 67, 417—418,
 424.
 Вишневецький, Гедеонъ, еписк. полтавскій,
 XII, 338—343.
 Владімірко Володаревичъ, кн. галицкій,
 XI, 474—476
 Владіміръ Александровичъ, в. князъ,
 XI, 609.
 — святой, в. кн. кіевскій, XI, 177,
 180; 569—573, XII, 117.
 Владиславъ Ягайлловичъ, король поль-
 скій, XI, 41.
 Владиславъ IV, король польскій, XI,
 101, 464, 682—704; XIII, 59—
 72, 204—219, 408.
 Воїковські, О. М., кіевскій ген.-губерна-
 торъ, XIII, 314—316.
 Войничъ, Навасъ, воіть кіевскій, XII,
 137—138.
 Войтовцы, им'яне Токару, XII, 17.
 Волконскій, воєвода Переясл., XIII, 564.
 Воровичи, с. кіев. губ., XII, 185.
 Ворона, с. новомосков. у.; раскопки
 близъ цея, XII, 722—727.
 Ворошцовъ, М. М., XII, 12.
 Всеволодъ Ольговичъ, в. кн. кіевскій,
 XI, 475.
 Выводцевъ, гофъ-медпкъ, XII, 236—
 237.
 Выговскій, гетманъ, XI, 579, 711—
 713, XII, 5, 47—50, 561, 570,
 572, XIII, 621—623, 666—667.
 Высокинъ, им. Томаръ, XII, 21.
 Высочанъ, полков. лысянскій, XII, 578.
 Вышгородъ, с. кіевской губ., XII,
 183—204.
 Вышленскій, Іоаннъ, полемистъ XVII ст.,
 монографія о немъ; XI, 649—677;
 упом., XI, 3, 7, 11, 12.
 Вяземскій, кн. А. А., генераль-проку-
 роръ, XI, 118—119.

І.

Гаваттовичъ, авторъ интермедій 1619 г.,
 XIII, 374 и слѣд.
 Гадачъ, г., XII, 578—580.
 Галинъ, М., студ. воєвно-мед.акад., XI, 237.
 Галицкая, слоб., XII, 446.
 Галятовскій, Іоанникій, уч. XVII ст.,
 XI, 13—15.
 Гамалія, Григорій, полков. лубен., XII,
 565, 569, 577—578, 588.
 Гаркави, А. Я., орієнталістъ, XI,
 569—573.
 Гвинтовка, Матвій, полков. ів'янинскій,
 XII, 553, 558, 565, 569, 580.
 Генрихъ Валуа, кор. польскій и франц.,
 XI, 283—284.
 Генцель, польск.-новстанецъ 1863 г.,
 XIII, 595.
 Гервасій, еписк. Переяславскій XIII ст.,
 XI, 609—610.
 Герцыкъ, Григорій, маюр. полковника,
 XII, 502.
 Гизель, Іннокентій, ученый XVII ст.,
 XI, 13—15, XII, 573—574,
 586—587, 590.
 Гладкій, О. М., козацкій атаманъ; вос-
 помінанія о немъ, XII, 344—350.
 Глоба, И. Я., посадій запорожскій
 писарь, XI, 123.
 Гловачевскій, К. И., художникъ; біогра-
 фія его, XI, 308—317.
 Глубокій, воєвода смоленскій, XIII,
 621—622.
 Глубоква, с. при Дибровѣ, съ древаюю
 при немъ часовнею, XII, 183—204.
 Глубъ, см. Борисъ.
 Гвойна, им'яне Киселей, XIII, 612.
 Гоголь, Остапъ, козач. полковникъ, XII,
 27, 436, XIII, 666, 670, 671.
 Гозіусъ, кардиналь, XI, 283.
 Голицінъ, кн., любимецъ царевны Софії,
 участникъ крымскаго похода, XII, 440.
 Головатый, Антонъ, депутатъ войска
 запорож., XI, 132.
 Голубевъ, С. Т., проф. кіев. дух. акад.,
 его стаття о началѣ кіевск. акад.,
 XI, 85—116; отвѣтъ на нее, XI,
 268—281; упом., XI, 651—652.
 Голубинскій, Е. Е., проф. москов. акад.,
 XI, 177 и сл., XIII, 38.

Голубы, дворяне, XII, 1—6.
 Гонзаревский, малор. генеральный старшина, XIII, 697.
 Геневьевский, стольникъ литов., XIII, 621—622.
 Гонта, Ив., уманский сотникъ; о портретахъ его, XII, 736—740; упом., XII, 40 XIII, 674.
 Горленко, Андрей, прилуцкій полковникъ, XIII, 696.
 — Лазарь, прилуц. полковникъ, XI, 62—63, XII, 585—587.
 Городецкий, Платонъ, митроп. кievский, XI, 607—608, XIII, 178.
 Гречавый, Степанъ, войсковой писарь, XII, 565, 588.
 Гримчутовский, познанский воевода, XII, 31.
 Григоревичъ, Лука, рыхловский игуменъ, XII, 453—454.
 Григоровичъ, В. И., проф. варш. у-та, XI, 178, XIII, 721—729.
 Гробище, с., имѣніе Яновицкихъ, XII, 446.
 Гудовичъ, графъ, XI, 386, 388.
 Гукъ, Кондратъ, запорож. атаманъ, XI, 127, 130—132.
 Гулакъ-Артемовский, П. И., украин. пис., XII, 682, XIII, 748.
 Гуловичъ, Галика, фундаторка братской школы въ Кіевѣ; разсужденія о ея личности и имени, XI, 86—94, 107—112, 269—281, XII, 500, 732—735.
 Гумилевский, Филаретъ, архієп. чернигов., XI, 10, 177.
 Гунцель-Мокрский, ксендзъ-іезуитъ, XIII, 414.
 Гупя, гетманъ, I, 693—696.
 Гурка, Лука, бресто-куявскій воевода, XI, 55.
 Гуша, с., имѣніе Киселей, XIII, 408, 612, 616, 619.

Д.

Дадешкилані, владѣтъ. князья Сванетіи, XI, 404—406.
 Даніилъ-Романовичъ, князь галицкій, XII, 308.
 Дашковичъ, Евстафій, каневскій и

черкасскій староста, XI, 288—290.
 Дворецкий, Василій, кievскій полков. XVII ст., XII, 553—580.
 Дейчуць-Мовчаненко, помѣщикъ лубенского у., XI, 521—523.
 Джеджелей, кропивенскій полковникъ, XIII, 417.
 Дѣдушицкий, графъ, польскій археологъ-мнезнатъ, XI, 169—170.
 Диръ, см. Оскольдъ.
 Дитмаръ Мерзебургскій, хроникеръ XII ст., XI, 181, 570.
 Дмитрій Ивановичъ (Лжедмитрій I.), царь и в. князь, XI, 462, 679.
 Довгалевка, с., им. Голубовъ, XII, 3.
 Долгорукій, кн. В. М., генераль-аншефъ, XI, 119, 123.
 — кн. И. М., писатель, XIII, 327.
 — кн. Ю. А., пущинскій воевода, XIII, 214—215.
 Дорошенко, Петръ, гетманъ, XI, 61—63, XII, 16, 21—27, 132—133, 561, 571—572, 578, 582, 586—594, XIII, 667—671.
 Достоевский, Ф. М., XI, 665—666.
 Дрозденко, сотникъ, XII, 593.
 Дубельть, шефъ жандармовъ, XII, 257, XIII, 44.
 Дубовскій, И. И., художникъ, XII, 604.
 Дука, Александръ, гетм., XII, 27—28.
 Думитрашко-Райчъ, Переяславскій полковникъ, XII, 585—587.
 Думиничій, Сильвестръ, ректоръ кiev. акад., XI, 588.
 Дунинъ-Борковскій, графъ, владѣлецъ с. Лядавы, под. губ., XI, 484—485.
 Дуплячъ, полковникъ, XI, 127.
 Дымерь, и. кiev. губ., XII, 198.
 Дѣвочка, Оянсифоръ, кiev. митрополитъ конца XVI ст., XI, 443.

Е.

Екатерина I Алексѣевна, имп-ца, XI, 578.
 — II Алексѣевна, имп-ца, XI, 118—119, 123, 124, 309, 580, 793—794, XII, 40, 43, 619, XIII, 1—30, 223, 527, 752.
 Елизавета Алексѣевна, имп-ца, XI, 309, 588, XII, 36.

Ермоденю, Давійль, Переяславський полковникъ, XII, 565, 572, 577, 581.
Ефименко, П. С., писатель, XI, 394.
Ефремъ, Переяслав. митрополитъ XI ст., XI, 178.

зес.

Ждановичъ, Антонъ, киевскій полковникъ, XIII, 666—667.
Жданъ-Рогъ, запорож. кошевой, XII, 581, 592.
Желеховскій, Евгений, состав. первого малорус.-ізмѣц. словаря; некрологъ о немъ, XI, 594—596.
Желѣзнякъ, Максимъ, предв. гайдамакъ, XII, 40, XIII, 309—310, 726—727.
Желиборскій, Арсеній, львовскій епископъ, XI, 442, XIII, 409.
Желтухинъ, киевскій генер.-губерн., XII, 626—627.
Животовскій, Василій, войсковой судья, XII, 587.
Жолкевскій, гетманъ коронный, XI, 463, XII, 611, 617, XIII, 59, 67.
Журавль, Илья, кобзарь, XI, 183.
Жученко, полковникъ, XII, 448.

з.

Забѣла, Петръ, первый генеральный судья, XII, 565, 569, 587.
Завитневичъ, изслѣд. южно-рус. литературы, XI, 8—9.
Залусский, киевскій епископъ, XII, 38.
Залѣсские, дворяне, XII, 177—179.
Запорожье; рассказы о немъ и пр., XI, 785—790, XII, 54 и сл., 167, 170, 363—364, XIII, 294—318, 350—353, 721—729.
Зацвиліховскій, Николай, региментарь цольскихъ войскъ, XIII, 613.
Зборовскій, Мартынъ, калишскій воевода, XI, 54.
Здененскій, брацлавскій подчашій, XIII, 414.
Злоба, Тимоѳей, архим. супрасльского монастыря, XI, 405.
Злый, Иванъ, козацкій атаманъ, XI, 693—694.

Злачко-Яворскій, Мелхиседекъ, игуменъ матрен. монаст., защитникъ православія изъ України, XIII, 367, 727.
Золотоноша, г.; братства и цехи въ ней, XIII, 160—162.
Золотаренко, київський полков., XII, 550—551, 556, 558.
Зубрицкій, Донисій, галицко-рус. ученый 40-хъ годовъ, XIII, 158.

ж.

Ибнъ - Эль - Атиръ, арабскій писатель, XI, 570.
Іваненко, Петро, войсковой канцеляристъ, XII, 448—450.
Іваницевъ, Н. Д., профессоръ у-та св. Владимира, XII, 263—265, XIII, 195—203.
Іванъ Ростиславичъ (Берладникъ), князь-изгой, XI, 474—477.
Іващенко, соврем. этнографъ, XI, 183.
Івенсемъ, киев. полиціймейстеръ 60-хъ годовъ, XIII, 458—459.
Ізмайлова В., авторъ «Путешествія въ полуд. Россію», XI, 581—592.
Ізаславъ Давыдовичъ, в. кн. киевскій, XI, 475.
Іларіонъ, мит. киев., XI, 572, XII, 117.
Ільяшенко, лубен. полков., XII, 440.
Ільяшъ, козацкій полковникъ, XII, 58.
Іспанія, кн., господарь румунскій, XIII, 751.
Ірпнархъ, вечерскій игуменъ XVII ст., XIII, 207.
Ічня, м. борзен. у., XIII, 557—558.

ж.

Іегуда, евр. раввинъ, XI, 569—573.
Іеремія П., патр. констант.; о времени прїезда его въ Україну, XI, 86—116, 268—281, 443.
Іоакимъ, первый еписк. новгородскій, XI, 181.
Іоакимъ, патріархъ антіох., XI, 271, XII, 429.
Іовъ Желѣзо, почаевскій игуменъ, XI, 157—167.
Іоаннъ V, кор. португ., XII, 33 и сл.
Іосифъ I, імп. германскій, XIII, 716.

К.

Кавелинъ, К. Д., поль. ученый, XI, 421.
 Кавецкій, Стан., владѣтель с. Лесцы, под. губ., XI, 477—478.
 Кагальянчако, молдавскій ученый, XII, 502—505.
 Казимиръ Ягайловичъ, король польскій, XI, 42—44.
 — III., король польскій, XI, 26.
 — IV., король польскій, XI, 44, 47, 50.
 — Великій, король польскій, XI, 28, 31.
 Калиновскій, гетманъ польскихъ войскъ, XI, 708, XII, 616, 419, 622—625, 664—665.
 Калишевскій, П. И., постѣдн. запорожскій кошевой, XI, 118—132—XIII, 309.
 Каменецкій, завѣдывавшій типографіей П. А. Кулиша, XI, 521—522.
 Каменскій, М., генералъ—поручикъ, XI, 130.
 Капланъ—паша, турецкій военачальникъ XVII ст., XII, 437.
 Капистъ, миргородскій полковникъ, XIII, 673.
 Карамзинъ, Н. М., исторіографъ, XI, XII, 579, 335, 503.
 Кафа, см. Феодосія.
 Каховскій, М. В., тавріч. генер.-губернаторъ, XI, 534, 538.
 Кашовка, с., имѣніе Тамаръ, XII, 21.
 Кейтъ, правитель Малороссіи, XII, 8—9.
 Кязимъ, козацкій полковникъ, XI, 457.
 Кирилль, см. Меѳодій.
 Киркоръ, соврем. польскій археологъ, XII, 311.
 Кисели, дворяне, XIII, 54—59.
 Кисель, Адамъ, воевода кіевскій; его портретъ при XII томѣ; замѣтка къ портрету, XII, 745—750; біографія А. Киселя, XIII, 51—72, 204—219, 408—430, 612—638; упом., XI, 685, 692.
 Кисель, Николай, новгородъ-съверскій хорунжій, XIII, 414, 613, 616, 619—620.

Кистяковскій, А. О., профессоръ у-та св. Влад.; некрологъ о немъ, XI, 406—415; очеркъ его науч. дѣятельности, XII, 228—254; упом., XII, 354, XIII, 563.
 Киево-Трехсвятит. церковь; раскопки около нея, XII, 163—167.
 Киевское общество пробл. Историала-писца; отчетъ его за 1884 г., XIII, 562—567.
 Климентъ VIII, папа римскій, XI, 458.
 Климентъ XІІІ, папа римскій, XII, 208.
 Клищицы, имѣніе Новицкаго, XII, 445.
 Кобилинскій, Автоній, управитель староства романовскаго, XII, 612.
 Козарино, озеро гомельскаго у.; раскопки близъ него, XI, 573—577.
 Козинская-Гойская, фундаторка почаевской обители, XII, 733.
 Козловскій, И. Т., ученый XVII ст., XI, 13.
 Коленко Герасимъ, полковникъ, XI, 127 и сл.
 Комаровскій, Василій, бунчуковый товарищъ, XII, 19.
 — Ираклій, троицкій архимандритъ, XII, 19, 20.
 Конаневичъ-Сагайдачный, гетманъ; извѣстъ объ осадѣ имъ г. Михайлова, XIII, 684—689; упом., XI, 91, 106—107, 277 и сл., 464, 679—682, 768.
 Конецпольскій, Ал-адръ, королевский хорунжій, XIII, 212—213.
 — Станиславъ, гетманъ польскихъ войскъ, XI, 683—684, 691—693, XII, 68, 417.
 Конисскій, Георгій, белорус. епископъ, XII, 37, 208.
 Кононовичъ, Савва, гетманъ, XI, 692.
 Константиносъ, могилевскій полковникъ, XIII, 667.
 Кончевичъ, Ярема, козацкій эмисарь, XIII, 409—410.
 Конопскій, Исая, кіев. митр., XI, 106, 108, 110, 272, 461—462, 685.
 Коньстенскій, Захарія, учен. XVII ст., XI, 8—9, 94, 112.
 Конопцкій, Станиславъ, польскій шляхтич XVII ст., XIII, 261 и сл.

- Борецкий, кн. Самуилъ, XIII, 614.
 Корсунь (таврическая), XII, 121—123.
 Косаговъ, Георгий, козацкий атаманъ, XII, 561—581.
 Косаговский, брацлавский подсудокъ, XIII, 621—622.
 Косинский, гетманъ, XI, 450—451.
 Коссовъ, Сильвестръ, кievский митрополит, XI, 18, 103, 272, XIII, 614, 616.
 Костомаровъ, И. И.; некрологъ о немъ, XII, I—XLIV: воспоминаніи и рассказы о немъ, XIII, 219—227, 255—262, 352—353; посвящена памяти И. И. статья О. Мюллера «Даръ Пятисотицы и наши первоучители», XIII, 32—50; упом., XI, 183, XII, 263, 501, 502, 740, XIII, 68, 184, 421, 527, 563, 616, 630, 632, 748.
 Костюшко, польский патріотъ, XI, 387—389.
 Кострицкій, авторъ «Новой громады», XIII, 699—700.
 Котляревскій, И. И., писатель, XI, 596—606.
 Котляръ, Герасимъ, гайдамака; его показаніе, XIII, 293—306.
 Кошевой, Иоавъ, прилуцкій полковникъ, XI, 63.
 Коширевскій, кн., кievский воєвода, XI, 299.
 Коочубен, дворянинъ, XII, 3.
 Красилскій, Адамъ, каменецкій епископъ, XII, 39—40.
 Красковскій, львовскій епископъ, XIII, 411.
 Красный-Колядинъ, с., имѣніе Крыжановскихъ, XII, 11.
 Красовскій, Василий, игуменъ кіево-кириллов. монаст. XI, 279.
 Кременчугъ, г., XII, 338—343.
 Крепсь, Вероника, ся мехуары о Коливщикѣ, XII, 572—574.
 Крунечкій, перемышльскій епископъ, XIII, 706.
 Кречетниковъ, М. М., кievск. генер.-губ., XII, 40, 693—696.
 Крыжановские, дворянинъ, XII, 7—13.
 — Смарагдъ, епископъ, XII, 13.
 Крюковскій, Ив., кобзарь, некрологъ о немъ, XII, 740—745.
 Куда, одес. купецъ, пропов. интунди, XI, 492.
 Кубланскій, Константинъ, полтавскій полковаякъ, XII, 587.
 Кузиновъ, И. Д., соврем. художникъ, XII, 603.
 Куниджи, А. И., соврем. художникъ, XII, 601—692.
 Куликівскій, Мих., первый харьковскій предв. дворянства, XIII, 4.
 Кулпанъ, П. А.; 183, 521—522, XII, 262, 352—353, 740, XIII, 184, 748.
 Кунаковъ, Григорій, московскій дьякъ, XIII, 421—422.
 Кунинцкій, гетманъ, XII, 27—29, 441, XIII, 671.
 Кунцевичъ, Ісафатъ, полоцкій епископъ, XI, 459—460, XIII, 713.
 Куракинъ, кн. А. Б., XII, 156—163.
 — кн. Б. П. XI, 379—380.
 Кураково озеро, XI, 767—773.
 Кутузовъ-Голенищевъ-Смоленскій, кн., побѣдит. франц., XI, 782—783.

Ж.

- Лаверцкій, профес. акад. худож., XII, 236.
 Лагардъ-де, графъ, путешественникъ по Россіи 1811 г., XIII, 749—757.
 Ладыженскій, царскій столъникъ, XII, 583.
 Лазаревскій, А. М., наслѣд. южнорус. старины, XII, 748.
 — М. М., этнографъ, XI, 528.
 Ласкъ, Петроній, монахъ Гуцкаго монастыря, XIII, 408.
 Ласси, фельдмаршаль, XII, 332.
 Лебединцевъ, П. Г., кiev. каѳедр. протоіерей, XII, 164.
 Лебединъ, к. кiev. губ., XIII, 364—367.
 Левандъ, І., кiev. каѳедр. протоіерей, XI, 589—590.
 Левинкій (Нечуй), И. С., маюрус. писатель; отзывъ о немъ И. И. Костомарова, XII, 226—227; XIII, 701.
 — Н. Ф. учитель кiev. 4-ї гімназії; некрологъ о немъ, XI, 357—363.

Лежайский, Михаиль, архимандрит нов.-городъ-сѣвер. монаст., XII, 455.
 Лентовский, ксеводъ-кармелитъ, XIII, 414, 418.
 Леонтий, митроп. киевскій, XI, 178 и слѣд.
 Леонтьевъ, З. Ф., сѣвскій воевода, XIII, 215, 218.
 — киевскій генер.-губернат., XII, 506, 562.
 Лисаневичъ, милинскій сотникъ, XI, 69.
 Лещинскій, Филооей, архіеп., XII, 456.
 Лизогубъ, Яковъ, черниговск. полковникъ; универсаль его 1690 г., XI, 539—542; упом., XII, 16—18, 451—585.
 Линь-де, принцъ, XIII, 752.
 Литвяки, с., имѣніе Новицкихъ.
 Лихолой, посолъ Сѣчі въ Москву, XII, 445.
 Лобода, гетманъ, XI, 452.
 Лоевцы, с. под. губ., XI, 477.
 Лосенко, А. И., художникъ XVIII ст., XI, 309—310.
 Лубенскій, Андрей, прямасъ, XIII, 415.
 Лупуза, Василій, молдавскій господарь, XIII, 664—665.
 Лысенко, Федоръ, генеральный судья, XII, 18.
 Львовъ, духов. композиторъ, ХІІІ, 526—529.
 Любомирскій, кн. Іосифъ., брацлавскій воев., ХІІІ, 612, 615, 617.
 — кн. Станиславъ, коронный подстолій, XIII, 308.
 — кн. Юрій-Домянікъ, ушицкій староста, XI, 478.
 Людовикъ (Венгерскій), польскій король, XI, 28—29.
 — XV, французск. король; XII, 334 и сл.
 Лютежъ, с. близъ Вышгорода, ХІІ, 197—198.
 Лядава, с. под. губ.; описание его, XI, 480—486.
 Лявцкоронскій, Предславъ, гетманъ, XI, 288.
 — Станиславъ, брацлавскій воевода, XIII, 617.
 — Лисоцкіе, братья, штурмисты, XI, 497 и сл.

ІМ.

Магметъ-Чагинъ, крымскій посолъ, XII, 442.
 Мазараки, дворянинъ, XI, 68—70, 80—82.
 Мазепа, Иванъ, гетманъ, его отношенія къ полковнику И. Ф. Новицкому и переписка съ нимъ, XII, 442—457; о могилѣ Мазепы, XII, 501—505; отзывъ о цемъ Стеф. Яворского, XIII, 172—175; упом., XII, 4, 6, 8, 16; о его гербѣ, XIII, 715, 718.
 Макарій, патріархъ азіотохійскій, XI, 102—104, 270.
 Маковскій, Иванъ, кролевецкій сотникъ, XII, 4—6.
 — Ю. Е., соврем. художникъ, XIII.
 Максаковскій (чернигов. губерній) монастырь, XII, 748—749.
 Максимовичъ, команейскій асауль, XII, 440, 448.
 — Іоаннъ, чернигов. архієписк., XI, 14, 16.
 — М. А.; письма къ нему Т. Г. Шевченка, XI, 333—338; упом., XI, 85—86, 94—96, 106, 268, XII, 511, 517.
 Малышевскій, И. И., профес. киев. док. акад., XI, 86, 108, 177, 268, 273, 281, 453.
 Мандро, полковникъ, XI, 124—128, 130—132.
 Маркевичъ, П. А., историкъ; его письма, XIII, 690—698.
 Марковичи, дворянинъ, XIII, 690—698.
 Мартыновичъ, Артемъ, іѣжинскій полковникъ, XII, 3.
 — І. Д., соврем. художникъ, XII, 741—743.
 Мартыновскій, Антоній, могилевскій архіеп., XII, 350—352.
 Мартыновъ, Артемъ, іѣжинскій полковникъ, XII, 585—587.
 Марцинкевичъ, Леонастій, шляхтичъ; судь надъ нимъ, XII, 79—106.
 Маценко, Иванъ, прилуцкій полковникъ, XI, 62—63, XII, 584.
 Мацкевичъ, каменецкій епископъ, XII, 460—476.

- Мац'євский, соврем. польский ученый, XIII, 185.
 Медведь Высокий, гайдамацкий предводитель, XIII, 309—310.
 Межигорский монастырь, XI, 607—608, XII, 497—499, 703, XIII, 178—183.
 Мелетий, александрийский патр., XI, 271.
 Мелецкий, полковникъ, XIII, 72.
 Меньшиковъ, А. Д., фаворитъ Петра I, XI, 578.
 Метлинский, этнографъ, XI, 183—184.
 Мечиславъ I, кор. польск., XI, 20—21.
 Меодій и Кирилль, св. славян. первоуч.; по поводу 1000-лѣтн. юбилея, XI, I—VI, XII, 107—126, XIII, 31, 37, 40.
 Миклашевский, генеральный старшина, XIII, 697—714.
 Минношичъ, Францъ, славистъ, XI, 755—760.
 Миллеръ, историографъ XVIII ст., XI, 108, 268, 271, 276, 281, XIII, 527.
 Милорадовичъ, спб. генер.-губерн., XIII, 751—752.
 Мировичъ, Иванъ, Переяслав. полковникъ, XII, 16.
 Мироновъ, Матвій, секунд-маоръ; его путевой журналъ 1755 г., XI, 339—356.
 Михаиль III, имп. визант., XIII, 35—36.
 — господарь молдав., XII, 217.
 — Вишневецкий, кор. польский, XII, 21, 25, XIII, 620.
 Михайловъ, г. разан. губ.; осада его Сагайдачнымъ въ 1618 г., XIII, 684—689.
 Михайловъ, Федоръ, войсковый писарь, XII, 587.
 Михневичъ, І. Г., пом. попеч. варшав. учеб. округа; некрологъ о немъ, XIII, 757—765.
 Мицкевичъ, поэтъ, XIII, 747—749.
 Младашовичъ, уманскій губерн., отецъ Верошики Крепсъ, XII, 512.
 Мишки, дворяне, XII, 612.
 Многогрубышъ, Демьянъ, гетманъ, XI, 63, XII, 23—24, 431, 592.
 Мобильонъ, изв. патерь-издатель, XI, Мовчаны, дворяне, XI, 61—71, 79—80.
 Мовчанъ, Мих., прилуцкій асауль; его записная книга, XI, 57—84.
 — Петръ, козацкій атаманъ, XI, 123.
 — Федоръ, прилуцкій полковникъ, XII, 433, 435.
 Могила, гетманъ, XIII, 671.
 — Іеремія, молдав. господарь, основат.
 Могилева-Под., XIII, 674.
 — Петръ, киевскій митроп., XI, 13, 112, 279, 281, 685, XIII, 206, 416—417, 629—634, 711—712.
 Могилевъ-Под., г.; его описание и история, XIII, 657—675.
 Могиленко, гетманъ, XII, 441.
 Мойсеевка, с., имъніе Крыжановскихъ, XII, 12.
 Мокрицкій, И. Н., правитель канц. спб. об.-полиційм., XI, 527—530.
 Мордовцевъ, Д. Л., соврем. пис., XII, 237.
 Морачевский, польский историкъ, XI, 47.
 Мороховский, Илія, владимірскій еписк., XI, 442.
 Москвитъ, Арсеній, киев. митр., XI, 507.
 Мотовило, іезуїтъ XVII ст., XI, 446.
 Муравьевъ (Амурскій), графъ, XI, 204.
 Мурадъ, крымскій ханъ, XII, 439.
 Мурахва р., XIII, 677.
 Мухина гора, курганъ въ извлоград. у.; раскопки въ ней, XII, 707—722.
 Мыкъ-Городъ, городище близъ Радомысля, XII, 184.
 Мълещкій, полковникъ польской службы, XI, 694—695.
 Млаковскій, Войцехъ, львовскій подкоморій, XIII, 414—419, 426.

ж.

- Нагаткинъ, И. И., капитанъ 1-го ранга, XI, 121.
 Нагорное, с. под. губ.; описание его, XI, 486—489.
 Наливайко, гетманъ, XI, 452.
 Наполеонъ I, XI, 386—387, XII, 207, 514—515, 730.
 Незамай, Юрій, войсковый судья, XII, 578—579.
 Нелюбовичъ-Тукальскій, Іосифъ, киев. митрополитъ, XII, 21, 561, 572, 586—587, 592.
 Немія, с. под. губ.; опис. его, XIII, 654.
 Нехаевка, с., имъніе Новицкіхъ, XII, 434.

Некайки, с., имѣніе Томарь, XII, 16, 17.
 Нечай, Данилъ, козацкій полковникъ, XIII, 617.
 Низкиничи, с., имѣніе Киселей, XIII, 51, 60.
 Никита, бѣлогород. еписк. XI в., XI, 179.
 Николай I Павловичъ, имп., XI, 191—196, 200—205, XII, 211.
 Нишинскій, авт. малорусск. перевода VI пѣсни Одиссеи, XIII, 700—701.
 Новая Ушица, г. под. губ. XI, 465.
 Новицкіе, дворяне, XII, 455—457.
 — И. Ф., охочекомонный полковникъ; его біографія, XII, 431—457.
 Новоселки, имѣніе Киселей, XIII, 51.
 Новые Дятловичи, озеро гомельскаго у., XI, 573.
 Нѣговскій, М. В., этнографъ, XI, 183—184.
 Нѣжинъ, г.; его храмы, XII, 314—318.
 Нѣсецкій, пис., авт. «Соропу», XI, 69, XIII, 52—53, 59, 628.

О.

Обуковичъ, Федоръ-Михаилъ, мозырскій подкоморій, XIII, 414.
 Обутъ, Андрей, кіевскій земянинъ, XI, 96—99, 102, 260 и сл.
 Овсяній, Ромуальдъ, владѣтель с. Буши, под. губ., XIII, 680.
 Огаревъ, Евсевій, гадячскій полковникъ, XII, 589.
 Одоевскій, кн. Никита Ивановичъ, XIII, 212—213.
 Одывинъ, черкасскій полковой судья, XIII, 623.
 Озаркевичъ, перев. Мидкевича на малорусск. языке, XIII, 749.
 Окунь, полковникъ, XIII, 681—682.
 Ольдріджъ, пегръ-трагикъ, XI, 237—238.
 Овара, XII, 572.
 Осповяя, м. зельков. у., XI, 579.
 Ордынъ-Нащокинъ, русскій военачальникъ XVII ст., XII, 583, 589, 591.
 Орловъ, кн., фаворитъ имп. Николая, XI, 205.
 Оробьевка, с., имѣніе Томарь.
 Орышовскій, Янъ, гетманъ польскихъ войскъ, XI, 290.

Оскольдъ и Дарь, кн. кіевскіе, XII, 114—115.
 Остерманъ, канцлеръ имп. Елизаветы, XII, 332.
 Острожская, княжна Галшка, XI, 54—56.
 — кн. Конст. Ив., XI, 45—46, 52, 279.
 — кн. Констант. Конст., XI, 2, 7, 54—56, 95, 271, 281, 445—451, 454—455, XII, 206, 209, 511—512.
 — кн. Янушъ Конст., XI, 446, 451.
 Острый, галицкій полковникъ, XII, 578—579.
 Остряницъ, гетманъ, XI, 695—696.
 Оссолинскій, корон. канцл., XIII, 218.

III.

Павель Алеинскій, діаконъ, авт. описанія путешествія патріарха Макарія, XI, 102—105, 115, 269.
 — I, имп., XI, 309, 310.
 Павловскій, охочекомонный полковникъ, XII, 435.
 Павлюкъ, гетманъ, XI, 692—694, XIII, 70—72.
 Падлевскій, полкъ-повстанець.
 Паній, патріархъ іерусалимскій, XI, 277.
 Палій, Семенъ, бѣлоцерков. полковникъ; письмо къ нему короля Августа III, XIII, 360—361; уном., XI, 64—65, XII, 33, 613.
 Панкратіевъ, кіев. губ., XIII, 752.
 Панисое, с. полтав. губ., XIII, 169.
 Перетятковичъ, Криктофъ, польскій посолъ къ Выговскому, XII, 547—548.
 Переяславская успенская церковь, XI, 608—610.
 Петровскій, илаенскій депутатъ на сеймѣ 1718 г., XII, 34.
 Петровъ, И. И., проф. кіев. дух. акад., XI, 274.
 Петрушевичъ, галицкій ученый, XI, 171—173.
 Петръ, господарь молдав., XI, 286, XIII, 263, 267—269.
 — I, имп., XI, 379—380, XII, 33—35, XIII, 22.

— Ш, нап., XI, 588, XII, 12.
Писарева, С. В., жена правит. канцелярии Д. Г. Бабимова, извѣстная въ Киевѣ красавица, XIII, 672.
Пишевичъ, А. П.; разсказъ его о чумѣ 1813 г., XIII, 153—163.
Плетенецкій, Елисей, ученый XVII ст., XI, 94—95, 110, 112, 272, 281.
Подлянное, с., имѣніе Голубовъ, XII, 3.
Подкова, Иванъ, , XI, 483—287, XIII, 243—276.
Подставки, имѣніе Тамарь, XII, 16.
Позняки, с. близь Киева, имѣніе Киселей, XIII, 628.
Полуботко, Павелъ, гетманъ, XIII, 697.
Полугерь, Тимоѳей, атаманъ запорож., XII, 453.
Пономаричъ, Иванъ, павлоцкій полковникъ, XII, 554.
Поссеванъ, юзунъ XVII ст., XI, 438.
Потоцкіе, графы, XIII, 753—756.
Потоцкій, графъ Николай, гетманъ польскій войскъ, XI, 693, 706, XIII, 57, 69—71.
— Николай, канев. стар.; разсказы о немъ, XIII, 234—242, 367—370, 554—555; дарствен. запись его Вероникѣ Крепсь, XII, 512—514.
— Станиславъ, гетманъ польскихъ войскъ, XIII, 615, 619—623, 665.
— Францискъ-Салерій, владѣтель Могилева-Под., XIII, 660.
— Федоръ, командиръ всей польской артиллериі, XIII, 310—316.
Потѣй, Ипатій, кіев. юніат. митроп., XI, 280, 441—442, 449, 453—455.
Праховъ, А. В., проф. петерб. у-та, XII, 164.
Прерадовичъ, сербъ — эмигрантъ, XI, 381—385, 508—511.
Прилуки, г.; цехи и братства въ немъ, XIII, 169—171.
Прокоповичъ, Феофанъ, архіеп. новгородскій, XI, 271, XIII, 276.
Прескуры, дворяне, XII, 612.
Протасевичъ, Валерій, віленскій епископъ, XI, 283.
Протасьевъ, Федоръ, московскій посолъ, XII, 549—550, 557.

Чузына, Ал-дръ, луцкій епископъ, XIII, 65—66, 409.
Пулавскій, Іосифъ, староста, XII, 39.
Цыпинъ, А. Н., соврем. ученый и публицистъ, XIII, 95.
Пясецкій, польскій историкъ, XIII, 71.

Р.

Радзивіяль, кн., предвод. диссидентовъ, (1766 г.), XII, 38.
— Альбрехтъ, літов. канцлеръ, XIII, 63—64.
— Криштофъ, XIII, 63.
— Янушъ, літовскій гетманъ, XIII, 418, 620, 623—624.
Радзивійскій, коронный подканцлеръ, XIII, 423, 619, 628.
Радивиловскій, Антоній, ученый XVII ст., XI, 13.
Разумовскій, К. Г., графъ, гетманъ; универсалы и ордера его, XII, 477—482, XIII, 277—292; упом., XI, 579, XII, 12, XIII, 751.
Ракочи, седміград. князъ, XII, 217, XIII, 419.
Ратушній, Михаїль, вітувдистъ, XI, 496.
Рейсъ-Ефенди, великий визирь турец., XII, 217.
Репнинъ, Борисъ, рус. посолъ въ Варшавѣ, XIII, 521.
Ретицъ, имѣніе Голубовъ, XII, 3.
Ржевускій, Вацлавъ, краковскій воевода, XII, 38.
Ришелье, одесскій генер.-губерн., XII, 156, 161, 609.
Рогоза, Михаїль, митроп. кіевскій, XII, 274, 443, 455.
Рогота, с., имѣніе Томарь, XII, 18, 21.
Романовское старство; судьба его телей, XI, 607—630.
Ромодановскій, Гр. Гр., москов. воевода, XII, 555—557, 563—564.
— Федоръ, московскій воевода, XII, 26, 435.
Рубанъ, войсковый асауль, XII, 445.
— Василій, историкъ, XI, 271, 278.
Рудольфъ II, имп. германскій, XII, 294—296.

учевый XVII ст., XI, 94.
 Ставровский, проф. у-та св. Владимира, XI, 746.
 Станиславъ Лещинскій, польскій король, XII, 262 и сл., 330 и сл., 616, 621.
 — Понятовскій, польскій король, XII, 37, 41.
 Старая Ушица, с. под. губ.; его описание и исторія, XI, 465—479.
 Старицкій, М. П., соврем. писатель, XII, 226, XIII, 701—702, 748.
 Старовъ, Н. Д., близкій пріятель Шевченка, XI, 237—238.
 Стефановичъ, Гаврілъ, сербскій учевый XVIII ст., XI, 4.
 Стефанъ Баторій, король польскій, XI, 283—287, 291—297, 457, XIII, 246 и сл.
 — св., сурожскій епископъ, XII, 115—117.
 Стороженко, А. Я., писатель; о могилѣ его, XII, 729—732; упом., XII, 682—683.
 — Иванъ, прилуцкій полковникъ, XII, 445.
 Строгановъ, графъ А. С., президентъ акад. худож., XI, 312—313.
 Стягайлло, Филиппъ, войсковой козац. старшина, XI, 117.
 Суворовъ, А. В., свѣтл. кн. итальянскій, фельдмаршаль; анекдотъ о немъ, XI, 783.
 Сулима, козацкій атаманъ XVII ст., XI, 691.
 — Переяслав. полковникъ XVIII ст., XII, 477.
 Суша, Яковъ, уніат. епископъholmскій, XII, 207, 308.
 Сѣчъ, см. Запорожье.
 Сядричи, с., имѣніе Томарь, XII, 18, 21.

Ч.

Тальдучи, Филиппъ, итальянецъ, письмо его о казни Ив. Подковы, XIII, 272—276.
 Тарповскій, графъ, профессоръ краков. у-та, XII, 35.
 Теремцы, с. кiev. губ., XII, 185.

Терлецкій, Кириллъ, луцкій епископъ, XI, 442, 449, 452, 670.
 — Миродій, епископъ, XIII, 713.
 Терновскій, Ф. А., проф. у-та св. Владимира и кiev. дух. акад., XIII, 563.
 Тетеря, гетманъ, XI, 71, 94, XII, 561—562, 565, 570—571, 579, XIII, 667.
 Тимофеѣ, константинопол. патріархъ, XI, 276.
 Томаровка, имѣніе Томарь, XII, 21.
 Томары, дворяне, XII, 14—20.
 Томиленко, гетманъ, XI, 691, XIII, 321.
 Тредынковскій, В. К., писатель, XIII, 527.
 Тризна, Н. И., бунчуковый товарищъ, XII, 180—181.
 Трошинскій, гадячскій полковникъ, XII, 456.
 Трубецкой, князъ, кievскій воевода, XII, 433.
 Трутовскій, соврем. художникъ, XII, 600—601.
 Трасило, гетманъ, XI, 683—684.
 Турчиновскій, Илля, свящ. XVIII ст.; автобіографія его, XI, 318—332.
 Тышкевичъ, ист., XI, 442—496.
 — Янъ, кievскій воевода, XIII, 339.
 Типкинъ, Василий, стольникъ, XII, 431, 591—592.

Ч.

Уваровъ, графъ А. С., археологъ, XIII, 563.
 Урбанъ IV, римскій папа, XI, 380.
 Урбанъ VIII, римскій папа, XI, 461, 689.

Ч.

Филимоновичъ, Миродій, истистав. епископъ, XII, 552, 556—557, 572—579, 586—588, 590.
 Филоненко, козацкій атаманъ, XI, 695.
 Фотій, визант. патр. IX в., XIII, 35—37.
 — констант. патріархъ XVII в., XII, 114—115, 119.
 Фроловъ, москов. дьякъ, XII, 574.

Ружинський, кн. Богданъ, гетьманъ, XI, 289—290.
 — Николай, XII, 610.
 Румянцевъ Задунайскій, графъ П. А., XI, 122, 126, 127, 130—131, XII, 139, 149—152.
 Рутський, Веніамінъ, кіев. уніат. митроп., XII, 217, XIII, 706.
 — Янъ, єпископъ, 442.
 Ружиновка, с. звенигород. у.; раскопки близъ нея, XII, 727—729.
 Рѣпікъ, И. Е., соврем. художникъ, XII, 236, 601—603.
 Рябошапка, штурмистъ, XI, 507.

С.

Саблуковъ, И. С., портретистъ прошлого ст., XI, 309—310.
 Садковский, Викторъ, слуцкій єпископъ, XII, 212.
 Садовскій, Станиславъ, ушицкій староста, XI, 478.
 Сакенъ, графъ Д. Е., XI, 204—205.
 Самойловичъ, Іванъ, гетьманъ; опись его именесказа, XI, 776—779; упом. XII, 60, 62—64, XIII, 3, 8, 16—18, 26, в сл., 442, 587, XIII, 670.
 — Семенъ, гетьманничъ, XII, 439—441.
 Самоквасовъ, археологъ, XIII, 324.
 Самусь, козацкій полковникъ XVII ст., XII, 33.
 Сангушко, кн., генераль-лейт., владѣтель Кременца, XI, 386.
 — кн., Дмитрій, XI, 54—56.
 Сап'яга, Левъ, литов. канцл., XI, 449.
 Свакетія; запорожцы въ ней, XI, 403—406.
 Свенцицкій, малорусскій переводчикъ Майдевича, XIII, 749.
 Свядригайлло, в. кн. літовскій, XI, 39.
 Свѣчка, Василій, лубенскій полковникъ, XII, 445, 447.
 Святославъ Всеволодовичъ, вел. кн. кіевскій, XII, 164.
 Сербина, Войця, переліслав. полковникъ, XIII, 434.
 Серебрія, к. под. губ.; описание его, XIII, 653—654.

Сигнамундъ Кейстутовичъ, вел. князь літовскій, XI, 39.
 — I, король польскій, XI, 45, 294, 296—297, 299, XIII, 339, 711.
 — II, Августъ, король польскій, XII, 46, 49—55, 282—283, 299.
 — III, король польскій, XI, 276, 437—438, 443, 457—459, 463, 610—612, 682—685, XIII, 610, XIII, 59—60, 684, 706.
 Сидловскій, полковн., XI, 121—122.
 Сидоровъ, Захарія, глуховскій воїнъ XII, 585.
 Сіличъ, Аникій, черніговскій полковникъ, XII, 559.
 Сильвестръ, монахъ, авт. первоначальної літописи, XI, 571—572.
 Сирко, кошевої запорожской Сечі, XII, 24, 27, 599, 561, 586, XIII, 667.
 Сицянскій, юніцький депутатъ, соратникъ сейму 1651 р., XIII, 626.
 Скальковскій, А. А., авторъ «Нової Сечі», XI, 532, 793, XII, 163.
 Скарга, ієзуїтъ XVII ст., XI, 285, 438.
 Скіданъ, козацкій полковникъ, XI, 693—695.
 Скорина, перекладчикъ Біблії на рускій языкъ, XI, 445.
 Скоропадська, гетьманша, XIII, 696.
 — гетьманъ; письмо его о сборахъ на «ралецъ», XIII, 360—364; ум. XI, 65, 67, 70, 75—76, XII, 457.
 Сластіонъ, соврем. художн., XII, 236.
 Слуцкіе, князья, XI, 368.
 — кн. Семенъ, XI, 55.
 Смоляцкій, Малетій, учений XVII ст., XI, 2, 9—10.
 Смидінь, р., XII, 188, 195, 195.
 Саковичъ, Кассіанъ, ученый XVII ст., XI, 94, 277.
 Солтикъ, Каєтавъ, краковскій єпископъ, XII, 38.
 Солунъ, родина св. Кирила и Меодія, XII, 121—123.
 Сойко, Якимъ, наказ. гетьманъ, XI, 9.
 XII, 15, 546—555, 554—555.
 Ставище, им'яне Браницкаго, XII, 620—621.
 Ставровецкій, Караль-Транквіллюмъ,

—

- Ханенко, гетманъ, XII, 23, 26, 27, XIII, 668—669.
 Хельчиць, с. стародубского полка, XIII, 189 и слѣд.
 Хитрово, Богданъ Матвеевичъ, царскій окольничій, XII, 563, 565.
 — Яковъ, полтавскій воевода, XII, 577.
 Хмельная, имѣніе Томарь, XII, 16.
 Хмельницкій, Богданъ-Зиновій, гетманъ; письма его къ гетману Сап'яну, XI, 196—198; отзывъ его объ А. Киселѣ, XII, 747; упом., XI, 94, 301—302, 579—580, 608—610, 701—716, XII, 7, 52—76, 216, 310—311, 608, 747—748, XIII, 215—219, 321—322, 408—429, 612—636, 664—665, 711.
 — Михаиль, отецъ Богдана, XI, 452.
 — Тимофеи, сынъ Богдана, XIII, 664.
 — Юрій, сынъ Богдана, гетманъ, XI, 579, 713, XII, 27—28, 438—439, 548—551, 557, 561.
 Ходкевичъ, Григорій, литовскій гетманъ, XI, 445, 680.
 Ходыка, Федоръ, кіевскій воѣть, XI, XII, 768, XII, 683.
 Хозары, XI, 570—572.
 Холмщина, XII, 307—314.
 Хомутецъ, с. мзргород. у., XI, 164—168.
 Хомяковъ, А. С., писатель-славянофиль, XIII, 37.
 Хорватъ, генераль изъ сербскихъ выходцевъ, колонизаторъ Новороссіи, XI, 381—385, XII, 138, 505—506.
 Хороборъ, с. под. губ.; описание его, XI, 471—472.
 Хорошкино, имѣніе Новицкихъ, XII, 446.
 Христіанъ VI, король датскій, XII, 336 и слѣд.

—

- Цвѣтковский, учт. спб. ал-дровскаго кадет. корпуса, XII, 237.

- Цесарскій, Иванъ, генеральный обозный, XII, 548.
 Цыбура, переславскій полковникъ, XII, 548.

—

- Чаадаевъ, кіевскій воевода, XI, 71, XII, 563—564.
 Чаплинскій, брацлавскій подстароста, XI, 702, XII, 68, XIII, 417—418.
 Чарнецкій, польскій воевода, XIII, 682.
 Чарторыйскій, Августъ, русскій воевода, XI, 37.
 — кн. Ал-дръ, волынскій воевода, XI, 52.
 — Михаиль, литовскій канцлеръ, XII, 37.
 Чалибай, татарскій мурза, XII, 593.
 Чоркасскій, кн. Каскулатъ, XII, 437.
 Чорнієва, с., имѣніе Кисалей, XIII, 619.
 Черный, Герасимъ, войсковой писарь, XI, 129—130.
 Чернявка, с., XII, 617.
 Чернявскій, прилудцій полковникъ, XI, 64.
 Четвертицкій, кн. Захарія, брацлавскій стольникъ; письмо его къ П. И. Калинишевскому, XIII, 313—314; упом., XIII, 315, 316, 414.
 — кн. Сильвестръ, могилевскій епископъ, XII, 35.
 Чечуга, козацкій полковникъ, XI, 693—694.
 Чубинскій, П. Н., этнографъ, XI, 606, XIII, 75, 527.
 Чугуй, козацкій предводитель, XII, 592—593.

—

- Шадура, И., волости. старшина, нар. дѣятель въ восстаніе 1863 г., XIII, Шаропцій, Степанъ, лубенскій полковникъ, XII, 559.
 Шевичъ, генер., сербск. выходецъ, XI, 381—385.
 Шевченко, Т. Г.; пѣсня о немъ, XIII, 187—188; воспоминанія, XI,

224—239, XIII, 718—720; материалы для биографии, XI, 519—520; письма, XI, 333—338; автобиография, XIII, 431—435; учен., XII, 257, XIII, 43, 48, 49.
 Шеваль, Михаил Борисович, русский военачальник, XIII, 66—67.
 Шемякин, Левъ, московский епископъ, XII, 208.
 Шерemetьевъ, Борисъ, рус. посолъ во Львовъ, XII, 32.
 — шевченко военачальник, XII, 15—16, 571, 573, 576, 581—582, 586.
 — воеводский губернаторъ (1794 г.), XII, 387—388.
 Шереметева, XIII, 323 и слѣд.
 Шерстюкова, Марія Конст., козанка, XI, 621—623.
 Шептицкій, Станиславъ, подольскій епископъ, XIII, 672.
 Шишкинъ, Захарія, воинской шефъ, XII, 563, 569, 571, 579.
 Шуклевъ, Елефъ, ливонскій и подольскій епископъ, XI, 442, XIII, 668.
 Шутъ, Карлъ, птицедатель, XI, 492.
 Шутъ, Андрій, киеварь, XI, 183.

III.

Щавовъ, исследователь раскола, XIII, 531.
 Щербакъ, Богданъ, воинский асaultъ, XII, 571.
 Щербнякъ, карликъ губернаторъ, XIII, 34 и слѣд.
 Щепановский, Иванъ, правитель дѣльца латышскому генер.-губернаторъ; его проекты о католической церкви и каз. позадѣстѣ, XI, 746—754, XII, 127—136.
 Щирецкій, Алоизій, переславскій полковникъ, XII, 559.

•
 Эмануель, инфантъ португальскій, канонізованъ на польскій престолъ, XII, 331 и сл.

Ж.

Яворскій, Стефанъ, київський рязанскій; склонение его о Мазепѣ, XIII, 172—175.
 Ягайло, король польскій и вел. кн. литовскій, XI, 29, 37—40, 46, 457—458.
 Язловецкій, Юрій, коронный гетманъ, XI, 299.
 Якубовичъ, полковникъ, XI, 126.
 Якунь, с., плем'я Томашъ, XII, 21.
 Яновскій, В. В., помѣщикъ лубен. у., XI, 530.
 Янъ-Казимиръ, король польскій, XI, 71—72, 704—705, 711, XII, 561, XIII, 413, 417, 421—429, 613, 625—628, 667.
 — Собѣскій, король польскій, XI, 64, 69, 72—73, XII, 25—32, XIII, 668—671.
 Ярославъ (Осломысь), кн. галицкій, XI, 476.
 Ясницкий, Варлаамъ, київскій патроп., XII—455, XIII, 139.
 Ясногородка, с. кіев. губ., XII, 185, 203.

•

Феодосія (Кафа), г., XII, 145—149.
 Феодуль, южно-русскій писат. XVI ст., XI, 7.
 Феофанъ, патріархъ іерусалимскій, XI, 87, 104—110, 270—276, 680, XIII, 706.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Открыта подписка на 1886 г. на следующие журналы и газеты:

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѦНІЕ“ 1886.—ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ—1886.

- 52** ЕЖЕНЕДѦЛЬНЫХЪ НУМЕРА—каждый номеръ въ два листа большаго формата (in folio) съ 8—10 рисунковъ.
- 52** ЕЖЕНЕДѦЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНИЯ «РОМАНЫ И ЦОВѦСТИ» (ориг. и перев.) извѣстія, авторовъ,
- 12** ЕЖЕМѦСЯЧНЫХЪ НУМЕРОВЪ «НОВЬИШИХЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ», съ отдѣлами: «Полезные советы» и «Кулинарные рецепты». Форматъ номеровъ будетъ увеличенъ.

Двѣ бесплатныхъ преміи:

1) «НАВОДІНІЕ». Большая художественно исполненная олеографія (въ 27 красокъ) съ картиной профессора Шерреса (длина картины полтора аршина 14^{1/4} верши.). Цѣна картины въ отдельной продажѣ 10 руб.

2) «СТИННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1886 годъ», изящно отпечатанный въ три краски.

Въ 1886 г. журналъ будетъ печататься на роскошной (тоновой) бумагѣ, специально для журнала изготовленной.

Въ 1886 г. отдѣль по «Современнымъ событиямъ» будетъ значительно увеличенъ, какъ въ иллюстраціяхъ, такъ и въ текстѣ.

Въ 1886 г. журналъ будетъ печататься въ собств. типографіи, специально приспособленной для изящного выполнения рисунковъ новѣйш. способомъ.

Подписная цѣна на годъ: съ доставкой и пересылкой 8 р.—За гравицію 10 р.—Желающіе получать премію страховой посылкой докладываются къ подписной цѣнѣ 60 к.

Адресъ конторы и редакціи: Петербургъ, Николаевская, 19.

Редакторъ *П. Полевої*. Издатель *С. Добролѣбъ*.

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

(Годъ семнадцатый).

Съ 1-го января 1886 года «Новороссійскій Телеграфъ», по примѣру большихъ столичныхъ газетъ, будетъ выходить ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ.

Ежегодно улучшая нашу газету и постепенно увеличивая ея форматъ, мы достигли того, что «Новороссійскій Телеграфъ» стала на уровнѣ современныхъ потребностей читателя. Въ будущемъ году мы также намѣрены продолжать улучшения по всѣмъ частямъ нашего изданія, но, кромѣ того, признали необходимымъ, въ виду того, что, при настоящей быстротѣ соображеній и взаимности политическихъ событий въ Европѣ, всякая новость имѣть только интересъ минуты и при томъ сильно отражается на настроеніи тѣхъ или другихъ общественныхъ сферъ, выпускать съ 1-го января 1886 года «Новороссійскій Телеграфъ» ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ. Такимъ образомъ вместо вышедшіхъ 285 №№ въ годъ мы обещаемъ съ будущаго года выпускать не менѣе 350 №№.

Подписка принимается въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Раля, противъ Херсонской улицы.

Условія подписки:

Безъ достав. Съ достав.
и пересылк. и пересылк.

Безъ достав. Съ достав.
и пересылк. и пересылк.

На 1 мѣс. 1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣс. 7 р. 50 к.	9 р. — к.
> 2 >	2 р. 50 к.	> 8 >	8 р. 50 к. 10 р. — к.
> 3 >	3 р. 50 к.	> 9 >	9 р. 50 к. 11 р. — к.
> 4 >	4 р. 50 к.	> 10 >	10 р. 50 к. 12 р. — к.
> 5 >	5 р. 50 к.	> 11 >	11 р. — к. 13 р. — к.
> 6 >	6 р. 50 к.	> 12 >	12 р. — к. 14 р. — к.

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять за пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 руб.

Подписываться можно на какой угодно срокъ по цѣнамъ, означеннымъ въ приведенной выше разцѣвѣ, съ 1-го числа каждого мѣсяца. Лица, подписанвшіе позже 1-го числа, получаютъ всѣ предыдущіе №№. Подписка съ промежуточныхъ чиселъ не допускается.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Взносы разсрочкой платы могутъ быть или полугодовые (по 7 р. къ 1 января и къ 1-му июня), или по четвертамъ года (по 3 р. 50 к. къ 1 ян-

варя, 1-му марта, 1-му июня и 1-го сентября), т. е. всегда за месяц вперед до наступления срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учреждений, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденияхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменнымъ официальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условиемъ высылки деягъ въ течении первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1885 года.

Иллюстрированный художественно-литературный журналъ

IV годъ „РАДУГА“ изданія.

Громадный успѣхъ нашего журнала въ 1885 году доказалъ на дѣлѣ, что «Радуга» сдѣлалась любимымъ журналомъ русской семьи: число подписчиковъ на «Радугу» въ 1885 году утвердилось противъ прежняго. Это са-
мый полный еженедѣльный иллюстрированный журналъ Россіи, дающій около 4-хъ листовъ въ ведѣло самаго разнообразнаго текста, съ множествомъ изящныхъ гравюръ и великолѣпныхъ иллюстрацій, не смотря на чрезвычайно низкую подписанную цѣну (5 р. въ годъ съ доставкой и пересыпкой по почтѣ).

СОДЕРЖАНИЕ «Радуги»: романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихо-
творенія, путешествія, политическій отдѣлъ, новыя открытія, изобрѣтенія,
музыкальныя новости, театральная критика, корреспонденція, театральныя
пьесы, какъ-то: комедіи, водевили, драмы, монологи, сцены, поты, новей-
шія пьесы, таанды, марши, салонныя пьесы, романсы, дуэты и т. п. (болѣе
40 пьесъ въ годъ); семейныя и общественные игры, интересныя занятія,
фокусы, карточныя игры, пасьянсы, биллардаша игра, новые таанды съ ри-
сунками, спортъ, юмористические рассказы, анекдоты, юмористические рисунки
съ текстомъ и безъ оного, загадки, шутки, задачи, шарады, ребусы, шах-
матный и шашечный отдѣлъ, модные рисунки съ текстомъ, хозяйствственные
совѣты, гигієнические очерки для семействъ, новости, интересующія дамъ,
почтовый ящикъ для открытой корреспонденціи гг. подписчиковъ между со-
бою и многою другъ.

Въ 1886 году «Радуга» останется вѣрица своему направлению, то-есть
останется чисто русскимъ журналомъ, безъ переводныхъ романовъ, а дасть,
какъ и до сихъ поръ, исключительно русскія оригинальныя литературныя
произведенія, расширяя все болѣе и болѣе отдѣлы своей программы. Иллю-
страціи будутъ исключительно лучшихъ художниковъ и извѣстѣйшихъ гра-
веровъ и будутъ печататься съ особою тщательностью и стараниемъ. Въ ли-
тературномъ отдѣлѣ примутъ участіе извѣстѣйшие литераторы, поэты и дра-
матические писатели.

Годовые подписчики «Радуги» получаютъ бесплатно заказанный за гра-
ницею, въ одаомъ изъ лучшихъ артистическихъ заведеній, художественный

«СТЕННОЙ КАЛЕНДАРЬ», представляющей картину, исполненную на золотом фоне десятью красками.

Главной же премией для годовых подписчиковъ предназначено высокое-художественное произведение, выполненное масляными красками хромо-олеографическимъ способомъ, знаменитая картина профессора Н. Зихеля ЮДИӨБ. Вышина картины 1½ аршина, ширина 1 аршинъ. Эта картина по своему необыкновенному тонкому и изящному исполнению представляетъ собою совершенство олеографического искусства. Цена этой картины въ розничной продажѣ для неподписчиковъ «Радуги» назначена въ 10 руб. за экземпляръ. Падняхъ премія Радуги «Юдіөб» будетъ выставлена въ некоторыхъ магазинахъ и кiosкахъ Москвы, С.-Петербурга и иныхъ провинциальныхъ городовъ.

Подписьная цена на «Радугу» со всѣми бесплатными приложеніями съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи на одинъ годъ 5 руб., за ½ года 3 руб. За границею за 1 годъ 7 руб., за ½ года 4 р.

Допускается разсрочка: при подписаніи 2 р., затѣмъ трети-месяца въ ряду по 1 р., но съ обязательствомъ исправнаго платежа. Подписанівшіеся съ разсрочкою платежа получаютъ казенцары по уплатѣ всей подписной суммы. Подписанівшіеся до 15 декабря получаютъ художественный стѣнной календарь съ № 1-мъ «Радуги», оставшіе подписчики—въ началѣ февраля, такъ какъ при постоянно увеличивающемся числѣ подписчиковъ редакція заранѣе не можетъ опредѣлить необходимое количество экземпляровъ.

Подписька принимается во всѣхъ известныхъ книжныхъ магазинахъ, въ С.-Петербургѣ, кроме того у Ф. Петракъ, Невскій пр., № 8.

Гг. и ногородные адресуютъ въ Москву, въ редакцію журнала «Радуга», Столешниковъ пер., д. Корзинкина.

Редакторъ Д. А. Мамонтовъ. Издатель Л. Метцль.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ СТАРИНА“

1886 г. (СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ) 1886 г.

Цѣна за 12 книгъ съ гравированными лучшими художниками портретами ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Городские подписчики въ С.-Петербургѣ благоволять подписываться въ книжномъ магазинѣ г. ЦИНЗЕРЛИНГА на Невскомъ, д. № 46, противъ гостиничного двора, а въ Москвѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Мамонтова на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

И ногородные исключительно обращаются въ редакцію «Русской Старинѣ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подьяческая, домъ № 7.

Продается книга: «ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА, АННА и ВИЛЛИМЬ МОНСЬ», соч. М. Семевского, съ портретами и рисунками. Цѣна два руб. 50 коп. съ пересыпкою.

«СЛОВО и ДѢЛО», исторические очерки М. И. Семевского, съ рисунками пыткой въ XVIII в., третье издаіе. Цѣна два руб. съ пересыпкою.

Подписавшіеся въ октябрѣ и ноябрѣ 1885 г. на «Русскую Старину» изд. 1886 г., могутъ получить соч. М. И. Семевского за одинъ руб. 50 коп. каждую книгу.

Лица, возобновившія подписку на «Русскую Старину» изд. 1886 г. (по 10 декабря 1885 г.), могутъ получать за одинъ рубль: «АЛЬБОМЪ» портретовъ русскихъ дѣятелей, изд. ред. журнала «Русская Старина» (собраніе гравюръ Панненшмакера, Маттэ, Матюшина, Грачева и друг.).

„БИБЛІОГРАФЪ“,

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ и ИСКУССТВА.

(2-й годъ изданія).

Выходитъ ежемѣсячно выпусками въ 48—64 страницы, 8°. Каждый номеръ журнала состоитъ изъ двухъ отдѣловъ.

Въ I отдѣлѣ помѣщаются: 1) исторические материалы — всевозможныя разысканія и сообщенія о литературныхъ и художественныхъ древностяхъ, о театральной старинѣ, статьи и замѣтки по истории блигопечатанія, книжноторговой и издательской дѣятельности, извѣстія о писателяхъ и художникахъ, біографіи, некрологи и проч.; 2) техническія статьи по части графическихъ искусствъ; 3) обзоры современныхъ произведений литературы, науки и искусства — рецензіи и замѣтки о новыхъ книгахъ, разборы специальныхъ произведеній и т. п.; 4) разныя мелкія замѣтки, извѣстія.

Во II отдѣлѣ, преимущественно справочномъ, помѣщается полная библиографическая лѣтопись за истекшій мѣсяцъ, въ которую входятъ: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей и periodическихъ изданій; 3) rossica; 4) постановленія и распоряженія правительства по дѣламъ печати и т. п.; 5) объявленія.

Подписанная цѣна за годъ: съ доставкою и пересыпкою въ Россіи 5 р., за границу 6 р. Отдельно номеръ 50 к.

Подписька принимается въ чиновныхъ магазинахъ: М. Вольфа, Г. Гольде, «Нового Времени» (А. Суворина), М. Стасюлевича и друг. Гг. иногородные подписчики благоволять обращаться непосредственно въ редакцію (О.-Петербургъ, Измайловскій полкъ, 1 я рота, д. № 22, кв. № 5).

Редакторъ *Н. М. Лисовский*.

Самый дешевый иллюстрированный еженедельный журналъ

„ЛУЧЪ“.

Подписанная цѣна съ книгами и приложениемъ: за годъ съ пересыпкою 6 р., за полгода 3 р., за три мѣсяца 1 р. 50 к. Безъ книгъ за годъ 3 р., за пересыпку картинъ прилагается 10 семикопѣчныхъ марокъ.

За шесть рублей подписчики получатъ:

- 1) Пятьдесятъ два номера еженедельного иллюстрированного журнала; въ каждомъ номерѣ будетъ передовая статья С. С. Окр—ца.
- 2) Двѣнадцать книгъ романовъ оригинальныхъ и переводныхъ.

Бесплатные сюрпризы-преміи:

3) и 4) Картины: а) олеографическая большая картина русской школы, высокаго художественнаго исполненія; б) акварель—жанровая сценка.

5) Изысканный альбомъ видовъ, снимковъ съ лучшихъ картинъ русскихъ художниковъ, жанровыхъ сценъ и т. п., печатанныхъ на лучшей бристольской бумагѣ. Гравюры эти, отдельно переплетенные, составятъ цѣнныій и изящный томъ.

6) «Завоеваніе Перу», сочин. Прескотта, переводъ съ англійскаго. Большой томъ.

Въ 1885 г. редакція дала «Завоеваніе Мексики» того-же автора. Оба эти сочиненія исполнены высокаго историческаго достоинства. По своей занимательности—они далеко пречесходятъ интереснѣйшія произведения беллестристики. Въ отдельной продажѣ «Завоеваніе Мексики» и «Перу» будетъ стоить 10 рублей.

Ни одинъ журналъ, кроме «Луча», не даетъ премій подобной цѣнности и достоинства.

На пересыпку картинъ отдельно прилагается 10 семикопѣчныхъ марокъ.

Желающимъ подпісаться на одинъ журналъ «Лучъ» платить за 52 нумера три рубля.

Направленіе журнала, его характерные особенности, его рѣчи и редакція останутся тѣ же самыя, что были въ теченіе пяти минувшихъ лѣтъ.

Нашихъ прежнихъ подпісчиковъ просимъ поддержать наше изданіе и, если оно ими одобрется, рекомендовать своимъ знакомымъ.

Рекламъ и зазывательства въ газетахъ не будетъ. Наши теперешніе подпісчики пусть будутъ наими судьями и цѣнителями.

Адресъ редакціи: Соб., Николаевская, 41.

ГАЗЕТА „СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТИЯ“.

(XIX годъ изданія).

Открывая подиаску на новый, девятнадцатый годъ своего существования, *Современныя Извѣстія* не имѣютъ нужды говорить о своемъ направлении, непримѣнномъ во всѣ восемнадцать лѣтъ и извѣствомъ всей читающей Россіи. Содержаніе извѣстій и въ общемъ вышнее ихъ расположение также осталутся прежнія, но послѣдуютъ вѣкоторыя добавленія. Съ переходомъ въ настоящую типографію оказалось возможнымъ немногого удлинить форматъ и расширить текстъ.

Возстановляется прекратившія было отдельъ *Періодической Печати*.

Шестнадцать лѣтъ назадъ (въ 1870 г.) *Современныя Извѣстія* ввели ста первыя у себя. Задача этого отделья: представить движение общественной мысли въ Россіи. Такъ опредѣлили ее *Современныя Извѣстія* съ самого начала, и такъ будуть понимать ее въ посѣдѣстіи; забота будетъ приложена къ тому, чтобы изложеніе было точно и по возможности позитивно; чтобы отъ читателя не ускользнула ни одна свѣжая по общественному вопросамъ мысль, кѣль бы ни была она высказана, единомышленникомъ или противникомъ, согласная съ *Современными Извѣстіями* или ратующая противъ нихъ, лишь бы она давала предметъ новое освѣщеніе.

Возстановленъ будетъ, и притомъ въ большей полнотѣ, отдельъ торго-выхъ извѣстій. Московскія базарныя цѣни уже появились на страницахъ *Современныхъ Извѣстій* въ прежнія времена. Но редакція имѣть въ виду давать картину всего московскаго рынка и товарного и фондового, въ полнотѣ.

Не оставлена будетъ безъ вниманія сельско-хозяйственная жизнь. Читатель найдетъ у насъ свѣдѣнія, въ которыхъ пуждается деревня,—та деревня, куда теперь устремляются сънова бытовыя, просвѣщенія силы изъ «от-хокаго промысла», увлекшаго было ихъ за цѣлую четверть вѣка въ буржу-азиную сферу концессій и спекуляцій.

Приложено будетъ стараніе къ сосредоточенію свѣдѣній въ Днѣпровъ Обозрѣніи, и кроме обозрѣнія иностранной политики, подобнымъ образомъ ежедневно будетъ резюмироваться движение политическихъ и общественныхъ событий и внутри отечества.

Приняты все мѣры и, кажется, вполнѣ обеспечены способы къ тому, чтобы доставка и пересылка газеты совершилась своевременно и безъ перерыва. Ивангородскимъ подписчикамъ, въ частности, не будетъ задержки въ доставленіи газеты ни одного дня по получениіи отъ нихъ требованія и заявленія.

Съ доставкою въ Москвѣ: на 12 мѣсяц. 9 р., 11 мѣсяц. 8 р. 40 к., 10 мѣсяц. 7 р. 80 к., 9 мѣсяц. 7 р. 20 к., 8 мѣсяц. 6 р. 60 к., 7 мѣсяц. 6 р., 6 мѣсяц. 5 р. 40 к., 5 мѣсяц. 4 р. 60 к., 4 мѣсяц. 3 р. 70 к., 3 мѣсяц. 2 р. 80 к., 2 мѣсяц. 1 р. 90 к., 1 мѣсяц. 1 р. Съ пересылкою на

города: на 12 мѣсяц. 10 р., 11 мѣсяц. 9 р. 40 к., 10 мѣсяц. 8 р. 70 к., 9 мѣсяц. 8 р., 8 мѣсяц. 7 р. 30 к., 7 мѣсяц. 6 р. 50 к., 6 мѣсяц. 5 р., 70 к., 5 мѣсяц. 4 р. 80 к., 4 мѣсяц., 3 р. 90 к., 3 мѣсяц. 3 р., 2 мѣсяц. 2 р., 1 мѣсяц. 1 р.,

Примѣчаніе: Для выписывающихъ газету въ одномъ экземплярѣ, разсрочки и уступки противъ обозначенныхъ выше цѣнъ не допускаются.

Приемъ подписки въ Москвѣ: въ Конторѣ Современныхъ Извѣстій, Знаменка, домъ Навродского, противъ Румянцевскаго музея; въ Конторѣ Товарищества М. Г. Кувшинова, на Барваркѣ; въ чайномъ магазинѣ торгового дома К. Е. Киселева, Срѣтенка, домъ № 10.

Вмѣстѣ съ подпиской на *Современные Извѣстія*, принимается тамъ же подписка на автобиографическія воспоминанія Н. Гизярова-Платонова (редакторъ *Современныхъ Извѣстій*), пѣющія выдѣлъ въ концу года въ двухъ томахъ (свыше 20 листовъ въ каждой) подъ заглавиемъ *Изъ Переѣзжанія*. Цѣна книги 3 рубля (съ пересылкой 3 руб. 50 к.). Выписывающіе *Современные Извѣстія* въ цѣнѣ годъ получаютъ *Изъ Переѣзжанія* за 2 руб. (съ пересылкой 2 руб. 50 коп.).

БОЛЬШАЯ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА.

ТРИДЦАТЫЙ *Н Е В А*⁶⁶ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

52 номера самого большого формата, въ два листа каждый номеръ, съ изящными иллюстраціями и множествомъ разнообразныхъ и тщательно разработанныхъ статей по политикѣ, наукѣ, искусству, литературѣ и проч. и проз.

КЪ НИМЪ БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМИИ:

12 книгъ избранныхъ романовъ и повѣстей, подъ общимъ названіемъ «Читальня», при чёмъ каждая книга будетъ заключать законченный романъ, чего не дѣлаетъ ни одно периодическое изданіе въ Россіи, у которыхъ обыкновенно печатаніе романовъ затягивается на чѣсколько мѣсяцевъ. Въ отдѣльной продажѣ эти книги будутъ стоить не менѣе двѣнадцати рублей, и сверхъ того, газетою, кроме большаго количества художественныхъ картинъ, гравюръ, иллюстраций и т. п., будетъ дано еще 3 большихъ роскошныхъ картины изъ русской жизни: два пейзажа и одна бытовая, художественно выполненныхъ масляными красками и стоющими пятнадцать рублей. Картины эти, вставленія въ рамы, могутъ служить прекраснымъ украшеніемъ комнатъ. Желающіе получить картины не измятыми и не затерянными на почтѣ доплачиваютъ 1 р. 25 коп. дешьгами.

*Редакція и Главная Контора газеты «Нева»: С.-Петербургъ, Невскій пр.,
домъ № 64, противъ Аничкина Дворца.*

«Нева» будет выходить еженедельно, № № большого формата, превышающего, всю еженедельную издания, съ изящными иллюстрациями и заключать все отдыши нашихъ газетъ и журналовъ, а именно: 1) официальный отдыши правительственныхъ распоряжений и узаконений; 2) Внутрення и иностранная новостія: политическая обзорка внутренней и иностранной жизни, законодательной деятельности и проч.; 3) Полулярные статьи по всѣмъ областямъ знанія: философіи, богословіи, государственному праву со всѣми его подраздѣленіями, политической экономіи, законодательству, естествознанію, финансамъ, промышленности, земледѣлію, торговлѣ и проч.; 4) Изящная словесность: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, мемуары, путешествія и проч.; 5) Статьи изъ области искусства—живописи, скульптуры, музыки и театра; критическая статьи и рецензіи по всѣмъ выдающимся явленіямъ; 6) Фельетоны изъ жизни; 7) Хроника столичная, провинциальная, судебная, финансовая, биржевая и торговая; 8) Критика и библиографія; обзоръ текущей печати: газетъ, журналовъ и проч.; 9) Смѣсь: анекдоты, шарады, общеполезныя свѣдѣнія, советы и рецепты изъ области искусства, ремесла, хозяйства сельского и домашняго, медицины и гигіиены: пища, жилище, одежда, кухня, косметики и проч. проч.; 10) Корреспонденціи изъ Россіи и заграницы; 11) Почтовый ящики: отвѣты редакцій, переписка частныхъ лицъ между собою и проч., и 12) Объявленія и рекламы.

«Нева», независимо отъ изложенаго, совершило измѣнится и со стороны художественной. Новообразованная редакція не столько будетъ заботиться о количествѣ рисунковъ, сколько о ихъ качествѣ, главище же всего о томъ, чтобы рисунки эти вносили русскій характеръ, служили иллюстраціей русской жизни и пробуждали честными мысли и хорошия возвышенныя чувства.

Подпись на газету «Нева» со всѣми бесплатными преміями: Безъ доставки и пересылки на годъ 5 р., 50 к., на полгода 3 р., на три мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяцъ 70 к. Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи на годъ 7 р., на полгода 4 р., на три мѣсяца 2 р. 50 к., на одинъ мѣсяцъ 85 к. Заграницу на годъ 9 р., на полгода 5 р., на три мѣсяца 3 р., на одинъ мѣсяцъ 1 р. 25 к.

Преміи получаютъ только годовые подписчики. Подпись съ разсрочкою допускается на слѣдующихъ условіяхъ: тотчасъ при подпискѣ уплачиваются три рубля, въ концѣ марта—два рубля и въ концѣ іюня—остальные два рубля. Служашіе чрезъ своиъ казначеевъ или уполномоченныхъ вносятъ по мѣсячино впередъ за каждый мѣсяцъ. Подписчики съ разсрочкою, уплатившіе въ срокъ подпискы деньги за годъ, пользуются всѣми преміями наравнѣ съ остальными годовыми подписчиками. Подписавшіе на 10 экземпляровъ «Невы» получаютъ одиннадцатый со всѣми преміями бесплатно.

КЪ СВѢДѢНІЮ ПРЕЖНИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ ГАЗЕТЫ «НЕВА».

Новый издатель, пріобрѣти издаває отъ кредиторовъ прежнаго издателя, никакихъ обязательствъ послѣдняго въ отношеніи удовлетворенія прежнихъ

подписчиковъ на себя не принималъ. Не смотря на это, новая редакція го-
това оказать особы льготы всѣмъ прежнимъ годовымъ подписчикамъ и со-
гласна удовлетворить годовымъ экземпляромъ «Невы» со всѣми преміями
всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, которые вышли до 1 января 1886 года въ главную
контору газеты «Нева», вместо полной подписной цѣны семь рублей, только
четыре рубля, т. е. оплатить стоимость бумаги и почты.

„В О Л Ы Н Ъ“,

Газета политическая, литературная и общественной жизни.

Вступая въ восьмой годъ своего существованія, съ будущаго 1886 года,
газета «Волынь» будетъ выходить три раза въ недѣлю, по слѣдующей про-
грамѣ:

1. Руководѣція статьи по городскому самоуправлению и по вопросамъ
жизни и нуждъ юго-западнаго края вообще и въ особенности Волынской гу-
берніи. 2. Телеграммы. 3. Городская хроника. 4. Хроника Волыни и запад-
наго края: текущія события и статьи научнаго содерѣженія. 5. Извѣстія о
важнѣйшихъ событияхъ въ остальной Россіи. 6. Политическое обозрѣніе ино-
странныхъ государствъ. 7. Новые открытія и изобрѣтѣнія. 8. Библиографи-
ческій отдѣлъ. 9. Разныя извѣстія. 10. Биржевые свѣдѣнія. 11. Свѣдѣнія о
разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской
губерніи. 12. Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ
учрежденій и 13. Фельетоны.

*Подписька принимается въ г. Житомирѣ, въ Конторѣ Редакціи, Бер-
дичевская ул., д. Рубинштейна.*

Подписная цѣна: Съ доставкой и пересыпкой во всѣ города Россійской
имперіи. На годъ 5 р., на полгода 2 р. 80 к., на три мѣсяца 1 р. 50 к.

Вместо мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики на леремѣну адреса прилагають къ под-
писной цѣнѣ 20 к.

Иллюстрированный Журналъ „ТЕХНИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ“

новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ
заводско-фабрічной промышленности со специальными отдѣлами электротех-
ники, винокуренаго, пивоваренаго, сахарного, мукомольнаго, кисчебумаж-
наго и кожевенаго производства.

Программа журнала; 1) Узаконенія и распоряженія заводско-фабріч-
ныхъ. 2) Электротехника. 3) Винокуреніе. 4) Пивоваренное производство.

5) Сахарное производство. 6) Мукомольное производство. 7) Писчебумажное производство. 8) Кожевенное производство. 9) Технологія, какъ-то: кирпичное, крахмальное, маслобойное, мыловаренное, прядильное, свѣчное, суконное, ткацкое и проч, производства. 10) Химія, 11) Механика. 12) Горное дѣло и металлургія. 13) Техно-химические рецепты и наставления. 14) Гигиена и санитарное дѣло. 15) Патенты. 16) Правиллегіи. 17) Вопросы и отвѣты. 18) Техническая бібліографія. 19) Смѣсь. 20) Объявленія.

Журналъ выходитъ 15 и 30 числа каждого мѣсяца, въ 4—5 печатныхъ листовъ большаго формата, со многими политипажами въ текстѣ.

Подписная цѣна за 1 годъ съ пересылкою 10 руб. «Техническій Обзоръ» за 1882, 1883, 1884 и 1885 гг. можно получать по 10 руб., съ пересылкою за каждый годъ.

Контора Редакціи «Техническій Обзоръ» въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., № 40.

Вышло изъ печати сочиненіе инженера Тильмана «ПОДРОБНОЕ РУКОВОДСТВО къ УСТАНОВКѢ и ПОСТРОЙКѢ ПАРОВЫХЪ КОТЛОВЪ» всѣхъ лучшихъ системъ, съ подробнымъ разсчетомъ паровиковъ, дымогарныхъ трубъ, арматуры и проч., съ указаниемъ надежныхъ предохранительныхъ правилъ противъ взрыва, а также съ указаниемъ на рациональное утилизированіе топлива и на новѣйшія усовершенствованія въ отоплениі паровыхъ котловъ сжиганіемъ дцима—чистѣйшаго въ лучшаго горючаго материала.

1 большой томъ въ 40 печатныхъ листовъ, съ 406 политипажами.

Это замѣтальнѣйшее сочиненіе становится необходимымъ руководствомъ для каждого заводчика, фабриканта, владѣльца паровыхъ котловъ, механика, техника, техническаго училища и проч.

Цѣна 6 рублей, въ Редакціи «Техническаго Обзора» въ Спб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА КНИГУ

„ПРАКТИЧЕСКИЕ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКИЕ РЕЦЕПТЫ“ 1500

новѣйшихъ и полезнейшихъ открытій, усовершенствованій и патентованныхъ изобрѣтеній въ областяхъ: винокуренного, водочного, воскобойного, горчичного, kleеваренаго, кожевенного, косметического, красильного, красочнаго, крахмального, лакового, маслобойного, машиннаго, механическихъ издѣлій, мукомольного, мыловареннаго, пивовареннаго, писчебумажнаго, сахариаго, свѣчнаго, ситцепечатнаго, скорняжнаго, слесарнаго, спичечнаго, стекляннаго, суконнаго, уксуснаго, табачнаго, фарфороваго, фаянсоваго, шоколаднаго и прочихъ производствъ.

Подписная цѣна 2 рубля, въ переплѣтѣ 2 руб. 50 коп. Подписка принимается въ Редакціи журнала «Техническій Обзоръ», въ Сиб.

Иллюстрированный журналъ рационального веденія всѣхъ отраслей сельского хозяйства съ цѣлью получения наибольшаго дохода

„ПРОГРЕССИВНОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“,

издающійся при постоянномъ сотрудничествѣ профессоровъ высшихъ учебныхъ земледѣльческихъ заведеній и хозяевъ-практиковъ, подъ редакціей Л. А. Червоглазова.

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ большаго формата съ бесплатнымъ приложеніемъ литературы политического журнала «Еженедѣльный Обзоръ».

По примѣру истекающаго года, въ журналѣ «Прогрессивное Сельское Хозяйство» каждая отрасль сельского хозяйства будетъ имѣть свой отдѣлъ, который будетъ разрабатываться съ возможною полнотою. Программа: 1) Полеводство. 2) Лѣсоводство. 3) Скотоводство и птицеводство. 4) Садоводство и огородничество. 5) Пчеловодство. 6) Сельскохозяйственная механика и архитектура. 7) Вопросы и отвѣты по всѣмъ отраслямъ сельского хозяйства. 8) Сельскохозяйственная хроника. 9) Полезныя замѣтки для сельскихъ хозяевъ и хозяекъ. 10) Домашняя медицина, гигиена и санитарное дѣло. 11) Внутренніе и иностранные рынки. При статьяхъ помѣщаются политипажи въ текстѣ и отдѣльные рисунки.—Журналъ «Еженедѣльный Обзоръ» даетъ въ каждомъ номерѣ краткую, но обстоятельную характеристику выдающихся событий русской и иностранной жизни, романы, новости, небольшие рассказы изъ области науки, искусства и художествъ и т. п.

Благодаря сочувству гг. хозяевъ, редакція, не смотря за значительный объемъ своего изданія (не менѣе 200 печатныхъ листовъ въ годъ), миожество дорого стоящихъ рисунковъ и т. п., входитъ возможнымъ оставить прежнюю цѣну, т. е. съ доставкою и пересылкою шесть руб. въ годъ за оба изданія. По примѣру прошлаго года, лица, подписавшіяся до 1-го января, получаютъ при одномъ изъ первыхъ четырехъ № журнала разныя огородныя и цветочныя сѣмена.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Прогрессивного Сельского Хозяйства» за 1884 и 1885 гг. могутъ быть получены изъ редакціи по 6 р. безъ пересылки.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА СБОРНИКЪ

„ПРАКТИЧЕСКИЕ НАСТАВЛЕНІЯ, УКАЗАНІЯ И РЕЦЕПТЫ“,

примѣненные въ домашнемъ, городскомъ и сельскомъ хозяйствахъ, состоящіе изъ: 1,000 полезныхъ наставлений и указаний относительно приготовленія разнаго рода съѣстныхъ пріямесовъ и консервовъ, а также и приготовленія мыза, помадъ, душпстыхъ водъ, черниль, красокъ и проч.; выведенія раз-

личныхъ патенъ, истребленія всякаго рода насѣкомыхъ; 250 домашнихъ средствъ отъ различныхъ болѣзней; 500 средствъ на счетъ ухода и лѣченія лошадей, рогатаго скота, овецъ, свиней, птицы и проч., и 250 полезныхъ замѣтокъ на счетъ разведенія цвѣтовъ, растеній, плодовъ и проч.

Тутъ-же продаются:

1) Культура пшеницы, монографія профессора Я. Н. Калиновскаго. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

2) Печатается сочиненіе Гравенгорста «Практическій часбчикъ» съ 56 рисунками; переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Цѣна съ пересыпкою 2 рубля.

Контора редакціи помѣщается въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., д. № 40.

ГАЗЕТА „ЗАРЯ“ (шестой годъ изданія).

«Заря» въ 1886 году будетъ выходить лодь той же редакціей, по прежней программѣ, ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ праздничныхъ, листками большаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою и пересыпкою: на годъ 10 руб., на шесть мѣсяцевъ 6 р., на три мѣсца 4 руб., на одинъ мѣсяцъ 1 руб. 50 коп.

Безъ доставки: на годъ 8 руб., на шесть мѣс. 5 руб., на три мѣс. 3 руб., на одинъ—1 р.

Заграничные подписчики прибавляютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяцъ.

Подпись считается съ 1 и 15 числа каждого мѣсяца.

За перепѣну иногороднаго адреса 20 коп.

За разсылку при газетѣ приложеній взимается по 5 р. за 1000 экземпляровъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 5 руб. и черезъ пять мѣсяцевъ вторые 5 руб.

Подпись принимается, въ Киевѣ: 1) въ главной конторѣ «Заря»: Кре-щатикъ, зданіе Городской Думы. 2) въ Подольскомъ отдѣлѣніи конторы, Александровская, д. Серебренникова, 3) въ книжныхъ и музыкальныхъ магазинахъ Болеслава Корейво въ Киевѣ и въ Одессѣ, 4) въ книжномъ магазинѣ Н. Оглоблина на Крещатикѣ.

Требованія по почтѣ адресуются непосредственно въ Киевъ, въ Главную Контору «Заря».

„КІЕВСКІЯ УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТИЯ“.

выходятъ въ концѣ каждого мѣсяца книжками до 20 и болѣе печатныхъ листовъ.

Программа «Извѣстій» слѣдующая: Часть I—официальная (протоколы, отчеты и т. п.); Часть II—неофициальная: отдѣлъ I—историко-филологический; отдѣлъ II—юридический; отдѣлъ III—физико-математический; отдѣлъ IV—медицинский; отдѣлъ V—критико-бібліографический—посвящается критическому обозрѣнію выдающихся явлений ученой литературы (русской и иностраннной); отдѣлъ VI—научная хроника—заключаеть въ себѣ извѣстія о деятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. съѣзженія. Въ Прибавленіяхъ печатаются материалы и переводы сочиненій, а также указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюдений и т. п.

Цѣна за 12 книжекъ «Извѣстій» безъ пересыпки шесть рублей пятьдесятъ коп., а съ пересыпкою семь рублей. Подписчики «Извѣстій», при выпискѣ Приложенийъ, пользуются уступкой 20%.

Студенты Университета Св. Владимира платятъ за годовое изданіе «Университетскихъ Извѣстій» 3 руб. сер., а студенты прочихъ университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иностранные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правление Университета Св. Владимира.

Редакторъ *В. Иконниковъ*.

ГОДЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ХХIII. „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“

Журналъ этотъ состоять подъ Высочайшимъ Покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны. Рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народного Просвѣщенія—для гимназій, уѣздныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ, состоящихъ при IV отд. Собств. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи, Учебнымъ Комитетомъ для чтенія воспитанницамъ женск. учебн. заведеній Императрицы Маріи, Духовно-учебнымъ Управлениемъ рекомендованъ начальствомъ духовныхъ семинарій и училищъ и Главнымъ управлениемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендованъ для бібліотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ издавающее обильный материалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтобы первыи отдѣлъ изданія, состоящий изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинами, рас-

падался на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила бы вполнѣ пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми до 14 лѣтъ, а вторая — для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ, другой же отдѣль заключалъ бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленыя для семейнаго чтенія такъ, чтобы всѣ члены семьи пали въ этомъ отдѣль вещи, которымъ прочлились бы съ одинаковыми интересами и пользой.

Въ отдѣль для семейнаго чтенія въ 1886 году будетъ напечатана историческая повѣсть В. С. Соловьевъа.

При отдѣль для Семейнаго чтенія будутъ разсыпаться приложениа рисунковъ новѣйшихъ рукодѣлій, а къ отдѣлу для дѣтей — рисунки техническаго искусства и различныя игры и занятія, а также Награды подпісчикамъ, приславшимъ опредѣленное редакціей количество задачъ и решений.

Награды будутъ состоять изъ сочиненій лучшихъ авторовъ, какъ русскихъ, такъ и иностраннныхъ.

Кромѣ того всѣмъ подпісчикамъ на оба отдѣла «Семейныхъ Вечеровъ» будетъ разослана въ концѣ года ПРЕМІЯ.

Подпісная цѣна: Позывной журналъ (24 книжки) безъ доставки 10 р., съ доставкою 11 р., Отдѣль для дѣтей (12 кни.) безъ доставки 5 р., съ доставкою 5 р. 50 к., Отдѣль семейнаго чтенія и юношества (12 кни.) безъ доставки 5 р., съ доставкою 5 р. 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подпісавшихся на позывной журналъ и обращающихся прямо въ редакцію, уступается 1 руб.

Для земскихъ школъ, подпісавшихся не менѣе, какъ на 25 позывныхъ экз., уступается 2 р.

Разсрочка допускается, для лицъ, служащихъ въ казен. учрежденіяхъ, за ручательствомъ гг. казначеевъ, для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній за ручательствомъ ихъ начальствъ, а для прочихъ подпісчиковъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ не паче, какъ по соглашенію съ редакціей.

Подпіска принимается: Въ редакціи журнала „Семейные Вечера“, С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) улица, д. № 14, кварт. № 1.

Редакторъ-Издательница С. Каширова.

„МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА“,

Ежемѣсячный журналъ, выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 листовъ большаго формата и убористаго шрифта.

Въ составъ его входятъ: I. Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ практической и научной медицины, общественной и частной гигіиенѣ. II. Избранныя и въ какомъ либо отношеніи примѣчательныя произведенія

иностранный литературы по всѣмъ отраслямъ клинической медицины, въ видѣ руководствъ, учебниковъ, коммѣдіумовъ и лекцій, редакторъ преимущественно профессорами-специалистами, рефераты и хроники. III. Объявленія.

Годовая цѣна: съ доставкой и пересылкой 17 руб., безъ доставки и пересылки 15 руб., съ пересылкой за граммцу 19 руб.

Для гг. студентовъ университетовъ, фельдшеровъ и лекарскихъ помощниковъ съ пересылкой за годъ 14 р.

Въ конторѣ редакціи допускается разсрочка съ доставкой: при подпискѣ 7 р., 1 апреля 5 р. и 1 сентября 5 р., безъ доставки: въ тѣ же сроки по 5 р. Студенты вносить при подпискѣ 4 р., 15 марта 4 р., 1 мая 3 р. и 1 сентября 3 р. Допускается и другая разсрочка по соглашенію съ конторой.

Подписчики за 1884 г. получать бесплатно «Медицинскій Календарь».

За 12 книгъ 1882 г. съ пересылкой 18 руб.

За 12 книгъ 1883 г. съ пересылкой 18 руб.

За 12 книгъ 1884 г. съ пересылкой 18 руб.

«Медицинская Библіотека» отдѣльн. кн. цѣна 3 р.

За перемѣну адреса прилагается 50 коп., при чёмъ просить обозначать прежний.

Всѣ печатающіяся въ Медицинской Библіотекѣ сочиненія могутъ быть переплетены отдѣльно.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ у издателя Николая Львовича Вилькина, Знаменская, Озерной переулокъ, собственный домъ, № 12; въ Москвѣ, въ отдѣлении конторы журнала «Медицинская Библіотека», на Рождественской, противъ клиники, въ домѣ Фирсанова и въ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ Ординарный Профессоръ И. М. Сорокинъ.

Издатель Н. Л. Вилькинъ.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“.

Приближаясь къ четверти вѣка своего существованія и оставаясь неизменнымъ въ однихъ въ тѣхъ-же рукахъ, «Русскій Архивъ» не имѣть надобности ни разъяснять своего направленія, ни прибѣгать къ посуламъ и заявамъ. Ему остается изыскать читателей лишь о выѣшшей сторонѣ дѣла.

«Русскій Архивъ» будетъ выходить въ 1886 году двѣнадцать разъ въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ. Двѣнадцать выпусковъ «Русскаго Архива» 1886 года составлять три большихъ книги, каждая съ особымъ счётомъ страницъ и избучнымъ указателемъ. Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1886 году съ пересылкою и доставкою на домъ—девять р.

Для Германіи одиннадцать рублей; для Франціи, Италии, Англіи и остальныхъ странъ двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ главной конторѣ «Русского Архива», близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175.

Въ Петербургѣ подпись на «Русский Архивъ» открыта на Невскомъ Пр-спектѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мелье и «Нового Времени».

Люди, желающие пополнить свое собрание Русского Архива за всѣ двадцать три года издания, могутъзнакомиться съ содержаниемъ особо изданной Росписи за первый двадцать лѣтъ, которая была разослана подписанщикамъ 1884 года и которую можно получать отдельно (по одному рублю ст. пересылкою). Кроме того, на оберткахъ вышѣшаго года печаталось подробное содержание Русского Архива за тѣ годы, которые еще имѣются въ продажѣ, а именно: 1874, 1877, 1878, 1879, 1880, 1881 и 1884 г. г. Несколько полныхъ экземпляровъ 1885 года также еще находятся въ продажѣ. Остальные годовые издания давно уже вышли изъ обыкновенной продажи, и вѣкотория изъ нихъ сдѣлались книжною рѣдкостью, такъ что за нихъ приходится платить двойную цену.

Контора Русского Архива принимаетъ за себя составленіе полнаго со-брания за всѣ двадцать три года, по ценѣ

ДВѢСТИ РУБЛЕЙ

съ пересылкою, но не иначе, какъ въ полугодовой срокъ по заявлению и съ получениемъ впередъ ста рублей.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МИРЪ.“

(ЧІП ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Большой иллюстрированный журналъ, представляющій, въ картинахъ и текстѣ, всѣ выдающіяся события міровой жизни.

Подписанная цѣна на годъ 4 р., безъ доставки и 5 р., съ доставкою и пересылкою. Журналъ выходитъ еженедѣльно, т. е. 52 № въ годъ; всего ококо 1000 гравюръ и до 1200 страницъ.

Каждый № заключаетъ подробное и обстоятельное изложеніе событий истекшей недѣли.

Это необходимое изданіе: для семьи, публичныхъ и частныхъ библіотекъ, клубовъ, отелей.

Журналъ даетъ:

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРИЛОЖЕНИЯ, въ которыхъ, въ теченіи года, помѣщаются наиболѣе выдающіяся беллетристическія произведения корнеевъ иностранной литературы.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНИЯ, представляющія снимки съ новѣйшихъ капитальныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

НОВЬЙШІЯ ПАРИЖСКАЯ МОДЫ съ выкройками въ натуральную величину. Въ годъ около 500 рисунковъ модъ съ описаниями.

Годовые подписчики «Иллюстрированного Mира» получают, кроме всего, еще главную бульшую премию: РОСКОШНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ АЛЬБОМЪ, состоящій изъ двадцати фотографическихъ снимковъ съ классическихъ произведеній знаменитыхъ художниковъ: русскихъ, итальянскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ. Каждая фотографія сопровождается портретомъ художника, его біографіею и описаниемъ картины.

Годовые подписчики, заявивши свои требованія до 15 декабря, получаютъ съ 1 № журнала: ОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ за 1886 г. Компактный, тщательно составленный, устрашающій необходимость приобрѣтенія даже толстаго календаря.

Допускается подпись въ разсрочку: при подпискѣ 2 р., къ 1-му марта 1 р., къ 1-му іюля 1 р., и къ 1-му сентября 1 р.

Желающіе ознакомиться съ журналомъ могутъ получить пробный № за дав 7-ми конфечными марки.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 76.

Редакторъ-Издатель В. П. Турби.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ НА СУШЬ И НА МОРЬ

„ВОКРУГЪ СВѢТА“.

(II ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Выходъ въ свѣтъ журнала «Вокругъ Свѣта» въ 1885 году ознаменовалъ еще небывалымъ успѣхомъ. Спросъ на журналахъ былъ такъ великъ, что редакція принуждена была послѣдовательно выпустить до восьми изданій первыхъ №№.

Выполнивъ свою обширную программу и давъ своимъ читателямъ за ничтожную цѣну массу въ высшей степени интереснаго и полезнаго чтенія и рисунковъ, въ 1886 году редакція будетъ стараться сдѣлать свой журналъ еще болѣе полнымъ, интереснымъ и разнообразнымъ.

Въ 1886 году журналъ будетъ выходить еженедѣльно въ размѣрѣ 2 хъ печатныхъ листовъ, вмѣщаю въ себѣ много интересныхъ и прекрасно выполненныхъ рисунковъ и иллюстрацій. Текстъ журнала будетъ состоять изъ романовъ (съ рисунками), полныхъ захватывающаго интереса, изображающихъ путешествія и приключения во всѣхъ частяхъ свѣта: поэстей, разказовъ, этнографическихъ очерковъ, рисующихъ бытъ различныхъ народовъ; исторіи путешествій, а также новѣйшихъ открытій и вслѣдований въ малопозѣстныхъ странахъ; популярно-научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знавія, рассказанныхъ живыми и понятными языкамиъ; исторіи мореходства, кораблекрушений, пиратовъ, знаменитыхъ экспедицій, морскихъ сраженій и проч.; кроме того журналъ будетъ давать интересныя сведения о текущихъ событияхъ всего свѣта, описание городовъ, корреспонденціи изъ далѣкихъ окра-

инъ, известія о новѣйшихъ научныхъ открытияхъ и изобрѣтеніяхъ, всѣ виды спорта и смѣсь. Особое вниманіе будетъ обращено на жизнь Россіи и народовъ, ее населяющихъ.

Годовое изданіе журнала «Вокругъ Свѣта» состоитъ изъ 50 №№, состоящихъ 2 объемистыхъ тома, вмѣщающихъ въ себѣ около 300 большихъ рисунковъ и нѣсколько заключенныхъ иллюстрированныхъ романовъ.

Подписная цѣна: 3 руб. въ годъ съ пересылкой и доставкой, 2 руб.

$\frac{1}{2}$ года съ пересылкой и доставкой и 1 руб. въ 3 мѣсяца съ пер. и дост.

Иногородные подписчики адресуютъ: Москва, Редакція журнала «Вокругъ Свѣта».

„СТРАННИКЪ“

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОДЪ НОВОЙ РЕДАКЦІЕЙ).

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей и по новой программѣ.—Въ минувшемъ 1885 году въ отдѣлахъ богословскаго, философскаго, церковно историческаго, литературного и публицистического содержанія были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи: Сущность Христіанства, какъ союза Бога съ человѣкомъ. Епископа Никанора.—Христіанство и наука. Его-ж. —Судъ Церкви и въ Церкви. Его-ж.—Разности въ ученіи о Церкви у православныхъ и западовѣт. Прот. А. Л. Лебедева.—Невидимый міръ. Новая постановка вопроса объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ. А. И. Лопухина.—О народномъ образованіи въ древней Руси. Свящ. Маркова.—Русскій Патріархъ въ ежедневной придворной жизни и въ высшемъ государственномъ управлениі. И. Ф.—са.—Преосвященный Иринархъ. М. А. Куплетская.—Арсений Мацѣевичъ и его дѣло. И. Я. Морошкина.—Іезуиты въ Константинополѣ въ XVI—XVII вв. С. Четыркіна.—Православіе въ остзейскомъ краѣ въ текущемъ столѣтіи. М. А. Куплетского.—Ревизія въ остзейскомъ краѣ въ загравничной пѣменецкой характеристики. Его-ж.—Изъ Путешествія въ св. землю. Проф. Кавальницкаго.—Правда противъ хулы (въ защиту митроп. Серафима). Епископа Никанора.—Цѣльный ёздъ статей (между прочими всл апостольская книга) былъ посвященъ памяти св. Кирилла и Меѳодія и между ними были поученія еп. Никанора, покойн. архіеп. Тихона, статьи св. Маркова, проф. Будиловича, А. И. Пономарева, Лебедева, Качановскаго и др. Повѣсти и разсказы: Псалтырникъ. И. Гр. Наумовича.—Наканунѣ Рождества. Исторический разсказъ. X.—Гдѣ уродился, тамъ и пригодился Памяти мужицкаго-дѣвца дьячка. И. Попова.—По окончаніи курса. Изъ разсказовъ старого священника. П. Соловьевъ.—Кромѣ этихъ статей, въ журнале ежемѣсячно велась отдѣль: Внутреннее обозрѣніе, Епархиальная Хроника, Церковная жизнь на западѣ (у католиковъ и протестантовъ и уславленій Австро-Венгрии) и въ земляхъ славянскихъ, Обзоръ журналовъ,

Критические и библиографические отчеты о важнейших явлениях церковной и церковно-богословской литературы, *Книжная Литопись*, *Церковно-официальная Хроника*, *Известия и заметки*.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписанія плата: съ пересыпкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ; съ пересыпкою загравицу ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ. Адресоваться: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели: *A. Васильковъ*. — *A. Покомаревъ*.

Иллюстрированный журналъ для дѣтей

„РОДНИКЪ“

(У ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

Въ 1886 году «Родникъ» будеть выходить, при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, 1-го числа каждого мѣсяца книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, со многими рисунками. Выборъ статей принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ и состоить главнымъ образомъ изъ оригинальныхъ очерковъ и разсказовъ изъ русской жизни и природы.

Въ видѣ преміи годовые подписчики на «Родникъ» 1886 г. получать тетрадь-альбомъ, подъ познаніемъ:

«ПО РУССКОЙ ЗЕМЛІ», состоящій изъ 10 картинъ художника *И. Н. Каразина* по этнографіи Россіи, съ соотвѣтствующимъ текстомъ.

Приложение къ «Роднику»: педагогическій сборникъ «Воспитаніе и Обученіе» будеть выходить въ 1886 году по прежнему, книжками, 3 раза въ годъ.

Журналъ «Родникъ» Учеными Комитетами: Собственной Его Императорскаго Величества Кавалеріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, Министерства Народнаго Просвѣщенія и Святѣшшаго Синода рекомендованъ, допущенъ и одобренъ для среднихъ учебныхъ заведеній и для епархиальныхъ городскихъ и народныхъ училищъ.

Условія подписки на 1886 г. прежнія:

На годъ, съ дост. и перес. за 12 книгъ «Родника», съ отдельной преміей, 5 р., тоже съ приложеніемъ 3-хъ книгъ сборника «Воспитаніе и Обученіе» 6 р., на полгода безъ преміи и безъ сборника 3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ — въ Главной Конторѣ «Родника», Никольская плод., д. 4 и въ книж. маг. Феау и Ко на Невскомъ; въ Москвѣ — въ книж. магаз. «Сотрудникъ Школъ» Воздвиженка, д. Армандъ и «Начальная Школа», на Кузнецкомъ мосту. Иногородные адресуютъ прямо: Петербургъ, въ редакцію журнала «Родникъ».

Редакторъ-Издательница *E. Сысоева*.

„КОЛОСЬЯ“

ГОДЪ З-Й. БОЛЬШОЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ. З-Й ГОДЪ.

Выходитъ ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книгами
около 25 печатныхъ листовъ, въ изящномъ видѣ.

Два года тому назадъ мы поставили себѣ трудную задачу: создать большой научно-литературный журналъ съ обширною программою, съ художественно прогрессивнымъ направлениемъ, основаннымъ на лучшихъ литературныхъ традиціяхъ, съ цѣлями систематически воспитывать изящные вкусы и доставлять разнообразіемъ своего содержанія интересное чтеніе публикѣ стольже разнообразной. При этомъ исполненіе задачи соединено было съ другимъ еще болѣе труднымъ условіемъ—не бывало доселе дешевизною для большихъ ежемѣсячныхъ изданій. Мы желали, что бы журналъ нашъ былъ доступенъ не только большинству публичнымъ библиотекамъ и богатымъ людямъ, но чтобы онъ проникъ и въ скромное книгохранилище любого сельскаго или городскаго училища, и въ среду небогатыхъ офицеровъ, въ семью священника, учителя чиновника, купца и т. д.—всюду, где люди не имѣютъ другихъ источниковъ эстетического наслажденія помимо художественной литературы.

Опытъ нашъ, по истеченіи двухъ лѣтъ, мы считаемъ вполнѣ удавшимся. За все это время мы получали массу сочувственныхъ отзывовъ о журналѣ и кругъ его читателей возрастаѣтъ и продолжаетъ возрастиать. Мы не прибѣгали къ какой заманчивой рекламѣ, которая, къ стыду нашего времени, и до сихъ поръ еще обусловливаетъ успѣхъ многихъ литературныхъ предприятій спекулятивнаго характера, но за вѣсъ рекламировало самое дѣло, само изданіе. Тотъ, кому попадалась хотя одна книжка журнала „КОЛОСЬЯ“, невольно имъ заинтересовался и становился постояннымъ его читателемъ.

Въ особенности большой успѣхъ журналу сдѣлали: романъ «Порванныя цѣпли»—книгами Вѣры Трѣцкой, «Безъ руля»—романъ Н. Синельникова, «Кирджали»—романъ М. Чайковскаго, «Первые волны»—повѣсть А. Курскаго, поэмы и стихи О. Н. Чюминой, Н. Н. Никифорова, «Севастопольскія воспоминанія—1853—1854 г.», проф. военной академіи Н. М. Мазюкевича и многія другія произведения, какъ-то: лучшія драмы и комедіи, помѣщаемыя въ каждой книжкѣ, очерки, новеллы, историческія и научныя статьи, путешествія, юртическіе очерки и т. д.

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи имѣется объемистый, вполнѣ законченный романъ, «Змѣя», принадлежащий перву одного изъ славныхъ героевъ минувшей войны, известного своими военными очерками о подвигахъ русской гвардіи, частью которой онъ командовалъ. Романъ этотъ открываетъ передъ читателемъ самые разнообразныя сферы общественной жизни. Тутъ и заграницная жизнь русскихъ аристократовъ, и закулисныя дипломатическія тайны и недавній политической чадъ, вружиившій голову

молодежи, и подвиги героевъ на войнѣ. Авторъ пока находится далеко за границею, и мы не знаемъ, пожелаетъ ли онъ выступить подъ своею фамилиею или возьметъ псевдонимъ.

Съ вѣтшай стороны журналъ «КОЛОСЬЯ» настолько изященъ, что никакихъ улучшений по этой части намъ и обѣщать не приходится.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ: на годъ съ пересыпкою и доставкою 8 р., на полгода 5 р.

Оставшіеся экземпляры полнаго издания «КОЛОСЬЕВЪ», за текущій годъ (около 300 экз.) высылаются по 5 р. за годъ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ деньги будутъ получены вѣ позже 20 декабря.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ контору журнала «КОЛОСЬЯ», Большая Итальянская, д. 29. Редакторъ-издатель *И. А. Гатцукъ*.

ГОДЪ XII.

„ГАЗЕТА ГАТЦУКА“

ЛИТЕРАТУРНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ и ПРОМЫШЛЕННАЯ.

XII ГОДЪ

Выходитъ въ 1886 году безъ предварительной цензуры.

«Газета А. Гатцука» — преимущественно политическая. Цѣль ея — предложить въ сжатомъ видѣ возможно полный отчетъ за недѣлю по всѣмъ текущимъ вопросамъ жизни — политики, литературы, науки, искусства и торговли. Эта въ своемъ родѣ лѣтопись даетъ возможность читателю имѣть все передъ глазами, не путаться среди нерѣдко противорѣчивыхъ и безвязныхъ вѣстей и фактовъ, какъ-то бываетъ при чтеніи ежедневныхъ газетъ, и относиться къ событиямъ текущей жизни болѣе сознательно.

Насколько умѣло мы, въ теченіе 11 лѣтъ, относились къ нашей задачѣ, обѣ этомъ пусть судятъ сами читатели. Для лучшаго осуществлія ея въ 12-й годъ изданія «Газеты» приглашены къ участію въ неї лучшія специальныя силы Россіи.

Рисунки будутъ помѣщаться въ «Газетѣ» только относящіяся къ интересующимъ въ данный моментъ событиямъ, лицамъ и предметамъ. Быть альбомомъ случайно набранныхъ за границей рисунковъ предоставляемъ нашимъ, такъ-называемымъ, иллюстрированнымъ журналамъ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ съ рисунками и выкройками въ натуральную величину будутъ прилагаться въ разъ въ годъ.

Для легкаго чтенія, кроме повѣстей и разсказовъ въ самой «Газетѣ», въ теченіи года прилагается 6 книгъ переводныхъ романовъ и поэстей.

Въ видѣ подарка разсыпается подписчикамъ въ концѣ 1886 года «Крестный Календарь» на 1887 годъ и, необязательно, одинъ выпускъ иллюстрированныхъ «Драмъ Шекспира» въ лучшемъ переводѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1886 годъ: безъ доставки на годъ 4 руб.; съ доставкою-же и пересыпкою на годъ 5 руб., на полгода (съ января и июля) 3 руб., на полгода 1 руб. 60 коп., на 1 мѣсяцъ 60 коп. За границу на годъ съ пересыпкой — 7 руб.

Адресъ Конторы Редакціи: Москва, Никитскій бульваръ, д. В. Гатцукъ.
Редакторъ *А. А. Гатцукъ*.

„Исторический Вѣстникъ“

(СЕДЬМОЙ ГОДЪ).

«Исторический Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1886 году на тѣхъ же условіяхъ и по той же программѣ какъ и въ предшествовавшіе имъ лѣты (1880—1885).

Подписанная цѣна за депонадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на дому.

Съ ливарской книжки «Историческая Вѣстника», начнется печатаніе историко-бытовой повѣсти графа Е. А. Саліаса, поѣзъ заглавіемъ «Свадебный бунтъ».

Кромѣ того, изъ обширнаго собранія матеріаловъ, находящихся въ распоряженіи редакціи, въ первыхъ книжкахъ «Историческая Вѣстника» 1886 года, будутъ помещены, между прочими, слѣдующія статьи:

Отрывокъ изъ семейной хроники. К. А. Бородина.—Алазанская до-
лина. Изъ кавказскихъ воспоминаній. Ею-же.—Прошлое и настоящее «сво-
бодныхъ художествъ» въ Россіи. О. И. Булакова.—Воспоминанія артиста
объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. О. А. Бурдина.—Нашъ солдатъ въ
пѣсняхъ поговоркахъ и сказаніяхъ. И. Д. Бѣлова.—Русскій козакъ въ Лон-
донѣ. И. А. Бѣлогорской.—Баронъ ИсаїПетровичъ Шафировъ. О. А. Быч-
кова.—Шевченко въ Оренбургѣ. (По новымъ документамъ). Е. М. Гар-
шина.—Тамбовская украинка въ XVII столѣтіи. И. И. Дубасова.—Амазон-
ская рота при Екатеринѣ II. Г. В. Есипова.—Записки Раф. Мих. Зо-
това.—Представитель русского романтизма. В. Р. Зотова.—Общественная
жизнь въ Августѣ въ концѣ прошлаго столѣтія. Ею-же.—Бѣлая дама. Исто-
рическій разсказъ. Е. П. Карновича.—Кургановъ и его письмовникъ. А.
И. Кирличникова.—Княгиня Н. Б. Долгорукая. Д. А. Корсакова.—Н. А.
Кудрявцевъ и его потомство. Ею-же.—Отрывокъ изъ воспоминаній. И. В.
Кукольника.—Архіерейское пареченіе и хиротонія. И. С. Льскова.—Эпи-
зодъ изъ жизни И. И. Введенскаго А. П. Милюкова.—Дѣль Пушкина. В.
О. Михневича.—Пѣниые англичане въ Россіи. А. Н. Молчанова.—Вѣчевой
колоколь. Д. Л. Мордовцева.—Литературныя направленія въ Екатерининскую
эпоху. А. И. Незеленова.—А. Ф. Писемскій по его собственнымъ автобіографи-
ческимъ замѣткамъ. П. И. Полеваго.—Полубарскія затѣи. (Театры и кре-
постные актеры). М. И. Пыляева.—Е. И. Семенова. Очеркъ изъ истории
русскаго театра. А. Н. Сиротинина.—Городъ Гродно и Гродненская губер-
нія во время послѣдняго польскаго мятежа. С. Т. Славутинскою.—Воспо-
минанія графа В. А. Соллогуба.—Въ горахъ и долинахъ русскаго Тиб-
Шана. И. В. Сорохина.—Природа и человѣкъ въ Средней Азіи. Ею-же.—
Воспоминанія старого литератора. А. В. Старчевской.—Среди скитницъ.
П. С. Усова.

Большая часть названныхъ статей будетъ иллюстрирована рисунками, объясняющими текстъ и воспроизведенными съ наиболѣе достовѣрныхъ оригиналовъ.

Въ приложении къ первымъ тремъ книжкамъ «Исторического Вѣстника» 1886 года будетъ напечатана оригинальная драма изъ древне-римской жизни В. П. Буреина, подъ заглавиемъ «Смерть Агриппины». Обѣщанное для приложеія въ 1885 году, но не помѣщенное по недостатку места, сочиненіе Сильвіо Пелико «Моя темница» въ новомъ переводе А. Н. Дьяконова и съ иллюстраціями, будетъ напечатано въ 1886 году. Кромѣ того, для приложенія приготовленъ переводъ живыхъ и талантливыхъ очерковъ Первоноглу подъ заглавиемъ «Историческія картины Византійскаго государства».

Главная контора «Исторического Вѣстника», въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ «Нового Времени», Невскій проспектъ, № 38. Отдѣление конторы въ Москвѣ, при московскомъ книжномъ магазинѣ «Нового Времени», Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

„ОДЕССКІЙ ВѢСТИНИКЪ“

(шестидесятый годъ изданія).

Съ 1-го января 1886 года подписанная цѣла за «Одесскій Вѣстникъ» повышена на два рубля.

Съ 1-го января 1886 года «Одесскій Вѣстникъ» будетъ выходить ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣ-праздничныхъ.

Съ 1-го января 1886 года «Одесскій Вѣстникъ», благодаря предпринятому узурпированію въ типографіи, будетъ доставляться подписчикамъ въ Одессѣ за домъ не позже семи часовъ утра.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

I. Въ Одессѣ: 1) въ Главной Конторѣ „Одесскаго Вѣстника“ (Ришельевская улица, домъ Бродскаго, бывш. Карузо, противъ дома Католической церкви).

2) Въ отдѣлевіяхъ Главной Конторы:

- а) при типографіи „Одесскаго Вѣстника“ (Красный пер., д. Шварца);
- б) въ Южномъ газетномъ агентствѣ (Екатерининская площадь, домъ Андреевской),

и в) въ книжныхъ магазинахъ: Бѣлаго, Распопова и Розова.

II. Въ Херсонѣ: въ Херсонскомъ Отдѣленіи редакціи и конторы „Одесскаго Вѣстника“ (Потемкинская ул., д. Іооса, въ магазинѣ г-жи Михайловой).

III. Въ Кишиневѣ: 1) Въ Бессарабскомъ Отдѣленіи редакціи и конторы „Одесскаго Вѣстника“ (Николаевская д. Любимской, рядомъ съ д. Гроссмана) и 2) въ книжномъ магазинѣ О. М. Шака.

IV. Въ Екатеринославѣ, въ Приднѣпровскомъ Отдѣлениѣ редакціи и
конторы „Одесского Вѣстника“ (Харьковская ул., д. Чепурева).

V. Въ Елисаветградѣ на Большой ул., противъ бульвара, въ д. Шилков-
скаго.

Иногородніе могутъ адресовать денежные пакеты непосредственно по
почтѣ: «Въ Главную Контору „Одесского Вѣстника“, въ Одессѣ».

Условія подписки: Съ доставкой въ Одессѣ или пересыпкой во всѣ
города Россіи: на годъ 12 р., полгода 7 р., 3 мѣсяца 4., 1 мѣсяцъ 1 р.
30 к., Безъ доставки въ Одессѣ: На годъ 10 р., полгода 6 р., 3 мѣсяца
3 р., 1 мѣсяцъ 1 р..

Заграницніе подписчики доплачиваются за пересыпку по 50 к. въ мѣ-
сяцъ къ цѣнѣ безъ доставки.

Разсрочка подписной платы допускается для подписывающихся на годъ
съ 1-го января по третьюмъ годамъ со взносомъ: 1-го января—4 р., 1-го
апрѣля 4 р., и 1-го августа—4 р.

Въ кредитъ „Одесский Вѣстникъ“ высыпается казенными и обществен-
ными учрежденіями и служащими въ нихъ по письменнымъ офиціальнымъ
предложеніямъ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„СЫНЬ ОТЕЧЕСТВА“

«Сынъ Отечества» — газета политическая и литературная, издается
безъ предварительной цензуры, выходить ежедневно, въ форматѣ большаго
листа; воскресный № состоится изъ двухъ листовъ, посвященныхъ преимущественно
безметристикѣ, съ картинарами.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: 1) Внутренній отдѣлъ: статьи по одному изъ
современныхъ вопросовъ.—Такіи газеты.—Правительственные распоряженія.—
Главнѣшія производства.—Судебный отдѣлъ.—Отчеты земства.—Народное
образование.—Желѣзодорожное дѣло.—Дѣятельность акціонерныхъ обществъ.—
Отчеты техническихъ обществъ.—Промышленность и торговля.—Петербургская
жѣтотиѣсть.—Внутреннія (общественные) извѣстія.—Корреспонденціи.

2) Иностранный отдѣлъ: Политическое обозрѣніе.—Иностранныя извѣ-
стія.—Иностранная (неполитическая) хроника.—Телеграммы какъ внутреннія,
такъ и заграничныя.

- 3) Статьи по отраслямъ наукъ, искусствъ, художествъ и ремесль.
- 4) Критика, журналистика, библіографія.
- 5) Беллетристический отдѣлъ: романы, повѣсти, рассказы и пр.
- 6) Замѣтки и наблюденія изъ общественной жизни.
- 7) Провинціальная жѣтотиѣсть.
- 8) Театральная и музыкальная извѣстія и общественные увеселенія.

9) Биржевые и торговые известия в курсы.

10) Зрелища, железные дороги.

11) Карикатуры.

12) Смесь.

13) Объявления внутри газеты и въ приложениихъ.

Подписьная цѣна на газету. Для городскихъ: съ доставкою въ Петербургъ по город. почтѣ на годъ 7 руб., полгода 3 р. 60 к., 3 мѣсяца 2 р., 1 мѣсяцъ 75 к. Для яногородныхъ: съ пересылкою на годъ 8 руб., полгода 4 р., 3 мѣсяца 2 р. 25 к., 1 мѣсяцъ 75 к.

Подписьная цѣна за гравицей съ пересылкою 16 руб.

Подпись на газету «Сынъ Отечества» принимается исключительно въ главной конторѣ, находящейся въ С.-Петербургѣ, въ Почтамтской улицѣ, домъ № 4.

лошадь и отехать въ Сѣверъ, куда прибыть коло полуночи, немногого
ночили и передъ свѣтомъ оттуду поехавъ,

14. Прибыль рано въ Любомъ, оттоль въ Чаепку, а оттуду
въ Сомово, где немногого и спочиваль.

15. Около обѣдовъ прибыть въ Карабевъ, а падвечери въ
Глотовъ, ною-же въ Болховъ, и тутъ спочивали до вѣходу мѣсяца.

16. Зъ Болхова отехавъ рано, до Беліова прибыли во время
обѣдное, и тутъ пропущены нѣсколько времени пробавить за не-
имѣніемъ на поѣздѣ лошадей, потомъ прибыли ною въ Лихвинъ.

17. Зъ Лихвина поехавъ рано, обѣдалъ въ Калуги, а оттоль
поехавъ, проехали ною почты: въ Добрахахъ, въ Лановѣ, въ Чер-
ничию и прибыли передъ свѣтомъ въ Пахру.

18. Зъ Пахри поехавъ, прибыли въ Москву въ 12-мъ полу-
денномъ часу и зъ изволенія гг. Александра и Ивана Петровичовъ
Толстыхъ ²²⁶) сталь квартирю въ ихъ домѣ и обѣдалъ у нихъ,
купивъ зъ случившимися гостми гг. Дмитріемъ Михайловичемъ (Го-
лицинымъ?), покойного генерала фелдмаршала сыномъ, капитаномъ
гвардіи ізмайловскаго полку, княземъ Николаемъ Александровичемъ
Шаховскимъ, поручикомъ конной гвардіи и другими.

19. Быть въ Кремль и па троицкомъ подворье, а обѣдалъ въ
квартире, трактованъ будучи столомъ гг. Толстыхъ. Подъ симъ
числомъ писалъ къ генералу Ивану Ісаевичу Бибикову и къ г. Сао-
ронадскому о прибытіи своемъ въ Москву. Быть рано и въ вечеру
у г. статскаго совѣтника Демидова.

20. Слушать обѣдине первѣ въ великомъ успенскомъ соборѣ,
где служилъ митрополитъ сербскій Романъ, потомъ на конецъ обѣди
пришолъ въ чудовскій монастырь, где служилъ и тамъ-же живетъ
архиепископъ московскій и владімерскій, преосвященный Іосифъ
Волчанскій, который звать мене къ себѣ до келіи, и у него-же
тутъ обѣдалъ съ сотникомъ кролевецкимъ Огіевскимъ, да тамъ-же
обѣдали и новоозначенные намѣстники троецкаго сергіевскаго мо-
настыря архимандритъ гарскій, отецъ (Іоасафъ) Горленко и казначей
того-же монастыря.

21. Подряжены извозчики до С.-Пбурха подъ принасы, три
пары лошадей; отъ всякой пары давать имъ по 7 р. 50 к., да

²²⁶) Сыновья Петра Толстаго, зятя гетмана Скоропадскаго.

сверхъ того-жъ, что туда свезутъ и бочку горѣлки, дать имъ 4 р. 50 к.; а оные извощики помѣщика Тимоѳія Ігнаташа Челищева крестьяне, жители деревни Черничного, Афанасій Сидоровъ Шершнинъ да Петръ Тимоѳіевъ, которымъ дано въ задатокъ 2 р.

22 и 23. Пробавлялись въ Москвѣ-жъ. Была сватба у г. Демидова; дочерь выданъ за шляхтича смоленскаго Радванскаго.

24. Писалъ писма къ г. Скоропадскому, включа такъ-же и дожены и до Іосифа, и оные въ пакетъ подъ именемъ генералскимъ вручены сотнику глуховскому Туринскому для отсылки.

25. Отпущенъ обозъ до С.-Ібурха съ припасами при Ивану Ялондкому, которому для извоночиковъ и для ихъ нуждъ 15 р. вручено, да при Аптолу Закревскому и кухтику Ивану Рудому, куда оные рано и вѣхали. Вечеромъ былъ въ слободѣ нѣмецкой съ сотникомъ кролинецкимъ Огіевскимъ и сыномъ у аптекаря Меера, который раціль (согѣтоваль) для дѣтей нашихъ учителя. Обѣдать у извагра Ивана Гамаліи.

26. Отпущены подводы наши домовые къ двору съ покупками исправленными, при Грицку Климу въ товарищи, и чрезъ нихъ-же отиравлены писма до жены, включа тамъ до г. Скоропадского, до Іосифа и отъ Василя сына до Петра Скоропадского, и оному Грицку Климу въ дорогу даны 4 р. Аптекарь Меерь былъ у мене на квартерѣ и привезъ роспись, данную ему отъ пастора Іогана Филиппа Литке, чего имѣть дѣтей нашихъ обучати, а въ вечеру и я, у него будучи, впадаюсь и самъ разговаривалъ съ тѣмъ пасторомъ.

27. Послѣ обѣда былъ у архимандрита богоявленскаго отца Герасима; потомъ въ монастырѣ занконосискомъ прѣдки слушалъ, а обѣдалъ у аптекаря Меера съ сотникомъ глуховскимъ; оттуду-же поехавъ, были въ дворцахъ новомъ и въ Аницигофѣ, потомъ на бархатномъ дворѣ, послѣ Головкина графу Алексію Григорьевичу Розумовскому пожалованномъ. Были въ ренжереяхъ; тоже отехали въ велико-петровскій монастырь и тамъ милья въ банѣ; потомъ отецъ Пахомій, архимандритъ тамошній, своимъ поездомъ отпрѣадить мене въ квартеру приказалъ, а сотникъ глуховскій въ свою квартеру отехаль. Писалъ до г. Скоропадского о учителю и ученикахъ, т. е. о пастору слободскому.

28. Подрядилъ подводчиковъ до С.-Ібурха: пару лошадей по 7 р. 50 к., а именно для себѣ три лошади, а для сотника кроле-

вецкого Огієвського пару, дмитровського уезду, каменського стану, вітчина капитана Алексія Федорова сина Чурикова, села Сенески, крестанъ Федора Парфенова и Гаврилу Николаєва. Прибыль на почъ и сотникъ кролевецькій Огієвський на мою квартеру; потомъ бытъ у мене пам'ятникъ симоновського монастиря Іоандрій.

29. Рано бытъ у статского советника Василя Івановича Демидова, который велѣль миѣ поудержаться въ Москвѣ до 1 февраля. Потомъ бытъ у маюра копной гвардії Григорія Івановича Корфа и вручить ему 4 пакеты, на імя брата его Николая Андріевича Корфа, дѣйствительного камергера и кавалера подписаны, а извозчиковъ памятныхъ отпустилъ. Василь Марковичъ пріехаъ въ Москву.

30. Прибыль въ Москву сотникъ мглинський Василь Лисаневичъ и бытъ у мене рано. Обѣди слушали въ монастырѣ Знаменському и были тамъ у Овочія, стоящихъ тамъ квартирю, селитрянійхъ промышленниковъ. Архимандритъ високопетровскій отецъ Пахомій обославъ насъ пивомъ.

31. Рано бытъ я у г. Демидова, который еще до суботы удержатся казалъ. Полковникъ Дѣтковичъ и сотникъ іркліївський Алексій Требинський віехали изъ Москви до С.-Пурхра.

Февраль.

1. Поутру сздилъ къ г. статскому советнику Василю Івановичу Демидову, который велѣль еще п'ескою день поудержаться въ Москвѣ.

2. Паслъ обѣда надвечери переехалъ изъ двора гг. Толстыхъ въ Знаменський монастырь и тутъ почовалъ въ квартирѣ сотника мглинського Лисаневича.

3. Отоль по службѣ переехалъ на бархатный дворъ въ квартеру сотника глуховського Даміана Турянського, который купно зъ г. Демидовимъ сего-жъ числа отехалъ изъ Москви до С.-Пурхра. Я же синомъ ввечеру бытъ у племянника графа Розумовського, прибывшаго въ Москву изъ Козелця.

4. Въ ямской конторѣ по утру бытъ и подписанъ миѣ пашпорть на почтовые подводы, которыхъ 3 я взяйтъ, сего-жъ числа 4-го часу на первой четвёртѣ и віехаъ зъ Москви, оставя сотника кролевецкого тамъ, давши ему-жъ на паемъ подводъ подъ сани сотника глуховського, или на заплату прогоновъ, десять р. денегъ;

самъ-же я поехавши изъ Москвы, продолжать свою езду денно и нощно чрезъ 5, 6 и 7 числа по почтѣ и

8 числа въ 10-мъ часу предъ полуднемъ прибылъ въ С.-Петербургъ и, ставъ квартерою въ домѣ ассесора ревизіонъ-контролля Ивана Федоровича Мамица, нигде не бывалъ. Сего-же числа и обозъ мой прибылъ.

9. Отехалъ изъ квартиры до дворца, где первей былъ у пѣвчаго Кирила Стефановича Рубиновскаго, потомъ у отца духовника Федора Дубяцкаго и у него обѣдалъ съ архіереями: Платономъ Малѣновскимъ—крутицкимъ, Никодимомъ Сребніцкимъ, бывшимъ с.-петербургскимъ, а нынѣшнимъ переславскимъ, Арсениемъ Могилѣскимъ, да съ архимандритами владимирскими Платономъ Петрушевичемъ, іонацкимъ Симономъ Тодорскимъ, наименованымъ епископомъ с.-петербургскимъ и архимандритомъ Александро-невскимъ Феодосіемъ Яновскимъ, такожъ зъ намѣстникомъ монастыря псковскаго Досифеемъ, гдѣ присутственнымъ былъ и камер-фуріеръ Игнать Кириловичъ Полтавцовъ и дворянинъ Григорій Михайловичъ, а со мною были сотникъ глуховской Туряцкий и синъ мой Василь.

10. Былъ рано у графа Румянцева, потомъ въ дворцѣ и придворной церкви, а зъ церкви изъявъ мене оберть маршалъ Дмитрий Авдієвичъ Щепелевъ, запровадивъ въ болшую салу, гдѣ стояль болѣе двухъ часовъ во время обѣда, а государыня изъ великою княжною изволила вступить подъ балдахиномъ, прочія-же женска и мужеска полу, такожъ и духовные персоны обѣдали у другихъ столовъ, при игральной італіанской музыки. Писалъ до Скоропадского и до жены. Постѣ обѣда балъ начался въ галдарѣ салѣ, а потомъ въ 10 часу по полдни замѣжень былъ на Невѣ изготохленный фейерверкъ и пломбирація, на которую смотрѣть я въ квартерѣ Федора Ивановича Коченевскаго, пѣвчаго дворянина, где выдался, такожъ и вчора у отца духовника, зъ г. секретаремъ Иваномъ Михайловичемъ Новоторжцовымъ.

11. Рано былъ у графинѣ Чернышевой Евдокіи Ивановны и писмо отъ жены отдалъ, потому графу Розумовскому писма вручили. Обѣдалъ съ сотникомъ глуховскимъ Туряцкимъ у Игната Кириловича Полтавцова, и въ вечеру съ нимъ-же былъ у князя Никиты Юрьевича Трубецкого.

12. Въ сенатъ подалъ дѣло, присланное изъ войсковой епархиальной капцевяріи черпцовъ монастыря пустынио-николаевского киевского, также удостоеніе Федора Чуйкевича на деревнѣ. Сего-жъ числа писать въ почтѣ въ Глуховъ, до г. Скоропадскаго, до Федора Чуйкевича, до Іосифа племянника и до жены.

13. Быть у оберъ маршала Шенелева самъ, а у графинѣ Чернишовой зъ силомъ, по обѣдѣ у секретаря Новоторжцова, въ вечеру у архіерея крутицкого Малиновскаго. Поддячіи сенатскіи обѣдали у мене.

14. Рано быть у графа Румянцова и писма вручилъ, также у архіерея иерусалемскаго Арсения Могилевскаго и въ сенатъ быть же. Сотникъ мглинскій Василій Лисаневичъ прибыть въ С.-Петербургъ и стать квартирною на Петровскомъ острову, въ домѣ архіерея велико-новогородскаго, на Карповцѣ. Василь сынъ быть въ дворцѣ на куртаку, а я завесмогъ изъ поздня.

15. Никуда изъ квартери не ходить, а обѣдали у мене сотникъ мглинскій Лисаневичъ и камординъ генерала и сенатора Бутурлина Николай Назмайловъ.

16. Рано быть у Александра Борисовича Бутурлина и писма вручилъ, также у генерала фельдмаршала Василія Володимировича Долгорукаго, у графа Лестока, которому и писма отъ доктора Бока подать, также у архимандрита отца Годорскаго и у оберъ маршала. Обѣдали у мене полковникъ компанійскій Чеснокъ, сотникъ глуховскій Турянскій и два поддячіе сенатскіе, коимъ на извоноцикѣ дапо 20 к. Перебрались въ другіе хоромы.

17. Пріѣхалъ сотникъ кролевецкій въ Цитерь-Бурхъ и сталъ зо мною на квартерѣ. И быть въ церкви Петра и Павла, въ крѣпости. По обѣдѣ сидѣть у хозяина ²²⁵⁾.

Ю н ь.

16. После обѣда ездили на Василевский островъ и будучи на бѣржи, купилъ стѣнныя часы за 13 р.

17. Быть у Шевича, потомъ въ квартерѣ Петра Горленка. Куплены чашки чайные фарфоровые, 6 паръ, дано за оные 1 р. 40 к., за чайникъ 1 р., за чашечку до закусокъ 15 к.

²²⁵⁾ Даље иѣсколько тетрадей опять не достаетъ.

18. Челобитная о Чаусахъ въ сенатъ замѣчена. Обѣдалъ у дѣтей, потомъ былъ у Новоторжцова, где засталъ и Демидова съ женою и съ ними оттолѣ пріехалъ. На гербовую бумагу далъ 4 р. За сотню флюидерокъ дано 4 к.

19. За квартеру у Маминца расплатился и давъ имъ 1 р. 46 к., перешолъ оттолѣ на другую квартеру, въ слободку дворцовую, уговоренную па мѣсяцъ за 1 р. 50 к. Обѣдалъ у полковника Чоснока. Быть у мене на сей квартерѣ канцеляристъ корчменной конторы Степанъ Будаевъ.

20. Купилъ на корабляхъ $\frac{1}{2}$ фунта чаю за 55 к., цукровые фгурь въ слонику за 90 к., за книгу імператора Марка Аврелия 1 р. 20 к.

21. Извъ денегъ 350 р., оставленныхъ у мене, взялъ па расходъ Юндансъ 50 р. Купилъ фарфорной посуды 10 штукъ, далъ 3 р., за апкерь вина 4 р. 50 к.

22. После обѣда отехалъ зъ сыномъ Василемъ до Пітергофа и на 16-ой верстѣ отъ Пітера Бурха встрѣтилъ государыню, едущую верхомъ, и ея величество изъ графомъ Розумовскимъ о моемъ дѣлѣ припомнить изволила и поехала до С. И. Бурха, а я прибыть изъ Пітергофа въ 11 часу. На сѣло для лошадей дано 12 к., за рибу 35 к.

23. Рано ходилъ по огородамъ и дано огороднымъ и фонтаннымъ сторожамъ 14 к. Обѣдни слушалъ въ церкви придворной паметной ²²⁾). Обѣдалъ у племянниковъ графа Розумовского, званый отъ учителя Носко. По обѣду былъ у преосвященнаго Тодорскаго, а потомъ отехалъ изъ Пітергофа и прибыль въ С. И. Бурхъ въ 1-мъ часу по полуночи. Мостового дано 3 к.

24. Рано былъ у графа Розумовского и учинилъ онъ мнѣ декларацию дѣлъ, сказавъ дожидатися праздника. Писаль писма до Скоропадскаго, до Іосифа, до Сумніцкого и до жены.

25. Ніезевичъ у мене былъ, а вечеромъ приходили поддячіе Петръ Ивановъ Деружкинъ зъ товарищи. Імператорское высочество прибыль изъ Пітергофа.

26. Приходилъ ко мнѣ Петръ Горленко зъ сотникомъ Лисаневичемъ; потомъ у мене-же былъ учитель Носко зъ жалобою на

²²⁾) Паметъ—палатка.

Семена служителя, которого потомъ къ себе призывалъ и ему виговаривалъ.

27. Зъ полковникомъ Чоснокомъ обѣдалъ у Нізвича; потомъ заходили до Кучубеевъ, до Витвицкого и подмуншенка Стрижова. На огурцы 4 к.

28. Генераль поліцмейстеръ графъ Аптонъ Мануйловичъ Девіеръ представилъся. Писалъ до Іосифа и до Сумніцкого съ включениемъ писемъ, писанныхъ подъ числомъ 21 іюня до бретадира Иліва и подполковника Семенова.

29. Въ сей день тезоименитства великого князя государя Петра Федоровича были допущены съ прочими до ручки его імператорскаго высочества, и его-же высочество изволилъ слушать обѣданіи и молебствіе въ крѣпости, въ церквѣ Петра и Павла, а по молебствіи палено зъ многихъ пушекъ. После полдня былъ въ дворцѣ куртагъ, а въ вечеру публичная ужина при вокальной и інструментальной музикѣ. Я обѣдалъ въ своей квартерѣ съ полковникомъ Чоснокомъ и съ Петромъ Стефановымъ Протченкомъ и съ дѣтьми.

30. Была французская комедія и мы были въ полковникомъ Чоснокомъ и въ сотникомъ Лисачевичемъ, который у мене и почоваль.

Ю л ь.

1. Генераль поліцмейстеръ графъ Девіеръ съ празличною его чину церемонію погребенъ въ александро-невскомъ монастырѣ. И обѣдалъ у бунчучного Оболонского, ради его тезоименитства.

2. Рапо быша у мене бунчучный и сотникъ Тризна, писма памъ вручилъ. Обѣдалъ у мене Марко Андреевичъ Марковичъ ²²⁸⁾.

3. Государиня и великий князь изволили отехать въ Интергофъ. На харчъ данъ 1 р. На поправу мундира сипового портику 16 к. Вечеромъ былъ у бунчучного.

4. Была у мене бунчучный. За направу двохъ паръ чоловѣкъ 12 к.

5. Писалъ писма къ женѣ, къ Іосифу и до Скоропадского, а вообще съ бунчучнымъ писали до старшини генералной и до прот-чехъ о депутатії.

6. Съ онymi писмами отправленъ въ Глуховъ по почтѣ значко-ый полку черниговскаго товарищъ Прокопъ Затиркевичъ. Г-жа

²²⁸⁾ Сынъ генерального подскарбія Андрея Марковича.

Розумовская прибыла въ С. П. Бурхъ и стала квартерою на смоленскомъ дворцѣ, до которой и я зъ бунчучнымъ для визиты ездить.

7. На харчъ дано 40 к., на сѣло для коней 45 к. Рано знову были зъ бунчучнымъ у г. Розумовской; потомъ слушали обѣда въ Невскомъ и та же куплю зъ нею у преосвященнаго С. П. Бурскаго обѣдали и вечеряли; потомъ еи провожали опять на еи-жъ квартеру и позно прибылъ на свою квартеру.

8. Коллегій іностранной золотоисець Андрей Ивановъ сынъ Лоповъ взялъ паргаментъ для дѣлавія диплома, которому дано въ задатокъ 2 р.

9. Рано былъ въ сенатѣ и у дѣтей. За шесть ложечекъ принцематинныхъ 18 к. Поддячимъ 30 к. Федоръ Мойсеевичъ, головщикъ дворцовъ, Божокъ представилъся.

10. Канцеляристъ Іскевичъ и войтъ ижинскій Тарнаиѣть пріехали въ Нитеръ. Быть у бунчучного и зъ секретаремъ габинетскимъ видаться въ церкви св. Симеона.

11. Визитовать тело умершаго Федора Божка въ квартерѣ его въ зимнемъ государевомъ дворцѣ. Отдана членобитная сотникъ Тризинъ для подачи въ сенатъ о падежѣ скота.

12. Помянутый Федоръ Божокъ погребенъ въ монастырѣ Невскомъ. За 24 тарѣлки цѣннины 1 р. 60 к. Кравцю за перенітие черкески 65 к.

13. Обѣдалъ у г. Розумовской съ войтомъ ижинскимъ, который и у мене, отоль заехавши, былъ на квартерѣ. За сосудъ мѣдный 26 к. За мытье и починку платья 45 к., за лоскутки зеленого гатласу и за шовкъ 29 к.

14. Госпожа Розумовская со всѣми своими и бунчучный зъ своею женово отехали въ Петергофъ. Сыну Василю на бачмаки дано 53 к.

15. Полковикъ Чоснокъ съ сотникомъ Лисаневичемъ отехали до Петергофа.

16. Туда-же и я отехать зъ сотникомъ вибелскимъ Тризною. Прибыли въ Петергофъ падвечери и ужинали въ квартерѣ г-жи Розумовской у Пустоты; потомъ были у пасы на квартерѣ Журманъ, Борсукъ и Иванъ Николаевъ Гроно.

17. Вчера и сего числа рано ходили по садамъ и огородамъ и везде. Обѣдали въ квартерѣ. Розыглось тамъ въ Петергофѣ на

съно 18 к., за вино и харчъ 51 к.; фонтанщикамъ 27 к. Послѣ полдня первіе великий клязь, потомъ и государини изволили отехать до С. И. Бурха, а оттуду и мы поехали, нерано прибыли въ Нитерь ночю, а эсь пами и дѣти, которые у насъ и почевали.

18. За вылуженіе четырехъ штука мѣдной посуды 30 к., да за два сосуда мѣдные-же купленны 26⁴ к. За сѣно для коня 60 к.; табаки за 4 к.

19. Нисаны писма до Скоропадского, до Ивана Гамали, до сотника глуховскаго, до Госифа, до Чуйкевича, до жены и въ Козелецъ до отца брата, да до обозного Алексія Недвісоцкого и до асаула Матвія Шуми полковыхъ кіевскихъ.

20. Дано Грицку Дмитрову и Ивану Романову на чоботы 1 р., на харчъ 8 к. Рапо быль я у г. Розумовской; потомъ въ Невскому монастырѣ, а оттуду заехавъ ко мнѣ секретарь Повторижцовъ, быль въ моей квартирѣ и у полковника Василія Чоснока.

21. Быль въ лѣтнемъ дворцѣ и у графа Розумовскаго купио съ архіереями. На харчъ данъ 1 р.

22. Быль въ сенатѣ, а отоль заходиаъ посѣтить боллого пѣвчаго Федора Ивановича Коченевскаго, гдѣ видѣлся зъ пами и префектъ кіевскій Михаилъ Козачинскій; оттуду быль и у бувчучного. На перевозъ 4 к.

23. Прибыль въ Петербургъ архимандритъ братскій кіевскій Сильвестръ Кулебка. Я обѣдалъ на цетровскомъ острову у поддячаго корчемной конторы Стефана Будаева изъ Кіріакомъ Андріевичемъ Кондратовичомъ и въ балѣ у его-же мился, а почовалъ на Карповкѣ у сотника мглинскаго. Нисаль еще писма до Скоропадскаго о томъ, что пашпорты на проездъ дѣтямъ въ чужie краи дадутся изъ іностранной коллегіи, а до жены, обявляя ей поклонъ отъ графинѣ Чернишевой. Отехала г. Розумовская, а при цей и бувчучный зъ женою въ мізу, называемую Гостилицъ.

24. Рапо быль тамъ-же на Карповкѣ въ домѣ архіерея новгородскаго у братскаго архимандрита Кулебки, потомъ въ сенатѣ и въ іностранной коллегіи подалъ доношеніе о людяхъ, зъ дѣтями въ чужie краи имѣющихъ отправитись. Послѣ полдня были у мене судіи полковые гадяцкій Родзянка и Лазаревичъ, зъ которыми и до стеклянныхъ заводовъ ходили. Ивану Сапгурскому, бунчуковому

товарицу, отиравляючомусь въ Украину, всѣ оные писма, что вчора и 19 числа писалъ, вручены для подачи въ Глуховъ.

25. Куплены двѣ книги за 66 к., матеріи на картузъ за 15 к., огурцовъ за 10 к., за одправу другихъ двохъ книжокъ 20 к., сину Василю 10 к.

26. Быть въ сенатѣ, обѣдалъ у дѣтей, потомъ быть у секретаря Новоторжцова. Розышлося 12 к.

28. Ходили къ церкви св. Пантелеимона, где и государиня изволила слушать обѣдни. За одправу двухъ книжокъ 20 к. За возокъ сѣва 60 к.

28. Сину Василю на бачмаки 30 к., країю за направу кафана и картуза 20 к. Быть рано у графа Розумовскаго, где государинѣ, при поднесенiu иѣсколькихъ сосудовъ рожевой водки, кланялся войти иѣжинскій Стеріевичъ. На харчъ дано 50 к. Были у мене сотникъ новгородскій Судіенко и Добронѣзій.

29. Быть рано у графинѣ Черняшовой, а по обѣдѣ быть у мене бунчучный зъ судію гадяцкимъ Родзянкою.

30. Генераль, сенаторъ и кавалеръ, графъ Григорій Петровичъ Чернишевъ преставилься. За книги указовъ імператрицы Екатерины и Петра II імператора «Зерцало юности» и Граціана 4 р. 50 к., за книгу Іакову Тимофіеву 45 к. Іншихъ 10 к., сину Василю 5 к.

31. И обѣдалъ у бунчучного. Прокопъ Затиркевичъ прибыль изъ Глухова. Pustota arrestatus.

А в г у с тъ.

1. Быть рано у князя Никиты Юрьевича Трубецкого и у Петра Ивановича Шувалова, потомъ заходить въ домъ графа Чернишева и тѣло его видѣть умершаго; потомъ ездить въ крѣпость и тамъ слушать водосвятія. Надвечеръ быть у мене подканцеляристъ іностранный коллегіи Даниль Никитинъ Латининъ съ товарищемъ.

2. Ходилъ въ сенатъ и въ коллегію иностранную, где и за печати, къ тромъ пашпортамъ приложенные, заплатилъ пошлины 75 к. На перевозъ 2 к.

3. Быть у бунчучного и Чустоту посѣщать въ дворѣ графа Розумовскаго.

4. Писалъ писма до Скоропадского, до жены, до Чуйкевича, до Павла Скорупы, до Ивана Гамаліи зъ посыкою къ нему по-

лученыхъ писемъ, и до Іосифа. Былъ рано у г. Розумовскаго. Кравцю на потребности до камзола 20 к. Бунчучный вечеромъ быль у г. Розумовскаго зъ представленіями вѣкоторыми и розговоръ имѣлъ. На харчъ 35 к.

5. Генералу графу Чернишову отиравовалось съ надлежащею, по его достоинству, церемоніею погребеніе и провождено тѣло пятымъ баталіонами отъ избѣхоты и кирасировъ до Невскаго монастыря, где при погребеніи и три залпы оны-же баталіоны бѣглымъ огнемъ стрѣляли. Надвечери отехаѣтъ я въ Невскій монастырь, где и ночоваѣтъ.

6. Тамъ-же въ Невскомъ монастырѣ исповѣдываѣтъся и на ранній службѣ Божій причащаѣтъся, а по службѣ позной, которую служилъ преосвященный Феодосій, архиепископъ с. п. бурскій, обѣдали въ келіи отца намѣстника Софронія въ дѣтми Скоропадскаго и моимъ сыномъ; потомъ ходили до библіотеки и въ семинаріумъ, где провождалъ насъ одинъ ученикъ феологіи Симеонъ Игнатіевъ. Розыглось 12 ½ к.

7. Былъ въ сенатѣ и въ иностранной коллегії. По обѣдѣ прѣездилъ ко мнѣ бунчучный и съ нимъ были оба у преосвященнаго крутицкаго.

8. Писаны висма до Скоропадскаго, до Іосифа и до жены зъ посыпкою двухъ головъ цукру, полфунта чаю въ жестянцѣ, двухъ гребенцовъ слонового и рогового, 9 книжокъ русскихъ печатныхъ и манускрипта обѣ Українѣ. Дано за полфунта чаю 1 р., за гребенецъ слоновый 18 ½ к., на харчъ 28 к. Изъ Невскаго подворя перешелъ дѣти на другую квартеру на Василіевскій островъ въ 8-ю лѣнію, въ домъ вѣкоторого совѣтника Неплова.

9. Въ иностранной коллегії отобразъ пашпорть, сину мое му для поезду въ чужіе краи давлый, такожъ пашпорти для синовъ трехъ Скоропадскаго, двухъ Борковскаго, запечатанные куипо зъ указомъ, въ генеральную канцелярію подписаніемъ. Даљ за труды подканцеляристу Латинину 1 р. 50 к., писцу 50 к., сторожу 6 к., па сѣно 50 к.

10. Даљ дѣлать для жены колпакъ или чѣпокъ изъ парчи, отъ камзола синового оставшій. Писма и посылка въ домъ вручены Доброѣзкому, значковому полку стародубовскаго товаришу. Ялоцкому даны 10 к.

11. Былъ въ дворцѣ, где по службѣ Божій преосвященній архієрей тферскій, Митрофанъ Слотчинскій, звалъ мене къ себѣ, зъ которымъ на одной плюшки отехази и у него купилъ зъ Лукою, намѣстникомъ Свѣнскимъ, оберъ-іеромонахомъ Іоасафомъ кориуса кадецкого и архимандритомъ новгородскому Афанасіемъ обѣдали; потомъ и у мене отецъ Лука былъ вечеромъ. Гребцамъ архієрейскимъ дали 10 к. Pustota ab arresto factus liber.

12. Былъ въ сенатѣ, потомъ зъ отцемъ Лукою заходили въ кадецкій кориусъ до отца Іоасафа. По обѣдѣ былъ у мене отецъ Панфутій, уставщикъ монастыря Невскаго. Розыглое 6 ½ к. Иѣвчій дворцовъ Якимъ Мироновичъ, зъ которымъ вчора надсечери въ дворцѣ отца духовника видѣлись, умеръ нечаянно.

13. Былъ рано у сенатора г. Шувалова, потомъ въ сенатѣ и насилу вѣниска совершила о Часахъ. На сѣно 8 к.

14. Израна ездить на смолной дворецъ и былъ тамъ у г. Розумовскаго, и у Журмана, и Борсуха, по обѣдѣ у пр. Тодорскаго и у бунчучного.

15. Рано былъ у преосвященнаго Могиллянскаго, архієпискома переславскаго, да у генерала г. Румянцева; потомъ въ дворцѣ на службѣ Божій, где государиня изволила присыпать иѣвчаго Кирила Рубана спрошовать о дѣтяхъ Івану и Петру Скоропадскому, и пришедъ въ салю, были допущены до ручки государини. Обѣдали у мене подполковникъ Кулаковскій, полковникъ Чоснокъ, дѣти Скоропадскаго зъ Кондзеровскимъ и Юндапсомъ. На расходъ харчевый дако 30 к., на сѣно 17 к., на овесъ 15 к.

16. Камзоль изъ кунтуша Івану Рудому велѣть дѣлать и штаны, и къ онымъ на потребности дали 20 к., да на сѣно и проч. 20 к. За митье платя и направу чолковъ 23 к.

17. Рано былъ я у Горленка, по обѣдѣ у мене бунчучный. Сѣтьзѣйшій князь, ландъ-графъ гессенгомбурскій отехаль изъ С. И. Бурха въ чужіе краи. На хлѣбъ, яблоки и груши дано 8 к.

18. Рано былъ у оберъ-мариала Шенслева, который велѣть дать реестръ о малороссіяхъ, какъ могутъ быть при брачной церемоніи.

19. Отосланъ таковый реестръ къ оберъ-маршалу. Государиня и великий князь изволили въ зимний изъ лѣтнаго дворца переехать. Ночевалъ у мене писарь умершаго генерала Бабкова, Михайло Петровъ.

20. Былъ въ сенатъ и у бунчучного. Отданъ приказъ обѣнась оберъ-церемоніймейстеру графу Санти.

21. Началась израна церемонія шествія опредѣленныхъ знатныхъ, мужеска и женска полу, персонъ, такожъ ея імператорскаго величества съ новобрачными ихъ імператорскими высочествами до церкви Рождества Пресвятая Богородицы, называемой касанской, отъ зимнаго болшого дворца, и слѣдовала она церемонія мимо дворецъ по-наль Невою и новоротила въ Милонищую, а отоль мимо лугъ, противъ дворца имѣючайся, где и три театри были здѣланы для жареныхъ быковъ и для фонтанъ, и даже до самой церкви, коимъ трактомъ и всѣ полки какъ гвардіи пѣхотной и конной, такъ и кирасирскихъ и наполинскихъ солдаты и рейтари построены были. Слѣдовало-же однихъ церемоніальныхъ каретъ, господскихъ и дворцовихъ, 135, всѣ по 6 лошадей, а въ которой государиня и новобрачные ехали, тамъ было 8 лошадей. Постѣ венчанія, которое отправовалъ архієпископъ новгородскій и велико-лужскій, преосвященный Стефанъ Калиновскій, говорилъ проповѣдь преосвященный епископъ исковскій и нарвскій Сумонъ Тодорскій, которые оба тѣми санами почтены 18 числа сего течеія. Потомъ оная-жъ церемонія поѣѣ троекратного взъ пушекъ, при церкви поставленныхъ и отъ полковъ въ строю стоявшихъ, залпу, слѣдовала и отъ церкви до дворца зимнаго такимъ-же, какъ и до церкви порядкомъ, и налено зъ корабля и изъ разныхъ другихъ судовъ, яко-то: яхть, галерь и прочихъ зъ многихъ пушокъ, а въ вечеру была вездѣ по городѣ, и па судахъ, и въ крѣпости, и въ адмиралитетѣ, въ академіи, изъ корпусъ кадетомъ и въ прочихъ мѣстахъ преизряднѣ илюмънаци.

22. Обозпый генералный г. Лизогубъ прибылъ въ С.-П-Бурхъ. Данъ Грицку на расходы 1 руб.

23. Рано были въ обозныхъ генералиссъмъ персей у графа Розумовскаго въ дворцѣ, потомъ и самой государинѣ кланились и у ручки были, и обѣдали у приватного стола, при присутствіи ся величества, въ лѣтномъ дворцѣ, а по обѣдѣ бывши у князя Н. Юр. Трубецкого, у преосвященнаго переславскаго Арсенія Могилеванскаго и у матушки графа Розумовскаго.

24. У вице-канцлера графа Михаила Іларіоновича Воронцова были рано, а потомъ въ зимномъ дворцѣ и у духовника, а въ

томъ-же зимномъ дворцѣ и государиня съ повобрачными кушать и свадебную церемонію продолжать изволила.

25. Рано ездили до графа Алексія Петровича Бестужева-Рюминова, который по службѣ Божой представлялъ насть предъ государю на аудіенцію, потомъ заразъ и у ихъ императорскихъ высочествъ новобрачныхъ, великого князя и великой княгини аудіенцію имѣлъ, а постѣ обѣда были въ комедіалномъ домѣ на онерѣ итальянской, на которой и дѣвки итальянки и кастратъ при музикѣ итальянской-же шѣли преизрядно. Кравцю за ношите двохъ камзолъ и однихъ штановъ Рудому данъ 1 руб.

26. Рано были у Александра Лвовича Наришкина, сенатора, а обѣдали и весь день пробавили у матушки графа Розумовскаго, ради именинъ ея.

27. Были у генераловъ фелдмаршаловъ графа Леси, князей Василія Володимировича Долгорукова и Ивана Юрьевича Трубецкаго, а обѣдали у графа Румянцева; потомъ съшли во дворецъ и были въ собственномъ машкарадѣ, потомъ и ужинали при столѣ императорскомъ въ саль галдареи.

28. Въ вечеру были на комедіи французской и въ опредѣленной ложѣ подъ № 6 смотрѣли на отправление оной комедіи.

29. По службѣ Божой были у Василія Ивановича Демидова, а по обѣдѣ у графа Андрея Ивановича Ушакова, у Евфимія Ивановича Владиславича и у графини Евдокіи Ивановны Чернишовой. За петлицы золотые, до кунтуша аксамитного взятые, заплатилъ 5 руб. 10 коп., за сѣтку 2 руб. 60 коп.

30. Государиня изволила быть на пабоженствѣ въ монастырѣ Невскомъ и тамъ кушать, а по обѣдѣ оттуду возвратясь, кончено въ дворцѣ зимномъ высокобрачную церемонію и первой зажженъ бытъ на рѣкѣ Невѣ превеликій фейерверкъ, потомъ была ужина въ саль галдареи иребогатая, а насть по всѣмъ покоямъ государини и высокоповобрачныхъ вожено и показывано всякие раритеты (рѣдкости), украшения и уборства и трактовано доволи.

31. Государиня изволила изъ С.-П.-Бурха поехать въ Царское Село и въ Питергофъ. Мы были изранку прежде у генералиши Солтиковой, потомъ у князя Александра Борисовича Куракина и у его-же обѣдали, а по обѣдѣ были у сенатора князя Алексія Дмитріевича Голицына.

Сентябрій.

1. Вечеромъ были у генераль интенданта адмиралтейского Александра Ивановича Головина.

2. Писаны письма до Скоропадскаго, до племянника Іосифа и до жены. За старую квартеру заплатилъ 3 руб., да зъ Юндансомъ и Савою Зинченкомъ росплатка учинена; Юндансу дано 14 руб. 25 коп., Савѣ 74 коп. У секретаря Новоторжцова были на родинахъ и данъ родѣніе червонецъ.

3. Віехали до Интергофа по полдни и прибыли туда ночю.

4. Отведена тамъ квартера тая, въ которой прежде стоялъ бунчучный, а вечеромъ ходили по огородаамъ и смотрѣли фонтанъ.

5. Изранку водили нась везде по огородаамъ и фонтаны велѣль нускать подмайстерій Григорій Федоровъ Рилевъ, а по обѣдѣ отоль поехали и прибыли въ С.-П.-Бурхъ по полдни въ 8-мъ часу.

6. Былъ въ лѣтномъ дворцѣ и въ габинетѣ и по обѣдѣ зъ Гудовичемъ у архимандрита Петруниевича.

7. Рано припималъ лекарство и весь день содержалъ диету.

8. Въ дворцѣ лѣтномъ у великого князя и у великой княгинѣ были у ручки.

9. Посѣщали чась въ квартерѣ прежде Иля Журманъ съ товарищи, потомъ графъ Мойсей Владиславичъ. Сину Василю купленъ платокъ италіанскій за 1 р. 50 к., да епсѣ два платки дано 37 к.

10. Рано были у генерала Бахметова на Василіевскомъ острову и въ сенатѣ и въ кунстъ-каморѣ. Портному иноземцу, что дѣланъ сыну Василю богатый камзолъ, заплатилъ 5 р. 20 к.

11. Нуцалъ мнѣ кровь изъ жилы сафены хирургъ Гартманъ, которому данъ тазиръ битый. Сину полковника Делятура Карлу Ивановичу позичены 50 р. Обозный генералный ездилъ за рѣку къ архіереямъ.

12. За направу сину Василю шубы дано портному 20 к.

13. Получены писма зъ Глухова чрезъ Сангуревскаго и 50 р. денегъ, которые позичены были полковника Далятура сину Карлу Ивановичу.

14. Рано были у кн. Н. Трубецкого и у канцлера гр. Бестужева-Рюмина, потомъ въ дворцѣ у ручки государини и у гр. Розумовскаго.

15. Писалъ писмо къ женѣ чрезъ Иваненко. Емѣху учителю 50 к.

16. Оберъ-прокуроръ сенатскій Иванъ Онуфріевичъ Брилкинъ пожаловалъ губернаторомъ въ Астрахань. Писаль писма въ Гзуховъ чрезъ Делятурова сына и чреъ саржанта гарнизону глуховскаго, Алисима Осмолова, до Скоропадскаго, до Чуйковича, до Иосифа и до жены. Книжинку дано 50 к., розышлое 9 к., въ доплатку за дипломъ 50 к. Обѣдали у Новоторжцова ради крестинъ сына, ему родившагося, Ивана, которій потомъ и умре. Бабъ дано 12 к.

17. Баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ пожалованъ тайнымъ советникомъ. За двѣ книжки дано 80 к. Былъ придворный машкардъ.

18. Рано подалъ графу Алексію Григоріевичу Розумовскому краткій меморіалъ о нуждахъ пѣкоторыхъ малороссійскихъ. Исполо писмо въ жепѣ зъ посыпкою въ барилцѣ включенныхъ 24 талропъ ценинныхъ. По обѣду были у барона Черкасова, потомъ на комедіи.

19. За указъ о Чаусахъ дано коністу Деружину 1 р. Знову были на комедіи.

20. За занечатованіе спого о Чаусахъ указу дано пошлины 28 к.

21. Рано все, а въ вечеру я самъ бытъ въ дворцѣ у графа Розумовскаго для разговору о поданію ему меморіалъ. За сыръ и проч. даны 52 к.

22. После обѣда были у сенатора Шувалова, и данъ ему меморіалъ о дѣлахъ малороссійскихъ, въ сенатъ имѣючихся. За чботы Илоцкому даны 50 к.

23. Взята матерія срѣброглавная поль 5-ти аршина, по 5 р. аршинъ. Писаны писма до Скоропадскаго, до Иосифа и до жены чрезъ Якова Лизогуба, отехавшаго съ женой Кочубеемъ Василиемъ. Государинъ изволилъ быть на сватбѣ у князя Хованскаго въ домѣ князя Василия Никитича Решиника.

24. Рано подана терміна человѣтной для усмотренія графу Р. и коніи грамоты и писма, а князю Никитѣ Трубецкому меморіалъ о 5 дѣлахъ. Бунчучий съ пашими исправлять пункты о нуждахъ.

25. Испаль къ жепѣ, чтобы Савѣ Зѣбченку заплатила 42 р. 50 к. за матерія у него взятые, да до Иосифа зъ писмомъ отъ отца Петрукаевича архимандрита до Василя Думитрашка. Сиву Василю да чботы данъ 1 р., да за азъесь съ картинами и за географію